

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

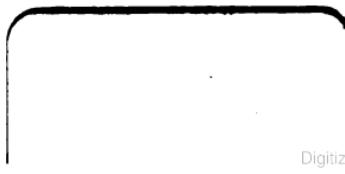
О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

E 4354.2.13 4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Slav
435 4.2.134

СОЧИНЕНИЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО

Jeremias Curtius
Title

ВОЙНА И МИРЪ

Томъ I.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ

МОСКВА.

ТИПОГРАФИЯ Э. ЛИССНЕРЪ И Ю. РОМАНЪ, АРВАТЬ, д. ПЛАТОНОВА.
1886.

СОЧИНЕНИЯ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Часть I — *Jeremiah Curtin.*
ВОЙНА И МИРЪ

Томъ I

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ

МОСКВА

Типография Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Платонова
1886

СОЧИНЕНИЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

и она и мы Геремион Гартин.

ВОЙНА И МИРЪ

Томъ I

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ

МОСКВА

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Платонова
1886

CHIHIHPO

STANFORD LIBRARY

Harvard College Library

Sept. 43, 1918

Bequest of
Jeremiah Curtin (5 vols.)

WILLIAM H. DODGE

Architectural Record

1918 MARCH 10

Oct. 10 1914 Harvard

1914 Harvard

1914
1914
1914

1914

1914
1914

ВОЙНА И МИРЪ

1864—1869.

THE UNIVERSITY

LIBRARIES

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Ну что, князь, Генуя и Лукка стали не большие, какъ помѣстьяи фамиліи Буолиарте. Нѣтъ, я вѣсь предупреждаю, если вы миѣ не скажете, что у насъ будетъ война, если вы еще позволите себѣ защищать всѣ гадости, всѣ ужасы этого антихриста (право, я вѣрю, что онъ антихристъ); — я вѣсь большие не знаю; вы ужъ не другъ мой, вы ужъ не мой вѣрный рабъ, какъ вы говорите. Ну, здравствуйте, здравствуйте. Я вижу, что я вѣсь вугаю, садитесь и рассказывайте.

Такъ говорила въ іюль 1805 года известная Анна Павловна Шереръ, фрейлина и прѣближенная императрицы Маріи Феодоровны, встрѣчая важнаго и чиновнаго иннага Василия, первого приѣхавшаго на ея вечеръ. Анна Павловна кашляла несколько дней, у нея было тиглъ, какъ она говорила (тиглъ былъ тогда новое слово, употреблявшееся только рѣдкими). Въ записочкахъ, разосланныхъ утромъ съ красящимъ лакеемъ, было написано безъ различія во всѣхъ:

„Если у васъ, графъ (или иннага), нѣть въ виду ничего лучшаго, и если перспектива провести вечеръ у бѣдной больной не слишкомъ васъ пугаетъ; то я буду очень рада видѣть васъ винчѣ у себя между семью и девятью часами! Анна Шереръ.“

— О! какое жестокое нападение! отвѣчалъ, нисколько не смущаясь такою встрѣчей, вошедшій князь, въ придворномъ, шитомъ мундирѣ, въ чулкахъ, башмакахъ, при звѣздахъ, съ свѣтлымъ выраженіемъ плоскаго лица.

Онъ говорилъ па томъ изысканномъ французскомъ языѣ, на которомъ не только говорили, но и думали наши дѣды, и съ тѣми тихими, покровительственными, интонациями, которыя свойственны состарѣвшемуся въ свѣтѣ и при дворѣ значительному человѣку. Онъ подошелъ къ Аннѣ Павловнѣ, поцѣловалъ ея руку, подставивъ ей свою надушенную и сияющую лысину и покойно усѣлся на диванѣ.

— Прежде всего скажите, какъ ваше здоровье? Успокойте друга, сказалъ онъ, не измѣняя голоса и тона, въ которомъ изъ-за пріличія и участія просвѣчивало равнодушіе и даже насмѣшка.

— Какъ можно быть здоровой... когда нравственно страдаешь? Развѣ можно оставаться спокойною въ наше время, когда есть у человѣка чувство? сказала Анна Павловна. — Вы весь вечеръ у меня, надѣюсь?

— А праздникъ англійского посланника? Нынче середа. Мне надо показаться тамъ, сказалъ князь. — Дочь зафѣдеть за мной и повезетъ меня.

— Я думала, что наимѣній праздникъ отмѣнены. Признаюсь, всѣ эти праздники и фейерверки становятся несносными.

— Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздникъ бы отмѣнили, сказалъ князь, по привычкѣ, такъ заведенные часы, говоря вещи, которыми онъ и не хотѣлъ, чтобы вѣрили.

— Не мучьте меня. Ну что же рѣшили по случаю денегъ Новосильцова? Вы все знаете.

— Какъ замѣтъ сказать? сказала князь холоднымъ, скучающимъ тономъ. — Что рѣшили? Рѣшили, что Буонарроте сжечь свои корабли, и мы, кажется, начинаемъ сжигать свои...

Князь Василий говорилъ всегда лѣниво, какъ актеръ говорить роль старой штесы. Анна Павловна Шереръ наоборотъ, не смотря на свой сорокъ лѣтъ, была преисполнена оживленій и порывовъ.

Быть энтузиасткой сдѣлалось ея общественнымъ положеніемъ, и иногда, когда ей даже торо не хотѣлось; она, чтобы не обмануть ожиданий людей, знавшихъ ее, дѣлалась энтузиасткой. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лицѣ Анны Павловны, хотя и не шла къ ея отжившимъ чертамъ, выражала, наскѣкъ избалованныхъ дѣтей, постоянное сознаніе своего иллаго недостатка, отъ втораго она не хочетъ, не можетъ и не находить нужнымъ исправляться.

Въ серединѣ разговора про политическія дѣйствія, Анна Павловна разгорячилась.

— Ахъ, не говорите мнѣ про Австрію! Я ничего не понимаю, можетъ быть, но Австрія никогда не хотѣла и не хочетъ войны! Она предаетъ насъ. Россія одна должна быть спасительницей Европы. Нашъ благодѣтель знаетъ свое высокое призваніе и будетъ вѣренъ ему. Вотъ одно, во чѣмъ я вѣрю. Нашему добруму и чудному государю предстоитъ величайшая роль въ мірѣ, и онъ такъ добродѣтенъ и хоронъ, что Богъ не оставитъ его, и онъ исполнитъ свое призваніе заданную тиѣмъ революцію, которая теперь еще ужаснѣе въ лицѣ этого убійцы и злодѣя. Мы одни должны искупить кровь праведника... Накого намъ надѣяться, я вѣсь спрашивалъ?... Англія съ своимъ коммерческимъ духомъ не пойметъ и не можетъ понять всю высоту души импера-

тора Александра. Она отважалась очистить Мальту. Она хотеть видѣть, ищетъ заднюю мысль нашихъ дѣйствій. Чѣо они сказали Новосильцову?... Ничего. Они не поняли, они не моруть понять самоотверженія нашего императора, который ничего не хочетъ для себя и все хочетъ для блага міра. И чѣо они обѣщали? Ничего. И чѣо обѣщали, и того не будеть! Пруссія ужъ объявила, что Бонапарте непобѣдимъ, и что вся Европа ничего не можетъ противъ него... И я не вѣрю ни въ одномъ словѣ ни Гарденбергу, ни Гаугвицу. Этотъ пресловутый нейтралитетъ Пруссіи — только замѣднія. Я вѣрю въ одного Бога и въ высокую судьбу нашего милаго императора. Онъ спасетъ Европу!... Она вдругъ остановилась съ улыбкою наスマѣткы надъ своею горячностью.

— Я думаю, сказала князь улыбаясь, — что ежели бы васъ послали вмѣсто нашего милаго Винценгероде, вы бы взяли приступомъ согласіе прусскаго короля. Вы такъ краснорѣчивы. Вы дадите мнѣ чаю?

— Сейчасъ. Кстати, прибавила она ошѣть успокоившись, — нынче у меня два очень интересные человѣка, — виконтъ Мортемаръ, онъ въ родствѣ съ Монморанси чрезъ Рогановъ, одна изъ лучшихъ фамилій Франціи. Это одинъ изъ хорошихъ эмигрантовъ, изъ настоящихъ. И цѣтомъ аббать Моріо: вы знаете этотъ глубокій умъ? Онъ былъ принятъ государемъ. Вы знаете?

— А! Я очень радъ буду, сказала князь. Скажите, прибавилъ онъ, какъ-будто только что вспомнивъ чѣо-то и особено-небрежно, тогда какъ то, о чёмъ онъ спрашивалъ, было главною цѣлью его посѣщенія: — правда что вдовствующая императрица желаетъ назначенія барона Функе первымъ секретаремъ въ Вѣну? Баронъ этоъничное существо, какъ

кажется. Князь Василий желалъ определить сына на ато мѣсто, которое черезъ императрицу Марию Феодоровну старались достичь барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза въ знакъ того, что ни она, ни кто другой не могутъ судить про то, что угодно, или нравится императрицѣ.

— Баронъ Функе рекомендованъ императрицѣ матери ея сестрею, только сказала она грустный, сухимъ тономъ. Въ то время, какъ Анна Павловна называла императрицу, лицо ея вдругъ представило глубокое и искреннее выраженіе преданности и уваженія, соединенное съ грустью, что съ ней было каждыи разъ, когда она въ разговорѣ упоминала о своей высокой покровительницѣ. Она сказала, что ея величеству изволила оказать барону Функе многое уваженія, и опять взглянула ея морщинистую грустью.

Князь равнодушно замолчалъ. Анна Павловна, съ свойственной ей придворной и женскою ловкостью и быстротою такта, захлопнула и щелкнула книжку за то, что онъ дерзнулъ такъ отзываться о лицѣ, рекомендованномъ императрицѣ, и въ то же время утѣшить его.

— Кстати о вашемъ семействѣ, сказала она,— знаете ли, что ваша дочь съ тѣхъ поръ, какъ выѣзжаетъ, составляетъ восторгъ всего общества. Ее находить прекрасною какъ день.

Князь нацмонился въ знакъ уваженія и признательности.

— Я часто думаю, продолжала Анна Павловна цосль минутаго молчания, поддвигаясь къ князю и ласково улыбаясь ему, какъ будто вызывая этимъ, что политические и свѣтскіе разговоры кончены и теперь начинается задушевный;— я часто думаю, какъ иногда несправедливо распредѣляется счастіе жизни. За что вамъ судьба дала такихъ двухъ слав-

ныхъ дѣтей (исключая Анатоля, вашего меньшаго, я его не люблю, вставила она безапелляционно, приподнявъ брови), такихъ прелестныхъ дѣтей? А вы право менѣе всѣхъ цѣните ихъ, и потому ихъ не стойте.

И она улыбнулась своею восторженною улыбкой.

— Что же дѣлать? Лафатеръ сказалъ бы, что у меня нѣтъ шанса родительской любви, сказалъ князь.

— Нерестаньте шутить. Я хотѣла сердечно поговорить съ вами. Знаете, я недовольна вашимъ меньшимъ сыномъ. Между нами будь сказано (лицо ея приняло грустное выраженіе), о немъ говорили у ея величества, и жалѣютъ васъ...

Князь не отвѣчалъ, но она молча, значительно глядя на него, ждала отвѣта. Князь Василій поморщился.

— Что вы хотите, чтобы я дѣлалъ! сказалъ онъ наконецъ. Вы знаете, я сдѣлалъ для нихъ воспитанія все, что можетъ отецъ, и оба вышли дурии. Исполить по крайней мѣрѣ покойный дуракъ, а Анатоль — беспокойный. Всѣ одно различіе, сказалъ онъ, улыбаясь болѣе неестественному одушевленію, чѣмъ обыкновенно, и при этомъ особенно рѣзко выказывая въ сложившихся около его рта морщинахъ что-то неожиданно-грубое и непріятное.

— И зачѣмъ рождаются дѣти у такихъ людей, какъ вы? Ежели бы вы не были отецъ, я бы ни въ чемъ не могла упрекнуть васъ, сказала Анна Павловна, задумчиво поднимая глаза.

— Я вашъ вѣрный рабъ, и вамъ только могу признаться: Моя дѣти — обуза моего существованія. Это мой крестъ, такъ себѣ объясняю. Что дѣлать?.. — Онъ поклонился, выражая жестомъ свою покорность жестокой судьбѣ. — Анна Павловна задумалась.

— Вы никогда не думали о томъ, чтобы женить вашего блуднаго сына Анатоля. Говорить, сказала она, что стары дѣвицы имѣютъ манію женить. Я еще не чувствую за собою этой слабости, но у меня есть одна маленькая особа, которая очень несчастлива съ отцомъ, наша родственница, княжна... Болконская.— Князь Василий не отвѣчалъ, хотя, съ свойственною свѣтскими людьми быстротой соображеніемъ и памяти, показалъ движениемъ головы, что онъ принялъ къ соображенію эти свѣдѣнія.

— Нѣть, вы знаете ли, что этотъ Анатоль мнѣ стоять 40,000 въ годъ, сказаль онъ, видимо не въ силахъ удерживать печальный ходъ своихъ мыслей.— Онъ помолчалъ.

— Что будешь черезъ пять лѣтъ, если это пойдетъ такъ? Вотъ выгода быть старомъ. Она богата, ваша княжна?

— Отецъ очень богатъ и скучъ. Онъ живеть въ деревнѣ. Знаете, этотъ избітый князь Болконский, отставленный еще при новойнѣмъ императорѣ, и проаванный „и русскимъ королемъ“. Онъ очень умный человѣкъ, но со странностями, и также лѣтъ. Бѣднѣка очень несчастлива. У нея братъ, вотъ что недавно женился на Лизѣ Майненъ, адъютантъ Кутузова. Онъ будеть нынче у меня.

— Послушайте, любезная Аниетъ, сказаль князь, взявъ вдругъ свою собесѣдницу за руку и приграбъ ее почему-то книзу.— Устройте мнѣ это дѣло, и я навсегда вашъ вѣрѣйший рабъ навсегда, (рань какъ мой староста мнѣ память донесенья: покой-ерзъ). Она — хорошей фамиліи и богата. Все тѣо мнѣ нужно.

И онъ съ тѣми свободными и фамиліарными, граціозными движениями, которыхъ его отличали, взяль за руку фрейлину, поцѣловавъ ее, и, поцѣловавъ, помахалъ фрейлинскою рукой, развалившись на креслахъ и глядя въ сторону.

— Постойте, сканала Анна Павловна, соображая. — Я иначе же поговорю съ Лизой (женой молодаго Болконского). И можетъ быть это уладится. И въ вашемъ семействѣ начну обучаться ремеслу старой дѣвицы.

II.

Гостиная Анны Павловны начала постепенно наполняться. Пріѣхала высокая знать Петербурга, люди самые разнородные по возрастамъ и характерамъ, но одинаковые по обществу, въ какомъ все жили; пріѣхала дочь князя Василия, красавица Элена, заѣхавшая за отцемъ, чтобы съ нимъ вмѣстьѣ бхать на праздникъ посланника. Она была въ шифрѣ и бальномъ платьѣ. Пріѣхала и известная какъ самая обворожительная женщина въ Петербургѣ, молодая, маленькая княгиня Болконская, прошлую зиму вышедшая замужъ и теперь не выѣзжавшая въ большей свѣтѣ по причинѣ своей беременности, но єздившая еще на небольшие вечера. Пріѣхалъ князь Ипполитъ, сынъ князя Василия, съ Мортенаромъ, котораго онъ представилъ, пріѣхалъ и аббатъ Морис и многие другие.

— Вы не видали еще, или вы незнакомы съ тетушкой? говорила Анна Павловна пріѣзжавшимъ гостямъ и весьма сердечно подводила ихъ къ маленькой старушкѣ въ высокихъ бантахъ, выплывшей изъ другой комнаты, какъ скоро стали пріѣзжать гости, называла ихъ по имени, медленно переводя глаза съ гостя на тетушку, и потомъ отходила. Всѣ гости совершили обрядъ привѣтствованія никому неизвѣстной, никому неинтересной и ненужной тетушкѣ. Анна Павловна съ грустнымъ, торжественнымъ участіемъ слѣдила за ихъ привѣтствіями, молчаливо одобряя ихъ. Тетушка каждому

говорила въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ о его здоровьѣ, о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ ея величества, которое нынче было, слава Богу, лучше. Всѣ подхodившіе, изъ приличий не выказывая поспѣшности, съ чувствомъ облегченія исполненной тѣшой обязанности, отходили отъ старушки, чтобы ужъ весь вечеръ ни разу не подойти къ ней.

Молодая книжня Болконская пріѣхала съ работой въ шиномъ золотомъ, бархатномъ мѣшкѣ. Ея хорошенъка, съ чугъ-тернѣвними усиками верхняя тубка была коротка по зубамъ, но тѣльце милѣе ена открывалась и тѣмъ еще милѣе вытягивалась иногда и опускалась на нижнюю. Какъ это всегда бываетъ у вполнѣ привлекательныхъ женщинъ, недостатокъ ея — короткость губы и полуоткрытый ротъ, — казались ей особенно, собственно ея красотой. Всѣмъ было весело смотрѣть на эту полную здоровья и живости, хорошенькую будущую мать, такъ легко переносившую свое положеніе. Старинамъ и скучающимъ мрачнымъ молодымъ людямъ смотрѣвшимъ на нее, казалось, что они сами дѣлаются покеми на нее, побывъ и поговоривъ нѣсколько времени съ нею. Кто говорилъ съ нею и видѣлъ при каждомъ словѣ ея свѣтлую улыбочку и блестящіе бѣлые зубы, которые виднѣлись безпрестанно, тотъ думалъ, что она особенно нынче любезенъ. И это думалъ каждый.

Маленькая книжня, переваливаясь, маленькими быстрыми движками, обогнала столь съ рабочею сумочкою на рукѣ, и, весело спрявляя платье, сѣла на диванъ, около серебрянаго самовара, такъ будто все, что она ни дѣлала, было увеселеніемъ для нея и для всѣхъ, ея окружавшихъ.

— Я занята работой, сказала она, развергивая свой радиаль и обращаясь ко всѣмъ имѣстѣ.

— Смотрите, Аннетъ, не сыграйте со мной злой шутки, обратилась она къ хозяйкѣ. — Вы мнѣ писали, что у васъ совсѣмъ маленький вечеръ. Видите, какъ я одѣта дурно.

И она развелла руками, чтобы показать свое, въ кружевахъ, сѣренѣкое, изящное платье, немного ниже грудей опоясанное широкою лентой.

— Будьте спокойны, вы все-таки будете лучше всѣхъ, отвѣчала Анна Павловна.

— Вы знаете, мой мужъ покидаетъ меня, продолжала она тѣмъ же тономъ, обращаясь къ генералу, — онъ идетъ на смерть. Скажите мнѣ, зачѣмъ эта гадкая война, сказала она князю Василію, и, не дожидаясь отвѣта, обратилась къ дочери князя Василія, къ красивой Эленѣ.

— Что за прелестная особа, эта маленькая княгиня! сказала князь Василій тихо Аннѣ Павловнѣ.

Вскорѣ послѣ маленькой княгини вошелъ массивный, толстый молодой человѣкъ съ стриженою головой, въ очкахъ, свѣтлыхъ шанталонахъ по тогдашней модѣ, съ высокимъ лбомъ и въ коричневомъ фракѣ. Этотъ толстый молодой человѣкъ былъ незаконный сынъ знаменитаго Екатерининскаго вельможи, графа Безухаго, умиравшаго тешеръ въ Москвѣ. Онъ нигдѣ не служилъ еще, только что приѣхалъ изъ-за границы, гдѣ онъ воспитывался, и былъ въ первый разъ въ обществѣ. Анна Павловна привѣтствовала его поклономъ, относящимся къ людямъ самой высшей іерархіи въ ея салонѣ. Но несмотря на это, высшее по своему сорту, привѣтствие, при видѣ вѣнчанаго Ільера, въ лицѣ Анны Павловны изобразилось безпокойство и страхъ, подобный тому, который выражается при видѣ чего-нибудь слишкомъ огромнаго и не свойственнаго мѣсту. Хотя действительно Ільеръ былъ несолько больше

другихъ мужчинъ въ комнатѣ, но этотъ страхъ мои отнѣситься только къ тому умному и звѣрь робкому, наблюдательному и естественному взгляду, отличавшему его отъ всѣхъ въ этой гостиной.

— Очень мало съ вашей стороны, monsieur Іньеръ, что вы прѣѣхали пройдаться бѣдную больную, сказала ему Анна Павловна, испуганно переглядываясь съ тетушкой, къ которой она подводила его. Іньеръ пробуряилъ что-то непонятное и продолжалъ отыскивать что-то глазами. Онъ радостно, весело улыбнулся, кланяясь маленькой клягинѣ, какъ близкой знакомой, и пошелъ къ тетушкѣ. Страхъ Анны Павловны былъ не напрасенъ, потому что Іньеръ, не дослушавъ рѣчи тетушки о здоровье ея величества, отошелъ отъ нея. Анна Павловна испуганно остановила его словами: Вы не знаете аббата Моріо? онъ очень интересный человѣкъ..., сказала она.

— Да, я слышалъ про его планъ вѣчного мира, и это очень интересно, но едва ли возможно...

— Вы думаете?... сказала Анна Павловна, чтобы сказать что-нибудь и вновь обратиться къ своимъ занятіямъ хозяйки дома, но Іньеръ сдѣлалъ обратную неучтивость. Прежде онъ, не дослушавъ словъ собесѣдницы, ушелъ; теперь онъ оставилъ своимъ разговоромъ собесѣдницу, которой нужно было отъ него уйти. Онъ, нагнувъ голову и разставивъ большія ноги, сталъ доказывать Аннѣ Павловнѣ, почему онъ полагалъ, что планъ аббата былъ химера.

— Мы послѣ поговоримъ, сказала Анна Павловна, улыбаясь.

И, отѣславшись отъ молодого человѣка, не умѣющаго жить, она возвратилась къ своимъ занятіямъ хозяйки дома и продолжала прислушиваться и приглядываться, готовая подать помощь на тотъ пунктъ, где ослабѣвали разговоръ. Какъ

хозяинъ придильной мастерской, посадивъ работниковъ цо мѣстамъ, прохаживается по заведенію, замѣтая неподвижность или непривычный, скрипящій, слишкомъ громкій звукъ ве-
ретена, торопливо идетъ, сдерживаетъ или пускаетъ его въ недлежащій ходъ: такъ и Анна Павловна, прокаживаясь по своей гостицѣ, подходила къ замолкнувшему или слиш-
комъ много говорившему кружку и однимъ словомъ или пере-
мѣщеніемъ опять заводила равномѣрную, прелестную, разго-
ворную машину. Но среди этихъ заботъ все видѣть быть въ ней особенный страхъ за Пьера. Она заботливо порляда-
вала на него въ то время, какъ онъ подошелъ послушать то,
что говорилось около Мортемара, и отошелъ къ другому
кружку, где говорилъ аббатъ. Для Пьера, воспитанного за
границей, этотъ вечеръ Анны Павловны былъ первый, ко-
торый онъ видѣлъ въ Россіи. Онъ зналъ, что тутъ собрана вся интеллигенція Петербурга, и у него, какъ у ребенка въ игру-
шечной лавкѣ, разбѣгались глаза. Онъ все боялся промпустить умные разговоры, которые онъ можетъ услыхать. Глядя на
увѣренныя и изящныя выраженія лицъ собранныхъ здѣсь,
онъ все ждалъ чего-нибудь особенно умнаго. Наконецъ онъ
подошелъ къ Морю. Разговоръ показался ему интересенъ,
и онъ остановился, ожидая случая высказать свои мысли,
какъ это любятъ молодые люди.

III.

Вечеръ Анны Павловны былъ пущенъ. Веретена съ раз-
ныхъ сторонъ равномѣрно и не умолкая шумѣли. Кромѣ тес-
тушки, около которой сидѣла только одна южная дама съ ис-
плаканнымъ, худымъ лицомъ, нѣсколько чужая въ этомъ бле-

сташемъ обществъ, общество разбилось на три кружка. Въ одномъ, болѣе мужскомъ, центромъ былъ аббатъ; въ другомъ, молодомъ, красавица княжна Эленъ, дочь князя Василья и хорошенъкая, румяная, слишкомъ полная по своей молодости, маленькая княгиня Болконская. Въ третьемъ Мортемаръ и Анна Павловна.

Виконтъ былъ миловидный, съ мягкими чертами и премами, молодой человѣкъ, очевидно считавшій себя знаменитостью, но, по благовоспитанности, скромно предоставившій пользоваться собой тому обществу, въ которомъ онъ находился. Анна Павловна очевидно угощала имъ своихъ гостей. Какъ хороший метръ-д'отель подаетъ, какъ иѣчто сверхъестественно прекрасное, тотъ кусокъ говядины, который Ѳеть не захочется, если увидать его въ грязной кухнѣ: такъ въ нынѣшній вечеръ Анна Павловна сервировала своимъ гостямъ сначала виконта, потомъ аббата, какъ что-то сверхъестественно утонченное. Въ кружкѣ Мортемара заговорили тотчасъ объ убіеніи герцога Энгліенскаго. Виконтъ сказалъ, что герцогъ Энгліенскій погибъ отъ своего великодушія, и что были особынныя причины озлобленія Бонапарта.

— Ахъ да! Расскажите намъ это, виконтъ, сказала Анна Павловна съ радостью, чувствуя, какъ чѣмъ-то à la Louis XV отзывалась эта фраза: *contez-nous cela, vicomte.*

Виконтъ поклонился въ знакъ покорности и учтиво улыбнулся. Анна Павловна сдѣлала кругъ около виконта и присластила всѣхъ слушать его разсказъ.

— Виконтъ былъ лично знакомъ съ герцогомъ, шепнула Анна Павловна одному. Виконтъ удивительный рассказчикъ, проговорила она другому. Какъ сейчасъ видѣнъ человѣкъ, хорошаго общества, сказала она третьему, — и виконтъ

хозяинъ прядильной мастерской, посадивъ работниковъ по мѣстамъ, прохаживается по заведенію, замѣтая неподвижность или непривычный, скрипящій, слишкомъ громкій звукъ ветерена, торопливо идеть, сдерживаетъ или пускаетъ его въ надлежащій ходъ: такъ и Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила къ замедлившему для слишкомъ много говорившему кружку и однимъ словомъ или перемѣщеніемъ опять заводила равномѣрную, прелестную, разговорную машину. Но среди этихъ заботъ все видѣть быть въ ней особенный страхъ за Пьера. Она заботливо переглядывала на него въ то время, какъ онъ подошелъ послушать то, что говорилось около Мортемара, и отошелъ къ другому кружку, где говорилъ аббатъ. Для Пьера, воспитанного за границей, этотъ вечеръ Анны Павловны былъ первый, который онъ видѣлъ въ Россіи. Онъ зналъ, что тутъ собрана вся интеллигентія Петербурга, и у него, какъ у ребенка въ игрушечной лавкѣ, разбѣгались глаза. Онъ все боялся промістить умные разговоры, которые онъ можетъ услыхать. Гляди на увѣренныя и изящныя выраженія лицъ собранныхъ: адѣль, онъ все ждалъ чего-нибудь особенно умнаго. Наконецъ онъ подошелъ къ Морю. Разговоръ показался ему интересенъ, и онъ остановился, ожидая случая выскказать свои мысли, какъ это любятъ молодые люди.

III.

Вечеръ Анны Павловны былъ пущецъ. Ветерена съ разныхъ сторонъ равномѣрно и не умолкая шумѣли. Кромѣ тетушки, около которой сидѣла только одна пожилая дама съ испаканнымъ, худымъ лицомъ, нѣсколько чужая въ этомъ блес-

сташемъ обществъ, общество разбилось на три кружка. Въ одномъ, болѣе мужскомъ, центромъ былъ аббатъ; въ другомъ, молодомъ, красавица княжна Эленъ, дочь князя Василия и хорошенъкая, румяная, слишкомъ полная по своей молодости, маленькая княгиня Болконская. Въ третьемъ Мортемаръ и Анна Павловна.

Виконтъ былъ миловидный, съ мягкими чертами и премками, молодой человѣкъ, очевидно считавшій себя знаменитостью, но, по благовоспитанности, скромно представлявшій пользоваться собой тому обществу, въ которомъ онъ находился. Анна Павловна очевидно угощала имъ своихъ гостей. Какъ хороший метръ-д'отель подаетъ, какъ нѣчто сверхъестественно прекрасное, тотъ кусокъ говядины, который есть не захочется, если увидать его въ грязной кухнѣ: такъ же нынѣшний вечеръ Анна Павловна сервировала своимъ гостямъ сначала виконта, потомъ аббата, какъ что-то сверхъестественно утонченное. Въ кружкѣ Мортемара заговорили тотчасъ обѣ убийства герцога Энгіенского. Виконтъ сказалъ, что герцогъ Энгіенский погибъ отъ своего великодушія, и что были особыя причины озлобленія Бонапарта.

— Ахъ да! Расскажите намъ это, виконтъ, сказала Анна Павловна съ радостью, чувствуя, какъ чѣмъ-то à la Louis XV отзывалась эта фраза: *contez-nous cela, vicomte.*

Виконтъ поклонился въ знакъ покорности и учтиво улыбнулся. Анна Павловна сдѣлала кругъ около виконта и присасила всѣхъ слушать его разсказъ.

— Виконтъ былъ лично знакомъ съ герцогомъ, шепнула Анна Павловна одному. Виконтъ удивительный рассказчикъ, проговорила она другому. Какъ сейчасъ видѣнъ человѣкъ хорошаго общества, сказала она третьему, — и виконтъ

быть поданъ обществу въ самомъ изящномъ и выгодномъ для него свѣтѣ, какъ ростбифъ на горячемъ блюдѣ, посыпанный зеленью.

Виконтъ хотѣлъ уже начать свой разсказъ и тонко улыбнулся.

— Переходите сюда, милая Элень, сказала **Анна Павловна** красавицѣ-княжнѣ, которая сидѣла поодаль, составляя центръ другаго кружка.

Княжна Элень улыбалась; она поднялась съ тою же неизмѣняющеюся улыбкой вполнѣ красивой женщины, съ ко-торою она вошла въ гостиную. Слегка шумя своею бѣлок, бальюю робой, убранною плющемъ и мохомъ, и блестя бѣлизною плечь, глянцемъ волосъ и брильянтовъ, она прошла между разступившимися мунцинами и прямо, не глядя ни на кого, но всѣмъ улыбаясь и какъ бы любезно предоставляема каждому право любоваться красотою своего стана, полныхъ плечь, очень открытой, по тогдашней модѣ, груди и спины, и какъ будто внося съ собою блескъ бала, подошла къ **Анне Павловнѣ**. Элень была такъ хороша, что не только не было въ ней замѣтно и тѣни кокетства, но напротивъ, ей какъ будто совсѣмъ было за свою несомнѣнную и слишкомъ сильно и побѣдительно дѣйствующую красоту. Она какъ будто жегла и не могла умалить дѣйствіе своей красоты.

— Что за красавица! говорилъ каждый, кто ее видѣлъ. Какъ будто пораженный чѣмъ-то необычайнымъ, виконтъ поклонъ плечами и опустилъ глаза въ то время, какъ она усаживалась передъ нимъ и освѣщала и его все тою же неизмѣнною улыбкой.

— Я право опасаюсь за свои способности передъ такой публикой, сказала онъ, наклоняя съ улыбкой голову.

Княгиня облокотила свою открытую, полную руку на стопник и не нашла нужным что-либо сказать. Она, улыбаясь, ждала. Во все время рассказа она сидѣла прямо, посматривая изъѣдка то на свою полную красивую руку, которая от давлѣнія на столъ измѣнила свою форму, то на еще болѣе красивую грудь, на которой она поправляла брильянтовое ожерелье; поправляла нѣсколько разъ складки своего платья, и, когда разсказъ производилъ впечатлѣніе, оглядывалась на Анну Павловну и тотчасъ же принимала то самое выраженіе, которое было на лицѣ фрейлины, и потомъ опять ускользнула въ смѣющей улыбкѣ. Всльдъ за Эленъ перешла и маленькая княгиня отъ чайного стола.

— Подождите, я возьму мою работу, проговорила она. — Что жъ вы? О чёмъ вы думаете? обратилась она къ князю Ипполиту. — Принесите мой ридикюль.

Княгиня, улыбаясь и говоря со всеми вдругъ, произвела перестановку и, усѣвшись, весело оправилась.

— Теперь мнѣ хорошо, приговаривала она и, попросивъ начинать, примились за работу. Князь Ипполитъ перенесъ ей ридикюль, перешелъ за нею и близко придвинувъ къ ней кресло, сѣлъ подлѣ нея.

„Милый Ипполитъ“ поражалъ своимъ необыкновеннымъ сходствомъ съ сестрою-красавицей, и еще болѣе тѣмъ, что, несмотря на сходство, онъ былъ поразительно дуренъ собой. Черты его лица были тѣ же, какъ и у сестры, но у той все освѣщалось жизнерадостною, самодовольною, молодою, неизмѣнною улыбкой жизни и необычайною, античною красотой тѣла: у брата, напротивъ, то же лицо было отуманено идиотизмомъ и неизмѣнно выражало самоувѣренную брюзгливость, а тѣло было худощаво и слабо. Глаза, носъ, ротъ,

все сжималось какъ будто въ одну неопределеннуу и скучную гримасу, а руки и ноги всегда принимали неестественное положение.

— Это не исторія о привидѣніяхъ? сказалъ онъ, усѣвшись подлѣ княгини и торопливо пристроивъ къ глазамъ свой лорнетъ, какъ будто безъ этого инструмента онъ не могъ начать говорить.

— Во все нѣть, пожимая плечами, сказалъ удивленный рассказчикъ.

— Дѣло въ томъ, что я терпѣть не могу исторій о привидѣніяхъ, сказалъ князь Ипполитъ такимъ тономъ, что видно было, — онъ сказалъ эти слова, а потомъ уже понялъ, что они значили.

Изъ-за самоувѣренности, съ которой онъ говорилъ, никто не могъ понять, очень ли умно или очень глупо то, что онъ сказалъ. Онъ былъ въ темно-зеленомъ фракѣ, въ панталонахъ прѣта бедра испущанной нимбы, какъ онъ самъ говорилъ, въ чулкахъ и башмакахъ. — Виконтъ рассказалъ очень мало о томъ, ходившемъ тогда анекдотѣ, что герцогъ Энгейенскій тайноѣздилъ въ Парижъ для свиданія съ актрисой Жоржъ, и что тамъ онъ встрѣтился съ Бонапарте, пользовавшимся тоже милостями знаменитой актрисы, и что тамъ, встрѣтившись съ герцогомъ, Наполеонъ случайно упалъ въ тотъ обморокъ, которому онъ былъ подверженъ, и находился во власти герцога, которой герцогъ не воспользовался, но что Бонапарте впослѣдствіи за это - то великолѣпие и отомстилъ смертью герцогу.

Разсказъ былъ очень миль и интересенъ, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ соперники вдругъ узнаютъ другъ друга, и дамы,казалось, были въ волненіи. — Прелестно, сказала Анна Павловна, отглядываясь вопросительно на маленькую княгиню. — Прелестно, прошептала маленькая княгиня, втыкая нюхолку

въ работу, какъ будто въ знакъ того, что интересъ и прелестъ разсказа иѣшаютъ ей продолжать работу. Виконтъ оцѣнилъ эту молчаливую похвалу и, благодарно улыбнувшись, сталъ продолжать; но въ это время Анна Павловна, все поглядывавшая на страшнаго для нея молодого человѣка, заметила, что онъ что-то слишкомъ горячо и громко говорить съ аббатомъ, и поспѣшила на помощь въ опасному иѣстю. Дѣйствительно ІІерь удалось завязать съ аббатомъ разговоръ о политическомъ равновѣсіи; и, аббать, видимо-заинтересованный простодушной горячностью молодого человѣка, развивалъ передъ имъ свою любимую идею. Оба слишкомъ оживленно и естественно слушали и говорили, и это-то не понравилось Аннѣ Павловнѣ.

— Средство — европейское равновѣсіе и народное право, говорилъ аббать. Стоитъ одному могущественному государству, какъ Россія, прославленному за варварство, стать безкорыстно во главѣ союза, имѣющаго цѣлью равновѣсіе Европы — и она спасетъ миръ!

— Какъ же вы найдете такое равновѣсіе? началъ было ІІерь; но въ это время подошла Анна Павловна и, строго взглянувъ на ІІера, спросила итальянца о томъ, какъ онъ переносить здѣшній климатъ. Лицо итальянца вдругъ измѣнилось и приняло оскорбительно-притворно-сладкое выраженіе, которое, видимо, было привычно ему въ разговорѣ съ женщинами. — „И такъ очаровать прелестями ума и образования общества, въ особенности женскаго, въ которое я имѣть счастье быть принятъ, что не успѣть еще подумать о климатѣ“, — сказалъ онъ. Не выпуская уже аббата и ІІера, Анна Павловна для удобства наблюденія, присоединила ихъ къ общему кружку.

Въ это время въ гостиную вошло новое лицо. Новое лицо это былъ молодой князь Андрей Болконскій, мужъ маленькой княгини. Князь Болконскій былъ небольшого роста, весьма красивый, молодой человѣкъ съ опредѣленными и сухими чертами. Все въ его фигурѣ, начиная отъ усталаго, скучающаго взгляда до тихаго, мѣрнаго шага, представляло саму рѣзкую противоположность съ его маленькою, оживленною женой. Ему, видимо, всѣ бывши въ гостиной не только были знакомы, но ужъ надоѣли ему такъ, что и смотрѣть на нихъ и слушать ихъ ему было очень скучно. Изъ всѣхъ же присущившихъ ему лицъ, лицо его хорошенкай жены, казалось, больше всѣхъ ему надоѣло. Съ гримасой, портившею его красивое лицо, онъ отвернулся отъ нея. Онъ поцѣловалъ руку Анны Павловны и, щурясь, оглядѣлъ все общество.

— Вы собираетесь на войну, князь? сказала Анна Павловна.

— Генералу Кутузову, — сказалъ Болконскій, — угодно взять меня къ себѣ въ адъютанты.

— А Лиза, ваша жена?

— Она пойдетъ въ деревню.

— Какъ вамъ не грѣхъ лишать насъ, вашей прелестной жены?

— André, сказала его жена, обращаясь къ мужу тѣмъ же кокетливымъ тономъ, какимъ она обращалась и къ постороннимъ, — какую исторію намъ разскажать виконтъ *de-melle* Жоржъ и Бонарте!

Князь Андрей зажмурился и отвернулся. Нѣрѣ, со времени входа князя Андрея въ гостиную, не спускавший съ него радостныхъ дружелюбныхъ глазъ, подошелъ къ нему и взялъ его за руку. Князь Андрей, не оглядываясь, сморщилъ лицо

въ гримасу, выражавшую досаду на того, кто трогаетъ его за руку, но, увидавъ улыбающееся лицо Пьеръ, улыбнулся неожиданно-доброй и пріятной улыбкой.

— Вотъ какъ!... И ты въ большомъ свѣтѣ! сказалъ онъ Пьеру.

— Я зналъ, что вы будете, отвѣчалъ Пьеръ. — Я ирѣду въ вашъ ужинъ, прибавилъ онъ тихо, чтобы не мѣшать виконту, который продолжать свой разсказъ. Можно?

— Нѣтъ, нельзя, сказала князь Андрей смеясь, можа-тимъ руки давая знать Пьеру, что этого не нужно спрашивывать. Онъ что-то хотѣлъ сказать еще, но въ это время поднялся князь Василій съ дочерью, и два молодыхъ человѣка встали, чтобы дать имъ дорогу.

— Вы меня извините, мой милый виконтъ, сказалъ князь Василій французу, ласково притягивая его за рукавъ внизъ къ стулу, чтобы онъ не вставалъ. — Этотъ несчастный празднико у посланника лишаетъ меня удовольствія и прерываетъ васъ. Очень мнѣ грустно покидать вашъ восхитительный вечеръ, сказалъ онъ Аннѣ Павловнѣ.

Дочь его, княжна Эленъ, слегка придерживая складки платья, пошла между стульевъ, и улыбка сияла еще свѣтлѣ на ея прекрасномъ лицѣ. Пьеръ смотрѣлъ почти испуганными, восторженными глазами; на эту красавицу, когда она проходила мимо него.

— Очень хороша, сказала князь Андрей.

— Очень, сказалъ Пьеръ.

Проходя мимо, князь Василій схватилъ Пьера за руку и обратился къ Аннѣ Павловнѣ:

— Образуйте мнѣ этого медвѣда, сказалъ онъ. Вотъ онъ живетъ у меня, и въ первый разъ я его пижу въ свѣтѣ.

Ничто такъ не нужно молодому человѣку, какъ общество умныхъ женщинъ.

IV.

Анна Павловна улыбнулась и обѣщалась заняться Шнеромъ, который, она знала, приходился родня по отцу князю Василью. Пожилая дама, сидѣвшая прежде съ тетушкой, торопливо встала и догнала князя Василья въ передней. Съ лица ея исчезла вся прежняя притворность интереса. Доброе, испытанное лицо ея выражало только беспокойство и страхъ.

— Что же вы мнѣ скажете, князь, о моемъ Борисѣ? сказала она, догоняя его въ передней (она выговаривала имъ Борисъ съ особеннымъ ударениемъ на о). Я не могу оставаться дольше въ Петербургѣ. Скажите, какія извѣстія я могу привезти моему бѣдному мальчику?

Несмотря на то, что князь Василій неохотно и почти неучтиво слушалъ пожилую даму и даже выказывалъ нетерпѣніе, она ласково и трогательно улыбалась ему, и, чтобы онъ не ушелъ, ввѣла его за руку.

— Чѣмъ вамъ стоять сказать слово государю; и онъ прямо будетъ переведенъ въ гвардію, — просила она.

— Новѣрьте, что я сдѣлаю все, чѣмъ могу, книгиня, отвѣчалъ князь Василій, — но мнѣ трудно просить государя; и бы совѣтовать вамъ обратиться къ Румянцову,透过 kнязя Голицына: это было бы умнѣе.

Пожилая дама носила имя книгини Друбецкой, одной изъ лучшихъ фамилій Россіи, но она была бѣдна, давно вышла изъ свѣта и утратила прежнія связи. Она прїѣхала теперь, чтобы выхлоопотѣть опредѣленіе въ гвардію своему единственному сыну. Только затѣмъ, чтобы увидѣть князя Василія, она называлась и прїѣхала па вечеръ къ Аннѣ Павловнѣ, только

затѣмъ она слушала исторію виконта. Она испугалась словъ князя Василия; когда-то красивое лицо ей выразило озлобленіе, но это продолжалось только минуту. Она опять улыбнулась и крѣпче схватила за руку князя Василия.

— Поступайте, князь, сказала она, — я никогда не просила васъ, никогда же буду просить, никогда не напоминала вамъ о дружбѣ моего отца къ вамъ. Но теперь, я Богомъ заклинаю васъ, сдѣлайте это для моего сына, и я буду считать васъ благодѣтелемъ, торопливо прибавила она. — Нѣть, вы не сердитесь, а вы обѣщайте мнѣ. Я просила Голицына, онъ отказалъ. Будьте тѣмъ добродушнымъ человѣкомъ, какимъ вы были прежде, говорила она, стараясь улыбаться, тогда какъ въ ея глазахъ были слезы.

— Нана, мы омѣзаемъ, сказала, повернувъ свою красивую голову на античныи млечахъ, княжна Эленъ, ожидавшая у двери.

Но вліяніе въ свѣтѣ есть капиталъ, который надо беречь, чтобы онъ не исчезъ. Князь Василий зналъ это, и, разъ сообразивъ, что ежели бы онъ сталъ просить за всѣхъ, кто его просить, то вскорѣ ему нельзя было бы просить за себя, онъ рѣдко употреблялъ свое вліяніе. Въ дѣлѣ княгини Друбецкой онъ почувствовалъ однако, дослѣ ея нового призыва, что-то въ родѣ укора совѣсти. Она напомнила ему правду: первыми шагами своими въ службѣ онъ былъ обманъ ея отцу. Кроме того, онъ видѣлъ по ея премамъ, что она одна изъ тѣхъ женщинъ, особенно матерей, которыхъ однажды взять себѣ что-нибудь въ голову, не отстанутъ до тѣхъ поръ, пока не исполнить ихъ желанія, а въ противномъ случаѣ готовы на ежедневныи, ежеминутныи приставанья, и даже на сцены. Это послѣднее соображеніе поколебало его.

— Милая Анна Михайловна, сказала она съ своею всегдашнею фамиліарностью и скучой въ голосѣ,— для меня почти невозможно сдѣлать то, чѣмъ вы хотите, но чтобы доказать вамъ, какъ я люблю васъ и чту память покойнаго отца вашаго, я сдѣлаю невозможное: синъ вашъ будетъ переведенъ въ гвардію, вотъ вамъ моя рука. Довольны вы?

— Милый мой, вы благодѣтель! Я иного и не ждала отъ васъ, я знала, какъ вы добры. — Она хотѣла уйти.

— Постойте, два слова. Но разъ она будетъ переведенъ въ гвардію... — Она замялась: — Вы хороши съ Михаиломъ Иларіоновичемъ Кутузовымъ, рекомендуйте ему Бориса въ адъютанты. Тогда бы я была покойна, и тогда бы ужъ...

Князь Василий улыбнулся. — Этого не обѣщаю. Вы не знаете, какъ осаждаютъ Кутузова съ тѣхъ поръ, какъ онъ назначенъ главнокомандующимъ. Она мнѣ самъ говорилъ, что всѣ московскія барыни говорились отдать ему всѣхъ своихъ дѣтей въ адъютанты.

— Нѣть, обѣщайте, я не пущу васъ, милый, благодѣтель мой...

— Напа, опять тѣмъ же тономъ повторила красавица, — мы опоздаемъ.

— Ну, до свиданья, прощайте. Видите?

— Такъ завтра вы доложите государю?

— Непремѣнно; а Кутузову не обѣщаю.

— Нѣть, обѣщайте, обѣщайте, Basile; сказала вслѣдъ ей Анна Михайловна, съ улыбкой молодой кокетки, которая когда-то, должно-быть, была ей свойственна, а теперь такъ не шла къ ея истощенному лицу. Она видимо забыла свои годы и пускала въ ходъ, по привычкѣ, всѣ старинныя женскія средства. Но какъ только она вышелъ, лицо ея опять

приняло то же холодное, притворное выражение, которое было на немъ прежде. Она вернулась къ кружку, въ которомъ виконтъ продолжалъ разсказывать, и опять сдѣлала видъ, что слушаетъ, дожидаясь времени выѣхать, такъ какъ дѣло ея было сдѣлано.

— Но какъ вы находите вею эту послѣднюю комедію коронаціи въ Миланѣ? сказала Анна Павловна. И вотъ новая комедія: народы Генуи и Лукки изъявляютъ свои желанія господину Буонапарте, и господинъ Буонапарте сидить на тронѣ и исполняетъ желанія народовъ. О! это восхитительно! Нѣтъ, отъ этого можно съ ума сойти. Надумашь, что весь свѣтъ потерялъ голову.

Князь Андрей усмѣхнулся, прямо глядя въ лицо Анны Павловны.

— Богъ миѣ далъ корону; горе тому, кто ее тронетъ, сказаъ онъ (слова Буонапарте, сказанныя при возложеніи короны). — Говорить, онъ былъ прекрасенъ, когда произносилъ эти слова, прибавилъ онъ и еще разъ повторилъ эти слова по-итальянски: „Dio me la dona, guai a qui la toeca“.

— Надѣюсь, продолжала Анна Павловна, — что это была наконецъ та капля, которая переполнила стаканъ. Государи больше не могутъ выносить этого человѣка, который угрожаетъ всему.

— Государи! Я же говорю о Россіи, сказалъ виконтъ учтиво и безнадежно: — Государи! Но что они сдѣлали для Людовика XVIII, для королевы, для Елизаветы? Ничего, продолжалъ онъ, одушевляясь. — И повѣрьте мнѣ, они несутъ наказаніе за свою измѣну дѣлу Бурбоновъ. Государи! Они погубятъ пословъ привѣтствовать похитителя престола.

И онъ, преувеличенно вздохнувъ, опять перекинулся поло-

женіе. Князь Ипполитъ, долго смотрѣвши въ лорнетъ на ви-
конта, вдругъ при этихъ словахъ повернулся всѣмъ тѣломъ
къ маленькой княгинѣ и, попросивъ у нея иголку, сталъ по-
казывать ей, рисуя иголкой на столѣ, гербъ Конде.. Онъ раз-
столковывалъ ей этотъ гербъ съ такимъ значительнымъ ви-
домъ, какъ будто княгиня просила его объ этомъ.

— Палка изъ пастей, сплетенная лазоревыми пастями —
домъ Конде, говорилъ онъ. Княгиня улыбаясь слушала.

— Ежели еще годъ Бонапарте останется на престолѣ Фран-
ціи, продолжалъ виконтъ начатый разговоръ; съ видомъ че-
ловѣка, не слышащаго другихъ, но, въ дѣлѣ лучше всѣхъ
ему известномъ, слѣдящаго только за ходомъ своихъ мыслей; —
то дѣла пойдутъ слишкомъ далеко. Интригой, насилиемъ,
изгнаніями, казнями, общество, я разумѣю хорошее общество,
французское, навсегда будетъ уничтожено, и тогда..

Онъ ножаль плечами и развелъ руками.. Нѣрѣ хотѣлъ
было сказать что-то, разговоръ интересовалъ его, но Анна
Павловна, караулившая его, перебила:

— Императоръ Александръ, сказала она съ грустью, со-
путствовавшей всегда ея рѣчамъ объ императорской фами-
ліи, — объявилъ, что онъ предоставить самимъ французамъ
выбрать образъ правленія. И я думаю, нѣтъ сомнѣнія, что
вся нація, освободившись отъ узурпатора, бросится въ руки
законнаго короля, сказала Анна Павловна, стараясь быть лю-
безной съ эмигрантами и роялистами.

— Это сомнительно, сказала князь Андрей. Генодинъ ви-
контъ совершенно справедливо полагаетъ, что дѣла запали
уже слишкомъ далеко. Я думаю, что трудно будетъ возвра-
титься къ старому.

— Сколько я слышалъ, краснѣя опять вмѣшился въ раз-

говорь Пьеръ, — почти все дворянство перешло уже на сторону Бонапарта.

— Это говорять бонапартисты, сказаль виконтъ, не глядя на Пьера. — Теперь трудно узнать общественное мнѣніе Франціи.

— Это сказаль Бонапартъ, сказаль князь Андрей съ усмѣшкой. (Видно было, что виконтъ ему не нравился, и что онъ, хотя и не смотрѣлъ на него, противъ него обращалъ свои рѣчи).

— „Я показаъ имъ путь славы: они не хотѣли — сказаль онъ послѣ недолгаго молчанія, опять повторяя слова Наполеона: — я открылъ имъ мой передній: они бросились толпой“... Не знаю, до какой степени имѣлъ онъ право такъ говорить.

— Никакого! возразилъ виконтъ. — Послѣ убийства герцога даже самые пристрастные люди перестали видѣть въ немъ героя. Если онъ и былъ героемъ для нѣкоторыхъ людей, сказаль виконтъ, обращаясь къ Аннѣ Павловнѣ, — то послѣ убіенія герцога однимъ мученикомъ стало больше на небесахъ и однимъ героемъ меныше на землѣ.

Не успѣли еще Анна Павловна и другіе улыбкой оцѣнить этихъ словъ виконта, какъ Пьеръ опять ворвался въ разговоръ, и Анна Павловна, хотя и предчувствовавшая, что онъ скажетъ что-нибудь нешутичное, уже не могла остановить его.

— Казнь герцога Энгіенскаго, сказаль monsieur Пьеръ, была государственная необходимость, и я именно вижу величие души въ томъ, что Наполеонъ не побоялся принять на себя одного ответственность въ этомъ поступкѣ.

— Воже! Воже мой! страшнымъ шепотомъ проговорила Анна Павловна.

женіе. Князь Ипполитъ, долго смотрѣвшій въ лорнетъ на ви-
конта, вдругъ при этикъ словахъ повернулся всѣмъ тѣломъ
къ маленькой княгинѣ и, попросивъ у нея иголку, сталъ по-
казывать ей, рисуя иголкой на столѣ, гербъ Конде.. Онь раз-
столковывалъ ей этотъ гербъ съ такимъ значительнымъ ви-
домъ, какъ будто княгиня просила его объ этомъ.

— Палка изъ пастей, сплетенная лазоревыми пастами —
домъ Конде, говорилъ онъ.. Княгиня улыбалась слушала:

— Ежели еще годъ Боунапарте останется на престолѣ Фран-
ціи, продолжать виконтъ начатый разговоръ, съ видомъ че-
ловѣка, не слышащаго другихъ, но, въ дѣлѣ лучше всѣхъ
ему известномъ, слѣдящаго только за ходомъ своихъ мыслей,—
то дѣла пойдутъ слишкомъ далеко. Интригой, насилиемъ,
изгнаніями, казнями, общество, я разумѣю хорошее общество,
французское, навсегда будетъ уничтожено, и тогда..

Онь ножаль плечами и развелъ руками.. Нѣрѣ хотѣлъ
было сказать что-то, разговоръ интересовалъ его; но Анна
Павловна, караулившая его, перебила:

— Императоръ Александръ, сказала она съ грустью, со-
путствовавшей всегда ея рѣчамъ объ императорской фами-
ліи, — объявилъ, что онъ предоставить самимъ французамъ
выбрать образъ правленія. И я думаю, нѣтъ сомнѣнія, что
вся нація, освободившись отъ узурпатора, бросится въ руки
законнаго короля, сказала Анна Павловна, стараясь быть лю-
безной съ эмигрантомъ и роялистомъ.

— Это сомнительно, сказалъ князь Андрей. Господинъ ви-
контъ совершенно справедливо полагаетъ, что дѣла заплы
уже слишкомъ далеко. Я думаю, что трудно будетъ возвра-
титься къ старому.

— Сколько я слышать, краснѣя опять вѣшалася въ раз-

говорь Шеръ, — почти все дворянство перешло уже на сторону Бонапарта.

— Это говорять бонапартисты, сказать виконтъ, не глядя на Шера. — Теперь трудно узнать общественное мнѣніе Франціи.

— Это сказалъ Бонапартъ, сказалъ князь Андрей съ усмѣшкой. (Видно было, что виконтъ ему не нравился, и что онъ, хотя и не смотрѣлъ на него, противъ него обращалъ свои рѣчи).

— „Я показалъ имъ путь славы: они не хотѣли — сказалъ онъ послѣ недолгаго молчанія, опять повторяя слова Наполеона: — я открылъ имъ мой передникъ: они бросились толпой“... Не знаю, до какой степени имѣлъ онъ право такъ говорить.

— Никакого! возразилъ виконтъ. — Послѣ убійства герцога даже самые пристрастные люди перестали видѣть въ немъ героя. Если онъ и былъ героемъ для нѣкоторыхъ людей, сказалъ виконтъ, обращаясь къ Аннѣ Павловнѣ, — то послѣ убіенія герцога однимъ мученикомъ стало больше на небесахъ и однимъ героемъ меньше на землѣ.

Не успѣли еще Анна Павловна и другие улыбкой оцѣнить этихъ словъ виконта, какъ Шеръ опять ворвался въ разговоръ, и Анна Павловна, хотя и предчувствовавшая, что онъ скажетъ что-нибудь нешурильное, уже не могла остановить его.

— Казнь герцога Энгіенского, сказалъ monsieur Шеръ, была государственная необходимость, и я именно вижу величіе душі въ томъ, что Наполеонъ не побоялся принять на себя однотої ответственность въ этомъ поступкѣ.

— Боже! Воже мой! страшнымы шепотомъ проговорила Анна Павловна.

— Вы одобряете убийство?... какъ, monsieur Иньеръ, вы видите въ убийствѣ величие души! сказала маленькая княгиня, улыбаясь и придвигая къ себѣ работу.

— А! О! сказали разные голоса.

— Превосходно! по-англійски сказалъ князь Ипполитъ, и принялъ бить себя ладонью по колѣнкѣ. Виконтъ только пожалъ плечами.

Иньеръ торжественно посмотрѣлъ сверхъ очковъ на слушателей.

— Я потому такъ говорю, продолжалъ онъ съ отчаянностью, что Бурбоны бѣжали отъ революціи, предоставивъ народъ анархіи; а одинъ Наполеонъ умѣлъ понять революцію, побѣдить ее, и потому для общаго блага онъ не могъ остановиться передъ жизнью одного человѣка.

— Не хотите ли перейти къ тому столу? сказала Анна Навловна. Но Иньеръ, не отвѣчая, продолжалъ свою рѣчь:

— Нѣть, говорилъ онъ, все болѣе и болѣе одушевляясь: Наполеонъ великъ, потому что онъ сталъ выше революціи, подавилъ ея злоупотребленія, удержавъ все хорошее — и равенство гражданъ, и свободу слова и печати, и только потому пріобрѣлъ власть.

— Да, ежели бы онъ, взявъ власть, не пользоваясь ею для убийства, отдалъ бы ее законному королю, сказалъ виконтъ, — тогда бы я назвалъ его великимъ человѣкомъ.

— Онъ бы не могъ этого сдѣлать. Народъ отдалъ ему власть только затѣмъ, чтобъ онъ избавилъ его отъ Бурбоновъ, и потому что народъ видѣлъ въ немъ великаго человѣка. Революція была великое дѣло, продолжалъ мсье Иньеръ, выказывая этимъ отчаяннымъ и вызывающимъ вводнымъ предложениемъ свою великую молодость и желаніе все пополнѣе высказать.

— Революция и цареубийство великое дѣло?.... Послѣ этого... да не хотите ли перейти къ тому столу? повторила Анна Павловна.

— „Общественный договоръ“ Руссо, съ кроткой улыбкой сказалъ виконтъ.

— Я не говорю про цареубийство. Я говорю про идеи.

— Да, идеи грабежа, убийства и цареубийства, опять перебилъ иронической голосъ.

— Это были крайности, разумѣется, но не въ нихъ все значеніе, а значеніе въ нравахъ человѣка, въ эманципаціи отъ предразсудковъ, въ равенствѣ гражданъ; и всѣ эти идеи Наполеонъ удержалъ во всей ихъ силѣ.

— Свобода и равенство, презрительно сказалъ виконтъ, какъ будто рѣшившійся наконецъ серіозно доказать этому юношѣ всю глупость его рѣчей: — все громкія слова, которыя уже давно компрометировались. Кто же не любить свободы и равенства? Еще Спаситель наше проповѣдывалъ свободу и равенство. Развѣ послѣ революціи люди стали счастливѣе? Напротивъ. Мы хотѣли свободы, а Буонапарте уничтожилъ ее.

Князь Андрей съ улыбкой посматривалъ то на Ільера, то на виконта, то на хозяйку. Въ первую минуту выходки Ільера Анна Павловна ужаснулась, несмотря на свою привычку къ свѣту; но когда она увидѣла, что, несмотря на произнесенный Ільеромъ святотатственный рѣчи, виконтъ не выходилъ изъ себя, и, когда она убѣдилась, что замять этихъ рѣчей уже нельзя, она собралась съ силами, и присоединившись къ виконту, начала на оратора.

— Но, мой милый monsieur Ільеръ, сказала Анна Павловна, какъ же вы объясняете великаго человѣка, который могъ казнить герцога, наконецъ просто человѣка, безъ суда и безъ вины?

— Я бы спросилъ, сказаль виконтъ, — какъ monsieur объясняеть 18 брюмера. Развѣ это не обманъ? Это шулерство, вовсе не похожес па образъ дѣйствій великаго человѣка.

— А плѣнныи въ Африкѣ, которыхъ онъ убиль? сказала маленькая княгиня, — это ужасно! И она пожала плечами.

— Выскочка, что ни говорите, сказаль князь Ишполитъ.

Monsieur Іньеръ не зналъ кому отвѣтить, оглянуль всѣхъ и улыбнулся. Улыбка у него была не такая, какъ у другихъ людей, сливающаися съ неулыбкой. У него, напротивъ, когда приходила улыбка, то вдругъ, мгновенно, исчезало серіезное и даже нѣсколько угрюмое лицо, и являлось другое, дѣтское, доброе, даже глуповатое и какъ бы просыщае прощенія.

Виконту, который видѣль его въ первый разъ, стало ясно, что этотъ якобинецъ совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ его слова. Всѣ замолчали.

— Какъ вы хотите, чтобы онъ всѣмъ отвѣчалъ вдругъ? сказаль князь Андрей. — Притомъ надо въ поступкахъ государственного человѣка различать поступки частнаго лица, полководца или императора. Мнѣ такъ кажется.

— Да, да, разумѣется, подхватилъ Іньеръ, обрадованный выступавшею ему подмогой.

— Нельзя не сознаться, продолжалъ князь Андрей, — Наполеонъ, какъ человѣкъ, великъ на Аркольскомъ мосту, въ госпиталѣ въ Яффѣ, гдѣ онъ чумнымъ подаетъ руку, но.... но есть другіе поступки, которые трудно оправдать.

Князь Андрей, видимо желавшій смягчить неловкость рѣчи Іньера, приподнялся, сбираясь ѿхать и подавая знакъ женѣ.

Вдругъ князь Ипполитъ поднялся, и, зажавши руки останавливая всѣхъ и прося присѣсть, заговорилъ:

— Сегодня мы разсказали дредестный московскій анекдотъ; надо васъ имъ поподчивать. Извините, виконтъ, я буду рассказывать по-руски: иначе трудно почувствовать всю соль анекдота. И князь Ипполитъ началъ говорить по-русски такимъ выговоромъ, какимъ говорятъ французы, про-бывшіе съ годъ въ Россіи. Всѣ пристановились: такъ оживленно, настоятельно требовалъ князь Ипполитъ вниманія къ своей исторіи.

— Въ Москвѣ есть одна барыня, дама. И она очень скуча. Ей нужно было имѣть два лакея за карета. И очень большой ростомъ. Это было ея вкусу. И она имѣла горничную, еще большой росту. Она сказала...

Тутъ князь Ипполитъ задумался, видимо съ трудомъ соображая.

— Она сказала... да, она сказала: „дѣвушка (горничной), надѣнь ливрею и пойдемъ со мной, за карета, дѣлать визиты“.

Тутъ князь Ипполитъ фыркнула и захохотала гораздо прежде своихъ слушателей, что произвело невыгодное для рассказчика впечатлѣніе. Однако многіе, и въ томъ числѣ пожилая дама и Анна Навловна, улыбнулись.

— Она поѣхала. Незадо сдѣлалась сильный вѣтеръ. Дѣвушка потеряла шляпу, и длинны волоса расчесались...

Тутъ она не могла уже болѣе держаться и стала отрывисто смеяться и сквозь этотъ смѣхъ проговорилъ:

— И весь свѣтъ узналъ...

Тѣмъ анекдотъ и кончился. Хотя и не понятно было, для чего онъ его разсказываетъ, и для чего его надо было раз-

сказать непремѣнно по-русски, однако Анна Павловна и другие оцѣнили єврѣтскую любезность князя Ипполита, такъ приятно закончившаго непріятную и нелюбезную выходку monsieur Ньера. Разговоръ послѣ анекдота разсыпался на мелкие, незначительные толки о будущемъ и прошлѣшемъ балѣ, спектаклѣ, о томъ, когда и гдѣ кто увидится.

V.

Поблагодаривъ Анну Павловну за ея обворожительный вечеръ, гости стали расходиться..

Ньерь былъ неуклюжъ. Толстый, выше обыкновенного роста, широкий, съ огромными, красными руками, онъ, какъ говорится, не умѣлъ войти въ салонъ и еще менѣе умѣлъ изъ него выйти, то-есть передъ выходомъ сказать что-нибудь особенно пріятное. Кромѣ того, онъ былъ разсѣянъ. Вставая, онъ вместо своей шляпы захватилъ трехъ-угольную шляпу съ генеральскимъ пломажемъ и держаъ ее, дергая султанъ, до тѣхъ поръ, пока генераль не попросилъ возвратить ее. Но вся его разсѣянность и неумѣніе войти въ салонъ и говорить въ немъ выкупались выраженіемъ добродушия, простоты и скромности. Анна Павловна повернулась къ нему, и, съ христіанской кротостью, выражая прощенія за его выходку, кивнула ему и сказала:

— Надѣюсь увидать васъ еще, но надѣюсь тоже, что вы неремѣните свои мнѣнія, мой милый monsieur Ньерь, сказала она.

Когда она сказала ему это, онъ ничего не отвѣтилъ, только наклонился и показалъ всѣмъ еще разъ свою улыбку, которая ничего не говорила, развѣ только вотъ что: „Мнѣнія

чѣніями, а вы видите, какой я добрый и славный малый". И всѣ и Анна Павловна нейзельно почувствовали это.

Князь Андрей вышелъ въ переднюю и, подставивъ плечи лакею, накидывавшему ему плащъ, равнодушно прислушивался къ болтовнѣ своей жены съ княземъ Ипполитомъ, вышедшими тоже въ переднюю. Князь Ипполитъ стоялъ возлѣ хорошенькой беременной княгини и упорно смотрѣлъ прямо на нее въ лорнетъ.

— Идите, Аннетъ, вы простудитесь, говорила маленькая княгиня, прощаюсь съ Анной Павловной. — Рѣшено, прибавила она тихо.

Анна Павловна уже успѣла переговорить съ Лизой о сватовствѣ, которое она затѣвала между Анатолемъ и золовкой маленькой княгини.

— Я надѣюсь на васъ, милый другъ, сказала Анна Павловна тоже тихо, — вы напишете къ ней и скажете мнѣ, какъ отецъ посмотрѣть на дѣло. До свиданія, — и она ушла изъ передней.

Князь Ипполитъ подошелъ къ маленькой княгинѣ, и, близко склонивъ къ ней свое лицо, стала полушепотомъ что-то говорить ей.

Два лакея, одинъ княгининъ, другой его, дожидались, когда бы кончать говорить, стояли съ шалью и рединготомъ и слушали ихъ, непонятный имъ, французскій говоръ, съ такими лицами, какъ будто они понимали что говорится, но не хотѣли показывать этого. Княгиня, какъ всегда, говорила улыбаясь и слушала сиѣясь.

— Я очень радъ, что не поѣхалъ къ посланику, говорилъ князь Ипполитъ: — скуча... Прекрасный вечеръ, не правда ли, прекрасный?

— Говорятъ, что балъ будетъ очень хороши, отвѣчала княгиня, вздергивая съ усиками губку. — Всѣ красивыи женщины общества будуть тамъ.

— Не всѣ, потому что вась тамъ не будетъ; не всѣ, скажаль князь Ипполитъ, радостно смѣясь и схвативъ шаль у лакея, даже толкнулъ его и стала надѣвать ее на княгиню. Отъ неловкости или умышленно (никто бы не могъ разобрать этого) онъ долго не опускалъ руки, когда шаль уже была надѣта, и какъ будто обнимать молодую женщину.

Она грациозно, но все улыбаясь, отстранилась, повернулась и взглянула на мужа. У князя Андрея глаза были закрыты: такъ онъ казался усталымъ и соннымъ.

— Вы готовы? спросилъ онъ жену, обходя ея взглядомъ.

Князь Ипполитъ торопливо надѣлъ свой рединготъ, который у него, по-новому, былъ длиннѣе ютюка, и, путаясь въ немъ, побѣжалъ на крыльце за княгиней, которую лакей подсаживалъ въ карету.

— Княгиня, до свиданья, кричалъ онъ, путаясь языками такъ же, какъ и ногами.

Княгиня, подбиравъ платье, садилась въ темнотѣ кареты; мужъ ея оправлялъ саблю; князь Ипполитъ, подъ предлогомъ прислуживанія, мѣшалъ всѣмъ.

— Па-звольте, сударь, сухо-непріятно обратился князь Андрей, по-русски, къ князю Ипполиту, мѣшивавшему ему пройти.

— Я тебя жду, Ньеръ, ласково и пѣжно проговорилъ тотъ же голосъ князя Андрея.

Форейторъ тронулся, и карета загремѣла колесами. Князь Ипполитъ смѣялся отрывисто, стоя на крыльѣ и дожидаясь виконта, котораго онъ обѣщалъ довезти до дому.

— Ну, мой дорогой, ваша маленькая книгиня очень мила! —
сказалъ виконтъ, усѣвшись въ карету съ Ипполитомъ. —
Очень мила, — она поцѣловала кончики своихъ пальцевъ, —
и совершенная француженка.

Ипполитъ, фыркнувъ, засмѣялся.

— А знаете ли, вы ужасный человѣкъ, несмотря на вашъ
невинный видъ, продолжалъ виконтъ. — Мне жаль бѣднаго
мужа, этого офицера, который корчить изъ себя владѣ-
тельную особу.

Ипполитъ фыркнулъ еще и сквозь смѣхъ проговорилъ:

— А вы говорили, что русскія дамы хуже французскихъ?
Надо умѣть ваяться.

Шерль, пріѣхавъ впередъ, какъ домашній человѣкъ, про-
шелъ въ кабинетъ князя Андрея и тотчасъ же, по привычкѣ,
легъ на диванъ, взялъ первую попавшуюся съ полки книгу
(это были Записки Цезаря) и принялъся, обложившись, читать
ее изъ средины.

— Что ты сдѣлалъ съ тѣле Шерерь? Она теперь совсѣмъ
заболѣваетъ, сказали, входя въ кабинетъ князь Андрей и по-
тирая маленькия бѣлки ручки.

Шерль повернулся всѣмъ тѣломъ, такъ что диванъ за-
скрипѣлъ, обернувъ оживленное лицо къ князю Андрею,
улыбнулся и машиналъ рукой. — Нѣтъ, этотъ аббатъ очень
интересенъ, но только не такъ понимаетъ дѣло... Но моему
вѣчному миру возможенъ, но я не умѣю какъ это сказать...
Но только не политическими равновѣсіемъ...

Князь Андрей не интересовался, видимо, этими отвлечен-
ными разговорами.

— Пельзя, шон cher, вездѣ все говоритьъ, что только ду-
маешь. Ну что жъ ты рѣшился, наконецъ, на что-нибудь?

Кавалергардъ ты будешь, или дипломатъ? спросилъ князь Андрей послѣ минутнаго молчанія.

Пьеръ сѣлъ на диванъ, поджавъ подъ себя ноги.

— Можете себѣ представить, я все еще не знаю. Ни то, ни другое мнѣ не нравится.

— Но вѣдь надо на что-нибудь рѣшиться? Отецъ твой ждетъ.

Пьеръ съ десятилѣтнаго возраста былъ посланъ съ гувернеромъ-аббатомъ за границу, гдѣ онъ пробылъ до двадцатилѣтнаго возраста. Когда онъ вернулся въ Москву, отецъ отпустилъ аббата, и сказалъ молодому человѣку: „Теперь ты поѣзжай въ Петербургъ, осмотрись и выбирай. Я на все согласенъ. Вотъ тебѣ письмо къ князю Василью, и вотъ тебѣ деньги. Пиши обо всемъ, я тебѣ во всемъ помога.“ Пьеръ уже три мѣсяца выбиралъ карьеру и ничего не дѣлалъ. Про этотъ выборъ и говорилъ ему князь Андрей. Пьеръ потерпѣлъ себѣ лобъ.

— Но онъ массонъ долженъ быть, сказать онъ, разумѣя аббата, котораго онъ видѣлъ на вечерѣ.

— Все это бредни, остановилъ его опять князь Андрей, поговоримъ лучше о дѣлѣ. Былъ ли ты въ конной гвардії?

— Нѣть не былъ, но вотъ что мнѣ пришло въ голову, и я хотѣлъ вамъ сказать. Теперь война противъ Наполеона. Ежели бъ это была война за свободу, я бы понялъ, я бы первый поступилъ въ военную службу; но帮忙ать Англіи и Австріи противъ величайшаго человѣка въ мірѣ... это нехорошо.

Князь Андрей только пожалъ плечами на дѣлскія рѣчи Пьера. Онъ сдѣлалъ видъ, что на такія глупости нельзѧ отвѣтить; но дѣйствительно на этотъ наивный вопросъ трудно было отвѣтить, что-нибудь другое, чѣмъ то, что отвѣтилъ

князь Андрей. — Ежели бы всѣ воевали только по своимъ убѣжденіямъ, войны бы не было, сказаль онъ.

— Это-то и было бы прекрасно, сказаль Пьеръ.

Князь Андрей усмѣхнулся. — Очень можетъ быть, что это было бы прекрасно, но этого никогда не будетъ....

— Ну для чего вы идете на войну? спросилъ Пьеръ.

— Для чего? я не знаю. Такъ надо. Кромѣ того, я иду.... Онъ остановился. — Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здѣсь, эта жизнь — не по мнѣ!

VI.

Въ сосѣдней комнатѣ зашумѣло женское платье. Какъ будто очнувшись, князь Андрей встрѣхнулся, и лицо его приняло то же выраженіе, какое оно имѣло въ гостиной Аны Павловны. Пьеръ спустилъ ноги съ дивана. Вонла княгиня. Она была уже въ другомъ, домашнемъ, но столь же элегантномъ и свѣжемъ платьѣ. Князь Андрей всталъ, учтиво подвигая ей кресло.

— Отчего, я часто думаю, заговорила она, какъ всегда по-французски, послѣдно и хлюпотливо усаживаясь въ кресло, — отчего Анна не вышла замужъ? Какъ вы всѣ глупы, господа, что на ней не женились. Вы меня извините, но вы ничего не понимаете въ женщинахъ толку. Какой вы спорщикъ, monsieur Пьеръ.

— Я и есть мужемъ вашихъ все спорю; не цонимаю, зачѣмъ онъ хочетъ идти на войну, скавадъ Пьеръ, безъ всякаго стѣсненія (столь обыкновенного въ отношеніяхъ молодого мужчинъ къ молодой женщинѣ) обращаясь къ княгинѣ.

Княгиня встрепенулась. Видимо, слова Пьера затронули ее за живое.

Кавалергардъ ты будешь, или дипломатъ? спросилъ князь Андрей послѣ минутнаго молчанія.

Пьеръ сѣлъ на диванъ, поджавъ подъ себя ноги.

— Можете себѣ представить, я все еще не знаю. Ни то, ни другое мнѣ не нравится.

— Но вѣдь надо на что-нибудь рѣшиться? Отецъ твой ждеть.

Пьеръ съ десятилѣтнаго возраста былъ посланъ съ гувернеромъ-аббатомъ за границу, гдѣ онъ пробылъ до двадцатилѣтнаго возраста. Когда онъ вернулся въ Москву, отецъ отпустилъ аббата, и сказалъ молодому человѣку: „Теперь ты поѣзжай въ Петербургъ, осмотрись и выбирай. Я на все согласенъ. Вотъ тебѣ письмо къ князю Василью, и вотъ тебѣ деньги. Пиши обо всемъ, я тебѣ во всемъ помога.“ Пьеръ уже три мѣсяца выбиралъ карьеру, и ничего не дѣлалъ. Про этотъ выборъ и говорилъ ему князь Андрей. Пьеръ потерялъ себѣ любъ.

— Но онъ массонъ долженъ быть, сказалъ онъ, разумѣя аббата, котораго онъ видѣлъ на вечерѣ.

— Все это бредни, остановилъ его опять князь Андрей, поговоримъ лучше о дѣлѣ. Быть ли ты въ конной гвардії?...

— Нѣть не быть, но вотъ что мнѣ пришло въ голову, и я хотѣлъ вамъ сказать. Теперь война противъ Наполеона. Ежели бъ это была война за свободу, я бы понялъ, я бы первый поступилъ въ военную службу; но помогать Англіи и Австріи противъ величайшаго человѣка въ мірѣ... это нехорошо.

Князь Андрей только пожалъ плечами на дѣтскія рѣчи Пьера. Онъ сдѣлалъ видъ, что на такія глупости нельзѧ отвѣтить; но дѣйствительно на этотъ наиницій вопросъ трудно было отвѣтить что-нибудь другое, чѣмъ то, что отвѣтилъ

князь Андрей. — Если бы все воевали только по своимъ убѣжденіямъ, войны бы не было, сказаль онъ.

— Это-то и было бы прекрасно, сказалъ Пьеръ.

Князь Андрей усмѣхнулся. — Очень можетъ быть, что это было бы прекрасно, но этого никогда не будетъ...

— Ну для чего вы идете на войну? спросиль Пьеръ.

— Для чего? я не знаю. Такъ надо. Кромѣ того, я иду. — Онъ остановился. — Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здѣсь, эта жизнь — не по мнѣ!

VI.

Въ соседней комнатѣ зашумѣло женское платье. Какъ будто очнувшись, князь Андрей встряхнулся, и лицо его приняло то же выраженіе, какое оно имѣло въ гостиной Анны Павловны. Пьеръ спустилъ ноги съ дивана. Вошла княгиня. Она была уже въ другомъ, домашнемъ, но столь же элегантномъ и свѣжемъ платьѣ. Князь Андрей всталъ, учтиво подвигая ей кресло.

— Отчего, я часто думаю, заговорила она, какъ всегда по-французски, послѣдно и хлопотливо усаживалась въ кресло, — отчего Анна не вышла замужъ? Какъ вы все глупы, господа, что на ней не женились. Вы меня извините, но вы ничего не понимаете въ женщинахъ толку. Какой вы спорщикъ, monsieur Пьеръ.

— Я и съ мужемъ вадимъ все спорю; не понимаю, зачѣмъ онъ хочетъ идти на войну, сказалъ Пьеръ, безъ всякаго стѣсненія (столь обыкновенного въ отношеніяхъ молодого мужчины къ молодой женщинѣ) обращаясь къ княгинѣ.

Княгиня встрепенулась. Видимо, слова Пьера затронули ее за живое.

— Ахъ, вотъ я то же говорю! сказала она. — Я не понимаю, рѣшительно не понимаю, отчего мужчины не могутъ жить безъ войны? Отчего мы, женщины, ничего не хотимъ, ничего намъ не нужно? Ну вотъ вы будьте судьбою. Я ему все говорю: здѣсь онъ адъютантъ у дяди, самое блестящее положеніе. Всѣ его такъ знаютъ, такъ цѣнятъ. На дняхъ, у Араксиныхъ, я слышала, какъ одна дама спрашивала: „это то известный князь Андрей?“ Честное слово! Она засмѣялась. Онъ такъ вездѣ принятъ. Онъ очень легко можетъ быть и флигель-адъютантомъ. Вы знаете, государь очень милостиво говорилъ съ нимъ. Мы съ Анной говорили, это очень легко было бы устроить. Какъ вы думаете?

Пьеръ посмотрѣлъ на князя Андрея и, замѣтивъ, что разговоръ этотъ не нравится его другу, ничего не отвѣчать.

— Когда вы ѳдете? спросилъ онъ.

— Ахъ, не говорите мнѣ про этотъ отъѣздъ! Не говорите. Я не хочу про него слышать, заговорила инягина такимъ капризно-игривымъ тономъ, какимъ она говорила съ Ипполитомъ въ гостию, и который такъ очевидно, не шель къ семейному кружку, гдѣ Пьеръ былъ какъ бы членомъ. — Сегодня, когда я подумала, что надо прервать всѣ эти дорогія отношеній... И потомъ, ты знаешь, André? Она значительно мигнула мужу. Мнѣ страшно! Мнѣ страшно! промолвила она, содрогаясь спиной. Мужъ посмотрѣлъ на неё съ такимъ видомъ, какъ будто она была удивленъ; замѣтивъ, что кто-то еще, кроме его и Пьера, находился въ комнатѣ; и онъ съ холодною учтивостью вопросительно обратился къ женѣ.

— Чего ты боишься, Лиза? Я не могу понять, сказала онъ.

— Вотъ какъ всѣ мужчины эгоисты, всѣ, всѣ эгоисты!

Самъ изъ-за своихъ прикотей, Богъ знаетъ зачѣмъ бро-
саетъ меня, запираетъ въ деревню одну...

— Съ отцомъ и сестрой, не забудь, тихо сказалъ князь
Андрей.

— Все равно одна, безъ моихъ друзей... И хотеть, чтобы
я не боялась.

Тонъ ея уже былъ ворчливый, губка подвилась, придавая
лицу не радостное, а звѣрское бѣличье выраженье. Она за-
молчала, какъ будто находя немыслимымъ говорить при
Шерѣ про свою беременность, тогда какъ въ этомъ и со-
стояла сущность дѣла.

— Все-таки я не понять, чего ты боишься, медлительно
проговорилъ князь Андрей, не спуская глазъ съ жены. Кня-
гиня покраснѣла и отчалино взмахнула руками.

— Нѣть, Андрей, я говорю, ты такъ, такъ перемѣнился...

— Твой докторъ велитъ тебѣ раныше ложиться, сказали
князь Андрей. — Ты бы могла спать.

Княгиня ничего не сказала, и вдругъ короткая съ усиками
губка задрожала; князь Андрей, вставъ и пожавъ плечами,
прошелъ по комнатѣ.

Шерѣ удивленно и наивно смотрѣлъ черезъ очки то на
нее, то на княгиню, и зашевелился, какъ будто онъ тоже
хотѣлъ встать, но опять раздумалъ.

— Что мнѣ за дѣло, что тутъ Monsieur Шерѣ, вдругъ ска-
зала маленькая княгиня, и хорошенькое лицо ея вдругъ рас-
пухло въ смешливую гримасу. — Я тебѣ давно хотѣла ска-
зать, Андрей: за что ты ко мнѣ такъ перемѣнился? Чѣмъ я тебѣ
сдѣлала? Ты ѿдѣшь въ армию, ты меня не жалѣешь. За что?

— Лиза! только сказать князь Андрей, но въ этомъ словѣ
были и просьба, и угроза, и, главное, увѣреніе въ томъ, что

она сама раскается въ своихъ словахъ; но она торопливо продолжала: Ты обращаешься со мной какъ съ больною или съ ребенкомъ. Я все вижу. Развѣ ты такой былъ полгода назадъ?

— Лиза, я прошу васъ перестать, сказать князь Андрей еще выразительнѣе.

Нѣрѣ, все болѣе и болѣе приходившій въ волненіе во время этого разговора, всталъ и подошелъ къ княгинѣ. Онъ, казалось, не могъ переносить вида слезъ, и самъ готовъ былъ зашлакать.

— Успокойтесь, княгиня. Вамъ это такъ кажется, потому что, я васъ увѣряю, я самъ испыталъ... отчего... потому что... Нѣть, извините, чужой тутъ липпій... Нѣть, успокойтесь... Прощайте...

Князь Андрей остановилъ его за руку.

— Нѣть, постой, Нѣрѣ. Княгиня такъ добра, что не захочеть лишить меня удовольствія провести съ тобою вечеръ.

— Нѣть, онъ только о себѣ думаетъ, проговорила княгиня, не удерживая сердитыхъ слезъ.

— Лиза, сказать сухо князь Андрей, поднимая тонъ на ту степень, которая показываетъ, что терпѣніе истощено.

Вдругъ сердитое бѣличье выраженіе красиваго личика княгини замѣнилось привлекательнымъ и возбуждающимъ состраданіемъ страха; она исподлобья взглянула своими прекрасными глазками на мужа, и па лицѣ ея показалось то робкое и признающееся выраженіе, какое бываетъ у собаки, быстро, но слабо помахивающей опущеннымъ хвостомъ.

— Боже мой, Боже мой! проговорила княгиня и, подобравъ одною рукою складку платья, подошла къ мужу и поцѣловала его въ лобъ.

— Прощай, Лиза, сказала князь Андрей, вставая и уткнувшись у посторонней, цепляя руку.

Друзья молчали. Ни тотъ, ни другой не начинали говорить. Пьеръ поглядывалъ на князя Андрея, князь Андрей потиралъ себѣ лобъ своею маленькою рукой.

— Пойдемъ ужинать, сказала онъ со вздохомъ, вставая и направляясь къ двери.

Они вошли въ изящно, заново, богато отдѣланную столовую. Все, отъ салфетокъ до серебра, фаянса и хрусталия, носило на себѣ тотъ особенный отпечатокъ новизны, который бываетъ въ хозяйствѣ молодыхъ супруговъ. Въ серединѣ ужина, князь Андрей облокотился и, какъ человѣкъ, давно имѣющій что-нибудь на сердцѣ и вдругъ рѣшающійся высказатьсь, съ выраженіемъ нервнаго раздраженія, въ какомъ Пьеръ никогда еще не видѣлъ своего пріятеля, началъ говорить: — Никогда, никогда не женись, мой другъ; вотъ тебѣ мой советъ: не женись до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь себѣ, что ты сдѣлать все, что могъ, и до тѣхъ поръ, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбралъ, пока ты не увидишь ея ясно, а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись старикомъ никуда негоднымъ... А то пропадетъ все, что тебѣ есть хорошаго и высокаго: Все истратится по мелочамъ. Да, да, да! Не смотри на меня съ такимъ удивленіемъ. Ежели ты ждешь отъ себя чего-нибудь внедри, то на каждомъ шагу ты будешь чувствовать, что для тебя все кончено, все закрыто, кроме гостиной, где ты будешь стоять на одной доскѣ съ придворными лакеемъ и идиотомъ... Да что!...

Онъ энергически махнулъ рукой.

Ньель снялъ очки, отчего лицо его измѣнилось, еще болѣе выказывая доброту, и удивленно глядѣлъ на друга.

— Моя жена, продолжалъ князь Андрей, — прекрасная женщина. Это одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, съ которою можно быть покойнымъ за свою честь; но, Боже мой, чего бы я не дать теперь, чтобы не быть женатымъ! Это я тебѣ одному и первому говорю, потому что я люблю тебя.

Князь Андрей, говоря это, былъ еще менѣе похожъ, чѣмъ прежде, на того Болконскаго, который развалившись сидѣлъ въ креслахъ Аины Навловны и, сквозь зубы, щурясь, говорилъ французскія фразы. Его сухое лицо все дрожало первическимъ оживленiemъ каждого мускула; глаза, въ которыхъ прежде казался потушеннымъ огонь жизни, теперь блестѣли яркимъ блескомъ. Видно было, что чѣмъ безжизненнѣе казался онъ въ обыкновенное время, тѣмъ энергичнѣе былъ онъ въ эти минуты почти болѣзненнаго раздраженія.

— Ты не понимаешь, отчего я это говорю, продолжалъ онъ.— Вѣдь это цѣлая исторія жизни. Ты говоришь, Бонапартъ и его карьера, — сказалъ онъ, хотя Ньель и не говорилъ про Бонапарта. Ты говоришь Бонапарте, но Бонапарте, когда онъ работалъ, шагъ за шагомъ шелъ къ цѣли, онъ былъ свободенъ, у него ничего не было кромѣ его цѣли, и онъ достигъ ея. Но свяжи себя съ женщиной и, какъ скованный колодникъ, теряешь всякую свободу. И все, что есть въ тебѣ надеждъ и силъ, все только тяготить и раскаиниемъ мучаетъ тебя. Гостиныя, сiletни, балы, тицеславіе,ничтожество — вотъ заколдованный кругъ, изъ которого я не могу выйти. Я теперь отправляюсь на войну, на величайшую войну, какая только бывала, а я ничего не знаю и никуда не го-

жусь. Я очень любезенъ и зло остроуменъ, продолжалъ князь Андрей, и у Анны Павловны меня слушаютъ. И это глупое общество, беъя которого не можетъ жить моя жена, и эти женщины... Ежели бы ты только могъ знать, что это такое всѣ эти свѣтскія женщины и вообще женщины! Отецъ мой правъ. Эгоизмъ, тиеславіе, тупоуміе, ничтожество во всемъ — вотъ женщины, когда показываются всѣ такъ, какъ онъ есть. Посмотришь на нихъ въ свѣтѣ, кажется, что что-то есть, а ничего, ничего, ничего! Да, не женись, душа моя, не женись! кончилъ князь Андрей.

— Мне смѣшно, сказала Нѣръ, — что вы себя, вы себя считаете неспособнымъ, свою жизнь — испорченной жизнью. У васъ все, все впереди. И вы...

Онъ не сказалъ что вы, но ужъ тонъ его показывалъ, какъ высоко цѣнитъ онъ друга и какъ много ждетъ отъ него въ будущемъ.

„Какъ онъ можетъ это говорить!“ думалъ Нѣръ. Нѣръ счѣталъ князя Андрея образцомъ всѣхъ совершенствъ именно оттого, что князь Андрей въ высшей степени соединялъ всѣ тѣ качества, которыхъ не было у Нѣра, и которыхъ ближе всего можно выразить понятіемъ — силы воли. Нѣръ всегда удивлялся способности князя Андрея спокойнаго обращенія со всякаго рода людьми, его необыкновенной памяти, начитанности (онъ все читалъ, все зналъ, обо всемъ имѣлъ понятіе) и больше всего его способности работать и учиться. Ежели часто Нѣра поражало въ Андреѣ отсутствіе способности мечтательнаго философствованія (къ чему особенно былъ склоненъ Нѣръ), то и въ этомъ онъ видѣлъ не недостатокъ, а силу.

Въ самыхъ лучшихъ, дружескихъ и простыхъ отношеніяхъ

лость или похвала необходимы, какъ подмазка необходима для колесъ, чтобъ они хали.

— Я юношеский человѣкъ, сказалъ князь Андрей. — Что обо мнѣ говорить? давай говорить о тебѣ, сказалъ онъ, помолчавъ и улыбнувшись своимъ утѣшительнымъ мыслямъ. Улыбка эта въ то же мгновеніе отразилась на лицѣ Пьера.

— А обо мнѣ что говорить? сказалъ Пьеръ, распуская свой ротъ въ беззаботную, веселую улыбку. — Чѣмъ я такое? Я незаконный сынъ! И онъ вдругъ, багрово покраснѣлъ. Видно было, что онъ сдѣлать большое усилие, чтобы сказать это. — Безъ имени, безъ состоянія... И чѣмъ, право... Но онъ не сказалъ, что право. — Я свободенъ пока, и мнѣ хорошо. Я только никакъ не знаю, что мнѣ начать. Я хотѣлъ серіозно посовѣтоваться съ вами.

Князь Андрей добрыми глазами смотрѣлъ на него. Но во взглядѣ его, дружескомъ, ласковомъ, все-таки выражалось сознаніе своего превосходства.

— Ты мнѣ дорогъ, особенно потому, что ты одинъ живой человѣкъ среди всего нашего свѣта. Тебѣ хорошо. Выбери, чѣмъ хочешь, это все равно. Ты вездѣ будешь хороши, но одно: перестань ты ходить къ этимъ Курагинымъ, вести эту жизнъ. Такъ это не идетъ тебѣ: все эти кутежи, и гусарство, и все...

— Что дѣлать, мой другъ, сказалъ Пьеръ, пожимая плечами, женщины, мой другъ, женщины!

— Не понимаю, отвѣчалъ Андрей. Порядочные женщины, это другое дѣло, но женщина Курагина, женщины и вино, не понимаю!

Пьеръ жилъ у князя Василия Курагина и участвовалъ въ разгульной жизни его сына Анатоля, того самаго, кото-

раго, для исправления, собирались женить на сестре князя Андрея.

— Знаете что, скажаль Илья, какъ будто ему пришла неожиданно, счастливая мысль: — серіозно, я давно это думалъ. Съ этого жизнью я ничего не могу ни рѣшить, ни обдуматъ. Голова болитъ, денегъ нетъ. Нынче онъ меня звалъ, я не поѣду.

— Дай мнѣ честное слово, что ты не будешьѣздить?

— Честное слово!

Уже бывъ второй часъ ночи; когда Илья вышелъ отъ своего друга. Ночь была юньская, петербургская, безсумрачная ночь. Илья сѣлъ въ извозчичью коляску съ наимѣріемъѣхать домой. Но чѣмъ ближе онъ подѣвжалъ, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ невозможность заснуть въ эту ночь, иходившую болѣе на вечеръ или на утро. Далеко было видно по пустымъ улицамъ. Дорогой Илья вспомнилъ, что у Анатолія Курагина нынче вечеромъ должно было собраться обычное игорное общество, послѣ которого обыкновенно шла по-пойка, кончавшаяся однимъ изъ любимыхъ увеселеній Ильи.

— Хорошо бы было поѣхать къ Курагину, подумалъ онъ. Но тотчасъ же онъ вспомнилъ данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина.

Но тотчасъ же, какъ это бываетъ съ людьми, называемыми безхарактерными, ему такъ страстно захотѣлось еще разъ испытать эту столь знакомую ему безпутную жизнь, что онъ рѣшилсяѣхать. И тотчасъ же ему пришла въ голову мысль, что данное слово ничего не значить, потому что еще прежде, чѣмъ князю Андрею, онъ далъ также князю Анатолю слово

быть у него; наконецъ, онъ подумалъ, что всѣ эти честные слова такія условныя вещи, не имѣющія никакого опредѣленного смысла, особенно ежели сообразить, что можетъ быть завтра же или онъ умретъ, или случится съ нимъ что-нибудь такое необыкновенное, что не будетъ уже ни честнаго, ни безчестнаго. Такого рода разсужденія, уничтожая всѣ его рѣшенія и предположенія, часто приходили Пьеру. Онъ поѣхалъ къ Курагину.

Подъѣхавъ къ крыльцу большого дома у конно-гвардейскихъ казармъ, въ которыхъ жилъ Анатоль, онъ поднялся на освѣщенное крыльцо, на лѣстницу, и вошелъ въ отворенную дверь. Въ передней никого не было; валялись пустыя бутылки, плащи, калоши; пахло виномъ; слышался дальний говоръ и крикъ.

Игра и ужинъ уже кончились, но гости еще не разѣзжались. Пьеръ скинулъ плащъ и вошелъ въ первую комнату, гдѣ стояли остатки ужина, и одинъ лакей, думая, что его никто не видитъ, допивалъ тайкомъ недопитые стаканы. Изъ третьей комнаты слышалась возня, хохотъ, крики знакомыхъ голосовъ и ревъ медвѣда. Человѣкъ восемь молодыхъ людей толпились озабоченно около открытаго окна. Тroe возились съ молодымъ медвѣдемъ, которого одинъ таскалъ на цѣни, пугая имъ другого.

— Держу за Стивенса сто! кричалъ одинъ.

— Смотри не поддерживать! кричалъ другой.

— Я за Долохова! кричалъ третій.—Разними, Курагинъ.

— Ну, бросьте Минку, тутъ шари.

— Однимъ духомъ, иначе проиграно, кричалъ четвертый.

— Яковъ, давай бутылку, Яковъ! кричалъ самъ хозяинъ, высокий красавецъ, стоявший посреди толпы въ одной тои-

кой рубашкѣ, раскрытой на срединѣ груди. — Стойте, господа. Вотъ онъ, Петруша, милый другъ, обратился онъ къ Пьеру. Другой голосъ невысокаго человѣка, съ ясными голубыми глазами, особенно моражавшій среди этихъ всѣхъ пьяныхъ голосовъ своимъ трезвымъ выраженіемъ, закричалъ отъ окна: иди сюда — разойми пари! Это былъ Долоховъ, семеновскій офицеръ, извѣстный игрокъ и бретёръ, жившій вмѣстѣ съ Анатолемъ. Пьеръ улыбался, весело глядя вокругъ себя.—Ничего не понимаю. Въ чемъ дѣло?

— Стойте, онъ не пьянъ. Дай бутылку, сказала Анатоль, и, взявъ со стола стаканъ, подошелъ къ Пьеру.

— Прежде всего пей.

Пьеръ сталъ пить стаканъ за стаканомъ; исподлобья оглядывая пьяныхъ гостей, которые опять столпились у окна, и прислушиваясь къ ихъ говору. Анатоль наливалъ ему вино и рассказывалъ, что Долоховъ держитъ пари съ англичаниномъ, Стивенсомъ, морякомъ, бывшимъ тутъ, въ томъ, что онъ, Долоховъ, выпьетъ бутылку рому, сидя на окнѣ треть资料 съ опущенными наружу ногами.

— Ну, пей же всю! сказала Анатоль, подавая послѣдній стаканъ Пьеру, а то не пущу!

— Нѣть, не хочу, сказала Пьеръ, отталкивая Анатоля и подошелъ къ окну. Долоховъ держалъ за руку англичанина и ясно, отчетливо выговаривалъ условія пари, обращаясь преимущественно къ Анатолю и Пьеру.

Долоховъ былъ человѣкъ средняго роста, курчавый и съ свѣтлыми, голубыми глазами. Ему было лѣтъ двадцать пять. Онъ не носилъ усовъ, какъ и всѣ пѣхотные офицеры, и ротъ его, самая поразительная черта его лица, былъ весь виденъ. Линіи этого рта были замѣчательно-тонко изогнуты.

Въ срединѣ, верхняя губа энергически опускалась на крѣпкую, нижнюю, острымъ клиномъ, и въ углахъ образовывалось постоянно что-то въ родѣ двухъ улыбокъ, по одной съ каждой стороны; и все видѣтъ, а особенно въ соединеніи съ твердымъ, наглымъ, умнымъ взглядомъ, составляло впечатлѣніе такое, что нельзя было не замѣтить этого лица. Долоховъ былъ небогатый человѣкъ безъ всякихъ связей. И несмотря на то, что Анатоль проживалъ десятки тысячъ, Долоховъ жилъ съ нимъ и успѣлъ себя поставить такъ, что Анатоль и всѣ знатные ихъ уважали Долохова больше, чѣмъ Анатоля. Долоховъ игралъ во всѣ игры и почти всегда выигрывалъ. Сколько бы онъ ни пилъ, онъ никогда не терялъ ясности головы. И Курагинъ и Долоховъ въ то время были знаменитостями въ мірѣ повѣсъ и кутиль Петербурга.

Бутылка рому была принесена; раму, не пускавшую свѣтъ на наружный откосъ окна, выламывали два лакея, видимо торопившіеся и робѣвшіе отъ совѣтовъ и криковъ окружающихъ господъ.

Анатоль съ своимъ побѣдительнымъ видомъ подошелъ къ окну. Ему хотѣлось сломать что-нибудь. Онъ оттолкнулъ лакеевъ и потянулъ раму, но рама не сдавалась. Онъ разбилъ стекло.

— Ну-ка ты, силачъ, обратился онъ къ Ієру. Ієръ, взялся за перекладину, потянулъ и съ трескомъ выворотилъ дубовую раму.

— Всю вонъ, а то подумають, что я держусь, сказалъ Долоховъ.

— Англичанинъ хвастаетъ... а?... хорошо?... говорилъ Анатоль.

— Хорошо, сказалъ Ієръ, глядя на Долохова, который,

взять въ руки бутылку рома, подходитъ къ окну, изъ кото-
рого виднѣлся свѣтъ неба и сливавшихся на немъ утренней
и вечерней зари. Долоховъ, съ бутылкой рома въ рукѣ, вско-
чить на окно. Слушать! крикнулъ онъ, стоя на подокон-
нике и обращаясь въ комнату. Всѣ замолчали.

— Я держу пари (онъ говорилъ по-французски, чтобы его
понялъ англичанинъ, и говорилъ не слишкомъ хорошо на
этомъ языке). Держу пари на пятьдесятъ имперіаловъ; хо-
тите на сто? прибавилъ онъ, обращаясь къ англичанину.

— Нѣть, пятьдесятъ, сказалъ англичанинъ.

— Хорошо, на пятьдесятъ имперіаловъ, — что я выпью
бутылку рома всю, не отнимая ото рта, выпью, сидя за ок-
номъ, вотъ на этомъ мѣстѣ (онъ ~~загнулся~~ показалъ по-
катый выступъ стѣны за окномъ) и не держась ни за что...
Такъ...?

— Очень хорошо, сказалъ англичанинъ.

Анатоль повернулся къ англичанину и, взявъ его за пуго-
вицу фрака и сверху глядя на него (англичанинъ былъ малъ
ростомъ), началъ по-англійски повторять ему условія пари.

— Постой! закричалъ Долоховъ, стуча бутылкой по окну,
чтобъ обратить на себя вниманіе. — Постой, Курагинъ; слу-
шайте: если что сдѣлаетъ то же, то я плаку сто имперіа-
ловъ. Понимаете?

Англичанинъ кивнулъ головой, не давая никакъ разумѣть,
намѣренъ ли онъ или нѣть принять это новое пари. Ана-
толь не отпускалъ англичанина и, несмотря на то, что тотъ,
кивая, давалъ знать, что онъ все понялъ, Анатоль перево-
дилъ ему слова Долохова по-англійски. Молодой худощавый
мальчикъ, лейбъ-гусарь, проигравшійся въ этотъ вечеръ,
вылезъ на окно, высунулъ и посмотрѣлъ внизъ.

— У!... у!... у!... проговорилъ онъ, глядя за окно на камень тротуара.

— Смирно! закричалъ Долоховъ и сдернула съ окна офицера, который, запутавшись шторами, неловко спрыгнулъ въ комнату.

Поставивъ бутылку на подоконникъ, чтобы было удобно достать ее, Долоховъ осторожно и тихо полѣзъ въ окно. Спустивъ ноги и расперевшись обѣими руками въ края окна, онъ примѣрился, усѣлся, отпустилъ руки, подвинулся направо, нальво, и досталъ бутылку. Анатоль принесъ двѣ свѣчки и поставилъ ихъ на подоконникъ, хотя было уже совсѣмъ свѣтло. Спина Долохова въ бѣлой рубашкѣ и курчавая голова его были освѣщены съ обѣихъ сторонъ. Всѣ столпились у окна. Англичанинъ стоялъ впереди. Нѣрѣ улыбался и ничего не говорилъ. Одинъ изъ присутствующихъ, постарше другихъ, съ исщуганнымъ и сердитымъ лицомъ вдругъ продвинулся впередъ и хотѣлъ схватить Долохова за рубашку.

— Господа, это глупости; онъ убьется до смерти, сказалъ этотъ, болѣе благоразумный, человѣкъ.

Анатоль остановилъ его.

— Не трогай, ты его исщугаешь, онъ убьется. А?... Что тогда?... А?...

Долоховъ обернулся, поиздѣялся и опять расперевшись руками.

— Ежели кто ко мнѣ еще будетъ соваться, сказалъ онъ, рѣдко пропуская слова сквозь стиснутыя и тонкія губы, — я того сейчасъ сищу вотъ сюда. Ну!...

Сказавъ ну! онъ повернулся опять, отпустилъ руки, взялъ бутылку и поднесъ ко рту, засинулъ назадъ голову и вски-

путь кверху свободную руку для перевѣса. Один изъ лакеевъ, начавшій подбирать стекла, остановился въ согнутомъ положеніи, не спуская глазъ съ окна и спини Долохова. Анатоль стоялъ прямо, разинувъ глаза. Англичанинъ, выпятившисъ впередъ губы, смотрѣлъ сбоку. Тотъ, который останавливалъ, убѣжалъ въ уголъ комнаты и легъ на диванъ лицомъ къ стѣнѣ. Щерь закрылъ лицо, и слабая улыбка, забывшись, осталась на его лицѣ, хоть оно теперь выражало ужасъ и страхъ. Всѣ молчали. Щерь отнялъ отъ глазъ руки: Долоховъ сидѣлъ все въ томъ же положеніи, только голова загнулась назадъ, такъ что курчавые волосы затылка прикасались къ воротнику рубахи, и рука съ бутылкой поднималась все выше и выше, содрагаясь и дѣляя усилие. Бутылка видимо опорожнялась и съ тѣмъ вмѣстѣ поднималась, загибая голову. „Что же это такъ долго?“ подумалъ Щерь. Ему казалось, что прошло больше получаса. Вдругъ Долоховъ сдѣлать движеніе назадъ спиной, и рука его первически задрожала; этого содраганія было достаточно, чтобы сдвинуть все тѣло, сидѣвшее на покатомъ откосѣ. Онъ сдвинулся весь, и еще сильнѣе задрожали, дѣляя усилие, рука и голова его. Одна рука поднялась, чтобы схватиться за подоконникъ, но онѣ опустилась. Щерь опять закрылъ глаза и сказалъ себѣ, что никогда ужъ не откроетъ ихъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что все вокругъ запечелилось. Онъ взглянулъ: Долоховъ стоялъ на подоконникѣ, лицо его было блѣдно и весело.

— Нуста!

Онъ канулы бутылку англичанину, который ловко поймалъ ее. Долоховъ спрыгнулъ съ окна. Отъ него сильно пахло ромомъ.

— Отлично! Молодцомъ! Вотъ такъ пари! Чорть васъ возьми совсѣмъ! кричали съ разныхъ сторонъ.

Англичанинъ, доставъ кошелекъ, отсчитывалъ деньги. Долоховъ хмурился и молчалъ. Ньеръ вскочилъ на окно.

— Господа! Кто хочетъ со мною пари? Я то же сдѣлаю, вдругъ крикнулъ онъ.— И пари не нужно, вотъ что. Вели дать бутылку. Я сдѣлаю... вели дать.

— Пускай, пускай! сказалъ Долоховъ, улыбаясь.

— Чѣмъ ты? съ ума сошелъ? Кто тебя пустить? У тебя и на лѣстницѣ голова кружится, заговорили съ разныхъ сторонъ.

— Я вышю, давай бутылку рому! закричалъ Ньеръ рѣшительнымъ и пьянымъ жестомъ ударяя по столу, и полѣзъ въ окно. Его схватили за руки; но онъ былъ такъ силенъ, что далеко оттолкнулъ того, кто приблизился къ нему.

— Нѣтъ, его такъ не уломаешь, ни за что, говорилъ Анатоль,—постойте, я его обману. Послушай, я съ тобой держу пари, но завтра, а теперь мы все ѳдемъ къ ***.

— Ідемъ, закричалъ Ньеръ, цдемъ!... И Мишку съ собой беремъ... И онъ ухватилъ медвѣдя и, обнявъ и поднявъ его, сталъ кружиться съ нимъ по комнатѣ.

VII.

Князь Василій исполнилъ обѣщаніе, данное на вечерѣ у Аины Павловны, княгинѣ Друбецкой, просившей его о своемъ единственномъ сыне Борисѣ. О немъ было доложено государю, и, не въ примѣръ другимъ, онъ былъ переведенъ въ гвардію Семеновскаго полка прапорщикомъ. Но адъютантъ, или состоящий при Кутузовѣ, Борисъ такъ и не былъ назначенъ, несмотря на все хлопоты и пронски Аины Ми-

хайловны. Вскорѣ послѣ вечера Ани Михайловны, Анна Михайловна вернулась въ Москву, прямо къ своимъ богатымъ родственникамъ Ростовымъ, у которыхъ она стояла въ Москвѣ, и у которыхъ съ дѣтства воспитывался и годами живаль ея обожаемый Борепыка, только что произведенный въ армейскіе и тотчас же переведенный въ гвардейскіе прапорщики. Гвардія уже вышла изъ Петербурга 10-го августа, и сынъ, оставшійся для обмундированія въ Москвѣ, долженъ былъ догнать ее по дорогѣ въ Радзивиловъ.

У Ростовыхъ были именинницы Натальи, мать и меньшая дочь. Съ утра, не переставая, подѣлжали и отѣлжали пуги, подвозившіе поздравителей къ большому, всей Москвѣ известному дому графини Ростовой на Новарской. Графиня съ красивой старшою дочерью и гостями, не перестававшими съѣздить одинъ другого, сидѣли въ гостию.

Графиня была женщина съ восточнымъ типомъ худого лица, лѣтъ сорока пяти, видимо изнуренная дѣтьми, которыхъ у неї было двѣнадцать человѣкъ. Медлительность ея движеній и говора, происходившая отъ слабости силь, придавала ей значительный видъ, внушавшій уваженіе. Княгиня Анна Михайловна Друбецкая, какъ домашній человѣкъ, сидѣла тутъ же, помогая въ дѣлѣ приеманія и заниманія разговоромъ гостей. Молодежь была въ заднихъ комнатахъ, не находя нужнымъ участвовать въ приемѣ визитовъ. Графъ встрѣчалъ и провожалъ гостей, приглашая всѣхъ къ обѣду.

— Очень, очень вашъ благодаренъ, милая или милый (милая или милый оять говорилъ всѣмъ безъ исключенія, безъ малѣйшихъ отг҃ыковъ, какъ выше, такъ и ниже его стоявшимъ людямъ), за себя и за дорогихъ именинницъ. Смотрите же, пріѣзжайте обѣдать. Вы меня обидите, мн-

лый. Душевно прошу васъ отъ всего семейства, милая. Эти слова, съ одинакимъ выражениемъ на полномъ, веселомъ и чисто-выбритомъ лицѣ и съ одинаково крѣпкимъ пожатиемъ руки и повторяемыми короткими поклонами, говорилъ онъ всѣмъ безъ исключенія и измѣненія. Проводивъ одного гостя, графъ возвращался къ тому или той, которые еще были въ гостиной; придвигнувъ кресла, и съ видомъ человѣка любящаго и умѣющаго пожить, молодецки разставивъ ноги и положивъ на колѣна руки, онъ значительно покачивался, предлагалъ догадки о погодѣ, совѣтовался о здоровьеѣ, иногда на русскомъ, иногда на очень дурномъ, но самоувѣренномъ французскомъ языке, и снова съ видомъ усталаго, но твердаго въ исполненіи обязанности человѣка, шель провожать, оправляя рѣдкіе сѣдые волосы на лысинѣ, и опять звать обѣдать. Иногда, возвращаясь изъ передней, онъ заходилъ черезъ цвѣточную и офиціантскую, въ большую мраморную залу, гдѣ накрывали столъ на восемьдесятъ кувертовъ и, глядя на офиціантовъ, посыпавшихъ серебро и фарфоръ, разставлявшихъ столы и развертывавшихъ камчатныя скатерти, подзывалъ къ себѣ Дмитрия Васильевича, дворянина, занимавшагося всѣми его дѣлами, и говорилъ: Ну, пу, Митенька, смотри, чтобы все было хорошо. Такъ, такъ, говорилъ онъ, съ удовольствіемъ оглядывая огромный раздвинутый столъ. Главное сервировка. То-то... И онъ уходилъ, самодовольно вздыхая, опять въ гостиную.

— Марья Львовна Карагина съ дочерью! басомъ доложилъ огромный графининъ выѣздной лакей, входя въ двери гостиной. Графиня подумала и понюхала изъ золотой табакерки съ портретомъ мужа.

— Замучили меня эти визиты, сказала она. — Ну, ужъ

ее послѣднюю приму. Чонорна очень. Проси, сказала она лакею грустнымъ голосомъ, какъ будто говорила: „ну, ужъ добивайте!“

Высокая, полная, съ гордымъ видомъ дама съ кругло-лицей, улыбающейся дочкой, шумя платьями, вошли въ гостиную.

„Милая графиня, уже такъ давно... она была больна, бѣднѣлка.. на балѣ Разумовскихъ... и графиня Апраксина... я такъ была счастлива“ послышались оживленные женскіе голоса, перебивая одинъ другой и сливаясь съ шумомъ платьевъ и передвиганіемъ стульевъ. Начался тотъ разговоръ, который затѣяютъ ровно настолько, чтобы при первой паузѣ встать, заплумбить платьями, проговорить: „Я очень рада; здоровье мамы... и графиня Апраксина“, и опять, зашумѣвъ платьями, пройти въ переднюю, надѣть шубу или плащъ и уѣхать. Разговоръ зашелъ о главной городской новости того времени, о болѣзни извѣстнаго богача и красавца Екатериненскаго времени, старого графа Безухаго; и о его незаконномъ сыне Пьерѣ, который такъ неприлично вель себя на вечерѣ у Анны Навловны Шереръ.— Я очень жалѣю бѣднаго графа, проговорила гостья: здоровье его и такъ плохо, а теперь это борчанье отъ сына, это его убьетъ!“

— Что такое? спросила графиня, какъ будто не зная о чёмъ говорить гостья, хотя она разъ пятнадцать уже слышала причину огорченія графа Безухаго.

— Вотъ пынѣшнее воспитаніе! Еще за границей, — проговорила гостья, — оттѣ молодой человѣкъ предоставленъ былъ самому себѣ, и теперь въ Петербургѣ, говорить, онъ такіе ужасы надѣлалъ, что его съ полиціей выслали оттуда.

— Скажите! сказала графиня.

— Онь дурно выбиралъ свои знакомства, выѣхалась княгиня Анна Михайловна. Сынъ князя Василія, онъ и одинъ Долоховъ, они, говорять, Богъ знаетъ, что дѣлали. И оба пострадали. Долоховъ разжалованъ въ солдаты, а сынъ Безухаго высланъ въ Москву. Анатолія Курагина — того отецъ какъ-то замялъ. Но выедали таки изъ Петербурга.

— Да, что биши они сдѣлали? спросила графиня.

— Это совершиенные разбойники, особенно Долоховъ, говорила гостья. — Онь сынъ Мары Ивановны Долоховой, такой почтенной дамы, и что же? Можете себѣ представить: они втроемъ достали гдѣ-то медвѣдя, посадили съ собой въ карету и повезли къ актрисамъ. Прибѣжала полиція ихъ унимать. Они поймали квартальщаго и привязали его спину со спиной къ медвѣдю, и пустили медвѣдя въ Мойку; медвѣдь плываетъ, а квартальный на немъ.

— Хороша, милая, фигура квартального, закричалъ графъ, помирая со смѣху.

— Ахъ, ужасъ какой! Чему тутъ смѣяться, графъ?

— Но дамы невольно смѣялись и сами.

— Насилу спасли этого несчастнаго, продолжала гостья. — И это сынъ князя Кирилла Владимировича Безухова такъ умно забавляется! прибавила она. — А говорили, что такъ хорошо воспитанъ и уменъ. Вотъ все воспитаніе заграничное куда довело. Надѣюсь, что здѣсь его никто не приметъ, несмотря на его богатство. Мы хотѣли его представить. Я рѣшительно отказалась: у меня дочери.

— Отчего вы говорите, что этотъ молодой человѣкъ такъ богатъ? спросила графиня, наклоняясь отъ дѣвицъ, которыхъ тотчасъ же сдѣлали видѣть, что не слушаютъ. Вѣдь у него только незаконныя дѣти. Кажется... и Пьеръ незаконный.

Гостья махнула рукой. — У него ихъ двадцать незаконныхъ, а думаю.

Княгиня Анна Михайловна вмѣшалась въ разговоръ, видимо желая высказать свои связи и свое знаніе всѣхъ свѣтскихъ обстоятельствъ.

— Вотъ въ чёмъ дѣло, сказала она значительно и тоже полушепотомъ. — Репутація графа Кирилла Владимировича извѣстна... Дѣтамъ своимъ онъ и счетъ потерялъ, но этотъ Пьеръ любимый былъ.

— Какъ стариkъ быть хорошъ, сказала графиня, — еще прошлаго года! Красивѣе мушкины я не видывала.

— Теперь очень перемѣнился, сказала Анна Михайловна. — Такъ я хотѣла сказать, продолжала она: — по женѣ прямой наследникъ всего имѣнья князь Василій, но Цѣра отецъ очень любилъ, занимался его воспитаніемъ, и писалъ государю... такъ что никто не знаетъ, ежели онъ умретъ (онъ такъ плохъ, что этого ждуть каждую минуту, и Лорренъ пріѣхалъ изъ Петербурга), кому достанется это огромное состояніе, Цѣру или князю Василію. Сорокъ тысячъ душъ и миллионы. Я это очень хорошо знаю, потому что мнѣ самъ князь Василій это гонорилю. Да и Кириллъ Владимировичъ мнѣ приходится троюроднымъ дядей по матери. Онъ и крестиль Борю, прибавила она, какъ будто не припомыкала этому обстоятельству никакого значенія.

— Князь Василій пріѣхалъ въ Москву вчера. Онъ ѣдетъ на ревизію, мнѣ говорили, сказала гостья.

— Да, но между нами, сказала княгиня, — это предлогъ; онъ пріѣхалъ собственно къ князю Кириллу Владимировичу, узнавъ, что онъ такъ плохъ.

— Однаво, милая, что славная штука, сказала графъ,

и замѣтивъ, что старшая гостья его не слушала, обратился уже къ барышнямъ. — Хороша фигура была у квартального, я воображаю.

И онъ, представивъ, какъ махалъ руками квартальный, опять захототъ звучнымъ и басистымъ смѣхомъ, колебавшимъ все его полное тѣло, какъ смеются люди, всегда хорошо ъвши и особенно пивши. — Такъ, пожалуйста же, обѣдать къ намъ, сказалъ онъ.

VIII.

Наступило молчаніе. Графиня глядѣла на гостью, пріятно улыбаясь, вирочемъ не скрывая того, что не огорчится теперь никакъ, если гостья поднимется и уѣдетъ. Дочь гостья уже оправляла платье, вопросительно глядя на мать, какъ вдругъ изъ сосѣдней комнаты послышался бѣгъ къ двери нѣсколькихъ мужскихъ и женскихъ ногъ, грохотъ вацѣлленного и поваленного стула, и въ комнату вбѣжала тринадцатилѣтняя дѣвочка, зашагнувъ что-то короткою кисейною юбкою, и остановилась посрединѣ комнаты. Очевидно было, она нечаянно, съ нерасчитанного бѣга, заскочила такъ далеко. Въ дверяхъ, въ ту же минуту, показались студентъ съ малиновымъ воротникомъ, гвардейскій офицеръ, пятнадцатилѣтняя дѣвочка и толстый румяный мальчикъ въ дѣтской курточкѣ.

Графъ вскочилъ и, раскачиваясь, широко разставилъ руки вокругъ вбѣжавшей дѣвочки.

— А, вотъ она! смеясь закричалъ онъ. — Именинница! моя милая именинница!

— Милая, на все есть время, сказала графиня, притворяясь строгою.—Ты ее все балуешь, Elie, прибавила она мужу.

— Здравствуйте, моя милая, поздравляю васъ, сказала гостья. — Какое прелестное дитя! прибавила она, обращаясь къ матери.

Черноглазая, съ большимъ ртомъ, некрасивая, но живая девочка, съ своими детскими, открытыми плечиками, которые скимались, двигались въ свое мѣсто корсажѣ отъ быстраго бѣга, съ своими сбившимися назадъ черными кудрями, тоненькими, оголенными руками и маленькими ножками въ кружевныхъ чангалочикахъ и открытыхъ башмачкахъ, была въ томъ ми-ломъ возрастѣ, когда девочка уже не ребенокъ, а ребенокъ еще не девушка. Вывернувшись отъ отца, она подбѣжала къ матери и, не обращая никакого вниманія на ея строгое замѣчаніе, спрятала свое раскрасневшееся лицо въ кружевахъ материной маитили и засмѣялась. Она смылась чему-то, толкуя отрывисто про куклу, которую вынула изъ подъ юбочки.

— Видите?... Кукла... Мими... Видите. — И Наташа не могла больше говорить (ей все смѣшило казалось). Она упала на мать и расхохоталась такъ громко и звонко, что всѣ, даже чопорная гостья, противъ воли засмѣялись.

— Ну, поди, поди съ своимъ уродомъ! сказала мать, при-
творно сердито отталкивая дочь. — Это моя меньшая, обра-
тилась она къ гостьѣ. Наташа, оторвавъ на минуту лицо отъ
кружевной косынки матери, взглянула на нее снизу, сквозь
слезы смѣха и опять спрятала лицо.

Гостья, принужденная любоваться семейною сценой, сочла
必需нымъ принять въ ней какое-нибудь участіе.

— Скажите, моя милая, сказала она, обращаясь къ Наташѣ, — какъ же вамъ приходится эта Мими? Дочь вѣрио?

Наташѣ не понравился тонъ снисхожденія до детского раз-

говора, съ которымъ гостья обратилась къ ней. Она ничего не отвѣтила и серьезно посмотрѣла на гостью.

Междуд тѣмъ, все это молодое поколѣніе, Борисъ — офицеръ, сынъ княгини Аны Михайловны, Николай — студентъ, старшій сынъ графа, Соня — пятнадцатилѣтняя племянница графа и маленький Петруша — меньшой сынъ, всѣ разыгѣтились въ гостиной и видимо старались удержать въ границахъ приличія оживленіе и веселость, которыми еще дышала каждая ихъ черта. Видно было, что тамъ, въ заднихъ комнатахъ, откуда они всѣ такъ стремительно прибѣжали, у нихъ были разговоры веселые, чѣмъ здѣсь о городскихъ сплетняхъ, ныгодѣ, и графинѣ Апраксиной. Изрѣдка они взглядывали другъ на друга и едва удерживались отъ смѣха.

Два молодые человѣка, студентъ и офицеръ, друзья съ дѣтства, были однихъ лѣтъ и оба красивы, но не похожи другъ на друга. Борисъ былъ высокій, блокурый юноша, съ правильными тонкими чертами спокойнаго и красиваго лица; Николай былъ невысокій курчавый молодой человѣкъ съ открытымъ выражениемъ лица. На верхней губѣ его уже показывались черные волосики, и во всемъ лицѣ выражались стремительность и восторженность. Николай покраснѣлъ, какъ только вошелъ въ гостиную. Видно было, что онъ искалъ и не находилъ, что сказать; Борисъ, напротивъ, тотчасъ же нашелся и рассказалъ спокойно, шутливо, какъ эту Миникуклу онъ знать еще молодою дѣвицей, съ неиспорченнымъ еще носомъ, какъ она въ пять лѣтъ на его памяти состарѣлась, и какъ у ней по всему черепу треснула голова. Сказавъ это, онъ взглянулъ на Наташу. Наташа отвернулась отъ него, взглянула на младшаго брата, который, зажмурившись, тряслся отъ беззучнаго смѣха и, не въ силахъ болѣе удер-

живаться, пригнула и побежала изъ комнаты такъ скоро, какъ только могли вѣсти ее быстрыя ножки. Борисъ не разсмѣялся.

— Вы, кажется, тоже хотѣлиѣхать, маменька? Карета нужна? сказать онъ, съ улыбкой обращаясь къ матери.

— Да, поди, поди, вели приготовить, сказала она улыбаясь. Борисъ вышелъ тихо въ двери и пошелъ за Наташой; толстый мальчикъ сердито побѣжалъ за ними, какъ будто досадуя на разстройство, пройшедшее въ его занятіяхъ.

IX.

Изъ молодежи, не считая старшей дочери графини (которая была четырьмя годами старше сестры и держала себя уже какъ большая) и гостьи — барышни, въ гостиной остались Николай и Соня-племянница. Соня была тоененькака, миниатюрненькая брюнетка, съ мягкимъ, отъненнымъ длинными рѣсицами: взглядомъ, густой черною косой, два раза обивавшую ея голову, и желтоватымъ оттѣнкомъ кожи на лицѣ и въ особенности на обнаженныхъ, худощавыхъ, но грациозныхъ, мускулистыхъ рукахъ и шей. Плавностью движений, мягкостью и гибкостью маленькихъ членовъ, и иѣсколько хитрою идержанной манерой, она напоминала красиваго, но еще не сформировавшагося котенка, который будетъ прелестною кошечкой. Она видимо считала прелестнымъ выражать улыбкой участіе къ общему разговору; но, противъ воли, ея глаза изъ-подъ длинныхъ густыхъ рѣсицъ смотрѣли на уѣзжавшаго въ армию двоюроднымъ братомъ съ такимъ дѣмическимъ страстнымъ обожаніемъ, что улыбка ея немогла ни па мгновеніе обмануть никого, и видно было, что кошечка присѣла только для того, чтобы еще энергичнѣе

прыгнуть и заиграть съ своимъ двоюродныи братомъ, какъ скоро только они такъ же, какъ Борисъ съ Наташой, выберутся изъ этой гостиной.

— Да, милая, сказалъ старый графъ, обращаясь въ гостья и указывая на своего Николая.— Вотъ его другъ Борисъ произведенъ въ офицеры, и онъ изъ дружбы не хочетъ отставать отъ него, бросаешь и университетъ и меня-старика, идеть въ военную службу, моя милая. А ужъ ему мѣсто въ архивѣ было готово, и все. Вотъ дружба-то! сказалъ графъ вопросительно.

— Да, вѣдь война, говорять, объявлена, сказала гостья.

— Давно говорятъ, сказалъ графъ.— Опять поговорить, поговорить, да такъ и оставятъ. Вотъ милая дружба-то! повторилъ онъ.— Онъ идеть въ гусари.

Гостья, не зная, чтѣ сказать, покачала головой.

— Совсѣмъ не изъ дружбы, отвѣчалъ Николай, ~~зспихнувшись~~ и отговариваясь какъ будто отъ постыднаго на него ~~на~~ на клеша.— Совсѣмъ не дружба, а просто чувствую призваніе къ военной службѣ.

Онъ оглянулся на кузину и на гостью-барышню: обѣ смотрѣли на него съ улыбкой одобренія.

— Нынче обѣдаешь у насъ Шуберть, полковникъ Навлоградскаго гусарскаго полка. Онъ былъ въ отпуску здѣсь, и беретъ его съ собой. Что дѣлать? сказалъ графъ, пожимая плечами и говоря шуточно о дѣлѣ, которое видимо стоило ему много горя.

— Я ужъ вамъ говорилъ, папенька, сказалъ сынъ, что, ежели вамъ не хочется меня отпустить, я останусь. Но я знаю, что я никуда не гожусь, кромѣ какъ въ военную службу; я не дипломатъ, не чиновникъ, не умѣю скрывать того что,

чувствую, говорилъ онъ, все поклонившись юностию кра-
слой молодости да Соню и гостью-барышни. —
Кошечка, виноватъ въ него глазами, казалась каждую се-
кунду готовою занграть и выкинуть всю свою кошачью наружу.

— Ну, ну, хорошо! — сказалъ старый графъ: — все, горя-
чется. Все Бонапарте, всѣмъ голову вскружили; все думаютъ,
какъ это онъ изъ поручиковъ попалъ въ императоры. Что жъ
дай Богъ, прибавилъ онъ, не замѣчаю на смѣшливой улыбки
гостья.

Большие заговорщи о Бонапарте. Жюли, дочь Карагиной,
обратилась къ молодому Гостову:

— Каждъ жаль, что васъ не было въ четверть у Архаро-
выхъ. Мнѣ скучно было безъ васъ, сказала она, пѣши улы-
баясь ему. — Помыщенный молодой человѣкъ съ юкетливой
улыбкой молодости ближе дресельѣ къ лей и вступить съ улы-
бающейся Жюли въ отдаленный разговоръ, совсѣмъ не зал-
ибая тѣло, что эта его невольная улыбка ножемъ ревности
рвало сердце красавицѣ и притворяю улыбающейся Сони. —
Въ серединѣ разговора онъ оплянулся на лесъ. Соня страстно-
злобленно взглянула на него и, едва удерживая на глазахъ
слезы, а на губахъ притворную улыбку, встала и вышла изъ
комнаты. Все оживленіе Николая исчезло. Онъ выждалъ мертвый
перерывъ разговора и съ разстроеннымъ лицомъ вышелъ
изъ комнаты, отыскивать Соню.

— Какъ секреты-то этой всей молодежи, шиты, бѣлыми
нитками! сказала Анина Михайловна, указывая на выходящаго
Николая. Бѣдовое дѣло — двоюродные братцы и сестрицы,
прибавила она.

— Да, сказала графиня, послѣ этого какъ лучше солнца,
проникнувшій въ костиную вмѣсть съ рѣшимъ молодымъ по-

кофейниемъ; исчезъ, и, какъ будто отычалъ на вопросъ, кото-
рого никто ей не дѣлалъ, но который постоянно занималъ
ее: — сколько страданий, сколько беспокойствъ перенесено
за то, чтобы теперь на нихъ радоваться! А и теперь право
больше страха, чѣмъ радости. Все бояться, все бояться!
Именно таъ возрастъ, въ которомъ такъ много опасностей
и для девочекъ и для мальчиковъ.

— Все отъ воспитанія зависятъ, сказала гостья.

— Да, ваша правда, продолжала графиня. — До сихъ поръ
я была, славу Богу, другомъ своихъ дѣтей, и пользуюсь пол-
нымъ ихъ довѣріемъ, говорила графиня, повторяя заблужде-
ніе многихъ родителей, полагающіхъ, что у дѣтей нѣтъ вѣтъ
тайнъ отъ нихъ. — Я знаю, что я всегда буду первою извѣ-
ренной моихъ дочерей, и что Николинка, по своему прыгуну-
му характеру, ежели будетъ шалить (мальчику нельзѧ быть злоро),
то все не такъ, какъ эти Петербургскіе господа.

— Да, славные, славные ребята, подтвердила графъ; всегда
разрѣшившій замутанные для него вопросы тѣмы, что все
находилъ славными. — Вотъ подите, захотѣлъ въ туары!
Что вы хотите, ma chete!

— Какое милое существо ваша мечтыша, сказала гостья.
Норохъ!

— Да, норохъ, сказалъ графъ; — Въ меня попада! И такой
голосъ: хоть и моя дочь, а я правду скажу, пѣвица будешь,
Саломони другая. Мы взяли итальянца ее учить;

— Не рано ли? Говорить, вредно для голоса учиться въ эту
пору.

— О нѣть, какой рано! сказала графъ. Какъ же наши
матери выходили въ двѣнадцати-тринадцать лѣтъ замужъ?

— Ужъ она и теперь влюблена въ Бориса! Какова! сказ-

зала графини, тихо улыбаясь, глядя на мать Бориса и, видимо, с любчайшей мыслью, всегда ее занимавшую, проговорила: «Ну, вотъ видите, дерки я ее строго, запрещай я ейъ да Богъ знаетъ, чѣмъ бы они дѣлали потихоньку» (графини разумѣла, они цѣловались бы), «а теперь я знаю каждое ея слово. Она сама вчера отъ приѣзжихъ и все мнѣ рассказалъ. Можетъ быть, я белую ейъ, но право это, кажется, лучше. И старшую деркала строго».

— Да, менѣ совсѣмъ иначе воспитывали, сказала старшая, красивая графиня Вѣра, улыбаясь. Но улыбка не украсила лица Вѣры, какъ это обыкновенно бываетъ; напротивъ, лицо ея стало непрѣстѣнно и оттого испрѣятно. Старшая, Вѣра была хороша, была не глупа, училась прекрасно, была хороша, воспитана, голосъ у нея былъ пріятный, и то, что она сказала, было справедливо и умѣсто; но, странное дѣло, все гости приѣхавшие изъ графини, оглянувшись на нее, какъ будто удивились, зачѣмъ она это сказала, и почувствовали неловкость.

— Всегда съ старшими дѣтьми мудрѣть, хотѣть сдѣлать что-нибудь необыкновенное, сказала гостья.

— Что грѣха таить, ша chère! Графинюшка мудрила съ Вѣрой, сказала гостья. — Ну, да что жъ! все-таки главная вышла, прибавилъ онъ, одобрительно подмигивая Вѣре.

Гости загадали и уѣхали, обѣщаясь пріѣхать къ обѣду.

— Что за манера! Ужъ сидѣли, сидѣли! сказала графиня, проводя гостей.

Когда Наташка вышла изъ гостиной и побѣжала, она добѣжала только до цветочницы. Въ этой комнатѣ она пестовала, приступивши къ говору въ гостиной и ожидая

выхода Бориса. Она уже начинала приходить в нетерпение, и, топнув ножкой, собираясь было запахать оттого, что она не сейчас шла, когда слышались ни тихие, ни быстрые, приличные шаги молодого человека. Наташа быстро бросилась между кадовь цвѣтовъ, и спряталась.

Борисъ остановился посереди комнаты, согнулся; смахнулъ рукой соринки съ рукава мундира и подошелъ къ зеркалу, разматривая свое красивое лицо. Наташа, притихнувъ, выглядывала изъ своей засады, ожидая, что она будетъ дѣлать. Онъ постоялъ довольно времени передъ зеркаломъ, улыбнулся и пошелъ къ выходной двери. Наташа хотѣла его окликнуть, но потомъ раздумала. — Пускай ищетъ, сказала она себѣ. Только что Борисъ вышелъ, какъ изъ другой двери вышла раскрасневшаяся Соня, сквозь слезы, что то злобно щелчущая. Наташа удержалась отъ своего первого движенія выбѣжать къ ней и осталась въ своей засадѣ, какъ подъ шапкой невидимкой, выматривая, что дѣгалось на свѣтѣ. Она испытывала особое новое наслажденіе. Соня искала что-то и оглядывалась на дверь гостиной. Изъ двери вышелъ Николай.

— Соня, что съ тобой? можно ли это? сказала Николай, подбѣгая къ ней.

— Ничего, ничего, оставьте меня! Соня зарыдала.

— Нѣтъ, я знаю что.

— Ну, знаете, и прекрасно, и подите къ ней.

— Со-о-она! одно слово! Можно ли такъ мучить меня и себя изъ-за фантазій? говорилъ Николай, взявъ ее за руку; Соня не вырывала у него руки и перестала плакать.

Наташа, не дыша и не дыша, блестящими глазами смотрѣла изъ своей засады. „Что теперь будетъ?“ думала она.

— Соня! м'ягъ весь м'ягъ не нуженъ! Ты одна для меня все, говорила Николай. Я доказу тебе.

— Я не люблю, когда ты такъ говоришь.

— Ну не буду, ну, прости, Соня! Онъ притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ.

— Ахъ, какъ хорошо! подумала Наташа, и когда Соня съ Николаемъ вышли изъ комнаты, она пошла за ними и вызвала къ себѣ Бориса.

— Борисъ, подите сюда, сказала она стъ значительнымъ и хитрымъ видомъ. Мне нужно сказать вамъ одну вещь, Сюда, сюда, сказала она и привела его въ цветочную на то мѣсто между кадокъ, где она была спрятана. Борисъ улыбаясь шелъ за нею.

— Какая же это одна вещь? спросилъ онъ.

Она смущилась, оглянулась вокругъ себя, и увидѣвъ брошенную на кадокъ свою куклу, взяла ее въ руки.

— Поцѣлуйте куклу, сказала она.

Борисъ внимательнымъ, ласковымъ взглядомъ смотрѣлъ въ ее оживленное лицо и ничего не отвѣчалъ. — Не хотите? Ну, такъ подите сюда, сказала она и глубже ушла въ цветы, и бросила куклу. Ближе, ближе! шептала она. Она поймала руками офицера за общдага, и въ цокраснѣвшемъ лицѣ ей видны были торжественность и страхъ.

— А меня хотите поцѣловать? пронеслась она чуть слышно, исподлобья, глядя на него, улыбаясь и чуть не плача отъ волненія.

Борисъ покраснѣлъ, — Какая вы смѣшная! проговорилъ онъ, нагибаясь къ ней, еще болѣе краснѣя, но ничего не предпринималъ и выжидалъ.

Она вдругъ вскочила на кадку, такъ что стала выше его,

обняла его обеими руками; такъ что тонкія, голыя ручки согнулись выше его шеи, и, откинувъ дважды головы волосы назадъ, поцѣловала его въ самыя губы.

Она проскользнула между горшками на другую сторону цветовъ и, опустивъ голову, остановилась.

— Наташа, сказала она, вы знаете, что я люблю васъ, но...

— Вы влюблены въ меня? перебила его Наташа.

— Да, влюбленъ, но, пожалуйста, не будемъ дѣлать того, что сейчасъ... Еще четыре года... Тогда я буду просить вашей руки. — Наташа подумала.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать..., сказала она, считая по тоненькимъ пальчикамъ. Хорошо! Такъ кончено? — И улыбка радости и успокоенія освѣтила ея оживленное лицо.

— Конечно! сказала Борисъ.

— Навсегда? сказала девочка. До самой смерти?

И взявъ его подъ руку, она съ счастливымъ лицомъ тихо поплыла съ нимъ рядомъ въ диванную.

Графиня такъ устала отъ визитовъ, что не вѣдьма принимать больше никого, и швейцару приказано было только звать непремѣнно купать всѣхъ, кто будетъ еще прѣѣзжать съ поздравленіями. Графинѣ хотѣлось съ глазу-на-глазъ поговорить съ другомъ своего дѣтства, княгиней Анной Михайловной, которой она не видела хорошенько съ тѣхъ прѣѣзда изъ Петербурга. Анна Михайловна, съ своимъ числа-канымъ и пріятнымъ лицомъ, подвинулась ближе къ креслу графини.

— Съ тобой я буду совершенно откровенна, сказала Анна Михайловна. — Ужъ мало нась осталось, старыхъ друзей! Отъ этого я такъ и дорожу твою дружбою.

Анна Михайловна посмотрѣла на Вѣру и остановилась. Графиня пожала руку своему другу.

— Вѣра, сказала графиня, обращаясь къ старшей дочери, очевидно, желѣзной. — Какъ у васъ ни на что понятія нѣть? Развѣ ты не чувствуешь, что ты здѣсь лишня? Поди къ сестрамъ, или...

Красивая Вѣра презрительно улыбнулась, видимо не чувствуя ни малѣйшаго оскорблѣнія.

— Ежели бы вы мнѣ сказали давнѣ, маменька, я бы тотчасъ ушла, сказала она и пошла въ свою комнату. Но, проходя мимо диванной, она замѣтила, что въ ней у двухъ оконшекъ симметрично сидѣли двѣ пары. Она остановилась и презрительно улыбнулась. Соня сидѣла близко подлѣ Николая, который переливалъ ей стихи; въ первый разъ сочиненные имъ. Борисъ съ Наташой сидѣли у другаго окна и замолчали, когда вошла Вѣра. Соня и Наташа съ виноватыми и счастливыми лицами взглянули на Вѣру.

Весело и трогательно было смотрѣть на этихъ влюблѣнныхъ дѣвочекъ, но видъ ихъ очевидно не возбуждалъ въ Вѣре пріятнаго чувства. — Сколько разъ я васъ тросила, сказала она, не братъ моихъ вещей, у васъ есть своя комната. Она взяла отъ Николая чернильницу.

— Сейчасъ, сейчасъ, сказала онъ, мокай перо.

— Вы все умѣете дѣлать не въ время, сказала Вѣра. То прибѣжало въ гостиную, такъ что всѣмъ совѣстно сдѣлалось за васъ. — Несмотря на то, или именно потому что сказанное ею было совершенно справедливо, никто ей не отвѣчалъ,

и все четверо только переглядывались между собой. Она медлила вынимать съ чернильницей въ рукѣ.

— И какіе могутъ быть въ ваши годы секреты между Наташой и Борисомъ и между вами — все одни глупости!

— Ну что тебѣ за дѣло, Вѣра? тихенькихъ долоскомъ, за-стуническихъ проговорила Наташа. Она видимо была ко всѣмъ, еще болѣе, чѣмъ всегда, въ этотъ день добра и ласкова.

Очень глупо, сказала Вѣра, мнѣ совсѣмъ за васъ. Что за секреты...?

У каждого свои секреты. Мы тебѣ съ Бергомъ не трогаемъ, сказала Наташа, разгорячаясь.

— Я думаю не трогаете, сказала Вѣра, потому что въ моихъ поступкахъ никогда ничего не можетъ быть дурного. А вотъ я маменьки скажу, какъ ты съ Борисомъ обходишься.

Наталья Ильинична очень хорошо со мной обходится, сказала Борисъ. Я не могу жаловаться, сказала она.

— Оставьте, Борисъ, вы такой дипломатъ (слово дипло-матъ было въ большомъ ходу у дѣтей въ томъ особомъ значеніи, какое они придавали этому слову); даже скучно, сказала Наташа, осиротленный и дрожащий долоскомъ. За что она ко мнѣ дристаѣтъ?

Ты этого никогда не поймешь, сказала она, обращаясь къ Вѣрѣ, потому что ты никогда никого не любила; у тебя сердца нѣть, ты только madame de Genlis (это проавище, считавшееся очень обиднымъ, было дано Вѣрѣ Николаевѣ), и твое первое удовольствіе дѣлать непріятности другимъ. Ты кокетничай съ Бергомъ, сколько хочешь, проговорила она скоро.

— Да ужъ я вѣрмо не стану передъ гостями бѣгать за молодымъ человѣкомъ.

— Ну, добижаюсь своего! въжалася Николай; наговорила вѣсть непрѣятностей, разстроила вѣху! Пойдемте въ дѣтскую. — Всѣ четверо, какъ спугнугахъ стая птицъ, поднялись и пошли изъ комнаты.

— Мнѣ наговорили непрѣятностей, аѣи чиному ничего, сказала Вѣра.

— Madame de Genlis! Madame de Gentilis! проговорили сѣющіеся голоса изъ за двери.

Красивая Вѣра, производившая на всѣхъ такое раздражающее, непрѣятное дѣйстіе, улыбнулась и видимо не затронутая тѣмъ, что ей было сказано, подошла къ зеркалу и оправила шарфъ и прическу. Глядя на свое красивое лицо, она стала, повидимому, еще холоднее и спокойнѣе.

Въ гостиной продолжался разговоръ.

— Ah! chère, говорила графиня, и въ моей жизни не все разы. Развѣ и не вижу, что при нашемъ образѣ жизни, нашего состоянія насыпь не надолго! И все это клубы, и его доброта. Въ деревни мы живемъ, развѣ мы отдыхаемъ? Тенатры, охоты и Воръ знаетъ что! Да что обѣ мнѣ говорить! Ну, какъ же ты это все устроила? И часто на тебя удивляюсь, Annette, такъ это ты, въ твои годы, скочешьъ изъ тѣлозѣкъ одни, въ Москву, изъ Петербурга, во всѣми министрамъ, ко всей знати, со всѣми умѣньями обойтись! удивляюсь. Ну, какъ же это устроилось? Воръ я ничего этого не умѣю! — Ахъ, душа моя! откликнула княгиня Адѣна Михайловна. Не дай Воръ тебѣ ушатать, какъ тяжело оставаться вдовой безъ подпоры чѣмъ языкомъ, второго любившаго обожанія! Всему научишься! продолжали они съ нѣкоторою гордостью. А проѣ

цессъ мой меня научилъ. Ежели мнѣ нужно видѣть кого-нибудь изъ этихъ туземъ, я пишу записку: „княгиня тоже-то желаетъ видѣть такого-то“, и вѣду сама на язвоцікѣ хоть два, хоть три раза, хоть четыре, до тѣхъ моръ, пока не добьюсь того, что мнѣ надо. Мнѣ все равно, что бы обо мнѣ ни думали.

— Ну, какъ же, кого ты просила о Борецкѣ? спросила графиня. — Вѣдь вотъ твой уже офицеръ гвардіи, а Николушка идетъ ингеромъ. Нѣкому хлопотать. Ты кого просила?

— Князя Василія. Онъ быть очень милъ. Сейчасъ на все согласился, доложилъ государю, говорила княгиня Анна Михайловна съ восторгомъ, совершенно забывъ все унижение, черезъ которое она прошла для достиженія своей цѣли.

— Что онъ постарѣлъ, князь Василій? спросила графиня. — Я его не видала съ нашихъ театровъ у Румянцевыхъ. И думаю, забылъ про меня. Онъ за мной ухаживалъ, вспомнила графиня съ улыбкой.

— Все такой же, отвѣчала Анна Михайловна, дѣбезень, разсыпается. Высокое положеніе не вскружило ему головы, никакъ. „Я жалѣю, что слишкомъ мало могу вамъ сдѣлать, милая княгиня, онъ мнѣ говорить: приказывайте.“ Нѣтъ, онъ славный человѣкъ, и родной прекрасный. Но ты знаешь, Nathalie, мою любовь къ сыну. Я не знаю, чего я же сдѣлала бы для его счастья. А обстоятельства мои до того дурины, продолжала Анна Михайловна съ грустью и моникая голосъ, — до того дурины, что я теперь въ самомъ ужасномъ положеніи. Мой несчастный процессъ съѣдаетъ все, что я имѣю, и не подвигается. У меня нѣть, можешь себѣ представить, à la lettre, нѣть гравенника денегъ, и я не знаю на чѣо обмундировать Бориса... — Она вывела платокъ и заплакала. — Мне нужно

нагость рублей; а у мене одна двадцати-рублевая бу-
мажка. Я въ такомъ положеніи... Одна моя надежда теперь
на князя Кирилла Владимировича Безухова. Ежели онъ не
захочеть поддержать своего крестника — вѣдь онъ крестиль
Борю — и назначить ему что-нибудь на содержаніе, то всѣ
мои хлопоты пропадутъ: мнѣ не на что будетъ обмундиро-
вать его.

Графиня прослезилась и молча соображала что-то.

— Часто думаю, можетъ это и грѣхъ, сказала княгиня, —
а часто думаю: вотъ князь Кириллъ Владимировичъ Безухой
живетъ одинъ... это огромное состояніе... и для чего живеть?
Ему жизнь въ тирѣ, а Борѣ только начинать жить...

— Онъ вѣрно оставитъ что-нибудь Борису, сказала графиня.

— Богъ знаетъ, чѣреѣтъ! Эти богачи и вельможи такие
жгосты. Но я все-таки побуду сейчасъ къ нему съ Борисомъ
и прямо скажу, въ чемъ дѣло.. Пускай обо мнѣ думаютъ, что
хотятъ, мнѣ право все равно, когда судьба сына зависить отъ
этого. — Княгиня поднялась.

— Теперь два часа, а въ четыре часа вы обѣдасте:
Я успѣю сѣсть.

И съ пріемами петербургской дѣловoy барыни, умѣющей
использоваться временемъ, Анна Михайловна послала за сы-
номъ, и вѣдѣть съ нимъ выпила въ переднюю.

— Прощай, душа моя, сказала она графинѣ, которая про-
вожала ее до двери, — пожелай мнѣ успѣха, прибавила она
шепотомъ отъ сына.

— Вы къ князю Кириллу Владимировичу, та чѣреѣ? сказ-
ать графъ изъ столовой, выходя тоже въ переднюю. — Коли
сну лучше, зовите Ильюша мати обѣдать. Вѣдь онъ у меня
бываешь, съ дѣтьми танцоваться. Зовите непремѣнно та чѣреѣ.

Ну посмотримъ; какъ-то отличится нынче Тарасъ... Говоритьъ, что у графа Орлова такого обѣда не бывало, какой у насъ будетъ, некуда: затѣмъ какъ-то буде... Такъ-такъ, вѣдь я и самъ не зналъ, а то я бы... — вспомнилъ князь Агапитъ, сѣдя на стулѣ, и опять смотрѣлъ на сына.

XII

— Мой милый Борисъ, сказала княгиня Анна Михайловна сыну, когда карета графини Ростовой, въ которой они сидѣли, проѣхала по устланной соломой улицѣ и вѣжала на широкій дворъ графа Бирюза Владимира. — Мой милый Борисъ, сказала мать, вырастивъ руку изъ-подъ старого салона и робкими и ласковыми движеніемъ клада ее на руку сына, — будь ласковъ, будь внимателенъ... Графъ Бирюзъ Владимиръ искони таки тебѣ крестный отецъ, и отъ него зависѣтъ твоя будущая судьба... И помни это, мой бѣхер, будь милъ, какъ ты умѣешь быть... отъ этого зависитъ твой путь... Если бы я знала, что изъ этого выйдетъ... Но что-нибудь кромѣ униженія..., отвѣчать сына ходили... Но я обѣщаю вамъ, и дѣлаю это для васъ, чтѣмъ я люблю васъ!

Несмотря на то, что чья-то карета стояла у подъѣзда, швейцарь, омыдливъ матерь съ сыномъ (которые, не приказывая докладывать о себѣ, прямо вошли въ стеклянныя сѣни между двумя рядами статуй въ нишахъ), значительно, несмотрѣвъ на старенький салонъ, спросилъ сына, какъ угодно, княженъ или графа и, узнавъ, что графа, сказалъ, что ихъ сіятельству нынче хуже, и ихъ сіятельство никого не принимаютъ... — и сѣдѣлъ, съ склонившимся головой. — Ну, — сказалъ графъ, — мы можемъ уѣхать, — сказала сынь по-французски.

— Мой другъ! сказала мать умоляющимъ голосомъ, снять дотрогиваясь до руки сына, какъ будто это прикосновеніе

могло успокаивать или возбуждать его. Борясь замолчать, и, не снимая шинели, вопросительно смотреть на мать.

— Голубчикъ, нѣжнымъ голоскомъ сказала Анна Михайловна, обращаясь къ швейцару, — я знаю, что графъ Кирилль Владимировичъ очень боленъ; я затѣмъ и приѣхала... я родственница... Я не буду бездоконть, голубчикъ... А мнѣ бы только надо увидать князя Василія Сергеевича; вѣдь онъ здѣсь стойть. Доложи пожалуйста.

Швейцарь угрюмо дернувъ снурокъ наверхъ и отверпился.

— Книгияя Друбецкая къ князю Василію Сергеевичу, крикнулъ онъ, сбѣжалвшему сверху и изъ-подъ выступа лѣстницы выглядывавшему офицанту въ чулкахъ, башмакахъ и фракѣ, и стоявшему въ коридорѣ, — не обижайтесь.

Мать расправила складки своего крашенаго, лщекового платья, посмотрѣлась въ цѣльное венеціанско зеркальце стѣнѣ, и бодро въ своихъ стодтанныхъ башмакахъ пошла впередъ, по ковру лѣстницы.

— Мой другъ, ты мнѣ обѣщаешь, обратилась она, рѣвѣть къ сыну, прикосновенiemъ руки возбуждалъ его. Сынъ, опустивъ глаза, спокойношелъ за нею.

Они вошли въ залу, изъ которой одна дверь вела въ ногами, отведенными князю Василію.

Въ то время, какъ мать съ сыномъ, выйдя на середину комнаты, замѣрѣлись спросить дорогу у выскочившаго при ихъ входѣ старого офицанта, у одной изъ дверей повернулась бронзовая ручка, и князь Василій, въ бархатной шубкѣ, съ одной звѣздой, по-домашнему, вышелъ, провожая красаваго, черноволосаго мужчину. Мужчина этотъ былъ заслуженный петербургскій докторъ Lorrain.

— Такъ, это положительно, такъ? говорилъ князь.

— Князь, „егтare humilium est“ отвѣчать докторъ; грас-
сируя и произнося латинскія слова французскимъ выговоромъ.

— Хорошо, хорошо... — сказала она.

Замѣтилъ Анну Михайловнуъ съ сыномъ, князь Василій по-
клономъ отпустилъ доктора, и моляча, но съ вопросительнымъ
видомъ, подошелъ къ нимъ. Сынъ замѣтилъ, какъ вдругъ
глубокая горесть выразилась въ глазахъ его матери, и слегка
улыбнулся.

— Да, въ какихъ грустныхъ обстоятельствахъ пришлось
намъ видѣться, князь... Ну, что нашъ дорогой больной? —
сказала она, какъ будто не замѣчая холода, оскорбитель-
наго, устремленаго на нее взгляда. Князь Василій вопроси-
тельно, до недоумѣнія, посмотрѣлъ на нее, потомъ на Бори-
са. Борисъ учтиво поклонился. Князь Василій, не отвѣчая
на поклонъ, отвернулся къ Анне Михайловнѣ, и на ея во-
просъ отвѣчалъ движеніемъ головы и губъ, которое означало
самую плохую надежду для больного.

— Неужели? воскликнула Анна Михайловна. — Ахъ, это
ужасно! Странно подумать... Это мой сынъ, прибавила она,
указывая на Бориса. — Онъ самъ хотѣлъ благодарить васъ.
Борисъ еще разъ учтиво поклонился.

— Вѣрите, князь, что сердце матери никогда не забудетъ
того, чтѣ вы сдѣлали для насъ.

— Я радъ, что могъ сдѣлать вамъ пріятное, любезная моя
Анна Михайловна, сказалъ князь Василій, оправляя жабо
и въ жестѣ и голосѣ проявляя здѣсь, въ Москвѣ, передъ
покровительствомъ Аниою Михайловной еще гораздо болѣ-
шую важности, чѣмъ въ Петербургѣ, въ вечерѣ у Annette
Шерертъ.

— Старайтесь служить хорошо и быть достойными, при-

баниль тонь, строго обращаясь к Борису.— Я родъ... Вы здесь выстуслу? мроднителъ тонь своими безстрастными тономъ.

— Жду привадъ, ваше сиятельство, чтобы отиравитъ ио новому назначению, отвѣчалъ Борисъ, не вызывая ии дозады за рѣзкій тонъ князя, ни желанія вступить въ разговоръ, но толь словою и почтительно, что князь пристально поглядѣлъ на него.

— Вы вместе съ матушкой? прибавилъ князь.

— Я живу у графини Ростовой, сказаъ Борисъ, снять прибавилъ: — ваше сиятельство, я добѣжала до князя.

— Это толь Илья Ростовъ, который женился на *Nathalie Shinninой*, сказала Анна Михайловна.

— Здоро, знаю, сказаъ князь Василий своимъ монотоннымъ голосомъ. Я никогда ии могъ, понять, какъ Наталья рѣшилась выйти замужъ за этого грекаго медика. Совершенно глупая и смѣшная особа. Къ тому же ипрѣть, говорить.

— Но добрый человѣкъ, князь, замѣтила Анна Михайловна, трогательно улыбаясь, какъ будто и она знала, что и графъ Ростовъ заслуживалъ такого мѣдика, ибо просила показать бѣднаго старика.

— Чѣмъ говорить доктора? спросила княгиня, помолчавъ немножко и снять выражая большую печаль на своемъ искаленномъ лицѣ.

— Мало надежды, сказаъ князь.

— А мнѣ толь моглось еще разъ поблагодарить дядю за всѣ его благодѣнія и мнѣ и Борѣ. Это его крестникъ, прибавила она такимъ тономъ, какъ будто это извѣстие должно было крайне обрадовать князя Василия.

Князь Василий задумался и поморщился. Анна Михайловна

поняла, что онъ боялся найти въ ней соперницу по звѣщиано грава Везухаго! Она послѣдила упомянуть его. — Ежели бы не моя истинная любовь и преданность бдѣ, сказала она, съ особеннюю увѣренностию и небрежностю выговаривая это слово! — я знаю его характеръ, благородный, прямой; но, вѣдь, одинъ князь при немъ...!... Она еще молоды...!... Она наклонила голову и прибавила испепомѣтъ: — исполнилъ ли онъ послѣдній долгъ, князь? Какъ драгоценны эти послѣднія минуты! Вѣдь хуже быть не можетъ; это необходимо приготовить, ежели онъ такъ клоунъ. Мы, женщины, князь, — она вѣжно улыбнулась, — всегда знаемъ, какъ говорить эти вещи. Необходимо видѣть его. Какъ бы тяжело это ни было для меня, но я привыкла уже страдать.

Князь видимо понялъ, и понятыи наѣхъ и на вечерѣ у Аппетте Шерерь, что отъ Альмы Михайловны трудно отѣлаться. Не было бы тяжело ему это свиданіе, счѣре Анна Михайловна, сказала онъ. — Подождемъ до вечера, доктора обвищали країсь! — и, поднявшись, вышла изъ кабинета.

— Но нельзя ждать, князь, вѣ эти минуты! Подумайте, дѣло идетъ о спасеніи его души! Ахъ! это ужасно! Удѣль христіанина...

Изъ внутреннихъ комнатъ отворилась дверь, и вышла одна изъ княженъ-лемянницъ грава съ угрюмымъ и холоднымъ лицомъ и поразительно-несоразмѣрною по поганъ длинной таліей.

Князь Василий обернулся къ ней. — Ну что онъ? А... Все тоже. И какъ вы хотите, чтобы шумъ..., сказала княжна, оглядывая Анну Михайловну, какъ незнакомую юристку.

— Ah, счѣре, а я васъ было не узнала, съ счастливой улыбкой сказала Анна Михайловна, легко и непод-

ходя къ племяннику графа. — Я только что прѣхала, расно-
заграйте мнай, и буду помогать вамъ ходить за дядюшкой.
Вообразю, какъ вы настрадались, прибавила она, съ уча-
ствиемъ закативая глаза.

Книжна ничего не отвѣтила, даже не улыбнулась и тот-
часъ же вышла. Анна Михайловна сняла перчатки и въ за-
воеванной позиціи расположилась на креслѣ, пригласивъ кназя
Василья сесть подъ себѣ.

— Борисъ! сказала она сыну и улыбнулась: — я пройду
къ графу, и дядька ты поди къ Пьеру, и покажи, пока-
мѣсть, да не забудь передать ему приглашеніе отъ Росто-
выхъ. Они зовутъ его обѣдать. Я думаю, онъ не пойдетъ?
обратилась она къ книжнѣ.

— Напрестоль, сказала книжна, видимо сдѣлавшійся не
въ духѣ. — Я быль бы очень радъ, если бы вы имъ избавили
отъ этого молодого человѣка... Сидить тутъ. Графъ ни разу
не спросилъ про него.

Онъ пожалъ плечами. Офицантъ повелъ молодого человѣка
внизъ и вверхъ по другой лѣстницѣ къ Петру Кирилловичу.

XIII.

Пьеръ такъ и не успѣлъ выбрать себѣ карьеры въ Петер-
бургѣ и действительно былъ высланъ въ Москву за буйство.
Исторія, которую рассказывали у графа Ростова, была спра-
ведлива. Пьеръ участвовалъ въ свидѣваніи квартальнаго
съ медвѣдемъ. Онъ прїхалъ нѣсколько дней тому назадъ
и остановился, какъ всегда въ домѣ своего отца. Хотя онъ
и предполагалъ, что исторія его уже извѣстна въ Москвѣ,
и что дамы, окружающіе его отца, всегда недоброжелательныя
къ нему, воспользуются этимъ случаемъ, чтобы раздражить

графа, онъ все-таки въ день пріѣзда ~~помчалъ~~ половину отца. Войдя въ гостиную, обычное мѣсто пребываніе книжни, онъ извѣргался съ дамами, сидѣвшими за пильцами и за книгой, которую вслухъ читала одна изъ нихъ. Ихъ было три. Старшая, чистоплотная, съ длинною татей, строгая девица, та самая, которая выходила изъ Анны Михайловны, читала; младшія, обѣ румяные и хорошенки, отличавшіяся другъ отъ друга только тѣмъ, что у одной было родинка надѣть губой, очень красившая ее, шили въ пильцахъ. Іньеръ былъ встрѣченъ какъ мертвѣцъ или зачумленный. Старшая княжна прервала чтеніе и мѣлча посмотрѣла на него смущанными глазами; младшія, безъ родинки, приняла точно такое же выраженіе; самая меньшая, съ родинкой, веселаго и смѣливатаго характера, нагнулась къ пильцѣ и чтобы открыть улыбку, вызванную вѣроятно предстоящою сценой, забавность которой она предвидѣла. Она притянула къ низъ ширстипку и нагнулась, будто разбирай узоры и едва удерживаясь отъ смѣха.

— Здравствуйте, кузина, сказалъ Іньеръ. — Вы меня не узнаете?

— Я слишкомъ хорошо васъ узнаю, слишкомъ хорошо.

— Какъ здоровые графа? Могу я видѣть его? спросилъ Іньеръ неловко, какъ всегда, но не смущаясь.

— Графъ страдаетъ и физически, и нравственно, кажется, вы позабыли о томъ, чтобы пригнать ему побольше нравственныхъ страданій.

— Могу я видѣть графа? повторилъ Іньеръ.

— Гм!... ежели вы хотите убить его, совсѣмы убить, то можете видѣть. Ольга, поди, посмотрѣй, готовъ ли бульонъ для дяденьки, скоро время, прибавила она, показывая этимъ

Пьеру, что онъ занятъ и занятъ успокоиваніемъ его отца, тогда какъ онъ очевидно занятъ только его разстроиваніемъ.

Ольга винила Пьера заставлять посмотреть на сестер и, поклонившись, сказала:

— Тавъ я пойду къ себѣ. Когда можно будетъ, вы мнѣ скажите. Ольга вышла, и юношій, не громкій сдѣлъ ге-
стры съ родинкой послышался за нимъ.

На другой день приѣхали князь Василій и помѣстился въ дому графа. Ольга привезла къ себѣ Пьера и сказала ему:

— Мой милый, если вы будете вести себя здѣсь, какъ въ Петербургѣ, вы кончите очень дурно; большие мнѣ нечего вамъ оказать. Графъ очень, очень боленъ: тебѣ совсѣмъ не надо его видѣть.

Съ тѣхъ порь Пьера не тревожили, и онъ цѣлый день проводилъ одинъ извѣруху, въ своей комнатѣ.

Въ то время какъ Ворисъ вошелъ къ нему, Пьеръ ходилъ по своей комнатѣ, изрѣдка останавливалась въ углахъ, дѣлая угрожающіе жесты къ стѣнѣ, какъ будто произнѣлъ невидимаго врага имагой, и строго взглядывая сверхъ очковъ; и затѣмъ вновь начиная свою прогулку, проговаривая неясныя слова, помахивая плечами и разводя руками.

— Англія ионечько кончила! проповѣрилъ онъ, нахмурившись и указывая на кого-то пальцемъ. — Нитть, какъ измѣнились на-
ціи и народному фразу; притоваривается къ... Ольга не успѣла договорить приговора Питту, воображая себѣ въ эту ми-
нуту самими Наполеономъ и вмѣстѣ съ своимъ героями уже
сопроводивъ опасный перѣездъ черезъ На-де-Кале и завоевавъ
Лондонъ. — какъ увидяла входившаго къ нему молодого,
стройного и красиваго офицера. Ольга остановился. Пьеръ

оставилъ Бориса четырнадцатилѣтнимъ мальчишомъ и рѣши-
тельно не помнилъ его; но, несмотря на то, съ свойствен-
ною ему быстрою и радушною манерой, взялъ его за руку и
дружелюбно улыбнулся.

— Вы меня помните? спокойно, съ пріятной улыбкой ска-
зать Борисъ. — Я съ матушкой пріѣхалъ въ графу, но онъ,
кажется, не совсѣмъ здоровъ.

— Да, кажется, нездоровъ. Его все тревожить, отвѣчать
Пьеръ, стараясь вспомнить, кто этотъ молодой человѣкъ.

Борисъ чувствовалъ, что Пьеръ не узнаетъ его, но не
считалъ нужнымъ называть себя, и, не испытывая никакого
смузенія, смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Графъ Ростовъ просилъ васъ нынче пріѣхать къ нему
обѣдать, сказалъ онъ послѣ довольно долгаго и неловкаго
для Пьера молчанія.

— А! Графъ Ростовъ! радостно заговорилъ Пьеръ — такъ
вы его сынъ, Илья. Я, можете себѣ представить, въ первую
минуту не узналъ васъ. Помните, какъ мы въ Воробьевы
горыѣздили съ т-те Jacquot... давно.

— Вы ошибаетесь, неторопливо, съ сѣйлюю и нѣсколько
насмѣшливую улыбкой, проговорилъ Борисъ. — Я — Пьеръ,
сынъ княгини Анны Михайловны, Друбецкой Ростова отца
зовутъ Ильей, а сына Николаемъ. И я т-те Jacquot никакой
не зналъ.

Пьеръ замахалъ руками и головой, какъ будто комары или
инsects напали на него.

— Ахъ, ну что это! я все спутаюсь. Въ Москвѣ столько
родныхъ! Вы Борисъ... да... Ну вотъ мы съ вами и доузе-
рились. Ну что вы думаете о Булонской экспедиціи? Вѣдь
англичанамъ плохо придется, ежели только Наполеонъ не-

репретируется череань каналъ? Я думаю, что экспедиція очень возможна. Вильневъ бы не оплошалъ!

Борисъ ничего не зналъ про Булонской экспедиціи, онъ не читалъ газетъ и о Вильневѣ въ первый разъ слышалъ.

— Мы видѣо въ Москвѣ больше заняты обѣдами и салетными, чѣмъ политикой, сказать отъ своихъ сподвижниковъ, на склонившись тономъ. — Я ничего про это не знаю и не думалъ. Москва занята сплетнями больше всего, продолжать онъ. — Теперь говорить про васъ и про графа...

Пьеръ улыбнулся своей доброй улыбкой, какъ будто боясь за своего собесѣдника, какъ бы онъ не сказалъ чего-нибудь такого, на чѣмъ стала бы раскаиваться. Но Борисъ говорилъ отчетливо, ясно и сухо, и прямо уляжалъ глаза Пьеру.

— Москвѣ больше дѣлать нечего, какъ салетничать, продолжать онъ. Всѣ заняты гѣмъ, кому оставить графъ свое состояние, хотя, можетъ-быть, онъ переживеть всѣхъ часть, чего я есть думалъ.

— Да, это все очень тяжело, подхватилъ Пьеръ, очень тяжело. Пьеръ все боялся, что этотъ офицеръ нечаянно вдастся въ недовѣріе для самого себя разговоръ.

— А замѣтно казаться, говорилъ Борисъ, слегка краснѣя, но не измѣнивъ голоса и позы, — замѣтно казаться, что всѣ заняты только гѣмъ, чтобы получить что-нибудь отъ богача.

— Такъ есть, подумалъ Пьеръ.

— А я именно хочу сказать вамъ, чтобы избѣжать недоразумѣній, что вы очень ошибаетесь, ежели приятели меня и мою матерь въ числѣ этихъ людей. Мы очень бѣдны, но я по крайней мѣрѣ за себя говорю, — именно потому, что отецъ вашъ богатъ, я не считаю себя его родственникомъ, и ни

я, ни мать никогда ничего не будемъ просить и не прощать отъ него.

Пьеръ долго же могъ понять, но когда понялъ, вскочить съ дивана, ухватить Бориса за руку снизу съ свойственномъ ему быстротой и неловкостью и, раскраснѣвшись гораздо болѣе чѣмъ Борисъ, начать говорить съ сибирскимъ чувствомъ стыда и досады.

— Вотъ это странно! Я развѣ... да и ~~кто же~~ я могъ думать... Я очень знаю...

Но Борисъ опять перебилъ его:

— Я радъ, что выскажалъ все. Можеть быть, вѣдь не-иритано, вы меня извините, скажаль онъ, успокоившись Пьера, вмѣсто того, чтобы быть успокоиваемымъ имъ, — ~~но~~ я на-дѣюсь, что не оскорбиль васъ. Я имѣю правило говорить все прямъ... Какъ же мнѣ передать? Вы пріѣдете обѣдать къ Ростовымъ? — И Борисъ, видимо свалившись себѣ ~~какую~~ лѣгкую обязанность, самъ выйдя изъ неловкаго положенія и поставивъ въ него другого, сдѣлался опять совершенно пріятель.

— Нѣтъ, послушайте, сказалъ Пьеръ успокоившись. — Вы удивительный человѣкъ! То, что вы сейчасъ сказали, очень хорошо, очень хорошо! Разумѣется; вы меня не знаете, мы такъ давно не видались... дѣтьми еще... Вы можете предполагать во мнѣ... Я васъ понимаю, очень понимаю! Я бы этого не сдѣлалъ, у меня не достало бы духу, но это прекрасно. Я очень радъ, что познакомился съ вами! Странно, прибавилъ онъ, номолчавъ и улыбаясь, что вы во мнѣ предполагали! — Онъ засмѣялся. — Ну да чтожъ? Мы познакомились съ вами лучше; пожалуйста. Онъ пожалъ руку Борису.

— Вы знаете ли, я ни разу не былъ у графа. Онъ меня не зналъ... Мнѣ его жалко какъ человѣка... Но чтѣ же дѣлать?

— И вы думаете, что Наполеонъ успѣть непрѣправить армію? спросилъ Борисъ улыбаясь.

Цѣрь ~~жена~~, что Борисъ хотѣлъ неремѣнить разговоръ и, соглашаясь съ нимъ, началь излагать выгоды и невыгоды Булонскаго предпріятія.

Лакей привелъ вызвать Бориса въ княгини. Княгиня уѣзжала. Цѣрь обѣщался пріѣхать обѣдать затѣмъ, чтобы ближе сойтись съ Борисомъ, крѣпко жаль его руку, ласково глядя ему въ глаза черезъ очки... Но уходѣ его, Цѣрь долго еще ходилъ по комнатѣ, уже не пронзая невидимаго врага шпагой, а улыбаясь при воспоминаніи объ этомъ миломъ, умномъ и твердомъ молодомъ человѣкѣ.

Какъ это бываетъ въ первой молодости и особенно въ однокомъ положеніи, онъ почувствовалъ безпричинную нѣжность къ этому, молодому, человѣку и обѣщаТЬ себѣ непремѣнно подружиться съ нимъ.

Князь Василій провожалъ княгиню. Княгиня держала шкатулку у глазъ, и лицо ея было въ слезахъ.

— Это ужасно! ужасно! говорила она: — но чего бы мнѣ ни стояло, я исполню свой долгъ. Я пріѣду почевать. Его нельзя такъ оставить. Каждая минута дорога. Я не донимаю, чего мѣшдаютъ князья. Можетъ, Богъ поможетъ мнѣ найти средство его приготовить!.. Прощайте князь, да поддержитъ васъ Богъ!..

— Adieu, ma bonne; отѣвчалъ князь Василій, повернувшись отъ нея.

— Ахъ, онъ въ ужасномъ положеніи, сказала мать сыну, когда они опять садились въ карету. — Онъ, почти никого не узнаетъ.

— Я не понимаю, маменька, какія его отношенія къ Цѣру? спросилъ сынъ.

— Все скажетъ завѣщаніе, мой другъ; отъ него и напа судьба зависить...

— Но почему вы думаете, что онъ оставитъ что-нибудь памъ?

— Ахъ, мой другъ! Онъ такъ богатъ, а мы такъ бѣдны!

— Ну, это еще недостаточная причина, маменка!

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! вѣзъ онъ шоколады! воскликнула мать.

— Ну, это уже лучше, — сказала она, — я буду спасибо имъ, — и съ слезами на глазахъ обняла свою маленькую девочку.

Когда Анна Михайловна уѣхала съ сыномъ къ князю Кирillу Владимировичу Безухову, графиня Ростова долго спѣвала одна, прикладывая платокъ къ глазамъ. Наконецъ она позвонила:

— Что вы, милая, сказала она съ юрлito дѣвушкѣ, которая заставила себя ждатьѣ сколько минутъ, не хотите служить что ли? Такъ я вамъ найду место!

Графиня была разстроена горемъ и унизительной бѣдностью своей подруги и потому была не въ духѣ, что выражалось у нея всегда наименованіемъ горничной: „милая“ и „вы“.

— Виновата-сь, сказала горничная, — она хотела помочь.

— Попросите ко мнѣ графа.

Графъ, переваливался, подошелъ къ женѣ, съ нескромною

вопросомъ видомъ, какъ и всегда.

— Ну, графинюшка! какое счастье мадерой изъ рыбчиковъ

будеть, ша chere! Я попробовать; не даромъ я за Тараеку

тысячу рублей далъ. Ступить!

Онъ сѣлъ подгѣ жены, облокотивъ молодецки руки на

колѣна и взъерошивъ сѣдые волосы. — Что прикажете,

графинюшка?

— Вотъ что, мой другъ, — что это у тебя занѣжто изѣвѣ?

сказала она, указывая на жилет. Это, соже, вѣрно, прибавила она, улыбаясь. — Вотъ что, графъ: мнѣ денегъ нужно.

Ище я сталъ ненадолго оторвавшися отъ письма.

— Ахъ графинишка!... — И графъ засуетился, доставая бумажникъ, — Куда же я денусь безъ письмоподшифровки? —

— Мнѣ много надо, графъ, мнѣ дать по 700 рублей да до. — И она, доставъ батистовый платокъ, терла имъ жилетъ мужа.

— Сейчасъ, сейчасъ. Эй, кто тамъ? крикнула она, такимъ голосомъ, какимъ кричать только люди, уверенные, что тѣ, кого они кличутъ, стремясь, бросаются на ихъ зовъ; — Поплатько! Митеньку!

Митенька, гордый дворянскій сынъ, воспитанный у графа, который теперь завѣдывалъ всѣми его дѣлами, тихими шагами вошелъ въ комнату.

— Вѣдь что, мой милый, сказалъ графъ вошедшему до чтительному юродому неизвѣтку. — Принеси ты мнѣ... опь задумался. — Да, 700 рублей, да. Да смотри, такихъ рваныхъ и грязныхъ, какъ тотъ разъ, не приноси, а хорошихъ, для графини.

Митенька, поклонившися, чтобы чистенькихъ, сказала смиренія, грустно вздохая.

— Ваше сіестельство, когда прикажете доставить? сказълъ Митенька. — Изволите знать, что... Впрочемъ, не извольте беспокоиться, прибавилъ онъ, замѣтивъ, какъ графъ уже началъ тяжело и часто дышать, что всегда было признакомъ начинавшагося гнѣва. — Я было и запамятовалъ... Сю ми-нууу прикажете доставить?

— Да, да, то-то, принеси. Вотъ графинѣ отданъ. — Эхъ золото у меня этотъ Митенька, прибавилъ графъ,

улыбаясь, когда молодой человѣкъ вышелъ. — Нѣтъ того, чтобы нельзя. Я же этого терпѣть не могу. Все можно.

— Ахъ, деньги, графъ, деньги, сколько отъ нихъ гора на свѣтѣ! сказала графиня. — А эти деньги мнѣ очень нужны.

— Вы, графинюшка, мотовка извѣстная, проговорилъ графъ, и, подѣлывая у жены руку, умѣль опять въ кабинетъ.

Когда Анна Михайловна вернулась опять отъ Безукова, у графини лежали уже деньги, все новенькими бумажками, подъ платкомъ на столикѣ, и Анна Михайловна замѣтила, что графиня чѣмъ-то растревожена.

— Ну что, мой другъ? спросила графиня.

— Ахъ, въ какомъ онъ ужасномъ положеніи! Его узывать нельзя, онъ такъ плохъ, такъ плохъ; я минутку побыла, и двухъ словъ не сказала...

— Annette, ради Бога, не откажи мнѣ, сказала вдругъ графиня, краснѣя, что такъ странно было при ея нѣмолодомъ, худомъ и важномъ лицѣ, доставая изъ-подъ платка деньги. Анна Михайловна мгновенно поняла въ чемъ дѣло и ужъ нагнулась, чтобы въ должную минуту ловко обнять графиню.

— Вотъ Борису отъ меня, на шитье мундира...

Анна Михайловна ужъ обнимала ее и плакала. Графиня плакала тоже. Плакали онѣ о томъ, что онѣ дружны и о томъ, что онѣ добры, и о томъ, что онѣ, подруги молодости, заняты такимъ низкимъ предметомъ, деньгами, и о томъ, что молодость ихъ пропала... Но слезы обѣихъ были прѣятны...

XV.

Графиня Ростова съ дочерьми и уже съ болѣшимъ числомъ гостей сидѣла въ гостиной. Трафъ проводилъ гостей-мужчинъ въ кабинетъ, предлагая имъ свою охотничью коллекцію ту-

рекихъ трубокъ. Изредка огнь выходитъ и спрашивалъ: не приѣхала ли? Ждала Марью Дмитріевну Ахросимову, изрази-
мую въ обществѣ то terrible dragon, даму знаменитую не бо-
гатствомъ, не почестами, но прямотой ума и откровенною
простотой обращенія. Марью Дмитріевну знала царская фа-
милия, знала исся Москва и весь Петербургъ, и оба города,
удивляясь ей, шикомолку посыпывались надъ ея грубостью,
разлезывали про нее анекдоты; тѣмъ не менѣе всѣ безъ
исключенія уважали и боялись ее.

Въ кабинетѣ, полномъ дыма, шелъ разговоръ о войнѣ,
которая была объявлена манифестомъ, о наборѣ. Манифеста
еще никто не читалъ, но всѣ знали о его появлѣніи. Графъ
сидѣлъ на стоманѣ, между двумя курившими и разгово-
рившими сосѣдями. Графъ самъ же курилъ и не говорилъ,
а наклоняя голову то на одинъ бокъ, то на другой, съ ви-
димымъ удовольствиемъ смотрѣлъ на курившихъ и слушалъ
разговоръ двухъ сосѣдей своихъ, которыхъ онъ стравилъ
между собой.

Одинъ изъ говорившихъ былъ штатскій съ морщинистымъ,
желчнымъ и бритымъ, худымъ лицомъ, человѣкъ уже при-
ближившийся къ старости, хотя и одѣтый, какъ самый мод-
ный молодой человѣкъ; огнь сидѣлъ съ ногами на стоманѣ,
съ видомъ демона человѣка, и съ боку запустивъ себѣ
далеко въ ротъ листарь, торопливо втыкалъ дымъ и зму-
рился. Это былъ старый холостякъ, Шиншинъ, двоюродный
брать графини, злой лысикъ, какъ ширпотреб говорили въ мос-
ковскихъ гостиныхъ. Онъ, казалось, снисходилъ до своего
собесѣдника. Другой, сибирскій, розовый, гвардейскій офицеръ,
безупречно вымытый, застегнутый и причесанный, держаль
листарь у середины рта и розовыми юбками слегка

вать дымокъ; выпуская его колечками изъ красиваго рта. Это былъ тотъ поручикъ Бергъ, офицеръ Осмейковскаго полка, съ которымъ Борисъ Бахъ имѣлъ въ полкѣ, и который Наташа дразнила Вѣру, старшую графиню, называя Берга ея женихомъ. Графъ сидѣлъ между ними и внимательно слушалъ. Самое приятное дѣлъ графа занятие, за исключениемъ игры въ бостонъ, которую онъ очень любилъ; было положеніе слушающаго; особенно когда ему удавалось отравить двухъ говорливыхъ собесѣдниковъ.

— Ну какъ же, батюшка, топ très honorable Альфонсъ Карлычъ, говорилъ Шиншинъ, носился и соединялъ (въ честь и состояла особенность его рѣчи) самыя народныя русскія выраженія съ изысканными французскими фразами. Вы расчитываете съ правительства доходъ получить, съ роты дежо-децъ получать хотятъ? — И въ это же мгновеніе послышалась:

— Нѣть-сь, Петръ Николаичъ, я только желаю показать, что въ кавалеріи выгодъ гораздо менѣе противъ мѣстъ. Вотъ теперь сообразите, Петръ Николаичъ, мое положеніе.

Бергъ говорилъ всегда очень точно, спокойно и умѣло. Разговоръ его всегда касался только его одного; онъ всегда спокойно молчалъ, пока говорили о чёмъ-нибудь, не имѣю-щемъ прямаго къ нему отношенія. И молчать тавимъ образомъ онъ могъ нѣсколько часовъ, не испытывая и не производя въ другихъ имъ малѣйшаго замѣшательства. Но какъ скоро разговоръ касался его лично, онъ начиналъ говорить пространно и съ видимымъ удовольствіемъ.

— Сообразите мое положеніе, Петръ Николаичъ, будь я въ кавалеріи, я бы получалъ не болѣе двухъ сотъ рублей въ третъ, даже и въ чинѣ поручика, а теперь я получаю двѣсти тридцать, говорилъ онъ съ радостною, приятною улыб-

кой, оглядывая Шиншина и графа, какъ будто для него было очевидно, что его усилий всегда будетъ составлять главную цель желаний всѣхъ остальныхъ людей. — Кромѣ того, Петръ Николаичъ, перейдя въ гвардию, я за виду, продолжалъ Бергъ, и заскакивъ въ гвардейской кѣлотѣ гораздо чаще. Потомъ, сами сообразите, какъ я могъ устроиться изъ двухъ сотни тридцати рублей. А я откладывалъ и еще отцу посыпалъ, продолжалъ онъ, пуская молечко.

— Балансъ установленъ. Нѣмецъ на обухѣ молотить хлѣбъ, какъ говорить пословица, переплѣдавшія интары на другую сторону рѣки, сказала Шиншинъ и подмигнула графу.

Графъ расхохотался. Другіе, вѣдь, видѣли, что Шиншинъ ведетъ разговоръ, поденки послушать. Бергъ не замѣчалъ насмѣшки, ни равнодушія, продолжалъ рассказывать о томъ, какъ переводомъ въ гвардию онъ уже выигралъ чинъ передъ своимъ товарищами по корпусу, какъ въ военное время ротнаго командира могутъ убить, и онъ, оставшись старшимъ въ ротѣ, можетъ очень легко быть ротнымъ, и какъ въ полку все любятъ его, и какъ его папенька имъ доволенъ. Бергъ видимо наслаждался, рассказывая все это, и казалось, не подозревалъ того, что у другихъ людей могли быть тоже свои интересы. Но все, что онъ рассказывалъ, было такъ мило, стѣденно, живность молодого эгоизма его, была тѣкъ очевидна, что отъ обезоруживала своихъ слушателей.

— Ну, батюшка, вы и въ пѣхотѣ и въ кавалеріи, вездѣ пойдете въ ходъ, это я вамъ предрекаю, сказала Шиншинъ, трепеща его, по-целому слушая, могъ съѣсть отоманки. Бергъ радостно улыбнулся. Графъ, заражимъ и вѣсты вышли въ гости къ намъ, а то мы съ вами не можемъ поговорить. И вѣсты сказали, что предстоящее дно съѣсть, а не съѣсть, не можемъ.

Было то время передъ званымъ обѣдомъ, когда собравшіеся гости не вачинаютъ длиннаго разговора въ ожиданіи призыва къ закускѣ, а вѣтѣ съ тѣмъ считаютъ необходиимъ шевелиться и не молчать, чтобы показать, что они никакъ не потерпѣливы сѣсть за столъ. Хозяева порлядаются на дверь и изрѣдка переглядываются между собой. Гости по этимъ взглядамъ стараются догадаться, чого или чего еще ждутъ: важнаго опоздавшаго родственника или кушанья, которое еще не испѣло.

Пьеръ пріѣхалъ передъ самымъ обѣдомъ и человѣко сидѣть посрединѣ гостиной, на первомъ попавшемся креслѣ, запородивъ всѣмъ дорогу. Графиня хотѣла застаканить его говорить, но онъ наивно смотрѣлъ въ очки вокругъ себя, какъ бы отыскивая кого-то, и однозначно отвѣчала на все вопросы графини. Онъ былъ стѣснителенъ и одинъ не замѣчалъ этого. Большая часть гостей, знаящихъ его исторію съ медведемъ, любопытно смотрѣли на этого большаго, толстаго и смиренаго человѣка, недоумѣвая, какъ могъ такой увалень и скромникъ сдѣлать такую штуку съ квартальнымъ.

— Вы недавно пріѣхали? спрашивала у него графиня.
— Oui, madame, отвѣчалъ онъ, оглядываясь.
— Вы не видали моего мужа?
— Non, madame. — Онъ улыбнулся совсѣмъ некстати.

— Вы, кажется, недавно были въ Парижѣ? Я думаю очень интересно.

— Очень интересно. — Онъ сѣлъ на стулъ и началъ говорить. Графиня переглянулась съ Анной Михайловной. **Анна Михайловна** понимала, что ее просятъ занять этого молодого человѣка, и, подсѣвъ къ нему, начала говорить обѣ отцу; но, такъ же, какъ и графинѣ, онъ отвѣчать ей только однознач-

ныши словами. Гости были весь заняты между собой. Разумовские... Это было очень мило... Вы очень добры... Графиня Апраксина... слышалось со всѣхъ сторонъ. Графиня встала и вошла въ залу.

— Марья Дмитріевна? послышалася голосъ изъ залы.

— Она самая, послышалася въ отвѣтъ грубый женскій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ вошла въ комнату Марья Дмитріевна. Всѣ барыни и даже дамы, исключая самыхъ старыхъ, встали. Марья Дмитріевна остановилась въ дверяхъ и съ высоты своего тучного тѣла, высоко держа свою съ дыши буклями пятидесятилѣтнюю голову, оглядела гостей и, какъ бы засучиваясь, отправила неторопливо широкіе рукава своего платя. Марья Дмитріевна всегда говорила по-русски.

— Имениницѣ дорогой съ дѣтками, сказала она своимъ громкимъ, густымъ, подавляющимъ всѣ другіе звуки, голосомъ. — Ты что, старый грѣховодникъ, обратилась она къ графу, цѣловавшему ея руку, — чай скучашь въ Москвѣ? собакъ гонять негдѣ? Да что, батюшка, дѣлать, вотъ какъ эти пташки подрастутъ... — Она указывала на дѣвицъ. — Хочешь не хочешь, надо жениховъ искать.

— Ну, что, казанть мой? (Марья Дмитріевна казакомъ называла Наташу) говорила она, лаская рукой Наташу, подходившую къ ея рѣкѣ безъ страха и весело. — Знаю, что зелье дѣвка, а люблю.

Она достала изъ огромнаго ридикюля яхонтовыи сережки грушевыи и, отдавъ ихъ именино-сіявшей и разрумянившейся Наташѣ, тотчасъ же отвернулась отъ нея, и обратилась къ Шеру.

— Э, э! любезный! нѣди-ка сюда, сказала она притирочно-

тихий и тонкий голосомъ: — Подѣла любезный! И она гровно засучила рукава еще выше. — Погодите, — сказала Нѣръ лодопель, наивно глядя на нее черезъ очки.

— Подойди, подойди, любезный! Я и отшуто твоему правду одна говорила, когда онъ въ случаѣ былъ, а тебѣ-то и Богъ велитъ. Она помолчала. Всѣ молчали, ожидая того, что будетъ, и чувствуя, что было только предисловіе.

— Хорошъ, вечего сказать! хороши, мальчишъ!.. Отецъ на одрѣ лежитъ, а онъ забавляется; извѣтльшаго на медвѣда верхомъ сажаетъ. Стыдно, батюнка, стыдно! Лучше бы на войну шелъ. — Она отвернулась и подала руку графу, который едва удерживался отъ смѣха.

— Ну что жъ, къ столу, я чай, джора?, сказала Марья Дмитріевна.

Впереди пошелъ графъ съ Марьей Дмитріевной, потомъ графиня, которую повелъ гусарскій полковникъ, нужный человѣкъ, съ которымъ Николай долженъ былъ доронять полкъ; Анна Михайловна съ Щиншининъ. Бергъ подалъ руку Вѣрѣ. Улыбающаяся Юли Карагина пошла съ Николаемъ къ столу. За нимишли еще другія шары, протянувшіяся по всей залѣ, а сзади всѣхъ по-одиночкѣ дѣти, гувернеры и гувернантки. Офиціанты зашевелились, студня загремѣли, на хорахъ заиграла музыка, и гости размѣстились. Звуки домашней музыки графа замѣялись звуками ножей и вилокъ, говора гостей, тихихъ шаговъ офиціантовъ. На одномъ концѣ стола во главѣ сидѣла графиня. Справа Марья Дмитріевна, слѣва Анна Михайловна и другія гости. На другомъ концѣ сидѣлъ графъ, слѣва гусарскій полковникъ, справа Щиншининъ и другие гости мужскаго пола. Съ одной стороны длиннаго стола молодежь постарше; Вѣра рядомъ съ Бергомъ. Нѣръ рядомъ съ Бо-

риеомъ; съ другой стороны—дѣти, гувернери и гувернантки. Графъ, изъ-за хрустя бутылокъ и вазъ съ фруктами, поглядывалъ на жену и ея высокій чепецъ съ голубыми лентами, и усердно подливалъ вина своимъ сосѣдамъ, не забывая и себя. Графиня также изъ-за ананасовъ, не забывая обязанности хозяйки, кидала значительные взгляды на мужа, котораго лысина и лицо, казалось ей, своею краснотой рѣзче отличались отъ сѣдыхъ волосъ. На дамскомъ концѣ было равномѣрное лепетанье; на мужскомъ все громче и громче слышались голоса, особенно гусарскаго полковника, который такъ много ъль и пиль, все болѣе и болѣе краснѣя, что графъ уже ставилъ его въ примѣръ другимъ гостямъ. Бергъ съ вѣжной улыбкой говорилъ съ Вѣрой о томъ, что любовь есть чувство не земное, а небесное. Борисъ называлъ новому своему пріятелю Пьеру бывшихъ за столомъ гостей, и переглядывался съ Наташой, сидѣвшей противъ него. Пьеръ мало говорилъ, оглядывалъ новые лица и много ъль. Начиная отъ двухъ суповъ, изъ которыхъ онъ выбралъ à la tortue и кулебяки и до рыбчиковъ, онъ не пропускалъ ни одного блюда и ни одного вина, которое дворецкій, въ завернутой салфеткою бутылкѣ, таинственно высовывалъ изъ-за плеча сосѣда, приговаривалъ: или „дрей-мадера“, или „венгерское“, или „рейнъ-вейнъ“. Онъ подставлялъ первую попавшуюся изъ четырехъ хрустальныхъ, съ вензелемъ графа, рюмокъ, стоявшихъ передъ каждымъ приборомъ, и пилъ съ удовольствіемъ, все съ болѣе и болѣе пріятнымъ видомъ поглядывалъ на гостей. Наташа, сидѣвшая противъ него, глядѣла на Бориса, какъ глядѣть дѣвочки тринадцати лѣтъ на мальчика, съ которымъ они въ первый разъ только что подѣловались и въ котораго они влюблены.. Этаъ, самый взглядъ

ел иногда обращался на Ньера и ему подъ взглдомъ этой смытной оживленной дѣвочки хотѣлось смыться самому, не зная чему.

Николай сидѣлъ далеко отъ Сони, подъ Жюли Карагиной и опять съ той же невольной улыбкой что-то говорилъ съ ней. Соня улыбалась парадно, но видимо мучилась ревностью: то блѣдила, то краснѣла и всѣми силами прислушивалась къ тому, что говорили между собою Николай и Жюли. Гувернантка безпокойно оглядывалась, какъ бы приготавливаясь къ отпору, ежели бы кто вздумалъ обидѣть дѣтей. Гувернеръ-немецъ старался запомнить всѣ роды кунцаний, десертовъ и винъ съ тѣмъ, чтобы описать все подробно въ письмѣ къ домашнимъ въ Германію, и весьма обижался тѣмъ, что дворецкій, съ завернутою въ салфетку бутылкой, обносилъ его. Нѣмецъ хмурился, старался показать видъ, что онъ и не желалъ получить этого вина, но обижался потому, что никто не хотѣлъ понять, что вино нужно было ему не для того, чтобы утолить жажду, не изъ жадности, а изъ добросовѣстной любознательности.

XVI.

На мужскомъ концѣ стола, разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся. Полковникъ рассказалъ, что манифестъ объ объявленіи войны уже выпечъ въ Петербургѣ, и что экземпляръ, который онъ самъ видѣлъ, доставленъ пылкѣ курьеромъ главнокомандующему.

— И зачѣмъ насть нелегкая несеть воевать съ Бонарпартомъ? — сказалъ Шиншинъ. — Онъ уже сбилъ спѣсъ съ Австріи. Воюсь не пришелъ бы теперь пашъ чередъ.

Полковникъ былъ плотный, высокій и сантиническій немецъ, очевидно служака и патріотъ. Онъ обидѣлся словами Шиншина.

— А затѣмъ, милостивый государь, сказалъ онъ, выговаривая это вѣсто *е* и вѣсто *и*. — Затѣмъ, что императоръ это знаетъ. Онъ въ манифестѣ сказалъ, что не можетъ смотрѣть равнодушно на опасности, угрожающія Россіи, и что безопасность имперіи, достоинство ея и святость союзовъ, сказалъ онъ, почему-то особенно налегалъ на слово „союзовъ“, какъ будто въ этомъ была вся сущность дѣла. И съ свойственnoю ему, неизгрызимою, официальную памятью, онъ повторилъ вступительныя слова манифеста... „и желаніе, единственную и непремѣнную цѣль государи составляющее: возворить въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ миръ — рѣшили его двинуть нынѣ часть войска за границу и сдѣлать къ достижению намѣренія сего нового условія“. Вотъ зачѣмъ милостивый государь, заключилъ онъ, назидательно выпивая стаканъ вина и оглядываясь на графа за поощреніемъ.

— Знаете пословицу: „Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома, точилъ бы свои веретена“, сказалъ Шиншинъ, морщаась и улыбаясь. — Это очень приложимо къ намъ. Ужъ на что Суворова, и того расколотили, въ дребезги, а гдѣ у насъ Суворовы теперь? Какъ вы думаете? безпрестанно перескакивалъ съ русскаго на французскій языкъ, говорилъ онъ.

— Мы должны и дратся до послѣднѣхъ капли крови, сказалъ полковникъ, ударяя по столу и умэр-р-реть за своего императора, и тогда всеѣ будутъ хорошо. А разсуждать какъ мо-о-ожно (онъ особенно вытянулъ голову на слово „можно“), какъ мо-о-ожно менѧ, докончилъ онъ, опять обращаясь къ графу. — Такъ старые гусары судятъ, вотъ и вся! А вы

какъ судите, молодой человѣкъ и молодой гусаръ? прибавилъ онъ, обращаясь къ Николаю, который, услыхавъ, что дѣло шло о войнѣ, оставилъ свою собесѣдницу и во всѣ глаза смотрѣлъ и всѣми ушами слушалъ полковника.

— Совершенно съ вами согласенъ, отвѣчалъ Николай, весь вспыхнувъ, вертя тарелку и переставляя стаканы съ такимъ рѣшительнымъ и отчаяннымъ видомъ, какъ будто въ настоящую минуту онъ подвергался великой опасности, — я убѣжденъ, что русскіе должны умирать или побѣждать, сказалъ онъ, самъ чувствуя такъ же, какъ и другое, послѣ того, какъ слово уже было сказано, что оно было слишкомъ восторженно и насыщено для настоящаго случая, и потому неловко.

— Прекрасно! прекрасно то, что вы сказали, — сказала сидѣвшая подлѣ него Жюли, вздыхая. Соня задрожала вся и покраснѣла до ушей, за ушами и до шеи плечь въ то время, какъ Николай говорилъ. Пьеръ прислушался къ рѣчамъ полковника, и ободрительно закивалъ головой.

— Вотъ это славно, сказалъ онъ.

— Настоящій гусаръ, молодой человѣкъ, крикнулъ полковникъ, ударивъ опять по столу.

— О чемъ вы тамъ шумите? вдругъ послышался черезъ столъ басистый голосъ Мары Дмитріевны. — Что ты по столу стучишь? обратилась она къ гусару, — на кого ты горячишься? вѣрно думаешь, что тутъ французы передъ тобой?

— Я правду говорю, улыбаясь, сказалъ гусаръ.

— Все о войнѣ, черезъ столъ прокричалъ графъ. — Вѣдь у меня сынъ идетъ, Мары Дмитріевна, сынъ идетъ.

— А у меня четыре сына въ арміи, а я не тужу. На все воля Божья: и на печи лежа умрешь, и въ сраженіи Богъ

помилуетъ, прозвучалъ безъ всякаго усилия съ того конца стола, густой голосъ Марыи Дмитріевны.

— Это такъ.

И разговоръ опять сосредоточился — дамскій на своемъ концѣ стола, мужской на своемъ. И на концахъ обеихъ.

— А вотъ не спрошишь, говорилъ маленький братъ Наташъ, — а вотъ не спросишь!

— Спроси, отвѣчала Наташа.

Лицо ея вдругъ разгорѣлось, выражая отчаянную и веселую решимость. Она привстала, прыгнула взглядомъ къ Ньера, сидѣвшаго противъ нея, прислушателья, и обратилась къ матери:

— Мама! прозвучалъ по всему столу ея дѣтски-грудной голосъ.

— Чѣмъ тебѣ? спросила графиня испуганно, ибо по лицу дочери увидѣлась, что это была шалость, строго замахала ей рукой, дѣлая угрожающій и отрицательный жестъ головой.

Разговоръ притихъ.

— Мама! какое ныржное будеть? еще рѣшительнѣе, съ срывавшимъ, прозвучалъ голосокъ Натали.

Графиня хотѣла скмуриться, но не могла. Марія Дмитріевна погрозила толстымъ пальцемъ.

— Казакъ, проговорила она съ угрозой.

Большинство гостей смотрѣли на старшихъ, не зная, какъ слѣдуетъ принять эту выходку.

— Вотъ я тебѣ! сказала графиня.

— Мама! чѣмъ ныржное будеть? закричала Наташа, уже съмъ и възвищно-весело, впередъ увѣренная, что выходка ея будетъ принята хорошо.

Соня и толстый Петя прятались отъ смѣха.

— Вотъ я спросила, прошептала Наташа маленькому брату и Пьеру, на котораго она охоть взглянула.

— Мороженое, только тебѣ не дадутъ, сказала Марья Дмитріевна.. Наташа видѣла, что бояться нечего, и потому не побоялась и Марью Дмитріевны.

— Марья Дмитріевна? какое мороженое! Я сливочное не люблю.

— Морковное.

— Нѣтъ, какое? Марья Дмитріевна, какое? почти врѣтала она. — Я хочу знать. Марья Дмитріевна и графиня засмѣялись, и за ними всѣ гости. Всѣ смѣялись не отвѣту Марью Дмитріевны, но непостижимой смѣлости и ловкости этой дѣвочки, умѣвшей и смѣвшей такъ обращаться съ Марьей Дмитріевной.

Наташа отстала только тогда, когда ей сказали, что будетъ ананасное. Передъ мороженымъ подали шампанское. Опять заиграла музыка, графъ поцѣловался съ графинией, и гости, вставая, поздравляли графиню черезъ столь чокались съ графомъ, дѣтьми и другъ съ другомъ.. Опять забѣгали офиціанты, загремѣли стулья, и въ томъ же порядкѣ, но съ болѣе красными лицами, гости вернулись въ гостиную и кабинетъ графа.

XVII.

Раздвинули бостонные столы, составили партіи, и гости графа размѣстились въ двухъ гостиныхъ, диванной и библіотекѣ.

Графъ, распустивъ карты вѣромъ, съ трудомъ удерживался отъ привычки постѣбѣннаго сна и всему смѣялся. Молодежь, подстрекаемая графиней, собралась около клавикорда и арфы. Жюли первая, что проѣхѣла всѣхъ, сыграла

на арфѣ пьеску съ вариациими, и вмѣстѣ съ другими дѣвицами стала просить Наташу и Николая, изъвестныхъ своею музикальностью, спѣть что-нибудь. Наташа, къ которой обратились, какъ къ большей, была видимо этимъ очень горда, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣребѣла.

— Что будемъ пѣть? спросила она.

— „Ключъ“, отвѣчалъ Николай.

— Ну, давайте скорѣе. Борисъ, идите сюда, сказала Наташа. — А гдѣ же Соня? Она оглянулась, увидавъ, что ея друга нѣтъ въ комнатѣ; побѣжала за нею.

Бѣжавъ въ Сонину комнату и не найдя тамъ свою подругу, Наташа побѣжала въ дѣтскую; — и тамъ не было Сони. Наташа поняла, что Соня была въ коридорѣ на сундуки. Сундукъ въ коридорѣ былъ мѣсто печалей женскаго молодаго поколѣнія дома Ростовыхъ. Дѣйствительно, Соня въ своемъ воздушномъ розовомъ платьице, приминая его, лежала ничкомъ на грязной, полосатой пѣницией перинѣ, на сундуки и, закрывъ лицо мальчиками, навзрыдъ плакала, подрагивая своими оголенными плечиками. Лицо Наташи, оживленное, цѣлый день имѣнинное, вдругъ измѣнилось: глаза ея остановились, потому содромулась ея широкая щека, углы губъ опустились.

— Соня! чѣмъ ты?... Чѣмъ съ тобой? У-у-у!... — И Наташа, распустивъ свой большой ротъ и сдѣлавшись совершенно дуриою, заревѣла, какъ ребенокъ, не зная причины и только оттого, что Соня плакала. Соня хотѣла поднять голову, хотѣла отвѣтить, но не могла и еще больше спряталась. Наташа плакала, присѣвъ на синей перинѣ и обнимая друга. Собравшись съ силами, Соня приподнялась, начала утирать слезы и рассказывать,

— Вотъ и спросила, прошептала Наташа маленькому брату и Илью, на котораго она оѣть взглянула.

— Мороженое, только тебѣ не дадутъ, сказала Марья Дмитріевна.. Наташа видѣла, что бояться нечего, и потому не побоялась и Марьи Дмитріевны.

— Марья Дмитріевна? какое мороженое! Я сливочное не люблю.

— Морковное.

— Нѣтъ, какое? Марья Дмитріевна, какое? почти вричала она. — Я хочу знать. Марья Дмитріевна и графиня засмѣялись, и за ними всѣ гости. Всѣ смѣялись не отвѣту Марьи Дмитріевны, но непостижимой смѣлости и ловкости этой дѣвочки, умѣвшей и смѣвшей такъ обращаться съ Марьей Дмитріевной.

Наташа отстала только тогда, когда ей сказали, что будетъ ананасное. Передъ мороженымъ подали шампанское. Опять заиграла музыка, графъ поцѣловался съ графинищею, и гости, вставая, поздравляли графиню, черезъ столь чокались съ графомъ, дѣтьми и другъ съ другомъ. Опять забѣгали офиціанты, загремѣли стулья, и въ томъ же поридѣ, но съ болѣе красными лицами, гости вернулись въ гостиную и кабинетъ графа.

XVII.

Раздвинули бостонные столы, составили партіи, и гости графа размѣстились въ двухъ гостиныхъ, диванной и библіотекѣ.

Графъ, распустивъ карты вѣроюъ, съ трудомъ удерживался отъ привычки постѣбъденнаго сна и всему смѣялся. Молодежь, подстрекаемая графиней, собралась около хланикорда и арфы. Жюли первыи, по просьбѣ всѣхъ, сыграла

на арфѣ пьеску съ вариациими, и вмѣстѣ съ другими девицами стала просить Наташу и Николая, извѣстныхъ своюю музикальностью, спѣть что-нибудь. Наташа, къ которой обратились, какъ къ большей, была видимо этимъ очень горда, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрбла.

— Что будемъ пѣть? спросила она.

— „Ключъ“, отвѣчалъ Николай.

— Ну, давайте скорѣе. Борисъ, идите сюда, сказала Наташа. — А гдѣ же Соня? Она оглянулась и, увидавъ, что ея друга нѣтъ въ комнатѣ, побѣжала за ней.

Бѣжать въ Сонину комнату не найдя тамъ своюю подругу, Наташа побѣжала въ дѣтскую, — и тамъ не было Сони. Наташа поняла, что Соня была въ коридорѣ на сундуки. Сундукъ въ коридорѣ былъ мѣсто печалей женскаго молодаго поколѣнія дома Ростовыхъ. Дѣйствительно, Соня въ своесть воздушномъ розовомъ платьице; приминая его, лежала ничкомъ на грязной, полосатой, пляшной перинѣ, на сундуки и, закрывъ лицо пальчиками, навсредъ плакала, подрагивая своими оголенными плечиками. Лицо Наташи, оживленное, цѣлый день именинное, вдругъ измѣнилось: глаза ея остановились, потому содрогнулась ея широкая шея, углы губъ опустились.

— Соня! чѣмъ ты?... Чѣмъ, чѣмъ съ тобой? У-у-у!... — И Наташа, распустивъ свой большой ротъ и сдѣлавшись совершенно дурною, заревѣла, какъ ребенокъ, не зная причины и только оттого, что Соня плакала. Соня хотѣла поднять голову, хотѣла отвѣтить, но не могла и еще больше спряталась. Наташа плакала, присѣвъ на синей перинѣ и обнимая друга. Собравшись съ силами, Соня приподнялась, начала утирать слезы и рассказывать,

— Николенька ёдетъ черезъ недѣлю; его... бумага... выпла... бнъ самъ мнѣ сказалъ... Да я бы все не плакала... (она показала бумажку, которую держала въ руکѣ: то были стихи, написанные Николаемъ), я бы все не плакала, но ты не можешь... никто не можетъ понять... какая у него душа.

И она опять принялась плакать въ томъ, что душа его была такъ хороша.

— Тебѣ хорошо... я не завидую... я тебя люблю, и Вориса тоже, говорила она, собравшись немногіо съ силами: — онъ милый... для васъ нѣть препятствій. А Николай мнѣ cousin... надобно... самъ митрополить... и то нельзя. И по томъ, ежели маменькѣ (Соня графиню и считала и называла матерью)... она скажетъ, что я порчу карьеру Николая, у меня нѣть сердца, что я неблагодарна, а право... вотъ ей-Богу... (она перекрестилась) я такъ люблю и ее и всѣхъ васъ, только Вѣра одна... За чѣ? Чѣ я ей сдѣлала? Я такъ благодарна вамъ, что рада бы всѣмъ пожертвовать, да мнѣ нѣчѣмъ...

Соня не могла больше говорить, и опять спрятала голову въ рукахъ и перинѣ. Наташа начала успокаивать, но по лицу ея видно было, что она понимала всю важность горя своего друга.

— Соня! сказала она вдругъ, какъ будто догадавшись о настоящей причинѣ огорченія кузинѣ: — вѣрою Вѣра съ тобой говорила послѣ обѣда? Да?

— Да эти стихи самъ Николай написалъ, а я списала еще другие; она и нашла ихъ у меня на столѣ, и сказала, что покажеть ихъ маменькѣ, и еще говорила, что я неблагодарна, что маменька никогда не позволитъ ему жениться

на мнѣ, а онъ женится на Жюли. Ты видишь, какъ онъ съ ней цѣлый день... Наташа! За что?

— И опять она зацарапала горьче прежняго. Наташа приподняла ее, обнажа, и улыбаясь сквозь слезы, стала ее успокаивать.

— Соня, ты не вѣрь ей, душенька, не вѣрь. Помнишь, какъ мы все втроемъ говорили съ Николенкой въ диванной, помнишь, послѣ ужина? Вѣдь мы все рѣшили, какъ будетъ. Я уже не помню какъ, но, помнишь, какъ было все хорошо и все можно. Вотъ дяденька Шиншина братъ женатъ же на двоюродной сестрѣ, а мы вѣдь троюродные. И Борисъ говорилъ, что это очень можно. Ты знаешь, я ему все сказала. А онъ такой умный и такой хороший, говорила Наташа... Ты, Соня, не плачь, голубчикъ, милый, душенька, Соня. — И она цѣловала ее смигнула, — Вѣра злая, Богъ съ ней! А все будетъ хорошо, и маменьки она не скажетъ; Николенка самъ скажетъ, и онъ и не думай объ Жюли.

И она цѣловала ее въ голову. Соня приподнялась, и котеночекъ оживился, глазки заблистали, и онъ готовъ былъ, казалось, вотъ-вотъ взмахнуть хвостомъ, вспрыгнуть на мягкия лапки и опять заиграть съ клубкомъ, какъ ему и было прлично.

— Ты думаешь? Право? Ей-Богу? сказала она, быстро одравляя платье и прическу.

— Право, ей-Богу! отвѣчала Наташа, одравляя своему другу подъ косой выбившуюся прядь жесткихъ волосъ. И онъ обѣ засмѣялись. — Ну, пойдемъ пить „Ключъ“.

— Пойдемъ.

— А знаешь, этотъ толстый Шеръ, чтõ противъ меня сидѣлъ, такой смѣшной! сказала вдругъ Наташа остановив-

вась. Минь очень весело! — И Наташа побежала по коридору.

Соня, отряхнувшись пухъ и спрятавъ стихи за пазуху, къ шейкѣ, съ выступившими костями труди, легкими, веселыми шагами, съ раскрасневшимся лицомъ, побежала вслѣдъ за Наташой по коридору въ диванную. По просьбѣ гостей молодые люди спѣли квартетъ „Ключъ“, который вѣмъ очень понравился; потомъ Николай спѣть вновь выученную имъ пѣсню.

Въ приятную ночь при лунномъ свѣтѣ,
Представить счастливо себѣ,
Что илькиф есть еще на свѣти,
Было думаетъ и о тебѣ!
Что и она рукой прекрасной,
По арфѣ золотой бродя,
Своей гармонией страстной
Зоветъ къ себѣ, зоветъ тебя!
Еще день, два, и рай настанетъ!
Но дахъ! твой другъ не доживеть!

И онъ не дойдѣть еще послѣдніхъ словъ, когда въ залѣ молодежь приготовилась къ танцамъ, и на хорахъ застучали ногами и закапыли музыканты.

Нерь сидѣть въ гостиной, гдѣ Шиншинъ, какъ съ прѣѣзжимъ изъ-за границы, завелъ съ пимъ скучный для Неря политический разговоръ, къ которому присоединились и другие. Когда запрала музыка, Наташа вошла въ гостиную, и, подойдя прямо къ Нерю, смеясь и краснея, сказала: — Маша велѣла васъ просить танцевать.

— Я боюсь спутать фигуры, сказалъ Нерь, то ежели вы хотите быть моимъ учителемъ... и онъ подалъ свою толстую руку, низко опуская ее, тоинькой девочкѣ.

Пока разставливались пары и строили музыканты, Пьеръ съѣзъ съ своей маленькой дамой. Наташа была совершенно счастлива: она танцевала съ большими, съ пріѣхавшими изъ-за границы. Она сидѣла на виду у всѣхъ и разговаривала съ ними, какъ большая. У нея въ руѣ былъ вѣрь, который ей дала подержать одна барыня. И принять самую свѣтскую позу (Богъ знаетъ, гдѣ и когда она этому научилась), она, обманиваясь вѣромъ и улыбаясь черезъ вѣрь, говорила съ своимъ кавалеромъ.

— Какова, какова? Смотрите, смотрите, сказала старая графиня, проходя черезъ залу и указывая на Наташу. Наташа покраснѣла и засмѣялась.— Ну, что вы, мама? Ну, что вамъ за охота? что жъ тутъ удивительного?

Въ срединѣ треть资料а вспыхнули стулья въ гостиної, гдѣ играли графъ и Марья Дмитріевна, и большая часть почетныхъ гостей, и старички, потягиваясь послѣ долгаго сидѣнья и укладывая въ карманы бумажники и кошельки, выходили въ двери залы. Впереди шла Марья Дмитріевна съ графомъ,— оба съ веселыми лицами. Графъ съ щутливою вѣжливостью, какъ по балетному, подалъ округленную руку Марье Дмитріевнѣ. Онъ выпрямился, и лицо его озарилось особеною молодецки-хитрою улыбкой, и какъ только дотанцевали послѣднюю фигуру экасеза, онъ ударилъ въ ладоши музыкантамъ и закричалъ на хоры, обращаясь къ первой скрипкѣ.

— Семенъ! Данилу Купора знаешь?

Это былъ любимый танецъ графа, танцеванный имъ еще въ молодости. (Данило Купоръ была собственно одна фигура анимаза).

— Смотрите на папа, — закричала на всю залу Наташа, (совершенно забывъ, что она танцуетъ съ большими), пригибая къ колѣнамъ свою кудрявую головку и заливаясь своимъ звонкимъ смѣхомъ по всей залѣ. Дѣйствительно все, что только было въ залѣ, съ улыбкою радости смотрѣло на веселаго старичка, который ридомъ съ своею сановитою дающей, Марьей Дмитріевной, бывшей выше его ростомъ, округлялъ руки, въ тактъ потряхивая ими, расправляя плечи, вывертывая ноги, слегка притопывалъ, и все болѣе и болѣе распускавшуюся улыбкой на своемъ кругломъ лицѣ, приготовляясь зрителей къ тому, что будетъ. Какъ только заслышились веселые, вызывающіе звуки Данилы Купора, похожіе на развеселаго треначка, всѣ двери залы вдругъ заставились одной стороны мужскими, съ другой — женскими улыбающимися лицами дворовыхъ, вышедшихъ посмотретьъ на веселящагося барина.

— Батюшка-то нашъ! Орель! проговорила громко няня изъ одной двери.

Графъ танцевалъ хорошо и зналъ это, но его дама вовсе не умѣла и не хотѣла хорошо танцевать. Ея огромное тѣло стояло прямо съ опущенными внизъ мощнными руками (она передала ридикюль графинѣ); только одно строгое, но красивое лицо ея танцевало. Что выражалось во всей круглой фигурѣ графа, у Марии Дмитріевны выражалось лишь въ болѣе и болѣе улыбающемся лицѣ и вздергивающемся носѣ. Но за то ежели графъ, все болѣе и болѣе расходясь, плѣнялъ зрителей исожиданностью ловкихъ вывертовъ и ловкихъ прыжковъ своихъ мягкихъ ногъ, Мария Дмитріевна, малѣйшимъ усердіемъ при движеніи плечъ или окружленіи рукъ въ поворотахъ и притопываньяхъ, производила не меньшее впечат-

львіе по заслугѣ, которую цѣнилъ всякий при ея тучности и всегдашней суворости. Шляска ожидалась все болѣе и болѣе. Вызаніи не могли ни на минуту обратить на себя вниманія и даже не старались о томъ. Все было занято гравомъ и Марьей Дмитріевной. Наташа дергала за рукава и платье всѣхъ присутствовавшихъ, которые и безъ того не спускали глазъ съ таинствующихъ, и требовала, чтобы смотрѣли на панченьку. Графъ въ промежуткахъ танца тяжело переводилъ духъ, махалъ и кричалъ музыкантамъ, чтобы они играли скорѣе. Скорѣе, скорѣе и скорѣе, лише, лише и лише развертывался графъ, то на ципочкахъ, то на каблукахъ носясь вокругъ Марии Дмитріевны, и маконецъ, повернувъ свою даму къ ея юбкѣ, сдѣлалъ послѣднее па, поднявъ сзади кверху свою мягкую ногу, склонивъ вспотѣвшую голову съ улыбающимся лицомъ и округло размахнувъ правой рукой среди грохота рукоплесканій и хохота, особенно Наташи. Оба танцующіе остановились, тяжело переводя дыханіе и утираясь батистовыми платками.

— Вотъ какъ въ наше время танцовывали, ma chere, сказала графъ.

— Ай да Данила Купоръ! тяжко и продолжительно вынуждала духъ и засучивая рукава, сказала Марья Дмитріевна.

XXI.

Въ то время, какъ у Ростовыхъ танцевали въ залѣ шестой амазонъ подъ звуки отъ усталости фальшивившихъ музыкантовъ, и уставшие офицанты и новара готовили ужинъ, съ гравомъ Безухимъ сдѣлался шестой ударъ. Доктора объявили, что надежды къ выздоровленію нѣть; больному дана была глухая исповѣдь и причастіе; дѣлали приготовленія для со-

борованием, и въ домѣ была сущна и тревога ожиданія, обыкновенныя въ такія минуты. Въ домѣ, за воротами, толпились, скрываясь отъ подѣлжавшихъ экипажей, гробовщики, ожидая богатаго заказа на похороны графа. Главнокомандующій Москвы, который безпрестанно присыпалъ адъютантонъ узнавать о положеніи графа, въ этотъ вечеръ самъ прѣѣхалъ проститься съ знаменитымъ Екатерининскимъ вельможей, графомъ Безухимъ.

Великолѣпная приемная комната была полна. Всѣ почтильно встали, когда главнокомандующій, пробывъ около получаса наединѣ съ больнымъ, вышелъ оттуда, слегка отвѣчая на поклоны и стараясь какъ можно скорѣе пройти мимо устремленныхъ на него взглядовъ докторовъ, духовныхъ лицъ и родственниковъ. Князь Василий, похудѣвшій и изобѣдившій за эти дни, провожалъ главнокомандующаго и что-то нѣсколько разъ тихо повторилъ ему.

Проводивъ главнокомандующаго, князь Василий сѣлъ въ залѣ одинъ на стулъ, закинувъ высоко ногу на ногу, на колѣни упирая локоть и рукою закрывъ глаза. Посидѣвъ такъ нѣсколько времени, онъ всталъ и непривычно-поспѣшными шагами, оглядываясь кругомъ испуганными глазами, иошелъ чрезъ длинный коридоръ на заднюю половину дома, къ старшей книжнѣ.

Находившіеся въ слабо-освѣщенной комнатѣ, первыми именотомъ говорили между собой и замолкали каждый разъ, и полными вопроса и ожиданія глазами оглядывались на дверь, которая вела въ покой умирающаго и издавала слабый звукъ, когда кто-нибудь выходилъ изъ нея или входилъ въ нее.

Иредѣль человѣческій, говорилъ стариечекъ, — духовное

лице дамы, подсыпав къ нему и наливо ступившей къ его,— предѣль положень, его же не преоделиши... атакой деси II

— Думал, не звѣно ли соборовать? прибавляя духовный титулъ, спрашивала дама, какъ будто не имѣя на этотъ счѣтъ никакого своего мнѣнія.

— Тайнство, матушка, великое, отвѣчало духовное лицо, проводя рукою по лысинѣ, по которой промежало вѣсколько прядей зачесанныхъ полусѣдыхъ волосъ, тотъ-то онъ и даючи

— Это кто же? съмь главнокомандующій, бывъ? спрашивали въ другомъ концѣ комнаты... Какой моложавый!

— А седьмой десятокъ! Что, говорить, графъ-то не узнаетъ ужъ? Хотѣли соборовать?

— Я одного знать: семь разъ соборовался.

Вторая княжна только вышла изъ комнаты больного съ заплаканными глазами и сѣла подлѣ доктора Лоррена, который въ граціозной позѣ сидѣлъ подъ портретомъ Екатерины, облокотившись на столъ.

— Прекрасно, говорилъ докторъ, отвѣчая на вопросъ о погодѣ, — прекрасная погода, княжна, и потомъ въ Москвиѣ чувствуешь себя какъ въ деревнѣ.

— Не правда ли? сказала княжна, вздыхая. Такъ можно ему пить? — Лорренъ задумался.

— Онъ принялъ лѣкарство?

— Да.

Докторъ посмотрѣлъ на бреげцъ.

— Возьмите стаканъ отварной воды и положите щемотку (онъ своими тонкими пальцами доказалъ, что значить щемотка) креморъ-тартара....

— Не право, слушай, говорилъ шѣмецъ-докторъ адъютанту, — чтоющъ съ третій ударъ шиву оставался

— А какой свѣжій былъ мужчина! говорилъ адъютантъ. — И кому пойдетъ это богатство? прибавилъ онъ шепотомъ.

— *Охотникъ* найдутся, улыбалъ отвѣчалъ Нѣмецъ.

Всѣ опять оглянулись на дверь: она скрипнула, и вторая княжна, сдѣлавъ питье, показанное Лорреномъ, понесла его больному. Нѣмецъ-докторъ подошелъ къ Лоррену.

— Еще можетъ дотянется до завтрашняго утра? спросилъ нѣмецъ, дурно выговаривая по-французски.

Лорренъ, поджавъ губы, строго и отрицательно помахалъ пальцемъ передъ своимъ носомъ.

— Сегодня ночью, не позже, сказалъ онъ тихо, съ преличною улыбкой самодовольства въ томъ, что ясно умѣеть понимать и выражать положеніе больнаго, и отошелъ.

Межъ тѣмъ князь Василій отворилъ дверь въ комнату княжны.

Въ комнатѣ было полутемно; только двѣ ламиадки горѣли передъ образами, и хорошо пахло куреньемъ и цвѣтами.

• Вся комната была установлена мелкою мебелью шафонъ-зеркаль, шкапчиковъ, столиковъ. Изъ-за ширмы виднѣлись бѣлые покрывала высокой пуховой кровати. Собачка залаяла.

— Ахъ, это вы, mon cousin?

Она встала и оправила волосы, которые у нея всегда, даже и теперь, были такъ необыкновенно гладки, какъ будто они были сдѣланы изъ одного куска съ головой и покрыты лакомъ.

— Что, случилось что-нибудь? спросила она. — Я уже такъ напугалась.

— Ничего, все то же, я только пришелъ поговорить съ тобой, Катиша, о дѣлѣ, проговорилъ князь, устало садясь на

кресло, съ которого она встала. — Какъ ты нагрѣла, однако, сказаъ онъ, — ну, садись сюда; поговоримъ.

— Я думала, не случилось ли что? сказала княжна, и съ своимъ немнѣннымъ, каменно-строгимъ выраженіемъ лица, сѣла противъ князя, готовясь слушать. — Хотѣла уснуть, mon cousin, и не могу.

— Ну что, моя милан? сказаъ князь Василій, взявъ руку княжны и пригibaя ее по своей привычкѣ книзу.

Видно было, что это „ну, что“ относилось ко многому такому, что, не называя, они понимали оба.

Княжна, съ своею несообразно-длинною по ногамъ, сухою и прямую талией, прямо и безстрастно смотрѣла на князя вынуждыми сѣрыми глазами. Она покачала головой и, вздохнувъ, посмотрѣла на образа. Жесть ея можно было объяснить и какъ выраженіе печали и иреданности, и какъ выраженіе усталости и надежды на скорый отдыхъ. Князь Василій объяснилъ этотъ жесть, какъ выраженіе усталости.

— А мнѣ-то, сказаъ онъ, — ты думаешь легче? Я заморенъ какъ почтовая лошадь, а все-таки мнѣ надо съ тобой поговорить, Катиша, и очень серіозно.

Князь Василій замолчалъ, и щеки его начали первически подергиваться то на одну, то на другую сторону, придавая его лицу непріятное выраженіе, какое никогда не показывалось на лицѣ князя Василія, когда онъ бывалъ въ гостиницѣ. Глаза его тоже были не такие, какъ всегда: то они смотрѣли нагло-шутливо, то испуганно оглядывались.

Княжна, своими сухими, худыми руками придерживая на колѣнахъ собачку, внимательно смотрѣла въ глаза князю Василію; но видимо было, что она не прервѣть молчанія вопросомъ, хотя бы ей пришлоось молчать до утра.

— А какой съѣзжий былъ мужчина! говорилъ адъютантъ. — И кому пойдетъ это богатство? прибавилъ онъ шепотомъ.

— Охотникъ найдутся, улыбаясь отвѣчалъ Нѣмецъ.

Всѣ спяли, оглянулись на дверь: она скрипнула, и вторая книжна, сдѣлавъ питье, показанное Лорреномъ, понесла его больному. Нѣмецъ-докторъ подошелъ къ Лоррену.

— Еще можетъ дотянется до завтрашняго утра? спросилъ Нѣмецъ, дурно выговаривая по-французски.

Лорренъ, поджавъ губы, строго и отрицательно помахалъ пальцемъ передъ своимъ посомъ.

— Сегодня ночью, не позже, сказалъ онъ тихо, съ приличной улыбкой самодовольства въ томъ, что ясно умѣть понимать и выражать положеніе больнаго, и отошелъ.

Межу тѣмъ князь Василій отворилъ дверь въ комнату книжны.

Въ комнатѣ было полутемно; только дѣвъ лампадки горѣли передъ образами, и хорошо пахло куреньемъ и цвѣтами.

Вся комната была установлена мелкою мебелью шифоньерокъ, шканичиковъ, столикоў. Изъ-за ширмъ виднѣлись бѣлыя покрывала высокой пуховой кровати. Собачка залаяла.

Ахъ, это вы, шон cousin?

Она встала и отравила волосы, которые у нея всегда, даже и теперь, были такъ необыкновенно гладки, какъ будто они были сдѣланы изъ одного куска съ головой и покрыты лакомъ.

— Что, случилось что-нибудь? спросила она. — Я уже такъ напугалась.

— Ничего, все то же, я только притешть поговорить съ тобой. Катинъ, о чѣмъ, проговорилъ князь, устало сидѣть на

кресло, съ которого она встала. — Какъ ты нагрѣла, однако, сказаъ онъ, — ну, садись сюда; поговоримъ.

— Я думала, не случилось ли что? сказала княжна, и съ своимъ неизмѣннымъ, каменно-строгимъ выраженіемъ лица, сѣла противъ князя, готовясь слушать. — Хотѣла уснуть, mon cousin, и не могу.

— Ну что, моя милан? сказаъ князь Василій, взявъ руку княжны и пригibaя ее по своей привычкѣ книзу.

Видно было, что это „ну, что“ относилось ко многому такому, чтò, не называя, они понимали оба.

Княжна, съ своею несообразно-длинною по ногамъ, сухою и прямой талией, прямо и безстрастно смотрѣла на князя выщуклыми сѣрыми глазами. Она покачала головой и, вздохнувъ, посмотрѣла на образа. Жестъ ея можно было объяснить и какъ выраженіе печали и иреданности и какъ выраженіе усталости и надежды на скорый отдыхъ. Князь Василій объяснилъ этотъ жестъ, какъ выраженіе усталости.

— А мнѣ-то, сказаъ онъ, — ты думаешь легче? Я заморенъ какъ почтовая лошадь, а все-таки мнѣ надо съ тобой поговорить, Катинъ, и очень серозно.

Князь Василій замолчалъ, и пеки его начали первически подергиваться то на одну, то на другую сторону, придавая его лицу напрятнос выраженіе, какое никогда не показывалось на лицѣ князя Василія, когда онъ бывалъ въ гостиныхъ. Глаза его тоже были не такие, какъ всегда: то они смотрѣли нагло-шутливо, то испуганно оглядывались.

Княжна, своими сухими, худыми руками придерживая на колѣнахъ собачку, внимательно смотрѣла въ глаза князю Василію; но видимо было, что она не прервать молчанія вопросомъ, хотя бы ей пришлося молчать до утра.

— Вотъ видите ли, моя милая книжна ~~и кузина~~, Катерина Семеновна, продолжалъ князь Василій, видимо не безъ внутренней борьбы приступая къ продолженію своей рѣчи: — въ такія минуты, какъ теперь, обо всемъ надо подумать. Надо подумать о будущемъ, о васъ... Я васъ всякъ люблю, какъ своихъ дѣтей, ты это знаешь.

Княжна также тускло и неподвижно смотрѣла на него.

— Наконецъ, надо подумать и о моемъ семействѣ, сердито отталкивая отъ себя столикъ и не глядя на нее, продолжалъ князь Василій: — ты знаешь, Катиша, что вы три сестры, Мамонтовы, да еще моя жена, мы одни прямые наследники графа. Знаю, знаю, какъ тебѣ тяжело говорить и думать о такихъ вещахъ. И мнѣ не легче: но, другъ мой, мнѣ шестой десятокъ, надо быть ко всему готовымъ. Ты знаешь ли, что я послалъ за Пьеромъ, и что графъ, ~~прямое~~ указывалъ на его портретъ, требовалъ его къ себѣ?

Князь Василій вопросительно посмотрѣлъ на книжну, но не могъ понять, соображала ли она то, что онъ ей сказаль, или просто смотрѣла на него...

— Я обѣ одномъ не перестаю молить Бога, ~~шоп~~ ~~своимъ~~ отвѣчала она, — чтобы онъ помиловалъ его и даль бы его прекрасной душѣ спокойно покинуть эту...

— Да, это такъ, нетерпѣливо продолжалъ ~~князь~~ Василій, потирая лысину и опять съ злобой придвигая къ себѣ отодвинутый столикъ, — но наконецъ... наконецъ дѣло въ томъ, ты сама знаешь, что прошлую зимой графъ написалъ завѣщаніе, по которому онъ все имѣніе, помимо прямыхъ наследниковъ и насъ, отдавалъ Пьеру.

— Мало ли онъ писалъ завѣщаній! спокойно сказала книжна: — но Пьеру онъ не могъ завѣщать. Пьеръ незаконный.

— Моя милая, сказала вдруг князь Василий, прижавъ къ себѣ столикъ, оживившись и начавъ говорить скорѣй: — но что же если письмо написано государю, и графъ просить усыновить Шерера? Понимаешь, по заслугамъ графа, его просьба будетъ уважена...

Княжна улыбнулась, какъ улыбаются люди, которые думаютъ, что знаютъ дѣло больше, чѣмъ тѣ, съ кемъ разговариваются.

— Я тебѣ скажу больше, продолжалъ князь Василий, хватая ее за руку: — письмо было написано, хотя и не отослано, и государь зналъ о немъ. Вопросъ только въ томъ, уничтожено ли оно или нетъ. Ежели нетъ, то какъ скоро все кончится, — князь Василий вздохнулъ, давая этимъ понять, что онъ разумѣлъ подъ словами *все кончится*, — и вскроются бумаги графа, завѣщаніе съ письмомъ будетъ передано государю, и просьба его навѣрно будетъ уважена. Шеръ, какъ законный сынъ, получитъ все.

— А наша часть? спросила княжна, иронически улыбаясь такъ, какъ будто все, но только не это, могло случиться.

— Но, моя дорогая Катиша, это ясно какъ день. Онъ одинъ тогда законный наследникъ всего, а вы не получите ни вѣтъ этого. Ты должна знать, моя милая, были ли написаны завѣщаніе и письмо, и уничтожены ли они. И ежели почему-нибудь они забыты, то ты должна знать, где они, и найти ихъ, и потому что...

— Этого только не доставало! перебила его княжна, сардонически улыбаясь и не измѣняя выраженія глазъ. — Я женщина, по вашему мы все глупы; но я на столько знаю, что незаконный сынъ не можетъ наследовать... Un bâtarde,

прибавила она, полагая этимъ переводомъ окончательно показать князю его неосновательность.

— Какъ ты не понимаешь, наконецъ, Катяня! Ты таъ умна: какъ ты не попираешь, ежели графъ написалъ письмо государю, въ которомъ просить его признать сына законнымъ, стало быть Пьеръ ужъ будетъ не Пьеръ, а графъ Безухий, и тогда онъ по завѣщанію получитъ все? И ежели завѣщаніе съ письмомъ не уничтожено, то тебѣ, кромѣ утѣшения, что ты была добродѣтельна, и всего что вытекаетъ изъ твоей добродѣтели, ничего не останется. Это вѣрно.

-- Я знаю, что завѣщаніе написано, но знаю тоже, что оно недѣйствительно, и вы меня, кажется, считаете за совершиенную дуру, *mon cousin*, сказала княжна съ тѣмъ выражениемъ, съ которымъ говорить женщины, полагающія, что они сказали нечто остроумное и оскорбительное.

— Милая ты моя княжна, Катерина Семеновна! нетерпѣливо заговорилъ князь Василий.— Я пришелъ въ тебѣ не за тѣмъ, чтобы покоряться съ тобой, а за тѣмъ, чтобы какъ съ родной, хорошею, доброю, истиною родной, поговорить о твоихъ же интересахъ. Я тебѣ говорю десятый разъ, что ежели письмо къ государю и завѣщаніе въ пользу Пьера есть въ бумагахъ графа, то ты, моя голубушка, и съ сестрами, не настѣдница. Ежели ты мнѣ не вѣришь, то повѣрь людямъ знающимъ: я сейчасъ говорилъ съ Дмитриемъ Онупріевичемъ (это былъ адвокатъ дома), онъ то же сказалъ.

Видимо что-то вдругъ измѣнилось въ мысляхъ княжны; тонкие губы поблѣдѣли (глаза остались тѣ же); и голосъ, въ то время, какъ она заговорила, прорывался такими раскатами, какихъ она видимо сама не ожидала.

— Это было бы хорошо, сказала она. — И ничего не хо-

тъла и не хочу. Она сбросила свою собачку съ колѣпъ и
оправила складки платья.

— Вотъ благодарность, вотъ признательность людямъ,
которые всѣмъ пожертвовали для него, сказала она. -- Прекрасно! Очень хорошо! Мнѣ ничего не нужно, князь.

— Да, но ты не одна, у тебя сестры, отвѣтилъ князь Василій. — Но княжна не слушала его.

— Да, я это давно знала, но забыла, что, кроме низости, обмана, зависти, интригъ, кроме неблагодарности, самой черной неблагодарности, я ничего не могла ожидать въ этомъ домѣ...

— Знаешь ли ты или не знаешь, гдѣ это завѣщаніе? спрашивала князь Василій, еще съ болѣшимъ, чѣмъ прежде, подергиваніемъ щекъ.

— Да, я была глупа, я еще вѣрила въ людей, и любила ихъ, и жертвовала собой. А успѣваютъ только тѣ, которые подлы и гадки. Я знаю, чьи это интриги.

Княжна хотѣла встать, но князь удержалъ ее за руку. Княжна имѣла видъ человѣка, вдругъ разочаровавшагося во всемъ человѣческомъ родѣ; она злобно смотрѣла на своего собесѣдника.

— Еще есть время, мой другъ. Ты помни, Катицъ, что все это сдѣлалось нечаянно, въ минуту гнѣва, болѣзни, и потому забыто. Наша обязанность, моя милая, исправить его ошибку, облегчить его послѣднія минуты тѣлъ, чтобы не допустить его сдѣлать этой несправедливости, не дать ему умереть въ мысляхъ, что онъ сдѣлать несчастными тѣхъ людей...

— Тѣхъ людей, которые всѣмъ пожертвовали для него,— подхватила княжна, порываясь опять встать, но князь не пустилъ ее, — чего онъ никогда не умѣлъ цѣнить. Иѣть, mon cousin прибавила она со вздохомъ, — я буду помнить, что

на этомъ свѣтѣ нельзя ждать награды, что на этомъ свѣтѣ не быть ни чести, ни справедливости. На этомъ свѣтѣ надо быть хитрою и злую.

— Ну, ну, успокойся; я знаю твое прекрасное сердце.

— Нѣть, у меня злое сердце.

— Я знаю твое сердце, повторилъ кнізь, — дѣло твою дружбу, и желать бы, чтобы ты была обо мнѣ того же мнѣнія. Успокойся и ноговоримъ толкомъ, пока есть время — можетъ сутки, можетъ часъ; рассказалъ инѣе все, что ты знаешь о завѣщаніи, и главное, гдѣ оно: ты должна знать. Мы теперь же возьмемъ его и покажемъ графу. Онъ вѣрно забылъ уже про него и захочетъ его уничтожить. Ты понимаешь, что мое одно желаніе свято исполнить его волю; я затѣмъ только и прѣѣхалъ сюда. Я здѣсь только затѣмъ, чтобы помочь ему и вамъ.

— Теперь я все поняла. Я знаю, чьи это интриги. Я знаю, говорила кніжна.

— Не въ томъ дѣло, моя душа.

— Это вами покровительствуемая, милая Анна Михайловна, которую я не желала бы имѣть горничной, эту мерзкую, гадкую женщину.

— Не будемъ терять времени.

— Ахъ, не говорите! Прошлую зиму она втерлась сюда, и такія гадости, такія скверности ноговорила графу на всѣхъ насъ, особенно Софи, — я повторить не могу, — что графъ сдѣлался боленъ и двѣ недѣли не хотѣлъ настъ видѣть. Въ это время, я знаю, что онъ написалъ эту гадкую, мерзкую бумагу; но я думала, что эта бумага ничего не значитъ.

— Въ этомъ то и дѣло, отчего же ты прежде ничего не сказала мнѣ?

— Въ мозаиковомъ портфель, который онъ держитъ подъ подушкой. Теперь я знаю, сказала книжка, не отвѣчай— да, ежели есть за мной грѣхъ, большой грѣхъ, то это ненависть къ этой мерзавкѣ,— почти прокричала книжка, совершенно измѣнившись.— И зачѣмъ она втирается сюда? Но я ей выскажу все, все. Придѣстъ время!

XIX.

Въ то время, какъ такие разговоры происходили въ приемной и въ книжиной комнатахъ, карета съ Пьеромъ (за которымъ было послано) и съ Анной Михайловной (вторая нашла нужнымъ ѿѣтъ съ нимъ) вѣѣжала во дворъ графа Безухаго. Когда колеса кареты мягко возвучали по соломѣ, настланной подъ окнами, Анна Михайловна, обратившись къ своему спутнику съ утѣшительными словами, убѣдилась въ томъ, что онъ опять въ углу кареты, и разбудила его. Очнувшись, Пьеръ за Анной Михайловной вышелъ изъ кареты и тутъ только подумалъ о томъ свиданіи съ умирающимъ отцемъ, которое его ожидало. Онъ замѣтилъ, что они подъѣхали не къ парадному, а къ заднему подъѣзду. Въ то время, какъ онъ сходилъ съ подножки, два человѣка въ мѣщанской одеждѣ торопливо отѣѣждали отъ подъѣзда въ тѣни стѣнъ. Простановившись, Пьеръ разгладилъ въ тѣни дома съ обѣихъ сторонъ еще нѣсколько такихъ же людей. Но ни Анна Михайловна, ни лакей, ни кучерь, которые не могли не видѣть этихъ людей, не обратили на нихъ вниманія. Стало быть, это такъ нужно, рѣшилъ самъ съ собой Пьеръ и прошелъ за Анной Михайловной. Анна Михайловна поспѣшными шагами шла вверхъ по слабо-освѣщенной, узкой, каменной лѣстницѣ, подзывая отстававшаго за ней Пьера,

который, хотя и не понималъ, для чего ему надо было вообще идти къ графу и, еще меньше, зачѣмъ ему надо было идти по задней лѣстницѣ, но, судя по увѣренности и веснѣшности Анны Михайловны, рѣшилъ про себя, что это было необходимо нужно. На половинѣ лѣстницы чуть не сбили ихъ съ ногъ какіе-то люди съ ведрами, которые, стуча сапогами, сбѣгали имъ навстрѣчу. Люди эти прижались къ стѣнѣ, чтобы пропустить Ієрь съ Анной Михайловной и не показали ни малѣйшаго удивленія при видѣ ихъ.

— Здѣсь на половину княженъ? спросила Анна Михайловна одного изъ нихъ...

— Здѣсь, отвѣчалъ лакей смѣльчъ, громкимъ голосомъ, какъ будто теперь все уже было можно; — дверь малѣво, матушка.

— Можетъ-быть графъ не звалъ меня, сказала Ієрь въ то время, какъ онъ вышелъ на площадку: — я пошелъ бы къ себѣ. Анна Михайловна остановилась, чтобы поравняться съ Ієромъ.

— Ахъ, мой другъ, сказала она съ тѣмъ же жестомъ, какъ утромъ съ сыномъ, дотрогиваясь до его руки: — повѣрьте, я страдаю не меньше васъ, но будьте мужчиной.

— Право, я пойду? спросилъ Ієрь, ласково, черезъ очки глядя на Анну Михайловну.

— Забудьте, другъ мой, въ чемъ были противъ васъ неправы. Вспомните, что это вашъ отецъ... Можетъ быть при смерти. — Она вздохнула. — Я тотчасъ полюбила васъ, какъ сына. Довѣрьтесь мнѣ, Ієрь. Я не забуду вашихъ интересовъ.

Ієрь ничего не понималъ; ошѣ ему еще сильнѣе показалось, что все это такъ должно быть, и онъ покорно послѣдовать за Анной Михайловной, уже отворившею дверь.

Дверь выходила въ переднюю заднаго хода. Въ углу сидѣлъ старикъ-слуга княжень и визалъ чулокъ. Пьеръ никогда не былъ на этой половинѣ, даже не предполагалъ существованія такихъ покоеvъ. Анна Михайловна спросила у обгонявшей ихъ, съ графиномъ на подносе, дѣвушки (наставъ ее милою и голубушкой), о здоровье княжень, и повлекла Пьера дальше по каменному коридору. Изъ коридора первая дверь нальво вела въ жилыя комнаты княжень. Горничная, съ графиномъ, второпяхъ (какъ и все дѣжалось второпяхъ въ эту минуту въ этомъ домѣ) не затворила двери, и Пьеръ съ Анной Михайловной, проходя мимо, невольно заглянули въ ту комнату, гдѣ, разговаривая, сидѣли близко другъ отъ друга, старшая княжна съ княземъ Василиемъ. Увидавъ проходящихъ, князь Василій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и откинулся назадъ, княжна вскочила и отчаяннымъ жестомъ изъ всей силы хлопнула дверью, затворяя ее.

Жесть этотъ бытъ такъ непохожъ на всегдашнее спокойствіе княжны, страхъ, выражавшійся на лицѣ князя Василия, быть такъ несвойственъ его важности, что Пьеръ, остановившись, вопросительно,透过 очки, посмотрѣлъ на свою руководительницу. Анна Михайловна не выразила удивленія, она только слегка улыбнулась и вздохнула, какъ будто показывая, что всего этого она ожидала.

— Будьте мужчиной, другъ мой; а я уже стану блести вашими интересами, сказала она въ отвѣтъ на его взглядъ и еще скорѣе помяла по коридору.

Пьеръ не понималъ въ чемъ дѣло, и еще меньше, что значило блести его интересы, но онъ понималъ, что все это такъ должно было быть. Коридоромъ они вошли въ полуосвѣщенную залу, примыкавшую къ кабинету графа. Это

была одна изъ тѣхъ холодныхъ и роскошныхъ комнатъ, кото-
роя знала Пьеръ, съ парадного крыльца. Но и въ этой
комнатѣ посерединѣ стояла пустая ванна и была пролита
вода по ковру. На встрѣчу имъ вышли на цыпочкахъ, не
обращая на нихъ вниманія, слуга и причетникъ съ кади-
ломъ. Они вошли въ знакомую Пьеру пріемную съ двумя
итальянскими окнами, выходомъ въ зимний садъ, съ боль-
шимъ бюстомъ и во весь ростъ портретомъ Екатерины.
Всѣ тѣ же люди, почти въ тѣхъ же положеніяхъ, сидѣли,
перепѣтываясь, въ пріемной. Всѣ, смолкнувъ, оглянулись
на вошедшую Анну Михайловну съ ея испытанымъ блѣд-
нымъ лицомъ, и на толстаго, большаго Пьера, который,
опустивъ голову, покорно сидѣовалъ за нею.

На лицѣ Анны Михайловны выразилось сознаніе того,
что рѣшительная минута наступила; она, съ пріемами дѣ-
ловой петербургской дамы, вошла въ комнату, не отпуская
отъ себя Пьера, еще смѣлѣе чѣмъ утромъ. Она чувство-
вала, что такъ какъ она ведеть за собою того, кого желалъ
видѣть умирающій, то пріемъ ея былъ обезпечень. Выстрымъ
взглядомъ оглядѣвъ всѣхъ, бывшихъ въ комнатѣ, и замѣтивъ
графова духовника, она, не то что согнувшись, но сдѣлав-
шись вдругъ менѣе ростомъ, мелкою иноходью подпрыгнула
къ духовнику и почтительно принялася благословеніе одного,
потомъ другаго духовнаго лица.

— Слава Богу, что успѣли, сказала она духовному лицу: —
мы всѣ, родные, такъ боялись! Вотъ этотъ молодой человѣкъ — синь графа, прибавила она тише. — Ужасная минута!
— Проговоривъ эти слова, она подошла къ доктору:
— Любезный докторъ, сказала она ему, — этотъ молодой
человѣкъ — синь графа... Есть ли надежда?

Докторъ, молча, быстрѣй движеніемъ возвѣлъ кверху глаза и плечи. Анна Михайловна точно такимъ же движениемъ возвѣла плечи и глаза, почти закрывающи, вздѣкнула и отошла отъ доктора къ Пьеру. Она особенно почтительно и нѣжно-грустно обратилась къ Пьеру, сказавъ ему:

— Довѣртесь Его милосердію, сказала она ему и, поклонившись ему диванчику, чтобы сесть подождать ее, сама не слышно направилась къ двери, на которую всѣ смотрѣли, и, склонивъ за чуть-слышенныи звукомъ этой двери, скрылась за нею.

Пьеръ, рѣшившися во чмѣль синовиноваться своей руководительницѣ, направился къ диванчику, который она ему указала. Какъ только Анна Михайловна скрылась, онъ замѣтилъ, что взгляды всѣхъ бывшникъгнъ окнатахъ больше чмѣль съ любопытствомъ и съ участіемъ устремились на него. Онъ замѣтилъ, что всѣ перешептывались, уставывая на него глазами какъ будто со страхомъ и даже съ подобострастіемъ. Ему оказывали уваженіе, какого онъ прежде никогда не оказывали: неизвѣстная ему дама, которая говорила съ духовными лицами, встала съ своего места и предложила ему сѣсть: адъютантъ поднялъ уроненную Пьеромъ перчатку и подалъ ему; доктора почтительно замолкли, когда онъ проходилъ мимо нихъ, и посторонились, чтобы дать ему мѣсто. Пьеръ хотѣлъ сначала сѣсть на другое мѣсто, чтобы не стѣснять даму, хотѣлъ самъ поднять перчатку и обойти докторовъ, которые все еще не стояли на дорогѣ; но онъ вдругъ почувствовалъ, что это было бы непрѣлично, онъ почувствовалъ, что онъ въ нынѣшнюю ночь есть лицо, которое обязано совершить какой-то страшный и ожидаемый всѣми обрядъ, и что по нему онъ долженъ быть принятъ отъ

всѣхъ услуги. Онъ принялъ молча перчатку адъютанта, сѣлъ на мѣсто дамы, положивъ свои большія руки на симметрично выставленныя колѣнца, въ наивной позѣ египетской статуи, и рѣшилъ про себя, что все это такъ именно должно быть, и что ему въ нынѣшній вечеръ для того, чтобы не потеряться и не надѣлать глупостей, не слѣдуетъ дѣйствовать по своимъ соображеніямъ, а надобно предоставить себя вполнѣ на волю тѣхъ, которые руководили имъ.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ князь Василій, въ своемъ кафтанѣ съ тремя звѣздами, величественно, высоко поднявъ голову, вошелъ въ комнату. Онъ кавался похудѣвшими съ утра; глаза его были больше обыкновеннаго, когда онъ оглянулся комнату и увидалъ Пьера. Онъ подошелъ къ нему, взялъ руку (чего онъ прежде никогда не дѣлалъ) и потянулъ ее книзу, какъ будто онъ хотѣлъ испытать, крѣпко ли она держится.

— Будьте мужественны, мой другъ. Онъ вѣльть васъ позвать. Это хорошо... и онъ хотѣлъ итти. Но Пьеръ иначе нужнымъ спросить:

— Какъ здоровье... Онъ замялся, не зная прилично ли назвать умирающаго графомъ; назвать же отцомъ ему было совсѣмъ...

— Былъ еще ударъ полчаса назадъ. Будьте мужественны, мой другъ.

Пьеръ былъ въ такомъ состояніи ясности мысли, что при словѣ „ударъ“ ему представился ударъ какого-нибудь тѣла. Онъ, недоумѣвая, посмотрѣлъ на князя Василія и уже потомъ сообразилъ, что ударомъ называется болѣзнь. Князь Василій на ходу сказалъ нѣсколько словъ Лоррену и прошелъ въ дверь на цыпочкахъ. Онъ не умѣлъ ходить на цыпочкахъ

и веловко подпрыгивалъ всѣмъ тѣломъ. Всѣдѣ за нимъ прошли старшая княжна, потомъ промѣди духовныхъ лица и причетники, люди (прислуга) тоже прошли въ дверь. За этой дверью послышалось передвиженіе, и наконецъ, все съ тѣмъ же блѣднѣмъ, но твердымъ въ исполненіи долга лицомъ, выѣхала Анна Михайловна, и, дотронувшись до руки Пьеръ, сказала:

— Милосердіе Божіе неисчерпаемо. Соборованіе сейчасъ начнется. Шайдемте.

Пьеръ прошелъ въ дверь, ступая по мягкому ковру, и замѣтилъ, что и адъютантъ, и незнакомая дама, и еще кто-то изъ прислуги, всѣ прошли за нимъ, какъ будто теперь ужъ не надо было спрашиватъ разрѣшенія входить въ эту комнату.

ХХ.

Пьеръ хорошо зналъ эту большую, раздѣленную колоннами и аркой комнату, всю обитую персидскими коврами. Часть комнаты за колоннами, где съ одной стороны стояла высокая красного дерева кровать подъ шелковыми занавѣсами, а съ другой — огромный кютъ съ образами, была красно и ярко освѣщена, какъ бывають освѣщены церкви во время вечерней службы. Подъ освѣщенными ризами кюта стояло длинное вольтеровское кресло, и на креслѣ, обложенномъ сверху синѣко-блѣдныи, не смятыми, видимо только что перемѣненными подушками, укрытай до пояса ярко-зеленымъ одѣяніемъ, лежала знакомая Пьеру величественная фигура его отца, графа Безухова, съ тою же сѣдою гривой волосъ, напоминавшихъ льва, надъ широкимъ лбомъ, и съ тѣми же характерно-благородными, кружицами морщинами на красивомъ красно-шатромъ лицѣ. Онъ лежалъ прямо подъ обра-

зами: обѣ толстныя; большія руки его были выростами изъ подъ одѣяла и лежали на немъ. Въ правую руку, лежавшую ладонью книзу, между большимъ и указательнымъ пальцами, вставлена была восковая свѣча, которую, нагибаясь изъ-за кресла, придерживалъ въ ней старый слуга. Надъ кресломъ стояли духовныя лица въ своихъ величественныхъ, блестящихъ одеждахъ, съ выростанными на нихъ длинными волосами, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, и медленно торжественно служили. Немного позади ихъ стояла дева младшая княжна, съ платкомъ въ рукахъ и у глазъ, и впереди ихъ старшая, Катинь, съ злобнымъ и рѣшительнымъ видомъ, ни на мгновеніе не спуская глазъ съ оконъ, какъ будто говорила всѣмъ, что не отвѣтаетъ за себя, если оглядется. Анна Михайловна, съ кроткою печалью и всепрощеніемъ на лицѣ, и неизвѣстная дама стояла у двери. Князь Василій стоялъ съ другой стороны двери близко къ креслу, за рѣзнымъ бархатнымъ стуломъ, который онъ поворотилъ къ себѣ спинкой и, облокотивъ на нее лѣвую руку со свѣчой, крестился правою; каждый разъ поднимая глаза вверху, когда приставлялъ персты на лбу. Лицо его выражало спокойную набожность и преданность волѣ Божіей. „Ежели вы не понимаете этихъ чувствъ, то тѣмъ хуже для васъ“, казалось, говорило его лицо.

Сзади его стоялъ адъютантъ, доктора и мужская прислуга; какъ бы въ церкви, мужчины и женщины раздѣлились. Все молчало, крестилось, только слышни были церковное чтеніе, сдержанное, густое басовое иѣніе и въ минуты молчания перестановка ногъ и вздохи. Анна Михайловна, съ тѣмъ значительнымъ видомъ, который показывалъ, что она знаетъ, что дѣлаетъ, перешла черезъ всю комнату къ Пьеру и подала

ему свѣчу. Онь зажегъ ее, и, развлеченный наблюдениями надъ окружающими, стала креститься тою же рукой, въ которой была свѣча.

Младшая, румяная и смѣшливая княжна Софи, съ родинкою, смотрѣла на него. Она улыбнулась, спрятала свое лицо въ платокъ и долго не открывала его; но, посмотрѣвъ на Пьеръ, опять застѣвалась. Она, видимо, чувствовала себя не въ силахъ глядѣть на него безъ смѣха, но не могла удержаться, чтобы не смотрѣть на него, и во избѣженіе искушеній тихо перешла за колонну. Въ серединѣ службы голоса духовенства вдругъ замолкли, духовные лица шопотомъ сказали что-то другъ другу; старый слуга, державшій руку графа, поднялся и обратился къ дамамъ. Анна Михайловна выступила впередъ, и, нагнувшись надъ больнымъ, изъ-за спины пальцемъ поманила къ себѣ Лорренъ. Французъ-докторъ, стоявшій безъ зажженной свѣчи, прислонившись къ колоннѣ, въ той почтительной позѣ иностранца, которая показываетъ, что, несмотря на различіе вѣры, онъ понимаетъ всю важность совершающагося обряда и даже одобряетъ его, — неслышными шагами человѣка во всей силѣ возраста подошелъ къ больному, взялъ своими бѣлыми, тонкими пальцами его свободную руку съ зеленаго одѣяла и, отвернувшись, сталъ щупать пульсъ и задумался. Больному дали чего-то выпить, зашевелились около него, потомъ опять разступились по мѣстамъ, и богослуженіе возобновилось. Во время этого перерыва Пьеръ замѣтилъ, что князь Василій вышелъ изъ-за своей спинки стула, и съ тѣмъ же видомъ, который показывалъ, что онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и что тѣмъ хуже для другихъ, скажи они не понимаютъ его, не подошелъ къ больному, а пройдя мимо его, присоединился

къ старшему княжну и съ нею вмѣстѣ направился вглубь спальни, къ высокой кровати подъ шелковыми занавѣсами. Отъ кровати князь и княжна оба скрылись въ заднюю дверь, но предъ концомъ службы одинъ за другимъ возвратились на свои мѣста. Пьеръ обратилъ на это обстоятельство не болѣе вниманія, какъ и на всѣ другія, разъ навсегда решивъ въ своемъ умѣ, что все, чѣмъ совершилось передъ нимъ нынѣшній вечеръ, было такъ необходимо нужно.

Звуки церковнаго пѣнія прекратились, и послышался голосъ духовнаго лица, которое почтительно поздравляло больнаго съ принятиемъ таинства. Больной лежалъ все также безжизненно и неподвижно. Вокругъ него все зашевелилось, послышались шаги и шопоты, изъ которыхъ шопотъ Аины Михайловны выдавался рѣзче всѣхъ.

Пьеръ слышалъ, какъ она сказала:

— Непремѣнно надо перенести на кровать, здѣсь ~~лежать~~ нельзя будетъ...

Больнаго такъ обступили доктора, князны и слуги, что Пьеръ уже не видѣть той красно-желтой головы, съ сѣдою гривой, которая, несмотря на то, что онъ видѣлъ въ другія лица, ни на мгновеніе не выходила у него изъ вида во все время службы. Пьеръ догадался по осторожному движенію людей, обступившихъ кресло, что умирающаго поднимали и переносили.

— За мою руку держись, уронишь такъ, послышался ему испуганный шопотъ одного изъ слугъ, — снизу... еще одинъ, говорили голоса, и тяжелыя дыханія и переступанія ногами людей стали торопливѣе, какъ будто тяжесть, которую они несли, была сверхъ силъ ихъ.

Несчастіе, въ числѣ которыхъ была и Аина Михайловна,

поравнялись съ молодымъ человѣкомъ, и ему на мгновеніе изъ-за спинъ и затылковъ людей показалась высокая жирная, открытая грудь, тучные плечи больнаго, приподнятая кверху людьми, державшими его подъ мышки, и сѣдала, курчавая львиная голова. Голова эта, съ небычайно широкимъ лбомъ и скулами, красивымъ чувственнымъ ртомъ и величественнымъ холоднымъ взглядомъ, была не обезображенна блѣдостью смерти. Она была такая же, какою знала се Пьеръ назадъ тому три мѣсяца, когда графъ отиускалъ его въ Петербургъ. Но голова эта безнomoюща покачивалась отъ неровныхъ шаговъ несущихъ, и холодный, безучастиный взглядъ не зналъ, на чёмъ остановиться.

Пропало нѣсколько минутъ суетливо около высокой кровати; люди, несшие больнаго, разошлись. Анна Михайловна дотронулась до руки Пьера и сказала ему: „пойдемте“. Пьеръ вѣдѣтъ съ нею подошелъ къ кровати, на которой въ праздничной позѣ, видимо имѣвшей отпошеніе къ только что совершенному таинству, лежала положенъ больной. Опь лежа, высоко опираясь головой па подушки. Руки его были симметрично выложены па зеленомъ шелковомъ одѣялѣ ладонями внизъ. Когда Пьеръ подошелъ, графъ глядѣть прямо на него, но глядѣть тѣмъ взглядомъ, котораго смыслъ и значеніе нельзя понять человѣку. Или этотъ взглядъ ровно ничего не говорить, какъ только то, что нокуда есть глаза, надо же глядѣть куда-нибудь, или онъ говорить слишкомъ многое. Пьеръ остановился, не зная что ему дѣлать, и вопросительно оглянулся на свою руководительницу, Анну Михайловну. Анна Михайловна сѣдала ему торопливый жестъ глазами, указывая па руку больного и губами посыпая ей воздушный поцѣлуй. Пьеръ старательно вытягивалъ нею, чтобы

не защипнуть за одѣяло, исполнилъ ей совѣтъ и приложился къ ширококостной и мясистой рукѣ. Ни рука, ни одинъ мускулъ лица графа не дрогнули. Пьеръ опять вопросительно посмотрѣлъ на Анну Михайловну, спрашивая, теперь что ему дѣлать. Анна Михайловна глазами указала ему на кресло, стоявшее подлѣ кровати. Пьеръ покорно сталъ садиться на кресло, глазами продолжая спрашивать, то ли онъ сдѣлалъ, что нужно. Анна Михайловна одобрительно кивнула головой. Пьеръ принялъ опять симметрично-наивное положеніе египетской статуи, видимо соболѣзнуя о томъ, что неуклюжее и толстое тѣло его занимало такое большое пространство, и употребляя всѣ душевныя силы, чтобы казаться какъ можно меньше. Онъ смотрѣлъ на графа. Графъ смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ находилось лицо Пьера въ то время, какъ онъ стоялъ. Анна Михайловна являла въ своемъ положеніи сознаніе трогательной важности этой послѣдней минуты свиданія отца съ сыномъ. Это продолжалось двѣ минуты, которая показались Пьеру часомъ. Вдругъ, въ крупныхъ мускулахъ и морщинахъ лица графа появилось содроганіе. Содроганіе усиливалось, красивый ротъ покривился (тутъ только Пьеръ понялъ, до какой степени отецъ его былъ близокъ къ смерти), изъ перекривленнаго рта послышался неясный хрипливый звукъ. Анна Михайловна старательно смотрѣла въ глаза больному, и стараясь угадать, чего было нужно ему, указывала то на Пьера, то на питье, то шепотомъ вопросительно называла князя Василія, то указывала на одѣяло. Глаза и лицо больного выказывали нетерпѣніе. Онъ сдѣлалъ усиление, чтобы взглянуть на слугу, который безотходно стоялъ у изголовья постели.

— На другой бочокъ переворнуться хотятъ, прошепталъ

слуга, и поднялся, чтобы переворотить лицомъ къ стѣнѣ тяжелое тѣло графа.

Пьеръ всталъ, чтобы помочь слугѣ.

Въ то время, какъ графа переворачивали, одна рука его беспомощно завалилась назадъ, и онъ сдѣлалъ напрасное усилие, чтобы перетащить ее. Замѣтилъ ли графъ тотъ взглядъ ужаса, съ которымъ Пьеръ смотрѣлъ на эту безжизненную руку, или какая другая мысль промелькнула въ его умирающей головѣ въ эту минуту, но онъ посмотрѣлъ на неиспользованную руку, на выраженіе ужаса въ лицѣ Пьера, опять на руку, и на лицѣ его явилась такъ же шедшая къ его чертамъ слабыя, страдальческая улыбка, выражавшая какъ бы насмѣшку надъ своимъ собственнымъ безсиліемъ. Неожиданно, при видѣ этой улыбки, Пьеръ почувствовалъ содроганіе въ груди, щипаніе въ носу, и слезы затуманили его зрѣніе. Больного перевернули на бокъ къ стѣнѣ. Онъ вздохнулъ.

— Онъ забылся, сказала Анна Михайловна, замѣтивъ приходившую на смѣну княжну. — Пойдемъ.

Пьеръ вышелъ.

XXI.

Въ приемной уже никого не было, кроме князя Василия и старшей княжны, которые сидя подъ портретомъ Екатерины, о чёмъ-то оживленно говорили. Какъ только они увидели Пьера съ его руководительницей, они замолчали. Княжна что-то спрятала, какъ показалось Пьери, и проптала:

— Не могу видѣть эту женщины.

— Катину велѣла подать чай въ маленькую гостиную,

9*

сказать князь Василій Аниѣ Михайловиѣ. — Вы бы пошли, бѣднаѧ Аниа Михайловна, подкрайнили себя, а то вы не выдержите.

Цѣрь онъ ничего не сказалъ, только пожалъ съ чувствомъ его руку пониже плеча. Цѣрь съ Аниой Михайловной прошли въ маленькую гостиную.

— Ничто такъ не возстановляетъ силъ постѣ безсонной ночи, какъ чашка этого превосходнаго русскаго чаю, говорилъ Лорренъ съ выраженіемъ сдержанной оживленности, отхлебывая изъ тонкой безъ ручки китайской чашки, стоя въ маленькой круглой гостиной передъ столомъ, на которомъ стоялъ чайный приборъ и холодный ужинъ. Около стола собрались, чтобы подкрайнить свои силы, всѣ бывшіе въ эту ночь въ домѣ графа Безухова. Цѣрь хорошо помнилъ эту маленькую круглую гостиную, съ зеркалами и маленькими столиками. Во время баловъ въ домѣ графа, Цѣрь, не умѣвший танцевать, любилъ сидѣть въ этой маленькой зеркальной и наблюдать, какъ дамы, въ бальныхъ туалетахъ, бриллиантахъ и жемчугахъ на голыхъ плечахъ, проходя чрезъ эту комнату, оглядывали себя въ ярко освѣщенныя зеркала, и сколько разъ повторившія ихъ отраженія. Теперь та же комната была едва освѣщена двумя свѣчами, и среди ночи на одномъ маленькомъ столикѣ беспорядочно стояли чайный приборъ и блюда, и разнообразные, непраздничные люди, шопотомъ переговариваясь, сидѣли въ иней, каждымъ движеніемъ, каждымъ словомъ показывая, что никто не забываетъ того, что дѣлается теперь и имѣть еще совершился въ спальниѣ. Цѣрь не сталъ жесть, хотя ему и очень хотѣлось. Онъ оглянулся вопросительно на свою руководительницу, и увидѣлъ, что она па-циночкахъ выходила опять

въ прѣмную, гдѣ остался князь Василій съ старшою княжной. Щербъ полагалъ, что и это было такъ нужно, и, помедливъ немнога, пошелъ за ней. Анна Михайловна стояла подлѣ книжны, и обѣ онѣ въ одно время говорили взволнованыемъ шепотомъ.

— Позвольте мнѣ, княгиня, знать, что нужно и что не нужно, говорила княжна, видимо находясь въ томъ же взволнованномъ состояніи, въ какомъ она была въ то время, какъ захлопывала дверь своей комнаты.

— Но, милая княжна, кротко и убѣдительно говорила Анна Михайловна, застуная дорогу отъ спальни и не пускай княжну, — не будетъ ли это слишкомъ тяжело для бѣднаго дядюшки въ такія минуты, когда ему пущенъ отдыхъ? Въ такія минуты разговоръ о мірскомъ, когда его душа уже приготовлена...

Князь Василій сидѣлъ на креслѣ, въ своей фамильянной позѣ, высоко заложивъ ногу на ногу. Щеки его сильно перепрыгивали и, опустившись, казались толще внизу; но онъ имѣлъ видъ человѣка, мало занятаго разговоромъ двухъ дамъ.

— Да нѣтъ же, моя милая Анна Михайловна, предоставьте Катинѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Вы знаете, какъ графъ ее любить.

— Я и не знаю что въ этой бумагѣ, говорила княжна, обращаясь къ князю Василію, и указывая па мозаиковый портфель, который она держала въ рукахъ. — Я знаю только, что настоящее завѣщаніе у него въ бюро, а это забытая бумага... — Она хотѣла обойти Анну Михайловну, но Анна Михайловна, подпрыгнувъ опять, загородила ей дорогу.

— Я знаю, милая, добрая княжна, сказала Ацна Михайловна, хватаясь рукой за портфель и такъ креѣко, что видно

было она не скоро его пустить. — Милая княжна, я васъ прошу, я васъ умоляю, пожалуйте его...

Княжна молчала. Слышны были только звуки усилившейся борьбы за портфель. Видно было, что ежели она заговорить, то заговорить не лестно для Анны Михайловны. Анна Михайловна держала краинко, но несмотря на то, голосъ ея удерживалъ всю свою сладкую тягучесть и мягкость.

— Пьеръ, подойдите сюда, мой другъ. Я думаю, что онъ не лишній въ родственномъ совѣтѣ: не правда ли, князь?

— Чтò же вы молчите, mon cousin? вдругъ вскрикнула княжна такъ громко, что въ гостиной услыхали и испугались ея голоса. — Что вы молчите, когда видѣсь, Богъ знаетъ кто позволяетъ себѣ вмѣшиваться и дѣлать сцены на порогѣ комнаты умирающаго? Интриганка! ироничала она злобно и дернула портфель изо всей силы, но Анна Михайловна сдѣлала нѣсколько шаговъ, чтобы не отстать отъ портфеля и перехватила руку.

— Ахъ, сказалъ князь Василій, укоризненно и удивленно. Онъ всталъ. — Это смѣшило. Ну же, пустите. Я вамъ говорю. — Княжна пустila.

— И вы!

Анна Михайловна не послушалась его.

— Пустите, я вамъ говорю. Я беру все на себя. Я пойду и спрошу его. Я... довольно вамъ этого.

— Но, князь, говорила Анна Михайловна, — послѣ такого великаго таинства, дайте ему минуту покоя. Вотъ Пьеръ, скажите ваше мнѣніе, обратилась она къ молодому человѣку, который, вилоть подойдя къ нимъ, удивленно смотрѣлъ на озабоченное, потерявшее все приличie лицо княжны и на перепрыгивающія щеки князя Василія.

— Помните, что вы будете отвѣтчиаь за всѣ иносѣдствія, строго сказалъ князь Василій: — вы не знаете, что вы дѣлаете.

— Мерзкая женщина! вскрикнула княжна, неожиданно бросаясь на Анну Михайловну и вырывая портфель. Князь Василій опустилъ голову и развелъ руками.

Въ эту минуту дверь, та страшная дверь, на которую такъ долго смотрѣлъ Пьеръ, и которая такъ тихо отворилась, быстро, съ шумомъ откинулась, стукнувъ объ стѣну, и средняя княжна выбѣжала оттуда и вслеснула руками.

— Чѣмъ вы дѣлаете! отчаянно проговорила она. — Онь умираетъ, а вы меня оставляете одну.

Старшая княжна выронила портфель. Анна Михайловна быстро нагнулась; и, подхвативъ спорную вещь, побѣжала въ спальню. Старшая княжна и князь Василій, ономпившись, пошли за ней.. Черезъ нѣсколько минутъ, первая вышла оттуда старшая княжна, съ блѣднымъ и сухимъ лицомъ и прикушенной нижнею губой. При видѣ Пьера лицо ея выразило неудержимую злобу.

— Да, дуйтесь теперь, сказала она, — вы этого ждали.— И зарыдавъ, она закрыла лицо платкомъ и выбѣжала изъ комнаты.

За книжной вышелъ князь Василій. Онъ шатаясь дошелъ до дивана, на которомъ сидѣлъ Пьеръ, и упалъ на него, закрывъ глаза рукой. Пьеръ замѣтилъ, что онъ былъ блѣденъ, и что нижняя челость его прыгала и тряслась какъ въ лихорадочной дрожи.

— Ахъ, мой другъ! сказать онъ, взявъ Пьера за локоть; и въ голосѣ его была искренность и слабость, которыхъ Пьеръ никогда прежде не замѣчалъ въ немъ. — Сколько мы грѣшили, сколько мы обманываемъ, и все для чего? Миѣ

шестой десятокъ, мой другъ... Вѣдь мнѣ... Все кончится смертью, все. Смерть ужасна. — Онъ заплакалъ.

Анна Михайловна вышла послѣдняя. Она подошла къ Ільеру тихими медленными шагами.

— Ільеръ!... сказала она.

Ільеръ вопросительно смотрѣлъ на нее. Она поцѣловала въ лобъ молодого человѣка, увлажнивъ его слезами. Она помолчала.

— Его нѣтъ болѣе...

Ільеръ смотрѣлъ на нее透过 очки.

— Пойдемте, я вѣсѣ провожу. Старайтесь плакать; ничто такъ не облегчаетъ какъ слезы.

Она провела его въ темную гостиную, и Ільеръ радъ былъ, что никто тамъ не видѣлъ его лица. Анна Михайловна ушла отъ него, и когда она вернулась, онъ, подложивъ подъ голову руку, спалъ крѣпкимъ сномъ.

На другое утро Анна Михайловна говорила Ільеру:

— Да, мой другъ, это великая потеря для всѣхъ вѣсѣ, не говоря о васъ. Но Богъ васъ поддержитъ, вы молоды, и вотъ вы теперь, надѣюсь, обладатель огромнаго богатства. Завѣщаніе еще не вскрыто. Я довольно васъ знаю и увѣренна, что это не вскружить вамъ голову, но это налагаетъ на васъ обязанности, и надо быть мужчиною.

Ільеръ молчалъ.

— Послѣ я, можетъ быть, разскажу вамъ, что если бъ я не была тамъ, то Богъ знаетъ что бы случилось. Вы знаете, что дядюшка третьяго дна обѣщаалъ мнѣ не забыть Бориса, по не успѣлъ. Надѣюсь, мой другъ, вы исполните желаніе отца.

Ільеръ ничего не понималъ, и молча, застѣнчиво кра-

свѣя, смотрѣль на княгиню Анну Михайловну. Переговоривъ съ Ільеромъ, Анна Михайловна уѣхала къ Ростовыи и легла спать. Проснувшись утромъ, она рассказывала Ростовыи и всѣмъ знакомымъ подробности смерти графа Безухова. Она говорила, что графъ умеръ такъ, какъ и она желала бы умереть, что конецъ его былъ не только трогательенъ, но и назидателенъ; послѣднее же свиданіе отца съ сыномъ было до того трогательно, что она не могла вспомнить его безъ слезъ, и что она не знаетъ, кто лучше вѣрь себя въ эти страшныи минуты: отецъ ли, который такъ все и всѣхъ вспомнилъ въ послѣднія минуты и такія трогательныи слова сказалъ сыну, или Ільеръ, на котораго жалко было смотрѣть, какъ онъ былъ убитъ, и какъ, несмотря на это, старался скрыть свою печаль, чтобы не огорчить умирающаго отца. „Это тяжело, но это поучительно; душа возвышается, когда видишь такихъ людей, какъ старый графъ и его достойный сынъ“, говорила она. О поступкахъ князя и князя Василья она, не одобряя ихъ, тоже рассказывала, но подъ большимъ секретомъ и шопотомъ.

ХХII.

Въ Лысыхъ Горахъ, имѣніи князя Николай Андреевича Болконскаго, ожидали съ каждымъ днемъ пріѣзда молодаго князя Андрея съ княгиней, по ожиданіе не нарушило строгаго порядка, по которому шла жизнь въ домѣ стараго князя, Генералъ-аппѣлѣ, князь Николай Андреевичъ, по прозванию въ обществѣ „прусскій король“, съ того времени, какъ при Павлѣ былъ сосланъ въ деревню, жилъ безвыѣздно въ своихъ Лысыхъ Горахъ съ дочерью, княжною Марьей и при ней компаньонкой, мамзель Бурленъ. И въ новое царствованіе,

хотя ему и было разрешено въездъ въ столицу, онъ такъ же продолжалъ безвыѣздно жить въ деревнѣ, говоря, что ежеля кому его нужно, то тотъ и отъ Москвы полтораста верстъ доѣдетъ до Лысыхъ Горъ, а что ему никого и ничего не нужно. Онъ говорилъ, что есть только два источника людскихъ пороковъ: праздность и суетліе, и что есть только двѣ добродѣтели: дѣятельность и умъ. Онъ самъ занимался воспитаніемъ своей дочери, и чтобы развить въ ней обѣ главныя добродѣтели, до двадцати лѣтъ давалъ ей уроки алгебры и геометріи, и распредѣлялъ всю ея жизнь въ безпрерывныхъ занятіяхъ. Самъ онъ постоянно былъ занятъ то писаніемъ своихъ мемуаровъ, то выкладками изъ высшей математики, то точепіемъ табакерокъ на станкѣ, то работой въ саду и наблюденіемъ надъ постройками, которыя не прекращались въ его имѣніи. Такъ какъ главное условіе для дѣятельности есть порядокъ, то и порядокъ въ его образѣ жизни былъ доведенъ до послѣдней степени точности. Его выходы къ столу совершились при однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ условіяхъ, и не только въ одинъ и тотъ же часъ, но и минуту. Съ людьми, окружавшими его, отъ дочери до слугъ, князь былъ рѣзокъ и неизмѣнно требователенъ, и потому, не бывъ жестокимъ, онъ возбуждалъ къ себѣ страхъ и почтительность, какихъ не легко могъ бы добиться самый жестокій человѣкъ. Несмотря на то, что онъ былъ въ отставкѣ и не имѣлъ теперь никакого значенія въ государственныхъ дѣлахъ, каждый начальникъ той губерніи, где было имѣніе князя, считалъ своимъ долгомъ являться къ нему, и точно такъ же, какъ архитекторъ, садовникъ, или княжна Марья, дожидался назначенного часа выхода князя въ высокой офиціантской. И каждый въ этой офиціантской испытывалъ то же чувство

почтительности и даже страха, въ то время, какъ отворялась громадно-высокая дверь кабинета, и показывалась въ на-пудренномъ парикѣ невысокая фигурка старика, съ малень-кими сухими ручками и сѣрыми висячими бровями, иногда, какъ онъ насупливался, застилавшими блескъ умныхъ и точ-но молодыхъ блѣстящихъ глазъ.

Въ день приѣзда молодыхъ, утромъ, по обыкновенію книжна Марья въ урочный часъ входила для утренняго привѣтствія въ офиціантскую и со страхомъ крестилась и читала внут-ренно молитву. Каждый день она входила и каждый день молилась о томъ, чтобы это ежедневное свиданіе сошло bla-гополучно.

Сидѣвшій въ офиціантской пудреный старикъ-слуга тихимъ движениемъ всталъ и шепотомъ доложилъ: „Пожалуйте“.

Изъ-за двери слышались равномѣрные звуки станка. Княжна робко потанула за легко и плавно отворяющуюся дверь и остановилась у входа. Князь работалъ за станкомъ и, оглянувшись, продолжалъ свое дѣло.

Огромный кабинетъ былъ наполненъ вещами, очевидно, безпрестанно-употребляемыми. Большой столъ, на которомъ лежали книги и планы, высокіе стеклянные шкафы библіо-теки съ ключами въ дверцахъ, высокій столъ для писанія въ стоячемъ положеніи, на которомъ лежала открытая тет-радь, токарный станокъ съ разложенными инструментами и съ разсыпанными кругомъ стружками, — все высказывало постоянную, разнообразную и порядочную дѣятельность. По движеніямъ небольшой ноги, обутой въ татарскій шитый серебромъ сапожокъ, по твердому налеганію жилистой су-хощавой руки видна была въ князѣ еще упорная и много выдерживавшая сила сѣжей старости. Сдѣлать не сколько

кругою, онъ сплыть ногу съ недалѣк станка, обтерь стамеску, кинулаъ ее въ кожаный карманъ придѣланный къ станку, и, подойдя къ столу, подозвалъ дочь. Онъ никогда не благословлялъ своихъ дѣтей, и только, представивъ ей щетинистую, еще не бритую нынче щеку, сказалъ строго и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно-и-ежко, оглядѣвъ ее: „Здорова?... ну, такъ, садись!“ Онъ взялъ тетрадь геометріи, писанную его рукой, и подвинулъ ногой свое кресло.

— На завтра! сказалъ онъ, быстро отыскивая страницу и отъ параграфа до другого отмѣчая жесткимъ ногтемъ. Княжна пригнулась къ столу надъ тетрадью. — Постой, письмо тебѣ, вдругъ сказалъ старикъ, доставая изъ придѣланного надъ столомъ кармана конвертъ, надписанный женскою рукой, и кидая его на столъ.

Лицо княжны покрылось красными пятнами при видѣ письма. Она торопливо взяла его и пригнулась къ нему.

— Отъ Элоизы? спросилъ князь, «холодною улыбкой» выказывая еще крѣпкие и желтоватые зубы.

— Да, отъ Жюли, сказала княжна, робко взглядавшая и робко улыбаясь.

— Еще два письма я пропущу, а третье прочту, — строго сказалъ князь: — боюсь, много вздору напиши. Третье прочту.

— Прочтите хоть это, батюшка, отвѣчала княжна, краснея еще болѣе и подавая ему письмо.

— Третье, я сказалъ третью, коротко крикнулъ князь, отталкивая письмо, и облокотившись на столъ, пододвинулъ тетрадь съ чертежами геометріи.

— Ну, сударыня, началъ старикъ, пригнувшись близко къ дочери надъ тетрадью и положивъ одну руку на спинку кресла, на которомъ сидѣла княжна, такъ что княжна чув-

ствовала себя со всѣхъ сторонъ окруженною тѣмъ табачнымъ и старчески-ѣдкимъ запахомъ отца, который она такъ давно знала. — Ну, сударыня, треугольники эти подобны: изволишь видѣть, уголъ *abc*...

Княжна испуганно взглядала на близко отъ нея блестящіе глаза отца; красные щеки переливались по ей лицу, и видно было, что она ничего не понимаетъ и такъ боится, что страхъ помѣшаетъ ей попять всѣ дальнійшія толкованія отца, какъ бы ясны они ни были. Виноватъ ли былъ учитель, или виновата была ученица, но каждый день повторялось одно и то же: у княжны мутлилось въ глазахъ, она ничего не видѣла, не слышала, только чувствовала близко подъ себѣ сухое лицо строгаго отца, чувствовала его дыханіе и запахъ и только думала о томъ, какъ бы ей уйти поскорѣе изъ кабинета и у себя на просторѣ понять задачу. Старикъ выходилъ изъ себя: съ грохотомъ отодвигалъ и придвигалъ кресло, на которомъ самъ сидѣлъ, дѣлалъ усиленія надъ собой, чтобы не разгорячиться и почти всякий разъ горячился, бранился, а иногда швырялъ тетрадью.

Княжна ошиблась отвѣтомъ.

— Ну, какъ же не дура! крикнулъ князь, оттолкнувъ тетрадь и быстро отвернувшись; по тотчасъ же всталъ, прошелся, дотронулся руками до волосъ княжны и снова сѣлъ. Онъ придвищился и продолжалъ толкованіе. — Нельзя, княжна, нельзя, сказалъ онъ, когда княжна, взявъ и закрывъ тетрадь съ заданными уроками, уже готовилась уходить: — математика великое дѣло, мои сударыня. А чтобы ты была похожа на нашихъ глупыхъ барышнъ, я не хочу. — Стернится-слюбится. Опь потренажъ ее рукой по щекѣ.

Дурь изъ головы высочитъ. Она хотѣла выйти, онъ остановилъ ее жестомъ и досталъ съ высокаго стола новую неразрѣзанную книгу.

— Вотъ еще какой-то *Ключъ тайнства*, тебѣ твоя Элоиза посыпаетъ. Религіозная. А я ни въ чю вѣру не виѣши-ваюсь... Просмотрѣлъ. Возьми. Ну, ступай, ступай!

Онъ потрепалъ ее по плечу и самъ заперъ за нею дверь.

Княжна Марья возвратилась въ свою комнату съ грустнымъ, испуганнымъ выражениемъ, которое рѣдко покидало ее и дѣлало ея некрасивое болѣзнишее лицо еще болѣе некрасивымъ, и сѣла за свой письменный столъ, уставленный миниатюрными портретами и заваленный тетрадями и книгами. Княжна была столъ же безпорядочна, какъ отецъ ея порядоченъ. Она положила тетрадь геометріи и нетерпѣливо распечатала письмо. Письмо было отъ ближайшаго съ дѣтства друга княжны; другъ этотъ была та самая Юли Карагина, которая была на имениахъ у Ростовыхъ.

Юли писала по-французски:

„Милый и безцѣнныи другъ, какая страшная и ужасная вещь — разлука! Сколько ни твержу себѣ, что половина моего существованія и моего счастія въ васъ, что несмотря на разстояніе, которое насъ разлучаетъ, сердца наши соединены неразрывными узами, мое сердце возмущается противъ судьбы, и, несмотря на удовольствія и разсѣянія, которыя меня окружаютъ, я не могу подавить иѣкоторую скрытую грусть, которую испытываю въ глубинѣ сердца со времени нашей разлуки. Отчего мы не вмѣстѣ, какъ въ прошлое лѣто, въ вашемъ большомъ кабинетѣ, на голубомъ диванѣ, на диванѣ „признаній?“ Отчего я не могу, какъ три мѣсяца тому назадъ, почерпывать новые нравственные силы въ ва-

шемъ взглядѣ, кроткомъ, спокойномъ и пропицательномъ, который я такъ любила и который я вижу предъ собой въ ту минуту, какъ пишу вамъ?“

Прочтя до этого мѣста, княжна Марья вздохнула и оглянулась въ трюмо, которое стояло направо отъ нея. Зеркало отразило прекрасивое, слабое тѣло и худое лицо. Глаза, всегда грустные, теперь особенно безнадежно смотрѣли на себя въ зеркало. Она мнѣ лѣстить, подумала княжна, отвернулась и продолжала читать. Жюли однако не лѣстила своему другу: дѣйствительно, глаза княжны, большиe, глубокіе и лучистые (какъ будто лучи теплаго свѣта иногда спопами выходили изъ нихъ), были такъ хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти дѣлались привлекательнѣе красоты. Но княжна никогда не видѣла хорошаго выраженія своихъ глазъ, того выраженія, которое они принимали въ тѣ минуты, когда она не думала о себѣ. Какъ и у всѣхъ людей, лицо ея принимало патинуто-неестественное, дурное выраженіе, какъ скоро она смотрѣлась въ зеркало. Она продолжала читать:

„Вся Москва только и говоритъ, что о войнѣ. Одинъ изъ моихъ двухъ братьевъ уже за границей, другой съ гвардіей, которая выступаетъ въ походъ къ граници. Нашъ милый государь оставляетъ Петербургъ и, какъ предполагаютъ, намѣренъ самъ подвергнуть свое драгоцѣнное существованіе случайностямъ войны. Дай Богъ, чтобы корсиканское чудовище, которое возмущасть спокойствіе Европы, было низвергнуто ангеломъ, котораго Всемогущій въ Своей благости поставилъ надъ нами повелителемъ. Не говоря уже о моихъ братьяхъ, эта война лишила меня одного изъ отпосланий самыхъ близкихъ моему сердцу. Я говорю о молодомъ Николаѣ

Ростовъ, который, при своемъ энтузиазмѣ, не могъ переносить бездѣйствія, и оставилъ университетъ, чтобы поступить въ армію. Признаюсь вамъ, милая Марі, что, несмотря на его чрезвычайную молодость, отъѣздъ его въ армію былъ для меня болѣшимъ горемъ. Въ молодомъ человѣкѣ, о которомъ я говорила вамъ прошлымъ лѣтомъ, столько благородства, истинной молодости, которую встрѣчашь такъ рѣдко въ пашь вѣкъ между нашими двадцати-лѣтними стариками! У него особенно такъ много откровенности и сердца. Онь такъ чистъ и полонъ поэзіи, что мои отношенія къ нему, при всей мимолетности своей, были одною изъ самыхъ сладостныхъ отрадъ моего бѣднаго сердца, которое уже такъ много страдало. Я вамъ разскажу когда-нибудь наше прощаніе и все, что говорилось при прощанії. Все это еще слишкомъ свѣжо... Ахъ! милый другъ, вы счастливы, что не знаете этихъ жгучихъ наслажденій, этихъ жгучихъ горестей. Вы счастливы, потому что послѣднія обыкновенно сильнѣе первыхъ. Я очень хорошо знаю, что графъ Николай слишкомъ молодъ для того, чтобы сдѣлаться для меня чѣмъ-нибудь, кроме какъ другомъ. Но эта сладкая дружба, эти столь поэтическія и столь чистыя отношенія были потребностью моего сердца. Но довольно обѣ этомъ.

„Главная новость, занимающая всю Москву, — смерть старого графа Безухаго и его наследство. Представьте себѣ, три княжны получили какую-то малость, князь Василій ничего, а Пьеръ — наследникъ всего, и сверхъ того признанъ законнымъ сыномъ и потому графомъ Безухимъ и владельцемъ самого огромнаго состоянія въ Россіи. Говорятъ, что князь Василій игралъ очень гадкую роль во всей этой исторіи, и что онъ уѣхалъ въ Петербургъ очень сконфужен-

ный. Призываюсь вами, я очень плохо понимаю все эти дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ; знаю только, что съ тѣхъ поръ, какъ молодой человѣкъ, которого мы все знали подъ именемъ просто Пьера, сдѣлался графомъ Безухимъ и владѣльцемъ одного изъ лучшихъ состояній Россіи, — я забавляюсь наблюденіями надъ перемѣнной тона маменекъ, у которыхъ есть дочери-невѣсты, и самыхъ барышень, въ отношеніи къ этому господину, который (въ скобкахъ будь сказано) всегда казался мнѣ очень ничтожныи. Такъ какъ уже два года все забавляются тѣмъ, чтобы прискивать мнѣ жениховъ, которыхъ я большую частью не знаю, то брачная хроника Москвы дѣлаетъ меня графинею Безухой. Но вы понимаете, что я никакъ этого не желаю. Кстати о бракахъ. Знаете ли вы, что недавно всеобщая жемчужина, Анна Михайловна, довѣрила мнѣ подъ величайшимъ секретомъ, замысль устроить ваше супружество. Это ни болѣе ни менѣе какъ сына князя Василья, Анатоль, которого хотятъ пристроить, женивъ его на богатой и знатной девицѣ, и на васъ налья выборъ родителей. Я не знаю, какъ вы посмотрите на это дѣло, но я сочла своимъ долгомъ предувѣдомить васъ. Онъ, говорятъ, очень хорошъ собой и большой новица. Вотъ все, что я могла узнать о немъ.

„Но будетъ болтать. Кончу мой второй листокъ, а мачеха прислала за мной, чтобы ухать обѣдать къ Апраксину.

„Прочитайте мистическую книгу, которую я вамъ посыпаю; она имѣеть у насъ огромный успехъ. Хотя въ ней есть вѣщи, которыхъ трудно понять слабому уму человѣческому, но это превосходная книга; чтеніе ея успокаиваетъ и возвышаетъ душу. Прощайте. Мое почтеніе вашему батюшку

и мои привѣтствія т-elle Бурбенъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Жюли.

„PS. Извѣстите меня о вашемъ братѣ и о его прелестной женѣ“.

Княжна подумала, задумчиво улыбаясь (при чёмъ лицо ея, освѣщеннное лучистыми глазами, совершенно преобразилось), и вдругъ приподнявшись, тяжело ступая, перешла къ столу. Она достала бумагу, и рука ея быстро началаходить по ней. Такъ писала она отвѣтъ:

„Милый и безцѣнныи другъ. Ваше письмо отъ 13-го доставило мнѣ большую радость. Вы все еще меня любите, моя поэтическая Жюли. Разлука, о которой вы говорите такъ много дурного, видно не имѣла на васъ своего обычнаго вліянія. Вы жалуетесь на разлуку; что же я должна была бы сказать, если бы смыла, — я, лишенная всѣхъ тѣхъ, кто мнѣ дорогъ? Ахъ, ежели бы не было у насъ утѣшеннія религіи, жизнь была бы очень печальна. Почему приписываете вы мнѣ строгій взглядъ, когда говорите о вашей склонности къ молодому человѣку? Въ этомъ отношеніи я строга только къ себѣ. Я понимаю эти чувства у другихъ, и если не могу одобрять ихъ, никогда не испытавши, то я и не осуждаю ихъ. Мнѣ кажется только, что христіанская любовь къ ближнему, любовь къ врагамъ, достойнѣе, отрицаніе и лучше, чѣмъ тѣ чувства, которыя могутъ внушить прекрасные глаза молодого человѣка молодой девушки, поэтической и любящей, какъ вы.“

„Извѣстіе о смерти графа Безухаго дошло до насъ прежде вашего письма, и мой отецъ былъ очень тронутъ имъ. Онъ говоритъ, что это былъ преднослѣдній представитель великаго вѣка, и что теперь чередъ за нимъ, но что онъ сдѣ-

ласть все зависящее отъ него, чтобы чередъ этого пришель какъ можно позже. Избави насъ Боже отъ этого ужаснаго несчастія.

„Я не могу раздѣлять вашего мнѣнія о Цѣрѣ, котораго знала еще ребенкомъ. Миѣ казалось, что у него было всегда прекрасное сердце, а это то качество, которое и болѣе всего цѣню въ людяхъ. Чѣмъ касается до его наслѣдства и до роли, которую игралъ въ этомъ князь Василій, то это очень печально для обоихъ. Ахъ, милый другъ, слова нашего Божественнаго Спасителя, что легче верблюду пройти въ игольное ухо, чѣмъ богатому войти въ царствіе Божіе, — эти слова страшно сираведливы! Я жалѣю князя Василія и еще болѣе Цѣра. Столъ молодому, быть отягощеннымъ такимъ огромнымъ состояніемъ, — черезъ сколько искушений надо будетъ пройти ему! Если бъ у меня спросили, чего я желаю болѣе всего на свѣтѣ, — я сказала бы: желаю быть бѣднѣе самаго бѣднаго изъ нищихъ. Благодарю васъ тысячу разъ, милый другъ, за книгу, которую вы миѣ посыпаете, и которая дѣлаетъ столько шуму у васъ. Вирочемъ, такъ какъ вы миѣ говорите, что въ ней между многими хорошими вещами есть такія, которыхъ не можетъ постигнуть слабое человѣческое пониманіе, то миѣ кажется излишнимъ заниматься непонятнымъ чтеніемъ, которое по этому самому не могло бы принести никакой пользы. Я никогда не могла понять страсть, которую имѣютъ некоторые особы путать себѣ мысли, пристращаись къ мистическимъ книгамъ, которые возбуждаютъ только сомнѣнія въ ихъ умахъ, раздражаютъ ихъ воображеніе и даютъ имъ характеръ преувеличенія, совершенно противный простотѣ христіанской. Будемъ читать лучше апостоловъ и Евангеліе. Не будемъ пытаться проникнуть то, что въ этихъ книгахъ есть таинственнаго, ибо

какъ можемъ мы, жалкіе грышики, познать страшныя и священныя тайны Прорицанія до тѣхъ поръ, пока носимъ на себѣ ту плотскую оболочку, которая воздвигаетъ между нами и Вѣчнымъ непроницаемую завѣсу? Ограничимся лучше изученiemъ великихъ правилъ, которыхъ нашъ Божественный Спаситель оставилъ намъ для нашего руководства здѣсь на землѣ; будемъ стараться слѣдоватъ имъ и постараемся убѣдиться въ томъ, что чѣмъ менѣе мы будемъ давать разгула нашему уму, тѣмъ мы будемъ пріятѣе Богу, Который отвергаетъ всякое знаніе; исходящее не отъ Невѣ, и что чѣмъ менѣе мы углубляемся въ то, что Ему угодно было скрыть отъ насть, тѣмъ скорѣe дастъ Онъ намъ это открытие Своимъ божественнымъ разумомъ.

„Отецъ мій ничего не говорилъ о женихѣ, но сказаъ только, что получилъ письмо и ждетъ посѣщенія князя Василія; что касается до плана супружества относительно меня, я вамъ скажу, милый и безцѣнный другъ, что бракъ по моему, есть божественное установление, которому нужно подчиняться. Какъ бы то ни было тяжело для меня, но если Всемогущему угодно будетъ наложить на меня обязанности супруги и матери, я буду стараться исполнять ихъ такъ вѣрно, какъ могу, не заботясь объ изученіи своихъ чувствъ въ отношеніи того, кого Онъ мій дастъ въ супруги.

„Я получила письмо отъ брата, который мій объявляетъ о своемъ приѣздѣ съ женой въ Лысые-Горы. Радость эта будетъ непрерывна, такъ какъ она оставляетъ насть, для того, чтобы принять участіе въ этой войнѣ, въ которую мы втунуты, Богъ знаетъ какъ и зачѣмъ. Не только у васъ въ центрѣ дѣль и сѣста только и говорятъ, что о войнѣ и здѣсь, среди этихъ полевыхъ работъ и этой тишинѣ, какую горожане обык-

новенно представляютъ себѣ въ деревнѣ, отголоски войны слышны и даютъ себя тяжело чувствовать. Отецъ мой только и говоритъ, что о ходахъ и переходахъ, въ чёмъ я ничего не понимаю, и третьего дня, дѣлая мою обычную прогулку по улицѣ деревни, я видѣла раздирающую душу сцену. Это была партия рекрутъ, набранныхъ у насъ и посылаемыхъ въ армію. Надо было видѣть состояніе, въ которомъ находились матери, жены и дѣти тѣхъ, которые уходили, и слышать рыданія тѣхъ и другихъ! Подумасիшь, что человѣчество забыло законы своего Божественнаго Спасителя, учившаго насъ любви и прощенію обидъ, и что оно полагаетъ главное достоинство свое въ искусствѣ убивать другъ друга.

„Прощайте, милый и добрый другъ. Да сохранить васъ нашъ Божественный Спаситель и Его Пресвятая Матерь подъ Своимъ святымъ и могущественнымъ покровомъ.

Мари“.

— А, вы отправляете письмо, княжна, я уже отправила свое. Я писала моей бѣдной матери, заговорила быстро пріятнымъ, сочнымъ голоскомъ улыбающаяся мамзель Буренъ, картиава на р и вноси съ собой въ сосредоточенную, грустную и пасмурную атмосферу княжны Марыи совсѣмъ другой, легкомысленно-веселый и самодовольный міръ. — Княжна, я должна васъ предупрѣдомить, прибавила она, попижал голосъ, — князь разбранилъ, — сказала она особенно грассируя и съ удовольствіемъ слушая себя, — разбранилъ Михаила Иваныча. Онъ очень не въ духѣ, такой угрюмый, предупреждаю васъ, знаете....

— Ахъ, милый другъ мой! отвѣчала княжна Марыя, — я просила васъ никогда не говорить мнѣ о томъ, въ какомъ

расположений духа отецъ. Я не позволю себѣ судить его, и не желала бы, чтобы и другие это дѣлали.

Княжна взглянула на часы, и замѣтивъ, что она уже пять минутъ пропустила то время, которое должна была употреблять для игры на клавикордахъ, съ испуганнымъ видомъ вошла въ диванную. Между 12 и 2 часами, сообразно съ заведеннымъ порядкомъ дня, князь отдыхалъ, а княжна играла на клавикордахъ.

У

ХХIII.

Сѣдой камердинеръ сидѣлъ, дремая и прислушиваясь къ храпѣнію князя въ огромномъ кабинетѣ. Изъ дальней стороны дома, изъ-за затворенныхъ дверей, слышались по двадцати разъ повторяемые трудные пассажи Дюссеевой сонаты.

Въ это время подѣхала къ крыльцу карета и бричка, и изъ кареты вышелъ князь Андрей, высадилъ свою маленькую жену и пропустилъ ее впередъ. Сѣдой Тихонъ, въ патрикѣ, высунувшись изъ двери офиціантской, шепотомъ доложилъ, что князь почиваются, и торопливо затворилъ дверь. Тихонъ зналъ, что ни приѣздъ сына и никакія необыкновенные событія не должны были нарушать порядка дня. Князь Андрей видимо зналъ это такъ же хорошо, какъ и Тихонъ; онъ посмотрѣлъ на часы, какъ будто для того, чтобы проверить, неизмѣнились ли привычки отца за то время, въ которое онъ не видалъ его, и убѣдившись, что они не измѣнились, обратился къ женѣ.

— Черезъ двадцать минутъ онъ встанетъ. Пройдемъ къ княжнѣ Марѣ, сказала онъ.

Маленькая княгиня потолстѣла за это время, но глаза

и короткая рубка съ усиками и улыбкой поднималась такъ же весело и мило, когда она заговорила:

— Да это дворецъ, сказала она мужу, оглядываясь кругомъ съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ говорять похвалы хозяину бала.— Ну, скорѣе, скорѣй! Она, оглядываясь, улыбалась и Тихону, и мужу, и офиціанту, провожавшему ихъ.

— Это Мари упражняется: пойдемъ потихоньку, чтобы она не видала насъ. Князь Андрейшелъ за ней съ учтивымъ и грустнымъ выраженіемъ.

— Ты постарѣлъ, Тихонъ, сказалъ онъ, проходя, старику, цѣловавшему его руку.

Предъ комнатою, въ которой слышны были плавикорды, изъ боковой двери выскочила хорошенькая, блокурая француженка. Мамзель Бурленъ казалась обезумѣвшую отъ восторга.

— Ахъ, какая радость для княжны! заговорила она.— Наконецъ-то! Надо ее предупредить.

— Нѣтъ, нѣтъ, ножалуйста.... говорила княгиня, цѣлуясь съ нею.— Вы — мамзель Бурленъ; я уже знакома съ вами по той дружбѣ, какую имѣеть къ вамъ моя невѣстка. Она не ожидаетъ насъ!

Они подошли къ двери диванной, изъ которой слышался опять и опять повторяемый пасажъ. Князь Андрей остановился и поморщился, какъ будто ожидая чего-то непріятнаго.

Княгиня вошла. Пасажъ оборвался на серединѣ; послышался крикъ; тяжелая ступни княжны Марыи и звуки подѣлуясь. Когда князь Андрей вошелъ, княжна и княгиня, только разъ на короткое время видѣвшіяся во время свадьбы князя Андрея, обхватившиесь руками, крѣпко прижимались губами къ тѣмъ жестамъ, на которыхъ пошли въ первую минуту.

Мамзель Бурье пъ столла около нихъ, прижалъ руки къ сердцу и набожно улыбаясь, очевидно столько же готовая заплакать, сколько и засмѣяться. Князь Андрей пожалъ плечами и поморщился, какъ морицатся любители музыки, услышавъ фальшивую ноту. Обѣ женщины отпустили другъ друга; потоъ опять онѣ, какъ будто боясь опоздать, схватили другъ друга за руки, стали цѣловать и отрывать руки, и потомъ опять стали цѣловать другъ друга въ лицо, и совершенно неожиданно для князя Андрея обѣ заплакали и опять стали цѣловаться. Мамзель Бурье тоже заплакала. Князю Андрею было, очевидно, невыгодно; но для двухъ женщинъ казалось такъ естественно, что онѣ плакали; казалось онѣ и не предполагали, чтобы могло иначе совершиться это свиданіе.

— Ахъ милая!... Ахъ Мари!... вдругъ заговорили обѣ женщины и засмѣялись. — А я видѣла во снѣ. — Такъ вы насть не ожидали?... Ахъ, Мари, вы такъ похудѣли.

— А вы такъ пополнѣли....

— Я тотчасъ узнала княгиню, вставила мамзель Бурье.

— А я и не подозрѣвала!... воскликнула княжна Марья. — Ахъ, Андрей, я и не видѣла тебя.

Князь Андрей поползлся съ сестрою рука въ руку, и сказалъ ей, что она такая же плакса, какъ всегда была. Княжна Марья повернулась къ брату и, сквозь слезы, любовный, теплый и кроткий взглядъ ея прекрасныхъ, въ ту минуту большихъ, лущистыхъ глазъ остановился на лицѣ князя Андрея. Княгиня говорила безъ умолку. Короткая верхняя губка съ усиками то и дѣло на мгновеніе слетала внизъ, притиривалась, гдѣ нужно было, къ румяной нижней губѣ, и вновь открывалась блестѣвшая зубами и глазами улыбка. Княгиня рассказывала случай, который былъ съ ними на Спасской

горѣ, грозившій ей опасностію въ ся положеніи, и сейчасъ же послѣ этого сообщила, что она вѣдь платы свои оставила въ Петербургѣ, и здѣсь будетъ ходить Богъ знаетъ въ чёмъ, и что Андрей совсѣмъ перемѣнился, и что Китти Одынцова вышла замужъ за старика, и что есть женихъ для княжны Мары „настоящій“, по что обѣ этомъ поговоримъ послѣ. Княжна Марья все еще молча смотрѣла на брата, и въ прекрасныхъ глазахъ ея были и любовь и грусть. Видно было, что въ ней установился теперь свой ходъ мысли, независимый отъ рѣчей невѣстки. Она, въ серединѣ ея разсказа о послѣднемъ праздникѣ въ Петербургѣ, обратилась къ брату:

— И ты рѣшительноѣдешь на войну, Андрей? сказала она, вздохнувъ. Лиза вздохнула тоже.

— Даже завтра, отвѣчалъ братъ.

— Онъ покидаетъ меня здѣсь, и Богъ знаетъ зачѣмъ, тогда какъ онъ могъ бы получить повышеніе... Княжна Марья не дослушала и, продолжая нить своихъ мыслей, обратилась къ невѣстѣ, ласковыми глазами указывая па ея животъ:

— Навѣрное? сказала она.

Лицо княгини измѣнилось. Она вздохнула.

— Да, навѣрное, сказала она.— Ахъ! Это очень страшно..., Губка Лизы опустилась. Она приблизила свое лицо къ лицу золовки и опять неожиданно заплакала.

— Ей надо отдохнуть, сказали князь Андрей, морщась.— Не правда ли, Лиза? Сведи ее къ себѣ, а я пойду къ батюшкѣ. Что онъ, все то же?

— То же, то же самое, не знаю какъ па твои глаза, отвѣчала радостно княжна.

— И тѣ же часы, и по аллеямъ прогулки? Станокъ? спра-

Мамзель Бурьеиъ стола около нихъ, прижалъ руки къ сердцу и набожно улыбаясь, очевидно столько же готовы заплакать, сколько и засмѣяться. Князь Андрей пожалъ плечами и поморщился, какъ морщиатся любители музыки, услышавъ фальшивую ноту. Обѣ женщины отпустили другъ друга; потомъ опять, какъ будто боясь опоздать, схватили другъ друга за руки, стали цѣловать и отрывать руки, и потомъ опять стали цѣловать другъ друга въ лицо, и совершенно неожиданно для князя Андрея обѣ заплакали и опять стали цѣловаться. Мамзель Бурьеиъ тоже заплакала. Князю Андрею было, очевидно, исповѣдь; исковѣ; но для двухъ женщинъ казалось такъ естественно, что онѣ плакали; казалось онѣ и не предполагали, чтобы могло иначе совершиться это свиданіе.

— Ахъ милай!... Ахъ Мари!... вдругъ заговорили обѣ женщины и засмѣялись. — А я видѣла во снѣ. — Такъ вы наше не ожидали?... Ахъ, Мари, вы такъ похудѣли.

— А вы такъ пополнились....

— Я тотчасъ узнала княгиню, вставила мамзель Бурьеиъ.

— А я и не подозрѣвала!... воскликнула княжна Марья. — Ахъ, Андрей, я и не видѣла тебя.

Князь Андрей поцѣловался съ сестрою рука въ руку, и сказалъ ей, что она такая же плакса, какъ всегда была. Княжна Марья повернулась къ брату и, сквозь слезы, любовный, теплый и кроткий взглядъ ея прекрасныхъ, въ ту минуту большихъ, лущистыхъ глазъ остановился на лицѣ князя Андрея. Княгиня говорила безъ умолку: Короткая верхняя губка съ усиками то и дѣло на мгновеніе слетала внизъ, притрагивалась, гдѣ нужно было, къ румяной нижней губкѣ, и вновь открывалась блестѣвшими зубами и глазами улыбка. Княгиня рассказывала случай, который былъ съ ними на Сибирской

горѣ, грозившій ей опасностію въ ея положеніи, и сейчасъ же послѣ этого сообщила, что она всѣ платья свои оставила въ Петербургѣ, и здѣсь будесть ходитъ Богъ знасть въ чёмъ, и что Андрей совсѣмъ перемѣнился, и что Китти Одыщкова вышла замужъ за старика, и что есть женихъ для княжны Марыи „настоящій“, но что обѣ этомъ поговоримъ послѣ. Княжна Марыя все еще молча смотрѣла на брата, и въ прекрасныхъ глазахъ ея были и любовь и грусть. Видно было, что въ ней установился теперь свой ходъ мысли, независимый отъ рѣчей невѣстки. Она, въ серединѣ ея разсказа о послѣднемъ праздникѣ въ Петербургѣ, обратилась къ брату:

— И ты рѣшительноѣдешь на войну, Андрей? сказала она, вздохнувъ. Лиза вздохнула тоже.

— Даже завтра, отвѣчалъ братъ.

— Онъ покидаетъ меня здѣсь, и Богъ знаетъ зачѣмъ, тогда какъ онъ могъ бы получить повышеніе... Княжна Марыя не дослушала и, продолжая нить своихъ мыслей, обратилась къ невѣсткѣ, ласковыми глазами указывая на ея животъ:

— Навѣрное? сказала она.

Лицо княгини измѣнилось. Она вздохнула.

— Да, навѣрное, сказала она. — Ахъ! Это очень страшно....

Губка Лизы опустилась. Она приблизила свое лицо къ лицу золовки и опять неожиданно заплакала.

— Ей надо отдохнуть, сказала князь Андрей, морщась.— Не правда ли, Лиза? Сведи се къ себѣ, а я пойду къ батюшкѣ. Что онъ, все то же?

— То же, то же самое, не знаю какъ па твои глаза, отвѣчала радостно княжна.

— И тѣ же часы, и по аллеямъ прогулки? Станокъ? спра-

шиваль князь Андрей съ чуть замѣтною улыбкой, показавшею, что, несмотря на всю свою любовь и уваженіе къ отцу, онъ понималъ его слабости.

— Тѣ же часы и станокъ, еще математика и мои уроки геометріи, радостно отвѣчала княжна Марья, какъ будто ся уроки изъ геометріи были однимъ изъ самыхъ радостныхъ впечатлѣній ея жизни.

Когда прошли тѣ двадцать минутъ, которыя нужны были для срока вставанья старого князя, Тихонъ пришелъ звать молодого князя къ отцу. Старикъ сдѣлалъ исключеніе въ себѣ образѣ жизни въ честь прїѣзда сына: онъ велѣлъ виustить его въ свою половину во время одѣванья, передъ обѣдомъ. Князь ходилъ по-старинному, въ кафтанѣ и пудрѣ. И въ то время, какъ князь Андрей (не съ тѣмъ брюзгливымъ выраженіемъ лица и манерами, которымъ онъ напускалъ на себя въ гостиныхъ, а съ тѣмъ оживленнымъ лицомъ, которое у него было, когда онъ разговаривалъ съ Ільеромъ) входилъ къ отцу, старикъ сидѣлъ въ уборной на широкомъ сафьянномъ обитомъ креслѣ, въ пудромантѣ, предоставляя свою голову рукамъ Тихона.

— А! Вонъ! Бонапарта завоевать хочень? сказалъ старикъ и тряхнулъ напудренную головой, сколько позволяла это заплетаемая коса, находившаяся въ рукахъ Тихона.

— Примись хоть ты за него хоропенько, а то онъ эдакъ скоро и насъ своими подданными запишетъ. — Здорово! И онъ выставилъ свою щеку.

Старикъ находился въ хорошемъ расположениіи духа послѣ дообѣденного сна. (Онъ говорилъ, что послѣ обѣда серебряный солѣцъ, а до обѣда золотой). Онъ радостно, изъ-подъ своихъ густыхъ нависшихъ бровей, косился на сына. Князь

Андрей подошелъ и поцѣловалъ отца въ указанное имъ мѣсто. Онъ не отвѣчалъ на любимую тему разговора отца — подтруниванье надъ теперешними военными людьми, а особенно надъ Бонапартомъ.

— Да, пріѣхалъ къ вамъ, батюшка, и съ беременною жею, сказать князь Андрей, слѣдя оживленными и почтительными глазами за движениемъ каждой черты отцовскаго лица.— Какъ здоровье ваше?

— Нездоровы, братъ, бываютъ только дураки да развратники, а ты меня знаешь: съ утра до вечера занятъ, воздержень, ну и здоровъ.

— Слава Богу, сказалъ сынъ, улыбалсь.

— Богъ тутъ не при чемъ. Ну, рассказывай, продолжалъ онъ, возвращаясь къ своему любимому коньку, — какъ вѣсъ иѣмцы съ Бонапартомъ сражаться по вашей новой наукѣ, стратегией называемой, научили.

Князь Андрей улыбнулся.

— Дайте опомниться, батюшка, сказалъ онъ съ улыбкою показывавшею, что слабости отца не мѣшаютъ ему уважать и любить его. — Вѣдь я еще и не размѣстился.

— Врѣшь, врѣшь, закричалъ старикъ, встряхивая косичкою, чтобы попробовать, крѣпко ли она была заплетена, и хватая сына за руку. — Домъ для твоей жены готовъ. Княжна Марья сведетъ ее и покажеть и съ три короба наболтаетъ. Это ихъ бабье дѣло. Я ей радъ. Сиди, рассказывай. Михельсона армію я понимаю, Толстаго тоже.... высадка единовременная.... Южная армія чѣ будеть дѣлать? Пруссія, нейтралитетъ.... это я знаю. Австрія чѣ? говорилъ онъ, вставъ съ кресла и ходя по комнатѣ съ бѣгавшимъ и подававшимъ часть одежды Тихономъ. — Швеція чѣ? Какъ Померанію перейдутъ?

Князь Андрей, видя настоятельность требований отца, спачала неохотно, но потомъ все болѣе и болѣе оживляясь и невольно посреди разсказа по привычкѣ перейдя съ русскаго на французскій языкъ, началъ излагать операционный планъ предполагаемой кампаниі. Онъ рассказалъ, какъ девяностотысячная армія должна была угрожать Пруссіи, чтобы вывести ее изъ нейтралитета и втянуть въ войну, какъ часть этихъ войскъ должна была въ Штадтзундѣ соединиться съ шведскими войсками, какъ двѣсти двадцать тысячъ австрійцевъ, въ соединеніи со ста тысячами русскихъ, должны были действовать въ Италіи и на Рейнѣ, и какъ пятьдесятъ тысячъ русскихъ и пятьдесятъ тысячъ англичанъ высадятся въ Неаполѣ, и какъ въ итогѣ пятисотъ-тысячная армія должна была съ разныхъ сторонъ сдѣлать нападеніе на французовъ. Старый князь не выказалъ ни малѣйшаго интереса при разсказѣ, какъ будто не слушалъ, и продолжая на ходу одѣваться, три раза неожиданно перервалъ его. Одинъ разъ онъ остановилъ его и закричалъ: — бѣлый! бѣлый!

Это значило, что Тихонъ подавалъ ему не тотъ жилетъ, который онъ хотѣлъ. Другой разъ онъ остановился, спросилъ: — И скоро она родитъ? и съ упрекомъ покачавъ головой, сказалъ: — Не хорошо! Продолжай, продолжай.

Въ третій разъ, когда князь Андрей оканчивалъ описание, старикъ замѣтъ фальшивымъ и старческимъ голосомъ по-французски: „Мальбрукъ въ походѣ поѣхалъ, Богъ вѣсть когда вернется“.

Сынъ только улыбнулся.

— Я не говорю, чтобы это былъ планъ, который я одобряю, сказалъ сынъ: — я вамъ только рассказалъ, что есть.. Наполеонъ уже составилъ планъ не хуже этого.

— Ну, новенькаго ты мнѣ ничего не сказалъ. — И старикъ задумчиво проговорилъ про себя скороговоркой: „Богъ вѣсть когда вернется“. — Иди въ столовую.

XXIV.

Въ назначенный часъ, напудренный и выбритый, князь вышелъ въ столовую, гдѣ ожидала его невѣстка, княжна Марья, мамзель Буренъ и архитекторъ князя, по странной прихоти его допускаемый къ столу, хотя по своему положению незначительный человѣкъ этотъ никакъ не могъ разсчитывать на такую честь. Князь, твердо державшися въ жизни различія состояній и рѣдко допускавшій къ столу даже важныхъ губернскихъ чиновниковъ, вдругъ, на архитекторѣ Михайлѣ Ивановичѣ, сморкавшемся въ углу въ клѣтчатый платокъ, доказывалъ, что всѣ люди равны, и не разъ внушилъ своей дочери, что Михайла Ивановичъ ничѣмъ не хуже нась съ тобой. За столомъ князь чаще всего обращался къ безсловесному Михайлѣ Ивановичу.

Въ столовой, громадно-высокой, какъ и всѣ комнаты въ домѣ, ожидали выхода князя домашніе и офиціанты, стоявшіе за каждымъ стуломъ; дворецкій съ салфеткой въ рукѣ, оглядывая сервировку, мигая лакеями и постоянно перебѣгая беспокойными взглядомъ отъ стѣнныхъ часовъ къ двери, изъ которой долженъ былъ появиться князь. Князь Андрей глядѣлъ на огромную, новую для него, золотую раму съ изображеніемъ генеалогического дерева князей Болконскихъ, висѣвшую напротивъ такой же громадной рамы съ дурно-сдѣланнымъ (видимо рукою домашнаго живописца) изображеніемъ владѣльчаго князя въ коронѣ, который долженъ быть происходить отъ Рюрика и быть родоначальникомъ рода Болконскихъ.

Князь Андрей смотрѣлъ на это генеалогическое дерево, покачивая головой, и посмѣшивался съ тѣмъ видомъ, съ какимъ смотрѣть на похожій до смѣшиаго портретъ.

— Какъ я узнаю его всего тутъ! сказалъ онъ княжнѣ Марью, подошедшей къ нему.

Княжна Марья съ удивленіемъ посмотрѣла на брата. Она не понимала, чому онъ улыбался. Все сдѣланное ея отцомъ возбуждало въ ней благоговѣніе, которое не подлежало обсужденію.

— У каждого своя Ахиллесова пятка, продолжать князь Андрей. — Съ *сuo* огромнымъ умомъ поддаваться этой мелочности!

Княжна Марья не могла понять смѣлости сужденій своего брата и готовилась возражать ему, какъ послышались изъ кабинета ожидаемые шаги: князь входилъ быстро, весело, какъ онъ и всегда ходилъ, какъ будто умышленно своими торопливыми манерами представляя противоположность строгому порядку дома. Въ то же мгновеніе большие часы пробили два, и тонкимъ голоскомъ отзывались въ гостиной другіе. Князь остановился; изъ-подъ висячихъ густыхъ бровей, оживленные, блестящіе строгіе глаза оглядѣли всѣхъ и остановились на молодой княгинѣ. Молодая княгиня испытывала въ то время то чувство, которое испытываютъ придворные на царскомъ выходѣ, то чувство страха и почтенія, которое возбуждалъ этотъ старикъ во всѣхъ приближенныхъ. Онъ погладилъ княгиню по головѣ и потомъ и словкимъ движениемъ потрепать ее по затылку.

— Я радъ, я радъ, проговорилъ онъ, и пристально еще взглянувъ ей въ глаза, быстро отошелъ и сѣлъ на свое место. — Садитесь, садитесь! Михаилъ Ивановичъ, садитесь.

Онъ указалъ невѣсткѣ мѣсто подѣлъ себѣ. Офиціантъ отодвинулъ для нея стулъ.

— Го, го! сказала старикъ, оглядывая ея округленную талию. — Поторопилась, нехорошо!

Онъ засмѣялся сухо, холодно, непріятно, какъ онъ всегда смѣялся, однимъ ртомъ, а не глазами.

— Ходить надо, ходить какъ можно больше, какъ можно больше, сказала онъ.

Маленькая княгиня не слыхала или не хотѣла слышать его словъ. Она молчала и казалась смущенію. Князь спросилъ ее объ отцѣ, и княгиня заговорила и улыбнулась. Онъ спросилъ ее объ общихъ знакомыхъ: княгиня еще болѣе оживилась и стала разсказывать, передавая князю поклоны и городскія сплетни.

— Бѣдная графиня Апраксина потеряла мужа. Глаза выплакала бѣдняжка, говорила она, все болѣе и болѣе оживляясь.

По мѣрѣ того, какъ она оживлялась, князь все строже и строже смотрѣлъ на нее, и вдругъ, какъ будто достаточно изучивъ ее и составивъ себѣ ясное о ней понятіе, отвернулся отъ нея и обратился къ Михайлу Ивановичу.

— Ну, что, Михайла Иванычъ, Бонапарте-то нашему плохо приходится. Какъ мнѣ князь Андрей (онъ всегда такъ называлъ сына въ третьемъ лицѣ) поразсказалъ, какія на него силы собираются! А мы съ вами все его пустымъ человѣкомъ считали.

Михаиль Ивановичъ, рѣшительно не злавшій, когда это *мы съ вами* говорили такія слова о Бонапарте, по понимавшій, что онъ былъ нуженъ для вступленія въ любимый разговоръ, удивленно взглянулъ на молодого князя, самъ не зная, чѣмъ изъ этого выйдетъ.

— Онь у меня тактикъ великий! сказаль князь сыну, указывая на архитектора, и разговоръ зашелъ оильтъ о войнѣ, о Бонапарте и пынѣшникѣ генералахъ и государственныхъ людяхъ. Старый князь, казалось, былъ убѣжденъ не только въ томъ, что всѣ теперешніе дѣятели были мальчишки, не смѣливши и азбуки военного и государственного дѣла, а что Бонапарте былъ ничтожный французишко, имѣвшій успѣхъ только потому, что уже не было Потемкиныхъ и Суворовыхъ противопоставить ему; но онъ былъ убѣжденъ даже, что никакихъ политическихъ затрудненій не было въ Европѣ, не было и войны, а была какая-то кукольная комедія, въ которую играли пынѣшніе люди, притворяясь, что дѣлаютъ дѣло. Князь Андрей весело выдерживалъ насмѣшки отца надъ новыми людьми, и съ видимою радостью вызывалъ отца на разговоръ и слушалъ его.

— Все кажется хорошимъ, чтѣ было прежде, сказаль онъ? — а разѣ тутъ же Суворовъ не попадалъ въ ловушку, которую ему поставилъ Моро, и не умѣлъ изъ нея выпутаться?

— Это кто тебѣ сказать? Кто сказать? крикнулъ князь. — Суворовъ! И онъ отбросилъ тарелку, которую живо подхватилъ Тихонъ. — Суворовъ!... Подумавши, князь Андрей. Два: — Фридрихъ и Суворовъ... Моро! Моро былъ бы въ плѣну, коли бы у Суворова руки свободны были, а у него на рукахъ сидѣли хофсъ-кригсъ-вурстъ-шинацъ-ратъ. Ему чортъ не радъ. Вотъ пойдете, эти хофсъ-кригсъ-вурстъ-раты узнаете! Суворовъ съ ними не сладилъ, такъ ужъ гдѣ жъ Михайловъ Кутузову сладить? Нѣть, дружокъ, продолжалъ онъ, — вамъ съ своими генералами противъ Бонапарте не обойтись, надо французовъ взять, чтобы своя своихъ не позашата и свои своихъ побиваша. Имѣца Налена въ Новый-Йоркъ въ Аме-

рику, за французомъ Моро иослали, сказаль онъ, ~~намекая~~ на приглашениѣ, которое въ этомъ году было сдѣлано Моро вступить въ русскую службу. — Чудеса!!... Чтò Потемкины, Суворовы, Орловы, развѣ нѣцы были? Нѣть, братъ, либо тамъ вы всѣ съ ума сошли, либо я изъ ума выжилъ. Дай валахъ Богъ, а мы посмотримъ. Буонарпте у нихъ сталъ полководецъ великий! Гм!...

— Я ничего не говорю, чтобы всѣ распоряженія были хороши, сказаль князь Андрей: — только я не могу понять, какъ вы можете такъ судить о Буонарпте. Сиѣйтесь, какъ хотите, а Буонарпте все-таки великий полководецъ!

— Михайла Ивановичъ! закричалъ старый князь архитектору, который, занявши жаркимъ, надѣялся, что про него забыли. — Я вамъ говорилъ, что Буонарпте великий тактикъ? Всюхъ и онъ говорить.

— Какъ же, ваше сиятельство, отвѣчалъ архитекторъ.

Князь омыть засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

— Буонарпте въ рубанкѣ родился. Солдаты у него прекрасные. Да и на первыхъ онъ на нѣцевъ началь. А нѣцевъ только лѣнивый не былъ. Съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, нѣцевъ всѣ были. А они никого. Только другъ друга. Онъ на нихъ свою славу сдѣлалъ.

И князь началъ разбирать всѣ ошибки, которыя, по его понятіямъ, дѣлалъ Буонарпте во всѣхъ своихъ войнахъ и даже въ государственныхъ дѣлахъ. Сынъ не возражалъ, но видно было, что какіе бы доводы ему ни представляли, онъ такъ же мало способенъ быть измѣнить свое мнѣніе, какъ и старый князь. Князь Андрей слушалъ, удерживаясь отъ возраженій и невольно удивляясь, какъ могъ этотъ старый человѣкъ, сидя стояко лѣтъ одинъ безвыѣздно въ деревнѣ,

въ таихъ подробностяхъ и съ такою тонкостью знать и обсуживать всѣ военные и политическія обстоятельства Европы послѣднихъ годовъ.

— Ты думаешь я стариkъ, не понимаю настоящаго положенія дѣлъ? заключилъ онъ. — А мнѣ оно вотъ гдѣ! Я иначе не сплю. Ну гдѣ же этотъ великий полководецъ, твой-то, гдѣ онъ показалъ себя?

— Это длинно было бы, отвѣчалъ сынъ.

— Ступай же ты къ Буонарроте своему. Mademoiselle Бурбонъ, вотъ еще поклонникъ вашего колонскаго императора! закричала онъ отличнымъ французскимъ языкомъ.

— Вы знаете, князь, что я не бонапартистка.

— „Богъ вѣсть когда вернется“... прошѣлъ князь фальшиво, еще фальшивѣе засмѣялся и вышелъ изъ-за стола.

Маленькая княгиня во все время спора и остального обѣда молчала и испуганно поглядывала то на княжну Марью, то на свекра. Когда они вышли изъ-за стола, она взяла за руку золовку и отозвала ее въ другую комнату.

— Какой умный человѣкъ вашъ батюшка, сказала она.— Можетъ быть отъ этого-то я и боюсь его.

— Ахъ, онъ такъ добры! сказала княжна.

XXV.

Князь Андрей уѣзжалъ на другой день вечеромъ. Старый князь, не отступая отъ своего порядка, послѣ обѣда ушелъ къ себѣ. Маленькая княгиня была у золовки. Князь Андрей, одѣвшись въ дорожный сюртукъ безъ чпокеть, въ отведенныхъ ему покояхъ укладывался съ своимъ камердинеромъ. Самъ осмотрѣвъ коляску и укладку чемодановъ, онъ велѣлъ закладывать. Въ комнатѣ оставались только тѣ вещи, кото-

рый князь Андрей всегда бралъ съ собой: шкатулку, большой серебряный погребецъ, два турецкихъ пистолета и шашка; подарокъ отца, привезенный изъ-подъ Очакова. Всѣ эти дорожные принадлежности были въ большомъ порядке у князя Андрея; все было ново, чисто, въ суконныхъ чехлахъ, старательно завязано тесемочками.

Въ минуты отъѣзда и перемѣны жизни, на людей, способныхъ обдумывать свои поступки, обыкновенно находить серьезнѣе настроеніе мыслей. Въ эти минуты обыкновенно повѣряется прошедшее, и дѣлаются планы будущаго. Лицо князя Андрея было очень задумчиво и нѣжно. Онъ, заложивъ руки назадъ, быстро ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, глядя впередъ себя, и задумчиво покачивая головой. Странно ли ему было идти на войну, грустно ли бросить жену, — можетъ быть и то и другое; только, видимо не желая, чтобы его видѣли въ такомъ положеніи, услыхавъ шаги въ сѣняхъ, онъ торопливо высвободилъ руки, остановился у стола, какъ будто увязывая чехолъ шкатулки, и принялъ свое всегдашнее, спокойное и непроницаемое выраженіе. Это были тихѣе шаги княжны Марии.

— Минѣ сказали, что ты велѣлъ закладывать, сказала она, запыхавшись (она недно бѣжала), — а мнѣ такъ хотѣлось еще поговорить съ тобой навѣдинѣ. Богъ знаетъ, на сколько времени опять разстаемся. Ты не сердишься, что я пришла? Ты очень перемѣнился, Андрюша, прибавила она, такъ бы въ объясненіе такого вопроса.

Она улыбнулась, произнося слово „Андрюша“. Видно, ей самой было странно подумать, что этотъ строгий, красивый мужчина былъ тотъ самый Андрюша, худой, шаловливый мальчикъ, товарицъ дѣтства.

— А гдѣ Лиза? спросилъ онъ, только улыбкой отвѣчая на ея вопросъ.

— Она такъ устала, что заснула у меня въ комнатѣ за диваномъ. Ахъ, Андрей! какое сокровище твоя жена, сказала она, усаживаясь на диванъ противъ брата.— Она совершенный ребенокъ, такой милый, веселый ребенокъ. Я такъ ее полюбила. Князь Андрей молчалъ, но княжна замѣтила ироническое и презрительное выраженіе, появившееся на его лицѣ.

— Но надо быть снисходительнымъ къ маленьkimъ слабостямъ; у кого ихъ нѣть, Андрей! Ты не забудь, что она воспитана и выросла въ свѣтѣ. И потому ея положеніе теперь не розовое. Надобно входить въ положеніе каждого. „Кто все пойметъ, тотъ все и проститъ“. Ты подумай, каково ей бѣдняжкѣ послѣ жизни, къ которой она привыкла, разстаться съ мужемъ и оставаться одной въ деревнѣ и въ ея положеніи? Это очень тяжело.

Князь Андрей улыбался, глядя на сестру, какъ мы ульбаемся, слушая людей, которыхъ, намъ кажется, что мы насквозь видимъ.

— Ты живешь въ деревнѣ и находишь эту жизнь ужасною? сказалъ онъ.

— Я— другое дѣло. Чѣмъ обѣ мнѣ говорить! Я не желаю другой жизни, да и не могу желать, потому что не знаю никакой другой жизни. А ты подумай, Андрей, для молодой и свѣтской женщины похорониться въ лучшіе годы жизни въ деревнѣ, одной, потому что папенька всегда занятъ, а и... ты меня знаешь... какъ я не весела для женщины, привыкшей къ лучшему обществу. Mademoiselle Бурьеъ одна...

— Она мнѣ очень не нравится, ваша Бурьеъ, сказаль князь Андрей.

— О, нѣтъ! она очень милая и добрая, а главное, жалкая девушка. У нея никого, никою нѣть. Но правдѣ сказать, мнѣ она не только не нужна, но стѣснительна. И, ты знаешь, и всегда была дикарка, а теперь еще больше. Я люблю быть одна... Батюшка ее очень любить. Она и Михаилъ Иванычъ, два лица, къ которымъ онъ всегда ласковъ и добръ, потому что они оба облагодѣтельствованы имъ; какъ говорить Стернъ: „мы вѣ столько любимъ людей за то добро, которое они намъ сдѣлали, сколько за то добро, которое мы имъ сдѣлали“¹. Батюшка ваяль ес сиротой на улицѣ, и она очень добрая. И батюшка любить ея манеру чтенія. Она по вечерамъ читаетъ ему вслухъ. Она прекрасно читаетъ.

— Ну, а по правдѣ, Мари, тебѣ, я думаю, тяжело иногда бываетъ отъ характера отца? вдругъ спросилъ князь Андрей. Княжна Марья сначала удивилась, потомъ испугалась этого вопроса.

— Мнѣ?... Мнѣ?... Мнѣ тяжело?! сказала она.

— Онь и всегда быть крутъ, а теперь тяжель становится, я думаю, сказаль князь Андрей видимо нарочно, чтобы озадачить или испытать сестру, такъ легко отзывалась обѣ отцѣ.

— Ты всѣмъ хороши, Андрей, но у тебя есть какая-то гордость мысли, сказала книжна, большие слѣдя за своимъ ходомъ мыслей, чѣмъ за ходомъ разговора, — и это большой грѣхъ. Развѣ возможно судить обѣ отцѣ? Да ежели бы и возможно было, какое другое чувство кромѣ благочовѣнія можетъ возбудить такой человѣкъ, какъ батюшка? И я такъ довольна и счастлива съ нимъ. Я только желала бы, чтобы вы всѣ были счастливы, какъ я.

Братъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Одно что тяжело для меня, — въ тебѣ по правдѣ скажу, Андрей, — это образъ мыслей отца въ религиозномъ отношеніи. Я не понимаю, какъ человѣкъ съ такимъ огромнымъ умомъ не можетъ видѣть того, что ясно какъ день, и можетъ такъ заблуждаться? Вотъ это составляетъ одно мое несчастіе. Но и тутъ въ послѣднее время я вижу тѣнѣ улучшения. Въ послѣднее время его насыпки не такъ извѣтны, и есть одинъ монахъ, котораго она принималъ и долго говорилъ съ нимъ.

— Ну, мой другъ, я боюсь, что вы съ монахомъ даромъ растрачиваете свой порохъ, насыпливо, — послѣднимъ словомъ ласково сказала князь Андрей.

— Ахъ, мой другъ! Я только молюсь Богу и надѣюсь, что Онь услышитъ меня, Андрей, — сказала она робко послѣ минуты молчанія; — у меня къ тебѣ есть большая просьба.

— Чѣмъ мой другъ?

— Нѣть, обѣщай мнѣ, что ты не откажешь. Это тебѣ не будетъ стоить никакаго труда, и ничего недостойнаго тебя въ этомъ не будетъ. Только ты меня утѣшишь. Обѣщай, Андрюша, сказала она, сунувъ руку въ ридикюль и въ немъ держа что-то, но еще не показывая, какъ будто то, что она держала, и составляло предметъ просьбы, и будто прежде получения обѣщанія въ исполненіи просьбы она не могла вынуть изъ ридикюля это чѣмъ-то. Она робко умоляющими взглядомъ, смотрѣла на брата.

— Ежели бы это и стоило мнѣ большаго труда... какъ будто догадываясь, въ чёмъ было дѣло, отвѣчалъ князь Андрей.

— Ты что хочешь думай! Я знаю, ты такой же, какъ батюшка. Что хочешь думай, но для меня это сдѣтай! Сдѣтай, пожалуйста! Его еще отецъ моему отцу, папу дѣдушка,

носить во всѣхъ войнахъ... Она все еще не доставала того, что держала, изъ ридикюля. — Такъ ты обѣщаешь мнѣ?

— Конечно, въ чёмъ дѣло?

— Андрей, я тебя благословлю образомъ, и ты обѣщаешь мнѣ, что никогда его не будешь снимать... Обѣщаешь?

— Ежели онъ не въ два пуда и шеи не оттянетъ.... Чтобы тебѣ сдѣлать удовольствие... сказалъ князь Андрей, но въ ту же секунду, замѣтивъ огорченное выраженіе, которое приняло лицо сестры при этой шуткѣ, онъ раскалялся.— Очень радъ, право очень радъ, мой другъ, прибавилъ онъ.

— Противъ твоей воли Онъ спасеть и помилуетъ тебя и обратить тебя къ Себѣ, потому что въ Немъ одномъ и истина и успокойніе, сказала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, съ торжественнымъ жестомъ держа въ обѣихъ рукахъ предъ братомъovalный старинный образокъ Спасителя съ чернымъ лицомъ, въ серебраной ризѣ на серебряной цѣпичкѣ мелкой работы. Она перекрестилась, поцѣловала образокъ и подала его Андрею.

— Пожалуйста, Андрей, для меня...

Изъ большихъ глазъ ея свѣтились души добра и робкаго свѣта. Глаза эти освѣщали все болѣзньное, худое лицо и дѣлали его прекраснымъ. Братъ хотѣлъ взять образокъ, но она остановила его. Андрей понялъ, перекрестился и поцѣловалъ образокъ. Лицо его въ одно и то же время было нѣжно (онъ былъ тронутъ) и насмѣшливо.

— Благодарю тебя, мой другъ. Она поцѣловала его въ добѣ и опять сѣла на дигантъ. Они молчали.

— Такъ я тебѣ говорила, Андрей, будь добръ и велико-душенъ, какимъ ты всегда былъ. Не суди строго. Лизу, на-

чала она. — Она такъ мила, такъ добра, и положеніе ея очень тяжело теперь.

— Кажется, я ничего не говорилъ тебѣ, Маша, чтобы я упрекалъ въ чемъ-нибудь свою жену, или быть недоволенъ ею. Къ чому ты все это говоришь мнѣ?

Княжна Марья покраснѣла пятнами и замотчала, какъ будто она чувствовала себя виноватою.

— Я ничего не говорилъ тебѣ, а тебѣ ужъ говорили. И мнѣ это грустно.

Красныя пятна еще сильнѣе выступили на лбу, шеѣ и щекахъ княжны Марыи. Она хотѣла сказать что-то и не могла выговорить. Братъ угадалъ: маленькая книгиня послѣ обѣда плакала, говорила, что предчувствуетъ несчастные роды, боится ихъ, и жаловалась на свою судьбу, на свекра и на мужа. Послѣ слезъ она заснула. Князю Андрею жалко стало сестру.

— Знай одно, Маша, я ни въ чёмъ не могу упрекнуть, не упрекалъ и никогда не упрекну мою жену и самъ ни въ чёмъ себя не могу упрекнуть въ отношеніи къ ней, и это всегда такъ будетъ, въ какихъ бы я ни былъ обстоятельствахъ. Но ежели ты хочешь знать правду... хочешь вѣрить, счастливъ ли я? Нѣтъ. Счастлива ли она? Нѣтъ. Отчего это? Не знаю.

Говоря это, онъ всталъ, подошелъ къ сестрѣ и, нагнувшись, поцѣловалъ ее въ лобъ. Прекрасные глаза его свѣтились умнымъ и добрымъ непривычнымъ блескомъ, но онъ смотрѣлъ не на сестру, а въ темноту отворенной двери,透过她 的头。

— Пойдемъ къ ней, надо проститься! Или иди одна, разбуди ее, а я сейчасъ приду. Петрушка! крикнулъ онъ камер-

днеру: — поди сюда, убирай. Это въ сидѣнья, это на правую сторону.

Княжна Марья встала и направилась къ двери. Она остановилась.

— Андрей, если бы ты имѣлъ въру, то обратился бы къ Богу съ молитвою, чтобы Онъ даровалъ тебѣ любовь, которую ты не чувствуешь, и молитва твоя была бы услышана.

— Да, разъ это! сказаль князь Андрей. — Иди, Маша, я сейчасъ приду.

По дорогѣ къ комнатѣ сестры, въ галлереѣ, соединившей одинъ домъ съ другимъ, князь Андрей встрѣтилъ мило улыбавшуюся *elle*. Буренъ, уже въ третій разъ въ этотъ день съ восторженною и наивною улыбкой пошадавшуюся ему въ уединенныхъ переходахъ.

— Ахъ, я думала, вы у себя, сказала она, почему-то краснѣя и опуская глаза. Князь Андрей строго посмотрѣлъ на нее. На лицѣ князя Андрея вдругъ выразилось озлобленіе. Онъ ничего не сказалъ ей, но посмотрѣлъ на ея лобъ и волосы, не глядя въ глаза, такъ презрительно, что француженка покраснѣла и ушла, ничего не сказавъ. Когда онъ подошелъ къ комнатѣ сестры, княгиня уже проснулась, и ея веселый голосокъ, торопившій одно слово за другимъ, послышался изъ отворенной двери. Она говорила, какъ будто послѣ долгаго воздержанія ей хотѣлось вознаградить потерянное время, и, какъ всегда, по-французски.

— Нѣтъ, представьте себѣ, старая графиня Зубова, съ фальшивыми локонами, съ фальшивыми зубами, какъ будто издѣвалась надъ годами.... Ха, ха, ха, Марі!

Точно ту же фразу о графинѣ Зубовой и totъ же смѣхъ уже разъ пять слышалъ при постороннихъ князь Андрей отъ

своей жены. Онъ тихо вошелъ въ комнату. Княгиня, толстенькая, румяная, съ работой въ рукахъ, сидѣла на креслѣ, и безъ умолку говорила, перебирая петербургскія воспоминанія и даже фразы. Князь Андрей подошелъ, погладилъ ее по головѣ и спросилъ, отдохнула ли она отъ дороги. Она отвѣтила и продолжала тотъ же разговоръ.

Коляска шестирикомъ стояла у подъѣзда. На дворѣ была темная осенняя ночь. Кучерь не видѣлъ дышла коляски. На крыльцѣ суетились люди съ фонарями. Огромный домъ горѣлъ огнями сквозь свои большія окна. Въ передней толпились дворовые, желавшіе проститься съ молодымъ княземъ; въ залѣ стояли всѣ домашніе: Михаилъ Ивановичъ, melle Буренъ, княжна Марья и княгиня. Князь Андрей былъ позванъ въ кабинетъ къ отцу, который съ глазу на глазъ хотѣлъ проститься съ нимъ. Всѣ ждали ихъ выхода.

Когда князь Андрей вошелъ въ кабинетъ, старый князь въ старицкихъ очкахъ и въ своемъ бѣломъ халатѣ, въ которомъ онъ никого не принималъ, кроме сына, сидѣлъ за столомъ и писалъ. Онъ оглынулся.

— Гдѣшь? И онъ опять сталъ писать.

— Пришелъ проститься.

— Цѣлуй сюда; — онъ показалъ щеку: — спасибо, спасибо!

— За что вы меня благодарите?

— За то, что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься. Служба прежде всего. Спасибо, спасибо! — И онъ продолжалъ писать, такъ что брызги летѣли съ трещавшаго пера. — Ежели нужно сказать чѣмъ, говори. Эти два дѣла могу дѣлать вмѣстѣ, прибавилъ онъ.

— О женѣ.... Мнѣ и такъ совѣтно, что я замѣю ее на руки оставлю....

— Чѣмъ вреши? Говори чѣмъ нужно...
— Когда же ѿ будеъ время родить, пошлите въ Москву
за акушеромъ... Чтобы онъ тутъ быль.

Старый князь остановился, и какъ бы не понимал, уста-
вился строгими глазами на сына.

— Я знаю, что никто помочь не можетъ, коли натура не
поможеть, говорилъ князь Андрей, видимо смущенный; —
согласенъ, что изъ миллиона случаевъ одинъ бываетъ
нечастный, но это ея же моя фантазія. Ей наговорили; она
во ѿѣ видѣла, и она боится.

— Гм... гм... проговорилъ про себя старый князь, про-
должая дописывать. — Сдѣлаю. Онъ расчеркнулъ подпись,
вдругъ быстро повернулся къ сыну и засмѣялся. — Плохо
дѣло, а?

— Чѣмъ плохо, батюшка?

— Жена! коротко и значительно сказаль старый князь.

— Я не понимаю, сказаль князь Андрей.

— Да, нечего дѣлать, дружище, сказаль князь: — онъ все
такія, не разженившись. Ты не бойся, никому не скажу, а
ты самъ знаешь.

Онъ схватилъ его за руку своею костлявою маленькою
кистью, потрясъ ее, взглянуль прямо въ лицо сына своими
быстрыми глазами, которые, какъ казалось, насквозь видѣли
человѣка, и опять засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

Сынь вздохнулъ, признаваясь этимъ вздохомъ въ томъ,
что отецъ понялъ его. Старикъ, продолжая складывать и
печатать письма, съ своею привычною быстротой, схватывалъ
и бросалъ сургучъ, печать и бумагу.

— Чѣмъ дѣлать? Красива! Я все сдѣлаю, Ты будь покориъ,
говорилъ онъ отрывисто, во время пецитанія.

Андрей молчалъ: ему и приятно и непрятно было, что отец понялъ его. Старикъ встарь и подалъ письмо сыну.

— Слушай, сказалъ онъ, — о женѣ не заботься: что возможно сдѣлать, то будетъ сдѣлано! Теперь слушай: письмо Михайлу Иларіоновичу отдай. Я пишу, чтобы онъ тебя въ хорошій мѣста употреблять, и долго адъютантомъ не держать: скверная должность! Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да нашиши, какъ онъ тебя приметъ. Коля хорошъ будетъ, служи! Николая Андреича Болконскаго сынъ изъ милости служить ни у кого не будетъ. Ну теперь поди сюда.

Онъ говорилъ такою скороговоркой, что не доканчивалъ половины словъ, не смылъ привыкъ понимать его. Онъ подвѣль сына къ бюро, откинулъ крышку, выдвинулъ ящикъ и вынулъ исписанную его крупнымъ, длиннымъ, и сжатымъ почеркомъ тетрадь.

— Должно-быть мнѣ прежде тебя умереть. Знай, тутъ мои записки, ихъ государю передать послѣ моей смерти. Теперь здѣсь вотъ ломбардный билетъ и письмо: это премія тому, кто напишетъ исторію суворовскіхъ войнъ. Переслать въ академію. Здѣсь мои ремарки, послѣ меня читай для себя, найдешь пользу.

Андрей не сказалъ отцу, что вѣрно онъ проживетъ еще долго. Онъ понималъ, что этого говорить не нужно.

— Все исполню, батюшка, сказалъ онъ.

— Ну, теперь прощай! Онъ далъ поцѣловать сыну свою руку и обнялъ его. — Помни одно, князь Андрей, коли тебя убьютъ, мнѣ, старику, больно будетъ... Онъ неожиданно замолчалъ и вдругъ крикливымъ голосомъ продолжалъ: — а коли узнаю, что ты повелъ себѣ не какъ сына Николая Болконскаго, мнѣ будетъ... стыдно, взвигнулъ онъ.

— Этого вы могли бы не говорить мнѣ, батюшка, улыбаясь сказать сынъ.

Старикъ замолчалъ.

— Еще я хотѣлъ просить васъ, продолжалъ князь Андрей, — ежели меня убьютъ, и ежели у меня будетъ сынъ, не отпускайте его отъ себя, какъ я вчера говорилъ, чтобы онъ выросъ у васъ... пожалуйста.

— Женѣ не отдавать? сказалъ старикъ и засмѣялся.

Они молча стояли другъ противъ друга. Быстрые глаза старика прямо были устремлены въ глаза сына. Что-то дрогнуло въ нижней части лица старого князя.

— Простились... ступай! вдругъ сказалъ онъ. — Ступай! закричалъ онъ сердитымъ и громкимъ голосомъ, отворяя дверь кабинета.

— Чѣмъ такое, чѣмъ? спрашивали княгиня и княжна, увидѣвъ князя Андрея и на минуту высунувшуюся фигуру кричавшаго сердитымъ голосомъ старика въ бѣломъ халатѣ, безъ парика и въ стариковскихъ очкахъ.

Князь Андрей вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Ну, сказалъ онъ, обратившись къ женѣ, и это „ну“ звучало холодною насмѣшкой, какъ будто онъ говорилъ: теперь продѣльвайте вы ваши штуки.

— Чѣмъ? уже! сказала маленькая княгиня, блѣднѣя и со страхомъ глядя на мужа. Онъ обнѣль ее. Она вскрикнула и безъ чувствъ упала на его плечо.

Онъ осторожно отвелъ плечо, на которомъ она лежала, заглянулъ въ ея лицо и бережно посадилъ ее на кресло.

— Прощай, Маша, сказалъ онъ тихо сестрѣ, поцѣловался съ нею рука въ руку и скорыми шагами вышелъ изъ комнаты.

Княгиня лежала въ креслѣ, и еле Буренъ терла съ виски. Княжна Марья, поддерживая невѣстку, съ заплаканными прекрасными глазами, все еще смотрѣла въ дверь, въ которую вышелъ цнзъ Андрей, и крестила его. Изъ кабинета слышны были, какъ выстрѣлы, часто повторяемые, сердитые звуки стариковскаго сморканія. Только что цнзъ Андрей вышелъ, дверь кабинета быстро отворилась и выглянула строгая фигура старика въ бѣломъ халатѣ.

— Уѣхалъ? Ну и хорошо! сказаъ онъ, сердито посмотрѣвъ на безчувственную маленькую княгиню, укоризненно покачалъ головою и захлопнулъ дверь.

и въ съединеніи съ артиллерией, и въ съединеніи съ коннотьми, и въ съединеніи съ пехотою. Итакъ, какъ видѣли мы, что въ съединеніи съ коннотьми и пехотою, а не съ артиллерией, можно было бы съ боемъ прорвать линию обороны, то мы и предприняли это.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

І.

Въ октябрѣ 1805 года русскія войска занимали села и города эрцгерцогства Австрійскаго, и еще новые полки приходили изъ Россіи, и, отягощая истощеніе жителей, располагались у прѣности Браунау. Въ Браунау была главная квартира главнокомандующаго Кутузова.

11-го октября 1805 года, одинъ изъ только что пришедшихъ въ Браунау пѣхотныхъ полковъ, ожидая смотра главнокомандующаго, стоялъ въ полу милѣ отъ города. Несмотря на не русскую мѣстность и обстановку (фруктовые сады, каменные ограды, черепичныя крыши, горы, видневшіеся вдали, не русскій народъ, съ любопытствомъ смотрѣвшій на солдатъ) полкъ имѣлъ точно такой же видъ, какъ имѣлъ всякий русскій полкъ, готовившійся къ смотру гдѣ-нибудь въ срединѣ Россіи.

Съ вечера, на послѣднемъ переходѣ, былъ полученъ приказъ, что главнокомандующій будетъ смотрѣть полкъ на походѣ. Хотя слова приказа и показались не ясны полковому командиру, и возникъ вопросъ, какъ разумѣть слова приказа: въ шоходной формѣ или, нѣтъ? — въ совѣтѣ батальонныхъ командировъ было решено представить полкъ въ парадной

формѣ, на томъ основаніи, что всегда лучше перекланяться, чѣмъ не докланяться. И солдаты, послѣ тридцативерстнаго перехода не смыкали глазъ, всю ночь чинились, чистились; адъютанты и ротные разсчитывали, отчисляли, и къ утру полкъ, вмѣсто растянутой, беспорядочной толпы, какою онъ былъ наканунѣ на послѣднемъ переходѣ, представлялъ стройную массу 2.000 людей; изъ которыхъ каждый зналъ свое мѣсто, свое дѣло, изъ которыхъ на каждомъ каждая пуговка и ремешокъ были на своемъ мѣстѣ и блестѣли чистотой. Не только наружное было исправно, но ежели бы угодно было главнокомандующему заглянуть подъ мундиры, то на каждомъ онъ увидѣлъ бы одинаково чистую рубашку и въ каждомъ ранцѣ нашелъ бы узаконенное число вещей, „шальце и мыльце“, какъ говорятъ солдаты. Видно только одно обстоятельство, на счетъ котораго никто не могъ быть спокоенъ. Это была обувь.. Больше чѣмъ у половины людей сапоги были разбиты. Но недостатокъ этотъ происходилъ не отъ вины полкового командира, такъ какъ, несмотря на неоднократныя требованія, ему не былъ отпущенъ товаръ отъ австрійскаго вѣдомства, а подкъ прошелъ тысячу верстъ.

Полковой командиръ былъ пожилой, сангвиническій, съ сѣдѣющими бровями и бакенбардами генераль, плотный и широкій, больше отъ груди къ спинѣ, чѣмъ отъ одного плеча къ другому. На немъ былъ новый съ иголочки, со складавшимися складками мундиръ и густые золотые эполеты, которые какъ будто не книзу, а кверху поднимали его тучныя плечи. Полковой командиръ имѣлъ видъ человѣка счастливо-совершающаго одно изъ самыхъ торжественныхъ дѣлъ жизни. Онъ похаживалъ предъ фронтомъ, и, похаживая, подрагивалъ на каждомъ шагу, слегка изгибалсь спиною. Видно было,

что полковой командиръ любуется своимъ полкомъ; счастливъ имъ, и что всѣ его силы душевныя заняты только полкомъ; во несмотря на то, его подрагивающая походка какъ будто говорила, что кроме военныхъ интересовъ, въ душѣ его не малое мѣсто занимаютъ и интересы общественнаго быта и женскій полъ.

— Ну, батюшка Михайло Митричъ, обратился онъ къ одному батальонному командиру (батальонный командиръ улыбаясь подался впередъ; видно было, что они были счастливы), — досталось на орѣхи нынче ночью. Однако, кажется, ничего, полкъ не изъ дурныхъ... А?

Батальонный командиръ понять веселую проню и за смѣвался.

— И на Царицыномъ лугу съ поля бы не прогнали.

— Чѣмъ? сказалъ командиръ.

Въ это время по дорогѣ изъ города, по которой разставлены были махальные, показались два верховые. Это были адъютантъ и казакъ,ѣхавшій сзади.

Адъютантъ былъ присланъ изъ главнаго штаба подтвердить полковому командиру то, что было сказано неясно во вчерашнемъ приказѣ, а именно то, что главнокомандующій желалъ видѣть полкъ совершенно въ тѣмъ положеніи, въ которомъ онъ шелъ — въ шинеляхъ, въ чехлахъ и безъ всякихъ приготовленій.

Къ Кутузову наканунѣ прибылъ членъ гофкригсрата изъ Вѣны, съ предложеніями и требованіями идти какъ можно скорѣе на соединеніе съ арміей эрцгерцога Фердинанда и Макса, и Кутузовъ, не считая выгоднымъ это соединеніе, въ числѣ прочихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, пакривался показать австрійскому генералу то печальное

положение, въ которомъ приходили войска изъ Россіи. Съ этого цѣлью онъ и хотѣлъ выѣхать на встрѣчу полку, таъ что чѣмъ хуже было бы положеніе полка, тѣмъ пріятнѣе было бы это главнокомандующему. Хотя адъютантъ и не зналъ этикѣ подробностей, однако онъ передалъ полковому командиру непремѣнное требованіе главнокомандующаго, чтобы люди были въ шинеляхъ и чехлахъ, и что въ противномъ случаѣ главнокомандующій будетъ недоволенъ.

Выслушавъ эти слова, полковой командиръ опустилъ голову, молча вздернулъ плечами и сангвиническимъ жестомъ развелъ руки.

— Надѣлали дѣла! проговорилъ онъ. — Вотъ я вамъ говорилъ же, Михайло Митричъ, что на походѣ, такъ въ шинеляхъ, обратился онъ съ упрекомъ къ батальонному командиру. — Ахъ, мой Богъ! прибавилъ онъ и решительно выступилъ впередъ. — Господа ротные командиры! крикнулъ онъ головой привычнымъ къ командѣ. — Фельдфебелей!... Скоро ли пожалуютъ? обратился онъ къ пріѣхавшему адъютанту съ выраженіемъ почтительной учтивости, видимо относящейся къ лицу, про которое онъ говорилъ.

— Черезъ часъ, я думаю:

— Успѣемъ переодѣться?

— Не знаю, генералъ....

Полковой командиръ, самъ подойдя къ рядамъ, распорядился переодѣваніемъ опять въ шинели. Ротные командиры разбрѣжались по ротамъ, фельдфебели засуетились (шинели были не совсѣмъ исправны), и въ то же мгновеніе заколыхались, растянулись и говоромъ загудѣли прежде правильные, молчаливые четыреугольники. Со всѣхъ сторонъ отбѣгали и подбѣгали солдаты, подкидывали сзади плечомъ, черезъ

голову перетаскивали ранцы, снимали шинели и, высоко поднимая руки, втагивали ихъ въ рукава.

Черезъ полчаса все опять пришло въ прежній порядокъ, только четырехольники сдѣлались сѣрыми изъ черныхъ. Полковой командиръ, опять подрагивающею походкой, вышелъ впередъ полка, и издалека оглядѣлъ его.

— Это что еще? что что! прокричать онъ, останавливаясь.— Командира 3-й роты!...

Командиръ 3-й роты къ генералу! командаира къ генералу, 3-й роты къ командиру!... послышались голоса по рядамъ, и адъютантъ побѣжалъ отыскивать замѣшавшагося офицера. Когда звуки усердныхъ голосовъ, перевиравъ, крича уже „генерала въ 3-ю роту“, дошли по назначению, требуемый офицеръ показался изъ-за роты, и хотя человѣкъ уже похилой и не имѣвшей привычки бѣгать, неловко цѣпляясь носками, рывью направился къ генералу. Лицо капитана выражало безшокойство школьнника, которому велять сказать невыученный имъ урокъ. На красномъ (очевидно отъ невоздержанія) носу выступали пятна и ротъ не находилъ положенія. Полковой командиръ съ ногъ до головы осматривалъ капитана въ то время, какъ онъ запыхавшись подходилъ, по мѣрѣ приближенія сдерживая шагъ.

— Вы скоро людей въ сарафаны нарядите! Это что? крикнулъ полковой командиръ, выдвигая нижнюю челюсть и указывая въ рядахъ 3-й роты на солдата въ шинели цвѣта фабричного сукна, отличавшагося отъ другихъ шинелей.— Сами гдѣ находились? Ожидается главнокомандующій, а вы отходите отъ своего мѣста? А?... Я васъ научу какъ на смотрѣ людей въ казакиши одѣваться!... А?...

Ротный командиръ, не слуская глазъ съ начальника все

больше и больше прижималъ свои два пальца къ козырьку, какъ будто въ одномъ этомъ прижиманіи онъ видѣлъ теперь свое спасеніе.

— Ну, чтожъ вы молчите? Кто у васъ тамъ въ вояgerца наряженъ? строго шутілъ полковой командиръ.

— Ваше превосходительство....

— Ну, что „ваше превосходительство“? Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! А что ваше превосходительство, — никому неизвѣстно.

— Ваше превосходительство, это Долоховъ, разжалованый.... сказалъ тихо капитанъ.

— Что онъ въ фельдмаршалы что ли разжаловалъ или въ солдаты? А солдатъ, такъ долженъ быть одѣтъ какъ всѣ, по формѣ.

— Ваше превосходительство, вы сами разрѣшили ему походомъ.

— Разрѣшилъ? Разрѣшилъ? Вотъ вы всегда такъ, молодые люди, сказалъ полковой командиръ, остыая вѣсколько.— Разрѣшилъ? Вамъ что-нибудь скажешь, а вы и...— Полковой командиръ помолчалъ.— Вамъ что-нибудь скажешь, а вы и... Что? сказалъ онъ снова раздражаясь.— Извольте одѣть людей прилично...

И полковой командиръ, оглядываясь на адъютанта, своюю вздрагивающею походкой направился къ полку. Видно было, что его раздраженіе ему самому понравиось и что онъ, проходясь по полку, хотѣлъ найти еще предлогъ своему гневу. Оборвавъ одного офицера за невычищенный знакъ, другого за неправильность ряда, онъ подошелъ къ 3-й ротѣ.

— Ка-акъ стоишь? Гдѣ нога? Нога гдѣ? закричалъ полковой командиръ съ выраженіемъ страданія въ голосѣ, еще

человѣкъ за пять не доходя до Долохова, одѣтаго въ синеватую шинель.

Долоховъ медленно выпрямилъ согнутую ногу и прямо свѣтлымъ и наглымъ взглядомъ посмотрѣть въ лицо генерала.

— Зачѣмъ синяя шинель? Долой!... Фельдфебель! Иередѣть его... для... — Онъ не успѣлъ договорить.

— Генералъ, я обязанъ исполнить приказанія, но не обязанъ переносить... поспѣшно сказалъ Долоховъ.

— Во фронтѣ не разговаривать!... Не разговаривать, не разговаривать!...

— Не обязанъ переносить оскорбления, громко, звучно договорилъ Долоховъ. — Глаза генерала и солдата встрѣтились. Генералъ замолчалъ, сердито оттягивая книзу тугой шарфъ.

— Извольте переодѣться, прошу васъ, сказалъ онъ отходя.

II.

— Ёдетъ! закричалъ въ это время махальный.

Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, дрожащими руками взялся за стремя, перекинулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу и съ счастливымъ рѣшительнымъ лицомъ, на бокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся, какъ оправляющимся штица и замеръ.

— Смир-р-на! закричать полковой командиръ потрясающими душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ въ отношеніи къ подѣзывающему начальнику.

По широкой, обсаженной деревьями, большой, безъ осейной дорогѣ, слегка подторможивая рессорами, тихою рысью Фхалъ

высокая, голубая, въинская коляска шугомъ. За коляской скакали свита и конвой кроатовъ. Подлѣ Кутузова сидѣлъ австрійскій генералъ въ странномъ, среди черныхъ русскихъ, бѣломъ мундирѣ. Коляска остановилась у полка. Кутузовъ и австрійскій генералъ о чёмъ-то тихо говорили, и Кутузовъ слегка улыбнулся въ то время, какъ тяжело ступая, онъ опускалъ ногу съ подножки, точно вакъ будто и не было этихъ 2.000 людей, которые не дыша смотрѣли на него и на полковаго командира.

Раздался крикъ команды, опять полкъ звяня дрогнулъ, сѣдавъ на караулъ. Въ мертвой тишинѣ послышался слабый голосъ главнокомандующаго. Полкъ рикнуль: „Здравья желаемъ, ваше го-го-го-ство!“ И опять все замерло. Сначала Кутузовъ стоялъ на одномъ мыѣтѣ, пока полкъ двигался; потомъ Кутузовъ рядомъ съ бѣлымъ генераломъ, дѣшкомъ, сопутствующимъ свитою, сталъ ходить по рядамъ.

По тому, какъ полковой командиръ салютовалъ главнокомандующему, впиваясь въ него глазами, вытягиваясь и подбираясь, какъ наклоненный впередъ ходилъ за генералами по рядамъ, едва удерживая подрагивающее движение, какъ подскакивалъ при каждомъ словѣ и движениѣ главнокомандующаго,— видно было, что онъ исполнялъ свои обязанности подчиненнаго еще съ большимъ наслажденiemъ, чѣмъ обязанности начальника. Полкъ, благодаря строгости и старательности полкового командира, былъ въ прекрасномъ состояніи сравнительно съ другими, приходившими въ то же время къ Браунau. Отсталыхъ и больныхъ было только 217 человѣкъ. И все было исправно, кромѣ обуви.

Кутузовъ прошелъ по рядамъ, изрѣдка останавливаясь и говоря по иѣскольку ласковыхъ словъ офицерамъ, которыхъ

онъ зналъ по Турецкой войнѣ, а иногда и солдатамъ. Поглядывая на обувь, онъ не сколько разъ грустно покачивалъ головой и указывалъ на нее австрійскому генералу съ такимъ выражениемъ, что какъ бы не упрекалъ въ этомъ никого, но не могъ не видѣть, какъ это плохо. Полковой командиръ каждый разъ при этомъ забѣгалъ впередъ, боясь упустить слово главнокомандующаго касательно полка. Сзади Кутузова, въ такомъ разстояніи, что всякое слабо произнесенное слово могло быть услышано, шло человѣкъ 20 свиты. Господа свиты разговаривали между собой, и иногда смѣялись. Ближе всѣхъ за главнокомандующимъ шелъ красивый адъютантъ. Это былъ князь Болконскій. Рядомъ съ нимъ шелъ его товарищъ Несвицкій, высокій штабъ-офицеръ, чрезвычайно толстый, съ добрымъ, улыбающимся, красивымъ лицомъ и влажными глазами. Несвицкій едва удерживался отъ смѣха, возбуждаемаго черноватымъ гусарскимъ офицеромъ, шедшимъ подъ него. Гусарский офицеръ, не улыбаясь, не измѣняя выраженія остановившихся глазъ, съ серіознымъ лицомъ смотрѣлъ на спину полкового командира и передразнивалъ каждое его движение. Каждый разъ какъ полковой командиръ вздрагивалъ и нагибался впередъ, точно такъ же, точь-въ-точь такъ же вздрагивалъ и нагибался впередъ гусарскій офицеръ. Несвицкій смѣялся и толкалъ другихъ, чтобы они смотрѣли на забавника.

Кутузовъ шелъ медленно и вилялъ мимо тысячи глазъ, которые выкатывались изъ своихъ орбитъ, сѣда за начальникомъ. Поровнявшись съ 3-ю ротой, онъ вдругъ остановился. Свита, не предвидя этой остановки, невольно надвинулась на него,

— А, Тимохинъ! сказалъ главнокомандующій, узнавая,

капитана съ краснымъ носомъ, пострадавшаго за синюю
иниель.

Казалось, нельзя было вытягиваться болыше того, какъ
вытягивался Тимохинъ, въ то время какъ полковой коман-
диръ дѣлалъ ему замѣчаніе. Но въ эту минуту обращенія
къ нему главнокомандующаго, капитанъ вытянулся такъ,
что, казалось, посмотрѣ на него главнокомандующій еще
нѣсколько времени, капитанъ не выдержалъ бы; и потому
Кутузовъ, видимо понявъ его положеніе и желая напротивъ
всякаго добра капитану, поспѣшилъ отвернулся. По злухому
изуродованному раной, лицу Кутузова пробѣжала чутъ за-
мѣтная улыбка.

— Еще измайловскій товарищъ, сказалъ онъ. — Храбрый
офицеръ! Ты доволенъ имъ? спросилъ Кутузовъ у полковаго
командира.

И полковой командиръ, отражаясь какъ въ зеркалѣ, не-
видимо для себя, въ гусарскомъ офицерѣ, вздрогнулъ, по-
дошелъ впередъ и отвѣчалъ:

— Очень доволенъ, ваше высокопревосходительство.

— Мы всѣ не безъ слабостей, сказалъ Кутузовъ, улыбаясь и
отходя отъ него. — У него била приверженность къ Бахусу.

Полковой командиръ искутался, не виноватъ ли онъ въ этомъ,
и ничего не отвѣтилъ. Офицеръ въ эту минуту замѣтилъ лицо
капитана съ краснымъ носомъ и подтянутымъ животомъ и
такъ похоже передразнилъ его лицо и позу, что Несвицкій
не могъ удержать смѣха. Кутузовъ обернулся. Видно было,
что офицеръ могъ управлять своимъ лицомъ, какъ хотѣлъ;
въ ту минуту, какъ Кутузовъ обернулся, офицеръ успѣлъ
сдѣлать гримасу, а вслѣдъ затѣмъ принять самое серьезнѣое,
почтительное и невинное выраженіе.

Третья рота была послѣдняя, и Кутузовъ задумался, видимо припоминая что-то. Князь Андрей выступилъ изъ свиты и по французски тихо сказалъ:

— Вы приказали напомнить о разжалованномъ Долоховѣ въ этомъ полку.

— Гдѣ тутъ Долоховъ? спросилъ Кутузовъ.

Долоховъ, уже переодѣтый въ солдатскую сѣрую шинель, не дождался, чтобы его вызвали. Стройная фигура блокураго съ ясными, голубыми глазами солдата, выступила изъ фронта. Онъ подошелъ къ главнокомандующему и сдѣлалъ на карауль.

— Претензія? нахмурившись слегка, спросилъ Кутузовъ.

— Это Долоховъ, сказалъ князь Андрей.

— А! сказалъ Кутузовъ: — надѣюсь, что этотъ урокъ тебѣ исправить, служи хорошенъко. Государь милостивъ. И я не забуду тебя, ежели ты заслужишь.

Голубые ясные глаза смотрѣли на главнокомандующаго такъ же дерзко, какъ и на полкового командира, какъ будто своимъ выражениемъ разрывая завѣсу условности, отдѣлявшую такъ далеко главнокомандующаго отъ солдата.

— Обѣ одномъ прошу, ваше высокопревосходительство, сказалъ онъ своимъ звучнымъ, твердымъ, не спѣшащимъ голосомъ. — Прошу дать мнѣ случай загладить мою вину и доказать мою преданность государю императору и Россіи.

Кутузовъ отвернулся. На лицѣ его промелькнула та же улыбка глазъ, какъ и въ то время, когда онъ отвернулся отъ капитана Тимохина. Онъ отвернулся и поморщился, какъ будто хотѣлъ выразить етамъ, что все, что ему сказалъ Долоховъ, и все, что онъ могъ сказать ему, онъ давно, давно знаетъ, что все это уже прискутило ему, и что все это

совсѣмъ не то, что нужно. Онъ отвернулся и направился къ коляскѣ.

Полкъ разобрался ротами и направился къ назначеннымъ квартирамъ не вдалекѣ отъ Браунау, гдѣ надѣялся обуться, одѣться и отдохнуть послѣ трудныхъ переходовъ.

— Вы на меня не претендуйте, Прохоръ Игнатьичъ? сказа-
лъ полковой командиръ, объѣзжая двигавшуюся къ мѣсту
3-ю роту и подѣлѣзжая къ шедшему впереди ея капитану Ти-
мохину. Лицо полковаго командира выражало послѣ счастливо-
отбытаго смотра неудержимую радость. — Служба царская...
нельзя... другой разъ во фронтѣ оборвешь... Самъ извинюсь
первый, вы меня знаете... Очень благодаришь! — И онъ про-
тинулъ руку ротному.

— Помилуйте, генераль, да смѣю ли я! отвѣчалъ капи-
танъ, краснѣя носомъ, улыбаясь и раскрывая улыбкой недостатокъ двухъ переднихъ зубовъ, выбитыхъ прикладомъ
подъ Измаиломъ.

— Да господину Долохову передайте, что я его не забуду,
чтобъ онъ былъ спокоенъ. Да скажите, пожалуйста, я все
хотѣть спросить, что онъ, какъ себя ведеть? И все...

— По службѣ очень исправень, ваше превосходительство...
но характеръ... сказалъ Тимохинъ.

— А что, что характеръ? спросилъ полковой коман-
диръ.

— Находитъ, ваше превосходительство, днями, говорилъ
капитанъ, — то и уменъ, и ученъ, и добръ. А то звѣрь.
Въ Польшѣ убилъ было жида, изволите знать...

— Ну да, ну да, сказалъ полковой командиръ, — все надо
пожалѣть молодаго человѣка въ несчастіи. Вѣдь большиня
связи... Такъ вы того...

— Слушаю, ваше превосходительство, сказалъ Тимохинъ, улыбкой давая чувствовать, что онъ понималъ желаніе начальника.

— Ну да, ну да.

Полковой командиръ отыскалъ въ рядахъ Долохова и придержалъ лошадь.

— До первого дѣла — эполеты, сказалъ онъ ему.

Долоховъ оглянулся, ничего не сказавъ и не измѣнивъ выраженія своего насыпливо-улыбающагося рта.

— Ну, вотъ и хорошо, продолжалъ полковой командиръ. Людянь до чаркъ водки отъ меня, прибавилъ онъ, чтобы солдаты слышали. — Благодарю всѣхъ! Слава Богу! И онъ, обогнавъ роту, подѣхалъ къ другой.

— Чѣмъ жъ, онъ, право хороший человѣкъ, есъ нимъ служить можно, сказалъ Тимохинъ субалтернъ-офицеру, шедшему подлѣ него.

— Одно слово, червонный!... (полкового командира назвали червоннымъ королемъ) смѣясь, сказалъ субалтернъ-офицеръ.

Счастливое расположение духа начальства послѣ смотра перешло и къ солдатамъ. Рота шла весело. Со всѣхъ сторонъ переговаривались солдатскіе голоса.

— Какъ же, сказывали Кутузовъ кривой, обѣ одномъ глазу?

— А то нѣть! Всвсе кривой.

— Нѣ... братъ, глазастѣе тебя. Саноги и подвертки, все оглядѣль...

— Какъ онъ, братецъ ты мой, ляпнетъ на ноги миѣ... ну! душаю...

— А другой-то автрякъ съ нимъ былъ, словно убоянъ

вымазанъ. Какъ мука бѣлый... Я чай, какъ амуницію чистить!

— Что, Федешоу!... сказывалъ онъ что ли, когда страженія начнутся? ты ближе стоялъ? Говорили все, въ Бруновѣ сажь Бунапарте стоять.

— Бунапарте стоять! ишь врѣть дура! Чего же знать! Теперь пруссакъ бунтуетъ. Австріакъ его, значитъ усмиряеть. Какъ онъ замирится, тогда и съ Бунапартомъ война откроется. А то, говорить, въ Бруновѣ Бунапарте стоять! То-то и видно, что дуракъ. Ты слушай больше.

— Вишь черти, квартирьеры! Штая рота, гляди, уже въ деревню заворачиваетъ, они капу сварять; а мы еще до мѣста не дойдемъ.

— Дай сухарика-то, чортъ.

— А табаку-то вчера далъ? То-то братъ. Ну, на, Богъ съ тобой.

— Хоть бы привалъ сдѣлали, а то еще верстъ идти пропремъ не ѻмши.

— То-то любо было, какъ нѣмцы намъ коляски подавали. Щдешь, знай: важно!

— А здѣсь братецъ, народъ совсѣмъ оголтелый пошелъ. Тамъ все какъ будто полякъ былъ, все русской короны, а нынче, братъ, сплошной нѣмецъ пошелъ.

— Нѣсельники впередъ! послышался крикъ капитана.

И предъ роту съ разныхъ рядовъ выбѣжало человѣкъ двадцать. Барабанщикъ-защѣвало обернулся лицомъ къ нѣсельникамъ и, махнувъ рукой, затянулъ протяжную солдатскую пѣсню, начинавшуюся: „Не заря ли солнышко занималося...“ и кончавшуюся словами: „То-то, братцы, будетъ слава намъ съ Каменскіимъ-отцомъ...“ Пѣсня эта была сложена въ Турціи

и цѣлая теперь Австрія, только съ тѣмъ измѣненіемъ, что на мѣсто „Каменскіимъ отцомъ“ вставляли слова „Кутузовыムъ-отцомъ“.

Оторвавъ по-солдатски эти послѣднія слова и махнувъ руками, какъ будто онъ бросалъ что-то на землю, барабанщать, сухой и красивый солдатъ, лѣтъ сорока, строго оглянувшись солдатъ-пѣсельниковъ и зажмурился. Потомъ, убѣдившись, что всѣ глаза устремлены на него, онъ какъ будто осторожно приподнялъ обѣими руками какую-то невидимую, драгоцѣнную вещь надъ головой, подержать ее такъ пѣсколько секундъ и вдругъ отчаянно бросилъ ее:

Ахъ, вы сѣни мои, сѣни!

„Сѣни новыя мои...“ подхватили двадцать голосовъ, и ложечникъ, несмотря на тяжесть амуниціи, рѣзво высочиль впередъ и пошелъ задомъ предъ ротой, пошевеливая плечами и угрожая кому-то ложками. Солдаты, въ тактъ пѣсни размахивая руками, шли просторнымъ шагомъ, невольно попадая въ ногу. Сзади роты послышались звуки колесъ, похрускиванье рессоръ и топотъ лошадей. Кутузовъ со свитой возвращался въ городъ. Главнокомандующій далъ знакъ, чтобы люди продолжали идти вольно, и на его лицѣ и на всѣхъ лицахъ его свиты выражалось удовольствіе при звукахъ пѣсни, при видѣ пляшущаго солдата и весело и бойко идущихъ солдатъ роты. Во второмъ ряду съ праваго фланга, съ котораго коляска обгоняла роты, невольно бросался въ глаза голубоглазый солдатъ, Долоховъ, который особенно бойко и грациозно танцевалъ въ тактъ пѣсни и глядѣлъ на лица проѣзжающихъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ жалѣлъ всѣхъ, кто не шелъ въ это время съ ротой. Гусарскій корнетъ изъ

свиты Кутузова, передразнивавший полкового командира, отсталъ отъ коляски и подѣхалъ къ Долохову.

Гусарскій корнетъ Жерковъ одно время въ Петербургѣ принадлежалъ къ тому буйному обществу, которымъ руководилъ Долоховъ. За границей Жерковъ встрѣтилъ Долохова солдатомъ, но не счелъ нужнымъ узнать его. Теперь, послѣ разговора Кутузова съ разжалованнымъ, онъ съ радостью стараго друга обратился къ нему:

— Другъ сердечный, ты какъ? сказалъ онъ при звукахъ пѣсни, ровняя шагъ своей лошади съ шагомъ роты.

— Я какъ? отвѣчалъ холодно Долоховъ, — какъ видишь.

Бойкая пѣсня придавала особенное значеніе тону развязной веселости, съ которой говорилъ Жерковъ и умышленной холодности отвѣтовъ Долохова.

— Ну, какъ ладишь съ начальствомъ? спросилъ Жерковъ.

— Ничего, хорошие люди. Ты какъ въ штабъ затесался?

— Прикомандированъ, дежурю.

Они помолчали.

„Выпускала сокола, да изъ правова рукава“, говорила пѣсня, невольно возбуждала бодрое, веселое чувство. Разговоръ ихъ, вѣроятно былъ бы другой, ежели бы они говорили не при звукахъ пѣсни.

— Чѣмъ правда, австріецевъ побили? спросилъ Долоховъ.

— А чортъ ихъ знаетъ, говорять.

— Я радъ, отвѣчалъ Долоховъ коротко и ясно, какъ того требовала пѣсня.

— Что жъ, приходи къ намъ когда вечеркомъ, фараонъ заложишь, сказалъ Жерковъ.

— Или у васъ денегъ много запасось?

— Приходи.

— Нельзя, зарокъ далъ. Не шю и не играю, пока не произведутъ.

— Да что жъ, до первого дѣла...

— Тамъ видно будетъ. Опять они помолчали.

— Ты заходи, коли что нужно, все въ штабѣ помогутъ...
сказалъ Жерковъ. Долоховъ усмѣхнулся.

— Ты лучше не беспокойся. Мнѣ что нужно, я просить не стану, самъ возьму.

— Да что жъ, я такъ...

— Ну, и я такъ.

— Прощай.

— Будь здоровъ....

....И высоко и далеко,
На родину сторону....

Жерковъ тронулъ цирорами лошадь, которая раза три, го-
рячясь, перебила ногами, не зная съ какой начать, спрятав-
шись и поскакала, обгоняя роту и догоняя коляску, тоже
въ тактъ пѣсни.

III.

Возвратившись со смотра, Кутузовъ, сопутствующий ав-
стрійскимъ генераломъ, прошелъ въ свой кабинетъ, и, клик-
нувъ адютанта, приказалъ подать себѣ нѣкоторые бумаги,
относившіяся до состоянія приходившихъ войскъ, и письма,
полученные отъ эрцгерцога Фердинанда, начальствовавшаго
передовою арміей. Князь Андрей Болконскій съ требуемыми
бумагами вошелъ въ кабинетъ главнокомандующаго. Предъ
разложенными на столѣ планомъ сидѣли Кутузовъ и австрій-
скій членъ гофкригсрата.

— А!... сказалъ Кутузовъ, оглядываясь на Болбонского, какъ будто этимъ словомъ приглашая адъютанта подождать, и продолжать по-французски начатый разговоръ.

— Я только говорю одно, генераль, говорилъ Кутузовъ съ приятнымъ изяществомъ выражений и интонаціи, заставлявшимъ вслушиваться въ каждое неторопливо-сказанное слово. Видно было, что Кутузовъ и самъ съ удовольствиемъ слушалъ себя.— Я только одно говорю, генераль, что ежели бы дѣло зависѣло отъ моего личнаго желанія, то воля его величества, императора Франца, давно была бы исполнена. Я давно уже присоединился бы къ эрцгерцогу. И вѣрите моей чести, что для меня лично передать высшее начальство арміей болѣе меня свѣдущему и искусному генералу, какими такъ обильна Австрія, и сложить съ себѣ всю эту тяжкую отвѣтственность, для меня лично было бы отрадой. Но обстоятельства бываютъ сильнѣе пасть, генераль.— И Кутузовъ улыбнулся съ такимъ выражениемъ, какъ будто онъ говорилъ: „Вы имѣете полное право не вѣрить мнѣ, и даже мнѣ совершенно все равно, вѣрите ли вы мнѣ или пѣть, но вы не имѣете повода сказать мнѣ это. И въ этомъ-то все дѣло“.

Австрійскій генераль имѣлъ недовольный видъ, но не могъ не въ томъ же тонѣ отвѣтчать Кутузову.

— Напротивъ, сказалъ онъ ворчливымъ и сердитымъ тономъ, такъ противорѣчившимъ лестному значенію произносимыхъ словъ,— напротивъ, участіе вашего превосходительства въ общемъ дѣлѣ высоко цѣнится его величествомъ; но мы полагаемъ, что настоящее замедленіе лишаетъ славныхъ русскія войска и ихъ главнокомандующихъ тѣхъ лавровъ, которые они привыкли пожинать въ битвахъ, закончилъ онъ видимо приготовленную фразу.

Кутузовъ поклонился, не измѣнилъ улыбки.

— А я такъ убѣжденъ, и, основываясь на послѣднемъ письмѣ, которымъ почтилъ меня его высочество эрцгерцогъ Фердинандъ, предполагаю, что австрійскія войска, подъ начальствомъ столь искуснаго помощника, каковъ генералъ Макъ, теперь уже одержали рѣшительную победу и не нуждаются болѣе въ нашей помощи, сказалъ Кутузовъ.

Генералъ нахмурился. Хотя и не было положительныхъ извѣстій о пораженіи австрійцевъ, но было слишкомъ много обстоятельствъ, подтверждавшихъ общіе невыгодные слухи; и потому предположеніе Кутузова о побѣдѣ австрійцевъ было весьма похоже на насмѣшку. Но Кутузовъ кротко улыбался, все съ тѣмъ же выраженіемъ, которое говорило, что онъ имѣть право предполагать это. Дѣйствительно послѣднее письмо, полученное имъ изъ арміи Мака, извѣщало его о побѣдѣ и о самомъ выгодномъ стратегическомъ положеніи арміи.

— Дай-ка сюда это письмо, сказалъ Кутузовъ, обращаясь къ князю Андрею.— Вотъ извольте видѣть,— и Кутузовъ, съ насмѣшливой улыбкой на концахъ губъ, прочелъ по-немецки австрійскому генералу слѣдующее мѣсто изъ письма эрцгерцога Фердинанда: „Мы имѣемъ вподнѣ сосредоточенные силы, около 70.000 человѣкъ, такъ что мы можемъ атаковать и разбить непріятеля въ случаѣ переправы его черезъ Лехъ. Такъ какъ мы уже владѣемъ Ульмомъ, то мы можемъ удержать за собою выгоду командованія обоими берегами Дуная, стало-быть ежеминутно, въ случаѣ если непріятель не перейдетъ черезъ Лехъ, переправиться черезъ Дунай, броситься на его коммуникаціонную линію, ниже перейти обратно Дунай, и непріятелю, если онъ вздумаетъ обратить всю свою силу

на нашихъ вѣрныхъ союзниковъ, не дать исполнить его намѣреніе. Такимъ образомъ, мы будемъ бодро ожидать времени, когда императорская россійская армія совсѣмъ изготоится, и затѣмъ вѣстѣ легко найдемъ возможность уготовить вепріятелю участъ, коей онъ заслуживаетъ".

Кутузовъ тяжело вздохнулъ, окончивъ этотъ періодъ и внимательно и ласково посмотрѣлъ на члена гофкригсрата.

— Но вы знаете, ваше превосходительство, мудреое правило, предписывающее предполагать худшее, сказаѣ австрійскій генералъ, видимо желая покончить съ шутками и приступить къ дѣлу. Онъ невольно оглянулся на адъютанта.

— Извините, генералъ, перебилъ его Кутузовъ и тоже повертился къ князю Андрею.— Вотъ что, мой любезный, возьми ты всѣ донесенія отъ нашихъ лазутчиковъ у Козловскаго. Вотъ два письма отъ графа Постица, вотъ письмо отъ его высочества эрцгерцога Фердинанда, вотъ еще, сказалъ онъ, подавалъ ему иѣсколько бумагъ. И изъ всего этого чистенько, на французскомъ языкѣ, составь меморандумъ записочку, для видимости всѣхъ тѣхъ извѣстій, которыхъ мы о дѣйствіяхъ австрійской арміи имѣли. Ну, такъ то, и представь его превосходителству.

Князь Андрей поклонилъ голову въ знакъ того, что понялъ съ первыхъ словъ не только то, что было сказано, но и то, что желать бы сказать ему Кутузовъ. Онъ собралъ бумаги и, отдавъ обицій поклонъ, тихо шагалъ по ковру, вышелъ въ приемную.

Несмотря на то, что еще немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ князь Андрей оставилъ Россію, онъ много измѣнился за это время. Въ выраженіи его лица, въ движеніяхъ, въ походкѣ, почти не было замѣтно прежн资料 of the state of mind of the man who had been a general in the Russian army.

усталости и льчи; оғь имѣлъ видъ человѣка, не имѣющаго времени думать о впечатлѣніи, какоѣ онъ производить на другихъ, и занятаго дѣломъ пріятнымъ и интереснымъ. Лицо его выражало больше довольства собой и окружающими; улыбка и взглядъ его были веселѣе и привлекательнѣе.

Кутузовъ, котораго онъ догналъ еще въ Польшѣ, принялъ его очень ласково, обѣщалъ ему не забывать его, отличаясь отъ другихъ адъютантовъ, бралъ съ собою въ Вѣну и давалъ болѣе серіозныя порученія. Изъ Вѣны Кутузовъ писалъ своему старому товарищу, отцу князя Андрея..

„Вашъ сынъ, писалъ онъ, надежду подаетъ быть офицеромъ, изъ ряда выходящимъ по своимъ занятіямъ, твердости и исполнительности. Я считаю себя счастливымъ, имѣя подъ рукой такого подчиненнаго“.

Въ штабѣ Кутузова, между товарищами-сослуживцами и вообще въ арміи, князь Андрей такъ же, какъ и въ петербургскомъ обществѣ, имѣлъ двѣ совершенно противоположныя репутаціи. Одни, меньшая часть, признавали князя Андрея чѣмъ-то особеннымъ отъ себя и отъ всѣхъ другихъ людей, ожидали отъ него большихъ успѣховъ, слушали его, восхищались имъ и подражали ему; и съ этими людьми князь Андрей былъ простъ и пріятенъ. Другие, большинство, не любили князя Андрея, считали его надутымъ, холоднымъ и непріятнымъ человѣкомъ. Но съ этими людьми князь Андрей умѣлъ поставить себя такъ, что его уважали и даже боялись.

Выходя въ приемную изъ кабинета Кутузова, князь Андрей съ бумагами подошелъ къ товарищу, дежурному адъютанту Козловскому, который съ книгой сидѣлъ у окна..

— Ну что, князь? спросилъ Козловский.

— Приказано составить записку, почему не идемъ впередъ.

— А почему?

Князь Андрей пожалъ плечами.

— Нѣтъ извѣстія отъ Мака? спросилъ Козловскій.

— Нѣтъ.

— Ежели бы правда, что онъ разбитъ, такъ пришло бы извѣстіе.

— Вѣроятно, сказалъ князь Андрей и направился къ выходной двери: но въ то же время навстрѣчу ему, хлонувъ дверью, быстро вошелъ въ приемную высокій, очевидно пріѣзжій, австрійскій генераль въ сюртукѣ, съ повязанною чернымъ платкомъ головою и съ орденомъ Маріи-Терезіи на шеѣ. Князь Андрей остановился.

— Генераль-аншефъ Кутузовъ? быстро проговорилъ пріѣзжій генераль, съ рѣзкимъ немецкимъ выговоромъ, оглядываясь на обѣ стороны и безъ остановки проходя къ двери кабинета.

— Генераль-аншефъ занятъ, сказалъ Козловскій, торопливо подходя къ неизвѣстному генералу и загораживая ему дорогу отъ двери. — Какъ прикажете доложить?

Неизвѣстный генераль презрительно оглянулся сверху внизъ на невысокаго ростомъ Козловскаго, какъ будто удивляясь, что его могутъ не знать.

— Генераль-аншефъ занятъ, спокойно повторилъ Козловскій.

Лицо генерала нахмурилось, губы его дернулись и задрожали. Онъ вынулъ записную книжку, быстро начертитъ что-то карандашемъ, вырвалъ листокъ, отдалъ, быстрыми шагами подошелъ къ окну, бросилъ свое тѣло на стулъ и оглянувшись въ комнатѣ, какъ будто спрашивая: зачѣмъ они

на него смотрять? Нетомъ генералъ поднялъ голову, вытянувшись, какъ будто намѣреваясь что-то сказать, но тотчасъ же, какъ будто небрежно начиная напѣвать про себя, произвѣль странный звукъ, который тотчасъ же пресѣкся. Дверь кабинета отворилась, и на порогѣ ея показался Кутузовъ. Генералъ съ повязанной головой, какъ будто убѣгая отъ опасности, нагнувшись, большими, быстрыми шагами худыхъ ногъ подошелъ къ Кутузову.

— Вы видите несчастнаго Мака, по-французски проговорилъ онъ сорвавшимися голосомъ.

Лицо Кутузова, стоявшаго въ дверяхъ кабинета, нѣсколько мгновеній оставалось совершенно неподвижно. Нетомъ, какъ волна, пробѣжалася по его лицу морщина, лобъ разгладился; онъ почтительно наклонилъ голову, закрылъ глаза, молча пропустивъ мимо себя Мака и самъ за собой затворилъ дверь.

Слухъ, уже распространенный прежде; о разбитіи австрійцевъ и о сдачѣ всей арміи подъ Ульмомъ, оказывался справедливымъ. Черезъ полчаса уже по разнымъ направленіямъ были разосланы адъютанты съ приказаніями, доказывавшими, что скоро и русскія войска, до сихъ поръ бывшія въ бездѣствіи, должны будутъ встрѣтиться съ непріятелемъ.

Князь Андрей былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ офицеровъ въ штабѣ, который полагалъ свой главный интересъ въ общемъ ходѣ военнаго дѣла. Увидавъ Мака и услыхавъ подробности его погибели, онъ понялъ, что половина кампаніи проиграна, поѣмъ всю трудность положенія русскихъ войскъ и живо вообразилъ себѣ то, что ожидаетъ армію, и ту роль, которую онъ долженъ будетъ играть въ пей. Невольно онъ испытывалъ волнующее радостное чувство при мысли о по-

срамлениі самоцадѣянной Австріи, и о томъ, что черезъ недѣлю, можетъ быть, придется ему увидѣть и принять участіе въ столкновеніи русскихъ съ французами, впервые постыдѣ Суворова. Но онъ боялся генія Бонапарта, который могъ оказаться сильнѣе всей храбрости русскихъ войскъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ допустить позора для своего героя.

Взволнованный и раздраженный этими мыслями, князь Андрей пошелъ въ свою комнату, чтобы написать отцу, которому онъ писалъ каждый день. Онъ сошелся въ коридорѣ съ своимъ сожителемъ Несвицкимъ и шутникомъ Жерковымъ; они, какъ всегда, чemu-to смеялись.

— Что ты такъ мраченъ? спросилъ Несвицкій, замѣтивъ блѣдное съ блестящими глазами лицо князя Андрея.

— Веселиться нечему, отвѣчалъ Болконскій.

Въ то время какъ князь Андрей сошелся съ Несвицкимъ и Жерковымъ, съ другой стороны коридора навстрѣчу имъшли Штраухъ, австрійскій генералъ, состоявшій при штабѣ Кутузова для наблюденія за продовольствіемъ русской арміи и членъ гофкригсрата, прѣхавшіе наканунѣ. По широкому коридору было достаточно места, чтобы генералы могли свободно разойтись съ тремя офицерами; но Жерковъ, отталкивая рукой Несвицкаго, запыхавшимся голосомъ проговорилъ.

— Идутъ!.. идутъ!.. посторонитесь, дорогу! пожалуйста, дорогу.

Генералы проходили съ видомъ желанія избавиться отъ утружающихъ почестей. На лицѣ шутника Жеркова выразилась вдругъ глупая улыбка радости, которой онъ какъ будто не могъ удержать.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ по-немецки.

выдвигаясь впередъ и обращаясь къ австрійскому генералу.— Имѣю честь поздравить. Онъ наклонилъ голову, и неловко, какъ дѣти, которыхъ учатся танцевать, сталъ расшаркиваться то одною, то другойъ ногою.

Генераль, членъ гофкабинета, строго оглянулся на него, но, замѣтивъ серіозность глупой улыбки, не могъ отказать въ минутномъ вниманіи. Онъ прищурился, показывая что слушаетъ.

— Имѣю честь поздравить, генераль Макъ прѣхаль, совсѣмъ здоровъ, только немного тутъ зашибся, прибавилъ онъ, сияя улыбкой и указывая на свою голову.

Генераль нахмурился, отвернулся и пошелъ дальше.

— Боже, какъ наивенъ! сказалъ онъ сердито, отойдя на сколько шаговъ.

Несвицкій съ хохотомъ обнялъ князя Андрея, по Болконскій, еще болѣе поблѣднѣвъ, съ злобнымъ выражениемъ въ лицѣ, оттолкнулъ его и обратился къ Жеркову. То нервное раздраженіе, въ которое его привели видъ Мака, извѣстіе объ его пораженіи и мысли о томъ, что ожидаетъ русскую армію, нашли себѣ исходъ въ озлобленіи на неумѣстную шутку Жеркова.

— Если вы, милостивый государь, заговорилъ онъ пронзительно съ легкимъ дрожаніемъ нижней челюсти, — хотите быть шутомъ, то я вамъ въ этомъ не могу воспрепятствовать, но объявляю вамъ, что, если вы осмѣлитеесь другой разъ скоморошничать въ моемъ присутствіи, то я васъ научу какъ вести себя.

Несвицкій и Жерковъ такъ были удивлены этою выходкой, что молча, раскрывъ глаза, смотрѣли на Болконскаго.

— Что жъ, я поздравилъ только, сказалъ Жерковъ.

— Я не пущу съ вами; извольте молчать! крикнулъ Болконскій и, ваявъ за руку Несвицкаго, цошелъ прочь отъ Жеркова, не напедшагося, что отвѣтить.

— Ну, что ты, братецъ! успокоивъ, сказалъ Несвицкій.

— Какъ что? заговорилъ князь Андрей, останавливаясь отъ волненія.— Да ты пойми, что мы — или офицеры, которые служимъ своему царю и отечеству и радуемся общему успѣху и печалимся объ общей неудачѣ, или мы лакеи, которымъ дѣла нѣть до господского дѣла. Сорокъ тысячъ человѣкъ погибло, и союзная намъ армія уничтожена, а вы можете при этомъ шутить, сказалъ онъ, какъ будто этой французской фразой закрѣпляя свое мнѣніе.— Это простительноничтожному мальчишкѣ, какъ вотъ этотъ господинъ, котораго вы сдѣлали себѣ другомъ, но не вамъ. *Мальчишкамъ* только можно такъ забавляться, прибавилъ князь Андрей по-русски, выговаривая это слово съ французскимъ акцентомъ, замѣтивъ, что Жерковъ могъ еще слышать его. Онъ подождалъ; не отвѣтить ли что корнетъ. Но корнетъ повернулся и вышелъ изъ коридора.

IV.

Гусарскій Павлоградскій полкъ стоялъ въ двухъ миляхъ отъ Браунау. Эскадронъ, въ которомъ юнкеромъ служилъ Николай Ростовъ, расположень былъ въ нѣмецкой деревнѣ Зальценекъ. Эскадронному командиру, ротмистру Денисову, известному всей кавалерійской дивизіи подъ именемъ Васыки Денисова, была отведена лучшая квартира въ деревнѣ. Юнкеръ Ростовъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ догналъ полкъ въ Польши, жилъ вмѣстѣ съ эскадроннымъ командиромъ.

8-го октября, въ тотъ самый день, когда въ главной квар-

тире все было поднято на ноги известіемъ о пораженіи Мака, въ штабѣ эскадрона походила жизнь спокойно шла по ста-рому. Денисовъ, проигравшій всю ночь въ карты, еще не приходилъ домой, когда Ростовъ, рано утромъ, верхомъ, вернулся съ фуражировки. Ростовъ въ юнкерскомъ мундирѣ подѣхалъ къ крыльцу, толкнувъ лошадь; гибкимъ моло-дымъ жестомъ скинулъ ногу, постоялъ на стремени, какъ будто не желалъ разстаться съ лошадью, наконецъ спрыгнулъ и крикнулъ вѣстового.

— А, Бондаренко, другъ сердечный, проговорилъ онъ бросившемуся стремглавъ къ его лошади гусару. — Выводи, дружокъ, сказалъ онъ съ тою братскою, веселою иѣжностію, съ которой обращаются со всѣми хороши младые люди, когда они счастливи.

— Слушаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ хохоль, встрѣчи-вая весело головой.

— Смотри же, выводи хорошенько!

Другой гусарь бросился тоже къ лошади, но Бондаренко уже перекинулъ поводья трензеля. Видно было, что юнкеръ давалъ хорошо на водку, и что услужить ему было выгодно. Ростовъ погладилъ лошадь по шеѣ, потомъ по крупу и остановился на крыльце.

„Славно! Такая будетъ лошадь!“ сказалъ онъ самъ себѣ, и улыбалась и придерживалъ саблю, взбѣжалъ на крыльцо, погромыхивая шпорами. Хозяинъ-нѣмецъ, въ фуфайкѣ и кол-пакѣ, съ вилами, которыми онъ вычищалъ навозъ, выгля-нуль изъ коровника. Лицо нѣмца вдругъ просвѣтѣло, какъ только онъ увидаль Ростова. Онъ весело улыбнулся и под-мигнулъ: „Доброго утра, доброго утра!“ повторилъ онъ, видимо находи удовольствіе въ привѣтствіи молодого человѣка.

— Ужъ за работой! сказаль Ростовъ все съ тою же радостию, братскою улыбкой, какая не сходила съ его оживленного лица. — Да здравствуютъ австрійцы! Да, здравствуютъ русскіе! Ура императоръ Александръ! обратилсъ онъ къ нѣмцу, повторяя слова, говоренныя часто нѣмцемъ-хозяиномъ. Нѣмецъ заѣмѣлся, вышелъ совсѣмъ изъ двери коровника, сдернулъ колпакъ, и, взмахнувъ имъ надъ головой, закричалъ:

— И да здравствуетъ весь свѣтъ!

Ростовъ самъ такъ же, какъ нѣмецъ, взмахнулъ фуражкой надъ головой и смѣясь закричалъ: „и вивать весь свѣтъ!“ Хотя не было никакой причины къ особенной радости ни для нѣмца, вычищавшаго свой коровникъ, ни для Ростова, ъздиншаго со взводомъ за сѣномъ, оба человѣка эти съ счастливыми восторгомъ и братскою любовью посмотрѣли другъ на друга, потрясли головами въ знакъ взаимной любви, и улыбаясь разошлись, нѣмецъ въ коровникъ, а Ростовъ въ избу, которую занималъ съ Денисовымъ.

— Что баринъ? спросиль онъ у Лаврушки, известнаго всему полку плута-лакея Денисова.

— Съ вечера не бывали. Вѣрно проигралисъ, отвѣчаль Лаврушка. — Ужъ я знаю, коли выиграютъ, рано придутъ хвастаться, а коли до утра нѣть, значить проудились — сердитые придутъ. Кофею прикажете?

— Давай, давай.

Черезъ десять минутъ Лаврушка принесъ кофею.

— Идутъ! сказалъ онъ, — теперь бѣда.

Ростовъ заглянулъ въ окно и увидалъ возвращающагося домой Денисова. Денисовъ былъ маленький человѣчекъ съ красивымъ лицомъ, блестящими, черными глазами, черными взлох-

моченными усами и волосами. На немъ былъ разстегнутый ментикъ, спущенный въ складкахъ широкія чигчиры, и на затылкѣ была надѣта смятая гусарская шапочка. Онъ мрачно, опустивъ голову, приближался къ крыльцу.

— Лаврушка, закричалъ онъ картавя на р., громко и сердито. — Ну, снимай, болванъ!

— Да я и такъ снимаю, отвѣчалъ голосъ Лаврушки.

— А! ты ужъ всталъ, сказалъ Денисовъ, входя въ комнату.

— Давно, сказалъ Ростовъ, — я уже за сѣномъ сходилъ и фрейлейнъ Матильду видѣлъ.

— Вотъ какъ! А я вродился, братъ, вчера какъ сукинъ сынъ, закричалъ Денисовъ, не выговаривая р. — Такаго несчастія! такаго несчастія!.. Какъ ты уѣхалъ, такъ и пошло. Эй, чаю.

Денисовъ, сморщившись, какъ бы улыбаясь и выказывая свои короткие крѣпкіе зубы, началъ обѣими руками съ короткими пальцами лохматить какъ лѣсь взбитые черные густые волосы.

— Чортъ меня дернулъ пойти къ этой крысѣ (прозвище офицера), растирая себѣ обѣими руками лобъ и лицо, говорилъ онъ. — Можешь себѣ представить, ни одной карты, ни одной, ни одной карты не далъ. Денисовъ взялъ подаваемую ему закуренную трубку, сжалъ въ кулакъ, и, разсыпая огонь, ударилъ ею по полу, продолжая кричать.

— Семпель дасть, пароль бѣть, семпель дасть, пароль бѣть.

Онъ разсыпалъ огонь, разбилъ трубку и бросилъ ее. Денисовъ потомъ помолчалъ и вдругъ своими блестящими черными глазами весело взглянулъ на Ростова.

— Хоть бы женщины были. А то тутъ кромѣ какъ пить — дѣлать нечего. Хоть бы дратыся скорѣй...

— Эй, кто тамъ? обратился онъ къ двери, заслышавъ остановившіеся шаги толстыхъ сапогъ съ бряцаніемъ шнуръ и почтительное покашливанье.

— Вахмистръ! сказалъ Лаврушка. Денисовъ сморщился еще больше.

— Скверно, проговорилъ онъ, бросая кошелекъ съ нѣсколькими золотыми. — Ростовъ, сочти, голубчикъ, сколько тамъ осталось, да сунь кошелекъ подъ подушку, сказалъ онъ, и вышелъ къ вахмистру.

Ростовъ взялъ деньги и, машинально откладывая и равнія кучками старые и новые золотые, сталъ считать ихъ.

— А! Телянинъ! Здорово! Вздули меня вчера, послышался голосъ Денисова изъ другой комнаты.

— У кого? У Быкова, у крысы?.. Я зналъ, сказалъ другой тоненькой голосъ, и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ поручикъ Телянинъ, маленький офицеръ того же эскадрона.

Ростовъ кинулъ подъ подушку кошелекъ и пожалъ протянутую ему маленькую влажную руку. Телянинъ былъ предъ походомъ за что-то переведенъ изъ гвардіи. Онъ держалъ себя очень хорошо въ полку; но его не любили, и въ особенности Ростовъ не могъ ни преодолѣть, ни скрывать своего безпричинного отвращенія къ этому офицеру.

— Ну чтò, молодой кавалеристъ, какъ вамъ мой Грачикъ служить? спросилъ онъ (Грачикъ была верховая лошадь, подъѣздокъ, проданная Телянинымъ Ростову). Поручикъ никогда не смотрѣлъ въ глаза человѣку, съ кѣмъ говорилъ; глаза его постоянно перебѣгали съ одного предмета на другой. — Я видѣлъ, вы нынче проѣхали...

— Да, ничего, конь добрый, отвѣчалъ Ростовъ, несмотря на то, что лошадь эта, купленная имъ за 700 рублей, не

стома и половины этой цѣны. — Пригадать стала на лѣвую переднюю... прибавилъ онъ.

— Треснуло кошто! Это ничего. Я васъ научу, покажу заклепку какую положить.

— Да, покажите, пожалуйста, сказалъ Ростовъ.

— Покажу, покажу, это не секретъ. А за лошадь благодарить будете.

— Такъ я велю привести лошадь, сказалъ Ростовъ, желая избавиться отъ Телянина, и вышелъ, чтобы велѣть привести лошадь.

Въ сѣнахъ Денисовъ съ трубкой, скорчившись, на морогѣ сидѣлъ вредъ вахмистромъ, который что-то докладывалъ. Увидавъ Ростова, Денисовъ сморщился и, указывая черезъ плечо большими пальцемъ въ комнату, въ которой сидѣлъ Телянинъ, поморщился и съ отвращенiemъ тряхнулъся.

— Охъ, не люблю молодца, сказалъ онъ, не стыдясь присутствіемъ вахмистра.

Ростовъ пожалъ плечами, какъ будто говоря: „И я тоже, да что жъ дѣлать!“ и распорядившись, вернулся къ Телянину.

Телянинъ сидѣлъ все въ той же лѣнивой позѣ, въ которой его оставилъ Ростовъ, потирая маленькия бѣлыя руки.

„Бываютъ же такие противные лица“, подумалъ Ростовъ, входя въ комнату.

— Что же, велѣли привести лошадь? сказалъ Телянинъ, вставая и небрежно оглядываясь.

— Велѣль.

— Да пойдемте сами. Я вѣдь запелъ только спросить Денисова о вчерашнемъ приказѣ. Получили, Денисовъ?

— Нѣть еще. А вы куда?

— Вотъ, хочу молодаго человѣка научить, какъ ковать лошадь, сказалъ Телянинъ.

Они вышли на крыльдо и въ конюшню. Поручикъ показалъ, какъ дѣлать заклепку, и ушелъ къ себѣ.

Когда Ростовъ вернулся, на столѣ стояла бутылка съ водкой и лежала колбаса. Денисовъ сидѣлъ предъ столомъ и трещаль перомъ по бумагѣ. Онъ мрачно посмотрѣлъ въ лицо Ростову.

— Ей пиши, сказалъ онъ. Онъ облокотился на столъ съ перомъ въ рукѣ и, очевидно обрадованный случаемъ быстрѣе сказать словомъ все, что онъ хотѣлъ написать, выскакывалъ свое письмо Ростову. — Ты видишь ли, другъ, сказалъ онъ. — Мы спимъ, пока не любимъ, мы дѣти праха... а полюбиль — и ты богъ, ты чистъ, какъ въ первый день созданья... Это еще кто? Гони его къ чорту. Некогда! крикнулъ онъ на Лаврушку, который, нисколько не робъя, подошелъ къ нему.

— Да кому жъ быть. Сами велѣли. Вахмистръ за деньгами пришелъ.

Денисовъ сморщился, хотѣлъ что-то крикнуть и замолчать.

— Скверно дѣло, проговорилъ онъ про себя. Сколько тамъ денегъ въ кошелькѣ осталось? спросилъ онъ у Ростова.

— Семь новыхъ и три старыхъ.

— Ахъ скверно! Ну, что стоишь, чучело, пошли вахмистра! крикнулъ Денисовъ на Лаврушку.

— Иожалуйста, Денисовъ, возьми у меня денегъ, вѣдь у меня есть, сказалъ Ростовъ, краснѣя.

— Не люблю у своихъ занимать, не люблю, проворчалъ Денисовъ.

— А ежели ты у меня не возьмешь денегъ по-товарище-ски, ты меня обидишь. Право у меня есть, повторилъ Ростовъ.

— Да нѣтъ же. И Денисовъ подошелъ къ кровати, чтобы достать изъ-подъ подушекъ кошелькъ.

— Ты куда положилъ, Ростовъ?

— Подъ нижнюю подушку.

— Да нѣту. Денисовъ скинуль обѣ подушки на полъ. Кошелька не было. — Вотъ чудо-то!

— Постой, ты не уронилъ ли, сказалъ Ростовъ, по одной поднимая подушки и вытрясая ихъ. Онъ скинуль и отряхнулъ одѣяло. Кошелька не было.

— Ужъ не забылъ ли я? Нѣть, я еще подумалъ, что ты точно кладъ подъ голову кладешъ, сказалъ Ростовъ. — Я тутъ положилъ кошелькъ. Гдѣ онъ? обратился онъ къ Лаврушкѣ.

— Я не входилъ. Гдѣ положили, тамъ и долженъ быть.

— Да нѣтъ.

— Вы все такъ, бросите буда, да и забудете. — Въ карманахъ-то посмотрите.

— Нѣть, коли бы я не подумалъ про кладъ, сказалъ Ростовъ, — а то я помню, что положилъ.

Лаврушка перерылъ всю постель, заглянулъ подъ нее, подъ столъ, перерылъ всю комнату и остановился посреди комнаты. Денисовъ молча слѣдилъ за движеніями Лаврушки и, когда Лаврушка удивленно развелъ руками, говори, что нигдѣ нѣть, онъ оглянулся на Ростова.

— Ростовъ, ты не школьнич...

Ростовъ, почувствовавъ на себѣ взглядъ Денисова, поднялъ глаза и въ то же мгновеніе опустилъ ихъ. Вся кровь его, бывшая запертою, гдѣ-то ниже горла, хлынула ему въ лицо и глаза. Онъ не могъ перевести дыханіе.

— И въ комнатѣ-то никого не было, окромя поручика, да васъ самихъ. Тутъ гдѣ-нибудь, сказалъ Лаврушка.

— Ну ты, чортова кукла, поварачивайся, ищи, вдругъ закричалъ Денисовъ, побагровѣвъ и съ угрожающимъ жестомъ бросаясь на лакея. — Чтобъ былъ кошелекъ, а то запорю! Всѣхъ запорю!

Ростовъ, обходя взглядомъ Денисова, сталъ застегивать куртку, подстегнувъ саблю и надѣвъ фуражку.

— Я тебѣ говорю, чтобъ былъ кошелекъ, кричалъ Денисовъ, тряся за плечи денщика и толкая его объ стѣну.

— Денисовъ, оставь его; я знаю, кто взялъ, сказалъ Ростовъ, подходя къ двери и не подымая глазъ.

Денисовъ остановился, подумалъ и видимо понять то, на чѣмъ намекалъ Ростовъ, схватилъ его за руку.

— Вздоръ! закричалъ онъ такъ, что жили какъ веревки надулись у него на шеѣ и лбу. — Я тебѣ говорю, ты съ ума сошелъ, я этого не позволю. — Кошелекъ здѣсь; спущу шкуру съ этого мерзавца, и будеть здѣсь.

— Я знаю, кто взялъ, повторилъ Ростовъ дрожащимъ голосомъ и пошелъ къ двери.

— А я тебѣ говорю, не смѣй этого дѣлать, закричалъ Денисовъ, бросаясь къ юнкеру, чтобъ удержать его. — Но Ростовъ вырвалъ свою руку, и съ такою злобою, какъ будто Денисовъ былъ величайшій врагъ его, прямо и твердо устремилъ на него глаза.

— Ты понимаешь ли, что говоришь? сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — кромѣ меня никого не было въ комнатѣ. Стало-быть, ежели не то, такъ...

Онъ не могъ договорить и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Ахъ, чортъ съ тобою и со всѣми, были послѣднія слова, которыя слышала Ростовъ.

Ростовъ пришелъ на квартиру Телянина.

— Барина дома нѣть, въ штабѣ уѣхали, сказаъ ему денъщикъ Телянина. — Или что случилось? прибавилъ денъщикъ, удивляясь на разстроенное лицо юнкера.

— Нѣть, ничего.

— Немного не застали, сказаъ денъщикъ.

Штабъ находился въ трехъ верстахъ отъ Зальценека. Ростовъ, не заходя домой, взялъ лошадь и поѣхалъ въ штабъ. Въ деревнѣ, занимаемой штабомъ, былъ трактиръ, посѣщаемый офицерами. Ростовъ пріѣхалъ въ трактиръ; у крыльца онъ увидалъ лошадь Телянина.

Во второй комнатѣ трактира сидѣлъ поручикъ за блюдомъ сосисекъ и бутылкою вина.

— А, и вы заѣхали, юноша, сказаъ онъ, улыбаясь и высоко поднимая брови.

— Да, сказаъ Ростовъ, какъ будто выговорить это слово стоило большого труда, и сѣлъ за соседній столъ.

Оба молчали; въ комнатѣ сидѣли два иѣмца и одинъ русскій офицеръ. Всѣ молчали, и слышались звуки ножей о тарелки и чавканье поручика. Когда Телянинъ кончилъ завтракъ, онъ вынулъ изъ кармана двойной кошелекъ, изогнутыми кверху, маленькими бѣлыми пальцами раздвинулъ кольца, досталъ золотой, и, приподнявъ брови, отдалъ денъги слугѣ.

— Пожалуйста, поскорѣе, сказаъ онъ.

Золотой былъ новый. Ростовъ всталъ и подошелъ къ Телянину.

— Позвольте посмотрѣть мнѣ кошелекъ, сказаъ онъ тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ.

Съ бѣгающими глазами, но все поднятymi бровями, Телянинъ подалъ кошелекъ.

— Да, хорошенький кошелекъ... Да... да... сказалъ онъ и вдругъ поблѣдѣлъ. — Посмотрите, юноша, пропавилъ онъ.

Ростовъ взялъ въ руки кошелекъ и посмотрѣлъ и на него, и на деньги, которые были въ немъ, и на Телянина. Поручикъ оглядывался кругомъ, по своей привычкѣ, и, казалось, вдругъ сталъ очень веселъ.

— Коли будемъ въ Вѣнѣ, все тамъ оставлю, а теперь и дѣвать некуда въ этихъ дрянныхъ городишкахъ, сказаль онъ: — Ну давайте, юноша, я пойду.

Ростовъ молчалъ.

— А вы что жъ? тоже позавтракать? Порядочно кормать, продолжалъ Телянинъ. — Давайте же. Онъ протянулъ руку и взялся за кошелекъ. Ростовъ выпустилъ его. Телянинъ взялъ кошелекъ и сталъ опускать его въ карманъ рейтузъ, и брови его небрежно поднялись, а ротъ слегка раскрылся, какъ будто онъ говорилъ: „да, да, кладу въ карманъ свой кошелекъ, и это очень просто, и никому до этого дѣла нѣть“.

— Ну что, юноша? сказаль онъ, вздохнувъ и изъ-подъ приподнятыхъ бровей взглянувъ въ глаза Ростова. Какой-то свѣтъ глазъ съ быстротою электрической искры перебѣжалъ изъ глазъ Телянина въ глаза Ростова и обратно, обратно и обратно, все въ одно мгновеніе.

— Подите сюда, проговорилъ Ростовъ, хватая Телянина за руку. Онъ почти притащилъ его къ окну. — Это деньги Денисова, вы ихъ взяли... прошепталъ онъ ему надъ ухомъ.

— Что?... Что?... Какъ вы смеете? Что?... проговорилъ Телянинъ. Но эти слова звучали жалобными, отчаянными крикомъ и мольбой о прощеніи. Какъ только Ростовъ услыхалъ этотъ звукъ голоса, съ души его свалился огромный камень сомнѣнія. Онъ почувствовалъ радость, и въ то же

и гновеніе ему стало жалко несчастнаго, стоявшаго предъ нимъ человѣка, но надо было до конца довести начатое дѣло.

— Здѣсь люди Богъ знаетъ что могутъ подумать, бормоталъ Телянинъ, схватывая фуражку и направляясь въ небольшую пустую комнату, — надо объясниться...

— Я это знаю, и я это докажу, сказала Ростовъ.

— Я...

Испуганное, блѣдное лицо Телянина начало дрожать всѣми мускулами; глаза все такъ же блѣгали, но гдѣ-то внизу, не поднимаясь до лица Ростова, и послышались всхлипыванья.

— Графъ!... не губите молодаго человѣка... вотъ эти несчастныя деньги, возьмите ихъ... — Опѣ бросить ихъ на столъ. — У меня отецъ-старикъ, матъ!...

Ростовъ взялъ деньги, избѣгая взгляда Телянина, и, не говоря ни слова, пошелъ изъ комнаты. Но у двери онъ остановился и вернулся назадъ.

— Боже мой, сказалъ онъ со слезами на глазахъ, — какъ вы могли это сдѣлать?

— Графъ, сказала Телянинъ, приближаясь къ юнкеру.

— Не трогайте меня, проговорилъ Ростовъ, отстращиваясь.

— Ежели вамъ нужда, возьмите эти деньги. Онъ швырнулъ ему кошелекъ и выбѣжалъ изъ трактира.

V.

Вечеромъ того же дня, на квартирѣ Денисова шелъ оживленный разговоръ офицеровъ эскадрона.

— А я говорю вамъ, Ростовъ, что вамъ надо извиниться предъ полковымъ командиромъ, говорилъ обращаясь къ пунцово-красному, взволнованному Ростову, высокій штабъ-ротмистръ съ сѣдѣющими волосами, огромными усами и крупными

чертами морщинистаго лица. Штабъ-ротмистръ Кирстенъ былъ два раза разжалованъ въ солдаты за дѣла чести, и два раза выслуживался.

— Я никому не позволю себѣ говорить, что я лгу! вскрикнулъ Ростовъ. — Онъ сказалъ мнѣ, что я лгу, а я сказалъ ему, что онъ лжетъ. Такъ съ тѣмъ и останется. На дежурство можетъ меня назначать хоть каждый день, и подъ арестъ сажать, а извиняться меня никто не заставитъ, потому что ежели онъ, какъ полковой командиръ, считаетъ недостойнымъ себя дать мнѣ удовлетвореніе, такъ ..

— Да вы постойте, батюшка, вы послушайте меня, перебилъ штабъ-ротмистръ своимъ басистымъ голосомъ, спокойно разглаживалъ свои длинные усы. — Вы при другихъ офицерахъ говорите полковому командиру, что офицеръ укралъ...

— Я не виноватъ, что разговоръ зашелъ при другихъ офицерахъ. Можетъ-быть не надо было говорить при нихъ, да я не дипломатъ. Я затѣмъ въ гусары и пошелъ, думалъ, что здѣсь не нужно тонкостей, а онъ мнѣ говорить, что я лгу... такъ пусть дастъ мнѣ удовлетвореніе.

— Это все хорошо, никто не думаетъ, что вы трусь, да не въ томъ дѣло. Спросите у Денисова, похоже это на что-нибудь, чтобы юнкеръ требовалъ удовлетворенія у полковаго командира?

Денисовъ, закусивъ усы, съ мрачнымъ видомъ слушалъ разговоръ, видимо не желая вступиться въ него. На вопросъ штабъ-ротмистра онъ отрицательно покачалъ головой.

— Вы при офицерахъ говорите полковому командиру про эту пакость, продолжалъ штабъ-ротмистръ. — Богданычъ (Богданычемъ называли полковаго командира) васъ осадилъ.

— Не осадилъ, а сказалъ, что я неправду говорю.

— Ну да, и вы наговорили ему глупостей, и надо извиниться.

— Ни за что! крикнул Ростовъ.

— Не думай я этого отъ васъ, серезно и строго сказать штабъ-ротмистръ. — Вы не хотите извиниться, а вы, батюшка, не только предъ нимъ, а предъ всѣмъ полкомъ, предъ всѣми нами, вы кругомъ виноваты. А вотъ какъ: кабы вы подумали да посовѣтовались, какъ обойтись съ этимъ дѣломъ, а то вы прямо да при офицерахъ и бухнули. Чѣдѣять полковому командиру? Надо отдать подъ судъ офицера и замарать весь полкъ? Изъ-за одного негодяя весь полкъ осрамить? Такъ чѣдѣ ли по нашему не такъ. И Богданычъ молодецъ, онъ вамъ сказалъ, что вы неправду говорите. Непріятно, да чѣдѣять, батюшка, сами насѣчили. А теперъ, какъ дѣло хотятъ замять, такъ вы изъ-за фанаберіи какой-то не хотите извиниться, а хотите все разсказать. Вамъ обидно, что вы подежурите, да что вамъ извиниться предъ старымъ и честнымъ офицеромъ! Какой бы тамъ ни былъ Богданычъ, а все честный и храбрый старый полковникъ; такъ вамъ обидно, а замарать полкъ вамъ ничего? — Голосъ штабъ-ротмистра начиналъ дрожать. — Вы, батюшка, въ полку безъ году недѣля, нынче здѣсь, завтра перешли куда въ адъютантики, вамъ наплевать, чѣдѣ говорить будуть: „между павлоградскими офицерами воры!“ А намъ не все равно! Такъ чѣдѣ ли, Денисовъ? Не все равно?

Денисовъ все молчалъ и не шевелился, изрѣдка взглядавъ своими блестящими, черными глазами на Ростова.

— Вамъ своя фанаберія дорога, извиниться не хочется, продолжать штабъ-ротмистръ, — а намъ старикамъ, какъ мы выросли, да и умереть Богъ дастъ приведется въ полку, такъ

памъ честь полка дорога, и Богданычъ это внастѣ. Охъ, какъ дорога, батюшка! А это не хорошо, не хорошо! Тамъ обижайтесь или нѣтъ, а я всегда правду-матку скажу. Не хорошо! И штабъ-ротмистръ всталъ и отвернулся отъ Ростова.

— Правда, чортъ возьми! закричалъ, вскакивая, Денисовъ — Ну, Ростовъ, ну!

Ростовъ, краснѣя и блѣднѣя, смотрѣлъ то на одного, то на другаго офицера.

— Нѣтъ, госнода, нѣтъ... вы не думайте... я очень понимаю, вы напрасно обо мнѣ думаете такъ... я... для меня... я за честь полка... да что? это на дѣлѣ я покажу, и для меня честь знамени... ну, все равно, правда, я виноватъ!... Слезы стояли у него въ глазахъ. — Я виноватъ, кругомъ виноватъ! Ну, что вамъ еще?...

— Вотъ это такъ, графъ, поворачиваясь крикнулъ штабъ-ротмистръ, ударяя его большою рукою по плечу.

— Я тебѣ говорю, закричалъ Денисовъ, — онъ малый славный.

— Такъ-то лучше, графъ, повторилъ штабъ-ротмистръ, какъ будто за его признаніе начиная величать его титуломъ. — Подите и извинитесь, ваше сиятельство, да-съ.

— Госнода, все сдѣлаю, никто отъ меня слова не услышитъ, умоляющимъ голосомъ проговорилъ Ростовъ, — но извиниться не могу, ей Богу не могу, какъ хотите! Какъ я буду извиняться, точно маленькой прощенья просить.

Денисовъ засмѣялся.

— Вамъ же хуже. Богданычъ злонамитень, поплатитесь за упрямство, сказалъ Кирстенъ.

— Ей Богу, не упрямство! Я не могу вамъ описать, какое чувство, не могу.

— Ну, ваша воля, сказаль штабъ-ротмистръ.—Что же, мерзавецъ-то этотъ куда дѣлся? спросилъ онъ у Денисова.

— Сказался больнымъ, завтра велѣно приказомъ исключить, проговорилъ Денисовъ.

— Это болѣзнь, иначе нельзя объяснить, сказаль штабъ-ротмистръ.

— Ужъ тамъ болѣзнь, не болѣзнь, а не попадайся онъ мнѣ на глаза — убью, кровожадно прокричалъ Денисовъ.

Въ комнату вошелъ Жерковъ.

— Ты какъ? обратились вдругъ офицеры къ вошедшему.

— Походъ, господа. Макъ въ плѣнѣ сдался и съ арміей, совсѣмъ.

— Врешь!

— Самъ видѣлъ.

— Какъ? Мака живаго видѣлъ? съ руками, съ ногами?

— Походъ! Походъ! Дать ему бутылку за такую новость. Ты какъ же сюда попалъ?

— Опять въ полкъ выслали, за черта, за Мака. Австрійскій генералъ пожаловался. Я его поздравилъ съ пріѣздомъ Мака.... Ты что, Ростовъ, точно изъ бани?

— Тутъ, братъ, у насъ такая каша второй день.

Вошелъ полковой адъютантъ и подтвердилъ извѣстіе, привезенное Жерковымъ. На завтра велѣно было выступать.

— Походъ, господа!

— Ну, и слава Богу, засидѣлись.

VI.

Кутузовъ отступилъ къ Вѣнѣ, уничтожая за собой мости, на рѣкахъ Иннѣ (въ Браунау) и Траунѣ (въ Линцѣ). 23-го октября русскія войска переходили рѣку Дисъ. Русскіе обозы,

артиллерія и колонна войскъ въ серединѣ днія тянулись че-
резъ городъ Энсъ, по сю и по ту сторону моста. День былъ
теплый, осеній и дождливый. Пространная перспектива,
раскрывавшаяся съ возвышениі, гдѣ стояли русскія батареи,
защищавшія мостъ, то вдругъ затягивалась кисейнымъ зан-
авѣсомъ косого дождя, то вдругъ расширялась, и при свѣтѣ
солнца далеко и ясно становились видны предметы, точно
покрыты лакомъ. Виднѣлся городокъ подъ ногами, съ своими
блѣдыми домами и красными крышами, соборомъ и мостомъ,
по обѣимъ сторонамъ котораго, толпясь, лились массы рус-
скихъ войскъ. Виднѣлись на поворотѣ Дунай суда, и островъ,
и замокъ съ паркомъ, окруженный водами впаденія Энса
въ Дунай, виднѣлся лѣвый скалистый и покрытый сосновымъ
лѣсомъ берегъ Дуная, съ таинственною далью зеленыхъ вер-
шинъ и голубѣющими ущельями. Виднѣлись башни мона-
стыря, выдававшагося изъ-за сосноваго, казавшагося нетро-
нутымъ, дикаго лѣса, и далеко впереди на горѣ, по ту
сторону Энса, виднѣлись раззѣзы непріятеля.

Междуд орудіями, на высотѣ, стояли впереди начальникъ
арріергарда генералъ съ свитскимъ офицеромъ, разматривая
въ трубу мѣстность. Нѣсколько позади сидѣлъ на хоботѣ
орудія Несвицкій, посланный отъ главнокомандующаго къ ар-
ріергарду. Казакъ, сопутствовавшій Несвицкому, подалъ су-
мочку и фляжку, и Несвицкій угощалъ офицеровъ широжками
и настоящимъ дощечкюмелемъ. Офицеры радостно окру-
жали его, кто на колѣнахъ, кто сидя по-турецки на мокрой
травѣ.

— Да, не дуракъ былъ этотъ австрійскій князь, что тутъ
замокъ выстроилъ. Славное мѣсто. Что же вы неѣдите,
господа? говорилъ Несвицкій.

— Шокорю благодарю, князь, отвѣчалъ одинъ изъ офицеровъ, съ удовольствіемъ разговаривая съ такимъ важнымъ штабнымъ чиновникомъ. — Прекрасное мѣсто. Мы мимо самаго парка проходили, двухъ оленей видѣли, и домъ какой чудесный!

— Посмотрите, князь, сказалъ другой, которому очень хотѣлось взять еще пирожокъ, но совѣстно было, и который поэтому притворялся, что онъ оглядываетъ мѣстность,— посмотрите-ба, ужъ забрались туда наши пѣхотные. Вонъ тамъ на лужку, за деревней, трое ташатъ что-то. Они проберутъ этотъ дворецъ, сказалъ онъ съ видимымъ одобреніемъ.

— И то, и то, сказалъ Несвицкій.— Нѣть, а чего бы я желалъ, прибавилъ онъ, прожевывая пирожокъ въ своемъ красивомъ влажномъ ртѣ,— такъ это вотъ туда забраться. Онъ указывалъ на монастырь съ башнями, виднѣвшимися на горѣ. Онъ улыбнулся, глаза его сузились и засвѣтились.— А вѣдь хорошо бы, господа! Офицеры засмѣялись.

— Хоть бы попугать этихъ монашевокъ. Итальянки, говорить, есть молоденькия. Право, пять лѣтъ жизни отдать бы!

— Иль вѣдь и скучно, смеясь сказалъ офицеръ, который былъ посмѣлѣе.

Междуд тѣмъ свитскій офицеръ, стоявшій впереди, указывалъ что-то генералу; генераль смотрѣлъ въ зрителную трубку.

— Ну такъ и есть, такъ и есть, сердито сказалъ генераль, опуская трубку отъ глазъ и пожимая плечами,— такъ и есть, станутъ бить по переправѣ. И что они тамъ мѣшикаютъ?

На той сторонѣ простымъ глазомъ видѣнъ былъ непріятель и его батарея, изъ которой показался молочно-блѣлый

дымокъ. Всльдъ за дымкомъ раздался дальній выстрѣль, и видно было, какъ наши войска заспѣшили на переправу.

Несвицкій, отдуваясь, поднялся и, улыбаясь, подошелъ къ генералу.

— Не угодно ли закусить вашему превосходительству? сказалъ онъ.

— Не хорошо дѣло, сказалъ генералъ, не отвѣчая ему,— замѣшались наши.

— Не сѣѣздить ли, ваше превосходительство? сказалъ Несвицкій.

— Да, сѣѣздите, пожалуйста, сказалъ генералъ, повторяя то, что уже разъ подробнѣ было приказано,— и скажите гусарамъ, чтобы они послѣдніе перешли и зажгли мостъ, какъ я приказывалъ, да чтобы горючіе материалы на мосту еще осмотрѣть.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Несвицкій.

Онъ кликнулъ казака съ лошадью, велѣлъ убрать сумочки и фляжку и легко перекинулъ свое тяжелое тѣло на сѣдло.

— Право, заѣду къ монашенкамъ, сказалъ онъ офицерамъ, съ улыбкою глядѣвшимъ на него, и поѣхалъ по вьющейся тропинкѣ подъ гору.

— Нутка, куда донесеть, капитанъ, хватите-ка! сказалъ генералъ, обращаясь къ артиллеристу.— Позабавьтесь отъ скучи.

— Прислуга къ орудіямъ! скомандовалъ офицерь, и чрезъ минуту весело выбѣжали отъ костровъ артиллеристы и зарядили.

— Первое! послышалась команда.

Бойко отскочилъ 1-й нумеръ. Металлически оглушая, зазвѣло орудіе, и черезъ головы всѣхъ нашихъ подъ горой,

свистя, пролетѣла граната, и далеко не долетѣвъ до непріятеля, дымкомъ показала мѣсто своего паденія и лопнула.

Лица солдатъ и офицеровъ повѣсѣлѣли при этомъ звуки; всѣ поднялись и занялись наблюденіями надъ видными, какъ на ладони, движеніями внизу нашихъ войскъ и впереди движеніями приближавшагося непріятеля. Солнце въ ту же минуту совсѣмъ вышло изъ-за тучъ и этотъ красивый звукъ однокаго выстрѣла и блескъ яркаго солнца слились въ одно бодрое и веселое впечатлѣніе.

VII.

Надъ мостомъ уже пролетѣли два непріятельскія ядра, и на мосту была давка. Въ срединѣ моста, слѣзши съ лошади, прижатый своимъ толстымъ тѣломъ къ периламъ, стоялъ князь Несвицкій. Онъ смѣючись, оглядывался назадъ на своего казака, который съ двумя лошадьми въ поводу стоялъ нѣсколько шаговъ позади его. Только что князь Несвицкій хотѣлъ двинуться впередъ, какъ опять солдаты и повозки напирали на него и опять прижимали его къ периламъ, и ему ничего не оставалось, какъ улыбаться.

— Экой ты, братецъ мой! говорилъ казакъ фурштатскому солдату съ повозкой, направившему на толпившуюся у самыхъ колесъ и лошадей пѣхоту: — экой ты! Нѣть, чтобы подождать: видишь, генералу проѣхать.

Но фурштатъ, не обращая вниманія на наименованіе генерала, кричалъ на солдатъ запружавшихъ ему дорогу.

— Эй! землячки! держись вѣво, постой!

Но землячки, тѣснясь плечо съ плечомъ, цѣпляясь штыками и не прерываясь, двигались по мосту одною сплошною массой. Поглядѣвъ за перила внизъ, князь Несвицкій видѣлъ

быстрыя, шумные, невысокія волны Энса, которыя, сливаясь, рябѣя и загибаясь около свай моста, перегоняли одна другую. Поглядѣть на мостъ, онъ видѣлъ столь же однообразные живые волны солдатъ, кутасы, кивера съ чехлами, ранцы, штыки, длинныя ружья и изъ-подъ киверовъ лица съ широкими скулами, ввалившимися щеками и беззаботно-усталыми выраженіями, и движущіяся ноги по натасканной на доски моста липкой грязи. Иногда между однообразными волнами солдатъ, какъ взбрьзгъ бѣлой пѣни въ волнахъ Энса, протискивался офицеръ въ плащѣ съ своею отличною отъ солдатъ физіономіей; иногда, какъ щенка, выющася по рѣкѣ, уносился по мосту волнами пѣхоты пѣшій гусаръ, денщикъ или житель; иногда, какъ бревно, плывущее по рѣкѣ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ, перешла мосту ротная или офицерская, наложенная доверху, и прикрытая кожами повозка.

— Виши, ихъ какъ плотину прорвало, безнадежно остановливаясь, говорилъ казакъ.— Много-ль еще тамъ?

— Мелюнъ безъ одного! подмигивая, говорилъ близко проходившій въ прорваннойшинели веселый солдатъ и скрывался; за нимъ проходилъ другой, старый солдатъ.

— Какъ онъ (онъ—непріятель) ташерича по мосту примется зажаривать, говорилъ мрачно старый солдатъ, обращаясь къ товарищу,— забудешь чесаться.. И солдатъ проходилъ. За нимъ другой солдатъ вхалъ на повозкѣ.

— Куда, чортъ, подвертки заихалъ? говорилъ денщикъ, бѣгомъ слѣдя за повозкой и шаря въ задкѣ. И этотъ проходилъ съ повозкой.

За этимъшли веселые и видимо вѣшившіе солдаты.

— Какъ онъ его, милый человѣкъ, полыхнетъ прикла-

домъ-то въ самые зубы... радостно говорилъ одинъ солдатъ въ высоко-подоткнутой шинели, широко размахивая рукой.

— То-то оно, сладкая ветчина-то, отвѣчалъ другой съ хохотомъ. И они прошли, такъ что Несвицкій не узналъ, кого ударили въ зубы и къ чему относилась ветчина.

— Экъ торопатся! Что онъ холодную пустилъ, такъ и думашь всѣхъ перебьють, говорилъ унтеръ-офицеръ сердито и укоризненно.

— Какъ оно пролетить мимо меня, дѣденька, ядро-то, говорилъ едва удерживаясь отъ смѣха, съ огромнымъ ртомъ молодой солдатъ,— я такъ и обмеръ. Право, ей Богу, такъ испужался, бѣда! говорилъ этотъ солдатъ, какъ будто хвастался тѣмъ, что онъ испугался.

И этотъ проходилъ. За нимъ слѣдовала повозка, не похожая на всѣ проѣзжавшія до сихъ поръ. Это былъ нѣмецкій форишпанъ на парѣ, нагруженный, казалось, цѣлымъ домомъ; за форишпаномъ, который везъ нѣмецъ, привязана была красивая, пестрая, съ огромнымъ вымѣмъ, корова. На перинахъ сидѣла женщина съ груднымъ ребёнкомъ, старуха и молодая, багрово-румяная, здоровая дѣвушка-нѣмка. Видно, по особому разрѣшенію, были пропущены эти выселенія-жеся жители. Глаза всѣхъ солдатъ обратились на женщины, и пока проѣзжала повозка, двигаясь шагъ за шагомъ, всѣ замѣчанія солдатъ относились только къ двумъ женщинамъ. На всѣхъ лицахъ была почти одна и та же улыбка неприятойныхъ мыслей объ этой женщинѣ.

— Ишь колбаса-то, тоже убирается!

— Продай матушку, ударяя на послѣднемъ слогѣ, говорилъ другой солдатъ, обращаясь къ нѣмцу, который, опустивъ глаза, сердито и испуганно шелъ широкимъ шагомъ.

— Экъ убралась какъ! То-то, черти!

— Вотъ бы тебѣ къ нимъ стоять, Федотовъ!

— Видали, братъ!

— Куда вы? спрашивала пѣхотный офицеръ, ъвшій яблоко, тоже полуулыбалась и глядя на красивую дѣвушку. Нѣмецъ, закрывъ глаза, показывалъ, что не понимаетъ.

— Хочешь, возьми себѣ, говорилъ офицеръ, подавая дѣвушкѣ яблоко. Дѣвушка улынулась и взяла. Несвицкій, какъ и всѣ бывшіе на мосту, не спускалъ глазъ съ женщинъ, пока онѣ не проѣхали. Когда онѣ проѣхали, опять шли такие же солдаты, съ такими же разговорами, и наконецъ всѣ остановились. Какъ это часто бываетъ, на выѣздѣ моста замялись лошади въ ротной повозкѣ: и вся толпа должна была ждать.

— И что становятся? Порядку-то нѣть! говорили солдаты.— Куда прешь! Чортъ! Нѣть того, чтобы подождать. Хуже того будетъ, какъ онѣ мостъ подожжетъ.

— Виши и офицера-то приперли, говорили съ разныхъ сторонъ остановившіяся толпы, оглядывая другъ друга, и все жались впередъ къ выходу. Оглянувшись подъ мостъ на воды Энса, Несвицкій вдругъ услышалъ еще новый для него звукъ, быстро приближающагося... чего-то большаго и чего-то шлепнувшагося въ воду.

— Ишь ты куда фатастъ! строго сказалъ близко стоявшій солдатъ, оглядываясь на звукъ.

— Подбадриваешь, чтобы скорѣй проходили, сказалъ другой нескокойно. Толпа опять тронулась. Несвицкій понялъ, что это было ядро.

— Эй, казакъ, подавай лошадь! сказалъ онъ.— Ну, вы! еторонись! посторонись! дорогу.

Онъ съ большими усилиями добрался до лошади. Не переставая кричать, онъ тронулся впередъ. Солдаты пожались, чтобы дать ему дорогу, но снова опять нажали на него такъ, что отдалили ему ногу, и ближайшіе не были виноваты, потому что ихъ давили еще сильне.

— Несвицкій! Несвицкій! Ты, рожа! послышался въ это время сзади хриплый голосъ.

Несвицкій оглянулся и увидавъ въ пятнадцати шагахъ, отдѣленного отъ него живою массой двигающейся пѣхоты, краснаго, чернаго, лохматаго, въ фуражкѣ на затылкѣ и въ молодецки-накинутомъ на плечѣ ментикѣ Ваську Денисова.

— Вели ты имъ, чертамъ, дьяволамъ дать дорогу, кричалъ Денисовъ, видимо находясь въ припадкѣ горячности, блестя и поводя своими черными, какъ уголь, глазами въ воспаленныхъ бѣлкахъ, и махая невынутую изъ ноженъ саблей, которую онъ держалъ такою же красною, какъ и лицо, голою маленькою рукой.

— Э! Вася! отвѣчалъ радостно Несвицкій.— Да ты чѣ?

— Эскадрону пройти нельзя, кричалъ Васька Денисовъ, злобно открывая бѣлые зубы, ширя своего красиваго вороного кровнаго „Бедуина“, который, мигая ушами отъ штыковъ, на которые онъ натыкался, фыркая, брызгая вокругъ себя пѣной съ мундштука, звеня билъ коньтами по доскамъ моста и, казалось, готовъ былъ перепрыгнуть черезъ перила моста, ежели бы ему позволилъ сѣдокъ.

— Чѣ это? какъ бараны! точь-вѣ-точъ бараны! прочь... дай дорогу!.. Стой тамъ! ты, повозка, чортъ! Саблей изрублю! кричалъ онъ, действительно вынимая наголо саблю и начиная махать ею.

Солдаты съ испуганными лицами нажались другъ на друга, и Денисовъ присоединился къ Несвицкому.

— Что же ты не пьянъ нынче? сказалъ Несвицкій Денисову, когда онъ подѣхалъ къ нему.

— И напиться-то времени не дадутъ! отвѣчалъ Васька Денисовъ.— Цѣлый день то туда, то сюда таскаютъ полкъ. Дратыся такъ дратыся. А то чортъ знаетъ что такое!

— Какимъ ты щеголемъ нынче! оглядывая его новый ментикъ и вальтраинъ, сказалъ Несвицкій.

Денисовъ улыбнулся, досталъ изъ ташки платокъ, распространявшій запахъ духовъ, и сунулъ въ носъ Несвицкому.

— Челезя, въ дѣло иду! выбрился, зубы вычистилъ и надушился.

Осанистая фигура Несвицкаго, сопровождаемая казакомъ, и рѣшительность Денисова, махавшаго саблею и отчаянно кричавшаго, подействовали такъ, что они протискались на ту сторону моста и остановили пѣхоту. Несвицкій нашелъ у выѣзда полковника, которому ему надо передать приказаніе, и, исполнивъ свое порученіе, побѣхалъ назадъ.

Расчистивъ дорогу, Денисовъ остановился у входа на мостъ. Небрежно сдергивая рванувшагося къ своимъ и бывшаго ногой жеребца, онъ смотрѣлъ на движавшійся ему навстрѣчу эскадронъ. По доскамъ моста раздались прозрачные звуки коньтъ, какъ будто скакало нѣсколько лошадей, и эскадронъ, съ офицерами впереди, по четыре человѣка въ рядъ, растянулся по мосту и сталъ выходить на ту сторону.

Остановленные пѣхотные солдаты, толкаясь въ растоптанной у моста грязи, съ тѣмъ особеннымъ недоброжелательнымъ чувствомъ отчужденности и насмѣшкой, съ какимъ встрѣчаются обыкновенно различные роды войскъ, смотрѣли

на чистыхъ, щеголеватыхъ гусарь, стройно проходившикъ мимо ихъ.

— Наядные ребята! Только бы на Подновинское!

— Что отъ нихъ проку! Только на показъ и водятъ! говорилъ другой.

— Пѣхота, не пыли! шутилъ гусарь, подъ которымъ лошадь, зангравъ, брызнула грязью въ пѣхотинца.

— Прогонялъ бы тебя съ ранцемъ перехода два, штурки-то бы повытерлись, обтирая рукавомъ грязь съ лица, говорилъ пѣхотинецъ; — а то нѣ человѣкъ, а птица сидитъ!

— То-то бы тебѣ, Зикинъ, на коня посадить, ловокъ бы ты былъ, шутилъ ефрейторъ надъ худымъ, скрюченнымъ отъ тяжести ранца, солдатикомъ.

— Дубинку промежъ ногъ возьми, вотъ тебѣ и конь буде, отозвался гусарь.

VIII.

Остальная пѣхота поспѣшило проходить по мосту, спиралась воронцкой у входа. Наконецъ повозки всѣ прошли, давка стала меньше, и послѣдній батальонъ вступилъ на мостъ. Одни гусары эскадрона Денисова оставались по ту сторону моста противъ непріятеля. Непріятель, вдалекѣ видный съ противоположной горы, снизу отъ моста не былъ еще видѣнъ, такъ какъ изъ лощины, по которой текла рѣка, горизонтъ оканчивался противоположнымъ возвышенiemъ не далъше полуверсты. Впереди была пустыня, по которой кое-гдѣ шевелились кучки нашихъ разъездныхъ казаковъ. Вдругъ на противоположномъ возвышеніи дороги показались войска въ синихъ кашотахъ и артиллерія. Это были французы. Развѣдадъ казаковъ рѣсью отошелъ подъ гору. Всѣ офицеры и люди

эскадрона Денисова, хотя и старались говорить о постороннемъ и смотрѣть по сторонамъ, не переставали думать только о томъ, что было тамъ, на горѣ, и безпрестанно все вглядывались въ выходившія на горизонтъ пятна, которыхъ они признавали за непріятельскія войска. Погода послѣ полудня опять прояснилась, солнце ярко спускалось надъ Дунаемъ и окружающими его темными горами. Было тихо, и съ тѣй горы изрѣдка долетали звуки рожковъ и криковъ непріятеля. Между эскадрономъ и непріятелями уже никого не было, кроме мелкихъ разъездовъ. Пустое пространство, сажень въ триста, отдѣляло ихъ отъ него. Непріятель пересталъ стрѣлять, и тѣмъ яснѣе чувствовалась та строгая, грозная, неприступная и неуловимая черта, которая раздѣляетъ два непріятельскія войска.

„Одинъ шагъ за эту черту, напоминающую черту, отдѣляющую живыхъ отъ мертвыхъ, и неизвѣстность страданія и смерть. И чѣмъ тамъ? кто тамъ? тамъ, за этимъ полемъ, и деревомъ и крышей, освѣщенной солнцемъ? Никто не знаетъ, и хочется знать, и страшно перейти эту черту, и хочется перейти ее, и знаешь, что рано или поздно придется перейти ее и узнать, чѣмъ тамъ, по той сторонѣ черты, какъ и неизбѣжно узнать, чѣмъ тамъ по ту сторону смерти. А самъ силенъ, здоровъ, весель и раздраженъ, и окружены такими здоровыми и раздраженно-оживленными людьми“. Такъ ежели и не думаетъ, то чувствуетъ всякий человѣкъ, находящійся въ виду непріятеля, и чувство это придастъ особенный блескъ и радостную рѣзкость впечатлѣній всему происходящему въ эти минуты.

На бугрѣ у непріятеля показался дырокъ выстрѣла, и ядро, свистя, пролетѣло надъ головами гусарскаго эскадрона. Офицеры, стоявшіе вмѣстѣ, разъѣхались по мѣстамъ. Гусары

старателю стали выравнивать лошадей. Въ эскадронъ все замолчали. Всѣ поглядывали впередъ на непріятеля и на эскадроннаго командира, ожидая команды. Пролетѣло другое, третье ядро. Очевидно, что стрѣлили по гусарамъ; но ядро, разномѣрноѣ быстро свистя, пролетало надъ головами гусаръ и ударялось гдѣ-то сзади. Гусары не оглядывались, но при каждомъ звуки пролетающаго ядра, будто по командѣ, весь эскадронъ съ своими однообразно-разнообразными лицами, сдержаннамъ дыханье, пока летѣло ядро, приподнялся на стременахъ и снова опускался. Солдаты, не поворачивая головы, вспомнились другъ на друга, съ любопытствомъ высматривая впечатлѣніе товарища. На каждомъ лицѣ, отъ Денисова до горниста, показалась около губъ и подбородка одна общая черта борьбы, раздраженности и волненія. Вахмистръ хмурился, оглядывая солдатъ, какъ будто угрожая наказаніемъ. Юнкеръ Мироновъ нагибался при каждомъ пролетѣ ядра. Ростовъ, стоя на лѣвомъ флангѣ на своемъ тронутомъ ногами, но виднѣмъ Грачикѣ, имѣлъ счастливый видъ ученика, вызваннаго предъ большою публикой къ экзамену, въ которомъ онъ укрѣпилъ, что отличится. Онъ ясно и свѣтло оглядался на всѣхъ, какъ бы прося обратить вниманіе на то, какъ онъ спокойно стоитъ подъ ядрами. Но и въ его лицѣ та же черта чего-то новаго и строгаго, противъ его воли, показывалась около рта.

— Кто тамъ клянется? Юнкеръ Мироновъ! Не хорошо! на меня смотрите! закричалъ Денисовъ, которому не стоялъ на мѣстѣ и который вергтѣлся на лошади передъ эскадрономъ.

Курносое и черное волосатое лицо Василия Денисова и вся его маленькая сбруя фигура съ его жиллистомъ (съ корот-

кими пальцами, покрытыми волосами) кистью руки, въ которой онъ держалъ эфесъ вынутой на-голо сабли, было точно такое же, какъ всегда, особенно къ вечеру, послѣ вынитыхъ двухъ бутылокъ. Онъ былъ только болѣе обыкновеннаго красенъ и, задравъ свою мохнатую голову кверху, какъ итицы, когда онъ пьютъ, безжалостно вдавивъ своими маленькими ногами ширмы въ бока доброго Бедуина, онъ, будто падая назадъ, поскакалъ къ другому флангу эскадрона и хрипя лымъ голосомъ закричалъ, чтобы осмотрѣли пистолеты. Онъ подѣхалъ къ Кирстену. Штабъ-ротмистръ, на широкой и степенной кобылѣ, шагомъѣхалъ на встрѣчу Денисову. Штабъ-ротмистръ съ своими длинными усами былъ серьезенъ какъ и всегда, только глаза его блестѣли большие обыкновеннаго.

— Да что? сказалъ онъ Денисову: — не дойдетъ дѣло до драки. Вотъ увидишь, назадъ уйдемъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, что дѣлають! проворчалъ Денисовъ. — А! Ростовъ! крикнулъ онъ юнкеру, замѣтивъ его веселое лицо. — Ну дождался. — И онъ улыбнулся одобрительно, видимо радуясь на юнкера. Ростовъ почувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Въ это время начальникъ показался на мосту. Денисовъ поскакалъ къ нему.

— Ваше преисходительство! позвольте атаковать! я ихъ опрокину.

— Какія тутъ атаки, сказалъ начальникъ скучливымъ голосомъ, морицась какъ отъ докучливой мухи. — И зачѣмъ вы тутъ стоите? Видите, фланкеры отступаютъ. Ведите назадъ эскадронъ.

Эскадронъ перешелъ мостъ и вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ, не потерявъ ни одного человѣка. Всѣдъ за нимъ пере-

шель и второй эскадронъ, бывшій въ цѣли, и послѣдніе казаки очистили ту сторону.

Два эскадрона Павлоградцевъ, перейдя мостъ, одинъ за другимъ пошли назадъ на гору. Полковой командиръ, Карлъ Богдановичъ Шубертъ, подѣхалъ къ эскадрону Денисова иѣхалъ шагомъ, недалеко отъ Ростова, не обращая на него никакого вниманія, несмотря на то, что послѣ бывшаго столкновенія за Телянина, они видѣлись теперь въ первый разъ. Ростовъ, чувствуя себя во фронтѣ во власти человѣка, предъ которымъ онъ теперь считалъ себя виноватымъ, не спускалъ глазъ съ атлетической спины, блокураго затылка и красной шеи полковаго командира. Ростову то казалось, что Богданычъ только притворяется невнимательнымъ, и что вся цѣль его теперь состоять въ томъ, чтобы испытать храбрость юнкера, и онъ выпрямлялся и весело оглядывался; то ему казалось, что Богданычъ нарочно єдетъ близко, чтобы показать Ростову свою храбрость. То ему думалось, что врагъ его теперь нарочно пошлетъ эскадронъ въ отчаянную атаку, чтобы наказать его, Ростова. То думалось, что послѣ атаки онъ подойдетъ къ нему и великодушно протянеть ему, раненному, руку примиренія.

Знакомая Павлоградцамъ, съ высоко-поднятыми плечами, фигура Жеркова (онъ недавно выбылъ изъ ихъ полка) подѣхала къ полковому командиру. Жерковъ, послѣ своего изгнанія изъ главнаго штаба, не остался въ полку, говоря, что онъ не дуракъ во фронтѣ лямку тянуть, когда онъ при штабѣ, ничего не дѣлая, получить наградъ больше, и умѣть пристроиться ординарцемъ къ князю Багратіону. Онъ прїѣхалъ къ своему бывшему начальнику съ приказаніемъ отъ начальника арріергарда.

— Полковникъ, сказалъ онъ съ своею мрачною серьезностью, обращаясь къ врагу Ростова и оглядывая товарищѣ, — вѣдьно отправиться мостъ важечь.

— Кто вѣдьно? угрюмо спросилъ полковникъ.

— Ужъ я и не знаю, полковникъ, *кто вѣдьно*, серьезно отвѣчалъ корнетъ, — но только мнѣ князь приказалъ: „поѣзжай и скажи полковнику, чтобы гусары вернулись скорѣй и зажгли бы мостъ“.

Всѣдѣ за Жерковымъ къ гусарскому полковнику подѣлхалъ свитскій офицеръ съ тѣмъ же приказаніемъ. Всѣдѣ за свитскимъ офицеромъ, на казачьей лошади, которая на силу несла его галопомъ, подѣлхалъ толстый Несвицкій.

— Какъ же, полковникъ, кричалъ онъ еще на вѣдѣ, — я вамъ говорилъ мостъ важечь, а теперь кто-то церевраль; тамъ все съ ума сходять, ничего не разберешь.

Полковникъ неторопливо остановилъ полѣ и обратился къ Несвицкому.

— Вы мнѣ говорили про горючія вещества, сказалъ онъ, — а про то, чтобы зажигать, вы мнѣ ничего не говорили.

— Да какъ же, батюшка, заговорилъ остановившись Несвицкій, снимая фуражку и расправляя пухлою рукой мокрые отъ пота волосы, — какъ же не говорилъ, что мостъ важечь, когда горючія вещества положили?

— Я вамъ не „батюшка“, господинъ штабъ-офицеръ, а вы мнѣ не говорили, чтобы мостъ зажигайтъ! Я служба знаю, и мнѣ въ привычка приказаніе строго исполняйтъ. Вы сказали, мостъ зажгутъ, а что зажгутъ, я святымъ духомъ не могу знать...

— Ну, вотъ всегда такъ, махнувъ рукой, сказалъ Несвицкій. — Ты какъ здѣсь? обратился онъ къ Жеркову.

— Да за тѣмъ же. Однако ты отсырѣлъ; дай я тебя выжму.

— Вы сказали, господинъ штабъ-офицеръ... продолжалъ полковникъ обиженнымъ тономъ.

— Полковникъ, перебилъ свитскій офицеръ, — надо торопиться, а то непріятель пододвинетъ орудія на картечный выстрѣль.

Полковникъ молча посмотрѣлъ на свитскаго офицера, на толстаго штабъ-офицера, на Жеркова и нахмурился.

— Я буду мостъ зажигать, сказалъ онъ торжественнымъ тономъ, какъ будто бы выражать этимъ, что, несмотря на всѣ дѣлаемыя ему непріятности, онъ все-таки сдѣлаетъ то, что должно.

Ударивъ своими длинными, мускулистыми ногами лошадь, какъ будто она была во всемъ виновата, полковникъ выдвинулся впередъ, и 2-му эскадрону, тому самому, въ которомъ служилъ Ростовъ подъ командою Денисова, скомандовалъ вернуться назадъ къ мосту.

„Ну, такъ и есть“, подумалъ Ростовъ, — „онъ хочетъ испытать меня!“ — Сердце его сжалось, и кровь бросилась къ лицу. — „Пускай посмотрѣть, трусь ли я?“ подумалъ онъ.

Опять на всѣхъ веселыхъ лицахъ людей эскадрона появилась та серьезная черта, которая была на нихъ въ то время, какъ они стояли подъ ядрами. Ростовъ, не спускалъ глазъ, смотрѣлъ на своего врага, полковаго командира, желалъ найти на его лицѣ подтвержденіе своихъ догадокъ; но полковникъ ни разу не взглянулъ на Ростова, а смотрѣлъ, какъ всегда во фронтъ, строго и торжественно. Посыпалась команда.

— Живо! Живо! проговорило около него нѣсколько голосовъ.

Цѣпляясь саблями за поводья, гремя шиорами и торопясь,

слезали гусары, сами не зная, что они будут дѣлать. Гусары крестились. Ростовъ уже не смотрѣть на полковаго командира, ему никогда было. Онъ боялся, съ замерзаниемъ сердца боялся, какъ бы ему не отстать отъ гусаръ. Рука его дрожала, когда онъ передавалъ лошадь коноводу, и онъ чувствовалъ, какъ со стукомъ приливаѣтъ кровь къ его сердцу. Денисовъ, заваливаясь назадъ и крича что-то, проѣхалъ мимо него. Ростовъ ничего не видѣлъ, кромѣ бѣжавшихъ вокругъ него гусаръ, цѣплявшихся шпорами и бренчавшихъ саблями.

— Носилки! крикнулъ чей-то голосъ сзади. Ростовъ не подумалъ о томъ, что значить требование носилокъ; онъ бѣжалъ, стараясь только быть впереди всѣхъ; но у самаго моста онъ, не смотря подъ ноги, попалъ въвязкую растоптанную грязь и, споткнувшись, упалъ на руки. Его обѣжали другіе.

— По обойи стороны, ротмистръ, послышался ему голосъ полковаго командира, который, заѣхавъ впередъ, сталъ верхомъ недалеко отъ моста съ торжествующимъ и веселымъ лицомъ.

Ростовъ, обтирая испачканныя руки о рейтузы, оглянулся на своего врага и хотѣлъ бѣжать дальше, полагая, что чѣмъ онъ дальше уйдетъ впередъ, тѣмъ будетъ лучше. Но Богданычъ, хотя и не глядѣлъ и не узналъ Ростова, крикнулъ на него.

— Кто по срединѣ моста бѣжитъ? На права сторона! Юнкеръ, назадъ! сердито закричалъ онъ и обратился къ Денисову, который, щеголяя храбростью, вѣїхалъ верхомъ на доски моста.

— Зачѣмъ рисковайтъ, ротмистръ! Вы бы слѣзли, скажаль полковникъ.

— Э! виноватаго найдеть, отвѣчалъ Васька Денисовъ, новорачившися на сѣдлѣ.

Междудѣмъ Несвицкій, Жерковъ и свитскій офицеръ стояли вмѣстѣ въ выстрѣловъ, и смотрѣли то на эту небольшую кучку людей, въ желтыхъ киверахъ, темнозеленыхъ курткахъ, расшитыхъ спурками, и синихъ рейтузахъ, копошившихся у моста, то на ту сторону, на приближавшіеся вдалекѣ синіе капоты и груши съ лошадьми, которыхъ легко можно было признать за орудія.

„Зажгутъ или не зажгутъ мостъ? Кто прежде? Они добѣгутъ и зажгутъ мостъ, или французы подѣбутъ на картечный выстрѣль и перебьютъ ихъ?“ Эти вопросы, съ за-мираніемъ сердца, невольно задавалъ себѣ каждый изъ того большаго количества войскъ, которыхъ стояли надъ мостомъ, и при яркомъ вечернемъ свѣтѣ смотрѣли на мостъ и гусаровъ, и на ту сторону, на подвигавшіеся синіе капоты со штыками и орудіями.

— Охъ! достанется гусарамъ! говорилъ Несвицкій. — Не дальше картечного выстрѣла теперь.

— Напрасно онъ такъ много людей носить, сказали свитскій офицеръ.

— И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Несвицкій. — Тутъ бы двухъ молодцовъ послать, все равно бы.

— Ахъ, ваше сіятельство, вмѣшался Жерковъ, не спуская глазъ съ гусаръ, но все съ своею наивною манерой, изъ-за которой нельзя было догадаться, серьезно ли что онъ говорить, или нѣть. — Ахъ, ваше сіятельство! Какъ вы судите! Двухъ человѣкъ послать, а намъ-то кто же Владимира съ бантомъ дасть? А такъ-то, хоть и поколотить, да можно эскадронъ представить, и самому бантить получить. Нашъ Богданычъ порядки знаетъ.

— Ну, сказаъ свитскій офицеръ, — это картечь!

Онъ показывалъ на французскія орудія, которыя снимались съ передковъ и поспѣшио отъѣзжали.

На французской сторонѣ, въ тѣхъ группахъ, гдѣ были орудія, показался дымокъ, другой, третій, почти въ одно время, и въ ту минуту, какъ долетѣлъ звукъ первого выстрѣла, показался четвертый. Два звука одинъ за другимъ, и третій.

— О, охъ! охнуль Несвицкій, какъ будто отъ жгучей боли, хватая за руку свитекаго офицера. — Посмотрите, упалъ одинъ, упаль, упалъ!

— Два, кажется?

— Былъ бы я царь, никогда бы не воевалъ, сказаъ Несвицкій, отворачиваясь.

Французскія орудія опять поспѣшио заряжали. Шѣхота въ синихъ капотахъ бѣгомъ двинулась къ мосту. Опять, но въ разныхъ промежуткахъ, показались дымки, и защелкала, и затрещала картечь по мосту. Но въ этотъ разъ Несвицкій не могъ видѣть того, что дѣжалось на мосту. Съ моста поднялся густой дымъ. Гусары успѣли зажечь мостъ, и французскія батареи стрѣляли по немъ уже не для того, чтобы помѣшать, а для того, что орудія были наведены и было по комъ стрѣлять.

Французы успѣли сдѣлать три картечные выстрѣла, прежде чѣмъ гусары вернулись къ коноводамъ. Два залпа были сдѣланы невѣрно, и картечь всю перенесло, но за то послѣдній выстрѣлъ попалъ въ середину кучки гусаръ и повалилъ троихъ.

Ростовъ, озабоченный своими отношеніями къ Богданычу, остановился на мосту, не зная, что ему дѣлать. Рубить (какъ онъ всегда воображалъ себѣ сраженіе) было некого, помогать въ зажженіи моста онъ тоже не могъ, потому что не взялъ

съ собой, какъ другіе солдаты, жгута соломы. Онъ стоялъ и оглядывался, какъ вдругъ затрецало по мосту будто разсыпанные орѣхи, и одинъ изъ гусаръ, ближе всѣхъ бывшій отъ него, со стономъ упалъ на перила. Ростовъ побѣжалъ къ нему вмѣстѣ съ другими. Опять закричалъ кто-то: „Носилки!“ Гусара подхватили четыре человѣка и стали поднимать.

— Оooo!... Бросьте, ради Христа, закричалъ раненый, но его все-таки подняли и положили. Николай Ростовъ отвернулся, и какъ будто отыскивая чего-то, сталъ смотрѣть на даль, на воду Дуная, на небо, на солнце. Какъ хорошо показалось небо, какъ голубо, спокойно и глубоко! Какъ ярко и торжественно опускающееся солнце! Какъ ласково-глянцовито блестѣла вода въ далекомъ Дунаѣ! И еще лучше были далекія, голубѣющія за Дунаемъ горы, монастырь, таинственная ущелья, залитые до макушки туманомъ сосновые лѣса... тамъ тихо, счастливо... „Ничего, ничего бы я не желалъ, ничего бы не желалъ, ежели бы я только былъ тамъ“, думалъ Ростовъ. „Во мнѣ одномъ и въ этомъ солнцѣ такъ много счастія, а тутъ... стоны страданія, страхъ, и эта пеясность, эта поспѣшность... Вотъ опять кричать что-то, и опять всѣ побѣжали куда-то назадъ, и я побѣгу съ ними и вотъ она, вотъ она смерть надо мнѣй, вокругъ меня... Мгновенье, и я никогда уже не увижу, этого солнца, этой воды, этого ущелья“... Въ эту минуту солнце стало скрываться зъ тучами: впереди Ростова показались другія носилки. И страхъ смерти и носилокъ и любовь къ солнцу и жизни, все слилось въ одно болѣзнико-тревожающее впечатлѣніе.

„Господи Боже! Тотъ, кто тамъ въ этомъ небѣ, спаси, щости и защити меня“! прошепталъ про себя Ростовъ.

Гусары подбѣжали къ коноводамъ, голоса стали громче и скокойнѣе, носилки скрылись изъ глазъ.

— Чѣдѣ, братъ, понюхалъ пороху?.. прокричалъ ему надъ ухомъ голосъ Васьки Денисова.

„Все кончилось, но я трусь, да, я трусь“, подумалъ Ростовъ и, тяжело вздыхая, взялъ изъ рукъ коновода资料 его отставившаго ногу Грачика и стала садиться.

— Чѣдѣ это было, картечъ? спросилъ онъ у Денисова.

— Да еще какая! прокричалъ Денисовъ: — молодцами работали! А работа скверная! Атака — любезное дѣло, рубай въ пѣси, а тутъ чортъ знаетъ чѣдѣ, бьють какъ въ мищень. И Денисовъ отѣхалъ къ остановившейся недалеко отъ Ростова группѣ: полковаго командира, Несвицкаго, Жеркова и Свитскаго офицера.

„Однако кажется, никто не замѣтилъ“, думалъ про себя Ростовъ. И дѣйствительно никто ничего не замѣтилъ, потому что каждому было знакомо то чувство, которое испытывалъ въ первый разъ необстрѣленный юнкеръ.

— Вотъ вамъ реляція и будешь, сказалъ Жерковъ, — глядишь и меня въ подпоручики произведутъ.

— Доложите кнезу, что я мость зажигаль, сказалъ полковникъ торжественно и весело.

— А коли про цотерю спросятъ?

— Пустячокъ! пробасилъ полковникъ: — два гусара ранено, и одинъ наповалъ, сказалъ онъ съ видимою радостью, не въ силахъ удержаться отъ счастливой улыбки, звучно отрубая красивое слово *наповалъ*.

IX.

Престѣдуемая стотысячною французсково арміей подъ начальствомъ Бонарпата, встрѣчаемая враждебно-расположен-

ными жителями, но довѣряя болѣе своимъ союзникамъ, испытывая недостатокъ продовольствія, и принужденная дѣйствовать въ всѣхъ предвидимыхъ условій войны, русская тридцати-пяти-тысячная армія, подъ начальствомъ Кутузова, посѣшно отступала внизъ по Дунаю, останавливалась тамъ, гдѣ она бывала настигнута непріятелемъ, и отбиваясь арріергардными дѣлами, лишь насколько это было нужно для того, чтобы отступать, не теряя тяжестей. Были дѣла при Ламбахѣ, Амптененѣ и Мелькѣ; но несмотря на храбрость и стойкость, признаваемую самими непріятелемъ, съ которою дрались русские, постѣдствіемъ этихъ дѣлъ было только еще быстрѣшее отступленіе. Австрійскія войска, избѣжавшия плены подъ Ульмомъ и присоединившия къ Кутузову у Браунau, отдѣлились теперь отъ русской арміи, и Кутузовъ былъ предоставленъ только своимъ слабымъ, истощеннымъ силамъ. Защищать болѣе Вѣну нельзя было и думать. Вместо наступательной, глубоко обдуманной, по законамъ новой науки стратегіи, войны, планъ которой былъ переданъ Кутузову въ его бытность въ Вѣнѣ австрійскимъ гофскригератомъ, единственная, почти недостижимая цѣль, представлявшаяся теперь Кутузову, состояла въ томъ, чтобы, не погубивъ арміи, подобно Маку подъ Ульмомъ, соединиться съ войсками,шедшими изъ Россіи.

28-го октября Кутузовъ съ арміей перешелъ на лѣвый берегъ Дуная, и въ первый разъ остановился, положивъ Дунай между собой и главными силами французовъ. 30-го онъ атаковалъ находившуюся на лѣвомъ берегу Дуная дивизію Мортѣ и разбилъ ее. Въ этомъ дѣлѣ въ первый разъ взяты трофеи: знамя, орудія и два непріятельскихъ генерала. Въ первый разъ послѣ двухъ-недѣльного отступленія, русскія войска

остановились, и послѣ борьбы не только удержали поле сраженія, но прогнали французовъ. Несмотря на то, что войска были раздѣты, изнурены, на одну треть ослаблены отсталыми, ранеными, убитыми и больными, несмотря на то, что на той сторонѣ Дунала были оставлены больные и раненые съ штабомъ Кутузова, поручавшимъ ихъ человѣкобудо непріятеля, несмотря на то, что больніе госпитали и дома въ Кремсѣ, обращенные въ лазареты, не могли уже вмѣщать въ себѣ всѣхъ больныхъ и раненыхъ, несмотря на все это, — остановка при Кремсѣ и побѣда надъ Мортѣ значительно подняли духъ войска. Во всей арміи и въ главной квартирѣ ходили самые радостные, хотя и несправедливые, слухи о минномъ приближеніи колоннъ изъ Россіи, о какой-то побѣдѣ, одержанной австрійцами и объ отступлениіи испуганного Бонапарта.

Князь Андрей находился во время сраженія при убитомъ въ этомъ дѣлѣ австрійскомъ генералѣ Шмитѣ. Подъ нимъ была ранена лошадь, и самъ онъ былъ слегка оцарапанъ въ руку пулей. Въ знакъ особой милости главнокомандующаго онъ бытъ посланъ съ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ къ австрійскому двору, находившемуся уже не въ Вѣнѣ, которой угрожали французскія войска, а въ Брюннѣ. Въ ночь сраженія, взволнованный, но не усталый (не смотря на свое не сильное на видъ сложеніе, князь Андрей могъ переносить физическую усталость гораздо лучше самыхъ сильныхъ людей), верхомъ пріѣхавъ съ донесеніемъ отъ Дохтурова въ Кремсъ къ Кутузову, князь Андрей былъ въ ту же ночь отправленъ курьеромъ въ Брюннъ. Отправление курьеромъ, кромѣ наградъ, означало важный шагъ къ повышенію.

Ночь была темная, звѣздная; дорога чернѣлась между бѣльвшимъ снѣгомъ, выпавшимъ наканунѣ въ день сраженія.

То перебирая впечатлѣнія прошедшаго сраженія, то радостно воображая впечатлѣніе, которое онъ произведеть извѣстіемъ о побѣдѣ, вспоминая проводы главнокомандующаго и товарищѣй, князь Андрей скакалъ въ почтовой бричкѣ, испытывая чувство человѣка, долго ждавшаго и наконецъ достигшаго начала желаемаго счастія. Какъ скоро онъ закрывалъ глаза, въ ушахъ его раздавалась пальба ружей и орудій, которая сливалась со стукомъ колесъ и впечатлѣніемъ побѣды. То ему начинало представляться, что русскіе бѣгутъ, что онъ самъ убитъ; но онъ поспѣшино просыпался, со счастіемъ какъ будто вновь узнавалъ, что ничего этого не было, и что напротивъ французы бѣжали. Онъ снова вспоминалъ всѣ подробности побѣды, своего спокойнаго мужества во время сраженія, и, успокоившись, задремывалъ... Послѣ темной звѣздной ночи наступило яркое, веселое утро. Сны таялись на солнцѣ, лошади быстро скакали, и безразлично вправо и влево проходили новые разнообразные лѣса, поля, деревни.

На одной изъ станцій онъ обогналъ обозъ русскихъ раненыхъ. Русскій офицеръ, ведшій транспортъ, развалился на передней телѣгѣ, что-то кричалъ, ругая грубыми словами солдата. Въ длинныхъ немецкихъ формашахъ тряслось по каменистой дорогѣ по шести и болѣе блѣдныхъ, перевязанныхъ и грязныхъ раненыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорили (онъ слышалъ русскій говоръ), другіе же хлѣбъ, самые тяжелые, молча, съ кроткимъ и болѣзnenнымъ дѣтскимъ участіемъ, смотрѣли на скачущаго мимо ихъ курьера.

Князь Андрей велѣлъ остановиться и спросилъ у солдата, въ какомъ дѣлѣ ранены.

— Позавчера на Дунаю, отвѣчалъ солдатъ. Князь Андрей достать кошелекъ и далъ солдату три золотыхъ.

— На всячъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ подошедшему офицеру. — Поправляйтесь, ребята, обратился онъ къ солдатамъ, — еще дѣло много.

— Чѣмъ, господинъ адъютантъ, какія новости? спросилъ офицеръ, видимо желая разговаритьсѧ.

— Хорошія! Впередъ, крикнулъ онъ импичку, и поскакалъ далѣе.

Уже было совсѣмъ темно, когда князь Андрей вѣхалъ въ Брюнъ и увидалъ себя окруженнymъ высокими домами, огнями лавокъ, оконъ домовъ и фонарей, шумящими по мостовой красивыми экипажами и всею той атмосферой большаго оживленнааго города, которая всегда такъ привлекательна для весеннаго человѣка послѣ лагеря. Князь Андрей, несмотря на быструюѣзду и безсонную ночь, подѣвжая ко дворцу, чувствовалъ себя еще болѣе оживленнымъ, чѣмъ наканунѣ. Только глаза блестѣли лихорадочнымъ блескомъ и мысли смыкались съ чрезвычайною быстротой и ясностью. Живо представились ему опять всѣ подробности сраженія, уже не смутно, но определенно, въ скатомъ изложеніи, которое онъ въ воображеніи дѣлалъ императору Францу. Живо представились ему случайные вопросы, которые могли быть ему сдѣланы, и тѣ отвѣты, которые онъ сдѣлаетъ на нихъ. Онъ полагалъ, что его сейчасъ же представятъ императору. Но у бодшаго подѣвза дворца къ нему выбѣжалъ чиновникъ, и, узнавъ въ немъ курьера, проводилъ его на другой подѣвздъ.

— Изъ коридора направо, тамъ, ваше высокоблагородіе, найдете дежурнаго флигель-адъютанта, сказаль ему чиновникъ. — Онъ проводить къ военному министру.

Дежурный флигель-адъютантъ, встрѣтившій князя Андрея, попросилъ его подождать и поспѣхъ къ военному министру.

Черезъ пять минутъ флигель-адъютантъ вернулся, и особенно училиво наклонясь, и пропуская князя Андрея впередъ себѣ, провелъ его, черезъ коридоръ въ кабинетъ, гдѣ занимался военный министръ. Флигель-адъютантъ своюю изысканною учтивостью, казалось, хотѣлъ оградить себѣ отъ попытокъ фамиліарности русскаго адъютанта. Радостное чувство князя Андрея значительно ослабѣло, когда онъ подходилъ къ двери кабинета военнаго министра. Онъ почувствовалъ себя оскорблѣннымъ, и чувство оскорблѣнія перешло въ то же мгновеніе незамѣтно для него самаго въ чувство презрѣнія, ни на чёмъ не основаннаго. Находчивый же умъ въ то же мгновеніе подсказалъ ему ту точку зрѣнія, съ которой онъ имѣлъ право презирать и адъютанта и военнаго министра. „Имъ должно быть очень легко покажется одерживать побѣды, не пухая порохомъ!“ подумалъ онъ. Глаза его презрительно прищурились; онъ особенно медленно вошелъ въ кабинетъ военнаго министра. Чувство это еще болѣе усилилось, когда онъ увидалъ военнаго министра, сидѣвшаго надъ большими столомъ и первыя двѣ минуты не обращавшаго вниманія на вошедшаго. Военный министръ опустилъ свою лисую, съ сѣдымиисками, голову между двухъ восковыхъ свѣчей и читалъ, отмѣчая карандашомъ, бумаги. Онъ дочитывалъ, не поднимая головы, въ то время какъ отворилась дверь и послышались шаги.

— Возьмите это и передайте, сказалъ военный министръ своему адъютанту, подавая бумаги и не обращая еще вниманія на курьера.

Князь Андрей почувствовалъ, что либо, изъ всѣхъ дѣлъ, занимавшихъ военнаго министра, дѣйствія кутузовской арміи менѣ всего могли его интересовать, либо нужно было это дать почувствовать русскому курьеру. „Но мнѣ это совершенно все

равно", подумалъ онъ. Военный министръ сдвинулъ оставльные бумаги, сравнялъ ихъ края съ краями и поднялъ голову. У него была умная и характерная голова. Но въ то же мгновеніе, какъ онъ обратился къ князю Андрею, умное и твердое выраженіе лица военнаго министра, видимо, привычно и сознательно измѣнилось; на лицѣ его остановилась глупая, притворная, не скрывающая своего притворства, улыбка чловѣка, принимающаго одного за другимъ много просителей.

— Отъ генераль-фельдмаршала Кутузова? спросилъ онъ.— Надѣюсь, хорошія вѣсти? Было столкновеніе съ Мортѣ? Побѣда? Пора!

Онъ взялъ депешу, которая была на его имя, и сталъ читать ее съ грустнымъ выраженіемъ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Шмить! сказалъ онъ во-нѣмецки. — Какое несчастіе, какое несчастіе! — Пробѣжалъ депешу, онъ положилъ ее на столъ и взглянулъ на князя Андрея, видимо что-то соображая.

— Ахъ, какое несчастіе! Дѣло, вы говорите, рѣшительное? Мортѣ не взять однако. (Онъ подумалъ). Очень радъ, что вы привезли хорошія вѣсти, хотя смерть Шмита есть дорогая плата за побѣду. Его величество вѣрно пожелаетъ васъ видѣть, но не нынче. Благодарю васъ, отдохните. Завтра будьте на выходѣ послѣ парада. Впрочемъ, я вамъ дамъ знать.

Исчезнувшая во время разговора глупая улыбка опять яви-лась на лицѣ военнаго министра.

— До свиданія, очень благодарю васъ. Государь импера-торъ вѣроятно пожелаетъ васъ видѣть, повторилъ онъ и на-клонилъ голову.

Когда князь Андрей вышелъ изъ дворца, онъ почувство-

валь, что весь интересъ и счастіе, доставленные ему побѣдой, оставлены имъ теперь и переданы въ равнодушныя руки военнаго министра и учтиваго адъютанта. Весь складъ мыслей его мгновенно измѣнился: сраженіе представилось ему давнишнимъ, далекимъ воспоминаніемъ.

X.

Князь Андрей остановился въ Брюнѣ у своего знакомаго, русскаго дипломата Билибина.

— А, милый князь, идти пріятнѣе гостя, сказалъ Билибинъ, выходя на встрѣчу князю Андрею.— Францъ, въ мою спальню вещи князя! обратился онъ къ слугѣ, провожавшему Болконскаго.— Что, вѣстникомъ побѣды? Прекрасно. А я сижу больной, какъ видите.

Князь Андрей, умывшись и одѣвшись, вышелъ въ роскошный кабинетъ дипломата и сѣлъ за приготовленный обѣдъ. Билибинъ покойно усѣлся у камина.

Князь Андрей не только послѣ своего путешествія, но и посle всего похода, во время котораго онъ былъ лишенъ всѣхъ удобствъ чистоты и изящества жизни, испытывалъ пріятное чувство отдыха среди тѣхъ роскошныхъ условій жизни, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства. Кроме того, ему было пріятно послѣ австрійскаго пріема поговорить хоть не по-русски (они говорили по-французски), но съ русскимъ человѣкомъ, который, онъ предполагалъ, раздѣлялъ общее русское отвращеніе (теперь особенно живо испытываемое) къ австрійцамъ.

Билибинъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, холостой, одного общества съ княземъ Андреемъ. Они были знакомы еще въ Петербургѣ, но еще ближе познакомились въ по-

слѣдній пріѣздъ князя Андрея въ Вѣну вмѣстѣ съ Кутузовы-
мъ. Какъ князь Андрей былъ молодой человѣкъ, обѣщаю-
щій пойти далеко на военномъ поприщѣ, такъ и еще болѣе
обѣцалъ Билибинъ на дипломатическомъ. Онъ былъ еще
молодой человѣкъ, по уже не молодой дипломатъ, такъ какъ
онъ началъ служить съ шестнадцати лѣтъ, былъ въ Парижѣ,
въ Коненгагенѣ и теперь въ Вѣнѣ занималъ довольно зна-
чительное мѣсто. И канцлеръ и паша посланникъ въ Вѣнѣ
знали его и дорожили имъ. Онъ былъ не изъ того большаго
количество дипломатовъ, которые обязаны имѣть только от-
рицательныя достоинства, не дѣлать извѣстныхъ вещей и
говорить по французски для того, чтобы быть очень хоро-
шими дипломатами; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ дипломатовъ,
которые любить и умѣютъ работать, и, несмотря на свою
лѣтность, онъ иногда проводилъ почти за письменнымъ столомъ.
Онъ работалъ одинаково хорошо, въ чемъ бы ни состояла
сущность работы. Его интересовать не вопросъ „зачѣмъ?“,
а вопросъ „какъ?“ Въ чемъ состояло дипломатическое дѣло,
ему было все равно, но составить искусно, мѣтко и изящно
циркуляръ, меморандумъ или донесеніе, въ этомъ онъ на-
ходилъ большое удовольствіе. Заслуги Билибина цѣнились,
кромѣ письменныхъ работъ, еще и по его искусству обращаться
и говорить въ высшихъ сферахъ.

Билибинъ любилъ разговоръ, такъ же какъ онъ любилъ ра-
боту, только тогда, когда разговоръ могъ быть изящно-
остроуменъ. Въ обществѣ онъ постоянно выжидаль случаевъ
сказать что-нибудь замѣчательное, и вступать въ разговоръ
не иначе, какъ при этихъ условіяхъ. Разговоръ Билибина
постоянно пересыпался оригинално-остроумными, заключен-
ными фразами, имѣющими общий интересъ. Эти фразы изго-

тovлялись во внутренней лабораторії Билибина, какъ будто нарочно, мортативного свойства, для того, чтобы ничтожные свѣтскіе люди удобно могли запоминать ихъ и переносить изъ гостинныхъ въ гостиныя. И дѣйствительно, остроты Билибина разносились по Вѣнскимъ салонамъ, какъ говорили, и часто имѣли вліяніе на такъ называемыя важныя дѣла.

Худое, истощенное, желтоватое лицо его было все покрыто крупными морщинами, которые всегда казались такъ чистоплотно и старательно промыты, какъ кончики пальцевъ послѣ бани. Движенія этихъ морщинъ составляли главную игру его физіономіи. То у него морщился лобъ широкими складками, брови поднимались кверху, то брови спускались книзу, и щеки образовывались крупныя морщины. Глубоко поставленные, небольшіе глаза всегда смотрѣли прямо и весело.

— Ну, теперь расскажите намъ ваши подвиги, сказалъ онъ.

Болконскій самымъ скромнымъ образомъ, ни разу не упоминая о себѣ, рассказалъ дѣло и приемъ военнаго министра.

— Они принадли меня съ этойю вѣстью, какъ принимаютъ собаку среди кегельной игры (французская поговорка), заключилъ онъ.

Билибинъ усмѣхнулся и распустилъ складки кожи.

— Однако, мой милый, сказалъ онъ, разматривая издалека свой ноготь и подбиравъ кожу надъ лѣвымъ глазомъ, — при всемъ моемъ уваженіи къ „православному российскому воинству“, я полагаю, что побѣда ваша не изъ самыхъ блестящихъ!

Онъ продолжалъ все такъ же на французскомъ языкѣ, произнося по-русски только тѣ слова, которыми онъ презрительно хотѣлъ подчеркнуть.

— Какъ же? Вы со всею массой своею обрушились на несчастного Мортье при одной дивизіи, и этотъ Мортье уходить у васъ между рукъ? Гдѣ же побѣда?

— Однако, серьезно говоря, отвѣчалъ князь Андрей, — все-таки мы можемъ сказать безъ хвастовства, что это немного получше Ульма...

— Отчего вы не взяли намъ одного, хоть одного маршала?

— Оттого, что не все дѣлается, какъ предполагается, и не такъ регулярно, какъ на парадѣ. Мы полагали, какъ я вамъ говорилъ, зайти въ тылъ къ семи часамъ утра, а не пришли и къ пяти вечера.

— Отчего же вы не пришли къ семи часамъ утра? Вамъ надо было прийти въ семь часовъ утра, улыбаясь сказаль Билибинъ, — надо было прийти въ семь часовъ утра.

— Отчего вы не внушили Бонапарту дипломатическимъ путемъ, что ему лучше оставить Геную? тѣмъ же тономъ сказаль князь Андрей.

— Я знаю, перебилъ Билибинъ, — вы думаете, что очень легко брать маршаловъ, сидя на диванѣ предъ каминомъ. Это правда, а все-таки зачѣмъ вы его не взяли? И не удивляйтесь, что не только военный министръ, но и августѣйший императоръ и король Францъ не будуть очень осчастливлены вашею побѣдой; да и я, несчастный секретарь русскаго посольства, не чувствую никакой потребности въ знакъ радости дать моему Францу талеръ и отпустить его въ свой Liebchen на Пратеръ... Правда, здѣсь вѣтъ Пратера... Онъ посмотрѣлъ прямо на князя Андрея и вдругъ спустилъ собранную кожу со лба.

— Теперь мой чередъ спросить васъ „отчего“, мой милый? сказаль Болконскій. — Я вамъ признаюсь, что не понимаю,

можетъ быть, тутъ есть дипломатическая тонкость выше моего слабаго ума, но я не понимаю: Макъ теряетъ цѣлую армию, эрцгерцогъ Фердинандъ и эрцгерцогъ Карль не даютъ никакихъ признаковъ жизни и дѣлаютъ ошибки за ошибками, наконецъ одинъ Кутузовъ одерживаетъ действительную побѣду, уничтожаетъ зарокъ непобѣдимости французовъ, и военный министръ не интересуется даже знать подробности!

— Именно отъ этого, мой милый. Видите ли, ура! за царя, за Русь, за вѣру! Все это прекрасно; но что намъ, я говорю, австрійскому двору, за дѣло до вашихъ побѣдъ? Привезите вы намъ сюда хорошенъкое извѣстіе о побѣдѣ эрцгерцога Карла или Фердинанда — „одинъ эрцгерцогъ стоитъ другаго“, какъ вамъ извѣстно, — хоть надъ ротой пожарной команды Бонарпарте, это другое дѣло, мы прогремимъ въ пушки. А то это, какъ нарочно, можетъ только дразнить насть. Эрцгерцогъ Карль ничего не дѣляетъ, эрцгерцогъ Фердинандъ покрывается позоромъ. Вѣну вы бросаете, не защищаете большие, какъ будто бы вы намъ сказали, — съ нами Богъ, а Богъ съ вами, и съ вашею столицей. Одинъ генераль, кото-
раго мы все любили, Шмитъ, вы его подводите подъ пулю, и поздравляете насъ съ побѣдой!.. Согласитесь, что раздразни-
тельнѣе того извѣстія, которое вы привозите, нельзя придумать. Это какъ нарочно, какъ нарочно. Кроме того, ну, одержи вы точно блестящую побѣду, одержи побѣду даже эрцгерцогъ Карль, что жъ бы это перемѣнило въ общемъ ходѣ дѣлъ? Теперь ужъ поздно, когда Вѣна занята французскими войсками.

— Какъ занята? Вѣна занята?

— Не только занята, но Бонарпарте въ Шенбруннѣ, а графъ, нашъ милый графъ Брбна отправляется къ нему за приказаніями.

Болконский, послѣ усталости и впечатлѣній путешествія, приема и въ особенности послѣ обѣда, чувствовалъ, что онъ не понимаетъ всего значенія словъ, которыхъ онъ слышалъ.

— Нынче утромъ былъ здѣсь графъ Лихтенфельсъ, продолжалъ Билибинъ, — и показывалъ мнѣ письмо, въ которомъ подробнѣ описанъ парадъ французовъ въ Вѣнѣ. Принцъ Мюратъ и все другое... Вы видите, что ваша побѣда не очень-то радостна, и что вы не можете быть приняты какъ спаситель...

— Право, для меня все равно, совершенно все равно! сказалъ князь Андрей, начиная понимать, что извѣстіе его о сраженіи подъ Кремсомъ дѣйствительно имѣло мало важности въ виду такихъ событій, какъ занятіе столицы Австріи. — Какъ же Вѣна взята? А мостъ и его знаменитое укрѣпленіе и князь Ауэрспергъ? У насъ были слухи, что князь Ауэрспергъ защищаетъ Вѣну, сказалъ онъ.

— Князь Ауэрспергъ стоитъ на этой, на нашей сторонѣ, и защищаетъ насъ; я думаю, очень плохо защищаетъ, но все-таки защищаетъ. А Вѣна на той сторонѣ. Нѣть, мостъ еще не взятъ, и надѣюсь не будетъ взятъ, потому что онъ минированъ, и его вслѣдъ взорвать. Въ противномъ случаѣ мы были бы давно въ горахъ Богеміи, и вы съ нашимъ арміей провели бы дурную четверть часа между двухъ огней.

— Но это все-таки не значитъ, чтобы кампания была кончена, сказалъ князь Андрей.

— А я думаю, что кончена. И такъ думаютъ большиѳ колпаки здѣсь, но не смѣютъ сказать этого. Будетъ то, что я говорилъ вначалѣ кампаний, что не ваша перестрѣлка подъ Дюренштейномъ, вообще не порохъ рѣшилъ дѣло, а тѣ, кто его выдумали, сказалъ Билибинъ, повторяя одно изъ своихъ шутокъ, распухшая кожу на лбу и простоявшія.

Вопросъ только въ томъ, что скажеть берлинское свиданіе императора Александра съ прусскимъ королемъ. Ежели Пруссія вступить въ союзъ, то Австрію принудять, и будетъ война. Ежели же нѣтъ, то дѣло только въ томъ, чтобы условиться, гдѣ составлять первоначальныя статьи новаго Кампо-Форміо.

— Но что за необычайная геніальность! вдругъ вскрикнулъ князь Андрей, сжималъ свою маленькую руку и ударялъ ею по столу.— И что за счастіе этому человѣку!

— Бонапарт? вопросительно сказалъ Билибинъ, морща лобъ и этимъ давалъ чувствовать, что сейчасъ будетъ чп тот. — Бонапарт? сказалъ онъ ударяя особенно на *и*. — Я думаю однажо, что теперь, когда онъ предписываетъ законы Австріи изъ Шенбрунна, *il faut lui faire grâce de l'*u**¹⁾). Я рѣшительно дѣлаю нововведеніе, и называю его просто Бонапартъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, сказалъ князь Андрей, — неужели вы думаете, что кампанія кончена?

— Я вотъ что думаю. Австрія осталась въ дурахъ, а она къ этому не привыкла. И она отплатитъ. А въ дурахъ она осталась оттого, что, впервыхъ, провинціи раззорены (говорить, православное воинство жестоко грабить), армія разбита, столица взята, и все это *pour les beaux yeux du сардинское величество*. И потому между нами, мой милый, — я чуюсь слышу, что насъ обманываютъ, я чуюсь слышу сношенія съ Франціей и проекты мира, тайного мира, отдѣльно заключеннаго.

— Это не можетъ быть! сказалъ князь Андрей: — это было бы слишкомъ гадко.

— Поживемъ, увидимъ, сказалъ Билибинъ, распуская опять козу въ знакъ окончанія разговора.

1) Бонапарт?... Ему надо простить букву *u*.

Когда князь Андрей пришелъ въ приготовленную для него комнату и въ чистомъ бѣльѣ легъ на пуховики и душистыя, грѣтныя подушки, — онъ почувствовалъ, что то сраженіе, о которомъ онъ привезъ извѣстіе, было далеко, далеко отъ него. Прусскій союзъ, измѣпа Австріи, новое торжество Бона-парта, выходъ и парадъ и пріемъ императора Франца на завтра занимали его. Онъ закрылъ глаза, но въ то же мгновеніе въ ушахъ его затрещала конопада, пальба, стукъ колесъ экипажа, и вотъ опять спускаются съ горы растянутые ниткой мушкетеры, и французы стрѣляютъ, и онъ чувствуетъ, какъ содрогается его сердце, и онъ выѣзжаетъ впередъ рядомъ со Шмитомъ, и пули весело свистятъ вокругъ него, и онъ испытываетъ то чувство удесятеренной радости жизни, какого онъ не испытывалъ съ самого дѣтства. Онъ пробудился.

„Да, все это было!...“ сказалъ онъ, счастливо, дѣски улыбаясь самъ себѣ, и заснуль крѣпкимъ, молодымъ сномъ.

XI.

На другой день онъ проснулся поздно. Возобновляя впечатлѣнія прошедшаго, онъ вспомнилъ прежде всего то, что нынче надо представляться императору Францу, вспомнилъ военнаго министра, учтиваго австрійскаго флигель-адъютанта, Билибина и разговоръ вчерашнаго вечера. Одѣвшись для поѣздки во дворецъ въ полную парадную форму, которой онъ уже давно не надѣвалъ, онъ свѣжій, оживленный и красивый, съ подвязанной рукой, вошелъ въ кабинетъ Билибина. Въ кабинетѣ находились четыре господина дипломатическаго корпуса. Съ княземъ Ипполитомъ Курагинымъ, который былъ секретаремъ посольства, Болконскій былъ знакомъ; съ другими его познакомилъ Билибинъ.

Господа, бывавшіе у Билибина,— свѣтские, молодые, богатые и веселые люди составляли и въ Вѣнѣ и здѣсь отдѣльный кружокъ, который Билибинъ, бывшій главой этого кружка, называлъ *nous*, *les nôtres*. Въ кружкѣ этомъ, состоявшемъ почти исключительно изъ дипломатовъ, видимо были свои, не имѣющіе ничего общаго съ войной и политикой, интересы высшаго свѣта, отношеній къ нѣкоторымъ женщинамъ и канцелярской стороны службы. Эти господа, повидимому, охотно, какъ *свою* (честь, которую они дѣлали немногими), приняли въ свой кружокъ князя Андрея. Изъ учтивости и какъ предметъ для вступленія въ разговоръ, ему сдѣлали нѣсколько вопросовъ объ арміи и сраженіи, и разговоръ опять разсыпался на не-послѣдовательныя, веселыя шутки и пересуды.

— Но особенно хорошо, — говорилъ одинъ, рассказывая неудачу товарища дипломата,— особенно хорошо то, что канцлеръ и право сказалъ ему, что назначеніе его въ Лондонъ есть повышеніе, и чтобы онъ такъ и смотрѣлъ на это. Видите вы его фигуру при этомъ?...

— Но что всего хуже, господа, я вамъ выдаю Курагина: человѣкъ въ несчастія и этимъ-то пользуется этотъ Донъ-Жуанъ, этотъ ужасный человѣкъ!

Князь Ипполитъ лежалъ въ вольтеровскомъ креслѣ, положивъ ноги черезъ ручку. Онъ засмѣялся.

— Ну-ка, ну-ка, сказалъ онъ.

— О, Донъ-Жуанъ! О, зиѣя! послышались голоса.

— Вы не знаете, Болконскій, обратился Билибинъ къ князю Андрею, — что всѣ ужасы французской арміи (я чуть было не сказала русской арміи) ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ надѣдалъ между женщинами этотъ человѣкъ.

— Женщина — подруга мужчины, произнесъ князь Ипполитъ.

политъ и сталъ смотрѣть въ лорнетъ на свои поднятыя ноги.

Билибинъ и *наши* расхохотались, глядя въ глаза Ипполиту. Князь Андрей видѣлъ, что этотъ Ипполитъ, котораго онъ (должно было признаться) почти ревновалъ къ своей женѣ, былъ шутомъ въ этомъ обществѣ.

— Нѣтъ, я долженъ васъ угостить Курагинымъ, сказала Билибинъ тихо Болконскому. — Онъ прелестенъ, когда разсуждаетъ о политикѣ; надо видѣть эту важность.

Онъ подсѣлъ къ Ипполиту и, собравъ на лбу свои складки, завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ. Князь Андрей и другие обступили обоихъ.

— Берлинскій кабинетъ не можетъ выразить свое мнѣніе о союзѣ, началь Ипполитъ, значительво оглядывая всѣхъ, — не выражая... какъ въ своей послѣдней потѣ... вы понимаете... вы понимаете... впрочемъ, если Его Величество Императоръ не измѣнить суности нашего союза...

— Подождите, я не кончилъ... сказалъ онъ князю Андрею, хватая его за руку. Я думаю, что вмѣшательство будетъ прочнѣе; чѣмъ певмѣшательство. — И онъ помолчалъ. — Невозможно считать дѣло оконченнымъ непринятіемъ нашей депеши отъ 18-го ноября. Вотъ чѣмъ все это кончится.

И онъ опустилъ руку Болконскаго, показывая тѣмъ, что теперь онъ совсѣмъ кончилъ.

— Демосоентъ, я узнаю тебя по камешку, который ты скрываешь въ своихъ золотыхъ устахъ! сказалъ Билибинъ у котораго шапка волося подвинулась на головѣ отъ удовольствія.

Всѣ засмѣялись. Ипполитъ смѣялся громче всѣхъ. Онъ видимо страдалъ, задыхался, но не могъ удержаться отъ дикаго смѣха, растягивавшаго его всегда неподвижное лицо.

— Ну, вотъ что, господа, сказалъ Билибинъ, — Болкон-
ский мой гость въ домѣ и здѣсь въ Брюнѣ, и я хочу его
угостить, сколько могу, всѣми радостями здѣшней жизни.
Если бы мы были въ Вѣнѣ, это было бы легко; но здѣсь,
въ этой гадкой моравской дырѣ, это трудно, и я прошу
у всѣхъ вѣсть помочи. Надо его покодчивать Брюнномъ.
Вы возьмите на себя театръ, я — общество; вы, Ипполитъ,
разумѣется, женщинъ.

— Надо ему показать Амелю, прелесть! скажешь однѣмъ
изъ нашихъ, цѣлую юношамъ пальцевъ.

— Вообще этого кровожаднаго солдата, сказалъ Били-
бинъ, — надо обратить къ бодрѣ человѣколюбивымъ взглядамъ.

— Едва ли я воспользуюсь вашимъ гостепріимствомъ,
господа, и теперь мы пораѣхать, взглянувъ на часы,
сказалъ Болконскій.

— Куда?

— Къ императору.

— О! о! о!

— Ну, до свиданія, Болконскій! До свиданія, князь, прі-
ѣзжайте же обѣдать раныше, послышались голоса. — Мы
беремся за васъ.

— Страйтесь, какъ можно болѣе расхваливать порядокъ
въ доставленіи провизіи и маркрутовъ, когда будете говор-
ить съ императоромъ, сказалъ Видебинъ, провожая до пе-
редней Болконскаго.

— И желалъ бы хвалить, но не морю, сколько знаю, улы-
бадесь отвѣтъ Болконскому.

— Ну, вообще какъ можно болѣе говорите. Его страсть —
аудиенціи, а говорить самъ онъ не любить и не умѣеть,
какъ увидите.

XII.

На выходѣ императоръ Францъ только пристально глядѣлся въ лицо князя Андрея, стоявшаго въ назначенномъ мѣстѣ между австрійскими офицерами и кивнулъ ему своей длинной головой. Но послѣ выхода вчерашнїй флигель-адъютантъ съ учтивостью передалъ Болконскому желаніе императора дать ему аудиенцію. Императоръ Францъ принялъ его, стоя посрединѣ комнаты. Предъ тѣмъ, какъ начинать разговоръ, князя Андрея поразило то, что императоръ какъ будто смылся, не зная что сказать, и покраснѣлъ.

— Скажите, когда началось сраженіе? спросилъ онъ поспѣшино.

Князь Андрей отвѣталъ. Послѣ этого вопроса слѣдовали другіе, столь же простые вопросы: „здоровъ ли Кутузовъ? какъ давно выѣхалъ онъ изъ Кремса?“ и т. п. Императоръ говорилъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто вся цѣль его состояла только въ томъ, чтобы сдѣлать известное количество вопросовъ. Отвѣты же на эти вопросы, какъ было слишкомъ очевидно, не могли интересовать его.

— Въ которомъ часу началось сраженіе? спросилъ императоръ.

— Не могу донести вашему величеству, въ которомъ часу началось сраженіе съ фронта, но въ Дюренштейнѣ, гдѣ я находился, войско начало атаку въ 6-мъ часу вечера, сказаль Болконскій, оживляясь и при этомъ случай предполагая, что ему удастся представить уже готовое въ его головѣ, правдивое описание всего того, что онъ зналъ и видѣлъ. Но императоръ улыбнулся и перебилъ его.

— Сколько миль?

- Откуда и докуда, ваше величество?
- Отъ Дюренштейна до Кремса?
- Три съ половиною мили, ваше величество.
- Французы оставили лѣвый берегъ?
- Какъ доносили лазутчики, въ ночь на плотахъ переправились послѣдніе.
- Достаточно ли фуража въ Кремсѣ?
- Фуражъ не былъ доставленъ въ томъ количествѣ...

Императоръ перебилъ его.

- Въ которомъ часу убить генералъ Шимитъ?
- Въ семь часовъ, кажется.
- Въ 7 часовъ? Очень печально! Очень печально!

Императоръ сказалъ, что онъ благодарить и поклонился. Князь Андрей вышелъ, и тотчасъ же со всѣхъ сторонъ былъ окружены придворными. Со всѣхъ сторонъ глядѣли на него ласковые глаза, и слышались ласковыя слова. Вчерашній флигель-адъютантъ дѣлалъ ему упреки, зачѣмъ онъ не остановился во дворцѣ и предлагалъ ему свой домъ. Военный министръ подошелъ, поздравляя его съ орденомъ Маріи-Терезії 3-й степени, которымъ жаловалъ его императоръ. Камергеръ императрицы приглашалъ его къ ея величеству. Эрцгерцогиня тоже желала его видѣть. Онъ не зналъ, кому отвѣтить, и нѣсколько секундъ собирался съ мыслями. Русскій посланникъ взялъ его за плечо, отвелъ къ окну, и сталъ говорить съ нимъ.

Вопреки словамъ Билибина, известіе, привезенное имъ, было принято радостно. Назначено было благодарственное молебствие. Кутузовъ былъ награжденъ Маріей-Терезіей большаго креста, и вся армія получила награды. Болконскій получалъ приглашенія со всѣхъ сторонъ и все утро долженъ

быть дѣлать визиты главнѣмъ сановникамъ Австріи. Окончивъ свои визиты, въ пятомъ часу вечера, мысленно сочиняя письмо отцу о сраженіи и о своей поѣздкѣ въ Брюннъ, князь Андрей возвращался домой къ Билибину. У крыльца дома, занимаемаго Билибина мѣстомъ, стояла до половины уложенная вещами бричка, и Францъ, слуга Билибина, съ трудомъ таща чемоданъ, вышелъ изъ двери.

Прежде чѣмъѣхатъ къ Билибину, князь Андрей поѣхалъ въ книжную лавку запастись на походъ книгами, и засидѣлся въ лавкѣ.

— Чѣдѣ такое? спросилъ Болконскій.

— Ахъ, ваше сіятельство! сказалъ Францъ, съ трудомъ взваливая чемоданъ въ бричку. — Мы отправляемся еще дальше. Злодѣй ужъ опять за нами по пятамъ.

— Чѣдѣ такое? Чѣдѣ спрашивалъ князь Андрей.

Билибинъ вышелъ на встречу Болконскому. На всегда спокойномъ лицѣ Билибина было волненіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, признайтесь, что это прелестъ, говорилъ онъ, — эта исторія съ Таборскимъ мостомъ. Они переплыли его безъ сопротивленія. Князь Андрей ничего не понималъ.

— Да откуда же вы, что вы не знаете чѣдѣ, чѣдѣ знатъ всѣ кучера въ городѣ?

— Я отъ эрцгерцогини. Тамъ я ничего не слыхалъ.

— И не видали, что вездѣ укладываются?

— Не видалъ... Да въ чѣмъ дѣло? нетерпѣливо спросилъ князь Андрей.

— Въ чѣмъ дѣло? Дѣло въ томъ, что французы перешли мостъ, который запиняетъ Ауэрспергъ, и мостъ не взорвали, такъ что Мюратъ бѣжитъ теперь по дорогѣ къ Брюнну, и нынче-вчера они будутъ здѣсь.

— Какъ здѣсь? Да какъ же не взорвали мостъ, когда онъ минированъ?

— А это я у васъ спрашиваю? Этого никто, и самъ Богдановъ, не знаетъ. — Болконскій пожалъ плечами.

— Но ежели мостъ перейденъ, значитъ и армія моргла; она будетъ отрѣзана, сказаъ онъ.

Въ этомъ-то и штука, отвѣчалъ Билибинъ. — Слушайте. Вступаютъ французы въ Вѣну, какъ я вамъ говорилъ. Все очень хорошо. На другой день, то-есть вчера, господа маршалы: Миоратъ, Ланнъ и Бельваръ садятся верхомъ и отправляются на мостъ. (Замѣтьте, всѣ трое Гасконцы). Господа, говорить одинъ, вы знаете, что Таборскій мостъ минированъ и контраминированъ, и что предъ нимъ грозное мостовое укрытие и пятнадцать тысячъ войска, которому велико взорвать мостъ и насть не пускать. Но нашему государю императору Наполеону будетъ иріатно, ежели мы возьмемъ этотъ мостъ. Поѣдемте, втроемъ и возьмемъ этотъ мостъ. Поѣдемте, говорятъ другіе; и они отправляются и берутъ мостъ, переходя его, и теперь со всею арміей по ѿ сторону Дуная направляются на насть, на васъ и на ваши сообщенія.

— Полноте шутить, грустно и серьезно сказалъ князь Андрей. — Извѣстіе это было горестно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно князю Андрею. Какъ только онъ узналъ, что русская армія находится въ такомъ безнадежномъ положеніи, ему пришло въ голову, что ему то именно предназначено вывести русскую армію изъ этого положенія, что вотъ онъ, тотъ Тулонъ, который выведетъ его изъ рядовъ неизвѣстныхъ офицеровъ и откроетъ ему первый путь къ славѣ! Слыша Билибина, онъ соображалъ уже, какъ, пріѣхавъ къ арміи, онъ на военномъ совѣтѣ подастъ мѣдиум, которое

одно спасасть армію и какъ ему одному будеть поручено исполненіе этого плана.

— Полноте шутить, сказаль онъ:

— Не шучу, продолжалъ Вилибинъ, — ничего нѣть справедливѣе и печальнѣе. Господа эти прѣѣзжаютъ на мостъ одни, и поднимаютъ бѣлые платки; унѣряютъ, что перемиріе, и что они, маршалы, ёдутъ для переговоровъ съ княземъ Ауэрспергомъ. Дежурный офицеръ пускаеть ихъ въ мостовое укрѣщеніе. Они разсказываютъ ему тысячу гасконскихъ глупостей; говорятъ, что война кончена, что императоръ Францъ назначилъ свиданіе Бонапарту, что они желаютъ видѣть князя Ауэрсперга, и проч. Офицеръ посылаеть за Ауэрспергомъ; господа эти обнимаютъ офицеровъ, шутить; садятся на пушки, а между тѣмъ французскій батальонъ, позамѣченный, входить на мостъ, сбрасываетъ мѣшки съ горючими веществами въ воду и подходитъ къ мостовому укрѣщенію. Наконецъ является самъ генераль-лейтенантъ, нашъ милый князь Ауэрспергъ фонъ-Маутернъ. — „Милый пепріятель! Цѣѣть австрійского воинства, герой турецкихъ войнъ! Вражда кончена, мы можемъ подать другъ другу руку... императоръ Наполеонъ сгораетъ желаніемъ узнать князя Ауэрсперга“. Однимъ словомъ, эти господа, не даромъ гасконцы, такъ забрасываютъ Ауэрсперга и прекрасными словами; онъ такъ прельщенъ своею столъ быстро установившуюся интимностью съ французскими маршалами, такъ ослѣпленъ видомъ мантіи и страусовыхъ перьевъ Мюрата, qu'il n'y voit que du feu, et oublie celui qu'il devait faire, faire sur l'ennemi (несмотря на живость своей рѣчи, Вилибинъ не забыть приостановиться послѣ этого mot, чтобы дать времѣнъ оцѣнить его). Французскій батальонъ вѣгаеть въ мос-

твое укрѣпленіе, заколачиваютъ пушки и мостъ взять. Нѣть, но что лучше всего, продолжалъ онъ, успокаиваясь въ своемъ волненіи прелестью собственного разсказа, — это то, что сержантъ, приставленный къ той пушкѣ, по сигналу которой должно было зажигать мины и взрывать мостъ, сержантъ этотъ, увидавъ, что французскія войска бѣгутъ на мостъ, хотѣлъ уже стрѣлять, но Ланнъ отвелъ его ружу. Сержантъ, который видно былъ умнѣе своего генерала, подходитъ къ Ауэрспергу и говоритъ: „Князь, вѣсъ обманываютъ, вотъ французы! Мюратъ видитъ, что дѣло проиграно, ежели дать говорить сержанту. Онъ съ претворнымъ удивленіемъ (настоящій гасконецъ) обращается къ Ауэрспергу: „Я не узнаю столь хваленную въ тирѣ австрійскую дисциплину, говорить онъ, и вы позволяете такъ говорить съ вашимъ низшему чину! Это геніально. Князь Ауэрспергъ оскорбляется, и приказываетъ арестовать сержанта. Нѣть, признайтесь, что это прелестъ — вся эта исторія съ Таборскимъ мостомъ. Это не то что глупость, не то что подлость...“

— Быть можетъ измѣна, сказалъ вназь Андрей, живо вообразилъ себѣ сѣрыя шинели, раны, пороховой дымъ, звуки пальбы и славу, которая ожидаетъ его.

— Так же нѣть. Это ставить дворъ въ слишкомъ дурное положеніе, продолжалъ Билибинъ. — Это ни измѣна, ни подлость, ни глупость, это какъ при Ульиѣ, это... Онъ какъ будто вадумался, отыскивая выражение: — c'est... c'est du Maek. Neus sommes maekis, заключилъ онъ, чувствуя, что онъ сказалъ un mot, и свѣжее mot, такое mot, которое будетъ повторяться. Собранный до тѣхъ поръ складки на лбу быстро распустился въ знакъ удовольствія, и онъ, слегка улыбаясь, сталъ рассматривать свои ногти.

— Куда вы? сказаль онъ, вдругъ обращаясь къ князю Андрею, который всталъ и направился въ свою комнату.

— Я ѿду.

— Куда?

— Въ армию.

— Да вы хотѣли остатся еще два дна?

— А теперь я ѿду сейчасъ. И князь Андрей, сдѣлавъ распоряженіе обѣ отъѣздѣ, ушелъ въ свою комнату.

— Знаете что, мой милый, сказаль Билибинъ, входя къ нему въ комнату. Я подумалъ обѣ васъ. Зачѣмъ вы поѣдете? И въ доказательство неопровергимости этого довода, складки всѣ сбѣжали съ лица.

Князь Андрей вопросительно посмотрѣлъ на своего себѣдника и ничего не отвѣтилъ.

— Зачѣмъ вы поѣдете? Я знаю, вы думаете, что вашъ долгъ скакать въ армию теперь, когда армія въ опасности. Я это понимаю, мой милый, это героизмъ.

— Нисколько, сказалъ князь Андрей.

— Но вы философъ, будьте же имъ вполнѣ, посмотрите на вещи съ другой стороны, и вы увидите, что вашъ долгъ, напротивъ, беречь себя. Предоставьте это другимъ, которые мы на что болѣе негодны... Вамъ не вѣльно пріѣхажать назадъ, и отсюда васъ не отпустили, стало быть вы можете остатся и ѻхать съ нами, куда насъ повлечетъ наша несчастная судьба. Говорить, ѻдуть въ Ольмюцъ. А Ольмюцъ очень милый городъ. И мы съ вами вмѣстѣ смокойне поѣдемъ въ моей коляскѣ.

— Перестаньте шутить, Билибинъ, сказалъ Болконскій.

— Я говорю вамъ искренно и дружески. Разсудите. Куда и для чего вы поѣдете теперь, когда вы можете остатся

здесь? Васъ ожидаетъ одно изъ двухъ (онъ собралъ кожу надъ лѣвымъ вискомъ): или не доѣдете до арміи и миръ будетъ заключенъ, или пораженіе и срамъ со всею Кутузовскою арміей. И Билибинъ распустилъ кожу, чувствуя, что дилемма его неопровергима.

— Этого я не могу разсудить, холодно сказать князь Андрей, а подумать: „Фду для того, чтобы спасти армію“.

— Мой милый, вы герой, сказалъ Билибинъ.

XIII.

Въ ту же ночь, откланявшись военному министру, Болконскійѣхалъ къ арміи, самъ не зная, где онъ найдеть ее, и опасаясь по дорогѣ къ Кремсу быть перехваченнымъ французами.

Въ Брюниѣ все придворное населеніе укладывалось, и уже отправлялись тяжести въ Ольмюцъ. Около Эцельсдорфа, князь Андрей выѣхалъ на дорогу, по которой съ величайшою поспешностью и въ величайшемъ беспорядкѣ двигалась русская армія. Дорога была такъ запружена повозками, что невозможно былоѣхать въ экипажѣ. Взявъ у казачьаго начальника лошадь и казака, князь Андрей, голодный и усталый обгоняя обозы,ѣхалъ отыскивать главнокомандующаго и свою повозку. Самые зловѣщіе слухи о положеніи арміи доходили до него дорогой, и видъ безпорядочноѣхущей арміи подтверждалъ эти слухи.

„Эту русскую армію, которую англійское золото перенесло сюда съ конца свѣта, мы заставимъ ее испытать ту же участъ (участъ ульмской арміи)“, вскомицаль онъ слова приказа Бонапарта своей арміи предъ началомъ кампаніи, и

слова эти одинаково возбуждали въ немъ удивленіе къ гениальному герою, чувство оскорблений гордости и надежду славы. „А ежели ничего не остается, кромѣ какъ умереть? думалъ онъ. Чтѣ же, коли нужно! Я сдѣлаю это не хуже другихъ“.

Князь Андрей съ презрѣніемъ смотрѣлъ на эти безконечныя, мѣшавшіяся команды, повозки, нарки, артиллерію, и опять повозки, повозки и повозки всѣхъ возможныхъ видовъ, обгонявшия одна другую, и въ три, въ четыре ряда запружавшия грязную дорогу. Со всѣхъ сторонъ, назади и впереди, нокуда хваталъ слухъ, слышались звуки колесъ, громыханіе кузововъ, телѣгъ и лафетовъ, лошадиный топотъ, удары кнутомъ, крики понуканій, ругательства солдатъ, денщиковъ и офицеровъ. По краямъ дороги видны были безпрестанно то павшія ободранныя и неободранныя лошади, то сломанныя повозки, у которыхъ, дожидаясь чего-то, сидѣли одинокіе солдаты, то отдѣлившіеся отъ командъ солдаты, которые толпами направлялись въ сосѣднія деревни, или тащили изъ деревень куръ, барановъ, сѣно или мѣшки, чѣмъ-то наполненные. На спускахъ и подъемахъ толпы дѣлались гуще, и стояль непрерывный стонъ криковъ. Солдаты, утогая по колѣна въ грязи, на рукахъ подхватывали орудія и фуры; бились кнуты, скользили коныта, лопались постромки и надрывались криками груди. Офицеры, завѣдывавшіе движеніемъ, то впередъ, то назадъ проѣзжали между обозами. Голоса ихъ были слабо слышны восрѣди общаго гула, и по лицамъ ихъ видно было, что они отчаявались въ возможности остановить этотъ беспорядокъ.

„Вотъ оно, милое православное единство“, подумалъ Болконскій, вспоминая слова Виллбина.

Желаа спросить у кого-нибудь изъ этихъ людей, гдѣ главнокомандующій, онъ подъѣхалъ къ обозу. Прямо противъ негоѣхалъ странный, въ одну лошадь, экипажъ, видимо устроенный домашними солдатскими средствами, представлявшій середину между телѣгой, кабріолетомъ и коляской. Въ экипажѣ правиль солдатъ и сидѣла подъ кожанымъ верхомъ за фартукомъ женщина, вся обвязанная платками. Князь Андрей подъѣхалъ и уже обратился съ вопросомъ къ солдату, когда его вниманіе обратили отдаленные крики женщины, спѣвшей въ кибиточкѣ. Офицеръ, завѣдывавшій обозомъ, бывъ солдата, спѣвшаго кучеромъ въ этой коляской за то, что онъ хотѣлъ объѣхать другихъ, и не лѣтъ попадала по фартуку экипажа. Женщина пронзительно кричала. Увидавъ князя Андрея, она высунулась изъ-подъ фартука, и мааха худыми руками, выскошившими изъ-подъ ковроваго платка, кричала:

— Адъютантъ! Господинъ адъютантъ!.. Ради Бога... защитите... Чѣмъ это будетъ?.. Я лѣкарская жена 7-го егерскаго... не пускаютъ, мы отстали, своихъ потеряли...

— Въ лепешку распиши, заворачивай! кричалъ озлобленный офицеръ на солдата: — заворачивай назадъ со шлюхой своею.

— Господинъ адъютантъ, защитите. Чѣмъ это? кричала лѣкарша.

— Извольте пропустить эту повозку. Развѣ вы не видите, что это женщина? сказалъ князь Андрей, подъѣзжая къ офицеру. Офицеръ взглянулъ на него и не отвѣчая, повернулся снять къ солдату. — Я-то обѣѣду... Назадъ!..

— Пропустите, я вамъ говорю, опять повторилъ, поджимал губы, князь Андрей.

— А ты кто такой? вдругъ съ нынѣшнмъ бѣшенствомъ обратился къ нему офицеръ.— Ты кто такой? Ты (онъ особенно упиралъ на *ты*) начальникъ, что ль? Здѣсь я начальникъ, а не ти. Ты, назадъ, повторилъ онъ, — въ мепедику расшибу. Это выраженіе видимо понравилось офицеру.

— Важно отбрить адъютантика, послышался голосъ сзади.

Князь Андрей видѣлъ, что офицеръ находился въ томъ нынѣшнмъ припадкѣ беззрничнаго бѣшенства, въ которомъ люди не помнятъ, что говорятъ. Онъ видѣлъ, что его заступничество за лѣкарскую жену въ кибиточкѣ исполнено того, чего онъ боялся больше всего въ мірѣ, того, что называется по-французски *ridicule*, но инстинктъ его говорилъ другое. Не успѣлъ офицеръ договорить послѣдніхъ словъ, какъ князь Андрей съ изуродованымъ отъ бѣшенства лицомъ подѣхалъ къ нему и поднялъ нагайку:

— Извольте про-пус-тить!

Офицеръ махнулъ рукой и торопливо отѣхалъ впрочь.

— Все отъ этихъ, отъ штабныхъ, беспорядокъ весь; и проворчалъ онъ. — Дѣлайте жъ, какъ знасте.

Князь Андрей торопливо, не поднимая глазъ, отѣхалъ отъ лѣкарской жены, называвшей его спасителемъ, и съ отвращенiemъ вспоминая мелчайшія подробности этой унизи-тельной сцены, поскакалъ дальше къ той деревнѣ, гдѣ, какъ ему сказали, находился главнокомандующій.

Вѣхавъ въ деревню, онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ къ первому дому съ намѣреніемъ отдохнуть хоть на минуту, съѣсть что-нибудь и привести въ ясность всѣ эти оскорбительныя, мучившія его мысли. „Это толпа мерзавцевъ, а не войско“, думалъ онъ, подходя къ окну первого дома, когда знакомый ему голосъ позвалъ его по имени.

Онъ оглянулся. Изъ маленькаго окна высовывалось красивое лицо Несвицаго. Несвицкій, пережевывая что-то сочнымъ ртомъ и махая руками, звалъ его къ себѣ.

— Болконскій, Болконскій! Не слышишь, что-ли? Иди скорѣе, кричалъ онъ.

Войдя въ домъ, князь Андрей увидалъ Несвицкаго и еще другаго адъютанта, закусывавшихъ что то. Они послѣдно обратились къ Болконскому съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ чего новаго? На ихъ столь знакомыхъ ему лицахъ, князь Андрей прочелъ выраженіе тревоги и беспокойства. Выраженіе это особенно замѣтно было на всегда смѣющемся лицѣ Несвицкаго.

— Гдѣ главнокомандующій? спросилъ Болконскій.

— Здѣсь, въ томъ домѣ, отвѣчалъ адъютантъ.

— Ну что жъ, правда, что миръ и капитуляція? сирашивалъ Несвицкій.

— Я у васъ спрашиваю. Я ничего не знаю кроме того, что я насилу добрался до васъ.

— А у насть, братъ, что! Ужасъ! Винюсь, братъ, надѣ Макомъ смѣялись, а самимъ еще хуже приходится, сказалъ Несвицкій. — Да садись же, поѣшь чего-нибудь.

— Теперь, князь, ни повозокъ, ничего не найдете, и вашъ Петръ, Бопъ его знаетъ гдѣ, сказалъ другой адъютантъ.

— Гдѣ жъ главная квартира?

— Въ Цнаймѣ ночуемъ.

— А я такъ перевьючили себѣ все, что мій нужно, на двухъ лошадей, сказалъ Несвицкій, — и вьюки отличные мій едѣали. Хоть черезъ Богемскія горы удирать. Плоко, братъ. Да, что ты, вѣрно нездоровъ, что такъ вздрогиваешь? спросилъ Несвицкій, замѣтивъ, какъ князя Андрея дернуло, будто отъ прикосновенія къ лейденской банкѣ.

— Ничего, отвѣчалъ князь Андрей.. Онъ вспомнилъ въ эту минуту о недавнемъ столкновеніи съ лѣкарской женой и фурштатскимъ офицеромъ.

— Чѣмъ главнокомандующій здѣсь дѣлаетъ? спросилъ онъ.

— Ничего не понимаю, сказалъ Несвицкій.

— Я одно понимаю, что все мерзко, мерзко и мерзко, сказалъ князь Андрей и пошелъ въ домъ, гдѣ стоялъ главнокомандующій.

Пройдя мимо экипажа Кутузова, верховыхъ замученныхъ лошадей свиты, и казаковъ, громко говорившихъ между собою, князь Андрей вошелъ въ сѣни. Самъ Кутузовъ, какъ сказали князю Андрею, находился въ избѣ съ княземъ Багратіономъ и Вейротеромъ. Вейротеръ былъ австрійскій генералъ, замѣнившій убитаго Шинта. Въ сѣнахъ маленькой Козловскій сидѣлъ на корточкахъ передъ писаремъ. Писарь на перевернутой кадушкѣ, заворотивъ обшлаги мундира, посигѣшино писалъ. Лицо Козловскаго было измученное — онъ видно тоже не спалъ ночь. Онь взглянулъ на князя Андрея и даже искривилъ ему головой.

— Вторая линія... Написать? продолжалъ онъ, диктуя писарю: — Кіевскій grenaderскій, Подольскій...

— Не посигѣши, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ писарь, непочтительно и сердито, оглядываясь на Козловскаго.

Изъ-за двери слышались были въ это время оживленно-недовольный голосъ Кутузова, перебиваемый другимъ, незнакомымъ голосомъ. По звуку этихъ голосовъ, по невниманію, съ которыми взглянули на него Козловскій, по непочтительности измученного писаря, по тому, что писарь и Козловскій сидѣли такъ близко отъ главнокомандующаго на полу около кадушки и по тому, что казаки, державшіе лошадей, смыкались.

громко подъ окномъ дома, по всему этому, князь Андрей чувствовалъ, что должно было случиться что-нибудь важное и несчастливое.

Князь Андрей настоятельно обратился къ Козловскому съ вопросами.

— Сейчасъ, князь, сказалъ Козловскій.—Диспозиція Багратіона.

— А капитулациі?

— Никакой нѣть; сдѣланы распоряженія къ сраженію.

Князь Андрей направился къ двери, изъ-за которой слышны были голоса. Но въ то время, какъ онъ хотѣлъ отворить дверь, голоса въ комнатѣ замолкли, дверь сама отворилась, и Кутузовъ съ своимъ ординарцемъ посомъ на цухломъ лицѣ, показался на порогѣ. Князь Андрей стоялъ прямо противъ Кутузова; но, по выражению единственного зрячаго глаза главнокомандующаго, видно было, что мысль и забота такъ сильно занимали его, что какъ будто застилали ему зрѣніе. Онъ прямо смотрѣлъ на лицо своего адъютанта и не узнавалъ его.

— Ну что, кончилось? обратился онъ къ Козловскому.

— Сю секунду, ваше превосходительство.

Багратіонъ, невысокій стъ восточнымъ типомъ твердаго и неподвижнаго лица, сухой, еще не старый человѣкъ, вышелъ за главнокомандующимъ.

— Честь имъ язвитъся, повторилъ довольно громко князь Андрей, подавая конвертъ.

— А, изъ Вѣны? Хорошо. Постѣбъ, постѣбъ!

Кутузовъ вышелъ съ Багратіономъ на крыльцо.

— Ну, князь, прощай, сказалъ онъ Багратіону.—Христосъ съ тобой. Благословлю тебя на великий подвигъ.

Лицо Кутузова неожиданно смыгчилось, и слезы показались на его глазахъ. Онъ притянулъ къ себѣ лѣвой рукой Багратіона, а правою, на которой было кольцо, видимо-привычнымъ жестомъ перекрестилъ его и подставилъ ему пухлую щеку, вмѣсто которой Багратіонъ поцѣловать его въ шею. Христосъ съ тобой! повторилъ Кутузовъ, и подошелъ къ колискѣ. — Садись со мной, сказалъ онъ Болконскому.

— Ваше высокопревосходительство, я желалъ бы быть полезенъ здѣсь. Позвольте миѣ остататься въ отрядѣ князя Багратіона.

— Садись, сказалъ Кутузовъ, и замѣтилъ что Болконскій медлитъ:—мнѣ хорошіе офицеры самому нужны, самому нужны.

Они сѣли въ колиску и молча проѣхали нѣсколько минутъ.

— Еще впереди много, много всего будетъ, сказалъ онъ со старческимъ выраженіемъ проницательности, какъ будто напевъ все, что дѣжалось въ душѣ Болконского. — Ежели изъ отряда его придетъ завтра одна десятая часть, я буду Бога благодарить, прибавилъ Кутузовъ, какъ бы говоря самъ съ собой.

Князь Андрей взглянуль на Кутузова, и ему невольно бросились въ глаза, въ полуаршинѣ отъ него, чисто промытыя сборки шрама на вискѣ Кутузова, гдѣ измаильская пуля пронизала ему голову, и его вытесній глазъ. „Да, онъ имѣеть право такъ спокойно говорить о погибели этихъ людей!“ подумалъ Болконскій.

— Отъ этого я и прошу отправить меня въ этотъ отрядъ, сказалъ онъ.

Кутузовъ не отвѣтилъ. Онъ, казалось, уже забылъ о томъ, что было сказано имъ, и сидѣть задумавшись. Черезъ пять минутъ, плавно раскачиваясь на мягкихъ рессорахъ колиски,

Кутузовъ обратился къ князю Андрею. На лицѣ его не было и слѣда волненія. Онъ съ тонкою насыщенностю разспрашивалъ князя Андрея о подробностяхъ его свиданія съ императоромъ, объ отзывахъ, слышанныхъ при дворѣ о Кремскомъ дѣлѣ и о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ женщинахъ.

XIV.

Кутузовъ чрезъ своего лазутчика получилъ 1-го ноября извѣстіе, ставившее командуемую имъ армію почти въ безвыходное положеніе. Лазутчикъ доносилъ, что французы въ огромныхъ силахъ, перейдя вѣнскій мостъ, направились на путь сообщенія Кутузова съ войсками, шедшими изъ Россіи. Ежели бы Кутузовъ рѣшился оставаться въ Кремсѣ, то полутораста-тысячная армія Наполеона отрѣзала бы его отъ всѣхъ сообщеній, окружила бы его сорока-тысячную изнуренную армію, и онъ находился бы въ положеніи Мака подъ Ульмомъ. Ежели бы Кутузовъ рѣшился оставить дорогу, ведшую на сообщенія съ войсками изъ Россіи, то онъ долженъ былъ вступить безъ дороги въ неизвѣстные края Богемскихъ горъ, защищаясь отъ превосходнаго силами непріятеля, и оставить всякую надежду на сообщеніе съ Буксгевденомъ. Ежели бы Кутузовъ рѣшился отступать по дорогѣ изъ Кремса въ Ольмюцъ на соединеніе съ войсками изъ Россіи, то онъ рисковалъ быть предупрежденнымъ на этой дорогѣ французы, перешедшими мостъ въ Вѣнѣ, и такимъ образомъ быть принужденнымъ принять сраженіе на походѣ, со всѣми тяжестями и обозами, имѣя дѣло съ непріятелемъ, втрѣе превосходившимъ его и окружавшимъ его съ двухъ сторонъ. Кутузовъ избралъ этотъ послѣдній выходъ.

Французы, какъ доносилъ лазутчикъ, перейди мостъ въ Вѣнѣ,

усиленнымъ ярнемъ шли на Цнаймъ, ложаний на пути отступления Кутузова, впереди его болѣе чѣмъ на сто верстъ. Достигнуть Цнайма прежде французовъ, значило получить большую надежду на спасеніе арміи; дать французамъ предупредить себя въ Цнаймѣ значило навѣрное подвергнуть всю армію позору, подобному Ульмскому, или общей гибели. Но предупредить французовъ со всему армію было невозможно. Дорога французовъ отъ Вѣны до Цнайма была короче и лучше, чѣмъ дорога русскихъ отъ Кремса до Цнайма.

Въ почь полученія извѣстія Кутузовъ послалъ четырехтысячный авангардъ Багратіона направо горами съ кремско-цинаймской дороги на вѣнско-цинаймскую. Багратіонъ долженъ былъ пройти безъ отдыха этотъ переходъ, остановиться лицомъ къ Вѣнѣ и задомъ къ Цнайму, и ежели бы ему удалось предупредить французовъ, то онъ долженъ былъ задерживать ихъ сколько могъ. Самъ же Кутузовъ со всѣми тяжестями тронулся къ Цнайму.

Пройдя съ голодными, разутыми солдатами, безъ дороги, по горамъ, въ бурную почь сорокъ пять верстъ, растерявъ третью часть отсталыми, Багратіонъ вышелъ въ Голлабрунъ на вѣнско-цинаймскую дорогу яѣсколькими часами прежде французовъ, подходившихъ къ Голлабруну изъ Вѣны. Кутузову надо было идти еще цѣлые сутки съ своими обозами, чтобы достигнуть Цнайма, и потому, чтобы спасти армію, Багратіонъ долженъ былъ съ четырьмя тысячами голодныхъ, измученныхъ солдатъ удерживать выродолженіе сутокъ всю непріятельскую армію, встрѣтившуюся съ ними въ Голлабрунѣ, чтò было очевидно невозможно. Но странная судьба сдѣлала невозможное возможнымъ. Успѣхъ того обмана, который безъ боя отдать Вѣнскій мостъ въ руки французовъ, побу-

дить Мюрату попытаться обмануть также и Кутузова. Мюратъ, встрѣтивъ слабый отрядъ Багратиона на цнайской дорогѣ, подумалъ, что это была вся армія Кутузова. Чтобы несомнѣнно раздавить эту армію, онъ поджидалъ отставшія по дорогѣ изъ Вѣнѣи войска, и съ этой цѣлью предложилъ перемиріе на три дня, съ условіемъ, чтобы тѣ и другія войска не измѣнили своихъ положеній и не трогались съ мѣста. Мюратъ увѣрилъ, что уже вдуть переговоры о мирѣ, и что потому, избѣгая безмолезного пролитія крови, онъ предла-
гаетъ перемиріе. Австрійскій генералъ графъ Ностицъ, стоявшій на аванпостахъ, повѣрилъ словамъ парламентера Мю-
раты и отступилъ, открывъ отрядъ Багратиона. Другой пар-
ламентеръ поѣхалъ въ русскую цѣпь объявить то же извѣстіе о мирныхъ переговорахъ и предложить перемиріе русскимъ
войскамъ на три дня. Багратіонъ отвѣчалъ, что онъ не мо-
жетъ принять или не принимать перемирія, и, съ донесе-
ніемъ о сдѣланномъ ему предложеніи, послалъ къ Кутузову
своего адъютанта.

Перемиріе для Кутузова было единственнымъ средствомъ выиграть время, дать отдохнуть измученному отряду Багра-
тиона и пропустить обозы и тяжести (движение которыхъ было скрыто отъ французовъ), хотя одинъ лишь переходъ до Цнайма. Предложеніе перемирія давало единственную и неожиданную возможность спасти армію. Получивъ это извѣ-
стіе, Кутузовъ немедленно послалъ состоявшаго при немъ генераль-адъютанта Винценгероде въ непріятельскій лагерь: Винценгероде долженъ былъ не только принять перемиріе, но и предложить условія капитуляціі, а между тѣмъ Куту-
зовъ послалъ своихъ адъютантовъ назадъ торопить сколь
возможно движение обозовъ всей арміи по кремско-цинайской

дороги. Измученный, голодный отрядъ Багратиона однѣй долженъ бытъ, прикрывая собой это движение обозовъ и всей арміи, неподвижно оставаться предъ непріятелемъ въ восемь разъ сильнейшимъ.

Ожиданія Кутузова сбылись какъ относительно того, что предложенія капитуляціи, ни къ чему не обязывающія, могли дать время пройти нѣкоторой части обозовъ, такъ и относительно того, что ошибка Мюрата должна была открыться очень скоро. Какъ только Бонапарте, находившійся въ Шенбруннѣ, въ 25 верстахъ отъ Голлабруна, получилъ донесеніе Мюрата и проектъ перемирія и капитуляціи, онъ увидѣлъ обманъ и написалъ слѣдующее письмо къ Мюрату.

Принцу Мюрату. Шенбруннъ, 25 брюмера 1805 г.

8 часовъ утра.

Я не могу найти словъ, чтобы выразить вамъ мое неудовольствіе. Вы командуете только моимъ авангардомъ и не имѣете права дѣлать перемиріе безъ моего приказанія. Вы заставляете меня потерять плоды цѣлой кампаніи. Немедленно нарушите перемиріе и идите противъ непріятеля. Вы объявите ему, что генераль, подписаній эту капитуляцію, не имѣлъ на это права, и никто не имѣть, исключая лишь россійскаго императора.

Впрочемъ если россійскій императоръ согласится на упомянутое условіе, я тоже соглашусь; но это не что иное, какъ хитрость. Идите, уничтожьте русскую армію... Вы можете взять ея обозы и ея артиллерію.

Генераль-адъютантъ Россійскаго императора обманщикъ... Офицеры ничего не значатъ; когда не имѣютъ власти полномочія; этотъ также не имѣть его... Австрійцы дали себи

обмануть при переходѣ Вѣнскаго моста, а вы даете себя обмануть адъютантамъ императора.

Наполеонъ.

Адъютантъ Бонапарте во всю прыть лошади скакалъ съ этимъ грознымъ письмомъ къ Мюрату. Самъ Бонапарте, не довѣря своимъ генераламъ, со всемъ гвардіей двигался къ полю сраженія, боясь упустить готовую жертву, а 4000-ный отрядъ Багратіона, весело раскладывая костры, сушился, обогревался; варили въ первый разъ иօсль трехъ дней кашу, и никто изъ людей отряда не зналъ и не думалъ о томъ, что предстояло ему.

XV.

Въ четвертомъ часу вечера князь Андрей, настоявъ на своей просьбѣ у Кутузова, приѣхалъ въ Грунтъ и явился къ Багратіону. Адъютантъ Бонапарте еще не приѣхалъ въ отрядъ Мюрата, и сраженіе еще не начиналось. Въ отрядѣ Багратіона ничего не знали объ общемъ ходѣ дѣлъ, говорили о мирѣ, но не вѣрили въ его возможность. Говорили о сраженіи и тоже не вѣрили и въ близость сраженія.

Багратіонъ, зная Болконскаго за любимаго и довѣренаго адъютанта, принялъ его съ особеннымъ начальническимъ отличиемъ и снисхожденiemъ, объяснилъ ему, что вѣроятно нынче или завтра будетъ сраженіе, и предоставилъ ему полную свободу находиться при немъ во время сраженія или въ арріергардѣ наблюдать за порядкомъ отступленія, „что тоже было очень важно“.

— Впрочемъ, нынче, вѣроятно, дѣла не будетъ, сказалъ Багратіонъ, какъ бы успокоивъ князя Андрея.

„Ежели это оди́н изъ обыкновенныхъ штабныхъ франтиковъ, посыпаемыхъ для получения крестика, то онъ и въ арриергардѣ получитъ награду, а ежели хочетъ со мной быть, пускай... пригодится, коли храбрый офицеръ“, подумалъ Багратионъ. Князь Андрей, ничего не отвѣтивъ, попросилъ позволенія князя объѣхать позицію и узнать расположение войскъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ порученія знать, кудаѣхать. Дежурный офицеръ отряда, мужчина красивый, щеголевато одѣтый и съ алмазнымъ перстнемъ на указательномъ пальце, дурно, но охотно говорившій по французски, выявился проводить князя Андрея.

Со всѣхъ сторонъ виднѣлись мокрые, съ грустными лицами офицеры, чего-то какъ будто искашившіе, и солдаты, тащившіе изъ деревни двери, лавки и заборы.

— Вотъ не можемъ, князь, избавиться отъ этого народа, сказалъ штабъ-офицеръ, указывая на этихъ людей. — Распускаютъ командиры. А вотъ здѣсь, онъ указалъ на раскинутую палатку маркитанта, — сбоятся и сидятъ. Нынче утромъ всѣхъ выгнали, посмотрите, ошѣть полна. Надо подѣхать, князь, пугнуть ихъ. Одна минута.

— Зайдемте, и я возьму у него сыръ и булку, сказалъ князь Андрей, который не успѣлъ еще пойти.

— Что жъ вы не сказали, князь? Я бы предложилъ своего хлѣба-соли.

Они сошли съ лошадей и вошли подъ палатку маркитанта. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ съ раскрасневшимися и истомленными лицами сидѣли за столами, пили и ъли.

— Ну что жъ это господѣ! сказалъ штабъ-офицеръ тономъ упрека, какъ человѣкъ, уже нѣсколько разъ повторявший одно и то же. — Вѣдь нельзя же отмучатся такъ. Князь прика-

залъ, чтобы никого не было. Ну, вотъ вы, г. штабсъ-капитанъ, обратилсѧ онъ къ маленькому, грязному, худому артиллериjsкому офицеру, который безъ сапогъ (онъ отдалъ ихъ сушить маркитану), въ однихъ чулкахъ, всталъ предъ вошедшими, улыбаясь не совсѣмъ естественно.

— Ну какъ вамъ, капитанъ Тушинъ, не стыдно? продолжалъ штабъ-офицеръ: — вамъ бы, кажется, какъ артиллерию, надо примиrъ показывать, а вы безъ сапогъ. Забыть тревогу, а вы безъ сапогъ очень хороши будете. (Штабъ-офицеръ улыбнулся.) Извольте отправляться къ своимъ мѣстамъ, господа, всѣ, всѣ, прибавилъ онъ начальнически.

Князь Андрей невольно улыбнулся, взглянувъ на штабсъ-капитана Тушина. Молча и улыбаясь, Тушинъ, переступалъ босой ноги на ногу, вопросительно глядѣль большими умными и добрыми глазами то на князя Андрея, то на штабъ-офицера.

— Солдаты говорятъ: разумнись ловчѣ, сказалъ капитанъ Тушинъ, улыбаясь и робѣя, видимо желая изъ своего неловкаго положенія перейти въ шутливый тонъ; но еще онъ не договорилъ, какъ почувствовалъ, что шутка его не принята и не вышла. Онъ смущился.

— Извольте отправляться, сказалъ штабъ-офицеръ, стараясь удержать серьезность.

Князь Андрей еще разъ взглянулъ на фигурку артиллериста. Въ ней было что-то особенное, совершенно не военное, нѣсколько комическое, но чрезвычайно привлекательное.

Штабъ-офицеръ и князь Андрей сѣли на лошадей и поѣхали дальше.

Выѣхавъ за деревню, безирестанно обгоняя и встрѣчая идущихъ солдатъ, офицеровъ разныхъ командъ, они увидали

налько красиющія сижею, вновь вскопанною глиною строимся укрѣпленія. Несколько батальоновъ солдатъ въ одиѣхъ рубахахъ, несмотря на холодный вѣтеръ, какъ бѣлы муравыи, копошились на этихъ укрѣпленіяхъ; изъ-за вала невидимо кѣмъ, безпрестанно выкидывались лопаты красной глины. Они подѣхали къ укрѣпленію, осмотрѣли его и поѣхали дальше. За самымъ укрѣпленіемъ наткнулись они на нѣсколько десятковъ солдатъ, безпрестанно перемѣняющихся, сбывающихъ съ укрѣпленія. Они должны были зажать носъ и тронуть лошадей рысью, чтобы выѣхать изъ этой отравленной атмосферы.

— Вотъ пріятность лагеря, князь, сказалъ дежурный штабъ-офицеръ. Они выѣхали на противоположную гору. Съ этой горы уже видны были французы. Князь Андрей остановился и началъ разматривать.

— Вотъ тутъ наша батарея стоитъ, сказалъ штабъ-офицеръ, указывая на самый высокій пунктъ, — того самого чудака, что безъ сапогъ сидѣлъ; оттуда все видно, поѣдемте, князь.

— Нокорио благодарю, я теперь одинъ проѣду, сказалъ князь Андрей, желая избавиться отъ штабъ-офицера, — не беспокойтесь, пожалуйста.

Штабъ-офицеръ отсталъ, и князь Андрей поѣхалъ одинъ. Чѣмъ далѣе подвигался онъ впередъ, ближе къ непріятелю, тѣмъ поридочнѣе и веселѣе становился видъ войскъ. Самый сильный безпорядокъ и уныніе были въ томъ обозѣ передъ Цнаймомъ, который объѣзжалъ утромъ князь Андрей и который былъ въ десяти верстахъ отъ французовъ. Въ Грунте тоже чувствовалась нѣкоторая тревога и страхъ чего-то. Но чѣмъ ближе подѣлжалъ князь Андрей къ цѣли

французовъ, тѣмъ самоувѣреніе становился видъ нашихъ войскъ. Выстроенные въ рядъ стояли въ шинеляхъ солдаты и фельдфебель, и ротный разсчитывалъ людей, тыкалъ нальцемъ въ грудь краинему, по отдѣлению, солдату и приказывая ему поднимать руку; разсыпанные по всему пространству, солдаты тащили дрова и хворостъ и строили балаганчики, весело смѣясь и переговариваясь; у костровъ сидѣли одѣтые и толые, суши рубахи, подвертки, или починившія самоги и шинели, толпились около котловъ и кашеваровъ. Въ одной ротѣ обѣдъ былъ готовъ, и солдаты съ жадными лицами смотрѣли на дымящіяся котлы и ждали пробы, которую въ деревянной чашкѣ подносила каптенармусъ офицеру, сидѣвшему на бревнѣ противъ своего балагана.

Въ другой, болѣе счастливой ротѣ, такъ какъ не у всѣхъ была водка, солдаты, толпясь, стояли около рибаго широкоплечаго фельдфебеля, который, нагибая бочонокъ, лить въ подставляемыя поочередно крышки манерокъ. Солдаты съ набожными лицами подносили ко рту манерки, опрокидывали ихъ и, полоща ротъ и утираясь рукавами шинелей, съ повеселѣвшими лицами отходили отъ фельдфебеля. Всѣ лица были таія спокойныя, какъ будто все происходило не въ виду непріятеля, предъ дѣломъ, гдѣ должна была остатися на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, половина отряда, а какъ будто гдѣ-нибудь на родинѣ въ ожиданіи спокойной столинки. Проѣхавъ егерскій полкъ, въ рядахъ кіевскихъ гренадеровъ, молодцоватыхъ людей, занятыхъ тѣми же мирными дѣлами, князь Андрей, недалеко отъ высокаго, отличавшагося отъ другихъ, балагана полковаго командира, находилъ на фронть взвода гренадеръ, предъ которыми лежать обнаженный человѣкъ. Двое солдатъ держали его, а двое

взмахивали гибкие прутья и мѣриѣ ударяли по обнаженной спинѣ. Наказываемый неестественно кричалъ. Толстый маюръ ходилъ предъ фронтомъ, и не переставая и не обращая вниманія на крикъ, говорилъ:

— Солдату позорно красть, солдатъ долженъ быть честенъ, благороденъ и храбръ, а коли у своего брата укралъ, такъ въ немъ чести нѣтъ, это мерзавецъ. Еще, еще!

И все слышались гибкие удары и отчаянный, но притворный крикъ.

— Еще, еще, приговаривалъ маюръ.

Молодой офицеръ, съ выражениемъ недоумѣнія и страданія въ лицѣ, отошелъ отъ наказываемаго, оглядываясь вопросительно на проѣзжавшаго адъютанта.

Князь Андрей, выѣхавъ въ переднюю линію, побѣжалъ по фронту. Цѣль наша и непріятельская стояли на лѣвомъ и на правомъ флангѣ далеко другъ отъ друга, но въ срединѣ, въ томъ мѣстѣ, где утромъ проѣзжали парламентеры, цѣни сошлись такъ близко, что могли видѣть лица другъ друга и переговариваться между собою. Кромѣ солдатъ, занимавшихъ цѣпь въ этомъ мѣстѣ, съ той и съ другой стороны стояло много любопытныхъ, которые посмѣиваясь, разглядывали странныхъ и чуждыхъ для нихъ непріятелей.

Съ ранняго утра, несмотря на запрещеніе подходить къ цѣпи, начальники не могли отбиться отъ любопытныхъ. Солдаты, стоявшіе въ цѣпи, какъ люди, показывающіе что-нибудь рѣдкое, ужъ не смотрѣли на французовъ, а дѣлали свои наблюденія надъ приходящими, и, скучая, дожидались сѣни. Князь Андрей остановился разматривать французовъ.

— Глянь-ка, глянь, говорилъ одинъ солдатъ товарищу, указывая на русскаго мушкетера-солдата, который съ офи-

церомъ подошелъ къ цѣпи и что-то часто и горячо говорилъ съ французскимъ grenадеромъ.— Вишь, лоночеть какъ ловко! Ажъ хранизъ-то за нимъ не поспѣваетъ. Ну-ка ты, Сидоровъ!

— Погоди, послушай. Иши ловко! отвѣчаль Сидоровъ, считавшійся мастеромъ говорить по-французски.

Солдатъ, на котораго указывали смѣявшиеся, былъ Долоховъ. Князь Андрей узналъ его и прислушался къ его разговору. Долоховъ, вмѣстѣ съ своимъ ротнымъ, пришелъ въ цѣпь съ лѣваго фланга, на которомъ стоялъ ихъ полкъ.

— Ну, еще, еще! подстрекалъ ротный командиръ, нагибаясь впередъ и стараясь не проронить ни одного, непопытнаго для него слова.— Пожалуйста, почаше. Что онъ?

Долоховъ не отвѣчаль ротному: онъ былъ вовлечентъ въ горячій споръ съ французскимъ grenадеромъ. Они говорили, какъ и должно было бытъ, о кампанії. Французъ доказывалъ, смѣшивая австрійцевъ съ русскими, что русскіе сдались и бѣжали отъ самаго Ульма; Долоховъ доказывалъ, что русскіе не сдавались, а били французовъ.

— Здѣсь велять прогнать васъ и прогонимъ, говорить Долоховъ.

— Только страйтесь, чтобы васъ не забрали со всѣми вашими казаками, сказалъ grenадеръ-французъ.

Зрители и слушатели-французы засмѣялись.

— Васъ заставятъ плисать, какъ при Суворовѣ вы плясали, сказалъ Долоховъ.

— Что онъ тамъ поетъ? сказалъ одинъ французъ.

— Древняя исторія, сказалъ другой, догадавшись, что дѣло шло о прежніихъ войнахъ.— Императоръ покажетъ вашему *Сувара*, какъ и другимъ...

— Бонапартъ... началь-было Долоховъ, но французъ перебилъ его.

— Нѣтъ Бонапарте. Есть императоръ! чортъ возьми... сердито крикнулъ онъ.

— Чортъ его дери, вашего императора!

И Долоховъ по-русски, грубо, по-солдатски обругался, и вскинувъ ружье, отошелъ прочь.

— Пойдемте, Иванъ Лукичъ; сказаль онъ ротному.

— Вотъ такъ по-французски, заговорили солдаты въ цѣли.— Ну-ка, ты, Сидоровъ.

Сидоровъ подмигнулъ и, обращаясь къ французамъ, началь часто, часто лепетать непонятныя слова.

— Кари, мала, тафа, сафи, мутерь, каскѣ, лопоталь онъ, стараясь придавать выразительныя интонаціи своему голосу.

— Го, го, го! ха, ха, ха, ха! Ухъ! Ухъ! раздался между солдатами грохотъ такого здороваго и веселаго хохота, неизвольно черезъ цѣль сообщившагося и французамъ, что послѣ этого нужно было, казалось, разрядить ружья, взорвать заряды и разойтись поскорѣе всѣмъ по домамъ. Но ружья остались заряжены, бойницы въ домахъ и укрѣпленіяхъ такъ же грозно смотрѣли впередъ, и такъ же какъ прежде остались другъ противъ друга обращенныя, снятыхъ съ передковъ пушки.

XVI.

Обѣхавъ всю линію войскъ отъ праваго до лѣваго фланга, князь Андрей поднялся на ту батарею, съ которой, по словамъ штабъ офицера, все поле было видно. Здѣсь онъ сѣлъ на лошади и остановился у крайняго изъ четырехъ снятыхъ съ передковъ орудій. Впереди орудій ходилъ часовой-артил-

леристъ, вытащившійся было предъ офицеромъ, но по сдѣланному ему знаку возобновившій свое равнодѣрное, скучливое хожденіе. Сзади орудій стояли передви, еще сзади коновязь и костры артиллеристовъ. Надѣво, недалеко отъ крайняго орудія, былъ новый плетеный шалашикъ, изъ котораго слышались оживленные офицерскіе голоса.

Дѣйствительно, съ батареи открывался видъ почти всего расположения русскихъ войскъ и большей части непрѣятеля. Прямо противъ батареи, на горизонтѣ противоположнаго бугра, виднѣлась деревня Шенграбенъ; лѣвѣ и правѣ можно было различить въ трехъ мѣстахъ, среди дыма изъ костровъ, массы французскихъ войскъ, которыхъ очевидно большая часть находилась въ самой деревнѣ и за горою. Лѣвѣ деревни, въ дыму, казалось что-то похожее на батарею, но простымъ глазомъ нельзя было разсмотрѣть хорошенъко. Правый флангъ нашъ располагался на довольно крутомъ возвышеніи, которое господствовало надъ позиціей французовъ. По немъ расположена была наша иѣхота, и на самомъ краю видны были драгуны. Въ центрѣ, гдѣ и находилась та батарея Тушина, съ которой разсматривалъ позицію князь Андрей, былъ самый отлѣтій и прямой спускъ и подъемъ къ ручью, отдѣлявшему насъ отъ Шенграбена. Надѣво войска наши прымкали къ лѣсу, гдѣ дымились костры нашей рубившей дрова иѣхоты. Линія французовъ была шире нашей, и ясно было, что французы легко могли обойти насъ съ обѣихъ сторонъ. Сзади нашей позиціи былъ крутой и глубокій оврагъ, по которому трудно было отступать артиллерию и конницѣ. Князь Андрей, облоктясь на пушку и доставъ бумажникъ, начертілъ для себя планъ расположения войскъ. Въ двухъ мѣстахъ онъ карандашомъ поставилъ замѣтки, намѣреваясь сообщить ихъ Багра-

тіону. Онь предполагалъ, во-первыхъ, сосредоточить всю артиллерию въ центрѣ, во-вторыхъ, кавалерію перевести назадъ на ту сторону оврага. Князь Андрей, постоянно находясь при главнокомандующемъ, слѣдя за движеними массъ и общими распоряженіями, и постоянно занимаясь историческими описаниями сраженій, и въ этомъ предстоящемъ дѣлѣ невольно соображалъ будущій ходъ военныхъ дѣйствій, только въ общихъ чертахъ. Ему представлялись лишь слѣдующаго рода крупныя случайности: „Ежели непріятель поведеть атаку на правый флангъ, говорилъ онъ самъ себѣ, Киевскій гренадерскій и Подольскій егерскій должны будуть удерживать свою позицію до тѣхъ поръ, пока резервы центра не подойдутъ къ нимъ. Въ этомъ случаѣ драгуны могутъ ударить во флангъ и опрокинуть ихъ. Въ случаѣ же атаки на центръ, мы выставляемъ на этомъ возвышеніи центральную батарею, и подъ ея прикрытиемъ стягиваемъ лѣвый флангъ и отступаемъ до оврага эшелонами“, разсуждалъ онъ самъ съ собою... Все время, что онъ былъ на батареѣ у орудія, онъ, какъ это часто бываетъ, не переставая слышать звуки голосовъ офицеровъ, говорившихъ въ балаганѣ, но не понималъ ни одного слова изъ того, чтѣ они говорили. Вдругъ звукъ изъ балагана поразилъ его такимъ задушевнымъ тономъ, что онъ невольно сталъ прислушиваться.

— Нѣть, голубчикъ, говорилъ пріятный и какъ будто знакомый князю Андрею голосъ, — я говорю, что коли бы возможно было знать, что будетъ послѣ смерти, тогда бы и смерти изъ насть никто не боялся. Такъ-то, голубчикъ.

Другой болѣе молодой голосъ перебилъ его:

— Да бойся, не бойся, все равно,— не минуешь.

— А все боишься! Эхъ вы, ученые люди, сказалъ третій

мужественный голосъ, перебивая обоихъ. — То-то вы, артиллеристы, и учены очень, оттого что все съ собой свезти можно, и водочки и закусочки. И владѣлецъ мужественного голоса, видимо пѣхотный офицеръ, засмѣялся.

— А все боишься, продолжать первый знакомый голосъ. — Боишься неизвѣстности, вотъ чего. Какъ тамъ ни говори, что душа на небо пойдетъ... вѣдь это мы знаемъ, что неба нѣть, а есть атмосфера одна.

Онъяль мужественный голосъ перебилъ артиллериста.

— Ну угостите же травникомъ-то вашимъ, Тушинъ, скажаль онъ.

„А, это тотъ самый капитанъ, который безъ сапогъ стоялъ у маркитанта“, подумалъ князь Андрей, съ удовольствиемъ признавая пріятный философствовавшій голосъ.

— Травничку можно, скажаль Тушинъ, — а все-таки будущую жизнь постигнуть... Онъ не договорилъ.

Въ это время въ воздухѣ послышался свистъ; ближе, ближе, быстрѣе и слышнѣе, слышнѣе и быстрѣе, и ядро, какъ будто не договоривъ всего, чѣмъ нужно было, съ нечеловѣческою силой взрывая брызги, спленилось въ землю недалеко отъ балагана. Земля какъ будто ахнула отъ страшнаго удара. Въ то же мгновеніе изъ балагана выскочилъ прежде всѣхъ маленький Тушинъ съ закусенною на бокъ трубочкой; доброе, умное лицо его было нѣсколько блѣдно. За нимъ вышелъ владѣтель мужественного голоса, молодцоватый пѣхотный офицеръ, и побѣжалъ къ своей ротѣ, на бѣгу застегиваясь.

XVII.

Князь Андрей верхомъ остановился на батареѣ, глядя на дымъ орудія, изъ котораго вылетѣло ядро. Глаза его

разбрзгались по обширному пространству.. Онь видѣлъ только, что прежде неподвижныи массы французовъ заколыхались и что налево действительно была батарея. На ней еще не разошлся дымокъ. Французские два конные, вѣроятно адъютанта, проскакали по горѣ. Подъ гору, вѣроятно для усиленія цѣни, двигалась явственно виднѣвшаяся небольшия колонна пешихъ тѣлъ. Еще дымъ первого выстрѣла не разсѣялся, какъ показался другой дымокъ и выстрѣль. Сраженіе началось. Князь Андрей повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ въ Груить отыскивать князя Багратіона. Сзади себя онъ слышать, какъ канопада становилась чаще и громче. Видно наши начали отвѣтить. Внизу, въ томъ мѣстѣ, где проѣзжали парламентеры, послышались ружейные выстрѣлы.

Лемарруа съ грознымъ письмомъ Бонапарта только что прискакалъ къ Мюрату, и пристыженный Мюратъ, желая загладить свою ошибку, тотчасъ же двинулъ свои войска на центръ и въ обходъ обоихъ фланговъ, надѣясь, еще до вечера и до прибытия императора, раздавить ничтожный, стоявшій предъ нимъ, отрядъ.

„Началось! Вотъ оно!“ думалъ князь Андрей, чувствуя, какъ кровь чаще пачинала приливать къ его сердцу. „Но гдѣ же? Какъ же выразится мой Тулонъ?“ думалъ онъ.

Проѣзжая между тѣхъ же ротъ, которыи Ѳли кашу и пили водку четверть часа тому назадъ, онъ вездѣ видѣлъ одни и тѣ же быстрыя движенія строившихся и разбиравшихъ ружья солдатъ, и на всѣхъ лицахъ узнавалъ онъ то чувство ожиданія, которое было въ его сердцѣ. „Началось! Вотъ оно! Страшно и весело“! говорило лицо каждого солдата и офицера.

Не добѣхавъ еще до строившагося укрѣщенія, онъ увидѣлъ, въ вечернемъ свѣтѣ пасмурнаго осеннаго дня, подвигав-

шился ему навстрѣчу верховыхъ. Передовой, въ буркѣ и картузѣ со смушками,ѣхалъ на бѣлой лошади. Это былъ князь Багратіонъ. Князь Андрей остановился, ожидая его. Князь Багратіонъ пріостановилъ свою лошадь, и, узная князя Андрея, кинулъ ему головой. Онъ продолжалъ смотрѣть впередъ, въ то время какъ князь Андрей говорилъ ему то, что онъ видѣлъ.

Выраженіе: „началось! вотъ оно“! было даже и на креѣкомъ, каремъ лицъ князя Багратіона, съ полузакрытыми, мутными, какъ будто не выспавшимися глазами. Князь Андрей съ беспокойнымъ любопытствомъ вглядывался въ это неподвижное лицо и ему хотѣлось знать: думаетъ ли и чувствуетъ, и что думаетъ, что чувствуетъ этотъ человѣкъ въ эту минуту. „Есть ли вообще что-нибудь тамъ, за этимъ неподвижнымъ лицомъ“? спрашивалъ себя князь Андрей, глядя на него. Князь Багратіонъ наклонилъ голову въ знакъ согласія на слова князя Андрея, и сказалъ: „хорошо“, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто все то, что происходило и что ему сообщали, было именно то, что онъ уже предвидѣлъ. Князь Андрей, зашахавшись отъ быстроты Ѣзды, говорилъ быстро. Князь Багратіонъ произносилъ слова съ своимъ восточнымъ акцентомъ, особенно медленно, какъ бы внушая, что торопиться некуда. Онъ тронулъ однако рысью свою лошадь по направлению къ батареѣ Тушинца. Князь Андрей вѣстъ съ свитой поѣхалъ за нимъ. За княземъ Багратіономъ Ѣхали: свитскій офицеръ, личный адъютантъ князя, Жерковъ, ординарецъ, дежурный штабъ - офицеръ на англизированной красивой лошади и статскій чиновникъ аудиторъ, который изъ любопытства попросился Ѣхать въ сраженіе. Аудиторъ, щолный мужчина, съ полнымъ лицомъ,

сь наивною улыбкой радости, оглядывался вокругъ, траяясь на своей лошади, представляя странный видъ въ своей камлотовой шинели на фурштатскомъ сѣдлѣ среди гусаръ, казаковъ и адъютантовъ.

— Вотъ хочетъ сраженіе посмотретьъ, сказалъ Жерковъ Болконскому, указывая на аудитора, — да подъ ложечкой ужъ заболѣло.

— Ну, полно вамъ, проговорилъ аудиторъ съ сіающею, наивпою и вмѣстѣ хитрою улыбкой, какъ будто ему лестно было, что онъ составляетъ предметъ шутокъ Жеркова и какъ будто онъ нарочно старался казаться глупыемъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

— Очень чуднѣ, mon monsieur prince, сказалъ дежурный штабъ-офицеръ. (Онъ помнилъ, что по французски какъ-то особенно говорится титулъ князь и никакъ не могъ наладить). Въ это время они все уже подѣлжали къ батареѣ Тулина, и впереди ихъ ударилось ядро.

— Чѣмъ жъ это упало? наивно улыбаясь, спросилъ аудиторъ.

— Лепешки французскія, сказалъ Жерковъ.

— Этимъ-то бываютъ, значитъ? спросилъ аудиторъ. — Страсть то какая! И онъ, казалось, распускался весь отъ удовольствія. Едва онъ договорилъ, какъ опять раздался неожиданно страшный свистъ, вдругъ прекратившійся ударомъ во что-то жидкое и ш-ш-ш-шлепъ — казакъ, юхавшій нѣсколько правыѣ и сзади аудитора, съ лошадью рухнулся на землю. Жерковъ и дежурный штабъ-офицеръ пригнулись къ сѣдламъ и ироочь поворотили лошадей. Аудиторъ остановился противъ казака, со внимательнымъ любопытствомъ разсматривая его. Казакъ былъ мертвъ, лошадь еще билась.

Князь Багратіонъ, прищурившись, оглянулся, и увидавъ

причину' происшедшего замѣшательства, равнодушно отвернулся; какъ будто говоря: стоятъ ли глупостями заниматься! Онъ остановилъ лошадь, съ пріемомъ хорошаго Ѳздока, нѣсколько перегнулся и выправилъ зацѣпившуюся за бурку шнагу. Шнага была старинная, не такая, какія носились теперь. Князь Андрей вспомнилъ разсказъ о томъ, какъ Суворовъ въ Италии подарилъ свою шнагу Багратіону, и ему въ эту минуту особенно пріятно было это воспоминаніе. Они подъѣхали къ той самой батареѣ, у которой стоялъ Болконскій, когда разматривалъ поле сраженія.

— Чья рота? спросилъ кнізь Багратіонъ у фейерверкера, стоявшаго у ящиковъ.

Онъ спрашивалъ: чья рота? а въ сущности онъ спрашивалъ: ужъ не робѣете ли вы тутъ? И фейерверкеръ понялъ это.

— Капитана Тупина, ваше превосходительство, вытягиваясь закричалъ веселымъ голосомъ рыжій, съ покрытымъ веснушками, лицомъ фейерверкеръ.

— Такъ, такъ, проговорилъ Багратіонъ, что то соображая, и мимо пѣредковъ проѣхалъ къ крайнему орудію. Въ то время, какъ онъ подъѣжалъ, изъ орудія этого, оглушилъ его и свиту, зазвенѣль выстрѣлъ, и въ дыму вдругъ окружившемъ орудіе, видны были артиллеристы, подхватившіе пушки, и, торопливо напрягаясь, накатывавшіе ее на прежнее мѣсто. Широкоплечій, огромный солдатъ 1-й нумеръ съ банникомъ, широко разставивъ ноги, отскочилъ къ колесу, 2-й нумеръ трисущающимъ рукой класть зарядъ въ дуло. Небольшой, сутуловатый человѣкъ, офицеръ Тупинъ, споткнувшись на хоботъ, выѣзжалъ впередъ, не замѣчая генерала и выглядывая изъ-подъ маленькой ручки.

— Еще двѣ линіи прибають, какъ разъ такъ будетъ, —
кричать онъ тоненькимъ голоскомъ, которому онъ старался
придать молодцоватость, не пущшую къ его фигурѣ.— Вто-
рое! пропищалъ онъ.— Круши, Медвѣдевъ!

Багратіонъ окликнулъ офицера, и Тушинъ робкими и не-
ловкими движениями, совсѣмъ не такъ, какъ салютуютъ
военные, а такъ, какъ благословляютъ священники, приложивъ три пальца къ козырьку, подошелъ къ генералу. Хотя
орудія Тушинна были назначены для того, чтобы обстрѣливать
лощину, опъ стрѣляя брандскугелями, но виднѣвшейся
впереди деревнѣ Шенграбенъ, предъ которой выдвигались
большія массы французовъ.

Никто не приказывалъ Тушину, куда и чѣмъ стрѣлять,
и онъ, посовѣтовавшись съ своимъ фельдфебелемъ Захар-
ченкомъ, къ которому имѣть большое уваженіе, рѣшилъ, что
хорошо было бы зажечь деревню. „Хорошо“! сказалъ Багратіонъ на докладъ офицера, и сталъ оглядывать все от-
крывшееся предъ нимъ поле сраженія, какъ бы что то
соображая. Съ правой стороны ближе всего подошли фран-
цузы. Пониже высоты, на которой стоялъ Киевскій полкъ,
въ лощинѣ рѣчки, слышалась хватающая за душу перекатная
трескотня ружей, и гораздо правѣе, за драгунами, свитскій
офицеръ указывалъ князю на обходившую нашъ флангъ
колонну французовъ. Надѣво горизонтъ ограничивался близ-
кими лѣсомъ. Князь Багратіонъ приказалъ двумъ баталіонамъ
изъ центра идти на подкрѣпленіе, направо. Свитскій офицеръ
осмѣялся замѣтить князю, что по уходѣ этихъ баталіоновъ
орудія останутся безъ прикрытия. Князь Багратіонъ обер-
нулся къ свитскому офицеру и тусклыми глазами посмотрѣлъ
на него молча. Князю Андрею казалось, что замѣчаніе свит-

скаго офицера было справедливо, и что дѣйствительно скагать было нечего. Но въ это время прискакалъ адъютантъ отъ полковаго командира, бывшаго въ лощинѣ, съ извѣстіемъ, что огромныя массы французовъ пили пизомъ, что полкъ разстроенъ и отступасть къ киевскимъ гренадерамъ. Князь Багратіонъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и одобренія. Шагомъ поѣхалъ онъ направо и послалъ адъютанта къ драгунамъ съ приказаниемъ атаковать французовъ. Но посланный туда адъютантъ прїѣхалъ черезъ полчаса съ извѣстіемъ, что драгунскій полковой командиръ уже отступилъ за оврагъ, ибо противъ него былъ направленъ сильный огонь, и онъ понапрасну терялъ людей, и потому спѣшилъ стрѣлковъ въ лѣсъ.

— Хорошо! сказалъ Багратіонъ.

Въ то время, какъ онъ отѣзжалъ отъ батареи, пахъю тоже послышались выстрѣлы въ лѣсу, и такъ какъ было слишкомъ далеко до лѣваго фланга, чтобы уснуть самому прїѣхать во время, князь Багратіонъ послалъ туда Жеркова сказать старшему генералу, тому самому, который представлялъ полкъ Кутузову въ Браунау, чтобы онъ отступилъ сколь можно поспѣшнѣе за оврагъ, потому что правый флангъ вѣроятно не въ силахъ будетъ долго удерживать непріятеля. Про Тушину же и батарею, прикрывавшій его было забыто. Князь Андрей тщательно прислушивался къ разговорамъ князя Багратиона съ начальниками и къ отдаваемымъ имъ приказаниемъ, и къ удивленію замѣчать, что приказаний никакихъ отдаваемо не было, а что князь Багратіонъ только старался дѣлать видъ, что все, что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ, что все это дѣлалось, хотя не по его приказанію, но согласно съ намѣ-

редиими. Благодаря такту, который выражалъ князь Багратіонъ, князь Андрей замѣчалъ, что, несмотря на эту случайность событій и независимость ихъ отъ воли начальника, присутствіе его сдѣлало чрезвычайно много. Начальники, съ разстроеными лицами подѣлѣжавшіе къ князю Багратіону, становились спокойнѣ, солдаты и офицеры весело привѣтствовали его и становились оживленнѣе въ его присутствіи и видимо щеголяли предъ нимъ своею храбростію.

XVIII.

Князь Багратіонъ, выѣхавъ, на самый высокій пунктъ нашего праваго фланга, сталъ спускаться внизу, гдѣ слышалась перекатная стрѣльба и ничего не видно было отъ порохового дыма. Чѣмъ ближе они спускались къ линіѣ, тѣмъ менѣе имъ становилось видно, но тѣмъ чувствительнѣе становилась близость самаго настоящаго поля сраженія. Имъ стали встрѣтиться раненые. Одного, съ окровавленной головой, безъ шапки, тащили двое солдатъ подъ руки. Онь хранилъ и плевалъ. Чуяя опасна видно въ ротъ или въ горло. Другой, встрѣтившійся имъ, бодро шелъ одинъ, безъ ружья, громко охая и махая отъ свѣжей боли рукою, изъ которой кровь лилась какъ изъ стеклянки на его щинель. Лицо его казалось больше испуганнымъ, чѣмъ страдающимъ. Опть минуту тому назадъ быть раненъ. Переѣхавъ дорогу, они стали круто спускаться и на спускѣ увидали иѣсколько человѣкъ, которые лежали; имъ встрѣтилась толпа солдатъ, въ числѣ которыхъ были цѣ ираненые. Солдаты шли въ гору, тяжело дыша, и несмотря на видъ генерала, громко разговаривали и махали руками. Впереди, въ дыму, уже видны ряды сѣрыхъ щинелей, и офицеръ, увидѣвъ Багратіона, съ крикомъ

побѣжать за солдатами, шедшими толпой, требуя, чтобы они воротились. Багратионъ подъѣхалъ къ рядамъ, по которымъ то тамъ, то здѣсь быстро цепкали выстрѣлы, заглушая говоръ и командные крики. Весь воздухъ пронитанъ былъ пороховымъ дымомъ. Лица солдатъ все были закончены порохомъ и оживлены. Иные забивали шомполами, другіе подсыпали на полки, доставали заряды изъ сумокъ, третья стрѣляли. Но въ кого они стрѣляли, этого не было видно отъ порохового дыма, не уносимаго вѣтромъ. Довольно часто слышались приятные звуки жужжанья и свистѣнья. „Что это такое?“ думать князь Андрей, подъѣзжая къ этой толпе солдатъ. „Это не можетъ быть цѣнь, потому что они въ кучѣ! Не можетъ быть атака, потому что они не двигаются, не можетъ быть каре: они не такъ стоятъ“.

Худощавый, слабый, на видъ стариечекъ, полковой командиръ, съ пріятною улыбкой, съ вѣками, которыми больше чѣмъ на половину закрывали его старческие глаза, придавая ему кроткій видъ, подъѣхалъ къ князю Багратиону и принялъ его, какъ, хозяинъ дорогаго гостя. Онъ доложилъ князю Багратиону, что противъ его полка была конная атака французовъ; но что хотя атака эта отбита, полкъ потерялъ больше половины людей. Полковой командиръ сказать, что атака была отбита, придумавъ это военное название тому, что происходило въ его полку, но онъ дѣйствительно самъ не зналъ, что происходило въ эти полчаса во вѣренныхъ ему войскахъ, и не могъ съ достовѣрностью сказать, была ли отбита атака, или полкъ его былъ разбитъ атакой. Въ начальѣ дѣйствий, онъ зналъ только то, что по всему его полку стали летать ядра и гранаты и бить людей, что потомъ кто-то закричалъ: конница, и наши стали стрѣлять. И стрѣляли до сихъ поръ.

уже не въ конницу, которая скрылась, а въ пѣшихъ французовъ, которые показались въ лощинѣ и стрѣлили по нашимъ. Князь Багратіонъ наклонилъ голову въ знакъ того, что все это было совершенно такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ. Обратившись къ адъютанту, онъ приказалъ ему привести съ горы два баталіона 6-го егерскаго, мимо которыхъ они сейчасъ проѣхали. Князя Андрея поразила въ эту минуту церемѣна, происшедшая въ лицѣ князя Багратіона. Лицо его выражало ту сосредоточенную и счастливую рѣшимость, которая бываетъ у человѣка, готоваго въ жаркій день броситься въ воду и берущаго послѣдній разбѣгъ. Не было ни невыспавшихъ тусклыхъ глазъ, ни притворно-глубокомысленного вида: круглые, твердые ястребиные глаза восторженно и иѣсколько презрительно смотрѣли впередъ, очевидно ни на чѣмъ не останавливалась, хотя въ его движеніяхъ оставалась прежняя медленность и размѣренность.

Полковой командиръ обратился къ князю Багратіону, упрашивая его отѣхать назадъ, такъ какъ здѣсь было слишкомъ опасно. „Помилуйте, ваше сіятельство, ради Бога!“ говорилъ онъ, за подтвержденіемъ взглядывая на свитскаго офицера, который отвертывался отъ него.

„Вотъ изволите видѣть!“ Онъ давалъ замѣтить пули, которые безпрестанно визжали, пѣли и свистали около нихъ. Онъ говорилъ такимъ тономъ просыбы и упрека, съ какимъ плотникъ говорить взявшемуся за топоръ барину: „наше дѣло привычное, а вы ручки намозолите“. Онъ говорилъ такъ, какъ будто его самого не могли убить эти пули, и его полузакрытые глаза придавали его словамъ еще болѣе убѣдительное выраженіе. Штабъ-офицеръ присоединился къувѣщаю полкового командира, но князь Багратіонъ не откликнулся.

имъ, и только приказалъ перестать стрѣлять и построиться такъ, чтобы дать мѣсто подходившимъ двумъ баталіонамъ. Въ то время, какъ онъ говорилъ, будто невидимою рукой потянулся справа налево отъ поднявшагося вѣтра пологъ дыма, скрывающій лощину, и противоположная гора съ дви- гающимися по ней французами открылась предъ ними. Всѣ глаза были невольно устремлены на эту французскую колонну, подвигавшуюся къ нимъ и извивавшуюся по уступамъ мѣстности. Уже видны были мохнатыя шапки солдатъ, уже можно было отличить офицеровъ отъ рядовыхъ, видно было, какъ трепалось о древко ихъ знамя.

— Славно идутъ, сказалъ кто-то въ свитѣ Багратіона. Голова колонны спустилась уже въ лощину. Столкновеніе должно было произойти на этой сторонѣ спуска...

Остатки нашего полка, бывшаго въ дѣлѣ, поспѣшило стро- ась, отходили вправо; изъ-за нихъ, разгонянъ отставшихъ, подходили стройно два баталіона 6-го егерскаго. Они еще не поравнялись съ Багратіономъ, а уже слышанъ былъ тя- желый, грузный шагъ, отбивааемый въ ногу всемъ массой людей. Съ лѣваго фланга шелъ ближе всѣхъ къ Багратіону ротный командиръ, круголицій статиній мужчина, съ глупымъ, счастливымъ выраженіемъ лица, тотъ самый, который выбѣжалъ изъ балагана. Онъ видимо ни о чёмъ не думалъ въ эту минуту, кроме того, что онъ молодцомъ пройдетъ мимо начальства.

Съ фронтовыми самодовольствомъ онъ шелъ легко на мускулистыхъ норахъ, точно онъ плылъ, безъ малѣйшаго усилия вытиривалось я отличаясь этой легкостью отъ тяже- лаго шага солдатъ, шедшихъ по его шагу. Онь песь у ноги выпнутую тоненьку ножечку шагну (гнутую шпажку, не-

похожую на оружие) и, оглядываясь то на начальство, то на задъ, не теряя шагу, гибко поворачивался всѣмъ своимъ сильнымъ станомъ. Базаюсь, всѣ силы души его были направлены на то, чтобы наиболѣшимъ образомъ пройти мимо начальства, и, чувствуя, что онъ исполняетъ это дѣло хорошо, онъ былъ счастливъ: „Лѣвой... лѣвой... лѣвой“, казалось, внутрь приговаривалъ онъ черезъ каждый шагъ; и во эту такту, съ разнообразно-строгими лицами, двигалась стѣна солдатскихъ фігуръ, отягченныхъ рациами и ружьями, какъ будто каждый изъ этихъ сотенъ солдатъ мыслью черезъ шагъ приговаривалъ: „лѣвой... лѣвой... лѣвой...“ Толстый маіоръ, пыхтя и разозливая шагъ, обходилъ кустъ по дорогѣ; отставшій солдатъ, взыскавшись, съ испуганнымъ лицомъ за свою неисправность, рысью догонялъ роту; ядро, пахнущее воздухъ, пролетѣло надъ головой князя Багратіона и свиты, и въ тактъ: „лѣвой — лѣвой!“ ударило въ колонну. „Сокнишь!“ послышалася щеголяющій голосъ ротного командира. Солдаты другой обходили что-то въ томъ мѣстѣ, куда упало ядро, и старый кавалеръ — фланговый унтер-офицеръ, отставъ около убитыхъ, догналъ свой рядъ, подпрыгнувъ, перемѣнилъ ногу, попалъ въ шагъ и сердито оглянулся. „Лѣвой... лѣвой... лѣвой...“ казалось слышалось изъ-за угрожающаго молчанія и однообразнаго звука единовременно ударяющихъ о землю ногъ.

— Молодцами, ребята! сказалъ князь Багратіонъ.

„Ради ого-го-го-го-го!...“ раздалось по рядамъ. Угрюмый солдатъ, шедшій слѣва, крича оглянулся глазами на Багратіона съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорилъ: „сами знаемъ“; другой, не оглядываясь и какъ будто боясь развлечься, разинувъ ротъ, кричалъ и проходилъ.

Всё это было остановиться и снять рации. Багратионъ обхалъ прошедшіе мимо его ряды и слѣдъ съ лошади. Онъ отдалъ казаку поводья, снялъ и отдалъ бурку, расправилъ ноги и поправилъ на головѣ картузъ. Голова французской колоннѣ, съ офицерами впереди, показалась изъ подъ горы.

— Съ Богомъ! проговорилъ Багратионъ твердынь, слышнимъ голосомъ, на мгновеніѣ обернулся къ фронту и, слегка размахивая руками, неловкимъ шагомъ кавалериста, какъ бы трудясь, пошелъ впередъ по первому полю. Князь Андрей чувствовалъ, что какая-то непреодолимая сила влечетъ его впередъ, и испытывалъ большое счастіе*).

Уже близко становились французы, уже князь Андрей, шедший рядомъ съ Багратиономъ, ясно различалъ перевязи, красные эполеты, даже лица французовъ (Онъ испо видѣлъ одного старого французскаго офицера, который, вывернутыми ногами, въ птиблетахъ, придерживаясь за кусты, съ трудомъ шелъ въ тору). Князь Багратионъ не давалъ нового приказанія, и все такъ же молча шелъ предъ рядами. Вдругъ между французами треснула одинъ выстрѣль, другой, третій... и по всемъ разстроившимся непріятельскимъ рядамъ разнесся дымъ и затрещала пальба. Несколько человѣкъ нашихъ упало, въ томъ числѣ и круглицы офицеръ, шедший такъ весело и старательно. Но въ то же мгновеніе, какъ

*.) Тутъ произошла та атака, про которую Тьеръ говоритъ: „Русские храбро повѣя себѣ и, что рѣдко случается на войнѣ, тутъ можно было видѣть, какъ два отряда пѣхоты решительно шли другъ на друга и какъ ни одинъ изъ нихъ не уступилъ раньше столкновенія“. А. Наполеонъ на островѣ Св. Елены сказалъ: „Несколько русскихъ баталіоновъ показали свою неустранимость“.

раздался первый выстрелъ, Багратіонъ оглушулъ и закричалъ: „Ура!“

„Ура-а-а!“ протяжныи крикомъ разнеслось по нашей линии и, обгояя князя Багратіона и другъ друга, нестройною, но веселою и оживленною толпой, побѣжали наши подъ гору за разстроеными французами.

XIV.

Атака 6-го егерского обезпечила отступление праваго фланга. Въ центръ, двѣстю вѣзьмѣтой батареи Тушина, успѣвшаго захвать Шенграбенъ, остановившо движение французовъ. Французы тушили пожаръ, разносимый вѣтромъ, и давали время отступать. Отступление центра, чрезъ, оврагъ совершилось поспешно и шумно; однако войска, отступая, не мутались командами. Но лѣвый флангъ, который единовременно былъ атакованъ и обходнимъ превосходными силами французовъ подъ начальствомъ Лаппа, и который состоялъ изъ Азовскаго и Подольскаго иѣхотовыхъ и Навлоградскаго гусарскаго полковъ, былъ разстроенъ. Багратіонъ послалъ Жеркова къ генералу лѣваго фланга съ приказаниемъ немедленно отступать.

Жерковъ бойко, не отнимая руки отъ фуражки, тронулъ лошадь и поскакалъ. Но едва только онъ отѣхалъ отъ Багратіона, какъ силы измѣнили ему. На него напалъ непреодолимый страхъ, и онъ не могъѣхать туда, где было опасно.

Подѣхавъ къ войскамъ лѣваго фланга, онъ побѣхаль не впередъ, гдѣ была стрѣльба, а стать отыскивать генерала и начальниковъ тамъ, гдѣ ихъ не можно было быть, и потому не передалъ приказанія.

Командование левымъ флангомъ принадлежало по старшинству полковому командиру того самого полка, который представлялся подъ Врауна Кутузову и въ которомъ служилъ солдатомъ Долоховъ. Командование же крайняго лѣваго фланга было предназначено командиру Павлоградскаго полка, гдѣ служилъ Ростовъ, вслѣдствіе чего произошло недоразумѣніе. Оба начальника были сильно раздражены другъ противъ друга, и въ то самое время, какъ на правомъ флангѣ давно уже шло дѣло и французы уже начали наступленіе, оба начальника были заняты переговорами, которые имѣли цѣлью оскорбить другъ друга. Полки же, какъ кавалерійскій, такъ и пѣхотный, были весьма мало приготовлены къ предстоящему дѣлу. Люди полковъ, отъ солдата до генерала, не ждали сраженія и спокойно занимались мирными дѣлами, кормленіемъ лошадей въ конницѣ, собирашеніемъ дровъ въ пѣхотѣ.

— Есть она одинако старше моего въ чиномъ, говорилъ пѣмѣцъ, гусарскій полковникъ, краснѣя и обращаясь къ подѣхавшему адъютанту, — то оставляй его дѣлать, какъ онъ хочетъ. Я своихъ гусаръ не могу жертвовать. Трубачъ! Играй отступленіе!

Но дѣло становилось къ сѣрѣху. Каонада и стрѣльба, слышалась, пресѣли справа и въ центрѣ, и французскіе каноты стрѣлковъ Лаппа проходили уже плотину мельницы и выстригались на этой сторонѣ въ двухъ ружейныхъ выстрѣлахъ. Пѣхотный полковникъ изнѣдрающею походкой подошелъ къ лошади и, вѣжливо наручивъ и сдѣлавшиесь очень прямымъ и высокимъ, подѣхалъ къ Павлоградскому командиру. Полковые командиры сѣхались съ учтивыми поклонами и со скрытымъ любопытствомъ въ сердцахъ.

— Опять-таки, полковникъ, говорилъ генералъ, — не могу я однако оставить половину людей въ лѣсу. Я васъ прошу, я васъ прошу, повторилъ онъ, — занять позицію и приготовиться къ атакѣ.

— А васъ прошу не мѣшивайтесь со свое дѣло; отвѣчалъ горячая полковникъ. — Коли бы вы были кавалеристъ...

— Я не кавалеристъ, полковникъ, но я русскій генералъ, и ежели вамъ это неизвѣстно...

— Очень извѣстно, ваше превосходительство, вдругъ вскрикнулъ, трогая лошадь, полковникъ, и двиняясь краснобагровымъ. Не угодно ли пожаловать въ цѣни, и вы будете посмотрѣть, что этотъ позиція никакуда негодный. Я не хочу истреблять своихъ полка для ваше удовольствій.

— Вы забываетесь, полковникъ. Я не удовольствіе свое соблюдаю и говорить этого не позволю.

Генералъ, принимая приглашеніе полковника на турниръ храбрости, выпрямивъ руды и нахмурившись, побѣжалъ съ нимъ вмѣстѣ по направлению къ цѣни, какъ будто все ихъ разномѣсіе должно было рѣшиться тамъ, въ цѣни, подъ пушками. Они приѣхали въ цѣни; не сколько пуль пролетѣло надъ ими, и они молча остановились. Смотрѣть въ цѣни, нечего было, такъ какъ и съ того мѣста, на которомъ они прежде стояли, ясно было, что по кустамъ и оврагамъ кавалеріи действовать невозможно, и что французы обходить лѣкое крыло. Генералъ и полковникъ строго и значительно смотрѣли, какъ два штуха, готовящіеся къ бою, другъ на друга, напрасно выжидая признаковъ трусости. Оба выдержали экзаменъ. Такъ какъ говорить было нечего, и ни тому, ни другому не хотѣлось чюдать свою другому сказать, что онъ первыи выѣхалъ изъ подъ пуль, они долго простоили бы чайки,

влашко испытывая храбрость, ежели бы въ это время, въ лѣсу, почти сзади ихъ, не послышались трескотня ружей и глухой сливающейся крикъ. Французы начали на солдатъ, находившихся въ лѣсу съ дровами. Гусарамъ уже нельзя было отступать въстѣ съ пѣхотой. Они были отрезаны отъ пути отступленія налево французской цѣнью. Теперь, какъ ни неудобна была неизвѣстность, необходимо было атаковать, чтобы проложить себѣ дорогу.

Эскадронъ, гдѣ служилъ Ростовъ, только что успѣвшій свѣсть на лошадей, былъ остановленъ лицомъ къ непріятелю. Опять, какъ и на Энскомъ мосту, между эскадрономъ и непріятелемъ никого не было, и между ними, раздѣляя ихъ, лежала та же страшная черта неизвѣстности и страха, какъ бы черта, отдѣляющая живыхъ отъ мертвыхъ. Всѣ люди чувствовали эту черту, и вопросъ о томъ, перейдутъ ли или неѣтъ и какъ перейдутъ они эту черту, волновалъ ихъ.

Къ фронту подѣхалъ шолковникъ, сердито отѣстиль что-то на вопросы офицеровъ и, какъ человѣкъ отчаянно настаивающій на своемъ, отдалъ какое-то приказание. Никто ничего опредѣленнаго не говорилъ, но по эскадрону пронеслась молва обѣ атакѣ. Раздалась команда построения, потомъ визгнули сабли, вынутыя изъ ноженъ. Но все еще никто не двигался. Войска лѣваго фланга, и пѣхота и гусары, чувствовали, что начальство само не знаетъ, чѣмъ дѣлать, и нерѣшимость начальниковъ сообщалась войскамъ.

„Поскорѣе, поскорѣе бы“, думалъ Ростовъ, чувствуя, что наконецъ-то наступило время извѣдать наслажденіе атаки, про которое онъ такъ много слышалъ отъ товарищей-гусаровъ.

— Съ Богомъ, ребята, прозвучала волость Денисова, — речею, марши!

Въ переднемъ ряду заколыхались кroupы лошадей. Грачикъ потянулъ поводы и самъ тронулся.

Справа Ростовъ видѣлъ первые ряды своихъ гусаръ, а еще дальше впереди видѣлась ему темная полоса, которую онъ не могъ разсмотрѣть, но считалъ шеирителемъ. Выстрѣлы были слышны, но въ отдаленіи.

— Прибавь рыси! послышалась команда, и Ростовъ чувствовалъ, какъ поддается задомъ, перебивая въ галопъ, его Грачика. Онъ впереди угадывалъ ого движениія, и ему становилось все веселѣе и веселѣе. Онъ замѣтилъ, одинокое дерево впереди. Это дерево сначала было впереди, на серединѣ той черты, которая казалась столь страшною. А вотъ и перешли эту черту, и не только ничего страшнаго не было, но все веселѣе и оживленѣе становилось. „Охъ, какъ я рубану его“, думалъ Ростовъ, сжимая въ руки эфесъ сабли.

— Ур-р-а-а-а!! загудѣли голоса. „Ну и нападись теперь кто бы ни былъ“, думалъ Ростовъ, вдавливая широры Грачика, и перегоняя другихъ, вынуждилъ его во весь карьеръ. Впереди уже видѣнъ былъ испрѣтитель. Вдругъ какъ широкими вѣниками стегнуло что-то по эскадрону. Ростовъ поднялъ саблю, готовясь рубить, но въ это время впереди скакавшій солдатъ Никитенко отдался отъ него, и Ростовъ почувствовалъ, какъ во снѣ, что продолжаетъ нестись съ неестественною быстротой впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остается на мѣстѣ. Сзади знакомый гусаръ Бандарчукъ наскакалъ на него и сердито посмотрѣль. Лошадь Бандарчука нарахнулась, и онъ обскакалъ мимо.

„Чтѣ же это? я не подвигаюсь? Я уналь, и убить...“ въ одно мгновеніе спросилъ и отвѣтилъ Ростовъ. Онъ былъ уже одинъ посреди поля. Вместо двигавшихся лошадей гусарскихъ

спинъ, онъ видѣлъ вокругъ себя неподвижную землю и живое. Тёплая кровь была подъ нимъ. „Нѣть, я раненъ, и лошадь убита“. Грачикъ поднялся было на переднія ноги, но упалъ, придавивъ сѣдоку ногу. Изъ головы лошади текла кровь. Лошадь билась и не могла встать. Ростовъ хотѣлъ подняться и упалъ тоже: ташка зацѣнилась за сѣдло. Гдѣ были наши гдѣ были французы, онъ не зналъ. Никого не было кругомъ.

Высвободивъ ногу, онъ поднялся. „Гдѣ, съ какой стороны была теперь та черта, которая такъ рѣзко отдѣлила два войска?“ спрашивалъ онъ себѣ и не могъ отвѣтить. „Ужъ не дурное ли что-нибудь случилось со мной? Бываютъ ли такие случаи, и что надо дѣлать въ такихъ случаяхъ?“ спросилъ онъ самъ себѣ, вставая; и въ это время почувствовалъ, что что-то лишнее виситъ на его лѣвой очѣмѣвшей руцѣ. Кисть ея была какъ чужая. Онъ оглядывалъ руку, тщетно отыскивая на ней кровь. „Ну, вотъ и люди“, подумалъ онъ радостно, увидавъ нѣсколько человѣкъ бѣжало къ нему. „Они мнѣ помогутъ!“ Впереди этихъ людей бѣжалъ одинъ, въ странномъ киверѣ и въ синей шинели, черный, загорѣлый, съ горбатымъ носомъ. Еще два и еще много бѣжало сзади. Одинъ изъ нихъ проговорилъ что-то странное, не-русское. Между задними такими же людьми, въ такихъ же киверахъ, стоялъ одинъ русскій гусаръ. Его держали за руки; позади его, держали его лошадь.

„Вѣрно нашъ плѣнникъ.. Да. Неужели и меня возьмутъ? Что это за люди?“ все думалъ Ростовъ, не вѣрия своимъ глазамъ. „Неужели французы?“ Онъ смотрѣлъ на приближавшихся французовъ и, несмотря на то, что за секунду скакалъ только затѣмъ, чтобы пастигнуть этихъ французовъ и изрубить ихъ, близость ихъ казалась ему теперь такъ ужасна,

Въ переднемъ ряду заколыхались крупы лошадей. Грачукъ потянулъ поводы и самъ тронулся.

Справа Ростовъ видѣлъ первые ряды своихъ гусаръ, а еще дальше впереди видѣлась ему темная полоса, которую онъ не могъ разсмотреть, но считалъ шерпятелемъ. Выстрѣли были слышны, но въ отдаленіи.

— Прибавь рыси! — послышалась команда, и Ростовъ чувствовалъ, какъ поддастъ задомъ, перебивалъ въ гадомъ, его Грачукъ. Онъ внередь угадывать его движенія, и ему становилось все веселѣе и веселѣе. Онъ замѣтилъ одинокое дерево впереди. Это дерево сначала было впереди, на серединѣ той черты, которая казалась столь страшною. А вотъ и перешли эту черту, и не только ничего страшнаго не было, но все веселѣе и оживленнѣе становилось. „Охъ, какъ я рубашу его“, думалъ Ростовъ, скимая въ рукѣ ѿфесь сабди.

— Ур-р-а-а-а!! загудѣли голоса. „Что же это?“ — подумалъ Ростовъ, вдавливая шпоры Грачуку, и пересчитывая другихъ, вынуждѣнныхъ его во весь карьеръ. Впереди уже видѣнъ былъ испрѣтитель. Вдругъ какъ широкими вѣниками стегнуло что-то по эскадрону. Ростовъ поднялъ саблю, готовясь рубить, но въ это время впереди скакавшій солдатъ Никитенко отдѣлился отъ него, и Ростовъ почувствовалъ, какъ во снѣ, что продолжаетъ нестись съ неестественною быстротой впередъ и вѣсть съ тѣмъ остается на мѣстѣ. Сзади знакомый гусарь Бандарчукъ наскакалъ на него и сердито посмотрѣлъ. Лошадь Бандарчука заражнулась, и онъ обскакалъ мимо.

„Что же это? я не подвигаюсь? И упалъ и убитъ...“ въ одновременіе спросилъ и отшѣтилъ Ростовъ. Онъ былъ уже одинъ носреди поля. Вмѣсто двигавшихся лошадей гусарскихъ

спинъ, онъ видѣлъ вокругъ себя неподвижную землю и живьё. Тёплая кровь была подъ нимъ. „Нѣть, я раненъ, и лошадь убита“. Грачикъ поднялся было на переднія ноги, но упалъ, придавивъ сѣдоку ногу. Изъ головы лошади текла кровь. Лошадь билась и не могла встать. Ростовъ хотѣлъ подняться и упалъ тоже: ташка заѣхнилась за сѣдло. Гдѣ были наши гдѣ были французы, онъ не зналъ. Никого не было кругомъ.

Высвободивъ ногу, онъ поднялся. „Гдѣ, съ какой стороны была теперь та черта, которая такъ рѣзко отдѣлила два войска?“ спрашивалъ онъ себя и не могъ отвѣтить. „Ужъ не дурное ли что-нибудь случилось со мной? Бываютъ ли такие случаи, и что надо дѣлать въ такихъ случаяхъ?“ спросилъ онъ самъ себя, вставая; и въ это время почувствовалъ, что что-то лишнее виситъ на его лѣвой онѣмѣвшей рукѣ. Кисть ея была какъ чужая. Онъ оглядывалъ руку, тщетно отыскивая на ней кровь. „Ну, вотъ и люди“, подумалъ онъ радостно, увидавъ нѣсколько человѣкъ бѣжало къ нему. „Они мнѣ помогутъ!“ Впереди этихъ людей бѣжалъ одинъ, въ странномъ киверѣ и въ синей шинели, черный, загорѣлый, съ горбатымъ носомъ. Еще два и еще много бѣжало сзади. Одинъ изъ нихъ проговорилъ что-то странное, не-русское. Между задними такими же людьми, въ такихъ же киверахъ, стоялъ одинъ русскій гусаръ. Его держали за руки; позади его, держали его лошадь.

„Вѣрно нашъ плѣнныи... Да. Неужели и меня возьмутъ? Чѣмъ это за люди?“ все думалъ Ростовъ, не вѣря своимъ глазамъ. „Неужели французы?“ Онъ смотрѣлъ на приближавшихся французовъ и, несмотря на то, что за секунду скакать только затѣмъ, чтобы настигнуть этихъ французовъ и изрубить ихъ, близость ихъ казалась ему теперь такъ ужасна,

что онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. „Кто они? Зачѣмъ они бѣгутъ? Неужели ко мнѣ? Неужели ко мнѣ они бѣгутъ? И зачѣмъ? Убить меня? *Меня*, кого такъ любятъ всѣ?“ Ему вспомнилась любовь къ нему его матери, семьи, друзей, и памѣреніе напріятелей убить его показалось невозможнно. „А можетъ и убить!“ Онь болѣе десяти секундъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста и не понимая своего положенія. Передній французъ съ горбатымъ носомъ подбѣжалъ такъ близко, что уже видно было выраженіе его лица. И разгоряченная, чуждая физіономія этого человѣка, который со штыкомъ на нервѣсь, сдерживая дыханіе, легко подбѣгалъ къ нему, испугала Ростова. Онь схватилъ пистолетъ и, вмѣсто того, чтобы стрѣлять изъ него, бросилъ имъ въ француза, и побѣжалъ къ кустамъ, чтѣ было силы. Не сѣть чувствомъ сомнѣнія и борьбы, съ какимъ онъ ходилъ на Энскій мостъ, бѣжалъ онъ, а съ чувствомъ зайца, убѣгающаго отъ собакъ. Одно нераздѣльное чувство страха за свою молодую, счастливую жизнь владѣло всѣмъ его существомъ. Выстро перепрыгивая черезъ межи, съ тою стремительностью, съ которой онъ бѣгалъ игра въ горблки, онъ летѣлъ по полю, изрѣдка обогащая свое блѣдное, добroe, молодое лицо, и холодъ ужаса пробѣгалъ по его синѣ. „Нѣть, лучше не смотрѣть“, подумалъ онъ, но, подбѣживъ къ кустамъ, оглянулся еще разъ. Французы отстали, и даже въ ту минуту, какъ онъ оглянулся, передній только что иеремѣпилъ рѣсъ на шагъ и, обернувшись, что-то сильно кричалъ заднему товарищу. Ростовъ остановился. „Что-нибудь не такъ“, подумалъ онъ, „не можетъ быть, чтобы они хотѣли убить меня“. А между тѣмъ лѣвая рука его была такъ тяжела, какъ будто двухнудовалъ гиря была привѣшена къ ней. Онь не могъ бѣжать дальше.

Французъ остановился тоже и прицѣлился. Ростовъ зажмурился и нагнулся. Одна, другая пушка пролетѣла жужжа мимо него. Онъ собралъ послѣднія силы, взялъ лѣвую руку въ правую и побѣжалъ до кустовъ. Въ кустахъ были русскіе стрѣлки.

XX.

Пѣхотные полки, застигнутые врасплохъ въ лѣсу, выбѣгали изъ лѣса, и роты, смышивались съ другими ротами, уходили безпорядочными толпами. Одинъ солдатъ въ испугѣ проговорилъ страшное на войнѣ и беззмысленное слово: „отрѣзали!“ и слово, вмѣстѣ съ чувствомъ страха, сообщилось всей массѣ.

— Обошли! Отрѣзали! Процали! кричали голоса бѣгущихъ.

Шолковой командиръ, въ ту самую минуту, какъ онъ услыхалъ стрѣльбу и крикъ сзади, испыталъ, что случилось что-нибудь ужасное съ его полкомъ, и мысль, что онъ, примѣрный, много лѣтъ служившій, ни въ чёмъ невиноватый офицеръ, могъ быть виновенъ предъ начальствомъ въ болонности или нераспорядительности, такъ поразила его, что въ ту же минуту, забывъ и непокорного кавалериста-полковника и свою генеральскую важность, а главное — совершиенно забывъ про опасность и чувство самосохраненія, онъ, ухватившись за луку сѣдла и шпоря лошадь, поскакалъ къ полку подъ градомъ обсыпавшихъ, но счастливо миновавшихъ его пуль. Онъ желалъ одного: узнать въ чёмъ дѣло и помочь, и исправить во что бы то ни стало ошибку, ежели она была съ его стороны, и не быть виновнымъ ему, двадцать два года служившему, ни въ чёмъ незамѣченому, примѣрному офицеру!

Счастливо проскакавъ между французами, онъ подскакалъ къ подю за лѣсомъ, черезъ которыйѣ бѣжали наши и, не слу-

шась команды, спускались подъ гору. Паступила та минута нравственного колебания, которая решаетъ участъ сраженій: послушаютъ эти разстроенные толпы солдатъ голоса своего командира, или оглянувшись на него, побѣгутъ дальше. Несмотря на отчаянныи крикъ ирежде столь грознаго для солдатъ полковаго командира, несмотря на разъяренное барабанное, на себя не похожее лицо полковаго командира и маханье шпагой, солдаты все бѣжали, разговаривали, стрѣляя въ воздухъ и не слушали команды. Нравственное колебаніе, решавшее участъ сраженій, очевидно разрѣжалось въ пользу страха.

Генералъ закашлялся отъ крика и порохового дыма, и остановился въ отчаяніи. Все казалось потерянно: но въ эту минуту французы, наступавши на нихъ, вдругъ, безъ видимой причины, побѣжали назадъ, скрылись изъ опушки лѣса, и въ лѣсу показались русскіе стрѣлки. Это была рота Тимохина, которая одна въ лѣсу удержалась въ порядкѣ и, заставивъ въ канаву у лѣса, неожиданно атаковала французовъ. Тимохинъ съ такимъ отчаяннымъ крикомъ бросился на французовъ и, съ такою безумною и цыганою решительностью, съ одною шпажкой, набѣжалъ на непріятеля, что французы, не успѣвъ опомниться, побросали оружіе и побѣжали. Долоховъ, бѣжавший рядомъ съ Тимохинымъ, въ упоръ убилъ одного француза и первый, взявшись за воротникъ сдавшагося офицера. Бѣгущіе возвратились, баталионы собрались, и французы, раздѣливши быво на двѣ части войска лѣваго фланга, на мгновеніе были оттеснены. Резервныя части успѣли соединиться, и бѣглецы остановились. Полковой командиръ стоялъ съ маюромъ Экономовымъ у моста, пронуская членовъ себя отступающія роты, когда къ нему подошелъ солдатъ, взялъ его за стремя и почти прислонился къ нему. На сол-

датъ была синеватая, фабричнаго сукна шинель, рапира и кивера не было, голова была повязана, и черезъ плечо была надѣта французская зарядная сумка. Онъ въ рукахъ держалъ офицерскую шпагу. Солдатъ былъ блѣдъ, голубые глаза его нагло смотрѣли въ лицо полковому командиру, а ротъ улыбался. Несмотря на то, что полковой командиръ былъ занятъ отданіемъ приказанія маюру Экономову, онъ не могъ не обратить вниманія на этого солдата.

— Ваше превосходительство, вотъ два трофея, сказали Долоховъ, указывая на французскую шпагу и сумку. — Млю взять въ плѣнъ офицеръ. Я остановилъ роту. Долоховъ тяжело дышалъ отъ усталости; онъ говорилъ съ остановками. — Вся рота можетъ свидѣтельствовать. Ирону запомнить, ваше превосходительство!

— Хорошо, хорошо, сказали полковой командиръ, и обратился къ маюру Экономову. Но Долоховъ не отошелъ; онъ развязалъ платокъ, дернулъ его и показалъ запекшуюся въ волосахъ кровь.

— Рана тыыкомъ, я остался во фронтѣ. Попомните, ваше превосходительство.

Про батарею Тушину было забыто, и только въ самомъ концѣ дѣла, продолжая слышать канонаду въ центрѣ, князь Багратионъ послалъ туда дежурнаго штаб-офицера и потому князя Андрея, чтобы велѣть батареѣ отступать, какъ можно скорѣе. Прикрытие, стоявшее подлѣ пушки Тушина, упложено, по чьему-то приказанію, въ серединѣ дѣла; но батарея продолжала стрѣлять и не была взята французами только потому, что непріятель не могъ предполагать дерзости стрѣльбы четырехъ, никакъ не запищепившихъ пушекъ! На противъ по-

спергичному дѣйствію этой батареи, онъ предполагалъ, что здѣсь въ центрѣ сосредоточены главныя силы русскихъ, и два раза пытался атаковать этотъ пунктъ, и оба раза былъ прогоняемъ картечными выстрелами, одноко стоявшихъ на этомъ возвышеніи четырехъ пушекъ.

Скоро послѣ отѣзда князя Багратіона, Тушина удалось захечь Шенгребенъ.

— Винъ, засумятились! Горитъ! Винъ дымъ-то! Ловко! Важно! Дымъ-то, дымъ-то! заговорила прислуга, оживляясь.

Всѣ орудія безъ приказанія были въ нацрадженіи пожара. Какъ будто подгоняя, подкрикивали солдаты къ каждому выстрелу: „Ловко! Вотъ такъ такъ! Ишь ты... Важно!“ Пожаръ, разносимый вѣтромъ, быстро распространялся. Французскія колонны, выступившия за деревню, ушли назадъ, по какъ бы въ наказаніе за эту неудачу, пепріятель выставилъ правѣе деревни десять орудій и сталъ бить изъ нихъ по Тушину.

Изъ-за дѣтской радости, возбужденной пожаромъ, и азарта удачной стрѣльбы по французамъ, наши артиллеристы замѣтили эту батарею только тогда, когда два ядра и вслѣдъ за ними еще четыре ударили между орудіями и одно повалило двухъ лошадей, а другое оторвало ногу ящичному пожатому. Оживленіе, разъ установившееся, однако не ослабѣло, а только перемѣнило настроеніе. Лошади были замѣнены другими изъ запасного лафета, раненые убрали, и четыре орудія повернуты противъ десяти пушечной батареи. Офицеръ, товарищъ Тушина, былъ убитъ въ началѣ дѣла, и въ продолженіи часа изъ сорока человѣкъ прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы все такъ же были веселы и оживлены. Два раза они замѣчали, что внизу, близко отъ

нихъ, показывались французы, и тогда они были по нихъ картечью.

Маленький человѣкъ, съ слабыми, неловкими движениями, требовалъ себѣ безпрестанно у леницика *еще трубочку* за это, какъ онъ говорилъ, и разсыпая изъ пея огонь, выбѣгалъ впередъ, и изъ-подъ маленькой ручки смотрѣлъ на французовъ.

— Круши, ребята! приговаривалъ онъ и самъ подхватывалъ орудія за колеса и вывинчивалъ винты. Въ дыму, оглушаемый безпрерывными выстрѣлами, заставлявшими его каждый разъ вздрогивать, Тунинъ, не выпуская своей посо-грѣйки, бѣгалъ отъ одного орудія къ другому, то прицѣливалъся, то считая заряды, то распоряжаясь перемѣщкой и переприжкой убитыхъ и раненыхъ лошадей, и покрикивать своимъ слабымъ, тоненькимъ, нерѣшительнымъ голоскомъ. Лицо его все болѣе и болѣе оживлялось. Только когда убивали или ранили людей, онъ морщился и, отворачиваясь отъ убитаго, сердито кричалъ на людей, какъ всегда мѣшавшихъ поднять раненаго или тѣло. Солдаты, большую частью красивые молодцы (какъ и всегда въ батарейной ротѣ на двѣ головы выше своего офицера и вдвое шире его), всѣ, какъ дѣти въ затруднительномъ положеніи, смотрѣли на своего коман-дира, и то выраженіе, которое было на его лицѣ, неизмѣнно отражалось на ихъ лицахъ.

Вследствіе этого страшнаго гула, шума, потребности вниманія и дѣятельности, Тунинъ не испытывалъ ни малѣйшаго непріятнаго чувства страха; и мысль, что его могутъ убить или болѣе ранить, не приходила ему въ голову. На противъ, ему становилось все веселѣе и веселѣе. Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда онъ увидѣлъ непріятеля и сѣдалъ первый

выстрѣль, и что клочокъ поля, на которомъ онъ стоялъ, былъ ему давно знакомымъ, родственнымъ мѣстомъ. Несмотря на то, что онъ все помнилъ, все соображалъ, все дѣлалъ, что могъ дѣлать самый лучшій офицеръ въ его положеніи, онъ находился въ состояніи, похожемъ на лихорадочный бредъ или на состояніе пьяного человѣка.

Изъ-за оглушающихъ со всѣхъ сторонъ звуковъ своихъ орудій, изъ-за свиста и ударовъ снарядовъ непріятеля, изъ-за вида испотѣвшей, раскрасившейся, торопящейся около орудій прислуги, изъ-за вида крови людей и лошадей, изъ-за вида дымковъ непріятеля на той сторонѣ (ночь которыхъ всякий разъ прилетало ядро и било въ землю, въ человѣка, въ орудіе или въ лошадь), изъ-за вида этихъ предметовъ у него въ головѣ установился свой фантастической міръ, который составлялъ его часладеніе въ эту минуту. Непріятельскія пушки въ его воображеніи были це пушки, а трубки, изъ которыхъ рѣдкими клубами выпускали дымъ невидимый курильщикъ.

— Виши пыхнуть опять, проговорилъ Тушинъ шопотомъ про себя, въ то время какъ съ горы высакивали клубы дыма и вѣтво полосой относили вѣтромъ, — теперь мячикъ жди — отсыпать назадъ.

— Чѣмъ прикажете, ваше благородіе? спросилъ фейерверкеръ, близко стоявшій около него и слышавшій, что онъ бормоталъ что-то.

— Ничего, гранату... отвѣчать онъ.

„Ну-ка, наша Матвѣвна“, говорилъ онъ про себя. Матвѣвной представлялась въ его воображеніи большая, крайняя, старинная лягушка. Муравьями представлялись ему французы около своихъ орудій. Красавецъ и пьяница,

первый нумеръ втораго орудія; въ его мірѣ быль дядя; Тушинъ чаще другихъ смотрѣлъ на него и радовался на каждое его движение. Знукъ то замиравшій, то опять усилившейся ружейной перестрѣлки подъ горою представлялся ему чимъ-то дыханіемъ. Онъ прислушивался къ затиханью и разгоранью этихъ звуковъ.

„Имы задышала опять, задышала“, говорилъ онъ про себя. Самъ онъ представлялся себѣ огромнаго роста, мощнымъ мужчиной, который обѣими руками швыряетъ французамъ ядра.

„Ну, Матвѣвна, матушка, не выдалай!“ говорилъ онъ, отходя отъ орудія, какъ надъ его головой раздался чуждай, незнакомый голосъ. — „Капитанъ Тушинъ! Капитанъ!“

Тушинъ испуганно оглянулся. Это былъ толькъ штабъ-офицеръ, который выгналъ его изъ Грунта. Онъ залихватшимся голосомъ кричалъ ему:

— Чѣмъ вы, съ ума сошли? Вамъ два раза приказали отступать, а вы...

„Ну за что они меня?..“ думалъ про себя Тушинъ, со страхомъ глядя на начальника.

— Я... ничего..., проговорилъ онъ, приставляя два пальца къ козырьку. — Я...

Но полковникъ не договорилъ всего, что хотѣлъ. Близко пролетѣвшее ядро заставило его, пырнувъ, согнуться на лошади. Онъ замолкъ, и только что хотѣлъ сказать еще что-то, какъ еще ядро остановило его. Онъ поворотилъ лошадь и поскакалъ прочь.

— Отступать! Всѣ отступать! прокричалъ онъ издалека.

Солдаты засмѣялись. Черезъ минуту пріѣхалъ адъютантъ съ тѣмъ же приказаніемъ.

Это былъ князь Андрей. Первое, что онъ увидѣлъ, въ¹близи на то пространство, которое занимали пушки Тушина, была отпряженная лошадь съ перебитою ногой, которая ржала около запряженныхъ лошадей. Изъ ноги ея, какъ изъ ключа, лилась кровь. Между передками лежало иѣсколько убитыхъ. Одно ядро за другимъ пролетало надъ нимъ въ то время, какъ онъ подѣжалъ, и онъ почувствовалъ, какъ нервическая дрожь пробѣжала по его спинѣ. Но одна мысль о томъ, что онъ боится, сповѣ подняла его. „И не могу бояться“, подумалъ онъ и медленно слѣзъ съ лошади между орудіями. Онъ передалъ приказаніе и не уѣхалъ съ батареи. Онъ рѣшился, что при себѣ спустить орудія съ позиціи и отведеть ихъ. Вмѣстѣ съ Тушиннымъ, шагая черезъ тѣла и подъ страшнымъ огнемъ французовъ, онъ занялся уборкой орудій.

— А то прѣжало сейчасть начальство, такъ скорѣе дѣло; сказаль фейєрверкеръ князю Андрею. — не такъ; какъ замѣтъ благородіе.

Князь Андрей ничего не говорилъ съ Тушиннымъ. Они оба были такъ заняты, что казалось, и не видали другъ друга. Когда, надѣвъ уѣздѣвшія изъ четырехъ два орудія на передки, они двинулись подъ гору (одна разбитая пушка и единорогъ были оставлены), князь Андрей подѣжалъ къ Тушину.

— Ну, до свиданія, сказаль князь Андрей, протягивая руку Тушину.

— До свиданія, голубчикъ, сказаль Тушинъ; ... жилая душа! прощайте, голубчикъ, сказаль Тушинъ со слезами, которымъ неизвѣдѣнно почему вдругъ выступили ему на глаза.

1. Слово въ первомъ смыслѣ, т. е. въ значеніи: въблизи.

2. Слово въ первомъ смыслѣ, т. е. въ значеніи: въблизи.

XXI.

Вътеръ стихъ, черныя тучи низко цависли надъ мѣстомъ сраженія, сливалась на горизонтѣ съ пороховымъ дымомъ. Становилось темно, и тѣмъ яснѣе обозначалось въ двухъ мѣстахъ зарево пожаровъ. Канонада стала слабѣе, но трескотня ружей сзади и справа слышалась ѿще чаше и ближе. Какъ только Тушинъ съ своими орудіями, объѣзжая и пазжая, на раненыхъ, вышелъ изъ-подъ огня и спустился въ оврагъ, его встрѣтило начальство и адютанты, въ числѣ которыхъ былъ и штабъ-офицеръ, и Жерковъ, два раза посланный и ни разу не доѣхавшій до батареи Тушина. Всѣ они, перебивая одинъ другаго, отдавали и передавали приказанія, какъ и куда идти, и дѣлали ему упреки и замѣчанія. Тушинъничѣмъ не распоряжался, и молча, боясь говорить, потому что при каждомъ словѣ онъ готовъ былъ самъ не зная отчего, зацарапать, фхаль сзади на своей артиллерійской клѣчи. Хотя раненыхъ велико было бросать, много изъ нихъ тащилось за войсками и просилося на орудія. Тотъ самый молодцоватый шхотный офицеръ, который предъ сраженіемъ выскочилъ изъ шалаша Тушина, былъ, съ шулей въ животѣ, положенъ на лафетъ Матвѣвины. Иодъ горой, блѣдный гусарскій юнкеръ, одною рукой поддерживая другую, подошелъ къ Тушину и, пропросился ѿсть.

— Капитанъ, ради Бога, я контуженъ въ руку, скажать онъ рѣбко. — Ради Бога, я де могу итти! Ради Бога! Видно было, что юнкеръ, этотъ уже не разъ просился тѣмъ-нибудь сесть и вѣдѣ получалъ отказы. Онъ просилъ первышиелѣніи и скакими голосомъ:

— Прикажите досадить, ради Бога.

— Посадите, посадите, сказалъ Тушинъ. — Подложи шинель, ты, дядя, обратился онъ къ своему любимому солдату. — А гдѣ офицеръ рапеный?

— Сложили, кончился, отвѣтилъ кто-то.

— Посадите. Садитесь, милый, садитесь. Подстели шинель, Аяповъ.

Юнкеръ былъ Ростовъ. Онъ держалъ одною рукой другую, былъ блѣденъ, и нижняя челюсть тряслась отъ лихорадочной дрожи. Его посадили на Матвѣевну, на то самое орудіе, съ котораго сложили мертваго офицера. На подложенной шинели была кровь, въ которой запачкались рейтусы и руки Ростова.

— Что, вы рапены, голубчикъ? сказалъ Тушинъ, проходя къ орудію, на которомъ сидѣлъ Ростовъ.

— Нѣтъ, контуженъ.

— Отчего же кровь-то на станкѣ? спросилъ Тушинъ.

— Это офицеръ, ваше благородіе, окровянитъ, отвѣчалъ солдатъ артиллеристъ, обтирая кровь рукавомъ шинели и какъ будто извиняясь за печистоту, въ которой находилось орудіе.

Насилу съ помощью пехоты вывезли орудія въ гору, и, достигши деревни Гунтердорфъ, остановились. Стило уже такъ темпо, что въ десяти шагахъ нельзя было различить муницировъ солдатъ, и перестрѣлка стала стихать. Вдругъ, близко съ правой стороны, послышались огненные крики и палиба. Отъ выстреловъ уже блестѣло въ темнотѣ. Это была послѣдняя атака французовъ, на которую отвѣчали солдаты, засѣвшіе въ дома деревни. Огнть все бросилось изъ деревни, и орудія Тушина не могли двинуться, и артиллеристъ, Тушинъ и юнкеръ молча переглядывались, ожидая своей

участи. Перестрѣлка стала стихать, ц. изъ боковой улицы высыпали оживленные говоромъ солдаты.

— Цѣль, Петровъ? спрашивалъ одинъ.

— Задача, братъ, жару. Тесеръ не сунутся, говорилъ другой.

— Ничего не видать. Какъ они въ своихъ-то зажарили! Не видать, темъ, братца. Ишь-ли пачтися?

Французы послѣдній разъ были отбиты. И опять, въ совершенномъ мракѣ, орудія Тупица, какъ рамой окруженнаго гудѣвшему шхотовой, двинулись куда-то впередъ. Въ темнотѣ какъ будто толпа невидимая, мрачная рѣка, все въ одномъ напряженіи, гудя шепотомъ, говоромъ, и звуками конятъ и колесъ. Въ общемъ гулъ изъ-за всѣхъ другихъ звуковъ яснѣе всѣхъ бытия стоялъ и голоса рапетныхъ, во мракѣ ночи. Ихъ стоящ, казалось, наполнили собой весь оттъ мрака, окружавшаго войска. Ихъ стояны и мракъ этой ночи, это было одно и то же. Чрезъ нѣсколько времени въ движущейся толѣ произошло волненіе. Кто-то проѣхалъ со свитой на бѣлой лошади, и что-то сказалъ проѣзжая.

— Что сказалъ? Куда теперь? Стоять что-ль? Благодарить что ли? послышались жадные разспросы со всѣхъ сторонъ, и вся движущаяся масса стала панирать сама на себя (видно переднія остановились), и профессъ слухъ, что всѣно остановились. Всѣ остановились; какъ-шли, на серединѣ грязной дороги.

Засвѣтились огни, и слышнѣе стало говоръ. Капитанъ Тупинъ, распорядившись по ротѣ, послалъ одного изъ солдатъ отыскивать перевязочный пунктъ или дѣкари для юнкера, и сѣть у огня, разложенного па дорогѣ солдатами.

Ростовъ перетащился тоже къ огню. Лихорадочная дрожь отъ боли, холода и сырости трясла все его тѣло. Сопъ не-преодолимо клонилъ его, но онъ не могъ заснуть отъ мучительной боли въ нынѣшней и не находившей положенія рукъ. Онъ то закрывалъ глаза, то взглядывалъ на огонь, казавшійся ему горячо-краснымъ, то на сутуловатую, слабую фигуру Тушкина, по-турецки сидѣвшаго подлѣ него. Больше, добрые и умныя глаза Тушкина, съ сочувствіемъ и состраданіемъ, устремлялись на него. Онъ видѣлъ, что Тушинъ всюю душой хотѣлъ и ничѣмъ не могъ помочь ему.

Со всѣхъ сторонъ слышины были шаги и говоръ проходившихъ, проѣзжавшихъ и кругомъ размѣщавшейся пѣхоты. Звуки голосовъ, шаговъ и переставляемыхъ въ грязи лошадиныхъ копытъ, ближній и дальний трескъ дровъ сливались въ одинъ колеблющийся гулъ.

Теперь уже не текла, какъ прежде, во мракѣ невидимая рѣка, а будто послѣ бури укладывалось и трепетало мрачное море. Ростовъ безсмыслицо смотрѣлъ и слушалъ, чтобъ исходило предъ нимъ и вокругъ него. Пѣхотный солдатъ подошелъ къ костру, присѣлъ на корточки, всунулъ руки въ огонь и отверпнулъ лицо.

— Ничего, ваше благородіе? сказалъ онъ, вопросительно обращаясь къ Тушкину. — Вотъ отбился отъ роты, ваше благородіе; самъ не знаю, гдѣ. Бѣда!

Вмѣстѣ съ солдатомъ подошелъ къ костру пѣхотный офицеръ съ подвязанною щекой, и обращаясь къ Тушкину, просилъ приказать подвинуть крошечку орудія, чтобы провести повозку. За ротнымъ командиромъ набѣжалы па костеръ два солдата. Они отчаянно ругались и дрались, выдергивая другъ у друга какой-то сапогъ.

— Какъ же, ты подпрыгъ! Ишь ловокъ! кричалъ одинъ хрип-
лымъ голосомъ.

Потомъ шодошелъ худой, блѣдный, солдатъ съ шеей, об-
вязанной окровавленною подверткой, и сердитымъ голосомъ
требовалъ воды у артиллеристовъ.

— Что жъ, умирать чтò ли, какъ собакѣ? говорилъ онъ.

Тушицъ велѣлъ дать ему воды. Потомъ подбѣжалъ веселый
солдатъ, прося огоньку въ пѣхоту.

— Огоньку горяченькаго въ пѣхоту! Счастливо оставающія
землячки, благодаримъ за огонекъ, мы назадъ съ процентой
отдадимъ, говорилъ онъ, унося куда-то въ темноту красиую-
щуюся головешку.

За этимъ солдатомъ четыре солдата, неся что-то тяжелое
да шинели, прошли мимо костра. Одна изъ нихъ спот-
кнулся,

— Ишь, черти, на, дорогѣ, дрова положили, проворчалъ
одинъ.

— Кончился, чтожъ его носить? сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ну, вѣсъ! И они скрылись во мракѣ съ своею, ношей.

— Чѣмъ болитъ? спросилъ Тушицъ шопотомъ у Ростова.

— Болѣть.

— Ваше, благородіе, къ генералу. Здѣсь въ избѣ стоять,
сказалъ фейерверкеръ, подходя къ Тушицу.

— Сейчасъ, голубчикъ; Тушицъ всталъ и, застегивая, ши-
нель и, оправившись, отошелъ отъ костра.

Недалеко отъ костра артиллеристъ, въ приготовленной
для него избѣ, сидѣлъ днѣзъ Багратіонъ за обѣдомъ, разго-
варивая съ некоторыми начальниками частей, собравшимися
у него. Тутъ былъ старичекъ съ полузакрытymi глазами,
жадно обладывавший баранью кость, и двадцати двухлѣтній

безупречный генералъ, раскрасневшійся отъ рюмки водки и обѣда, и штаб-офицеръ съ именемъ «перстнемъ», и Жерковъ, беспокойно оглядывавшій шеихъ, и князь Андрей, блѣдныій съ поджатыми губами и лихорадочно блестящими глазами.

Въ избѣ стояло прислоненное въ углу взятое французское знамя, и аудиторъ съ наивнымъ лицомъ щупалъ ткань знамени, и, недоумѣвая, покачивалъ головой, можетъ быть оттого, что его и въ самомъ дѣлѣ интересовалъ видъ знамени, а можетъ быть и оттого, что ему тѣжело было голодному смотрѣть на обѣдъ, за которымъ ему не достало прибора. Въ съдней избѣ находился, взятый въ пленъ драгунами французскій полковникъ. Около него толпились, разматривали его, наши офицеры. Князь Багратіонъ благодарилъ отдельныхъ начальниковъ и разспрашивалъ о подробностяхъ дѣла и о потеряхъ. Полковой командиръ, представившій подъ Браунau, докладывалъ князю, что, какъ только началось дѣло, онъ отступилъ изъ лѣса, собралъ дроворубовъ и, пропустивъ ихъ мимо себя, съ двумя баталіонами ударили въ штики и опрокинули французовъ.

— Какъ я увидѣлъ, ваше сиятельство, что первый баталіонъ разстрѣленъ, я сталъ на дорогѣ и думалъ: «Пропущу этихъ и встрѣчу баталіонъ отнемъ»; также и сдѣлалъ.

Полковому командиру такъ хотѣлось сдѣлать это, такъ онъ жалѣлъ, что не успѣлъ этого сдѣлать, что ему казалось, что все это точно было. Даже можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ было? Развѣ можно было разобрать въ этой путаницѣ, что было и чего не было? При чёмъ должно замѣтить, ваше сиятельство, сдѣлать опять, вспоминая о разговорѣ Долохова съ Кутузовымъ,

и о послѣднемъ свиданіи своемъ съ разжалованнымъ, — что рядовой, разжалованный Долоховъ, на моихъ глазахъ изилъ въ плѣнъ французскаго офицера и особенно отличился.

— Здѣсь-то я видѣлъ, ваше сіятельство атаку Павлоградцевъ, безпокойно оглядываясь вмѣшался Жерковъ, который вовсе не видаль въ этотъ день гусаръ, а только слышалъ о нихъ отъ пѣхотнаго офицера. — Смили два каре, ваше сіятельство.

На слова Жеркова нѣкоторые улыбнулись, какъ и всегда, ожидая отъ него шутки; по замѣтивъ, что то, что онъ говорилъ, клонилось тоже къ славѣ нашего оружія и нынѣшнаго дна, приняли серьезное выраженіе, хотя многіе очень хорошо знали, что то, что говорилъ Жерковъ, была ложь, ни на чемъ не основанная. Князь Багратіонъ обратился къ старичку-полковнику.

— Благодарю всѣхъ, господа, всѣ части дѣйствовали геройски: пѣхота, кавалерія и артиллерія. Какимъ образомъ въ центрѣ оставлены два орудія? спросилъ онъ, ища кого-то глазами (Князь Багратіонъ не спрашивалъ про орудія лѣваго фланга, онъ зналъ уже, что тамъ въ самомъ началѣ дѣла были брошены всѣ пушки). — Я васъ, кажется, просилъ, обратился онъ къ дежурному штабѣ-офицеру.

— Одно было подбито, отвѣчалъ дежурный штабѣ-офицеръ, — а другое, я не могу понять, я самъ тамъ все время былъ и распоряжался, и только что отѣхалъ... Жарко было, правда, прибавилъ онъ скромно.

Кто-то сказалъ, что капитанъ Тушинъ стоитъ здѣсь у самой деревни и что за нимъ уже послано.

— Да вотъ вы были, сказалъ князь Багратіонъ, обращаясь къ князю Андрею.

безупречный генералъ, раскрасневшійся отъ рюмки водки и обѣда, и штабъ-офицеръ съ именемъ "перстнемъ," и Жерковъ, беспокойно оглядывавшій всѣхъ, и князь Андрей, блѣдный съ поджатыми губами и лихорадочно блестящими глазами.

Въ избѣ стояло прислоненное въ углу взятое французское знамя, и аудиторъ съ наивнымъ лицомъ щупалъ ткань знамени, и, недоумѣвая, покачивалъ головой, можетъ быть оттого, что его и въ самомъ дѣлѣ интересовалъ видъ знамени, а можетъ быть и оттого, что ему тяжело было голодному смотрѣть на обѣдъ, за которымъ ему не достало прибора. Въ съдней избѣ находился, взятый въ пленъ драгунами французской полковникъ. Около него толпились, рассматривая его, наши офицеры. Князь Багратіонъ благодарила отдельныхъ начальниковъ и разспрашивалъ о подробностяхъ дѣла и о потеряхъ. Полковой командиръ, представившійся подъ Браунау, докладывалъ князю, что, какъ только началось дѣло, онъ отступилъ изъ лѣса, собралъ дроворубовъ и, пропустивъ ихъ мимо себя, съ двумя баталіонами ударила въ тыки и опрокинулъ французовъ.

— Какъ я увидѣлъ, ваше сіятельство, что первый баталіонъ разстрѣонъ, я сталъ на дорогѣ и думаю: «пропущу этихъ и встрѣчу баталіонъ отнемъ»; такъ и сдѣлалъ.

Полковому командиру такъ хотѣлось сдѣлать это, такъ онъ жалѣлъ, что не успѣлъ этого сдѣлать, что ему назапасъ, что все это точно было. Даже можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ было? Развѣ можно было разобрать въ этой путаницѣ, что было и чего же было? При чёмъ должно замѣтить, ваше сіятельство, опредѣжалъ онъ, испоминая о разговоѣ Дюхона съ Кутуковомъ,

и о послѣдней свиданіи своемъ съ разжалованнымъ, — что рядовой, разжалованный Долоховъ, на моихъ глазахъ изялъ въ плѣнъ французскаго офицера и особенно отличился.

— Здѣсь-то я видѣлъ, ваше сиятельство атаку Навлоградцевъ, беспокойно оглядываясь вышелся Жерковъ, который вовсе не видаль въ этотъ день гусаръ, а только слышалъ о нихъ отъ пѣхотнаго офицера. — Смыли два каре, ваше сиятельство.

На слова Жеркова нѣкоторые улыбнулись, какъ и всегда, ожидая отъ него шутки; но замѣтивъ, что то, что онъ говорилъ, клонилось тоже къ славѣ нашего оружія и нынѣшняго дня, принялъ серьезное выраженіе, хотя многіе очень хорошо знали, что то, что говорилъ Жерковъ, была ложь, ни на чёмъ не основанная. Князь Багратіонъ обратился къ старичку-полковнику.

— Благодарю всѣхъ, господа, всѣ части дѣйствовали геройски: пѣхота, кавалерія и артиллерія. Какимъ образомъ въ центрѣ оставлены два орудія? спросилъ онъ, ища кого-то глазами (Князь Багратіонъ не спрашивалъ про орудія лѣваго фланга, онъ зналъ уже, что тамъ въ самомъ начальѣ дѣла были брошены всѣ пушки). — Я васъ, кажется, просилъ, обратился онъ къ дежурному штабъ-офицеру.

— Одно было подбито, отвѣчалъ дежурный штабъ-офицеръ, — а другое, я не могу понять, я самъ тамъ все время былъ и распоряжался, и только что отѣхалъ... Жарко было, правда, прибавилъ онъ скромно.

Кто-то сказалъ, что капитанъ Тушинъ стоитъ здѣсь у самой деревни и что за нимъ уже послано.

— Да вотъ вы были, сказалъ князь Багратіонъ, обращаясь къ князю Андрею.

— Какъ же, мы вмѣстѣ немнога не сѣхались, сказалъ дежурный штабъ-офицеръ, пріятно улыбаясь Болконскому.

— Я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть, холодно и отрывисто сказалъ князь Андрей. Всѣ молчали.

На порогѣ показался Тушинъ, робко пробиравшися изъ спинъ генераловъ. Обходя генераловъ въ тѣсной избѣ, сконфуженный, какъ и всегда при видѣ начальства, Тушинъ не разсмотрѣлъ древка знамени и спотыкнулся на него. Нѣсколько голосовъ засмѣялось.

— Какимъ образомъ орудіе оставлено? спросилъ Багратіонъ, нахмурившись не столько на капитана, сколько на смилившихся, въ числѣ которыхъ громче всѣхъ слышался голосъ Жеркова. Тушину теперь только, при видѣ грознаго начальства, во всемъ ужасъ представилась его вина и позоръ въ томъ, что онъ, оставшись живъ, потерялъ два орудія. Онъ такъ былъ взволнованъ, что до сей минуты не успѣлъ подумать объ этомъ. Смѣхъ офицеровъ еще больше сбилъ его съ толку. Онъ стоялъ предъ Багратіономъ съ дрожащею нижнею челюстью, и едва проговорилъ:

— Не знаю... ваше сіятельство... людей не было, ваше сіятельство.

— Вы бы могли изъ прикрытия взять!

Что прикрытия не было, этого не сказалъ Тушинъ, хотя это была сущая правда. Онъ боялся подвести этимъ другаго начальника, и молча, остановившимися глазами, смотрѣлъ прямо въ лицо Багратіону, какъ смотритъ сбившийся ученикъ въ глаза экзаменатору.

Молчаніе было довольно продолжительное. Князь Багратіонъ, видимо, не желая быть строгимъ, не находился что сказать; остальные не смѣли вмѣшаться въ разговоръ. Князь

Андрей изподлобья смотрѣлъ на Тушина, и пальцы его руки нервически двигались.

— Ваше сиятельство, прервалъ князь Андрей молчаніе своимъ рѣзкимъ голосомъ, — вы меня изволили послать къ батареѣ капитана Тушина. Я былъ тамъ и нашелъ двѣ трети людей и лошадей перебитыми, два орудія исковеркаными, и прикрытия никакого.

Князь Багратионъ и Тушинъ однаково упорно смотрѣли теперь надержанно и взволнованно говорившаго Болконскаго.

— И ежели, ваше сиятельство, позволите мнѣ высказать свое мнѣніе, продолжалъ онъ, — то успѣхомъ дня мы обязаны болѣе всего дѣйствію этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина съ его ротой, сказалъ князь Андрей и, не ожидая отвѣта, тотчасъ-же всталъ и отошелъ отъ стола.

Князь Багратионъ посмотрѣлъ на Тушина, и видимо не желая выказать недовѣрія къ рѣзкому сужденію Болконскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя себя не въ состояніи вполнѣ вѣрить ему, наклонилъ голову и сказалъ Тушину, что онъ можетъ идти. Князь Андрей вышелъ за нимъ.

— Вотъ спасибо, выручилъ, голубчикъ, сказалъ ему Тушинъ.

Князь Андрей оглянулся на Тушина и, ничего не сказавъ, отошелъ отъ него. Князю Андрею было грустно и тяжело. Все это было такъ странно, такъ не похоже на то, чего онъ надѣялся.

„Кто они? Зачѣмъ они? Чѣмъ имъ нужно? И когда все это кончится?“ думалъ Ростовъ, глядя на перемѣнившіяся предъ нимъ тѣла. Боль въ руѣ становилась все мучительне.

Сонь клонилъ неопреодолимо, въ глазахъ пригали красные круги, и впечатлѣніе этихъ голосовъ и этихъ лицъ, и чувство одиночества сливались съ чувствомъ боли. Это они, эти солдаты раненые и не раненые, — это они-то и давили, и тяготили, и выворачивали жилы, и жгли мясо въ его разломанной руцѣ и плечѣ. Чтобъ избавиться отъ нихъ, онъ закрылъ глаза.

Онъ забылся на одну минуту, но въ этотъ короткій промежутокъ забвенія онъ видѣлъ во снѣ безчисленное количество предметовъ; онъ видѣлъ свою мать и ея большую белую руку, видѣлъ худенькія плечи Сони, глаза и смѣхъ Наташи, и Денисова съ его голосомъ и усами, и Телянина, и всю свою исторію съ Телянинымъ и Богданычемъ. Всі эта исторія была одно и то же, чтобъ этотъ солдатъ съ рѣзкимъ голосомъ, и эта-то вся исторія, и этотъ-то солдатъ такъ му-чительно, неотступно держали, давили и все въ одну сто-рону тянули его руку. Онъ пытался устраниться отъ нихъ, но они не отпускали ни на волосъ, ни на секунду его плечо, Оно бы не болѣло, оно было бы здорово, ежели бъ они не тянули его; но нельзѧ было избавиться отъ нихъ.

Онъ открылъ глаза и поглядѣлъ вверхъ. Черный пологъ ночи на аршинъ висѣлъ падъ свѣтомъ углей. Въ этомъ свѣтѣ летали порошники падавшаго свѣта. Тушинъ не возвращался, лѣкарь не приходилъ. Онъ былъ одинъ, только какой-то сол-датикъ сидѣлъ теперь голый по другую сторону огня и грѣлъ свое худое желтое тѣло.

„Никому не нуженъ я!“ думалъ Ростовъ. „Некому ни по-мочь, ни пожалѣть. А былъ же и я когда-то дома, сильный, веселый, любимый“, онъ вздохнулъ и со вздохомъ невольно застоналъ.

— Ай болить что? спросилъ солдатикъ, встряхивая свою

рубаху надъ огнемъ, и не дожидалась отвѣта, крякнувъ, прибавилъ: — Мало ли за день народу попортили — страсть!

Ростовъ не слушалъ солдата. Онъ смотрѣлъ па порхавшій надъ огнемъ снѣжинкѣ и вспоминалъ русскую зиму съ теплымъ, свѣтлымъ домомъ, пушистою шубой, быстрыми саниами, здоровымъ тѣломъ и со всемъ любовью и заботою семьи. „И зачѣмъ я пошелъ сюда!“ думалъ онъ.

На другой день французы под возбуждением нападения, и остатокъ Багратионова отряда присоединился къ армии Кутузова.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Князь Василій не обдумывалъ своихъ плановъ. Онъ еще менѣе думалъ сдѣлать людямъ зло для того, чтобы пріобрѣсти выгоду. Онъ былъ только свѣтскій человѣкъ, успѣвшій въ свѣтѣ, и сдѣлавшій привычку изъ этого успѣха. У него постоянно, смотря по обстоятельствамъ, по сближеніямъ съ людьми, составлялись различные планы и соображенія, въ которыхъ онъ самъ не отдавалъ себѣ хорошенъко отчета, но которые составляли весь интересъ его жизни. Не одинъ и не два такихъ плана и соображенія бывало у него въ ходу, а десятки, изъ которыхъ одни только начинали представляться ему, другіе достигались, трети уничтожались. Онъ не говорилъ себѣ напримѣръ: „Этотъ человѣкъ теперь въ силѣ, я долженъ пріобрѣсти его довѣріе и дружбу и черезъ него устроить себѣ выдачу единовременного пособія“, или онъ не говорилъ себѣ: „Вотъ Пьеръ богатъ, я долженъ заманить его жениться на дочери и запасть нужная мнѣ 40 тысячъ“; но человѣкъ въ силѣ встрѣчался ему, и въ ту же минуту инстинктъ подсказывалъ ему, что этотъ человѣкъ можетъ быть

полезенъ, и князь Василій сближался съ нимъ, и при первой возможности, безъ приготовленія, по инстинкту, льстилъ, дѣлался фамильяренъ, говорилъ о томъ, о чмъ нужно было.

Пьеръ былъ у него подъ рукою въ Москвѣ, и князь Василій устроилъ для него назначеніе въ камерь-юнкера, что тогда равнялось чину статскогосовѣтника, и настоялъ на томъ, чтобы молодой человѣкъ съ нимъ имѣстъѣхъ въ Петербургѣ и остановился въ его домѣ. Какъ будто разсказано, и имѣстъѣхъ съ тѣмъ съ несомнѣнною увѣренностью, что такъ должно быть, князь Василій дѣлалъ все, что было нужно для того, чтобы женить Пьера на своей дочери. Ежели бы князь Василій обдумывалъ впередъ свои планы, онъ не могъ бы имѣть такой естественности въ обращеніи и такой простоты и фамильярности въ сношеніяхъ со всѣми людьми, выше и ниже себя поставленными. Что-то влекло его постоянно къ людямъ сильнѣе или богаче его, и онъ одаренъ былъ рѣдкимъ искусствомъ ловить именно ту минуту, когда надо и можно было пользоваться людьми.

Пьеръ, сдѣлавшись неожиданно богачемъ и графомъ Безухимъ, послѣ недавнаго одиночества и беззаботности, мочувствовалъ себя до такой степени окруженнymъ, занятымъ, что ему только въ цостели удавалось остаться одному съ самимъ собою. Ему нужно было подписывать бумаги, вѣдаться съ присутственными мѣстами, о значеніи которыхъ онъ не имѣлъ яснаго понятія, спрашивать о чмъ-то главнаго управляющаго,ѣхать въ подмосковное имѣніе и принимать множество лицъ, которыхъ прежде не хотѣли и знать о его существованіи, а теперь были бы обижены и огорчены, ежели бы онъ не захотѣлъ ихъ видѣть. Всѣ эти разнообразны лица: дѣловыя, родственники, знакомые, всѣ были одинаково хо-

роцо, ласково расположены къ молодому наследнику; все они очевидно и несомненно были убѣждены въ высокихъ достоинствахъ ІІьера. Безпрестанно онъ слышалъ слова: „съ вашею необыкновенною добротой“, или „при вашемъ прекрасномъ сердцѣ“, или „вы сами такъ чисты, графъ...“ или „если бы онъ былъ такъ умень, какъ вы“, т. п., такъ что онъ искренно начиналъ вѣрить своей необыкновенной добротѣ и своему необыкновенному уму, тѣмъ болѣе, что и всегда, въ глубинѣ души, ему казалось, что онъ действительно очень добръ и очень уменъ. Даже люди, прежде бывшіе злыми и очевидно враждебными, дѣлались съ нимъ нѣжными и любящими. Столъ сердитая, старшая изъ княжень, съ длинною талией, съ приглаженными, какъ у куклы, волосами, послѣ похоронъ пришла въ комнату ІІьера. Опуская глаза и безпрестанно всыхивая, она сказала ему, что очень жалѣеть о бывшихъ между ними недоразумѣніяхъ и что теперь не чувствуетъ себя въ правѣ ничего просить, развѣ только позволенія, послѣ постигшаго ее удара, оставаться на нѣсколько недѣль въ домѣ, который она такъ любила и гдѣ столько принесла жертвъ. Она не могла удержаться и заплакала при этихъ словахъ. Растроганный тѣмъ, что эта статуеобразная княжна могла такъ измѣниться, ІІьертъ взялъ ее за руку и просилъ извиненія, самъ не зная за что. Съ этого дня княжна начала вязать полосатый шарфъ для ІІьера и совершение измѣнилась къ нему.

— Сдѣлай это для менѣ, мой милый, все-таки она много пострадала отъ покойника, сказалъ ему князь Василий, давая подписать какую-то бумагу въ пользу княжны. Князь Василий рѣшилъ, что эту кость, вексель въ 30 т., надо было все-таки бросить бѣлої книжкѣ съ тѣмъ, чтобы ей не могло

прѣти въ голову толковать обѣ участіи князя Василія въ дѣлѣ мозаїковаго портфеля. Пьеръ подпісаль вексель и съ тѣхъ поръ книжна стала еще добрые. Младшіи сестры стали также ласковы къ нему, въ особенности самая младшая, хорошенькая, съ родинкой, часто смущала Пьера своими улыбками и смущенiemъ при видѣ его.

Пьери такъ естественно казалось, что всѣ его любятъ, такъ казалось бы неестественно, скажибы кто-нибудь не полюбилъ его, что онъ не могъ не вѣрить въ искренность людей, окружавшихъ его. Притомъ ему не было времени спрашиватъ себя обѣ искренности или неискренности этихъ людей. Ему постоянно было некогда; онъ постоянно чувствовалъ себя въ состояніи кроткаго и веселаго спыненія. Онъ чувствовалъ себя центромъ накоротко важнаго общаго движенія, чувствовалъ, что отъ него что-то постоянно ожидается, что не сдѣлай онъ того-то, онъ огорчитъ многихъ и лишитъ ихъ ожидаемаго; а сдѣлай то-то и то-то, все будетъ хорошо, и онъ дѣлалъ то, чѣмъ требовали отъ него; но это что-то хорощее все оставалось впереди.

Болѣе всѣхъ другихъ въ это первое время, какъ дѣлами Пьера, такъ и имъ самимъ, овладѣлъ князь Василій. Съ смерти графа Безухага онъ не выпускалъ изъ руки Пьера. Князь Василій имѣлъ видъ человѣка, отягченаго дѣлами, усталаго, измученнаго, но изъ состраданія не могущаго наконецъ бросить на произволъ судьбы и плутовъ этого беспомощнаго юнту, сына все-таки его друга, и съ такимъ огромнымъ состояніемъ. Въ тѣ нѣсколько дней, которые онъ пробылъ въ Москвѣ послѣ смерти графа Безухага, онъ призывалъ къ себѣ Пьера или самъ приходить къ нему и предписывать ему то, чѣмъ нужно было дѣлать, такимъ тономъ усталости и

увѣренности, какъ будто онъ всякий разъ приговаривалъ: „ты знаешь, я заваленъ дѣлами; но было бы безжалостно покинуть тебя такъ; и ты знаешь — то, что я тебѣ говорю, есть единственное возможное“.

— Ну, мой другъ, завтра мы ѓдемъ наконецъ, сказаъ онъ ему однажды, закрывая глаза, перебирая пальцами его локоть, и такимъ тономъ, какъ будто то, что онъ говорилъ, было давнимъ-давно рѣшено между ними и не могло быть рѣшено иначе.

— Завтра мы ѓдемъ, я тебѣ даю мѣсто въ своей коляскѣ. Я очень радъ. Здѣсь у насъ все важное покончено. А миѣ ужъ давно бы надо. Вотъ я получать отъ канцлера. Я его просилъ о тебѣ, и ты зачисленъ въ дипломатической корпуслѣ и сдѣланъ камеръ-юнкеромъ. Теперь дипломатическая дорога тебѣ открыта.

Несмотря на всю силу тона усталости и увѣренности, съ которою произнесены были эти слова, Пьеръ, такъ долго думавшій о своей карьерѣ, хотѣлъ было возражать. Но князь Василій перебилъ его тѣмъ воркующимъ, басистымъ тономъ, который исключалъ возможность перебить его рѣчъ и который употреблялся имъ въ случаѣ необходимости крайняго убѣжденія.

— Но, милый мой, я это сдѣлалъ для себя, для своей совѣсти, и меня благодарить нечего. Никогда никто не жаловался, что его слишкомъ любили; а потому, ты свободенъ, хоть завтра брось. Вотъ ты все самъ въ Петербургѣ увидишь. И тебѣ давно пора удалиться отъ этихъ ужасныхъ воспоминаній. Князь Василій вздохнулъ. — Такъ-такъ, мои душа. А мой камердинеръ пускай въ твоей коляскѣ Ѣдетъ. Ахъ, да, я было и забылъ, прибавилъ еще князь Василій, — ты видѣшь,

дружокъ, у насть были счеты съ покойнымъ, такъ съ Рязанскаго я получиль и оставилъ тебѣ не нужно. Мы съ тобой сочтемся.

То, что князь Василій называлъ съ „Рязанскаго“, было пѣсколько тысячъ оброка, которая князь Василій оставилъ у себя.

Въ Петербургѣ такъ же, какъ и въ Москвѣ, атмосфера нѣжныхъ, любящихъ людей окружила Пьеря. Онъ не могъ отказатьсь отъ мѣста, или скорѣе званія (потому что онъ ничего не дѣлать), которое доставилъ ему князь Василій, а знакомство, зововъ и общественныхъ занятій было столько, что Пьеръ еще больше, чѣмъ въ Москвѣ, испытывалъ чувство отуманиенности, торопливости и все наступающаго, но не совершающагося какого-то блага.

Изъ прежняго его холостаго общества многихъ не было въ Петербургѣ. Гвардія ушла въ походъ; Долоховъ былъ разжалованъ. Анатоль находился въ арміи, въ провинціи, князь Андрей былъ за границей, и потому Пьеру не удавалось ни проводить ночей, какъ онъ прежде любилъ проводить ихъ, ни отводить изрѣдка душу въ дружеской бесѣдѣ съ старшимъ уважаемымъ другомъ. Все время его проходило на обѣдахъ, балахъ и преимущественно у князя Василія въ обществѣ толстой княгини — его жены и красавицы Эленъ.

Анна Павловна Шерерь, такъ же какъ и другіе, выказала Пьеру нерѣшѣну, происшедшую въ общественномъ взглядѣ на него.

Прежде Пьеръ, въ присутствіи Анны Павловны, постоянночувствовалъ, что то, что онъ говоритъ, неприлично, безтактно, ис то чѣмъ нужно; что рѣчи его, кажущіяся ему умными, пока окались готовить ихъ въ своемъ воображеніи, дѣлаются

увѣренности, какъ будто онъ всякий разъ приговаривалъ: „ты знаешь, я заваленъ дѣлами; но было бы безжалостно поминуть тебя такъ; и ты знаешь — то, что я тебѣ говорю, есть единственно возможное“.

— Ну, мой другъ, завтра мы ёдемъ наконецъ, сказалъ онъ ему однажды, закрывая глаза, перебирая пальцами его локоть, и такимъ тономъ, какъ будто то, что онъ говорить, было давнимъ-давно рѣшено между ними и не могло быть рѣшено иначе.

— Завтра мы ёдемъ, я тебѣ даю мѣсто въ своей колискѣ. Я очень радъ. Здѣсь у насъ все важное покончено. А мѣсяцъ ужъ давно бы надо. Вотъ я получилъ отъ канцлера. Я его просилъ о тебѣ, и ты зачисленъ въ дипломатической корпуслѣ и сдѣланъ камер-юнкеромъ. Теперь дипломатическая дорога тебѣ открыта.

Несмотря на всю силу тона усталости и увѣренности, съ которою произнесены были эти слова, Пьеръ, такъ долго думавшій о своей карьерѣ, хотѣлъ было возражать. Но князь Василій перебилъ его тѣмъ воркующимъ, басметнымъ тономъ, который исключалъ возможность перебить его рѣчъ и который употреблялся имъ въ случаѣ необходимости крайняго убѣжденія.

— Но, милый мой, я это сдѣлалъ для себя, для своей совѣсти, и меня благодарить нечего. Никогда никто не жаловался, что его слишкомъ любили; а потому, ты свободенъ, хоть завтра брось. Вотъ ты все самъ въ Петербургѣ увидишь. И тебѣ давно пора удалиться отъ этихъ ужасныхъ воспоминаній. Князь Василій вздохнулъ. — Такъ-такъ, моя душа. А мой камердинеръ чуской въ твоей колискѣ ёдетъ! Ахъ, да, я было и забылъ, прибавилъ еще князь Василій, — ты спрашиваешь,

дружокъ, у насть были счеты съ покойнымъ, такъ съ Рязанскаго я получиль и оставлю: тебѣ не нужно. Мы съ тобой сочтемся.

То, чтò князь Василій называлъ съ „Рязанскаго“, было вѣсколько тысячъ оброка, которая князь Василій оставилъ у себя.

Въ Петербургѣ такъ же, какъ и въ Москвѣ, атмосфера нѣжныхъ, любящихъ людей окружила Пьера. Онъ не могъ отказаться отъ мѣста, или скорѣе званія (потому что онъ ничего не дѣлать), которое доставилъ ему князь Василій, а знакомствъ, зововъ и общественныхъ занятій было столько, что Пьеръ еще больше, чѣмъ въ Москвѣ, испытывалъ чувство отуманенности, торопливости и все наступающаго, но не совершающагося какого-то блага.

Изъ прежнаго его холостаго общества многихъ не было въ Петербургѣ. Гвардія ушла въ походъ, Долоховъ былъ разжалованъ, Анатоль находился въ арміи, въ провинціи, князь Андрей былъ за границей, и потому Иньеру не удавалось ни проводить ночей, какъ онъ прежде любилъ проводить ихъ, ни отводить изрѣдка душу въ дружеской бесѣдѣ съ старшимъ уважаемымъ другомъ. Все время его проходило на обѣдахъ, балахъ и преимущественно у князя Василія въ обществѣ толстой княгини — его жены и красавицы Эленъ.

Анна Павловна Шереръ, такъ же какъ и другие, выказала Иньеру перемѣну, происшедшую въ общественномъ взгляде на него.

Прежде Иньеръ, въ присутствіи Анны Павловны, постоянно чувствовалъ, что то, что онъ говоритъ, неприлично, безтактно, но то что нужно; что рѣчи его, кажущіяся ему умными, пока океь готовить ихъ въ своеи воображеніи, дѣлаются

глупыми, какъ скоро онъ ихъ громко выговорить, и что па-
противъ самыя тупыя рѣчи Ипполита выходятъ умными и
милыми. Теперь все, что ни говорилъ онъ, все выходило
„прелестно“. Ежели даже Анна Павловна не говорила этого,
то онъ видѣлъ, что ей хотѣлось это сказать, и она только
въ уваженіе его скромности воздерживалась отъ этого.

Въ началѣ зимы съ 1805 на 1806 годъ, Пьеръ получилъ
отъ Аны Павловны обычную розовую записку съ пригла-
шеніемъ, въ которомъ было прибавлено: „У меня будетъ
прекрасная Элень, на которую никогда не устанешь любо-
ваться“.

Читая это мѣсто, Пьеръ въ первый разъ почувствовалъ,
что между нимъ и Эленъ образовалась какая-то связь, при-
знаваемая другими людьми, и эта мысль въ одно и то же
время и мешкала его, какъ будто на него накладывалось
обязательство, которое онъ не могъ сдержать, и вмѣстѣ по-
правилась ему, какъ забавное предположеніе.

Вечеръ Аны Павловны былъ такой же, какъ и первый,
только новинкой, которой угощала Анна Павловна своихъ
гостей, былъ теперь не Мортемарь, а дипломатъ, прѣѣхав-
шій изъ Берлина и привезшій самыя свѣжія подробности о
пребываніи государя Александра въ Потсдамѣ и о томъ, какъ
два высочайшіе друга поклялись тамъ въ неразрывномъ союзѣ
отстаивать правоъ дѣло противъ врага человѣческаго рода.
Пьеръ былъ принятъ Анной Павловной съ оттенкомъ грусти,
относившейся очевидно къ свѣжей потерѣ, постигшей моло-
даго человѣка, къ смерти графа Безухова (всъ постоянно
считали долгомъувѣрять Пьера, что онъ очень огорченъ
кончиною отца, котораго онъ почти не зналъ), и грусти точно
такой же, какъ и та высочайшая грусть, которая выражалась

при упоминаніяхъ объ августейшей императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Пьеръ почувствовалъ себя польщеннымъ отимъ. Анна Павловна съ своимъ обычнымъ искусствомъ устроила кружки своей гостиной. Большой кружокъ, гдѣ были: кнзъ Василій и генералы, пользовался дипломатозъ. Другой кружокъ былъ у чайного столика. Пьеръ хотѣлъ присоединиться къ первому, но Анна Павловна, находившаяся въ раздраженномъ состояніи полководца на полѣ битвы, когда приходить тысячи новыхъ, блестящихъ мыслей, которая едва успѣваетъ приводить въ исполненіе; Анна Павловна, увидѣвъ, Пьера, тронула его пальцемъ за рукавъ:

— Погодите, у меня есть на васъ виды на этотъ вечеръ. Она взглянула на Эленъ и улыбнулась ей.

— Моя милая Эленъ, надо, чтобы вы были добры къ моей бѣдной теткѣ, которая питаетъ къ вамъ обожаніе. Нобудьте съ ней минутъ десять. — А чтобы вамъ не очень скучно было, вотъ вамъ милый графъ, который не откажется за вами слѣдоватъ.

Красавица направилась къ тетушкѣ, но Пьера Анна Павловна еще удержала подлѣ себя, показывая видъ, какъ будто ей надо сдѣлать еще послѣднее необходимое распоряженіе.

— Неправда ли, она восхитительна? сказала она Пьера, указывая на отплывающую величавую красавицу. — И какъ держать себя! Для такой молодой дѣвушки, и такой тактъ, такое мастерское умѣніе держать себя! Это происходитъ отъ сердца! Счастливъ будетъ тотъ, чьею она будетъ! Съ нею самый несвѣтскій мужъ будетъ невольно занимать самое блестящее мѣсто въ свѣтѣ. Неправда ли? Я только хотѣла знать ваше мнѣніе, и Анна Павловна отпустила Пьера.

Пьеръ съ искренностью отвѣчалъ: Анна Павловна утвер-

дительно на вопросъ ея объ искусствѣ Эленъ держать себя. Ежели онъ когда-нибудь думалъ объ Эленъ, то думалъ именно о ея красотѣ и о томъ необыкновенномъ ея спокойномъ умѣніи быть молчаливо-достойною въ свѣтѣ.

Тетушка привыла въ свой уголокъ двухъ молодыхъ людей, но, казалось, желала скрыть свое обожаніе къ Эленъ и желала болѣе выразить страхъ предъ Анной Павловной. Она взглядывала на племянницу, какъ бы спрашивая, что ей дѣлать съ этими людьми. Отходя отъ нихъ, Аниа Павловна опять тронула пальчикомъ рукавъ Пьеръ и проговорила:

— Надѣюсь, вы не скажете другой разъ, что у меня скучаютъ, и взглянула на Эленъ. Эленъ улыбнулась съ такимъ видомъ, который говорилъ, что она не допускала возможности, чтобы кто-либо могъ видѣть ее и не быть восхищеннымъ. Тетушка прокашлялась, проглотила слюни и по-французски сказала, что она очень рада видѣть Эленъ; потомъ обратилась къ Пьеру съ тѣмъ же привѣтствиемъ и съ тою же миной. Въ серединѣ скучиваго и спотыкающагося разговора, Эленъ оглянулась на Пьера и улыбнулась ему тою улыбкой ясною, красивою, которой она улыбалась всѣмъ. Пьеръ такъ привыкъ къ этой улыбкѣ, такъ мало она выражала для него, что онъ не обратилъ на нее никакого вниманія. Тетушка говорила въ это время о коллекціи табакерокъ, которая была у покойнаго отца Пьера, графа Безухага, и показала свою табакерку. Княжна Эленъ поспросила посмотреть портретъ мужа тетушки, который былъ сдѣланъ на этой табакеркѣ.

— Это вѣрно сдѣлано Винесомъ, сказалъ Пьеръ, называя извѣстнаго миниатюриста, согнувшись къ столу, чтобы взять въ руки табакерку, и прислушиваясь къ разговору за другимъ столомъ. Онъ пристально, желая обойти, но тетушка

подала табакерку прямо черезъ Эленъ, пожади ея. Эленъ нагнулась впередъ, чтобы дать мѣсто и, улыбаясь, оглянулась. Она была, какъ и всегда на вечерахъ, въ весьма открытомъ, по тогдашней модѣ, спереди и сзади платьѣ. Ея бѣсть, казавшійся всегда мраморнымъ Пьеру, находился въ такомъ близкомъ разстояніи отъ его глазъ, что онъ своими близорукими глазами невольно различалъ живую прелестъ ея плечъ и шеи, и такъ близко отъ его губъ, что ему стоило немногого нагнуться, чтобы прикоснуться до нея. Онъ слышалъ теплъ ея тѣла, запахъ духовъ и скрипъ ея корсета при движеніи. Онъ видѣлъ не ея мраморную красоту, составившую одноцѣльное съ ея платьемъ, онъ видѣлъ и чувствовалъ всю прелестъ ея тѣла, которое было закрыто только одеждой. И разъ увидавъ это, онъ не могъ видѣть иначе, какъ мы не можемъ возвратиться къ разъ объясненному обману.

„Такъ вы до сихъ поръ не замѣчали, какъ я прекрасна?“ какъ будто сказала Эленъ. — „Вы не замѣчали, что я женщина? Да, я женщина, которая можетъ принадлежать всѣмъ и вамъ тоже“, сказала ея взглядъ. И въ ту же минуту Пьеръ почувствовалъ, что Эленъ не только могла, но должна быть его женой, что это не можетъ быть иначе.

Онъ зналъ это въ эту минуту такъ же вѣрно, какъ бы онъ зналъ это, стоя подъ вѣнцомъ съ нею. Какъ это будетъ? и когда? онъ не зналъ, не зналъ даже, хорошо ли это будетъ (ему даже чувствовалось, что это не хорошо почему-то), но онъ зналъ, что это будетъ.

Пьеръ опустилъ глаза, опять поднялъ ихъ и снова хотѣлъ увидѣть ее такою дальнюю, чужою для себя красавицею, какою онъ видѣлъ ее каждый день прежде; но опять не могъ уже этого сдѣлать. Не могъ, какъ не можетъ человѣкъ,

прежде смотрѣвши въ туманѣ на былинку бурьянца и видѣвшій въ ней дерево, увидавъ былинку, снова увидѣть въ ней дерево. Она была страшно близка ему. Она имѣла уже власть надъ нимъ. И между нимъ и єю не было уже никакихъ преградъ, кромѣ преградъ его собственной воли.

— Хорошо, я васъ оставлю въ вашемъ уголкѣ. Я вижу, въмъ тамъ хорошо, сказалъ голосъ Анны Павловны. И Пьеръ, со страхомъ вспоминая, не сдѣлалъ ли онъ чего-нибудь предосудительного; краснѣлъ оглянулся вокругъ себя. Ему казалось, что всѣ знаютъ, такъ же какъ и онъ, про то, что съ нимъ случилось.

Чрезъ пѣсколько времени, когда онъ подошелъ къ большому кружку, Анна Павловна сказала ему:

— Говорить, вы отдаливаеете свой петербургскій домъ. (Ото была правда: архитекторъ сказалъ, что это нужно ему, и Пьеръ, самъ не зная зачѣмъ, отдаливалъ свой огромный домъ въ Петербургѣ). — Это хорошо, но не перебажайтесь отъ князя Василія. — Хорошо имѣть такого друга, сказала она, улыбаясь князю Василію; — я кое-что обѣ этомъ знаю. Не правда ли? А вы еще такъ молоды. Вамъ нужны советы. Вы не сердитесь на меня, что я пользуюсь правами старухъ. Она замолчала, какъ молчать всегда женщины, чего-то ожидая ностѣ того, какъ скажутъ про свои года. „Если вы женитесь, то другое дѣло“. И она соединила ихъ въ одинъ взглядъ. Пьеръ не смотрѣлъ на Эленъ, и она на него. Но она была все такъ же страшно близка ему.

Онъ промычалъ что-то и покраснѣлъ.

Вернувшись домой, Пьеръ долго не могъ заснуть, думая о томъ, что съ нимъ случилось. Что же случилось съ нимъ? Ничего. Онъ только понялъ, что женщина, которую онъ

зналь ребенкомъ, про которую онъ разсѣянно говорилъ: „да, хороша“, когда ему говорили, что Эденъ красавица, онъ понялъ, что эта женщина можетъ принадлежать ему.

„Но она глупа, я самъ говорилъ, что она глупа“, думалъ онъ. „Что-то гадкое есть въ томъ чувствѣ, которое она возбудила во мнѣ, что-то запрещенное. Мы говорили, что си братъ Анатоль былъ влюблѣнъ въ нее, и она влюблена въ него, что была цѣлая исторія, и что отъ этого услали Анатоля. Братъ ея — Ишполитъ... Отецъ ея — князь Василій... Это нехорошо, думалъ онъ, и въ то же время, какъ онъ разсуждалъ такъ (еще разсужденія эти оставались неоконченными), онъ заставалъ себя улыбающимся и сознавалъ, что другой раздѣлъ разсужденій вспыхивалъ изъ-за первыхъ, что онъ въ одно и то же время думалъ о ея ничтожествѣ и мечталъ о томъ, какъ она будетъ его женой, какъ она можетъ полюбить его, какъ она можетъ быть совсѣмъ другою, и какъ все то, что онъ обѣ ней думалъ и слышалъ можетъ быть неправдою“. И онъ опять видѣлъ ее не какою-то дочерью князя Василья, а видѣлъ все ся тѣло, только прикрытое сѣрымъ платьемъ. „Но иѣть, отчего же прежде не приходила мнѣ въ голову эта мысль?“ И опять онъ говорилъ себѣ, что это невозможно; что что-то гадкое, противуестественное, какъ ему казалось, мечестное было бы въ этомъ бракѣ. Онъ вспоминалъ ея прежнія слова, взгляды, и слова и взгляды тѣхъ, кто ихъ видѣлъ вмѣстѣ. Онъ вспомнилъ слова и взгляды Анны Навловны, когда она говорила ему о домѣ, вспомнилъ тысячи такихъ памековъ со стороны князя Василья и другихъ, и на него цашель ужасъ, не связать ли онъ уже себѣ чѣмъ-нибудь въ исполненіи такого дѣла, которое очевидно нехорошо и которое онъ не долженъ дѣлать. Но въ то же

время, какъ онъ самъ себѣ выражать это рѣпеніе, съ другой стороны души всилывалъ ея образъ со всею своею женственностью красотою.

II.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1805 года князь Василій долженъ бытьѣхать на ревизію въ четыре губерніи. Онъ устроилъ для себя это назначеніе съ тѣмъ, чтобы побывать заодно въ своихъ разстроенныхъ имѣніяхъ, и, захвативъ съ собой (въ жѣстѣ расположенія его полка) сына Анатоля, съ нимъ вмѣстѣ заѣхать къ князю Николаю Андреевичу Болконскому, съ тѣмъ, чтобы женить сына на дочери этого богатаго старика. Но прежде отѣзда и этихъ новыхъ дѣлъ, князю Василію нужно было рѣшить дѣла съ Шеремѣтъ, который, правда, послѣднєе время проводилъ цѣлые дни дома, т.-е. у князя Василія, у котораго онъ жилъ, и былъ смѣшонъ, взволнованъ и глупъ (какъ долженъ быть влюбленный) въ присутствіи Эленъ, но все еще не дѣланъ предложенія.

„Все это прекрасно, но всему долженъ быть конецъ“, сказала себѣ разъ утромъ князь Василій со вздохомъ грусти, сознавая, что Шеремѣтъ, столькимъ обязанный ему (ну, да Христосъ съ нимъ!), не совсѣмъ хорошо поступаетъ въ этомъ дѣлѣ. „Молодость... легкомысліе... ну, да Богъ съ нимъ“, подумалъ князь Василій, съ удовольствіемъ чувствуя свою доброту,— „надо, надо положить конецъ. Послѣ завтра Лѣлины именины, я позову кое-кого, и ежели онъ не пойметъ, что онъ долженъ сдѣлать, то ужъ это будетъ мое дѣло. Да, мое дѣло. Я отецъ!“

Шеремѣтъ полтора мѣсяца послѣ вечера Анны Павловны и послѣдовавшей за нимъ безсонной, взволнованной ночи, въ которую онъ рѣшилъ, что женитьба на Эленъ была бы несчастіе

и что ему нужно избѣгать ея и уѣхать, Пьеръ, послѣ этого рѣшенія, не перѣѣхалъ отъ князя Василья и съ ужасомъ чувствовалъ, что каждый день онъ больше и больше въ глазахъ людей связывается съ нею, что онъ не можетъ никакъ возвратиться къ своему прежнему взгляду на нес, что онъ не можетъ и оторваться отъ нея, что это будетъ ужасно, но что онъ долженъ будетъ связать съ нею свою судьбу. Можеть быть, онъ и могъ бы воздержаться, но не проходило дня, чтобы у князя Василья (у которого рѣдко бывалъ приемъ) не было бы вечера, на которомъ долженъ быть быть Пьеръ, ежели онъ не хотѣлъ разстроить общее удовольствіе и обмануть ожиданія всѣхъ. Князь Василій, въ тѣ рѣдкія минуты, когда бывалъ дома, проходя мимо Пьера, дергалъ его за руку внизъ, разсѣянно подставлялъ ему для поцѣлуя выбритую, морщинистую щеку и говорилъ или: „до завтра“, или „къ обѣду, а то я тебя не увижу“, или „я для тебя остаюсь“ и т. п. Но несмотря на то, что когда князь Василій оставался для Пьера (какъ онъ это говорилъ), онъ не говорилъ съ нимъ двухъ словъ, Пьеръ не чувствовалъ себя въ силахъ обмануть его ожиданія. Онъ каждый день говорилъ себѣ все одно и одно: „Надо же, наконецъ, понять ее и дать себѣ отчетъ: кто она? Ошибался ли я прежде, или теперь ошибаюсь? Нѣть, она не глупа, нѣть, она прекрасная дѣвушка!“ говорилъ онъ самъ себѣ иногда. „Никогда ни въ чемъ она не ошибается, никогда она ничего не сказала глупаго. Она мало говоритъ, но то, что она скажетъ, всегда просто и ясно. Такъ она не глупа. Никогда она не смущалась и не смущается. Такъ она не дурная женщина!“ Часто ему случалось съ нею пачинать разсуждать, думать вслухъ, и всякий разъ она отвѣчала ему на это либо короткимъ, но кстати сказаннымъ

замѣчаніемъ, показавшимъ, что ее это не интересуетъ, либо молчаливою улыбкой и взглядомъ, которые ощущительнѣе всего показывали Ієру ея превосходство. Она была права, признавая всѣ разсужденія издоромъ въ сравненіи съ этой улыбкой.

Она обращалась къ нему всегда съ радостною, довѣрчи-
вой, къ нему одному относившеюся улыбкой, въ которой
было что-то значительнѣе того, что было въ общей улыбкѣ,
украшившей всегда ея лицо. Ієръ зналъ, что всѣ ждутъ
только того, чтобы онъ наконецъ сказалъ одно слово, пре-
ступилъ черезъ известную черту, и онъ зналъ, что онъ рано
или поздно переступитъ черезъ нее; но какой-то непонят-
ный ужасъ охватывалъ его при одной мысли объ этомъ страш-
номъ шагѣ. Тысячу разъ въ продолженіе этого полутора
мѣсяца, во время которого онъ чувствовалъ себя все дальше
и дальше втягиваемымъ въ ту страшнѣшую его проность,
Ієръ говорилъ себѣ: „да чѣмъ это? Нужна рѣшимость! Развѣ
нѣть у меня ея?“ Онъ хотѣлъ рѣшиться, но съ ужа-
сомъ чувствовать, что не было у него въ этомъ случаѣ той
рѣшимости, которую онъ видалъ въ себѣ и которая дѣйст-
вительно была въ немъ. Ієръ принадлежалъ къ числу тѣхъ
людей, которые сильны только тогда, когда они чувствуютъ
себя вполнѣ чистыми. А съ того дня, какъ имъ овладѣло
то чувство желанія, которое онъ испыталъ на дѣлѣ табакеркой
у Аины Павловны, несознанное чувство виноватости отого
стремленія парализировало его рѣшимость.

Въ день именинъ Элеоноры, у князя Василья ужинало ма-
леньковъ общество людей самыхъ близкихъ, какъ говорила
княгиня, родные и друзья. Всѣмъ этимъ роднымъ и друзьямъ
дано было чувствовать, что въ этотъ день должна рѣ-

шиться участъ именинницы. Гости сидѣли за ужиномъ. Княгиня Курагина, массивная, когда-то красава, представительная женщина, сидѣла на холмѣскомъ мѣстѣ. По обѣимъ сто-ронамъ ея сидѣли почетнѣйшии гости — старый генераль, его жена, Анна Павловна Шерерь; въ концѣ стола сидѣли менѣе пожилыи и почетные гости, и тамъ же сидѣли домашніе, Ільеръ и Элеонъ — рядомъ. Князь Василій не ужиналъ: онъ похаживалъ вокругъ стола, въ веселомъ расположеніи духа, подсаживался то къ тому, то къ другому изъ гостей. Каждому онъ говорилъ небрежное и пріятное слово, исключая Ильера и Элеонъ, которыхъ присутствія онъ не замѣчалъ, казалось. Князь Василій оживлялъ всѣхъ. Ярко горѣли восковыя свѣчи, блестѣли серебро и хрусталь посуды, наряды дамъ и золото и серебро эполетъ; вокругъ стола сновали слуги въ красныхъ кафтанахъ: слышались звуки ножей, стакановъ, тарелокъ и звуки оживленнаго говора иѣсколькихъ разговоровъ вокругъ этого стола. Слышно было, какъ старый камергеръ въ одномъ концѣ увѣрялъ старушку-баронессу въ своей пламенной любви къ ей, и ся смѣхъ; съ другой — разсказъ о неусиѣхъ какои-то Марии Викторовны. У середины стола князь Василій со-редоточилъ вокругъ себя слушателей. Онъ рассказывалъ дамамъ, съ шутливою улыбкою на губахъ, послѣднѣе — въ среду — васѣданіе государственного совѣта, на которомъ былъ полученъ и читался Сергеемъ Кузьмичемъ Вязмити-новымъ, новымъ петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, знаменитый тогда рескриптии государя Александра Павловича изъ арміи, въ которомъ государь, обращаясь къ Сергею Кузьмичу, говорилъ, что со всѣхъ сторонъ полу-часть онъ заявленія о преданности народа, и что заявленіе Петербурга особенно пріятно ему, что онъ гордится честью

быть главою такой паціи и постарається быть ея достойнымъ.
Рескрипть этотъ начинался словами: *Сергій Кузьмич! Со всіхъ сторона доходить до меня слухи и т. д.*

— Такъ-таки и не пошло дальше чѣмъ „Сергѣй Кузьмичъ?“ спрашивала одна дама.

— Да, да, пи на волосъ, отвѣчалъ смѣясь князь Василій. „Сергѣй Кузьмичъ... со всѣхъ сторонъ“. „Со всѣхъ сторонъ, Сергѣй Кузьмичъ...“ Бѣдный Вязмитиновъ никакъ не могъ пойти далѣе. Нѣсколько разъ онъ принимался снова за письмо, но только что скажетъ: *Сергій... всхищуванія... Кузьмичъ — слезы... и со всіхъ сторона заглушаются рыданіями, и дальше онъ не могъ. И опять платокъ и опять „Сергѣй Кузьмичъ“, „со всѣхъ сторонъ“ и слезы... такъ что уже поцростили прочесть другаго.*

— Кузьмичъ... со всѣхъ сторонъ... и слезы... повторилъ кто-то смѣясь.

— Не будьте злы, погрозивъ пальцемъ, съ другаго конца стола, проговорила Аина Навловла,— онъ такой прекрасный, славный человѣкъ, нашъ добрый Вязмитиновъ.

Всѣ очень смѣялись. На верхнемъ почетномъ концѣ стола всѣ были, казалось, веселы и подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ оживленныхъ настроеній; только Шерь и Элень молча сидѣли рядомъ почти на нижнемъ концѣ стола; на лицахъ обоихъ сдерживалась сінююща улыбка, независящая отъ Сергѣя Кузьмича — улыбка стыдливости предъ своими чувствами. Чѣмъ бы ни говорили и какъ бы ни смѣялись и шутили другіе, какъ бы аннотитно ни купали и рейнвейнъ, и сote, и мороженое, какъ бы ни избѣгали взглядомъ эту чету, какъ бы ни казались равнодушны, невнимательны къ ней, чувствовалось почему-то, но изрѣдка бросаемымъ на

нихъ взглѣдамъ, что и анекдотъ о Сергѣѣ Кузьмичѣ, и смѣхъ, и кушанье все было притворно, а всѣ силы вниманія всего этого общества были обращены только на эту пару — Ішера и Эленъ. Князь Василій представлялъ всхлипыванья Сергѣя Кузьмича и въ это время обѣгалъ взглѣдомъ дочь, и въ то время, какъ онъ сминался, выраженіе его лица говорило: „Такъ, такъ, все хорошо идетъ, нынче все рѣшился“. Анна Павловна грозила ему за „нашего доброго Вяземитинова“, а въ глазахъ ея, которые мелькомъ блеснули въ этотъ моментъ на Ішера, князь Василій читалъ поздравленіе съ будущимъ зятемъ и счастіемъ дочери. Старая княгиня, предлагая съ грустнымъ вздохомъ вина своей сосѣдкѣ и сердито взглянувъ на дочь, этимъ вздохомъ какъ будто говорила: „да, теперь намъ съ вами ничего больше не осталось, какъ пить сладкое вино, моя милая, теперь время этой молодежи быть такъ дерзко вызывающе-счастливою“, „И что за глупость все то, что я рассказываю, какъ будто это меня интересуетъ“, думалъ дипломатъ, взглядывая на счастливыя лица любовниковъ: „вотъ это счастіе!“

Среди тѣхъ ничтожно-мелкихъ, искусственныхъ интересовъ, которые связывали это общество, попало простое чувство стремленія красивыхъ и здоровыхъ молодыхъ мужчинъ и женщины другъ къ другу. И это человѣческое чувство подавило все и парило надъ всѣмъ ихъ искусственнымъ лепетомъ. Шутки были не веселы, новости не интересны, оживленіе — очевидно поддельно. Не только они, по лакеи, служившіе за столомъ, казалось, чувствовали то же и забывали порядки службы, заглядываясь на красавицу Эленъ, съ ея сияющимъ лицомъ, и на красное, толстое, счастливое и беспокойное лицо Ішера. Казалось, и огни свѣчей сосре-

доточены были только на этихъ двухъ счастливыхъ лицахъ.

Нѣрѣ чувствовалъ, что онъ былъ центромъ всего, и это положеніе и радовало и стѣснило его. Онъ находился въ состояніи человѣка, углубленаго въ какое-нибудь занятіе. Онъ ничего ясно не видѣлъ, не понималъ и не слыхалъ: Только изрѣдка, неожиданно мелькали въ его душѣ отрывочные мысли и впечатлѣнія изъ действительности.

„Такъ уже все кончено! думалъ онъ. — И какъ это все сдѣгалось? Такъ быстро! Теперь я знаю, что не для паси одной, не для себя одного, но и для всѣхъ это должно неизбѣжно совершиться. Они всѣ такъ ждутъ *этого*, такъ увѣрены, что это будетъ, что я не могу, не могу обмануть ихъ! Но какъ это будетъ? Не знаю, а будетъ, непремѣнно будетъ!“ думалъ Нѣрѣ, взглядывая на эти плечи, блестѣвшія подъ самыи глазъ его.

То вдругъ ему становилось стыдно чего-то. Ему половко было, что онъ одинъ занимаетъ вниманіе всѣхъ, что онъ счастливецъ въ глазахъ другихъ, что онъ съ своимъ некрасивымъ лицомъ — какой-то Нарисъ, обладающій Еленой. „Но вѣрно это всегда такъ бываетъ и такъ надо“, утѣшалъ онъ себя. „И впрочемъ, чѣмъ же я сдѣлалъ для этого? Когда это началось? Изъ Москвы я поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Васильемъ. Тутъ еще ничего не было. Потомъ, отчего же мы было у него не остановиться? Потомъ я игралъ съ ней въ карты и поднялъ ея ридикюль, Ѣздилъ съ ней кататься. Когда же это началось, когда это все сдѣгалось?“ И вотъ онъ сидѣть подъ ней женихомъ, слышитъ, видить, чувствовать ея близость, ея дыханіе, ея движения, ея красоту. То вдругъ ему кажется, что это не она, а онъ самъ такъ

необыкновенно красивъ, что оттого-то и смотрѣть такъ на него, и онъ, счастливый общими удивлениемъ, выпрямляетъ грудь, поднимаетъ голову и радуется своему счастью. Вдругъ какой-то голосъ, чей-то знакомый голосъ, слышится и говоритъ ему что-то другой разъ. Но Ільеръ такъ занятъ, что не понимаетъ того, что говорятъ ему.

— Я спрашиваю у тебя, когда ты получишь письмо отъ Болконскаго, повторилъ третій разъ князь Василій. — Какъ ты разсѣешься, мой милый. Князь Василій улыбается, и Ільеръ видитъ, что все, всѣ улыбаются на него и на Эленъ.

„Ну что жъ, коли вы всѣ знаете“, говорилъ самъ себѣ Ільеръ. „Ну что жъ? это правда“, и онъ самъ улыбается своею кроткою, дѣтскою улыбкой, и Эленъ улыбается.

— Когда же ты получилъ? Изъ Ольмюца? повторяетъ князь Василій, которому будто нужно это знать для рѣшенія спора.

„И можно ли говорить и думать о такихъ пустякахъ?“ думалъ Ільеръ.

— Да, изъ Ольмюца, отѣйчасть онъ со вздохомъ.

Отъ ужина Ільеръ провелъ свою даму за другими въ гостиную. Гости стали разѣзжаться, и некоторые уѣзжали, не простившись съ Эленъ. Какъ будто не желая отрывать ее отъ ея серьезнаго занятія, некоторые подходили на минуту и скорѣе отходили, запрещая ей провожать себя. Дипломатъ грустно молчалъ, выходя изъ гостиной. Ему представлялась вся тщета его дипломатической карьеры въ сравненіи съ счастiemъ Ільера. Старый генераль сердито проворчалъ на свою жену, когда она спросила его о состояніи его ноги. „Эка старая дура, подумалъ онъ. Вотъ Елена Васильевна, такъ та и въ 50 лѣтъ красавица будетъ“.

доточены были только на этихъ двухъ счастливыхъ лицахъ.

Пьеръ чувствовалъ, что онъ былъ центромъ всего, и это положеніе и радовало и стѣсняло его. Онъ находился въ состояніи человека, углубленаго въ какое-нибудь занятіе. Онъ ничего ясно не видѣлъ, не понималъ и не слыхалъ. Только изрѣдка, неожиданно мелькали въ его душѣ отрывочные мысли и впечатлѣнія изъ действительности.

„Такъ уже все кончено! думалъ онъ. — И какъ это все сдѣлалось? Такъ быстро! Теперь я знаю, что не для пей одной, не для себя одного, но и для всѣхъ это должно неизбѣжно совершиться. Они всѣ такъ ждутъ *этого*, такъ уверены, что это будетъ, что я не могу, не могу обмануть ихъ! Но какъ это будетъ? Не знаю, а будетъ, непремѣнно будетъ!“ думалъ Пьеръ, взглядывая на эти плечи, блестѣвшія подъ самыи глазъ его.

То вдругъ ему становилось стыдно чего-то. Ему *половко* было, что онъ одинъ занимаетъ вниманіе всѣхъ, что онъ счастливецъ въ глазахъ другихъ, что онъ съ своимъ *некрасивымъ лицомъ* — какой-то Нарисъ, обладающій Еленой. „Но вѣрно это всегда такъ бываетъ и такъ надо“, утѣшалъ онъ себя. „И впрочемъ, чѣмъ же я сдѣлать для этого? Когда это началось? Изъ Москвы я поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Васильемъ. Тутъ еще ничего не было. Потомъ, отчего же мнѣ было у него не остановиться? Потомъ я игралъ съ ней въ карты и поднялъ ея ридикюль, Ѣздилъ съ ней кататься. Когда же это началось, когда это все сдѣлалось?“ И втѣ онъ сидѣть подлѣ нея женихомъ, слышитъ, видитъ, чувствуетъ ся близость, ея дыханіе, ея движения, ея красоту. То вдругъ ему кажется, что это не она, а онъ самъ такъ

необыкновенно красивъ, что оттого-то и смотрѣть такъ на него, и онъ, счастливый общими удивленіемъ, выпрямляетъ грудь, поднимаетъ голову и радуется своему счастью. Вдругъ какой-то голосъ, чей-то знакомый голосъ, слышится и говорить ему что-то другой разъ. Но Ієръ такъ запутъ, что не понимаетъ того, чѣмъ говорятъ ему.

— Я спрашиваю у тебя, когда ты получилъ письмо отъ Болконскаго, повторялъ третій разъ князь Василій. — Какъ ты разсѣялъ, мой милый. Князь Василій улыбается, и Ієръ видѣть, что всѣ, всѣ улыбаются на него и на Эленъ.

„Ну чтожъ, коли вы всѣ знаете“, говорилъ самъ себѣ Ієръ. „Ну чтожъ? это правда“, и онъ самъ улыбается своею кроткою, дѣтскою улыбкой, и Эленъ улыбается.

— Когда же ты получишь? Изъ Ольмюца? повторяетъ князь Василій, которому будто нужно это знать для рѣшенія спора.

„И можно ли говорить и думать о такихъ пустякахъ?“ думалъ Ієръ.

— Да, изъ Ольмюца, отвѣчать онъ со вздохомъ.

Отъ ужина Ієръ повелъ свою даму за другими въ гостиную. Гости стали разыѣзжаться, и некоторые уѣзжали, не простившись съ Эленъ. Какъ будто не желая отрывать ее отъ ея серьезнаго занятія, некоторые подходили на минуту и скорѣе отходили, запрещая ей провожать себя. Дипломатъ грустно молчалъ, выходя изъ гостиной. Ему представлялась вся тщета его дипломатической карьеры въ сравненіи съ счастіемъ Ієра. Старый генералъ сердито прорвичалъ на свою жену, когда она спросила его о состояніи его ноги. „Эка старая дура, подумалъ онъ. Вотъ Елена Васильевна, такъ та и въ 50 лѣтъ красавица будетъ“.

— Кажется, что я могу вать поздравить, прощаньем Ани Навлониа княгинѣ и крѣпко поцѣловала ее. — Ежели бы не мигрень, я бы осталась. Княгиня ничего не отвѣчала; ее мучила зависть къ счастію своей дочери.

Нерь, во время проводовъ гостей, долго оставался одинъ съ Эленъ, въ маленькой гостиной, гдѣ они сѣли. Онъ часто и прежде, въ послѣдніе полтора мѣсяца, оставался одинъ съ Эленъ, но никогда не говорилъ ей о любви. Теперь онъ чувствовалъ, что это было необходимо, но онъ никакъ не могъ рѣшиться на этотъ послѣдній шагъ. Ему было стыдно, ему казалось, что тутъ, подлѣ Эленъ, онъ занимаетъ чье-то чужое мѣсто. „Не для тебя это счастье, говорилъ ему какою-то внутренній голосъ. Это счастье для тѣхъ, у кого нѣтъ того, чтѣ есть у тебя“. Но надо было сказать что-нибудь, и онъ заговорилъ. Онъ спросилъ у нея, довольна ли она нынѣшнимъ вечеромъ? Она, какъ и всегда, съ простотой своею отвѣчала, что нынѣшнія именины были для нея однѣми изъ самыхъ пріятныхъ.

Кое-кто изъ ближайшихъ родныхъ еще оставались. Они сидѣли въ большой гостиной. Князь Василій лѣнивыми шагами подошелъ къ Нерь. Нерь всталь и сказалъ, что уже поздно. Князь Василій строго-вопросительно посмотрѣлъ на него, какъ будто то, что онъ сказалъ, было такъ странно, что нельзя было и разслышать. Но вслѣдъ за тѣмъ выраженіе строгости измѣнилось, и князь Василій дернулъ Нера внизъ за руку; посадилъ его и ласково улыбнулся.

— Ну что, Меля? обратился онъ тотчасъ же къ дочери съ тѣмъ небрежнымъ тономъ привычной нѣжности, который усвоивается родителями, съ дѣтства ласкающими своихъ дѣтей, но который князьемъ Васильемъ былъ только угаданъ

поередствомъ подражанія другимъ родителямъ. И онъ опять обратился къ Ільеру: — Серпій Кузьмичъ, со всѣхъ сторонъ, проговорилъ онъ, разстегивая верхнюю пуговицу жилета.

Ільерь улыбнулся, но по его улыбкѣ видно было, что онъ понималъ, что не анекдотъ Сергѣя Кузьмича интересовалъ въ это время князя Василія; и князь Василій понялъ, что Ільерь понималъ это. Князь Василій вдругъ пробурлилъ что-то и вышелъ. Ільеру показалось, что даже князь Василій былъ смущенъ. Видъ смущенца этого старого свѣтскаго человѣка тронулъ Ільера; онъ оглянулся на Эленъ, — и она, казалось, была смущена и взглядомъ говорила: чтобжъ, вы сами виноваты.

„Надо, неизбѣжно перешагнуть, по не могу, я не могу“, думалъ Ільерь и заговорилъ опять о ностороннемъ, о Сергѣѣ Кузьмичѣ, сирацкавъ, въ чемъ состоять этаъ анекдотъ, такъ какъ онъ его не разслышалъ. Эленъ съ улыбкой отвѣчала, что она тоже не знаетъ.

Когда князь Василій вошелъ въ гостиную, княгиня тихо говорила съ пожилою дамой о Ільерѣ.

— Конечно, это очень блестящая партія, но счастье, моя милая...

— Браки совершаются на небесахъ, отвѣчала пожилая дама. Князь Василій, какъ бы не слушая дамъ, прошелъ въ дальній уголъ и сѣлъ на диванъ. Онъ закрылъ глаза и какъ будто дремалъ. Голова его было упала и онъ очнулся.

— Ахинъ, сказалъ онъ женѣ, — посмотри, что они дѣлаютъ.

Княгиня подошла къ двери, прошлась мимо нея стыдчи-тельнымъ, равнодушнымъ видомъ и заглянула въ гостиную. Ільерь и Эленъ также сидѣли и разговаривали.

— Все то же, отвѣтала она мужу. Князь Василій нахмурился, сморщилъ ротъ на сторону, щеки его запрыгали съ свойственнымъ ему испрѣятнѣемъ, грубымъ выраженіемъ; онъ, встряхнувшись, всталъ, закинувъ назадъ голову и рѣшительными шагами, мимо дамъ, прошелъ въ маленькую гостиную. Онъ скорыми шагами, радостно подошелъ къ Іньеру. Лицо князя было такъ необыкновенно торжественно, что Іньерь испуганно всталъ, увидавъ его.

— Слава Богу! сказалъ онъ. — Жена миѣ все сказала! Онъ обнялъ одною рукою Іньера, другою дочь. — Другъ мой! Леля! Я очень, очень радъ. Голосъ его задрожалъ. — Я любилъ твоего отца... и она будетъ тебѣ хорошая жена... Беітьда благословитъ васъ!... Онъ обнялъ дочь, потомъ опять Іньера и поцѣловалъ его своимъ старческимъ ртомъ. Слезы дѣйствительно омочили его щеки. — Княгиня, иди же сюда, прокричать онъ.

Княгиня вышла и зашлакала тоже. Пожилая дама тоже утиралась платкомъ. Іньера цѣловали, и онъ нѣсколько разъ цѣловалъ руку прекрасной Эленъ. Черезъ нѣсколько времени ихъ опять оставили однихъ.

„Все это такъ должно было быть и не могло быть иначе“, думалъ Іньерь; „поэтому нечего спрашивать, хорошо ли это или дурно? Хорошо потому, что опредѣленно и нѣть прежняго мучительного сомнѣнія“. Іньерь молча держалъ руку своей невѣсты и смотрѣлъ на ея поднимающуюся и опускающуюся прекрасную грудь.

— Эленъ! сказалъ онъ вслухъ и остановился. Что-то такое особенное говорять въ этихъ случаяхъ, думалъ онъ; но никакъ не могъ вспомнить, что такое именно говорять въ этихъ случаяхъ. Онъ взглянулъ въ ея лицо. Она придвигнулась къ нему ближе. Лицо еи зарумянилось.

— Ахъ снимите эти... какъ эти... она указывала на очки.

Шеръ снялъ очки, и глаза его, сверхъ той общей странности глазъ людей, снявшихъ очки, глаза его смотрѣли испуганно-вопросительно. Онъ хотѣлъ нагнуться надъ ея рукой и поцѣловать ее; но она быстрымъ и грубымъ движеніемъ головы перехватила его губы и свела ихъ съ своими. Лицо ея морозило Шера своимъ измѣнившимъ, неустрѣнно-растеряннымъ выраженіемъ.

„Теперь ужъ поздно, все конечно, да и я люблю ее“, подумалъ Шеръ.

— Я вѣсъ люблю! сказаль онъ, вспомнивъ то, что нужно было говорить въ этихъ случаяхъ; но слова эти прозвучали такъ бѣдно, что ему стало стыдно за себя.

Черезъ полтора мѣсяца онъ былъ обѣничанъ и поселился, какъ говорили, счастливымъ обладателемъ красавицы жены и миллионовъ въ большомъ петербургскомъ заново отдѣланномъ домѣ графовъ Безухихъ.

III.

Старый князь Николай Андреичъ Болконскій, въ декабрѣ 1805 года, получилъ письмо отъ князя Василія, извѣщавшаго его о своемъ пріѣздѣ вмѣстѣ съ сыномъ („Я йду на ревизію, и разуиѣтся мнѣ 100 верстъ не крюкъ, чтобы посѣтить васъ, многоуважаемый благодѣтель“, писаль онъ, „и Анатоль мой провожаетъ меня и йдетъ въ армію, и я надѣюсь, что вы позволите ему лично выразить вамъ то глубокое уваженіе, которое онъ, подражая отцу, питаетъ къ вамъ“).

— Вотъ Маріи вывозить не нужно, женихи сами къ намъ вѣдутъ, неосторожно сказала маленькая княгиня, услыхавъ

про это. Князь Николай Андреичъ поморщился и япчего не сказалъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ получения письма, вечеромъ, пріѣхали впередъ люди князя Василья, а на другой день пріѣхалъ и онъ самъ съ сыномъ.

Старикъ Болконскій всегда былъ невысокаго мнѣнія о характерѣ князя Василья, и тѣмъ болѣе въ послѣднее время, когда князь Василій въ новыя царствованія при Павлѣ и Александрѣ датеко пошелъ въ чинахъ и почестяхъ. Теперь же, по памятъ письма и маленькой княгини, онъ ионялъ въ чемъ дѣло, и невысокое мнѣніе о князѣ Васильѣ перешло въ душѣ князя Николая Андреича въ чувство недоброжела-тельного презрѣнія. Онъ постоянно фыркалъ, говоря про него. Въ тотъ день, какъ пріѣхать князю Василію, князь Николай Андреичъ былъ особенно недоволенъ и не въ духѣ. Оттого ли онъ былъ не въ духѣ, что пріѣзжалъ князь Василій, или оттого онъ былъ особенно недоволенъ пріѣздомъ князя Василья, что былъ не въ духѣ; по онъ былъ не въ духѣ, и Тихонъ еще утромъ отсовѣтовалъ архитектору входить съ докладомъ къ князю.

— Слушайте, какъ ходить, сказалъ Тихонъ, обращая вни-
маніе архитектора на звуки шаговъ князя. — На всю пятку
ступаетъ — ужъ мы знаемъ...

Однако, какъ обыкновенно, въ 9-мъ часу князь вышелъ гулять въ своей бархатной шубкѣ съ соболинымъ воротни-комъ и такой же шапкѣ. Наканунѣ вышалъ сиѣгъ. Дорожка, по которой хаживалъ князь Николай Андреичъ къ оранже-реѣ, была расчищена, слѣды метлы виднѣлись на разметан-номъ сиѣгу, и лопата была воткнута въ рыхлую пасынь спѣга, шедшую съ обѣихъ сторонъ дорожки. Князь прошелъ

по оранжерейамъ, по дворнѣ и постройкамъ, нахмуренный и молчаливый.

— А прѣѣхать въ саняхъ можно? спросилъ онъ провожавшаго его до дома почтеннаго, похожаго лицомъ и малерами на хозяина, управляющаго.

— Глубокъ сиѣгъ, ваше сіятельство. Я уже по прешпекту разметать велѣль.

Князь наклонилъ голову и подошелъ къ крыльцу. „Слава тебѣ Господи, подумалъ управляющій, пронеслась туча!“

— Прѣѣхать трудно было, ваше сіятельство, прибавилъ управляющій. — Какъ слышно было, ваше сіятельство, что министръ пожалуетъ къ вашему сіятельству? Князь повернулся къ управляющему и нахмуренными глазами усталовился на него.

— Чѣд? Министръ? Какой министръ? Кто велѣль? заговорилъ онъ своимъ пронзительнымъ, жесткимъ голосомъ. — Для княжны, моей дочери, не расчистили, а для министра! У меня пять министровъ!

— Ваше сіятельство, я полагаль...

— Ты полагалъ, закричалъ князь, все поспѣшилъ и не связывѣ выговаривая слова. — Ты полагалъ... Разбойники! прохвости!.. Я тебѣ изучу полагать, и подиши налку, онъ замахнулся ею на Алпатыча и ударилъ бы, ежели бы управляющій невольно не отклонился отъ удара. — Полагалъ... Прохвости!.. теропливо кричалъ онъ; но несмотря на то, что Алпатычъ, самъ испугавшійся своей дерзости отклониться отъ удара, приблизился къ князю, опустивъ предъ нимъ покорно свою шапчинную голову, или можетъ быть именно отъ этого, князь продолжалъ кричать: „Прохвости!.. засидать дорогу...“ не поднялъ другой разъ налки и вѣжкаль въ комнаты.

Предъ обѣдомъ княжна и m-elie Буръенъ, знаяшія что князь не въ духѣ, стояли, ожидая его; m-elie Буръенъ съ сіающимъ лицомъ, которое говорило: я ничего не знаю, я такая же, какъ и всегда, и княжна Марья блѣдная, испуганная, съ опущенными глазами. Тяжеле всего для княжны Мары было то, что она знала, что въ этихъ случаяхъ надо поступать, какъ m-elie Буръенъ, но не могла этого сдѣлать. Ей казалось: „сдѣлаю я такъ, какъ будто не замѣчаю, онъ подумаетъ, что у меня нѣть къ нему сочувствія; сдѣлаю я такъ, что я сама скучна и не въ духѣ, онъ скажетъ (какъ это и бывало), что я носъ новѣсилъ“ и т. п.

Князь взглянулъ на испуганное лицо дочери и фыркнулъ.

— Др... или дура... проговорилъ онъ. — И той нѣть! ужъ и ей насмѣтичали, подумалъ онъ про маленькую княгиню, которой не было въ столовой.

— А княгиня гдѣ? спросилъ онъ. — Прячется?

— Она не совсѣмъ здорова, весело улыбалась, сказала m-elie Буръенъ, — она не выйдетъ. Это такъ понятно въ ея положеніи.

— Гм! гм! кх! кх! проговорилъ князь и сѣлъ за столъ. Тарелка ему показалась не чиста: онъ указалъ на пятно и бросилъ ее. Тихонъ подхватилъ ее и передалъ буфетчику. Маленькая княгиня не была нездорова; но она до такой степени непреодолимо боялась князя, что, услыхавъ о томъ, какъ онъ не въ духѣ, она рѣшилась не выходить.

— Я боюсь за ребенка, говорила она m-elie Буръенъ: — Богъ знаетъ, что можетъ сдѣлаться отъ испуга.

Вообще маленькая княгиня жила въ Лысыхъ Горахъ постоянно подъ чувствомъ страха и антипатіи къ старому князю, которой она не сознавала, потому что страхъ такъ преобладалъ.

даль, что она не могла ея чувствовать. Со стороны князя была тоже антишатия, но она заглушалась презрениемъ. Княгиня, обжившись въ Лысыхъ Горахъ, особенно полюбила *melle* Буренъ, проводила съ нею дни, просила ее ночевать съ собой и съ нею часто говорила о свекрѣ и судила его.

— Къ намъ юдутъ гости, князъ, сказала *melle* Буренъ, своими розовенькими руками развертывая белую салфетку.— Его світельство князъ Курагинъ съ сыномъ, сколько я слышала? вопросительно сказала она.

— Гм... это світельство мальчишка... я его опредѣлилъ въ коллегию, оскорбленно сказала князъ. — А сынъ зачѣмъ, не могу понять. Княгиня Лизавета Карловна и княжна Марья, можетъ, знаютъ; я не знаю, къ чему онъ везетъ этого сына сюда. Мне не нужно. И онъ посмотрѣлъ на покрасившую дочь.

— Нездорова, что ли? Отъ страха министра, какъ иначе этотъ болванъ Алшатычъ сказалъ.

— Нѣть, батюшка.

Какъ ни неудачно пошла *melle* Буренъ на предметъ разговора, она не остановилась и болтала объ оранжереяхъ, о красотѣ нового распустившагося цветка, и князъ послѣ супна смягчился.

Послѣ обѣда онъ прошелъ къ невѣсткѣ. Маленькая княгиня сидѣла за маленькимъ столикомъ и болтала съ Машей, горничной. Она поблѣднѣла, увидавъ свекра.

Маленькая княгиня очень перемѣнилась. Она скрѣе была дурна, нежели хороша теперь. Щеки опустились, губа поднялась кверху, глаза были обтянуты князю.

— Да, тяжесть какимъ-то, отвѣчала она на вопросъ князя, что она чувствуетъ

— Не нужно ли чего?

— Нѣтъ, благодарю, батюшка.

— Ну, хорошо, хорошо.

Онъ вышелъ и дошелъ до офицантской. Алатычъ, на-
гнувъ голову, стоялъ въ офицантской.

— Закидана дорога?

— Закидана, ваше сіятельство; простите ради Бога, по
одной глупости.

Князь перебилъ его и засмѣялся своимъ неестественнымъ
смѣхомъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Онъ протянулъ руку, которую
поцѣловалъ Алатычъ, и прошелъ въ кабинетъ.

Вечеромъ прїѣхалъ князь Василій. Его встрѣтили на *преп-
инектъ* (такъ назывался проспектъ), кучеръ и офицанты
съ крикомъ провезли его возки и сали къ флагелю, по на-
рочно засыпанной снѣгомъ дорогѣ.

Князю Василью и Анатолю были отведены *отдельныя*
комнаты.

Анатоль сидѣлъ, снявъ камзолъ и подпершись руками
въ бока, предъ столомъ, на уголъ которого онъ, улыбаясь,
пристально и разсѣянно устремилъ свои прекрасные большіе
глаза. На всю жизнь свою онъ смотрѣлъ какъ на непрерыв-
ное увеселеніе, которое кто-то такой почему-то обивался
устроить для него. Такъ же и теперь онъ смотрѣлъ на свою
поѣздку къ злому старику и къ богатой, уродливой наслѣд-
ницѣ. Все это могло выйти, по его предположенію, очень
хорошо и забавно. „А отчего же не жениться, коли она очень
богата? Это никогда не мѣшаетъ“, думалъ Анатоль.

Онъ выбрился, надушился со тщательностью и щеголь-
ствомъ, сдѣлавшимися его привычкою, и съ прирожденнымъ

ему добродушно-побѣдительнымъ выраженіемъ, высоко неся красивую голову, вошелъ въ комнату къ отцу. Около киля Василья хлопотали его два камердинера, одѣвали его; онъ самъ оживленно оглядывался вокругъ себя и весело кивнулъ входившему сыну, какъ будто онъ говорилъ: Такъ, такимъ мнѣ тебѣ и надо!

— Нѣть, безъ пуговокъ, батюшка, она очень уродлива? А? по-французски спросилъ онъ, какъ бы продолжая разговоръ, не разъ веденный во время путешествія.

— Полно, глупости! Главное дѣло, старайся быть почтителенъ и благоразуменъ съ старымъ княземъ.

— Ежели онъ будетъ браниться, я уйду, сказалъ Анатоль. — Я этихъ стариковъ терпѣть не могу. А?

— Помни, что для тебя отъ этого зависитъ все.

Въ это время въ дѣвичьей не только было извѣстенъ пріѣздъ министра съ сыномъ, но вѣнчаній видѣть ихъ обоихъ было уже подробно описано. Княжна Марья сидѣла одна въ своей комнатѣ и тщетно пыталась преодолѣть свое внутреннее волненіе.

„Зачѣмъ они писали, зачѣмъ Лиза говорила мнѣ про это? Вѣдь этого не можетъ быть!“ говорила она себѣ, взглѣдывая въ зеркало. „Какъ я выйду въ гостиную? Ежели бы онъ даже мнѣ понравился, я бы не могла быть теперь съ нимъ сама собою“. Одна мысль о взглядѣ ея отца приводила ее въ ужасъ. Маленькая княгиня и *melle* Бурленъ получили уже всѣ нужныя свѣдѣнія отъ горничной Марии, о томъ, какой румяный, черноброный красавецъ былъ министерскій сынъ, и о томъ, какъ наисильную ноги проволокъ на лѣстницу, а онъ какъ орелъ, шагая по три ступеньки проѣжалъ за нимъ. Получивъ эти свѣдѣнія, маленькая княгиня

и *melle* Буренъ, еще изъ коридора слышныя своими оживленно-переговаривающимъ голосами, вошли въ комнату книжни.

— Они приѣхали, Мари, вы знаете? сказала маленькая княгиня, переваливаясь своимъ животомъ и тяжело опускаясь на кресло. Она уже не была въ той блузѣ, въ которой сидѣла поутру, а на ней было одно изъ лучшихъ ея платьевъ; голова ея была тщательно убрана, и на лицѣ ея было очищеніе, не скрывавшее однако опустившихся и помертвѣвшихъ очертаний лица. Въ томъ нарядѣ, въ которомъ она бывала обыкновенно въ обществахъ въ Петербургѣ, еще замѣтнѣе было, какъ много она подурнѣла. На *melle* Буренъ тоже появилось уже незамѣтно какое-то усовершенствованіе наряда, которое придавало ея хорошенькому, свѣженъкому лицу еще болѣе привлекательности.

— Ну, а вы остаетесь въ чёмъ были, милая княжна. Сей-часъ придути сказать, что они вышли, заговорила она. — Надо будетъ идти внизъ: а вы хоть бы чуть-чуть принарядились.

Маленькая княгиня поднялась съ кресла, позвонила горничную и поспешно и весело принялась придумывать нарядъ для княжны Марыи и приводить его въ исполненію. Княжна Марыя чувствовала себя оскорблена въ чувствѣ собственнаго достоинства тѣмъ, что приѣздъ обѣщанного жениха волновалъ ее, и еще болѣе она была оскорблена тѣмъ, что обѣя подруги и не предлагали, чтобы это могло быть иначе. Сказать имъ, какъ ей совѣстно было за себя и за нихъ, это значило выдать свое волненіе; кромѣ того отказаться отъ наряженія, которое предлагали ей, повело бы къ продолжительнымъ шуткамъ и настаиваніямъ. Она всхихнула, прекрасные глаза ея потухли, лицо ея покрылось пятнами,

и съ тѣмъ, некрасивымъ выраженіемъ жертвы, чаще всего останавлившемся на ея лицѣ, она отдалась во власть *melle*. Буренъ и Лизы. Обѣ женщины заботились, совершенно искренно, о томъ, чтобы сдѣлать ее красивою. Она была такъ дурна, что ни одной изъ нихъ не могла прійти мысль о соперничествѣ съ нею: поэтому они совершенно искренно, съ тѣмъ наивнымъ и гвердымъ убѣженіемъ женщины, что нарядъ можетъ сдѣлать лицо красивымъ, приились за ея одѣванье.

— Нѣтъ, право, мой дружокъ, это платье не хорошо, говорила Лиза, издалека бокомъ взглѣдывая на книжку; — вели подать, у тебя тамъ есть масака. Право! Что жъ, вѣдь это, можетъ быть, судьба жизни рѣшается. А это слишкомъ свѣтло, не хорошо, нѣтъ, не хорошо!

Нехорошо было не платье, но лицо и вся фигура княжны; но этого не чувствовали *melle*, Буренъ и маленькая княгиня; имъ все казалось, что ежели приложить голубую ленту къ волосамъ, зачесаннымъ кверху, и спустить голубой шарфъ съ коричневаго платья, и т. п., то все будетъ хорошо. Они забывали, что испуганное лицо и фигуру нельзя было замѣнить, и потому, какъ они ни видоизмѣнили раму и украшеніе этого лица, само лицо оставалось жалко и некрасиво. Послѣ двухъ или трехъ перемѣнъ, которыхъ покорно подчинилась княжна Марья, въ ту минуту, какъ она была зачесана кверху (прическа, совершенно измѣнившая и портившая ея лицо), въ голубомъ шарфѣ и масакѣ нарядномъ платьѣ, маленькая княгиня раза два обошла кругомъ ея, маленькою ручкой оправила тутъ складку платья, тамъ подернула шарфъ и посмотрѣла, склонивъ голову, то съ той, то съ другой стороны.

— Нѣтъ, это пельза, сказала она рѣшительно, всплеснувъ руками. — Нѣтъ, Мари, рѣшительно это нѣйдетъ къ вамъ. Я васъ лучше люблю въ вашемъ сѣренѣкомъ, ежедневномъ платьицѣ, пожалуйста, сдѣлайте это для меня. Катя, сказала она горничной, — принеси княжнѣ сѣренѣкое платье, и посмотрите, т-elle Буренъ, какъ я это устрою, сказала она съ улыбкой предвкушения артистической радости. Но когда Катя принесла требуемое платье, княжна Марья неподвижно все сидѣла предъ зеркаломъ, глядя на свое лицо, и въ зеркальѣ увидала, что въ глазахъ ея стоять слезы, и что ротъ ея дрожитъ, приготовляясь къ рыданіямъ.

— Ну, княжна, сказала т-elle Буренъ, — еще маленьковое усиление.

Маленькая княгиня, взявъ платье изъ рукъ горничной, подходила къ княжнѣ Марѣ.

— Нѣтъ, теперь мы это сдѣлаемъ просто, мило, говорила она. Голоса ея, т-elle Буренъ и Кати, которая о чёмъ-то засмѣялась, сливались въ веселое лепетанье, похожее на пѣніе птицъ.

— Нѣтъ, оставьте меня, сказала княжна, и голосъ ея звучалъ такою серьезностью и страданиемъ, что лепетанье птицъ тотчасъ же замолкло. Онѣ посмотрѣли на большие, прекрасные глаза, полные слезъ и мысли, ясно и умоляюще спотrebившіе на нихъ, и поняли, что настаивать бесполезно и даже жестоко.

— По крайней мѣрѣ перемѣните прическу, сказала маленькая княгиня. — Я вамъ говорила, съ упрекомъ сказала она, обращаясь къ т-elle Буренъ, что у Марии одно изъ тѣхъ лицъ, которымъ этотъ родъ прически совсѣмъ нѣйдетъ! Совсѣмъ нѣйдетъ! Переимѣните пожалуйста.

— Оставьте меня, мнѣ все равно, отвѣчалъ голосъ, едва удерживающей слезы.

М-elle Бурьеи и маленькая княгиня должны были признаться самимъ себѣ, что княжна Марья въ этомъ видѣ была очень дуриа, хуже чѣмъ всегда, но было уже поздно. Она смотрѣла на нихъ съ тѣмъ выраженіемъ, которое онѣ знали, выраженіемъ мысли и грусти. Выраженіе это не внушало имъ страха къ княжнѣ Марьѣ. (Этого чувства она никому не внушала). Но онѣ знали, что когда на ея лицѣ появлялось это выраженіе, она была молчалива и непоколебима въ своихъ рѣшеніяхъ.

— Вы перемѣните, не правда ли! сказала Лиза, и когда княжна Марья ничего не отвѣтила, Лиза вышла изъ комнаты.

Княжна Марья осталась одна. Она не исполнила желанія Лизы, и не только не перемѣнила прически, но и не взглянула на себя въ зеркало. Она, безсильно опустивъ глаза и руки, молча сидѣла и думала. Ей представлялся мужъ, мужчина, сильное, преобладающее и непонятно привлекательное существо, переносящее ее вдругъ въ свой, совершенно другой, счастливый міръ. Ребенокъ свой, такой, какого она видѣла вчера у дочери кормилицы, представлялся ей у своей собственной груди. Мужъ стоять и нѣжно смотрѣть на нее и ребенка: „но нѣтъ, это невозможно, я слишкомъ дуриа“, думала она.

— Пожалуйте къ чаю. Князь сейчасъ выйдуть, сказалъ изъ-за двери голосъ горничной. Она очнулась и ужаснулась тому, о чѣмъ она думала. И прежде чѣмъ идти внизъ, она встала, вошла въ образную и, устремивъ на освѣщеній лампадой, черный ликъ большаго образа Спасителя, простолла предъ нимъ цѣсколико минутъ съ сложенными руками. Въ душѣ

княжны Марыи было мучительное сомнѣніе. Возможна ли для нея радость любви, земной любви къ мужчинѣ? Въ помышленіяхъ о бракѣ, княжна Марыя мечталось и семейное счастье и дѣти, но главною, сильнейшею и затаенною ея мечтой была любовь земная. Чувство было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она старалась скрывать его отъ другихъ и даже отъ самой себя. „Боже мой, говорила она, какъ мнѣ подавить въ сердцѣ своеемъ эти мысли дьявола? Какъ мнѣ отказаться такъ навсегда отъ злыхъ помысловъ, чтобы спокойно исполнять Твою волю?“ И едва она сдѣлала этотъ вопросъ, какъ Богъ уже отвѣчалъ ей въ ея собственномъ сердцѣ. „Не желай ничего для себя, не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвѣстна тебѣ; но живи такъ, чтобы быть готовою ко всему. Если Богу угодно будетъ испытать тебя въ обязанностяхъ брака, будь готова исполнить Его волю“. Съ этою успокоительною мыслью (но все-таки съ надеждой на исполненіе своей запрещенной, земной мечты) княжна Марыя, вздохнувъ, перекрестилась и сопла внизъ, не думая ни о своемъ платьѣ, ни о причесѣ, ни о томъ, какъ она войдетъ и что скажетъ. Что могло же это значить въ сравненіи съ предопределениемъ Бога, безъ воли Котораго не падетъ ни одинъ волосъ съ головы человѣческой.

IV.

Когда княжна Марыя вошла въ комнату, князь Василій съ сыномъ уже были въ гостиной, разговаривая съ маленькою княгиней и *melle* Буренѣ. Когда она вошла своею тяжелою походкой, ступая на пятки, мужчины и *melle* Буренѣ приподнялись, и маленькая княгиня, указывая на нее мужчинамъ, сказала: „Вотъ Мари!“ Княжна Марыя видѣла

всѣхъ, и подробно видѣла. Она видѣла лицо князя Василія; на мгновеніе серьезно остановившееся при видѣ княжны; тотчасъ же улыбнувшееся, лицо наученкой книжни, питавшей съ любопытствомъ на лицахъ гостей впечатлѣніе, которое произведеть на нихъ Марі. Она видѣла и *elle* Вурбинъ съ ея лентой и красивымъ лицомъ и оживленными какъ никогда взглядомъ, устремленнымъ на нею; но она не могла видѣть *ею*, она видѣла только что-то большое, присое и прекрасное, подвинувшееся къ ней; когда она вошла въ комнату; Сначала къ ней подошелъ князь Василій, и она поцѣловала плѣшивую голову, наклонившуюся надъ ея рукою и отвѣчала на его слова, что она напротивъ очень хорошо помнить его. Нагомъ къ ней подошелъ Анатоль. Она все еще не видѣла его. Она только почувствовала тѣжкую руку, твердѣвшую єя руку и чуть дотронулась до бѣлого лба, надъ которымъ были приложены прекрасные русые волосы. Когда она взглянула на него, красота его поразила ее. Анатоль, заложивъ большой палецъ, правой руки за застегнутую пуговицу мундира, съ выгнутую впередъ грудью, а назадъ—спину, покачивая одною отставленной ногой и слегка склонивъ голову, молча, весело глядѣть на книжну, видимо совершенно о ней не думал. Анатоль былъ не находчивъ, не быстръ и не краснорѣчивъ въ разговорахъ, но у него за то была драгоценная для свѣта способность споюють иничѣи неизмѣнной уверенности. Затолчи при первомъ знакомствѣ несамоуверенный человѣкъ и выражъ сознаніе неприличности этого молчанія и желаніе найти что-нибудь, и будетъ не хорошо; но Анатоль молчалъ, покачивая ногой, весело наблюдалъ прическу книжни. Видно было, что онъ такъ спокойно могъ молчать очень долго. „Ежели кому человѣкъ это молчаніе,

такъ разговаривайте, а мнѣ не хочется", какъ будто говорилъ его видъ. Кромѣ того, въ обращеніи съ женщинами у Анатоля была та манера, которая болѣе всего внушаетъ въ женщинахъ любопытство, страхъ и даже любовь, — манера презрительного сознанія своего превосходства. Какъ будто онъ говорилъ имъ своимъ видомъ: „Знаю васъ, знаю, да что съ вами возиться? А ужъ вы бы рады!" Можетъ быть, что онъ этого не думалъ, встрѣчаясь съ женщинами (и дажеѣроятно, что нѣть, потому что онъ вообще мало думалъ), но такой у него былъ видъ и такая манера. Княжна почувствовала это и, какъ будто желая ему показать, что она и не смѣеть думать о томъ, чтобы занять его, обратилась къ старому князю. Разговоръ шелъ общій и оживленный, благодаря голосу и губѣ съ усиками, поднимавшейся надъ бѣлыми зубами маленькой книгини. Она встрѣтила князя Василья съ тѣмъ пріемомъ шуточки, который часто употребляется болтливо-веселыми людьми, и который состоить въ томъ, что между человѣкомъ, съ которымъ такъ обращаются, и собой, предполагаютъ какія-то давно установившіяся шуточки и веселыя, отчасти не всѣмъ извѣстныя, забавные воспоминанія, тогда какъ никакихъ такихъ воспоминаній нѣть, какъ ихъ и не было между маленькою книгиней и княземъ Васильемъ. Князь Василій охотно поддался этому тону; маленькая книгина вовлекла въ это воспоминаніе никогда не бывшихъ смѣшныхъ происшествій и Анатоля, которого она почти не знала. *Melle* Буренъ тоже раздѣлла эти общія воспоминанія, и даже княжна Марья съ удовольствиемъ почувствовала я себя втянутую въ это веселое воспоминаніе.

— Вотъ по крайней мѣрѣ, мы съ вами теперь вполнѣ воспользуемся, милый князь, говорила маленькая книгина, ра-

зумбется по-французски, князю Василью, — это не такъ, какъ на нашихъ вечерахъ у Анетъ, гдѣ вы всегда убѣжите. Помните, эта милая Анетъ?

— А, да вы мнѣ не подите говорить про политику, какъ Анетъ!

— А нашъ чайный столикъ?

— О, да!

— Отчего вы никогда не бывали у Анетъ? спросила маленькая княгиня у Анатоля. — А! я знаю, знаю, сказала она, подмигнувъ: вашъ братъ Ипполитъ мнѣ рассказывалъ про ваши дѣла. О! Она погрозила ему пальчикомъ. — Еще въ Парижъ ваши проказы знаю!

— А онъ, Ипполитъ, тебѣ не говорилъ? сказалъ князь Василий (обращаясь въ сыну и схвативъ за руку княгиню, какъ будто она хотѣла убѣжать, а онъ едва успѣлъ удержать ее), а онъ тебѣ не говорилъ, какъ онъ самъ, Ипполитъ, изсыхалъ по милой княгинѣ, и какъ она выгоняла его изъ дома?

— Ахъ! это черль женщины, княжна, обратился онъ къ княжнѣ. Съ своей стороны *tu es elle* Бурьеъ не упустила случая при словѣ Парижъ вступить тоже въ общій разговоръ воспоминаний.

Она позволила себѣ спросить, давно ли Анатоль оставилъ Парижъ, и какъ поправился ему этотъ городъ. Анатоль щесъма охотно отвѣчалъ француженкѣ и улыбаясь, глядя на несъ, разговаривалъ съ нею про ея отечество. Увидавъ хорошенькую Бурьеъ, Анатоль рѣшилъ, что и здѣсь, въ Лысыхъ Горахъ, будетъ не скучно. „Очень не дурна!“ думалъ онъ, оглядывая ее, „очень не дурна эта компаньонка. Надѣюсь, что она возьмется ее съ собой, когда выйдетъ за меня; подумалъ онъ, „очень, очень недурна!“.

Старый князь Петрович одевался въ кабинетъ, хмурясь и обдумывая то, что ему дѣлать. Пріѣздъ этихъ гостей сердилъ его. „Чтѣ миѣ князь Василій и его сынокъ? Князь Василій хвастунишка, пустой, ву и сынъ хороши долженъ быть“, ворчалъ онъ про себя. Его сердило то, что пріѣздъ этихъ гостей поднималъ въ его душѣ нерѣшенный, постоянно заглушаемый вопросъ, вопросъ, на счетъ котораго старый князь всегда самъ себя обманывалъ. Вопросъ состоялъ въ томъ, рѣщится ли онъ когда-либо разстаться съ княжной Марьей и отдать ее мужу. Князь никогда прямо не рѣшался задавать себѣ этотъ вопросъ, зная впередъ, что онъ отвѣтилъ бы по справедливости, а справедливость противорѣчила больше чѣмъ чувству, а всей возможности его жизни. Жизнь безъ княжны Мары, князю Николаю Андреевичу несмотря на то, что онъ казалось мало дорожилъ ею, была немыслима. „И къ чему ей выходить замужъ?“ думалъ онъ, „навѣрно быть несчастною. Вонъ Лиза за Андреемъ (лучше мужа течерь, кажется, трудно найти), а развѣ она довольна своею судьбой? И кто ее возмѣть изъ любви? Дурна, недовка. Возьмутъ за связи, за богатство. И развѣ не живутъ въ дѣвкахъ? Еще счастливѣе!“ Такъ думалъ, одѣваясь, князь Николай Андреевичъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все откладываемый вопросъ требовалъ немедленнаго рѣшенія. Князь Василій привезъ своего сына очевидно съ намѣренiemъ едѣлать предложеніе и вѣроятно нынче или завтра потребуетъ прямаго отвѣта. Имя, положеніе въ свѣтѣ приличное. „Чтожь, я не ироочь“, говорилъ самъ себѣ князь, „но пусть онъ будетъ стоять ся. Вотъ это-то мы и посмотримъ. Это-то мы и посмотримъ“, проговорилъ онъ вслухъ. „Это-то мы и посмотримъ“, и онъ, какъ всегда, бодрыми шагами вошелъ

въ гостиную, быстро скинула платья маленькой княгини, и ленточку Буренъ и уродливую прическу княжны Мары, и улыбки Буренъ, и Анатоліа, и одиночество своей княжны въ общемъ разговорѣ. „Убрались какъ дура!“ цодумалъ онъ, злобно взглянувъ на дочь. „Стыда нѣть, а онъ ея и знать не хочетъ!“

Онъ подошелъ къ князю Василью.

— Ну здравствуй, здравствуй, радъ видѣть.

— Для мила-дружка семь верстъ не околица, заговорилъ князь Василь, какъ всегда быстро, самоувѣренно и фамильярно. — Вотъ мой второй, прошу любить и жаловать.

Князь Николай Андреевичъ оглѣдѣлъ Анатоля.

— Молодецъ, молодецъ! сказали онъ, — ну, поди, поѣхай, и онъ подставилъ ему шеку. Анатоль цѣловалъ старика, и любопытно и совершенно спокойно смотрѣлъ на него, ожидая скоро ли произойдетъ отъ него объѣцанное отцомъ чудацкое.

Князь Николай Андреевичъ сѣлъ на свое обычное мѣсто, въ уголь дивана, подвинулъ къ себѣ кресло для князя Василья, указалъ на него, и сталъ разспрашивать о политическихъ дѣлахъ и новостяхъ. Онъ слушалъ какъ будто со вниманиемъ разсказъ князя Василья, но безпрестанно взглядалъ на княжну Мару.

— Такъ ужъ изъ Потсдама пишутъ? повторилъ онъ послѣднія слова князя Василья, и, вдругъ вставъ, подошелъ къ дочери.

— Это ты для гостей такъ убралиась, а? сказали онъ, Хороша, очень хороша. Ты при гостяхъ причесана цо по-вому, а я при гостяхъ тебѣ говорю, что впередъ де сиѣй ты переодѣваться безъ моего спроса.

— Это я, батюшка, виновата, красный выступаешь маленькая княгиня.

— Ваша полная воля съ, — сказалъ князь Николай Андреевичъ, расшаркиваясь предъ певѣткой, — а ей уродовать себя печего, — и такъ дурна. И онъ опять съѣхъ на шѣсто; не обращая болѣе вниманія на до-слезъ доведенную дочь.

— Напротивъ, эта прическа очень идетъ княжнѣ, — сказалъ князь Василій.

— Ну, батюшка, молодой князь, какъ его зовутъ? — сказалъ князь Николай Андреевичъ, обращаясь къ Анатолю, — поди сюда, поговоримъ, познакомимся.

„Вотъ когда начинается потѣха“, подумалъ Анатоль, и съ улыбкой подсѣхъ къ старому князю.

— Ну вотъ что: вы, мой милый, говорить, за границей воспитывались! Не такъ, какъ насть съ твоимъ отцомъ дѣлчекъ грамотъ училъ. Скажите мнѣ, мой милый, вы теперь служите въ конной гвардіи? спросилъ старикъ, близко и пристально глядя на Анатоля.

— Нѣть, я перешелъ въ армію, отвѣчать Анатоль, едва удерживаясь отъ смѣха.

— А! хорошее дѣло! Что жъ, хотите, мой милый, послужить царю и отечеству? Время! военное. Такому молодцу служить надо, служить надо. Что жъ, во фронтѣ?

— Нѣть, князь. Полкъ напрѣдъ выступилъ. А я числюсь! При чемъ я числюсь, папа? обратился Анатоль со смѣхомъ къ отцу.

— Славно служить, славно. При чемъ я числюсь! Ха-ха-ха! засмѣялся князь Николай Андреевичъ, и Анатоль засмѣялся еще громче. Вдругъ князь Николай Андреевичъ нахмурился. — Ну, ступай, сказалъ онъ Анатолю. Анатоль съ улыбкой подошелъ опять къ дамамъ.

— Вѣдь ты ихъ тамъ за-границей воспитывалъ, князь Василій? А? обратился старый князь къ князю Василью.

— Я дѣлалъ, что могъ, и я вамъ скажу, что тамошнее воспитаніе гораздо лучше нашего.

— Да, нынче все другое, все по новому. Молодецъ малый! молодецъ! Ну пойдемъ ко мнѣ. Онь взялъ князя Василы подъ руку и повелъ въ кабинетъ.

Князь Василій, оставшись одинъ на одинъ съ княземъ, тотчасъ же объявилъ ему о своемъ желаніи и надеждахъ.

— Чѣмъ ты думаешьъ, сердито сказалъ старый князь, — что я ее держу, не могу разстаться? Вообразить себѣ! проговорилъ онъ сердито. — Мнѣ хоть завтра! Только скажу тебѣ, что я своего зятя знать хочу лучше. Ты знаешь мои правила: все открыто! Я завтра при тебѣ спрошу; хочетъ она, тогда пусть онъ поживеть. Пускай поживеть, я посмотрю. Князь фыркнулъ. — Пускай выходить, мнѣ все равно, закричалъ онъ тѣмъ пронзительнымъ голосомъ, которымъ онъ кричалъ при прощаніи съ сыномъ.

— Я вамъ прямо скажу, сказалъ князь Василій, тоною хитраге человѣка, убѣдившагося въ ненужности хитрить предъ проницательностью собесѣдника. — Вы вѣдь насквозь людей видите. Анатоль не гений, но честный, добрый малый, прекрасный сынъ и родной.

— Ну, ну, хорошо, увидимъ.

Какъ оно всегда бываетъ для одинокихъ женщинъ, долго прожившихъ безъ мужскаго общества, при появленіи Анатоля всѣ три женщины въ домѣ князя Николая Андреевича одинаково почувствовали, что жизнь ихъ была не жизнью до этого времени. Сила мыслить, чувствовать, наблюдать мгновенно удесятирилась во всѣхъ нихъ; и, какъ будто ихъ

жизнь, до сихъ поръ происходившай во мракѣ, вдругъ освѣтилась новымъ, полнымъ значенія свѣтомъ.

Княжна Марья звовсе не думала и не помнила о своемъ лицѣ и прическѣ. Красивое, открытое лицо человѣка, который, можетъ быть, будетъ ея мужемъ, поглощало все ея вниманіе. Она ей казался добрь, храбрь, рѣшителенъ, мужественъ и великодушенъ. Она была убѣждена въ этомъ. Тысячи мечтаний о будущей семейной жизни безпрестанно возникали въ ея воображеніи. Она отгоняла и старалась скрыть ихъ.

„Но не слишкомъ ли я колодна съ нимъ?“ думала княжна Марья. „Я стараюсь сдерживать себя, потому что въ глубинѣ души чувствую себя къ нему уже слишкомъ близкою; но вѣдь она не знаетъ всего того, что я о немъ думаю, и можетъ вообразить себѣ, что онъ мнѣ непріятель.“

И княжна Марья старалась и не умѣла быть любезною съ новымъ гостемъ. „Вѣдь она дѣвушка! Чертовски дурца!“ думалъ про нес Анатоль.

Melle Бурьеъ, взведенная тоже приездомъ Анатоля на высокую степень возбужденія, думала въ другомъ родѣ. Конечно, красива, молодая дѣвушка безъ опредѣленнаго положенія въ свѣтѣ, безъ родныхъ и друзей и даже родины, не думала посвятить свою жизнь услугамъ князю Николаю Андреевичу, чтенію ему книгъ и дружбѣ княжны Марьи. Melle Бурьеъ давно ждала того русскаго князя, который сразу сумѣеть одѣнить ея превосходство надъ русскими, дурными, дурно одѣтыми, пелошими княжнами, влюбится въ нее и увезетъ ее; и вотъ этой русской князь наконецъ приѣхалъ. У melle Бурьеъ была история, слышанная ею отъ тетки, докончиналъ ею сама, которую она любила чо-

вторить въ своемъ воображеніи. Это была исторія о томъ, какъ соблазненной дѣвушкѣ представлялась ей бѣдная матъ (sa pauvre mère), и упрекала ее за то, что она безъ брака отдалась мужчинѣ. M-elle Буренъ часто трогалась до слезъ въ воображеніи своемъ, рассказывая „ему“, соблазнителю, эту исторію. Теперь этотъ „онъ“, настоящій русскій князь, явился. Онъ увидѣлъ ее, потомъ явится „моя бѣдная матъ“ и онъ женится на ней. Такъ складывалась въ головѣ m-elle Буренъ вся ея будущая исторія, въ самое то время, какъ она разговаривала съ нимъ о Царикѣ. Не расчеты руководили m-elle Буренъ (она даже ни минуты не обдумывала того, что ей дѣлать), но все это уже давно было готово въ ней и теперь только сгруппировалось около появившагося Анатоля, которому она желала и старалась какъ можно больше привлечь.

Маленькая княгиня, какъ старая полковая лошадь, услыхавъ звукъ трубы, безсознательно и забывая свое положеніе, готовилась къ привычному галопу кокетства, безъ всякой задней мысли или борьбы, а съ наивнымъ, легкомысленнымъ весельемъ.

Несмотря на то, что Анатоль въ женскомъ обществѣставилъ себя обыкновенно въ положеніе человѣка, которому падоѣла бѣготня за дѣмъ женщинъ, онъ чувствовалъ тщеславное удовольствіе, видя свое вліяніе на этихъ трехъ женщинъ. Кромѣ того онъ начиналъ испытывать къ хорошенькой и вызывающей Буренъ то страстное, звѣрское чувство, которое находило съ чрезвычайкою быстротой и побуждало его къ самымъ грубымъ и смѣлымъ поступкамъ.

Общество, послѣ чаѣ, перешло въ диванную, и княжну попросили поиграть на клавикордахъ. Анатоль облокотился

предъ ней подлѣ *melle* Буренъ, и глаза его, смысь и радуясь, смотрѣли на княжну Марью. Княжна Марья съ мучительнымъ и радостнымъ волненіемъ чувствовала на себѣ *его* взглядъ. Любимая соната переносила ее въ самый задушевно-поэтическій міръ, а чувствуемый на себѣ взглядъ придавалъ этому міру еще большую поэтичность. Взглядъ же Анатоля, хотя и былъ устремленъ на нее, относился не къ ней, а къ движеньямъ ножки *melle* Буренъ, которую онъ въ это время трогалъ своею ногою подъ фортепіано. *Melle* Буренъ смотрѣла тоже на княжну, и въ ея прекрасныхъ глазахъ было тоже новое для княжны Марии выраженіе испуганной радости и надежды.

„Какъ она меня любить!“ думала княжна Марья. „Какъ я счастлива теперь и какъ могу быть счастлива съ такимъ другомъ и такимъ мужемъ! Неужели мужемъ?“ думала она, не смыя взглянуть на его лицо, чувствуя все тотъ же взглядъ, устремленный на себя.

Ввечеру, когда послѣ ужина стали расходиться, Анатоль поцѣловалъ руку княжны. Она сама не знала какъ у ней достало смѣлости, но она прямо взглянула на приблизившееся къ ся близорукимъ глазамъ прекрасное лицо. Послѣ княжны онъ подошелъ къ рукѣ *melle* Буренъ (это было неприлично, но онъ дѣлалъ все такъ увѣренно и просто), и *melle* Буренъ всыхнула и испуганно взглянула на княжну.

„Какая деликатность!“ подумала княжна. „Неужели Амели (такъ звали *melle* Буренъ) думаетъ, что я могу ревновать ее и не цѣнить ея чистую нѣжность и преданность ко мнѣ?“ Она подошла къ *melle* Буренъ и крѣпко ее поцѣловала. Анатоль подошелъ къ рукѣ маленькой княгини.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Когда отецъ вашъ напишетъ мнѣ, что вы себя ведете хорошо, тогда я дамъ вамъ поцѣловать руку. Не прежде. И поднявъ пальчикъ и улыбаясь, она вышла изъ комнаты.

V.

Всѣ разошлись и, кромѣ Анатоля, который заснулъ тотчасъ же, какъ легъ на постель, никто долго не спалъ эту ночь.

„Неужели онъ — мой мужъ, именно этотъ чужой, красивый, добрый мужчина, главное добрый“, думала княжна Марья, и страхъ, который почти никогда не приходилъ къ ей, нашелъ на нее. Она боялась оглянуться: ей чудилось, что кто-то былъ онъ — дьяволъ, и онъ, этотъ мужчина съ блѣдымъ лбомъ, черными бровями и румянымъ ртомъ.

Она позвонила горничную и попросила ее лечь въ ея комнатѣ.

M-elle Буренъ въ этотъ вечеръ долго ходила по зимнему саду, тщетно ожидая кого-то и то улыбаясь кому-то, то до слезъ трогаясь воображаемыми словами „бѣдной матери“, упрекающей ее за ея паденіе.

Маленькая княгиня ворчала на горничную за то, что постель была нехороша. Нельзя было ей лечь ни на бокъ, ни на грудь. Все было тяжело и неловко. Животъ ея мѣшалъ ей. Онъ мѣшалъ ей больше, чѣмъ когда-нибудь, именно нынче, потому что присутствіе Анатоля перенесло ее живѣе въ другое время, когда этого не было, и ей было все легко и весело. Она сидѣла въ кофточкѣ и чешѣ на креслѣ. Катя, сонная и съ спутанной косой, въ третій разъ перебивала и переворачивала тяжелую перину, что-то проговаривая.

— Я тебѣ говорила, что все буграмп и ямами, твердила маленькая княгиня; — я бы сама рада была заснуть, стало быть я не виновата. И голосъ ея задрожалъ, какъ у сбирающагося плакать ребенка.

Старый князь тоже не спалъ. Тихонъ сквозь сонъ слышалъ, какъ онъ сердито шагалъ и фыркаль носомъ. Старому князю казалось, что онъ былъ оскорблѣнъ за свою дочь. Оскорблѣніе самое болѣйшее, потому что онъ относился не къ нему, а къ другому, къ дочери, которую онъ любить болѣше себя. Онъ сказалъ себѣ, что бѣнъ передумаетъ все это дѣло и пайдетъ то, чтѣ сираведливо и должно сдѣлать, но вмѣсто того онъ только болѣше раздражалъ себя.

„Первый встрѣчный показался: и отецъ и все забыто, и бѣжитъ кверху, причесывается и хвостомъ виллетъ, и сама на себя не похожа! Рада бросить отца! И знала, что я замѣчу. Фр... фр... фр... И развѣ я не вижу, что этотъ дурень смотритъ только на Бурьянку (надо ее прогнать)? И какъ гордости настолько иѣть, чтобы понять это! Хотя не для себя, коли иѣть гордости, такъ для меня по крайней мѣрѣ. Надо ей показать, что этотъ болванъ о ней и не думаетъ, а только смотритъ на Бурьянъ. Иѣть у ней гордости, подай показуѣ ей это...“

Сказавъ дочери, что она заблуждается, что Анатоль памѣрепъ ухаживать за Бурянъ, старый князь зналъ, что онъ раздражитъ самолюбіе княжны Марыи, и его дѣло (желаніе не разлучаться съ дочерью) будетъ выиграно, и потому успокоился на этомъ. Онъ кликнулъ Тихона и сталъ раздѣваться.

„И чортъ ихъ припесъ!“ думалъ онъ въ то время, какъ Тихонъ накрывалъ иночою рубашкой его сухое старческое тѣло, обросшее на груди єѣдыми волосами.

„Я ихъ не звалъ. Пріѣхали разстраивать мою жизньь. И не много ея осталось. Къ чорту!“ проговорилъ онъ въ то времѧ, какъ голова его еще была покрыта рубашкой. Тихонъ зналъ привычку князя иногда вслухъ выражать свои мысли, а потому съ неизбѣжнымъ лицомъ встрѣтилъ вопросительное сердитый взглядъ лица, поглядывающагося изъ-подъ рубашки.

— Легли? спросилъ князь.

Тихонъ, какъ и всѣ хороши лакеи, зналъ чутьемъ направление мыслей барина. Онъ угадалъ, что спрашивали о кнзѣ Васильѣ съ сыномъ.

— Изволили лечь и огонь потушили, ваше сиятельство.

— Нѣ зачѣмъ, не зачѣмъ!.. быстро проговорилъ князь и, всунувъ ноги въ туфли и руки въ халатъ, пошелъ къ дивану, на которомъ онъ спалъ.

Несмотря на то, что между Анатолемъ и т-elle Бурленъ ничего не было сказано, они совершенно поняли другъ друга въ отношеніи первой части романа, до появленія „Бѣдной матери“; поняли, что имъ нужно много сказать другъ другу тайно, и потому съ утра они искали случая увидаться наединѣ. Въ то времѧ, какъ княжна прошла въ обычной часѣ къ отцу, т-elle Бурленъ сошлася съ Анатолемъ въ зимнемъ саду.

Княжна Марья подходила въ этотъ день съ особыми трепетомъ къ двери кабинета. Ей казалось, что не только всѣ знаютъ, что вынуждены рѣшеніе ея судьбы, но что и знаютъ то, что она обѣ этомъ думаетъ. Она читала это выраженіе въ лицѣ Тихона и въ лицѣ камердинера князя Василья, который съ горячкою водой встрѣтился въ коридорѣ и низко поклонился ей.

Старый князь въ это утро былъ чрезвычайно ласковъ и
Война и Миръ. Т. I.

старателенъ въ своемъ обращеніи съ дочерью. Это выраженіе старательности хорошо знала княжна Марья. Это было то выраженіе, которое бывало на его лицѣ въ тѣ минуты, когда сухія руки его скимались въ кулакъ отъ досады за то, что княжна Марья не понимала ариѳметической задачи, и онъ, вставая, отходилъ отъ нея и тихимъ голосомъ повторялъ вѣсколько разъ одни и тѣ же слова.

Онъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу и началъ разговоръ, говоря „вы“.

— Минѣ сдѣлали пропозицію насчетъ васъ, сказаъ онъ, неестественно улыбаясь.— Вы, я думаю, догадались, продолжалъ онъ, — что князь Василій пріѣхалъ сюда и привезъ с собой своего воспитанника (почему-то князь Николай Андреевичъ называлъ Анатоля воспитанникомъ), не для моихъ прекрасныхъ глазъ. Минѣ вчера сдѣлали пропозицію насчетъ васъ. А такъ какъ вы знаете мои правила, я отнесся къ вамъ.

— Какъ мнѣ васъ понимать, батюшка? проговорила княжна, блѣднѣя и краснѣя.

— Какъ понимать! сердито крикнулъ отецъ.— Князь Василій находитъ тебя по своему вкусу для невѣстки и дѣлаетъ тебѣ пропозицію за своего воспитанника. Вотъ какъ понимать. Какъ понимать?!.. А я у тебя спрашиваю.

— Я не знаю, какъ вы, батюшка, шепотомъ проговорила княжна.

— Я? я? чѣмъ я-то? меня-то оставьте въ сторонѣ. Не я пойду замужъ. Чѣмъ вы? вотъ это желательно знать. Княжна видѣла, что отецъ недоброжелательно смотрѣлъ на это дѣло, но ей въ ту же минуту пришла мысль, что теперь или никогда рѣшился судьба ея жизни. Она опустила глаза, чтобы не видѣть взгляда, подъ вліяніемъ котораго она чувствовала,

что не могла думать, а могла по привычкѣ только повиноваться, и сказала:

— Я желаю только одного — исполнить вашу волю, сказала она, — но ежели бы мое желаніе нужно было выразить... Она не успѣла договорить. Князь перебилъ ее.

— И прекрасно! закричалъ онъ. — Онь тебя возьмѣсть съ приданымъ, да кстати захватить мамзель Буренъ. Та будетъ женой, а ты... Князь остановился. Онъ замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное этими словами на дочь. Она опустила голову и собиралась плакать.

— Ну, ну, шучу, шучу, сказалъ онъ. — Помни одно, княжна: я держусь тѣхъ правилъ, что дѣвица имѣеть полное право выбирать. И даю тебѣ свободу. Помни одно: отъ твоего рѣшенія зависитъ счастье жизни твоей. Обо мнѣ нечего говорить.

— Да я не знаю... батюшка.

— Нечего говорить! Ему велять, онъ не только на тебѣ, на комъ хочешь женится, а ты свободна выбирать... Поди къ себѣ, обдумай, и черезъ часъ приди ко мнѣ и при немъ скажи: да или нѣть. Я знаю, ты станешь молиться. Ну, пожалуй, молись. Только лучше подумай. Ступай.

„Да или нѣть, да или нѣть, да или нѣть!“ кричалъ онъ еще въ то время, когда княжна, какъ въ туманѣ, шатаясь, уже вышла изъ кабинета. Судьба ея рѣшилась и рѣшилась счастливо. Но чтò отецъ сказалъ о m-elle Буренъ, этотъ намекъ былъ ужасенъ. Неправда, положимъ, по все-таки это было ужасно, она не могла не думать объ этомъ. Она шла прямо предъ собой черезъ зимній садъ, ничего не видя и не слыша, какъ вдругъ знакомый шонотъ m-elle Буренъ разбудилъ ее. Она подняла глаза и въ двухъ шагахъ отъ себя

увидала Анатоля, который обнимал француженку и что-то шепталъ ей. Анатоль съ страшнымъ выражениемъ на красивомъ лицѣ оглянулся на княжну Марью и не выпустилъ въ первую секунду талии мамзель Бурьеи, которая не видала ся.

„Кто тутъ? Зачѣмъ? Подождите!“ какъ будто говорило лицо Анатоля. Княжна Марья молча глядѣла на нихъ. Она не могла понять этого. Наконецъ *melle* Бурьеи вскрикнула и убѣжала. Анатоль съ веселою улыбкой поклонился княжнѣ Марьѣ, какъ будто приглашая ее посмѣяться надъ этимъ страннымъ случаемъ, и, покачавъ плечами, прошелъ въ дверь, ведшую на его половину.

Черезъ часъ Тихонъ пришелъ звать княжну Марью. Онъ звалъ ее къ князю и прибавилъ, что и князь Василий Сергеичъ тамъ. Княжна въ то время, какъ пришелъ Тихонъ, сидѣла на диванѣ въ своей комнатѣ и держала въ своихъ объятіяхъ плачущую *melle* Бурьеи. Княжна Марья тихо гладила ее по головѣ. Прекрасные глаза княжны, со всемъ своимъ прелестямъ спокойствиемъ и личистостью, смотрѣли съ избѣжною любовью и сожалѣніемъ на хорошенъкое лицо *melle* Бурьеи.

— Нѣть, княжна, я навсегда утратила ваше расположение, говорила *melle* Бурьеи.

— Почему же? Я васъ люблю больше чѣмъ когда-либо, говорила княжна Марья, — и постараюсь сдѣлать для вашего счастья все, что въ моей власти.

— Но вы презираете меня: вы столь чистая должны простираять меня, вы никогда не поймете этого увлечения страсти. Ахъ, моя бѣдная мать!

— Я все понимаю, отвѣчала княжна Марья, грустно улы-

баясь. — Успокойтесь, мой другъ.. И ийду къ отцу, сказала она и вышла.

Князь Василій, загнувъ высоко ногу, съ табакеркой въ рукахъ и какъ бы расчувствований до чельза, какъ бы самъ сожалѣя и смѣясь надъ своею чувствительностью, сидѣлъ съ улыбкой умиленія на лицѣ, когда вошла княжна Марья. Она поспѣшила поддесъ щепоть табаку къ носу.

— Ахъ, милая, милая! сказалъ онъ, вставая и взявъ есъ за обѣ руки. Онъ вздохнулъ и прибавилъ: — Судьба моего сына въ вашихъ рукахъ. Рѣшите, моя милая, моя дорогая, моя нѣжная Марі, которую я всегда любилъ какъ дочь. Онъ отошелъ. Дѣйствительная слеза показалась на его глазахъ.

— Фр... фр..., фыриаль князь Николай Андреевичъ. — Князь отъ имени своего воспитанника... сына тебѣ дѣлаетъ пропозицію. Хочешь ли ты или нѣть быть женой князя Анатолія Курагина? Ты говори: да или нѣть, закричалъ онъ, — а потомъ я удергиваю за собой право сказать и свое мнѣніе. Да, мое мнѣніе и только свое мнѣніе, прибавилъ князь Николай Андреевичъ, обращаясь къ князю Василью и отвѣчай на это умоляющее выраженіе. — Да или нѣть?

— Мое желаніе, батюшка, никогда не покидать васъ, никогда не раздѣлять своей жизни съ вашею. Я не хочу выходить замужъ, сказала она рѣшительно, взглянувъ своими прекрасными глазами на князя Василья и на отца.

— Вздоръ, глупости! Вздоръ, вздоръ, вздоръ! нахмутившись, закричалъ князь Николай Андреевичъ, взялъ дочь за руку, пригнулъ къ себѣ и не поцѣловалъ, но только, пригнувъ свой лобъ къ ея лбу, дотронулся до нея и такъ сжалъ руку, которую онъ держалъ, что она поморщилась и вскрикнула. Князь Василій всталъ.

— Моя милая, я вам скажу, что этой минуты я никогда не забуду, но, моя добрейшая, дайте нам хоть малую надежду тронуть это сердце, столь доброе и великодушное. Скажите: может быть... Будущее такъ велико. Скажите: может быть.

— Князь, то, что я сказала, есть все, что есть въ моемъ сердцѣ. Я благодарю за честь, но никогда не буду женой вашего сына.

— Ну и конечно, мой милый. Очень радъ тебя видѣть, очень радъ тебя видѣть. Поди къ себѣ, княжна, поди, говорилъ старый князь. — Очень, очень радъ тебя видѣть, повторялъ онъ; обнимая князя Василья.

„Мое призваніе другое“, думала про себя княжна Марья, „моё призваніе — быть счастливою другимъ счастіемъ, счастьемъ любви и самопожертвованія. И чего бы мнѣ это ни стоило, я сдѣлаю счастіе бѣдной Амели. Она такъ страстно его любить. Она такъ страстно раскаивается. Я все сдѣлаю, чтобы устроить ея бракъ съ нимъ. Ежели онъ не богатъ, я дамъ ей средства, я попрошу отца, я попрошу Андрея. Я такъ буду счастлива, когда она будетъ его женою. Она такъ несчастлива, чужая, одинокая, безъ помощи! И Боже мой, какъ страстно она его любить, ежели она такъ могла забыть себя. Можетъ быть, и я сдѣлала бы то же!“ думала княжна Марья.

VI.

Долго Ростовы не имѣли извѣстій о Пиколушки; только въ серединѣ зимы графу было передано письмо, на адресъ котораго онъ узналъ руку сына. Получивъ письмо, графъ испуганно и поспѣшно, стараясь не быть замѣченнымъ, на

пышоткахъ пребѣжалъ въ свой кабинетъ, заперся и, сталъ читать. Анна Михайловна, узнавъ (какъ она и все знала, что дѣжалось въ домѣ) о получении письма, тихимъ шагомъ вошла въ кабинетъ, графу, и застала его съ письмомъ въ рукахъ, рѣщающимъ и вмѣстѣ смиюющимся.

Анна Михайловна, несмотря на воцарившіяся дѣла, продолжала жить у Ростовыхъ,

— Мой добрый другъ?—вопросительно-грустно и съ готовностью всякаго участія произнесла Анна Михайловна.

Графъ зарыдалъ еще больше.

— Николушка... письмо... раненъ... бы... былъ... милая... раненъ... голубчикъ мой... графинишка... въ офицера произведенъ... слава Богу... Графицюшкѣ какъ сказать?...

Анна Михайловна подсѣла къ нему, оттерла сномъ платкомъ слезы съ его глазъ, съ письма, закапаннаго ими, и свои слезы, проца письмо, успокоила графа и рѣшила, что до обѣда и до часа она приготовить графиню, а послѣ чаю объявить все, коли Богъ ей поможетъ.

Во время обѣда Анна Михайловна говорила о слухахъ войны, о Николушкѣ, спросила два раза, когда получено было послѣднее письмо отъ него, хотя знала это и прежде, и замѣтила, что очень легко можетъ быть и иначе получится письмо. Всякий разъ, какъ при этихъ намѣкахъ графиня начинала беспокоиться и тревожно взглядывать то на графа, то на Анну Михайловну, Анна Михайловна самимъ незамѣтнымъ образомъ сводила разговоръ на незначительные предметы. Наташа, изъ всего семейства болѣе всѣхъ одаренная способностью чувствовать оттенки интонацій, взглядовъ и выражений лицъ, съ начала обѣда насторожила уши и знала, что что-нибудь есть между ею отцомъ и Аппой. Ми-

хайловной и что-нибудь касающееся брата, и что Анна Михайловна приготавливасть. Несмотря на всю свою смелость (Наташа знала, какъ чувствительна была ея мать ко всему, что касалось извѣстій о Николашкѣ), она не рѣшилась за обѣдомъ сдѣлать вопросъ и отъ беспокойства за обѣдомъ ничего не ъла и вертѣлась на стулѣ, не слушая замѣчаній своей гувернантки. Послѣ обѣда она стремглавъ бросилась догонять Анну Михайловну, и въ диванией съ разбѣга бросилась ей на шею:

— Тетенька, голубушка, скажите, что такое?

— Ничего, мой другъ.

— Нѣть, душенька, голубчикъ, милая, персикъ, я не отстану, я знаю, что вы знаете.

Анна Михайловна покачала головой.

— Ахъ, плутовка! сказала она.

— Отъ Николенъки письмо? Навѣрно! вскрикнула Наташа, прочтя утвердительный отвѣтъ въ лицѣ Анны Михайловны.

— Но, ради Бога, будь осторожнѣе: ты знаешьъ, какъ это можетъ поразить твою маменьку.

— Буду, буду, но расскажите. Не расскажите? Ну, такъ я сейчасъ пойду скажу.

Анна Михайловна въ короткихъ словахъ рассказала Наташѣ содержаніе письма, съ условіемъ не говорить никому.

— Честное, благородное слово, крестясь говорила Наташа, — никому не скажу, и тотчасъ же побѣжала къ Сонѣ. — Николенъка... раненъ... письмо..., проговорила она торжественно и радостно.

— Николинъка! только выговорила Соня, мгновенно блѣднѣя. Наташа, увидавъ впечатлѣніе, пропизведенное на Соню

известіемъ о ранѣ брата, въ первый разъ почувствовала всю горестную сторону этого известія.

Она бросилась къ Соѣ, обнажа ее и заплакала..

— Немножко раненъ, но произведенъ въ офицеры, онъ теперь здоровъ, онъ самъ пишетъ, говорила она сквозь слезы.

— Вотъ видно, что все вы женщины — плаки, сказала Петя, рѣшительными большими шагами прохаживаясь по комнатѣ, — я такъ очень радъ и право очень радъ, что братъ такъ отличился. Всѣ вы юны! ничего не понимаете. Наташа улыбнулась сквозь слезы.

— Ты не читала письма? спрашивала Соя.

— Не читала, но она сказала, что все прошло и что онъ уже офицеръ...

— Слава Богу, сказала Соя, крестясь. — Но можетъ быть, она обманула тебя. Пойдемъ къ маменькѣ.

Петя молча ходилъ по комнатѣ.

— Кабы я былъ на мѣстѣ Николушки, я бы еще больше этихъ французовъ убилъ, сказалъ онъ; — такие они мерзкие! Я бы ихъ добить столько, что кучу, изъ нихъ сдѣлали бы, продолжалъ Петя.

— Молчи, Петя, какой ты дуракъ!..

— Не я дуракъ, а дуры тѣ, кто отъ цустяковъ плачутъ, сказала Петя.

— Ты его, помнишь? послѣ минутнаго молчания вдругъ спросила Наташа. Соя улыбнулась:

— Помни ли Николенку?

— Нѣть, Соя, ты помнишь ли его такъ, чтобы хорошо помнить, чтобы все помнить, съ старательнымъ жестомъ сказала Наташа, видимо желая придать своимъ словамъ самое

серъезное значение. — И я помню Николеньку, я помню, сказала она. — А Бориса не помню. Совсѣмъ не помню...

— Какъ? Не помнишь Бориса? спросила Соня съ удивлениемъ.

— Не то что не помню, — я знаю, какой онъ, но я не такъ помню, какъ Николеньку. Его, я закрою глаза и помню, а Бориса нѣтъ (она закрыла глаза), такъ, нѣтъ ничего!

— Ахъ, Наташа! сказала Соня, восторженно и серьезно глядя на свою подругу, какъ будто она считала ее недостойною слышать то, что она намѣрена была сказать, и какъ будто она говорила это кому-то другому, съ кѣмъ нельзя шутить. Я полюбила разъ твоего брата и, чтобъ ни случилось съ нимъ, со мной, я никогда не перестану любить его во всю жизнь.

Наташа удивлена, любопытными глазами, смотрѣла на Соню и молчала. Она чувствовала, что то, что говорила Соня, была правда, что была такая любовь, про которую говорила Соня; но Наташа ничего подобнаго еще не испытывала. Она вѣрила, что это могло быть, но не понимала.

— Ты напишешь ему? спросила она. Соня задумалась. Вопросъ о томъ, какъ писать къ Николаю и нужно ли писать, былъ вопросъ, мучившій ее. Теперь, когда онъ былъ уже офицеръ и раненый герой, хорошо ли было съ ея стороны напоминать ему о себѣ и какъ будто о томъ обязательствѣ, которое онъ взялъ на себя въ отпоеvїи ей.

— Не знаю, я думаю, коли онъ пишетъ, я и напишу, краснѣя сказала она.

— И тебе не стыдно будетъ писать ему?

Соня улыбнулась.

— Нѣтъ.

— А мы будемъ писать Борису, я не буду писать.

— Да отчего же стыдно?

— Да такъ, я не знаю. Неловко, стыдно.

— А я знаю, отчего ей стыдно будеть, сказаль Петя, обиженный первымъ замѣчаніемъ Наташи; — оттого, что она была влюблена въ этого толстаго съ очками (такъ называлъ Петя своего тезку, новаго графа Безухаго); теперь влюблена въ пѣвца этого (Петя говорилъ объ итальянцѣ, Наташиномъ учителѣ пѣнія), жить ей и стыдно.

— Петя, ты глупъ, сказала Наташа.

— Не глупѣ тебѣ, матушка, сказаль девятилѣтій Петя, точно какъ будто онъ былъ старый бригадиръ.

Графиня была приготовлена намеками Анны Михайловны во время обѣда. Уйдя къ себѣ, она, сидя на креслѣ, не спускала глазъ съ миниатюрнаго портрета сына, вѣбланнаго въ табакеркѣ, и слезы навертивались ей на глаза. Анна Михайловна съ письмомъ на цыпочкахъ подошла къ комнатѣ графини и остановилась.

— Не входите, сказала она старому графу, шедшему за ней; — послѣ, и затворила за собой дверь. Графъ приложилъ ухо къ замку и сталъ слушать.

Сначала онъ слышалъ звуки равнодушныхъ рѣчей, потомъ одинъ звукъ голоса Анны Михайловны, говорившій длину рѣчъ, потомъ вскрикъ, потомъ молчаніе, потомъ опять оба голоса вмѣстѣ говорили съ радостными интонаціями, и потомъ шаги, и Анна Михайловна отворила ему дверь. На лицѣ Анны Михайловны было гордое выраженіе оператора, окончившаго трудную ампутацию и вводящаго публику для того, чтобы она могла оценить его искусство.

— Готово! сказала она графу, торжественнымъ жестомъ

указывал на графиню, которая держала въ одной руцѣ табакерку съ портретомъ, въ другой письмо и прижимала губы то къ тому, то къ другому. Увидавъ графа, она протянула къ нему руки, обняла его лысую голову и черезъ лысую голову опять посмотрѣла на письмо и портретъ, и опять для того, чтобы прижать ихъ къ губамъ, слегка оттолкнула лысую голову. Вѣра, Наташа, Соня и Петя вошли въ комнату, и началось чтеніе. Въ письмѣ было кратко описанъ походъ и два сраженія, въ которыхъ участвовалъ Николушкинъ, производство въ офицеры, и сказано, что онъ цѣлуетъ руки маменьки и папеньки, прося ихъ благословенія и цѣлуетъ, Вѣру, Наташу, Петю. Кромѣ того онъ кланяется мусе Шелингу и мадамъ Шоссе и нянѣ, и кромѣ того просить подѣловать дорогую Соню, которую онъ все такъ же любить и о которой все такъ же вспоминастъ. Услыхавъ это, Соня покраснѣла такъ, что слезы выступили ей на глаза. И, не въ силахъ выдержать обратившися на нее взгляды, она побѣжала въ залу, разбѣжалась, закружилась и, раздувъ баллономъ платье свое, раскраснѣвшаяся и улыбающаяся, сѣла на полъ. Графиня плакала.

— О чемъ же вы плачете, маменька? сказали Вѣра.— По всему, что онъ пишетъ, надо радоваться, а не плакать.

Это было совершенно справедливо, но и графъ, и графиня, и Наташа, все съ упрекомъ посмотрѣли на нее. „И въ кого она такъ выпала!“ подумала графиня.

Письмо Николушкинъ было прочитано сотни разъ, и тѣ, которые считались достойными его слушать, должны были приходить къ графинѣ, которая не выпускала его изъ рукъ. Приходили гувернеры, няни, Мятенка, иѣкоторые знакомые, и графиня перечитывала письмо всякий разъ съ новымъ на-

сlaşденіемъ и всякий разъ открывала по этому письму новыя добродѣтели въ своемъ Николушкѣ. Какъ странно, необычайно, радостно ей было, что сынъ еи—тотъ сынъ, который чуть замѣтно крошечными членами шевелился въ ней самой двадцать лѣтъ тому назадъ, тотъ сынъ, за котораго она есorилась съ баловникомъ-графомъ, тотъ сынъ, который выучился говорить прежде: груша, а потомъ баба, что этотъ сынъ теперь тамъ, въ чужой землѣ, въ чужой средѣ, мужественный воинъ; одинъ безъ помощи и руководства, дѣласть тамъ какое-то свое мужское дѣло. Весь всемирный вѣковой опытъ, указывающій на то, что дѣти незамѣтнымъ путемъ отъ колыбели дѣлаются мужами, не существовалъ для графини. Возмужаніе ея сына въ каждой порѣ возмужанія было для нея такъ же необычайно, какъ бы и не было никогда миллионовъ-миллионовъ людей, точно такъ же возмужавшихъ. Какъ не вѣрилось двадцать лѣтъ тому назадъ, чтобы то маленькое существо, которое жило гдѣ-то тамъ у нея подъ сердцемъ, закричало бы и стало сосать грудь и стало бы говорить, такъ и теперь не вѣрилось ей, что это же существо могло быть тѣмъ сильнымъ храбрымъ мужчиной, образцомъ сыновей и людей, которымъ онъ былъ теперь, судя по этому письму.

— Чтѣ за чатицѣ, какъ онъ описываетъ мило! говорила она, читая описательную часть письма. — И что за душа! О себѣ ничего... ничего! О какомъ-то Денисовѣ, а самъ вѣрно храбреѣ ихъ всѣхъ. Ничего не пишетъ о своихъ страданіяхъ. Что за сердце! Какъ я узнаю его! И какъ вспомнилъ всѣхъ! Никого не забылъ. Я всегда, всегда говорила, еще когда онъ вѣтъ какой былъ, я всегда говорила...

Болѣе недѣли готовились, писались брульоны и переписывались пабѣло письма къ Николушкѣ отъ всего дома;

подъ наблюденіемъ графини и заботливостью графа собирались нужные вещицы и деньги для обмундированія и обзведенія вновь произведенаго офицера. Анна Михайловна, практическая женщина, сумѣла устроить себѣ и своему сыну протекцію въ арміи даже и для переписки. Она имѣла случай посыпать свои письма къ великому князю Константичу Павловичу, который командовалъ гвардіей. Ростовы предполагали, что *русская гвардія за границей* есть совершенно определительный адресъ, и, что ежели письмо дойдетъ до великаго князя, командовавшаго гвардіей, то иѣть причины, чтобы оно не дошло до Павлоградскаго полка, который долженъ быть тамъ же по близости: и потому решено было отослать письма и деньги черезъ курьера великаго князя къ Борису, и Борисъ уже долженъ былъ доставить ихъ къ Николушкѣ. Письма были отъ старого графа, отъ графини, отъ Пети, отъ Вѣры, отъ Наташи, отъ Сони, и наконецъ 6.000 денегъ на обмундировку и различныя вещи, которыхъ графъ посыпалъ сыну.

VII.

12-го ноября Кутузовская боевая армія, стоявшая лагеремъ около Ольмюца, готовилась къ слѣдующему дню на смотръ двухъ императоровъ — Русскаго и Австрійскаго. Гвардія, только что подошедшая изъ Россіи, ночевала въ 15-ти верстахъ отъ Ольмюца, и на другой день прямо на смотръ, къ 10-ти часамъ утра, вступила на Ольмюцкое поле.

Николай Ростовъ въ этотъ день получилъ отъ Бориса записку, извѣщавшую его, что Измайловскій полкъ почуетъ въ 15-ти верстахъ не доходя Ольмюца, и что онъ ждетъ

его, чтобы передать письмо и деньги. Деньги были особенно нужны Ростову теперь, когда, вернувшись из похода, войска остановились подъ Ольмюцемъ, и хорошо спабженные маркитанты и австрійские жиы, предлагая всякаго рода сокращенія, наполнили лагерь. У Павлоградцевъ шли пиры за пирами, празднованія полученныхъ за походъ наградъ и поѣздки въ Ольмюцъ, къ вновь прибывшей туда Каролинѣ венгеркѣ, открывшой тамъ трактиръ съ женской прислугой. Ростовъ недавно отпраздновалъ свое вышедшее производство въ корнеты, купилъ Бедуина, лошадь Денисова и былъ кругомъ долженъ товарищамъ и маркитантамъ. Получивъ записку Бориса, Ростовъ съ товарищемъ поѣхалъ до Ольмюца, тамъ вообѣдалъ, выпилъ бутылку вина и одинъ поѣхалъ въ гвардейскій лагерь отыскивать своего товарища дѣтства. Ростовъ еще не успѣлъ обмундироваться. На немъ была затасканная юнкерская куртка съ солдатскимъ крестомъ, такие же подбитые затертою кожей рейтусы и офицерская съ темлякомъ сабля; лошадь, на которой онъ ѿхалъ, была донская, кущенная походомъ у казака; гусарская измятая шапочка была ухорски надѣта назадъ и на бокъ. Подъѣзжая къ лагерю Измайловского полка, онъ думалъ о томъ, какъ онъ поразить Бориса и всѣхъ его товарищей-гвардейцевъ своимъ обстрѣленнымъ боевымъ гусарскимъ видомъ.

Гвардія весь походъ прошла, какъ на гулянья, щеголяя своею чистотой и дисциплиной. Переходы были малые, ранцы везли на подводахъ, офицерамъ Австрійское начальство готовило на всѣхъ переходахъ прекрасные обѣды. Полки вступали и выступали изъ городовъ съ музыкой, и весь походъ (чѣмъ гордились гвардейцы), по приказанию великаго князя, люди шли въ ногу, а офицеры пѣшикомъ на своихъ мѣстахъ.

Борисъ все время похода шелъ и стоялъ съ Бергомъ, теперь уже ротнымъ командиромъ. Бергъ, во время похода, получивъ роту, успѣлъ своею исполнительностью и аккуратностью заслужить довѣріе начальства и устроилъ весьма выгодно свои экономическія дѣла; Борисъ во время похода сдѣлалъ много знакомствъ съ людьми, которые могли быть ему полезными, и черезъ рекомендательное письмо, привезенное имъ отъ Пьера, познакомился съ княземъ Андреемъ Болконскимъ, чрезъ которого онъ надѣлся получить мѣсто въ штабѣ главнокомандующаго. Бергъ и Борисъ, чисто и аккуратно одѣтые, отдохнувъ послѣ послѣднаго дневнаго перехода, сидѣли въ чистой отведенной имъ квартирѣ предъ круглымъ столомъ и играли въ шахматы. Бергъ держалъ между колѣнъ курящуюся трубочку. Борисъ съ свойственнаю ему аккуратностью, блѣдыми тонкими руками пирамидкой уставили шашки, ожидая хода Берга, и глядѣлъ на лицо своего партнера, видимо думая объ игрѣ, какъ онъ и всегда думалъ только о томъ, чѣмъ онъ былъ занятъ.

— Ну-ка, какъ вы изъ этого выйдете? сказалъ онъ.

— Будемъ стараться, отвѣчалъ Бергъ, дотрогиваясь до пиньки и опять опуская руку.

Въ это время дверь отворилась.

— Вотъ онъ наконецъ! закричалъ Ростовъ. — И Бергъ тутъ! Ахъ ты, *петисанбанъ*, але күше dormirъ! закричалъ онъ, повторяя слова пиньки, надъ которыми они смѣшивались когда-то вмѣстѣ съ Борисомъ.

— Батюшки! какъ ты перемѣнился! Борисъ всталъ на встѣчу Ростову, но вставая не забылъ поддержать и поставить на мѣсто надавшіе шахматы и хотѣлъ обнять своего друга, но Николай отсторонился отъ него. Съ тѣмъ

особеннымъ чувствомъ молодости, которому боится битыхъ дорогъ, кочеть, не подражая другимъ, по-своему выражать свои чувства, только бы не такъ явно выражаютъ это чисто притворно старшіе. Николай хотѣлъ что-нибудь особенное сдѣлать при свиданіи съ другомъ; онъ хотѣлъ какъ-нибудь ущипнуть, покинуть Бориса, но только никакъ не подѣваться, какъ это дѣлали всѣ. Борисъ же напротивъ спокойно и дружелюбно обнялъ и три раза поцѣловалъ Ростова.

Они не видались почти полгода; и въ томъ возрастѣ, когда молодые люди дѣлаютъ первые шаги на пути жизни, оба нашли другъ въ другѣ огромныхъ перемѣнъ, совершило новымъ отраженіемъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ они сдѣлали свои первые шаги жизни! Оба много перемѣнились съ своего послѣднаго свиданія, и оба хотѣли поскорѣе выказать другъ другу происшедшія въ нихъ перемѣны.

— Ахъ вы юнгеты, проклятые! Чистенькие, свѣженькие, точно съ гуашью, не те, чтобъ грѣшные, армейщица, говорили Ростова съ словами для Бориса баритонными звуками въ голосѣ и армейскими ухватками, указывая на свои забрызганныя грязью рейтуты. Козаяка-нѣмка высыпалась изъ двери на громкій голосъ Ростова.

— Что ты теперь кричишь! Ты ихъ напугаешь, сказала Борисъ. — А я тебя не ождалъ никакъ, прибавилъ онъ. — Я звѣра только отдалъ тебѣ замѣку, черезъ одно знакомаго адъютанта Кутузовскаго — Болконскаго. Я не думалъ, что онъ такъ скоро тебѣ доставить... Ну что ты, какъ? Уже обстрѣленъ? спросилъ Борисъ.

Ростовъ, не отрывая отъ хинули по солдатскому погрѣви

скому кресту, висевшему за спуркахъ мундира, и указывая на свою подвязанную руку, улыбаясь, взглянула на Берга.

— Какъ видиша, сказала она.

— Вотъ какъ, да, да! улыбаясь сказала Борисъ; — а мы тоже славный походъ сдѣлали. Вѣдь ты знаешь, его высочество постоянноѣхалъ при нашемъ полку, тѣмъ что у насъ были всѣ удобства и всѣ выгоды. Въ Нольшѣ что за прѣмы были, что за обѣды, балы — я не могу тебѣ разсказать. И цесаревичъ очень милостивъ былъ ко всѣмъ нашимъ офицерамъ. И оба пріятеля рассказывали другъ другу, одинъ о своихъ гусарскихъ кутежахъ и боевой жизни, другой о пріятности и выгодахъ службы, подъ командою высокопоставленнѣйшаго лѣтца, и т. п.

— О, гвардія! сказалъ Ростовъ. — А вотъ что, вошли-ка за виномъ.

Борисъ поморщился.

— Ежели непремѣнно хочешь, сказала она. И подойди къ кровати, изъ-подъ чистыхъ подушекъ достань кошелекъ и велѣль принести вина. — Да и тебѣ отдать деньги и письмо, прибавилъ она.

Ростовъ взялъ письмо и, бросивъ за диванъ деньги, облокотился обѣими руками на столь и сталъ читать. Она прочла нѣсколько строкъ и злобно взглянула на Берга. Встрѣтивъ его взглядъ, Ростовъ закрылъ лицо письмомъ.

— Однако денегъ вамъ торжочно прислали, сказала Бергъ глядя на тяжелый, вдавившийся въ диванъ кошелекъ. — Вотъ мы такъ и жалованье, графъ, пробиваемся. Я вамъ скажу про себя...

— Вотъ что, Бергъ, милый мой, сказалъ Ростовъ. — Когда вы получите изъ дома письмо и встрѣтитесь съ своимъ че-

ловѣкомъ, у котораго вами захочется разспросить про все, и я буду тутъ, а сейчасъ уйду, чтобы не мѣшать вамъ. Послушайте, уйдите, пожалуйста, куда-нибудь, куда-нибудь... къ чорту! крикнулъ онъ, и тотчасъ же схвативъ его за плечо и ласково глядя въ его лицо, видимо стараясь смягчить грусть своихъ словъ, прибавилъ: — вы знаете, не сердитесь, милый, голубчикъ, я отъ души говорю, какъ нашему старому знакомому.

— Ахъ, помилуйте, графъ, я очѣй понимаю, сказъ Бергъ, вставалъ и говорилъ себѣ горловымъ голосомъ.

— Вы къ хозяевамъ пойдите: они васъ звали, Прибавилъ Борисъ.

Бергъ надѣлъ чистѣйшій безъ пятнышка и сорники сюртучекъ, забыть предъ зеркаломъ височки вверху, какъ носилъ Александръ Павловичъ, въ убѣдившись по взгляду Ростова, что его сюртучокъ былъ замѣченъ, съ пріятною улыбкой вышелъ изъ комнаты.

— Ахъ, какая я скотина однако! проговорилъ Ростовъ, читая письмо.

— А чѣ? — спросилъ Борисъ.

— Ахъ, какая я свинья однако!, что я ни разу не писалъ и, тадъ напугалъ ихъ! Ахъ, какая я свинья! повторилъ онъ, вдругъ покраснѣвъ. — Чѣ же, пошли за виномъ Гаврилу! Ну ладно, хватимъ! сказъ онъ.

Въ письмахъ родныхъ было вложено еще рекомендательное письмо къ князю Багратиону, которое, по совету Анны Михайловны, черезъ знакомыхъ достала старая графина и послала сыну, прося его снести по назначению и имъ воспользоваться.

— Вотъ глупости! Очень мнѣ нужно, сказъ Ростовъ, бросая письмо подъ столъ.

- Зачемъ ты это бросилъ? спросилъ Борисъ.
- Письмо какое-то рекомендательное, черта лягъ въ письмѣ!
- Какъ черта лягъ въ письмѣ? поднимая и читая падпись, сказалъ Борисъ: — письмо это очень нужное для тебя.
- Мнѣ ничего не нужно, и я въ адъютанты ни къ кому не пойду.
- Отчего же? спросилъ Борисъ.
- Лакейская должность!
- Ты все такой же мечтатель, я вижу, покачивая головой, сказалъ Борисъ.
- А ты все такой же дипломатъ. Ну, да не вѣтъ дѣло... Ну, ты что? спросилъ Ростовъ.
- Да вотъ, какъ видишь. До сихъ поръ все хорошо; но признаюсь, желалъ бы я очень счастья въ адъютанты, а не оставаться во фронтѣ.
- Зачемъ?
- Зачемъ, что уже разъ пойдя по карьерѣ военной службы, надо стараться сдѣлать, коль возможно, блестящую карьеру.
- Да, вотъ какъ! сказалъ Ростовъ, видимо думая о другомъ. Онь пристально и вопросительно смотрѣть на глаза своему другу, видимо тщетно отыскивая разрѣшеній какого-то вопроса.
- Старикъ Гаврила принесъ вино.
- Не послать ли теперь за Альфонсъ Карличемъ? сказалъ Борисъ.
- Онъ выпить есть тобой, а я не могу.
- Ишли, ишли! Ну, что эта вѣмчтура? сказалъ Ростовъ съ превратительною улыбкой.
- Онь очень, очень хороший, честный и пріятный человѣкъ, сказалъ Борисъ.

Ростовъ пристально еще разъ посмотрѣлъ въ глаза Борису и задохнулся. Бергъ вернулся, и за бутылкой вина разговоръ между тремя офицерами оживился. Гвардейцы рассказывали Ростову о своемъ походѣ, о томъ, какъ ихъ чествовали въ Россіи, Польшѣ и за границей. Рассказывали о словахъ и поступкахъ ихъ командира, великаго князя, анекдоты о его добротѣ и вспышчивости. Бергъ, какъ и обыкновенно, молчалъ, когда дѣло касалось *личности* его, но по случаю анекдотовъ о вспышчивости великаго князя, съ наслажденiemъ рассказалъ, какъ въ Галиціи ему удалось говорить съ великимъ княземъ, когда онъ обѣзжалъ подки и тѣвался за неправильность движений. Съ пріятною улыбкой на лицѣ онъ рассказалъ, какъ великий князь, очень разгневанный, подъхватывая къ лицу, закричалъ: „Арнауты“ (Арнауты — была любимая портвояжка десаревича, когда онъ былъ въ гѣвѣ) и потребовалъ ротнаго командаира. „Цовѣрите ли, графъ, я ничего не испугался, потому что я зналъ, что я правъ. Я, знаете, графъ, не хвалась, могу сказать, что я привыкъ по-воински напасть знать и уставъ тоже знать, какъ Отче нашъ на небесныхъ. Поэтому, графъ, у меня до роты упущеній не бываетъ. Вотъ моя совѣсть и спокойствіе. Я явился (Бергъ привсталъ и представилъ въ лицахъ, какъ онъ съ рукой на ножны руку явился. Действительно, трудно было изобразить въ лицахъ болѣе почтительности и самодовольства). Ужъ онъ меня пушить, какъ это говорится, пушить, пушить, пушить не можешь, и на смерть, какъ говорится, и Арнауты, и черти, и въ Сибирь, говорилъ Бергъ, проницательно улыбался. — Я знаю, что я правъ и потому молчу, не такъ ли, графъ? „Что, ты нѣмой что ли?“ онъ закричалъ. Я все молчу. Ч то же вы думаете, графъ. На другой день и въ при-

какъ не было: вотъ что значить изъ потеряться. Такъ-то, графъ, говорилъ Бергъ, закуривая трубку и пуская колечки.

— Да, это славно, улыбаюсь сказалъ Ростовъ; но Борисъ, замѣтивъ, что Ростовъ сбирался посмѣяться надъ Бергомъ, искосуно отклонилъ разговоры. Они попросили Ростова, разсказать о томъ, какъ и где онъ полунилъ рану. Ростову это было приятно, и онъ началъ разсказывать, во время разсказа все болѣе и болѣе одушевляясь. Онъ разсказалъ имъ свое Шенграбенское дѣло совершенно такъ, даже обыкновенно рассказываютъ про сраженіе участниковъ въ нихъ, то есть такъ, какъ имъ хотѣлось бы, чтобы оно было, такъ, какъ они слыхали есть другихъ рассказчиковъ, а та, какъ и прои-
вѣ было разсказывать, но совершенно не такъ, какъ оно было. Ростовъ былъ правдивый молодой человѣкъ, онъ ли-
зъ что умнѣлъ не сказать бы неправды. Онъ, началь раз-
сказывать съ намѣреніемъ разсказать все, какъ оно точно
было, но незамѣтно, невольно и немѣжливо для себя, дер-
гать въ неправду. Ежели бы онъ рассказалъ правду этимъ
слушателямъ, которые, какъ и онъ самъ, слышали уже мнѣ-
жество разъ разсказы объ атакѣ и составили себѣ опре-
дѣленное понятіе о томъ, что такое была атака, и ожидали
точно такого же разсказа: — или бы они не поверили ему,
или, что еще хуже, подумали бы, что Ростовъ былъ самъ
виноватъ въ томъ, что съ него не случилось того, что слу-
чается обыкновенно съ рассказчиками на валерийской атакѣ.
Не могъ онъ имъ разсказать такъ просто, что показали всѣ
рысью, онъ упалъ съ лошади, скинувшись ружьемъ и изъ дѣвѣкъ
силь побѣжалъ въ лѣсъ отъ француза. Кроме того для того
чтобы разсказать все, какъ было, надо было сдѣлать уст-
лѣ надъ собой, чтобы разсказывать только то, что было,

Рассказать правду очевидно трудно; и молодые люди рѣдко на это способны. Они ждали рассказа о томъ, какъ горѣль онъ весь въ огнѣ, самъ себя не помни, какъ бурею налеталъ на каре, какъ врубался въ него, рубилъ направо и налево, какъ саблы отставали, и какъ онъ падалъ въ изнеможеніе, и тому подобное. И они рассказали имъ все это.

Въ серединѣ его рассказа, въ то время, какъ онъ говорилъ: „ты не можешь представить, какое странное чувство блѣщенія испытываешь во время атаки“, въ комнату вошелъ князь Андрей Болконскій, которого ждалъ Борисъ. Князь Андрей, любившій покровительственныя отношенія къ молодымъ людямъ, пожелавшимъ тѣмъ, что къ нему обращались за проекціей и, хорошо расположенный къ Борису, который умелъ ему понравиться, наставивъ, желая исполнить желаніе молодаго человека. При固然ный съ бумагами отъ Кутузова къ цесаревичу, онъ зашелъ къ молодому человѣку, надѣясь застать его одного. Войдя въ комнату и увидавъ рассказывающаго военные похожденія армейского гусара (сортъ людей, который терпѣть не могъ князь Андрей), онъласково улыбнулся Борису, поморщился, и прищурился на Ростова и, слегка поклонившись, устало и лениво сѣлъ на диванъ. Ему непріятно было, что онъ попалъ въ дурное общество. Ростовъ всыхнулъ, понявъ это. Но это было ему все равно: это былъ чужой человѣкъ. Но, взглянувъ на Бориса, онъ увидаль, что и ему какъ будто стыдно за армейскаго гусара. Несмотря на общее презрѣніе, которое съ своей армейской боевой течностью вѣнчалъ Ростовъ ко всемъ этимъ штабными адъютантами, которымъ очевидно причислялся и вошедший, Ростовъ почувствовалъ себѣ сконфуженнымъ, по-

краснѣль и замолчалъ. Борисъ спросилъ, какія новости въ штабѣ, и что, безъ нескромности, слышно о нашихъ предположеніяхъ.

— Вѣроятно ийдуть впередъ, видимо не желая при постороннихъ говорить болѣе, отвѣчалъ Болконскій. Бергъ воспользовался случаемъ спросить съ особенной учтивостью, будуть ли выдавать теперь, какъ слышно было, удвоенное фуражное армейскимъ ротнымъ командинамъ? На это князь Андрей съ улыбкой отвѣчалъ, что онъ не можетъ судить о столь важныхъ государственныхъ распоряженіяхъ, и Бергъ радостно разсмѣялся.

— О вашемъ дѣлѣ, обратилъ князь Андрей окликъ къ Борису, — мы поговоримъ послѣ, и онъ оглянулся на Ростова.

— Вы приходите ко мнѣ послѣ смотра, мы все сдѣляемъ, что можно будетъ. И, оглянувшись въ комнату, онъ обратился къ Ростову, которого положеніе дѣтскаго непреодолимаго конфузца, переходящаго въ озлобленіе, онъ и не удостовѣрять замѣтилъ, и сказалъ: — Вы, кажется, про Шенграбенское дѣло разсказывали? Вы были тамъ?

— Я былъ тамъ, съ озлобленіемъ сказалъ Ростовъ, какъ будто бы этимъ желая оскорбить адъютанта. Болконскій замѣтилъ состояніе гусара, и оно ему показалось забавно. Онъ слегка презрительно улыбнулся.

— Да! много теперь разсказовъ про это дѣло.

— Да.. разсказовъ! громко заговорилъ Ростовъ, вдругъ сдѣлавшимися бѣшеными глазами глядя то на Бориса, то на Болконскаго; — да, разсказовъ много, но наши разсказы — разсказы тѣхъ, которые были въ сають огнѣ исправителя; наши разсказы имѣютъ вѣсть, а не разсказы тѣхъ штабныхъ молодчиковъ, которые получаютъ плату, ничего не дѣлая.

— Къ которымъ вы предполагаете, что я принадлежу? спокойно и особенно пристально улыбаясь, проговорилъ князь Андрей.

Странное чувство одолебленія и юмора, съ тѣмъ уваженія къ способности этой фигуры соединялось въ это время въ душе Ростова.

— Я говорю не про васъ, скажи онъ, — я васъ не знаю и, признаюсь, не желаю знать. Я говорю вообще про штабныхъ.

— А я вамъ вотъ чѣмъ скажу, съ спокойною властью въ голосѣ перебилъ его князь Андрей. — Вы хотите оскорбить меня, и я готовъ согласиться съ вами, что это очень легко сдѣлать, едва ли вы не будете имѣть достаточнаго уваженія къ самому себѣ; но, согласитесь, что и время и мѣсто весчима дурно для этого выбраны. На днахъ всѣмъ намъ придется быть на большой болѣе серьезной дуали, а кроме того Друбецкой, который говорилъ, что онъ вашъ старый приятель, никакъ не виноватъ въ томъ, что моя физиономія имѣла несчастіе вамъ не понравиться. Варочемъ, скажи онъ всталъ, — вы знаете мою фамилію и знаете, где найти меня; но не забудьте, прибавилъ онъ, что я не считаю никакъ ни себя, ни васъ оскорблѣнными, и мой совѣтъ, какъ человѣка старшаго васъ, оставить это дѣло безъ послѣдствій. Такъ въ пятницу, послѣ смотра, я жду васъ, Друбецкой; до свиданія, закричалъ князь Андрей и вышелъ, поклонившись обомъ.

Ростовъ вспомнилъ то, что ему надо было отвѣтить только тогда, когда онъ уже вышелъ. И еще болѣе былъ онъ сердитъ за то, что забылъ сказать это. Ростовъ сей часъ же вѣрѣль подать свою ложнаждь, и сухо простившись съ Бори-

семь; и въхалъ къ себѣ. Бѣхатъ ли ему замѣтъ главную квартиру и вызвать этого ломающагося адъютанта, или вы самъ дѣлѣ оставить это дѣло такъ? былъ вопросъ, который мучилъ его всю дорогу. Тогда съ злобой думалъ ѿ томъ, съ какимъ бы удовольствиемъ онъ увидаль испугъ этого маленькаго, слабаго и гордаго человѣчка подъ его пистолетомъ, то онъ съ удивленiemъ чувствовалъ, что изъ-рѣхъ людей, которыхъ онъ зналъ, никого бѣ онъ столько не ждалъ имѣть своимъ другомъ, какъ этого ненавидимаго имъ адъютантина.

На другой день свиданія Бориса съ Ростовыми было смотрѣніе австрійскихъ и русскихъ войскъ, какъ свѣжихъ, пришедшихъ изъ Россіи, такъ и тѣхъ, которые вернулись изъ похода съ Кутузовымъ. Оба императора, русский съ наследникомъ цесаревичемъ и австрійскій съ эрцгерцогомъ, дѣлали эту смотрѣніе союзной 80-ти-тысячной арміи, расположенной въ рѣзкій рядъ.

Съ ранняго утра начали двигаться царскосельскіе вычищенные и убранныя войска, выстраиваясь на полѣ предъ крѣпостью. То двигались тысячи ногъ и штыковъ съ развивавшимися знаменами, и по командѣ офицеровъ оставлялись, заворачивались и строились въ интервалахъ, обходя другія такія же массы пѣхоты въ другихъ мундирахъ; то мѣрничаючи томъ и бряцаніемъ звучала нарядная кавалерія въ синихъ, красныхъ, зеленыхъ пиджакахъ съ расщепленными музыканами впереди, на вороныхъ, рыжихъ, сѣрыхъ лошадахъ; то, растягиваясь съ своимъ мѣднымъ звукомъ, подрагивающими на лафетахъ, вычищенныхъ, блестящими пушекъ и съ своимъ запахомъ пальниковъ, ползла между пѣхотой и кавалеріей артиллерія и разставлялась на назначенныхъ мѣ-

стахъ." Но только генералы въ ополной нарядной форме, съ перетянутыми до низа тонкими кистями и талиями краснѣющими, подпертыми воротниками, щечами въ шарфахъ и всѣхъ орденахъ, не только припоможенные, расфранченные офицеры, но и каждый солдатъ — съ свѣжимъ, вымытымъ и выбритымъ лицомъ и до послѣдней возможности блеска вычищенной амуниціей; каждая лошадь, выхоленная такъ, что какъ атласъ свѣтилась на їїи шерсть, и волосокъ къ волоску лежала приточенная гривна, — всѣ чувствовали, что совершается что-то нешуточное, значительное и торжественное. Каждый генераль и солдатъ чувствовали своеничтожество, сознавая себѧ личиной въ этомъ морѣ людей, и вмѣсть чувствовали свое могущество, сознавая себѧ частью этого огромнаго цѣлого. "Съ ранняго утра начались напряженные хлопоты и усилия, и въ то часы всѣ пришло въ требуемый порядокъ. На огромномъ полѣ стали ряды. Армія вся была вытянута въ три линіи. Спереди кавалерія, сзади артиллериа, еще сзади пѣхота.

Между каждымъ рядомъ войскъ была какъ бы улица. Рѣзко отъѣлились одна отъ другой три части этой арміи: босовая Кутузовская (въ которой на правоъ флангъ въ передней линіи стояли Навлоградцы), пришедшіе изъ Россіи армейскіе и гвардейскіе полки, и австрійское войско. Но всѣ стояли подъ одну линію; подъ однимъ начальствомъ и въ одинаковоомъ порядке.

"Какъ вѣтеръ по листьямъ; пронесся взъ волнованный шопотъ: „ѣдуть! єдуть!" Послышались испуганные голоса, и по всѣмъ войскамъ пробѣжала волна суety послѣднихъ приготовленій.

Виереди отъ Ольмюца показалась подвигавшаяся группа. И въ это же время, хотя день былъ безвѣтрный, легкая

сомъ; поѣхалъ къ себѣ. Быть ли ему замѣта въ главную квартиру и вызвать этого ломающагося адъютанта, или же самъ дѣло оставить это дѣло такъ? былъ вопросъ, который мучилъ его всю дорогу. Тонкы съ любой думаль ѿ томъ, съ какимъ бы удовольствиемъ они увидать испугъ этого маленькаго, слабаго и гордаго человѣчка подъ его пистолетомъ, то онъ съ удивленiemъ чувствовалъ, что изъ всѣхъ людей, которыхъ онъ зналъ, никого бѣ онъ столько не ждалъ имѣть своимъ другомъ, какъ этого ненавидимаго имъ адъютанта.

Онъ сѣлъ въ кресло, и началъ отходить къ двери.

VIII. Фактъ съ адъютантомъ.

На другой день свиданія Бориса съ Ростовымъ были смотрѣ австрійскихъ и русскихъ войскъ, какъ свѣжихъ, пришедшихъ изъ Россіи, такъ и тѣхъ, которые вернулись изъ похода съ Кутузовымъ. Оба императора, русскій съ наследникомъ цесаревичемъ и австрійскій съ эрцгерцогомъ, дѣлали эту смотрѣ союзной 80-ти-тысячной арміи.

Съ ранняго утра начали двигаться щербовски вычищенные и убранные войска, выстраиваясь за полгода предъ прѣпѣстью. То двигались тысячи ногъ и конниковъ съ развивавшимися знаменами, и по командѣ офицеровъ останавливались, въон рачивались и строились въ интервалахъ, обходя другимъ такія же массы юнкоты въ другихъ мундирахъ; то мѣрились топотомъ и бряканіемъ звучала нарядная кавалерія въ синихъ, красныхъ, зеленыхъ шитыхъ мундирахъ съ расщепленными музыкантами впереди, на вороныхъ, рыжихъ, сѣрыхъ лошадахъ; то, расстигиваясь съ своимъ мѣднымъ звукомъ, подрагивающими на бафетахъ, вычищенныхъ, блестящими пушками и съ своимъ заикаемъ пальниковъ, появляясь между юнкотой и кавалеріей артиллерія и разставлялась на назначенныхъ ме-

стакъ!.. Не только генералы въ ополной гвардейской форме, съ переташутыми по вельмъ-точтими кистями и талиями и краснѣвшими, подпертыми воротниками, щечами въ шарфахъ и всяхъ сорокахъ, не только припомаженные, расфранченные офицеры, но каждый солдатъ — съ свѣжимъ, вымытымъ и выбритымъ лицомъ и до послѣдней возможности блеска вычищеною амуниціею; каждая лошадь, выхоленная такъ, что какъ атласъ свѣтилась на ней шерсть, и волосокъ къ волоску лежала пріимоченная гривна, — всѣ чувствовали, что совершается что-то нешуточное, значительное и торжественное. Каждый генералъ и солдатъ чувствовали свое ничтожество, сознавая себѣ шеочищкой въ этомъ морѣ людей, и выѣсты чувствовали свое могущество, сознавая себѣ частью этого огромнаго цѣлого и тѣло, и душа, и сила, и духъ.

Съ ранняго утра начались цапряженные хлопоты и усилия, и въ то часоъ все пришло въ требуемый порядокъ. На огромномъ полѣ стали ряды. Армія вся была вытянута въ три линіи. Спереди кавалерія, сзади артиллериа; еще сзади въхода.

Междудвумъ рядомъ войскъ была какъ бы улица. Рѣзко отѣлились одна отъ другой три части этой арміи: боская Кутузовская (въ которой на правомъ флангѣ въ передней линіи стояли Наваградцы), пришедшие изъ Россіи, армейские и гвардейскіе полки, и австрійское войско. Но всѣ стояли подъ одну линію; подъ одинъ начальствомъ и въ одинаковомъ порядке. Такъ и оставалось до конца сраженія.

Какъ вътеръ по листьямъ, пронесся взведеній шопотъ: «Вѣдуть! Вѣдуть!» Послышались испуганные голоса, и по всѣмъ войскамъ пробѣжала волна суety послѣднихъ приготовленій.

Впереди отъ Ольмюца показалась подвигавшаяся группа. И въ это же время, въ тотъ день былъ безвѣтренный, легкай-

струи вѣтра пробѣжала по арміи и чутъ заколебала флюгера, шить и расшитенный знамена, затревавшися о свою древки. Казалось, сама армія оттѣхъ легкимъ движеніемъ выражала свою радость при приближеніи государей. Послышался одинъ голосъ: „Смирно!“ Потомъ, такъ штихи не зарѣ, повторились голоса изъ разныхъ концахъ. И все затихло.

Въ мертвой тишинѣ слышалася только гоготъ лошадей. То была свита императоровъ. Государи подѣхали къ флангу, и раздались звуки трубачей первого гвардійскаго полка, игравшіе генераль-маршъ. Казалось, не трубачи это играли, а сама армія, радуясь приближенію государя, естественно издавала эти звуки. Изъ-за этихъ звуковъ отчетливо послышался одинъ молодой, ласковый голосъ императора Александра. Онъ сказалъ привѣтствіе, и первый полкъ гаркнулъ: Урра! такъ заглушительно, продолжительно, радостно, что сами люди ужаснулись численности и силы той громады, которую они составляли.

Ростовъ, стоя въ первыхъ рядахъ Кутузовской арміи, къ которой къ первой подѣхалъ государь, испытывалъ то же чувство, какое испытывалъ каждый человѣкъ этой арміи, чувство самозабвенія, гордаго сознанія могущества и страстнаго влечения къ тому, что былъ причиной этого торжества.

Онъ чувствовалъ, что отъ одного слова этого человѣка зависѣло то, чтобы вся громада эта (и онъ, связанный съ ней, — ничтожная песчинка) пошла бы въ огонь и въ воду, на преступленіе, на смерть или на величайшее геройство, и потому онъ не могъ не трепетать и не замирать, при видѣ этого приближающаго слова.

— Урра! Урра! Урра! гремѣло со всѣхъ сторонъ, и одинъ всѣхъ за другимъ принималъ государя звуками генераль-

парка, и четвъ урра!.. генераль-маришъ ложить урра! и урра!!
заторые, все усиливались и приблизаясь, сливались въ отлушительный гул.

Пока не подъезжалъ еще государь, каждый полкъ въ своей безмолвности и неподвижности казался безжизненнымъ тѣломъ; только сравнивалася съ ними государь, полкъ ожидалъ и премъль, присоединившися къ реву всей той лини, которую уже проѣхалъ феударь. При спешномъ; отлупительномъ звукѣ эти полковы, среди массы войска, неподвижныхъ, какъ бы озамѣнившись въ своихъ четвероугольникахъ, небрежно, но симметрично, главное, свободно двигались сотни всадниковъ свиты, и впереди ихъ два человека — императоры. На мгновъ безраздѣльно было сосредоточено издерганные счастливо внимание всѣй этой массы людей.

Брасивый, молодой императоръ Александръ, въ кянногвардейской мундирѣ, въ треугольной шапкѣ, подѣтой съ полями, своимъ пріятливымъ лицомъ и звучнымъ, негромкимъ голосомъ, привлекъ всю силу вниманія горючаго полка.

Ростовъ стоялъ недалеко отъ трубачей и издалека своимъ зоркими глазами увидѣлъ государя и слѣдила за его приближеніемъ. Когда государь приблизился на разстояніе 20-ти шаговъ, ни Николай ясно, де вѣнѣкъ подробностей, разсмотрѣвъ прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, онъ испыталъ чувство вѣнчирскии и восторга, подобнаго которому онъ еще не испытывалъ. Все — всякая дерга, всякое движение казалось ему прелестно въ государь.

Остановившись, противъ Павлоградскаго полка, государь сказалъ что-то по-французски, австрійскому императору и улыбнулся, говоря при этомъ: «Слава Богу, что я живъ».

Увидавъ эту улыбку, Ростовъ самъ началъ петь улы-

баться и почувствовать еще сильнейший прилив любви къ своему государю. Ему хотѣлось выказать чѣмъ-нибудь свою любовь къ государю. Онъ зналъ, что это невозможно, и ему хотѣлось плакать. Государь вызвалъ молчаваго команда и сказалъ ему нѣсколько словъ.

„Боже мой! что бы со мной было, ежели бы ко мнѣ обратился государь!“ думалъ Ростовъ; „и бы умеръ отъ счастія“.

Государь обратился и къ офицерамъ:

— Всѣхъ, господа (каждое слово слышалось Ростову, наѣть звукъ съ неба), благодарю отъ всей души.

Какъ бы счастливъ быть Ростовъ, ежели бы могъ теперь умереть за своего царя!

— Вы заслужили георгиевскія знамена и будете ихъ достойны.

„Только умереть, умереть за него!“ думалъ Ростовъ.

Государь еще сказалъ что-то, чего не разслышала Ростовъ, и солдаты, надсаживая свои груди, закричали: „ура!“

Ростовъ закричалъ тоже, пригнувшись къ сѣду, что было его силъ, желая повредить себѣ отимъ крикомъ, только чтобы выразить вполнѣ свой восторгъ къ государю.

Государь постоялъ нѣсколько секундъ, противъ гусаръ, какъ будто онъ былъ въ нерѣшимости.

„Какъ могъ быть въ нерѣшимости государь?“ подумалъ Ростовъ, а потомъ даже и эта нерѣшительность показалась Ростову величественною и обворожительною, какъ и все, что дѣлалъ государь.

Нерѣшительность государя продолжалась одно мгновеніе. Нога государя, съ узкимъ, острымъ носкомъ сапога, наѣкъ носили въ то время, дотронулась до царя энглизированной гибкой кобылы, на которой онъѣхалъ; рука государя въ большой перчаткѣ подобрала поводья, и онъѣхалъ сопут-

ствуемый беспорядочно заскакавшимся моремъ адъютантовъ. Дальше и дальше отѣзжалъ онъ, останавливаясь у другихъ полковъ, и наконецъ только бѣлый яхомаъ его видѣлся Ростову изъ-за свиты, окружавшей императоровъ.

Въ числѣ господъ свиты Ростовъ замѣтилъ Болконскаго, лѣниво и распущенуо сидяще на лошади. Ростову вспомнилась его вчерашняяссора съ нимъ, и представился вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ вызывать его. „Разумѣется, не слѣдуетъ, подумалъ теперь Ростовъ. И стоитъ ли думать и говорить про это въ такую минуту, какъ теперь? Въ минуту такого чувства любви, восторга и самоотверженія, что значать всѣ наши ссоры и обиды? Я всѣхъ люблю, всѣмъ пропашу теперь”, думалъ Ростовъ.

Когда государь обѣзжалъ почти всѣ полки, войска стали проходить мимо него церемоніальнымъ маршемъ, и Ростовъ на кновѣ купленномъ у Денисова Бедуинъ проѣхалъ въ замкѣ своего эскадрона, т.е. одинъ и совершиенно на виду предъ государемъ.

Не доехавъ до государя, Ростовъ, отличный Ѣздокъ, два раза всадилъ шпоры своему Бедуину и довелъ его счастливо до того бѣшенаго аллюра рыси, которою хаживалъ разгоряченный Бедуинъ. Подогнувъ гѣниашуюся морду къ груди, отдѣливъ хвостъ и какъ будто летя на воздухѣ и не касаясь до земли, граціозно и высоко вскидывая и перекиняя ноги, Бедуинъ, тоже чувствовавшій на себѣ взглядъ государя, прошелъ превосходно.

Самъ Ростовъ, заваливъ назадъ ноги и подобравъ животъ и чувствуя себѣ однимъ кускомъ съ лошадью, съ нахмуренными, но блаженными лицомъ, чортомъ, какъ говорилъ Денисовъ, проѣхалъ мимо государя.

баться и почувствовать еще сильнейший приливъ любви къ своему государю. Ему хотѣлось выказать чѣмъ-нибудь свою любовь къ государю. Онъ зналъ, что это невозможно, и ему хотѣлось плакать. Государь вызвалъ молчаваго команда и сказалъ ему нѣсколько словъ.

„Боже мой! чѣмъ бы со мной было, ежели бы ко мнѣ обратился государь! думалъ Ростовъ; я бы умеръ отъ счастія“.

Государь обратился и къ офицерамъ:

— Всѣхъ, господа (каждое слово слышалось Ростову, наскѣкъ съ неба), благодарю отъ всей души.

Какъ бы счастливъ быть Ростовъ, ежели бы могъ теперь умереть за своего цара!

— Вы заслужили георгіевскія знамена и будете изъ достойны.

„Только умереть, умереть за него!“ думалъ Ростовъ.

Государь еще сказалъ что-то, чего не разслушала Ростовъ, и солдаты, надраживая свои труды, закричали: „ура!

Ростовъ закричалъ тоже, пригнувшись къ сѣду, что было его силъ, желая повредить себѣ отимъ крикомъ, только чтобы выразить вполнѣ свой восторгъ къ государю.

Государь постоялъ нѣсколько секундъ, противъ гусаръ, какъ будто онъ былъ въ нерѣшимости.

„Какъ могъ быть въ нерѣшимости государь?“ подумалъ Ростовъ, а потомъ даже эта нерѣшительность показалась Ростову величественною и обворожительною, какъ и все, что дѣлалъ государь.

Нерѣшительность государя продолжалась одно мгновеніе. Нога государя, съ узкимъ, острымъ по склону сапога, наѣзъ посили въ то время, дотронулась до паха: англизированной гибкой кобылы, на которой онъѣхалъ; рука государя лѣвой перчаткѣ подобрала поводья, и онъ тронулся сопут-

ствуемый беспорядочно заколыхавшимся моремъ адъютантовъ. Далыше и дальше отъѣзжалъ онъ, останавливаясь у другихъ полковъ, и наконецъ только бѣлый пломажъ его видѣлся Ростову изъ-за свиты, окружавшей императоровъ.

Въ числѣ господъ свиты, Ростовъ замѣтилъ и Болконскаго, лѣниво и распушченно сидѣющаго на лошади. Ростову вспомнилась его вчерашняяссора съ нимъ, и представился вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ вызывать его. „Разумѣется, не слѣдуетъ, подумалъ теперь Ростовъ... И стоитъ ли думать и говорить про это въ такую минуту; вакхъ теперь? Въ минуту такого чувства любви, восторга и самоотверженія, что значать всѣ наши ссоры и обиды? Я всѣхъ люблю, вѣрить прощаю теперь“, — подумалъ Ростовъ.

Когда государьъѣхалъ почти всѣ полки, войска стали проходить мимо него церемоніальнымъ маршемъ, и Ростовъ на лошади, купленной у Денисова Бедуинъ проѣхалъ въ замкѣ своего эскадрона, т.-е. одинъ и совершиенно на виду предъ государемъ.

Не доѣзжая до государя, Ростовъ, отличный єздокъ, два раза всадилъ шпоры своему Бедуину и довель его счастливо до того бѣшенаго аллюра рыси, которою хаживалъ разгоряченный Бедуинъ. Подогнувъ лѣнѣющуюся морду къ груди, отдѣливъ хвостъ и какъ будто летя на воздухѣ чѣмъ касаясь до земли, грациозно и высокоб вскидывая и перекиняя ноги, Бедуинъ, тоже чувствовавшій на себѣ взглядъ государя, проѣхалъ превосходно.

Самъ Ростовъ, заваливъ назадъ ноги и подобравъ животъ и чувствуя себѣ однимъ кускомъ свѣтлышадью, съ нахмуреннымъ, но блаженствомъ лицомъ, чортомъ, какъ говорилъ Денисовъ, проѣхалъ мимо государя.

— Молодцы Павлоградцы! проговорилъ государь.

„Боже мой! какъ бы я счастливъ былъ, еслибы оны вѣльть ми сейчасъ броситься въ огнь“, подумалъ Ростовъ.

Когда смотрѣ кончился, офицеры, вновь приведенные Кутузовскіе, стали сходиться группами, и начались разговоры о наградахъ, объ австрійцахъ и ихъ мундирахъ, объ изъ фронта, о Бонапартѣ, и о томъ, какъ ему злого придется теперь, особенно когда подойдетъ еще корпусъ Эссена и Ирссія приметъ нашу сторону.

Но болѣе всего во всѣхъ кружкахъ говорили о государѣ Александрѣ, передавали каждое его слово, движенье, во сторгались имъ.

Всѣ только одного желали: подъ предводительствомъ государя скорѣе идти противъ непріятеля! Подъ командою самого государя нельзя было не побѣдить кого бы то ни было; такъ думали послѣ смотра Ростовъ и большинство офицеровъ. Всѣ послѣ смотра были укѣрены въ побѣду; больше, чѣмъ бы могли быть послѣ двухъ выигранныхъ сраженій.

На другой день послѣ смотра, Борисъ, одѣвшись въ лучшій мундиръ и напутствуемый пожеланіями усѣихъ отъ своего товарища Берга, поѣхалъ въ Ольмюцъ къ Болконскому,

желая воспользоваться его лаской и устроить себѣ наиболѣе положеніе, въ особенности положеніе адъютанта, при важномъ лицѣ, казавшемся ему особенно заманчивымъ въ арміи.

„Хорошо, Ростову, которому отецъ присыпаетъ по 10-ти тысячъ, разсуждать о томъ, какъ онъ никому не хочеть жагнаться и ни къ кому не пойдетъ въ лакеи; но мнѣ, мнѣго

не изъющему, промѣнѣ своей головы, надо сдѣлать свою карьеру и не упустить случаевъ, а пользоваться ими".

Въ Ольмоцѣ онъ не засталъ въ этотъ день князя Андрея. Но видѣлъ Ольмоцъ, гдѣ стояла главная квартира, дипломатический корпусъ и жили оба императора съ своими свитами — придворныхъ, приближенныхъ, только больше усилилъ его желаніе принадлежать къ этому верховному міру.

Онъ никого не зналъ, и несмотря на его щегольской гвардейский мундиръ, всѣ эти высшіе люди, сновавшіе по улицамъ въ щегольскихъ экипажахъ, плумажахъ, лентахъ и орденахъ, придворные и военные, казалось, стояли такъ неизмѣримо выше его, гвардейского офицерика, что не только не хотѣли, но и не могли признать его существованіе. Въ поѣздкѣ генералокомандующаго Кутузова, гдѣ онъ спросилъ Болконскаго, всѣ эти адъютанты и даже десищики смотрѣли на него танть, какъ будто желали внушить ему, что такихъ какъ онъ офицеровъ, очень много сюда шлаются и что они все уже очень надоели. Несмотря на это, или скорѣе вслѣдствіе этого, на другой день, 15-го числа, онъ послѣ обѣда опять поѣхалъ въ Ольмоцъ и войдя въ домъ, занимаемый Кутузовымъ, спросилъ Болконскаго. Князь Андрей былъ дома, и Борисъ провели въ большую залу, въ которой вѣроятно прежде танцовали, а теперь стояли пять кроватей, разнородная мебель: столъ, стулья и клавикорды. Одинъ адъютантъ близко къ двери, въ персидскомъ халатѣ, сидѣлъ за столомъ и писалъ. Другой, красный, толстый, Несвицкій, лежалъ на костели, подложивъ руки подъ голову и сминался съ присѣвшими къ нему офицеромъ. Третій игралъ на клавикордахъ вѣцкій вальсъ, четвертый лежалъ на этихъ клавикордахъ и подавалъ ему. Болконскаго не было. Никто изъ этихъ господ

нодъ, замѣтивъ Бориса, не измѣнилъ своего положенія. Тотъ, который писать и къ которому обратился Борисъ, досадливо обернулся и сказъ ему, что Болконскій дежурный, и чтобы онъ шелъ нальво въ дверь, въ приемную; коли ему нужно видѣть его. Борисъ поблагодарилъ и пошелъ въ приемную. Въ приемной было человѣкъ десять офицеровъ и генераловъ.

Въ то время, какъ взошелъ Борисъ, князь Андрей, прозрительно прищурившись (съ тѣмъ особынными видомъ ученой усталости, которая ясно говорить, что коли бы не моя обязанность, я бы минуты съ вами не стала разговаривать), выслушивалъ старого русскаго генерала въ орденахъ, который почти на цыпочкахъ, на вытяжкѣ, съ солдатскимъ подобострастнымъ выражениемъ багроваго лица, что-то долгадывалъ князю Андрею.

— Очень хорошо, извольте подождать, — сказалъ онъ генералу по-русски тѣмъ французскимъ выговоромъ, которымъ онъ говорилъ, когда хотѣлъ говорить презрительно; и замѣтивъ Бориса, не обращаясь болѣе къ генералу (который съ мольбою бѣгалъ за нимъ, прося еще что-то выслушать), князь Андрей съ веселою улыбкой, кивая ему, обратился къ Борису. Борисъ въ эту минуту уже ясно поцѣль то, что онъ предвидѣлъ прежде, именно то, что въ арміи, кромѣ той субординаціи и дисциплины, которая была написана въ уставѣ, и которую знали въ полку и онъ зналъ, была другая, болѣе существенная субординація, та, которая заставляла этого затянутаго съ багровымъ лицомъ генерала почтительно дожидаться въ то время, какъ капитанъ князь Андрей для своего удовольствія находилъ болѣе удобнымъ разговаривать съ прaporщикомъ Дробецкимъ. Больше чѣмъ когда-нибудь Борисъ

рѣшился служить виредѣ не по той писанной въ уставѣ, а по этой неписанной субординації. Онь теперь чувствовалъ, что только вслѣдствіе того, что онъ былъ рекомендованъ князю Андрею, онъ уже сталъ сразу выше генерала, который въ другихъ случаяхъ, во фронтѣ, могъ уничтожить его, гвардейскаго праирющка. Князь Андрей подошелъ къ нему и взялъ за руку.

— Очень жаль, что вчера вы не застали меня. Я цѣлый день проводилъ съ нѣницами. Бѣдили съ Вейротеромъ по вѣрить диспозицію. Какъ мѣнцы возьмутся за аккуратность, конца нѣть!

Борисъ улыбнулся, какъ будто онъ понималъ то, о чёмъ, какъ объ общеизвѣстномъ, намекалъ князь Андрей. Но онъ въ первый разъ слышалъ и фамилію Вейротера, и даже слово диспозиція.

— Ну что, мой чистилъ, все къ адъютантамъ хотите? Я объясню подумать за это время.

— Да, я думалъ; невольно отъ чего-то краснѣя, сказалъ Борисъ,— просить главнокомандующаго; къ нему было письмо обо мнѣ отъ князя Курагина; и хотѣль просить только потому, прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь, — что боюсь, гвардія не будетъ въ дѣлѣ.

— Хорошо! хорошо! мы обо всемъ переговоримъ, сказалъ князь Андрей, — только дайте доложить про этого господина, и я привадежу вамъ.

Въ то время какъ князь Андрей ходилъ докладывать про багроваго генерала, генераль этотъ, видимо не раздѣлявшій понятій Бориса о выгодахъ неписанной субординації, такъ уперся глазами въ дерзкаго праирющка, шомѣшавшаго ему договорить съ адъютантомъ, что Борису стало исповѣдь. Онь

отвернулся и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда возвратится князь Андрей изъ кабинета главнокомандующаго.

— Вотъ что, мой милый, я думалъ о васъ, скажь князь Андрей, когда они прошли въ большую залу съ клавишками. — Къ главнокомандующему вамъ ходить нечего, говорилъ князь Андрей; — онъ наговорить вамъ ~~многу~~ любезностей, скажетъ, чтобы приходили къ нему обѣдать (это было бы еще не такъ плохо для службы по той субординаціи, подумалъ Борисъ), но изъ этого дальше ничего не выйдетъ; насы адъютантовъ и ординарцевъ, скоро будетъ бетальонъ. Но вотъ что мы сдѣлаемъ: у меня есть хороший приятель генераль-адъютантъ и прекрасный человѣкъ князь Долгоруковъ; и хотя вы этого можете не знать, но дѣло въ томъ, что теперь Кутузовъ съ его штабомъ и мы всѣ ровно ничего не значимъ: все теперь сосредоточивается у государя, ~~такъ~~ вотъ мы пойдемте-ка къ Долгорукову, ~~мы~~ и надо сходить къ нему, я ужъ ему говорилъ про васъ; ~~такъ мы~~ и посмотримъ, не найдеть ли онъ возможнымъ пристроить васъ при себѣ, или гдѣ-нибудь тамъ поближе къ солнцу.

Князь Андрей всегда особенно оживлялся, когда ему приходилось руководить молодаго человѣка и помочь ему въ свѣтскомъ успѣхѣ. Подъ предлогомъ этой помощи другому, которую онъ по гордости никогда не принялъ бы для себя, онъ находился вблизи той среды, которая давала успѣхъ и которая притягивала его къ себѣ. Онъ весьма охотно взялся за Бориса и попечь съ нимъ къ князю Долгорукову.

Было уже поздно вечеромъ, когда они взвинтились въ Ольмицкій дворецъ, занимаемый императорами и ихъ приближенными.

Въ этотъ самый день былъ военный совѣтъ, на которомъ

участовали вѣй члены гофкригсрата и оба императора. На совѣтѣ, въ противность мнѣнію стариковъ, Кутузова и князя Шварценберга, было рѣшено немедленно наступать и дать генеральное сраженіе Бонапарту. Военный совѣтъ только что вошелъ, когда князь Андрей, сопутствующий Борисомъ, пришелъ во дворецъ отыскывать князя Долгорукова. Еще всѣ лица главной квартиры находились подъ обаяніемъ сегодняшнаго побѣдоноснаго для пиратіи молодыхъ военного совѣта. Голоса медлителей, совѣтовавшихъ ожидать еще чего-то, не наступая, такъ единодушно были заглушены, и доводы ихъ опровергнуты весомѣнными доказательствами выгоды наступленія, что то, о чёмъ толковалось въ совѣтѣ, будущее сраженіе и безъ сомнѣнія побѣда казались уже не будущимъ, а промеждущимъ. Всѣ выгоды были на нашей сторонѣ. Огромныя силы, безъ сомнѣнія превосходившія силы Наполеона, были стянуты въ одно мѣсто; войска были одушевлены присутствіемъ императоровъ и рвались въ дѣло; стратегическій пунктъ, на которомъ приходилось дѣйствовать, былъ до малѣйшихъ подробностей извѣстенъ австрійскому генералу Вейротеру, руководившему войска (валь бы счастлива случайность сдѣлала то, что австрійскія войска въ прошломъ году были на маневрахъ, именно въ тѣхъ поляхъ, на которыхъ теперь предстояло сразиться съ французомъ); до малѣйшихъ подробностей была извѣстна и передана на картахъ предлежащая мѣстность и Бонапарту, видимо ослабленный, ничего не предпринималъ. Долгоруковъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ наступленія, только что вернулся изъ совѣта, усталый, измученный, но оживленный и гордый одержанною побѣдою. Князь Андрей представилъ покровительствуемаго имъ офицера, но князь Долгоруковъ, учтиво и крѣпко пожавъ ему

руку; ничего не сказала Борису и, очевидно не въ силахъ удержаться отъ высказыванія тѣхъ мыслей, которыя сильнѣе всего занимали его въ эту минуту, во-французски обрывиси къ князю Андрею: и тутъ Борисъ, съ смятениемъ:

— Ну, мой милый, какое мы выдержали сраженіе! Дай Богъ только, чтобы то, которое будетъ слѣдствіемъ его, было бы столь же побѣдоносно! Однаво, мой милый, говорилъ онъ отрывочно и оживленно, я долженъ признать свою вину предъ австрійцами и въ особенности предъ Вейротромъ. Чѣмъ за точность, чѣмъ за подробность, чѣмъ за знаніе мѣстности, чѣмъ за предвидѣніе всѣхъ возможностей, всѣхъ условій, всѣхъ малѣйшихъ подробностей! Нѣть, мой милый, выгоднѣй тѣхъ условій, въ которыхъ мы находимся, нельзя ничего ясно выдумать. Соединеніе австрійской отчуждѣности съ русскою храбростью, чего жъ вы хотите еще...

— Такъ наступленіе окончательно рѣшено? сказалъ Волконскій.

— И знаете ли, мой милый, мнѣ кажется, что рѣшительное Буонапарте потерялъ свою латынь. Вы знаете, что нынѣ получено отъ него письмо къ императору. Долгоруковъ улыбнулся значительно.

— Вотъ какъ! чѣмъ онъ пишетъ? спросилъ Волконскій.

— Что онъ можетъ писать? Традиридира и т. д., все только съ цѣлью выиграть время. Я вамъ говорю, что онъ у насъ въ рукахъ: это вѣрно! Но что забавнѣе всего, сказаъ онъ, вдругъ добродушно засмѣявшись, — это то, что никакъ не могли придумать, какъ ему адресовать отвѣтъ? Ежели не консулу, само собою разумѣется не императору, то генералу Буонарту, какъ мнѣ казалось.

— Но между тѣмъ, чтобы не призывать императоромъ,

и тѣмъ, чтобы называть генераломъ Бонапартъ — есть разница, сказъя Болконскій проѣзжая. И буди не буди — «Вы томъ-то и дѣло, смысьшись изъ мѣребицамъ, быстро говорилъ Долгоруковъ. — Вы знаете Билибина, онъ очень умный человѣкъ; онъ предлагалъ адресовать къ «узурпатору и врагу человѣческаго рода». Долгоруковъ весело захохоталъ.

— Не болѣе того? замѣтилъ Болконскій.

— Но все-таки Билибинъ нашелъ серьезный титулъ адреса. И остроумный и умный человѣкъ... Извините, я не могу помнить... — Кто же?

— Глава французскаго правительства, au chef du gouvernement franÃ§ais, — серьезно я все удовольствуюсь сказать князь Долгоруковъ. — Неправда ли, что хорошо?

— Хорошо! но очень не понравится ему, замѣтилъ Болконскій.

— О, и очень! Мой братъ знаетъ его: онъ не разъ объдалъ у него, у тепрѣшнаго императора, въ Парижѣ и говорилъ мнѣ; что онъ не видаль болѣе утонченаго и хитраго дипломата: знаете, соединеніе французской ловкости и итальянскаго актерства! Вы знаете его апекдоты съ графомъ Марковымъ? Только одинъ графъ Марковъ умѣть съ нимъ обращаться. Вы знаете исторію платка? Это прелесты! И слово-охотливый Долгоруковъ, обращаясь то къ Борису, то къ кнizu Андрею, рассказывъ, какъ Бонапартъ желалъ испытать Маркова, нашего посланника, и нарочно уронилъ предъ нимъ платокъ и остановился, гляди на него, — ожидалъ вѣроятно услуги отъ Маркова, и какъ Марковъ тотчасъ же уронилъ рядомъ свой платокъ, и поднялъ свой, не поднимая платка Бонапарта.

— Прелестно, сказъя Болконскій; — но вотъ что, князь,

я пришелъ къ вамъ просителемъ за этого молодаго человѣка! Видите ли что? Но князь Андрей не успѣлъ довончить, какъ въ комнату вошелъ адъютантъ, который звалъ князя Долгорукова къ императору.

— Ахъ какая досада! сказали Долгоруковъ, поспѣшилъ вставая и ножмая руки князя Андрея и Бориса. Вы знаете, я очень радъ сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, и для васъ и для этого милаго молодаго человѣка. Онъ еще разъ ножаль руку Бориса съ выражениемъ добродушнаго, искреннаго и оживленнаго легкомыслія.— Но вы видите... до другаго раза!

Бориса волновала мысль о той близости къ высшей власти, въ которой онъ въ эту минуту чувствовалъ себя. Онъ сознавалъ себя здѣсь въ союзниковъ съ тѣми пружинами, которыя руководили всѣми тѣми громадными движеніями массъ, которыхъ онъ въ своемъ полку чувствовалъ себя маленькою, покорною и ничтожною частью. Она вышли въ коридоръ вслѣдъ за княземъ Долгоруковымъ и ветрѣтии выходившаго (изъ той двери комнаты государя, въ которую вошелъ Долгоруковъ) невысокаго человѣка въ штатскомъ платьѣ, съ умнымъ лицомъ и прѣжно чертой выставленной впередъ челюсти, которая не юртила его, придавала ему особенную живость и изворотливость выраженій. Этотъ немецкій человѣкъ кивнулъ, какъ своему, Долгорукову, и пристально-холоднымъ взглядомъ сталъ вглядываться въ князя Андрея, иди прямо на него и видимо ожидалъ, чтобы князь Андрей поклонился ему или далъ дорогу. Князь Андрей не сдѣлалъ ни того, ни другаго; въ лицѣ его выразилась злоба, и молодой человѣкъ, отвернувшись, прошелъ стороной коридора.

— Кто это? спросилъ Борисъ.

— Это одинъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ, но цепрѣятѣнѣйшихъ мнѣ людей. Это министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Адамъ Чарторыйскій.

— Вотъ эти люди, — сказалъ Болконскій со вздохомъ, который онъ не могъ подавить въ то время, какъ они выходили изъ дворца. — вотъ эти-то люди рѣшаютъ судьбы народовъ.

На другой день войска выступили въ походъ, и Борисъ не успѣлъ до самаго Аустерлицкаго сраженія побывать ни у Болконскаго, ни у Долгорукова, и остался еще на время въ Измайловскомъ полку.

X.

На зарѣ, 16-го числа, эскадронъ Денисова, въ которомъ служилъ Николай Ростовъ, и который былъ въ отрядѣ князя Багратионъ, двинулся съ почтега въ дѣло, какъ говорили, и пройдя около версты, позади другихъ колоннъ, былъ оставленъ на большой дорогѣ. Ростовъ видѣлъ, какъ мимо него прошли впередъ казаки, 1-й и 2-й эскадронъ гусаръ, пѣхотные батальоны съ артиллерией и проѣхали генералы Багратионъ и Долгоруковъ съ адъютантами. Весь страхъ, который онъ, какъ и прежде, испытывалъ предъ дѣломъ, вся внутренняя борьба, посредствомъ которой онъ преодолѣвалъ этотъ страхъ, всѣ его мечтанія о томъ, какъ онъ по-гусарски отличится въ этомъ дѣлѣ — пропали даромъ. Эскадронъ ихъ былъ оставленъ въ резервѣ, и Николай Ростовъ скучно и тоскливо провелъ этотъ день. Въ 9-мъ часу утра онъ услыхалъ пальбу впереди себя, крики ура, видѣлъ привозимыхъ назадъ раненыхъ (ихъ было немногого) и наконецъ видѣлъ, какъ въ срединѣ сотни казаковъ провели щѣлѣй

отрядъ французскихъ кавалеристовъ. Очевидно, оно было кончено, и дѣло было, очевидно, небольшое; но счастливое. Проходившіе позадъ солдаты и офицеры разсказывали о блестящей побѣдѣ, о занятіи города Вишнѣ и взятіи въ плѣнъ цѣлаго французскаго эскадрона. День былъ ясный, солнечный, послѣ сильнаго ночного заморозка, и веселый блескъ осенняго дня совпадалъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, которое передавали не только разсказы участниковъ въ немъ, но и радостное выраженіе лицъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ и адъютантовъ, вышедшихъ туда и оттуда мимо Ростова. Тѣмъ болѣе щемило сердце Николая, напрасно перестрадавшаго весь страхъ, предшествующій сраженію, и пробывшаго этотъ веселый день въ бездѣствії.

— Ростовъ, иди сюда, выпьемъ съ горя! крикнулъ Денисовъ, усѣвшись на краю дороги предъ фляжкой и закуской. Офицеры собрались кружкомъ, закусывали и разговаривали, около логребца Денисова.

— Вотъ еще одного ведутъ! сказалъ одинъ изъ офицеровъ, указывая на французскаго плѣннаго драгуна, котораго вели цѣшкомъ два казака. Одинъ изъ нихъ вѣль въ поводу взятую у плѣннаго, рослую и красивую французскую лошадь.

— Продай лошадь, крикнулъ Денисовъ казаку.

— Изволи, ваше благородие...

Офицеры встали и окружили казаковъ и плѣннаго француза. Французскій драгунъ былъ молодой малый, альзасецъ говорившій по-французски съ нѣмеckимъ акцентомъ. Онъ выдалъся отъ волненія, лицо его было красно, и услыхавъ французскій языкъ, онъ быстро заговорилъ съ офицерами, обращаясь то къ тому, то къ другому. Онъ говорилъ, что его бы не взяли; что онъ не виноватъ въ томъ, что его

важлива именовать капитана, который послал его захватить конюхи; что онъ ему говорилъ, что уже русские тамъ. Ико моному слову они приблизились, лошадку то мою можальите, и ласкаль кнор левадъ. Видно было, что онъ не понималъ языка, отъткъдъ онъ находился. Онь то изумился, что его взяли, и тотъ предложилъ предъ собой свое начальство, выкатывая свою солдатскую неправильность и заботливость о службе. Они занесли съ собой въ замокъ арриергардъ во всей свѣжести атмосферу французского войска, которое танъ нужно было доказать. Казаки отдали лошадь за два червонца, и Ростовъ, теперь получивъ деньги, самъ, болотый изъ офицеровъ, купилъ ее. Ахъ показайте лошадь! добродушно сказалъ адъзасецъ Ростову, когда лошадь передана была гусарину.

Ростовъ, ушибаясь, усекновилъ драмуна и дахъ ему денегъ. Ахъ! Ахъ! сказалъ казакъ, трогая за руку пленного, чтобы онъшелъ дальше.

— Государь! государь! другъ послышалось между гусарами. Все забыло, заторопилось, и Ростовъ увидаль сзади по дорогѣ несколько подъезжающихъ всадниковъ съ бѣлыми сундуками на лошадяхъ. Въ одну минуту оба были на мѣт спасибо! адъзасецъ и одинъ офицеръ въ обиженномъ видѣ. Ростовъ не помнилъ и не чувствовалъ, какъ онъ добѣжалъ до своего места и сѣлъ на лошадь. Мгновенно прошло его сомнѣніе о участіи въ дѣлѣ, его будничное расположеніе духа измѣнило приглушенныхъ лицъ; мгновенно исчезла всякая тревога, промѣнявшаяся на близости досударя. Онъ, чувствовавъ себѣ одною изъ близости вознагражденными за потерю избѣжавшаго для него счастья, какъ добре-

никъ, дождавшійся ожидаемаго свиданія. Не смыг оглядываться во фронтъ, и не оглядывалась, онъ чувствовалъ во-сторженіемъ чутьемъ его приближеніе. И онъ чувствовалъ это не по одному звуку конныхъ лошадей приближающейся кавалькады, но онъ чувствовалъ это, потому что, во мѣрѣ приближенія, все сияло, радостнѣе, и значительнѣе, и праздничнѣе дѣлалось вокругъ него. Все ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокругъ себя лучи кроткаго и величественнаго свѣта, и вотъ онъ уже чувствуетъ себя захваченнымъ этими лучами, онъ слышитъ его голосъ — этотъ ласковый, спокойный, величествен-ный и вмѣстѣ съ тѣмъ столь простой голосъ. Какъ и должно было быть по чувству Ростова, наступила мертвая тишина, и въ этой тишинѣ раздались звуки голоса государя.

— Павлоградскіе гусары? вопросительно сказалъ онъ.

— Резервъ, ване величестно! отвѣчалъ чей-то голосъ, столь человѣческій послѣ того нечеловѣческаго голоса, который сказалъ: Павлоградскіе гусары?

Государь поклонился съ Ростовымъ и остановился. Лицо Александра было еще прекраснѣе, чѣмъ на смотрѣ три дня тому назадъ. Оно сияло такою веселостью и молодостью, такою невинною молодостью, что напоминало ребяческую, четырнадцатилѣтнюю рѣзность, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было все-таки лицо величественнаго императора. Случайно огля-дывая эскадронъ, глаза государя встрѣтились съ глазами Ростова, и не болѣе какъ на двѣ секунды остановились на нихъ. Понялъ ли государь, что дѣлалось въ душѣ Ростова (Ростову казалось, что онъ все понялъ), но онъ посмотрѣлъ секунды двѣ своими голубыми глазами въ лицо Ростова. (Мягко и кротко лился изъ нихъ сіѣть). Потомъ вдругъ

онъ приподнялъ бразу, рѣзкимъ движеніемъ ударили лѣвую ногой лошади и галопомъ поѣхалъ впередъ.

Молодой императоръ не могъ воздержаться отъ желанія присутствовать при сраженіи, и, несмотря на всѣ представленіи придворныхъ, въ 12 часовъ, отдѣлившиися отъ 3-й колонны, при которой онъ слѣдовалъ, поскакалъ къ авангарду. Еще не добѣжавъ до гусаръ, нѣсколько адъютантовъ встрѣтили его съ известиемъ о счастливомъ исходѣ дѣла.

Сраженіе, состоявшее только въ томъ, что захвачены эскадронъ французовъ, было представлено какъ блестящая побѣда надъ французами, и потому государь и вся армія, особенно царя, не разошелся еще пороховой дымъ на полѣ сраженія, веряли, что французы побѣдены и отступаютъ противъ своей воли. Нѣсколько минутъ послѣ того, какъ проѣхалъ государь, дивизіонъ Павлоградцевъ потребовали ипередъ. Въ са-
момъ Винни, маленькомъ немецкомъ городкѣ, Ростовъ еще разъ увидѣлъ государя. На площади города, на которой была до трѣхъ государя довольно сильная перестрѣлка, лежало нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, которыхъ не успѣли подобрать. Государь, окруженный свитою военныхъ и не-военныхъ, былъ на рѣжей, уже другой, чѣмъ на смотрѣ, званиемъ и вѣхами, и склонившиися на бокъ, граziоз-
нымъ жестомъ держа золотой яорнетъ у глазъ, смотрѣлъ въ него на лежащагоничкомъ, безъ кивера, съ окровавлен-
ной головою, солдата. Солдатъ раненый былъ такъ нечистъ, трубъ и гадокъ, что Ростова оскорбила близость его къ го-
сударю! Ростовъ видѣлъ, какъ содрогнулись, какъ бы отъ
пробѣжалшаго мороза, сутуловатыя плечи государя; какъ лѣвая нога его судорожно стала бить шпорой бокъ лошади,
и какъ пружиняя лошадь ринулась обглядывалась и не

трогалась съ мѣста. Слѣзшій съ лошади адъютантъ, взялъ подъ руки солдата и стала жаль на мовиншіеся носилки. Солдатъ застонала.

— Тише,тише, развѣ нельзя тише? видимо болѣе страдая, чѣмъ умирающій солдатъ, проговорилъ государь и отъѣхалъ ирочь.

Ростовъ видѣлъ слезы, наполнившія глаза государя, и слышалъ какъ онъ, отъѣзжалъ, по-французски, сказавъ Чартрижскому:

— Какая ужасная вещь война, какая ужасная вещь!

Войска авангарда расположились впереди Вишнau, въ виду цѣлии шенріательской, уступавшей намъ мѣсто при малѣйшей перестрѣлкѣ въ продолженіе всего днѧ. Авантгарду объявлена была благодарность государя, обѣщаны награды, и людямъ роздана двойная порція водки. Еще веселѣе, чѣмъ въ прошлую ночь, трещали бивачные костры и раздавались солдатскія пѣсни. Денисовъ въ эту ночь дразнивалъ производство свое въ майоры, и Ростовъ, уже довольно выпившій, въ концѣ нирушки, предложилъ тостъ за здоровье государя, но, не государя-императора, какъ говорять на офиціальныхъ обѣдахъ, сказалъ онъ, а за здоровье государя доброго, обворожительного и великаго человѣка, чьемъ за его здоровье и за вѣрную победу надъ французами!

— Коли мы прежде дрались, сказалъ онъ, — и не давали спуску французамъ, какъ подъ Шенграбеномъ, что же теперь будетъ, когда онъ впереди? Мы всѣ умремъ, съ наслажденiemъ умремъ за него. Такъ, господа? Можетъ быть я и не такъ говорю, я много вынужденъ, да я такъ чувствую и вы тоже. За здоровье Александра Перваго! Уррал!

— Уррал зазвучали воодушевленные голоса офицеровъ,

И старый ротмистръ Кирстенъ кричать воодушевленно и не менѣе искренно, чѣмъ двадцатилѣтній Ростовъ.

Когда офицеры выпили и разбили свои стаканы, Кирстенъ налилъ другіе и, въ одной рубашкѣ и рейтузахъ, съ стаканомъ въ руцѣ, подошелъ къ солдатскимъ кострамъ и, въ величественной позѣ, взвихнувъ кверху рукой, съ своими длинными, сѣдыми усами, бѣлою грудью, видѣвшейся изъ-за распахнувшейся рубашки, остановился въ свѣтѣ костра.

Ребята, за здоровье государя-императора, за победу надъ врагами, ура! — крикнулъ онъ своимъ молодецкимъ, старческимъ, гусарскимъ баритономъ.

Гусары столпились и дружно отвѣчали громкимъ крикомъ.

Поздно ночью, когда всѣ разошлись, Денисовъ потрешилъ своею коротенькою рукой по плечу своего любимца Ростова:

Вотъ на походѣ не въ кого влюбиться, такъ онъ царя влюбился, сказалъ онъ.

Денисовъ, ты этимъ не шути, крикнулъ Ростовъ, — это такое высокое, такое прекрасное чувство, такое...

Вѣрю, вѣрю, дружокъ, и раздѣляю, и одобряю...

Нѣть, не понимаешь! И Ростовъ всталъ и пошелъ бродить между костровъ, мечтая о томъ, какое было бы счастье умереть, не спасая жизнь (объ этомъ онъ и не смѣлъ печтять), а просто умереть въ глазахъ государя. Онъ действительно былъ влюбленъ и въ царя, и въ славу русскаго оружія, и въ надежду будущаго торжества. И не онъ одинъ испыталъ это чувство въ тѣ памятные дни, предшествующіе Аустерлицкому сраженію: девять десятыхъ людей русской арміи въ то время были влюблены, хотя и менѣе во вторженіи, въ своего царя и въ славу русскаго оружія.

Брошено въ 1860 году въ Петербургѣ. — 1860 —

XI.

На слѣдующій день государь остановился въ Вишау: Лейбъ-медикъ Вилье нѣсколько разъ былъ призываемъ къ нему. Въ главной квартирѣ и въ близайшихъ войскахъ распространялось извѣстіе, что государь былъ нездоровъ. Онь ничего неѣлъ и дурно спалъ эту ночь, какъ говорили приближенные. Причина этого нездоровья заключалась въ сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на чувствительную душу государя видомъ раненыхъ и убитыхъ.

На зарѣ, 17-го числа, въ Вишау былъ препровождаться аванюстовъ французскій офицеръ, пріѣхавшій подъ парламентерскимъ флагомъ, требуя свиданія съ русскимъ императоромъ. Офицеръ этотъ былъ Савари. Государь только что заснуль, и потому Савари долженъ былъ дожидаться. Въ полдень онъ былъ допущенъ къ государю, и чрезъ часъ воѣхалъ вмѣсть съ княземъ Долгоруковымъ на аванюсты французской арміи.

Какъ слышно было, цѣль присылки Савари состояла въ предложеніи свиданія императора Александра съ Наполеономъ. Въ личномъ свиданіи, къ радости и гордости всей арміи, было отказано, и вмѣсто государя, живыи Долгоруковъ, побѣдитель при Вишау, былъ отправленъ вітѣстѣ съ Савари для переговоровъ съ Наполеономъ, ежели переговоры эти, противъ чаянія, имѣлиѣ действительное желаніе мира.

Ввечеру вернулся Долгоруковъ, иронично привѣтствуя государю и долго пробывть у него наединѣ.

18-го и 19-го ноября войска прошли еще два перехода впередъ, и непріятельскіе аванюсты, послѣ короткихъ перестрѣ-

локъ, отступали. Въ высшихъ сферахъ арміи съ полуночи 19-го числа началось сильное хлопотливо-возбужденное движение, продолжавшееся до утра следующаго дня, 20-го ноября, въ который дано было столь чамитное Аустерлицкое сраженіе. До полуночи 19-го числа движение, оживленные разговоры, бѣготня, поиски адъютантовъ ограничивались одною главною квартирой императоровъ, послѣ полуночи того же дня, движение передалось въ главную квартиру Кутузова и въ штабы воинскихъ начальниковъ. Вечеромъ, черезъ адъютантовъ, разнеслось это движение по всѣмъ концамъ и частямъ арміи, и въ ночь съ 19-го на 20-е поднялась съ ночлеговъ, загудѣла говоромъ, и заколыхалась, и тронулась громаднымъ девятиверстнымъ холстомъ 80-ти тысячная масса союзного войска.

Сосредоточенное движение, начавшееся поутру въ главной квартирѣ императоровъ и давшее толчокъ всему дальнѣйшему движению, было похоже на первое движение серединнаго колеса большихъ башенныхъ часовъ. Медленно двинулось одно колесо; повернулось другое, третье, и все быстрѣе и быстрѣе пошли вортѣться колеса, блоки, шестерни, начали играть куранты, выскакивать фигуры, и мѣрно стали подвигаться стрѣлки, показывая результатъ движения.

Какъ въ механизме часовъ, такъ и въ механизме военного дѣла, такъ же неудержимо, до послѣдняго результата, разъданное движение, и такъ же безучастно неподвижны за моментъ до передачи движенія части механизма, до которыхъ еще не дошло дѣло. Свистать на осахъ колеса, щѣвляясь зубьями, шипять отъ быстроты вортящіеся блоки, а сосѣднее колесо такъ же спокойно и неподвижно, какъ будто оно сотни лѣтъ готово простоять этой неподвижностью; но пришель-

моментъ — зацѣнилъ рячать, и покориясь движенію, трещить поворачивалось колесо и сливалось въ одно дѣйствіе, ревульстать и цѣль котораго ему непонятны.

Какъ въ часахъ результатъ сложнаго движенья безчисленныхъ различныхъ колесъ и блоковъ есть только медленное и уравнѣнное движеніе стрѣлки, указывающей время, такъ результатомъ всѣхъ сложныхъ человѣческихъ движений этихъ 160.000 русскихъ и французовъ — всѣхъ страстей, желаній, раскаиній, упиченій, страданій, порывовъ гордости, страха, восторга этихъ людей былъ только проигрышъ Австриецкаго сраженія, такъ называемаго сраженія трехъ императоровъ, т.-е. медленное передвиженіе всемирно-исторической стрѣлки на циферблатѣ истории человѣчества.

Князь Андрей былъ въ этотъ день дежурнымъ и неотлучно при главнокомандующемъ.

Въ 6-мъ часу вечера Кутузовъ пріѣхалъ въ главную квартиру императоровъ и, не долго пробывъ у государя, поспѣхъ къ оберъ-гофмаршалу графу Толстому.

Болконскій воспользовался этимъ временемъ, чтобы зайти къ Долгорукову узнать о подробностяхъ дѣла. Князь Андрей чувствовалъ, что Кутузовъ чѣмъ-то разстроенъ и недоволенъ, и что имъ недовольны въ главной квартирѣ, и что всѣ лица императорской главной квартиры имѣютъ съ нимъ тонъ людей, знающихъ что-то такое, чего другие не знаютъ; и поэтому ему хотѣлось поговорить съ Долгоруковымъ.

— Ну здравствуйте, мой милый, сказалъ Долгоруковъ, сидѣвшій съ Билибінымъ за чаемъ. — Праздникъ на завтра. Что вашъ старикъ? не въ духѣ?

— Не скажу, чтобы былъ не въ духѣ, но ему, кажется, хотѣлось бы, чтобы его выслушали.

— Да его слушали на военномъ совѣтѣ и будуть слушать, когда онъ будетъ говорить дѣло; но медлить и ждать чего-то теперь, когда Бонапартъ боится болѣе всего генерального сраженія — невозможно.

— Да, вы его видѣли, сказалъ князь Андрей. — Ну, что Бонапартъ? Какое впечатлѣніе онъ произвелъ на васъ?

— Да, видѣль и убѣдился, что онъ боится генерального сраженія болѣе всего на свѣтѣ, повторилъ Долгоруковъ, видимо дорожа этимъ общимъ выводомъ, сдѣланнымъ имъ изъ его свиданія съ Наполеономъ. Ежели бы онъ не боялся сраженія, для чего бы ему было требовать этого свиданія, вести переговоры и, главное, отступать, тогда какъ отступленіе тамъ противно всей его методѣ веденія войны? Повѣрьте ми, онъ боится генерального сраженія, его чаєв настала.

— Но расскажите, какъ онъ, чтò? еще спросилъ князь Андрей.

— Онъ человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ, очень желавшій, чтобы я ему говорилъ „ваше величество“, но къ огорченію своему не получившій отъ меня никакого титула. Вотъ это какой человѣкъ, и больше ничего, отвѣчалъ Долгоруковъ, откладываясь съ улыбкой на Билибина.

— Несмотря на мое полное уваженіе къ старому Кутузову, продолжалъ онъ, — хороши мы были бы всѣ, ожидая чего-то и тѣмъ давая ему случай уйти или обмануть насъ, тогда какъ теперь онъ вѣрно въ нашихъ рукахъ. Нѣтъ, не надобно забывать Суворова и его правила: — не ставить себя въ положеніе атакованаго; а атаковать самому. Повѣрьте, на войнѣ энергія молодыхъ людей часто вѣрнѣе указываетъ путь, чѣмъ вся опытность старыхъ кункаторовъ.

— Но въ какой же позиції мы атакуемъ его? Я былъ на аванпостахъ нынче, и нельзя рѣшить, гдѣ онъ именно стоитъ съ главными силами, сказалъ князь Андрей. Ему хотѣлось высказать Долгорукову свой, составленный имъ, планъ атаки.

— Ахъ, это совершенно все равно, быстро заговорилъ Долгоруковъ, вставая и раскрывая карту на столѣ.— Всѣ случаи предвидѣны: ежели онъ стоитъ у Брюнна...

И князь Долгоруковъ быстро и неясно рассказалъ планъ флангового движения Вейротера.

Князь Андрей сталъ возражать и доказывать свой планъ, который могъ быть одинаково хорошо съ планомъ Вейротера, но имѣлъ тотъ недостатокъ, что планъ Вейротера уже былъ одобренъ. Какъ только князь Андрей сталъ доказывать, нетъ выгоды того и выгоды своего, князь Долгоруковъ пересталъ его слушать, и разсѣянно смотрѣть на карту, а на лицо князя Андрея.

— Вирочемъ у Кутузова будетъ нынче военный советъ; вы тамъ можете все это высказать, сказалъ Долгоруковъ.

— И это и сдѣлаю, сказалъ князь Андрей, отходя отъ карты.

— И о чёмъ вы заботитесь, господа? сказалъ Билибинъ, до сихъ поръ съ веселой улыбкой слушавшій ихъ разговоры и теперь видимо собираясь попутти. — Будетъ ли завтра побѣда или пораженіе, слава русскаго оружія застрахована. Кромѣ вашего Кутузова нѣтъ ни одного русскаго начальника колоній: начальники: господинъ генералъ Вимпфенъ, графъ Ланжеронъ, князь Лихтенштейнъ, Гогенлоэ и еще Пришвириш, какъ всѣ польскія имена.

— Замолчите, злой языкъ, сказалъ Долгоруковъ.— Неправда, теперь уже два русскихъ: Милорадовичъ и Даутуровъ, и былъ бы 3-й, графъ Аракчеевъ, но у него нервы слабы.

— Однако Михаилъ Иларіоновичъ, я думаю, вышелъ, сказаъ князь Андрей. — Желаю счастія и усїхъ, господа, прибавилъ онъ и вышелъ, южавъ руки Долгорукову и Билибину.

Возврашася домой, князь Андрей не могъ удержаться, чтобы не спросить молчаливо сидѣвшаго подлъ него Кутузова о томъ, что онъ думаетъ о завтрашнемъ сраженіи?

Кутузовъ строго посмотрѣлъ на своего адъютанта и, помолчавъ, отвѣтилъ: Я думаю, что сраженіе будетъ проиграно, и я такъ сказаъ графу Толстому и просилъ его передать это государю. Что же, ты думаешь, онъ мнѣ отвѣтилъ? „И любезный генералъ? Я занятъ рисомъ и котлетами, а вы занимайтесь военными дѣлами“. Да!.. Вотъ что мнѣ отвѣчали!

XII.

Въ 10-мъ часу вечера, Вейротеръ съ своими шапами иерѣхалъ на квартиру Кутузова, где и былъ назначенъ военный совѣтъ. Всѣ начальники колоннъ были потребованы къ главнокомандующему, и за исключеніемъ князя Багратіона, который откатался пріѣхать, всѣ двинулись къ назначенному часу.

Вейротеръ, бывшій полнымъ распорядителемъ предполагаемаго сраженія, представляя свою оживленность и торопливость рѣзкую противоположность съ недовольнымъ и соннымъ Кутузовымъ, неохотно игравшимъ роль предсѣдателя и руководителя военного совѣта. Вейротеръ очевидно чувствовалъ себя во главѣ движенія, которое стало уже неудержимо. Онъ былъ, какъ замраженная лошадь, разбѣжавшаяся възомъ подъ гору. Онъ ли вѣзъ, или его ездило, онъ не зналъ; но онъ несся во всю возможную быстроту, не имѣя

— Но въ каком же позиціи мы атакуемъ его? Я былъ на аванпостахъ нынче, и нельзя решить, гдѣ онъ именно стоитъ съ главными силами, сказалъ князь Андрей. Ему хотѣлось высказать Долгорукову свой, составленный имъ, планъ атаки.

— Ахъ, это совершенно все равно, быстро заговорилъ Долгоруковъ, вставая и раскрывая карту на столѣ. — Всѣ случаи предвидѣны: ежели оно стоитъ у Брюнна...

И князь Долгоруковъ быстро и ясно рассказалъ планъ флангового движения Вейротера.

Князь Андрей сталъ возражать и доказывать свой планъ, который могъ быть одинаково хорошо съ планомъ Вейротера; но имѣть тотъ недостатокъ, что планъ Вейротера уже былъ одобренъ. Какъ только князь Андрей сталъ доказывать, не выгоды того и выгоды своего, князь Долгоруковъ пересталъ его слушать, и разсѣянно смотрѣлъ ме на карту, а на лицо князя Андрея.

— Впрочемъ у Кутузова будетъ нынче военный советъ: вы тамъ можете все это высказать, сказалъ Долгоруковъ.

— Я это и сдѣлаю, сказалъ князь Андрей, отходя отъ карты.

— И о чёмъ вы заботитесь, господа? сказалъ Билибинъ, до сихъ поръ съ веселую улыбкой слушавшій ихъ разговоры и теперь видимо собираясь поспутить. — Будетъ ли завтра побѣда или пораженіе, слава русскаго оружія застрахована. Кромѣ вашего Кутузова нѣтъ ни одного русскаго начальника колоннъ. Начальники: господинъ генералъ Вимиѳенъ, графъ Лавжеронъ, князь Лихтенштейнъ, Гогенлоэ и еще Пришвиришъ, какъ всѣ польскія имена.

— Замолчите, злой языкъ, сказалъ Долгоруковъ. — Не-правда, теперь уже два русскихъ: Милорадовичъ и Дохтуронъ, и былъ бы 3-й, графъ Арижчеевъ, но у него нервы слабы.

— Однако Михаилъ Иларіоновичъ, я думаю, вышелъ, сказаіъ князь Андрей. — Желаю счастія и уснѣха, господа, прибавилъ онъ и вышелъ, пожавъ руки Долгорукову и Билибіну.

Возвращаясь домой, князь Андрей не могъ удержаться, чтобы не спросить молчаливо сидѣвшаго подлѣ него Кутузова о томъ, что онъ думаетъ о завтрашнемъ сраженіи?

Кутузовъ строго посмотрѣлъ на своего адъютанта и, помолчавъ, отвѣтилъ: Я думаю, что сраженіе будетъ проиграно, и я такъ сказаіъ графу Толстому и просилъ его передать это государю. Что же, ты думаешь, онъ мнѣ отвѣтилъ? „И, любезный генераль? Я занятъ рисомъ и котлетами, а вы занимайтесь военными дѣлами“.

Да... Вотъ что мнѣ отвѣчали!

XII.

Въ 10-мъ часу вечера, Вейротерь съ своими планами искрѣхалъ на квартиру Кутузова, где и былъ назначенъ военный совѣтъ. Всѣ начальники колоній были потребованы къ главноначальствующему, и за исключеніемъ князя Багратіона, который отказался пріѣхать, всѣ явились къ назначенному часу.

Вейротерь, бывшій полнымъ распорядителемъ предполагаемаго сраженія, представляя свою оживленностью и торопливостью рѣзкую противоположность съ недовольнымъ и соннымъ Кутузовымъ, неохотно игравшимъ роль предсѣдателя и руководителя военного совѣта. Вейротерь очевидно чувствовалъ себя во главѣ движенія, которое стало уже неудержимо. Онъ былъ, какъ заряженная лошадь, разбѣжавшаяся съ воротъ подъ гору. Онъ ли везъ, или его гнало, онъ не зналъ; но онъ шелъ во всю возможную быстроту, не имѣя

времени уже обсуждать того, къ чему поведеть это движение. Вейротеръ въ этотъ вечеръ былъ два раза для личного осмотра въ цѣли испрѣятеля и два раза у государей, русскаго и австрійскаго, для доклада и объясненій, и въ своей юанцеларіи, гдѣ онъ диктовалъ нѣмецкую диспозицію. Онъ, измученный, пріѣхалъ теперь къ Кутузову:

Онъ видимо такъ былъ занятъ, что забывалъ даже быть почтительнымъ съ главнокомандующимъ: онъ перебивалъ его, говорилъ быстро, неясно, не глядя въ лицо собесѣдника, не отвѣчая на дѣлаемые ему вопросы, былъ испачканъ грязью, и имѣлъ видъ жалкій, измученный, растроенный и вмѣстѣ съ тѣмъ самонадѣянный и гордый.

Кутузовъ занималъ небольшой дворянскій замокъ въколо Остраглицъ. Въ большой гостиной, сдѣлавшейся кабинетомъ главнокомандующаго, собрались: самъ Кутузовъ, Вейротеръ и члены военнаго совѣта. Они пили чай. Ожидали только князя Багратіона, чтобы приступить къ военному совѣту. Въ 8-мъ часу пріѣхалъ ординарецъ Багратіона съ извѣстіемъ, что князь быть не можетъ. Князь Андрей пришелъ доложить о томъ главнокомандующему и, пользуясь прежде даннымъ ему Кутузовымъ позволеніемъ присутствовать при совѣтѣ, остался въ комнатѣ.

— Такъ какъ князь Багратіонъ не будетъ, то мы можемъ начинать, сказалъ Вейротеръ, поспѣшило вставалъ съ своего мѣста и приближался къ столу, на которомъ была разложена огромная карта окрестностей Брюнна.

Кутузовъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, изъ котораго, какъ бы освободившись, выплыла на воротникъ его жирная шея; сидѣлъ въ вольтеровскомъ креслѣ, положивъ симметрично пухлыхъ старческихъ руки на подлокотники и почти спаль.

На звукъ голоса Вейротера онъ съ усилиемъ открылъ единственный глазъ.

— Да, да, пожалуйста, а то поздно, проговорилъ онъ, и кивнувъ головой, опустилъ ее и опять закрылъ глаза.

Ежели, первое время, члены совѣта думали, что Кутузовъ ириворялся сияющимъ, то звуки, которые онъ издавалъ носомъ во время послѣдующаго чтенія, доказывали, что въ эту минуту для главнокомандующаго дѣло шло о гораздо важнѣйшемъ, чѣмъ о желаніи выказать свое презрѣніе къ диспозиції или къ чему бы то ни было: дѣло шло для него о неудержимомъ удовлетвореніи человѣческой потребности — сна. Онъ действительно спалъ. Вейротеръ съ движениемъ человѣка, слишкомъ занятаго для того, чтобы терять хоть одну минуту времени, взглянулъ на Кутузова, и убѣдившись, что онъ спитъ, ввялъ бумагу и громкимъ однообразнымъ тономъ началъ читать диспозицію будущаго сраженія подъ заглавіемъ, которое онъ тоже прочель:

„Диспозиція къ атакѣ непріятельской позади Кобельница и Сокольница, 30-го ноября 1805 года“.

Диспозиція была очень сложная и трудная. Въ оригиналльной диспозиціи значилось:

„Такъ какъ непріятель опирается лѣвымъ крыломъ своимъ на покрытыя лѣсомъ горы, а правымъ крыломъ тянется вдоль Кобельница и Сокольница позади находящихся тамъ прудовъ, а мы напротивъ превосходимъ нашимъ лѣвымъ крыломъ его правое; то выгодно намъ атаковать сіе послѣднее непріятельское крыло, особенно если мы зайдемъ деревни Сокольницъ и Кобельницъ, будучи поставлены въ возможность нападать на флангъ непріятеля и преслѣдоввать его въ равнинѣ между Шлапаницемъ и лѣсомъ Тюрасскимъ, и избѣгая дефилей

Между Штапаницемъ и Бѣловицемъ, которою прикрыть не-
пріятельскій фронтъ. Для этой цѣли необходимо... Первая
колонна маршируетъ... вторая колонна маршируетъ... третья
колонна маршируетъ... и т. д. читалъ Вейротеръ. Генералы,
казалось, неохотно слушали трудную диспозицію. Бѣлокурый,
высокій генералъ Буксгевденъ стоялъ, прислонившись спиной
къ стѣнѣ и, остановивъ свои глаза на горѣвшей свѣчѣ, ка-
залось, не слушалъ и даже не хотѣлъ, чтобы думали, что онъ
онъ слушаетъ. Прямо противъ Вейротера, устремивъ на него
свои блестящіе открытые глаза, въ воинственной позѣ, оперевъ
руки съ выгнутыми наружу локтями на колѣни, сидѣлъ румя-
ный Милорадовичъ съ приподнятыми усами и плечами. Онъ
упорно молчалъ, глядя въ лицо Вейротера и спускаль съ него
глаза только въ то время, когда австрійскій начальникъ штаба
замолкалъ. Въ это время Милорадовичъ значительно огляды-
вался на другихъ генераловъ. Но по значенію этого значи-
тельного взгляда нельзя было понять: былъ ли онъ согласенъ
или несогласенъ, доволенъ или недоволенъ диспозиціей. Ближе
всѣхъ къ Вейротеру сидѣлъ графъ Ланжеронъ и съ тонкою
улыбкой южнаго французскаго лица, не покидавшей его во
все время чтенія, глядѣль на свои тонкіе пальцы, быстро
перевертыдавши за углы золотую табакерку съ портретомъ.
Въ серединѣ одного изъ длиннѣйшихъ періодовъ, онъ оста-
новилъ врацательное движение табакерки, поднялъ голову
и съ непріятною учтивостью на самыхъ концахъ тонкихъ
губъ перебилъ Вейротера и хотѣлъ сказать что-то; но австрій-
скій генераль, не прерывая чтенія, сердито нахмурился и
замахалъ локтями, какъ бы говоря: потому, потому вы мнѣ
скажете свои мысли, теперь извольте смотрѣть на карту и
слушать Ланжеронъ поднялъ глаза кверху съ выраженіемъ

недоумѣнія, оглянулся на Милорадовича, какъ бы ища объясненія, но встрѣтивъ значительный, ничего не значацій взглядъ Милорадовича, грустно опустилъ глаза и опять примишься вертѣть табакерку.

— Урокъ изъ географіи, проговорилъ онъ какъ бы про себя, но довольно громко, чтобы его слышали.

Пржебыльевскій, съ почтительною, но достойною учтивостью, пригнувъ рукою ухо къ Вейротеру, имѣя видъ человѣка, поглощенаго вниманіемъ. Маленький ростомъ Дохтуровъ сидѣлъ прямо противъ Вейротера съ старательнымъ и скромнымъ видомъ, и нагнувшись надъ разложенную картой, добросовѣстно изучалъ диспозицію и неизвѣстную ему мѣстность. Онъ несколько разъ просилъ Вейротера повторять нехорошо разслышанныя имъ слова и трудныя наименованія деревень. Вейротеръ исполнялъ его желаніе, и Дохтуровъ записывалъ.

Когда чтеніе, продолжавшееся болѣе часу, было кончено, Ланжеронъ, опять остановивъ табакерку и не глядя на Вейротера и ни на кого особенно, началъ говорить о томъ, какъ трудно было исполнить такую диспозицію, гдѣ положеніе непріятеля предполагается известнымъ, тогда какъ положеніе это можетъ быть намъ неизвѣстно, такъ какъ непріятель находится въ движенії. Возраженія Ланжерона были основательны, но было очевидно, что цѣль этихъ возраженій состояла преимущественно въ желаніи дать почувствовать генералу Вейротеру, столь самоувѣренію, какъ школьнікамъ-ученикамъ, читавшему свою диспозицію, что онъ имѣть дѣло не съ одними дураками, а съ людьми, которые могли и его поучить въ военномъ дѣлѣ. Когда замолкъ однообразный звукъ голоса Вейротера, Кутузовъ открылъ глаза, какъ

мельникъ, который просыпается при непрерывнѣй усыпительного звука мельничныхъ колесъ, прислушался къ тому, что говорилъ Ланжеронъ и какъ будто говоря: „а вы все еще про эти глупости!“ поспѣшилъ закрыть глаза и еще ниже опустилъ голову.

Старалась какъ можно извѣтительнѣе оскорбить Вейротера въ его авторскомъ, военному самолюбіи, Ланжеронъ доказывалъ, что Бонапартъ легко можетъ атаковать виѣсто того, чтобы быть атакованнымъ, и вслѣдствіе того сдѣлать всю эту диспозицію совершенно бесполезною. Вейротерь на всѣ возраженія отвѣчалъ твердою, презрительной улыбкой, очевидно впередъ приготовленною для всякаго возраженія, независимо отъ того, что бы ему ни говорили.

— Ежели бы онъ могъ атаковать насъ, то онъ нынче бы это сдѣлалъ, сказалъ онъ.

— Вы, стало быть, думаете, что онъ бессиленъ? сказалъ Ланжеронъ.

— Много, если у него 40 тысячъ войска, отвѣчалъ Вейротерь съ улыбкой доктора, которому лѣкарка хочетъ указать средство лѣченія.

— Въ такомъ случаѣ онъ идетъ на свою иогибель, ожидая нашей атаки, съ тонкою ироническою улыбкой сказалъ Ланжеронъ, за подтвержденіемъ оглядываясь опять на ближайшаго Милорадовича. Но Милорадовичъ, очевидно въ эту минуту думалъ менѣе всего о томъ, о чёмъ спорили генералы:

— *Ma foi*, сказалъ онъ, — завтра все увидимъ на полѣ сраженія.

Вейротерь усмѣхнулся опять тою улыбкой, которая говорила, что *сму* смѣшилъ и странно встрѣчать возраженія отъ русскихъ генераловъ и доказывать то, въ чёмъ не только

онъ самъ слишкомъ хорошо былъ увѣренъ, но въ чёмъ увѣрены были имъ государи-императоры.

— Неприятель потушилъ огни, и слышенъ непрерывный шумъ въ его лагерь, сказаль онъ. — Что это значитъ? — Или онъ удаляется, чего одного мы должны бояться, или онъ перемѣняетъ позицію (онъ усмѣхнулся). Но даже если бы онъ и занялъ позицію въ Тюрасѣ, онъ только избавляетъ насъ отъ большихъ хлопотъ, и распоряженія всѣ до малишнихъ подробностей остаются тѣ же.

— Какимъ же образомъ?... сказаль князь Андрей, уже давно выжидавшій случая выразить свою сомнѣнія. Кутузовъ проснулся, тяжело откашался и оглушилъ генераловъ.

— Господа, диспозиція на завтра, даже на вычете (потому что уже первый часъ), не можетъ быть измѣнена, сказаль онъ. — Вы ее слышали, и всѣ мы исполнимъ нашъ долгъ. А предъ сраженіемъ нѣть ничего важнѣе... (онъ помолчалъ) какъ выпастья хороменько.

Онъ сдѣлалъ видъ, что привстаетъ. Генералы откланялись и удалились. Было уже за полночь. Князь Андрей вышелъ.

Военный совѣтъ, на которомъ князю Андрею не удалось высказать свое мнѣніе, какъ онъ надѣялся, оставилъ въ немъ неясное и тревожное впечатлѣніе. Кто былъ правъ, Долгоруковъ съ Вейротеромъ, или Кутузовъ съ Ланжерономъ и другими, не одобрявшими планъ атаки, онъ не зналъ. Но неужели нельзя было Кутузову прямо высказать государю свою мысль? Неужели это не можетъ иначе дѣлаться? Неужели изъ-за придворныхъ и личныхъ соображеній должно рисковать десятками тысячъ и мою жизнью? думалъ онъ.

«Да, очень можетъ быть, завтра убьютъ», подумалъ онъ.

И вдругъ, при этой мысли о смерти, цѣлый рядъ воспоминаний, самыхъ далекихъ и самыхъ задумчивыхъ, возсталъ въ его воображенія: онъ вспоминалъ послѣднее прощеніе съ отцомъ и женой; онъ вспоминалъ первыя времена своей любви къ ней; вспомнилъ о ея беременности, и ему стало жалко и ея и себя, и онъ въ нервично-размагченномъ и взъолнованномъ состояніи выпелъ изъ избы, въ которой онъ стоялъ съ Несвицкимъ, и сталъ ходить предъ домомъ.

Ночь была туманная, и сквозь туманъ таинственно пробивался лунный свѣтъ. „Да, завтра, завтра!“ думалъ онъ. Завтра, можетъ быть, все будетъ кончено для меня, всѣхъ этихъ воспоминаний не будетъ болѣе, всѣ эти воспоминанія не будутъ имѣть для меня болѣе никакого смысла. Завтра же, можетъ быть, даже навѣрное завтра, я это предчувствую, въ первый разъ май придется наконецъ показать всѣ то, что я могу сдѣлать“. И ему представилось сраженіе, потеря его, сосредоточеніе боя на одномъ пункѣ и замѣшательство всѣхъ начальствующихъ лицъ. И вотъ та счастливая минута, тотъ Тулоны, котораго такъ долго ждалъ онъ, наконецъ представляется ему. Онъ твердо и ясно говорить свое мнѣніе и Кутузову, и Вейротеру, и императорамъ. Всѣ поражены вѣрностью его соображенія, но никто не берется исполнить его и вотъ онъ беретъ полкъ, дивизію, выговариваетъ условіе, чтобы уже никто не вмѣнивался въ его распоряженія, и ведеть свою дивизію къ рѣшительному пункту, и одинъ одерживаетъ победу. А смерть и страданія? говорилъ другой голосъ. Но князь Андрей не отвѣчаетъ этому голосу и продолжаетъ свои успѣхи. Диспозиція слѣдующаго сраженія дѣлается имъ одинъ. Онъ носить название дежурнаго по арміи при Кутузовѣ, но дѣлаетъ все онъ одинъ. Слѣдующее сра-

женіе выиграно имъ однимъ. Кутузовъ смигается, назна-
чается онъ... Ну, а потомъ? говорить опять другой голосъ,
а потомъ; ежели ты десять разъ прежде этого не будешь
траненъ, убить или обмануть; ну, а потомъ что жъ? „Ну, а
потомъ..., отвѣтываетъ самъ себѣ князь Андрей,— я не знаю,
что будетъ потомъ, не хочу и не могу знать; но ежели хочу
этого, хочу славы, хочу быть известными людямъ, хочу быть
любимымъ ими, то вѣдь я не виноватъ, что я хочу этого,
что одного этого я хочу, для одного этого я живу. Да, для
одного этого! Я никогда никому не скажу этого, но, Боже
мой! что же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ
только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи,
ничто мнѣ не страшно. И какъ ни дороги, ни милы мнѣ
многіе люди: отецъ, сестра, жена — самые дорогіе мнѣ люди;
но какъ ни страшно и ни неестественно это кажется, я всѣхъ
ихъ отдамъ сейчасъ за минуту славы, торжества надъ людьми,
за любовь къ себѣ людей, которыхъ я не знаю и не буду
знать, за любовь вотъ этихъ людей“, подумалъ онъ, при-
слушиваясь къ говору на дворѣ Кутузова. На дворѣ Куту-
зова слышались голоса укладывавшихся денщиковъ; одинъ
голосъ, вѣроятно кучера, дразнившаго стараго кутузовскаго
повара, котораго зналъ князь Андрей и котораго звали Титомъ,
говорилъ: „Титъ, а Титъ?“

— Ну! отвѣчалъ старикъ.

— Титъ, ступай молотить, говорилъ шутникъ.

— Тѣфу, ну-те къ чорту, — раздался голосъ, покрываемый
хохотомъ денщиковъ и служь.

— И всѣ таки я люблю и дорожу только торжествомъ падъ
всѣми ими, дорожу этою таинственнюю силой и славой, ко-
торая вѣтъ тутъ надо мной носится въ этомъ туманѣ!“

XIII.

Ростовъ въ эту ночь былъ со взводомъ въ фланкѣрской цѣни, впереди отряда Багратіона. Гусары его цокарно были разсыпаны въ цѣни; самъ онъ вѣзъ верхомъ по этой линии цѣни, стараясь преодолѣть сонъ, непреодолимо клонившій его. Назади его видно было огромное пространство, немноже горѣвшихъ въ туманѣ костровъ нашей арміи; впереди его была туманная темнота. Сколько ни глядывался Ростовъ въ эту туманную даль, онъ ничего не видѣлъ: то сѣрѣлось, то какъ будто чернѣлось что-то, то мелькали какъ будто огоньки тамъ, гдѣ долженъ быть непріятель, то ему думалось, что это только въ глазахъ блестить у него. Глаза его закрывались, и въ воображеніи представлялся, то государь, то Денисовъ, то московскія воспоминанія, и онъ опять носилъши открыть глаза, и близко предъ собой онъ видѣлъ голову и уши лошади, на которой онъ сидѣлъ, иногда черные фигуры гусаръ, когда онъ въ шести шагахъ наѣжалъ на нихъ, а вдали все ту же туманную темноту. Отчего же? очень можетъ быть, думалъ Ростовъ, что государь, встрѣтивъ меня, дастъ порученіе какъ и всякому офицеру; скажетъ: „Поехжай, узнай, что тамъ“. Много рассказывали же, какъ совершило случайно онъ узналъ такъ какого-то офицера и приблизилъ къ себѣ. Чѣмъ, ежели бы онъ приблизиль меня къ себѣ! О, какъ бы я охранялъ его, какъ бы я говорилъ ему всю правду, какъ бы я изобличалъ его обманщиковъ! И Ростовъ для того, чтобы живо представить себѣ свою любовь и преданность государю, представлялъ себѣ врага или обманщика-шѣмца, котораго онъ съ наслажденіемъ не только убивалъ, но по щекамъ билъ въ глазахъ государя.

Вдругъ дальній крикъ разбудилъ Ростова. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

„Гдѣ я? Да, въ цѣни: ловунъ и пароль — дыло, Ольшанецъ! Экая досада, что эскадронъ нашъ завтра будетъ въ резервахъ... подумалъ онъ. Попрошуся въ дѣло. Это можетъ быть единственный случай увидѣть государя. Да теперь не долго до смыны. Обѣду еще разъ, и какъ вернусь, пойду къ генералу и попрошу его“. Онъ поправился на сѣдлѣ и тронулъ лошадь, чтобы еще разъ обѣхать своихъ гусаръ. Ему показалось, что было свѣтлѣй. Въ лѣвой сторонѣ виднѣлся шлагой, освѣщенныи скатъ и противоположный, черный бугоръ, казавшися крутымъ, какъ стѣна. На бугрѣ этомъ было бѣлое пятно, котораго никакъ не могъ понять Ростовъ: поляна ли это въ лѣсу, освѣщенная мѣсяцемъ, или оставшийся снѣгъ, или бѣлые дома? Ему показалось даже, что по этому бѣлому пятну запевелилось что-то. „Должно быть снѣгъ — это пятно; пятно — une tache“, думалъ Ростовъ. Вотъ тебѣ и не ташь...

„Наташа, сестра, черные глаза. Наташкака. (Вотъ удивится, когда я ей скажу, какъ я увидалъ государя!) Наташку... ташку возьми...“ „Поправѣй-то, ваше благородіе, а то тутъ кусты“, сказалъ голосъ гусара, мимо котораго засыпая проѣзжалъ Ростовъ. Ростовъ поднялъ голову, которая опустилась уже до гривы лошади, и остановился подле гусара. Молодой дѣтскій сонъ непреодолимо клонилъ его: „Да, бить, чтѣ и думалъ? — не забыть. Какъ съ государемъ говорить буду? Нѣть, не то — это завтра. Да да! Наташку, наступить... тупить нась — кою? Гусаровъ. А гусары и усы... Но Тверской ёхалъ этотъ гусарь съ усами, еще я подумалъ о немъ, противъ самаго Гурьевъ дома...

Старикъ Гурьевъ.., Эхъ, славный малый Денисовъ! Да, все это пустяки. Главное теперь государь тутъ. Какъ онъ, на меня смотрѣль и хотѣлось ему, что-то сказать, да онъ не смѣль... Нѣть, это я не смѣль. Да это пустяки, а главное не забывать, что я нужное-то думалъ, да. На—танку, настѣнѣ тушить, да, да, да. Это хорошо! — И онъ опять упалъ головой на шею лошади. Вдругъ ему показалось, что въ него стрѣляютъ. „Чтѣ? Чѣ? Чѣ!... Руби! Чѣ?..“ заговорилъ очнувшись Ростовъ. Въ то мгновеніе, какъ онъ открылъ глаза, Ростовъ услыхалъ предъ собой тамъ, где бывъ непріятель, протижные крики тысячи голосовъ. Лошади его и гусара, стоявшаго подлѣ него, насторожили уши: на эти крики. На томъ мѣстѣ, съ котораго слышались крики, зажегся и потухъ одинъ огонекъ, потомъ другой, и по всей линіи французскихъ войскъ на горѣ зажглись огни, крики все болѣе и болѣе усиливались. Ростовъ слышилъ звуки французскихъ словъ, но не могъ ихъ разобрать. Слишкомъ много гудѣло голосовъ. Только слышно было: аааа! и рррр!

— Чѣ это? Ты какъ думаешьъ, обратился Ростовъ къ гусару, стоявшему подлѣ него, — вѣдь это у непріятеля?

Гусарь ничего не отвѣтилъ.

— Что жъ, ты развѣ не слышишь? довольно долго подождать отвѣта, опять спросилъ Ростовъ:

— А кто ёзаетъ, ваше благородіе, неохотно отвѣчать гусарь.

— Но мѣсту должно быть непріятель? опять повторилъ Ростовъ.

— Можетъ онъ, а можетъ и такъ, проговорилъ гусарь, — дѣло ночное. — Ну! шали! крикнулъ онъ на свою лошадь, неведавшую подъ нимъ. Лошадь Ростова тоже торопилась,

била юной по мерзлой землѣ, прислушиваясь къ звукамъ и приглядываясь къ огнямъ. Крики голосовъ все усиливались и слились въ общій гулъ, который могла произвести только нѣсколько-тысячная армія. Огни больше и больше распространялись вѣролѣто по линіи французского лагеря. Ростову уже не хотѣлось спать. Веселые торжествующіе крики въ непріятельской арміи возбудительно дѣйствовали на него. „Вивать императоръ, императоръ!“ уже ясно слышалось теперь Ростову.

— А недалеко, должно быть за ручьемъ? сказалъ онъ стоявшему подлѣ него гусару.

Гусарь только вздохнулъ, ничего не отвѣчая, и поклонился сердито. По линіи гусарь послышался тонотъ французского рысѧ коннаго, изъ ночного тумана вдругъ выросла, представляясь громаднымъ слономъ, фигура гусарскаго унтеръ-офицера.

— Ваше благородіе, генералы! сказалъ унтеръ-офицеръ, подъѣзжая къ Ростову. Ростовъ, продолжалъ оглядываться на огни и крики, подѣхалъ съ унтеръ-офицеромъ навстрѣчу нѣсколькимъ верховымъ,ѣхавшимъ по линіи. Одинъ былъ на белой лошади. Князь Багратіонъ съ княземъ Долгоруковымъ и адъютантами выѣхали посмотрѣть на страшное явленіе огней и криковъ въ непріятельской арміи. Ростовъ, подѣхавъ къ Багратіону, рапортовалъ ему и присоединился къ адъютантамъ, прислушиваясь къ тому, что говорили генералы.

— Повѣрьте, говорилъ князь Долгоруковъ, обращаясь къ Багратіону, — что это больше ничего какъ хитрость: онъ, отстукивая и въ арріергардѣ, пытается зажечь огни и шумѣть, чтобы обмануть насъ.

— Едва ли, — сказалъ Багратіонъ: — съ вечера я ихъ видѣлъ на томъ бугрѣ; коли ушли, такъ и оттуда снялись. Господинъ офицеръ, обратился князь Багратіонъ къ Ростову, — стоять тамъ еще его фланкёры?

— Съ вечера стояли, а теперь не могу вѣнать; ваше сіятельство. Прикажите, я спѣзжу съ гусарами, сказалъ Ростовъ.

Багратіонъ остановился и, не отвѣчал, въ туманѣ старался разглядѣть лицо Ростова.

— А что жъ вы посмотрите, — сказалъ онъ, помолчавъ немножко.

— Слушаю-сь.

Ростовъ далъ пиноры лошади, окликнулъ унтеръ-офицера Оедченку и еще двухъ гусаръ, приказалъ имъѣхать за собою, и рысью побѣжалъ подъ гору по направлению къ продолжавшимся крикамъ. Ростову и жутко и весело былоѣхать одному съ тремя гусарами туда, въ эту таинственную и опасную туманную даль, где никто не былъ прежде его. Багратіонъ закричалъ ему съ горы, чтобы онъ неѣздилъ дальше ручья, но Ростовъ сѣвалъ видѣть, какъ будто не слыхалъ его словъ, и, не останавливаясь,ѣхалъ дальше и дальше, безпрестанно обманываясь, принимая кусты за деревья и рутины за людей, и безпрестанно объясняя свои обманы. Сиутившись рысью подъ гору, онъ уже не видѣть ни нашихъ, ни непріятельскихъ огней, но громче, яснѣе слышать крики французовъ. Въ лощинѣ онъ увидалъ предъ собой что-то въ родѣ рѣки, но когда опѣдовѣхалъ до нея, онъ узналъ проѣзженную дорогу. Выѣхавъ на дорогу, онъ придержалъ лошадь въ первѣнственности:ѣхать по ней, или пересечь ее иѣхать по черному полю изъ горы.ѣхать

ио свѣтлѣйшей въ туманѣ дорогѣ было безопаснѣе, потому что скрѣвѣ можно было разсмотретьъ людей. „Пошелъ за мной“, проговорилъ онъ, пересѣкъ дорогу и стала подниматься галопомъ на гору, къ тому мѣсту, гдѣ съ вечера стоялъ французскій никетъ.

— Ваше благородіе, вотъ онъ! проговорилъ сзади одинъ изъ гусаръ; и не успѣлъ еще Ростовъ разглядѣть что-то, вдругъ зачертѣвшееся въ туманѣ, какъ блеснулъ огонекъ, щелкнула выстрѣль, и цуля, какъ будто жалуясь на что-то, зажужжала высоко въ туманѣ и вылетѣла изъ слуха. Другое ружье не выстрѣлило, но блеснулъ огонекъ на полкѣ. Ростовъ повернулъ лошадь и галопомъ поѣхалъ назадъ. Еще раздались въ разныхъ промежуткахъ четыре выстрѣла, и на разные тоны замѣтили пули гдѣ-то въ туманѣ. Ростовъ придерживалъ лошадь, повеселѣвшую такъ же, какъ онъ, отъ выстрѣловъ, и поѣхалъ шагомъ. „Ну-ка еще, ну-ка еще!“ говорилъ въ его душѣ какой-то веселый голосъ. Но выстрѣловъ больше не было.

Только подѣбжавъ къ Багратіону, Ростовъ опять пустилъ свою лошадь въ галопъ и, держа руку у козырка, подѣбжалъ къ нему.

Долгоруковъ все настаивалъ на своемъ мнѣніи, что французы отступили и только для того, чтобы обмануть насъ, разложили огни. Чѣмъ же это доказывается? говорилъ онъ въ то время, какъ Ростовъ подѣбжалъ къ нимъ. Они могли отступить и оставить никеты.

— Видно, еще не всѣ ушли, князь, сказалъ Багратіонъ. — До завтрашняго утра, завтра все узнаемъ.

На горѣ никетъ, ваше сіянѣльство, все тамъ же, гдѣ были съ вечера, доложилъ Ростовъ, нагибаясь впередъ, держа

руку у козырька, и не въ силахъ удержать улыбку веселья, вызванного въ немъ его поѣздкой, и главное звуками пуль.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Багратіонъ, — благодарю васъ, господинъ офицеръ.

— Ваше сіттельство, сказалъ Ростовъ, — позвольте васъ просить.

— Чѣмъ такое?

— Завтра эскадронъ нашъ назначенъ въ резервы; позвольте васъ просить прикомандировать меня къ 1-му эскадрону.

— Какъ фамилія?

— Графъ Ростовъ.

— А, хорошо! Оставайся при мнѣ ординарцемъ.

— Ильи Андреича сынъ? сказалъ Долгоруковъ. Но Ростовъ не отвѣчалъ ему.

— Такъ я буду надѣяться, ваше сіттельство.

— Я прикажу.

„Завтра, очень можетъ быть, пошлютъ съ какимъ-нибудь приказаниемъ къ государю“, подумалъ онъ. „Слава Богу!“

Крики и огни въ цепріятельской арміи происходили оттого, что въ то время, какъ по войскамъ читали приказъ Наполеона, самъ императоръ, верхомъ, обѣзжалъ свои бивуаки. Солдаты, увидавъ императора, зажигали пушки соломы и съ криками: да здравствуетъ! бѣжали за нимъ. Приказъ Наполеона былъ слѣдующій:

„Солдаты! Русская армія выходитъ противъ васъ, чтобы отомстить за австрійскую, Ульмскую армію. Это тѣ же батальоны, которые вы разбили при Голлабрунѣ и которые вы съ тѣхъ порь преслѣдовали постоянно до этого мѣста. Позиціи, которыми мы занимаемъ, могущественны, и пока они

будутъ идти, чтобъ обойти меня справа, они выставятъ на флангъ! Солдаты! Я самъ буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться далеко отъ огня, если вы, съ вашей обычной храбростью, внесете въ ряды непріятельскіе беспорядокъ и смятеніе; но если побѣда будетъ хоть одну минуту сомнительна, вы увидите вашего императора подвергающагося первымъ ударамъ непріятеля, потому что не можетъ быть колебанія въ побѣдѣ, особенно въ тотъ день, въ который идетъ рѣчь о чести французской пѣхоты, которая такъ необходима для чести своей націи".

„Подъ предлогомъ увода раненыхъ, не разстраивать рида! Каждый да будетъ вѣблѣ проникнуть мыслю, что надо побѣдить этихъ наемниковъ Англіи, воодушевленныхъ такою ненавистью противъ нашей націи. Эта побѣда окончить нашъ походъ, и мы можемъ возвратиться на зимнія квартиры, гдѣ застанутъ насъ новые французскія войска, которыхъ формируются во Франціи; и тогда миръ, который я заключу, будетъ достопрій моего народа, васъ и меня».

«НАПОЛЕОНЪ».

XIV.

Въ 5 часовъ утра еще было совсѣмъ темно. Войска центра, резервовъ и правый флангъ Багратіона стояли еще неподвижно; но на лѣвомъ флангѣ колонны пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, существовавшія первымъ спуститься съ высотъ, для того чтобы атаковать французскій правый флангъ и отбросить его, по диспозиціи, въ Богемскія горы, уже зашевелились и начали подниматься съ своихъ почлеевъ. Дымъ отъ костровъ, въ которые бросали все лишнее, щѣль глаза. Было холодно и темно. Офицеры торопливо пили чай и завтракали,

солдаты пережевывали сухари, отбивали ногами дробь, согреваясь, и стекались противъ огней, бросая въ дрова остатки балагановъ, стулья, столы, колеса, кадушки, все лишнее, что нельзя было увезти съ собою. Австрійскіе колонновожатые сновали между русскими войсками и служили предѣстниками выступленія. Какъ только показывался австрійскій офицеръ около столики полковаго командира, полкъ начинавъ шевелиться; солдаты сбѣгались отъ костровъ, прятали въ коленища трубочки, мѣшочки въ повозки, разбирали ружья и строились. Офицеры застегивались, надѣвали шапки и ранцы, и покрпкивая обходили ряды; обозные и деятели запрягали, укладывали и увозили повозки. Адъютанты, батальонные и полковые командиры садились верхами, крестились, отдавали послѣднія приказанія, наставленія и порученія оставшимся обознымъ, и звучаль однообразный топотъ тысячей ногъ. Колонны двигались, не зная куда и не видя отъ окружавшихъ людей, отъ дыма и отъ усиливающагося тумана, ни той мѣстности, изъ которой они выходили, ни той, въ которую они вступали.

Солдатъ въ движеньї такъ же окружень, ограниченъ, влекомъ своимъ полкомъ, какъ морякъ кораблемъ, на которомъ онъ находится. Какъ бы далеко онъ ни прошелъ, въ какія бы странныя, невѣдомыя и опасныя широты ни вступилъ онъ, вокругъ него, какъ для моряка, всегда и вездѣ тѣ же палубы, мачты, канаты своего корабля, всегда и вездѣ тѣ же товарищи, тѣ же ряды, тотъ же фельдфебель Иванъ Митричъ, та же ротная собака Жучка, то же начальство. Солдатъ рѣдко желаетъ знать тѣ широты, въ которыхъ находится весь корабль его; но въ день сраженія, Богъ знаетъ какъ и откуда, въ нравственному мірѣ войска слышится одна

для всѣхъ строгая нота, которая звучитъ приближеніемъ чего-то рѣшительнаго и торжественнаго, и вызываетъ ихъ на не-свойственное имъ любопытство. Солдаты въ дни сраженій возбужденно стараются выйти изъ интересовъ своего полка, прислушиваются, приглядываются и жадно разспрашиваютъ о томъ, что дѣлается вокругъ нихъ.

Туманъ сталь такъ силенъ, что, несмотря на то, что разсвѣтало, не видно было въ десяти шагахъ передъ собою. Кусты казались громадными деревьями, ровный мѣста — обрывами и скатами. Вездѣ, со всѣхъ сторонъ, можно было столкнуться съ невидимымъ въ десяти шагахъ непріятелемъ. Но долго жили колонны все въ томъ же туманѣ, спускаясь и поднимаясь на горы, минуя сады и ограды, по новой, неизвѣстной вѣтности, никогда не сталкивалась съ непріятелемъ. Напротивъ того, то впереди, то сзади, со всѣхъ сторонъ, солдаты узнавали, что идутъ по тому же направлению нации русскія колонны. Каждому солдату пріятно становилось на душѣ отъ того, что онъ зналъ, что туда же, куда онъ идетъ, то есть неизвѣстно куда, идетъ еще много, много нашихъ.

Ишь ты, и курскіе прошли, говорили въ рядахъ.

Страсть, братецъ ты мой, что войски нашей собрались! Вечоръ посмотрѣлъ; какъ огни разложили, конца-краю не видать. Москва, — одно слово!

Хотя никто изъ колонныхъ начальниковъ не подѣлжалъ къ рядамъ и не говорилъ съ солдатами (колонные начальники, какъ мы видѣли на военномъ совѣтѣ, были не въ духѣ и недовольны предпринимаемымъ дѣломъ и потому только исполнили приказанія и не заботились о томъ, чтобы повеселить солдатъ), несмотря на то, солдаты шли весело, какъ и всегда идя въ дѣло, въ особенности въ наступательномъ. Но, пройди

около часу все въ густомъ туманѣ, большамъ, часть лойка должна была остановиться, и по ридамъ пронеслось непрѣятное сознаніе совершающагося безпорядка и безтолковщины. Какимъ образомъ передается это сознаніе — весьма трудно опредѣлить; но несомнѣнно то, что оно передается необыкновенно вѣрно и быстро развивается, незамѣтно и неудержимо, какъ вода по лопинѣ. Ежели бы русское войско было одно, безъ союзниковъ, то, можетъ быть, еще прошло бы много времени, пока это сознаніе безпорядка сдѣлалось бы общему увѣренностью; но теперь, съ особеннымъ удовольствиемъ, въ естественностию относя причину безпорядковъ къ безтолковымъ нѣмцамъ, всѣ убѣдились въ томъ, что происходит вредная путаница, которую надѣлали колбасники.

— Чѣмъ стали-то? Аль загородили? Или ужъ изъ француза ваткнулись? — Нѣть, не слыхать. А то палить бы стала. Толѣ торопили выступать, а выступили, — стали безъ толку посреди поля, — все нѣмцы проклятие путаются. Эки, черты безтолковые! То то я бы ихъ и мостиль напередъ. А то, небось, позади жиутся. Вотъ и стой теперь неѣши. Да чѣмъ, скоро ли тамъ? — Казалерія, говорять, дорогу загородила, говориль офицеръ.

— Эхъ, нѣмцы проклятые, своей земли не знаютъ, роготриль другой.

— Вы какой дивизії? кричалъ подъѣзжая адъютантъ.

— Осьмнадцатой.

— Такъ зачѣмъ же вы здѣсь? вами давно напереди должно быть; теперь до вечера не пройдетъ.

— Вотъ распоряженія-то дурацкія, сами не знаютъ чѣмъ дѣлаютъ, говорилъ офицеръ и отѣзжалъ; потомъ проѣзжалъ генераль и сердито не-по-русски кричалъ чѣмъ.

— Тафа-лафа, а что бормочеть, ничего не разберешь, говорилъ солдатъ, шередразнивая отъѣхавшаго генерала. — Разстрѣлять бы я ихъ подлецовъ!

— Въ десятомъ часу вѣльно ва мѣстѣ быть, а мы и половины не прошли. Вотъ такъ распоряженія! повторялось съ разныxъ сторонъ, и чувство энергіи, съ которымъ выступали въ дѣло войска, начало обращаться въ досаду и въ злобу на безтолковыя распоряженія и на немцевъ.

Причина путаницы заключалась въ томъ, что, во время движенія австрійской кавалеріи, шедшей на лѣвомъ флангѣ, высшее начальство нашло, что нашъ центръ слишкомъ отдаленъ отъ праваго фланга, и всей кавалеріи вѣльно было перейти на правую сторону. Несколько тысячъ кавалеріи продвигалось предъ пѣхотой, и пѣхота должна была ждать.

Впереди произошло столкновеніе между австрійскимъ колонновожатымъ и русскимъ генераломъ. Русскій генералъ кричалъ, требуя, чтобы остановлена была колонна; австріецъ доказывалъ, что виноватъ былъ не онъ, а высшее начальство. Войска между тѣмъ стояли, скучая и падая духомъ. Послѣ часовыи задержки, войска двинулись наконецъ дальше и стали спускаться подъ гору. Туманъ, расходившійся на горѣ, только гуще разстился въ низахъ, куда спустились войска. Впереди, въ туманѣ, раздался одинъ, другой выстрелъ, сначала не складно въ разныxъ промежуткахъ: третта... тать, и потомъ все складнѣе и чаще, и завязалось дѣло надъ рѣчкою Гольдбахомъ.

Не разсчитывал встрѣтить внизу надъ рѣчкою непріятеля и нечаянно въ туманѣ наткнувшись на него, не слыша слова одушевленія отъ высшихъ начальниковъ, съ распространившейся по войскамъ сознаніемъ, что было опоздано, и, главное,

шь густомъ туманъ не видя ничего впереди и кругомъ себя, русскіе лѣниво и медленно перестрѣливались съ непріятелемъ, подвигались впередъ и опять останавливались, не получая въ время приказаний отъ начальниковъ и адъютантовъ, которые блудили по туману въ незнакомойѣстности, не находя своихъ частей войскъ. Такъ началось дѣло для первой, второй и третьей колонны, которая спустились внизъ. Четвертая колонна, при которой находился самъ Бутуворъ, стояла на Праценскихъ высотахъ.

Въ низахъ, где началось дѣло, было все еще густой туманъ; наверху прояснилось, но все же видно было ничего изъ того, что происходило впереди. Были ли все силы центральной, какъ мы предполагали, за десять верстъ отъ насъ, или они были тутъ въ этой чертѣ тумана, никто не зналъ до девятаго часа.

Было 9 часовъ утра. Туманъ силощимъ моремъ разстился понизу, но при деревнѣ Шлапаницѣ, на высотѣ, на которой стоялъ Наполеонъ, окруженній своимъ маршалами, было совершенно сияніе. Надъ нимъ было ясное, голубое небо; и огромный шаръ солнца, какъ огромный, пустотелый, багровый поплавокъ, колыхался на поверхности молочного моря тумана. Не только всѣ французскія войска, но самъ Наполеонъ со штабомъ находился не по ту сторону ручьевъ и низовъ деревень Сокольницѣ и Шлапаницѣ, за которыми мы намѣревались занять позицію и начать дѣло, но по сю сторону, такъ близко отъ нашихъ войскъ, что Наполеонъ простымъ глазомъ могъ въ нашемъ войскѣ отличить коня его отъ иныхъ. Наполеонъ стоялъ нѣсколько впереди своихъ маршаловъ, на маленькой, сѣрой, арабской лошади въ синей шинели, въ той самой, въ которой онъ дѣмалъ италіанскую

кампанию!.. Онь молча вглядывался въ холмы, которые какъ бы выступали изъ моря тумана и по которымъ вдалекъ двигались русскія войска, и прислушивался къ звукамъ стрѣльбы въ лощинѣ. Въ то время еще худое лицо его же шевелилось ни одинъ мускуломъ: блестящіе глаза были неподвижно устремлены на одно мѣсто. Его предположенія оказывались вѣрными! Русскія войска частью уже спустились въ лощину къ прудамъ и озерамъ; частью очищали тѣ Праценскія высоты, которыхъ они намѣренъ было атаковать и считали ключомъ позиціи. Онь видѣлъ, среди тумана, какъ въ углубленіи, соединяющемся двумя горами около деревни Праць, все по одному направлению къ лощинамъ, двигались, блестя щитками, русскія колонны, и одна за другою скрывались въ морѣ тумана. По свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ съ вечера, по звукамъ колесъ и шаговъ, слышаннымъ ночью на аванпостахъ, по безпорядочности движенія русскихъ колоннъ, по всѣмъ предположеніямъ, онъ ясно видѣлъ, что союзники считали его далеко впереди себя, что колонны, двигавшіяся близъ Працена, составляли центръ русской арміи, и что центръ уже достаточно ослабленъ, для того чтобы успѣшно атаковать его. Но онъ все еще не начиналъ дѣла.

Нынче былъ для него торжественный день — годовщина его коронованія. Предъ утромъ онъ задремалъ паѣ сколько часовъ, и здоровый, веселый, съѣжій, въ томъ счастливомъ расположіи духа, въ которомъ все кажется возможнымъ и все удается, сѣлъ на лопатѣ и выѣхать въ поле. Онь стоялъ неподвижно, глядя на видавшуюся изъ-за тумана высоты, и на холодномъ лицѣ его было тотъ особый отг҃енокъ самого увѣренного, заслуженного счастья, который бываетъ на лицѣ влюбленнаго и счастливаго мальчика. Маршалы стояли посади-

и густомъ туманѣ не вида ничего впереди и кругомъ себя, русскіе лѣниво и медленно перестрѣливались съ врагомъ, подвигались впередъ и опять останавливались, не получая во время приказаний отъ начальниковъ и адъютантовъ, которые блудили по туману въ незнакомой иѣстности, не находя своихъ частей войскъ. Такъ началось дѣло для первой, второй и третьей колонны, которая спустились внизъ. Четвертая колонна, при которой находился самъ Кутузовъ, стояла на Ираценскихъ высотахъ.

Въ низахъ, гдѣ началось дѣло, былъ все еще густой туманъ; наверху прояснило, но все же видно было ничего изъ того, что происходило впереди. Были ли всѣ силы центральныя, какъ мы предполагали, за десять верстъ отъ насъ, или они были тутъ въ этой чертѣ тумана; никто не зналъ до девятаго часа.

Было 9 часовъ утра. Туманъ сдающимъ моремъ расстился понизу, но при деревнѣ Шлапаницѣ, на высотѣ, на которой стоялъ Наполеонъ, окруженный своими маршалами, было совершенно свѣтло. Надъ нимъ было ясное, голубое небо, и огромный шаръ солнца, какъ огромный, пустотелый, багровый поплавокъ, колыхался на поверхности молочного моря тумана. Не только всѣ французскія войска, но самъ Наполеонъ со штабомъ находился не по ту сторону ручьевъ и низовъ деревень Сокольницѣ и Шлапаницѣ, за которыми мы намѣревались занять позицію и начать дѣло, но по сю сторону, такъ близко отъ нашихъ войскъ, что Наполеонъ простымъ глазомъ морь въ нашемъ войскѣ отличить конято отъ иѣщаго. Наполеонъ стоялъ нѣсколько впереди своихъ маршаловъ, на маленькой, сѣрой, арабской лошади въ синей шинели, въ той самой, въ которой онъ дѣлалъ италіанскую

кампанию! Онъ молча вглядывался въ туманъ, который какъ бы выступалъ изъ моря тумана и по которому вдалекъ двигались русскія войска, и приглушивался къ звукамъ стрѣльбы въ лощинѣ. Въ то время еще худое лицо его не шевелилось ни одинъ мускуломъ: блестящіе глаза были неподвижно устремлены на одно мѣсто. Его предположенія оказывались вѣрными! Русскія войска частью уже спустились въ ющицу къ прудамъ и озерамъ; частью очищали тѣ Праценія висоты, которыемъ намѣренъ былъ атаковать и считать ключомъ позиціи. Онъ видѣлъ, среди тумана, какъ въ углубленіи, соединяется друма горами около деревни Прапъ, все по одному направлению къ лощинамъ, двигались, блестя штыками, русскія колонны, и одна за другор скрывались въ морѣ тумана. По свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ съ вечера, по звукамъ колесъ и шаговъ, слышаннымъ ночью на аванпостахъ, что безпорядочности движенія русскихъ колоннъ, по всемъ предположеніямъ, онъ ясно видѣлъ, что союзники считали его далеко впереди себя, что колонны, двигавшіяся близъ Працена, составляли центръ русской арміи, и что центръ уже достаточно ослабленъ, для того чтобы успѣшио атаковать его! Но онъ все еще не начиналъ дѣла.

Нынче былъ для него торжественный день — годовщина его коронации. Прѣдъ утромъ онъ задремалъ на несколько часовъ, и здоровый, веселый, сѣбѣй, въ томъ счастливомъ расположении духа, въ которомъ все кажется возможнымъ и все удается, сѣлъ на лошадь и выѣхалъ въ поле. Онъ стоялъ неподвижно, глядя на виднѣющіеся изъ-за тумана высоты, и на холодномъ листѣ его было тѣль особый отг҃анокъ самочувствія, заслуживающаго счастья, который бываетъ на лицѣ влюбленнаго и счастливаго малютки. Маршалы стояли по юди

его и не смѣли развлекать его вниманіе. Онъ смотрѣлъ то на Праценскія высоты, то на выпливавшее изъ тумана солнце.

Когда солнце совершенно вышло изъ тумана и ослѣдующимъ блескомъ брызнуло по полямъ и туману (какъ будто онъ только ждалъ этого для начала дѣла), онъ снялъ перчатку съ красивой, бѣлой руки, сдѣлалъ ею знакъ маршаламъ и отдалъ приказаніе начинать дѣло. Маршалы, сопутствующие адъютантами, поскакали въ разные стороны, и черезъ нѣсколько минутъ быстро двинулись главныя силы французской арміи къ тѣмъ Праценскимъ высотамъ, которыхъ все бѣлѣ и болѣе очищались русскими войсками, спускавшимися налево въ лощину.

XV.

Въ 8 часовъ Кутузовъ выѣхалъ верхомъ къ Працу, впереди 4-й Милорадовичевской колонны, той, которая должна была занять мѣста колоннъ Пржебышевскаго и Ланжерона, спустившихся уже внизъ. Онъ поздоровался съ людьми переднаго полка и отдалъ приказаніе къ движенію, показывая тѣмъ, что онъ самъ намѣренъ быть вести эту колонну. Выѣхавъ къ деревнѣ Працъ, онъ остановился. Князь Андрей въ числѣ огромнаго количества лицъ, составлявшихъ свиту главнокомандующаго, стоялъ позади него. Князь Андрей чувствовалъ себѣ взволнованнымъ, раздраженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъдержанно спокойнымъ, какимъ бываетъ человѣкъ при наступлении давно желанной минуты. Онъ твердо былъ увѣренъ, что нынче былъ день его Тулона или его Аркольскаго моста. Какъ это случится, онъ не зналъ, но онъ твердо былъ увѣренъ, что это будетъ. Мѣстность и положеніе нашихъ войскъ были ему известны насколько они могли быть известны кому-

нибудь изъ нашей армії. Его собственный, стратегический планъ, который очевидно теперь и думать нечего было привести въ исполненіе, былъ имъ забытъ. Теперь, уже входа въ планъ Вейротера, князь Андрей обдумывать могущія произойти случайности и дѣлать новые соображенія, такія, въ которыхъ могли бы потребоваться его быстрота соображенія и рѣшительность.

Налѣво, внизу, въ туманѣ, слышалась перестрѣлка между цевидными войсками. Тамъ, казалось князю Андрею, сосредоточится сраженіе, тамъ встрѣтится прѣятствіе, и туда-то я буду посланъ, думалъ онъ, съ бригадой или дивизіей, и тамъ-то съ знаменемъ въ рукѣ я пойду впередъ и сломлю все, что будетъ предо мной".

Князь Андрей не могъ равнодушно смотрѣть на знамена проходившихъ батальоновъ. Глядя на знамя, ему все думалось: можетъ быть, это то самое знамя, съ которымъ мнѣ придется идти впереди войскъ.

Ночной туманъ къ утру оставилъ на высотахъ только иней, переходивший въ росу, въ лощинахъ же туманъ разстигался еще молочно-блѣдымъ моремъ. Ничего не было видно въ той лощинѣ на лѣво, куда спустились наши войска, и откуда долетали звуки стрѣльбы. Надъ высотами было темное, ясное небо, и направо огромный шаръ солнца. Впереди, далеко, на томъ берегу туманного моря, виднѣлись выступающіе лѣсистые холмы, на которыхъ должна была быть непріятельская армія, и виднѣлось что-то. Вправо вступала въ область тумана гвардія, звучавшая топотомъ и колесами, и изрѣдка блестѣвшая штыками; на лѣво за деревней такія же массы кавалеріи подходили и скрывались въ морѣ тумана. Спереди и сзади двигалась пѣхота. Главнокомандующій стоялъ на

выѣздѣ деревни, пропускал мимо себя войска. Кутузовъ въ это утро казался изнуреннымъ и раздражительнымъ. Шедшая мимо него лѣхота остановилась безъ приказанія; очевидно потому, что впереди чѣмъ-нибудь задержала ее.

— Да скажите же наконецъ, чтобы строились въ батальонныя колонны и шли въ обходъ деревни; сердито сказала Кутузовъ подѣхавшему генералу. — Какъ же вы не поймете, ваше преисходительство, милостивый государь, что растянувшись по этому дефилю улицы деревни нельзѧ, когда мы идемъ противъ непрѣтеля.

— Я предполагалъ построиться за деревней, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ генераль.

Кутузовъ желчно засмѣялся.

— Хороши вы будете... развертывая фронты въ виду непрѣтеля, — очень хороши.

— Непрѣтель еще далеко, ваше высокопревосходительство. Но диспозиція...

— Диспозиція, желчно вскрикнулъ Кутузовъ, — а это вамъ кто сказалъ?... Извольте дѣлать, что вамъ приказываетъ.

— Слушаю-сь.

— Ну, любезный, сказала шонотомъ князю Андрею Несвицкій, — старикъ сильно не въ духѣ.

Къ Кутузову подскакалъ австрійскій офицеръ съ зелеными плюмажемъ на шляпѣ, въ бѣломъ мундирѣ и спросилъ отъ имени императора: выступила ли въ дѣло четвертая колонна?

Кутузовъ, не отвѣчая ему, отвернулся и взглянулъ его нечаянно попадь на князя Андрея, стоявшаго подѣхъ него. Увидавъ Болконскаго, Кутузовъ смягчилъ свое иѣздное выраженіе взгляда, какъ бы сознавая, что его адъютантъ не

быть виноватъ и въ томъ, что дѣлалось. И, не отвѣчая австрійскому адъютанту, отъ обратился къ Болконскому:

— Ступайте, мой милый, посмотрите, прошла ли третья дивизія черезъ деревню. Велите ей остановиться и ждать моего приказанія.

Только что князь Андрей отѣхалъ, онъ остановилъ его.

— И спросите, поставлены ли застрѣльщики, прибавилъ онъ. — Что дѣлаютъ, что дѣлаютъ! проговорилъ онъ и про себя, все не отвѣчая австрійцу.

Князь Андрей поскакалъ исполнять порученіе.

Обогнавъ все шедшіе впереди батальоны, онъ остановилъ 3-ю дивизію и убѣдился, что дѣйствительно впереди нашихъ колоннъ не было стрѣлковой цѣли. Полковой командиръ бывшаго впереди полка былъ очень удивленъ переданнымъ ему отъ главнокомандующаго приказаніемъ разсыпать стрѣлковъ. Полковой командиръ стоялъ тутъ въ полнойувѣренности, что впереди его есть еще войска и что непріятель не можетъ быть ближе 10-ти верстъ. Дѣйствительно, впереди ничего не было видно, кроме пустынной мѣстности, склоняющейся впередъ и застланной густымъ туманомъ. Приказавъ отъ имени главнокомандующаго исполнить упущенное, князь Андрей поскакалъ назадъ. Кутузовъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ и, старчески опустившись на сѣдлѣ своимъ тучнымъ тѣломъ, тяжело зѣвалъ, закрывши глаза. Войска уже не двигались, а стояли ружья къ ногѣ.

— Хорошо, хорошо, сказали онъ князю Андрею и обратился къ генералу, который съ часами въ рукахъ говорилъ, что пора бы двигаться, такъ какъ все колонны съ лѣваго фланга уже спустились.

— Еще успѣмъ, наше преъвходительство; сквозь вѣвоту проговорилъ Кутузовъ. — Успѣмъ! повторилъ онъ.

Въ это время позади Кутузова послышались вдали звуки здоровающихся полковъ, голоса эти стади быстро приближаться по всему протяженію растянувшейся линіи наступавшихъ русскихъ колоннъ. Видно было, что тотъ, съ кѣмъ здоровались,ѣхалъ скоро. Когда закричали солдаты того полка, предъ которымъ стоялъ Кутузовъ, онъ отъѣхалъ нѣсколько въ сторону и, сморгившись, оглянулся. По дорогѣ изъ Працена скакалъ какъ бы эскадронъ разноцвѣтныхъ исадниковъ. Два изъ нихъ крупныхъ галопомъ скакали рядомъ впереди остальныхъ. Одинъ былъ въ черномъ мундирѣ съ бѣлымъ султаномъ, на рыжей англизированной лошади; другой въ бѣломъ мундирѣ на вороной лошади. Это были два императора со свитой. Кутузовъ, съ аффектацией служакъ, находящагося во фронтѣ, скомандовалъ: смирно, стоявшимъ войскамъ и салютуя подѣхалъ къ императору. Всѣго фигура и манера вдругъ измѣнились. Онъ принялъ видъ подначальственнаго, не разсуждающаго человѣка. Онъ съ аффектацией почтительности, которая, очевидно, непріятно поразила императора Александра, подѣхалъ и салютовалъ ему.

Непріятное впечатлѣніе, только какъ остатки тумана на ясномъ небѣ, пробѣжало по молодому и счастливому лицу императора и исчезло. Онъ былъ, послѣ нездоровья, нѣсколько худѣе въ этотъ день, чѣмъ на Ольмюцкомъ полѣ, гдѣ его въ первый разъ за границей видѣлъ Болконскій; но то же обворожительное соединеніе величавости и простоты было въ его прекрасныхъ, сѣрыхъ глазахъ, и въ тонкихъ губахъ та же возможность разнообразныхъ выраженій и преобладающее выраженіе благодушной, невинной молодости.

На Олимпии смотру отъ быть величавѣ, и здѣсь онъ былъ веселѣ и энергичнѣе. Онъ нѣсколько разруманился, прегадомпрорвалъ эти три verstы, и, остановивъ лошадь, отдохновенію вадокнула и оглатулся на такія же молодыя, таинѣ же скрывлеваны, глазъ и его, лица своей свиты. Чарторижскій, и Невоемльцевъ, и князь Волконскій, и Строгановъ, и другие; все богато одѣтые, веселые молодые люди на прекрасныхъ, выхоленныхъ, свѣжихъ, только что слегка вспотѣвшихъ лошадахъ, переговаривалъ и улыбаясь, остановились позади государя. Императоръ Францъ, румянный, длинолицій молодой человѣкъ, чрезвычайно прямо сидѣлъ на красивомъ веронце жеребцѣ я озабоченно и неторопливо оглядывался по кругу себя. Онъ подозвалъ одного изъ своихъ бѣлыхъ адъютантовъ и спросилъ что-то. „Вѣрно, въ которомъ часу они вѣйдаду“, подумалъ кнізь Андрей, наблюдая своего старого знакомаго съ улыбкой, которой онъ не могъ удержать, вспомнивъ свою аудіенцію. Еѣ святѣ императоровъ были отобраны молодцы-ординарцы, русскіе и австрійскіе, гвардейскихъ и армейскихъ полковъ. Между ними велись береторами, въ расширеніи шапонахъ, красивыя, запасныя царскія лошади.

Какъ будто черезъ растворенное окно вдругъ пахнуло сильнѣ, полевымъ воздухомъ въ душную комнату, такъ пахнуло на нечеселый Кутузовскій штабъ молодостью, энергией и уверенностью въ успѣхѣ, отъ этой прискакавшей блестящей молодежи.

— Чѣмъ вы не начинаете, Михаилъ Ларіоновичъ? поспѣшило обратился императоръ Александръ къ Кутузову, въ то же время учитывая взглянувъ на императора Франца.

— Я поджидаю ваше величество, отвѣчалъ Кутузовъ, постурательно наклоняясь впередъ.

Императоръ пригнуль ухо, слегка нахмуриясь и покашливъ, что онъ не разслышалъ.

— Поджидаю, ваше величество, невторить Кутузовъ (изъ Андрея замѣтилъ, что у Кутузова неестественно дрожнѣла верхняя губа въ то время, какъ онъ говорилъ это: „поджидаю“). — Не всѣ колонны еще собрались, ваше величество.

Государь разслышалъ, но отвѣтъ этого видимо не понравился ему; онъ пошаль сутуловатыми плечами, взглянулъ на Новосильцова, стоявшаго подле, какъ будто взглядѣмъ этины жалуясь на Кутузова.

— Вѣдь мы не на Царицыномъ лугу, Михаилъ Ларionovitch, гдѣ не начинаютъ парада, пока не придутъ всѣ полки, скажъ государь, снова взглянувъ въ глаза императору Францу, какъ бы приглашая его если не принять участіе, то прислушаться въ тому, что онъ говорить; но императоръ Францъ, продолжалъ оглядываться, не слушать.

— Поэтому и не начинаю, государь, скажъ звучнымъ голосомъ Кутузовъ, какъ бы предупреждая возможность не быть разслышаннымъ, и въ лицѣ его еще разъ что-то дрожнудо. — Поэтому я не начинаю, государь, что они не начнутъ парадъ и не на Царицыномъ лугу, выговорилъ онъ ясно и отчетливо.

Въ свѣтѣ государи на всѣхъ лицахъ, мгновенно переплакнувшихся другъ съ другомъ, выразился ропотъ и упрекъ: „Какъ онъ ни старъ, онъ не долженъ бы, никакъ не долженъ бы говорить этакъ“, выразили эти лица.

Государь пристально и внимательно посмотрѣлъ въ глаза Кутузову, ожидая, не скажетъ ли онъ еще чего. На Кутузовъ, съ твоей стороны, почтительно нагнувшись голову, тоже, казалось, ожидалъ. Молчаніе продолжалось эвole минуты.

Впрочемъ, если прикажете, ваше величество, сказалъ Кутузовъ, поднимая голову и снова измѣнивъ тонъ на привычный тонъ тихаго, не разсуждающаго, но повинующагося генерала. Онъ тронулъ лошадь и, подозвавъ къ себѣ начальника волонтира Милорадовича, передалъ ему приказаніе къ исполнению. Въ это же время отъ императора пришло

Войско опять зашевелилось, и два батальона Новгородского полка и батальонъ Апшеронского полка тронулись впередъ мимо государя.

Въ то время, какъ проходили эти Апшеронский батальонъ, румяный Милорадовичъ, безъ шинели, въ мундирѣ и орденахъ, и съ пышной стѣнкой огромными султанами, надѣтою на бекренъ и съ поля, маршъ-маршъ искакалъ впередъ и, молодецки салютуя, осадилъ лошадь предъ государемъ.

— Съ Богомъ, генераль, сказалъ ему государь.

— Ваше величество, мы сдѣляемъ все, что будетъ возможно сдѣлать, ваше величество, отвѣчалъ онъ весело, тѣмъ не менѣе вызывая насмѣшливую улыбку у господъ свиты государя своимъ дурнымъ французскимъ выговоромъ. Милорадовичъ круто повернулъ свою лошадь и стала нѣсколько ногами государя. Апшеронцы, возбуждаемые присутствіемъ государя, молодецки бѣжали шагомъ, отбивая ногу, проходили мимо императоровъ и ихъ свиты.

Ребята крикнули громко, самоуверенныи и веселыи голосомъ Милорадовичъ, видимо до такой степени возбужденный звуками стрѣльбы, ожидалъ сраженія и видомъ молодченья Апшеронцевъ, еще евскихъ Суворовскихъ товарищѣй, бойко проходившихъ мимо императоровъ, что забылъ о присутствіи государя. Ребята взвѣсилъ на первую деревянную бранью крикнуть онъ, императоръ, да спасибо!

Ради стараться, прорычали солдаты. Лошадь государя шарахнулась от неожиданного крика. Лошадь эта, носившая государя еще на смотрахъ въ Россіи, здѣсь, на Аустерлицкомъ полѣ, несла своего сѣдока, выдерживая его разсѣянные удары лѣвой ногой, настораживая уши от выстреловъ выстрѣловъ, точно такъ же, какъ она дѣлала это на Марсовомъ полѣ, не понимая значенія ни эскізъ слѣпавшихъ выстреловъ, ни съсѣдства моронаго жеребца императора Франца, ни всего того, что говорить, одумать, чувствовать въ этотъ день тотъ, ктоѣхалъ наней отъ земли Государь съ улыбкой обратился къ одному изъ своихъ приближенныхъ, указывая на молодцевъ Аншеронцевъ и что-то сказавъ ему, уѣхалъ съ сѣдломъ и обѣихъ сапогахъ, оставивъ на землю Кутузова, и

— ТРЕТЬЯ КНИГА. АДДЮКТА. ГЛАВА XVI.

Кутузовъ, сопутствующий своимъ адъютантамъ, подѣль шагомъ за карабинерами, дѣлѣ отъ сѣдла и сѣдла сѣдла. Пройхавъ съ полверсты въ хвостъ колонии, онъ остановился у одинокаго, заброшенаго дома (проятко бывшаго трактира) подъ разбитленія двухъ дорогъ. Обѣ дороги спускались подъ гору, и по обѣимъ имъ войска проѣзжали.

Туманъ начиналъ расходиться, и неопределенно верстаясь въ двукъ разстояніи, виднѣлись уже непріятельскія войска на противоположныхъ возвышенностяхъ. На извилину стрѣльба становилась сильнѣе. Кутузовъ остановился, разговаривая съ австрійскимъ генераломъ Кнезъ Андреемъ, стоявшимъ мовади, и глядываясь въ нихъ изъ желца, вспросить притянутую трубу у адъютанта, обратился къ нему.

— Посмотрите, посмотрите, говорилъ ротмистръ адъютантъ,

шада не на дальнее войско, а ринув по горе предъ собой. —
Это французы! — кричали из-под горы, и вдруг из-за горы выскочил Два генерала и адъютанты стали хвататься за трубу, вытряхивая ее одинъ у другаго. Всѣ лица вдругъ измѣнились и на всѣхъ выражалась ружность. Французы предполагали, что двѣ версты отъ насъ, на оныхъ вились вдругъ, неожиданно, предъ нами.

— Это непріятель?.. — Нѣтъ!.. — Да, смотрите, юнцы... на вѣрюю! Чѣмъ это? послышалась голосъ. Князь Андрей простынь клацомъ, рувидаль внизу направо поднимавшуюся настричьи Ашеронцамъ, пустую колени французы, не дальше пятисотъ шаговъ отъ того мѣста, где стоялъ Кутузовъ, и вдругъ съ отвѣтницей съ стороны, — „Вотъ она, наступила решительная минута! Дошли до земли дѣло“; подумалъ князь Андрей, и ударивъ лошадь, подѣхалъ къ Кутузову. Когданика отъ Кутузова, — гляди! — Надѣ остановить Ашеронцевъ, закричалъ онъ, — ване высокоревосходительство! — кричалъ Ольденбургъ. Како-нибудь обѣ. Но въ тѣ же миги все застѣлалось чѣмъ-то, раздалось близкое стрѣльба, и шипований голосъ въ двукъ шагахъ отъ князя Андрея закричалъ: «ну, братцы, шабашъ!» И какъ будто голосъ этотъ былъ команда. Но этому голосу все бросилось блѣдѣть. Смѣшанный, все уральивающійся толпѣ бѣжали назадъ къ тому мѣstu, где пять минутъ тому назадъ войска проходили мимо императоровъ. Не только трудно было остановить эту толпу, но невозможно было самимъ не податься назадъ вѣсты стыдливой. Бѣлоинскій только старался не отставать отъ нея и оглядывался, недоумѣвалъ: «нѣтъ лакъ чондръ тою, что дѣлалось передъ вѣстю Несвицкій

съ залобленными видомъ, красный и на себѧ не похожий, кричалъ Кутузову, что ежели онъ не убѣсть сейчасъ, онъ будетъ взять и выпить изъ ядра Кутузовъ, стоять на томъ же щѣстѣ и, не оѣчая, доставать индюкты. Изъ щеки его текла кровь. Князь Андрей протиснулся до него.

— Вы ранены? спросилъ онъ, едва удерживая дражаніе нижней челюсти.

— Рана не адѣль, а вотъ юдѣй сказалъ Кутузовъ, прижимая платокъ къ раненой щекѣ и указывая на бѣгущихъ.

— Остановите ихъ! крикнулъ онъ, въ то же время вѣроятно убѣясь, что невозможно было ихъ остановить, ударила лошадь и скакала вправо. Вновь захлынувшая толпа бѣгущихъ захватила его съ собой и подвѣзла. Назадъ.

Войска бѣжали таюю густою толпой, что, разъ ломивши въ средину толпы, трудно было изъ неї выбраться. Кто кричалъ: „Пошелъ! что замѣшился?“ Кто, тутъ же оборачиваясь, стрѣлялъ въ воздухъ; кто былъ лошадью, на которойѣхалъ самъ Кутузовъ. Съ величайшимъ усилиемъ выбравшись изъ потока толпы, вѣло. Кутузовъ со свитой, гуменышиною

богѣе, чѣмъ вдвое, пойдя на звуки близинки орудийныхъ выстрѣловъ. Выбравшись изъ толпы бѣгущихъ, князь Андрей, стараясь не отставать отъ Кутузова, увидѣлъ на спускѣ горы, въ дыму, еще стрѣлявшую русскую батарею въ цадѣгарцахъ къ ней французовъ. Повыше стояла русская пехота, не двигавшаяся ни впередъ на помощь батареи, ни назадъ, по одному направлению съ бѣгущими. Генераль верхомъ отдѣлился отъ этой пѣхоты и подѣхалъ къ Кутузову. Изъ свиты Кутузова осталось только четыре человѣка. Всѣ были блѣдны и малча переглядывались.

— Остановите этихъ мерзавцевъ! задыхаясь проговорилъ

Кутузовъ полковому командиру, указывалъ на бѣгущихъ; но въ то же мгновеніе, какъ будто въ наказаніе за эти слова, какъ рой птицъ, со свистомъ пролетѣли пули по полку и сшибъ Кутузова. Французы атаковали батарею, и, увидавъ Кутузова, выстрѣлили по нему. Съ этимъ зашпорть полковой командиръ схватился за ногу; упало нѣсколько солдатъ, и подпоручикъ, стоявшій съ знаменемъ, выпустилъ его изъ рукъ: знамя зашаталось и упало, задержавшись на ружьяхъ сопѣднихъ солдатъ. Солдаты безъ команды стали стрѣлять. — «Ооохъ! съ выраженіемъ отчаянія промычалъ Кутузовъ и оглохнулъ. — Болконскій, прощайтъ онъ дрожащимъ отъ сознанія своего старческаго безсилія голосомъ, — Болконскій, прощайтъ онъ, указывая на разстроенный батальонъ и на непріятеля, — что жъ это?!

Но прежде чѣмъ онъ договорилъ это слово, князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы подступавшія ему къ горлу, уже соскальзивъ съ лошади и бѣжалъ къ знамени.

Ребята, впередъ, крикнула онъ дѣтски-пронзительно. «Вотъ оно!» думалъ князь Андрей, схвативъ древко знамени и съ наслажденіемъ слыша свистъ пули, очевидно направленныхъ именно противъ него. Нѣсколько солдатъ упало. Ура! закричалъ князь Андрей, едва удерживаясь въ рукахъ тяжелое знамя, и необъятъ впередъ съ несомнѣнною уверенностью, что весь батальонъ побѣжитъ за нихъ. Действительно онъ пробѣжалъ одинъ только нѣсколько шаговъ! Тронулъ одинъ, другой солдатъ, и весь батальонъ съ крикомъ ура! побѣжалъ впередъ и обогналъ его. Унтер-офицеръ батальона, подбѣжалъ, взялъ колебавшееся отъ тяжести въ рукахъ князя Андрея знамя, по тотчасъ же былъ убитъ. Князь Андрей опять схватилъ знамя и, волоча его за древко, бѣжалъ

сь батальономъ. Впереди себя онъ видѣлъ нашихъ артиллериистовъ, изъ которыхъ одни дрались, другие бросали пушки и бѣжали къ нему, давстрѣчу; онъ видѣлъ и французскихъ пѣхотныхъ солдатъ, которые хватали артиллерийскій донесъ и поворачивали пушки. Князь Андрей съ батальономъ уже былъ въ 20-ти шагахъ отъ орудій. Онъ слышалъ надъ головою не перестававшій свистъ пуль и безпрестанно спрашивалъ, сколько оружія имѣли и надали солдаты. Но онъ не смотрѣлъ на нихъ: онъ глядѣвалъ только въ то, что происходило впереди его — на батарею. Онъ ясно видѣлъ уже одну фигуру рыжаго артиллериста съ сбитымъ на бокъ киверомъ, таинущаго съ одной стороны башни, торча, какъ французскій солдатъ тащилъ башню къ себѣ за другую сторону. Князь Андрей видѣлъ уже ясно расстеганное и вмѣстѣ овалобленное выраженіе лицъ двухъ лордѣй, видимо не испытавшихъ того, что они дѣлали.

„Что они дѣлаютъ?“ думалъ князь Андрей, глядя на нихъ, „зачѣмъ не бѣжать рыжій артиллериистъ, когда у него нѣть оружія? Зачѣмъ не долетѣть его французъ? Не успѣть добѣжать, какъ французъ вспомнитъ о ружѣ и замолѣтъ его?“ Дѣйствительно другой французъ съ ружьемъ на переносѣ, подбѣжалъ въ борюнцися, и унаслѣдъ рыжаго артиллериста, все еще не испытавшаго того, что ожидаетъ его и съ терпѣствомъ выдернувшаго башню, должна была рѣшиться. Но князь Андрей не видѣлъ, чѣмъ это кончилось. Какъ бы со всего размаха крѣпкою палкой, кто-то изъ ближайшіхъ солдатъ, какъ ему показалось, ударилъ его въ голову. Немного это болѣло, а главное венѣрѣтно, потому что боль эта разложала, что и мѣнила ему видѣть то, на что онъ смотрѣлъ, и при этомъ же вспоминалъ, какъ же онъ, а нынѣ тако, про-

— „Что это? и падаю? у него неши поджимаются!.. подумал онъ и упалъ на спину. Онь раскрыть глаза, надѣясь увидать, чѣмъ кончилась борьба французовъ съ артиллерией, и началъ жадно убить или нѣть рѣшій артиллеристъ, выти или спасены пушки. Но онъ ничего не видѣть. Надѣяния не было ничего уже кромѣ неба — высокаго неба, нетъ неба, но все-таки неизвѣстно высокаго, отъ тихо ползущими по немъ сѣрыми облаками... Какъ тихо, спокойно, и торжественно, совсѣмъ не такъ, какъ съ озлобленными и испуганными лицами, тѣлицы другъ у друга банинъ французъ и артиллериистъ, совсѣмъ же такъ ползутъ облака по этому высокому, безконечному небу. Какъ же я не видѣть прежде этого высокаго неба? И какъ я счастливъ, что узрѣлъ его, каконецъ! Да! все ищетъ, все обмань, кроме этого безконечнаго неба! Ни-чего, ничего лѣтѣ промѣнено. Но и тогъ даже рѣть,ничему нѣть, кругъ тишинъ, усѣксяніе Ислану Богу!..»

Лицо артиллериста покрасѣло, сердце бѣло, сердце дрогнуло, а вѣтъ дрожалъ и болѣлъ прѣблѣ, будто дрожалъ самъ небо.

На прохладѣ флангъ у Валратіона, въ 9 часовъ, дѣло еще не начинилось. Не ждали, согласиться на требованіе Долгорукова, начинать дѣло и желали отклонить отъ себя ответственность, то есть Валратіонъ предложилъ Долгорукову носить спросить о томъ главнокомандующаго. Валратіонъ зналъ, что за разстояніе почти 10-ти верстъ, отдѣлявшему одинъ флангъ отъ другаго, ежели не убьюсь того, кого пошлютъ (чѣдѣло очень вѣроятно), и ежели они даже и найдутъ главнокомандующаго, что было весьма трудно, посланный не успѣхъ вернуться раньше вечера.

Но всѣ же эти опасности не измѣнили

Валратіонъ оглянулся свою свиту своимъ большими, ничего

не выражавшимъ, не вспомнившимъ глазами, и невольно замѣравшее отъ волнения надежды дѣтское лицо Ростова первое бросилось ему въ глаза. Онъ послалъ его съ собой, а самъ, съ ^и А ежели я встрѣчу его величество прежде, чѣмъ главно-командующаго, ваше сіательство? сказалъ Ростовъ, держа руку у козырька.

Можете передать его величеству, посланнаго спербившаго Багратиона, сказалъ Долгоруковъ.

Смѣясь изъ щекъ, Ростовъ успѣлъ соскучить нѣсколько часовъ предъ угрозъ и чувствовалъ себя заселымъ, склоннымъ, рѣшительнымъ, съ томъ упругостью движений, увѣренностью въ свое счастіе и въ томъ расположении духа, въ которому все кажется легко, весело и возможно.

Всѣ желанія его исполнялись въ это утро: давалось генеральное сраженіе, онъ участвовалъ въ немъ; мало того, онъ былъ ординарцемъ при храбрѣйшемъ генералѣ; мало того; онъѣхалъ съ порученіемъ къ Кутузову, а можетъ быть и къ самому государю. Утро было ясное, лошадь подъ нимъ была добрая, на душѣ его было радостно и счастливо. Получивъ приказаніе, онъ пустилъ лошадь и поскакалъ вдоль по линіи Багратионовыхъ войскъ; еще не вступивши въ дѣло и стоянныхъ неподвижно, по томъ онъѣхалъ въ пространство, занимаемое кавалеріей Уварова и адѣль замѣтилъ уже передвиженія и признаки приготовленій къ дѣлу; проѣхавъ кавалерію Уварова, онъ уже ясно услыхалъ звуки пушечной и орудійной стрѣльбы и, среди себя, Стрѣльба все усиливалась.

Въ склонѣ, утреннемъ воздухъ раздавались уже не звуки прежде, въ неравные промежутки, но два, по три выстрѣла, а потомъ одинъ или два орудійныхъ выстрѣла, а то скатанъ

горь, спереди Штрацема, ссыпалась перекаты ружейной пуль, бы сперебиваемой стаками частями вистрёлами изъ орудий, что иногда несколько пушечных выстреловъ уже не отдалились другъ отъ друга, а сливались въ одинъ общій Муль. Видно было, какъ по скатамъ дымки ружей какъ будто сбились, догоняли другъ друга, никакъ дымы орудий клубились, расплывались и сливались одни съ другими. Видны были по блеску штыковъ, между дымомъ, двигавшимся массы пехоты и узкимъ колесомъ артиллерии съ зелеными ящицами. Ростовъ пригорѣлъ остановить на минуту лошадь, чтобы размотрѣть то, что дѣжалось; но какъ онъ ни напрягалъ внимание, совсѣмъ ничего не могъ ни понять; ни разобрать не могъ того, что дѣжалось: двигались тамъ въ дыну какие-то люди, двигались и спереди и сзади какие-то колеса войскъ; но зачѣмъ? кто? куда? нельзя было понять. Видъ этотъ и звуки эти не только не возбуждали въ немъ какого-нибудь умысла или робкаго чувства, но напротивъ придавали ему энергіи и решительности.

Ну, еще, еще надай! обращался онъ мысленно къ этимъ звукамъ, и опять пускался сквозь туманъ, все дальше и дальше проникая въ область войскъ, уже растущихъ изъ дѣла. „Надай, надай, а я дамъ тебе и ты дашь мнѣ!.. „Уже какъ это тамъ будетъ, не знаю, а все будетъ хорошо!“ думалъ Ростовъ.

Пробхавъ какія-то австрійскія войска, Ростовъ замѣтилъ что слѣдувшая за тѣмъ часть линіи (это была гвардія) уже вступила въ дѣло.

„Тѣмъ лучше! посмотрю вблизи“, подумалъ онъ.
Ониѣхали почти по передней линіи. Нѣсколько всадниковъ скакали по направлению къ нему. Это были наши лейбъ-

улами, которые разгребенными рядами возвращались из атаки. Ростов махнул рукой, замытых невольно одире из нюхов крови, и послалъ дальше от него. Тогда же „Мне до этого дѣла неѣть!“ подумалъ онъ. Не усмѣхъ онъ проѣхать сколько-сотъ шаговъ послѣ этого, какъ вѣтко отъ него, на перерѣзъ ему, показалась на всемъ протяженіи пола огромная масса кавалеристовъ на зоронихъ лошадяхъ, изъ бѣлыхъ блестящихъ мундиръ, которые рѣзкошли прямо на него. Ростовъ пустыль лошадь во весь скакъ для того, чтобы уѣхать съ дороги отъ этого кавалеристовъ, и онъ бы уѣхалъ отъ нихъ, ежели бы они имѣли все тѣмъ же алчность, но они все прибавили хода, такъ что некоторая лошади уже скакали. Ростову все слышнѣе и слышнѣе становился ихъ, тепетъ и бряцаніе ихъ оружія, и виднѣе становились ихъ лошади, фигуры и даже лица. Это были наши кавалергарды, шедшіе въ атаку на французскую кавалерію, подвигнувшуюся имъ на встрѣчу.

Кавалергарды скакали, но еще удерживая лошадей. Ростовъ уже видѣлъ изъ лица и услышалъ команду: Маршъ, маршъ! произнесенную офицеромъ, выпущившимъ во весь скакъ свою кровную лошадь. Ростовъ, опасаясь быть разогнаннымъ или завлеченнымъ въ атаку на французовъ, скакалъ вдоль фронта, что было мочи у его лошади, и все-таки не успѣлъ миновать ихъ.

Крайній кавалергардъ, огромный ростомъ, рабой мужчины, злобно нахмурился, увидавъ предъ собой Ростова, съ которымъ онъ неминуемо долженъ былъ столкнуться. Этого кавалергарда непремѣнно сбить бы съ ногъ Ростова съ его Ведуниномъ (Ростовъ самъ себѣ казался такимъ маленькимъ и слабенькимъ въ сравненіи съ этими громадными людьми).

и кониши), не знал бы съѣть не догадался взмахнуть шашкой въ глаза кавалергардовой лошади. Вороная, тяжелая, пятивершковая лошадь, покрутилась; приложив уши; но рапира кавалергарда, поднявшая съ размаху въ бока огромных ишаков, и лошади, взмахнув хвостомъ и вытянув шею, побежали еще быстрѣе. Едва кавалергарды миновали Ростова, какъ онъ услыхалъ изъ трактира, отлынившись, увидать, что передніе ряды имъ сѣѣлись съ чужими, вѣроятно французскими кавалеристами въ красныхъ эполетахъ. Дальше на нихъ было нечѣсть видѣть, потому что тѣтчать же несѣвъ этого откуда-то стали стрѣлять пушки, и все застлалось дымомъ, такъ что даже при ясномъ небѣ не видѣть было. Высунувшую голову кавалергарды, миновавъ его, скрылись въ индигурѣ, Ростовъ колебался вскачь или ему вѣдь ними, или высокотѣсъ куди-туди нужно было. Это была та блестящая атака кавалергардовъ, которой удивлялись сами французы. Ростову страшно было испытать потомъ, что изъ всей этой массы огромныхъ прискорѣвъ людей, изъ всей этой блестящести, онъ тысячныхъ лошадей, богачей, юношей, офицеровъ и изнанокъ, проскакавшихъ мимо него, послѣ отстави оставилъ только одиннадцать человѣкъ.

«Что мнѣ (евидеть, вмѣстѣ не уйдеть, и чѣмъ сейчасъ, можетъ быть, умѣту посударилъ) подумать Ростовъ и поскакалъ дающимъ конемъ въ дружины, вѣдь онъ вѣдь былъ

Поражающиися съ твердѣйшою пѣхотой, онъ замѣтилъ, что чрезъ нее и около нея летали ядра, не столько потому, что они слышали звукъ ядеръ, сколько потому, чѣмъ на лицахъ сидѣть хотѣли увидѣть безвѣкоиство, и на лицахъ офицеровъ несостѣнную, вонючѣнную торжественность.

Проехала боярда одной изъ линій пѣхотныхъ гвардейскихъ

полковъ, онъ услыхалъ голосъ, напоминавшій его по имени
„Ростовъ!“

— Чѣмъ? откликнулся онъ, не узнавая Бориса.
— Каково, въ первую линію попали! Нашъ полкъ въ атаку
ходилъ! Сказаль Борисъ, улыбаясь твою счастливую улыбкою,
которая бываетъ у молодыхъ людей, въ первый разъ побыл
вашимъ въ огнѣ. Ростовъ остановился.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ. — Ну чѣмъ?

— Отбили! оживленно сказалъ Борисъ, сдѣлавшійся блѣд
ливымъ. — Ты можешьъ себѣ представить. И Борисъ началъ
рассказыватьъ какимъ образомъ гвардія, ставши на мѣсто и
увидавъ предъ собою войска, привала ихъ за австрійцевъ
и вдругъ по ядрамъ, пущеннымъ изъ этихъ войскъ, узнала,
что она въ первой линіи и неожиданно должна была встрѣтить
въ дѣло. Ростовъ, не дослушавъ Бориса, тронулъ свою лошадь.

— Ты куда? спросилъ Борисъ.

— Къ него величеству, съ порученiemъ.

— Вотъ онъ! сказалъ Борисъ, которому послышалось, что
Ростову нужно было «его высочество», мѣсто сего величес
тва; и онъ указалъ ему на великаго князя, который выѣхалъ
шагахъ отъ нихъ, въ каскѣ и въ кавалергардскомъ колетѣ,
съ своими поднатычи плечами и пакмуренными бронями, что-то
кричалъ австрійскому бѣлому и блѣдному офицеру.

— Да вѣдь это великий князь, а мнѣ къ главнокомандую
щему, или къ государю, сказалъ Ростовъ и тронулъ было
лошадь.

Графъ, графъ! кричалъ Бергъ, такой же оживленный,
какъ и Борисъ, подѣбая съ другой стороны, —графъ, я въ пра
вую руку раненъ (говорилъ онъ показывая кость руки окро
вавленную, обвязанную носовымъ платкомъ), и остался во

Фронтѣ. Графъ, держу шпагу въ лѣвой руцѣ: въ нашей по-
родѣ фонъ-Берговъ, графъ, всѣ были рыцари. Бергъ еще
что-то говорилъ, но Ростовъ, не дослышавъ его, уже по-
вѣялъ дальше.

Пробѣхавъ гвардію и пустой промежутокъ, Ростовъ для
того, чтобы не попасть опять въ первую линію, какъ онъ
попалъ подъ атаку кавалергардовъ, побѣхалъ по линіи резер-
вовъ, далее объѣзжая то мѣсто, где слышалась самая жаркая
стѣльба и канонада. Вдругъ впереди себя и позади нашихъ
войскъ, въ такомъ мѣстѣ, где онъ никакъ не могъ предпола-
гать непріятеля, онъ услыхалъ близкую ружейную стрѣльбу.

„Что это можетъ быть?“ подумалъ Ростовъ. „Непріятель
въ тылу нашихъ войскъ? Не можетъ быть“, подумалъ Ро-
стовъ; „и ужасъ страха за себя и за исходъ всего сраженія
вѣтрую нашелъ на него!“ „Чтѣ бы это ни было однѣко“, по-
думалъ онъ, „теперь уже нечесто объѣзжать. Я долженъ ис-
кать главнокомандующаго здѣсь, а ежели все потиблѣ, то,
и мое дѣло погибнуть со всѣми вмѣстѣ“.

Дурное предчувствіе, напѣвшее вдругъ на Ростова, подтвѣр-
ждалось все болѣе и болѣе, чѣмъ дальше онъ вѣзжалъ
въ занятое толпами разнородныхъ войскъ пространство, на-
ходящееся за деревней Працовъ.

— Что такое? Чѣмъ стрѣляютъ? Кто стрѣ-
ляеть? спрашивалъ Ростовъ, равняясь съ русскими и австрій-
скими солдатами,ѣхавшими пересѣчанными толпами на-
перерѣзъ его дороги.

— А чортъ ихъ знаетъ? Всѣхъ побили? прошадай все!
Онѣчиали ему по-русски, по-ѣменски и по-чешски толпы бѣ-
гущихъ и не понимавшихъ точно такъ же, какъ и онъ, того,
что тутъ дѣжалось.

— Бей ильмцевъ! кричалъ одинъ изъ солдатъ. — А чортъ ихъ дери, — измѣнился другой. — Къ чорту этихъ русскихъ! что-то ворчали, вѣмечь.

Нѣсколько раненыхъ шли по дорогѣ. Ругательства, крики, стоны сливались въ одинъ общій гулъ. Стрѣльба затихла и, какъ потомъ узналъ Ростовъ, стрѣляли другъ въ друга русскіе и австрійскіе солдаты.

«Боже мой! что жъ это такое?» думалъ Ростовъ. «И здѣсь, гдѣ всякую минуту государь можетъ увидать ихъ... Но вѣтъ, это вѣрно, только нѣсколько дерзакцевъ. Это пройдетъ, это не то, это не можетъ быть», думалъ онъ. «Только поскорѣе, поскорѣе проѣхать ихъ!»

Мысль о пораженіи и бѣгствіи не могла прійти въ голову Ростову. Хотя онъ и видѣлъ французскія фруда въ войскахъ именно на Праченской горѣ, на той самой, где ему вѣдьмѣ было отыскать главнокомандующаго, онъ не могъ и до ходѣть вѣрить этому.

XVII

Около деревни Цраца, Ростову вѣдьмѣ было искать Кутузова и государя. Но здѣсь не только не было ихъ, но не было ни одного начальника, а были разбросанные толпы разстроенныхъ войскъ. Онь ногами на уставшую уже лошадь, чтобы скорѣе проѣхать эти толпы, не чѣмъ дальше онъ подвигался, тѣмъ толпы становились разстроеннѣемъ. По большой дорогѣ, на которую онъ выѣхалъ, толпились колески, экипажи всѣхъ сортовъ, русскіе и австрійскіе солдаты всѣхъ родовъ войскъ, раненые и не раненые. Все это гудѣло и смыкалось, вспоминалось, подъ мрачный звукъ летавшихъ въздѣль съ французскихъ батарей, поставленныхъ на Цраченскихъ высотахъ.

Гдѣ государь? Гдѣ Кутузовъ? спрашивалъ Ростовъ у лошади, кого мочь остановить, и ни отъ кого не могъ получать отвѣта. И вскакалъ съ лошади, и, сѣдя на землѣ, крикнулъ: Наконецъ, ухвативъ за воротникъ солдата, онъ заставилъ его отвѣтить себѣ: Гаргажъ! проклятъ! — и, подскакавъ, крикнулъ: Эй братъ! Ужъ давно всѣ тамъ, впередъ удрали! сквозь землю! Ростову солдатъ, смыкаясь чѣму-то и вырываясь. Остановилъ этого солдата, который очевидно бытъ пьяница; Ростовъ остановилъ лошадь денщика или берегтора важнаго лица и сталъ разспрашивать его. Денщикъ объяснилъ Ростову, что государя сбы часть тому назадъ провезли, во весь духъ въ каретѣ по этой самой дорогѣ, и что государь опасно раненъ.

— Не можетъ быть, спазъ Ростовъ, — вѣрно другой кто. Сами видѣлъ, — сказалъ денщикъ съ самоувѣренной умѣнійской. — Уже мнѣ-то знать государя: кажется, сколько разъ видѣлъ въ Петербургѣ, вотъ такъ-то видѣлъ. Бѣдный требѣдный въ каретѣ сидѣть. Четвери вороныхъ изъ спасущихъ батюши мои мимо часъ прогремѣли: сюда, кажется, и царскихъ лошадей и Илью Иваныча снать; кажется, съ другими; какъ сть царемъ Илья кучерь неѣдетъ. А Ростовъ пустилъ его лошадь и котѣльѣхать дальше. Шедший мимо раненый офицеръ обратился къ нему.

— Да самъ-кого нужно? спросилъ офицеръ, — главнѣйшаго командующаго? Такъ убить ядромъ, въ грудь убить при нашемъ полку, а обѣти онъ-то не держитъ, — и, сѣдя на лошади, — Не убить, рабочий, поправилъ другой офицеръ.

— Да кто? Кутузовъ? спросилъ Ростовъ.

— Не Кутузовъ, а какъ бывшъ-его, — ну да, все одно, живыхъ не много осталось. Вонъ туда ступайте, вонъ къ той

деревни, тамъ все начальство собралось, сказали этотъ офицеръ, указывая на деревню Гостинадекъ, и прошельши.

Ростовъ бѣхъ шагомъ, не зная, зачѣмъ и изъ чому онъ теперь идетъ. Государь раненъ, сраженіе проиграно. Нельзя было не вѣрить этому теперь. Ростовъ бѣхъ по тому направлению, которое ему указали, и по которому видѣлись вдалекъ бани и церковь. Куда ему было торопиться? Чѣмъ ему было теперь говорить государю или Кутузову, ежели бы даже они и были живы и не ранены?

— Этю дорогой, ваше благородие, пейзажище, вы тутъ прямо убъть, закричали ему солдаты — Тутъ убъти!

— О! чѣмъ говоришь! сказали другой. — Куда сюда идти? Тутъ ближе. Ростовъ задумался и побѣхъ исконично по тому направлению, где ему говорили, чѣмъ убъти.

“Теперь все равно; ужъ ежели государь раненъ, неужели мнѣ беречь себя?” думалъ онъ. Онъ вѣѣхъ въ то пространство, на которомъ болѣе всего погибло людей, бѣгущихъ съ Працена. Французы еще не занимали этого места, а русскіе, тѣ которые были живы или ранены, давно оставили его. На полѣ, какъ кони на хорошей лошади, лежало человѣкъ десять, пятнадцать убитыхъ, раненыхъ на каждой десятинѣ мѣста. Раненые сползались по два, по три наѣстѣ, и слышались непріятные, иногда притворные, крики называемы Ростову, ихъ крики и стоны. Ростовъ пустилъ лошадь рысью, чтобы не видать всѣхъ этихъ страдающихъ людей, и ему стало страшно. Онъ боялся не за свою жизнь, а за то мужество, которое ему нужно было и которое, сѣя зналъ, не выдержитъ вида этихъ несчастныхъ.

Французы, переставши стрѣлять по этому уединенному мертвымъ и раненымъ полю, потому что уже никого изъ

жизненное было, гушидавъ юдущаго по немъ' адъютанта, на-
чали па него орудія и бросили несолько ядеръ. Чувство
этыхъ свистящихъ, страшныхъ звуковъ и окружающіе мертв-
ленца паника для Ростова въ одно впечатлѣніе ужаса и
соколѣнія въ себѣ. Ему вспомнилось послѣднее письмо
матери: „Что бы она почувствовала“, подумалъ онъ, „если
бы она видѣла меня теперь здѣсь, на этомъ полѣ и съ на-
правленными на меня орудіями?“

Въ деревне Ростовадекъ были хотя и спутанными, но
въ большемъ порядкѣ русскімъ войска, шедшія прочь съ поля
сраженія. Сюда уже не доставали французскія ядра; и звуки
стрѣльбы казались далекими. Здѣсь вѣдь уже ясно видѣли и
говорили, что сраженіе проиграно. Къ кому ни обращался
Ростовъ, никто не могъ сказать ему, ни гдѣ былъ государь,
ни гдѣ были Кутузовъ. Одни говорили, что слухъ о ранѣ
государя спривѣдливъ, другие говорили, что нѣть, и объ-
ясняли это ложный распространившійся слухъ тѣмъ, что
действительно въ каретѣ государя проскакалъ назадъ съ поля
сраженія блѣдный и испуганный оберъ-гофмаршалъ графъ
Толстой, выѣхавшій съ другими въ свитѣ императора на поле
сраженія. Однакъ офицеръ сказалъ Ростову, что за деревней
нагибово вѣдѣть коро-то изъ высшаго начальства, и Ро-
стовъ поѣхать туда, уже не надѣясь найти кого-нибудь, но
для того только, чтобы предъ самимъ собою очистить свою
сознаніе. Проѣхавъ версты три и миновавъ послѣднія русскія
войска, Ростовъ увидалъ около огорода, окопанного канавой,
двухъ стоявшихъ противъ канавы всадниковъ. Одинъ съ бѣ-
лыемъ суптаномъ на шляпѣ показался почему-то знакомымъ
Ростову; другой, незнакомый всадникъ, на прекрасной рыжей
лошади (лошадь эта показалась знакомою Ростову) подъ-

Быть къ камагъ, толкнуль лошадь широрами и выпустивъ поводы, легко перепрыгнулъ черезъ канаву городца. Толкая землю осиналась стъ насыпи стъ заднихъ конитъ лошади. Круто повернувъ лошадь, онъ опять назадъ перепрыгнулъ канаву и почтительно обратился къ всаднику стыбливъ султаномъ, очевидно предлагая ему сдѣлать то же. Всадница, котораго фигура показалась знакома Ростову, и почему-то невольно приковала къ себѣ его внимание, сдѣлали историательный жестъ головой и рукой, и этому жесту Ростовъ мгновенно узналъ своего оплакиваляемаго, обожаемаго государя.

„Но это не могъ быть онъ, одинъ, мсреди этого пустырья моля“, подумалъ Ростовъ. Въ это время Александръ подернулъ голову, и Ростовъ увидалъ такъ живо възваниемъ въ его памяти любимыя черты. Государь былъ блѣденъ, щеки его впали и глаза ввалились, но тѣмъ больше прелестей, красноты было въ его чертахъ. Ростовъ былъ счастливъ, убѣдившись въ томъ, что слухъ о ранѣ государя былъ преувеличивающъ. Онъ былъ счастливъ, что видѣлъ его. Онъ зналъ, что могъ, даже долженъ былъ прямѣ обратиться къ нему и предъдать то, что приказано было ему передать стъ Долгорукимъ.

Но какъ влюбленный юноша дрожитъ и мнѣть, не смоѣ сказать того, о чёмъ онъ мечтаетъ-ночи, и неугашенно горитъ, ища помощи или возможности отстричься бѣгствомъ, когда наступила желанная минута, и онъ стонть всадникъ съ ней; такъ и Ростовъ теперь, достигнувъ того, чого вѣнчалъ желанье больше всего на свѣтѣ, не зналъ, какъ подступить къ государю, и ему представлялись тысячи соображеній, не-чemu это было неудобно, неприлично и невозможно.

„Какъ! Я какъ будто радъ слушаю воспользоваться тѣмъ, что онъ одинъ и въ уныніи. Ему непріятно и тажело мот-

жеть показаться 'неизвестное лицо' въ эту минуту печали; потому, что я могу сказать ему теперь, когда при одномъ взгляде на него, у меня захлестнетъ сердце и пересыхаетъ во рту?" Ни одна изъ тѣхъ бесчисленныхъ рѣчей, которыхъ онъ, обращаясь къ государю, слагалъ въ своемъ воображеніи, не приходила ему теперь въ голову. Тѣ рѣчи большую частью держались совсѣмъ при другихъ условіяхъ, тѣ говорились болѣею частію въ минуты побѣды и торжества, и времущество въ смертной борьбѣ отъ полученныхъ ранъ, въ то время, какъ государь благодарили его за геройскіе поступки, и онъ, упираясь, высказывалъ ему подтвержденную на дѣлѣ любовь свою. "Потому, что же я буду сирахинать государя обѣ ѿ его приказаніяхъ?!" правый флангъ, когда уже теперь 4-й часъ вечера и сраженіе проиграно? Нѣтъ, рѣшительно я не долженъ подѣлжать ему лицу, и не долженъ нарушать его задумчивости. Лучше умереть мыслью разъ, чѣмъ получить отъ него "дурной взглядъ, дурное мнѣніе", рѣшилъ Ростовъ и съ прусскимъ и съ югчаніемъ изъ сердца пойхалъ прочь, безпрестанно оглядываясь на все еще стоявшаго въ томъ же положеніи нерѣшительности государя.

Въ то время, какъ Ростовъ дѣлалъ эти воображенія и печально отѣзжалъ отъ государя, капитанъ фонъ-Толь случайно наѣхалъ на то же мѣсто, и, увидавъ государя, прямо подѣлжалъ къ нему, предложилъ ему свои услуги и помочь перейти пѣшкомъ черезъ канаву. Государь, желая отдохнуть и чувствуя себя нездоровыми, сѣлъ подъ лѣбяжное дерево, и Толь остановился подъ него. Ростовъ издалека съ заинтересованностью и раскаяніемъ видѣлъ, какъ фонъ-Толь что-то долго и съ жаромъ говорилъ государю, ванъ государь, видимо захлаждалъ, закрылъ глаза рукой и покачалъ руку. Тогда

Быть къ канавѣ, толкнулъ лодку, широкими выпустивъ поводы, легко перепрыгнула черезъ канаву въорода. Только земля осмыкалась съ насыпи отъ заднихъ лошадей. Круто повернувъ лошады, онъ оглянувшись назадъ перепрыгнула канаву и почтительно обратился къ всаднику свѣблыни султаномъ, очевидно предлагая ему сдѣлать то же. Всадникъ, котораго фигура показалась знакома Ростову, и почему-то невольно приковала къ себѣ его внимание, сдѣлалъ натяжительный жестъ головой и рукой, и, этому жесту Ростовъ мгновенно узналъ своего оплакиваемаго, обожаемаго государя „Но это не могъ быть онъ, однѣй, мосреди этого шустаря моля“, подумалъ Ростовъ. Въ это время Александръ поклонилъ голову, и Ростовъ увидѣлъ такъ живо прѣзанные въ его памяти любимыя черты. Государь былъ блѣденъ, щеки его впали, и глаза ввалились, но тѣмъ больше прелестей, кромѣ того было въ его чертахъ. Ростовъ былъ счастливъ, убѣдившись въ томъ, что слухъ о ранѣ государя былъ преувеличенъ. Онъ былъ счастливъ, что видѣлъ это. Онь зналъ, что могъ, даже долженъ быть пристроенъ обратиться къ нему и заречать то, что приказано было ему передать отъ Долгорукаго.

Но какъ влюбленный юноша дрожитъ и мнѣть, не смоѣ сказать того, о чёмъ онъ мечтаетъ-помѣя, и несугубо отданыается, ища помощи или возможности отстечки и бѣгства, когда наступила желанная минута, и онъ стонетъ заединивъ съ ней; такъ и Ростовъ теперь, достигнувъ того, чего вѣрь желалъ больше всего на свѣтѣ, не зналъ, какъ подступиться къ государю, и ему представлялись тысячи соображеній, но, чему это было неудобно, неприлично и невозможнно.

„Какъ! Я какъ будто радъ случаю воспользоваться тѣмъ, что онъ одинъ и въ уныніи... Ему неприятно и тяжело мот-

жеть помазаться? Незвестное лицо въ эту минуту нечали; хотень, что и жалъ сказать ему теперь, когда при одномъ взглядѣ на него, умени замирасъ сердце и пересыхаетъ во рту? Ни одна изъ тѣхъ безысленныхъ рѣчей, которая она, обращаясь къ государю, слагала въ свое мѣсто воображеній, не приходила ему теперь въ голову. Тѣ рѣчи большую частію держались совсѣмъ при другихъ условіяхъ, тѣ говорились большую частію въ минуты побѣды и торжества; и иреничущество на смертномъ бѣдѣ отъ полученныхъ ранъ, въ то время, какъ государь благодарили его за геройскіе поступки, и омы, утирал, высасывая изъ подтвержденної на дѣлѣ любовь свою. «Потомъ, чѣмъ же я буду спрашивать государя обѣзъ его присказаний про правый флангъ, когда уже теперь 4-я часть велера и сраженіе проиграно? Нѣть, решительно я не долженъ подѣлжать въ лицу, не долженъ нарушать его загадчивости. Лучше умереть на сѣщачу разъ, чѣмъ получить отъ него "дурной взглядъ, дурное мнѣніе"; рѣшилъ Ростовъ и съ грустью и съ отчаяніемъ въ сердцѣ пойти прочь, безпредстанно оглядываясь на все еще стоявшаго въ томъ же положеніи нерѣшительности государя.

Въ то время, какъ Ростовъ дѣлалъ эти соображенія и печально отѣждалъ отъ государя, капитана фонъ-Толь случайно наѣхалъ на то же място; и, увидавъ государя, прямо подѣжалъ къ нему, предложилъ ему свои услуги и помочь перейти пѣшкомъ черезъ канаву. Государь, желая отдохнуть и чувствуя себя нездоровыимъ, сѣлъ подъ яблочное дерево, и Толь остановился подлѣ него. Ростовъ издалека съ застѣлью и раскаяніемъ видѣлъ, какъ фонъ-Толь что-то долго и съ жаромъ говорилъ государю, какъ государь, видимо зашакавъ, закрылъ глаза рукой и покачалъ руку. Тогда

„И это я могъ бы быть на его мѣстѣ!“ подумалъ про себя Ростовъ и, едва удерживая слезы сожалѣнія объ участіи государя, въ совершенномъ отчаяніи побѣжалъ дальше, не зная куда и зачѣмъ онъ теперьѣдетъ.

Его отчаяніе было тѣмъ сильнѣе, что онъ чувствовалъ, что его собственная слабость была причиной его горя.

Онъ могъ бы... не только могъ бы, но онъ долженъ былъ подѣхать къ государю. И это былъ единственный случай показать государю свою преданность. И онъ не воспользовался имъ... „Чтѣ я надѣлалъ?“ подумалъ онъ. И онъ повернулся лошадь и поскакалъ назадъ къ тому мѣсту, где выѣхѣлъ императора; но никого уже не было за кавалеріей. ТолькоТкали повозки и экипажи. Отъ одного фурмана Ростовъ узналъ, что Кутузовскій штабъ находится неподалеку въ деревнѣ, куда шли обозы. Ростовъ побѣжалъ за ними.

Впереди его шелъ береготорь Кутузова, ведя двинадцать именахъ. За береготоромъ шла повозка, и за повозкой шелъ старикъ дворовый въ картузѣ, полушибурѣ и съ кирзовыми ногами.

— Тить, а Тить! сказалъ береготорь.

— Чего? разсѣянно отвѣчалъ старикъ.

— Тить! Ступай молотить.

— Э, дуракъ, твфу! сердито плюнувъ, сказалъ старикъ.

Прошло нѣсколько времени молчаливаго движенія, и повторилась опять та же шутка.

Въ пятои часу вечера сраженіе было проиграно на всѣхъ пунктахъ. Болѣе ста орудій находилось уже во власти французовъ.

Притѣшевскій съ своимъ корпусомъ положилъ оружіе. Другія колоннѣ, растерявъ около половины людей, отступали

разстроеными, перемежающимися толпами. Остатки войск Ланжерона и Дохтурова, смывшись, теснились около прудовъ на плотинахъ и берегахъ у деревни Аугеста.

Въ 6-мъ часу толькo у плотинъ Аугеста еще смыкалась звяжкая кавалонада однихъ французовъ, выстроившихъ многочисленный батарей на спускѣ Праденскихъ высотъ и бывшихъ идущихъ отступающими войсками.

Въ арриергардѣ, Дохтуровъ и другіе, собирая батальоны, отстриливались отъ французской кавалеріи, преслѣдовавшей нашихъ. Начинало смеркаться. На узкой плотинѣ Аугеста, на которой столько лѣтъ мирно сиживали въ колпакѣ старичекъ-издѣльникъ съ удочками, въ то время, какъ внукъ его, засучивъ рукава рубашки, перебиралъ въ лейтѣ серебряную трепещущую рыбку, на этой плотинѣ, по которой столько лѣтъ мирно проѣзжали на своихъ парныхъ возахъ, нагруженныхъ инструментами, въ мокнатыхъ шапкахъ и сбрыхъ курткахъ изгравы и уѣзжали по той же плотинѣ, запыленные пылью, съ бѣлыми возами — на этой узкой плотинѣ теперь, между фургонами и пушкинами, подъ щитадьми и между колесъ толпились обезображенными страхомъ смерти люди, давая другъ друга, уширали, шагали чрезъ умирающихъ и убивая другъ друга для того, чтобы, пройдя нѣсколько шаговъ, быть точно такъ же убитыми. Каждый десять секундъ, нагнетая воздухъ, испускалъ ядро или разрывалась граната въ срединѣ этой густой толпы, убивая и обрызгивая кроемъ тѣль, которые стояли близко. Долоховъ, раненый въ руку, пышкомъ съ десяткомъ солдатъ своей роты (онъ былъ уже офицеръ) и его полковой командиръ верхомъ представляли изъ себя остатки всего полка. Влекомые толпой они втѣснились во входъ въ пло-

тии и сжатые со всѣхъ сторонъ остановились; потому что впереди упала лошадь подъ пушкой и толпа вытаскивала ее. Одно ядро убило кого-то сзади ихъ, другое ударило впереди и забрызгало кровью Долохова. Толпа отчаянно на-
двинулась, сжалась, тронулась наскользко шаговъ и остановилась. „Пройти эти сто шаговъ, и погибъ навѣрное“, думалъ каждый.

Долоховъ, стоявшій въ серединѣ толпы, рванулся къ врагу и плотинѣ, сбивъ съ ногъ двухъ солдатъ, и сбѣжалъ на скользкій ледъ, покрывшій прудъ.

Сворачивай! закричалъ онъ подпрыгивая по льду, ко-
торый трещалъ подъ нимъ — сворачивай! кричалъ онъ на орудіе. — Держать!.. Ледъ держалъ его, но гнулся и тре-
щалъ, и очевидно было, что не только подъ орудіемъ или
толпой народа, но подъ нимъ однимъ онъ сейчасъ рухнетъ.
На него смотрѣли и жались къ берегу, не решаясь еще
ступить на ледъ. Командиръ полка, стоявший верхомъ у
вѣза, поднялъ руку и раскрылъ ротъ, обращаясь къ До-
лохову. Вдругъ одно изъ ядеръ такъ низко засвистѣло надъ
толпой, что всѣ пагнулись. Что-то шлепнулось въ мокрое,
и генералъ упалъ съ лошадью въ лужу крови. Никто не
взглянулъ на генерала, не подумалъ поднять его.

Пошелъ на ледъ! пошелъ по льду! Пошелъ! вороти!
яль не слышны! Пошелъ! вдругъ послѣ ядра, покинувшаго
игоря, послышались безчисленные голоса, сами не зная
что и зачѣмъ кричавшіе.

Одно изъ заднихъ орудій, вступившее на плотину, своро-
тило на ледъ. Толпы солдатъ съ плотинѣ стали сбѣгать на
замерзшій прудъ. Подъ однимъ изъ переднихъ солдатъ тре-

снуль ледъ, и одна нога ушла въ воду: онъ хотѣлъ спра-
виться и провалился по колѣсъ. Ближайшіе солдаты замялись,
орудійный Ѣзовой остановилъ свою лошадь, но сзади все
еще слышались крики: „Пошелъ на ледъ, что сталь; пошелъ!
пошелъ!“ И крики ужаса послышались въ толпѣ. Солдаты,
емутившіе орудія, махали на лопадей и били ихъ, чтобъ
они сворачивали и подвигались. Лошади тронулись съ берега.
Ледъ, державшій пѣшикъ, рухнулъ огромнымъ кускомъ, и
человѣкъ сорокъ, бывший на льду, бросились кто впередъ,
кто назадъ, потоптавъ одинъ другаго.

Ядра все тѣжь разномѣрно свистѣли и шлепались на ледъ,
въ воду и чаще всего въ толпу, покрывавшую плотину, пруды
и берега.

XIX.

На Праценской горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ
упалъ съ древкомъ знамени въ рукахъ, лежалъ князь Андрей
Болконскій, истекая кровью, и самъ не зналъ того, стональ
тихимъ, жалостнымъ и дѣтскимъ стономъ.

Къ вечеру онъ пересталъ стонать и совершенно затихъ.
Онъ не зналъ, какъ долго продолжалось его забытье. Вдругъ
онъ опять почувствовалъ себя живымъ и страдающимъ отъ
згучей и разрывающей что-то боли въ головѣ.

„Гдѣ я?.. это высокое небо, которого я не зналъ до сихъ
поръ и увидѣлъ никакъ?..“ было первою его мыслью. „И страданія
этого я не зналъ также“,.. подумалъ онъ. „Да, я ничего
чего не зналъ до сихъ поръ.. Но гдѣ я?..“

Онъ сталъ прислушиваться и услыхалъ звуки приближаю-
щагося толота лопадей и звуки голосовъ, говорившихъ по-
французски. Онъ раскрылъ глаза. Надѣяньиѣ было опять

все то же высокое небо съ еще выше поднявшимися пылающими облаками, сквозь которых виднѣлась синѣющая безконечность. Онъ не поворачивалъ головы и не видѣлъ тѣхъ, которые, судя по звуку копытъ и голосовъ, подѣхали къ нему и остановились.

Подѣхавшіе верховые были Наполеонъ, сопутствовавшій двумъ адъютантамъ Бонапарте, объѣзжая поле сраженія, отдававъ послѣднія приказація обѣ усиленіи батарей, стрѣляющихъ по плотинѣ Аугеста и разсматривавъ убитыхъ и раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія.

— Славный народъ! сказалъ Наполеонъ, глядя на убитаго русскаго grenadера, который съ утищутымъ въ землю лицомъ и почернѣлымъ затылкомъ лежалъ на животѣ, откинувъ далеко одну уже закоченѣвшую руку.

— Батарейныхъ зарядовъ больше нѣть, ваше величество, сказалъ въ это время адъютантъ, пріѣхавшій съ батарей, стрѣлявшихъ по Аугесту.

— Велите привезти изъ резервовъ, сказалъ Наполеонъ; и отѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился надъ кипящимъ Андреемъ, лежавшимъ навзничь съ брошеннымъ подѣхомъ дрекомъ знамени (значи уже, какъ трофеи, было взято французы). (Въ 1813 году въ Бородинской битве французы взяли въ трофеи знамя 1-го драгунскаго полка.)

— Вотъ прекрасная смерть, сказалъ Наполеонъ, глядя на Болконскаго. Кназъ Андрей понялъ, что это было сказано о немъ, и что говорить это Наполеонъ. Онъ слышалъ, какъ называли „ваше величество“ того, кто сказалъ эти слова. Но онъ слышалъ эти слова, какъ бы они слышали „мухи“ мухи. Онъ не только не интересовался ими, но онъ и не замѣтилъ, а тотчасъ же забылъ ихъ. Ему згло голову; онъ чувствовалъ, что онъ исходитъ кровью, и онъ видѣлъ на

собою далекое, преское и вѣчное небо. Онь зналъ, что это былъ Наполеонъ — его герой, но въ эту минуту Наполеонъ казался ему столь маленькимъ, пичтожнымъ человѣкомъ, въ срѣніи съѣть, что происходило теперь между его душой и этимъ высокимъ, безконечнымъ небомъ съ блѣущими по немъ облаками. Ему было совершенно все равно въ эту минуту, кто бы ци стоялъ надъ мицъ, что бы ни говорилъ о всемъ; онъ рады были только тому, что остановились надъ мицъ люди, и желаю только, чтобы эти люди помогли ему и возвратили бы его къ жизни, которая казалась ему столь прекрасной; потому что онъ таинъ иначе понималъ ее теперь. Онь собралъ всѣ свои силы, чтобы пошевелиться и привести какои-нибудь звукъ. Онъ слабо пошевелилъ ногою и промзгвель, самаго его размалюбившій, слабый, болѣвненныи стонъ.

— А! онъ живъ, — сказалъ Наполеонъ. — Поднять этого молодаго человѣка и ехести на перевязочный пунктъ! Сказавъ это, Наполеонъ поѣхалъ дальше на встречу къ маршалу Лану, который снявъ шляпу, улыбаясь и поздравляя съ побѣдой, подѣжалъ къ императору.

Князь Андрей не помнилъ ничего дальше: онъ потерялъ сознаніе отъ страшной боли, которую причинили ему укладываніе на носилки, толчки во время движений и зондированіе раны на перевязочномъ пунктѣ. Онъ очнулся уже только въ концѣ дня, когда его, соединявъ съ другими русскими, ранеными и лѣтнными офицерами, понесли въ госпиталь. На этомъ передвиженіи онъ чувствовалъ себя; исконицко свѣжѣе и могъ оглядываться и даже говорить, какъ

Первые слова, которыхъ онъ услыхалъ, когда очнулся — были слова французскаго воинскаго офицера, который поспѣшилъ говорить:

— Надо здесь остановиться: императоръ сейчас проѣдетъ; ему доставить удовольствіе — видѣть этихъ плѣнныхъ господъ.

— Нынче такъ много плѣнныхъ, чутъ не вся русская армія, что ему вѣроятно это наскучило, — сказали другой офицеръ.

— Ну, однако! Этотъ, говорить, командръ всей гвардіи императора Александра, сказала первый, увидѣла на раненаго русскаго офицера въ бѣломъ кавалергардскомъ мундирѣ. Болконскій узналъ князя Репнина, котораго онъ вскѣчаль въ петербургскомъ свѣтѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ другой 19-ти-лѣтній мальчикъ, тоже раненый кавалергардскій офицеръ.

Бонапартъ, подѣхавъ галопомъ, остановилъ лошадь.

— Кто старшій? сказала онъ, увидавъ плѣнныхъ?

— Назвали полковника, князя Репнина.

— Вы командръ кавалергардскаго полка императора Александра? спросилъ Наполеонъ.

— Я командовалъ эскадрономъ, отвѣчалъ Репнинъ.

— Вашъ полкъ честно исполнилъ долгъ свой, — сказала Наполеонъ.

— Похвала великаго полководца есть лучшая награда солдату, — сказала Репнинъ.

— Съ удовольствіемъ отдаю ее вамъ, — сказала Наполеонъ.

— Кто этотъ молодой человѣкъ подѣявась? Князь Репнинъ назвалъ поручика Сухтелена.

Посмотрѣвъ на него, Наполеонъ сказала, улыбаясь:

— Молодъ же онъ сунулся биться съ панией!

— Молодость не вѣнчаетъ быть храбрымъ, проговорилъ обрывающимся голосомъ Сухтеленъ.

Прекрасный юноша, — скажаль Наполеонъ; — Молодой человекъ, вы далеко пойдете! Князь Андрей, для знатоты трофея павлинниковъ выставленный также впередъ, на глаза императору, не могъ не привлечь его внимание. Наполеонъ видимо вспомниль, что они назывыше на полѣ, и, обращаясь къ нему, онъ употребилъ то самое наименование «молодаго человѣка», подъ которымъ Бодионий въ первый разъ отразился въ его замыслѣ. Императоръ не избѣжалъ иронии, и спросилъ: Ну, вы, молодой человѣкъ? обратился онъ къ нему; — какъ бы себя чувствуешь, старъ братъ?

Несмотря на то, что за пять минутъ передъ этимъ, князь Андрей могъ сказать всхѣлько словъ солдатамъ, перепончивъ его, князь теперь, прямо устремивъ свои глаза на Наполеона, молчалъ. Ему тѣхъ ничтожны казались въ эту минуту всѣ интересы, занимавшіе Наполеона; такъ мелоченье казалось ему самъ первъ его съ этимъ мѣлкимъ тѣснствомъ радостю побѣды, и сравненіемъ съ тѣмъ высокимъ, справедливымъ и добрымъ небомъ, которое онъ видѣлъ и помнилъ, и не могъ отвѣтить ему. Ужда и все казалось толь безылезно и ничтожно въ сравненіи съ строгими и величественными стремъ мысли, которой ощущали въ немъ ослабленіе спѣль отъ истекшей крови, страданіе и близкое приданіе смерти. Глядя въ глаза Наполеона, князь Андрей думалъ о ничтожности величія, о ничтожности жизни, которой никто не могъ понять значеніе, ибо еще болѣе ничтожествъ смерти, смисла второї никто не могъ понять и объяснить изъ живущихъ. Императоръ, не дождавшись отвѣта, отвернулся и отъ лица обратилъ его одному изъ начальниковъ.

— Пусть позаботятся объ этихъ господахъ, и не везутъ ихъ въ мой бивуакъ; пускай мой докторъ Ларрэ осмотритъ ихъ раны. До свиданія, князь Репинъ; и онъ, тронувъ лошадь, галопомъ поѣхалъ дальше.

На лицѣ его было сіяніе самодовольства и счастія.

Солдаты, принеши князю Андрею и сказавши съ него поцѣвашій имъ золотой образокъ, павшій на брага княжною Марькою, увидавъ масковость, съ которой обращался императоръ съ плѣнными, поспѣшили возвратить образокъ.

Князь Андрей не видаль, кто и какъ ведѣлъ его? Опять, по на груди его сверхъ мундира вдругъ очутился образокъ на мелкой золотой цѣпочкѣ.

„Хорошо бы это было“, подумалъ князь Андрей, взглянувъ на этотъ образокъ, который съ такимъ чувствомъ и благоговѣніемъ навѣсила на него сестра; скорѣе бы это было, ежели бы все было такъ ясно и просто, какъ оно кажется княжнѣ Марьѣ. Какъ хорошо бы было знать, гдѣ искать помощи въ этой жизни, и чего ждать послѣ неї, тамъ за гробомъ!“

„Какъ бы счастливъ и спокоенъ я былъ, ежели бы могъ сказать теперь: Господи, помилуй меня!.. Но кому я скажу это? Или сила — неопредѣленная, беспощадная, съ которой я не только не могу обращаться, но которой не могу съразить словами, великое все или ничего“, говорилъ онъ самъ себѣ, „или это тотъ Богъ, который вотъ здѣсь замѣтъ, изъ этой ладонкѣ, княжной Марьей? Ничего, ничегоѣтъѣршаго, кромѣ ничтожества, всего того, что мѣй понятно, и невѣдимаго чего-то непонятаго, но важнѣйшаго!“

Досылки тронулись. При каждомъ толчкѣ, онъ оѣтъ чувствовалъ невыносимую боль; ликорадочное состояніе усѣ-

лилось, и онъ начиналъ бредить. Тѣ мечтанія объ отцѣ, женѣ, сестрѣ и будущемъ сыпѣ, и нѣжность, которую онъ испытывалъ въ ночь наканунѣ сраженія, фигура маленькаго, ничтожнаго Наполеона и, надъ всѣмъ, этимъ высокое небо составляли главное основаніе его горячечныхъ представлений.

Тихая жизнь и спокойное семейное счастіе въ Лысыхъ Горахъ представлялись ему. Онъ уже паслаждался этимъ счастіемъ, когда вдругъ явился маленький Наполеонъ съ своимъ безучастнымъ, ограниченнымъ и счастливымъ отъ несчастія другихъ взглядомъ, и начинались сомнѣнія, муки, и только небо обѣщало успокоеніе. Къ утру всѣ мечтанія смѣшились и слились въ хаосъ и мракъ безпамятства и забвенія, которыя гораздо вѣроятнѣе, по мнѣнію самого Ларрея, доктора Наполеона, должны были разрѣшиться смертью, чѣмъ выздоровленіемъ.

— Это субъектъ нервный и желчный, сказалъ Ларрей, — онъ не выздоровѣеть. Князь Андрей, въ числѣ другихъ безнадежныхъ раненыхъ, былъ сданъ на попеченіе жителей.

and the first two years of the war, the number of deaths increased from 1,000 to 10,000 per month. The number of deaths per month decreased during the last three years of the war, but still remained at a high level. The total number of deaths in the first year of the war was 12,000, and in the second year it was 10,000. In the third year it was 8,000, and in the fourth year it was 6,000. The total number of deaths in the fifth year of the war was 4,000, and in the sixth year it was 2,000. The total number of deaths in the seventh year of the war was 1,000, and in the eighth year it was 500. The total number of deaths in the ninth year of the war was 200, and in the tenth year it was 100.

The total number of deaths in the first year of the war was 12,000, and in the second year it was 10,000. The total number of deaths in the third year of the war was 8,000, and in the fourth year it was 6,000. The total number of deaths in the fifth year of the war was 4,000, and in the sixth year it was 2,000. The total number of deaths in the seventh year of the war was 1,000, and in the eighth year it was 500. The total number of deaths in the ninth year of the war was 200, and in the tenth year it was 100.

The total number of deaths in the first year of the war was 12,000, and in the second year it was 10,000. The total number of deaths in the third year of the war was 8,000, and in the fourth year it was 6,000. The total number of deaths in the fifth year of the war was 4,000, and in the sixth year it was 2,000. The total number of deaths in the seventh year of the war was 1,000, and in the eighth year it was 500. The total number of deaths in the ninth year of the war was 200, and in the tenth year it was 100.

Jeremiah Curtin,
СОЧИНЕНИЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО

ВОЙНА И МИРЪ

Томъ II.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ

МОСКВА.

ТИПОГРАФИЯ Э. ЛИССИЕРЬ И Ю. РОМАНЬ, АРБАТЬ, д. ПЛАТОНОВА
1886.

СОЧИНЕНИЯ
ГРАФА *Tereniak Curtin*,
Л. Н. ТОЛСТАГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЙНА И МИРЪ

Томъ II.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ

МОСКВА.

Типография Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Платонова.
1886.

Harvard College Library
Sept. 3, 1913
Bequest of
Jeremiah Curtin

ВОЙНА И МИРЪ.

1864—1869.

THE LITTLE

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ началѣ 1806-го года Николай Ростовъ вернулся къ отпуску. Денисовъѣхалъ тоже домой въ Воронежъ, и Ростовъ уговорилъ егоѣхать съ собой до Москвы и остановиться у нихъ въ домѣ. На предпослѣдней станціи встрѣтился товарища, Денисовъ выпилъ съ нимъ три бутылки вина и, подѣѣхавъ къ Москвѣ, несмотря на ухабы дороги, не просыпался, лежа на днѣ перекладныхъ саней подъ Ростова, который, по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, приходилъ все болѣе и болѣе въ нетерпѣніе.

— Скоро ли? Скоро ли? О, эти пестропыльные улицы, лавки, калачи, фонари, извозчики! думалъ Ростовъ, когда уже они записали свои отпуски на заставѣ и выѣхали въ Москву.

— Денисовъ, прїѣхали! Спить! говорилъ онъ, всѣмъ тѣломъ подаваясь впередъ, какъ будто онъ этимъ положеніемъ падалъся ускорить движение саней. Денисовъ не откликнулся.

— Вотъ онъ уголь-перекрестокъ, гдѣ Захарь извозчикъ стоитъ; вотъ онъ и Захарь, и все та же лошадь. Вотъ и лавочка, гдѣ пражники покупали. Скоро ли? Ну!

— Къ какому дому-то? спросилъ имѣцикъ.

— Да вонъ на концѣ, къ большому, какъ ты не видишь? Это нашъ домъ, говорилъ Ростовъ, — вѣдь это нашъ домъ!

— Денисовъ! Денисовъ! Сейчасъ пріѣдемъ.

Денисовъ поднялъ голову, откашлялся и ничего не отвѣтилъ.

— Дмитрій, обратился Ростовъ къ лакею на облучкѣ. — Вѣдь это у насъ огонь?

— Такъ точно-съ, и у наценъки въ кабинетѣ свѣтится.

— Еще не ложились? А? какъ ты думаешь?

— Смотри же не забудь, тотчасъ достать мнѣ новую венгерку, прибавилъ Ростовъ, ощущивая новые усы.

— Ну же, пошелъ, кричалъ онъ ямщику. — Да проснись же, Вася, обращался онъ къ Денисову, который опять опустилъ голову.

— Да ну же, пошелъ, три цѣлковыхъ на водку, помель! закричалъ Ростовъ, когда уже сани были за три дома отъ подъѣзда. Ему казалось, что лошади не двигаются. Наконецъ сани взяли вправо къ подъѣзду, падъ головой своей Ростовъ увидаль знакомый карнизъ съ отбитою штукатуркой, крыльцо, тротуарный столбъ. Онъ на ходу выскочилъ изъ саней и побѣжалъ въ сѣни. Домъ такъ же стоялъ неподвижно, не радушно, какъ будто ему дѣла не было до того, кто пріѣхалъ въ него. Въ сѣняхъ никого не было. «Боже мой! все ли благополучно?» подумалъ Ростовъ, съ замираниемъ сердца останавливалась на минуту и тотчасъ пускаясь бѣжать дальше по сѣнямъ и знакомымъ, покрывавшимся стучаниемъ. Все та же дверная ручка замка, за нечистоту которой сердилась графилия, такъ же слабо отворялась. Въ передней горѣла одна сальная свѣча.

Старикъ Михайло спалъ на ларѣ. Шрокофій, выѣздной лакей, тотъ, который быть такъ силенъ, что за задокъ подп-

малъ карету, сидѣлъ и вязалъ изъ покромокъ лапти. Онъ взглянуль на отворившуюся дверь, и равнодушное, сонное выраженіе его вдругъ преобразилось въ восторженно-испуганное.

— Батюшки-свѣты! Графъ молодой! вскрикнулъ онъ, узнавъ молодаго барина. Чѣмъ жъ это? Голубчикъ мой! И Прокофій, трясись отъ волненія; бросился къ двери въ гостиную, вѣроятно для того, чтобы объявить; но видно опять раздумалъ, вернулся назадъ и припалъ къ плечу молодаго барина.

— Здоровы? спросилъ Ростовъ, выдергивая у него свою руку.

— Слава Богу! Все слава Богу! сейчасъ только покушали! Дай на тебя посмотрѣть, ваше сіятельство!

— Все совсѣмъ благополучно?

— Слава Богу, слава Богу!

Ростовъ, забывъ совершило о Денисовѣ, пе желая никому дать предупредить себя, скинуль шубу и на цыпочкахъ побѣжалъ въ темную, большую залу. Все то же, тѣ же ломберные столы, та же люстра въ чехлѣ; но кто-то ужъ видѣлъ молодаго барина, и не успѣль онъ добѣжать до гостиної, какъ что-то стремительно, какъ бури, вылетѣло изъ бековой двери и обнало и стало цѣловать его. Еще другое, третье такое же существо выскочило изъ другой, третьей двери; еще обѣятія, еще поцѣлуи, еще крики, слезы радости. Онъ не могъ разобрать, гдѣ и кто пана, кто Наташа, кто Петя. Всѣ кричали, говорили и цѣловали его въ одно и то же время. Только матёри не было въ числѣ ихъ, — это онъ помнилъ.

— А я-то не зналъ... Николушка... другъ мой!

— Вотъ онъ... нашъ-то... Другъ мой, Коля... Неремѣнился! Нѣть свѣдей! Чаю!

— Да меня-то поцѣлуй!

— Душенька... а меня-то.

Соня, Наташа, Петя, Анна Михайловна, Вѣра, старый графъ обнимали его; и люди и горничные, наполнивъ комнаты, приговаривали и ахали.

Петя ловясь на его ногахъ.

— А меня-то! кричалъ онъ.

Наташа, послѣ того, какъ она, пригнувъ его къ себѣ, разцѣловала все его лицо, отскочила отъ него и, держась за полу его венгерки, прыгала какъ коза все на одномъ мѣстѣ и произительно визжала.

Со всѣхъ сторонъ были блестящіе слезами радости, любящіе глаза, со всѣхъ сторонъ были губы, искавшія подцѣлуя.

Соня, красная какъ кумачъ, тоже держалась за его руку и вся сияла въ блаженномъ взглядѣ, устремленномъ въ его глаза, которыхъ она ждала. Сонѣ минуло уже 16 лѣтъ, и она была очень красива, особенно въ эту минуту счастливаго, восторженаго оживленія. Она смотрѣла на него, не спуская глазъ, улыбаясь и задерживая дыханіе. Онъ благодарно взглянулъ на нее; по все еще ждалъ и искалъ кого-то. Старая графиня еще не выходила. И вотъ послышались шаги въ двухъ. Шаги такие быстрые, что это не могли быть шаги его матери.

По это была она въ новомъ, незнакомомъ еще ему, спи-
томъ безъ него платьѣ. Всѣ оставили его, и онъ побѣжалъ
къ пей. Когда они сопллись, она упала на его грудь, рыдая.
Она не могла поднять лицо и только прижимала его къ хо-
лоднымъ снуркамъ его венгерки. Деписовъ, никѣмъ не замѣ-
ченный, войдя въ комнату, стоялъ тутъ же и, глядя на нихъ,
терпѣлъ себѣ глаза.

— Василій Денисовъ, другъ вашего сына, сказаль онъ, рекомендуясь графу, вопросительно смотрѣвшему на него.

— Милости прошу. Знаю, знаю, сказалъ графъ, цѣлуя и обнимая Денисова. — Николушка писалъ... Наташа, Вѣра, вотъ онъ, Денисовъ.

Тѣ же счастливыя, восторженныя лица обратились на мокнатую фигуру Денисова и окружили его.

— Голубчикъ Денисовъ, визгнула Наташа, не помнившая себя отъ восторга, подскочила къ нему, обняла и поцѣловала его. Всѣ смущались поступкомъ Наташи. Денисовъ тоже покраснѣлъ, по улыбнулся, и взявъ руку Наташи, поцѣловалъ ее. Денисова отвели въ приготовленную для него комнату, а Ростовы всѣ собрались въ диванную около Николушки.

Старая графиня, не выпуская его руки, которую она всякою минуту цѣловала, сидѣла съ пимъ рядомъ; остальные, стоявшіе вокругъ нихъ, ловили каждое его движеніе, слово, взглядъ, и не спускали съ него восторженно-влюбленныхъ глазъ. Братья и сестры спорили и перехватывали мѣста другъ у друга поближе къ нему, и дрались за то, кому принести ему чай, платокъ, трубку.

Ростовъ былъ очень счастливъ любовью, которую ему выражали; но первая минута его встрѣчи была такъ блаженна, что теперешняго его счастія ему казалось мало, и онъ все ждалъ чего-то еще, и еще, и еще.

На другое утро приѣзжій спалъ съ дороги до 10-го часа. Въ предшествующей комнатѣ валялись сабли, сушки, ташки, раскрытые чемоданы, грязные сапоги. Вычищенные двѣ пары со шпорами были только что поставлены у стѣнки. Слуги приносили умывальники, горячую воду для бритья и вычищенные платья. Нахло табакомъ и мушинами.

— Гей, Гришка, трубку! крикнул хриплый голось Васьки Денисова. — Ростовъ, вставай!

Ростовъ, протирая слипавшіеся глаза, поднялъ спутанную голову съ жаркой подушки.

— А что поздно?

— Поздно, десятый часъ, отвѣчалъ Наташинъ голосъ, и въ соѣднѣй комнатѣ послышалось шуршаніе крахмаленныхъ платьевъ, шопотъ и смѣхъ дѣвичьихъ голосомъ, и въ чутъ растворенпую дверь мелькнуло что-то голубое, ленты, черные волосы и веселыя лица. Это была Наташа съ Соней и Петей, которые пришли навѣдаться, не встали ли.

— Николенька, вставай! опять послышался голось Наташи у двери.

— Сейчасъ! Въ это время Петя, въ первой комнатѣ, увидавъ и схвативъ саблю, и испытывая тотъ восторгъ, который испытываютъ мальчики при видѣ воинственнаго старшаго брата, и забывъ, что сестрамъ неприлично видѣть раздѣтыхъ мужчинъ, отворилъ дверь.

— Это твоя сабля? кричалъ онъ. Дѣвочки отскочили. Денисовъ съ испуганными глазами спряталъ свои мокнаты ноги въ одѣяло, оглядываясь за помощь на толстушку. Дверь пронестила Петю и опять затворилась. За дверью послышался смѣхъ.

— Николенька, выходи въ халатѣ, проговорилъ голось Наташи.

— Это твоя сабля? спросилъ Петя, — или это ваша? съ подобострастнымъ уваженіемъ обратился онъ къ усатому черному Денисову.

Ростовъ послѣдніо обулся, надѣлъ халатъ и вышелъ. Наташа надѣвала одинъ сапогъ съ шнуромъ и влѣзала въ другой.

Соня кружилась и только что хотѣла раздуть платок и приступить, когда онъ вышелъ. Обѣ были въ одинаковыхъ, новенькихъ, голубыхъ платьяхъ — свѣжія, румяные, веселыя. Соня убѣжала, а Наташа, взявъ брата подъ руку, повела его въ диванную, и у нихъ начался разговоръ. Они не успѣвали спрашививать другъ друга и отвѣтчать на вопросы о тысячахъ мелочей, которыхъ могли интересовать только ихъ однихъ. Наташа сѣялась при всякомъ словѣ, которое онъ говорилъ и которое она говорила, не потому, чтобы было смѣшино то, что они говорили, но потому, что ей было весело и она не въ силахъ была удерживать своей радости, выражавшейся смѣхомъ.

— Ахъ, какъ хорошо, отлично! приговаривала она ко всему. Ростовъ почувствовалъ, какъ, подъ вліяніемъ жаркихъ лучей любви, въ первый разъ черезъ полтора года на душѣ его и на лицѣ распускалась та дѣтская улыбка, которую онъ ни разу не улыбался съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ дома.

— Нѣтъ, послушай, сказала она, — ты теперь совсѣмъ мушкина? Я ужасно рада, что ты мой братъ. Она тронула его усы. — Мнеъ хочется знать, какіе вы мушкины? Такіе ли, какъ мы? Нѣтъ.

— Отчего Соня убѣжала? спрашивалъ Ростовъ.

— Да. Это еще цѣлая исторія! Какъ ты будешь говорить съ Соней? Ты пли мы?

— Какъ случится, сказалъ Ростовъ.

— Говори ей мы, пожалуйста, я тебѣ послѣ скажу.

— Да что же?

— Ну, я теперь скажу. Ты знаешь, что Соня мой другъ, такой другъ, что я руку сожгу для нея. Вотъ, посмотри. Она засунула свой кисейный рукавъ и показала на своей длинной, худой и нѣжной ручкѣ подъ плечомъ, гораздо выше

локта (въ томъ мѣстѣ, которое закрыто бываетъ и бальными платьями), красную мѣтину.

— Это я сожгла, чтобы доказать ей любовь. Просто линейку разожгла на огнь, да и прижала.

Сидя въ своей прежней классной комнатаѣ, на диванѣ съ подушечками на ручкахъ, и глядя въ эти отчаянно-оживленные глаза Наташи, Ростовъ опять вошелъ въ тотъ свой семейный, дѣтскій міръ, который не имѣлъ ни для кого никакого смысла, кромѣ какъ для него, но который доставлялъ ему одни изъ лучшихъ наслажденій въ жизни; и сожженіе руки линейкой для показанія любви показалось ему не бесполезно: онъ понималъ и не удивлялся этому.

— Такъ что же? только? спросилъ онъ.

— Ну, такъ дружны, такъ дружны! Этѣ что, глупости — линейкой; по мы навсегда друзья. Она кого полюбить, такъ навсегда; а я этого не понимаю, я забуду сейчасъ.

— Ну, такъ что же?

— Да, такъ она любить меня и тебя. Наташа вдругъ покраснѣла. — Ну, ты помнишь, предъ отѣздомъ... Тамъ она говорить, что ты это все забудь... Она сказала: я буду любить его всегда, а онъ пускай будетъ свободенъ. Вѣдь правда, что это отлично, благородно! — Да, да? очень благородно? да? спрашивала Наташа такъ серьезно и взволнованно, что видно было, что то, что тѣ она говорить теперь, она прежде говорила со слезами. Ростовъ задумался.

— Я ни въ чемъ не беру назадъ своего слова, сказалъ онъ. — И потому, Соня такая прелестъ, что какой же дуракъ станетъ отказываться отъ своего счастія?

— Нѣть, пѣть, закричала Наташа. — Мы про это уже съ нею говорили. Мы знали, что ты это скажешь. Но это

нельзя; потому что, понимаешь, ежели ты такъ говоришь, — считаешь себя связаннымъ словомъ, то выходить, что она ~~всамъ будто нарочно это сказала~~. Выходить, что ты все-таки насильно на нее жениться, и выходить совсѣмъ не то.

Ростовъ видѣлъ, что все это было хорошо придумано имъ. Соня и вчера поразила его своею красотой. Нынче, увидавъ ее ~~шелькомъ~~, она ему показалась еще лучше. Она была прелестная 16-ти лѣтняя дѣвочка, очевидно страстью его любящая (~~къ этомъ онъ не сомнѣвался ни на минуту~~). Отчего же ему было не любить ея теперь, и не жениться даже, думалъ Ростовъ; но... теперь столько еще другихъ радостей и занятій! „Да, онъ это прекрасно придумалъ“, подумалъ онъ, „надо оставаться свободнымъ“.

— Ну и прекрасно, сказалъ онъ, — послѣ ~~поговоримъ~~. Ахъ, какъ я тебѣ радъ! прибавилъ онъ. — Ну, а что же, ты Борису не измѣнила? спросилъ братъ.

— Вотъ, глупости! смѣясь крикнула Наташа. — Ни о пемъ и ви ~~о комъ~~ я не думаю и знать не хочу.

— Вотъ какъ! Такъ ты что же?

— Я? переспросила Наташа, и счастливая улыбка освѣтила ея лицо. — Ты видѣлъ Дюпора?

— Нѣтъ.

— Знаменитаго Дюпора, танцовщика не видаль? Ну, такъ ты не поймешь. Я — вотъ что такое. Наташа взяла, округливъ руки, свою юбку, какъ танцуютъ, отбѣжала нѣсколько шаговъ, перевернулась, сдѣлала антраша, побила ножкой объ ножку и, ставъ на самые кончики носковъ, прошла нѣсколько шаговъ.

— Вѣдь стоялъ? вѣдь вотъ, говорила юна; но не удержалась на цыпочкахъ. — Такъ вотъ я что такое! Никогда ни

за кого не пойду замужъ, а пойду въ танцовщицы. Только никому не говори.

Ростовъ такъ громко и весело захочоталъ, что Денисову изъ своей комнаты стало завидно, и Наташа не могла удержаться, засмѣялась съ нимъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, вѣдь хорошо? все говорила она.

— Хорошо. За Бориса уже не хочешь выходить замужъ? Наташа вскинула.

— Я не хочу ни за кого замужъ пдти. Я ему то же самое скажу, когда увижу.

— Вотъ какъ! сказалъ Ростовъ.

— Ну, да это все пустяки, продолжала болтать Наташа.

— А чтò, Денисовъ хороший? спросила она.

— Хороший,

— Ну и прощай, одѣвайся. Онъ страшный — Денисовъ?

— Отчего страшный? спросилъ Николай. — Нѣтъ, Васька славный.

— Ты его Васькой зовешь?... странно. А что онъ очень хороший?

— Очень хороший.

— Ну, приходи скорѣе чай пить. Всѣ вмѣстѣ.

И Наташа встала на цыпочкахъ и прошлась изъ комнаты такъ, какъ дѣлаютъ танцовщицы, но улыбаясь такъ, какъ только улыбаются счастливыя 15-ти лѣтнія дѣвочки. Встрѣтившись въ гостиной съ Соней, Ростовъ покраснѣлъ. Онъ не зналъ какъ обойтись съ ней. Вчера они цоцѣловались въ первую минуту радости свиданія, по вынѣче они чувствовали, что нельзя было этого сдѣлать; онъ чувствовалъ, что все, и мать и сестры, смотрѣли на него вопросительно и отъ него ожидали, какъ онъ поведеть себя съ нею. Онъ мордѣ-

зоваль ея руку и назвалъ ее *вы* — *Соня*. Но глаза ихъ, встрѣтившись, сказали другъ другу „ты“ и нѣжно поцѣловались. Она просила своимъ взглядомъ у него прощенія за то, что въ посольствѣ Наташи она сиѣла напомнить ему о его обѣщаніи и благодарила его за его любовь. Онъ своимъ взглядомъ благодарилъ ее за предложеніе свободы и говорилъ, что таинъ ли, иначе ли, онъ никогда не перестанетъ любить ее, потому что нельзя не любить ее.

Какъ однако странно, сказала Вѣра, выбравъ общую минуту молчанія, что Соця съ Николеckой теперь встрѣтились на *вы* и какъ чужие. — Замѣчаніе Вѣры было справедливо, какъ и вся ея замѣчанія; но, какъ и отъ болѣшей части ея замѣчаній, всѣмъ сдѣлалось неловко, и не только Соця, Николай и Наташа, но и старая графиня, которая боялась этой любви сына къ Соцѣ, могущей лишить его блестящей партіи, тоже покраснѣла какъ дѣвочка. Денисовъ, изъ удивленію Ростова, изъ новомъ мундирѣ, напомаженый и надушенный, явился въ гостиную, такимъ же щеголемъ, какимъ онъ бывалъ въ сраженіяхъ, и такимъ любезнымъ съ дамами и павалерами, какимъ Ростовъ никакъ не ожидалъ его видѣть.

II.

Вернувшись въ Москву изъ арміи, Николай Ростовъ былъ принятъ домашними какъ лучшій сынъ, герой и пенаглядимый Николушка, родными — какъ милый, пріятный и почтительный молодой человѣкъ; знакомыми — какъ красивый, гусарскій поручикъ, ловкий танцоръ и одинъ изъ лучшихъ жениховъ Москвы.

Знакомство у Ростовыхъ была вся Москва; депеть же нынѣшній годъ у старого графа было достаточно, потому что

были перезаложены все имѣлія, и потому Николушка, заведя своего собственнаго рысака и самые модные рѣтзузы, особенны, какихъ ни у кого еще въ Москвѣ не было, и самоги самые модные, съ самыми острыми носками и маленьчими серебряными широрами, проводилъ время очень весело. Ростовъ, вернувшись домой, испыталъ приятное чувство послѣ нѣкотораго промежутка времени примѣрнанія себя къ старымъ условіямъ жизни. Ему казалось, что онъ очень возмужалъ и выросъ. Отчаяніе за невыдержаній изъ завона Божьяго экзаменъ, запимавшее депегъ у Гаврилы на лавощника, тайные подѣлуи съ Соней, онъ про все это вспоминалъ, какъ про ребячество, отъ котораго онъ неизмѣримо былъ далекъ теперь. Теперь онъ — гусарскій поручикъ въ серебряномъ мундирѣ, съ солдатскимъ Георгіемъ, готовить资料 своего рысака на бѣгъ, вѣѣть съ известными охотниками, пожилыми, почтенными. У него знакомая дама на бульварѣ, въ которой есть Фэдитъ вечеромъ. Онъ дирижировалъ мазурку на балѣ у Архаровыхъ, разговаривалъ о войнѣ съ фельдмаршаломъ Каденскимъ, бывалъ въ англійскомъ клубѣ, и быть на мы съ однимъ сорокалѣтнимъ полковникомъ, съ которымъ познакомилъ его Денисовъ.

Страсть его къ государю нѣсколько ослабѣла въ Москвѣ, такъ какъ онъ за это время не видалъ и не имѣлъ случая видѣть его. Но онъ все-таки часто рассказывалъ о государѣ, о своей любви къ нему, давая чувствовать, что онъ еще не разъясняется, что что-то еще есть въ его чувствѣ къ государю, чѣмъ можетъ быть всѣмъ явно; и отъ всей души раздѣляя общее въ то время въ Москвѣ чувство обожанія къ императору Александру Павловичу, которому въ Москвѣ въ то время было дано наименованіе „ангела во плоти“.

Въ это короткое пребываніе Ростова въ Москвѣ; до отъѣзда въ армію, онъ не сблизился, а напротивъ разошелся съ Соней. Она была очень хороша, мила, и очевидно, страстно влюблена въ него; но онъ былъ въ той порѣ молодости, когда кажется такъ много дѣла, что некогда этимъ заниматься, и молодой человѣкъ боится связываться — дорожить своею свободой, которая ему нужна на многое другое. Когда онъ думалъ о Соњѣ въ это новое пребываніе въ Москвѣ, онъ говорилъ себѣ: „Есть еще много, много такихъ будетъ и есть тамъ, гдѣ-то, мнѣ еще неизвѣстныхъ. Еще успѣю, когда захочу, заняться и любовью, а теперЬ некогда“. Кромѣ того, ему казалось, что-то унизительное для своего мужества въ женскомъ обществѣ. Онъ ѻздилъ на балы и въ женское общество, притворяясь, что дѣлалъ это противъ воли. Бѣга, англійский клубъ, кутежъ съ Денисовымъ, поѣзда туда — это было другое дѣло: это было прилично молодцу-гусару.

Въ началѣ марта, старый графъ Илья Андреичъ Ростовъ былъ озабоченъ устройствомъ обѣда въ англійскомъ клубѣ для приема князя Багратіона.

Графъ въ халатѣ ходилъ по залѣ, отдавая приказанія клубному экономическому, знаменитому Осоктпсту, старшему повару англійского клуба, о спаржѣ, свѣжихъ огурцахъ, землянкѣ, теленкѣ и рыбѣ для обѣда князя Багратіона. Графъ со дня основанія клуба былъ его членомъ и старшиною. Ему было поручено отъ клуба устройство торжества для Багратіона, потому что рѣдко кто умѣлъ такъ, на широкую руку, хлѣбосольно устроить пиръ, особенно потому, что рѣдко кто умѣлъ и хотѣлъ приложить свои деньги, если онѣ понадобятся на устройство пира. Поваръ и экономъ клуба съ веселыми лицами слушали приказанія графа, потому что они знали, что

ни при комъ, какъ при немъ, нельзя было лучше поживиться на обѣдѣ, который стоилъ нѣсколько тысячъ.

— Такъ, смотри же, гребешковъ, гребешковъ въ тортю положи, знаешь!

— Холодныхъ, стало-быть, три?... спрашивалъ поваръ. Графъ задумался.

— Нельзя меныше, три... майонезъ разъ, сказалъ онъ, загибая палецъ...

— Такъ прикажете стерлядей большихъ взять? спросилъ экономъ.

— Чѣмъ дѣлать, возьми, коли не уступаютъ. Да, батюшка ты мой, я было и забылъ. Вѣдь надо еще другую антре на столъ. Ахъ, отцы мои! Онъ схватился за голову. — Да что же мы цвѣты привезетъ? Митенька! А Митенька! Скачи ты, Митенька, въ подмосковную, обратился онъ къ вошедшему на его зовъ управляющему, — скачи ты въ подмосковную и вели ты сейчасъ нарядить барщину Максимѣ-садошнику. Скажи, чтобы все оранжереи сюда волокъ, укутываль бы войлоками. Да чтобы мы двѣсти горшковъ тутъ къ патницѣ были.

Отдавъ еще и еще разныя приказанія, онъ вышелъ было отдохнуть къ графинюшкѣ, но вспомнилъ еще нужное, вернулся самъ, вернуль повара и эконома и опять сталъ приказывать. Въ дверяхъ послышалась легкая, мужская походка, брацанье шпоръ, и красивый, румяный, съ чернѣющимиися успками, видимо отдохнувшій и выхолившійся на спокойномъ житьѣ въ Москвѣ, вошелъ молодой графъ.

— Ахъ, братецъ мой! Голова кругомъ идетъ, сказалъ старикъ, какъ бы стыдясь, улыбаясь предъ сыномъ. — Хоть вотъ ты бы помогъ! Надо иѣдь еще пѣсельниковъ. Музика у меня

Феть, да цыганъ что ли назвать. Ваша — братія военные это любить.

— И право, папенька, я думал, князь Багратионъ, когда готовился къ Шенграбенскому сраженію, меньше хлопоталъ, чѣмъ вы теперь, сказалъ сынъ, улыбаясь.

Старый графъ притворился разсерженнымъ.

— Да, ты толкуй, ты попробуй! И графъ обратился къ повару, который съ умнымъ и почтеннымъ лицомъ наблюдалъ и ласково поглядывалъ на отца и сына.

— Какова молодежь-то, а, Феоктистъ? сказалъ онъ. — Смѣется надъ наими братомъ — стариками!

— Что жъ, ваше сіятельство, имъ бы только покушать хорошо, а какъ все собрать да сервировать, это не ихъ дѣло!

— Такъ, такъ! закричалъ графъ, и, весело схвативъ сына за обѣ руки, закричалъ: — такъ вотъ же что, попался ты мыѣ! Возьми ты сейчасъ сани парные и ступай ты къ Безухому, и скажи, что графъ, моль, Илья Андреевичъ прислали просить у васъ землники и ананасовъ свѣжихъ. Больше ни у кого не достанешь. Самого то нѣть, такъ ты зайди, книжнамъ скажи, и оттуда, вотъ что, поѣзжай ты на Разгуляй, — Цыпака кучерь знаетъ, — найди ты тамъ Ильюшку-цыгана, вотъ что у графа Орлова тогда плясалъ, помнишь, въ бѣломъ казакинѣ, и притащи ты его сюда ко мнѣ.

— И съ цыганками его сюди привести? спросилъ Николай, смѣясь.

— Ну, ну!...

Въ это время неслышными шагами, съ дѣловыми, озабоченнымъ и виѣстѣ христіански-кrottкии видомъ, никогда не покидавшимъ ея, вошла въ комнату Анна Михайловна. Несмотря на то, что каждый день Анна Михайловна заставала

графа въ халатѣ, всякий разъ онъ конфузился при ней и просилъ извиненія за свой костюмъ.

— Ничего, графъ, голубчикъ, сказала она, кротко закрывая глаза. — А къ Безухому я съѣзжу, сказала она. — Молодой Безухій пріѣхалъ, и теперь мы все достанемъ, графъ, изъ его оранжерей. Миѣ и нужно было видѣть его. Онъ мнѣ прислалъ письмо отъ Бориса. Слава Богу, Боря теперь при штабѣ.

Графъ обрадовался, что Анна Михайловна брала одну часть его порученій, и велѣлъ ей заложить маленькую карету.

— Вы Безухому скажите, чтобъ онъ пріѣзжалъ. Я его зашишу. Чѣмъ онъ, съ женой? спросилъ онъ.

Анна Михайловна завела глаза, и на лицѣ ея выражалась глубокая скорбь....

— Ахъ, мой другъ, онъ очень несчастливъ, сказала она. Ежели правда, что мы слышали, это ужасно. И думали ли мы, когда такъ радовались его счастію! и такая высокая, небесная душа, этотъ молодой Безухій! Да, я отъ души жалѣю его и постараюсь дать ему утѣшепіе, которое отъ меня будетъ зависѣть.

— Да чѣмъ же такое? спросилъ оба Ростова, старшій и младшій.

Анна Михайловна глубоко вздохнула.

— Долоховъ, Марья Ивановна сказала она таинственнымъ шепотомъ, говорятъ, совсѣмъ компрометировалъ ее. Онъ его вывелъ, пригласилъ къ себѣ въ домъ въ Петербургъ, и вотъ... Она сюда пріѣхала, и этотъ сорви-голова за ней, сказала Анна Михайловна, желая выразить свое сочувствіе Ільеру, но тѣмъ невольныхъ интонаціяхъ и полуулыбкою показывалъ сочувствіе сорви-головѣ, какъ она па-

звала Доложова. — Говорить, самъ, Ньеръ совсѣмъ убить
своимъ горемъ. — Ну, все-таки скажите ему, чтобы онъ приѣзжалъ въ
клубъ, — все разсвѣтится. Пиръ горой будетъ.

На другой день, 3-го марта, во второмъ часу полудни, 250 человѣкъ членовъ англійского клуба и 50 человѣкъ гостей ожидали въ обѣду дорогаго гостя и героя австрійскаго похода, князя Багратіона. Въ первое время по получешіи извѣстія объ Аустерлицкомъ сраженіи Москва пришла въ нѣдоумѣніе. Въ то время русскіе такъ привыкли къ побѣдамъ, что, получивъ извѣстіе о пораженіи, одни просто не зѣрили, другіе искали объясненій такому странному событию въ какихъ-нибудь необыкновенныхъ причинахъ. Въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ собирались все, что было значащаго, имѣющаго вѣрнаго свѣдѣнія и вѣсь, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда стали приходить извѣстія, ничего не говорили про войну и про послѣднее сраженіе, какъ будто вся говорили молчашъ о немъ. Люди, дававшіе направление разговорамъ, какъ-то: графъ Ростовчикъ, князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, Валуевъ, графъ Марковъ, князь Вяземскій, не показывались въ клубѣ, а собирались по домамъ, въ своихъ интимныхъ иружкахъ, и москвики, говорившіе съ чужихъ голосовъ (къ которымъ принадлежалъ и Илья Андреичъ Ростовъ), оставались на короткое время безъ опредѣленного сужденія о дѣлѣ войны и безъ руководителей. Москвики чувствовали, что что-то нехорошо и что обсуждать эти дурныя вѣсти трудно, и потому лучше молчать. Но чрезъ нѣсколько времени, какъ присланные выходятъ изъ совѣщательной комнаты, появились и тузы, дававшіе мнѣніе въ клубѣ, и все заговорило ясно и опредѣленно. Выли найдены причины

тому неимовѣрному, неслыханному и невозможному событию, что русские были побиты, и все стало яспо, и во всѣхъ углахъ Москвы заговорили одно и то же. Причины эти были: измѣна австрійцевъ, дурное продовольствіе войска, измѣна поляка Иршебышевскаго и француза Ланжерона, неспособность Кутузова, и (потихоньку говорили) молодость и неопытность государя, ввѣрившагося дурнымъ и ничтожнымъ людямъ. Но войска, русскія войска, говорили все, были необыкновенны и дѣлали чудеса храбрости. Солдаты, офицеры, генерали — были герои. Но героемъ изъ героями былъ князь Багратіонъ, прославившійся своимъ Шенграбенскимъ дѣломъ и отступлениемъ отъ Аустерлица, гдѣ онъ одинъ прорвавъ свою колонну неразстроеною, и цѣлый день отбивавъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля. Тому, что Багратіонъ выбралъ героемъ въ Москвѣ, содѣйствовало и то, что онъ не имѣлъ связей въ Москвѣ, и былъ чужой. Въ лицѣ его отдавалась честь боевому, простому, безъ связей и интригъ, русскому солдату, еще связанныму воспоминаніями Итальянскаго похода съ именемъ Суворова. Кроме того въ возданії ему такихъ почестей лучше всего показывалось нерасположеніе и неодобрение Кутузова.

— Ежели бы не было Багратиона, надо бы было изобрѣсти его, сказаль шутникъ Шиншинъ, пародируя слова Вольтера. Про Кутузова никто не говорилъ, и изѣкоторые шепотомъ брали его, называя придворною вертушкой и старымъ сатиромъ.

По всей Москвѣ повторялись слова князя Долгорукова: „лѣни-лѣпя и облѣпишься“, утѣшившагося въ нашемъ пораженіи восномашапіемъ прежнихъ побѣдъ и повторяясь слова Растанчина про то, что французскихъ солдатъ надо воз-

буждать къ сраженіямъ высокопарными фразами, что съ нѣмцами надо логически разсуждать, убѣждая ихъ, что опаснѣе бѣжать, чѣмъ идти впередъ; но что русскихъ солдатъ надо только удерживать и просить: потише! Со всѣхъ сторонъ слышны были новые и новые рассказы объ отдѣльныхъ при-мѣрахъ мужества, оказанныхъ нашими солдатами и офице-рами при Аустерлицѣ. Тотъ спасъ знамя, тотъ убилъ пять французовъ, тотъ одинъ заряжалъ пять пушекъ. Говорили и про Берна, кто его не зналъ, что онъ, раненый въ правую руку, взялъ шпагу въ лѣвую и пошелъ впередъ. Про Вол-конского ничего не говорили, и только близко знаяшіе его жалѣли, что онъ рано умеръ, оставивъ беременную жену и чудака-отца.

III.

3-го марта во всѣхъ комнатахъ Англійскаго клуба стоялъ стонъ разговаривающихъ голосовъ, и, какъ пчелы на весен-немъ иролетѣ, сновали взадъ и впередъ, сидѣли, стояли, склонились и расходились, въ мундирахъ, фракахъ и еще кое-что въ пурпурѣ и кафтанахъ, члены и гости клуба. Пуд-реище, въ чулкахъ и башмакахъ, ливрейные лакеи стояли у каждой двери и напряженно старались уловить каждое движение гостей и членовъ клуба, чтобы предложить свои услуги. Большинство присутствовавшихъ были старые, по-чтенные люди съ широкими, самоувѣренными лицами, тол-стыми нальцами, твердыми движениями и голосами. Этого рода гости и члены сидѣли по известнымъ, привычнымъ мѣстамъ и склонились въ известныхъ, привычныхъ кружкахъ. Малая часть присутствовавшихъ состояла изъ случайныхъ гостей — преимущественно молодежи, въ числѣ которой былъ

Денисовъ, Ростовъ и Долоховъ, который былъ ошь Семеновскимъ офицеромъ. На лицахъ молодежи, особенно воинской, было выражение того чувства презрительной почтительности къ старикамъ, которое какъ будто говорить старому поколѣнію: „уважать и почтать васъ мы готовы, но помните, что все-таки за нами будущность“.

Несвицкій былъ тутъ же, какъ старый членъ клуба, Пьеръ, по приказанію жены отпустившій волоса, снявши очки и одѣтый по модному, но съ грустнымъ и унылымъ видомъ, ходилъ по заламъ. Его, какъ и вездѣ, окружала атмосфера людей, преклонявшихся предъ его богатствомъ, и онъ съ привычкой царствованія и разсѣянною презрительностью обращался съ ними.

По годамъ онъ бы долженъ былъ быть съ молодыми, по богатству и связямъ опять былъ членомъ кружковъ старыхъ, почтенныхъ гостей, и потому онъ переходилъ отъ одного кружка къ другому. Старики изъ самихъ значительныхъ составляли центръ кружковъ, къ которымъ почтительно приближались даже незнакомые, чтобы послушать извѣстныхъ людей. Больше, кружки составились около графа Растворчина, Валуева и Нарышкина. Растворчинъ, рассказывалъ про то, какъ русскіе были смыты бѣжавшими австрійцами и должны были штыкомъ прокладывать себѣ дорогу сквозь бѣглцовъ.

Валуевъ конфиденціально рассказывалъ, что Уваровъ былъ присланъ изъ Петербурга для того, чтобы узнатъ мнѣніе москвичей объ Аустерлицѣ.

Въ третьемъ кружкѣ Нарышкинъ говорилъ о засѣданіи австрійского военного совѣта, въ которомъ Суворовъ закричалъ штурхомъ въ ответъ на глупость австрійскихъ генера-

ловъ. Шиншинъ, стоявшій тутъ же, хотѣлъ пошутить, сказавъ, что Кутузовъ, видно, и этому штучному искусству — кричать по-штушиному — не могъ выучиться у Суворова, но старички строго посмотрѣли на шутника, давая ему тѣмъ чувствовать, что здѣсь и въ нынѣшній день такъ неприлично было говорить про Кутузова.

Графъ Илья Андреичъ Ростовъ озабоченно, торопливо перекаивалъ въ своихъ мягкихъ сапогахъ изъ столовой ѿ гостиную, носкѣши и совершенно одинаково здороваясь съ важными и неважными лицами, которыхъ онъ всѣхъ зналъ, и изрѣдка отыскивая глазами своего стройнаго молодца-сына, радостно останавливалъ на немъ свой взглядъ и подмигивалъ ему. Молодой Ростовъ стоялъ у окна съ Долоховымъ, съ которымъ онъ недавно познакомился, и знакомствомъ资料中未提及的“ко-”被忽略，导致句意不完整。可能为“знакомствомъ ко-”或“знакомствомъ съ”，但根据上下文，后者更符合语境。他刚认识不久的朋友，而他父亲则对他非常熟悉。

— Ко мнѣ милости пропу, вотъ ты съ моимъ молодцомъ знакомъ... вмѣстѣ тамъ, вмѣстѣ геройствовали... А! Василій Игнатьичъ... здорово, старый, обратился онъ къ проходившему старичку, но не успѣлъ еще договорить привѣтствія, какъ все зашевелилось, и прибѣжавшій лакей, съ испуганнымъ лицомъ, доложилъ: „пожаловали!“

Раздались звонки; старшины бросились впередъ; разбросанные въ разныхъ комнатахъ гости, какъ встряхнутая рожь на лопатѣ, столпились въ одну кучу и остановились въ большой гостиной у дверей зала.

Въ дверяхъ передней показался Багратионъ, безъ шляпы и шпаги, которая онъ, по клубному обычая, оставилъ у швейцара. Онъ былъ не въ смушковомъ картизѣ съ ногайкой черезъ плечо, какъ видѣлъ его Ростовъ въ ночь нака-

иунѣ Аустерлицкаго сраженія, а въ иономъ узкомъ мундирѣ съ русскими и иностранными орденами и съ Георгіевскою звѣздой на лѣвой сторонѣ груди. Онъ видимо сейчась, предъ обѣдомъ, подстригъ волосы и бакенбарды, что невыгодно измѣняло его физіономію. На лицѣ его было что-то наивно-праздничное, дававшее, въ соединеніи съ его твердыми, мужественными чертами, даже нѣсколько юморическое выраженіе его лицу. Беклевшовъ и Федоръ Петровичъ Уваровъ, пріѣхавшіе съ пятью вмѣстѣ, остановились въ дверяхъ, жалая, чтобы онъ, какъ главный гость, прошелъ впередъ ихъ. Багратіонъ смѣялся, не желая воспользоваться имъ учтивостью; произошла остановка въ дверяхъ, и наконецъ Багратіонъ все-таки прошелъ впередъ. Онъ шелъ, не зная куда дѣвать руки, застѣнчиво и неловко по паркету пріемной; ему привычне и легче было ходить подъ пулками по вычищенному полу какъ опѣ шель предъ Курскимъ полкомъ въ Шенграбенѣ. Старшины встрѣтили его у первой двери, сказавъ ему нѣсколько словъ о радости видѣть столь дорогаго гостя, и не дождавшись его отвѣта, какъ бы завладѣвъ имъ, окружили его и повели въ гостиную. Въ дверяхъ гостиной не было возможности пройти отъ столившихся членовъ и гостей, давившихъ другъ друга и черезъ плечи другъ друга старавшихся, какъ рѣдкаго звѣря, разсмотретьъ Багратіона. Графъ Илья Андреичъ, энергичнѣе всѣхъ сидѣясь и приговаривая: «пусти, милый, пусти, пусти», протолкалъ толпу, провелъ гостей въ гостиную и посадилъ на середній диванъ. Тузы, почетнѣйшіе члены клуба, обступили вновь прибывшихъ. Графъ Илья Андреичъ, проталкиваясь опять черезъ толпу, вышелъ изъ гостиной и съ другимъ старшимъ черезъ минуту явился, неся большое серебряное блюдо, которое онъ

поднесъ князю Багратіону. На блюдѣ лежали сочиненные и напечатанные въ честь героя стихи. Багратіонъ, увидавъ блюдо, испуганно оглянулся, какъ бы отыскивая помощи. Но во всѣхъ глазахъ было требование того, чтобы онъ покорился. Чувствуя себя въ ихъ власти, Багратіонъ рѣшительно, обѣими руками, взялъ блюдо и сердито, укоризненно посмотрѣвъ на графа, подносившаго его. Кто-то услужливо вынулъ изъ руки Багратіона блюдо (а то бы онъ, казалось, намѣрѣнъ былъ держать его такъ до вечера и такъ идти къ столу) и обратилъ его вниманіе на стихи. «Ну, и прочту», какъ будто сказалъ Багратіонъ, и устремивъ усталые глаза на бумагу, стала читать съ сосредоточеннымъ и серьезнымъ видомъ. Самъ сочинитель взялъ стихи и сталъ читать. Князь Багратіонъ склонилъ голову и слушалъ.

«Славь тако Александра вѣкъ
И охранилъ намъ Тита на престолѣ.
Будь купно страшный вождь и добрый человѣкъ,
Рафей въ отечествѣ, а Цесарь въ бранномъ полѣ.
Да счастливый Наполеонъ,
Познавъ чрезъ опыты каковъ Багратіонъ,
Не смѣть утруждать Алжидовъ Русскихъ болѣ...»

Но еще онъ не кончилъ стиховъ, какъ громогласный дво-рецкій провозгласилъ: „Кушанье готово!“ Дверь отворилась, загремѣла изъ столовой польскій: „громъ побѣды раздавайся, веселися, храбрый Россъ“, и графъ Илья Андреичъ, сердито посмотрѣвъ на автора, продолжавшаго читать стихи, раскланялся предъ Багратіономъ. Всѣ встали, чувствуя, что обѣдъ былъ важнѣе стиховъ, и опять Багратіонъ впереди всѣхъ вошелъ въ столу. На первомъ мѣстѣ, между двухъ Александровъ — Беклемешова и Нарышкина, что тоже имѣло значеніе

по отпоменю иъ имени государя, посадили Багратиона: 300 человѣкъ размѣстились въ столовой по чинамъ и важности, кто поважище — цблизе къ чествуемому гостю; такъ же естественно, какъ вода разливается туда глубже, гдѣ мѣстность ниже.

Предъ самимъ обѣдомъ графъ Илья Андреичъ предсталъ князю своего сына. Багратионъ, узнавъ его, склонилъ нѣсколько нескладныхъ, неловкихъ словъ, какъ и всѣ слова, которыя онъ говорилъ въ этотъ день. Графъ Илья Андреичъ радостно и гордо оглядывалъ всѣхъ въ то время, какъ Багратионъ говорилъ съ его сыномъ.

Николай Ростовъ съ Денисовымъ и новымъ знакоимъ Долоховымъ сѣли вмѣстѣ почти на серединѣ стола. Напротивъ ихъ сѣлъ Пьеръ рядомъ съ княземъ Иссвицкимъ. Графъ Илья Андреичъ сидѣлъ напротивъ Багратиона съ другими старшинами и угощалъ князя, олицетворяя въ себѣ московское радушіе.

Труды его не пропали даромъ. Обѣды его, постный и скромный, были великолѣпны, по совершенно спокойнѣ онъ все-таки не могъ быть до конца обѣда. Онъ подмигивалъ буфетчику, шепотомъ приказывалъ лакеямъ, и не безъ волненія ожидалъ каждого знакомаго ему блюда. Все было прекрасно. На второмъ блюде, вмѣстѣ съ исполнинской стерлядию (увидавъ которую, Илья Андреичъ покраснѣлъ отъ радости и застѣнчивости), уже лакеи стали хлопать пробками и наливать шампанское. Послѣ рыбы, которая произвела въ-которое впечатлѣніе, графъ Илья Андреичъ переглянулся съ другими старшинами: „Много тостовъ будетъ, зора начнѣть!“ шепнулъ онъ и, взявъ бокаль въ руки, всталъ. Всѣ замолкли и ожидали, что онъ скажетъ.

Здоровье государя императора! крикнуль опь, и въ ту же минуту добрые глаза его увлажнились слезами радости и восторга. Въ ту же минуту заиграли: „Громъ побѣды раздавайся“. Всѣ встали съ своихъ мѣсть и закричали: ура! И Багратіонъ закричалъ ура! тѣмъ же голосомъ, какимъ опь кричалъ на Шенграбенскомъ полѣ. Восторженный голосъ молодаго Ростова былъ слышенъ изъ-за всѣхъ 800 голосовъ. Онъ чуть не плакалъ. „Здоровье государя императора“, кричалъ онъ, „ура!“ Выпивъ залпомъ свой бокалъ, онъ бросилъ его на полѣ. Многіе послѣдовали его примѣру. И долго продолжались громкіе крики. Когда замолкли голоса, лакеи подобрали разбитую посуду, и всѣ стали усаживаться и, улыбаясь своему крику, переговариваться. Графъ Илья Андреичъ поднялся опять, взглянуль на записочку, лежавшую подъ его тарелки и провозгласилъ тостъ за здоровье героя нашей москвѣдней кампаніи, князя Петра Ивановича Багратіона, и онъять голубые глаза графа увлажнились слезами. „Ура!“ опять закричали голоса 300 гостей и вѣсто музыки послышалася, пѣвшіе кантату сочиненія Павла Ивановича Кутузова.

«Тщетны Россамъ всѣ препоны,
Храбрость есть побѣда залогъ,
Есть у насъ Багратіоны,
Будуть всѣ враги у ногъ» и т. д.

Только что кончили пѣвшіе, какъ послѣдовали новыи и пошире тосты, при которыхъ все больше и больше расчувствовался графъ Илья Андреичъ, и еще больше билось посуды, и сдѣ больше кричалось. Или за здоровье Беклемешова, Нарышкина, Уварова, Долгорукова, Апраксина, Валуева, за здоровье старшаго, за здоровье распорядителя, за здоровье всѣхъ членовъ клуба, за здоровье всѣхъ гостей клуба и наконецъ

отдельно за здоровье учредителя обѣда графа Ильи Андрепча. При этомъ тостъ графъ вынулъ платокъ и, закрывъ имъ лицо, совершенно расплакался.

IV.

Пьеръ сидѣлъ противъ Долохова и Николая Ростова. Онъ много и жадно ъѣлъ и много пилъ, какъ и всегда. Но тѣ, которые его знали коротко, видѣли, что въ немъ произошла въ нынѣшній день какая-то большая перемѣна. Онъ молчалъ все время обѣда и, шурясь и морщась, гладѣлъ кругомъ себя или, остановивъ глаза, съ видомъ совершенной разсѣянности, потиралъ пальцемъ переносицу. Лицо его было уныло и мрачно. Онъ, казалось, не видѣлъ и не слышалъ ничего происходящаго вокругъ него и думалъ о чёмъ-то однѣмъ, тяжеломъ и неразрѣшенномъ.

Этотъ неразрѣшенній мучившій его вопросъ, были намеки княжны въ Москвѣ на близость Долохова къ его женѣ, и въ нынѣшнее утро полученное имъ анонимное письмо, въ которомъ было сказано съ тою подлою шутливостью, которая свойственна всѣмъ анонимнымъ письмамъ, что онъ плохо видить сквозь свои очки, и что связь его жены съ Долоховымъ есть тайна только для одного его. Пьеръ рѣшительно не повѣрилъ ни намекамъ княжны, ни письму, но ему страшно было теперь смотрѣть на Долохова, сидѣвшаго предъ нимъ. Всейкий разъ, какъ нечаянно взглянуть его встрѣчался съ прекрасными, наглыми глазами Долохова, Пьеръ чувствовалъ, какъ что-то ужасное, безобразное поднималось въ его душѣ, и онъ скорѣе отворачивался. Невольно вспоминала все прошедшее своей жены и ея отношенія съ Долоховымъ, Пьеръ видѣлъ ясно, что то, что сказано было въ письмѣ, могло быть

правда, могло по крайней мѣрѣ казаться правдой, ежели бы это касалось не *свои жены*. Пьеръ вспоминалъ невольно, какъ Долоховъ, которому было возвращено все послѣ кампаниі, вернулся въ Петербургъ и прїѣхалъ къ нему. Пользуясь своими кутежными отношеніями дружбы съ Пьеромъ, Долоховъ прямо прїѣхалъ къ нему въ домъ, и Пьеръ помѣстилъ его и даль ему взаймы денегъ. Пьеръ вспоминалъ, какъ Эленъ, улыбалась, выражала свое неудовольствіе за то, что Долоховъ живеть въ ихъ домѣ, и какъ Долоховъ цинически хвалилъ ему красоту *его жены* и какъ онъ съ того времени, до прїѣзда въ Москву ни на минуту не разлучался съ ними.

„Да, онъ очень красивъ, думалъ Пьеръ, — я знаю его. Для него была бы особенная прелестъ въ томъ, чтобы осрамить мое имя и посмѣяться надо мной, именно потому, что я хлопоталъ за него и призрѣль его, помогъ ему. Я знаю, я понимаю, какую соль это въ его глазахъ должно бы придавать его обману, ежели бы это была правда. Да, ежели бы это была правда, но я не вѣрю, не имѣю права и не могу вѣрить“. Онъ вспоминалъ то выраженіе, которое принимало лицо Долохова, когда на него находили минуты жестокости, какъ тѣ, въ которыхъ онъ связывалъ квартального съ медвѣдемъ и пускалъ его на воду, или когда онъ вызывалъ безъ всякой причины на дуэль человѣка, или убивалъ изъ пистолета лошадь яицника. Это выраженіе часто было на лицѣ Долохова, когда онъ смотрѣль на него. „Да, онъ бретёръ, думалъ Пьеръ, ему ничего не значить убить человѣка, ему должно казаться, что всѣ боятся его, ему должно быть врятно это. Онъ долженъ думать, что и я боюсь его. И дѣйствительно, я боюсь его“, думалъ Пьеръ, и опять при этихъ мысляхъ онъ чувствовалъ, какъ что-то страшное и

безобразное поднималось въ его душѣ. Долоховъ и Ростовъ сидѣли теперь противъ Ієра и казались очень веселы. Ростовъ весело переговаривался съ своими двумя приятелями, изъ которыхъ одинъ былъ лихой гусарь, другой известный бретёръ и повѣса, и изрѣдка наспѣшно поглядывалъ на Ієра, который на этомъ обѣдѣ поражалъ своюю со средоточеніемъ, разсѣянною, массивною фигурой. Ростовъ недоброжелательно смотрѣлъ на Ієра, во-первыхъ, потому что Ієръ, въ его гусарскихъ глазахъ, былъ штатскій богачъ, мужъ красавицы, вообще баба; во-вторыхъ, потому что Ієръ въ сосредоточенности и разсѣянности своего настроения не узнавалъ Ростова и не отвѣтилъ на его поклонъ. Когда стали пить здоровье государя, Ієръ, задумавшись, не всталъ и не взялъ бокала.

— Что жъ вы? закричалъ ему Ростовъ, восторженно-озлобленными глазами, глядя на него. — Развѣ вы не слышите: здоровье государя императора! Ієръ, вдохнувшись, покорно всталъ, выпилъ свой бокаль и, дождавшись когда все сѣли, съ своей доброю улыбкой обратился къ Ростову.

— А я васъ и не узналъ, сказалъ онъ. Но Ростову было не до этого, онъ кричалъ ура!

— Чѣмъ ты не возобновишь знакомства, сказалъ Долоховъ Ростову.

— Богъ съ пимъ, дуракъ, сказалъ Ростовъ.

— Надо лелѣять, мужей хорошенъкихъ женщинъ, сказалъ Денисовъ. Ієръ не слышалъ, что они говорили, но зналъ, что говорятъ про него. Онъ покраснѣлъ и отвернулся.

— Ну, теперь за здоровье красивыхъ женщинъ, сказалъ Долоховъ; и съ серьезнымъ выраженіемъ, по съ улыбающимся въ углахъ ртомъ, съ бокаломъ обратился къ Ієру.

— За здоровье красивыхъ женщинъ, Петруша, и ихъ любовниковъ, сказаъ онъ.

Пьеръ, опустивъ глаза, пилъ изъ своего бокала, не глядя на Долохова и не отвѣчая ему. Лакей, раздававшій капитату Кутузова, положилъ листокъ Пьера, какъ болѣе почетному гостю. Онъ хотѣлъ взять его, но Долоховъ перегнулся, выхватилъ листокъ изъ его руки и сталъ читать. Пьеръ взглянула на Долохова, зрачки его опустились: что-то страшное и безобразное, мутившее его во все времена обѣда, поднялось и овладѣло имъ. Онъ нагнулся всѣмъ тѣломъ чрезъ столъ.

— Не смѣйте братъ! крикнулъ онъ.

Услыхавъ этотъ крикъ и увидавъ, къ кому онъ относился, Невинцій и сосѣдъ съ правой стороны послушанно и поспѣшило обратился къ Безухову.

Полно-те, полно, что вы? шептали испуганные голоса, Долоховъ посмотрѣлъ на Пьера свѣтлыми, веселыми, жестокими глазами, съ тою же улыбкой, какъ будто онъ говорилъ: „А, вотъ это я люблю“.

— Не дамъ, проговорилъ онъ отчесливо.

Блѣдный, съ трясущеся губой, Пьеръ рванулъ листъ.

— Вы... вы... негодяй!... я васъ вызываю, проговорилъ онъ и, двинувъ стулъ, всталъ изъ-за стола. Въ ту самую секунду, какъ Пьеръ сдѣлалъ это и произнесъ эти слова, онъ почувствовалъ, что вопросъ о виновности его жены, мучившій его эти послѣднія сутки, былъ окончательно и несомнѣнно решенъ утвердительно. Онъ ненавидѣлъ ее и навсегда былъ разорванъ съ нею. Несмотря на просьбы Денисова, чтобы Ростовъ не вмѣшивался въ это дѣло, Ростовъ соудасился быть секундантомъ Долохова, и послѣ стола пе-

ретоворилъ євъ Несвицкимъ, Секундантомъ Борухаго, объ условіяхъ дуэли. Пьеръ уѣхалъ домой, а Ростовъ съ Долоховымъ и Денисовымъ до поздняго вечера простоялъ въ клубѣ, слушая пѣтанія и пѣсенниковъ. Такъ до завтра, въ Сокольникахъ, скажалъ Долоховъ, прощаюсь съ Ростовымъ на крыльца клуба. И тутъ же спросилъ: «Ты спокоенъ? спросилъ Ростовъ. И Денисовъ, добавивъ: «Долоховъ остановился.» Остальные, кроме Ростова, пошли въ клубъ. Вотъ видишь ли, я тебѣ изъ двухъ словахъ открою всю тайну дуэли! Ежели ты идешь на дуэль и ишьшеешь за вѣщанія да пѣжныя письма родителямъ, ежели ты думаешь о томъ, что тебя могутъ убить, ты — дуракъ и навѣрно пропадешь; а ты иди съ твердымъ наѣренiemъ его убить, какъ можно поскорѣе и повѣрѣе, тогда все исправно! Какъ инъ говоривалъ папъ костромской медвѣжатникъ: «можетъ то, говоритъ, какъ не бояться? да какъ увидишь его, и страхъ прѣотель! какъ бы чѣлько не ушелъ! Ну, такъ-то и я! До завтра, миный!»

На другой день въ 8 часовъ утра, Пьеръ євъ Несвицкимъ приѣхали въ Сокольницкій лѣсъ и нашли тамъ уже Долохова, Денисова и Ростова. Пьеръ имѣлъ видъ человека, занятаго какими-то соображеніями, всѣе не касающійся до предстоящаго дѣла. Осунувшееся лицо его было жѣлтѣ. Онъ видимо не спалъ эту ночь. Онъ разсѣянно блѣдѣвалъся вокругъ себя и морщился, какъ будто отъ яркаго солнца. Два соображенія исключительно занимали его: виновность его жены, въ которой послѣ безсонной ночи уже не осталось ни малѣшаго сомнѣнія, и певинность Долохова, не имѣвшаго никакой причинѣ беречь честь чужаго для него человѣка. «Можетъ быть, я бы то же самое сдѣлять бы на его

мѣстѣ", и думалъ: «Ниетъ». Даже и цѣлѣрное вѣдь подѣльть то же самое; къ чему же эта дуаль, это убийство? Или я люблю его, или онъ покидаетъ мій въ голову, въ мокоть, въ ко-
гданику. Уйти отсюда, бѣжать, зарыться куданіи будь", та при-
ходило ему въ голову. Но имѣло въ тѣ минуты, когда ему
приходили такія мысли, онъ съ особенно спокойнымъ и раз-
сѣяніемъ видомъ, внушившимъ уваженіе и смотрѣвшимъ на
загородную Сиреникъ: "Скоро ли, и гетово ли?"
Когда все было лотово, сабли воткнуты въ снѣгъ, означа-
чая барьеръ, до котораго слѣдовало сходиться, и пистолеты
заряжены, Несвицкій подошелъ къ Пьеру.
— Я бы не исполнилъ своей обязанности, графъ, сказъ-
ешь робкими голосомъ, и не оправдалъ бы тога дѣлѣрия и
лести, которая вымыла сѣдѣла, выбравъ меня своимъ сену-
датомъ, ежели бы и въ эту важную минуту, очень важную
минуту, не показалъ быъ всей правды. Я подачаю, что дѣло
этого неизвѣтствъ достаточно причинъ, и что не стоитъ туда,
чтобы за него проливать кровь... Вы были не правы, не
совсѣмъ правы, прогорчились...
— Ахъ, да, ужасно глупо..., сказала Пьеръ.
— Такъ, пожалуйста, мій передать ваше сожалѣніе, и я
увѣренъ, что наши противники согласятся принять ваше
извиненіе, сказъ Несвицкій (такъ же, какъ и другие участники дѣла и какъ и всѣ въ подобныхъ дѣлахъ, не вѣря
еще, чтобы дѣло дошло до дѣйствительной дуали). Вы знаете,
графъ, гораздо благороднѣе сознать свою ошибку, чѣмъ до-
вести дѣло до непоправимаго. Обиды ни есть одной стороны
не было. Позвольте мій переговорить...
— Нѣть, "о чёмъ же говорить?" — сказъ Пьеръ, пѣвое
разъ... Такъ потово? прибавилъ онъ... Вы, мій спаситель

только, какъ куда ходить, и стрѣлять куда? сказали онъ, неестественно-како улыбалсь. Онъ взялъ въ руки пистолетъ, сталъ разспрашивать о способѣ спуска, такъ какъ онъ до сихъ порь не держалъ въ рукахъ пистолета, въ чёмъ онъ не хотѣлъ сознаваться. — Ахъ, да, вотъ такъ, я знаю, я зналъ только, говорилъ онъ.

— Никакихъ извиненій, ничего рѣшительно, говорилъ Долоховъ Денисову, который съ своей стороны тоже сдѣлалъ попытку примиренія, и тоже подошелъ къ назначенному мѣсту.

Мѣсто для поединка было выбрано шагахъ въ 80-ти отъ дороги, на которой остались сани, на небольшой полянкѣ сосноваго лѣса, покрытой истаявшимъ отъ стоявшихъ послѣдніе дни отгелей снѣгомъ. Противники стояли шагахъ въ сорока другъ отъ друга, у краевъ поляны. Секунданты, размѣряя шаги, проложили отпечатавшіеся по мокрому, глубокому снѣгу слѣды отъ того мѣста, гдѣ они стояли, до сабель Несвицкаго и Денисова, означавшихъ барьеръ изъ вѣтвей въ десяти шагахъ другъ отъ друга. Отгель и туманъ продолжались; за сорокъ шаговъ ничего не было видно. Минуты три все было уже готово, и все-таки медлили начинать. Всѣ молчали.

V.

— Ну, начинать! сказалъ Долоховъ,

— Что жъ, сказалъ Церь, все такъ же улыбалсь.

Становилось страшно. Очевидно было, что дѣло, начавшееся такъ легко, уже ничѣмъ не могло быть предотвращено, что оно ишло само собою, уже независимо отъ воли людей,

и должно было совершиться. Денисовъ первый вышелъ впередъ до барьера и провозгласилъ:

— Такъ какъ противники отказались отъ примиренія, то не угодно ли начинать взять пистолеты и по слову „три“ начинать сходиться.

— Р...азъ! Два! Три!... сердито прокричалъ Денисовъ и отошелъ въ сторону. Оба пошли по протоптаннмъ дорожкамъ все ближе и ближе, въ туманѣ узнавая другъ друга. Противники имѣли право, сходясь до барьера, стрѣлять, когда кто захочетъ. Долоховъ шелъ медленно, не поднимая пистолета, вглядываясь въ свои свѣтлыми, блестящими, голубыми глазами въ лицо своего противника. Ротъ его, какъ и всегда имѣлъ на себѣ подобie улыбки.

— Такъ, когда хочу, могу стрѣлять! сказалъ Пьеръ, при словѣ *три*, быстрыми шагами ишелъ впередъ, сбиваясь съ протоптанной дорожки и шагая по цѣльному спѣгу. Иверъ держалъ пистолеть, вытанувъ впередъ правую руку, видимо боясь какъ бы изъ этого пистолета не убить самого себя. Лѣвую руку онъ старательно отставлялъ назадъ, потому что ему хотѣлось поддержать ею правую руку, а онъ зналъ, что этого нельзя было. Пройдя шаговъ шесть и сбившись съ дорожки въ спѣгъ, Пьеръ оглянулся подъ ноги, опять быстро взглянувъ на Долохова и, потянувъ пальцемъ, какъ его учили, выстрѣлилъ. Никакъ не ожидалъ такого сильнаго звука, Пьеръ вздрогнулъ отъ своего выстрѣла, потомъ улыбнулся самъ своему впечатлѣнію и остановился. Дымъ, особенно густой отъ тумана, помѣшилъ ему видѣть въ первое мгновеніе; но другаго выстрѣла, котораго онъ ждалъ, не послѣдовало. Только слышны были торопливые шаги Долохова, и изъ-за дыма показалась его фигура. Одною рукою

онъ держался за лѣвый бокъ, другой скималъ опущенный пистолетъ. Лицо его было блѣдно. Ростовъ подѣжалъ и что-то сказалъ ему.

— И... вѣтъ, проговорилъ сквозь зубы Долоховъ, — иѣть, не кончено, и, сдѣлавъ еще пѣсколько шагающихъ, ковыляющихъ шаговъ до самой сабли; упалъ на сѣйгъ подъ ноги. Лѣвая рука его была въ крови, онъ обтеръ ее о сюртукъ и ощеря ею. Лицо его было блѣдно, нахмурено и дрожало.

— Пожалу..., началъ Долоховъ, но не могъ сразу выговорить... пожалуйте, договорилъ онъ съ усилиемъ. Ильеръ, едва удерживая рѣданія, побѣжалъ къ Долохову, и хотяъ уже перейти пространство, отдѣляющее барьеры, какъ Долоховъ крикнулъ: къ барьеру! и Ильеръ, цонаявъ въ честь дѣла, остановился у своей сабли. Только десять шаговъ раздѣляло ихъ. Долоховъ опустился головой къ сѣйгу, жадно укусилъ сѣйгъ, опять поднялъ голову, цонаялся, подобралъ ноги и сѣлъ, отыскивая прочный центръ тѣжести. Онъ глоталъ хододный сїѣгъ и сосалъ его; губы его дрожали, но все улыбались; глаза блестѣли усилиемъ, и злобой, постѣднѣхъ собранныхъ силъ. Онъ поднялъ пистолетъ и сталъ дѣлиться.

— Бокомъ, закройтесь пистолетомъ, проговорилъ Несвицкій.

— Закройтесь! не выдержавъ, крикнулъ даже Денисовъ своему противнику.

Ильеръ съ кроткою улыбкой сожалѣнія и раскаянія, безпомощно разставивъ ноги и руки, прямо своюю широкую грудью столъ предъ Долоховымъ и грустно смотрѣлъ на него, Денисовъ, Ростовъ и Несвицкій зажмурились. Въ одно и то же время они услыхали выстрѣлъ и злой крикъ Долохова.

— Мимо! крикнулъ Долоховъ и безсильно легъ на сѣйгъ.

лицомъ книзу. Шея схватился за голову и, повернувшись назадъ, поспѣлъ въ лѣсъ, шагая цѣликомъ по снѣгу и вслухъ притонарился непонятныя слова:

— «Глупо... глупо! Смерть... ложь...» Твердилъ онъ, морщася. Несвицкій остановилъ его и повезъ домой.

Ростовъ съ Денисовымъ поехалъ раннаго Долохова. Долоховъ, можча, съ закрытыми глазами, лежалъ въ санихъ и ни слова не отвѣчалъ на вопросы, которые ему дѣлали; но, выѣхавъ въ Москву, онъ вдругъ очнулся, и съ трудомъ приподнявъ голову, взялъ за руку сидѣвшаго подле себѣ Ростова. Ростова поразило совершенное измѣнившееся и пожданно восторженно-нѣжное выраженіе лица Долохова.

— Ну, чѣд? какъ ты чувствуешьъ себя? спросилъ Ростовъ Скверно! но не въ томъ дѣло. Другъ мой, скажи Долоховъ прерывающимъ голосомъ, — гдѣ мы? Мы въ Москвѣ; я знаю. Я ничего, но я убиль ее, убиль... Она не перенесеть этого. Она не перенесеть... Кто? спросилъ Ростовъ. Моя жена! она не перенесеть... Мать моя! Моя мать, мой ангелъ, мой обожаемый ангель, мать, — и Долоховъ запакаль, сжимая руку Ростова. Когда быть нѣсколько успокоился, онъ объяснилъ Ростову, что живеть съ матерью; что же если мати увидить его умирающимъ, она не перенесеть этого. Они умоляли Ростова ѿхать къ ней и приготовить есѣи ворота, чтобы не пускать

Ростовъ поѣхалъ впередъ исполнять порученіе, и, къ величайшему удивленію своему узналъ, что Долоховъ, этотъ буйный, бретёръ Долоховъ жилъ въ Москвѣ съ старушкой-матерью и горбатой сестрой, и былъ самый шѣхній сынъ и братъ.

VI.

Шеरъ въ послѣднее время рѣдко видѣлся съ женой съ глазу на глазъ. И въ Петербургѣ и въ Москвѣ домъ ихъ постоянно бывалъ полонъ гостями. Въ слѣдующую ночь послѣ дуэли, онъ, какъ и часто дѣлалъ, не пошелъ въ спальню, а остался въ своемъ огромномъ, отцовскомъ кабинетѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ умеръ графъ Безухій.

Онъ прилегъ на диванъ и хотѣлъ заснуть для того, чтобы забыть все, что было съ нимъ, но онъ не могъ этого сдѣлать. Такая буря чувствъ, мыслей, воспоминаній вдругъ поднялась въ его душѣ, что онъ не только не могъ спать, но не могъ сидѣть на мѣстѣ и долженъ былъ вскочить съ дивана и быстрыми шагами ходить по комнатѣ. То ему представлялась она въ первое время послѣ женитьбы, съ открытыми плечами и усталымъ, страстнымъ взглядомъ, и тотчасъ же рядомъ съ нею представлялось красивое, наглое и твердонасмѣшилковое лицо Долохова, какимъ оно было на обѣдѣ, и то же лицо Долохова, блѣдное, дрожащее и страдающее, такимъ, какимъ оно было, когда онъ повернулся и упалъ на снѣгъ.

„Что жъ было? спрашивалъ онъ самъ себя. — Я убилъ любовника; да, убилъ любовника своей жены. Да, это было. Отчего? Какъ и дошелъ до этого? — Оттого, что ты женился на ней, отвѣчалъ внутренний голосъ.

„Но въ чёмъ же я виноватъ? спрашивалъ онъ. — Въ томъ, что ты женился, не любя ея, въ томъ, что ты обманулъ и себя и ее“, — и ему живо представлялась та минута послѣ ужина у князя Василья, когда онъ сказалъ эти, не выкодившія изъ него, слова: „Я васъ люблю“. — „Все отъ этого! Я и тогда чувствовалъ, думалъ онъ, я чувствовалъ тогда,

что это было не то, что я не имѣть на это права. Такъ и вышло". — Онъ вспомнилъ медовый мѣсяцъ и покраснѣлъ при этомъ воспоминаніи. Особенно живо, оскорбительно и постыдно было для него воспоминаніе о томъ, какъ однажды, вскорѣ посль своей женитьбы, онъ въ 12 часу дни въ шелковомъ халатѣ пришелъ изъ спальни въ кабинетъ, и въ кабинетѣ засталъ главнаго управляющаго, который почтительно поклонился, поглядѣлъ на лицо Пьера, на его халатъ и слегка улыбнулся, какъ бы выражая этою улыбкой почтительное сочувствіе счастію своего принципала.

"А сколько разъ я гордился ею, гордился ея величавою красотой, ея свѣтскимъ тактомъ, думалъ онъ; — гордился тѣмъ своимъ домомъ, въ которомъ она принимала весь Петербургъ, гордился ея неприступности и красотой.. Такъ ногъ тѣмъ я гордился?! Я тогда думалъ, что не понимаю ея. Какъ часто, вдумываясь въ ея характеръ, я говорилъ себѣ, что я виноватъ, что не понимаю ея, не понимаю этого всегдашняго спокойствія, удовлетворенности и отсутствія всякихъ пристрастій и желаній, а вся разгадка была въ томъ страшномъ словѣ, что она развратная женщина: сказалъ себѣ это страшное слово, и все стало ясно!"

Анатоль Ѵздила къ ней занимать у нея деньги и цѣловала ее въ голыя плечи. Она не давала ему денегъ, но позволяла цѣловать себя. Отецъ, шутя, возбуждалъ ея ревность; она съ спокойною улыбкой говорила, что она не такъ глупа, чтобы быть ревнивою: пусть дѣластъ, чтобъ хочетъ, говорила она про меня: Я спросилъ у нея однажды, не чувствуетъ ли она признаковъ беременности. Она засмѣялась презрительно и сказала, что она не дура, чтобы желать имѣть дѣтей, и что отъ меня дѣтей у нея не будетъ".

Потомъ онъ вспомнилъ: грубость, ясность ея мыслей и вульгарность выраженийъ, свойственныхъ ей, несмотря на ея воспитаніе въ высшемъ аристократическомъ кругу. „Я не какая-нибудь дура... поди самъ попробуй... убирайся“, говорила она. Часто, глядя на ея усыпѣхъ въ глазахъ старыхъ и молодыхъ мужчинъ и женщинъ, Церье не могъ понять, отчего онъ не любилъ ея. „Да, я никогда не любилъ ея“, говорилъ себѣ Церье; „я зналъ, что она развратная женщина“, повторялъ онъ самъ себѣ, но не смѣлъ признаться въ этомъ.

„И теперь Долоховъ: вотъ онъ сидитъ на скамье и пассивно улыбается, и умираетъ, можетъ быть притворнымъ казимъ то молодечествомъ отвѣчая на мое раскаяніе!“

Церье былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, несмотря на свою внѣшнюю, такъ называемую слабость характера, не имѣютъ повѣренного для своего горя. Онъ перерабатывалъ одинъ въ себѣ свое горе.

„Она во всемъ, во всемъ она одна виновата, говорилъ онъ самъ себѣ; — но что жъ изъ этого? Зачѣмъ я себя снизялъ съ нею, зачѣмъ я ей сказалъ это: „Я васъ люблю“, которое было ложь и еще хуже, чѣмъ ложь, говорилъ онъ самъ себѣ. — Я виноватъ и долженъ нести... Чѣмъ? Позоръ имени, несчастіе жизни? Э, все вздоръ, подумалъ онъ, — и позоръ имени и честь, все условія, все не зависимо отъ меня“.

„Людовика XVI казнили за то, что они говорили, что онъ былъ безчестенъ и преступникъ (пришло Церье въ голову), и они были правы съ своей точки зрѣнія, такъ же какъ правы и тѣ, которые за него умиради мученическою смертью и причисляли его къ лику святыхъ. Потомъ Добесциера каз-

или за то, что онъ былъ честолюбъ. Кто прасть, кто виноватъ? Никто! А живъ — и живи: завтра умретъ, какъ можетъ и умереть часть тому назадъ. И стонть ли того мучиться, когда жить остается однѣ сѣкунды въ сравненіи съ вечностью? — Но въ ту минуту, когда онъ считалъ себя успо-коеннымъ такого рода разсужденіями, ему вдругъ представ-лялась она, и въ тѣ минуты, когда онъ сильно всего выка-зываешьъ ей свою искренность любовь, и онъ чувствовалъ приливъ крови къ сердцу, и долженъ быть опять встать, двигаться, и ломать, и рвать попадающуюся ему подъ руки вещи. „Зачѣмъ я сказалъ ей: Я вѣдь люблю? все повторялъ онъ самъ себѣ. И повторивъ десятый разъ этотъ вѣрю, ему пришло въ голову Мольерово: *mais que diable allait il faire dans cette galère?* и онъ засмѣялся самъ надъ собою.

Ночью онъ позвалъ камердинера и велѣлъ укладываться, чтобы уѣхать въ Петербургъ. Онъ не могъ представить себѣ, какъ бы онъ сталъ теперь говорить съ неей. Онъ рѣшился, что завтра онъ уѣдетъ и оставитъ ей письмо; въ которомъ объявить ей свое намѣреніе павсегда разлучиться съ нею. Утромъ, когда камердинеръ, внося кофе, вошелъ въ ка-бинетъ, Шерль лежала на отоманкѣ и съ раскрытою книжкой въ рукѣ спала. Отъ бѣгущихъ и долго искучанныхъ блѣднѣвашся, не въ си-лахъ подняться, ёдѣ онъ находится.

Графиня приказала спросить, дома ли ваше сиятельство, спросить камердинеръ.

Но не успѣлъ еще Шерль рѣшиться на „отвѣтъ“, который онъ ёдѣлъся, какъ сама графиня въ бѣломъ атласномъ хал-атѣ, шитомъ серебромъ, и въ простыхъ волосахъ (две огром-ные косы „діадемой“ согибали два раза ея прелестную го-

лону) водила въ комнату спокойно и величественно; только на мраморномъ пьесколько вынукломъ лбъ ея была морщина гибъва. Она съ своимъ все выдерживающимъ спокойствиемъ не стала говорить при камердинерѣ. Она знала о дуэли и пришла говорить о ней.. Она дождалась, пока камердинеръ уставилъ кофе и вышелъ. Пьеръ робко чрезъ очки посмотрѣлъ на нее, и какъ заяцъ, окруженный собаками, прижимая уши, продолжаетъ лежать въ виду своихъ враговъ, такъ и онъ попробовалъ продолжать читать; но чувствовалъ, что это безсмысленно и невозможно, и опять робко взглянулъ на нее. Она не сѣла и съ презрительной улыбкой смотрѣла на него, ожидая пока выйдетъ камердинеръ.

— Это еще что? Чѣмъ вы надѣвали? я васъ спрашивала, сказала она строго,

— Я? чѣмъ я? сказалъ Щербъ.

— Вотъ храбрецъ отыскался! Ну, отвѣтайте, чѣмъ это за дуэль? Чѣмъ вы хотѣли этимъ доказать? Чѣмъ? Я васъ спрашиваю. Пьеръ тяжело повернулся на диванъ, открылъ ротъ, но не могъ отвѣтить.

— Коли вы не отвѣтываете, то я вамъ скажу... продолжала Эленъ. — Вы вѣрите всему, что вамъ скажутъ. Вамъ сказали... Эленъ засмѣялась, — что Долоховъ мой любовникъ, сказала она по-французски, съ своею грубою тѣчностью рѣчи, выговаривая слово „любовникъ“, какъ и всякое другое слово, — и вы покѣрили! Но, чѣмъ же вы этимъ доказали? Чѣмъ вы доказали этою дуэлью? То, что вы дуракъ, — такъ это весь знали! Къ чему это поведеть? Къ тому, чтобы я сдѣлалась посмѣшницемъ всей Москвы; къ тому, чтобы всякий сказалъ, что вы въ пьяномъ видѣ, це помни себѣ, вызвали на дуэль человѣка, котораго вы безъ основанія ревнуете, —

Элень все болѣе и болѣе возвышала голову и одушевлялась, — который лучше васъ во всѣхъ отношеніяхъ...

— Гм... гм..., мычалъ Пьеръ, морщась, не глядя на нее и не шевелясь ни однимъ членомъ.

— И почему вы могли повѣрить, что онъ мой любовникъ?... Почему? Потому что я люблю его общество? Ежели бы вы были умпѣе и пріятнѣе, то я бы предпочитала ваше.

— Не говорите со мной... умоляю, хрипло промолвилъ Пьеръ.

— Отчего мнѣ не говорить! Я могу говорить и смѣло скажу, что рѣдкая та жена, которая съ такимъ мужемъ, какъ вы, не взяла бы себѣ любовниковъ, а я этого не сдѣдала, сказала она. Пьеръ хотѣлъ что-то сказать, взглянувъ на нее странными глазами, которыхъ она не поняла, и онъ легъ. Онъ физически страдалъ въ эту минуту: грудь его отбѣняло, и онъ не могъ дышать. Онъ зналъ, что ему надо что-то сдѣлать, чтобы прекратить это страданіе, но то, что онъ хотѣлъ сдѣлать, было слишкомъ страшно.

— Намъ лучше разстаться, проговорилъ онъ прерывисто.

— Разстаться, извольте, только сжели вы дадите мнѣ сознаніе, сказала Элень... — Разстаться, вотъ чѣмъ испугали! Пьеръ вскочилъ съ дивана и, шатаясь, бросился къ ней.

— Я тебя убью!, закричалъ онъ и схвативъ со стола мраморную доску, съ неизвѣстно еще ому силой, сдѣлалъ шагъ къ ней и замахнулся на нее.

Лицо Элень сдѣлалось страшно: она взвизгнула и отскочила отъ него. Порода отца сказалаась въ немъ: Пьеръ почувствовалъ увѣщаніе и прелестъ бѣшенства. Онъ бросилъ доску, разбилъ ее, и, съ раскрытыми руками подступая къ Элень, закричалъ: „Вонъ!!“ такимъ страшнымъ голосомъ.

сомъ, что во всемъ домѣ въ утасомъ услыханіи отъ крика.
Богъ знаетъ, чѣмъ бы сѣдѣть Иверьѣвѣ минуту, если
бы Элена не выѣзжала изъ комнаты.

Любовь, аспидную и фиаловую, съ
шлюпкой, поклонъ отъ дамы-блондинки, той, что сидитъ. И

Черезъ недѣлю Иверьѣвѣ вѣдать женѣ доѣрѣнность на
управление всѣми великорусскими имѣніями, чтобъ составляло
бѣлья и половину его состоянія, и однѣмъ уѣхать въ
Петербургъ.

Одна изъ парижскихъ газетъ К. Г. (переводъ изъ французской).
Любовь, любовь, любовь! Где же я, какъ отъ любви?

И прошло два мѣсяца поѣдѣ полученій извѣстійъ о мысль
торикѣ обѣ Аустерлицкомъ сраженіи и о погребеніи князя
Андрея, и, несмотря на то въ письма черезъ посольство и на
всѣ розыски, тѣло (его ли не было найдено?) искогдѣ было
въ числѣ пленныхъ. «Хуже всего для его родныхъ было то,
что оставалась все-таки надежда на то, что они были под-
нять жителями на полѣ сраженія, и, можетъ быть, лежащими
вымораживающій или умирающій тѣлѣ-нибудь одинъ, среди
чужихъ и не въ силахъ дать о себѣ вѣсти. Въ газетахъ,
изъ которыхъ впервые увидалъ старый князь обѣ Аустерлиц-
кому пораженію, было написано, какъ и всегда, весьма кратко
и неопределѣнно, о томъ, что русскіе поѣдѣ блестящихъ баталій должны были отретироваться и ротиралу произошли
въ совершиенномъ порядке. Старый князь помнилъ изъ этого
официального извѣстія, что наши были разбиты. Черезъ недѣлю
посѣсть газеты, принесшіе извѣстіе обѣ Аустерлицкой
биткѣ, пришло письмо Кутузова, который изговаривавшійся
обѣ участіи, постигшій его сына, и въ этомъ письме говорилъ:

«Вашъ сынъ, въ моихъ глазахъ, писалъ Кутузовъ, съ зна-

менемъ въ рукахъ, впереди полка, даль и героемъ, гостепримъ своего отца и своего отечества. Къ общему союзнику моему и всей арміи, до сихъ поръ неизвѣстно, живъ ли онъ или нетъ. Себя и вѣсъ надеждой лѣщу, что сынъ вашъ живъ, ибо въ противномъ случаѣ, въ числѣ найденныхъ на полѣ сраженія офицеровъ, о коихъ списокъ мы поданъ мѣрѣ парламентеровъ, и овь бы поименованъ былъ бы.

Получивъ это извѣстіе поздно вечеромъ, когда онъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, старый князь, какъ и обыкновенно, на другой день, мешалъ на свою утреннюю прогулку; но, былъ молчаливъ съ приказчикомъ, садовникомъ и архитекторомъ и, хотя и былъ груженъ на видъ, ничего своему не сказалъ, и это заслуга природы, а не заботы.

Когда въ обычное время книжна Марья, вошла къ нему, она стояла за станкомъ и точила, но, какъ обыкновенно, не оглянулся на нее.

— А! книжна Марья! вдругъ сказала онъ неестественно и бросилась втеску. (Колесо еще вѣртѣлось отъ размаха. Княжна Марья долго помнила этотъ замирающій скрипъ колеса, который слился для нея съ тѣмъ, чѣмъ послѣдовала).

Княжна Марья подвижнулась къ нему, увидела его лицо, и что-то вдругъ опустилось въ ней. Глаза ее перестали видѣть ясно. Она по лицу отца, по грустному, по убитому, но изломанно-неестественному, надѣя себѣ работающему лицу, увидела, что вотъ-вотъ мадье ей звонило и задавитъ ее страшное несчастіе, худшее въ жизни, несчастіе, гуще несчастіе, испытанное ею, несчастіе непоправимое, непостижимое, смерть тою, кого любишь, отъ которой отпадаютъ конечности —

— Батюшка! Андрей?... сказала неграциозная, деловая книжка съ такою невыразимою прелестью печали и самозаб

венія, что отецъ не выдержать ея взгляда и, вскрипнувъ, отвернулся.

— Получилъ извѣстіе. Въ числѣ илѣнныхъ нѣть, въ числѣ убитыхъ нѣть. Кутузовъ пишеть, крикнулъ онъ прощительно, какъ будто желая прогнать книжну этимъ крикомъ. — Убить!

Княжна не упала, съ ней не сдѣлалось дурноты. Она была уже блѣдна, но когда она услыхала эти слова, лицо ея измѣнилось, и что-то просияло въ ея лучистыхъ, прекрасныхъ глазахъ. Какъ будто радость, высшая радость, независимая отъ печалей и радостей этого міра, разлилась сверхъ той сильной печали, которая была въ ней. Она забыла весь страхъ къ отцу, подошла къ нему, взяла его за руку, потянула къ себѣ и обняла за сухую, жилистую шею.

— Батюшка, сказала она. — Не отвертывайтесь отъ меня, будемъ-те плакать вмѣстѣ.

— Мерзавцы, подлецы! закричалъ стариkъ, отстрайя отъ нея лицо. — Губить армію, губить людей! За чѣ? Поди, скажи Лизѣ.

Княжна безсильно опустилась въ кресло подлѣ отца и заплакала. Она видѣла теперь брата въ ту минуту, какъ онъ прощался съ ней и съ Лизой, съ своимъ нѣжнымъ и вмѣстѣ высокомѣрнымъ видомъ. Она видѣла его въ ту минуту, какъ онъ нѣжно и наsmѣшиво надѣвать образокъ на себя. „Вѣрилъ ли онъ? Раскаялся ли онъ въ своемъ невѣріи? Тамъ ли онъ теперь? Тамъ ли, въ обители вѣчного спокойствія и блаженства?“ думала она.

— Батюшка, скажите мнѣ, какъ это было? спросила она сквозь слезы.

— Иди, иди, убить въ сраженіи, въ которомъ повели уби-

вать русскихъ лучшихъ людей и русскую славу. Идите, княжна Марья. Иди и скажи Лизѣ. Я приду.

Когда княжна Марья вернулась отъ отца, маленькая княгиня сидѣла за работой, и съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ внутренняго и счастливо-спокойнаго взгляда, свойственнаго только беременнымъ женщинамъ, посмотрѣла на книжну Марью. Видно было, что глаза ея не видали княжны Марыи, а смотрѣли вглубь — въ себя — во что-то счастливое и таинственное, совершающееся въ ней.

— Мари, сказала она, отстраняясь отъ пляещъ и переваливавшись назадъ, дай сюда твою руку. Она взяла руку княжны и положила ее себѣ на животъ. Глаза ея улыбались, ожидая, губка съ усиками поднялась, и дѣтски-счастливо осталась поднятою.

Княжна Марья стала на колѣни предъ ней, и спрятала лицо въ складкахъ платья невѣстки.

— Вотъ — вотъ — слышишь? Мий такъ странно. И знаешь, Мари, я очень буду любить его, сказала Лиза, блестящими, счастливыми глазами глядя на золовку. — Княжна Марья не могла поднять головы: она плакала.

— Чѣмъ съ тобою, Маша?

— Ничего... такъ, мнѣ грустно стало... грустно обѣ Андреѣ, сказала она, отирая слезы о колѣни невѣстки. Несколько разъ въ продолженіе утра княжна Марыя начинала приготавливать невѣстку, и всякий разъ начинала плакать. Слезы эти, которыхъ причины не целимала маленькая княгиня, встревожили се, какъ ни мало она была наблюдательна. Она ничего не говорила, но беспокойно оглядывалась, отыскивая чѣго-то. Предъ обѣдомъ въ ея комнату вошелъ старый князь, котораго она всегда боялась, теперь съ особенно-несколько-

нимъ, злымъ лицомъ, и, ни слова не сказавъ, вышелъ. Она посмотрѣла на княжну Марью, потомъ задумалась съ тѣмъ выраженіемъ глазъ устремленаго внутрь себя вниманія, которое бываетъ у беременныхъ женщинъ, и вдругъ заплакала.

— Получили отъ Андрея что-нибудь? сказала она.

— Нѣтъ, ты знаешь, что еще не могло прійти извѣстіе, ио батюшка безлѣкотъ, и мы страшно...

— Такъ ничего?

— Ничего, сказала княжна Марья, лучистыми глазами твердо глядя на невѣстку. Она рѣшилась не говорить ей, и уговорила отца скрыть полученіе страшнаго извѣстія отъ невѣстки до ея разрѣшенія, которое должно было быть на дніахъ. Княжна Марья и старый князь, каждый по-своему, искали и скрывали свое горе. Старый князь не хотѣлъ надѣяться: онъ рѣшился, что князь Андрей убить, и, несмотря на то, что онъ послалъ чиновника въ Австрію разыскывать сѣдѣ сына, онъ заказалъ ему въ Москвѣ памятникъ, который на мѣрѣніи былъ поставить въ своемъ саду, и всѣмъ говорилъ, что сынъ его убитъ. Онъ старался, не измѣнивъ, вести прежній образъ жизни, но силы измѣнили ему: онъ меньше ходилъ, меньшеѣѣ, меньше спалъ, и съ каждымъ днемъ дѣлялся слабѣе. Княжна Марья надѣялась. Она молилась за брата, какъ за живаго, и каждую минуту ждала извѣстія о его возвращеніи.

VIII.

— Милый другъ, сказала маленькая княгиня утромъ 19-го марта послѣ завѣрака, и губка ея съ усиками поднялась по старой привычкѣ; но какъ и во всѣхъ не только улыбкахъ,

но звукахъ рѣчей; даже похождахъ въ этомъ домѣ со дни полученія страшнаго извѣстія была печаль, то и теперь улыбка маленькой княгини, поддавшейся общему настроѣнію, хотя и не знающей его причины, — была такая, что она еще болѣе напоминала обѣ общей печали.

— Дружочекъ, боюсь, чтобы отъ нынѣшняго франтика (какъ называетъ его поварь Фока), мнѣ бы не было дурно.

— А что съ тобой, мой душа? Ты блѣдна. Ахъ, ты очень блѣдна, непуганно сказала княжна Марья, своими тяжелыми, мягкими шагами подбѣгая къ нѣвѣсткѣ.

— Ваше сиятельство, не послать ли за Марьей Богдановной? сказала одна изъ бывшихъ тутъ горничныхъ (Марья Богдановна была акушерка изъ уѣзданаго города, жившая въ Лысыхъ Горахъ уже другую недѣлю).

— И въ самомъ дѣлѣ, подхватила княжна Марья, — можетъ быть точно. Я ийду. Не бойся, мой ангель! Она подѣлѣвала Лизу и хотѣла выйти изъ комнаты.

— Ахъ, иѣть, иѣть! — И кромѣ блѣдности, на лицѣ маленькой княгини выразился дѣтскій страхъ неотвратимаго физическаго страданія.

— Нѣть, это желудокъ; скажи, Маша, что желудокъ! И княгиня заплакала дѣтски-страдальчески, капризно и даже нѣсколько притворно, ломая свои маленькия ручки. Княжна выѣждала изъ комнаты за Марьей Богдановной.

— Боже мой! Боже мой! Ахъ! слышала она сзади себя. Погирай пленная, небольшія, бѣлые руки, ешь на встречу, съ значительно-спокойнымъ лицомъ, уже шла акушерка.

— Марья Богдановна! Кажется началось, сказала княжна Марья, непуганно-раскрытыми глазами глядя на бабушку.

— Ну, и слава Богу, княжна, не прибавляя шага, сказала

вала Марья Богдановна. — Вамъ, дѣвицамъ, про это знать не слѣдуетъ.

— Но какъ же изъ Москвы докторъ еще не пріѣхалъ? сказала княжна. (По желанію Лизы и кнзя Андрея, къ сроку было послано въ Москву за акушеромъ, и его ждали каждую минуту.)

— Ничего, княжна, не беспокойтесь, сказала Марья Богдановна, — и безъ доктора все хорошо будетъ.

Черезъ пять минутъ княжна изъ своей комнаты услыхала, что несутъ что-то тяжелое. Она взглянула — офиціалты несли для чего-то въ спальню кожаный диванъ, стоявшій въ кабинетѣ кнзя Андрея. На лицахъ носившихъ людей было что-то торжественное и тихое.

Княжна Марья сидѣла одна въ своей комнатѣ, прислушиваясь къ звукамъ дома, изрѣдка отворялъ дверь, когда проходили мимо, и приглядывалась къ тому, что происходило въ корридорѣ. Несколько женщіцъ тихими шагами проходили туда и оттуда, оглядывались на княжну и отворачивались отъ нея. Она не смѣла спрашивать, затворяла дверь, возвращалась къ себѣ, и то садилась въ свое кресло, то бралась за молитвенникъ, то становилась на колѣна предъ киотомъ. Къ несчастію и удивленію своему, она чувствовала, что молитва не утишала ея волненія. Вдругъ дверь въ комнаты тихо отворилась, и на порогѣ ея показалась повязанная платкомъ ея старая няня, Прасковья Самвишина, почти никогда, вслѣдствіе запрещенія кнзя, не входившая въ комнату.

— Съ тобой, Машенька, пришла посидѣть, сказала няня, — да лоть княжовы свѣчи вѣчальная предъ угодицемъ за-жечъ принесла, мой ангель, сказала она, вздохнувъ,

— Ахъ, какъ я рада, пани! —
— Богъ милостивъ, голубка! — Наня зажгла предъ кютомъ обвитыя золотомъ свѣчи и съ чулкомъ сѣла у двери. Княжна Марья взяла книгу и стала читать. Только когда слышались шаги или голоса, княжна испуганно, вопросительно, а наня успокоительно смотрѣди другъ на друга. Во всѣхъ концахъ дома было разлито и владѣло всѣми то же чувство, которое испытывала княжна Марья, сидя въ своей комнатѣ. Но, по-вѣрью, что чѣмъ менѣе людей знаетъ о страданіяхъ родильницы, тѣмъ менѣе она страдаетъ, всѣ старались прятываться незнающими; никто не говорилъ объ этомъ, но во всѣхъ людяхъ, кроме обычной степенности и почтительности хорошихъ манеръ, царствовавшихъ въ домѣ князя, видна была одна какая-то общая забота, смигченность сердца и сознаніе чего-то великаго, неостижимаго, совершающагося въ эту минуту.

Въ большной дѣвичьей не слышно было смѣха. Въ офицантской всѣ люди сидѣли и молчали, на готовъ чего-то. На дворѣ же луцины и свѣчи и не спади. Старый князь, ступая на цѣпку, ходилъ по кабинету и послѣ Тихонъ къ Марье Богдановнѣ спросить: что?

— Только скажи: князь приказалъ спросить — чѣмъ! и приди скажи, чтѣ она скажеть. — Додожи князю, что роды начались, сказала Марья Богдановна, значительно посмотрѣвъ на посланнаго. Тихонъ пошелъ и доложилъ князю.

Хорошо, сказаль князь, затворилъ за собою дверь, и Тихонъ не слыхалъ болѣе ни малѣйшаго звука въ кабинетѣ. Немногого погодя, Тихонъ вошелъ въ кабинетъ князя, будто для того, чтобы доправить свѣчи. Увидавъ, что князь ле-

жалъ на диванъ, Тихонъ посмотрѣлъ на князя, на его разстросное лицо, покачалъ головой, молча приблизился къ нему и, поцѣловавъ его въ плечо, вышелъ, не поправивъ свѣчей и не сказавъ, зачѣмъ онъ приходилъ. Таинство торжественнѣйшее въ мірѣ продолжало совершаться. Протекъ вечеръ, наступила ночь. И чувство ожиданія и смягченія сердечнаго предъ непостижимымъ не падало, а возвышалось. Никто не спалъ.

Была одна изъ тѣхъ мартовскихъ почей, когда зима какъ будто хочетъ взять євое и высыпать съ отчаяніемъ злобой свои послѣдніе сиѣга и бураны. Навстрѣчу нѣмца-доктора изъ Москвы, которого ждали каждую минуту и за которымъ была выслана подстата на большую дорогу, къ повороту на чиркелокъ были высланы верховые съ фонарями, чтобы проводить его по ухабамъ и зажорамъ.

Княжна Марья уже давно оставила книгу; она сидѣла молча, устремивъ лучистые глаза на сморщенное, до малѣтника подробностей знакомое, лицо яны, на прядку сѣдыхъ волосъ, выбившуюся изъ подъ платка, на восятій юношечекъ кожи подъ подбородкомъ.

Нянѣ-Саввишна, съ чулкомъ въ рукахъ, тихимъ голосомъ рассказывала, сама не слыша и не понимая своихъ словъ, сотни разъ разсказанное о томъ, какъ покойница-княгиня въ Кининевѣ рожала княжну Марью, съ крестьянской бабой-молдаванкой, вместо бабушки.

— Богъ помилуетъ, никогда дохтура не нужны, говорила она. Вдругъ порывъ вѣтра налегъ на одну изъ выставленныхъ рамъ компаты (по волѣ князя всегда съ жаворопками выставлялось по одной рамѣ въ каждой компатѣ), и отбивъ

плохо задвигнутую задвижку, затрепалъ штофную гардиной и, цахнувъ холодомъ, снѣгомъ, задулъ свѣчу. Княжна Марья вздрогнула; циня, положивъ чулокъ, подошла къ окну и, высунувшись, стала ловить откинутую раму. Холодный вѣтеръ трепалъ кощами ея платка и сѣдыми выбившимися прядями волосъ.

— Княжна-матушка, Ѣдуть по прещекту кто-то! сказала она, держа раму и не затворяя ея. — Съ фопареми, должно дохтуръ...

— Ахъ, Боже мой! Слава Богу! сказала княжна Марья, надо пойти встрѣтить его: онъ не знаетъ по-русски.

Княжна Марья накинула шаль и побѣжала наавстрѣчу йхавшемъ. Когда она проходила переднюю, она въ окно видѣла, что какой-то экипажъ и фонари стояли у подъїзда. Она вышла на лѣстницу. На столбикѣ перилъ стояла сальная свѣчка и текла отъ вѣтра. Офицантъ Филиппъ, съ испуганнымъ лицомъ и съ другою свѣчей въ рукѣ, стоялъ ниже, на первой площадкѣ лѣстницы. Еще пониже, за морвотомъ, по лѣстницѣ слышны были подвигавшіеся шаги въ теплыхъ сапогахъ. И какой-то знакомый, какъ показалось княжнѣ Марье, голосъ говорилъ что-то.

— Слава Богу! сказалъ голосъ. — А батюшка?

— Почивать легли, отѣчталъ голосъ дворецкаго Демьяна, бывшаго уже внизу.

Потомъ еще что-то сказалъ голосъ, что-то отвѣтилъ Демьянъ, и шаги въ теплыхъ сапогахъ стали быстрѣе приближаться по невидимому повороту лѣстницы. Это Андреѣ подумала княжна Марья. Нѣть, это не можетъ быть, это было бы слишкомъ необыкновенно, подумала она, и въ ту же минуту, какъ она думала это, на площадкѣ, на которой

стоять офицантъ со свѣтлой, показалась лицо и фигура князя Андрея въ шубѣ съ воротникомъ, обсыпаннымъ сѣтгомъ. Да, это былъ онъ, но блѣдный и худой, и съ измѣненнымъ, странно-смѣгченнымъ, но тревожнымъ выраженіемъ лица. Онъ вошелъ на лѣстницу и обнялъ сестру.

— Вы не получили моего письма? спросилъ онъ, и не дождалась отвѣта, котораго бы онъ и не получилъ, потому что книжка не могла говорить, онъ вернулся, и съ акушеромъ, который вошелъ вслѣдъ за нимъ (онъ сѣхался съ пинь на послѣдней станціи), быстрыми шагами опять вошелъ на лѣстницу и опять обнялъ сестру.

— Какая судьба! проговорилъ онъ. — Маша, милая! И скинувъ шубу и сапоги, вошелъ на половину княгини.

IX.

Маленькая княгиня лежала на подушкахъ, въ бѣломъ чепчикѣ. (Страданія только что отпустили ее). Черные волосы прядими вились у ея воспаленныхъ, испотѣвшихъ щекъ; румяный, прелестный ротикъ съ губкой, покрытою черными волосиками, былъ раскрытъ, и она радостно улыбалась. Князь Андрей вошелъ въ комнату и остановился предъ ней, у изножья дивана, на которомъ она лежала. Блестящіе глаза, смотрѣвшіе дѣтски-испуганно и взволнованно, остановились на немъ, не измѣнивъ выраженія. „Я вѣдь всѣхъ люблю, я никому зла не дѣла, за что же страдаю? помогите мнѣ“, говорило ея выраженіе. Она видѣла мужа, но не понимала значенія его появленія теперь предъ нею. Князь Андрей обошелъ диванъ и въ лобъ поцѣловалъ ее.

— Душенька моя, сказалъ онъ; слово, которое никогда

не говорицъ сій, — Богъ милостицъ... Она вопросительно, дѣтски-укоризнено посмотрѣла па него,

— Я отъ тебя ждала помоши, и ничего, и пичего, и ты тоже! сказали ся глаза. Она не удивилась, что онъ пріѣхалъ; она не понила того, что онъ пріѣхалъ. Его пріѣздъ не имѣлъ никакого отношенія до ея страданій и облегченія ихъ. Муки вновь начались, и Марья Богдановна посовѣтовала князю Андрею выйти изъ комнаты.

Акушерь вошелъ въ комнату. Князь Андрей вышелъ и, встрѣтивъ княжну Марью, опять подошелъ къ ней. Они шепотомъ заговорили, но всякую минуту разговоръ замолкалъ. Они ждали и прислушивались.

— Иди, мой другъ, сказала княжна Марья. Князь Андрей опять пошелъ къ женѣ, и въ сосѣдней комнатѣ сѣлъ, дожидаясь. Какая-то женщина выпала изъ ея комнаты съ испуганнымъ лицомъ и смущилась, увидавъ князя Андрея. Онъ закрылъ лицо руками и просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ. Жалкие, беспомощно-животные стоны слышались изъ-за двери. Князь Андрей всталъ, подошелъ къ двери и хотѣлъ отворить ее. Дверь держалъ кто-то.

— Нельзя, нельзя! проговорилъ оттуда испуганный голосъ. — Онъ сталъ ходить по комнатѣ. Крики замолкли, еще прошло нѣсколько секундъ. Вдругъ страшный крикъ, — не ся крикъ, она не могла такъ кричать, — раздался въ со-сѣдней комнатѣ. Князь Андрей побѣжалъ къ двери; крикъ замолкъ, послышался крикъ ребенка.

— Зачѣмъ принесли туда ребенка? подумалъ въ первую секунду князь Андрей. — Ребенокъ? Какой?... Зачѣмъ тамъ ребенокъ? Или это родился ребенокъ?

Когда онъ вдругъ понялъ все радостное значеніе этого

крика, слезы задушили егъ и онъ, "облокотившись" обѣими руками на подоконникъ, "всхлипывал," заплакать, "какъ плачутъ дѣти." Дверь отворилась. Докторъ, съ засученными рукавами рубашки, безъ смортука, блѣдный и съ трясущимся челюстью, вышелъ изъ комнаты. Князь Андрей обратился къ нему, но докторъ растерянно взглянувъ на него и ни слова не сказавъ, прошелъ мимо. Женщина выбѣжала и, увидавъ князя Андрея, замялась на порогѣ. Онъ вошелъ въ комнату жены. Она мертвая лежала въ томъ же положеніи, въ которомъ онъ видѣлъ ее пять минутъ тому назадъ, и то же выраженіе, несмотря на остановившіеся глаза и на блѣдность щекъ, было на этомъ прелестномъ дѣтскому лицикѣ съ тѣмнѣющими щечками, покрытою черными волосиками.

"Я васъ всѣхъ люблю и никому дурнаго не дѣлала, и что вы со мной сдѣлали?" говорило ея прелестное, жалкое, мертвое лицо. Въ углу комнаты хрюкнуло и пискнуло что-то маленькое, красное въ бѣлыхъ трясущихся рукахъ Марыи Богдановны.

Черезъ два часа послѣ этого князь Андрей тихими шагами вошелъ въ кабинетъ къ отцу. Старикъ все уже зналъ. Онъ стоялъ у самой двери, и, какъ только она отворилась, старикъ молча стирческими, жесткими руками, какъ тисками, обхватилъ "шестъ сына" и зарыдалъ какъ ребенокъ. "Что?" — спросилъ отецъ, — "ты не знаешь, что я тебе скажу?"

Черезъ три дня отиѣвали маленькую княгиню, и, прощаясь съ нею, князь Андрей взошелъ на ступени троба. И въ тробу было то же лицо, хотя и съ закрытыми глазами: "Ахъ, что вы со мной сдѣлали?" все говорило ей, и князь Андрей почувствовалъ, что въ душѣ его вторвалось что-то,

что онъ видовать въ видѣ, которую ему не понрави́ть и не забыть. Онъ не могъ плакать. Старикъ тоже вошелъ и поцѣловалъ ея восковую ручку, спокойно и высоко державшуюца другой, и ему лицо ея сказадо: „Ахъ, что и за, чѣмъ вы это со мной сдѣлали?“ И старикъ сердито отвернулся, увидавъ это лицо.

Еще черезъ пять дней крестили молодаго князя Николая Андреича. Мамушка подбородкомъ придерживала пеленки, па то время, какъ гусинымъ перышкомъ священникъ мазалъ смирщенныя красныя ладонки и ступенъки мальчика. Крестный отецъ-дѣдъ, боясь уронить, вздрогивалъ, искъль младенца вокругъ жестяной помятой кунели и передавалъ его крестной матери, княжнѣ Марьѣ. Князь Андрей, замѣтая отъ страха, чтобы не утопили ребенка, сидѣлъ въ другой комнатѣ, ожидая окончанія таинства. Онъ радостно взглянула на ребенка, когда ему вынесла его нянюшка, и одобрительно кивнула головой, когда нянюшка сообщила ему, что, брошенный въ кунцѣ вошечкой съ волосками не потонулъ, а поплылъ по кудеди.

X.

Участіе Ростова въ дуэли Долохова съ Безухимъ было замято стараніями старого графа, и Ростовъ имѣсто того, чтобы быть разжалованнымъ, какъ онъ ожидалъ, былъ определенъ адъютантомъ къ московскому генерал-губернатору. Вследствіе этого онъ не могъѣхать въ деревню со всѣмъ семействомъ, а остался при своей новой должностіи все дѣло въ Москвѣ. Долоховъ выздоровѣлъ, и Ростовъ особенно сдружился съ нимъ въ это время его выздоровленія. Доло-

ховъ болѣй лежалъ у матери, страшно и чѣжко любившѣй его. Старушка Марья Ивановна, полюбившая Ростова за его дружбу къ Федѣ, часто говорила ему про своего сына.

— Да, графъ, онъ слишкомъ благороденъ и чистъ душою, говорила она, для нашего нынѣшняго, развращеннаго свѣта. Добродѣтели никто не любить, она всѣмъ глаза колеть. Ну, скажите, графъ, сираведливо это, честно это со стороны Безухаго? А Федя по своему благородству любилъ его, и теперь никогда ничего дурнаго про него не говоритъ. Въ Петербургѣ эти шалости съ квартальнымъ, тамъ что-то шутили, вѣдь они вмѣстѣ дѣлали? Что жъ, Безухону ничего, а Федя все на своихъ плечахъ перенесъ! Вѣдь что бы перенесъ! Положимъ, возвратили, да вѣдь какъ же и не возвратить? Я думаю такихъ, какъ онъ, храбрецовъ и сыновъ отечества немногого тамъ было. Чѣдѣ же теперь — эта дуэль? Есть ли чувство, честь у этихъ людей! Зная, что онъ единственный сынъ, вызвать на дуэль и стрѣлять такъ прямо! Хорошо, что Богъ номиловалъ насъ. И за чѣдѣ же? Ну, кто же въ наше время не имѣетъ интриги? Чѣдѣ же, коли онъ такъ ревнивъ? Я понимаю, вѣдь онъ прежде могъ дать почувствовать, а то годъ вѣдь продолжалось. И чѣдѣ же, вызвать на дуэль, полагая, что Федя не будетъ драться, потому что онъ ему долженъ! Какая низость! Какая гадость! Я знаю, вы Федю поняли, мой милый графъ, оттого-то я васъ душой люблю, пѣрвте мнѣ. Его рѣдкіе понимаютъ. Это такая высокая, пѣбесная душа!

Самъ Долоховъ часто во время своего выздоравленія говорилъ Ростову такія слова, которыхъ никакъ нельзя было ожидать отъ него. Меня считаютъ злымъ человѣкомъ, я знаю; говоривъ

бъ; — и пускай! Я никого знать не хочу кромъ тѣкъ, кого люблю; по кого я люблю, того люблю такъ, что жизни отдать, а остальныхъ передавлю всѣхъ, коли стануть на дорогѣ. У меня есть обожаемая, неодѣненная мать, два-три друга, ты въ томъ числѣ, а на остальныхъ я обращаю вниманіе только настолько, сколько они полезны или вредны. И все почти вредны, въ особенности женщины. Да, душа моя, продолжалъ онъ, — мужчинъ я встрѣчалъ любящіхъ, благородныхъ, возвышенныхъ; но женщинъ, кромъ продажныхъ тварей — графинь или кухарокъ, все равно, — я не встрѣчалъ еще. Я не встрѣчалъ еще той небесной чистоты, преданности, которыхъ я ищу въ женщинахъ. Ежели бы я нашелъ такую женщину, я бы жизнь отдалъ за нее! А эти!... Онъ сдѣлалъ презрительный жестъ. И вѣришь ли мнѣ, ежели я еще дорожу жизнью, то дорожу только потому, что надѣюсь еще встрѣтить такое небесное существо, которое бы возродило, очистило и возвысило меня. Но ты не понимаешь этого.

— Нѣтъ, я очень понимаю, отвѣчалъ Ростовъ, находившійся подъ вліяніемъ своего нового друга.

Осенью семейство Ростовыхъ вернулось въ Москву. Въ начальѣ зимы вернулся и Денисовъ и остановился у Ростовыхъ. Это первое время зимы 1806 года, проведенное Николаемъ Ростовымъ въ Москвѣ, было одно изъ самыхъ счастливыхъ и веселыхъ для него и для всего его семейства. Николай привлекъ съ собой въ домъ родителей много молодыхъ людей. Вѣра была двадцатилѣтняя красавица дѣвица; Соня шестнадцатилѣтняя дѣвишка во всей прелести только-что распустив-

шагося цветка; Наташа колубарышна, полудѣвочка, тѣ дѣтски смишная, то дѣвически обворожительная.

Въ домѣ Ростовыхъ завелась въ это время какал-то особенная атмосфера любовности, какъ это бываетъ въ домѣ, гдѣ очень милая и очень молодая дѣвушка. Всікій молодой человѣкъ, приѣзжавший въ домъ Ростовыхъ, глядя на эти молодыя, воспириничивыя, чѣму-то (вѣроятно своему счастію) улыбающіяся дѣвическихія лица, на эту оживленную бѣготню, слушая этутъ непослѣдовательный, но ласковый же всѣмъ, на все готовый, исполненный надежды слепть женской молодежи, слушая эти непослѣдовательные звуки, то мѣня, то музыки, испытывалъ одно и то же чувство готовности къ любви и ожиданія счастія, которое испытывала и сама молодежь дома Ростовыхъ.

Въ числѣ молодыхъ людей, введенныхъ Ростовымъ, былъ однімъ изъ первыхъ — Долоховъ, который понравился всѣмъ въ домѣ, исключая Наташи. За Долохова она чуть не поскоррилась съ братомъ. Она настаивала на томъ, что онъ злой человѣкъ, что въ дуэли съ Безухимъ Церь быль правъ, а Долоховъ виноватъ, что онъ непріятенъ и неестественъ.

— Нечего мнѣ понимать! съ упорнымъ своевольствіемъ кричала Наташа, — онъ злой и безъ чувствъ. Вотъ вѣдь я же люблю твоего Денисова; онъ и кутила, и все, а я всетаки его люблю, стало-быть я понимаю. Не умѣю, дажъ тебѣ сказать; у него все назначено, а я этого не люблю. Денисова... — Ну, Денисовъ другое дѣло, отвѣчалъ Николай, давай чувствовать, что въ сравненіи съ Долоховымъ даже и Денисовъ былъ ничто, — надо понимать, какал-души у этого Долохова, надо видѣть, что съ матерью, это такое сердце!

— Ужъ этого я не знаю, но съ нимъ маѣ человѣкъ! И ты знаешьъ ли, что онъ влюбился въ Сою?

— Какая глупость...
— Я увѣрена, вотъ увидишь.

Предсказаніе Наташи сбывалось. Долоховъ, пе любитиї дамскаго общества, сталъ часто бывать въ дому, и вопросъ о томъ, для кого онъѣздитъ, скоро (хотя и никто пе говорилъ иро это) былъ решенъ такъ, что онъѣздить для Сои. И Соя, хотя никогда не посмѣла бы сказать этого, знала это и всякий разъ, какъ кумачъ, краснѣла при появлениіи Долохова.

Долоховъ часто обѣдалъ у Ростовыхъ, никогда не пропускалъ спектакля, гдѣ они были, и бывалъ на балахъ „подростающиxъ“ у Іогеля, гдѣ всегда бывали Ростовы. Онъ оказывалъ преимущественное вниманіе Сои и смотрѣльша ее такими глазами, что не только она безъ краски не могла выдержать этого взгляда, но и „старая“ графиня и Наташа краснѣли, замѣтивъ этотъ взглядъ.

Видно было, что этотъ сильный, странный мужчина находился подъ неотразимымъ вліяніемъ, производимымъ на него этой „черненькою“, „трацозною“, любящую другаго дѣвочкой.

Ростовъ замѣчалъ что-то новое между Долоховымъ и Соей; но онъ не опредѣлялъ себѣ, какія это были явныя отношенія. „Они тамъ все влюблены въ кого-то“, думалъ онъ про Сою и Наташу. Но ему было не такъ, какъ прежде, ловко съ Соей и Долоховымъ, и онъѣзже сталъ бывать дома.

Съ осени 1806 года опять все заговорило о войнѣ съ Наполеономъ; еще съ большимъ жаромъ, чѣмъ въ прошломъ году. Назначенъ былъ не только наборъ 10 рѣкрутъ, но и

еще 9 ратниковъ съ тысячи. Повсюду проклиниали аллеюмой Бонапартія, и въ Москвѣ только и толковъ было, что о предстоящей войнѣ. Для семейства Ростовыхъ весь интересъ этихъ приготовленій къ войнѣ заключался только въ томъ, что Николушка ни за что не соглашался оставаться въ Москвѣ, и выжидалъ только конца отпуска Денисова, съ тѣмъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ вхать въ полкъ послѣ праздниковъ. Предстоящій отѣзгъ не только не мѣшалъ ему веселиться, но еще поощрялъ его къ этому. Большую часть времени онъ проводилъ виѣ дома, на обѣдахъ, вечерахъ и балахъ.

XI.

На третій день Рождества Николай обѣдалъ дома, что въ послѣднее время рѣдко случалось съ нимъ. Это былъ официально-процѣльный обѣдъ, такъ какъ онъ съ Денисовымъ уѣзжалъ въ полкъ послѣ Крещенія. Обѣдало человѣкъ двадцать, въ томъ числѣ Долоховъ и Денисовъ.

Никогда въ домѣ Ростовыхъ любовный воздухъ, атмосфера влюблennости не давали себя чувствовать съ такою силой, какъ въ эти дни праздниковъ. „Лови минуты счастія, застакай себя любить, влюбляйся самъ! Только это одно есть настоящее на свѣтѣ — остальное все вздоръ.. И этимъ однимъ мы здѣсь только и заняты“, говорила эта атмосфера.

Николай, какъ и всегда, замучивъ двѣ пары лошадей и то не успѣвъ побывать во всѣхъ иѣстахъ, гдѣ ему надо было быть и куда его звали, прїѣхалъ домой предъ самымъ обѣдомъ. Какъ только онъ вошелъ, онъ замѣтилъ и почувствовалъ напряженность любовной атмосферы въ домѣ, но кромѣ того онъ замѣтилъ странное замѣшательство, царствующее между нѣкоторыми изъ членовъ общества. Особ-

беные, взволнованы были Соня, Долоховъ, старая графиня и немецкая Наташа. Николай понималъ, что что-то должно было случиться до обѣда между Соней и Долоховымъ, и, съ свойственнюю ему чуткостью сердца, былъ очень нѣжень и остороженъ во время обѣда въ обращеніи съ ними обоими. Въ этотъ же вечеръ третьяго дня праздниковъ долженъ быть быть единъ изъ тѣль баловъ у Іогеля (тапцованьяаго учителя), которые онъ давалъ по праздникамъ для всѣхъ своихъ учениковъ и ученицъ.

— Николенька, ты пойдешь къ Іогелю? Пожалуйста, мо-
жьзай, сказала ему Наташа, — охъ тебѣ особенно просилъ,
и Василий Дмитричъ (это былъ Денисовъ) юдетъ.

— Куда я не пойду по приказанію графини! сказали Денисовъ, шутливо поставившій себя въ домѣ Ростовыхъ, на ногу рыцаря Наташи — pas de châle готовъ танцоватъ! —
Коли успѣю! Я обѣщалъ Архаровымъ, у нихъ вечеръ, сказала Николай.

— А ты?.. обратился онъ къ Долохову. И только что спросилъ это, замѣтилъ, что этого не надо было спрашивать.
— Да, можетъ быть... холодно и сердито овѣчка Долоховъ, взглянувъ на Соню; и, накиурившись, точно такимъ взглядомъ, какимъ она на клубномъ обѣдѣ смотрѣла на Цѣра, опять взглянула на Николая.

— Что-нибудь есть, подумалъ Николай и еще больше утвер-
дился въ этомъ предположеніи, что Долоховъ тотчасъ же послѣ обѣда уѣхалъ. Онъ вызвалъ Наташу и спросилъ, что такое?

— А я тебя искала, сказала Наташа, выбѣжавъ къ нему. — Я говорила, ты все не хотѣлъ избрать, авторитетную скажала она, — онъ сдѣлалъ предложеніе Сонѣ.

Какъ никако занимался Николай Соней за это время, но что-то какъ бы оторвалось въ немъ; когда онъ услыхалъ это. Долоховъ была приличная и въ некоторыи отношеніяхъ блестящая партія для безприданной сироты-Сони. Съ точки зрењія старой графини и свѣта нельзя было отказатьть ему. И потому первое чувство Николая, когда онъ услыхалъ это, было озабоченіе противъ Сони. Онъ приготавливался къ тому, чтобы сказать: „И прекрасно, разумѣется надо забыть дѣтскія обѣщанія и принять предложеніе“; но не успѣлъ онъ еще сказать этого.

— Можешь себѣ представить! она отказалася, совсѣмъ отказалася! заговорила Наташа. — Она сказала, что любить другаго, прибавила она, помолчавъ немногого.

— Да иначе и не могла поступить моя Соня! подумалъ Николай.

— Сколько есъ не просила мама, она отказалася, и я знаю, она не перемѣнить, если что сказала...

— А мама просила есъ съ упрекомъ сказаль Николай.

— Да, сказала Наташа. — Знаешь, Николенька, не сердись; но я знаю, что ты на ней ис женишься. Я знаю, Богъ знаетъ отчего, и знаю вѣрно, ты ис женишься.

— Ну, этого ты никакъ не знаешьъ, сказть Николай; но мнѣ надо поговорить съ ей. Что за прелестъ эта Соня! прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Это такая прелестъ! Я тебѣ пришлю есъ. И Наташа, поцѣловавъ брата, уѣжала.

Черезъ минуту вошла Соня, испуганная, растерянная и виноватая. Николай подошелъ къ ей и поцѣловалъ ея руку. Это былъ первый разъ, что они въ этотъ пріѣздъ говорили съ глазу на глазъ и о своей любви.

— Софи, сказала она сначала робко, и потомъ все смѣлѣ и смѣлѣ, — ежели вы хотите отказаться не только отъ блестящей, отъ выгодной партии, чо бѣгъ прекрасный, благородный человѣкъ... Онь мой другъ...
София перебила его. — Я ужъ отказалась, сказала она испуганно. — Ежели вы отказываетесь для меня, то я боюсь, что вы мнѣ не верите. Каждыя яко-
да София опять перебила его. Она умоляющими, испуганными
взглядами посмотрѣла на него. — Николенька, не говорите мнѣ этого, сказала она.
Нѣть, я должна. Можетъ быть это самоадѣяніе
есть моей стороны, но все лучше сказать. Ежели вы откаже-
тесь для меня, то я должна вамъ сказать всю правду. Я
всѧкъ люблю; я думаю, болыше всѣхъ...
Мнѣ я довольно, всимхувъ, сказала София.
Нѣть, но я тысичу разъ влюбляясь и буду влюбляться,
хотя такого чувства дружбы, довѣрія, любви, и ни къ кому
не любю, какъ къ вамъ. Потомъ я молодѣ. Маженѣка не
хочетъ этого. Ну, просто, я ничего не обещаю. И я пропу-
щусь подумать о предложении Долохова, сказать оно, сѣ тру-
домъ вытоваривая фамилію своего друга.
Не говорите мнѣ этого. Я ничего не хоту. Я люблю
васъ, какъ брата, и всегда буду любить; и болыше мнѣ не
чего не надо.

Вы ангелъ, я часъ не стою, но я только боюсь обидѣ-
нуть васъ. — Николай еще разъ поцѣловалъ ей руку.
Ако Елизавета хотѣла бы съѣхать съ него, то онъ бы
запечаталъ ей ротъ, и она бы не могла бы вымолвить ни
одна слѣдствиа.

XII.

У Іогеля былъ самы веселые балы въ Москвѣ. Это говорили матушки, гляди на свойъ „подросточковъ“, выдѣливающихъ свои только-что выученные да; это говорили и сами подростки, танцовавши до упаду; это говорили взрослые дѣвицы и молодые люди, прѣѣзжавши на эти балы съ мыслю снизойти до нихъ и находя въ нихъ самое лучшее веселье. Въ этотъ же годъ да этихъ балахъ сдѣдалось два брака. Двѣ хорошенъкія книжны Горчаковы нашли женниковъ и вышли замужъ, и тѣмъ еще болѣе пустили въ славу эти балы. Особеннаго на этицъ балахъ было то, что не было хозяинна и хозяйки: былъ, какъ, пухъ летающій, по правиламъ искусства расщаркивающійся, добродушный Іогель, который принималъ билетики за уроки отъ всѣхъ своихъ гостей; было то, что на эти балы еще єзжали только те, кто хотѣлъ танцевать и веселиться, какъ хотѣть этого, 13-ти и 14-ти-дѣтнія дѣвочки, въ первый разъ надѣвающія длинныя платья. Всѣ, за рѣдкими исключеніями, были или казались хорошенъкими; такъ восторженно онѣ всѣ удалялись и такъ разгорались ихъ газки. Иногда танцовывали даже *pas de chale* лучшія ученицы, изъ которыхъ лучшая была Наташа, отливавшая своею граціозностью; но да этомъ послѣднемъ балѣ танцевали только экосезы, англезы и только-что входящую въ моду мазурку. Зала была взята Іогелемъ въ домѣ Безухацо, и балъ очень удался, какъ говорили всѣ. Много было хорошенъкіихъ дѣвочекъ, и Ростовы барышни были изъ лучшихъ. Онѣ обѣ были особенно счастливы и веселы. Въ этотъ вечеръ Соня, гордая предложеніемъ Долохова, своимъ отказомъ и объясненіемъ съ Николаемъ, кружилася еще дома, не давая дѣвушкѣ

донасать свои юсы, и теперь насквозь сиялась торжествистою радостью.

Наташа, не меньше гордая тѣмъ, что она жъ первый разъ была въ длинномъ платьѣ на настоящемъ балѣ, была еще счастливѣе. Обѣ были въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ съ розовыми лентами при груди, съ золотой вышивкой на юбкѣ. Наташа селѣлась влюбленнастѣ самой той минуты, какъ она вошла на балъ. Она не была влюблена ни въ него въ особенности, но влюблена была во всѣхъ. Въ то же, на кото она смотрѣла въ ту минуту, какъ она смотрѣла, въ того она и была влюблена. Бѣлье было обѣмъ одинаково скромно и чисто. Ахъ, какъ хорошо! все говорила она, подбѣгая къ Сонѣ, Николай съ Денисовымъ ходили по заламъ, ласково и привлѣтственное оглядывая танцующихъ.

Какъ она милая красавица будетъ, сказала Денисовъ.

Кто бы я безъ тебя ни стала, сказала Денисовъ.

— Графина Наташа, отвѣчалъ Денисовъ. — И какъ же, И какъ же она танцуетъ, — какъ грациозно! — немножечко, не много, опять сказала онъ.

— Да, прошлаго ты говорилъ? да и говорилъ, это я знаю.

Про сестру про твою, сердито кривнула Денисовъ, и Ростовъ усмѣхнулся.

Любезный графъ, мы одни изъ лучшихъ моихъ учениковъ. Вы должны танцевать, сказалъ маленький Лохель, подходя къ Николаю. Посмотрите, сколько же перешельскихъ дваждыекъ! Онъ съ головы же просьбой обратился къ Денисову, тоже своему бывшему ученику. А про розы я вамъ говорилъ. Нѣть, мой милый, я лучше засижусь для вида, сказала Денисовъ. Развѣ вы же, помните, какъ дурно я пользовался вашими уроками? оттого у меня и есть одна проклятая голова!

— О! Инѣтъ! посѣшно утѣшающе, сказаѣлъ Іогель. — Вы только невнимательны были, а вы имѣли способности, да, вы имѣли способности.

Заигралъ вновь вводившуюся мазурку. Николай не могъ отказать Іогелю и пригласилъ Соню. Денисовъ подсѣялъ къ старушкамъ, и, облокотившись на саблю, притопыталъ такъ, что-то весело разсказывалъ и смигнулъ старыѣ дамы, поглядывая на танцующую молодежь. Іогель въ первой парѣ танцевалъ съ Наташой, свою-въордостную и лучшую ученицей. Мягко, плавно перебирая своими ножками въ башмачкахъ, Іогель первымъ полетѣлъ по залѣ съ робѣвшими, но старательно выдѣлывающими на Наташой. Денисовъ не спускалъ съ нея глазъ и пристукивалъ саблей танцу, съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ, что она садѣть не танцуетъ, только отъ того, что не хочетъ, а не отъ того, что не можетъ. Въ серединѣ фигуры онъ подозвалъ къ себѣ проходившаго мимо Ростова.

— Это совсѣмъ не то, сказаѣлъ онъ. Развѣ это польская мазурка? А отлично танцуетъ.

Знай, что Денисовъ и въ Польшѣ даже славился своимъ мастерствомъ илязать польскую мазурку. Николай подбѣжалъ къ Наташѣ.

— Поди, выбери Денисова! Вотъ танцуетъ! Чудо! сказаѣлъ онъ.

Когда пришелъ окнѣть передъ Наташой, она встала, и быстро перебирая своими стѣ башмачками сабль, одна пробѣжала черезъ залу изъ углу, гдѣ сидѣлъ Денисовъ. Она видѣла, что всѣ смотрѣть на нее и ждутъ. Николай видѣлъ, что Денисовъ и Наташа улыбались спорили, и что Денисовъ отказывался, но радостно улыбался. Она подбѣжала

Пожалуйста; Василий Дмитричъ; говорила Наташа; пойдемте, пожалуйста.

Да что, увольте, графиня, говорилъ Денисовъ. Ну, полно, Вася, сказала Николай.

— Точно кота Ваську уговаривають, шуты скажешь Денисовъ.

Цѣлый вечеръ вань буду идти, сказала Наташа.

Волшебница все со мной сдѣлаетъ! сказали Денисовъ и отстегнула саблю. Онъ вышелъ изъ-за стульевъ, прыжко взялъ за руку свою даму, приподнялъ голову и отставилъ ногу, южная танца. Только на конѣ и въ мазурѣ не видно было маленькаго роста Денисова, и онъ представлялся тѣмъ самимъ молодцомъ, какимъ онъ самъ себя чувствовалъ. Выждавъ такъ, онъ съ боку, побѣдоносно и шутливо взглянуль на свою даму, неожиданно пристукнуль одною ногой, и какъ мачикъ упруго отскочилъ отъ пола и полетѣлъ вдоль по кругу, увлекая за собой свою даму. Онъ неслыханно лестивъ головину залы на одной ногѣ, и, казалось, не видѣвъ стоявшихъ предъ ними стульевъ и прямо иесся на нихъ; по вдругъ, приселкнувъ шпорами и разставивъ ноги, остановился на каблукахъ, стоять такъ секунду, съ трохоточьемъ стучалъ на однѣмъ мѣстѣ ногами, быстро вертѣлся и, лѣвой ногой подщекивая правую, опять лестивъ по кругу. Наташа угадывала то, что онъ намѣренъ быть сдѣлать, и сама не знала. Слѣдилъ за нимъ — отдавалась ему. То онъ кружилъ ее, то на правой, то на лѣвой руки, то падалъ на колѣна, обводилъ ее вокругъ себѣ; и опять вскачивалъ и нукался впередъ съ такою строительностью, какъ будто они намѣренъ быть, не переводя духа, перебѣжать черезъ всю комнаты; то вдругъ опять останавливался и дѣлалъ опять

новое и неожиданное кольцо. Когда она бойко, закрутив даму предъ ея мѣстомъ, щелкнуль шпорой, всплываясь предъ ней, Наташа даже не присѣла ему. Она съ недоумѣніемъ уставила на него глаза, улыбаясь, какъ будто не узнала его.

— Что жъ это, такое? проговорила она.

Несмотря на то, что Іогель не признавалъ эту мазурку настоящую, все были восхищены мастерствомъ Денисова, безпрестанно стали выбирать его, и старики, улыбаясь, стали разговаривать про Цольшу и про добре старое время. Денисовъ, раскраснѣвшись отъ мазурки и отираясь платкомъ, подсѣль къ Наташѣ, и весь баль не отходилъ отъ нея.

А въ это время въ гостиницѣ открылся балконъ, и появился на немъ Ростовъ, и онъ началъ говорить:

Два дня посѣть этого, Ростовъ не видѣлъ Долохова у своихъ и не заставалъ его дома; на третій день онъ получиль отъ него записку, въ которой было написано: «Такъ какъ я въ домѣ у васъ бывать болѣе не намѣренъ, не известнымъ тебѣ причинамъ, иѣду въ армію, то никакъ вечеромъ и даю моимъ приятелямъ прощальную пирушку — пріѣзжай въ Англійскую гостиницу». Ростовъ въ 10-мъ часу, изъ театра, где онъ былъ вмѣстѣ съ Сонией и Денисовымъ, пріѣхалъ въ назначенный день въ Англійскую гостиницу. Его тотчасъ же провели въ лучшее помѣщеніе гостиницы, занятое на эту ночь Долоховымъ.

Человѣкъ двадцать толпилось около стола, предъ которыми между двумя свѣчами сидѣлъ Долоховъ. На столѣ лежало золото и ассигнаціи, и Долоховъ металъ банкъ. Послѣ предложенія и отказа Сони, Николай еще не вѣдался съ нѣмъ и испытывалъ замѣшательство при мысли о томъ, какъ они свидятся.

Снѣтлый, колодный взглядъ Долохова встрѣтилъ Ростова еще у двери, какъ будто онъ давио ждалъ его.

— Да, не видались, сказалъ онъ, — спасибо, что пріѣхали. Всѣ только домету, извѣстя: Иконка съ хоромы.

— Я къ тебѣ заѣжалъ, сказалъ Ростовъ, красиѣя. Долоховъ не отвѣчалъ ему.

— Можешь поставить, сказалъ онъ.

Ростовъ вспомнилъ въ эту минуту странный разговоръ, который онъ имѣлъ разъ съ Долоховымъ. „Играть на счастіе могутъ только дураки“ оказалъ тогда Долоховъ. Или ты боялся со мной играть? сказалъ теперь Долоховъ, какъ будто угадавъ мысль Ростова, и улыбнулся. Иль за улыбки его Ростовъ увидаль въ немъ то настроеніе духа, которое было у него во времена обѣданья въ клубѣ и вообще въ тѣ времена, когда, какъ бы соскучившись ежедневною жизнью, Долоховъ чувствовалъ необходимость какимъ-нибудь страннымъ, большою частію жестокимъ, преступкомъ выходить изъ нея.

Ростову стало неловко; онъ искалъ и не находилъ въ умѣ своеи шутки, которыя отвѣтила бы на слова Долохова. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, Долоховъ, глядя прямо въ лицо Ростову, медленно и съ разстановкой, такъ что всѣ могли слышать, сказалъ ему:

— А помнишь, мы говорили съ тобой про игру.., дуракъ, кто на счастіе хочетъ играть; играть надо навѣрное, а я хочу попробовать на счастіе или навѣрное?

— Да и лучше не играй, прибавилъ онъ, и треснувъ разорванную колодой, прибавилъ: — Банкъ, господи!

Придвинувъ впередъ деньги, Долоховъ приготовился ме-

тать. Ростовъ сѣлъ подъ него и нача играть. Долоховъ взглѣдывалъ на него.

— Что жь не играешь? — сказалъ Долоховъ. И странно, Николай почувствовалъ необходимость взять карту, поставить на нее незначительный кушъ и начать игру.

— Со мною денегъ нѣть, — сказалъ Ростовъ.

— Повѣрю!

Ростовъ поставилъ 5 рублей на карту и проигралъ, поставилъ еще и опять проигралъ. Долоховъ убѣль, т.е., выигралъ десять картъ сряду у Ростова.

— Господа, — сказалъ онъ, прометавъ нѣсколько времени, — вропшу вѣстить деньги на карты, а то я могу спутаться въ счетахъ.

Одинъ изъ игроковъ сказалъ, что, онъ надѣется, ему можно повѣрить.

— Повѣрить можно, но боюсь спутаться; — прему вѣстить деньги на карты, отвѣчалъ Долоховъ, — Ты не стѣснися, мы съ тобой сочтемся, прибавилъ онъ Ростову.

Игра продолжалась; лакей, не переставалъ, разносить шампанское.

Всѣ карты Ростова бились, и на него было написано до 800 рублей. Онъ надѣсалъ было надъ одной картой 800 рублей, но въ то время, какъ ему подавали шампанское, онъ раздумалъ и написалъ опять обыкновенный кушъ, двадцать рублей.

— Оставь, — сказалъ Долоховъ, хотя онъ казалось и не смотрѣлъ на Ростова, — скорѣе отыграешься. Другихъ даю, а тебѣ бью. Иль ты меня боишься? повторилъ онъ...

Ростовъ покинулъ, оставилъ написанные 800 и поставилъ семерку червей въ отбраннѣмъ углѣкомъ, которую онъ

поднялъ съ земли. Онъ хорошо со послѣдней помнилъ. Онъ поставилъ семерку червной, надписавъ надъ ней отломанный мѣдкомъ 800, круглыми прямymi цифрами; вѣнье подавленный стаканъ согрѣвашагося шампанскаго, улыбнулся на слова Долохова и, съ замиранiemъ сердца ожидалъ семерки, стать смотрѣть на руки Долохова, державшаго колоду. Выигрыши или проигрыши этой семерки червей означали многое для Ростова. Въ воскресеніе на прошлой недѣлѣ графъ Илья Андреичъ далъ своему сыну 2000 рублей, и онъ, никогда не любившій говорить о денежнѣхъ затрудненіяхъ, сказалъ ему, что деньги эти были послѣднія до малъ, и что потому онъ просилъ сына быть на этотъ разъ позкonomиѣс. Николай сказалъ, что ему и это слишкомъ мнено, и что онъ дасть честное слово не брать больше денегъ до весны. Теперь изъ этихъ денегъ оставалось 1200 рублей. Стало быть, семерка червей означала не только проигрыши 1600 рублей, но и необходимость измѣненія данному слову. Онъ съ замиранiemъ сердца смотрѣлъ на руки Долохова и думалъ: „Ну, скорѣй, дай мнѣ эту карту, и я беру фуражку, уѣзжаю домой ужинать съ Денисовыми, Наташой и Соней, и ужъ вѣрою никогда въ рукахъ моихъ не будетъ карты“. Въ эту минуту домашняя жизнь его, шуточки съ Петей, разговоры съ Соней, дуэты съ Наташой, пикеть съ отцомъ и даже спокойная постель въ Поварскомъ домѣ, съ такою силю, ясностью и прелестью представились ему, какъ будто все это было давно прошедшее, потерянное и неоцѣненное счастье. Онъ не могъ допустить, чтобы глупая случайность, заставивъ семерку лежать прежде направо, чѣмъ налево, могла бы лишить его всего этого вѣчнаго, новаго, осмысливанаго счастья и повергнуть его въ пучину еще не испытанаго и неопредѣленаго

несчастіем. Это не могло быть, что онь все-таки складалъ съ заміраниемъ движенья руки Долохова. Ширококостный, красноватыя руки эти съ волосами, видѣвшимися изъ подъ рубашки, положили колоду картъ на валикъ за подаваемый стаканъ и трубку.

— Такъ ты не боишься со мной играть? повторилъ Долоховъ и какъ будто для того, чтобы разсказать веселую исторію, онъ положилъ карты, опрокинулъ на спинку стула и медлительно съ улыбкой стала разсказывать.

— Да, господа, мнѣ говорили, что въ Москве раскапчено слухъ, будто я шулерь, поэтому совсѣмъ вами бытую мой осторожнѣй.

— Ну, мечи же! сказалъ Ростовъ, и засмеялся.

— Охъ, московскія тетушки! сказалъ Долоховъ и съ улыбкой взялся за карты.

— Аахъ! чуть не крикнулъ Ростовъ, поднявши обѣ руки къ волосамъ. Сеперка, которая была нужна ему, уже лежала вверху, первою картой въ колодѣ. Онъ проигралъ больше того, чѣмъ могъ заплатить.

— Однако ты не зарывайся, сказалъ Долоховъ, мелькомъ взглянувъ на Ростова, и продолжалъ метать.

XIV.

Черезъ полтора часа времени большинство игроковъ уже шутя смотрѣли на свою собственную игру.

Вся игра сосредоточивалась на одному Ростову. Вѣсто тысячи шестисотъ рублей за нимъ была записана длинная колонна цифръ, которую онъ считалъ до десятой тысячи, но которая теперь, какъ онъ смутно предполагалъ, возвысилась уже до пятнадцати тысячъ. Въ сущности саниѣ уже

превышала двадцать тысяч рублей. Долоховъ уже не слушалъ и не рассказывалъ исторій; онъ слѣдилъ за каждымъ движениемъ руки Ростова и бѣгло оглядывалъ изрѣдка свою запись за милю. Онъ рѣшилъ продолжать игру до тѣхъ поръ, пока запись эта не возрастетъ до сорока трехъ тысячъ. Число это было имъ выбрано потому, что сорокъ три составляло сумму сложенныхъ его годовъ съ годами Соціи. Ростовъ, опершись головою на обѣ руки, сидѣлъ предъ испинаннымъ, залитымъ виномъ, заваленнымъ картами столомъ. Одно мучительное впечатлѣніе не оставляло его: эти ширококостные, красноватыя руки съ волосами, виднѣвшимися изъ подъ рубашки, эти руки, которыхъ онъ любилъ и ненавидѣлъ, держали его въ своей власти.

„Шестьсотъ рублей, тузъ, уголь, девятка... отыграться невозможно!... И какъ бы весело было дома... Валерь! На пѣ... это не можетъ быть!... И зачѣмъ же онъ это дѣластъ со мной?...“ думалъ и вспоминалъ Ростовъ. Иногда онъ ставилъ большую карту; но Долоховъ отказывался бить ее, и сѣть дѣздачка купъ. Николай покорялся ему, и то молился Богу, какъ онъ молился на полѣ сраженія на Ампитетенскомъ мосту; то загадывалъ, что та карта, которая первая попадется ему въ руку изъ кучи изогнутыхъ картъ подъ столомъ, та спасеть его; то разсчитывалъ, сколько было шнурковъ на етo курткѣ и съ столькими же очками карту пытался ставить на весь проигрышъ, то за помощью оглядывался на другихъ играющихъ, то вглядывался въ холодное теперь лицо Долохова, и старался проникнуть, чѣмъ въ немъ дѣгалось.

„Вѣдь онъ знаетъ, чѣмъ значить для меня этотъ проигрышъ. Не можетъ же онъ желать моей погибели? Вѣдь онъ другъ былъ мнѣ. Вѣдь я его любилъ... Но и онъ не виновать;

что же ему дѣлать, когда ему везеть счастіе? И я не виноватъ, говорилъ онъ самъ себѣ. — Я ничего не сдѣлать дурнаго. Развѣ я убилъ кого-нибудь, оскорбилъ, пожелалъ зла? За что же такое ужасное несчастіе? И когда оно началось? Еще такъ недавно я подходилъ къ этому столу съ мыслию выиграть сто рублей, купить мама къ именинамъ эту шкатулку иѣхать домой. Я такъ былъ счастливъ, такъ свободенъ, веселъ! И я не понималъ тогда, какъ я былъ счастливъ! Когда же это кончилось, и когда началось это новое, ужасное состояніе? Чѣмъ озnamеновалась эта перемѣна? Я все такъ же сидѣлъ на этомъ мѣстѣ, у этого стола, и такъ же выбиралъ и выдвигалъ карты, и смотрѣлъ на эти ширококостные ловкия руки. Когда же это совершилось, и что такое совершилось? Я здоровъ, силенъ и все тотъ же, и все на томъ же мѣстѣ. Нѣтъ, это не можетъ быть! Вѣрою все этоничѣмъ не кончится".

Онъ былъ красивъ, весь въ поту, несмотря на то, что въ комнатѣ не было жарко. И лицо его было страшно и жалко особенно по безсильному желанію казаться спокойнымъ.

Запись дошла до рокового числа сорока трехъ тысячъ. Ростовъ приготовилъ карту, которая должна была идти угломъ отъ трехъ тысячъ рублей, только что данныхъ ему, когда Долоховъ стукнулъ колодой, отложилъ ее и, взявъ мѣль, началъ быстро свинцъ чеканить, крѣпкимъ перечеркомъ, ломая мѣлокъ, подводить итогъ записи Ростова.

Ужинать, ужинать пора! Вотъ и цыганы! действительно съ своимъ цыганскимъ акцентомъ уже входили въ холода и говорили что-то какіе-то черные мужчины и женщины. Николай понималъ, что все было копченое; по опь французскимъ голосомъ сказалъ:

Что же; не будешь еще? А у меня славная карточка приготовлена. Какъ будто болѣе всего его интересовало вѣселье самой игры.

«Все кончено, я пропалъ!» думалъ онъ. «Теперь тутъ въ любви одно остается», и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сказалъ веселымъ голосомъ:

Ну, еще одну карточку.

Хорошо, отвѣчалъ Долоховъ, окончивъ иточъ, — хорошо! 21 рубль идетъ, сказала онъ, указывая на цифру 21 въ написанной ровный счетъ 43 тысячи, и изъвлекъ колоду. Приготовился метать. Ростовъ покорно отогнуль уголъ и вмѣсто приготовленныхъ 6000, старательно написать 21. Графъ

— Это мнѣ все равно, сказала онъ, — мнѣ только интересно знать, убѣши ты или дашь мнѣ эту десятку?

Долоховъ серьезно стала метать. О, какъ ценавидѣть Ростовъ въ эту минуту эти руки, красноватыя, съ короткими пальцами и съ волосами, виднѣвшимися изъ-подъ рубашки, искъяній его въ своей власти. Десятка была дана.

За вами 43 тысячи, графъ, сказала Долоховъ и, поднявшись, встала изъ-за стола. А устанешь однако такъ долго сидѣть, сказала онъ.

Да, и я тоже устану, сказала Ростовъ.

Долоховъ, какъ будто напоминая ему, что ему не прилично было шутить, перебилъ его:

Когда присажете получить деньги, графъ?

Ростовъ, вспыхнувъ, вызвалъ Долохова въ другую комнату.

Я не могу вдругъ заплатить все, ты возьмешь вексель, сказала онъ.

Послушай, Ростовъ, сказала Долоховъ, ясно улыбаясь и глядя въ глаза Николаю, — ты знаешь договоръ?: „Очистивъ

въ любви, несчастливъ въ картахъ". Кузина твои влоблена въ тебя. И знаю.

"О! это ужасно чувствовать себя такъ ~~за~~ власти этого человѣка", думалъ Ростовъ. Ростовъ понималъ, какъ ударъ онъ нанесеть отцу, матери объясненіемъ этого проигрыша; онъ понималъ, какое бы было счастіе избавиться отъ всего этого, и понималъ, что Долоховъ знаетъ, что можетъ избавить его отъ этого стыда и горя, и теперь хочетъ еще играть съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

Твоя кузина... хотѣль сказать Долоховъ; но Николай перебилъ его.

— Моя кузина тутъ не при немъ, ~~и~~ ей говорить нечего! крикнулъ онъ съ бѣшенствомъ.

— Такъ когда получить? спросилъ Долоховъ.

— Завтра, сказала Ростовъ, и вышелъ изъ комнаты.

XV.

Сказать „завтра“ и выдержать точь-приличія было не трудно; но пріѣхать одному домой, увидать сестеръ, брата, мать, отца, признаваться и просить денегъ, на которыхъ не имѣешь права послѣ данного честнаго слова, было ужасно.

Дома еще не спали. Молодежь дома Ростовыхъ, воротившись изъ театра, поужинавъ, сидѣла у клавикордъ. Какъ только Николай вошелъ въ залу, его окватали га любовницами, поэтическая атмосфера, которая царствовала въ эту зиму въ ихъ домѣ и которая теперь, послѣ предложенія Долохова и бала Іогеля, казалось, еще болѣе спустилась, какъ воздухъ передъ грозой, надъ Соней и Наташой. Соня и Наташа въ голубыхъ платьяхъ, въ которыхъ они были въ театрѣ, хорошиевъкия и знающія это, счастливо улыбаясь, стояли

у клавикордъ. Вѣра съ Шиншинымъ играла въ шахматы въ гостиной. Старая графиня, ожидая сына и мужа, раскладывала пасьянсъ съ старушкой-дворянкой, жившей у нихъ въ домѣ. Денисовъ съ блестящими глазами и взъерошенными волосами сидѣлъ, откинувшись назадъ, у клавикордъ, и длощая по нимъ своими коротенькими пальцами, бралъ аккорды, и закатывая глаза, своимъ маленькимъ, хриплымъ; но вѣрнымъ голосомъ пѣлъ сочиненное имъ стихотвореніе „Волшебница“, къ которому онъ пытался найти музыку.

— Ахъ, какъ Волшебница, скажи, какая сила
Влечетъ меня къ покинутымъ струнамъ?
Какой огонь ты въ сердце заровнала?
Какой восторгъ разлился до перстамъ!
Пѣль она съ страстнымъ голосомъ, блестя на спутанную и
счастливую Наташу своими агатовыми, черными глазами.

— Прекрасно! отлично! — кричала Наташа. — Еще другой куплетъ говорила она, не замѣтая Николая.

„У нихъ все то же“, подумалъ Николай, заглядывая въ гостиную, где онъ увидалъ Вѣру и матерь со старушкой.
— А! вотъ и Николенька! — Наташа подбѣжала къ нему.
— Папенька дома? спросилъ онъ.

— Какъ я рада, что ты пріѣхалъ! не отвѣтай, сказала Наташа, — намъ такъ весело. Василий Дмитричъ остался для меня еще день, ты знаешь?

— Коко, ты пріѣхалъ, поди ко мнѣ, дружокъ, сказала голосъ графини изъ гостиной. Николай подошелъ къ матери, поцѣловавъ ея руку и, молча подсѣвъ къ ея столу, сталъ смотрѣть на ея руки, раскладывавшія карты. Изъ залы все слышались смѣхъ и веселые голоса, уговаривавшіе Наташу.

— Ну хорошо, хорошо, закричалъ Денисовъ, теперь
ничего отговариваться, за вами баркаролла, умоляю васъ.

Графиня оглянулась на молчаливаго сына.

— Что съ тобой? спросила мать у Николая.

— Ахъ, ничего, сказалъ онъ, какъ будто ему уже надоѣль
этотъ все одинъ и тотъ же вопросъ. — Нашенька скоро при-
ѣдетъ?

— Я думаю.

„У нихъ все то же. Они ничего не знаютъ! Куда мнѣ
дѣваться?“ подумалъ Николай и пошелъ, опять въ залу, гдѣ
стояли клавикорды.

Соня сидѣла за клавикордами и играла прелюдию той
баркароллы, которую особенно любилъ Денисовъ. Наташа
собиралась пѣть. Денисовъ восторженными глазами смотрѣлъ
на нее. Николай сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

„И вотъ охота заставлять ее пѣть! Чѣмъ она можетъ пѣсть?
И ничего тутъ нѣтъ веселаго“, думалъ Николай.

Соня взяла первый аккордъ прелюдіи.

„Боже мой, я могилій, я безчестный человѣкъ!“ Пуло
въ лобъ, одно, что остается, а не пѣть“, подумалъ онъ.
„Уйти? но куда же? все равно, пускай поютъ!“

Николай мрачно, продолжалъ ходить по комнатѣ, взглѣды-
валъ на Денисова и дѣвочекъ, избѣгая ихъ взглядовъ.

— Николенька, чѣмъ съ вами? спросилъ взгляды Сони,
устремленный на него. Она тотчасъ увидала, что что-нибудь
случилось съ нимъ.

Николай отвернулся отъ нея. Наташа съ свою чуткостью
тоже мгновенно замѣтила состояніе своего брата. Она за-
мѣтила его, но ей самой таѣть было весело въ ту минуту,

такъ далека она была отъ горя, грусти, упрековъ, что она (какъ это часто бываетъ съ молодыми людьми) нарочно обманула себя. „Нѣтъ, мнѣ слишкомъ весело теперь, чтобы морить свое веселье сочувствіемъ чужому горю“, почувствовала она, и сказала себѣ: „Нѣтъ я вѣрно ошибаюсь, она должна быть веселья такъ же, какъ и я“.

— Ну, Сона, сказала она и вышла на самую середину залы, гдѣ, по ея мнѣнію, лучше всего было резонансъ. Приподнявъ голову, опустивъ безжизненно-повисшія руки, какъ это дѣлаютъ танцовщицы, Наташа, энергическимъ движениемъ, переступая съ каблучка на цыпочку, прошлась по серединѣ комнаты и остановилась.

„Вѣтъ она я!“ какъ будто говорила она, отвѣчал на восторженный взглядъ Денисова, слѣдившаго за ней.

„И чѣму она радуется! подумалъ Николай, глядя на сестру. И какъ ей не скучно и не совѣстно!“ Наташа взяла первую ноту, горло ей расширилось, грудь выпрямилась, глаза приобрели серьезное выраженіе. Она не думала ни о комъ, ни о чѣмъ въ эту минуту, и изъ въ улыбку сложенного рта пошли звуки, тѣ звуки, которые можетъ производить въ тѣ же промежутки времени и въ тѣ же интервалы всякий, но которые тысячу разъ оставляютъ васъ холоднымъ, въ тысячу первый разъ заставляютъ васъ содрогаться и плакать.

Наташа въ эту зиму въ первый разъ начала серьезно пѣть и въ особенности оттого, что Денисовъ восторгался ея пѣсенъ. Она шла теперь не по-дѣтски; ужъ не было въ ся никакъ этой комической, ребяческой старательности, которая была въ ней прежде; но она шла еще не хорошо, какъ говорили всѣ знатоки-судьи, которые ее слушали. „Не обработанъ, но прекрасный голосъ, надо обработать“, говорили

всѣ... Но говорили это обыкновенно уже гораздо послѣ того, какъ замолкала ся голосъ. Въ то же время, когда звучалъ этотъ необработанный голосъ съ неправильными придыханіями и съ усилиями переходовъ, даже знахорки-судьи ничего не говорили, и только настаждались этимъ необработаннымъ голосомъ, и только желали еще разъ услыхать его. Въ голосѣ ся была та дѣятельная нетропустота, то невнапѣ своихъ силъ и та необработанная еще бархатность, которымъ такъ соединились съ недостатками искусства пѣнія, что, казалось, нельзя было ничего измѣнить въ этомъ голосѣ, не испортить его. „Что жъ это такое?“ подумалъ Николай, услыхавъ ся голосъ и широко раскрывъ глаза. „Что съ неей сдѣлалось? Какъ она поетъ нынче?“ подумалъ онъ. И вдругъ весь міръ для него сосредоточился въ ожиданіи слѣдующей ноты, слѣдующей фразы, и все въ мірѣ сдѣлалось раздѣленнымъ на три темы: „Oh, mio crudele affetto... Разъ, два, три... разъ, два... три... разъ... Oh, mio crudele affetto... Разъ, два, три... разъ. Эхъ, жизнь наша дурацкая!“ думалъ Николай. Все это, и несчастье, и деньги, и Долоховъ, и злоба, и честь — все это вздоръ... а вотъ оно настояще... Ну, Наташа, пу, голубчикъ! пу, матушка!... какъ она ототъї возьметъ? взяла! слава Богу! и онъ самъ, не замѣчая того, что онъ поеть, чтобы усилить этотъ *si*, взялъ *il terz' o* въ терцію высокой ноты. Боже мой! какъ хорошо! Неужели это я взялъ? какъ счастливо!“ подумалъ онъ.

О, какъ задрожала эта терція, и какъ тронулось что-то лучшее, что было въ душѣ Ростова. И это что-то было не зависимо отъ всего въ мірѣ, и выше всего въ мірѣ. Какие тутъ проигрыши и Долоховы и честное слово!... Вое вздору! Можно зарѣзать, украдь и все-таки быть счастливымъ...

XVI.

Давно уже Ростовъ не испытывалъ такого наслажденія отъ музыки, какъ въ этотъ день. Но какъ только Наташа кончила свою баркаролу, дѣйствительность, рѣвать вспомнилась ему. Онъ, ничего не сказавъ, вышелъ и пошелъ вмѣсть въ свою комнату. Черезъ четверть часа старый графъ, веселый и довольный, пріѣхалъ изъ клуба. Николай, услыхавъ его приѣздъ, пошелъ къ нему.

— Ну, что, довеселился? сказалъ Илья Андреичъ, радостно и гордо улыбаясь на своего сына. Николай хотѣть сказать, что „да“, но не могъ: онъ нутрь было не зарыдалъ. Графъ раскуривалъ трубку и не замѣтилъ состоянія сына.

— Эхъ, позабѣжно! подумалъ Николай въ первый и послѣдний разъ. И вдругъ самъ небрежнымъ тономъ, такимъ, что онъ самъ себѣ гадокъ казался, какъ будто онъ просыпъ окончаша сѣѣздить въ городъ, онъ сказалъ отцу:

— Цапа, а я дѣль вамъ, за дѣломъ прищаль. Я быдовъ забылъ. Мнѣ денегъ нужно.

— Вотъ какъ, сказалъ отецъ, находившійся въ особенно веселомъ духѣ. — Я тебѣ говорилъ, что не достанетъ. Много ли?

Очень много, краснѣя и съ глупою, небрежной улыбкой, которую онъ долго потому не могъ себѣ простить, сказалъ Николай. — Я немного проигралъ; т.-е. много даже, очень много, 43 тысячи.

— Чѣд? Кому?.. Шутишь! крикнулъ графъ, вдругъ аплексически краснѣя шеей и затылкомъ, какъ краснѣютъ старые люди.

— Я обѣщаю заплатить завтра, сказалъ Николай.

— Ну!... сказалъ старый графъ, разводя руками, и безсильно опустился на диванъ.

— Что же дѣлать! Съ кѣмъ это не случалось, сказаль сына развязнымъ, смѣлымъ тономъ, тогда какъ въ душѣ своей онъ считалъ себя негодяемъ, подлецомъ, который цѣлою жизнью не могъ искупить своего преступленія. Ему хотѣлось бы цѣловать руки своего отца, на колѣнахъ просить его прощенія, а онъ небрежнымъ и даже грубымъ тономъ говорилъ, что это со всяkimъ случается.

Графъ Илья Андреичъ опустилъ глаза, услыхавъ эти слова сына и заторопился, отыскивая что-то.

— Да, да, проговорилъ онъ, — трудно, я боюсь, трудно достать... съ кѣмъ не бывало! да, съ кѣмъ не бывало... И графъ мелькомъ взглянуль въ лицо сыну и пошелъ вонъ изъ комнаты... Николай готовился на отпоръ, но никакъ не ожидалъ этого.

— Напеченька! па... пленѣка! закричалъ онъ ему вслѣдъ, рыдал; — простите меня! И, схвативъ руку отца, онъ прижался къ ней губами и заплакалъ.

Въ то время, какъ отецъ объяснялся съ сыномъ, у матери съ дочерью происходило не менѣе важное объясненіе. Наташа взволнованная прибѣжала къ матери.

— Мама!.. Мама!.. онъ мнѣ сдѣлалъ...

— Что сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ, сдѣлалъ предложеніе! Мама! Мама! кричала она:

Графиня не вѣрила своимъ ушамъ. Денисовъ сдѣлалъ предложеніе. Кому? Этой крошечной дѣвочкѣ Наташѣ, ко-

торая еще недавно играла въ куклы и теперь еще брала уроки.

— Наташа, полно, глупости! сказала она, еще надѣясь, что это была шутка.

— Ну вотъ, глупости! Я вань дѣло говорю, сердито сказала Наташа. — Я пришла спросить, что дѣлать, а вы мнѣ говорите: „глупости“...

Графиня пожала плечами,

— Ежели правда, что *Москѣ Денисовъ* сдѣлалъ тебѣ предложеніе, то скажи ему, что онъ дуракъ, вѣтъ и все.

— Нѣть, онъ не дуракъ, обиженно и серьезно сказала Наташа.

— Ну, такъ что жъ ты хочешь? Вы вѣнчаны вѣнчаны. Ну, влюблена, такъ выходи за него замужъ, сердито смысь проговорила графиня, — съ Богомъ.

— Нѣть, мама, я не влюблена въ него, должно быть же влюблена въ него.

— Ну, такъ такъ и скажи ему.

— Мама, вы сердитесь? Вы не сердитесь, голубушка, ну вѣнчаны же я виновата?

— Нѣть, да что же, мой другъ! Хочешь я пойду скажу ему, сказала графиня, улыбаясь.

— Нѣть, я сама, только научите. Вамъ все легко, прибавила она, отвѣчая на ея улыбку. А коли бы видѣли вы, какъ онъ мнѣ это сказаль! Вѣдь я знаю, что онъ не хотѣлъ этого сказать; да ужъ нечаянно сказаль!

— Ну, все-таки надо отказать.

— Нѣть, не надо. Мой такъ его жалю! Онъ такой милый.

— Ну, такъ прими предложеніе. И то пора замужъ пидти, сердито и насмѣшино сказала мать.

— Ну!... сказалъ старый графъ, разводя руками, и безсильно опустился на диванъ.

— Что же дѣлать! Съ кѣмъ это не случалось, сказаль синь развязнымъ, смѣлимъ тономъ; тогда какъ въ душѣ своей онъ считалъ себя негодяемъ, подлецомъ, который цѣлою жизнью не могъ искупить своего преступленія! Ему хотѣлось бы целовать руки своего отца, на колѣняхъ просятъ его прощенія, а онъ небрежнымъ и даже грубымъ тономъ говорилъ, что это со всякимъ случается.

Графъ Илья Андреичъ опустилъ глаза, услыхавъ эти слова сына и заторопился, отыскивая что-то.

— Да, да, проговорилъ онъ, — трудно, я боюсь, трудно дѣстать... съ кѣмъ не бывало! да, съ кѣмъ не бывало... И графъ мелькомъ взглянулъ въ лицо сыну и пошелъ вонъ изъ комнаты... Николай готовился на отпоръ, но никакъ не ожидалъ этого.

— Напенъка! па...ленъка! закричалъ онъ ему вслѣдъ, рыдал; — простите меня! И, схвативъ руку отца, онъ прижался къ ней губами и заплакалъ.

Въ то время, какъ отецъ объяснялся съ сыномъ, у матери съ дочерью происходило не менѣе важное объясненіе. Наташа взволнованная прибѣжала къ матери.

— Мама!.. Мама!.. онъ мнѣ сдѣлалъ...
— Что сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ, сдѣлалъ предложеніе! Мама! Мама! кричала она.

Графиня не вѣрила своимъ ушамъ. Денисовъ сдѣлалъ предложеніе. Кому? Этой крошечной дѣвочкѣ Наташѣ, ко-

торая еще недавно играла въ куклы и теперь еще брала уроки.

— Наташа, полно, глупости! сказала она, еще надясь, что это была шутка.

— Ну вотъ, глупости! Я вань дѣло говорю, сердито сказала Наташа. — Я пришла спросить, что дѣлать, а вы миѣ говорите: „глупости“...

Графиня пожала плечами.

— Ежели правда, что Мосьѣ Денисовъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе, то скажи ему, что онъ дуракъ, вотъ и все.

— Нѣть, онъ не дуракъ, обиженно и серьезно сказали Наташа.

— Ну, такъ что жь ты хочешь? Вы вынче вѣдь всѣ влюблены. Ну, влюблена, такъ выходи за него замужъ, сердито смысь проговорила графиня, — съ Богомъ.

— Нѣть, мама, я не влюблена въ него, должно быть не влюблена въ него.

— Ну, такъ такъ и скажи ему.

— Мама, вы сердитесь? Вы не сердитесь, голубушка, ну вѣдь чѣмъ же я виновата?

— Нѣть, да что же, мой другъ! Хочешь я чойду скажу ему, сказала графиня, улыбаясь.

— Нѣть; я сама, только научите. Вамъ все легко, прибавила она, отвѣчая на ея улыбку. А коли бы видѣли вы, какъ миѣ это сказаль! Вѣдь я знаю, что онъ не хотѣлъ этого сказать; да ужъ нечаянно сказаль.

— Ну, все-таки надо отказать.

— Нѣть, не надо. Миѣ такъ его жалю! Онъ такой милый.

— Ну, такъ прими предложеніе. И то пора замужъ иди!, сердито и насмѣшиво сказала мать.

— Нѣть, мама, мнѣ такъ жалко его. Я не знаю, какъ я скажу.

— Да тебѣ и нечего говорить; я сама скажу, сказала графиня, возмущенная тѣмъ, что осмѣлились смотрѣть какъ на большую, на эту маленькую Наташу.

— Нѣть, ни за что, я сама, а вы слушайте у двери,— и Наташа побѣжала черезъ гостиную въ залу, гдѣ на томъ же стулѣ, у клавикорда, закрывъ лицо руками, сидѣлъ Денисовъ. Онъ вскочилъ на звукъ ея легкихъ шаговъ.

— Натали, сказаъ онъ, быстрыми шагами подходя къ ней, рѣшайте мою судьбу. Она въ вашихъ рукахъ!

— Василій Дмитрічъ, мнѣ васъ такъ жалко!... Нѣть, но вы такой славный, чо не надо... а такъ! я васъ всегда буду любить.

Денисовъ нагнулся надъ ея рукою, и она услыхала страшные, непонятные для нея звуки. Она поцѣловала его въ черную, спутанную, курчавую голову. Въ это время заскрипѣлъ носибѣшній шумъ платья графини. Она подошла къ немъ.

— Василій Дмитрічъ, я благодарю васъ за честь, сказала графиня смущеннымъ голосомъ, но который казался строгимъ Денисову, но моя дочь такъ молода, и я думала, что вы, какъ другъ моего сына, обратитесь прежде ко мнѣ: Въ такомъ случаѣ вы не поставили бы меня въ необходи-
мость отказа.

— Графиня!... сказаъ Денисовъ съ опущенными гла-
зами и виноватымъ видомъ, хотѣль сказать что-то еще и
запнулся.

Наташа не могла спокойно видѣть его такимъ жалкимъ. Она начала громко всхлипывать.

— Графиня, я виноватъ предъ вами, продолжалъ Дени-

совъ прерывающимъ голосомъ, — но знайте, что такъ бого-творю вашу дочь и все ваше семейство, что двѣ жизни отдамъ... Онъ посмотрѣлъ на графиню и замѣтилъ ся строгое лицо.... — Ну прощайте, графиня, сказалъ онъ, поцѣловавъ ся руку, и не взглянувъ на Наташу, быстрыми, рѣшительными шагами вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА IV

На другой день Ростовъ проводилъ Денисова, который не хотѣлъ болѣе чѣмъ одного дня оставаться въ Москвѣ. Денисова провожали у цыганъ всѣ его московскіе пріятели, и опль не помнилъ, какъ его уложили въ сани и какъ везли первыя три станціи.

Послѣ отѣзда Денисова, Ростовъ, дожидаясь десетъ, которыя не вдругъ могъ собрать старый графъ, проводѣлъ еще двѣ недѣли въ Москвѣ, не выѣзжая изъ дома, и преимуще-ственno въ компаѣ барышень.

Соня была къ нему пѣжище и преданище, чѣмъ прежде. Она, казалось, хотѣла показать ему, что его проигрыши были подвигъ, за который она теперь еще больше любить его; но Николай теперь считалъ себя недостойнымъ ся.

Онъ исписалъ альбомы дѣвочекъ стихами и нотами, и не простившись ни съ кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ, отославъ пакононцѣ всѣ 43 тысячи и получивъ расписку Долохова, уѣхалъ въ концѣ ноября догонять полкъ, который уже былъ въ Польшѣ.

— — — — —

the first time in the history of the world that the people of a country have been compelled to give up their political independence and submit to the rule of another nation.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

J

Послѣ своего объясненія съ женой, Пьеръ поѣхалъ въ Петербургъ. Въ Торжкѣ на станціи не было лошадей или не хотѣлъ ихъ дать смотритель. Пьеръ долженъ былъ ждать. Онъ, не раздѣвалась, легъ на кожаный диванъ предъ круглымъ столомъ, положилъ на этотъ столъ свои большія ноги въ теплыхъ сапогахъ и задумался.

— Прикажете чемоданы внести? гостель постелить, чаю прикажете? спрашивалъ камердинеръ.

Пьер не отвѣчалъ, потому что ничего не слыхалъ и не видѣлъ. Онъ задумался еще на прошлой станціи и все продолжалъ думать о томъ же — о столь важномъ, что онъ не обращалъ никакого вниманія на то, что происходило вокругъ него. Его не только не интересовало то, что онъ позже или раньше пріѣдетъ въ Петербургъ, или то, что будетъ или не будетъ ему мѣста отдохнуть на этой станціи, но ему все равно было, въ сравненіи съ тѣми мыслями, которыя его занимали теперь, пробудетъ ли онъ нѣсколько часовъ или всю жизнь на этой станціи.

Смотритель, смотрительша, камердинеръ, баба съ торжковскими шитьемъ заходили въ комнату, предлагая свои

услуги. Пьеръ, не перейдя своего положенія задраннѣхъ ногъ, смотрѣлъ на нихъ чрезъ очки, и не понималъ, что иль можетъ быть нужно и какимъ образомъ все они могли жить, не разрѣшивъ тѣхъ вопросовъ, которые занимали его! А его занимали все одни и тѣ же вопросы съ самаго того дня, какъ онъ послѣ дузянъ вернулся изъ Сокольниковъ и провелъ первую, мучительную, безсонную ночь; только теперь, въ уединеніи пустынствія, они съ особенной силой овладѣли имъ. О чёмъ бы онъ ни начиналъ думать, онъ возвращался къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, которыхъ онъ не могъ разрѣшить и не могъ перестать задавать себѣ! Какъ будто въ головѣ его сверкался тотъ главный винтъ, на которомъ держалась вся его жизнь. Винтъ не входилъ дальше, не выходилъ вонъ, а вertiaлся; ничего не захватывалъ, все на томъ же нарбѣ, и нельзя было перестать вертвѣть его.

Венчъ смотритель и уничтожилъ стать просить его гіяльство подождать только два часа, послѣ которыхъ она для его сіятельства (что будетъ, то будетъ) дастъ курьерскихъ. Смотритель очевидно вралъ и хотѣлъ только получить ст҃ проѣзжую линію деньги. „Дурко ли это было, или хорошо? спрашивала себя Пьеръ. Для меня хорошо, для другаго проѣзающаго дурно; да для него самаго неизвѣжно, потому что ему есть нечего: онъ говорилъ, что его прибили за это офицеры. А офицерь прибили за то, что ему вхать надо было скорѣе. А я стрѣлялъ въ Долѣкова за то, что я счелъ себѣ оскорблѣніемъ. А Людовика XVI казнили за то, что его считали преступникомъ; а черезъ годъ убили ихъ, кто его казнилъ. Чемъ за (что-то). Что курсне? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидѣть? Для чего жить, и что такое жити?

Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всемъ?» спрашивалъ онъ себя. И не было отвѣта, ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ, кроме одного, нелогическаго отвѣта, во все не на эти вопросы. Отвѣтъ этотъ былъ: «умрешь — все кончится. Умрешь и, все узнаешь, или перестанешь спрашивать». Но и умереть было страшно.

Торжковская торговка, взглянувъ, голосомъ предлагала свой товаръ и въ особенности козловыя туфли. «У меня сотни рублей, которыхъ мнѣ некуда дѣть; а она въ прорваний шубѣ стоитъ и рѣбко смотрѣть на меня, думаль Пьеръ. И зачѣмъ, мужицъ ей эти деньги? Точно на одинъ волосъ могутъ прибавить ей счастья, спокойствія души, эти деньги. Развѣ можетъ что-нибудь въ мірѣ сдѣлать ее и меня менѣе подверженными злу и смерти? Смерть, которая все кончитъ и которая должна прѣти нынче иди, замѣтра — все равно черезъ мгновеніе, въ сравненіи съ вѣчностью». И онъ оцѣять, нажималъ на ничего не захватывающій винтъ, и видѣть все такъ же вертѣлся на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Слуга его, подалъ ему развязанную до половины книгу романа въ письмахъ г-жи Сюза. Онъ сталъ читать о страданіяхъ и добродѣтельной борбѣ какой-то Амалии Мансфельдъ. И зачѣмъ она боролась противъ своего соблазнителя, думаль онъ, — когда она любила его? Не могъ Богъ вложить въ ея душу стремленія, противного Елю, водѣ. Моя бывша жена не боролась и, можетъ быть, она была права. Ничего не найдено, оцѣять говорилъ себѣ Пьеръ, ничего не придумано. Знать мы можемъ только то, что ничего, не знаемъ. И это высшая степень человѣческой премудрости».

Все въ немъ, самъ и вокругъ него, представлялось ему запутаннымъ, безсмыслицкимъ и отвратительнымъ. Но въ этомъ

самомъ отвращеніи ко всему окружающему. Пьеръ находилъ своего рода раздражающее наслажденіе.

« Осыльюсь просить ваше сиятельство погасниться прощечку, вотъ для нихъ, » сказалъ смотритель, входя въ комнату и вводя за собой другаго, остановленного за недостаткомъ лошадей, проѣзжающаго. Проѣзжающій былъ приземистый, ширококостный, желтый, морщинистый старикъ съ сѣдыми нависшими бровями надъ блестящими, неопредѣленного сроятаго двѣта глазами.

Пьеръ снялъ ноги со стола, всталъ и перелегъ на приготовленную для него кровать, изрѣдка поглядывая на вошедшаго, который съ угрюмо-усталымъ видомъ, не глядя на Пьера, тяжело, раздѣвался съ помощью слуги. Оставшись въ заношенномъ крытомъ нанкой туалетчикъ и въ валеныхъ сапогахъ, на худыхъ костлявыхъ ногахъ, проѣзжий сѣлъ на диванъ, прислонивъ къ спинѣ свою очень большую и широкую въ вискахъ, коротко обстриженную голову, и взглянулъ на Берухаго. Строгое, умное и проницательное выраженіе этого взгляда поразило Пьера. Ему захотѣлось заговорить съ проѣзжающимъ, но когда онъ собрался обратиться къ нему съ вопросомъ о дорогѣ, проѣзжающій уже закрылъ глаза и, сложивъ сморщенныя старыя руки, на нальцѣ одной изъ которыхъ, былъ большой чугунный перстень съ изображеніемъ Адамовой головы, неподвижно сидѣлъ, или отдыхая, или же заспясь Пьери. Слуга проѣзжающаго былъ весь покрытый морщинами, тоже желтый старичекъ, безъ усовъ и бороды, которые, видимо не были сбрity, а никогда и не росли у него. Цыкоротливый старичекъ-слуга разбиралъ погребецъ, приготавляя чайный столъ и принесъ излияцій самоваръ. Когда

все было готово, проезжающей открылъ глаза, прильнулъ къ столу и, наливъ себѣ одинъ стаканъ чаю, нальяъ другой безбородому старичку и подалъ ему. Іньеръ начинай чувствовать беспокойство и необходимость, и даже неизбѣжность вступленія въ разговоръ съ этимъ проезжающимъ.

Слуга принесъ назадъ свой пустой, перенесенный стаканъ съ недокусаннымъ кусочкомъ сахара и спросилъ: «не нужно ли чего.

— Ничего. Подай книгу, сказалъ проезжающій. Слуга подалъ книгу, которая показалась Іньеру духовною; и проезжающей углубился въ чтеніе. Іньеръ смотрѣлъ на него. Вдругъ проезжающей отложилъ книгу, заложинъ, закрылъ ее и, опять закрылъ глаза и облоютившись на спину, сѣѣ въ свое прежнее положеніе. Іньеръ смотрѣлъ на него и не успѣлъ отвернуться, какъ старикъ открылъ глаза и уставилъ свой твердый и строгій взглядъ прямо въ лицо Іньера. Іньеръ чувствовалъ себя смущеннымъ и хотѣлъ откланиваться отъ этого взгляда, но блестящіе старческие глаза неотразимо притягивали его къ себѣ.

II.

— Имѣю удовольствіе говоритьъ съ графомъ Бевукимъ, ежели я не ошибаюсь, — сказалъ проезжающей неторопливо и промко. Іньеръ, молча, вопросительно смотрѣлъ черезъ очки на своего собесѣдника. — Я слышалъ про васъ, продолжалъ проезжающей, — и про постигшее васъ неудѣрѣйшее несчастье. Онъ какъ бы подчеркнулъ послѣднее слово, какъ будто онъ сказалъ: «да, несчастье, какъ вы называете, я знаю что то, что случилось съ вами въ Мескии, было несчастье». — Весьма сожалѣю о томъ, что государь мой

Пьеръ покраснѣлъ и, поспѣшио спустивъ ноги съ постели, шагнулъ къ старику, неестественно и робко улыбаясь.

И не изъ любопытства упомянуль намъ объ этомъ, государь мой, но по болѣе важнымъ причинамъ. Онь помолчалъ, не выпуская Пьера изъ своего взгляда, и подвинулъ на диванъ, приглашая этимъ жестомъ Пьера сѣсть подле себя. Пьери непрѣтно было вступать въ разговоръ съ этимъ старикомъ; но онъ, невольно покоряясь ему, подошелъ и сѣлъ подлѣ него.

Вы несчастливы, государь мой, продолжалъ онъ. — Вы молоды, я старъ. Я бы желалъ по мѣрѣ моихъ силъ помочь вамъ.

Ахъ, да, съ неестественною улыбкой сказалъ Пьеръ. — Очень вамъ благодаренъ... Вы откуда изволите проѣзжать? Лицо проѣзжающаго было недасково, даже холодно и строго, но, несмотря на то, и рѣчь и лицо новаго знакомца неотразимо-привлекательно дѣйствовали на Пьера.

Но если по какимъ-либо причинамъ намъ непрѣтно разговоръ со мною, сказалъ старики, — то вы такъ и скажите, государь мой. И онъ вдругъ улыбнулся неожиданно, отечески-нѣжно улыбкой.

Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, напротивъ, я очень радъ познакомиться съ вами, сказалъ Пьеръ, и, взглянувъ еще разъ на руки новаго знакомца, ближе разсмотрѣлъ перстень. Онъ увидалъ на немъ Адамову голову — знакъ масонства.

Неизволите мнѣ спросить, сказалъ онъ, — вы масонъ?

Да, я принадлежу къ братству свободныхъ каменщи-ковъ, сказалъ проѣзжий, все глубже и глубже глядяясь въ глаза Пьера. — И отъ себя, и отъ ихъ имени простили-вало вамъ братскую руку.

— Я боюсь, сказалъ Пьеръ, улыбаясь и колебясь между довѣріемъ, внушающимъ ему личностью масона и привычкой пасмушки надѣять вѣрованіями масоновъ, — я боюсь, что я очень далекъ отъ пониманія, какъ это сказать, и боюсь, что мой образъ мыслей насчетъ всего мірозданія такъ противоположенъ вашему, что мы не поймемъ другъ друга.

— Мы извѣстенъ вашъ образъ мыслей, сказалъ масонъ, — и тотъ вашъ образъ мыслей, о которомъ вы говорите, и который вамъ кажется произведеніемъ вашего мысленного труда, есть образъ мыслей большинства людей, есть однобразный плодъ гордости, лжи и невѣжества. Извините меня, государь мой, ежели бы я не зналъ его, я бы не заговорилъ съ вами. Вашъ образъ мыслей есть нечестяное заблужденіе.

— Точно такъ же, какъ я могу предполагать, что и вы находитесь въ заблужденіи, сказалъ Пьеръ, слабо улыбаясь.

— Я никогда не посмѣю сказать, что я знаю истину, сказалъ масонъ, все болѣе и болѣе поражая Пьера своею опредѣленностью и твердостью рѣчи. — Никто одинъ не можетъ достигнуть до истины; только камень за камнемъ, съ участіемъ всѣхъ, миллионами поколѣй отъ праотца Адама и до нашего времени, возвигается тотъ храмъ, который долженъ быть достойнымъ жилищемъ Великаго Бога, сказалъ масонъ и закрылъ глаза.

— Я долженъ вамъ сказать, я не вѣрю, не... вѣрю въ Бога, съ сожалѣніемъ и усилиемъ сказалъ Пьеръ, чувствуя необходимость высказать всю правду.

Масонъ внимательно посмотрѣлъ на Пьера и улыбнулся, какъ улыбнулся бы богачъ, державшій въ рукахъ миллионы,

бъдилку, который бы сказалъ ему, что быть у него, у бѣдника, пять рублей, могущихъ сдѣлать его счастіе. Но онъ отвѣтѣлъ: «Вы не знаете Его, государь мой, сказать масонъ. Вы не можете винить Его. Вы не знаете Его, оттого вы и несчастны!» Пьеръ спросилъ: «Что же я могу сказать?» Да, да, я несчастенъ, подтвердилъ Пьеръ, — но что же я могу дѣлать? «Вы не знаете Его, государь мой, и потому вы очень несчастны! Вы не знаете Его, а Онъ здѣсь; Онъ во мнѣ; Онъ въ моихъ словахъ, Онъ въ тебѣ, и даже въ тѣхъ кошунствующихъ рѣчахъ, которыя ты произнесъ сейчасъ, строгимъ дрожащимъ голосомъ сказать масонъ!»

«Онъ помолчалъ и вздохнулъ, видимо стараясь успокоиться. «Если бы Его не было», сказалъ онъ тихо, «мы бы съ вами не говорили о Немъ, государь мой. О чёмъ, о комъ мы говорили? Кого ты отрицаешь? вдругъ сказалъ онъ съ восторженіемъ отъ радостного вспоминанія о власти шигона. Кто Его видѣвалъ, если Его не было? Почему явилось въ тебѣ предположеніе, что есть такое непонятное существо? Почему ты и ясно: мы предположили существованіе такого непостижимаго существа, существа всемогущаго, вѣчнаго и безконечнаго во всѣхъ своихъ свойствахъ?.. Онъ остановился и долго молчалъ. Пьеръ не могъ и не хотѣлъ прерывать этого молчанія. «Онъ есть, это понять Его трудно, заговорилъ опять масонъ, глядя на лицо Пьера, а предъ собою, своими старческими руками, которыя отъ внутренняго волненія не могли оставаться покойными, перебирая листы книги; — Ежели это былъ человѣкъ, въ существованіи которого ты бы не сомневался, я бы приволти къ тебѣ этого человѣка; взять бы его за руку и показать тебѣ. Но какъ я, измѣненный смертью

— Я боюсь, сказалъ Пьеръ, улыбаясь и колеблясь между довѣріемъ, виунасмъ ему личностью масона и привычкой пасмѣшки надъ вѣрованіями масоновъ,— я боюсь, что я очень далекъ отъ пониманія, какъ это сказать, я боюсь, что мой образъ мыслей насчетъ всего мірозданія такъ противоположенъ вашему, что мы не поймемъ другъ друга.

— Миѣ извѣстенъ вашъ образъ мыслей, сказалъ масонъ, — и тотъ, вашъ образъ мыслей, о которомъ вы говорите, и который вамъ кажется произведеніемъ вашего мысленного труда, есть образъ мыслей большинства людей, есть однобразный плодъ гордости, лжи и невѣжества. Извините меня, государь мой, ежели бы я не зналъ его, я бы не заговорилъ съ вами. Вашъ образъ мыслей есть печальное заблужденіе.

— Точно такъ же, какъ я могу предполагать, что и вы находитесь въ заблужденіи, сказалъ Пьеръ, слабо улыбаясь.

— Я никогда не посмѣю сказать, что я знаю истину, сказалъ масонъ, все болѣе и болѣе поражая Пьера своею опредѣленностью и твердостью рѣчи. — Никто однѣ не можетъ достигнуть до истины; только камень за камнемъ, съ участіемъ всѣхъ, миллионами поколѣній отъ праотца Адама и до нашего времени, воздвигается тотъ храмъ, который долженъ быть достойнымъ жилищемъ Великаго Бога, сказалъ масонъ и закрылъ глаза.

— Я долженъ вамъ сказать, я не вѣрю, не... вѣрю въ Бога, съ сожалѣніемъ и усилиемъ сказалъ Пьеръ, чувствуя необходимость высказать всю правду.

Масонъ внимательно посмотрѣлъ на Пьера и улыбнулся, какъ улыбнулся бы богачъ, державшій въ рукахъ миллионы,

бъдняку, который бы' сказалъ ему, что' нѣтъ у него, у бѣдника, пять' рублей,' могутъ сдѣлать его счастіе.' — Да, да! — Да, вы не знаете Его, государь мой, сказать масонъ. — Вы не можете знать Его. Вы не знаете Его, оттого вы и несчастны. — Да, да, я несчастенъ, подтвердилъ Пьеръ, — но' что же' мы' можемъ? — Да, да, я несчастенъ, подтвердила Мария Федоровна. — Вы не знаете Его, государь мой, и' оттого' вы очень несчастны. Вы не знаете Его, а' Онъ' здесь; Онъ' во' мнѣ; Онъ' въ' моихъ словахъ; Онъ' въ' тебѣ, и даже' въ' тѣхъ' ко'мѣнствующихъ' рѣчахъ, которыя ты произнесъ' сейчасъ, стро'гими' дрожащими' голосомъ' сказать' масонъ. — Да, да, да! — Онъ' помолчалъ' и вздохнулъ, видимо стараясь успокойиться. — Ежели' бы' Его' не' было,' сказать онъ' тихо, — мы' бы' съ вами не говорили о Немъ, государь мой. О' чёмъ, о комъ мы' говорили? Кого ты' отрицалъ? вдругъ' сказать онъ' съ восстремленію' строгостью' и' властно' имъ' голосомъ. — Кто' Его' видуналъ; если' Его' нѣть? Почему' явилось' въ' тебѣ' предположеніе, что' есть' такое' непонятное существо? Почему' ути' и' носы; мѣры' предположили существованіе такого' невостинимаго существа' всемогущаго, вѣчнаго и' безконечнаго' во' всѣхъ' своихъ' свойствахъ?.. (Онъ' остановился и' долго' молчалъ.) — Пьеръ' не' могъ' и' не' хотѣлъ' прерывать этого' молчанія. — Онъ' есть, и' не' понять' Его' трудно; заговорить опять' масонъ, гляди' не' на лицо' Пьера, а' предъ' собою, 'своими' старческими' руками; которая отъ' внутреннаго волненія' не' могли' остаться' пожилыми, перебирая листы' книги; — Ежели' это' бѣть' человѣкъ, въ' существованіи' которого' ты' бы' соч' мѣнялся; я' бы' привелъ' къ' тебѣ' этого' человѣка; взялъ бы' его' за' руку и' показалъ тебѣ'. Но' какъ' я, ,мужчина' смерт-

ицій, покажу все все. Могущество, всю вѣчность, всю благость Его тому, кто сдѣлъ, или тому, кто закрываетъ глаза, чтобы не видать, не понимать Его, и не увидать, и не понять всю свою мерзость и пророчность. Онъ помолчалъ, — «То ты? Чѣмъ ты? Ты мечтаешь о себѣ, что ты мудрецъ, потому что ты могъ произнести эти концунственные слова, сказавъ онъ мрачною и презрительную усмѣшкой, — а ты глупѣе и безумнѣе малаго ребенка, который бы, играя, частими искусствомъ сдѣланныхъ часовъ, осмѣлился бы говорить, что потому, что онъ не понимаетъ назначения этихъ часовъ, онъ и не вѣрить въ мастера, который ихъ сдѣлалъ. Повинуть Его трудно. Мы вѣками, отъ праотца Адама и до нашихъ дней, работаемъ для этого познанія и на безконечность далеки отъ достиженія нашей цѣли; но въ непониманіи Его мы видимъ только нашу слабость и Его величие...»

Пъерь съ замираніемъ сердца, блестящими глазами, глядя въ лицо масона, слушая его, не перебивая, не спрашивая его, да и всею душою вѣрилъ тому, чѣмъ говорилъ ему этотъ чужой человѣкъ. Вѣрилъ ли онъ тѣмъ разумными доводами, которые были въ рѣчи масона, или вѣрилъ, какъ вѣрять дѣти, интонаціямъ, убѣжденностіи и сердечности, которая была въ рѣчи масона, дрожаю голоса, которое иногда почти прерывало масона, или этимъ блестящими старческими глазами, состарившимся на томъ же убѣжденіи, для тому спокойствію, твердости и знанию своего назначенія, которая сдѣтились изъ всего существа масона, и которыя особенно сильно поражали его въ сравненіи съ своею опущеністю и безнадежностью; — но онъ всею душой желалъ вѣрить, и вѣрилъ, и испытывалъ радостію чувствъ успокоенія, обновленія и возвращенія къ жизни.

— Отъ не постигаєши умомъ, а постигается жизнью, — сказалъ масонъ.

— Я не понимаю, сказалъ Ньеръ со страхомъ чувствуя подымавшееся въ себѣ сомнѣніе. Ояъ боялся неясности и слабости доводовъ своего собесѣдника, онъ боялся не вѣрить ему. — Я не понимаю, сказалъ онъ; — какимъ образомъ умъ человѣческій не можетъ постигнуть того знанія, о которомъ вы говорите.

Масонъ улыбнулся своею кроткою, отеческою улыбкой.

— Высшая мудрость и истина есть какы бы чистейшая влага, которую мы хотимъ воспринять въ себѣ, — сказалъ онъ. — Могу ли я въ нечистый сосудъ воспринять эту чистую влагу и судить о чистотѣ ея? Только внутреннимъ очищеніемъ самого себя я могу до извѣстной чистоты дозволить воспринимаемую влагу.

— Да, да, это такъ, радостно сказалъ Ньеръ, онъ вполнѣ согласенъ.

Высшая мудрость основана не на однажды разумѣніи не тѣхъ съвѣтскихъ наукакъ физикѣ, исторіи, химии и т. д., на которыя распадается знаніе умственное. Высшая мудрость одна. Высшая мудрость имѣеть одну науку — науку всего; науку, объясняющую все мірозданіе и занимающую въ немъ и этого человека. Для того, чтобы вмѣстить въ себѣ эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутренняго человѣка; и потому прежде, чѣмъ знать, нужно вѣрить и совершенствоваться. И для достиженія этихъ цѣлей въ душѣ нашей вложенье свѣтизъ Божій, называемый совѣтствомъ.

— Да, да, подтверждалъ Ньеръ, и, болѣе того, онъ зналъ. Ноги да духовными глазами на своего внутреннаго человѣка и спроенъ у самаго себя, доволенъ ли ты собой? Нерѣ ты достичи руководство единимъ умомъ? Что ты такое? Вы

молоды, вы богаты, вы умы, образованы, государь мой. Чем вы сделали изъ всѣхъ этихъ благъ, данныхъ вамъ? Довольны ли собой и своею жизнью? Нѣть, я менавижу свою жизнь, сморщась проговорилъ Пьеръ. Ты менавидишь, такъ измѣни ей, очисти себѣ, и, во мѣрѣ очищенія, ты будешьъ знавать мудрость. Посмотрите на свою жизнь, государь мой. Какъ вы проводили ее? Въ буйныхъ оргияхъ и развратѣ, все получая отъ общества и ничего не отдавая ему. Вы получили богатство. Какъ вы употребили его? Что вы сделали для ближнего своего? Подумали ли вы о десяткахъ тысячъ вашихъ рабочихъ помогли ли вы имъ физическаго и нравственнаго? Нѣть. Вы пользовались икъ трудами, чтобы вести распутную жизнь. Вотъ что вы сделали. Избрали ли вы мѣсто служенія, идти бы вы приносили пользу своему ближнему? Нѣть. Вы въ праздности проводили свою жизнь. Чотомъ вы женились, государь мой, взадѣ на себя ответственность въ руководствѣ молодой женщины, и что же вы сделали? Вы не учили ей, государь мой, найти путь истины, а ввергли ее въ нучину или же счастья. Человѣкъ, осирбѣлъ часъ, и вы убили его, и вы говорите, что вы не знаете Бога, и что вы менавидите свою жизнь. Тутъ нѣть ничего мудрѣаго, государь мой око.

Послѣ этихъ словъ, масонъ, какъ бы устремясь отъ продолжительного разговора, опять облокотился на спинку стула и закрылъ глаза. Пьеръ смотрѣлъ на это странное, немодное, старческое, почти мертвое лицо, и, беззвучно шевелясь губами, Онъ хотѣлъ сказать: да, мерзкая, проздана, развратная жизнь, и не смѣть прерывать молчаніе.

Масонъ, хрипло, старчески дрожаща, и, кликнувъ слугу,

и — Что лопади? спросилъ онъ, не глядя на Пьеръ.
— Иривели седаточныхъ, отвѣчалъ слуга. — Отдыхать не будеши отъ седато-хлорала, а я иду къ тебе въ комнату.
— Нѣть, вѣли захлаждывать. Неужели же онъ уѣдетъ и оставитъ меня одного, не договоривъ всего и не обѣщавъ мнѣ помошь? думалъ Пьеръ, вставая и опустивъ голову, изрѣдка взглѣдывая на масона и начиная ходить по комнатѣ. — Да, я не думалъ этого, но я вѣль прерѣпную, развратную жизнь, но я не любилъ ее, и не хотѣлъ этого, думалъ Пьеръ, — а этотъ человѣкъ знаетъ истину, и ежели бы онъ захотѣлъ, онъ могъ бы открыть мнѣ ее! Пьеръ хотѣлъ и не смѣлъ сказать этого всевому. Пройжающій, привычными, старческими руками уложивъ свою вѣщи, застегивая свой туалетчикъ. Окончивъ эти дѣла, онъ обратился къ Безухому, и равнодушно, ути-римъ тономъ, сказалъ ему: — Вы куда, теперь, изволитеѣхать, государь мой?
— Я вѣтъ Петербургъ, отвѣчалъ Пьеръ дѣтскимъ, жаркимъ голосомъ. — Я благодарю васъ. Я во всемъ согласенъ съ вами. Но вы не думайте, чтобы я былъ такъ дуренъ. — Я всю думой желалъ быть тѣмъ, чѣмъ вы хотѣли бы, чтобы я былъ; но я ни въ комъ никогда не находилъ помощи... Впрочемъ, я самъ ирежде всего вымовлять во всемъ. Помогите мнѣ, научите меня, и можетъ быть, я буду... Пьеръ не могъ говорить дальше; онъ засопѣлъ и отвернулся. Масонъ долго молчалъ, видимо что-то обдумывая.
— Помощь дается только отъ Бога, сказалъ онъ, — но ту мѣру помощи, которую во власти подать нашъ орденъ, онъ щадасть вамъ, государь мой. Вы ѻдете въ Петербургъ, пер-

дайте это Графу.. Вилтарескому (онъ досталъ бумагиникъ и на сложенномъ вчетворо большомъ листѣ бумаги написалъ не сколько словъ). Одинъ совѣтъ позвольте подать вамъ. Пріѣхавъ въ столицу, посвятите первое время уединенію, обсужденію самого себя, онъ не вступайтъ на прозакіе пути земной. Затѣмъ желаю вамъ счастливаго пути, государь мой, сказъlionъ заимѣть, что слуга его вошелъ въ компанию, — и успѣхъ. (Онъ крикнулъ, чтобъ онъ этого не забылъ). Прѣзирающій былъ Осипъ Алексѣевичъ Баздѣевъ, какъ узиль Ньеръ по книжнѣмъ смотрителямъ. Баздѣевъ былъ однимъ изъ извѣстныхъ въ масонской маркистовъ еще Новицкаго времени. Долго послѣ его отѣзда Ньеръ, не ложась спать и не спрашивая лопадай ходить по спальнямъ комнатъ, обдумывая свое неречное прошедшее съ восторгомъ обновленія представляемъ себѣ свое Рбламенное, безупречное и добродѣтельное будущее, которое не имѣлось ему такъ легко. Оно было, какъ ему казалось, порешило только потому, что оно какъ-то случайно затянулось, какъ хорошо быти добродѣтельныи. Въ душѣ его не оставалось ни слѣдовъ прежнихъ сомнѣй. Оно твердо вѣрило въ возможность братства людей, соединенныхъ общностью поддерживать другъ друга на путяхъ добродѣтели и потому предстало ему масонство яко къ какой-то чистой и благородной альбомъ и скаже онъ да же чистой яко альбомъ масонства, яко чистый **Ниро** яко чистъ онъ альбомъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Ньеръ никонеизвѣстныи о своемъ пребываніи, никакъ не выѣзжалъ, и всѣ эти цѣлые дни проводитъ за чтеніемъ въ Осмы Кемпійскаго книга, которая неизвѣстно кѣмъ были доставлены ему. Одно чѣмъ все одво понималъ Ньеръ, читая эту книгу — ерь / поимѣть неизвѣ-

данные еще имъ наслажденіе вѣрить въ возможность достиженія совершенства и въ возможность братской и дѣятельной любви между людьми, открытою ему Осиномъ Алексѣевичемъ. Черезъ недѣлю поѣхъ его пріѣзда, молодой мальскій графъ Вилларскій, котораго Цѣръ поверхности япалъ по петербургскому свѣту, вошелъ вечеромъ въ его комнату съ тѣмъ официальнымъ и торжественнымъ видомъ, съ которымъ входилъ къ нему секундантъ Долохова, и, затворивъ за собой дверь и убѣдившись, что въ комнатѣ никого кроме Пѣра не было, обратился къ нему:

Я пріѣзжалъ къ вамъ съ порученіемъ и предложениемъ, графъ, сказалъ онъ ему, не садясь. — Особа, очень высоко поставленная въ нашемъ братствѣ, ходатайствовала о томъ, чтобы вы были приняты въ братство раньше срока, и предложила, мнѣ быть вашимъ поручителемъ. Я за священный долгъ, почитаю исполненіе воли этого лица. Желаете ли вы вступить въ меня въ братство свободныхъ каменщиковъ?

Холодный и строгий тонъ мальскаго, котораго Цѣри видѣть почти всегда на балахъ съ любезною улыбкою, произнесъ самыхъ блестящихъ женщинъ, поразилъ Цѣра.

— Да, я желаю, сказалъ Цѣръ, что онъ имѣлъ ввиду.

Вилларскій наклонилъ голову, опираясь локти о столъ, а то, что онъ имѣлъ ввиду.

Еще одинъ вопросъ, графъ, сказалъ онъ, — на который я васъ, не какъ будущаго масона, но какъ честнаго человѣка (galant homme) прошу со всемъ искренностью отвѣтчать мнѣ: отреклись ли вы отъ своихъ прежнихъ убѣждений, вѣрите ли вы въ Бога?

Цѣръ задумался, а тутъ арестъ, затѣмъ бѣзъ конца заседанія, и тутъ — Да, да, я вѣрю въ Бога, сказалъ онъ, склонившись

— Въ такомъ случаѣ началь Вилларскій, но Пьеръ перебилъ его.

— Да, я вѣрю въ Бога, скажешь онъ еще разъ?

— Въ такомъ случаѣ мы можемъѣхать, сказали Вилларскій. — Карета моя къ вашимъ услугамъ.

Всю дорогу Вилларскій молчалъ. На вопросы Пьера, что ему нужно дѣлать и какъ отвѣтить, Вилларскій сказали только, что братья, болѣе его достойные, испытаютъ его, и что Пьеру больше ничего не нужно, какъ говорить правду.

Вѣхавъ въ ворота большаго дома, гдѣ было поюще мѣсто и пройдя по тѣмной лѣстницѣ, они вошли въ освѣщенную небольшую прихожую, гдѣ безъ помоши прислуги сняли шубы. Изъ передней они прошли въ другую комнату. Какой-то человѣкъ въ странномъ одѣяніи показался у двери. Вилларскій, выйдя къ нему на вѣтру, что-то тихо сказалъ ему по-французски, подошелъ къ небольшому шкаfu, въ которомъ Пьеръ замѣтилъ невиданный изъ одѣяній. Взявъ изъ шкафа платокъ, Вилларскій наложилъ его на глаза Пьеру и завязалъ узломъ сзади, болѣе захвативъ въ узелъ его волоса. Потомъ онъ притнуя его къ себѣ, поджаловалъ и, взявъ за руку, повелъ куда-то. Пьеру было болѣно отъ притянутыхъ узломъ волосъ, онъ моргнулъ отъ боли и уныбался отъ стыда чего-то. Огромная фигура его съ опущенными руками, съ сморщенномъ и улыбающемся физиономией, невѣрными, робкими шагами подвигалась за Вилларскімъ.

Проехавъ шаговъ десять, Вилларскій остановился.

— Чѣмъ бы ни случилось съ вами, сказали онъ, вы должны съ мужествомъ переносить все, ежели вы твердо решите вступить въ наше братство. (Пьеръ утвердительно отвѣчалъ наклоненiemъ головы.) Когда вы услышите стукъ въ двери,

вы разожгите себе глаза, прибавиль Билларский; — желают
вамъ мужества и успѣха, и пожать руку Церьу, Билларский
вмѣшалъ. Скоро атрупъ послѣдовало, и онъ сидѣлъ въ креслѣ.
Оставилъ сіе одиѣ, Церьу продолжалъ все таѢ же улыбаться.
Реза два раза поднялась плечами, подносилъ руку къ платку,
какъ бы желалъ снять его, и опять опускала ее. Пять минутъ,
которыхъ она драгоцѣннаѧ завязаннами глазами, побазались
ему часомъ. Руки его отекли, ноги поджимались, ему на-
задѣло, что онъ пустыни. Онъ испытывалъ самый сложный
и разнообразный чувства. Ему было постраданно того, что
съ ними случится, и еще болѣе страшно того, какъ бы ему
не показать страхъ. Ему было любопытно узнать, что будетъ
съ мной, что откроется ему; но болѣе всего ему было ра-
достно, что наступила минута, когда онъ наконецъ вступитъ
на почту души обновленія и дѣятельно-добрѣтельной жизни,
о которомъ онъ мечталъ со времени своей встречи съ Осивомъ
Алексѣевичемъ. Въ дверь послышались сильные удары. Церьу
снялъ шапку и оглянулся вокругъ себя. Въ комнатѣ было
чёрно-темно: только въ одномъ мѣстѣ горѣла лампада въ четь-
ти бѣломъ. Церьу подошелъ ближе и увидаль, что лампада
стояла на черномъ столѣ, на которомъ лежала одна раскрытая
книга. Книга была Евангелие; то бѣлое, въ чёмъ горѣла
лампада, бѣлы человѣчий переплетъ съ своими дырками и зубами.
Прѣшлые первыя слова Евангелия: „Въ началѣ бѣ Слово и
Слово бѣ въ Богу“; Церьу обашель столь и увидаль большою,
наполненныю чѣть-то и старыгъ книжкъ. Это былъ пробѣгъ
стѣноками. Его нискою ли не удивило то, что онъ увидаль.
Надѣясь вступить въ совершенно новую жизнь, совершенно
отличную отъ прежней, онъ ожидалъ всего необыкновеннаго,
еще болѣе необыкновеннаго, чѣмъ то, что онъ видѣлъ. Че-

речь, гробъ; Евангелие ему казалось, что съ сюдаль всего этого, ожидалъ еще большаго. Старалъся вынатьть себѣ чувство умиленія, онъ смотрѣлъ вокругъ себѣ. — „Вогъ, смерть, любовь, братство людей“ — говорилъ онъ себѣ, связыва съ этимъ словами смутныя, но радостныя представления чего-то. Дверь отворилась, и кто-то вошелъ.

При слабомъ свѣтѣ, къ которому однако же успѣлъ Церь приглядѣться, вошелъ нѣ высокій человѣкъ. Видимо съ свѣта войдя въ темноту, человѣкъ оттѣ остановился, потомъ осторожными шагами онъ подвинулъ съ столу и положилъ на него небольшія, закрытая кожаными перчатками руки.

Нѣ высокій человѣкъ, оттѣ былъ одѣтъ въ бѣлый, вожанный фартукъ, прикрывавшій его грудь и частично ногъ, на шей было надѣто чѣм-то въ родѣ ожерелья, и изъ-за ожерелья выступали высокій, бѣлый жабо, покаймливий его продолговатое лицо, освѣщенное снизу, и въ сѣрии блѣднѣющихъ краснѣющіхъ щекъ. Для чего вы пришли сюда? спросилъ вошедший, пошорохнувъ сдѣланному Церомъ, обращаясь въ него сторону. Для чего вы, невѣрующій въ истину свѣта и не видящій свѣта, для чего вы пришли сюда, чѣмъ хотите мы отъ васъ? Премудрости, добродѣтели, просвѣщеніе?

Въ ту минуту, какъ дверь отворилась и вошелъ нѣзвѣстный человѣкъ, Церь испыталъ чувство страха и благоговія, подобное тому, которое онъ въ дѣствѣ испытывалъ на исповѣди: онъ почувствовалъ себѣ съ глазу на глазъ совершение чуждымъ по условіямъ жизни и съ близкимъ по братству людей человѣкомъ. Церь съ захватывающимъ дыханіе бѣшеніемъ сердца подвинулъ съ ритору (такъ назывался въ монастырѣ братъ, приготовляющій мѣду для всступленію въ братство), Церь подойди ближе, узнаять тѣ риторъ

знакомою человека, Смольянинова, по чему оскорбительно было думать, что вошедший былъ знакомый человѣкъ; вошедший былъ только братъ и добродѣтельный наставникъ. Иверъ долго не могъ выговорить слова, такъ что риторъ долженъ былъ повторить свой вопросъ, и онъ отвѣтилъ: «Да, я... я хочу обновленія, съ трудомъ выговорилъ Иверъ, а затемъ спокойно и медленно, приподнявъ голову, сказалъ: «Хорошо, сказалъ Смольяниновъ, и та же проповѣдь продолжалася. Имеете ли вы понятіе о средствахъ, которыми, нашъ святой орденъ поможетъ вамъ въ достижениѣ вашей цѣли?..» сказали риторъ спокойно и быстро, приподнявъ голову, «Я... я надѣюсь... руководства... помощи... личнаго обновленія, сказалъ Иверъ, съ дрожаніемъ голоса съ старческимъ выражениемъ происходящемъ и отъ волненій и отъ непривычки говорить по-русски обыкновенныхъ предметахъ. Онъ улыбнулся. Какое понятіе вы имѣете о франкъ-масонствѣ? спросилъ онъ. Я подразумѣваю, что франкъ-масонство есть fraternit  (братьство) и равенство людей съ добродѣльными цѣлями, сказалъ Иверъ, стыдясь, почему-то этого, какъ онъ говорилъ, несостыдливости своихъ словъ въ торжественности минуты. Я подразумѣваю то, что это... что-то такое, сказалъ онъ. Хорошо, сказалъ риторъ послѣднѣю, видимо вполнѣ удовлетворенный этимъ отвѣтомъ. — Искали ли вы средства къ достижениѣ своей цѣли въ религіи? спросилъ онъ. — Нѣтъ, я читалъ ее несправедливо и не слѣдовалъ ей, сказалъ Иверъ, такъ-тихо, что риторъ не разслышалъ его и спросилъ, чѣмъ физъ говоритъ. — Я быть атеистомъ, отвѣтилъ Иверъ и, извинивъся за то, что онъ говорилъ, Рынщеты истины для того, чтобы слѣдоватъ въ жизни ея законамъ; слѣдовательно, вы ищете премудростъ и добра,

дѣтели; не такъ ли? сказали риторъ послѣ минутаго молчанія.

— Да, да, подтвердилъ Пьеръ, подъ блескомъ отъ зеркала.

Риторъ прокашлялся, сложивъ на груди руки въ перчаткахъ и началъ говорить:

— Теперь я долженъ открыть вамъ главную цѣль нашего ордена, сказалъ онъ, — и ежели цѣль эта совпадаетъ съ вашею, то вы съ пользою вступите въ наше братство. Первая главнѣйшая цѣль и купю основаніе нашего ордена, на которомъ онъ утвержденъ, и котораго никакая сила человѣческая не можетъ низвергнуть, есть сокращеніе или преданіе членовъ нѣкого важнаго таинства.... отъ самыx древнѣйшихъ вѣковъ и даже отъ первого человѣка донастъ донедавнѣ, отъ котораго таинства, можетъ быти завинтъ судьбы рода человѣческаго. Но такъ какъ таинство такого свойства, что никто не можетъ его видѣть и имъ пользоваться, если долговременнымъ и примененнымъ очищениемъ самого себя не приготовленъ, то не великъ можетъ надѣяться вскорѣ обрѣсти его. Поэтому мы имѣемъ вторую цѣль, которая и созвѣти въ томъ, чтобы приготовить нашихъ членовъ, сколько возможно исправлять ихъ сердце, очищать и просвѣщать ихъ разумъ тѣми средствами, которыми наше преданіе открыты отъ мужей, потрудившихся въ искушении сего таинства, и тѣмъ учинять ихъ способными въ восприятію онаго. Очищая и исправляя нашихъ членовъ, мы стараемся въ третьихъ исправлять и весь человѣческий родъ, предлагая ему въ членахъ нашихъ примѣръ благочестія и добродѣтели, и въсѣмъ стараемся всѣми силами противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ. Подумайте объ этомъ, и я опять приду къ вамъ,

сказалъ онъ и умчелъ изъ комнаты, склонивъ голову.

— Противоборствовать влѹці царствующому въ мірѣ... А по-
вторилъ Пьеръ; и ему представилась его будущая дѣятель-
ность на этомъ поприщѣ. Ему представлялись такіе же люди,
какими онъ былъ самъ двѣ недѣли тому назадъ, и онъ мы-
сленно обращалъ къ нимъ поучительно-наставническую рѣчи.
Онъ представлялъ себѣ порочныхъ и несчастныхъ людей,
которымъ онъ помогать словомъ и дѣломъ; представлялъ
себѣ угнетателей, отъ которыхъ онъ спасалъ ихъ жертвы.
Изъ трехъ поименованныхъ риторъ цѣль; эта послѣдняя —
исправленіе рода человѣческаго; особенно близка была Пиеру.
Нѣкое важное таинство, о которомъ упомянулъ риторъ, хотя
и подстрекало его любопытство, не представилось ему су-
щественнымъ; а вторая цѣль, очищеніе и исправленіе себѣ,
жало ванимала его; потому что онъ въ эту минуту съ па-
слажденіемъ чувствовалъ себя уже вполнѣ испражненнымъ
отъ прежнихъ пороковъ и готовымъ только на одно добре.

Черезъ полчаса вернулся риторъ передать чищущему тѣ
семь добродѣтелей, соотвѣтствующія семи ступенямъ храма
Соломона, которыя должны были воспитывать изъ себѣ ван-
дый шабонъ. Добродѣтели эти были: 1) скромность; 2) обли-
женіе тайны ордена; 3) послуженіе высшимъ чинамъ ордена,
4) добронравіе; 5) любовь къ человѣчеству, 6) мужество,
7) щедрость и 7) любовь къ смерти.

— Въ седьмыхъ старайтесь, сказалъ риторъ; — частнымъ по-
желаніемъ о смерти довести себя до того, чтобы она не
казалась вамъ болѣе страшной врагомъ; но другомъ!
который освобождаетъ отъ бѣдственной сей жизни и тру-
дахъ добродѣтели томившуюся душу, для введенія ея въ мѣ-
сто награды и успокоенія.

„Да, это должно быть такъ“, думалъ Пиеръ, когда послѣ

этихъ словъ риторъ снова ушелъ отъ него, оставляя его уединенному размышленію. „Это должно быть такъ, но я сіде такъ слабъ, что люблю свою жизнь, которой смыслъ только теперь ионемногу открывается мнѣ“¹. Но оставаться сидѣть добродѣтелей, которыя, перебирая по пальцамъ, вспомнили Церь, онъ чувствовалъ въ душѣ своей: и мужество, и щедрость, и добропровѣ, и любовь къ человѣчеству, и вы особенности *повиновеніе*, которое даже не представляютъ ему добродѣтелью, а счастьемъ. (Ему такъ радостно было теперь избавиться отъ своего проявления, и подчинить свою волю тому и тѣмъ, которые знали несомнѣваемую истину.) Седьмую добродѣтель Церь забыть никакъ не могъ вспомнить ее.

Въ третій разъ риторъ вернулся скорѣо и спросилъ Цера, все ли онъ твердъ въ своемъ наображеніи, и решаетъ ли подвергнуть себя всему, что отъ него потребуется.

— Я готовъ на все, сказацъ Церь.
Еще долженъ вамъ сообщить, сказалъ риторъ, — что орденъ нашъ ученіе свое преподаетъ не словами *такио*, но иными средствами, которыя на истиннаго искателя мудрости и добродѣтели действуютъ, можетъ быть, сильнѣе, нежели словесныя токмо объясненія. Сія храмина, убранствомъ своимъ, которое вы видите, уже должна была изъяснить вашему сердцу, ежели оно искренно, болѣе нежели слова; вы увидите, можетъ быть, и при дальнѣйшемъ вашемъ привлѣтіи подобный образъ изъясненія. Орденъ нашъ подражаетъ древнимъ обществамъ, которыя открывали свое ученіе іероглифами. Іероглифъ, говорилъ риторъ, — есть наименованіе какой-нибудь не подверженной чувствамъ вещи, которая содержитъ въ себѣ качества, подобныя изображаемой.

Пьеръ зналъ очень хорошо, что такое юромифъ; но не смѣлъ говорить. Онъ молча слушалъ ритора, то всему чувствуя, что почтась начнется испытаніе.

Ежелѣ вы тверды, что я долженъ приступитьъ къ введенію васъ, скаваль риторъ, ближе подходя къ Пьеру: Вы знаѣте щедрости ярему: даѣтъ отдать мнѣ всѣ драгоцѣнныя вещи.

Но съ собою ничего не вѣрю, сказалъ Пьеръ, молагавшій, что отъ него требуютъ выдачи всего, что онъ имѣть.

— Но, — сказалъ риторъ, — вы же не можете не вѣрить.

Пьеръ вносивши досталь кошелекъ, часы, и долго не могъ снять съ жирнаго пальца обручальное кольцо. Когда это было сдѣлано, масонъ сказалъ:

Вы знаѣте новинкии врошу васъ раздѣтъся! Пьеръ снялъ фракъ, жилетъ и лѣвый сапогъ по указанию ритора.

Масонъ открылъ рубашку на его лѣвой груди, и, схватившись, поднялъ его штанину на лѣвой ногѣ выше колѣна.

Пьеръ послѣшно хотѣлъ снять и правый сапогъ и засучить мангалони, чтобы избавить отъ этого труда незнакомаго ему человѣка, но масонъ сказалъ ему, что этого не можно и не дадъ ему туфлю на лѣвую ногу.

Съ дѣтскою улыбкой стыдливости, сомнѣнія и насмѣшки надъ самимъ собою, которыемъ противъ его воли выступала на лицо, Пьеръ стоялъ, опустивъ руки и разставивъ ноги, предъ братомъ-риторомъ, ожидая его новыхъ приказаний.

И, наконецъ, въ знакъ чистосердечія, и промуласть открыть мнѣ главное ваше пристрастіе, сказалъ онъ.

Мое пристрастіе! У меня ихъ было такъ много, — сказалъ Пьеръ.

То пристрастіе, которое болѣе всѣхъ другихъ застав

вляло въсъ колебаться на пути добродѣти, скаваъ масонъ.

Шеръ помолчалъ, отыскивая.

„Вино? Обѣденіе? Праздность? Лѣнота? Геречность? Злоба? Женщины? перебиралъ онъ свои пороки, мысленно взывшися въхъ и не зная, которому отдать преимущество“.

— Женщины, сказаъ тихимъ, чути слышаннымъ голосомъ Шеръ. Масонъ не шевелился и не говорилъ долго послѣ этого отвѣта. Наконецъ онъ подвинулъся къ Шеру, взялъ лежавшій на столѣ платокъ и опять завязалъ ему глаза.

— Послѣдній разъ говорю вамъ: обратите все ваше вниманіе на самую себя, наложите щѣки на свои чувства и ищите блаженства не въ страстиахъ, а въ своемъ сердцѣ. Источникъ блаженства не виѣ, а внутри насъ...»

Шеръ уже давно чувствовалъ въ себѣ этотъ освѣщающій источникъ блаженства, теперь радостю и умилиемъ переполнившій его душу.

Скорѣ послѣ этого въ темную крамину пришелъ за Шеромъ уже не прежній риторъ, а поручитель Вилларскій, котораго онъ узналъ по голосу. На первые вопросы о твердости его, намѣреніи Шеръ отвѣчалъ:

— Да, да, согласенъ, и съ сіяющею дѣтской улыбкой, съ открытою, жарною грудью, первопа робко шагаю одною разутою и одною обутою ногой, пошелъ впередъ съ приставленіемъ Вилларскімъ къ его обнаженной груди шагай. Изъ комнаты его повели по коридорамъ, поворачивая вправо и впередъ; наконецъ привели къ двери ложи; Вилларскій кашлянулъ, ему отвѣтили масонскими стуками молотковъ, дверь отворилась предъ ними. Чѣ-то басистый голосъ (глаза

IV

Пьер все были завязаны) сдѣлалъ ему вопросы о томъ, кто онъ, гдѣ, когда родился? и т. п. Потомъ его опять повели куда-то, не развязывая ему глазъ, и во время ходьбы его говорили ему аллегоріи о трудахъ его путешествія, о священной дружбѣ, о предвѣчномъ Строителѣ міра, о мужествѣ, съ которыми онъ долженъ переносить труды и опасности. Во время этого путешествія Пьеръ замѣтилъ, что его называли то *ищущими*, то *страждущими*, то *нуждающимися*, и различно стучали при этомъ молотками и щагами. Въ то время, какъ его подводили къ какому-то предмету, онъ замѣтилъ, что произошло замѣшательство и смятеніе между его руководителями. Онъ слышалъ, какъ щопотомъ заспорили между собой окружающіе люди, и какъ однѣ настаивали на томъ, чтобы онъ былъ проведенъ по какому-то ковру. Послѣ этого взяли его правую руку, положили на что-то, а лѣвой велѣли ему приставить циркуль къ лѣвой груди, и заставили его, повторяя слова, которые читалъ другой, прочесть плату вѣриости законамъ ордена. Потомъ потушили свѣчи, вложили спиртъ, какъ это слышалъ по запаху Пьеръ, и сказали, что онъ увидеть малый свѣтъ. Съ него сняли повязку, и Пьеръ какъ во снѣ увидалъ въ слабомъ свѣтѣ спиртоваго огни нѣсколько людей, которые въ такихъ же фартукахъ, какъ и риторъ, стояли противъ него и держали шаги, направленныи въ его грудь. Между ними стоялъ человѣкъ въ блѣдой окровавленной рубашкѣ. Увидавъ это, Пьеръ грудью надвинулся впередъ на шаги, желая, чтобы онъ вошелъ въ него. Дo шаги отстринались отъ него, и ему тотчасъ же опять надѣли повязку.

Теперь ты видѣлъ малый свѣтъ, сказали ему чей-то голосъ. Потомъ опять зажгли свѣчи, сказали, что ему надо

видѣть полный свѣтъ, и опять сняли повязку и болѣе десяти голосовъ вдругъ сказали: sic transit gloria mundi.

Пьеръ понемногу сталъ приходить въ себя и отглядывать комнату, гдѣ онъ былъ, и находившихся въ ней людей. Вокругъ длиннаго стола, покрытаго чернымъ, сидѣло человѣкъ двѣнадцать, все въ тѣхъ же одѣяніяхъ, какъ и тѣ, которыхъ онъ прежде видѣлъ. Нѣкоторыхъ Пьеръ зналъ по петербургскому обществу. На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ незнакомый молодой человѣкъ, въ особомъ крестѣ на шее! По правую руку сидѣлъ итальянецъ-аббатъ, котораго Пьеръ видѣлъ два года тому назадъ у Анны Павловны. Еще были тутъ одинъ несомнѣнно важный сановникъ и одинъ инвейцарецъ-губернерь, жившій прежде у Курягинъ. Всѣ торжественно молчали, слушая слова предсѣдателя, державшаго въ руѣ молотокъ. Въ стѣнѣ была вѣвлана горящая звѣзда; съ одной стороны стола былъ небольшой коверъ съ различными изображеніями, съ другой было что-то въ родѣ алтаря съ Евангелиемъ и черепомъ. Кругомъ стола было семь большихъ, въ родѣ церковныхъ, подсвѣчниковъ. Двое изъ братьевъ подвели Пьера къ алтарю, поставили ему ноги въ прямоугольное положеніе, и приказали ему лечь, говоря, что онъ повергается къ вратамъ храма.

— Онъ прежде долженъ получить лопату, сказълъ шепотомъ одинъ изъ братьевъ.

— Ахъ! попните, пожалуйста, сказаль другой.

Нерь, растерянными, близорукими глазами, не пови-
нусь, оглянулся вокругъ себя, и вдругъ на него нашло
сомнѣніе.

... „Рѣди? Чѣмъ я дѣлаю? Не смеются ли надо мной? Не будетъ ли мнѣ стыдно вспоминать это?“ Но сомнѣніе это про-

должалось только одно мгновение. Онъ оглянулся на серые лица окружавшихъ его людей, вспомнилъ все, что онъ уже прошелъ, и понялъ, что нельзя остановиться на половинѣ дороги. Онъ ужаснулся своему сомнѣнію и, стараясь вызвать въ себѣ прежнее чувство умиленія, повергъ вратамъ крама. И действительно, чувство умиленія, еще сильнѣйшаго чѣмъ прежде, наполнило на него. Когда онъ пролежалъ вѣсколько времени, ему ведѣли встать и надѣли на него такой же бѣлый кожаный фартукъ, какіе были на другихъ, да и ему въ руки лопату и три пары перчатокъ, и тогда великий мастеръ обратился къ нему. Онъ сказалъ ему, чтобы онъ старался никакъ не запятнать бѣлизну этого фартука, представляющей крѣпость и непорочность; потомъ о невыяснившейся ломатѣ сказали, чтобы онъ трудился ею очищать свое сердце отъ пороковъ и синхронитально заглаживать оно сердце близкаго. Потомъ про первыя перчатки мужскія сказали, что значенія ихъ онъ не можетъ знать, но долженъ хранить ихъ, про другія перчатки мужскія сказали, что онъ долженъ надѣвать ихъ въ собраніяхъ, и наконецъ про третія женскія перчатки сказали: — Да, братъ, это суть Дюбезій братъ, и сіи женскія перчатки вамъ опредѣлены суть. Отдайте ихъ той женщинѣ, которую вы будете почитать больше всѣхъ. Симъ даромъ увѣрите въ непорочности сердца вашаго ту, которую изберете вы себѣ въ достойную каменщицу. Немолчавъ вѣсколько времени, прибавилъ: — Но соблюди, любезный братъ, да не украшаютъ перчатки сіи руки нечестивыхъ.

Въ то время, какъ великий мастеръ произносилъ эти послѣднія слова, Ньеру показалось, что предсѣдатель смущился. Ньеръ смущился еще больше, покрасивъ до слезъ, какъ

краснѣютъ дѣти; безнокойно сталь оглядываться; и произошло
неловкое молчаніе.

Молчаніе это было прервано однимъ изъ братьевъ, которыи подведя Пьера къ ковру, началъ изъ тетради читать ему объясненіе всѣхъ изображенныхъ на немъ фігуръ: солнца, луны, молотка, отвѣса, лопаты, дикаго и кубицкаго камня, столба, трехъ оконъ, и т. д. Потомъ Пьери назначили его мѣсто, показали ему знаки ложи, сказали входное слово, и наконецъ позволили сесть. Великій мастеръ началъ читать уставъ. Уставъ былъ очень длиненъ, и Пьерь отъ радости, волненія и стыда не былъ въ состояніи понимать того, что читали. Онъ вслушался только въ послѣдній слова устава, которые запомнились ему.

„Въ нашихъ храмахъ мы не знаемъ другихъ степеней“, читалъ великий мастеръ, „кромѣ тѣхъ, которыи находятся между добродѣтелью и порокомъ. Берегись дѣлать каквѣ-нибудь различіе, могущее нарушить равенство. Лети на помощь къ брату, кто бы онъ ни былъ, наставляя заблуждавшагося, подними упадающаго, и не питай никогда злобы или вражды на брата. Будь ласковъ и привѣтливъ. Возбуждай во всѣхъ сердцахъ огнь доброты. Дѣли счастіе съ близкими твоими, и да не возмутитъ Никогда Зависть чистаго сего наслажденія.“

„Процай врагу твоему, не мсти ему, развѣ только дѣлашь ему добра. Исполнивъ такимъ образомъ высшій законъ, ты обрящешь слѣды древняго, утраченного тобой величества“, кончилъ онъ и, привставъ, обнялъ Пьера и поцѣловалъ его.

Пьерь со слезами радости на глазахъ смотрѣлъ вокругъ себя, не зная что отвѣтить на поздравленія и возобновленія

знакомствъ, съ которыми окружали его. Онъ не признавалъ никакихъ знакомствъ; во всѣхъ людяхъ этихъ онъ видѣлъ только братьевъ, съ которыми спорѣлъ негорѣніемъ приняться за дѣло.

Великій мастеръ стукнулъ молоткомъ, всѣ сѣли по чѣстальцамъ, и одинъ прочелъ поученіе о необходимости смиренія.

Великій мастеръ предложилъ исполнить послѣднюю обязанность, и важный саивникъ, который носилъ званіе собиравателя милостыни, сталъ обходить братьевъ. Пьеру хотѣлось записать въ листъ милостыни всѣ деньги, которыхъ у него были, но онъ боялся этимъ выказать гордость, и записалъ столько же, сколько записывали другие.

Засѣданіе было кончено, и, по возвращеніи домой, Пьеру казалось, что онъ прѣхалъ изъ какого-то дальн资料 путешествия, тѣмъ онъ привелъ десятки лѣтъ, совершенно измѣнился и отѣсталъ отъ прежн资料го порядка и привычекъ жизни.

V. КОМПАНИЯ ПРИЧАСТИЕ И АДАМСКАЯ СЛУЖБА

На другой день послѣ приема въ ложу, Пьеръ сидѣвъ дома, читалъ книгу и стараясь вникнуть въ знатеніе квадрата, изображавшаго одною своею стороной Бога, другую нравственное, третью физическое и четвертое смиреніе. Изредка онъ отрывался отъ книги и квадрата, и въ воображеніи себѣ составлялъ себѣ новый планъ жизни. Вчера въ ложѣ ему сказали, что до свѣдѣнія государя дополѣ ступѣнъ о дуэли, и что Пиеру благоразумище бы было удалиться изъ Петербурга. Пиеръ предполагалъѣхатъ въ свои южныя имѣнія и заняться тамъ своими крестьянами. Онъ радостно обдумывалъ эту новую жизнь, когда неожиданно въ компанию всплылъ князь Василий.

— Мой другъ, чѣмъ надѣлалъ въ Москвѣ? За что ты поссорился съ Лелей, мой малый? Ты въ заблужденіи, сказать князь Василій, входя въ помнату: — Я все узналь, и могу тебѣ сказать вѣрно, что Элень невинна предъ тобою, какъ Христосъ предъ юдѣями.

Пьеръ хотѣлъ отвѣтить, но оять перебилъ его.

— И вѣтъ ты не обратился прямо ко мнѣ, какъ въ другу? Я все знаю, я все понимаю, сказать омы, — ты вѣль себя какъ прілично человѣку, дорожающему своею честью; можетъ быть слишкомъ пропѣшно, но обѣ этомъ мы не будемъ судить. Одно ты помни, въ какое положеніе ты ставишь ее и меня въ глазахъ всего общества и даже двора, прибавивъ енъ, понизивъ голосъ. — Она живеть въ Москвѣ, ты здѣсь. Помни, мой милый! Онъ потянулъ его въ руку. Здѣсь одно недоразумѣніе, тѣ самъ я думаю, чувствующий. Напиши сейчасъ со мною письмо, и она прѣдѣть сюда, все объяснится, а то я тебѣ скажу, ты очень легко можешь пострадать, мой милый.

Князь Василій внушительное взглянуло на Пьера.

— Мнѣ изъ хорошихъ источниковъ известно, что довѣтывающая императрица принимаетъ живой интересъ во всѣмъ этомъ дѣлѣ. Ты знаешь, она очень милостива къ Эленѣ.

Несколько разъ Пьеръ собирался говорить, но съ одной стороны князь Василій не допускалъ его до этого, съ другой стороны, самъ Пьеръ боялся начать говорить въ томъ точкѣ рѣшительного отказа, и несогласія, въ которомъ онъ твердо рѣшился отвѣтить своему тестю. Кромѣ того слова масонскаго устава: „буди ласковъ и привѣтливъ“, вспоминались ему. Онъ морщился, краснѣлъ, встацаль и опускался, работая надъ собою въ самомъ трудномъ для него въ жизни

дѣлѣ — сказать не приятное въ глаза человѣку, сказать не то, чего ожидалъ этотъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ. Онъ такъ въ привыкъ шовинироваться этому тону небрежной самовѣренности князя Василія, что и теперь онъ чувствовалъ, что не въ силахъ будетъ противостоять ей; но онъ чувствовалъ, что отъ того, чтѣ онъ скажетъ сейчасъ, будетъ зависѣти вся дальнѣйшая судьба его: пойдетъ ли онъ по старой, прежней дорогѣ, или по той новой, которая такъ пріятельно была указана ему масонами; и на которой онъ твердо вѣрилъ, что найдетъ возрожденіе изъ новой жизни.

«Ну, мой милый, — шутливъ сказалъ князь Василій, — скажи же мнѣ „да“, и я отъ себѣ напишу ей; и мы убьемъ жирнаго тельца... Но князь Василій не успѣлъ договорить себѣ шутки, какъ Пьеръ съ блыснувшимъ въ лицѣ, которое напоминало его отца, не глядя въ глаза собесѣднику, проговорилъ исподтишка:

— Князь, я вѣрю не въ себѣ, идите, пожалуйста, пойдите! Онъ вскочилъ и отворилъ ему дверь. — Идите же, повторилъ онъ, самъ себѣ не вѣришь, радуясь выраженію смущенности и страха, показавшемуся на лицѣ князя Василія.

— Чѣмъ ты собой? Ты боленъ? — спросилъ князь Василій, — Идите! еще разъ проговорилъ дрожащей голосомъ. И князь Василій долженъ былъ уѣхать, не получивъ никакого объясненія.

Черезъ недѣлю Пьеръ, простишившись съ новыми друзьями масонами и оставивъ имъ большіи суммы на жиностину, уѣхалъ въ свои имѣнья. Его новые браты дали ему письма въ Киевъ и Одесу, въ которые масонамъ и офицерамъ писатели и руководить его въ новой деятельности.

Послѣдніе слова были сказаны княземъ въ саду, въ которомъ онъ

VI.

Дѣло Пьера съ Додоховымъ было замято, и, несмотря на тогдашнюю строгость государя въ отношеніи дуэлей, ни оба противника, ни ихъ секунданты не пострадали. Но история дуали, подтвержденная разрывомъ Пьера съ женой, разгласилась въ обществѣ. Пьеръ, на которого смотрѣли снисходительно, покровительственно, когда онъ былъ незаконнымъ сыномъ, котораго ласкали и прославляли, когда онъ былъ лучшимъ женихомъ Россійской имперіи, послѣ своей же нитьбы, когда невѣстамъ и материю чечего было дѣлать отъ него, сильно потерпѣлъ во мнѣніи общества, тѣмъ, боясь, что онъ не умѣлъ и не желалъ защищать общественнаго благоволенія. Теперь его одного обвинили въ происшедшемъ, говорили, что онъ безтолковый ревнивецъ, предверженный такимъ же припадкамъ кровожаднаго бѣшества, да и его отецъ. И когда послѣ отѣзда Пьера Эленъ вернулась въ Петербургъ, она была не только радушно, но съ отѣдкою почитательности, относившейся къ ея несчастію, прината всѣми сидими знакомыми. Когда разговоръ заходилъ о ея мужѣ, Эленъ принимала достойное выраженіе, которое она, — хотя и не понимая его значенія, — цѣльственному ей такту усвоила себѣ. Выраженіе это говорило, что она рѣшилась, не жалуясь, переносить свое несчастіе, и что ея мужъ есть крестъ, посланный ей отъ Бога. Князь Василій откровеніе высказывалъ свое мнѣніе. Онъ пожималъ плечами, когда разговоръ заходилъ о Пьере и, указывая на лобъ, говорилъ:

— Полусумасшедший — и всегда это говорилъ.

— Я впередъ сказала, говорила Анна Навловна о Пьере, — и тогда же сейчасъ сказала, и прежде всѣхъ (она настаивала

на своемъ первенствѣ), что это безумный полодой человѣкъ, исморденный развратными идеями вѣка! Я тогда еще сказала это, когда всѣ восхищались имъ и она только что прѣѣхала изъ-за границы, и помните, у меня какъ-то вечеромъ представлялась изъ себя какого-то Марата. Чѣмъ же кончилось? Я тогда еще не желала этой свадьбы, и предсказала все, что случится.

Анна Павловна попрежнему давала у себя въ свободные дни такие вечера, какъ и прежде, въ томъ, какіе она одна ингліардарь устраивала, вечера, на которыхъ собирались во-первыхъ, „Сливки настоящаго хорошаго общества“, цвѣть интеллигентской „ассенціи“ петербургскаго общества, какъ говорила сама Анна Павловна. Кроме этого утонченного избора общества, вечера Анны Павловны отличались еще темъ, что всякий разъ на своемъ вечерь Анна Павловна подавала своему обществу какое-нибудь новое, интересное лицо, и что нигдѣ, какъ на этихъ вечерахъ, не выявлялся такъ очевидно и твердо градусъ политическаго термометра, на которомъ стояло настроение придворнаго, легитимистскаго петербургскаго общества.

Въ конце 1806 года, когда получены были уже всячесчайшия подробности объ уничтоженіи Наполеономъ прусской арміи подъ Іеной и Ауерштеттомъ и о сдачѣ большей части прусскихъ крѣпостей, когда войска наши уже вступили въ Пруссію, и началась наша вторая война съ Наполеономъ, Анна Павловна собрала у себя вечерь. „Сливки настоящаго общества“ состояли изъ обворожительной и несчастной, покинутой мужемъ Эленъ, изъ Мортемара, обворожительнаго князя Ипполита, только что прѣѣхавшаго изъ Вѣны, двухъ дипломатовъ, чекути, одибои

молодаго человѣка, пользовавшагося въ гостиной наименованіемъ иrostо, „человѣка съ большими достоинствами“, одной изъ первыи поклонившей фрейлины свѣтѣ материю и некоторыхъ другихъ менѣе замѣтныхъ особъ и мнози рѣчи о ней.

Чицо, который былъ какъ новичокъ углашивалъ эту вечеръ Анна Павловна своихъ гостей, бывъ Борисъ Дубецкой, только что приѣхавшій курьеромъ изъ прусской арміи и находившійся адъютантомъ у очень важнаго лица.

Градусъ политического термометра, указанный на этомъ вечерѣ обществу, былъ слѣдующій: сколько бы всѣ, европейскіе государи и полководцы ни старались потворствовать Бонапартию для того, чтобы одѣять *миhi*, и вообще *наша* эти несправедности и огорченія, явившіе начать Бонапартию не можетъ измѣниться. Мы не перестанемъ высказывать свой неизвѣстный на этотъ счетъ образъ мыслей, и можемъ сказать только прусскому королю и другимъ: „тѣмъ хуже для насъ. Ти Гаукони, George Dandin, ить все, что мы можемъ оказать“.

Вотъ чѣмъ указывали политическій термометръ на вечерѣ Анны Павловны. Когда Борисъ, который долженъ былъ быть подпесень гостямъ, вошелъ въ гостиную, уже почти все общество было въ сборѣ, и разговоры, руководимыи Аноной Павловной, шель по нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Австріей, и надежды на союзъ съ нею.

Борисъ въ щегольскомъ адъютантскомъ кундирѣ, возмужавшій, свѣжий и румянный, свободно вошелъ въ гостиную и былъ отведенъ, какъ слѣдовало, для привѣтствія и тутъ же, и снова присоединенъ къ общему кружку.

Анна Павловна дала поцѣловаться ему свою сухую руку, познакомила его съ некоторыми знакомыми ему лицами, и каждого шепотомъ опредѣлила ему...

Князь Ипполитъ Курагинъ, юный юнгой человѣкъ, Господинъ Крупъ, Бендергейскій генеральный въ дѣлахъ, глубокий умытый и простой господинъ Швомъ, человѣкъ съ большими достоинствами и прѣс того, который носилъ это наименование, на финальной страницѣ оставилъ въ ящикѣ Борисъ за это время своей службы, благодаря заботамъ Аники Михайловны, собственнымъ вѣкусамъ и свойствамъ своего сдержанного характера, успѣлъ поставить себѣ въ сарое выгоднѣе положеніе по службѣ. Онъ находился подъ тантомъ при весьма важномъ лицѣ имѣль весьма важное порученіе въ Иркуску и только что возвратился пѣтуда курьеромъ. Онъ вполнѣ устроилъ себѣ ту непривычную ему выѣздъ, неизмѣнную субординацію, по второй премиѣ, пакъ могъ стоять безъ привѣтствія выше генерала, и до же той, для успѣха на службѣ, были нужны не усилия, не труды, не храбрость, не постоянство, а нужно было только умѣніе обращаться съ тѣми, которые вознаграждаются за службу, — и онъ имѣлъ сильнѣе самъ будившися, своими быстрыми усѣщеніями, и чому, какъ другіе могли не понимать этого. Всѣдѣствіе этого открытия его, весь образъ жизни его, всѣ отношения съ прежними знакомыми, все его планы на будущее совершенно измѣнились. Онъ былъ не богатъ, но не слѣднія свои ладьгиловъ употреблялъ на то, чтобы быть юдѣйскимъ лучшимъ другимъ; онъ сворѣдишился себѣ, много тихъ удовольствій, чѣмъ позволилъ себѣ Ѳхатьѣть журновъ и писалъ письма, показавшися старомъ мундирѣ, на улицахъ Петербурга. Обживалась онъ гигантскую знакомствъ, только изъ людьми, которые были выше его, и потому могли быть ему подобны. Онъ любилъ Петербургъ и предиралъ Москву. Воспоминаніе о домѣ Ростовыхъ и о своемъ дѣлѣ

къ Наташѣ — было ему неприятно, и онъ съ самаго отъѣзда въ армию ни разу не былъ у Ростовыхъ. Въ постиной Ани Павловны, въ которой присутствовать рѣчь считалъ за важное повышеніе на службѣ, онъ теперь тотчасъ же понимъ свою роль и предоставилъ Аннѣ Павловнѣ воспользоваться тѣмъ интересомъ, который въ немъ заключался, внимательно наблюдалъ каждое лицо и оцѣнивалъ выгоды въ возможности обѣженія съ каждымъ изъ нихъ. Онъ сѣялъ на указанное ему мѣсто вслѣдъ красивой Эленъ, и волнился въ общій разговорѣ.

“ — „Вѣна находить основанія предлагаемаго договора до такой степени вѣроятнаго, что достигнуть его можно только рядомъ самихъ блестящихъ успѣховъ; и она сомнѣвается въ средствахъ, которыми могутъ иль не могутъ доставить“. Это подлинная фраза вѣнскаго кабинета, говорилъ далескій иеврѣянинъ въ дѣлѣ Бориса, и онъ имѣлъ въ виду то, что „Лестно сомнѣніе, сказъ глубокой умѣть, съ тонкой улыбкой, съ рѣчию, широкой, ясной, ясно говорящей, ясно слушающей“. Необходимо различать вѣнскій кабинетъ и австрійскаго императора, сказала Мортемаръ; — Императоръ австрійскій никогда не могъ этого думать, это говорить только забѣдѣть.

“ — Ахъ, мой милый виконтъ, выѣхалась Анна Павловна, — Европа никогда не будетъ написана искреннею союзницей...” Всѣдѣ за этимъ Анна Павловна павѣля разговоръ на мужество и твердость прусскаго короля, съ тѣмъ чтобы внести въ дѣло Бориса. Борисъ внимательно слушалъ того, что говорилъ, ожидая своего череда; но выѣсть съ тѣмъ успѣхъ иѣсновѣдо: разъ оглядываться на свою соѣдку, краевину Эленъ, которая съ улыбкой иѣсновѣдо разы встрѣтилась глазами съ красивымъ, молодымъ адъютантомъ.

Весьма естественно, говоря о положении Пруссии, Анна Навловна попросила Бориса рассказать свое путешествие въ Глогау и положение, въ которомъ онъ нашелъ прусское войско. Борисъ, не торопясь, чистымъ и правильнымъ французскимъ языкомъ, рассказалъ весьма много интересныхъ подробностей о войскахъ, о дворѣ, во все время своего рассказа старательно избѣгая заявленія своего мнѣнія на счетъ тѣхъ фактовъ, которые онъ передавалъ. На сколько времени Борисъ завладѣлъ общимъ вниманіемъ, и Анна Навловна чувствовала, что ея угощеніе новинкой было приятно ей удовольствиемъ всѣми гостями. Больше всѣхъ вниманіемъ къ рассказу Бориса выказала Элень. Она вѣсколько разъ спрашивала его о вѣкоторыхъ подробностяхъ его поездки и, казалось, весьма была заинтересована申ложениемъ прусской арміи! Какъ только онъ кончилъ, она съ свою обычной улыбкой обратилась къ нему:

— Непремѣнно нужно, чтобы вы прѣѣхали покидаться со мной, сказала она ему такимъ тономъ, какъ будто по нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя онъ не могъ знать, это было совершенно необходимо. — Во вторникъ между 8-ю и 9-ю часами Вы идѣете большое удовольствіе. Борисъ обѣщалъ исполнить ея желаніе и хотѣлъ вступить съ ней въ разговоръ, когда Анна Навловна отошла въ подъ предлогомъ тетушки, которая желала его слышать. «Онъ твой! Вы вѣдь знаете ся мужа?» сказала Анна Навловна, закрывъ глаза и грустными жестами указывая на Элень. — Ахъ, это такая ~~несчастная~~ и прелестная женщина! Не говорите при ней о немъ, пожалуйста, не говорите. Ей слишкомъ тяжело!

Когда Борисъ и Анна Павловна вернулись къ общему кружку, разговоромъ въ немъ завладѣлъ князь Исполитъ. Онъ, выдвинувшись впередъ на креслѣ, сказълъ:

— Le Roi de Prusse!*) и, сказавъ это, засмѣялся. Всѣ обратились къ нему.— Le Roi de Prusse? спросилъ Исполитъ, опять засмѣялся и ошѣй спокойно и серьезно усѣлся въ глубину своего кресла. Анна Павловна подождала его немнога, но такъ какъ Исполитъ рѣшительно, казалось, не хотѣлъ больше говорить, она начала рѣчь съ томъ, какъ безбожный Бонапартъ похитилъ въ Потсдамѣ шпагу Фридриха Великаго.

— Эта шпата Фридриха, которую я... начала было она, по Исполиту перебила ее словами:

— Le Roi de Prusse... и ошѣй какъ только къ нему обратились, извинился и замолчалъ. Анна Павловна поморщилась. Мортемаръ, пріятель Исполита, рѣшительно обратился къ нему: — Какъ вы можете смеяться надъ Исполитомъ? Ну, что жъ вашъ прусский король?... Исполитъ засмѣялся, какъ будто ему стыдно было своего смѣха.

— Нѣть, ничего, я хотѣлъ только сказать... (Онъ замѣръ былъ повторить шутку, которую она слышала отъ Вѣнѣ, и которую онъ цѣлый вечеръ собирался повторить). Я только хотѣлъ сказать, что мы напрасно воюемъ pour le roi de Prusse**).

Борисъ осторожно улыбнулся, такъ что его улыбка могла быть отнесена къ насмѣшкѣ или къ одобрению шутки, смотря по тому, какъ она будетъ принята. Всѣ засмѣялись.

*) Прусскій король.

**) Для прусского короля (непереводимая игра словъ, имѣющая значение: „по пустякамъ“).

Баша игра: словъ очень зла, очень умна; но не спрашива, грозя смерщенными пальчикомъ, сказала Анна Павловна. — Мы воюемъ за добрыя начала; а не за прусского короля. О, какой злой ртотъ князь Ипполитъ! сказала она.

Разговарть не утикалъ цѣлый вечеръ, обращаясь преимущественно около политическихъ новостей. Въ концѣ вечера онъ особенно ожидалъ, когда дѣло заплю наградахъ, пожалованныхъ государемъ.

Вѣдь получиль же въ прошломъ году NN табакерку съ портретомъ, говорилъ человѣкъ глубокаго ума, — почему же SS не можетъ получить той же награды?

— Извините, табакерка съ портретомъ императора есть именно награда, а не отличie, сказаль дипломатъ. — Свое подарокъ, — отвечалъ Борисъ, — я не могу отказать имъ. Были примеры — Шварценбергъ, Гогенцоллернъ. Это невозможно, возвразилъ другой, — и это приказъ Цари. Лента же другое дѣло.

Когда всѣ поднялись, чтобы уѣзжать, Эленъ, очень мало говорившая весь вечеръ, опять обратилась къ Борису, съ просьбой и ласковымъ, значительнымъ приказаниемъ, чтобъ она быть у нея во вторникъ. Мнѣ это очень нужно, сказала она съ улыбкой, прятываясь на Анну Павловну, и Анна Павловна тою пристной улыбкой, которая сопровождала ея слова при рѣчи о своей высокой покровительницѣ, подтвердила желаніе Эленъ. Казалось, что въ этотъ вечеръ изъ какихъ-то словъ, сказанныхъ Борисомъ о прусскомъ войскѣ, Эленъ вдругъ открыла чѣмъ обходимоѣсть видѣть его. Она какъ будто обѣщала ему, что когда онъ приѣдетъ во вторникъ, она объяснить ему эту необходиимость.

Пріѣхавъ во вторникъ вечеромъ въ великолѣпный салонъ Элеонъ, Борисъ не получилъ яснаго объясненія, для чего бѣло ему необходимо пріѣхать. Были другіе гости, графиня мало говорила съ нимъ, и только прощаюсь, когда онъ цѣловалъ ея руку, она съ страннымъ отсутствиемъ улыбки, неожиданно, шепотомъ сказала ему:

— Пріѣзжайте завтра обѣдать... вечеромъ; надо, чтобы вы пріѣхали... Пріѣзжайте.

Въ этотъ свой пріѣздъ въ Петербургъ Борисъ сѣдѣлъ близкимъ человѣкомъ въ домѣ графини Везухой.

VIII.

Война разгоралась, и театръ ея приближался къ русскимъ границамъ. Всюду слышались проклятия врагу рода человѣческаго Бонапартю; въ деревняхъ собирались ратники и рекрутъ, и съ театра войны приходили разнорѣчными извѣстія, какъ всегда ложныя и потому различно перетолковываемыя.

Жизнь стараго князя Болконскаго, князя Андрея и княжны Марии во многомъ измѣнилась съ 1805 года!

Въ 1806 году старый князь былъ определенъ однѣмъ изъ восьми генерал-командующихъ по ополченію, назначенныхъ тогда по всей Россіи. Старый князь, несмотря на свою старческую слабость, особенно сдѣлавшуюся заѣтною въ тѣль періодъ времени, когда онъ считалъ своего сына убитымъ, не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ должности, въ которую былъ определенъ самимъ государемъ, и эта вновь открывшаяся ему дѣятельность възвудила и укрепила его. Онъ постолипо бывалъ въ разѣздахъ по тремъ провинциямъ ему губерніямъ; былъ до недантизма исполнителемъ своихъ

ихъ обязанностяхъ, строгъ до жестокости съ своими подчиненными, и самъ доходилъ до малѣйшихъ подробностей дѣла. Княжна Марья перестала уже братъ у своего отца математические уроки, и только по утрамъ, сопутствуемая кормилицей, съ маленьkimъ килемъ Николаемъ (какъ звалъ его дѣдъ), входила въ кабинетъ отца, когда онъ былъ дома. Грудиной князь Николай жилъ съ кормилицей и пятеро Савиной на половинѣ покойной княгини, и княжна Марья большую часть дня проводила въ дѣтской, замѣняя, какъ она умѣла, мать маленькому племяннику. Melle Буреантъ тоже, какъ казалось, страстно любила мальчика, и княжна Марья, часто лишиая себя, уступала своей подругѣ наслажденіе нянчить маленькаго аилемъ (какъ называла она племянника) и играть съ нимъ.

У алтаря Лысогорской церкви была часовня надъ могилой маленькой княгини, и въ часовнѣ былъ поставленъ привезенный изъ Италии мраморный памятникъ, изображавшій ангела, расправившаго крылья и готовящагося подняться на небо. У ангела была немножко приподнята верхняя губа, какъ будто онъ сбирался улыбнуться, и однажды князь Андрей и княжна Марья, выходя изъ часовни, признались другъ другу, что, странно, лицо этого ангела напоминало имъ лицо покойницы. Но что было еще страннѣе и чего князь Андрей не сказалъ сестрѣ, было то, что въ выраженіи, которое далъ случайно художникъ лицу ангела, князь Андрей читалъ тѣ же слова кроткой укоризны, которыхъ онъ прочелъ тогда на лицѣ своей мертвой жены: „Ахъ, зачѣмъ вы это со мной сдѣлали?...“

Вскорѣ послѣ возвращенія князя Андрея, старый князь отдалъ сына и далъ ему Богучарово, большое имѣніе, на
Война и миръ. Т. II.

Пріѣхавъ во вторникъ вечеромъ въ великолѣпный салонъ Элеонъ, Борисъ не получилъ яснаго объясненія; для чего было ему необходимо пріѣхать. Были другіе гости, графиня мало говорила съ нимъ, и только прощаясь, когда она цѣловала руку, она съ страннымъ отсутствіемъ улыбки, неожиданно, шепотомъ сказала ему:

— Пріѣзжайте завтра обѣдать... вечеромъ; надо, чтобы вы пріѣхали... Пріѣзжайте.

Въ этотъ свой пріѣздъ въ Петербургъ Борисъ ехался близкимъ человѣкомъ въ домъ графини Везухой.

VIII.

Война разгоралась, и театръ ея приближался къ русскимъ границамъ. Всюду слышались проклятія врагу рода человѣческаго Бонапартію; въ деревняхъ собирались ратники и рекрутъ, и съ театра войны приходили разнорѣчія извѣстія, какъ всегда ложныя и потому различно переговориваемыя.

Жизнь стараго князя Болконскаго, князя Андрея и княжны Марии во многомъ измѣнилась съ 1805 года!

Въ 1806 году старый князь былъ опредѣленъ однимъ изъ восьми глашакомандующихъ по «оноченію», назначенныхъ тогда по всей Россіи. Старый князь, несмотря на свою старческую слабость, особенно сдѣлавшуюся замѣтною въ тотъ периодъ времени, когда онъ считалъ своего сына «убитымъ», не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ должности, въ которую былъ опредѣленъ самимъ государемъ, и эта вновь открывшаяся ему дѣятельность возбудила и укрепила его. Онъ постоянно бывалъ въ разѣздахъ по тремъ извѣреннымъ ему губерніямъ; былъ до педантизма исполнителемъ въ сво-

ихъ обязанностяхъ, строгъ до жестокости съ своими подчиненными, и самъ доходилъ до малѣйшихъ подробностей дѣла. Княжна Марья перестала уже братъ у своего отца математические уроки, и только по утрамъ, сопутствуемая кормилицей, съ маленькимъ кніземъ Николаемъ (какъ звалъ его дѣдъ), входила въ кабинетъ отца, когда онъ былъ дома. Груденой кназь Николай жилъ съ кормилицей и нянечкой Савинной на половинѣ покойной княгини, и княжна Марья большую часть дня проводила въ дѣтской, замѣняя, какъ она умѣла, мать маленькому племяннику. Melle Бурьеъ тоже, какъ казалось, страстно любила мальчика, и княжна Марья, часто лишая себя, уступала своей подругѣ наслажденіе нянчить маленькаго *анюта* (какъ называла она племянника) и играть съ нимъ.

У алтаря Лысогорской церкви была часовня надъ могилой маленькой княгини, и въ часовнѣ былъ поставленъ привезенный изъ Италии мраморный памятникъ, изображавшій ангела, расправившаго крылья и готовящагося подняться на небо. У ангела была немного приподнята верхняя губа, какъ будто онъ сбирался улыбнуться, и однажды кназь Андрей и княжна Марья, выходя изъ часовни, признались другъ другу, что, странно, лицо этого ангела напоминало имъ лицо покойницы. Но что было еще страннѣе и чего кназь Андрей не сказалъ сестрѣ, было то, что въ выраженіи, которое даль случайно художникъ лицу ангела, кназь Андрей читалъ тѣ же слова кроткой укоризны, которыхъ онъ прочелъ тогда на лицѣ своей мертвой жены: „Ахъ, зачѣмъ вы это со мной сдѣлали?...“

Вскорѣ послѣ возвращенія кназя Андрея, старый кназь отдалъ сына и дать ему Богучарово, большое имѣніе,

Война и миръ. Т. II.

ходившееся въ 40 верстахъ отъ Лысыхъ Горъ. Частью по причинѣ тяжелыхъ воспоминаній, связанныхъ съ Лысыми Горами, частью потому, что не всегда князь Андрей чувствовалъ себя въ силахъ переносить характеръ отца, частью и потому, что ему нужно было уединеніе, князь Андрей воспользовался Богучаровыми, строился тамъ и проводилъ въ немъ большую часть времени.

Князь Андрей, послѣ Аустерлицкой кампаніи, твердо рѣшился никогда не служить болѣе въ военной службѣ; и когда началась война, и вѣдь должны были служить, онъ, чтобы отдѣлаться отъ дѣятельной службы, принялъ должность подъ начальствомъ отца по сбору ополченія. Старый князь съ сыномъ какъ бы перемѣнились ролями послѣ кампаніи 1805 года. Старый князь, возбужденный дѣятельностью, ожидалъ всего хорошаго отъ настоящей кампаніи; князь Андрей, напротивъ, не участвуя въ войнѣ и въ тайнѣ душа сожалѣла о томъ, видѣлъ одно дурное.

26-го февраля 1807 года, старый князь уѣхалъ по округу. Князь Андрей, какъ и большою частью во время отлучекъ отца, оставался въ Лысыхъ Горахъ. Маленький Николушка былъ нездоровъ уже 4-й день. Кучера, возившіе старого князя, вернулись изъ города и привезли бумаги и письма князю Андрею.

Камердинеръ съ письмами, не заставилъ молодаго князя въ его кабинетѣ, прошелъ на половину княжны Марыи, но и тамъ его не было. Камердинеру сказали, что князь пошелъ въ дѣтскую.

— Пожалуйте, ваше сиятельство, Петруша съ бумагами пришелъ, сказала одна изъ дѣвушекъ — помощница няни, обращаясь къ князю Андрею, который сидѣлъ на маленькомъ

дѣтскомъ стулѣ и дрожащими руками, хмурясь, капать изъ стекланки лѣкарство въ рюмку, налитую до половины водой.

— Чѣмъ такое? сказалъ онъ сердито, и неосторожно дрогнувъ рукой, перелилъ изъ стекланки въ рюмку лишишее количества капель. Онъ выплеснуль лѣкарство изъ рюмки на полъ и спать спросилъ воды. Дѣвушка подала ему.

Въ комнатѣ стояла дѣтская кроватка, два сундука, два кресла, столъ и дѣтскіе столикъ и стульчикъ, тотъ, на которомъ сидѣлъ князь Андрей. Окна были завѣнаны, и на столѣ горѣла одна свѣча, заставленная переплетеніемъ потною книгою, такъ чтобы свѣтъ не падалъ на кроватку.

— Мой другъ, обращаясь къ брату, сказала княжна Марья, отъ кроватки, у которой она стояла, — лучше подождать... послѣ.

— Ахъ, сдѣтай милость, ты все говоришь глупости, ты и такъ все дожидалась, вотъ и дождалась, сказалъ князь Андрей озлобленнымъ шепотомъ, видимо желая уколоть сестру.

— Мой другъ, право лучше не будить, онъ заснуль, умоляющимъ голосомъ сказала княжна.

Князь Андрей всталъ и на цыпочкахъ съ рюмкой подошелъ къ кроваткѣ.

— Или точно не будить? сказалъ онъ нерѣшительно.

— Какъ хочешь — право... я думаю... а какъ хочешь, сказала княжна Марья, видимо робѣя и стыдясь того, что ея мѣйнѣе восторжествовало. Она указала брату на дѣвушку, шепотомъ вызывавшую его.

Была вторая ночь, что они оба не спали, ухаживая за горѣвшимъ въ жару мальчикомъ. Всѣ сутки эти, не довѣряя своему домашнему доктору и ожидая того, за которымъ было послано въ городъ, они предпринимали то то, то дру-

гое средство. Измученные бессонницей и встревоженные, они сваливали другъ на друга свое горе, упрекали другъ друга иссорились.

— Петрушка съ бумагами отъ паненьки, прошептала дѣвушка. Князь Андрей вышелъ.

— Чоргъ ихъ принесъ! проговорилъ онъ сердито, и выслушавъ словесныя приказанія отъ отца и взявъ подаваемыя конверты и письмо отца, вернулся въ дѣтскую. — Ну что? спросила князь Андрей.

— Все то же, подожди ради Бога. Карлъ Иванычъ всегда говоритъ, что сонъ всего дороже, прошептала со вздохомъ княжна Марья. Князь Андрей подошелъ къ ребенку и пощупалъ его. Онъ горѣлъ.

— Убирайтесь вы съ вашимъ Карломъ Иванычемъ! Онъ ваялъ рюмку съ накаланными въ нее каплями и опять подошелъ.

— Андрюша, не надо! сказала княжна Марья.

Но онъ злобно и вмѣстѣ страдальчески нахмурился на нее и съ рюмкой нагнулся къ ребенку.

— Но я хочу этого, сказалъ онъ. — Ну, я прошу тебя, дай ему.

Княжна Марья пожала плечами, но покорно взяла рюмку и, подозревая няньку, стала давать лѣкарство. Ребенокъ закричалъ и захрипѣлъ. Князь Андрей, сморщившись, взялъ себя за голову, вышелъ изъ комнаты и сѣлъ въ соседней на диванѣ.

Письма все были въ его рукѣ. Онъ машинально открылъ ихъ и сталъ читать. Старый князь, на синей бумагѣ, своимъ крупнымъ продолговатымъ почеркомъ, употребляя кое-гдѣ титлы, писалъ слѣдующее:

„Весьма радостное въ сей моментъ извѣстіе получиль че-
резъ курьера, если не вранье. Бенигсенъ подъ Эйлау надъ
„Буонартіемъ якобы полную викторію одержаль. Въ Пе-
тербургѣ всѣ ликуютъ, и наградъ послано въ армію нѣсть
„конца. Хотя нѣмецъ, — поздравляю. Корчевскій начальникъ,
„нѣкій Хандриковъ, не постигну что дѣлаетъ: до сихъ поръ
„не доставлены добавочные люди и провіантъ. Сейчасъ скачи
„туда и скажи, что я съ него голову сниму, чтобы черезъ
„недѣлю все было. О Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи полу-
„чилъ еще письмо отъ Петеньки, онъ участвовалъ, — все
„правда. Когда не мѣшаютъ, кому мѣшаться не слѣдуетъ,
„то и нѣмецъ побилъ Буонартія. Сказываютъ, бѣжть
„весьма разстроенъ. Смотри жъ, немедля скачи въ Корчеву
и исполні!“

Князь Андрей вздохнулъ и распечаталъ другой конвертъ. Это было на двухъ листочкахъ мелко исписанное письмо отъ Билибина. Онъ сложилъ его, не читая, и опять прочель письмо отца, кончавшееся словами: „скачи въ Корчеву и исполні!“

„Нѣть, ужъ извините, теперь не поѣду, пока ребенокъ не
оправится“, подумалъ онъ и, подошедши къ двери, загля-
нуль въ дѣтскую. Княжна Марья все стояла у кровати и
тихо начала ребенка.

„Да, чтѣ биши еще непріятное онъ пишеть?“ вспоминаль
князь Андрей содержаніе отцовскаго письма. „Да. Побѣду
одержали наши надъ Бонапартомъ именно тогда, когда я не
служу. Да, да, все подслушиваетъ надо мнай... пу, да на
здоровье...“ и онъ сталъ читать французское письмо Били-
бина. Онъ читалъ, не понимая половины, читалъ только для
того, чтобы хоть на минуту перестать думать о томъ, о чѣмъ
онъ слишкомъ долго, исключительно и мучительно думалъ.

IX.

Билибинъ находился теперь въ качествѣ дипломатического чиновника при главной квартире арміи и хотя и на французскомъ языке, съ французскими шуточками и оборотами рѣчи, но съ исключительно-русскимъ безстрашіемъ предъ самоосужденіемъ и самоосмѣяніемъ описывалъ всю кампанію. Билибинъ писалъ, что его дипломатическая скромность мучила его, и что онъ былъ счастливъ, имѣя въ князѣ Андреѣ вѣрнаго корреспондента, которому онъ могъ изливать всю желчь, накопившуюся въ немъ при видѣ того, что творится въ арміи. Письмо это было старое, еще до Прейсиш-Эйлау-скаго сраженія.

„Со времени нашихъ блестящихъ успѣховъ въ Аустерлицѣ“, писалъ Билибинъ „вы знаете, мой милый князь, что я не покидаю болѣе главной квартиры. Рѣшительно я вошелъ во вкусъ войны, и тѣмъ очень доволенъ: то, что я видѣлъ въ эти три мѣсяца — невѣроятно.

„Я начинаю ав ово. *Враа рода человѣческаю*, какъ вамъ известно, атакуетъ пруссаковъ. Пруссаки — наши вѣрные союзники, которые насъ обманули только три раза въ три года. Мы заступаемся за нихъ. Но оказывается, что *враа рода человѣческаю* не обращаетъ никакого вниманія на наши прелестныя рѣчи, и съ своею неучтивою и дикою манерой бросается на пруссаковъ, не давая имъ времени кончить начатый парадъ, въ дребезги разбиваешь ихъ и поселяется въ Потсдамскомъ дворцѣ.

„Я страстно желаю“, пишетъ прусскій король Бонапарту, чтобы „ваше величество были приняты въ моемъ дворцѣ нациркѣнѣйшимъ для васъ образомъ, и я съ особеною за-

ботливостью сдѣлалъ для того всѣ нужныя распоряженія, на сколько мнѣ это позволили обстоятельства. Надѣюсь, что я успѣль въ этомъ. Прусскіе генералы щеголяютъ учтивостю предъ французами и кладутъ оружіе по первому требованію. Начальникъ гарнизона Глогау, съ десятю тысячами, спрашивается у прусскаго короля, что ему дѣлать въ случаѣ, если ему придется сдаваться. Все это вполнѣ достовѣрно. Словомъ, мы думали только внушить имъ страхъ положеніемъ нашихъ военныхъ силъ, но кончается тѣмъ, что мы вовлечены въ войну, на нашей же границѣ и, главное, за *прусскою королевою* и за одно съ нимъ. Все у насъ въ порядкѣ, не достаетъ только маленькой штучки, а именно — главнокомандующаго. Такъ какъ казалось, что успѣхи Аустерлица могли бы быть рѣшительны, если бы главнокомандующій былъ бы не такъ молодъ, то дѣлается обзоръ осьмидесятилѣтнихъ генераловъ, и при выборѣ между Прозоровскимъ и Каменскимъ отдаются предпочтеніе послѣднему. Генералъ прѣѣзжаетъ къ намъ въ кибиткѣ по-суворовски, и его принимаютъ съ радостными воскликаніями и большимъ торжествомъ.

„4-го прѣѣзжаетъ первый курьеръ изъ Петербурга. Приносятъ чемоданы въ кабинетъ фельдмаршала, который любитъ все дѣлать самъ. Меня зовутъ, чтобы помочь разобрать письма и взять тѣ, которыхъ назначены намъ. Фельдмаршаль, предоставивъ намъ это занятіе, смотрѣть на насъ и ждетъ конвертовъ, адресованныхъ ему. Мы ищемъ, — но ихъ не оказывается. Фельдмаршаль начинаетъ волноваться, самъ принимается за работу и находить письма отъ государя къ графу Т., князю В. и другимъ. Онъ и рветъ и мечеть, гнѣвается на всѣхъ и на все, беретъ письма, распечатываетъ ихъ и читаетъ тѣ, которыхъ адресованы дру-

гимъ... — „А, такъ со мною поступаютъ! Мнѣ довѣрія нѣть!
„А, за мною слѣдить велѣно, хорошо же; подите вонъ!
„И пишетъ знаменитый приказъ графу Бенигсену:

„Я раненъ, верхомъ Ѳздить не могу, стѣдственно и командаовать арміей. Вы корѣ д'арме ванть привели разбитый въ Пултускъ! тутъ оно открыто, и безъ дровъ, и безъ фуража, потому пособить надо, и такъ какъ вчера сами отнеслись къ графу Буксгевдену, думать должно о ретирадѣ къ нашей границѣ, чтѣ и выполнить сегодня“.

„Отъ всѣхъ моихъ поѣздокъ“, пишетъ онъ императору, „получилъ ссадину отъ сѣда, которая сверхъ прежнихъ перевозокъ моихъ совсѣмъ мнѣ мѣшаетъ Ѳздить верхомъ и командовать такою обширною арміей, а потому я командование опою сложилъ на старшаго по мнѣ генерала, графа Буксгевдена, отославъ къ нему все дежурство и все приналежащее къ оному, совѣтовавъ имъ, если хлѣба не будетъ, ретироваться ближе во внутренность Пруссіи, потому что оставалось хлѣба только на одинъ день, а у иныхъ полковъ ничего, какъ о томъ дивизіонные командиры Остерманъ и Седморецкій объявили, а у мужиковъ все сѣдено, я и самъ, пока вылѣчусь, остаюсь въ гошиннатѣ въ Остроленкѣ. „О числѣ котораго вѣдомость всеподданѣйше подпошу, донося, что если армія простоитъ въ нынѣшнемъ бивакѣ еще пятиадцать дней, то весной ни одного здороваго не останется.

„Увольте старика въ деревню, который и такъ обезславленъ остается, что не смогъ выполнить великаго и славнаго жребія, къ которому былъ избранъ. Всемилостивѣйшаго дозвolenія вашего о томъ ожидать буду здѣсь пригошиннатѣ, дабы не играть роль писарскую, а не командиную при войскѣ. Отлученіе меня отъ арміи ни малѣй-

„шаго разглашениј не производитъ, что ослѣпшій отъѣхалъ отъ арміи. Таковыхъ какъ я — въ Россіи тысячи“.

„Фельдмаршалъ сердится на государя и наказываетъ всѣхъ насъ; это совершенно логично!

„Вотъ первое дѣйствіе комедіи. При слѣдующихъ интересъ и забавность возрастаютъ, что само собой разумѣется. Послѣ отѣзда фельдмаршала оказывается, что мы въ виду непріятеля, и необходимо дать сраженіе. Буксгевденъ — главнокомандующій по старшинству, но генераль Бенигсенъ совсѣмъ на это не согласенъ, тѣмъ болѣе, что онъ съ своимъ корпусомъ находится въ виду непріятеля и хочетъ воспользоваться случаемъ къ сраженію. Онъ его и дасть. „Это — Пултуская битва, которая считается великою побѣдою, по которой совсѣмъ не такова, по моему мнѣнію. Мы, штатскіе, имѣемъ, какъ вы знаете, очень дурную привычку рѣшать вопросъ о выигрышѣ или проигрышѣ сраженія. Тотъ, кто отступилъ послѣ сраженія, тотъ проигралъ его, вотъ что мы говоримъ, и, судя по этому, мы проиграли Пултуское сраженіе. Однимъ словомъ, мы отступаемъ послѣ битвы, но посылаемъ курьера въ Петербургъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и генераль Бенигсенъ не уступаетъ начальствованія надъ арміей генералу Буксгевдену, надѣясь получить изъ Петербурга въ благодарность за свою побѣду званіе главнокомандующаго. Во время этого междударствія, мы начинаемъ очень оригинальный и интересный рядъ маневровъ. Планъ нашъ не состоитъ болѣе, какъ бы онъ долженъ быть состоять, въ томъ, чтобы избѣгать или атаковать непріятеля, по только въ томъ, чтобы избѣгать генерала Буксгевдена, который по праву старшинства долженъ бы быть нашимъ начальникомъ. Мы преслѣдуемъ эту цѣль съ такою энергией, что даже, не-

реходя рѣку, на которой нѣть бродовъ, мы сжигаемъ мостъ, съ цѣлью отдалить отъ себя нашего врага, который въ настоящее время не Бонапартъ, но Буксгевденъ. Генералъ Буксгевденъ чуть-чуть не былъ атакованъ и взятъ превосходными непріятельскими силами, вслѣдствіе одного изъ такихъ маневровъ, спасавшихъ насъ отъ него. Буксгевденъ насъ преслѣдуєтъ — мы бѣжимъ. Только что онъ перейдетъ на одну сторону рѣки, мы переходимъ опять на другую. Наконецъ врагъ нашъ Буксгевденъ ловить насъ и атакуетъ. Оба генерала сердятся, и дѣло доходитъ до вызова на дуэль со стороны Буксгевдена и до эпилептическаго припадка у Бенигсена. Но по счастью, въ самую критическую минуту курьеръ, который возилъ въ Петербургъ извѣстіе о Шултуской побѣдѣ, возвращается и привозитъ намъ назначение главнокомандующаго, и первый врагъ — Буксгевденъ побѣженъ. Мы теперь можемъ думать о второмъ врагѣ — Бонапарте. Но оказывается, что въ эту самую минуту возникаетъ предъ нами третій врагъ, — православное, которое громкими возгласами требуетъ хлѣба, говядины, сухарей, сѣна, овса, — и мало ли чего еще! Магазины пусты, дороги непроходимы. Православное начинаетъ грабить, и грабежъ доходитъ до такой степени, о которой послѣдняя кампанія не могла вамъ дать ни малѣйшаго понятія. Половина полковъ образуютъ вольные команды, которые обходятъ страну и все предаютъ мечу и пламени. Жители раззорены совершенно, больницы завалены больными, и вездѣ голодъ. Два раза мародеры нападали даже на главную квартиру, и главнокомандующій принужденъ былъ взять батальонъ солдатъ, чтобы прогнать ихъ. Въ одно изъ этихъ нападеній у меня унесли мой цустой чемоданъ и халатъ. Государь хочетъ дать право всѣмъ начальникамъ дивизій

разстрѣливать мародеровъ, но я оче^{тъ} кровати. Они погрозили заставило одну половину войска разстрѣлъ свѣтѣ полога, какъ

Князь Андрей сначала читалъ одиннадцатъ Андрей первоначально занимать его. Дочитавъ до этого письма, онъ смягъялся и бросилъ его. Не то, что онъ прочелъ въ письме, сердило его, но его сердило то, что эта тамошняя, чуждая для него жизнь могла волновать его. Онъ закрылъ глаза, потеръ себѣ лобъ рукою, какъ будто изгоняя всякое участіе къ тому, что онъ читалъ, и прислушался къ тому, что дѣжалось въ дѣтской. Вдругъ ему показался за дверью какой-то странный звукъ. На него нашелъ страхъ; онъ боялся, не случилось ли чего съ ребенкомъ въ то время, какъ онъ читалъ письмо. Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери дѣтской и отворилъ ее.

Въ ту минуту, какъ онъ входилъ, онъ увидалъ, что нянѣка съ испуганнымъ видомъ спрятала что-то отъ него, и что княжны Марьи уже не было у кроватки.

— Мой другъ, послышался ему сзади отчаянный, какъ ему показалось, шепотъ княжны Марьи. Какъ это часто бываетъ послѣ долгой бессонницы и долгаго волненія, на него нашелъ безпричинный страхъ: ему пришло въ голову, что ребенокъ умеръ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, казалось ему подтвержденіемъ его страха.

„Все кончено“, подумалъ онъ, и холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ растерянно подошелъ къ кроваткѣ, уверенный, что онъ найдетъ ее пустою, что нянѣка прятала мертваго ребенка. Онъ раскрылъ занавѣски, и долго его испуганные разбѣгавшіеся глаза не могли отыскать ребенка.

рехода рѣку, на которой нѣть бродовъ, мы сжигаемъ мостъ, съ цѣлью отдалить отъ себя нашего врага, который въ настоящее время не Бонапартъ, но Буксгевденъ. Генералъ Буксгевденъ чуть-чуть не былъ атакованъ и взять превосходными непріятельскими силами, вслѣдствіе одного изъ такихъ маневровъ, спасавшихъ насъ отъ него. Буксгевденъ насъ преслѣдуєтъ — мы бѣжимъ. Только что онъ перейдетъ на одну сторону рѣки, мы переходимъ опять на другую. Наконецъ врагъ нашъ Буксгевденъ ловитъ насъ и атакуетъ. Оба генерала сердятся, и дѣло доходитъ до вызова на дуэль со стороны Буксгевдена и до энциклическаго припадка у Бенигсена. Но по счастью, въ самую критическую минуту курьеръ, который возилъ въ Петербургъ извѣстіе о Шултуской побѣдѣ, возвращается и привозитъ намъ назначеніе главнокомандующаго, и первый врагъ — Буксгевденъ побѣженъ. Мы теперь можемъ думать о второмъ врагѣ — Бонапарте. Но оказывается, что въ эту самую минуту возникаетъ предъ нами третій врагъ, — православное, которое громкими возгласами требуетъ хлѣба, говядины, сухарей, сѣна, овса, — и мало ли чего еще! Магазины пусты, дороги непроходимы. Православное начинаетъ грабить, и грабежъ доходитъ до такой степени, о которой послѣдняя кампанія не могла вамъ дать ни малѣйшаго понятія. Половина полковъ образуютъ вольные команды, которые обходятъ страну и все предаютъ мечу и пламени. Жители раззорены совершенно, больницы завалены больными, и вездѣ голодъ. Два раза мародеры нападали даже на главную квартиру, и главнокомандующій принужденъ былъ взять батальонъ солдатъ, чтобы прогнать ихъ. Въ одно изъ этихъ нападеній у меня унесли мой пустой чемоданъ и халатъ. Государь хочетъ дать право всемъ начальникамъ дивизій

разстрѣливать мародеровъ, но я оче^{рь} кровати! Они погрозили заставило одну половину войска разстрѣлъ свѣтѣ полога, какъ

Князь Андрей сначала читалъ одними гла^{зами} въ которомъ они невольно то, что онъ читалъ (несмотря на то, чѣмъ Андрей первыи сколько должно было вѣрить Билибину) болѣе кроватки. начинало занимать его. Дочитавъ до этого мѣста, онъ смѣль письмо и бросилъ его. Не то, что онъ прочелъ въ письмѣ, сердило его, но его сердило то, что эта тамошняя, чуждая для него жизнь могла волновать его. Онъ закрылъ глаза, потеръ себѣ лобъ рукою, какъ будто изгоняя всякое участіе къ тому, что онъ читалъ, и прислушался къ тому, что дѣгалось въ дѣтской. Вдругъ ему показался за дверью какой-то странный звукъ. На него нашелъ страхъ; онъ боялся, не случилось ли чего съ ребенкомъ въ то время, какъ онъ читалъ письмо. Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери дѣтской и отворилъ ее.

Въ ту минуту, какъ онъ входилъ, онъ увидалъ, что нянѣка съ испуганнымъ видомъ спрятала что-то отъ него, и что княжны Марыи уже не было у кроватки.

— Мой другъ, послышался ему сзади отчаянныи, какъ ему показалось, шепотъ княжны Марыи. Какъ это часто бываетъ послѣ долгой безсонницы и долгаго волненія, на него нашелъ безпричинный страхъ: ему пришло въ голову, что ребенокъ умеръ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, казалось ему подтвержденіемъ его страха.

„Все кончено“, подумалъ онъ, и холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ растерянно подошелъ къ кроваткѣ, уверенный, что онъ найдетъ ее пустою, что нянѣка прятала мертваго ребенка. Онъ раскрылъ занавѣски, и долго его испуганные разбѣгавшіеся глаза не могли отыскать ребенка.

реходя рѣку, на которой: румяный мальчикъ, раскидавшись цѣлью отдалити рекъ кроватки, спустивъ голову ниже стоящее время въ чюкаль, перебирая губками, и ровно Буксгевденъ сходными ^{такъ} Андрей обрадовался, увидавъ мальчика, такъ какъ будто бы онъ уже потерялъ его. Онъ нагнулся и, какъ учила его сестра, губами попробовать, есть ли жаръ у ребенка. Нѣжный лобъ былъ влаженъ, онъ дотронулся рукой до головы, — даже волосы были мокры: такъ сильно вспотѣлъ ребенокъ. Не только онъ не умеръ, но теперь очевидно было, что кризисъ совершился, и что онъ выздоровѣлъ. Князю Андрею хотѣлось схватить, смять, прижать къ своей груди это маленькое, безпомощное существо; онъ не смѣлъ этого сдѣлать. Онъ стоялъ надъ пимъ, оглядывая его голову, ручки, ножки, опредѣлявшіяся подъ одѣяніемъ. Шорохъ послышался подлѣ него, и какая-то тѣнь показалась ему подъ пологомъ кроватки. Онъ не оглядывался и, все глядя въ лицо ребенка, слушалъ его ровное дыханье. Темная тѣнь была княжна Марья, которая неслышимыми шагами подошла къ кроваткѣ, подняла пологъ и опустила его за собою. Князь Андрей, не оглядываясь, узналъ ее и протянулъ къ ней руку. Она сжала его руку.

— Онъ вспотѣлъ, сказалъ князь Андрей.

— Я шла къ тебѣ, чтобы сказать это!

Ребенокъ во снѣ чуть пошевелился, улыбнулся и потерся лбомъ о подушку.

Князь Андрей посмотрѣлъ на сестру. Лучистые глаза княжны Марыи, въ матовомъ полуслѣдѣ полога, блестѣли болѣе обыкновеннаго отъ счастливыхъ слезъ, которыя стояли въ нихъ. Княжна Марья потянулась къ брату и поцѣловала

его, слегка зацѣпивъ за пологъ кровати. Они погрозили другъ другу; еще постояли въ матовомъ свѣтѣ полога, какъ бы не желая разстаться съ этимъ міромъ, въ которомъ они втroeимъ были отдѣлены отъ всего свѣта. Князь Андрей первый, путая волосы о кисею полога, отошелъ отъ кроватки.
„Да это одно, чтò осталось мнѣ теперь“, сказалъ онъ со вздохомъ.

X.

Вскорѣ послѣ своего пріема въ братство масоновъ, Пьеръ съ полнымъ написаннымъ имъ для себя руководствомъ о томъ, что онъ долженъ быть дѣлать въ своихъ имѣніяхъ, уѣхалъ въ Киевскую губернію, гдѣ находилась большая часть его крестьянъ.

Пріѣхавъ въ Киевъ, Пьеръ вызвалъ въ главную контору всѣхъ управляющихъ и объяснилъ имъ свои намѣренія и желанія. Онъ сказалъ имъ, что немедленно будутъ приняты мѣры для совершенного освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, что до тѣхъ поръ крестьяне не должны быть отыгчаемы работой, что женщины съ дѣтьми не должны посыльаться на работы, что крестьянамъ должна быть оказана помощь, что наказанія должны быть употребляемыувѣщательныя, а не тѣлесныя, что въ каждои имѣніи должны быть учреждены больницы, пріюты и школы. Нѣкоторые управляющіе (тутъ были и полуграмотные экопомы) слушали испуганно, предполагая смыслъ рѣчи въ томъ, что молодой графъ недоволенъ ихъ управлениемъ и утайкой денегъ; другіе, послѣ первого страха, находили забавнымъ шепелявенье Пьера и новыя, неслыханныя ими слова; третыи находили просто удовольствіе послушать, какъ говорить баринъ; четвертые, самые

умные, въ томъ числѣ и главноуправляющій, поняли изъ этой рѣчи то, какимъ образомъ надо обходиться съ бариномъ для достиженія своихъ цѣлей..

Главноуправляющій выразилъ большое сочувствіе имѣніямъ Пьера; по замѣтилъ, что кромѣ этихъ преобразованій, необходимо было вообще заняться дѣлами, которыхъ были въ дурномъ состояніи.

Несмотря на огромное богатство графа Безухова, съ тѣхъ поръ, какъ Пьеръ получилъ єго и получалъ, какъ говорили, 500 тысячъ годового дохода, онъ чувствовалъ себя гораздо менѣе богатымъ, чѣмъ когда онъ получалъ свои 10 тысячъ отъ покойнаго графа. Въ общихъ чертахъ онъ смутно чувствовалъ слѣдующій бюджетъ. Въ Совѣтъ платилось около 80-ти тысячъ, по всемъ имѣніямъ; около 30-ти тысячъ стоило содержаніе подмосковной, московскаго дома и княжень; около 15 тысячъ выходило на пенсіи, столько же на богоугодныя заведенія; графинѣ на прожитье посыпалось 150 тысячъ; процентовъ платилось за долги около 70-ти тысячъ; постройка начатой церкви стоила эти два года около 10-ти тысячъ; остальное около 100 тысячъ расходилось — онъ самъ не зналъ какъ, и почти каждый годъ онъ при нужденъ быть занимать. Кроиѣ того каждый годъ главноуправляющій писалъ то о пожарахъ, то о неурожаяхъ, то о цеобходимости перестроекъ фабрикъ и заводовъ. Итакъ, первое дѣло, представившееся Пьеру, было то, къ которому онъ менѣе всего имѣлъ способности и склонности, — занятіе дѣлами.

Пьеръ съ главноуправляющимъ каждый день занимался. Но онъ чувствовалъ, что занятія его ни на шагъ не подвигали дѣла. Онъ чувствовалъ, что его занятія происходятъ

независимо отъ дѣла, что они не цѣляютъ за дѣло и не заставляютъ его двигаться. Съ одной стороны главноуправляющій выставлялъ дѣла въ самомъ дурномъ свѣтѣ, показывая Пьеру необходимость уплачивать долги и предпринимать новые работы силами крѣпостныхъ мужиковъ, на что Пьеръ не соглашался; съ другой стороны, Пьеръ требовалъ приступленія къ дѣлу освобожденія, на что управляющій выставлялъ необходимость прежде уплатить долгъ Опекунскому Совѣту, и потому невозможность быстраго исполненія.

Управляющій не говорилъ, что это совершенно невозможно: онъ предлагалъ для достиженія этой цѣли продажу лѣсовъ Костромской губерніи, продажу земель низовыхъ и Крымскаго имѣнья. Но всѣ эти операциіи въ рѣчахъ управляющаго связывались съ такою сложностью процессовъ, снятія запрещеній, истребованій разрѣшеній и т. п., что Пьеръ терялся и только говорилъ ему: „Да, да, такъ и сдѣлайте“.

Пьеръ не имѣлъ той практической цѣпкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дѣло, и потому онъ не любилъ его и только старался притвориться предъ управляющимъ, что онъ занятъ дѣломъ. Управляющій же старался притвориться предъ графомъ, что онъ считаетъ эти занятія весьма полезными для хозяина и для себя стѣнительными.

Въ большомъ городѣ нашлись знакомые; незнакомые поспѣшили познакомиться и радушно привѣтствовали вновь приѣхавшаго богача, самого большаго владѣльца губерніи. Искушенія по отношенію главной слабости Пьера, той, въ которой онъ признался во время пріема въ ложу, тоже были такъ сильны, что Пьеръ не могъ воздержаться отъ нихъ. Опять цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы жизни Пьера проходили

такъ же озабоченно и занято между вечерами, обѣдами, завтраками, балами, не давая ему времени отомниться, какъ и въ Петербургѣ. Вместо новой жизни, которую надѣялся мовести Пьеръ, онъ жилъ все тою же прежнею жизнью, только въ другой обстановкѣ.

Изъ трехъ назначеній масонства Пьеръ сознавалъ, что онъ не исполнялъ того, которое предписывало каждому масону быть образцомъ нравственной жизни, и изъ семи добродѣтелей совершенно не имѣлъ въ себѣ двухъ: доброправія и любви къ смерти. Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что за то онъ исполнялъ другое назначение — исправленія рода человѣческаго, и имѣлъ другія добродѣтели, любовь къ ближнему и въ особенности щедрость.

Весной 1807 года Пьеръ рѣшилсяѣхать назадъ въ Петербургѣ. По дорогѣ назадъ, онъ намѣревался объѣхать всѣ свои имѣнія и лично удостовѣриться въ томъ, что сдѣлано изъ того, чѣмъ предписано, и въ какомъ положеніи находится теперь тотъ народъ, который вѣреинъ ему Богомъ, и который онъ стремился облагодѣтельствовать,

Главноуправляющій, считавшій всѣ затѣи молодаго графа почти безумствомъ, невыгодой для себя, для него, для крестьянъ, — сдѣлалъ уступки. Продолжая дѣло освобожденія представлять невозможнымъ, онъ распорядился для прѣѣзда барина постройкой во всѣхъ имѣніяхъ большихъ зданій школъ, больницъ и приютовъ, вездѣ приготовилъ встрѣчи не пышноторжественные, которымъ онъ зналъ, не понравятся Пьеру, но именно такія религіозно благородственные, съ образами и хлѣбомъ-солю, именно такія, которыхъ, какъ онъ понималъ барина, должны были подействовать на графа и обмануть его.

Южная весна, покойное, быстрое путешествие въ вѣнской кѣдѣскѣ и уединеніе дороги радостно дѣйствовали на Щьера. Имѣнья, въ которыхъ онъ не бывалъ еще, были — одно живописнѣе другаго; народъ вездѣ представлялся благоденствующимъ и трогательно-благодарнымъ за сдѣланныя ему благодѣнія. Вездѣ были встречи, которыхъ хотя и приводили въ смущеніе Щьера, но въ глубинѣ души его вызывали радостное чувство. Въ одномъ мѣстѣ мужики подносили ему хлѣбъ-соль и образъ Петра и Павла, и просили позволенія въ честь его ангела Петра и Павла, въ знакъ любви и благодарности за сдѣланныя имъ благодѣнія, воздвигнуть на свой счетъ новый придель въ церкви. Въ другомъ мѣстѣ его встрѣтили женщины съ грудными дѣтьми, благодаря его за избавленіе отъ тяжелыхъ работъ. Въ третьемъ имѣніи его встречалъ священникъ съ крестомъ, окруженный дѣтьми, которыхъ онъ по милостямъ графа обучалъ грамотѣ и религії. Во всѣхъ имѣніяхъ Щьерь видѣлъ своими глазами по одному плану воадвигавшіяся и воздвигнутыя уже каменные зданія больницъ, школъ, богадѣлень, которыя должны были быть, въ скоромъ времени, открыты. Вездѣ Щьерь видѣлъ отчеты управляющихъ о барщинскихъ работахъ, уменьшенныхъ противъ прежняго, и слышалъ за то трогательныя благодаренія депутатій крестьянъ въ синихъ кафтанахъ.

Щьерь только не зналъ того, что тамъ, где ему подносили хлѣбъ-соль и строили придель Петра и Павла, было торговое село и ярмарка въ Петровъ день, что придель уже строился давно богачами-мужиками села, тѣми, которые явились къ нему, а что девять десятыхъ мужиковъ этого села были въ величайшемъ раззореніи. Онъ не зналъ, что вслѣдствіе того, что перестали по его приказу посыпать ребятници-

женщинъ съ грудными дѣтьми на барщину, эти самые ребятницы тѣмъ труднѣйшую работу несли на своей половинѣ. Онъ не зналъ, что священникъ, встрѣтившій его съ крестомъ, отягощалъ мужиковъ своими поборами, и что собранные къ нему ученики со слезами были отдаваемы ему и за большия деньги были откупаемы родителями. Онъ не зналъ, что каменные, по плану, зданія воздвигались своими рабочими и увеличили барщину крестьянъ, уменьшенную только на бумагѣ. Онъ не зналъ, что тамъ, где управляющій указывалъ ему по книгѣ на уменьшеніе по его волѣ оброка на одну треть, была наполовину прибавлена барщинская повинность. И потому Пьеръ былъ восхищенъ своимъ путешествіемъ по имѣніямъ, и вполнѣ возвратился къ тому филантропическому настроенію, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Петербурга, и писалъ восторженныя письма своему наставнику-брату, какъ онъ называлъ великаго мастера.

— „Какъ легко, какъ мало усилия нужно, чтобы сдѣлать такъ много добра, думалъ Пьеръ, и какъ мало мы обѣ этомъ заботимся!“

Онъ счастливъ былъ выказываемою ему благодарностью, но стыдился, принимая ее. Эта благодарность напоминала ему, насколько онъ еще больше бы былъ въ состояніи сдѣлать для этихъ простыхъ, добрыхъ людей...

Главноуправляющій, весьма глупый и хитрый человѣкъ, совершенно понимая умнаго и наивнаго графа, и играя имъ, какъ игрушкой, увидавъ дѣйствіе, произведенное на Пьера приготовленными пріемами, рѣшительнѣе обратился къ нему съ доводами о невозможности и, главное, ненужности освобожденія крестьянъ, которые и безъ того были совершенно счастливы.

Пьеръ въ тайнѣ своей души соглашался съ управляющиимъ въ томъ, что трудно было представить себѣ людей, болѣе счастливыхъ, и что Богъ знаетъ, что ожидало ихъ на волѣ; но Пьеръ, хотя и неохотно, настаивалъ на томъ, что онъ считалъ справедливымъ. Управляющій обѣщалъ употребить всѣ силы для исполненія воли графа, ясно понимая, что графъ никогда не будетъ въ состояніи повѣрить его не только въ томъ, употреблены ли всѣ мѣры для продажи лѣсовъ и имѣній для выкупа изъ Совѣта, но и никогда вѣроятно не спросить и не узнать о томъ, какъ построенные зданія стоять пустыми и крестьяне продолжаютъ давать работой и деньгами все то, что они даютъ у другихъ, т. е. все, что они могутъ давать.

XI.

Въ самомъ счастливомъ состояніи духа, возвращаясь изъ своего южнаго путешествія, Пьеръ исполнилъ свое давнишнее намѣреніе заѣхать къ своему другу Болконскому, кото-
рого онъ не видаль два года.

Богучарово лежало въ некрасивой, плоской мѣстности, по-
крытой полями и срубленными и несрубленными еловыми и
березовыми лѣсами. Барскій дворъ находился на концѣ при-
мой, по большой дорогѣ расположенной, деревни, за вновь
вырытымъ, полно-налитымъ прудомъ, съ не обросшими еще
травой берегами; въ серединѣ молодаго лѣса, между кото-
рымъ стояло нѣсколько большихъ сосенъ.

Барскій дворъ состоялъ изъ гуина, надворныхъ построекъ,
конюшень, бани, флигеля и большаго каменнаго дома съ по-
лукруглымъ фронтономъ, который еще строился. Вокругъ
дома былъ разсаженъ молодой садъ. Ограды и ворота были

прочиня и новыя; подъ навѣсомъ стояли двѣ пожарныя трубы и бочка, выкрашенная зеленою краской; дороги были прямыя, мосты были крѣпкіе съ перилами. На всенѣ лежалъ отпечатокъ аккуратности и хозяйственности. Встрѣтившіеся дворовые, на вопросъ гдѣ живетъ князь, указали на небольшой новый флигелекъ, стоявшій у самаго края пруда. Старый дядька князя Андрея, Антонъ, высадивъ Пьеръ изъ коляски, сказалъ, что князь дома, и проводилъ его въ чистую, маленькую прихожую.

Пьеръ поразила скромность маленькаго, хотя и чистенькаго домика послѣ тѣхъ блестящихъ условій, на которыхъ послѣдній разъ онъ видѣлъ своего друга въ Петербургѣ. Онъ поспѣшилъ вошелъ въ пахнущую еще сосной, не отштукатуренную маленькую залу и хотѣлъ идти дальше, но Антонъ на цыпочкахъ пробѣжалъ впередъ и постучался въ дверь.

— Ну, чтѣ тамъ? послышался рѣзкій, непріятный голосъ.
— Гость, отвѣчалъ Антонъ.

— Проси подождать, и послышался отодвинутый стуль. Пьеръ быстрыми шагами подошелъ къ двери и столкнулся лицомъ къ лицу съ выходившимъ къ нему, нахмуреннымъ и постарѣвшимъ княземъ Андреемъ. Пьеръ обнялъ его и, поднявъ очки, поцѣловалъ его въ щеки и близко смотрѣлъ на него.

— Вотъ не ждалъ, очень радъ, сказалъ князь Андрей. Пьеръ ничего не говорилъ; онъ удивленно, не спуская глазъ, смотрѣлъ на своего друга. Его поразила произошедшая перемѣна въ князѣ Андрѣѣ. Слова были ласковы, улыбка была на губахъ и лицѣ князя Андрея, но взглядъ былъ потухшій, мертвый, которому, несмотря на видимое желаніе, князь Андрей не могъ придать радостнаго и веселаго блеска.

Не то что похудѣлъ, неблагоднѣлъ, возмужалъ его другъ; но взглядъ этой и морщика на лбу, выражавшіе долгое сосредоточеніе на чёмъ-то одномъ, поражали и отчуждали Пьеръ, пока онъ не привыкъ къ нимъ.

При свиданіи послѣ долгой разлуки, какъ это всегда бывало, разговоръ долго не могъ установиться; они спрашивали и отвѣчали коротко о такихъ вещахъ, о которыхъ они съявили, что надо было говорить долго! Наконецъ разговоръ сталъ понемногу останавливаться на прежде отрывочно-сказанномъ, на вопросахъ о прошлой жизни, о планахъ на будущее, о путешествіи Пьера, о его занятіяхъ, о войнѣ и т. д. Та сосредоточенность и убѣдительность, которую замѣтилъ Пьеръ во взглядѣ князя Андрея, теперь выражалась еще сильнѣе въ улыбкѣ; съ которой онъ слушалъ Пьера, въ особенности тогда, когда Пьеръ говорилъ съ одушевленіемъ радости о прошедшемъ или будущемъ. Какъ будто князь Андрей и желалъ бы, но не могъ принимать участія въ томъ, что онъ говорилъ. Пьеръ начинай чувствовать, что предъ княземъ Андреемъ восторженность, мечты, надежды на счастіе и на добро неприличны. Ему совсѣмъ было выскazyвать всѣ свои новыя, масонскія мысли, въ особенности подновленный и возбужденный въ немъ его послѣднимъ путешествіемъ. Онъ сдерживалъ себя, боялся быть наивнымъ; вѣдѣть съ тѣмъ онъ неудержимо хотѣлъ поскорѣе показать своему другу, что онъ былъ теперь совсѣмъ другой, лучшій Пьеръ, чѣмъ тотъ, который былъ въ Петербургѣ.

— Я не могу вамъ сказать, какъ много я пережилъ за это время! Я самъ бы не узналъ себя.

— Да, много, много мы измѣнились съ тѣхъ поръ, скажетъ князь Андрей.

— Ну, а вы? спрашивалъ Пьеръ, — какие ваши планы?

— Планы? иронически повторилъ князь Андрей. — Моя планы? повторилъ онъ, какъ бы удивляясь значенію такого слова. — Да вотъ видишь, строюсь, хочу къ будущему году перейхать совсѣмъ...

Пьеръ, молча, пристально вглядывался въ состарившееся лицо Андрея.

— Нѣть, я спрашиваю, сказалъ Пьеръ... но князь Андрей перебилъ его.

— Да что про меня говорить... расскажи же, расскажи про свое путешествіе, про все, что ты тамъ сдѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ?

Пьеръ сталъ рассказывать, о томъ, что онъ сдѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ, стараясь какъ можно болѣе скрыть свое участіе въ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ имъ. Князь Андрей нѣсколько разъ подсказывалъ Пиеру впередъ то, что онъ рассказывалъ, какъ будто все то, что сдѣлалъ Пьеръ, была давно известная исторія, и слушалъ не только не съ интересомъ, но даже какъ будто стыдясь за то, что разсказывалъ Пьеръ.

Пиеру стало неловко и даже тяжело въ обществѣ своего друга. Онъ замолчалъ.

— А вотъ что, душа моя, сказалъ князь Андрей, которому очевидно было тоже тяжело и стыдительно съ гостемъ, — я здѣсь на бивакахъ, и прѣхалъ только посмотреть. Я нынче ёду опять къ сестрѣ. Я тебя познакомлю съ ними. Да ты, кажется, знакомъ, сказалъ онъ, очевидно занимая гостя, съ которымъ онъ не чувствовалъ теперь ничего общаго. Мы поѣдемъ послѣ обѣда. А теперь хочешь посмотреть мою усадьбу? Они вышли и проходили до обѣда, разговаривая о политическихъ новостяхъ и общихъ знакомыхъ, какъ

люди мало близкие другъ къ другу. Съ нѣкоторымъ оживленіемъ и интересомъ князь Андрей говорилъ только объ устраиваемой имъ новой усадьбѣ и постройкѣ, но и тутъ въ серединѣ разговора, на подмосткахъ, когда князь Андрей описывалъ Пьеру будущее расположение дома, онъ вдругъ остановился. — Впрочемъ тутъ нѣть ничего интереснаго, пойдемъ обѣдать и поѣдемъ. За обѣдомъ запечь разговоръ о женитьбѣ Пьера.

— Я очень удивился, когда услышалъ объ этомъ, сказаль князь Андрей.

Пьеръ покраснѣлъ такъ же, какъ онъ краснѣлъ всегда при этомъ, и торопливо сказалъ:

— Я вамъ расскажу когда-нибудь, какъ это все случилось. Но вы знаете, что все это кончено и навсегда.

— Навсегда? сказаль князь Андрей. — Навсегда ничего не бываетъ.

— Но вы знаете, какъ это все кончилось? Слышали про дуэль?

— Да, ты прошелъ и черезъ это?

— Одно, за что я благодарю Бога, это за то, что я не убилъ этого человѣка, сказалъ Пьеръ.

— Отчего же? сказаль князь Андрей. — Убить злую собаку даже очень хорошо.

— Нѣть, убить человѣка нехорошо, несправедливо...

— Отчего же несправедливо? повторилъ князь Андрей; — то, что справедливо и несправедливо — не даво судить людемъ. Люди вѣчно заблуждались и будутъ заблуждаться, и ни въ чемъ больше, какъ въ томъ, что они считаютъ справедливымъ и несправедливымъ.

— Несправедливо то, что есть зло для другаго человѣка;

сказалъ Пьеръ, съ удовольствиемъ чувствуя, что въ первый разъ со времени его прѣизда князь Андрей оживлялся и начиналъ говорить и хотѣль высказать все то, что сдѣлало его такимъ, какимъ онъ былъ теперь.

— А кто тебѣ сказалъ, что такое зло для другого человѣка? спросилъ онъ.

— Зло? зло? сказалъ Пьеръ, — мы всѣ знаемъ, что такое зло для себя.

— Да, мы знаемъ, но то зло, которое я знаю для себя, я не могу сдѣлать другому человѣку, все болѣе и болѣе оживляясь, говорилъ князь Андрей, видимо желая высказать Пьеру свой новый взглядъ на вещи. Онъ говорилъ по-французски. — Я знаю въ жизни только два дѣйствительныхъ несчастія: угрозеніе совѣсти и болѣзнь. И единственное благо есть отсутствіе этихъ двухъ золъ. Жить для себя, избѣгая только этихъ двухъ золъ: вотъ вся моя мудрость теперь.

— А любовь къ ближнему, а самопожертвованіе? заговорилъ Пьеръ. — Нѣть, я съ вами не могу согласиться! Жить только такъ, чтобы не дѣлать зла, чтобы не раскаиваться, этого мало. Я жилъ такъ, и жилъ для себя и погубилъ свою жизнь. И только теперь, когда я живу, по крайней мѣре стараюсь (изъ скромности поизправился Пьеръ) жить для другихъ, только теперь я понялъ все счастіе жизни. Нѣть, я, не соглашусь съ вами, да и вы не думаете того, что вы говорите. Князь Андрей молча глядѣль на Пьера и несмѣшино улыбался.

— Вотъ увидишь сестру, книжну Марью. Съ ней вы сойдетеся, сказалъ онъ. — Можетъ быть, ты правъ для себя, продолжалъ онъ, помолчавъ немножко; но каждый живетъ во своему; ты живь для себя и говоришь, что этимъ чутъ не

погубилъ свою жизнь, а узналъ счастіе только тогдѣ, когда стала жить для другихъ. А я испыталъ противоположное. Я жилъ для славы. (Вѣдь что же слава? та же любовь къ другимъ, желаніе сдѣлать для нихъ что-нибудь, желаніе ихъ похвалы.) Такъ я жилъ для другихъ, и не почти, а совсѣмъ погубилъ свою жизнь. И съ тѣхъ порь стала спокойнѣе, какъ живу для одного себя.

— Да какъ же жить для одного себя? разгорячаясь, спросилъ Пьеръ. — А сынъ, а сестра, а отецъ?

— Да это все тотъ же я, это не другое, сказалъ князь Андрей; — а другое, ближнє, какъ вы съ княжной Марьею называете, это главный источникъ заблужденія и зла. Ближнє это тѣ, твои кievскіе мужики, которымъ ты хочешь сдѣлать добро.

И онъ посмотрѣлъ на Пьера насмѣшило-вызывающимъ взглядомъ. Онъ, видимо, вызывалъ Пьера.

— Вы шутите, все болѣе и болѣе оживляясь, говорилъ Пьеръ. — Какое же можетъ быть заблужденіе и зло въ томъ, что я желалъ (очень мало и дурно исполнилъ), но желалъ сдѣлать добро, да и сдѣлалъ хотя кое-что? Какое же можетъ быть зло, что несчастные люди, наши мужики, люди такие же, какъ и мы, вырастаютъ и умираютъ безъ другаго понятія о Богѣ и правдѣ, какъ обрядъ и безсмысленна молитва, будуть поучаться въ утѣшительныхъ вѣрованіяхъ будущей жизни, возмездія, награды, утѣшенія? Какое же зло и заблужденіе въ томъ, что люди умираютъ отъ болѣзни безъ помощи, когда такъ легко материально помочь имъ, и я имъ дамъ лѣкаря, и больницу, и пріютъ старику? И развѣ не очутительное, не несомнѣнное благо то, что мужикъ, баба съ ребенкомъ не имѣютъ дня и ночи покоя, а я дамъ

— Ну, а вы? спрашивалъ Пьеръ, — какіе ваши планы?

— Планы? иронически повторилъ князь Андрей. — Мои планы? повторилъ онъ, какъ бы удивляясь значенію такого слова. — Да вотъ видишь, строюсь, хочу къ будущему году перѣхать совсѣмъ...

Пьеръ, молча, пристально вглядывался въ состарѣвшееся лицо Андрея.

— Нѣтъ, я спрашиваю, сказалъ Пьеръ... но князь Андрей перебилъ его.

— Да что про меня говорить... расскажи же, расскажи про свое путешествіе, про все, что ты тамъ сдѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ?

Пьеръ сталъ рассказывать, о томъ, что онъ сдѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ, стараясь какъ можно болѣе скрыть свое участіе въ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ имъ. Князь Андрей нѣсколько разъ подсказывалъ Пьеру впередъ то, что онъ рассказывалъ, какъ будто все то, что сдѣлалъ Пьеръ, было давно извѣстная исторія, и слушалъ не только не съ интересомъ, но даже какъ будто стыдясь за то, что разсказывалъ Пьеръ.

Пьеру стало неловко и даже тяжело въ обществѣ своего друга. Онъ замолчалъ.

— Да вотъ что, душа моя, сказалъ князь Андрей, которому очевидно было тоже тяжело и стѣснительно съ гостемъ, — я здѣсь на бивакахъ, и прѣхалъ только посмотрѣть. Я нынче ѿду опять къ сестрѣ. Я тебя познакомлю съ ними. Да ты, кажется, знакомъ, сказалъ онъ, очевидно занимая гостя, съ которымъ онъ не чувствовалъ теперь ничего общаго. Мы пойдемъ послѣ обѣда. А теперъ хочешь посмотретьъ мою усадьбу? Они вышли и проходили до обѣда, разговаривая о политическихъ новостяхъ и общихъ знакомыхъ, какъ

люди мало близкіе другъ къ другу. Съ нѣкоторымъ ожи-
вленіемъ и интересомъ князь Андрей говорилъ только объ
устраиваемой имъ новой усадьбѣ и постройкѣ, но и тутъ
въ серединѣ разговора, на подмосткахъ, когда князь Андрей
описывалъ Пьеру будущее расположение дома, онъ вдругъ
остановился. — Впрочемъ тутъ нѣть ничего интереснаго,
пойдемъ обѣдать и поѣдемъ. За обѣдомъ запечь разговоръ
о женитьбѣ Пьера.

— Я очень удивился, когда услышалъ объ этомъ, сказаль
князь Андрей.

Пьеръ покраснѣлъ такъ же, какъ онъ краснѣлъ всегда при
этомъ, и торопливо сказалъ:

— Я вамъ расскажу когда-нибудь, какъ это все случи-
лось. Но вы знаете, что все это кончено и навсегда.

— Навсегда? сказаль князь Андрей. — Навсегда ничего
не бываетъ.

— Но вы знаете, какъ это все кончилось? Слышали про
дуэль?

— Да, ты прошелъ и черезъ это?

— Одно, за что я благодарю Бога, это за то, что я не
убилъ этого человѣка, сказалъ Пьеръ.

— Отчего же? сказалъ князь Андрей. — Убить злую со-
баку даже очень хорошо.

— Нѣтъ, убить человѣка нехорошо, несправедливо...

— Отчего же несправедливо? повторилъ князь Андрей; —
то, что справедливо и несправедливо — не дано судить лю-
дямъ. Люди вѣчно заблуждались и будутъ заблуждаться, и
мы въ чемъ больше, какъ въ томъ, что они считаютъ спра-
ведливымъ и несправедливымъ.

— Несправедливо то, что есть зло для другого человѣка,

сказалъ Пьеръ, съ удовольствиемъ чувствуя, что въ первый разъ со времени его прѣзда князь Андрей оживился и началъ говорить и хотѣть высказать все то, что сдѣлало его такимъ, какимъ онъ былъ теперь.

— А кто тебѣ сказалъ, что такое зло для другаго человѣка? спросилъ онъ.

— Зло? зло? сказалъ Пьеръ, — мы всѣ знаемъ, что такое зло для себя.

— Да, мы знаемъ, но то зло, которое я знаю для себя, я не могу сдѣлать другому человѣку, все болѣе и болѣе оживляясь, говорилъ князь Андрей, видимо желая высказать Пьеру свой новый взглядъ на вещи. Онъ говорилъ по-французски. — Я знаю въ жизни только два дѣйствительныя несчастія: угрызеніе совѣсти и болѣзнь. И единственное благо есть отсутствіе этихъ двухъ золъ. Жить для себя, избѣгая только этихъ двухъ золъ: вотъ вся моя мудрость теперь.

— А любовь къ ближнему, а самоожертваніе? заговорилъ Пьеръ. — Нѣть, я съ вами не могу согласиться! Жить только такъ, чтобы не дѣлать зла, чтобы не раскаиваться, этого мало. Я живъ такъ, и живъ для себя и погубилъ свою жизнь. И только теперь, когда я живу, по крайней мѣрѣ стараюсь (изъ скромности поизволилъ Пьеръ) жить для другихъ, только теперь я понялъ все счастіе жизни. Нѣть, я, не соглашусь съ вами, да и вы не думаете того, что вы говорите. Князь Андрей молча глядѣлъ на Пьера и насмѣшилово улыбался.

— Вотъ увидишь сестру, книжну Марью. Съ ней вы сойдёtesь, сказалъ онъ. — Можетъ быть, ты правъ для себя, продолжалъ онъ, помолчавъ немножко; но каждый живеть по своему: ты живъ для себя и говоришь, что этими луть не

погубилъ свою жизнь, и узналъ счастіе только тогдѣ, когда сталъ жить для другихъ. А я испыталъ противоположное. Я жилъ для славы. (Вѣдь что же слава? та же любовь къ другимъ, желаніе сдѣлать для нихъ что-нибудь, желаніе ихъ похвали.) Такъ я жилъ для другихъ, и не почти, а совсѣмъ погубилъ свою жизнь. И съ тѣхъ поръ сталъ спокойнѣе, какъ живу для одного себя.

— Да какъ же жить для одного себя? разгорячаясь, спросилъ Пьеръ. — А сынъ, а сестра, а отецъ?

— Да это все тотъ же я, это не другое, сказалъ князь Андрей; — а другое, *ближнє*, какъ вы съ княжной Марьей называете, это главный источникъ заблужденія и зла. Ближнє это тѣ, твои кievскіе мужики, которымъ ты хочешь сдѣлать добро.

И онъ посмотрѣлъ на Пьера *насыпливо-вызывающимъ* взглядомъ. Онъ, видимо, вызывалъ Пьера.

— Вы шутите, все болѣе и болѣе оживляясь, говорилъ Пьеръ. — Какое же можетъ быть заблужденіе и зло въ томъ, что я желалъ (очень мало и дурно исполнилъ), но желалъ сдѣлать добро, да и сдѣлалъ хотя кое-что? Какое же можетъ быть зло, что несчастные люди, наши мужики, люди такіе же, какъ и мы, вырастающіе и умирающіе безъ другаго понятія о Богѣ и правдѣ, какъ обрядъ и безсмысленныя молитва, будуть поучаться въ утѣшительныхъ вѣрованіяхъ будущей жизни, возмездія, награды, утѣшенія? Какое же зло и заблужденіе въ томъ, что люди умираютъ отъ болѣзни безъ помощи, когда такъ легко материально помочь имъ; и я имъ дамъ лѣкаря, и больницу, и пріютъ старику? И развѣ не очутительное, не несомнѣнное благо то, что мужикъ, баба съ ребенкомъ не имѣютъ дня и ночи покоя; а я дамъ

имъ отдыхъ и досугъ?... говорилъ Пьеръ, торопясь и шепелявя. И я это сдѣлалъ, хоть плохо, хоть немнога, но сдѣлалъ кое-что для этого, и вы не только меня не разувѣрите въ томъ, что то, чѣмъ я сдѣлалъ, хорошо, но и не разувѣрите, чтобы вы сами этого не думали. А главное, продолжалъ Пьеръ, — я вотъ чѣмъ знаю и знаю вѣрно, что наслажденіе дѣлать это добро есть единственное вѣрное счастіе жизни.

— Да, ежели такъ поставить вопросъ, то это другое дѣло, сказалъ князь Андрей. — Я строю домъ, развозжу садъ, а ты больницы. И то и другое можетъ служить препровожденіемъ времени. А чѣмъ справедливо, чѣмъ добро — предоставь судить тому, кто все знаетъ, а не намъ. Ну, ты хочешь спорить, прибавилъ онъ, — ну, давай. Они вышли изъ-за стола и сѣли на крыльцо, замѣнявшее балконъ.

— Ну, давай спорить, сказалъ князь Андрей. — Ты говоришь школы, продолжалъ онъ, загибая палецъ, — поученія и такъ далѣе, то-есть ты хочешь вывести его, сказалъ онъ, указывая на мужика, снявшаго шапку и проходившаго мимо ихъ, — изъ его животнаго состоянія и дать ему нравственныхъ потребностей, а мнѣ кажется, что единственное возможное счастье — есть счастье животное, а ты его-то хочешь лишить его. Я завидую ему, а ты хочешь его сдѣлать мню, но не давъ ему моихъ средствъ. Другое, ты говоришь: облегчить его работу. А по моему, трудъ физическій для него есть такая же необходимость, такое же условіе его существованія, какъ для меня и для тебя трудъ умственный. Ты не можешь не думать. Я ложусь спать въ 3-мъ часу, мнѣ приходятъ мысли, и я не могу заснуть, ворочаюсь, не сплю до утра оттого, что я думаю и не могу не думать, какъ онъ

не можетъ не шахать, не косить; иначе онъ пойдетъ въ ка-
бакъ, или сдѣлается боленъ. Какъ я не перенесу его стран-
наго физического труда, а умру черезъ недѣлю, такъ онъ
не перенесеть моей физической праздности, онъ растолстѣтъ
и умретъ. Третье, — что бишь еще ты сказалъ?

Князь Андрей загнула третій палецъ.

— Ахъ, да, больницы, лѣкарства. У него ударъ, онъ уми-
раетъ, а ты пустилъ ему кровь, вылѣчишь. Онъ калѣкой
будеть ходить десять лѣтъ, вѣйти въ таѣсть. Гораздо по-
коинѣй и проще ему умереть. Другіе родатся, и такъ ихъ
много. Ежели бы ты жалѣлъ, что у тебя личній работникъ
пропалъ, — какъ я смотрю на него, а то ты изъ любви же
къ нему его хочешь лѣчить. А ему этого не нужно. Да и
потомъ, что за воображеніе, что медицина кого-нибудь и
когда-нибудь вылѣчивала! Убивать — такъ! сказалъ онъ,
взлобно нахмурившись и отвернувшись отъ Пьера.

Князь Андрей высказывалъ свои мысли такъ ясно и от-
четливо, что, видно было, онъ не разъ думалъ объ этомъ,
и онъ говорилъ охотно и быстро, какъ человѣкъ, долго не
говорившій. Взглядъ его оживлялся тѣмъ больше, чѣмъ без-
надежнѣе были его сужденія.

— Ахъ, это ужасно, ужасно! сказалъ Пьеръ. — Я не по-
нимаютъ только, какъ можно жить съ такими мыслями. На
меня находили такія же минуты, это недавно было въ Мо-
сквѣ и дорогой, но тогда я опускаюсь до такой степени,
что я не живу, все мнѣ гадко... главное, я самъ. Тогда я
неѣмъ, не умываюсь... ну, какъ же вы?...

— Отчего же не умываться, это не чисто, сказалъ князь
Андрей; — напротивъ, надо стараться сдѣлать свою жизнь
какъ можно болѣе пріятною. Я живу, и въ этомъ невино-

вать, стало-быть надо вакъ-нибудь получить, никому не мѣшай, дожить до смерти.

— Но что же вась побуждаетъ жить съ такими мыслями? Будешь сидѣть не двигаясь, ничего не предпринимая...

— Жизнь и такъ не оставляетъ въ покой. Я бы радъ ничего не дѣлать, а вотъ, съ одной стороны, дворянство здѣшнее удостоило меня чести избрания въ предводителя: я насилию отдался. Они не могли понять, что во мнѣ нѣтъ того, что нужно, нѣть этой известной добродушной и озабоченной пощности, которая нужна для этого. Потомъ вотъ этотъ домъ, который надо было построить, чтобы имѣть свой уголъ, гдѣ можно быть спокойнымъ. Теперь ополченіе.

— Отчего вы не служите въ арміи?

— Цосль Аустерлица! мрачно сказалъ князь Андрей. — Нѣть, покорно благодарю, я далъ себѣ слово, что служить въ дѣйствующей русской арміи я не буду. И не буду, ежели бы Бонапарте стоялъ тутъ, у Смоленска, угрожая Лысымъ Горамъ, и тогда бы я не сталъ служить въ русской арміи. — Ну, такъ я тебѣ говорилъ, успокаиваясь продолжалъ князь Андрей. — Теперь ополченіе, отецъ главнокомандующимъ 3-го округа, и единственное средство мнѣ избавиться отъ службы — быть при немъ.

— Стало быть вы служите?

— Служу. Онъ помолчалъ немного.

— Такъ зачѣмъ же вы служите?

— А, вотъ зачѣмъ. Отецъ мой одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего вѣка. Но онъ становится старъ, и онъ не то что жестокъ, но онъ слишкомъ дѣятельнаго характера. Онъ страшенъ своею привычкой къ неограниченной власти, и теперь этою властью, данной государемъ главнокомандую-

щимъ надъ ополченiemъ. Ежели бы я два часа омоздалъ двѣ недѣли тому назадъ, онъ бы повѣсили протоколиста въ Юхновѣ, сказалъ князь Андрей съ улыбкой; — такъ я служу потому, что кромѣ меня никто не имѣеть вліянія на отца, и я кое-гдѣ спасу его отъ постука, отъ котораго бы онъ послѣ мучился.

— А, ну такъ вотъ видите!

— Да, но не такъ, какъ ты думаешьъ, продолжалъ князь Андрей. — Я ни малъшаго добра не желалъ и не желаю этому мерзавцу-протоколисту, который укралъ какіе-то саниги у ополченцевъ; я даже очень былъ бы доволенъ видѣть его повѣщеннымъ; но мнѣ жалко отца, то-есть оштрафовать себя же.

Князь Андрей все болѣе и болѣе оживлялся. Глаза его лихорадочно блестѣли въ то время, какъ онъ старался доказать Пьеру, что никогда въ его поступкѣ не было желания добра ближнему.

— Ну, вотъ ты хочешь освободить крестьянъ, продолжалъ онъ. — Это очень хорошо; но не для тебя (ты я думаю, никого не засѣкалъ и не посыпалъ въ Сибирь) и еще меньше для крестьянъ. Ежели ихъ блють, сѣкнуть, посыпаютъ въ Сибирь, то я думаю, что имъ отъ этого никакъ не хуже. Въ Сибири ведеть онъ ту же свою скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживутъ, и онъ такъ же счастливъ, какъ и былъ прежде. А нужно это для тѣхъ людей, которые гибнутъ пра-
вѣнно, наживаются себѣ раскаяніе, подавливаютъ это рас-
каяніе и грубѣютъ отъ того, что у нихъ есть возможность казнить право и неправо. Вотъ кого мнѣ жалко, и для кого бы я желалъ освободить крестьянъ. Ты можетъ быть не видѣлъ, а я видѣлъ, какъ хорошиe люди, воспитанные въ этихъ преданіяхъ неограниченной власти, съ годами, когда они

дѣлаются раздражительнѣе, дѣлаются жестоки, грубы, знаютъ это, не могутъ удержаться и все дѣлаются несчастнѣе и несчастнѣе.

Князь Андрей говорилъ это съ такимъ увлечениемъ, что Пьеръ невольно подумалъ о томъ, что мысли эти наведены были Андрею его отцомъ. Онъ ничего не отвѣчалъ ему.

— Такъ вотъ кого мнѣ жалко — человѣческаго достоинства, спокойствія совѣсти, чистоты, а не ихъ спинъ и лбовъ, которыхъ сколько ни сѣки, сколько ни брей, все останутся такими же спинами и лбами.

— Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! я никогда не соглашусь съ вами, сказалъ Пьеръ.

XII.

Вечеромъ князь Андрей и Пьеръ сѣли въ коляску и поѣхали въ Лысыя Горы. Князь Андрей, поглядывая на Пьера, прерывалъ изрѣдка молчаніе рѣчами, доказывавшими, что онъ находился въ хорошемъ расположениіи духа.

Онъ говорилъ ему, указывая на поля, о своихъ хохольственныхъ усовершенствованіяхъ.

Пьеръ мрачно молчалъ, отвѣчая однозначно, и казался погруженнымъ въ свои мысли.

Пьеръ думалъ о томъ, что князь Андрей несчастливъ, что онъ заблуждается, что онъ не знаетъ истиннаго свѣта и что Пьеръ долженъ прійти на помощь ему, просвѣтить и поднять его. Но какъ только Пьеръ придумывалъ, какъ и что онъ станетъ говорить, онъ предчувствовалъ, что князь Андрей однимъ словомъ, однимъ аргументомъ уронить все въ его ученьи, и онъ боялся начать, боялся выставить на возможность осмѣянія свою любимую святыню.

— Нѣтъ, отчего же вы думаете, вдругъ началь Пьеръ, опуская голову и принимая видъ бодающагося быка, — отчего вы такъ думаете? Вы не должны такъ думать.

— Про чѣд я думаю? спросилъ князь Андрей съ удивленіемъ.

— Про жизнь, про назначеніе человѣка. Это не можетъ быть. Я такъ же думалъ, и меня спасло, вы знаете чѣд? масонство. Нѣтъ, вы не улыбайтесь. Масонство — это не религіозная, не обрядная секта, какъ и я думалъ, а масонство есть лучшее, единственное выраженіе лучшихъ, вѣчныхъ сторонъ человѣчества. И онъ началъ излагать князю Андрею масонство, какъ онъ понималъ его.

Онъ говорилъ, что масонство есть ученіе христіанства, освободившагося отъ государственныхъ и религіозныхъ оковъ: ученіе равенства, братства и любви.

— Только наше святое братство имѣеть действительный смыслъ въ жизни; все остальное есть сонъ, говорилъ Пьеръ. — Вы поймите, мой другъ, что внѣ этого союза все исполнено лжи и неправды, и я согласенъ съ вами, что умному и добруму человѣку ничего не остается, какъ только, какъ вы, доживать свою жизнь, стараясь только не мѣшать другимъ. Но усвойте себѣ наши основныя убѣжденія, вступите въ наше братство, дайте намъ себя, позвольте руководить собой, и вы сейчасъ почувствуете себя, какъ и я почувствовалъ, частью этой огромной, невидимой цѣпи, которой начало скрывается въ небесахъ, говорилъ Пьеръ.

Князь Андрей, молча, глядя предъ собой, слушалъ рѣчь Пьера. Нѣсколько разъ онъ, не разслышавъ отъ шума коляски, переспрашивалъ у Пьера нераз слышанныя слова. По особенному блеску, загорѣвшемуся въ глазахъ князя Андрея,

и по его молчанию Пьеръ видѣлъ, что слова его не напрасны, что князь Андрей не перебьетъ его и не будетъ смеяться надъ его словами.

Они подъѣхали къ разлившемуся рѣкѣ, которую искать надо было переѣзжать на паромъ. Пока устанавливали коляску и лошадей, они прошли на паромъ.

Князь Андрей, облокотившись о перила, молча смотрѣлъ вдоль по блестящему отъ заходящаго солнца равлину.

— Ну, что же вы думаете объ этомъ? спросилъ Пьеръ. — Что же вы молчите?

— Что я думаю? я слушалъ тебя. Все это такъ, сказаль князь Андрей. — Но ты говоришь: вступи въ наше братство, и мы тебѣ укажемъ цѣль жизни и назначенія человѣка; и законы, управляющіе міромъ. Да кто же мы? — люди? Отчего же вы все знаете? Отчего я одинъ не вижу того, что вы видите? Вы видите на землѣ царство добра и правды, а я его не вижу.

Пьеръ перебилъ его.

— Вѣрите вы въ будущую жизнь? спросилъ онъ.

— Въ будущую жизнь? повторилъ князь Андрей, но Пьеръ не далъ ему времени отвѣтить и принялъ это повтореніе за отрицаніе, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ прежнія атеистическая убѣжденія князя Андрея.

— Вы говорите, что не можете видѣть царства добра и правды на землѣ. И я не видаль его, и его нельзя видѣть, ежели смотрѣть на нашу жизнь какъ на конецъ всего. На землѣ, именно на этой землѣ (Пьеръ указалъ въ поле), нѣть правды — все ложь и зло; но въ мірѣ, во всемъ мірѣ есть царство правды, и мы теперь дѣти земли, а вѣчно дѣти всего міра. Развѣ я не чувствую въ своей душѣ, что я со-

ставляю часть этого огромнаго, гармонического цѣлаго? Развѣ я не чувствую, что я въ этомъ огромномъ безчисленномъ количествѣ существъ, въ которыхъ проявляется Божество, высшая сила, — какъ хотите, — что я составляю одно звено, одну ступень отъ низшихъ существъ къ высшимъ? Ежели я вижу, ясно вижу эту лѣстницу, которая ведеть отъ растенія къ человѣку, то отчего же я предположу, что эта лѣстница прерывается со мною, а не ведеть дальше и дальше? Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, какъ ничто не исчезаетъ въ мірѣ, но что я всегда буду и всегда быль. Я чувствую, что кромѣ меня надо мнай живутъ духи, и что въ этомъ мірѣ есть правда.

— Да, это ученіе Гердера, сказалъ князь Андрей, — но не то, душа моя, убѣдить меня, а жизнь и смерть, вотъ что убѣждаетъ. Убѣждаетъ то, что видишь дорогое тебѣ существо, которое связано съ тобой, предъ которымъ ты быль виноватъ и надѣлся оправдаться (князь Андрей дрогнулъ голосомъ и отвернулся), и вдругъ это существо страдаетъ, мучается и перестаетъ быть... Зачѣмъ? не можетъ быть, чтобы не было отвѣта! И я вѣрю, что онъ есть... Вотъ что убѣждаетъ, вотъ что убѣдило меня, сказалъ князь Андрей.

— Ну да, ну да, говорилъ Пьеръ, — развѣ не то же самое и я говорю!

— Нѣтъ. Я говорю только, что убѣждаютъ въ необходимости будущей жизни не доводы, а то, когда идеи въ жизни рука объ руку съ человѣкомъ, и вдругъ человѣкъ этотъ исчезнетъ *тамъ въ майдѣ*, и ты самъ останавливаешься предъ этой пропастью и заглядываешь туда. И я заглянулъ...

— Ну, такъ что жъ! Вы знаете, что есть *тамъ* и что

есть *кто-то*? Тамъ есть — будущая жизнь... Кто-то есть — Богъ...

Князь Андрей не отвѣтъ. Колыска и ломади уже давно были выведены на другой берегъ и уже заложены, и ужъ солнце скрылось до половины, и вечерній морозъ покрывалъ звѣздами лужи у перевоза, а Іуерь и Андрей, въ удивленію ласеясь, кучеровъ и перевозчиковъ, еще стояли на шаромъ и говорили:

— Ежели есть Богъ и есть будущая жизнь, то есть истина, есть добротель; и высшее счастье человѣка состоять въ томъ, чтобы стремиться къ достижению ихъ. Надо жить, надо любить, надо вѣрить, говорилъ Іуерь, — что живемъ не пынче только на этомъ клочкѣ земли, а жили и будемъ жить вѣчно тамъ во всемъ (онъ указалъ на небо). Князь Андрей стоялъ, облокотившись на перила парома и слушая Іуера, не спуская глазъ, смотрѣть на красный отблескъ солнца по синѣющему разливу. Іуерь замолкъ. Было совершенно тихо. Паромъ давно присталъ, и только волны теченья съ слабымъ звукомъ ударались о дно парома. Князю Андрею казалось, что это полосканье волъ къ словамъ Іуера приговаривало: „правда, вѣрь этому“.

Князь Андрей вздохнулъ, и лучистымъ, дѣтскимъ, иѣжнымъ взглѣдомъ взглянула въ раскраснѣвшееся, восторженное, но все робкое предъ первенствующимъ другомъ, лицо Іуера.

— Да, коли бы это такъ было! сказалъ онъ: — Однако пойдемъ садиться, прибавилъ князь Андрей, и выходи съ парома, онъ поглядѣлъ на небо, на которое указывалъ ему Іуерь, и въ первый разъ, послѣ Аустерлица, онъ увидѣлъ то высокое, вѣчное небо, которое онъ видѣлъ, лежа на Аустер-

лицомъ поймъ, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было въ немъ, вдругъ радостно и молодо проснулось въ его душѣ. Чувство это исчезло, какъ скоро вязь Андрей вступилъ опять въ привычныя условія жизни, но онъ зналъ, что это чувство, которое синъ не умѣлъ развить, жило въ немъ. Свиданіе съ Ільеромъ было для князя Андрея эпохой, съ которой началась хотя во вѣнчаности и та же самая, что во внутреннемъ мірѣ его новая жизнь.

— Продолжите, Красногорецъ, — сказалъ князь.

XIII. Красногорецъ. Князь Евгений

Уже смерклось, когда князь Андрей и Ільеръ подъехали къ главному подъѣзду Лысогорского дома. Въ то время какъ они подъѣзжали, князь Андрей съ улыбкой обратилъ внимание Ільера на суматоху, проносящую у задняго крыльца. Согнутая старушка съ котомкой на спинѣ, и нѣвѣрокѣй мущина въ черномъ одѣяніи и съ длинными волосами, увидавъ выѣзжавшую коляску, бросились бѣжать назадъ въ ворота. Две женщины выбѣжали за ними, и всѣ четверо, оглядываясь на коляску, испуганно вѣжали на заднее крыльцо.

— Это Машинъ Божыи люди, сказала князь Андрей. — Они принесли насть за отца. А это единственно, въ чемъ она не винуется ему: онъ велитъ гонять этихъ странникій, а она принимаетъ ихъ.

— Да что такое Божыи люди? спросилъ Ільеръ.

Князь Андрей не успѣлъ отвѣтить ему. Слуги вспили павстрѣчу, и онъ разспрашивалъ о томъ, где былъ старый князь и скоро ли ждутъ его.

Старый князь былъ еще въ городѣ, и его ждали. Каждую минуту.

Князь Андрей провелъ Пьера на свою половину, всегда въ полной исправности ожидавшую его въ домѣ его отца, и самъ пошелъ въ дѣтскую.

— Пойдемъ къ сестрѣ, сказаъ князь Андрей, возвратившись къ Пьеру; — я еще не видалъ ея, она теперь иначе сидитъ съ своими Божиими людьми. По дѣламъ ей, она сконфузится, а ты увидишь Божихъ людей. Это интересно, право.

— Чѣмъ такое Божи люди? спросилъ Пьеръ.

— А вотъ увидишь.

Княжна Марья дѣйствительно сконфузилась и покраснѣла пятнами, когда вошли къ ней. Въ ея уютной комнатѣ съ лампадами предъ кіотами, на диванѣ, за самоваромъ, сидѣлъ рядомъ съ ней молодой мальчикъ съ длиннымъ носомъ и длинными волосами, и въ монашеской рясѣ.

На креслѣ, подлѣ, сидѣла сморщенная, худая старушка съ кроткимъ выраженіемъ дѣтскаго лица.

— Андрюша, зачѣмъ ты не предупредилъ меня? сказала она съ кроткимъ упрекомъ, становясь предъ своими странниками, какъ насѣдка предъ цыплятами.

— Очень рада вѣдѣть, очень рада, сказала она Пьеру, въ то время, какъ онъ цѣловалъ ея руку. Она знала его ребенкомъ, и теперь дружба его съ Андреемъ, чего несчастіе съ женою, а главное, его доброе, простое лицо расположили ее къ нему. Она смотрѣла на него своими прекрасными, лучистыми глазами и, казалось, говорила: «я вѣдѣсь очень люблю, но, пожалуйста, не смѣйтесь надъ моими». Обмынявшись первыми фразами привѣтствія, они сѣли.

— А, и Иванушка тутъ, сказалъ князь Андрей, увѣшивая улыбкой на молодаго странника.

— Андрюша! умоляюще сказала княжна Марья.

— Ты знаешь, это женщина, сказать Андрей Ньеру, по-французски.

— Андрюша, ради Бога, повторила княжна Марья.

Видно было, что насмѣшливое отношеніе князя Андрея къ странникамъ и бесполезное заступничество за нихъ книжны Марыи были привычныя, установившіяся между ними отношенія.

— Но, мой добрый другъ, сказалъ князь Андрей. — ты бы должна была мнѣ быть благодарна за то, что я объясняю Ньеру твою интимность съ этимъ молодымъ членомъ.

— Право? сказалъ Нерь, любопытно и серьезно (за что особенно ему благодарна была княжна Марья) глядываясь черезъ очки въ лицо Иванушки, который, понявъ, что рѣчь шла о немъ, хитрыми глазами оглядывалъ всѣхъ.

Княжна Марья совершенно напрасно смущилась за своихъ. Они никакъ не робѣли. Старушка, опустивъ глаза, но искоса поглядывая на вошедшихъ, спрокинувъ чашку вверхъ дномъ на блюдечко и положивъ подлѣ обкусанный кусочекъ сахара, спокойно и неподвижно сидѣла на своемъ креслѣ, ожидая, чтобъ ей предложили еще чаю. Иванушка, попивалъ изъ блюдечка, изъ подлобья лукавыми женскими глазами смотрѣлъ на молодыхъ людей.

— Гдѣ, въ Киевѣ была? спросилъ старуху князь Андрей.

— Была, отецъ, отвѣчала словоохотливая старуха; — на самое Рождество удостоилась у угодниковъ сообщиться святыхъ небесныхъ тайнъ. А теперь изъ Колязина; отецъ, благодать великая открылась.

— Чѣмъ же, Иванушка, съ тобой?

— Я самъ по себѣ иду, корытленецъ; стараюсь говорить

басомъ, сказалъ Иванушка. — Только въ Юхновѣ съ Пелагеюшкой сошлись...

Пелагеюшка перебила своего товарища, ей видно хотѣлось разсказать то, что она видѣла.

— Въ Колязинѣ, отецъ, великая благодать открылась.

— Что жъ, мощи новыя? спросилъ князь Андрей.

— Ничто, Андрей, сказала княжна Марья. — Не рассказывай, Пелагеюшка.

— Ну... что ты, мать, отчего не рассказывать? Я его люблю. Онъ добрый, Богомъ взысканный, онъ мнѣ благодѣтель, 10 рублей дасть, а пожмю. Какъ была я въ Киевѣ, и говорить мнѣ Кириюща юродивый — истинно Божій чудотворецъ, зиму и лѣто босой ходитъ. Что ходишь, говорить, не по своему мѣсту, въ Колязинѣ иди, тамъ икона чудотворная, матушка пресвятая Богородица, открылась. Я съ тѣхъ словъ простилась съ угодниками и пошла...

Всѣ молчали, одна страпница говорила мѣрымъ голосомъ, втягивая въ себя воздухъ.

— Пришла, отецъ мой, мнѣ народъ и говорить: благодать великая открылась, у матушки пресвятой Богородицы муро изъ щеки каплеть...

— Ну, хорошо, хорошо, послѣ разскажешь, краснѣя, сказала княжна Марья.

— Позвольте у нея спросить, сказалъ Цѣрь. — Ты сама видѣла? спросилъ онъ.

— Какъ же, отецъ, сама удостоилась. Сіяніе такое! на лице то, какъ свѣтъ небесный, а изъ щечки у матушки такъ и каплеть, такъ и каплеть...

— Да вѣдь это обманъ, наивно сказала Цѣрь, внимательно слушавшій страпницу.

— Ахъ, отецъ, чтò говоришь! съ ужасомъ сказала Нелагеюшка, за защитой обращаясь къ книжнѣй Марыѣ.

— Это обманываютъ народъ, повторилъ онъ.

— Господи Иисусе Христе, крестясь сказала странница.— Охъ, не говори, отецъ. Такъ-то одинъ апаратъ не вѣрилъ, сказалъ: „монахи обманываютъ“, да какъ сказалъ, такъ и ослѣниъ. И приспилось ему, что приходитъ къ нему матушка Печерская и говорить: „увѣрий мнѣ, я тебя исцѣлю“. Вотъ и стала проситься: повези да повези меня къ ней. Это я тебѣ истинную правду говорю, сама видѣла. Привезли его слѣпаго прямо къ ней, подошелъ, упалъ, говоритъ: „исцѣли! отданъ тебѣ, говоритъ, въ чёмъ царь жаловалъ“. Сама видѣла, отецъ, звѣзда въ ней такъ и вдѣланы. Что жъ, — про-зрѣла! Грѣхъ говорить такъ. Богъ накажетъ, поучительно обратилась она къ Щеру.

— Какъ же звѣзда-то въ образѣ очутилась? спросилъ Щеръ.

— Въ генералы и матушку произвели? сказалъ князь Андрей, улыбаясь.

Нелагеюшка вдругъ поблѣдила и всплеснула руками.

— Отецъ, отецъ, грѣхъ тебѣ, у тебя сынъ! заговорила она, изъ блѣдности вдругъ переходя въ яркую красу.

— Отецъ, что ты сказать такое, Богъ тебя накажетъ. Она перекрестилась. — Господи, прости его. Матушка, что жъ это?... обратилась она къ книжнѣй Марыѣ. Она встала и чуть не плакала стала собирать свою сумочку. Ей, видно, было и страшно, и стыдно, что она воспользовалась благодѣяніями въ домѣ, где могли говорить это, и жалко, что надо было теперь лишиться благодѣяній этого дома.

— Ну, что вамъ за охота? сказала книжна Марыя. — Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?...

— Нѣтъ, вѣдь я щучу, Нелагеющка, сказаъ Пьеръ. — Княжна, и право не хотѣть ее обидѣть, и такъ только. Ты не думай, я пошутилъ, говорилъ онъ, робко улыбаясь и желая загладить свою вину. — Вѣдь это я, а онъ такъ, пошутилъ только.

Нелагеющка остановилась недовѣрчиво; но въ лицѣ Пьера была такая искренность раскаянія, и князь Андрей такъ кротко смотрѣлъ то на Нелагеющку, то на Пьера, что она по-немногу успокоилась.

XIV.

Странница успокоилась и, наведенная оинть на разговоръ, долго потомъ рассказывала про отца Амфилохія, который былъ такой святой жизни, что отъ ручки его ладономъ пахло, и о томъ, какъ знакомые ей монахи въ послѣднее ея странствіе въ Кіевъ дали ей ключи отъ пещеръ, и какъ она, взять съ собой сухарики, двое сутокъ провела въ пещерахъ съ угодниками. „Помолюся одному, почитаю, пойду къ другому. Сосну, оинть пойду приложусь; и такая, матушка, тишина, благодать такая, что и на сиѣтъ Вожій выходить не хочется“.

Пьеръ внимательно и сорѣзно слушалъ се. Князь Андрей выпелъ изъ комнаты. И вслѣдъ за нимъ, оставивъ Божьихъ людей дощивать чай, княжна Марья повела Пьера въ гостиную.

— Вы очень добры, сказала она ему.

— Ахъ, я право не думалъ оскорбить ее, я такъ понимаю и высоко цѣню эти чувства.

Княжна Марья молча посмотрѣла на него и нѣжно улыбнулась.

— Вѣдь я васъ давно знаю и люблю какъ брата, сказала

она. — Какъ вы нашли Андрея? спросила она поспѣшино, не давая ему времени сказать что-нибудь въ отвѣтъ на ея ласковыя слова. — Онъ очень беспокоитъ меня. Здоровье его зимой лучше, но прошлую весной рана открылась, и докторъ сказалъ, что онъ долженъ юхать лѣчиться. И нравственно я очень боюсь за него. Онъ не такой характеръ какъ мы, женщины, чтобы выстрадать и выплакать свое горе. Онъ внутри себя носить его. Нынче онъ весель и оживленъ; но это ванъ пріѣздъ такъ подействовалъ на него: онъ рѣдко бываетъ такимъ. Ежели бы вы могли уговорить его поѣхать за границу! Ему нужна дѣятельность, а эта ровная, тихая жизнь губить его. Другое не замѣчають, а я вижу.

Въ десятомъ часу офиціанты бросились къ крыльцу, въ слышавъ бубенчики подъѣзжавшаго экипажа стараго князя. Князь Андрей съ Пьеромъ тоже вышли на крыльцо.

— Это кто? спросилъ старый князь, вылѣзая изъ кареты и увидавъ Пьера.

— А! очень радъ! цѣлуй, сказалъ онъ, узнавъ, кто былъ незнакомый молодой человѣкъ.

Старый князь былъ въ хорошемъ духѣ и обласкалъ Пьера.

Предъ ужиномъ князь Андрей, вернувшись назадъ въ кабинетъ отца, засталъ стараго князя въ горячемъ спорѣ съ Пьеромъ. Пьеръ доказывалъ, что придетъ время, когда не будетъ больше войны. Старый князь, подтрунивая, но не сердясь, оспаривалъ его.

— Кровь изъ жилья выпусти, воды налей, тогда войны не будетъ. Бабы бредни, бабы бредни, проговорилъ онъ, но все-таки ласково потрепалъ Пьера по плечу и подошелъ къ столу, у котораго князь Андрей, видимо не желалъ вступать въ разговоръ, перебиралъ бумаги, привезенные княземъ

изъ города. Старый князь подошелъ къ нему и сталъ говорить о дѣлахъ.

— Предводитель, Ростовъ-графъ, половина людей не доставилъ. Пріѣхалъ въ городъ, вздумалъ на обѣдъ звать, — я ему такой обѣдъ задать... А вотъ просмотри эту... Ну, братъ, обратился князь Николай Андреичъ къ сыну, хлопая по плечу Ільера, — молодецъ твой пріятель, я его полюбиль! Разжигаетъ меня. Другой и умныи рѣчи говорить, а слушать не хочется, а онъ и вреть, да разжигаетъ меня, старика. Ну, идите, идите, сказалъ онъ, — можетъ быть приду, за ужиномъ вашимъ посижу. Опять поспорю. Мою дуру, княжну Марью, полюби, прокричалъ онъ Ільеру изъ двери.

Ільеръ теперь только, въ свой пріѣздъ въ Лысыя Горы, оцѣнилъ всю силу и прелесть своей дружбы съ княземъ Андреемъ. Эта прелесть выразилась не столько въ его отношеніяхъ съ нимъ самимъ, сколько въ отношеніяхъ со всѣми родными и домашними. Ільеръ съ старымъ, суровымъ княземъ и съ кроткою и робкою княжной Марьей, несмотря на то, что онъ ихъ почти не зналъ, чувствовалъ себя сразу старымъ другомъ. Они всѣ уже любили его. Не только княжна Марья, подкупленная его кроткими отношениями къ странницамъ, самымъ лучистымъ взглядомъ смотрѣла на него; но маленький, годовой князь Николай, какъ звалъ дѣдъ, улыбнулся Ільеру и пошелъ къ нему на руки. Михаилъ Иванычъ, и-ле Буренъ съ радостными улыбками смотрѣли на него, когда онъ разговаривалъ съ старымъ княземъ.

Старый князь вышелъ ужинать: это было очевидно для Ільера. Онъ былъ съ нимъ оба дни его пребыванія въ Лысыхъ Горахъ чрезвычайно ласковъ, и желѣть ему пріѣхать къ себѣ.

Когда Царь уѣхалъ и сошлись вмѣстѣ всѣ члены семьи, его стали судить, какъ это всегда бываетъ послѣ отѣзда иного человѣка, и какъ это рѣдко бываетъ, всѣ говорили про него одно хорошее.

XV.

Возвратившись въ этотъ разъ изъ отпуска, Ростовъ въ первый разъ почувствовалъ и узналъ, до какой степени сильна была его связь съ Денисовымъ и со всѣмъ полкомъ.

Когда Ростовъ подѣѣжалъ къ полку, онъ испытывалъ чувство, подобное тому, которое онъ испытывалъ, подѣѣжданіе къ Поварскому дому. Когда онъ увидалъ первого гусара въ разстегнутомъ мундирѣ своего полка, когда онъ узналъ рыжаго Дементьеву, увидалъ коновязи рыжихъ лошадей, когда Лаврушка радостно закричалъ своему барину: „Графъ прѣѣхалъ!“ и дохматый Денисовъ, савшій на постели, выѣжалъ изъ землянки, обнялъ его, и офицеры сошлись къ прѣѣзжему, — Ростовъ испытывалъ такое же чувство, какъ когда его обнимала мать, отецъ и сестры, и слезы радости, подступившія ему къ горлу, помѣшили ему говорить. Полкъ былъ тоже домъ, и домъ неизмѣнно милый и дорогой, какъ и домъ родительскій.

Явившись въ полковому командирѣ, получить назначеніе въ прежній эскадронъ, сходивши на дежурство и на фуражировку, войдя во всѣ маленькие интересы полка и иочувствовавъ себя лишеннymъ свободы и закованымъ въ одну узкую немзѣнную рамку, Ростовъ испыталъ то же усно-коееніе, ту же опору и то же сознаніе того, что онъ здѣсь дома, на своемъ мѣстѣ, который онъ чувствовалъ и подъ родительскимъ кровомъ. Не было этой всей безурядицы

вольнаго свѣта, въ которомъ онъ не находилъ себѣ мѣста и опидался въ выборахъ; не было Сони, съ которой надо было или не надо было объясняться. Не было возможностиѣ ходить туда или не ходить туда; не было этихъ 24 часовъ сутокъ, которые столькими различными способами можно было употребить; не было этого безчисленнаго множества людей, изъ которыхъ никто не былъ ближе, никто не былъ дальше; не было этихъ неясныхъ и неопределѣленныхъ дежныхъ отношеній съ отцомъ, не было напоминанія объ ужасномъ проигрышѣ Долохову! Тутъ въ полку все было ясно и просто. Весь міръ былъ раздѣленъ на два первыя отдѣла: одинъ — нашъ Павлоградскій полкъ, и другой — все остальное. И до этого остатнаго не было никакого дѣла. Въ полку все было известно: кто былъ поручикъ, кто ротмистръ, кто хороший, кто дурной человѣкъ, и главное товарищъ. Маркиантъ вѣрить въ долгъ, жалованье получается въ третью; выдумывать и выбирать исчего, только не дѣлай ничего такого, чтѣ считается дурнымъ въ Павлоградскомъ полку, а тошлютъ, дѣлай то, что ясно и отчетливо, определено и приказано; и все будетъ хорошо.

Вступивъ снова въ эти опредѣленныя условія шилковой жизни, Ростовъ испытать радость и успокоеніе, подобныя тѣмъ, которыи чувствуетъ усталый человѣкъ, ложась па отдыхъ. Тѣмъ отраднѣе была въ эту кампанію эта полковая жизнь Ростову, что онъ, несмотря на всѣ утѣшнія родныхъ, не могъ простить себѣ; рѣшился служить не какъ прежде, а чтобы загладить свою вину, служить хорошо и быть вполнѣ отличнымъ товарищемъ и офицеромъ, т.-е.

прекраснымъ членомъ, чтò представлялось столь трудныи въ миру, а въ полку столь возможнымъ.

Ростовъ со времени своего проигрыша, рѣшилъ, что онъ въ цѣль лѣтъ заплатить этотъ долгъ родителямъ. Ему посыпалось по 10-и тысячъ въ годъ, теперь же онъ рѣшился брать только двѣ, а остальная предоставлать родителямъ для уплаты долга.

Армія наша послѣ неоднократныхъ отступленій, наступленій и сраженій при Шултускѣ, при Шрейсишъ-Эйлау, со-редоточивалась около Бартенштейна. Ожидали пріѣзда го-сударя къ арміи и начала новой кампаніи.

Павлоградскій полкъ, находившійся въ той части арміи, которая была въ походѣ 1805 года, укомплектовывалась въ Россіи; опоздавъ къ первымъ дѣйствіямъ кампаніи. Онъ не былъ ни подъ Шултускомъ, ни подъ Шрейсишъ-Эйлау и во второй половинѣ кампаніи, присоединившись къ дѣйствую-щей арміи, былъ причисленъ къ отряду Платова.

Отрядъ Платова дѣйствовалъ независимо отъ арміи. Нѣ-сколько разъ Павлоградцы были частями въ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ, захватывали плѣнныхъ и однажды отбили даже экипажи маршала Удино. Въ апрѣль мѣсяцѣ Павло-градцы нѣсколько недѣльостояли около разоренной до тла пѣмецкой пустой деревни, не трогаясь съ мѣста.

Была ростопчель, грязь, холода, рѣки взломало, дороги сдѣлялись непроѣздны; по нѣскольку дней не выдавали ни лошадямъ, ни людямъ провіанта. Такъ какъ подвозъ сдѣлялся невозможенъ, то люди разсыпались по заброшеннымъ пустыннымъ деревнямъ отыскивать картофель, но уже и того находили мало.

Все было съедено, и все жители разбрзгались; те которые оставались, были хуже нищихъ, и отнимать у нихъ ужъ было нечего, и даже задожалостные солдаты часто вместо того, чтобы пользоваться отъ нихъ, отдавали имъ свое послѣднее.

Цавлограмадский полкъ въ дѣлахъ потерялъ только двухъ раненыхъ, но отъ голоду и болѣзней потерялъ почти половину людей. Въ госпиталяхъ умирали такъ вѣрно, что солдаты, больные лихорадкой и опухолью, происходившими отъ дурной пищи, предпочитали исти службу, чрезъ силу волоча ноги во фронтѣ, чѣмъ отправляться въ больницу. Съ открытиемъ весны солдаты стали находить показавшееся изъ земли растеніе, похожее на спаржу, которое они называли мочему-то Машкинъ сладкій корень, и разсыпалось по лугамъ и полямъ, отыскивая этотъ Машкинъ сладкій корень (который былъ очень горекъ), саблями выкапывали его и Ѳли, несмотря на приказаніе не есть этого вредного растенія. Весною между солдатами открылась новая болѣзнь, опухоль рука, ночь и лица, причину которой медики полагали въ употребленіи этого корня. Но, несмотря на запрещеніе, Цавлограмадскіе солдаты эскадрона Денисова Ѳли преимущественно Машкинъ сладкій корень, потому что уже вторую медалью растягивали послѣдnie сухари, выдавали только по полфунта на человѣка, а картофель въ послѣднюю посылку привезли мерзлый и проросший.

Лошади питались тоже вторую недѣлю соломенными крышами съ домовъ, были безобразно-худы и покрыты еще зимнею, клоками сбившейся шерстью.

Несмотря на такое бѣдствіе, солдаты и офицеры жили точно такъ же, какъ и всегда; такъ же и теперь, хотя и

съ блѣдными и опуклыми лицами и въ оборванныхъ мундирахъ, гусары строились въ расчетамъ, ходили на уборку, чистили лошадей, амуницію, таскали вмѣсто корма солому съ крыши и ходили обѣдать къ котламъ, отъ которыхъ ветавали голодные, подшучивая надъ своею гадюю пияцей и своимъ тѣломъ. Такъ же, какъ и всегда, въ свободное отъ службы время, солдаты жгли костры, парили голые у огней, курили, отбирали и пекли проросій, прѣбылъ картофель, разказывали и слушали разсказы или о Нотемкинскихъ и Суворовскихъ походахъ, или сказки обѣ Алемѣ пройдокѣ и о поновомъ батракѣ Миколкѣ.

Офицеры такъ же, какъ и обыкновенно, жили по-двое, по-трое, въ раскрытыхъ полуразоренныхъ домахъ. Старшіе заботились о приобрѣтеніи соломы и картофеля, вообще о средствахъ пропитанія людей, младшіе занимались, какъ всегда, што картами (денегъ было много, хотя пропіанта и не было), что невинными играми — въ свайку и городки. Объ общемъ ходѣ дѣлъ говорили мало, частью оттого, что ничего положительного не знали, частью оттого, что емкимъ чувствовали, что общее дѣло войны шло плохо.

Ростовъ жилъ попрежнему съ Денисовымъ, и дружеская связь ихъ со временемъ ихъ отпуска стала еще тѣснѣе. Денисовъ никогда не говорилъ про домашнихъ Ростова, по поѣзжной дружбѣ, которую командиръ оказывалъ своему офицеру, Ростовъ чувствовалъ, что несчастная любовь старого гусара къ Наташѣ участвовала въ этомъ усиленіи дружбы. Денисовъ видимо старался какъ можно рѣже подвергать Ростова опасностямъ, берегъ его и послѣ дѣла особенно радостно встрѣчалъ его цѣльнымъ и непредвидимъ. На одной изъ своихъ командировокъ Ростовъ нашелъ въ заброшенной

разоренной деревни, куда онъ пріѣхалъ за провизиономъ, семейство старика-полка и его дочери съ груднымъ ребенкомъ. Они были раздѣты, голодны и не могли уйти и не имѣли средствъ выѣхать. Ростовъ привезъ ихъ въ свою стоянку, помѣстивъ въ своей квартирѣ, и вѣсколько пѣдѣль, пока старикъ оправился, содержать ихъ. Товарищъ Ростова, разговарившись о женщинахъ, сталъ смеяться Ростову, говоря, что онъ всѣхъ хитрѣе, и что ему бы не грѣхъ не знакомить товарищей съ спасенною имъ королевою польской. Ростовъ принялъ лутку за оскорблѣніе и, вспыхнувъ, наговорилъ офицеру такихъ непріятныхъ вещей, что Денисовъ съ трудомъ могъ удержать обоихъ отъ дуэли. Когда офицеръ ушелъ, и Денисовъ, самъ не знаямѣй етношеній Ростова къ польцѣ, сталъ упрекать его за вспыльчивость, Ростовъ сказалъ ему:

— Какъ же ты хочешь... Она мнѣ, какъ сестра, и я не могу тебѣ описать, какъ это обидно мнѣ было... потому что... ну, оттого...

Денисовъ ударилъ его по плечу, и быстро сталъ ходить по комнатѣ, не глядя на Ростова, чтобъ онъ дѣлывалъ въ минуты душевнаго волненія.

— Экая дурацкая ваша иорода Ростовская, проговорилъ онъ, и Ростовъ замѣтилъ слезы на глазахъ Денисова.

XVI.

Въ апрѣль мѣсяцѣ войска оживились известіемъ о прѣѣздѣ государя къ арміи. Ростову не удалось попасть на смотръ, который дѣлалъ государь въ Бартенштейнѣ: Наклонградцы стояли на аванпостахъ, далеко впереди Бартенштейна.

Они стояли биваками. Денисовъ съ Ростовыми жили въ вырытой для нихъ солдатами землянѣ, покрытой сучьями и дерномъ. Землянка была устроена следующимъ, вошедшимъ тогда въ моду, способомъ: прорывалась канава въ полтора аршина шириной, два — глубины и три съ половиною длины. Съ одного конца канавы дѣлались ступеньки, и это былъ склонъ, крыльцо; сама канава была комната, въ которой у счастливыхъ, какъ у эскадроннаго командира, въ дальней, противоположной ступенямъ сторонѣ лежала на колышахъ доска — это былъ столъ. Съ обѣихъ сторонъ вдоль канавы была снята на аршинъ земля, и это были днѣ кровати и диваны. Крыша устраивалась такъ, что въ серединѣ можно было стоять, а на кровати даже можно было сидѣть, ежели подвинуться ближе къ столу. У Денисова, жившаго роскошно, потому что солдаты его эскадрона любили его, была еще доска въ фронтонѣ крыши, и въ этой доскѣ было разбитое, но склеенное стекло. Когда было очень холодно, то къ ступенямъ (въ приемную, какъ называлъ Денисовъ эту часть баракана), приносили на желѣзномъ загнутомъ листѣ жаръ изъ солдатскихъ бокстровъ, и дѣлалось такъ тепло, что офицеры, которыхъ много всегда бывало у Денисова и Ростова, сидѣли въ однѣхъ рубашкахъ.

Въ апрѣль мѣсяцѣ Ростовъ былъ дежурнымъ. Въ 8-мъ часу утра, вернувшись домой послѣ безсонной ночи, онъ велѣлъ принести жару, перемѣнилъ измокшее отъ дождя бѣлье, помолился Богу, налился чаю, согрѣлся, убралъ въ порядокъ вещи въ свою уголкѣ и на столѣ, и съ обычными, горѣвшими лицомъ, въ одной рубашкѣ легъ на спину, заложивъ руки подъ голову. Онъ пріятно размышлялъ о томъ, что на днѣхъ долженъ выйти ему слѣдующій чинъ за послѣд-

нюю рекогносцировку, и ожидалъ куда-то вышедшаго Денисова. Ростову хотѣлось поговорить съ нимъ.

За шалашомъ послышался перекатывающійся крикъ Денисова, очевидно разгорячившагося. Ростовъ подвинулъся къ окну посмотретьть, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, и увидалъ вахмистра Толчеенко.

— Я тебѣ приказывалъ не пускать ихъ жратъ этотъ корень, Машкинъ какой-то! кричалъ Денисовъ.— Вѣдь я самъ видѣлъ, Лазарчукъ съ поля тащилъ.

— Я приказывалъ, ваше высокоблагородіе, не слушаютъ, отвѣчалъ вахмистръ.

Ростовъ опять легъ на свою кровать и съ удовольствіемъ подумалъ: — „пускай его теперь возится, хлопочеть, я свое дѣло отдалъ и лежу — отлично“! Изъ-за стѣнки онъ слышалъ, что, кроме вахмистра, еще говорилъ Лаврушка, этотъ бойкій, плутоватый лакей Денисова. Лаврушка что-то рассказывалъ о какихъ-то подводахъ, сухарихъ и быкахъ, которыхъ онъ видѣлъ, ѻздивши за провизіей.

За балаганомъ послышался опять удалюющійся крикъ Денисова и слова: „Сѣдлай! Второй взводъ!“

„Куда это собирались?“ подумалъ Ростовъ.

— Черезъ пять минутъ Денисовъ вошелъ въ балаганъ, плѣзъ съ грязными ногами на кровать, сердито выкурилъ трубку, раскидалъ всѣ свои вещи, надѣлъ нагайку и саблю и сталъ выходить изъ землянки. На вопросъ Ростова: куда? онъ сердито и неопределенно отвѣчалъ, что есть дѣло.

— Суди меня тамъ Богъ и великий государь! сказалъ Денисовъ, выходя; и Ростовъ услыхалъ, какъ за балаганомъ заплели по грязи ноги исколыхихъ лошадей. Ростовъ не позабылся даже узнать, куда побѣхъ Денисовъ: Угрѣв-

шись въ своеи углы, онъ заснулъ и предъ вечеромъ только вышелъ изъ барагана. Денисовъ еще не возвращался. Вечеръ разгулялся; около соседней землянки два офицера съ юпкеромъ игралъ въ свайку, со смехомъ засаживая рѣдкыя въ рыхлую грязную землю. Ростовъ присоединился къ нимъ. Въ срединѣ игры офицеры увидали подъѣзжавшія къ нимъ повозки: человѣкъ 15 гусаръ, на худыхъ лошадяхъ, стѣдовали за ними. Повоаки, конвоируемые гусарами, подъѣхали къ коповязямъ, и толпа гусаръ окружила ихъ.

— Ну, вотъ, Денисовъ все тужилъ, сказалъ Ростовъ, — вотъ и провинтъ прибылъ.

— И то! сказали офицеры. — То-то радешеньки солдаты! — Немного позади гусаръ ѿхалъ Денисовъ, сочувствуемый двумя цѣхотными офицерами, съ которыми онъ о чёмъ-то разговаривалъ. Ростовъ пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Я васъ предупреждаю, ротмистръ, говорилъ одинъ изъ офицеровъ, худой, маленький ростомъ и видимо озлобленный.

— Вѣдь сказалъ, что не отдамъ, отвѣчалъ Денисовъ.
— Вы будете отвѣчать, ротмистръ, это буйство, — у своихъ транспорты отбивать! Наши два дня не ѿли.

— А моя двѣ недѣли не ѿли, отвѣчалъ Денисовъ.
— Это разбой, отвѣтите, милостивый государь! возвышая голосъ, повторилъ цѣхотный офицеръ.

— Да вы что ко мнѣ пристали? А? крикнулъ Денисовъ, вдругъ разгорячась, — отвѣчать буду я, а не вы, а вы тутъ не жужжите, пока цѣли. Маршъ! крикнулъ онъ на офицеровъ.

— Хорошо же! не робы и не отвѣжка, — кричалъ маленький офицеръ, — разбойничать, такъ я вамъ...

— Къ черту, маршъ скорымъ шагомъ, пока цѣль. И Денисовъ повернулся лошадь къ офицеру.

нюю рекогносцировку, и ожидалъ куда-то вышедшаго Денисова. Ростову хотѣлось поговорить съ нимъ.

За шалашомъ послышался перекатывающійся крикъ Денисова, очевидно разгорячившагося. Ростовъ подвинулся къ окну посмотреть, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, и увидалъ вахмистра Тончеченко.

— Я тебѣ приказывалъ не пускать ихъ жратъ этотъ корень, Машкинъ какой-то! кричалъ Денисовъ.— Вѣдь я самъ видѣлъ, Лазарчукъ съ поля тащилъ.

— Я приказывалъ, ваше высокоблагородіе, не слушаютъ, отвѣчалъ вахмистръ.

Ростовъ опять легъ на свою кровать и съ удовольствиемъ подумалъ: — „пускай его теперь возится, хлюпочеть, я съре дѣло отѣдалъ и лежу — отлично“! Изъ-за стѣнки онъ слышалъ, что, кроме вахмистра, еще говорилъ Лаврушка, этотъ бойкій, плутоватый лакей Денисова. Лаврушка что-то рассказывалъ о какихъ-то подводахъ, сухаряхъ и быкахъ, которыхъ онъ видѣлъ, юзивши за провизіей.

За балаганомъ послышался опять удаляющійся крикъ Денисова и слова: „Сѣдлай! Второй взводъ!“

„Куда это собрались?“ подумалъ Ростовъ.

— Черезъ пять минутъ Денисовъ вошелъ въ балаганъ, влизъ съ грязными ногами на кровать, сердито выкуривъ трубку, раскидалъ все свои вещи, надѣлъ пагайку и саблю и сталъ выходить изъ землянки. На вопросъ Ростова: куда? онъ сердито и неопределенно отвѣчалъ, что есть дѣло.

— Суди меня тамъ Богъ и великий государь! сказалъ Денисовъ, выходя; и Ростовъ услыхалъ, какъ за балаганомъ заплели по грязи ноги исколькихъ лошадей. Ростовъ не позабылся даже узнать, куда побѣхъ Денисовъ. Уграбив-

шись въ своемъ углѣ, онъ заснулъ и предъ вечеромъ только вышелъ изъ балагана. Денисовъ еще не возвращался. Вечеръ разгулялся; около соседней землянки два офицера съ юнкерами играли въ свайку, со смѣхомъ засаживая рѣдкіи въ рыхлую грязную землю. Ростовъ присоединился къ пимъ. Въ срединѣ игры офицеры увидали подъѣзжавшія къ нимъ повозки: человѣкъ 15 гусаръ, на худыхъ лошадяхъ, следили за ними. Повоаки, конвоируемые гусарами, подъѣхали къ конопляямъ, и толпа гусаръ окружила ихъ.

— Ну, вотъ, Денисовъ все тужилъ, сказалъ Ростовъ, — вотъ и провіантъ прибылъ.

— И то! сказали офицеры. — То-то радешеньки солдаты! — Немного позади гусаръ ѿхалъ Денисовъ, сопутствующий двумъ цѣхотными офицерами, съ которыми онъ о чёмъ-то разговаривалъ. Ростовъ пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Я васъ предупреждаю, ротмистръ, говорилъ одинъ изъ офицеровъ, худой, маленькій ростомъ и видимо озлобленный.

— Вѣдь сказалъ, что не отдамъ, отвѣчалъ Денисовъ.

— Вы будете отдавать, ротмистръ, это бунтъ, — у своихъ транспорты отбивать! Наши два дня не ѿли.

— А мой двѣ недѣли не ѿли, отвѣчалъ Денисовъ.

— Это разбой, отвѣтите, милостивый государь! возвышалъ голосъ, повторилъ цѣхотный офицеръ.

— Да вы что ко мнѣ пристали? А? крикнулъ Денисовъ, вдругъ разгорачась, — отдавать буду я, а не вы, а вы тутъ не жужжите, пока цѣлы. Маршъ! крикнулъ онъ на офицеровъ.

— Хорошо же! не робъя и не отѣзжалъ, — кричалъ маленький офицеръ, — разбойничать, такъ я вамъ...

— Къ черту, маршъ скорымъ шагомъ, пока цѣль. И Денисовъ повернулся лошадь къ офицеру.

— Хорошо, хорошо, проговорилъ офицеръ съ угрозой, и, повернувъ лошадь, поѣхалъ прочь рысью, трясясь на єздѣ.

— Собака на заборѣ, живая собака на заборѣ, сказалъ Денисовъ ему вслѣдъ — высшую насмѣшку кавалериста надъ верховымъ пѣхотнымъ и, подѣѣхавъ къ Ростову, расхохотался.

— Отбилъ у пѣхоты, отбилъ силой транспортъ! сказалъ онъ. — Чѣмъ же, не съ голоду же изыхать людамъ?

Повозки, которыхъ подѣѣхали къ гусарамъ, были назначены въ пѣхотный полкъ, но, изъѣстившись черезъ Лаврушку, что этотъ транспортъ идетъ одинъ; Денисовъ съ гусарами силой отбилъ его. Солдатамъ роздали сухарей въ волю, подѣилились даже съ другими эскадронами.

На другой день полковой командиръ позвалъ къ себѣ Денисова и сказалъ ему, закрывъ раскрытыми пальцами глаза: — я на это смотрю вотъ такъ, я ничего не знаю и дѣла не начну; но совѣтую сѣѣздить въ штабъ и тамъ, въ пріянтскомъ вѣдомствѣ, уладить это дѣло и, если возможно, расчиститься, что получили столько-то пріянту; въ противномъ случаѣ, требование записано на пѣхотный полкъ: дѣло поднимется и можетъ кончиться дурно.

Денисовъ прямо отъ полковаго командира поѣхалъ въ штабъ, съ искреннимъ желаніемъ исполнить его совѣтъ. Вечеромъ онъ возвратился въ свою землянку въ такомъ положеніи, въ которомъ Ростовъ еще никогда не видаль своего друга. Денисовъ не могъ говорить и задыхался. Когда Ростовъ спрашивалъ его, что съ нимъ, онъ только хрипѣлъ и слабымъ голосомъ произносилъ неонятныя ругательства и угрозы.

Испуганный положеніемъ Денисова, Ростовъ предлагалъ ему раздѣлиться, выпить воды и послать за лѣкаремъ.

— Меня за разбой судить — охъ! Дай сице воды, — пускай судять, а буду, всегда буду подлецовъ бить; и государю скажу. Льду дайте, приговариваль онъ:

Пришедшій полковой лѣкарь сказалъ, что необходимо нустить кровь. Глубокая тарелка черной крови выпила изъ мохнатой руки Денисова, и тогда только онъ былъ въ состояніи рассказалъ все, чѣдъ съ нимъ было.

— „Пріѣзжаю“, разсказывалъ Денисовъ. — „Ну, гдѣ у васъ тутъ начальникъ?“ Показали. — „Подождать не угодно ли“. — „У меня служба, я за 30 верстъ пріѣхалъ, мнѣ ждать нѣкогда, доложи“. Хорошо, выходитъ, этотъ оберъ-воръ; тоже вздумалъ учить меня: — „Это разбой!“ — „Разбой, говорю, не тотъ дѣлаешь, кто беретъ провантъ, чтобы корытти своимъ солдатъ, а тотъ, кто беретъ его, чтобы класть въ карманъ!“ — „Такъ не угодно ли молчать“. — Хорошо. — „Распишитесь, говорить, у комиссіонера, а дѣло ваше передастанся по командѣ“. — Прихожу къ комиссіонеру. Вхожу — за столомъ... Кто же?! — Нѣть, ты подумай!... Кто же наскъ голодомъ моритъ, закричалъ Денисовъ, ударяя кулакомъ большой руки по столу — такъ крѣпко, что столъ чуть не упалъ и стаканы поскакали на немъ. — Телянинъ!... — „Какъ, ты наешь съ голоду моришь?!“ Разъ, разъ по мордѣ, ловко такъ пришлось... — „А!... распротакой сякой...“ „и началь катать“. — Зато натѣшился, могу сказать, кричалъ Денисовъ, радостно и злобно изъ-подъ черныхъ усовъ оскаливая свой бѣлые зубы. — Я бы убилъ его, кабы не отняли.

— Да чѣдъ жъ ты кричишь, успокойся, говорилъ Ростовъ: вотъ — опять кровь попила. Постой же, перебинтовать надо.

Денисона перебинтовали и уложили спать. На другой день онъ проснулся веселый и спокойный.

По въ пояdenіи адъютанта полка съ серьезнымъ и нечальнымъ лицомъ пришелъ въ общую землянку Денисова и Ростова и съ прискорбиемъ показалъ форменную бумагу къ маюру Денисову отъ полковаго командира, въ которой дѣлались запросы о вчерашнемъ происшествіи. Адъютантъ сообщилъ, что дѣло должно принять весьма дурной обортъ, что назначена военно-судная комиссія и что, при настоящей строгости касательно мародерства и своевольства войскъ, въ счастливомъ случаѣ дѣло можетъ кончиться разжалованіемъ.

Дѣло представлялось со стороны обиженныхъ въ такомъ видѣ, что, послѣ отбитія транспорта, маюръ Денисовъ, безъ всякаго вызова, въ цыпномъ видѣ, явился къ оберъ-провіант-майстеру, назвалъ его воромъ, угрожалъ побоями, и когда былъ выведенъ воинъ, то бросился въ канцелярію, избивъ двухъ чиновниковъ и одному вывихнувъ руку.

Денисовъ, на новые вопросы Ростова, смѣясь, сказалъ, что, кажется, тутъ точно другой какой-то подвернулся, но что все это вздоръ, пустяки, что онъ и не думаетъ бояться никакихъ судовъ, и что ежели эти цадлецы осмѣятся задрать его, онъ имъ отвѣтить такъ, что они будутъ помнить.

Денисовъ говорилъ пренебрежительно о всемъ этомъ дѣлѣ; по Ростову знать его слишкомъ хорошо, чтобы не замѣтить, что онъ въ душѣ (скрывая это отъ другихъ) боялся суда и мучился этимъ дѣломъ, которое, очевидно, должно было имѣть дурный послѣдствія. Каждый день стали приходить бумаги-запросы, требованія къ суду, и первого мая предписано было Денисову сдать старшему по себѣ эскадронъ и явиться въ штабъ дивизіи для объясненій по дѣлу о буйствѣ въ провіантской комиссіи.. Наканунѣ этого дни Цла-

товъ дѣлалъ рекогносцировку непріятеля съ двумя казачьими полками и двумя эскадронами гусаръ. Денисовъ, какъ всегда, выѣхалъ впередъ цѣли, щеголяя своею храбростью. Одна изъ пуль, выпущенныхъ французскими стрѣлками, попала ему въ мякоть верхней части ноги. Можетъ быть, въ другое время Денисовъ съ такою легкостью раной не уѣхалъ бы отъ полка, но теперь онъ воспользовался этимъ случаемъ, отказался отъ явки въ дивизію и уѣхалъ въ госпиталь.

XVII.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ произошло Фридландское сраженіе въ которомъ не участвовали Павлоградцы, и вслѣдъ за нимъ объявлено было перемиріе. Ростовъ, тяжело чувствовавшій отсутствіе своего друга, не имѣлъ со времени его отѣзда никакихъ извѣстій о немъ и беспокоясь о ходѣ его дѣла и раны, воспользовался перемиріемъ и отпросился въ госпиталь провѣдать Денисова.

Госпиталь находился въ маленькомъ прусскомъ мѣстечкѣ, два раза разоренномъ русскими и французскими войсками. Именно потому, что это было лѣтомъ, когда въ полѣ было такъ хорошо, мѣстечко это съ своими расломанными крышиами и заборами и своими загаженными улицами оборванными жителями и пьяными и больными солдатами, бродившими по немъ, представляло особенно мрачное зрѣлище.

Въ каменномъ домѣ, на дворѣ съ остатками разобранного забора, выбитыми частями рамами и стеклами, помѣщался госпиталь. Несколько перевязанныхъ, блѣдныхъ и блѣднѣхъ солдатъ ходили и сидѣли на дворѣ на солнышкахъ.

Какъ только Ростовъ вошелъ въ двери дома, его обхватилъ запахъ гниющаго тѣла и болиццы. На мѣстѣющѣ онъ

встрѣтилъ военнаго русскаго доктора съ сигарою во рту. За докторомъ шелъ русскій фельдшеръ.

— Не могу же я разорваться, говорилъ докторъ; — приходи вечеркомъ къ Макару Алексѣевичу, я тамъ буду. Фельдшеръ что-то еще спросилъ у него.

— Э! дѣлай какъ знаешь! Разнѣе не все равно? — Докторъ увидалъ подымающагося на лѣстницу Ростова.

— Вы вачѣмъ, ваше благородіе? сказалъ докторъ. Вы зачѣмъ? Или пуля васъ не брала, такъ вы тифу набраться хотите? Тутъ, батюшка, домъ прокаженныхъ.

— Отчего? спросилъ Ростовъ.

— Тифъ, батюшка. Кто ни взойдетъ — смерть. Только мы двое съ Макеевымъ (онъ указалъ на фельдшера) тутъ треплемся. Тутъ ужъ нашего брата докторовъ человѣкъ пять перемерло. Какъ поступить новенький, черезъ недѣльку готовъ, съ видимымъ удовольствіемъ сказалъ докторъ. — Прусскихъ докторовъ вызывали, такъ не любить союзники-то наши.

Ростовъ объяснилъ ему, что онъ желалъ видѣть здѣсь лежащаго гусарскаго маюра Денисова.

— Не знаю, не вѣдаю, батюшка. Вѣдь вы подумайте, у меня на одного три госпиталя, 400 больныхъ слишкомъ! Еще хорошо, прусскія дамы-благодѣтельницы намъ кофе и корнию присылаютъ по два фунта въ мѣсяцъ, а то бы прошли. — Онъ засмѣялся. 400, батюшка; а мнѣ все новенькихъ присылаютъ. Вѣдь 400 есть? А? обратился онъ къ фельдшеру.

Фельдшеръ имѣлъ измученный видъ. Опять видимо съ досадой дождался, скоро ли уйдетъ заболтавшійся докторъ.

— Маюръ Денисовъ, повторилъ Ростовъ; — онъ подъ Молитеномъ раненъ былъ.

— Кажется, умеръ. А? Макеевъ, разнодушно спросилъ докторъ у фельдшера.

Фельдшеръ одпако не подтвердилъ словъ доктора.

— Чѣд, онъ такой длинный, рыжеватый? спросилъ докторъ. Ростовъ описалъ наружность Денисова.

— Былъ, былъ такой, какъ бы радостно проговорилъ докторъ, — этотъ должно быть умеръ, а впрочемъ я справлюсь, у меня сински были. Есть у тебя, Макеевъ?

— Сински у Макара Алексѣяча, сказалъ фельдшеръ. — А пожалуйте въ офицерскія палаты, тамъ сами увидите, прибавилъ онъ, обращаясь къ Ростову.

— Эхъ, лучше не ходить, батюшка! сказалъ докторъ; — а то какъ бы сами тутъ не остались. Но Ростовъ откланился доктору и попросилъ фельдшера проводить его.

— Не пѣнть же, чуръ, на меня, прокричалъ докторъ изъ подъ лѣстницы.

Ростовъ съ фельдшеромъ вошли въ коридоръ. Больничный запахъ былъ такъ силенъ въ этомъ темномъ коридорѣ, что Ростовъ схватился за носъ и долженъ былъ остановиться, чтобы собраться съ силами и идти дальше. Направо отворилась дверь, и оттуда высунулся на костыляхъ худой, желтый человѣкъ, босой и въ одномъ бѣльѣ. Онъ, опершись о притолку, блестящими, завистливыми глазами поглядѣлъ на проходящій. Заглянувъ въ дверь, Ростовъ увидалъ, что больные и раненые лежали тамъ на полу, на соломѣ и шинеляхъ.

— А можно войти посмотретьъ? спросилъ Ростовъ.

— Чѣд же смотрѣть? сказалъ фельдшеръ. Но именно потому, что фельдшеръ очевидно не желалъ впустить туда, Ростовъ вошелъ въ солдатскія палаты. Запахъ, къ которому

онъ уже успѣлъ придвигаться въ коридорѣ, вѣдь сѣдѣлъ еще сильнѣе. Запахъ этотъ вѣдь сѣдѣлъ иѣсколько измѣнился: онъ былъ рѣзче, и чувствительно было, что отсюда-то именно онъ и происходилъ.

Въ длинной комнатѣ, ярко освѣщенной солнцемъ въ большія окна, въ два ряда, головами къ стѣнамъ и оставляя проходъ по серединѣ, лежали больныи и раненыи. Большая часть изъ нихъ были въ забытьи и не обратили вниманія на вошедшихъ. Тѣ, которые были въ памяти, всѣ приподнялись или подняли свои худыи, желтые лица, и всѣ съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ надежды на помощь, упрека и зависи къ чужому здоровью, не спускалъ глазъ, смотрѣли на Ростова. Ростовъ вышелъ на середину комнаты, заглянулъ въсосѣднія двери комнатъ съ растворенными дверями, и съ обѣихъ сторонъ увидалъ то же самое. Онъ остановился, молча оглядываясь вокругъ себя. Онъ никакъ не ожидалъ видѣть это. Прѣдъ самыми ними лежалъ почти поперекъ средняго прохода, на голомъ полу, больной, вѣроятно казакъ, потому что волосы его были обстрижены въ скобку. Казакъ этотъ лежалъ навзничъ, раскинувъ огромныя руки и ноги. Лицо его было багрово-красно, глаза совершенно закачены, такъ что видны были одни блѣки, и на босыхъ ногахъ его и на рукахъ, еще красныхъ, жили напружились какъ веревки. Онъ стукнулся затылкомъ о полъ и что-то хрюнуло проговорилъ и стать повторять это слово. Ростовъ прислушался къ тому, что онъ говорилъ, и разобрать повторяемое имъ слово. Слово это было: испить — пить — испить! Ростовъ оглянулся, отыскивая того, кто бы могъ уложить на мѣсто этого больнаго и дать ему воды.

— Кто тутъ ходить за больнами? спросилъ онъ фельд-

шера. Въ это время изъ соседней комнаты вышелъ фуршатскій солдатъ, больничный служитель, и отбивая шапку, вытинулся предъ Ростовыемъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! прокричалъ этотъ солдатъ, выкатывая глаза на Ростова и, очевидно, принимая его за больничное начальство.

— Убери же его, дай ему воды, сказалъ Ростовъ, указывая на казака.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе, съ удовольствіемъ проговорилъ солдатъ, еще старательнѣе выкатывая глаза и вытягиваясь, но не трогаясь съ мѣста.

„Нѣть;“ тутъ ничего не едѣлалъ“ подумалъ Ростовъ, опустивъ глаза, и хотѣлъ уже выходить, но съ правой стороны онъ чувствовалъ устремленный на себя значительный взглядъ и оглянулся на него. Почти въ самомъ углу на ширинѣ сидѣлъ съ желтымъ, какъ скелетъ, худымъ, строгимъ лицомъ и небритою сѣдою бородой, старый солдатъ и упорно смотрѣлъ на Ростова. Съ одной стороны, соседъ старого солдата что-то шепталъ ему, указывая на Ростова. Ростовъ попялъ, что старикъ намѣренъ о чёмъ-то просить его. Онъ подошелъ ближе и увидаль, что у старика была согнута только одна нога, а другой совсѣмъ не было выше колѣна. Другой соседъ старика, неподвижно лежавшій съ закинутую головой, довольно далеко отъ него, былъ молодой солдатъ съ восковою блѣдностью на куриносомъ, покрытомъ еще веснушками, лицѣ и съ закаченными подъ вѣки глазами. Ростовъ поглядѣлъ на куриносаго солдата, и морозъ пробѣжалъ по его спинѣ.

— Да вѣдь этотъ, кажется..., обратился онъ къ фельдшеру.

— Ужъ какъ просяли, ваше благородіе, сказалъ старый

солдатъ съ дрожаніемъ нижней челюсти. — Еще утромъ кончился. Вѣдь тоже люди, а не собаки...

— Сейчасъ пришли; уберутъ, уберутъ, поспѣшилъ сказать фельдшеръ. — Пожалуйте, ваше благородие.

— Пойдемъ, пойдемъ, поспѣшилъ сказалъ Ростовъ; и опустивъ глаза и склонившись, стараясь пройти незамѣченнымъ сквозь строй этихъ укоризненныхъ и завистливыхъ глазъ, устремленныхъ на него, онъ вышелъ изъ комнаты.

XVIII:

Пройдя коридоръ, фельдшеръ ввелъ Ростова въ офицерскія палаты, состоявшія изъ трехъ съ растворенными дверями комнатъ. Въ комнатахъ этихъ были кровати; раненые и больные офицеры лежали и сидѣли на нихъ. Нѣкоторые въ больничныхъ халатахъ ходили по комнатамъ. Первое лицо, встрѣтившееся Ростову въ офицерскихъ палатахъ, былъ маленький, худой человѣкъ безъ руки, въ колпакѣ и больничномъ халатѣ, съ закупленной трубочкой ходившій въ первой комнатѣ. Ростовъ, взглянувъ на него, старался вспомнить, гдѣ онъ его видѣлъ.

— Вотъ гдѣ Богъ привелъ свидѣться, сказалъ маленький человѣкъ. — Тушинъ, Тушинъ, помните довезть васъ подъ Шенграбеномъ? А мнѣ кусочекъ отрѣзали, вотъ..., сказалъ онъ, улыбаясь, показывая на пустой рукавъ халата. — Василий Дмитріевичъ Денисова ищете, — сожитель! сказалъ онъ, узнавъ, кого нужно было Ростову. — Здѣсь, здѣсь, и новель его въ другую комнату, изъ которой слышался хоть нѣсколькихъ голосовъ.

„И какъ они могутъ не только хототать, но жить тутъ?“

думаль Ростовъ, все слыша еще этотъ запахъ мертваго тѣла, котораго онъ набрался еще въ солдатскомъ госпиталѣ, и все еще видя вокругъ себя эти завистливые взгляды, произвѣшившіе его съ обѣихъ сторонъ, и лицо этого молодаго солдата съ замаченными глазами.

Денисовъ, закрывшись съ головой одѣломъ, спать на постели, несмотря на то, что былъ 12-й часъ дня.

— А, Ростовъ? Здорово, здорово! закричалъ онъ все тѣмъ же голосомъ, какъ, бывало, и въ полку; но Ростовъ съ грустью замѣтилъ, какъ за этою привычною развианостью и оживленностью какое-то новое, дурное, затаенное чувство проглядывало въ выраженіи лица, въ интонаціяхъ и словахъ Денисова.

Рана его, несмотря на свою ничтожность, все еще не зажала, хотя уже прошло шесть недѣль, какъ онъ былъ раненъ. Въ лицѣ его была та же блѣдная опухоль, которая была на всѣхъ госпитальныхъ лицахъ. Но не это поразило Ростова; его поразило то, что Денисовъ какъ будто не радъ былъ ему и неестественно ему улыбался. Денисовъ не разспрашивалъ ни про полкъ, ни про общій ходъ дѣла. Когда Ростовъ говорилъ про это, Денисовъ не слушалъ.

Ростовъ замѣтилъ даже, что Денисову непріятно было, когда ему напоминали о полкѣ и вообще о той, другой, вольной жизни, которая шла въ госпиталѣ. Онъ, казалось, старался забыть ту прежнюю жизнь и интересовался только своимъ дѣломъ съ провіантскими чиновниками. На вопросъ Ростова, въ какомъ положеніи было дѣло, онъ тотчасъ досталъ изъ-подъ подушки бумагу, полученную изъ комиссіи и свой черновой отвѣтъ на нее. Онъ оживился, начавъ читать свою бумагу и особенно давать замѣтить Ростону кол-

кости, которыя онъ въ этой бумагѣ говорилъ своимъ врачамъ. Госпитальные товарищи Денисова, окружившіе было Ростова — вновь прибывшее изъ вольного свѣта лицо, — стали по пемногу расходиться, какъ только Денисовъ сталъ читать свою бумагу. Но ихъ лицамъ Ростовъ понялъ, что всѣ эти господа уже не разъ слышали всю эту, усилившую имъ надобѣсть, исторію. Только сосѣдъ на кровати, толстый уланъ, сидѣлъ на своей койкѣ, мрачно нахмурившись и куря трубку, и маленький Тушинъ безъ руки продолжалъ слушать, неодобрительно покачивая головой. Въ серединѣ чтенія удалилъ перебилъ Денисова.

— А по мнѣ, сказалъ онъ, обращаясь къ Ростову, — надо просто просить государя о помилованіи. Теперь, говорить, награды будутъ болѣтія, и вѣрно простятъ...

— Мнѣ просить государя! сказалъ Денисовъ голосомъ, которому онъ хотѣлъ придать прежнюю энергию и горячность, но который звучалъ безполезною раздражительностью. — О чѣмъ? Ежели бы я былъ разбойникъ, я бы просилъ милости, а то я сужусь за то, что вывожу на чистую воду разбойниковъ. Пускай судять, я никого не боюсь: я честно служилъ царю, отечеству, и не краль! И меня разжаловать, и... Слушай, я такъ прямо и пингу имъ, вотъ и пишу: „ежели бы я былъ казнокрадъ...“

— Ловко написано, чтд и говорить, сказалъ Тушинъ. — Да не въ томъ дѣло, Василій Дмитрічъ, — онъ тоже обратился къ Ростову, — покориться надо, а вотъ Василій Дмитрічъ не хочетъ. Вѣдь аудиторъ говорилъ вамъ, что дѣло ваше плохо.

— Ну, пускай будетъ илохо, сказалъ Денисовъ.

— Вамъ написалъ аудиторъ просьбу, продолжать Ту-

шить, — и надо подписать, да вить съ ними и отиравитъ. У нихъ вѣрно (онъ указать на Ростова) и рука въ штабѣ есть. Ужъ лучше случая не найдете.

— Да вѣдь я сказалъ, что подличать не стану, перебилъ Денисовъ, и опять продолжалъ чтеніе своей бумаги.

Ростовъ не смѣлъ уговаривать Денисова, хотя отъ инстинктомъ чувствовалъ, что путь, предлагаемый Тушинскимъ и другими офицерами, былъ самый вѣрный, и хотя онъ считалъ бы себя счастливымъ, ежели бы могъ оказать помощь Денисову, онъ зналъ непреклонность воли Денисова и его правдивую горячность.

Когда кончилось чтеніе ядовитыхъ бумагъ Денисова, продолжавшееся болѣе часа, Ростовъ ничего не сказалъ, и въ самомъ грустномъ расположеніи духа, въ обществѣ опять собравшихся около него госпитальныхъ товарищей Денисова, провелъ остальную часть дня, разсказывая про то, что онъ зналъ и слушая рассказы другихъ. Денисовъ мрачно молчалъ впродолженіе всего вечера.

Поздно вечеромъ Ростовъ собрался уѣзжать и спросилъ Денисова, не будетъ ли какихъ порученій?

— Да, постой, сказалъ Денисовъ, оглянулся на офицеровъ и, доставъ изъ-подъ подушки свои бумаги, пошелъ къ окну, на которомъ у него стояла чернильница и сѣлъ писать.

— Видно иллюю обуха не перешибешь, сказалъ онъ, отходя отъ окна и подавая Ростову большой конвертъ. Это была просьба на имя государя, составленная аудиторомъ, въ которой Денисовъ, ничего не упоминая о винахъ про-віантскаго вѣдомства, просилъ только о помилованіи.

— Передай, видно... Онъ не договорилъ и улыбнулся болѣзнико-фальшивою улыбкой.

XIX.

Вернувшись въ полкъ и передавъ командиру, въ какомъ положеніи находилось дѣло Денисова, Ростовъ съ письмомъ къ государю поѣхалъ въ Тильзитъ.

13-го юля французскій и русскій императоры сѣхались въ Тильзитѣ: Борисъ Дубецкой просилъ важное лицо, при которомъ онъ состоялъ, о томъ, чтобы быть причислену къ свитѣ, назначеннай состоять въ Тильзитѣ.

— Я бы желалъ видѣть великаго человѣка, сказаъ онъ, говоря про Наполеона, котораго онъ до сихъ поръ всегда, какъ и всѣ, называлъ Бонапарте.

— Вы говорите о Бонапарте? сказалъ ему, улыбаясь генераль.

Борисъ вопросительно посмотрѣлъ на своего генерала и тотчасъ же понялъ, что это было шуточное испытаніе.

— Кнізъ, я говорю объ императорѣ Наполеонѣ, отвѣчалъ онъ. Генераль съ улыбкой потрепалъ его по плечу.

— Ты далеко пойдешь, сказаъ онъ ему и взялъ съ собою.

Борисъ въ числѣ немногихъ былъ на Іѣманѣ въ день свиданія императоровъ; онъ видѣлъ плоты съ вензелями, проѣздѣ Наполеона по тому берегу мимо французской гвардіи, видѣлъ задумчивое лицо императора Александра въ то время, какъ онъ молча сидѣлъ въ корчмѣ на берегу Іѣмана, ожидая прибытія Наполеона; видѣлъ, какъ оба императора сѣли въ лодки и какъ Наполеонъ, приставши прежде къ плоту, быстрыми шагами поползъ впередъ и, встрѣчая Александра, подалъ ему руку, и какъ оба скрылись въ павілонѣ. Со временемъ своего вступленія въ высшіе міры, Борисъ сдѣлалъ себѣ привычку внимательно наблюдать то, что происходило

вокругъ него, и записывать. Во время свиданія въ Тильзитѣ онъ разсправливалъ объ именахъ тѣхъ лицъ, которыхъ пріѣхали съ Наполеономъ, о мундирахъ, которыхъ были на нихъ надѣты, и внимательно прислушивался къ словамъ, которыхъ были сказаны важными лицами. Въ то самое время, какъ императоры вошли въ павиліонъ, онъ посмотрѣлъ на часы и не забылъ посмотреть опять въ то время, когда Александръ вышелъ изъ павиліона. Свиданіе продолжалось часъ и пятьдесятъ три минуты: онъ такъ и записалъ это въ тотъ вечеръ въ числѣ другихъ фактовъ, которые, онъ чувствовалъ, имѣли историческое значеніе. Такъ какъ свита императора была очень небольшая, то для человѣка, дорожащаго успѣхомъ по службѣ, находиться въ Тильзитѣ во время свиданія императоровъ было дѣломъ очень важнымъ, и Борисъ, пошавъ въ Тильзитъ, чувствовалъ, что съ этого времени положеніе его совершенно утвердилось. Его не только знали, но къ нему приглядѣлись и привыкли. Два раза онъ исполнялъ порученія къ самому государю, такъ что государь зналъ его въ лицо, и всѣ приближенные не только не дачились его, какъ прежде, считая за новое лицо, но удивились бы, ежели бы его не было.

Борисъ жилъ съ другимъ адъютантомъ, польскимъ графомъ Жилинскимъ. Жилинскій, воспитанный въ Парижѣ полякъ, былъ богатъ, страстно любилъ французовъ, и почти каждый день во время пребыванія въ Тильзитѣ къ Жилинскому и Борису собирались на обѣды и завтраки французскіе офицеры изъ гвардіи и главнаго французскаго штаба.

24-го июня вечеромъ, графъ Жилинскій, сожитель Бориса, устроилъ для своихъ знакомыхъ французовъ ужинъ. На ужинѣ этомъ былъ почетный гость, одинъ адъютантъ Напо-

леона, п'ятью офицеровъ французской гвардії, и молодой мальчикъ старой аристократической французской фамиліи, пажъ Наполеона. Въ этотъ самый день Ростовъ, пользуясь темнотой, чтобы не быть узнаннымъ, въ статскомъ платьѣ пріѣхалъ въ Тильзитъ и вошелъ въ квартиру Жилинского и Бориса.

Въ Ростовъ, такъ же какъ и во всей арміи, изъ которой онъ пріѣхалъ, еще далеко не совершился въ отношеніи Наполеона и французовъ, изъ враговъ сдѣлавшихся друзьями, тотъ переворотъ, который произошелъ въ главной квартирѣ и въ Борисѣ. Всѣ еще продолжали въ арміи испытывать прежнее смѣшное чувство злобы, презрѣнія и страха къ Бонапарте и французамъ. Еще недавно Ростовъ, разговаривая съ Шлатовскимъ казачьимъ офицеромъ, спорилъ о томъ, что ежели бы Наполеонъ былъ взятъ въ пленъ, съ нимъ обратились бы какъ съ государемъ, а какъ съ преступникомъ. Еще недавно на дорогѣ, встрѣтившись съ французскимъ раненымъ полковникомъ, Ростовъ разгорячился, доказывая ему, что не можетъ быть мира между законнымъ государемъ и преступникомъ-Бонапарте. Поэтому Ростова странно поразилъ въ квартирѣ Бориса видъ французскихъ офицеровъ въ тѣхъ самыхъ мундирахъ, на которые онъ привыкъ совсѣмъ иначе смотрѣть изъ фланкерской цѣни. Какъ только онъ увидѣлъ высунувшагося изъ двери французского офицера, это чувство войны, враждебности, которое онъ всегда испытывалъ при видѣ испріятеля, вдругъ обхватило его. Онъ остановился на порогѣ и по-русски спросилъ, тутъ ли живеть Друбецкой. Борисъ, заслышивъ чужой голосъ въ передней, вышелъ къ нему навстрѣчу. Лицо его въ первую минуту, когда онъ узналъ Ростова, выразило досаду.

— Ахъ, это ты, очень радъ, очень радъ тебя видѣть, сказаъ онъ однако, улыбаясь и подвигаясь къ пему. Но Ростовъ замѣтилъ первое его движеніе.

— Я не вѣремя кажется, сказаъ онъ, — я бы не прѣѣхалъ, но мнѣ дѣло есть, сказаъ онъ холодно...

— Нѣтъ, я только удивляюсь, какъ ты изъ полка прѣѣхалъ! — Сейчасъ я къ вашимъ услугамъ, обратился онъ паголосъ звавшаго его.

— Я вижу, что я не вѣремя, повторилъ Ростовъ.

Выраженіе досады уже исчезло на лицѣ Бориса; видимо обдумавъ и рѣшивъ, что ему дѣлать, онъ съ особеннымъ спокойствіемъ вяялъ его за обѣ руки и повелъ въ соседнюю комнату. Глаза Бориса, спокойно и твердо глядѣвшіе на Ростова, были какъ будто застланы чѣмъ-то, какъ будто какая-то заслонка — синіе очки обцежитія — были надѣты на нихъ. Такъ казалось Ростову.

— Ахъ, полно пожалуйста, можешь ли ты быть не вѣремя, сказаъ Борисъ. Борисъ ввелъ его въ комнату; гдѣ былъ накрытъ ужинъ, познакомилъ съ гостями, назвавъ его и объяснивъ, что онъ былъ не статскій, но гусарскій офицеръ, его старый пріятель. — Графъ Жилинскій, графъ Н. Н., капитанъ С. С., называлъ онъ гостей. Ростовъ нахмуренно глядѣлъ на французовъ, не охотно раскланивался и молчалъ.

Жилинскій видимо не радостно принялъ это новое русское лицо въ свой кружокъ и ничего не сказаъ Ростову. Борисъ, казалось, не замѣчалъ прошедшаго стыденія отъ нового лица и съ тѣмъ же пріятнымъ спокойствіемъ и застланностью въ глазахъ, съ которыми онъ встрѣтилъ Ростова, старался оживить разговоръ. Одинъ изъ французовъ обратился съ обычновеннюю французскою учтивостью къ упорно молчавшему

Ростову и сказаъ ему, — что вѣроятно для того, чтобы увидать императора, онъ пріѣхалъ въ Тильзитъ.

— Нѣть, у меня есть дѣло, коротко отвѣтилъ Ростовъ.

Ростовъ сдѣлался не въ духѣ тотчасъ же послѣ того, какъ онъ замѣтилъ неудовольствие на лицѣ Бориса, и, какъ всегда бываетъ съ людьми, которые не въ духѣ, ему казалось, что всѣ непріязненно смотрятъ на него и что всѣмъ онъ мѣшаетъ. И дѣйствительно, онъ мѣшалъ всѣмъ и одинъ оставался виѣ вновь завязавшаго общаго разговора. И зачѣмъ онъ сидѣть тутъ? говорили взгляды, которые бросали на него гости. Онъ всталъ и подошелъ къ Борису.

— Однако я тебя стѣснаю, сказаъ онъ ему тихо, — пойдемъ поговоримъ о дѣлѣ, и я уйду.

— Да нѣть, никакъ, сказаъ Борисъ. — А ежели ты усталъ, пойдемъ въ мою комнату и ложись отдохни.

— И въ самомъ дѣлѣ...

Они вошли въ маленькую комнатку, гдѣ спалъ Борисъ. Ростовъ, не садясь, тотчасъ же, съ раздраженiemъ, — какъ будто Борисъ былъ въ чемъ-нибудь виноватъ предъ нимъ, — началъ ему рассказывать дѣло Денисова, спрашивая, хотеть ли и можетъ ли онъ просить о Денисовѣ черезъ своего генерала у государя и черезъ него передать письмо. Когда они остались вдвоемъ, Ростовъ въ первый разъ убѣдился, что ему неловко было смотрѣть въ глаза Борису. Борисъ, заложивъ ногу на ногу и поглаживая лѣвой рукой тонкіе пальцы правой руки, слушалъ Ростова, какъ слумаетъ генераль докладъ подчиненнаго, то глядя въ сторону, то съ тою же застланностью во взглядѣ прямо глядя въ глаза Ростову. Ростову всякий разъ при этомъ становилось неловко, и онъ опускалъ глаза.

— Я слыхалъ про такого рода дѣла и знаю, что государь очень страшь въ этихъ случаяхъ. Я думаю, надо бы не доводить до его величества. Но моему, лучше бы прямо просить кориуснаго командира... Но вообще я думаю...

— Такъ ты ничего не хочешь сдѣлать, такъ и скажи! закричалъ почти Ростовъ, не гляди въ глаза Борису.

Борисъ улыбнулся:

— Напротивъ, я сдѣлаю, что могу, только я думалъ... Въ это время въ двери послышался голосъ Жилинского, звавшій Бориса.

— Ну, иди, иди, иди... сказалъ Ростовъ и, отказавшись отъ ужина и оставшись одинъ въ маленькой комнатаѣ, онъ долю ходилъ въ ней взадъ и впередъ и слушалъ веселый французскій говорь изъ сосѣдней комнаты.

XX.

Ростовъ пріѣхалъ въ Тильзитъ въ день менѣе всего удобный для ходатайства за Денисова. Самому ему нельзя было идти къ дежурному генералу, какъ такъ былъ во фракѣ и безъ разрѣшенія начальства пріѣхалъ въ Тильзитъ, а Борисъ, ежели даже и хотѣлъ, не могъ сдѣлать этого на другой день послѣ пріѣзда Ростова. Въ этотъ день, 27-го июня, были подписаны первыя условія мира. Императоры юмѣнілись орденами: Александръ получилъ Почетнаго Легіона, а Наполеонъ Андрея 1-й степени, и въ этотъ день былъ назначенъ обѣдъ Преображенскому баталіону, который давалъ ему баталіонъ французской гвардіи. Государи должны были присутствовать на этомъ банкетѣ.

Ростову было такъ неловко и непріятно съ Борисомъ, что,

когда послѣ ужина Борисъ заглянулъ къ нему, онъ притворился спящимъ и на другой день рано утромъ, стараясь не видѣть его, ушелъ изъ дома. Во фракѣ и круглой шляпѣ, Николай бродилъ по городу, разглядывая французовъ и ихъ мундиры, разглядывая улицы и дома, гдѣ жили русскій и французскій императоры. На площади онъ видѣлъ разставляемые столы и приготовленія къ обѣду, на улицахъ видѣлъ перекинутыя драпировки съ энаменами русскихъ и французскихъ цвѣтовъ и огромные вензеля А. и Н. Въ окнахъ домовъ были тоже знамена и вензеля.

„Борисъ не хочетъ помочь мнѣ, да и я не хочу обращаться къ нему. Это дѣло рѣшеное“, думалъ Николай, — „между нами все кончено, но я не уѣду отсюда, не сдѣлавъ все, что могу для Денисова, и главное не передавъ письма государю. Государю?.. Онъ тутъ!“ думалъ Ростовъ, подходя невольно опять къ дому, занимаемому Александромъ.

У дома этого стояли верховые лошади, и сѣѣзжалась свита, видимо приготавляясь къ выѣзду государя.

„Всякую минуту я могу увидать его“, думалъ Ростовъ. — „Если бы только я могъ прямо передать ему письмо и сказать все... неужели меня бы арестовали за фракъ? Не можетъ быть! Онъ бы понялъ, на чьей сторонѣ справедливость. Онъ все понимаетъ, все знаетъ. Кто же можетъ быть справедливѣе и великодушнѣе его? Ну, да ежели бы меня и арестовали бы за то, что я здѣсн, чтѣ жъ за бѣда?“ думалъ онъ, глядя на офицера, всходившаго въ домъ, занимаемый государемъ. „Вѣдь вотъ всходитъ же. Э! все вздоръ. Пойду и подамъ самъ письмо государю: тѣмъ хуже будетъ для Друбецкаго, который довелъ меня до этого!“ — И вдругъ съ рѣзкостью, которой онъ самъ не ждалъ отъ себя, Ростовъ,

ощущавъ письмо въ карманѣ, пошелъ прямо къ дому, занимаемому государемъ.

„Нѣть, теперь уже не упущу случая, какъ послѣ Аустерлица, думалъ онъ, ожидая всякую секунду встрѣтить государя и чувствуя приливъ крови къ сердцу при этой мысли. „Упаду въ ноги и буду просить его. Онъ подниметъ, выслушаетъ и еще поблагодарить меня. Я счастливъ, когда могу сдѣлать добро, по исправить несправедливость есть величайшее счастье“, воображалъ Ростовъ слова, которыя скажеть ему государь. И онъ пошелъ, мимо любопытно смотрѣвшихъ на него, на крыльцо занимаемаго государемъ дома.

Съ крыльца широкая лѣстница вела прямо наверхъ; направо видна была затворенная дверь. Внизу подъ лѣстницей была дверь въ нижній этажъ.

— Кого вамъ? спросилъ кто-то.

— Подать письмо, просьбу его величеству, сказалъ Николай съ дрожаніемъ голоса.

— Просьба — къ дежурному, пожалуйте сюда (ему указали на дверь внизу). Только не примутъ.

Услыхавъ этотъ разнодушный голосъ, Ростовъ испугался того, что онъ дѣлалъ; мысль встрѣтить всякую минуту государя такъ соблазнительна и оттого такъ страшна была для него, что онъ готовъ былъ бѣжать; но камерь-фурьеръ, встрѣтившій его, отворилъ ему дверь въ дежурную, и Ростовъ вошелъ.

Невысокій, полный человѣкъ лѣтъ 30-ти, въ бѣлыхъ панталонахъ, ботфортахъ и въ одной, видно, только что надѣтой батистовой рубашкѣ, стоялъ въ этой комнатѣ; камердинеръ вастегивалъ ему сзади штиля шелкомъ, прекрасныя, новыя помочи, которыя почему-то замѣтилъ Ростовъ. Чело-

человѣкъ этотъ разговаривалъ съ кѣмъ-то бывшимъ въ другой комнатѣ.

— Хорошо сложена и свѣженькая, говорилъ этотъ человѣкъ, и, увидавъ Ростова пересталъ говорить и нахмурился.

— Что вамъ угодно? Просьба?...

— Чѣмъ это? спросилъ кто-то изъ другой комнаты.

— Еще проситель, отвѣчалъ человѣкъ въ помочахъ.

— Скажите ему, что послѣ. Сейчасъ выйдетъ, надо ъхать.

— Послѣ, послѣ, завтра. Поздно...

Ростовъ повернулся и хотѣлъ выйти, но человѣкъ въ помочахъ остановилъ его.

— Отъ кого? Вы кто?

— Отъ маіора Денисова, отвѣчалъ Ростовъ.

— Вы кто? офицеръ?

— Поручикъ, графъ Ростовъ.

— Какая смѣлость! Но команда подайте. А сами идите, идите... И онъ сталъ надѣвать подаваемый камердинеромъ мундиръ.

Ростовъ вышелъ опять въ сѣни и замѣтилъ, что на крыльцаѣ было уже много офицеровъ и генераловъ въ полной парадной формѣ, мимо которыхъ ему надо было пройти.

Проклиная свою смѣлость, замирая отъ мысли, что всякую минуту онъ можетъ встрѣтить государя и при немъ быть осрамленъ и высланъ подъ арестъ, понимая вполнѣ всю неприличность своего поступка и раскаиваясь въ немъ, Ростовъ, опустивъ глаза, пробирался вонъ изъ дома, окруженнаго толпой блестящей свиты, когда чей-то знакомый голосъ окликнулъ его и чья-то рука остановила его.

— Вы, батюшка, чѣмъ тутъ дѣлаете во фракѣ? спросилъ его басистый голосъ.

Это былъ кавалерійскій генераль, въ эту кампанію заслужившій особенную милость государя, бывшій начальникъ дивизіи, въ которой служилъ Ростовъ.

Ростовъ испуганно началъ оправдываться, но увидавъ добродушно-шутливое лицо генерала, отойди къ сторонѣ, взволнованнымъ голосомъ передалъ ему все дѣло, прося заступиться за извѣстнаго генерала Денисова. Генераль, выслушавъ Ростова, серьезно покачалъ головой.

— Жалко молодца; давай письмо.

Едва Ростовъ успѣлъ передать письмо и разсказать все дѣло Денисова, какъ съ лѣстницы застучали быстрые шаги со шпорами, и генераль, отойдя отъ него, подвинулся къ крыльцу. Господа свиты государя сбѣжали съ лѣстницы и пошли къ лошадямъ. Берейторъ Эне, тотъ самый, который былъ въ Аустерлицѣ, подвелъ лошадь государя, и на лѣстницѣ послышался легкій скрипъ шаговъ, которые сей-часъ узналъ Ростовъ. Забывъ опасность быть узнаннымъ, Ростовъ подвинулся съ нѣсколькоими любопытными изъ жите-лей къ самому крыльцу и опять, послѣ двухъ лѣтъ, онъ увидаль тѣ же обожаемыи имъ черты, то же лицо, тотъ же взглядъ, ту же походку, то же соединеніе величія и кро-тости... И чувство восторга и любви къ государю съ прежнею силою воскресло въ душѣ Ростова. Государь въ преображен-скомъ мундирѣ, въ бѣлыхъ лосинахъ и высокихъ ботфортахъ, со звѣздой, которую не зналъ Ростовъ (это была звѣзда Почетнаго Легіона), вышелъ на крыльцо, держа шляпу подъ рукой и надѣ-валъ перчатку. Онъ остановился, оглядываясь и все освѣщая вокругъ себя своимъ взглядомъ. Кое-кому изъ генераловъ онъ сказалъ нѣсколько словъ. Онъ узналъ тоже бывшаго началь-ника дивизіи Ростова, улыбнулся ему и подозвалъ его къ себѣ.

Вся свита отстутила, и Ростовъ видѣлъ, какъ генераль этотъ что-то довольно долго говорилъ государю.

Государь сказалъ ему нѣсколько словъ и сѣдѣлъ шагъ, чтобы подойти къ лошади. Опять толпа свиты и толпа улицы, въ которой былъ Ростовъ, придинулась къ государю. Остановившись у лошади и взявшись рукой за сѣдло, государь обратился къ кавалерійскому генералу и сказалъ громко, очевидно съ желаніемъ, чтобы всѣ слышали его:

— Не могу, генераль, и потому не могу, что законъ сильнѣе меня, сказалъ государь и занесъ ногу въ стремя. Генераль почтительно наклонилъ голову; государь сѣлъ и поѣхалъ галопомъ по улицѣ. Ростовъ, не помня себя отъ восторга, съ толпою побѣжалъ за нимъ.

XXI.

На площади, куда поѣхалъ государь, стояли лицомъ къ лицу — справа баталіонъ Преображенцевъ, слѣва баталіонъ французской гвардіи въ медвѣжьихъ шапкахъ.

Въ то время, какъ государь подѣзжалъ къ одному флангу баталіоновъ, сѣдѣвшихъ на караулѣ, къ противоположному флангу подскакивала другая толпа всадниковъ и впереди ихъ Ростовъ узналъ Наполеона. Это не могъ быть никто другой. Опять ѿхалъ галопомъ, въ маленькой шляпѣ, съ андреевскою лентой черезъ плечо, въ раскрытомъ надъ бѣлымъ камзоломъ синемъ мундирѣ, на необыкновенно породистой арабской скрой лошади, на малиновомъ, золотомъ шитомъ, чепракѣ. Подѣхавъ къ Александру, онъ приподнялъ шляпу, и при этомъ движениіи кавалерійскій глазъ Ростова не могъ не замѣтить, что Наполеонъ дурно и не твердо сидѣлъ на

лошади. Баталіоны закричали: ура и вивать императоръ! Наполеонъ что-то сказалъ Александру. Оба императора сѣли съ лошадей и взяли другъ друга за руки. На лицѣ Наполеона была неизрѣдно-притворная улыбка. Александръ съ ласковымъ выраженіемъ что-то говорилъ ему.

Ростовъ, не спуская глазъ, несмотря на тоштаніе лошадьми французскихъ жандармовъ, осаживавшихъ толпу; слѣдилъ за каждымъ движениемъ императора Александра и Бонапарте. Его, какъ неожиданность, поразило то, что Александръ держалъ себя какъ равный съ Бонапарте, и что Бонапарте совершилъ свободно, будто эта близость съ государемъ естественна и привычна ему, какъ равный, обращался съ русскимъ царемъ.

Александръ и Наполеонъ съ длиннымъ хвостомъ свиты подошли къ правому флангу Преображенского баталіона, прямо на толпу, которая стояла тутъ. Толпа очутилась неожиданно такъ близко къ императорамъ, что Ростову, стоявшему въ переднихъ рядахъ ея, стало страшно, какъ бы его не узнали.

— Государь, я прошу вашего позволенія дать орденъ Почетнаго Легіона храбрѣйшему изъ вашихъ солдатъ, сказалъ рѣзкій, точный голосъ, договаривающій каждую букву.

Это говорилъ малый ростомъ Бонапарте, снизу прямо глядя въ глаза Александру. Александръ внимательно слушалъ то, что ему говорили, и, наклонивъ голову, пріятно улыбнулся.

— Тому, кто храбреѣ всѣхъ вель себя въ эту послѣднюю войну, прибавилъ Наполеонъ, отчеканивая каждый слогъ, съ возмутительнымъ для Ростова спокойствіемъ и увѣренностью оглядывая ряды русскихъ, вытянувшихся предъ нимъ.

солдатъ, все держащихъ на караулъ и неподвижно глядящихъ въ лицо своего императора.

— Позвольте мнѣ, ваше величество, спросить мнѣнія полковника, сказалъ Александръ и сдѣлалъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ къ князю Козловскому, командиру батальона. Бонапарте сталъ между тѣмъ снимать перчатку съ бѣлой маленькой руки и, разорвавъ ее, бросилъ. Адъютантъ, сзади торопливо бросившись впередъ, поднялъ ее. — Кому дать? не громко, по-русски спросилъ императоръ Александръ у Козловского.

— Кому прикажете, ваше величество.

Государь недовольно поморщился и, оглянувшись, сказалъ:

— Да вѣдь надобно же отвѣтить ему.

Козловскій съ рѣшительнымъ видомъ оглянулся на ряды и въ этомъ взглядахъ захватилъ и Ростова.

„Ужъ не меня ли?“ подумалъ Ростовъ.

— Лазаревъ! нахмурившись прокомандовалъ полковникъ; и первый по ранжуру солдатъ Лазаревъ бойко вышелъ впередъ.

— Куда же ты? Тутъ стой! зашептали голоса на Лазарева, не знавшаго куда ему идти. Лазаревъ остановился, испуганно покосившись на полковника, и лицо его дрогнуло, какъ это бываетъ съ солдатами, вызываемыми предъ фронть.

Наполеонъ чуть повертилъ голову назадъ и отвелъ назадъ свою маленькую пухлую ручку, какъ будто желая взять что-то. Лица его свиты, догадавшись въ ту же секунду въ чемъ дѣло, засуетились, зашептались, передавая что-то однѣ другому, и пажъ, тотъ самый, котораго вчера видѣлъ Ростовъ у Бориса, выѣжалъ впередъ и почтительно наклонившись надъ протянутой рукой и не заставивъ ея дожидаться ни одной

секунды, вложилъ въ нее орденъ на красной лентѣ. Наполеонъ, не глядя, скжъ два пальца; орденъ очутился между ними. Наполеонъ подошелъ къ Лазареву, который, выкатывая глаза, упорно продолжалъ смотрѣть только на своего государя, и оглянулся на императора Александра, показывая этимъ, что то, что онъ дѣлалъ теперь, онъ дѣлалъ для своего союзника. Маленькая бѣлая рука съ орденомъ дотронулась до шуговицы солдата Лазарева. Какъ будто Наполеонъ зналъ, что для того, чтобы навсегда этотъ солдатъ былъ счастливъ, награжденъ и отличенъ отъ всѣхъ въ мірѣ, нужно было только, чтобы его, Наполеонова рука, удостоила дотронуться до груди солдата. Наполеонъ только приложилъ крестъ къ груди Лазарева и, пустивъ руку, обратился къ Александру, какъ будто онъ зналъ, что крестъ долженъ прилипнуть къ груди Лазарева. Крестъ действительно прилипъ.

Русскія и французскія послѣдовательные руки, мгновенно подхвативъ крестъ, прицѣпили его къ мундиру. Лазаревъ мрачно взглянулъ на маленькаго человѣка съ бѣлыми руками, который что-то сдѣлалъ надъ нимъ, и продолжая неподвижно держать на караулѣ, опять прямо сталъ глядѣть въ глаза Александру, какъ будто онъ спрашивалъ Александра: все ли еще ему стоять, или не прикажутъ ли ему пройтись теперь, или можетъ быть еще что-нибудь сдѣлать? Но ему ничего не приказывали, и онъ довольно долго оставался въ этомъ неподвижномъ состояніи.

Государи сѣли верхами и уѣхали. Преображенцы, разстраивая ряды, перемѣшались съ французскими гвардейцами и сѣли за столы, приготовленные для нихъ.

Лазаревъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ; его обнимали, поздравляли и жали ему руки русскіе и французскіе офи-

церы. Толпы офицеровъ и народа подходили, чтобы только посмотретьъ на Лазарева. Гулъ говора русско-французскаго и хохота стоялъ на площади вокругъ столовъ. Два офицера съ раскраснѣвшимися лицами, веселые и счастливые, прошли мимо Ростова.

— Каково, братъ, угощенье? Все на серебрѣ, сказалъ одинъ. — Лазарева видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Завтра, говорять, Преображенцы ихъ угощать будутъ.

— Нѣтъ, Лазареву-то какое счастіе! 1200 франковъ изъ жизненнаго пенсіона.

— Вотъ такъ шапка, ребята! кричалъ преображенецъ, надѣвая мохнатую шапку француза.

— Чудо какъ хорошо, прелестъ!

— Ты слышалъ отзывъ? сказалъ гвардейскій офицеръ другому. Третьяго дня было Наполеонъ, Франція, храбрость; „Александръ, Россія, величіе“; одинъ день нашъ государь даетъ отзывъ, а другой день Наполеонъ. Завтра государь пошлетъ Георгія самому храброму изъ французскихъ гвардейцевъ. Нельзя же! Долженъ отвѣтить тѣмъ же.

Борисъ съ своимъ товарищемъ Жилинскимъ тоже пришелъ посмотретьъ на банкетъ Преображенцевъ. Возвращаясь назадъ, Борисъ замѣтилъ Ростова, который стоялъ у угла дома.

— Ростовъ! здравствуй; мы и не видались, сказалъ онъ ему, и не могъ удержаться, чтобы не спросить у него, что съ нимъ сдѣлялось: такъ странно-мрачно и разстроено было лицо Ростова.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ Ростовъ.

— Ты зайдешь?

— Да, зайду.

Ростовъ долго стоялъ у угла, издалека глядя на пирующихъ. Въ умѣ его происходила мучительная работа, которую онъ никакъ не могъ довести до конца. Въ душѣ поднимались страшныя сомнѣнія. То ему вспоминался Денисовъ съ своимъ измѣнившимся выраженіемъ, съ своею покорностью и весь госпиталь съ этими оторванными руками и ногами, съ этой грязью и болѣзнями. Ему такъ живо казалось, что онъ теперь чувствуетъ этотъ больничный запахъ мертваго тѣла, что онъ оглядывался, чтобы понять откуда могъ происходить этотъ запахъ. То ему вспоминался этотъ самодовольный Бонапартъ съ своею бѣлою ручкой, который былъ теперь императоръ, котораго любить и уважаетъ императоръ Александръ. Для чего же оторванные руки, ноги, убитые люди? То вспоминался ему награжденный Лазаревъ и Денисовъ, наказанный и непрощенный. Онъ заставалъ себя на такихъ странныхъ мысляхъ, что нугался ихъ.

Запахъ ёды Преображенцевъ и голодъ вызвали его изъ этого состоянія: надо было пойти что-нибудь, прежде чѣмъ уѣхать. Онъ пошелъ къ гостинницѣ, которую видѣлъ утромъ. Въ гостинницѣ онъ засталъ такъ много народа и офицеровъ, такъ же какъ и онъ, пріѣхавшихъ въ статскихъ платьяхъ, что онъ насилиu добился обѣда. Два офицера одной съ нимъ дивизіи присоединились къ нему. Разговоръ естественно зашелъ о мирѣ. Офицеры, товарищи Ростова, какъ и большая часть арміи, были не довольны миромъ, заключеннымъ послѣ Фридланда. Говорили, что еще бы подержаться, Наполеонъ бы пропалъ, что у него въ войскахъ ни сухарей, ни зарядовъ ужъ не было. Николай молча ёлъ и преимущественно пилъ. Онъ выпилъ одинъ двѣ бутылки вина. Внутренняя поднявшаяся въ немъ работа, не разрѣшающаяся, все такъ же томила

его. Онъ боялся предаваться своимъ мыслямъ и не могъ отстать отъ нихъ. Вдругъ на слова одного изъ офицеровъ, что обидно смотрѣть на французовъ, — Ростовъ началъ кричать съ горячностью,ничѣмъ не оправданною и потому очень удивившою офицеровъ.

— И какъ вы можете судить, что было бы лучше! закричалъ онъ съ лицомъ, вдругъ налившимся кровью. — Какъ вы можете судить о поступкахъ государя, какое мы имѣемъ право разсуждать?! Мы не можемъ понять ни цѣли, ни поступковъ государя!

— Да я ни слова не говорилъ о государѣ, оправдывался офицеръ, не могшій иначе какъ тѣмъ, что Ростовъ пьянъ, объяснить себѣ его всыпьчивость.

Но Ростовъ не слушалъ его.

— Мы не чиновники дипломатические, а мы солдаты и больше ничего, продолжалъ онъ. — Умирать велять намъ — такъ умирать. А коли наказываютъ, такъ значитъ — виноватъ; не намъ судить. Угодно государю императору признать Бонапарте императоромъ и заключить съ нимъ союзъ — значитъ такъ надо. А то, коли бы мы стали обо всемъ судить да разсуждать, такъ этакъ ничего святаго не останется. Этакъ мы скажемъ, что ни Бога нѣть, ничего нѣть, ударимъ по столу кричалъ Николай, весьма некстати, по понятіямъ своихъ собесѣдниковъ, но весьма послѣдовательно по ходу своихъ мыслей. — Наше дѣло исполнять свой долгъ, рубиться и не думать, вотъ и все, заключилъ онъ.

— И пить, сказали одинъ изъ офицеровъ, не желавшій скориться.

— Да, и пить, подхватилъ Николай. Эй ты! Еще бутылку! крикнулъ онъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ 1808 году императоръ Александръѣздилъ въ Эрфуртъ для новаго свиданія съ императоромъ Наполеономъ, и въ высшемъ петербургскому обществу много говорили о величинѣ этого торжественнаго свиданія.

Въ 1809-омъ году близость двухъ властелиновъ міра, какъ называли Наполеона и Александра, дошла до того, что когда Наполеонъ объявилъ въ этомъ году войну Австріи, то русскій корпусъ выступилъ за границу для содѣйствія своему прежнему врагу Бонапарте противъ прежняго союзника, австрійскаго императора; до того, что въ высшемъ свѣтѣ говорили о возможности брака между Наполеономъ и одною изъ сестеръ императора Александра. Но кромѣ виѣшихъ политическихъ сображеній въ это время вниманіе русскаго общества съ особенностью живостью обращено было на внутреннія преобразованія, которыя были производимы въ это время во всѣхъ частахъ государственного управления.

Жизнь между тѣмъ, настоящая жизнь людей съ своими существенными интересами здоровья, болѣзни, труда, отдыха, съ своими интересами мысли, науки, поэзіи, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, какъ и всегда, независимо и виѣ политической близости или вражды съ Наполеономъ Бонапарте, и виѣ всѣхъ возможныхъ преобразованій.

Князь Андрей безвыездно прожилъ два года въ деревнѣ. Всѣ тѣ предпріятія по имѣніямъ, которыя затѣялъ у себя Пьеръ и не довелъ ни до какого результата, безпрестанно переходи отъ одного дѣла къ другому, всѣ эти предпріятія, безъ выказыванья ихъ кому бы то ни было и безъ замѣтнаго труда, были исполнены княземъ Андреемъ.

Онъ имѣлъ въ высшей степени ту не достававшую Пьеру практическую цѣнность, которая безъ размаховъ и усилий съ его стороны, давала движеніе дѣлу.

Одно имѣніе его въ триста душъ крестьянъ было перечислено въ вольные хлѣбопашцы (это былъ одинъ изъ первыхъ примѣровъ въ Россіи), въ другихъ барщина замѣнена оброкомъ. Въ Богучарово была выписана на его счетъ ученая бабка для помощи родильницамъ, и священникъ за жалованье обучалъ дѣтей крестьянскихъ и дворовыхъ грамотъ.

Одну половину времени князь Андрей проводилъ въ Лысихъ Горахъ съ отцомъ и сыномъ, который былъ еще у иппекъ; другую половину времени — въ Богучаровской обители, какъ называлъ отецъ его деревню. Несмотря на выказанное имъ Пьеру равнодушіе ко всѣмъ внѣшнимъ событиямъ міра, онъ усердно слѣдилъ за ними, получалъ много книгъ, и къ удивленію своему замѣчалъ, когда къ нему или къ отцу его приѣзжали люди свѣжіе изъ Петербурга, изъ самаго водоворота жизни, что эти люди въ знаніи всего совершающагося во внѣшней и внутренней политикѣ далеко отстали отъ него, сидящаго безвыездно въ деревнѣ.

Кромѣ занятій по имѣніямъ, кромѣ общихъ занятій чтеніемъ самыхъ разнообразныхъ книгъ, князь Андрей занимался въ это время критическимъ разборомъ нашихъ двухъ послѣд-

нихъ несчастныхъ кампаній и составленіемъ проекта объ измѣненіи нашихъ военныхъ уставовъ и постановлений.

Весною 1809-го года князь Андрей воѣхалъ въ рязанскій имѣнія своего сына, котораго онъ былъ опекуномъ.

Пригрѣваемый весеннимъ солнцемъ, онъ сидѣлъ въ коляскѣ, оглядывая на первую траву, первые листья березы и первые клубы бѣлыхъ весеннихъ облаковъ, разбѣгавшихся по яркой синевѣ неба. Онъ ни о чёмъ не думалъ, а весело и безмыслиенно смотрѣлъ по сторонамъ.

Проѣхали перевозъ, на которомъ онъ годъ тому назадъ говорилъ съ Пьеромъ. Проѣхали грязную деревню, гумны, зелена, спускъ съ оставшимся снѣгомъ у моста, подъемъ по размытой глини, полосы живицъ и зеленѣющаго кое-гдѣ кустарника и вѣѣхали въ березовый лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ лѣсу было почти жарко, вѣтру не слышно было. Береза, вся обсыпанная зелеными, клейкими листьями, не шевелилась, и изъ-подъ прошлогоднихъ листьевъ, поднимая ихъ, вылѣзала, зеленѣла, первая трава и лиловые цветы. Разсыпанная кое-гдѣ по березнику мелкая ели своею грубою вѣчною зеленою непрѣятно напоминали о зимѣ. Лошади зафыркали, вѣѣхавъ въ лѣсъ, и виднѣе запотѣли.

Дакей Петръ что-то сказалъ кучеру, кучерь утвердительно отвѣтилъ. Но видно Петру мало было сочувствованія кучера: онъ повернулся на козлахъ къ барину.

— Ваше сіательство, лёгко какъ! сказалъ онъ, почтительно улыбаясь.

— Чѣ?

— Лёгко, ваше сіательство.

„Чѣ онъ говорить?“ подумалъ князь Андрей. — „Да, обѣ веснѣ вѣрно“, подумалъ онъ, оглядываясь по сторонамъ.

„И то, зелено все уже... какъ скоро! И береза, и черемуха, и ольха ужъ начинаетъ... А дубъ и не замѣтно. Да, вотъ онъ, дубъ“.

На краю дороги стоялъ дубъ. Вѣроятно въ десять разъ старше березъ, составлявшихъ лѣсъ, онъ былъ въ десять разъ толще и два раза выше каждой березы. Это былъ огромный, въ два обхвата дубъ, съ обломанными, давно видно, суками и съ обломанною корой, заросшою старыми болячками. Съ огромными своими неуклюжими, несимметрично-растопыренными, корявыми руками и пальцами, онъ старымъ, сердитымъ и презрительнымъ уродомъ стоялъ между улыбающимися березами. Только одинъ мертвый вѣчно зеленый ели разсыпанный по лѣсу, вмѣстѣ съ дубомъ не хотѣли подчиняться объясненію весны и не хотѣли видѣть ни весны, ни солнца.

„Весна и любовь и счастіе!“ какъ будто говорилъ этотъ дубъ, — „и какъ не надобѣсть вамъ все одинъ и тотъ же глупый и безсмысленный обманъ. Все одно и то же, и все обманъ! Нѣтъ ни весны, ни солнца, ни счастія. Вонъ смотрите, сидятъ задавленныя мертвыя ели, всегда одинакія, и вотъ и я растопырилъ свои обломанные, ободраннѣе пальцы, гдѣ ни выросли они — изъ спины, изъ боковъ; какъ выросли — такъ и стою, и не вѣрю вашимъ надеждамъ и обманамъ“.

Князь Андрей нѣсколько разъ оглянулся на этотъ дубъ, проѣзжая по лѣсу, какъ будто онъ чего-то ждалъ отъ него. Цвѣты и трава были и подъ дубомъ, по онъ все такъ же, хмуриясь, неподвижно, уродливо и упорно стоялъ посреди ихъ.

„Да, онъ правъ, тысячу разъ правъ этотъ дубъ“, думалъ князь Андрей: „пускай другіе, молодые, вновь поддаются на этотъ обманъ, а мы знаемъ жизнь, — наша жизнь кончена!“ Цѣлый новый рядъ мыслей безнадежныхъ, но гру-

стно-приятныхъ въ связи съ этимъ дубомъ возникъ въ дупѣ князя Андрея. Во время этого путешествія онъ какъ будто вновь обдумалъ всю свою жизнь, и пришелъ къ тому же прежнему успокоительному и безнадежному заключенію, что ему начинать ничего было не надо, что онъ долженъ дожи- вать свою жизнь, не дѣлая зла, не тревожася и ничего не желая.

II.

По онекунскимъ дѣламъ рязанскаго имѣнія князю Андрею надо было видѣться съ уѣзднымъ предводителемъ. Предво-дителемъ былъ графъ Илья Андреевичъ Ростовъ, и князь Андрей въ серединѣ мая поѣхалъ въ нему.

Былъ уже жаркій періодъ весны. Лѣсъ уже весь одѣлся, была пыль и было такъ жарко, что, проѣзжая мимо воды, хотѣлось купаться.

Князь Андрей, невеселый и озабоченный соображеніями о томъ, что и чтѣ ему нужно о дѣлахъ спросить у предво-дителя, подѣбзжалъ по аллеѣ сада къ Отрадненскому дому Ростовыхъ. Вправо изъ-за деревьевъ онъ услыхалъ женскій веселый крикъ, и увидалъ бѣгущую наперерѣзъ его коляски толпу дѣвушекъ. Впереди другихъ ближе подѣбзгало къ ко-лясѣ черноволосая, очень тоненькая, странно-тоненькая, черноглазая дѣвушка въ желтомъ ситцевомъ платьѣ, повязанная бѣлыемъ носовымъ платкомъ, изъ-подъ которого выбивались пряди расчесавшихся волосъ. Дѣвушка что-то кричала, но узнавъ чужаго, не взглянувъ на него, со смѣхомъ побѣжала назадъ.

Князю Андрею вдругъ стало отъ чего-то больно. День былъ такъ хороши, солнце такъ ярко, кругомъ все такъ весело; а эта тоненькая и хорошенъкая дѣвушка не знала и не

хотеть знать про его существование и была довольна и счастлива какою-то своею отдельною, — вѣрно глупою, — но веселою и счастливою жизнью. Чему она такъ рада? о чёмъ она думаетъ? Не объ уставѣ военномъ, не объ устройствѣ рязанскихъ оброчныхъ. „О чёмъ она думаетъ? И чѣмъ она счастлива?“ невольно съ любопытствомъ спрашивалъ себя князь Андрей.

Графъ Илья Андреичъ въ 1809-омъ году жилъ въ Отрадномъ все такъ же, какъ и прежде, то-есть принимая почти всю губернію, съ охотами, театрами, обѣдами и музыкантами. Онъ, какъ всякому новому гостю, былъ радъ князю Андрею, и почти насилиемъ оставилъ его ночевать.

Въ продолженіе скучнаго для, во время которого князя Андрея занимали старшіе хозяева и почетнѣйшиe изъ гостей, которыми, по случаю приближающихся именинъ, былъ полонъ домъ старого графа, Болконскій, нѣсколько разъ взглѣдывалъ на Наташу, чѣмъ-то смыавшуюся, веселившуюся между другою молодою половиной общества, все спрашивалъ себя: „О чёмъ она думаетъ? Чему она такъ рада?“

Вечеромъ, оставшись одинъ на новомъ мѣстѣ, онъ долго не могъ заснуть. Онъ читалъ, потомъ потушилъ свѣчу и опять зажегъ ее. Въ комнатѣ съ закрытыми изнутри ставнями было жарко. Онъ досадовалъ на этого глупаго старика (такъ онъ называлъ Ростова), который задержалъ его, увѣряя, что нужная бумаги въ городѣ, не доставлены еще, досадовалъ на себя за то, что остался.

Князь Андрей всталъ и подошелъ къ окну, чтобы отворить его. Какъ только онъ открылъ ставни, лунный свѣтъ, какъ будто онъ насторожѣ у окна давно ждалъ этого, ворвался въ комнату. Онъ отворилъ окно. Ночь была свѣжая

и исподвижно-свѣтлая. Предъ самыи окномъ былъ рядъ подстриженыхъ деревъ, черныхъ съ одной и серебристо-освѣщенныхъ съ другой стороны. Подъ деревами была какая-то сочная, мокрая, кудрявая растительность съ серебристыми кое-гдѣ листьями и стеблями. Далѣе за черными деревами была какая-то блестящая росой крыша, правѣе большое кудрявое дерево, съ ярко-блѣскимъ стволомъ и сучьями, и выше его почти полная луна на свѣтломъ, почти беззвѣздномъ, весеннемъ небѣ. Князь Андрей облокотился на окно, и глаза его остановились на этомъ небѣ.

Комната князя Андрея была въ среднемъ этажѣ; въ комнатахъ надъ нимъ тоже жили и не спали. Онъ услыхалъ сверху женскій говорь.

— Только еще одинъ разъ, сказалъ сверху женскій голосъ, который сейчасъ узналъ князь Андрей.

— Да когда же ты спать будешь? отвѣчалъ другой голосъ.

— Я не буду, я не могу спать, чтò жъ мнѣ дѣлать! Ну, послѣдній разъ...

Два женскія голоса замѣли какую-то музикальную фразу, составлявшую конецъ чего-то.

— Ахъ, какая прелестъ! Ну, теперь спать, и конецъ.

— Ты спи, а я не могу, отвѣчалъ первый голосъ, приблизившійся къ окну. Она видимо совсѣмъ высунулась въ окно, потому что слышно было шуршанье ея платья и даже дыханіе. Все затихло и окаменѣло, какъ и луна и ея свѣтъ и тѣпи. Князь Андрей тоже боялся пошевелиться, чтобы не выдать своего невольнаго присутствія.

— Соня! Соня! послышался опять первый голосъ.— Ну, какъ можно спать! Да ты посмотри, чтò за прелестъ! Ахъ, какая прелестъ! Да проснись же, Соня! сказала она почтѣ

со слезами въ голосѣ. — Вѣдь эдакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало.

Соня неохотно что-то отвѣчала.

— Нѣтъ, ты посмотри, чѣмъ за луна!... Ахъ, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Такъ бы вотъ сѣла на корточки, вотъ такъ, подхватила бы себя подъ колѣнки, — туже, какъ можно туже — натужиться надо и полетѣла бы... Вотъ такъ!

— Полно, ты упадешь.

Послышалась борьба и недовольный голосъ Сони:

— Вѣдь второй часъ.

— Ахъ, ты только все портишь мнѣ. Ну, иди, иди.

Опять все замолкло, но князь Андрей зналъ, что она все еще сидитъ тутъ, онъ слышалъ иногда тихое шевеленіе, иногда вздохи.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! чѣмъ это такое! вдругъ вскрикнула она. — Спать такъ спать! и захлопнула окно.

„И дѣла нѣть до моего существованія!“ подумалъ князь Андрей въ то время, какъ онъ прислушивался къ ея говору, почему-то ожидая и боясь, что она скажеть что-нибудь про него. — „И опять она! И какъ нарочно!“ думалъ онъ. Въ душѣ его вдругъ поднялась такая неожиданная путаница молодыхъ мыслей и надеждъ, противорѣчащихъ всей его жизни, что онъ, чувствуя себя не въ силахъ уяснить себѣ свое состояніе, тотчасъ же заснулъ.

III.

На другой день, простившись только съ однимъ графомъ, не дождавшись выхода дамъ, князь Андрей покинулъ домой.

Уже было начало июня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, вѣхнулъ опять путь ту березовую рощу, въ которой

этот старый, корявый дубъ такъ странно и памятно по-разиль его. Бубенчики еще глупе звенѣли въ лѣсу, чѣмъ полтора мѣсяца тому назадъ; все было полно, тѣнисто и густо; и молодыя ели, разсыпанныя по лѣсу, не нарушали общей красоты и, поддѣлываясь подъ общій характеръ, нѣжно зеленѣли пущистыми молодыми побѣгами.

Цѣлый день былъ жаркій, гдѣ-то собиралась гроза, но только небольшая тучка брызнула на пыль дороги и на сочные листья. Лѣвая сторона лѣса была темна — въ тѣни; правая — мокрая, глянцовитая блестѣла на солнцѣ, чуть колыхалась отъ вѣтра. Все было въ цвѣту; соловьи трещали и перекатывались то близко, то далеко.

„Да, здѣсь, въ этомъ лѣсу былъ этотъ дубъ, съ которыемъ мы были согласны“, подумалъ князь Андрей. — „Да гдѣ онъ“, подумалъ опять князь Андрей, глядя на лѣвую сторону дороги и, самъ того не зная, не узнавая его, любовался тѣмъ дубомъ, котораго онъ искалъ. Старый дубъ, весь преображеній, раскинувшись шатромъ сочной, темной зелени, млѣть чуть колыхалась въ лучахъ вечернаго солнца. Ни корявыхъ мальцевъ, ни болячекъ, ни старого недовѣрія и горя, — ничего не было видно. Сквозь жесткую, стольную кору пробились безъ сучковъ сочные, молодые листья, такъ что вѣрить нельзя было, что этотъ старикъ произвелъ ихъ. „Да, это тотъ самый дубъ“, подумалъ князь Андрей, и на него вдругъ нашло безпричинное, весеннее чувство радости и обновленія. Всѣ лучшія минуты его жизни вдругъ въ одно и то же время вспомнились ему. И Аустерлицъ съ высокимъ небомъ, и мертвое, укоризненное лицо жены, и Пьеръ на паромѣ, и дѣвочка, взволнованная красотою ночи, и эта ночь, и луна, и — все это вдругъ вспомнилось ему.

„Нѣтъ, жизнь не кончена въ 31 годъ“, вдругъ окончательно, безнерѣбнно рѣшилъ князь Андрей. „Мало того, что я знаю все то, что есть во мнѣ, надо, чтобы и всѣ знали это: и Пьеръ, и эта дѣвочка, которая хотѣла улетѣть на небо; надо, чтобы всѣ знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они такъ независимо отъ моей жизни, чтобы на всѣхъ она отражалась и чтобы всѣ они жили со мною вмѣстѣ!“

Возвратившись изъ своей поѣздки, князь Андрей рѣшился осеньюѣхать въ Петербургъ и придумывать разныя причины этого рѣшенія. Цѣлый рядъ разумныхъ, логическихъ доводовъ, почему ему необходимоѣхать въ Петербургъ и даже служить, ежеминутно былъ готовъ къ его услугамъ. Онъ даже теперь не понималъ, какъ могъ онъ когда-нибудь сомнѣваться въ необходимости принять дѣятельное участіе въ жизни, точно такъ же, какъ мѣсяцъ тому назадъ онъ не понималъ, какъ могла бы ему прійти мысль уѣхать изъ деревни. Ему казалось ясно, что всѣ его опыты жизни должны были пропасть даромъ и быть безсмыслицей, ежели бы онъ не приложилъ ихъ къ дѣлу и не принялъ окончательнаго участія въ жизни. Онъ даже не понималъ того, какъ прежде на основаніи такихъ же бѣдныхъ разумомъ доводовъ очевидно было, что онъ бы унизился, ежели бы теперь послѣ своихъ уроковъ жизни опять бы повѣрилъ въ возможность приносить пользу и въ возможность счастія и любви.. Теперь разумъ подсказывалъ совсѣмъ другое. Послѣ этой поѣздки князь Андрей сталъ скучать въ деревнѣ, прежнія занятия не интересовали его, и часто, сидя одинъ въ своемъ кабинетѣ, онъ вставалъ, подходилъ къ зеркалу

и долго смотрѣлъ па свое лицо. Потомъ онъ отворачивался и смотрѣлъ па портретъ покойницы Лизы, которая съ взбитыми *à la grecque* бу碌ами нѣжно и весело смотрѣла на него изъ золотой рамки. Она уже не говорила мужу прежнихъ страшныхъ словъ, она просто и весело съ любопытствомъ смотрѣла на него. И князь Андрей, заложивъ назадъ руки, долго ходилъ по комнатѣ, то хмурясь, то улыбаясь, перебдумывая тѣ неразумныя, невыразимыя словомъ, тайныя какъ преступленіе мысли, связанныя съ Иеромъ, съ словой, съ девушкой на окнѣ, съ лубомъ, съ женскою красотой и любовью, которая измѣнили всю его жизнь. И въ эти-то минуты, когда кто входилъ къ нему, онъ бывалъ особенно сухъ, строго - рѣшителенъ и въ особенности непріятнологиченъ.

— Любезный другъ, бывало, скажетъ, входя въ такую минуту, княжна Марья. — Николушкѣ нельзя иначе гулять: очень холодно.

— Ежели бы было тепло; въ такія минуты особенно сухо отвѣчалъ князь Андрей своей сестрѣ, — то онъ бы ишелъ иль одной рубашкѣ, а такъ какъ холодно, надо надѣтъ на него теплую одежду, которая для этого и выдумана. Вотъ что слѣдуетъ изъ того, что холодно, а не то, чтобы оставаться дома, когда ребенку нуженъ воздухъ, говорилъ онъ съ особенной логичностью, какъ бы наказывая кого-то за всю эту тайнную, нелогичную, происходившую въ немъ, внутреннюю работу. Княжна Марья думала въ этихъ случаяхъ о томъ, какъ сушить мужчинъ эта умственная работа.

IV.

Князь Андрей приѣхалъ въ Петербургъ въ августѣ 1809 года. Это было время аналога славы молодаго Сивранскаго.

и энергіи совершаемыхъ имъ переворотовъ. Въ этомъ самомъ августѣ, государь, бѣхъ въ коляскѣ, быть выведенъ, повредилъ себѣ ногу, и оставался въ Петергофѣ три недѣли, видавшися ежедневно и исключительно со Сперанскимъ. Въ это время готовились не только два столь знаменитыя и встревожившіе общество указа объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ и объ экзаменахъ на чины коллежскихъ асессоровъ и статскихъ совѣтниковъ, но и цѣлая государственная конституція, существовавшая измѣнить существующій судебный, административный и финансовый порядокъ управлениія Россіи отъ Государственного Совѣта до волостного правленія. Теперь осуществлялись и вошли въ тѣ неясныя либеральныя мечтанія, съ которыми вступилъ на престолъ императоръ Александръ, и которыхъ онъ стремился осуществить съ помощью своихъ помощниковъ: Чарторижскаго, Новосильцева, Кочубея, и Строганова, которыхъ онъ самъ шутя называлъ „комитетомъ общественного спасенія“.

Теперь всѣхъ вмѣстѣ замѣнилъ Сперанскій по гражданской части и Аракчеевъ по военной. Князь Андрей вскорѣ послѣ приѣзда своего, какъ камергеръ, явился ко двору и на выходъ. Государь, два раза встрѣтивъ его, не удостоилъ его ни однимъ словомъ. Князю Андрею всегда еще прежде казалось, что онъ антипатиченъ государю, что государю непріятно его лицо и все существо его. Въ сухомъ, отдѣляющемъ взглядъ, которымъ посмотрѣлъ на него государь, князь Андрей еще болѣе, чѣмъ прежде, нашелъ подтвержденіе этому предположенію. Придворные объяснили князю Андрею невниманіе къ нему государя тѣмъ, что его величество былъ недоволенъ тѣмъ, что Болконскій не служилъ съ 1805 года.

„Я самъ знаю, какъ мы не властны въ своихъ симпатіяхъ ц. антицаріяхъ“, думалъ князь Андрей, „и потому нечего думать о томъ, чтобы представить лично мою записку о военномъ уставѣ государю, но дѣло будетъ говорить само за себя“. Онъ передалъ о своей запискѣ старому фельдмаршалу, другу отца. Фельдмаршаль, назначивъ ему часть, ласково принадѣлъ его и обѣщался доложить государю. Черезъ пѣсколько дней было объявлено князю Андрею, что онъ имѣетъ явиться къ военному министру, графу Аракчееву.

Въ девять часовъ утра, въ назначенный день, князь Андрей явился въ пріемную къ графу Аракчееву.

Лично князь Андрей не зналъ Аракчеева и никогда не видѣлъ его, но все, что онъ зналъ о немъ, мало внушило ему уваженія къ этому человѣку.

Онъ — военный министръ, довѣренное лицо государя императора;jakому не должно быть дѣла до его личныхъ свойствъ; ему поручено разсмотрѣть мою записку, слѣдовательно онъ одинъ и можетъ дать ходъ ей“, думалъ князь Андрей, въ числѣ многихъ важныхъ и неважныхъ лицъ, дожидался въ пріемной графа Аракчеева.

Князь Андрей во время своей большою частью адъютантской службы много видѣлъ пріемныхъ важныхъ лицъ, и различные характеры этихъ пріемныхъ были для него очень ясны. У графа Аракчеева былъ совершенно особенный характеръ пріемной. На неважныхъ лицахъ, ожидающихъ очередь аудіенціи въ пріемной графа Аракчеева, написано было чувство пристыженности и покорности; на болѣе чиновныхъ лицахъ выражалось одно общее чувство человѣкости, скрытое подъ личиной развязности и насмѣшки надъ собою, надъ

своимъ положенiemъ и надъ ожидаемымъ лицомъ. Иные задумчиво ходили взадъ и впередъ, иные шепчались смѣялись, и князь Андрей слышалъ прозвище „Силы Андреича“ и слова: „для задастъ“, относившися къ графу Аракчееву. Одинъ генераль (важное лицо), видимо оскорблений тѣмъ, что долженъ былъ такъ долго ждать, сидѣлъ, перекладывая ноги и презрительно самъ съ собой улыбался..

Но какъ только растворялась дверь, на всѣхъ лицахъ выражалось мгновенно только одно — страхъ. Князь Андрей попросилъ дежурного другой разъ доложить о себѣ, но на него посмотрѣли съ насмѣшкой и сказали, что его чередъ придетъ въ свое время. Послѣ нѣсколькихъ лицъ, введенныхъ и выведенныхъ адъютантомъ изъ кабинета ministra, въ страшную дверь былъ впущенъ офицеръ, поразившій князя Андрея своимъ униженнымъ и испуганнымъ видомъ. Ауденція офицера продолжалась долго. Вдругъ послышались изъ-за двери раскаты непріятнаго голоса, и блѣдный офицеръ, съ трясущимися губами, вышелъ оттуда, и схвативъ себя за голову, прошелъ черезъ пріемную.

Вслѣдъ затѣмъ князь Андрей былъ подведенъ къ двери, и дежурный шепотомъ сказалъ: „направо, къ окну“.

Князь Андрей вошелъ въ небогатый опрятный кабинетъ и у стола увидалъ сорокалѣтняго человѣка съ длинною талией, съ длинною, коротко-обстриженною головой и толстыми морщинами, съ нахмуренными бровями надъ каре-зелеными ту主义 глазами и висячимъ краснымъ носомъ. Аракчеевъ повернулся къ нему голову, не глядя на него.

— Вы чего просите? спросилъ Аракчеевъ.
— Я ничего не... прошу, ваше сіятельство, тико проговорилъ князь Андрей. Глаза Аракчеева обратились на него.

— Садитесь, сказалъ Аракчеевъ, — князь Болконскій?

— Я ничего не прошу, а государь императоръ изволилъ переслать къ вашему сіятельству поданную мною записку...

— Извольте видѣть, мой любезнѣйшій, записку я вашу читалъ, перебилъ Аракчеевъ, только первыя слова сказавъ ласково, оцѣнить не глядя ему въ лицо и впадая все болѣе и болѣе въ ворчливо-презрительный тонъ. — Новые законы военные предлагаете? Законовъ много, исполнять некому старыхъ. Нынче весь законъ пишутъ, писать легче, чѣмъ дѣлать.

— Я приѣхалъ по волѣ государя императора узнать у вашего сіятельства, какой ходъ вы полагаете дать поданной запискѣ? сказалъ учтиво князь Андрей.

— На записку вашу мной положена революція и иереслана въ комитетъ. Я не одобряю, сказалъ Аракчеевъ, вставая и доставая съ письменного стола бумагу. — Вотъ, — опѣ подалъ князю Андрею.

На бумагѣ почерегъ ея, карандашомъ безъ заглавныхъ буквъ, безъ ореографіи, безъ знаковъ препинанія, было написано: „неосновательно составлено, попеже какъ подражаніе списано съ французскаго военнаго устава и отъ воинскаго артикула безъ нужды отступающаго“.

— Въ какой же комитетъ передана записка? спросилъ князь Андрей.

— Въ комитетъ о военномъ уставѣ, и мною представлено о зачисленіи вашего благородія въ члены. Только бѣзъ жалованья.

Князь Андрей улыбнулся.

— Я и не желаю.

— Бѣзъ жалованья членомъ, повторилъ Аракчеевъ. —

Имѣю честь. Эй! зови! Кто еще? крикнулъ онъ, кланаясь князю Андрею.

V.

Ожидая увѣдомленія о зачисленіи его въ члены комитета, князь Андрей возобновилъ старыя знакомства особенно съ тѣми лицами, которыя, онъ зналъ, были въ силѣ и могли быть нужны ему. Онъ испытывалъ теперь въ Петербургѣ чувство, подобное тому, какое онъ испытывалъ наканунѣ сраженія, когда его томило беспокойное любопытство и непреодолимо тянуло въ высшія сферы, туда, где готовилось будущее, отъ котораго зависѣли судьбы миллионовъ. Онъ чувствовалъ по озлобленію стариковъ, по любопытству непосвященныхъ, по сдержанности посвященныхъ, по торошлиности, озабоченности всѣхъ, по безчисленному количеству комитетовъ, комиссій, о существованіи которыхъ онъ вновь узнавалъ каждый день, что теперь, въ 1809-омъ году, готовилось здѣсь, въ Петербургѣ, какое-то огромное, гражданское сраженіе, котораго главнокомандующимъ было неизвѣстное ему, таинственное и представлявшееся ему геніальнымъ лицо — Сперанскій.

И самое, ему смутно извѣстное, дѣло преобразованія, и Сперанскій — главный дѣятель, начинали такъ страстно интересовать его, что дѣло воинскаго устава очень скоро стало переходить въ сознаніи его на второстепенное мѣсто.

Князь Андрей находился въ одномъ изъ самыхъ выгодныхъ положеній для того, чтобы быть хорошо принятymъ во всѣ самые разнообразные и высшіе круги тогдашняго петербургскаго общества. Партия преобразователей радушно принимала и заманивала его, во-первыхъ потому, что онъ имѣлъ репутацію ума и большой начитанности, во-вторыхъ потому, что онъ своимъ отшუщеніемъ крестьянъ на волю сдѣлалъ уже

себѣ репутацію либерала. Партия стариковъ недовольныхъ, прямо какъ къ сыну своего отца, обращалась къ нему за сочувствіемъ, осуждая преобразованія. Женское общество, *съпруги*, радушно принимали его, потому что онъ былъ женихъ богатый и знатный, и почти новое лицо съ ореоломъ романической исторіи о его мнимой смерти и трагической кончинѣ жены. Кроме того, общій голосъ о немъ всѣхъ, которые знали его прежде, былъ тотъ, что онъ много перемѣнился къ лучшему въ эти пять лѣтъ, смягчился и возмужалъ, что не было въ немъ прежняго притворства, гордости и насмѣшилости, и было то спокойствіе, которое пріобрѣтается годами. О немъ заговорили, имъ интересовались, и всѣ желали его видѣть.

На другой день послѣ посѣщенія графа Аракчеева, князь Андрей былъ вечеромъ у графа Кочубея. Онъ рассказалъ графу свое свиданіе съ *Силой Андреичемъ* (Кочубей такъ называлъ Аракчеева съ тою же неопределеннью надъ чѣмъ-то насыщкой, которую замѣтилъ князь Андрей въ приемной военного министра).

— Мой милый, даже въ этомъ дѣлѣ вы не минуете Михаила Михайловича. Это всеобщій дѣлецъ. Я скажу ему. Онъ обѣщался пріѣхать вечеромъ...

— Какое же дѣло Сперанскому до военныхъ уставовъ? спросилъ князь Андрей.

Кочубей, улыбнувшись, покачалъ головой, какъ бы удивляясь наивности Болконского...

— Мы съ нимъ говорили про васъ на дняхъ, продолжалъ Кочубей, — о вашихъ вольныхъ хлѣбопашцахъ...

— Да, это вы, князь, отпустили своихъ мужиковъ? сказали екатерининской старикъ, презрительно обернувшись на Болконского.

— Маленькое имѣніе ничего не приносило дохода, отвѣчалъ Болконскій, чтобы напрасно не раздражать старика, стараясь смягчить предъ нимъ свой поступокъ.

— Боитесь опоздать, сказалъ старикъ, глядя на Кочубея.

— Я одного не понимаю, продолжалъ старикъ, — кто будетъ землю пахать, коли имъ волю дать? Легко законы писать, а управлять трудно. Все равно, какъ теперь, я васъ спрашиваю, графъ, кто будетъ начальникомъ палатъ, когда всѣмъ экзамены держать?

— Тѣ, кто выдержитъ экзамены, я думаю, отвѣчалъ Кочубей, закидывая ногу на ногу и оглядываясь.

— Вотъ у меня служить Пряничниковъ, славный человѣкъ, золото человѣкъ, а ему 60 лѣтъ, развѣ онъ пойдетъ на экзамены?...

— Да, это затруднительно, понеже образованіе весьма мало распространено, но... Графъ Кочубей не договорилъ; онъ поднялся и, взявъ за руку князя Андрея, пошелъ на встречу входящему высокому, лысому, блокурому человѣку, лѣтъ сорока, съ большимъ открытымъ лбомъ и необычайною, странною близиной продолговатаго лица. На вошедшемъ былъ синій фракъ, крестъ на шеѣ и звѣзда на лѣвой сторонѣ груди. Это былъ Сперанскій. Князь Андрей тотчасъ узналъ его и вѣ душѣ его что-то дрогнуло, какъ это бываетъ вѣ важныя минуты жизни. Было ли этоуваженіе, зависть, ожиданіе — онъ не зналъ. Вся фигура Сперанскаго имѣла особенный типъ, по которому сейчасъ можно было узнать его. Ни у кого изъ того общества, вѣ которомъ жилъ князь Андрей, онъ не видѣлъ этого спокойствія и самоувѣренности неловкихъ и тупыхъ движеній, ни у кого онъ не видѣлъ такого твердаго и вмѣстѣ мягкаго взгляда полузакрытыхъ и нѣсколько

влажныхъ глазъ, не видалъ такой твердости ничего незна-
чашей улыбки, такого тонкаго, ровнаго, тихаго голоса и,
главное, такой нѣжной бѣлизны лица и особенно рукъ, нѣ-
сколько широкихъ, но необыкновенно пухлыхъ, нѣжныхъ и
бѣлыхъ. Такую бѣлизну и нѣжность лица князь Андрей ви-
далъ только у солдатъ, долго пробывшихъ въ госпиталь.
Это былъ Сперанскій, государственный секретарь, докладчикъ
государя и спутникъ его въ Эрфуртѣ, гдѣ онъ не разъ ви-
дѣлся и говорилъ съ Наполеономъ.

Сперанскій не перебѣгалъ глазами съ одного лица на другое,
какъ это невольно дѣлается при входѣ въ большое общество,
и не торопился говорить. Онъ говорилъ тихо, съ увѣрен-
ностью, что будутъ слушать его, и смотрѣлъ только на то
лицо, съ которымъ говорилъ.

Князь Андрей особенно внимательно слѣдилъ за каж-
дымъ словомъ и движениемъ Сперанскаго. Какъ это бываетъ
съ людьми, особенно съ тѣми, которые строго судятъ своихъ
ближнихъ, князь Андрей, встрѣчаясь съ новымъ лицомъ,
особенно съ такимъ, какъ Сперанскій, котораго онъ зналъ по
репутації, всегда ждалъ найти въ немъ полное совершенство
человѣческихъ достоинствъ.

Сперанскій сказалъ Кочубею, что жалѣеть о томъ, что не
могъ пріѣхать раньше, потому что его задержали во дворцѣ.
Онъ не сказалъ, что его задержалъ государь. И эту аффек-
тацію скромности замѣтилъ князь Андрей. Когда Кочубей
назвалъ ему князя Андрея, Сперанскій медленно перевелъ
свои глаза на Болконскаго, съ тою же улыбкой, и молча
сталъ смотрѣть на него.

— Я очень радъ съ вами познакомиться, я слышалъ о
васъ, какъ и всѣ, сказалъ онъ.

Кочубей сказалъ нѣсколько словъ о пріемѣ, сдѣланномъ Болконскому Аракчеевымъ. Сперанскій больше улыбнулся.

— Директоромъ комиссіи военныхъ уставовъ мой хороший приятель — господинъ Магницкій, сказалъ онъ договаривая каждый слогъ и каждое слово, — и ежели вы того пожелаете, я могу свести васъ съ нимъ. (Онъ помолчалъ на точкѣ.) Я надѣюсь, что вы найдете въ немъ сочувствіе и желаніе содѣйствовать всему разумному.

Около Сперанскаго тотчасъ же составился кружокъ, и тотъ старики, который говорилъ о своемъ чиновникѣ, Пряничниковѣ, тоже съ вопросомъ обратился къ Сперанскому.

Князь Андрей, не вступая въ разговоръ, наблюдалъ всѣ движения Сперанскаго, этого человѣка, недавно ничтожнаго семинариста и теперь въ рукахъ своихъ, — этихъ бѣлыхъ, пухлыхъ рукахъ, имѣвшаго судьбу Россіи, какъ думалъ Болконскій. Князя Андрея поразило необычайное, презрительное спокойствіе, съ которымъ Сперанскій отвѣчалъ старику. Онъ, казалось, съ неизмѣримой высоты обращалъ къ нему свое снисходительное слово. Когда старики сталъ говорить слишкомъ громко, Сперанскій улыбнулся и сказалъ, что онъ не можетъ судить о выгодѣ или невыгодѣ того, что угодно было государю.

Поговоривъ нѣсколько времени въ общемъ кругу, Сперанскій всталъ и, подойдя къ князю Андрею, отозвалъ его съ собой на другой конецъ комнаты. Видно было, что онъ считалъ нужнымъ заняться Болконскимъ.

— Я не успѣлъ поговорить съ вами, князь, среди того, одушевленнаго разговора, въ который былъ вовлеченъ этимъ почтеннѣмъ старцемъ, сказалъ онъ, кротко-презрительно улыбаясь, и этою улыбкой какъ бы признавая, что онъ вмѣстѣ

съ княземъ Андреемъ понимаетъ ничтожность тѣхъ людей; съ которыми онъ только что говорилъ. Это обращеніе польстило князю Андрею.— Я васъ знаю давно: во-первыхъ по дѣлу вашему о вашихъ крестьянахъ, это нашъ первый примеръ, которому такъ желательно бы было больше послѣдователей; а во-вторыхъ потому, что вы одинъ изъ тѣхъ камергеровъ, которые не сочли себя обижденными новымъ указомъ о придворныхъ чинахъ, выызывающимъ такие толки и пересуды.

— Да, сказалъ князь Андрей, — отецъ не хотѣлъ, чтобы я пользовался этимъ правомъ; я началъ службу съ низшихъ чиновъ.

— Ваиъ батюшка, человѣкъ старого вѣка, очевидно стоять выше нашихъ современниковъ, которые такъ осуждаютъ эту мѣру, возстановляющую только естественную справедливость.

— Я думаю, однако, что есть основаніе и въ этихъ осужденіяхъ, сказалъ князь Андрей, стараясь бороться съ вліяніемъ Сперанского, которое онъ начиналъ чувствовать. Ему непріятно было во всемъ соглашаться съ нимъ: онъ хотѣлъ противорѣчить. Князь Андрей, обыкновенно говорившій легко и хорошо, чувствовалъ теперь затрудненіе выражаться, говоря съ Сперанскимъ. Его слишкомъ занимали наблюденія надъ личностью знаменитаго человѣка.

— Основаніе для личнаго честолюбія можетъ быть, тихо вставилъ свое слово Сперанскій.

— Отчасти и для государства, сказалъ князь Андрей.

— Какъ вы разумѣете?... сказалъ Сперанскій тихо, опустивъ глаза.

— Я почитатель Монтескіе, сказалъ князь Андрей.— И его мысль о томъ, что основаніе монархіи есть честь, миѣ

кажется несомнѣнною. Нѣкоторыя права и преимущества дворянства мнѣ представляются средствами для поддержанія отого чувства.

Улыбка исчезла на бѣломъ лицѣ Сперанскаго, и физиономія его много выиграла отъ этого. Вѣроятно мысль князя Андрея показалась ему занимательною.

— Ежели вы смотрите на дѣло съ этой точки зрењія, началь онъ съ очевиднымъ затрудненіемъ выговаривая по-французски и говоря еще медленнѣе чѣмъ по-русски, но совершенно спокойно. Онъ сказалъ, что честь, l'honneur, не можетъ поддерживаться преимуществами вредными для хода службы, что честь, l'honneur, есть или: отрицательное понятіе недѣланья предосудительныхъ поступковъ, или известный источникъ соревнованія для получения одобренія и наградъ, выражавшихъ его.

Доводы его были скаты, просты и ясны.

— Институтъ, поддерживающій эту честь, источникъ соревнованія, есть институтъ, подобный Почетному Легіону великаго императора Наполеона, не вредящій, а содѣйствующій успѣху службы, а не сословное или придворное преимущество.

— Я не спорю, но нельзя отрицать, что придворное преимущество достигло той же цѣли, сказаль князь Андрей; — всякий придворный считаетъ себя обязаннымъ достойно нести свое положеніе.

— Но вы имъ не хотѣли воспользоваться, князь, сказаль Сперанскій, улыбкой показывал, что онъ человѣкъ для своего собесѣдника споръ желаетъ прекратить любезностью. — Ежели вы мнѣ сдѣлаете честь пожаловать ко мнѣ въ среду, прибавилъ онъ, — то я, переговоривъ съ Магицкимъ, сообщу вамъ то, что можетъ васъ интересовать, и кромѣ того буду имѣть

удовольствіе подробнѣе побесѣдоватъ съ вами. Онъ, закрывъ глаза, поклонился, и *à la fran aise* не прощалась, стараясь быть незамѣченнымъ, вышелъ изъ залы.

VI.

Первое время своего пребыванія въ Петербургѣ, князь Андрей почувствовалъ весь свой складъ мыслей, выработавшійся въ его уединенной жизни, совершенно затмненнымъ тѣми мелкими заботами, которыя охватили его въ Петербургѣ.

Съ вечера, возвращаясь домой, онъ въ памятной книжкѣ записывалъ четыре или пять необходимыхъ визитовъ или свиданій въ назначенные часы. Механизмъ жизни, распоряженіе дня такое, чтобы вездѣ посыпать во время, отнимали большую долю самой энергіи жизни. Онъ ничего не дѣлалъ, ни о чёмъ даже не думалъ и не усиѣвалъ думать, а только говорилъ и съ усилиемъ говорилъ то, что онъ усиѣль прежде обдумать въ деревцѣ.

Онъ иногда замѣчалъ съ неудовольствіемъ, что ему слу-
чалось въ одинъ и тотъ же день, въ разныхъ обществахъ,
повторять одно и то же. Но онъ былъ такъ занятъ цѣлые
дни, что не усиѣвалъ подумать о томъ, что онъ ничего не
думалъ.

Сперанскій, какъ въ первое свиданіе съ нимъ у Кочубея, такъ и потому въ середу дома, гдѣ Сперанскій съ глазу на глазъ принялъ Болконскаго, долго и довѣрчиво говорилъ съ нимъ, сдѣлавъ сильное впечатлѣніе на князя Андрея.

Князь Андрей такое огромное количество людей, считалъ презрѣнными и ничтожными существами, такъ ему хотѣлось найти въ другомъ живой идеалъ того совершенства, къ ко-

торому онъ стремился, что онъ легко поверилъ, что въ Сперанскомъ онъ нашелъ этотъ идеалъ вполнѣ разумнаго и добродѣтельнаго человѣка. Ежели бы Сперанскій былъ изъ того же общества, изъ котораго былъ князь Андрей, того же воспитанія и нравственныхъ привычекъ, то Болконскій скоро бы нашелъ его слабыя, человѣческія, патернострѣи стороны, но теперь этотъ странный для него логическій складъ ума тѣмъ болѣе внушилъ ему уваженія, что онъ не вполнѣ понималъ его. Кромѣ того, Сперанскій, потому ли, что онъ оцѣнилъ способности князя Андрея, или потому, что нашелъ нужнымъ пріобрѣсть его себѣ, Сперанскій кокетничалъ предъ княземъ Андреемъ своимъ безпристрастнымъ, спокойнымъ разумомъ, и лъстилъ князю Андрею тою тонкою лестью, соединенною съ самонадѣянностью, которая состоить въ молчаливомъ признаваніи своего себесѣдника съ собою вмѣстѣ единственнымъ человѣкомъ, способнымъ понимать всю глубину всѣхъ остальныхъ, и разумность и глубину своихъ мыслей.

Во время длишаго ихъ разговора въ середу вечеромъ, Сперанскій не разъ говорилъ: „У насъ смотрятъ на все, что выходитъ изъ общаго уровня закоренѣлой привычки...“ или съ улыбкой: „Но мы хотимъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы...“ или: „Они этого не могутъ понять...“ и все съ такимъ выраженіемъ, которое говорило: „Мы: вы да я, мы понимаемъ, что они и кто мы“.

Этотъ первый, длинный разговоръ съ Сперанскимъ только усилилъ въ князѣ Андрѣѣ то чувство, съ которымъ онъ въ первый разъ увидѣлъ Сперанскаго. Онъ видѣлъ въ немъ разумнаго, строго-мыслящаго, огромнаго ума человѣка, энергіей и упорствомъ достигшаго власти и употребляющаго ее только для блага Россіи. Сперанскій въ глазахъ князя Андрея

быть именно тотъ человѣкъ, разумно объясняющій всѣ явленія жизни, признающій значительнымъ только то, что разумно, и ко всему умѣющій прилагать мѣрило разумности, которымъ онъ самъ такъ хотѣлъ быть. Все представлялось такъ просто, ясно въ изложеніи Сперанскаго, что князь Андрей невольно соглашался съ нимъ во всемъ. Ежели онъ возражалъ и спорилъ, то только потому, что хотѣлъ нарочно быть самостоятельнымъ и не совсѣмъ подчиняться мнѣніямъ Сперанскаго. Все было такъ, все было хорошо, но одно смущало князя Андрея: это былъ холодный, зеркальный, не пропускающій къ себѣ въ душу взглядъ Сперанскаго, и его блѣдая, нѣжная рука, на которую невольно смотрѣлъ князь Андрей, какъ смотрятъ обыкновенно на руки людей, имѣющихъ власть. Зеркальный взглядъ и нѣжная рука эта почему-то раздражали князя Андрея. Непрѣятно поражало князя Андрея еще слишкомъ большое преврѣніе къ людямъ, которое онъ замѣчалъ въ Сперанскомъ, и разнообразность приемовъ въ доказательствахъ, которыхъ онъ приводилъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній. Онъ употреблялъ всѣ возможныя орудія мысли, исключая сравненія, и слишкомъ смѣло, какъ казалось князю Андрею, переходилъ отъ одного къ другому. То онъ становился на почву практическаго дѣятеля и осуждалъ мечтателей, то на почву сатирика и иронически подсмѣшивался надъ противниками, то становился строго-логичнымъ, то вдругъ поднимался въ область метафизики. (Это послѣднее орудіе доказательствъ онъ особенно часто употреблялъ.) Онъ переносилъ вопросъ на метафизическія высоты, переходилъ въ опредѣленія пространства, времени, мысли и, вынося оттуда опроверженія, опять спускался на почву спора.

Вообще главная черта ума Сперанского, поразившая князя Андрея, была несомненная, непоколебимая вѣра въ силу и законность ума. Видно было, что никогда Сперанскому не могла прийти въ голову та обыкновенная для князя Андрея мысль, что нельзя все-таки выразить всего того, что думаешь, и никогда не приходило сомнѣніе въ томъ, что не вздоръ ли все то, что я думаю, и все то, во что я вѣрю? И этотъ-то особенный складъ ума Сперанского больше всего привлекалъ къ себѣ князя Андрея.

Первое время своего знакомства съ Сперанскимъ князь Андрей питалъ къ нему страстное чувство восхищенія, похожее на то, которое онъ когда то испытывалъ къ Бонапарте. То обстоятельство, что Сперанскій былъ сынъ священника, которого можно было глупымъ людямъ, какъ это и дѣлали многіе, пошло презирать въ качествѣ кутейника и поповича, заставляло князя Андрея особенно бережно обходитьсь съ своимъ чувствомъ къ Сперанскому, и безознательно усиливать его въ самонѣ себѣ.

Въ тотъ первый вечеръ, который Болконскій провелъ у него, разговарившись о комиссіи составленія законовъ, Сперанскій съ ироніей разсказывалъ князю Андрею о томъ, что комиссія законовъ существуетъ 150 лѣтъ, стоитъ миллионы и ничего не сдѣлала, что Розенкампфъ паклениль ярлычки на всѣ статьи сравнительного законодательства.

— И вотъ и все, за что государство заплатило миллионы! сказаъ онъ. — Мы хотимъ дать новую судебную власть Сенату, а у насъ нѣть законовъ. Поэтому-то такимъ людямъ, какъ вы, князь, грѣхъ не служить теперь.

Князь Андрей сказалъ, что для этого нужно юридическое образованіе, котораго онъ не имѣеть.

— Да его никто не имѣть, такъ что же вы хотите? Это *circulus viciosus*, изъ котораго надо выйти усилиемъ.

Черезъ недѣлю князь Андрей былъ членомъ комиссіи составленія воинскаго устава, и, чего онъ никакъ не ожидалъ, пачальникомъ отдѣленія комиссіи составленія законовъ. По просьбѣ Сперанскаго онъ взялъ первую часть составляемаго гражданскаго уложенія, и съ помощью Наполеоновскаго кодекса и кодекса Юстиніана работалъ надъ составленіемъ отдѣла: Права лицъ.

VII.

Года два тому назадъ, въ 1808 году, вернувшись въ Петербургъ изъ своей поѣздки по имѣніямъ, Пьеръ нѣвольно сталъ во главѣ петербургскаго масонства. Онъ устраивалъ, столовыя и надгробныя ложи, вербовалъ новыхъ членовъ, занимался о соединеніи различныхъ ложъ и о пріобрѣтеніи подлинныхъ актовъ. Онъ давалъ свои деньги на устройство храминъ и пополнялъ, насколько могъ, сборы милостыни, на которые большинство членовъ были скучны и не аввуратны. Онъ почти одинъ на свои средства поддерживалъ домъ бѣдныхъ, устроенный орденомъ въ Петербургѣ.

Жизнь его между тѣмъ шла по прежнему, съ тѣми же увлечениями и распущенностью. Онъ любилъ хорошо пообѣдать и выпить, и хотя и считалъ это безираственнымъ и унизительнымъ, не могъ воздерживаться отъ увеселеній холостыхъ обществъ, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Въ чаду своихъ занятій и увлечений, Пьеръ однако, по прошествіи года, началъ чувствовать, какъ та почва масон-

ства, на которой онъ стоялъ, тѣмъ болѣе уходила изъ подъ его ногъ, чѣмъ тверже онъ старался стать на неѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что чѣмъ глубже уходила подъ его ногами почва, на которой онъ стоялъ, тѣмъ невольнѣе онъ былъ связанъ съ неї. Когда онъ приступилъ къ масонству, онъ испытывалъ чувство человѣка, довѣрчиво становившаго ногу на ровную поверхность болота. Поставивъ ногу, онъ провалился. Чтобы вполнѣ увѣриться въ твердости почвы, на которой онъ стоялъ, онъ поставилъ другую ногу и провалился еще больше, завязъ и уже невольно ходилъ по колено въ болотѣ.

Лосиѳа Алексѣевича не было въ Петербургѣ. (Онъ въ послѣднее время отстранился отъ дѣлъ петербургскихъ ложъ и безвыездно жилъ въ Москвѣ.) Всѣ братья, члены ложъ были Пьеру знакомые въ жизни люди, и ему трудно было видѣть въ нихъ только братьевъ по каменщичеству, а не князя Б., не Ивана Васильевича Д., которыхъ онъ зналъ въ жизни большею частію какъ слабыкъ и ничтожныхъ людей. Изъ-подъ масонскихъ фартуковъ и знаковъ онъ видѣль на нихъ мундиры и кресты, которыхъ они добивались въ жизни. Часто, собирая милостыню и сочтя 20—30 рублей, записанныхъ на приходъ, и большею частью въ долгъ, съ десяти членовъ, изъ которыхъ половина были такъ же богаты, какъ и онъ, Пьеръ вспоминалъ масонскую клятву о томъ, что каждый братъ обѣщается отдать все свое имущество для ближняго; и въ душѣ его поднимались сомнѣнія, на которыхъ онъ старался не останавливаться.

Всѣхъ братьевъ, которыхъ онъ зналъ, онъ подраздѣлялъ на четыре разряда. Къ первому разряду онъ причислялъ братьевъ, не принимающихъ дѣятельнаго участія ни въ дѣ-

лахъ ложь, ии въ дѣлахъ человѣческихъ, но занятыхъ исключительно таинствами науки ордена, занятыхъ вопросами о троиственномъ наименованіи Бога, или о трехъ началахъ вселенной — сѣрѣ, меркуриѣ и соли, или о значеніи квадрата и всѣхъ фигуръ храма Соломонова. Пьеръ уважалъ этотъ разрядъ братьевъ-масоновъ, къ которому принадлежали преимущественно старые братя, и самъ Іосифъ Алексѣевичъ, по мнѣнію Пьера, но не раздѣлялъ ихъ интересовъ. Сердце его не лежало къ мистической сторонѣ масонства.

Ко второму разряду Пьеръ причислялъ себя и себѣ подобныхъ братьевъ, ищущихъ, колеблющихся, не нашедшихъ еще въ масонствѣ прямаго и понятнаго пути, но надѣюющихся найти его.

Къ третьему разряду онъ причислялъ братьевъ (ихъ было самое большое число), не видящихъ въ масонствѣ ничего, кроме вѣшней формы и обрядности, и дорожащихъ строгимъ исполненіемъ этой вѣшней формы, не заботясь о ея содержаніи и значеніи. Таковы были Виларскій и даже великий мастеръ главной ложи.

Къ четвертому разряду наконецъ причислялось тоже большое количество братьевъ, въ особенности въ послѣднее время вступившихъ въ братство. Это были люди, по наблюденіямъ Пьера, ни во что не вѣрюще, ничего не желающіе, и поступавшіе въ масонство только для сближенія съ молодыми, богатыми и сильными по связямъ и впятности братьями, которыхъ весьма много было въ ложѣ.

Пьеръ начиналъ чувствовать себя неудовлетвореннымъ своею дѣятельностью. Масонство, по крайней мѣрѣ то масонство, которое онъ зналъ здѣсь, казалось ему иногда, основополагающее на одной вѣшности. Онъ и не думалъ сомнѣваться въ са-

момъ масонствѣ, но подозрѣвалъ, что русское масонство пошло по ложному пути и отклонилось отъ своего источника. И потому въ концѣ года Пьеръ побѣхъ за границу для посвященія себя въ высшія тайны ордена.

Лѣтомъ еще въ 1809 году, Пьеръ вернулся въ Петербургъ. По перепискѣ нашихъ масоновъ съ заграничными было извѣстно, что Безуховъ успѣлъ за границей получить довѣріе многихъ высокопоставленныхъ лицъ, проникъ многія тайны, былъ возведенъ въ высшую степень и везетъ съ собою многое для общаго блага каменщического дѣла въ Россіи. Петербургскіе масоны всѣ пріѣхали къ нему, занесивъ въ немъ, и всѣмъ показалось, что онъ что-то скрываетъ и готовить.

Назначено было торжественное засѣданіе ложи 2-го градуса, въ которой Пьеръ обѣщалъ сообщить то, что онъ имѣеть передать петербургскимъ братьямъ отъ высшихъ руководителей ордена. Засѣданіе было полно. Послѣ обыкновенныхъ обрядовъ Пьеръ всталъ и началъ свою рѣчь.

— Любезные братья, началь онъ, красный и запинаясь и держа въ рукѣ написанную рѣчь. — Недостаточно блести втиши ложи наши таинства, — нужно дѣйствовать... дѣйствовать. Мы находимся въ усыпленіи, а намъ нужно дѣйствовать. Пьеръ взялъ свою тетрадь и началъ читать.

«Для распространенія чистой истины и доставленія торжества добродѣтели, читалъ онъ, должны мы очистить людей отъ предразсудковъ, распространить правила, сообразныя съ духомъ времени, принять на себя воспитаніе юношества, соединиться неразрывными узами съ умнѣйшими людьми, смѣло и вѣрѣ благоразумно преодолѣвать суевѣrie, не-

вѣріе и глупость, образовать изъ преданныхъ намъ людей связанныхъ между собою единствомъ цѣли и имѣюющихъ власть и силу.

«Для достиженія сей цѣли должно доставить добродѣтели перевѣсь надъ порокомъ, должно стараться, чтобы честный человѣкъ обрѣталь еще въ семъ мірѣ иѣчную награду за свои добродѣтели. Но въ сихъ великихъ памѣреніяхъ препятствуютъ намъ весьма много и нынѣшняя политическая учрежденія. Что же дѣлать при таковомъ положеніи вещей? Благоприятствовать ли революціямъ, все ниспровергнуть, изгнать силу силой?... Нѣтъ, мы весьма далеки отъ того. всякая насильственная реформа достойна порицанія, потому что ии мало не исправитъ зла, пока люди остаются таковы, каковы они есть, и потому что мудрость не имѣетъ нужды въ насилии.

«Весь планъ ордена долженъ быть основанъ на томъ, чтобы образовать людей твердыхъ, добродѣтельныхъ и связанныхъ единствомъ убѣжденія, убѣжденія, состоящаго въ томъ, чтобы вездѣ и всѣми силами преслѣдовать порокъ и глупость и покровительствовать таланты и добродѣтель: извлекать изъ праха людей достойныхъ, присоединяя ихъ къ нашему братству. Тогда только орденъ нашъ будетъ имѣть власть — нечувствительно визать руки покровителямъ безпорядка и управлять ими такъ, чтобы они того не примѣчали. Однимъ словомъ, надобно учредить всеобщій владычествующій образъ правленія, который распространялся бы надъ цѣлью свѣтомъ, не разрушая гражданскихъ узъ, и при коемъ вся прочая правленія могли бы продолжаться обыкновеннымъ своимъ порядкомъ и дѣлать все, кроме того только, что препятствуетъ великой цѣли нашего ордена, то-есть доставленію добродѣ-

тели торжества надъ порокомъ. Сю цѣль предполагало само христіанство. Оно учило людей быть мудрыми и добрыми, и для собственной своей выгоды слѣдовать примѣру и наставлѣніямъ лучшихъ и мудрѣшихъ человѣковъ.

«Тогда, когда все погружено было во мракъ, достаточно было, конечно, одного проповѣданія: новость истины придавала ей особенную силу, но яныѣ потребны для насъ гораздо сильнѣйшія средства. Теперь нужно, чтобы человѣкъ, управляемый своими чувствами, находилъ въ добродѣтели чувственная прелесті. Нельзя искоренить страстей; должно только стараться навратить ихъ къ благородной цѣли, и потому надобно, чтобы каждый могъ удовлетворить своимъ страстямъ въ предѣлахъ добродѣтели, и чтобы нашъ орденъ доставлялъ къ тому средства.

«Какъ скоро будетъ у насъ вѣкоторое число достойныхъ людей въ каждомъ государствѣ, каждый изъ нихъ образуетъ опять двухъ другихъ и всѣ они тѣсно между собой соединятся — тогда все будетъ возможно для ордена, который втайне успѣлъ уже сдѣлать иное ко благу человѣчества».

Рѣчь эта произвела не только сильное впечатлѣніе, но и волненіе въ ложѣ. Большинство же братьевъ, видѣвшее въ этой рѣчи опасные замыслы иллюминатства, съ удивившею Цьера холодностью приняло его рѣчь. Великій мастеръ стала возражать Цьера. Цьерь съ большими и болѣшими жаромъ стала развивать свои мысли. Давно не было столь бурнаго засѣданія. Составились партіи: одни обвиняли Цьера, осуждая его въ иллюминатствѣ; другіе поддерживали его. Цьера въ первый разъ поразило на этомъ собраніи то безконечное разнообразіе умовъ человѣческихъ, которое дѣлаетъ то, что никакая истина однозаконно не представляется двумъ людямъ.

Даже тѣ изъ членовъ, которые, казалось, были на его сторонѣ, иончиали его по своему, съ ограниченіями, измѣненіями, на которыхъ онъ не могъ согласиться, такъ какъ главная потребность Пьера состояла именно въ томъ, чтобы передать свою мысль другому точно такъ, какъ онъ самъ понималъ ее.

По окончаніи засѣданія великий мастеръ съ недоброжелательствомъ и ироніей сдѣлалъ Безухову замѣчаніе о его горячности и о томъ, что не одна любовь къ добродѣтели, но и увлеченіе борьбы руководило имъ въ спорѣ. Пьеръ не отвѣталъ ему и коротко спросилъ, будетъ ли припято его предложеніе. Ему сказали, что пѣтъ, и Церь, не дожидаясь обычныхъ формальностей, вышелъ изъ ложи и уѣхалъ домой.

VIII.

На Пьера опять нашла та тоска, которой онъ такъ боялся. Онъ три дня послѣ произнесенія своей рѣчи лежалъ дома на диванѣ, никого не принимая и никуда не выѣзжая.

Въ это время онъ получилъ письмо отъ жены, которая умоляла его о свиданіи, писала о своей грусти по немъ, и о желаніи посвятить ему всю свою жизнь.

Въ концѣ письма она извѣщала его, что на дніяхъ пріѣдетъ въ Петербургъ изъ-за границы.

Всльдъ за письмомъ въ уединеніе Пьера ворвался одинъ изъ менѣе другихъ уважаемыхъ имъ братьевъ-масоновъ и, наведя разговоръ на супружескія отношенія Пьера, въ видѣ братскаго совѣта высказалъ ему мысль о томъ, что строгость его къ женѣ несправедлива, и что Пьеръ отступаетъ отъ первыхъ правилъ масона, не прощающагося.

Въ это же самое время теща его, жена князя Василья, присыпала за пимъ, умоляя его хоть на нѣсколько минутъ посѣтить ее для переговоровъ о весьма важномъ дѣлѣ. Пьеръ видѣлъ, что былъ заговоръ противъ него, что его хотѣли соединить съ женой, и это было даже не непріятно ему въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находился. Ему было все равно: Пьеръ ничего въ жизни не считалъ дѣломъ большой важности, и подъ вліяніемъ тоски, которая теперь овладѣла имъ, онъ не дорожилъ ни своею свободой, ни своимъ упорствомъ въ наказаніи жены.

„Никто не правъ, никто не виноватъ“, думалъ опь. Ежели Пьеръ не изъявилъ тотчасъ же согласія на соединеніе съ женой, то только потому, что въ состояніи тоски, въ которомъ онъ находился, онъ не былъ въ спахъ ничего предпринять. Ежели бы жена пріѣхала къ нему, онъ бы теперь не прогналъ ея. Развѣ не все равно было въ сравненіи съ тѣмъ, что занимало Пьера, жить или не жить съ женой?

Не отвѣчая ничего ни женѣ, ни тещѣ, Пьеръ разъ позднимъ вечеромъ собрался въ дорогу и уѣхалъ въ Москву, чтобы повидаться съ Іосифомъ Алексѣевичемъ. Вотъ что писалъ Пьеръ въ дневникѣ своемъ.

„Москва, 17-го ноября.

„Сейчасъ только пріѣхалъ отъ благодѣтеля, и сиѣшу записать все, что я испыталъ при этомъ. Іосифъ Алексѣевичъ живетъ бѣдно и страдаетъ третій годъ мучительной болѣзни пузыри. Никто никогда не слыхалъ отъ него стона или слова ропота. Съ утра до поздней ночи, за исключеніемъ часовъ, въ которые онъ кушаетъ самую простую пищу, онъ работаетъ надъ наукой. Онъ принялъ меня милостиво и по-

садилъ на кровати, на которой онъ лежалъ; я сдѣлалъ ему знакъ рыцарей Востока и Іерусалима, онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же и съ кроткою улыбкой спросилъ меня о томъ, что я узналъ и приобрѣлъ въ прусскихъ и шотландскихъ ложахъ. Я рассказалъ ему все, какъ умѣлъ, передавъ тѣ основанія, которыхъ я предлагалъ въ нашей петербургской ложѣ, и сообщилъ о дурномъ пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ, и о разрывѣ, произошедшемъ между мною и братьями. Іосифъ Алексѣевичъ изрядно помолчавъ и подумавъ, на все это изложилъ мнѣ свой взглядъ, который мгновенно освѣтилъ мнѣ все прошедшее и весь будущій путь, предлежащій мнѣ. Онъ удивилъ меня, спросивъ о томъ, помню ли я, въ чёмъ состоить троакая цѣль ордена: 1) въ храненіи и познаніи таинства; 2) въ очищеніи и исправленіи себя для воспринятія онаго и 3) въ исправленіи рода человѣческаго чрезъ стремленіе къ таковому очищенію. Какая есть главнѣйшая и первая цѣль изъ этихъ трехъ? Конечно собственное исправленіе и очищеніе. Только къ этой цѣли мы можемъ всегда стремиться независимо отъ всѣхъ обстоятельствъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта-то цѣль и требуетъ отъ насъ наиболѣе трудовъ, и потому, заблуждаясь гордостью, мы, упуская эту цѣль, беремся либо за таинство, которое недостойны воспринять по нечестотѣ своей, либо беремся за исправленіе рода человѣческаго, когда сами изъ себя являемъ примѣръ мерзости и разврата. Иллюминатство не есть чистое ученіе именно потому, что оно увлеклось общественною дѣятельностью и преисполнено гордости. На этомъ основаніи Іосифъ Алексѣевичъ осудилъ мою рѣчь и всю мою дѣятельность. Я согласился съ нимъ въ глубинѣ души своей. По слухамъ разговора нашего о моихъ семейныхъ дѣлахъ, онъ сказалъ мнѣ: „Главная обязанность

истиннаго масона, какъ я сказалъ вамъ, состоить въ совершенствованіи самого себя. Но часто мы думаемъ, что, удаливъ отъ себя всѣ трудности нашей жизни, мы скорѣе достигнемъ этой цѣли; напротивъ, государь мой, сказалъ онъ мнѣ, только въ средѣ свѣтскихъ волненій можемъ мы достигнуть трехъ главныхъ цѣлей: 1) самопознанія; ибо человѣкъ можетъ познавать себя только透过 сравненіе; 2) совершенствованія, только борьбой достигается оно, и 3) достигнуть главной добродѣтели — любви къ смерти. Только превратности жизни могутъ показать намъ тщету ея и могутъ содѣйствовать нашей врожденной любви къ смерти или возрожденію къ новой жизни. „Слова эти тѣмъ болѣе замѣчательны, что Іосифъ Алексѣевичъ, несмотря на свои тяжкія физическія страданія, никогда не тяготится жизнью, а любить смерть, къ которой онъ, несмотря на всю чистоту и высоту своего внутренняго человѣка, не чувствуетъ еще себя достаточно готовымъ. Потомъ благодѣтель объяснилъ мнѣ вполнѣ значеніе великаго квадрата мірозданія и указалъ на то, что тройственное и седьмое число суть основаніе всего. Онъ совѣтовалъ мнѣ не отстрапатъся отъ общенія съ петербургскими братьями, и запимая въ ложѣ только должности 2-го градуса, стараться, отвлекая братьевъ отъ увлеченій гордости, обращать ихъ на истинный путь самопознанія и совершенствованія. Кромѣ того, для себя лично совѣтовалъ мнѣ первѣе всего слѣдить за самимъ собою, и съ этою цѣлью далъ мнѣ тетрадь, ту самую, въ которой я пишу и буду вписывать впередъ всѣ свои поступки“.

„Петербургъ, 23-го ноября.

„Я опять живу съ женой. Теща моя въ слезахъ пріѣхала ко мнѣ и сказала, что Эленъ здѣсь и что она умоляетъ меня

выслушать ее, что она невинна, что она несчастна моимъ оставленiemъ, и многое другое. Я зналъ, что ежели я только допущу себя увидать ее, то не въ силахъ буду болѣе отказать ей въ ея желаніи. Въ сомнѣніи своемъ я не спалъ, къ чьей помощи и совѣту прибѣгнуть. Ежели бы благодѣтель былъ здѣсь, онъ бы сказалъ мнѣ. Я удалился къ себѣ, перечель письма Иосифа Алексѣевича, вспомнилъ свои бесѣды съ нимъ, и изъ всего вывелъ то, что я не долженъ отказывать просящему и долженъ подать руку помощи всякому, тѣмъ болѣе человѣку, столь связанныму со мною, и долженъ нести крестъ свой. Но ежели я для добродѣтели простишь ее, то пускай и будетъ мое соединеніе съ нею имѣть одну духовную цѣль. Такъ я рѣшилъ и такъ написалъ Иосифу Алексѣевичу. Я сказалъ женѣ, что прошу ее забыть все старое, прошу простить мнѣ то, въ чемъ я могъ быть виноватъ предъ нею, а что мнѣ прощать ей ничего. Мнѣ радостно было сказать ей это. Пусть она не знаеть, какъ тяжело мнѣ было вновь увидать ее. Устроился въ большомъ домѣ въ верхнихъ покояхъ и испытываю счастливое чувство обновленія".

IX.

Какъ и всегда, и тогда высшее общество, соединяясь виѣстѣ при дворѣ и на большихъ балахъ, подраздѣлялось на нѣсколько кружковъ, имѣющихъ каждый свой оттѣнокъ. Въ числѣ ихъ самый обширный былъ кружокъ французскій, Наполеоновскаго союза, — графа Румянцева и Коленкура. Въ этомъ кружкѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ заняла Эленъ, какъ только она съ мужемъ поселилась въ Петербургѣ. У неї бывали господа французского посольства, и

большое количество людей, известныхъ своимъ умомъ и любезностью, принадлежавшихъ къ этому направлению.

Эленъ была въ Эрфуртѣ во время знаменитаго свиданія императоровъ и оттуда привезла эти связи со всѣми Наполеоновскими достопримѣчательностями Европы. Въ Эрфуртѣ она имѣла блестящій успѣхъ. Самъ Наполеонъ, замѣтивъ ее въ театрѣ, спросилъ кто она и оцѣнилъ ея красоту. Успѣхъ ея въ качествѣ красивой и элегантной женщины не удивлялъ Пьера, потому что съ годами она сдѣлалась еще красивѣе, чѣмъ прежде. Но удивляло его то, что за эти два года жена его уснѣла пріобрѣсти себѣ репутацію „прелестной женщины, столь же умной, сколько и прекрасной“, какъ говорили про нее по-французски. Извѣстный князь де-Линь писалъ ей письма на восьми страницахъ. Билибинъ приберегалъ свои mots, чтобы въ первый разъ сказать ихъ пріграфинѣ Безуховой. Быть принятымъ въ салонѣ пріграфини Безуховой считалось дипломомъ ума; молодые люди прочитывали книги предъ вечеромъ Эленъ, чтобы было о чѣмъ говорить въ ея салонѣ, и секретари посольства и даже посланники повѣряли ей дипломатическія тайны, такъ что Эленъ была сила въ нѣкоторомъ родѣ. Пьеръ, который зналъ, что она была очень глупа, съ страннымъ чувствомъ недовѣрія и страха иногда присутствовалъ на ея вечерахъ и обѣдахъ, гдѣ говорилось о политикѣ, поэзіи и философії. На этихъ вечерахъ онъ испытывалъ чувство, подобное тому, которое долженъ испытывать фокусникъ, ожидая всякой разъ, что вотъ-вотъ обманъ его откроется. Но оттого ли, что для веденія такого салона именно нужна была глупость, или потому что сами обманываемые находили удовольствіе въ этомъ обманѣ, обманъ не открывался, и репутація „женщины пре-

лестной и умной" такъ непоколебимо утверждалась за Еленой Васильевной Безуховой, что она могла говорить самыя большия пошлости и глупости, и все-таки всѣ восхищались каждымъ ея словомъ и отыскивали въ немъ глубокій смыслъ, котораго она сама и не подозрѣвала.

Пьеръ былъ именно тѣмъ самымъ мужемъ, который вуженъ былъ для этой блестящей свѣтской женщины. Онъ былъ тотъ разсѣянный чудакъ, мужъ гранъ-сеньоръ, никому не мѣшающій, и не только не портицій общаго впечатлѣнія высокаго тона гостиной, но, своею противоположностью изяществу и такту жены, служацій выгоднымъ для нея фономъ. Пьеръ за эти два года, вслѣдствіе своего постояннаго сосредоточеннаго занятія невещественными интересами искренняго презрѣнія ко всему остальному, усвоилъ себѣ въ неинтересовавшемъ его обществѣ жены тонъ равнодушія, небрежности и благосклонности ко всѣмъ, который не приобрѣтается искусственно, и который потому-то и внушаетъ невольное уваженіе. Онъ входилъ въ гостиную своей жены, какъ въ театръ, со всѣми былъ знакомъ, всѣмъ былъ одинаково радъ и ко всѣмъ былъ одинаково равнодушенъ. Иногда онъ встѣпалъ въ разговоръ, интересовавший его, и тогда, безъ соображеній о томъ, были ли тутъ или нетъ „господа посольства“, шамкая, говорилъ свои мнѣнія, которыхъ иногда были совершенно не въ тонѣ настоящей минуты. Но мнѣніе о чудакѣ-мужѣ „самой замѣчательной женщины Петербурга“ уже такъ установилось, что никто не приималъ серьезно его выходокъ.

Въ числѣ многихъ молодыхъ людей, ежедневно бывавшихъ въ домѣ Эленъ, Борисъ Друбецкой, уже весьма успѣвшій въ службѣ, былъ, послѣ возвращенія Эленъ изъ Эрфурта,

самымъ близкимъ чловѣкомъ въ домѣ Безуховыхъ. Элень называла его „мой паж“ и обращалась съ нимъ какъ съ ребенкомъ. Улыбка ея въ отношеніи его была та же, какъ и ко всѣмъ, но иногда Пьеру непріятно было видѣть эту улыбку. Борисъ обращался съ Пьеромъ съ особенною, достойною и грустною почтительностью. Этотъ оттѣнокъ почтительности тоже беспокоплъ Пьера. Пьеръ такъ болѣе страдалъ три года тому назадъ отъ оскорблениія, нанесеннаго ему женой, что теперь онъ спасаль себя отъ возможности подобнаго оскорблениія во-первыхъ тѣмъ, что онъ не былъ мужемъ своей жены, во-вторыхъ тѣмъ, что онъ не позволялъ себѣ подозрѣвать.

„Нѣтъ, теперь сдѣлавшись синимъ чулкомъ, она навсегда отказалась отъ прежнихъ увлеченій“, говорилъ онъ самъ себѣ. „Не было прімѣра, чтобы синіе чулки имѣли сердечный увлеченій“, повторялъ онъ самъ себѣ, неизвѣстно откуда извлеченнное правило, которому песомнѣнно вѣрилъ. Но, странное дѣло, присутствіе Бориса въ гостиной жени (а онъ былъ почти постоянно) физически дѣйствовало на Пьера: оно свидѣвало всѣ его члены, уничтожало безсознательность и свободу его движеній.

„Такая странная антипатія“, думалъ Пьеръ, „а прежде онъ мнѣ даже очень нравился“.

Въ глазахъ свѣта, Пьеръ былъ большой баринъ, нѣсколько слѣпой и смѣшной мужъ знаменитой жены, умный чудакъ, ничего не дѣлающій, но и никому не вредящій, славный и добрый малый. Въ душѣ же Пьера происходила за все это время сложная и трудная работа внутреннаго развитія, открывшая ему многое и приведшая его ко многимъ духовнымъ сомнѣніямъ и радостямъ.

X.

Онъ продолжалъ свой дневникъ, и вотъ что онъ писалъ въ немъ за это время:

„24-го ноября.

„Всталъ въ восемь часовъ, читалъ Св. Писаніе, потомъ пошелъ къ должности (Пьеръ, по совѣту благодѣтеля, поступилъ на службу въ одинъ изъ комитетовъ), возвратился къ обѣду, обѣдалъ одинъ (у графини много гостей, мнѣ не-пріятныхъ), Ѣль и пиль умѣренно и послѣ обѣда списывалъ шесы для братьевъ. Ввечеру сошелъ къ графинѣ и рассказа-заль смѣшную исторію о Б., и только тогда вспомнилъ, что этого не должно было дѣлать, когда всѣ уже громко смеялись.

„Ложусь спать съ счастливымъ и спокойнымъ духомъ. Гос-поди великий, помоги мнѣ ходить по стезямъ Твоимъ: 1) по-бѣждать часть гиѣвну — тихостью, медленіемъ, 2) похоть — воздержаніемъ и отвращеніемъ, 3) удаляться отъ суеты, но не отлучать себя отъ а) государственныхъ дѣлъ службы, б) отъ заботъ семейныхъ, с) отъ дружескихъ сношеній, и д) эконо-мическихъ занятій“.

„27-го ноября.

„Всталъ поздно и, проснувшись, долго лежалъ на постели, предаваясь лѣни. Боже мой, помоги мнѣ и укрѣпи меня, дабы я могъ ходить по путямъ Твоимъ. Читалъ Св. Писаніе, но безъ надлежащаго чувства. Пришелъ братъ Урусовъ, бе-сѣдовали о суетахъ міра. Разсказывалъ о новыхъ предна-чертаніяхъ государя. И началь было осуждать, но вспомнилъ о своихъ правилахъ и слова благодѣтеля нашего о томъ, что истинный масонъ долженъ быть усерднымъ дѣятелемъ въ го-сударствѣ, когда требуется его участіе, и спокойнымъ созер-

цателемъ того, къ чему онъ не призванъ. Языкъ мой — врагъ мой. Посѣтили меня братья Г. В. и О., была пріуготовительная бесѣда для принятія новаго брата. Они возлагаютъ на меня обязанность ритора. Чувствую себя слабымъ и недостойнымъ. Потомъ зашла рѣчь объ объясненіи семи столбовъ и ступеней храма 7 наукъ, 7 добродѣтелей, 7 пороковъ, 7 даровъ Святаго Духа. Братъ О. былъ очень краснорѣчивъ. Вечеромъ совершилось принятіе. Новое устройство помѣщенія много содѣствовало великолѣпію зрелища. Принять былъ Борисъ Друбецкой. Я предлагалъ его, я и былъ риторомъ. Странное чувство волновало меня во все время моего пребыванія съ пимъ въ темной храминѣ. Я засталъ въ себѣ къ нему чувство ненависти, которое я тщетно стремлюсь преодолѣть. И потому-то я желалъ бы истинно спасти его отъ злого и ввести его на путь истины; но дурные мысли о немъ не оставляли меня. Мнѣ думалось, что его цѣль вступленія въ братство состояла только въ желаніи сблизиться съ людьми, быть въ фаворѣ у находящихся въ нашей ложѣ. Кромѣ тѣхъ оснований, что онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, не находится ли въ нашей ложѣ N. и S. (на что я не могъ ему отвѣтить), кромѣ того, онъ по моимъ наблюденіямъ неспособенъ чувствовать уваженія къ нашему святыму ордену и слишкомъ занятъ и доволенъ вниманиемъ человѣкомъ, чтобы желать улучшенія духовнаго. Я не имѣлъ оснований сомнѣваться въ немъ, но онъ мнѣ казался неискреннимъ, и все время, когда я стоялъ съ нимъ съ глазу на глазъ въ темной храминѣ, мнѣ казалось, что онъ презрительно улыбается на мои слова, и хотѣлось дѣйствительно уколоть его обнаженную грудь шпагой, которую я держалъ приставленную къ ней. Я не могъ быть краснорѣчивъ и не могъ

искренно сообщить своего сомнѣнія братьямъ и великому мастеру. Великій Архитекторъ природы, помоги мнѣ находить истинные пути, выводящіе изъ лабиринта лжи.

Послѣ этого въ дневникѣ было пропущено три листа, и потомъ было написано слѣдующее:

„Имѣть поучительный и длинный разговоръ наединѣ съ братомъ В., который совѣтовалъ мнѣ держаться брата А. Многое, хотя и недостойному, мнѣ было открыто. Адонай есть имя сотворившаго міръ. Элоимъ есть имя правящаго всѣмъ. Третье имя, имя неизрекаемое, имѣющее значеніе *Всего*. Бесѣды съ братомъ В. подкрепляютъ, освѣжаютъ и утверждаютъ меня на пути добродѣтели. При немъ вѣтъ мѣста сомнѣнію. Мнѣ ясно различіе бѣднаго ученія наукъ общественныхъ съ нашимъ святымъ, все обнимающимъ ученіемъ. Науки человѣческія все подраздѣляютъ — чтобы понять, все убиваютъ — чтобы разсмотретьъ. Въ святой наукѣ ордена все едино, все познается въ своей совокупности и жизни. Троица — три начала вещей — сѣра, меркурій и соль. Сѣра елейного и огненного свойства; она въ соединеніи съ солью, огнеподобною своею возбуждаетъ въ ней алканіе, посредствомъ котораго притягиваетъ меркурій, схватываетъ его, удерживаетъ и совокупно производить отдѣльныя тѣла. Меркурій есть жидкая и летучая духовная сущность. — Христосъ, Духъ Святой, Онъ“.

„3-го декабря.

„Пробнулся поздно, читалъ Св. Писаніе, но былъ безчувственъ. Послѣ вышелъ и ходилъ по залу. Хотѣлъ размышлять, но виѣсто того воображеніе представило одно происшествіе, бывшее четыре года тому назадъ. Господинъ Доложковъ, послѣ моей дуэли встрѣтясь со мной въ Москвѣ, сказалъ

мнѣ, что онъ надѣется, что я пользуюсь теперь полнымъ душевнымъ спокойствиемъ, несмотря на отсутствие моей супруги. Я тогда ничего не отвѣчалъ. Теперь я припомнилъ всѣ подробности этого свиданія, и въ душѣ своей говорилъ ему самыя злобныя слова и колкіе отвѣты. Опомнился и бросилъ эту мысль только тогда, когда увидалъ себя въ рас牌照іи гнѣва; но недостаточно раскаялся въ этомъ. Послѣ пришель Борисъ Друбецкой и сталъ рассказывать разныя приключения: я же съ самого его прихода сдѣлался недоволенъ его посѣщеніемъ, и сказалъ ему что-то противное. Онъ возразилъ. Я вспыхнулъ и наговорилъ ему множество непріятнаго и даже грубаго. Онъ замолчалъ, и я спокватился только тогда, когда было уже поздно. Боже мой, я совсѣмъ не умѣю съ нимъ обходиться. Этому причиной мое самолюбіе. Я ставлю себя выше его, и потому дѣлаюсь гораздо его хуже, ибо онъ снисходителенъ къ моимъ грубостямъ, а я напротивъ того питаю къ нему презрѣніе. Боже мой, даруй мнѣ въ присутствіи его видѣть больше мою мерзость, и поступать такъ, чтобы и ему это было полезно. Послѣ обѣда заснуль и въ то время какъ засыпалъ, услыхалъ явственно голосъ, сказавшій мнѣ въ лѣвое ухо: „твой день“.

„Я видѣлъ во снѣ, что иду я въ темнотѣ, и вдругъ окружены собаками, но иду безъ страха; вдругъ одна небольшая схватила меня за лѣвое стегно зубами и не выпускаеть. Я сталъ давить ее руками. И только что я оторвалъ ее, какъ другая, еще большая, стала грызть меня. Я сталъ поднимать ее и чѣмъ больше поднималъ, тѣмъ она становилась больше и тяжеле. И вдругъ идетъ братъ А. и, взявъ меня подъ руку, повелъ съ собою и привелъ къ зданію, для входа въ которое надо было пройти по узкой доскѣ. Я ступилъ

на нее, и доска отогнулась и упала, и я сталъ лѣзть на заборъ, до которого едва достигалъ руками. Послѣ большихъ усилий я перетащилъ свое тѣло такъ, что ноги висѣли на одной, а туловище на другой сторонѣ. Я оглянулся и увидѣлъ, что братъ А. стоитъ па заборѣ и указываетъ мнѣ на большую аллею и садъ, и въ саду большое и прекрасное зданіе. Я проснулся. Господи, Великій Архитекторъ природы! помоги мнѣ оторвать отъ себя собакъ — страстей моихъ и послѣднюю изъ нихъ, совокупляющую въ себѣ силы всѣхъ прежнихъ, и помоги мнѣ вступить въ тотъ храмъ добродѣтели, коего лицезрѣнія я во снѣ достигнулъ“.

„7-го декабря.

„Видѣлъ сонъ, будто Іосифъ Алексѣевичъ въ моемъ домѣ сидѣть, и я радъ очень, и желаю угостить его. Будто я съ посторонними неумолчно болтаю и вдругъ вспомниль, что это ему не можетъ нравиться, и желаю къ нему приблизиться и его обнять. Но только что приблизился, вижу, что лицо его преобразилось, стало молодое, и онъ мнѣ тихо что-то говорить изъ ученыхъ ордена, такъ тихо, что я не могу разслышать. Потомъ, будто, вышли мы всѣ изъ комнаты, и что-то тутъ случилось мудреное. Мы сидѣли или лежали на полу. Онъ мнѣ что-то говорилъ. А мнѣ будто захотѣлось показать ему свою чувствительность и я, не вслушиваясь въ его рѣчи, сталъ себѣ воображать состояніе своего внутренняго человѣка и осѣнившую меня милость Божію. И появились у меня слезы ва глазахъ, и я былъ доволенъ, что онъ это примѣтилъ. Но онъ взглянулъ на меня съ досадой и вскочилъ, пресѣкши свой разговоръ. Я оробѣлъ и спросилъ, не ко мнѣ ли сказанное относилось; но онъ ничего не отвѣчалъ, показаль мнѣ ласковый видъ, и послѣ вдругъ очутился ми въ спальни

моей, гдѣ стоитъ двойная кровать. Онъ легъ на нее на край, и я будто шлаль къ нему желаніемъ ласкаться и прилечь тутъ же. И онъ будто у меня спрашиваетъ: „Скажите по правдѣ, какое вы имѣете главное пристрастіе? Узнали ли вы его? Я думаю, что вы уже его узнали“. Я, смущившись симъ вопросомъ, отвѣчалъ, что лѣнъ мое главное пристрастіе. Онъ недовѣрчиво покачалъ головой. И я ему, еще болѣе смущившись, отвѣчалъ, что я, хотя и живу съ женой по его совѣту, но пе какъ мужъ жены своей. На это онъ возразилъ, что не должно жену лишать своей ласки, даъ чувствовать, что въ этомъ была моя обязанность. Но я отвѣчаль, что я стыжусь этого, и вдругъ все скрылось. И я проснулся, и нашелъ въ мысляхъ своихъ текстъ Св. Писания: *Жизнь бѣ селько человѣкомъ, и селько во тмѣ сельтитъ и тма ею не объягтъ.* Лицо у Иосифа Алексѣевича было моложавое и свѣтлое. Въ этотъ день получилъ письмо отъ благодѣтеля, въ которомъ онъ пишетъ объ обязанностяхъ супружества“.

9-го декабря.

„Видѣлъ сонъ, отъ которого проснулся съ трепещущимся сердцемъ. Видѣлъ, будто я въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, въ большой диванной, и изъ гостиной выходить Иосифъ Алексѣевичъ. Будто я тотчасъ узналъ, что съ нимъ уже совершился процессъ возрожденія, и бросился ему навстрѣчу. Я будто его цѣлую, и руки его, а онъ говоритъ: „Примѣтилъ ли ты, что у меня лицо другое?“ Я посмотрѣлъ на него, продолжая держать его въ своихъ объятіяхъ, и будто вижу, что лицо его молодое, но волость на головѣ вѣтъ, и черты совершенно другія. И будто я ему говорю: „Я бы васъ узналъ, ежели бы случайно съ вами встрѣтился“, и думаю между тѣмъ: „правду ли я сказалъ?“ И вдругъ вижу, что онъ ле-

жить какъ трупъ мертвый; потомъ понемногу привѣтъ въ себя и вошелъ со мной въ большой кабинетъ, держа большую книгу, писанную, въ александрийской листъ. И будто я говорю: „это я написалъ“. И онъ отвѣтилъ мнѣ на-клоненiemъ головы. Я открылъ книгу, и въ книгѣ этой на всѣхъ страницахъ прекрасно нарисовано. И я будто знаю, что эти картины представляютъ любовные похождения душа съ ея возлюбленнымъ. И на страницахъ будто я вижу прекрасное изображеніе дѣвицы въ прозрачной одеждѣ и съ прозрачнымъ тѣломъ, взлетающей къ облакамъ. И будто я знаю, что эта дѣвица есть не что иное, какъ изображеніе Пѣсни Пѣсней. И будто я, глядя на эти рисунки, чувствую, что я дѣлаю дурно и не могу оторваться отъ нихъ. Господи, помоги мнѣ! Боже мой, если это оставленіе Тобою меня есть дѣйствіе Твое, то да будетъ воля Твоя; но ежели же я самъ причинилъ сіе, то научи меня, что мнѣ дѣлать. Я погибну отъ своей развратности, буде Ты меня вовсе оставилъ“.

XI.

Денежная дѣла Ростовыхъ не поправились въ продолженіи двухъ лѣтъ, которые они пробыли въ деревнѣ.

Несмотря на то, Николай Ростовъ, твердо держась своего намѣренія, продолжалъ темно служить въ глухомъ полку, расходуя сравнительно мало денегъ, ходъ жизни въ Отрадномъ былъ таковъ, и въ особенности Митенька такъ вель дѣла, что долги неудержимо росли съ каждымъ годомъ. Единственная помощь, которая очевидно представлялась старому графу, это была служба, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста; искать мѣста и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ говорилъ, въ послѣдній разъ потѣшить дѣвчать.

Вскорѣ послѣ прїѣзда Ростовыхъ въ Петербургъ, Бергъ сдѣлалъ предложеніе Вѣрѣ, и предложеніе его было принято.

Несмотря на то, что въ Москвѣ Ростовы принадлежали къ высшему обществу, сами того не зная и не думая о томъ, къ какому они принадлежали обществу, въ Петербургѣ общество ихъ было смѣшанное и неопределеннное. Въ Петербургѣ они были провинціалы, до которыхъ не спускались тѣ самые люди, которыхъ, не спрашивая ихъ къ какому они принадлежать обществу, въ Москвѣ кормили Ростовы.

Ростовы въ Петербургѣ жили таѣжъ же гостепримно, какъ и въ Москвѣ, и на ихъ ужинахъ сходились самыя разнообразныя лица: сосѣди по Отрадному, старые небогатые помѣщики съ дочерьми и фрейлина Неронская, Пьеръ Безуховъ и сынъ єѣзднаго почтмейстера, служившій въ Петербургѣ. Изъ мужчинъ домашними людьми въ домѣ Ростовыхъ въ Петербургѣ очень скоро сдѣлались Борисъ, Пьеръ, котораго, встрѣтивъ на улицѣ, затащилъ къ себѣ старый графъ, и Бергъ, который цѣлые дни проводилъ у Ростовыхъ и оказывалъ старшей графинѣ Вѣрѣ такое вниманіе, которое можетъ оказывать молодой человѣкъ, намѣревающійся сдѣлать предложеніе.

Бергъ недаромъ показывалъ всѣмъ свою раненую въ Аустерлицкомъ сраженіи правую руку и держалъ совершение ненужную шагу въ лѣвой. Онъ таѣжъ упорно и съ такою значительностью рассказывалъ всѣмъ это событие, что всѣ повѣрили въ цѣлесообразность и достоинство этого поступка; и Бергъ получилъ за Аустерлицъ двѣ награды.

Въ Финляндской войнѣ ему удалось также отличиться. Онъ поднялъ осколокъ гранаты, которымъ былъ убитъ адъютантъ подлѣ главнокомандующаго и подпесъ начальнику этой осколокъ. Такъ же, какъ и послѣ Аустерлица, онъ таѣжъ долго и

упорно рассказывалъ всѣмъ про это событіе, что всѣ повѣрили тоже, что надо было это сдѣлать, и за Финляндскую войну Бергъ получилъ двѣ награды. Въ 1809-омъ году онъ былъ капитанъ гвардіи съ орденами и занималъ въ Петербургѣ каких-то особенныхъ выгодныхъ мѣстъ.

Хотя некоторые вольнодумцы и упоминались, когда имъ говорили про достоинства Берга, нельзя было не согласиться, что Бергъ былъ исправный, храбрый офицеръ; на отличномъ счету у начальства, и нравствѣнныи молодой человѣкъ съ блестящей карьерой впереди и даже прочнымъ положеніемъ въ обществѣ.

Четыре года тому назадъ, встрѣтившись въ партерѣ московскаго театра съ товарищемъ-нѣмцемъ, Бергъ указалъ ему на Вѣру Ростову и по-нѣмецки сказалъ: „Вотъ она будетъ мою жену“, и съ той минуты рѣшилъ жениться на ней. Теперь, въ Петербургѣ, сообразивъ положеніе Ростовыхъ и свое, онъ рѣшилъ, что пришло время, и сдѣлалъ предложеніе.

Предложеніе Берга было принято сначала съ недостаткомъ для него недоумѣніемъ: Сначала представилось странно, что сынъ темнаго лифляндскаго дворянки дѣлаетъ предложеніе графинѣ Ростовой: по главное свойство характера Берга состояло въ такомъ наивномъ и добродушномъ эгоизмѣ, что невольно Ростовы подумали, что это будетъ хорошо, ежели онъ самъ такъ твердо убѣжденъ, что это хорошо и даже очень хорошо. Притомъ же дѣла Ростовыхъ были очень разстроены, чего не могъ не знать женихъ, а главное, Вѣрѣ было 24 года, она выѣзжала вездѣ; и несмотря на то, что она несомнѣнно была хороша и разсудительна, до сихъ поръ никто никогда ей не сдѣлалъ предложенія. Согласіе было дано.

— Вотъ видите ли, говорилъ Бергъ своему товарищу, котораго онъ называлъ другомъ только потому, что онъ зналъ, что у всѣхъ людей бываютъ друзья. — Вотъ видите ли, я все это сообразилъ, и я бы не женился, ежели бы не обдумалъ всего, и это почему-нибудь было бы неудобно. А теперь напротивъ, папенька и маленька и опять обеспечены, я имъ устроилъ эту аренду въ Остзейскомъ краѣ, а мнѣ прожить можно въ Петербургѣ при моемъ жалованье, при ея состояніи и при моей аккуратности. Прожить можно хорошо. Я не изъ-за денегъ женюсь, я считаю это неблагородно; но надо, чтобы жена принесла свое, а мужъ свое. У меня служба — у нея связи и маленькия средства. Это въ наше время что-нибудь такое значить, не такъ ли? А главное — она прекрасная, почтенная девушка и любить меня...

Бергъ покраснѣлъ и улыбнулся.

— И я люблю ее, потому что у нея характеръ разсудительный — очень хороший. Вотъ другая ея сестра — одной фамилии, и совсѣмъ другое, и испрѣятный характеръ, и ума нѣть того, а этакое, знаете?... Непрѣятно... А моя невѣста... Вотъ будете приходить къ намъ... продолжалъ Бергъ, онъ хотѣлъ сказать обѣдать, но раздумалъ: и сказалъ: „чай пить“, и, проткнувъ его быстро языкомъ, выпустилъ круглое маленькое колечко табачнаго дыма, олицетворявшее вполнѣ его мечты о счастьи.

Послѣ первого чувства недоумѣнья, возбужденного въ родителяхъ предложеніемъ Берга, въ семействѣ водворилась обычная въ такихъ случаяхъ праздничность и радость, но радость была не искренняя, а виѣшняя. Въ чувствахъ родныхъ относительно этой свадьбы были замѣтны замѣшательство и стыдливость. Какъ будто имъ совсѣмъ было теперь

за то, что они мало любили Вѣру, и теперь такъ охотно сбывали ее съ рукъ. Больше всѣхъ смущенъ былъ старый графъ. Онъ вѣроятно не сумѣлъ бы назвать того, что было причиной его смущенія, а причина эта были его денежныя дѣла. Онъ рѣшительно не зналъ, чтѣ у него есть, сколько у него долговъ и чтѣ онъ въ состояніи будетъ дать въ приданое Вѣрѣ. Когда родились дочери, каждой было назначено по 300 душъ въ приданое; но одна изъ этихъ деревень была уже продана, а другая заложена и такъ просрочена, что должна была продаваться, поэтому отдать имѣніе было невозможно. Денегъ тоже не было.

Бергъ уже болѣе недѣля былъ женатъ и только недѣля оставалась до свадьбы, а графъ еще не рѣшилъ съ собой вопроса о приданомъ и не говорилъ объ этомъ самъ съ женою. Графъ то хотѣлъ отдать Вѣрѣ рязанское имѣніе, то хотѣлъ продать лѣсъ, то занять девегъ подъ вексель. За не сколько дней до свадьбы, Бергъ вошелъ рано утромъ въ кабинетъ къ графу и съ пріятною улыбкой почтительно попросилъ будущаго тестя объяснить ему, что будетъ дано за графиней Вѣрой. Графъ, такъ смущился при этомъ давно предчувствованномъ вопросѣ, что сказалъ необдуманно первое, что пришло ему въ голову.

— Люблю, что позаботился, люблю, останешься доволенъ.

И онъ, поклонивъ Берга по плечу, всталъ, желая прекратить разговоръ. Но Бергъ, пріятно улыбаясь, объяснилъ, что, ежели онъ не будетъ знать вѣрио, что будетъ дано за Вѣрой, и не получитъ впередъ хотя части того, что назначено ей, то онъ принужденъ будетъ отказатьсѧ.

— Потому что, разсудите, графъ, ежели бы я теперь по-

зволилъ себѣ жениться, не лиѣя опредѣленныхъ средствъ для поддержанія своей жены, и поступилъ бы подло...

Разговоръ кончился тѣмъ, что графъ, желая быть великодушнымъ и не подвергаться новымъ просьбамъ, сказалъ, что онъ выдастъ вексель въ 80 тысячъ. Бергъ кротко улынулся, поцѣловавъ графа въ плечо и сказалъ, что онъ очень благодаренъ, но никакъ не можетъ теперь устроиться въ новой жизни, не получивъ чистыми деньгами 30 тысячъ.

— Хотя бы 20 тысячъ, графъ, прибавилъ онъ; — а вексель тогда только въ 60 тысячъ.

— Да, да, хорошо, скороговоркой заговорилъ графъ, — только ужъ извини, дружишь, 20 тысячъ я дамъ, а вексель кромѣ того на 80 тысячъ дамъ. Такъ-то, поцѣлуй меня.

XII.

Наташѣ было шестнадцать лѣтъ, и былъ 1809 годъ, тотъ самый, до котораго она четыре года тому назадъ по пальцамъ считала съ Борисомъ послѣ того, какъ она съ нимъ поцѣловалась. Съ тѣхъ поръ она ни разу не видала Бориса. Нередъ Соней съ матерью, когда разговоръ заходилъ о Борисѣ, она совершенно свободно говорила, какъ о дѣлѣ решенному, что все, что было прежде, — было ребячество, про которое не стоило и говорить, и которое давно было забыто. Но въ самой тайной глубинѣ ея души, вопросъ о томъ, было ли обязательство къ Борису шуткой или важнымъ, связывающимъ обѣщаніемъ, мучилъ ее.

Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Борисъ въ 1805 году изъ Москвы уѣхалъ въ армию, онъ не видался съ Ростовыми. Нѣсколько разъ онъ бывалъ въ Москвѣ, проѣзжалъ недалеко отъ Отраднаго, но ни разу не былъ у Ростовыхъ.

Наташѣ приходило иногда въ голову, что онъ не хотѣлъ видѣть ее, и эти догадки ея подтверждались тѣмъ грустнымъ тономъ, которымъ говоривали о немъ старшіе.

— Въ нынѣшнемъ вѣкѣ не помнить старыхъ друзей, говорила графиня вслѣдъ за упоминаніемъ о Борисѣ...

Анна Михайловна, въ послѣднее время рѣже бывавшая у Ростовыхъ, тоже держала себя какъ-то особенно достойно, и всякий разъ воисторженно и благодарно говорила о достоинствахъ своего сына и блестящей карьерѣ, на которой онъ находился. Когда Ростовы пріѣхали въ Петербургъ, Борисъ пріѣхалъ къ нимъ съ визитомъ.

Онъ ѻхалъ къ нимъ не безъ волненія. Воспоминаніе о Наташѣ было самымъ поэтическимъ воспоминаніемъ Бориса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ѻхалъ съ твердымъ намѣреніемъ ясно дать почувствовать и ей и, роднымъ ея, что дѣтскія отношенія между нимъ и Наташой не могутъ быть обязательствами, ни для нея, ни для него. У него было блестящее положеніе въ обществѣ, благодаря цѣнности съ графиней Безуховой, блестящее положеніе на службѣ, благодаря покровительству важнаго лица, довѣріемъ котораго онъ вполнѣ пользовался, и у него были зарождающіеся планы женитьбы на одной изъ самыхъ богатыхъ девицъ Петербурга, которые очень легко могли осуществиться. Когда Борисъ вошелъ въ гостиную Ростовыхъ, Наташа была въ своей комнатѣ. Узнавъ о его пріѣздѣ, она, раскрасившись, почти вѣжала въ гостиную, сіяя болѣе чѣмъ ласковою улыбкой.

Борисъ помнилъ ту Наташу въ коротенькомъ платьѣ, съ черными, блестящими изъ-подъ локоновъ глазами, и съ отчаянными, дѣтскими симѣхомъ, которую онъ зналъ четыре года тому назадъ, и потому, когда вошла совсѣмъ другая Наташа,

онъ смущенъ, и лицо его выражало восторженное удивление. Это выражение его лица обрадовало Наташу.

— Чтò, узнаешь свою маленькую приятельницу-шалунью? сказала графиня. Борисъ поцеловалъ руку Наташи и съзаль, что онъ удивленъ происшедшемъ въ ней неремъвой.

— Какъ вы похоронили?

— Еще бы! отвѣчали смиѳющиеся глаза Наташи.

— А папа постарѣлъ? спросила она. Наташа сѣла и, не вступая въ разговоръ Бориса съ графиней, молча рассматривала своего дѣтскаго женика до малѣйшихъ подробностей. Онъ чувствовалъ на себѣ тажесть этого увернаго, ласковаго взгляда и изрѣдка взглядывалъ на нее.

Мундиръ, шпоры, галстукъ, прическа Бориса, все это было самое модное и comme il faut. Это сейчасъ замѣтила Наташа. Онъ сидѣлъ немножко бокомъ на креслѣ подъ графини, поправляя правою рукой чистыйшую, облитую перчатку на лѣвой, говорилъ съ особеннымъ, утонченнымъ поджатиемъ губъ обѣ увеселеніяхъ вышаго петербургскаго свѣта и съ кроткую насыпливостью вспоминаль о прежнихъ московскихъ временахъ и московскихъ знакомыхъ. Не начайно, какъ эточувствовала Наташа, онъ упомянулъ, называя вышнюю аристократію, о балѣ посланника, на которомъ онъ былъ, о приглашеніяхъ къ NN и къ SS.

Наташа сидѣла все время молча, исподлобья глядя на него. Взглядъ этотъ все больше и больше беспокоилъ и смущалъ Бориса. Онъ чаще оглядывался на Наташу и прерывался въ рассказахъ. Онъ просидѣлъ не больше 10 минутъ и всталъ, раскланиваясь. Все тѣ же любопытные, вызывающіе и нѣсколько настыльниые глаза смотрѣли на него. После первого своего поѣщенія Борисъ сказалъ себѣ, что Наташа

для него точно такъ же привлекательна, какъ и прежде, но что онъ не долженъ отдаваться этому чувству, потому что женитьба на ней — дѣвушкѣ почти безъ состоянія, — была бы погибелью его карьеры, а возобновленіе прежнихъ отношеній безъ цѣли женитьбы было бы неблагороднымъ поступкомъ. Борисъ рѣшилъ самъ съ собою избѣгать встречъ съ Наташой, но, несмотря на это рѣшеніе, прѣѣхалъ черезъ нѣсколько дней, и сталъ Ѵзѣдѣть часто и цѣлые дни проводить у Ростовыхъ. Ему представлялось, что ему необходимо было объясниться съ Наташой, сказать ей, что все старое должно быть забыто, что несмотря на все... она не можетъ быть его женой, что у него нѣтъ состоянія, и ея никогда не отадутъ за него. Но ему все не удавалось и неловко было приступить къ этому объясненію. Съ каждымъ днемъ онъ болѣе и болѣе запутывался. Наташа, по замѣчанію матери и Сони, казалась по старому влюбленною въ Бориса. Она пѣла ему его любимыя чѣсни, показывала ему свой альбомъ, заставляла его писать въ него, не позволяла поминать ему о старомъ, давая понимать, какъ прекрасно было новое; и каждый день онъ уѣзжалъ въ туманѣ, не сказавъ того, что на мѣренѣ былъ сказать, самъ не зная, что онъ дѣлалъ, и для чего онъ прїѣзжалъ, и чѣмъ это кончится. Борисъ пересталъ бывать у Эленъ, ежедневно получая укоризненные записки отъ нея и все-таки цѣлые дни преводилъ у Ростовыхъ.

XII.

Однажды вечеромъ, когда старая графиня, вздыхая и хрѣтя, въ ночномъ чепцѣ и кофточкѣ, безъ накладныхъ буклѣй и съ однимъ бѣднымъ пучкомъ волосъ, выступавшимъ изъ подъ бѣлого коленкорового чепчика, клала на коврикъ земные по-

клопы вечерней молитвы, ея днерь скрипнула, и въ туфляхъ на босу ногу, тоже въ кофточкѣ и въ папильоткахъ, вбѣжала Наташа. Графиня оглянулась и нахмурилась. Она дочитывала свою послѣднюю молитву: „Неужели мнѣ одръ сей грѣбъ будетъ?“ Молитвенное настроеніе ея было уничтожено. Наташа, красная, оживленная, увидавъ мать на молитвѣ, вдругъ остановилась на своемъ бѣгу, присѣла и невольно высунула языкъ, грозясь самой себѣ. Замѣтивъ, что мать продолжала молитву, она на цыпочкахъ подбѣжала къ кровати, быстро скользнувъ одною маленькою ножкой о другую, скинула туфли и прыгнула на тотъ одръ, за который графиня болллась, какъ бы онъ не былъ ея гробомъ. Одръ этотъ былъ высокій, перинный, съ пятью все уменьшающимися подушками. Наташа вскочила, утонула въ перинѣ, перевалилась къ стѣнѣ и начала возиться подъ одѣяломъ, укладываясь, подгибая колѣни къ подбородку, брыкая ногами и чуть слышно смѣясь, то закрываясь съ головой, то взглядывая на мать. Графиня кончила молитву и съ строгимъ лицомъ подошла къ постели; но, увидавъ, что Наташа закрыта съ головой, улыбнулась своею доброю, слабою улыбкой:

— Ну, ну, ну, сказала мать.

— Мама, можно поговорить, да? сказала Наташа. — Ну, въ душку одинъ разъ, ну, еще, и будетъ! И она обхватила шею матери и поцѣловала ея подбородокъ. Въ обращеніи своемъ съ матерью Наташа выказывала внѣшнюю грубость манеры, но такъ была чутка и ловка, что какъ бы она ни обхватила руками мать, она всегда умѣла это сдѣлать такъ, чтобы матери не было ни больно, ни непріятно, ни неловко.

— Ну, о чёмъ же нынче? сказала мать, устроившись на подушкахъ и подождавъ, пока Наташа, также перекатив-

шилось раза два черезъ себя, не легла съней рядомъ подъ однимъ одѣяломъ, выпроставъ руки и принявъ серьезное выраженіе.

Эти ночные посещенія Наташи, совершившіяся до возвращенія графа изъ клуба, были однимъ изъ любимѣйшихъ наслажденій матери и дочери.

— О чёмъ же нынче? А мнѣ нужно тебѣ сказать...

Наташа закрыла рукою ротъ матери.

— О Борисъ... Я знаю, сказала она серьезно, — я затѣмъ и пришла. Не говорите, я знаю. Нѣть, скажите! Она отпустила руку. — Скажите, мама. Онъ миль?

— Наташа, тебѣ шестнадцать лѣтъ, въ твои годы я была замужемъ. Ты говоришь, что Боря миль. Онъ очень миль, и я его люблю какъ сына, но чѣмъ же ты хочешь?... Чѣмъ ты думашь? Ты ему совсѣмъ вскружила голову, и это вижу...

Говоря это, графиня оглянулась на дочь. Наташа лежала, прямо и неподвижно глядя впередъ себя на одного изъ сфинксовъ красного дерева, вырѣзанныхъ на углахъ кровати, такъ что графиня видѣла только въ профиль лицо дочери. Лицо это поразило графиню своею особенностью серьезнаго и со средоточеннаго выраженія.

Наташа слушала и соображала.

— Ну, такъ чѣмъ? сказала она.

— Ты ему вскружила совсѣмъ голову, зачѣмъ? Чѣмъ хочешь отъ него? Ты знаешь, что тебѣ нельзя выйти за него замужъ.

— Отчего? не перемѣня положенія, сказала Наташа.

— Оттого, что онъ молодъ, оттого, что онъ бѣденъ, оттого, что онъ родилъ... оттого, что ты и сама не любишь его.

— А почему вы знаете?

— Я знаю. Это не хорошо, мой дружокъ.

— А если я хочу... сказала Наташа.

— Перестань говорить глупости, сказала графиня.

— А если я хочу...

— Наташа, я серьезно...

Наташа не дала ей договорить, притянула къ себѣ большую руку графини и щоцѣловала ее сверху, потомъ въ ладонь, потомъ опять перевернула и стала цѣловать ее въ косточку верхнаго сустава цальца, потомъ въ промежутокъ, потомъ опять въ косточку, шепотомъ приговаривая: „январь, февраль, мартъ, апрѣль, май“.

— Говорите, мама, что же вы молчите? Говорите, сказала она, оглядываясь на мать, которая вѣжливъ взглѣдомъ смотрѣла на дочь и изъ-за этого созерцанія, казалось, забыла все, что она хотѣла сказать.

— Это не годится, душа моя. Не всѣ поймутъ вашу дѣтскую связь, а видѣть его такимъ близкимъ съ тобой можетъ повредить тебѣ въ глазахъ другихъ молодыхъ людей, которые къ намъѣздятъ, и, главное, напрасно мучаетъ его. Онъ, можетъ-быть, нашелъ себѣ партю по себѣ, богатую; а теперь опять сть ума сходитъ.

— Сходить? повторила Наташа.

— Я тебѣ про себя скажу. У меня былъ одинъ двоюродный...

— Знаю, — Кирилла Матвѣичъ; да вѣдь опъ старикъ?

— Не всегда былъ старикъ. Но вотъ что, Наташа, я поговорю съ Борей. Ему не надо такъ частоѣздить...

— Отчего же не надо, коли ему хочется?

— Оттого, что я знаю, что этоничѣмъ не кончится.

— Почему вы знаете? Нѣть, мама, вы не говорите ему.

Чтò за глупости! говорила Наташа тономъ человéка, у которого хотять отнять его собственность.— Ну, не выйду замужъ, такъ пускай ъздить, коли ему весело и мнъ весело. Наташа, улыбаясь, поглядѣла на мать.

— Не замужъ, а *такъ*, повторила она.

— Какъ же это, мое другъ?

— Да *такъ*. Ну, очень нужно, что замужъ не выйду, а... *такъ*.

— Такъ, такъ, повторила графиня и, трясась всъимъ своимъ тѣломъ, засмѣялась добрымъ, неожиданнымъ старушечьимъ смѣхомъ.

— Полноте смѣяться, перестаньте, закричала Наташа, — всю кровать трясете. Ужасно вы на меня похожи, такая же хохотунья... Постойте... Она схватила обѣ руки графини, поцѣловала на одной кость мизинца — іюнь, и продолжала цѣловать іюль, августъ на другой рукѣ. — Мама, а онъ очень влюблена? Какъ на ваши глаза? Въ васъ были такъ влюблены? И очень милъ, очень, очень милъ! Только не совсѣмъ въ моемъ вкусѣ, — онъ узкий такой, какъ часы столовые... Вы не понимаете?... Узкий, знаете, сѣрый, свѣтлый...

— Что ты врешь! сказала графиня.

Наташа продолжала:

— Неужели вы не понимаете? Николенъка бы цояль... Безуховъ — тотъ синій, темно-синій съ краснымъ, и онъ четырехугольный.

— Ты и съ нимъ кокетничашь, смѣясь сказала графиня,

— Нѣть, онъ франмасонъ, я узнала. Онъ славный, темно-синій съ краснымъ, какъ вамъ растолковать...

— Графинюшка, послышался голосъ графа изъ-за двери.— Ты не спиши? Наташа вскочила босикомъ, захватила въ руки туфли и уѣждала въ свою комнату.

Она долго не могла заснуть. Она все думала о томъ, что никто никакъ не можетъ понять всего, чѣмъ она понимаетъ, и чѣмъ въ ней есть.

„Соня?“ подумала она, глядя на спящую, свернувшуюся кошечку съ ся огромной косою. „Нѣтъ, куда ей! Она добрѣтельная. Она влюбилась въ Николеньку и больше ничего знать не хочетъ. Мама, и та не понимаетъ. Это удивительно, какъ я умна и какъ... она мила“, продолжала она, говоря про себя въ третьемъ лицѣ и воображая, что это говорить про нее какой-то очень умный, самый умный и самый хороший мужчина... „Все, все въ ней есть“, продолжать этотъ мужчина, „умна необыкновенно, мила и потомъ хороша, необыкновенно хороша, ловка, — плаваетъ, верхомъ ѿздить отлично, а голосъ! Можно сказать, „удивительный голосъ!“ Она пропѣла свою любимую, музыкальную фразу, изъ Керубиниевской оперы, бросилась въ постель, засмѣялась отъ радостной мысли, что она сейчасъ заснетъ, крикнула Дуняшу потушить свѣтку, и еще Дуняша не успѣла выйти изъ комнаты, какъ она уже перешла въ другой, еще болѣе счастливый міръ сновидѣній, гдѣ все было такъ же легко и прекрасно, какъ и въ дѣйствительности, но только было еще лучше, потому что было по другому.

На другой день графиня, пригласивъ къ себѣ Бориса, переговорила съ нимъ, и съ того дня онъ пересталъ бывать у Ростовыхъ.

XIV.

31-го декабря, наканунѣ нового 1810 года, былъ балъ у Екатерининского вельможи. На балѣ долженъ быть быть дипломатический корпусъ и государь.

На Англійской набережной стоял безчисленными очиами иллюминациі известный домъ вельможи. У освещенного подъѣзда съ краснымъ сукномъ стояла полиція, и не одни жандармы, но и полиціймейстеръ на подъѣздѣ и десятки офицеровъ полиціи. Экипажи отѣзжали, и все подъѣзжали новые съ красными лакеями и съ лакеями въ перьяхъ на шляпахъ. Изъ каретъ выходили мужчины въ мундирахъ, звѣздахъ и лентахъ; дамы въ атласѣ и горностаяхъ осторожно сходили по шумно-откладываемымъ подножкамъ, и торопливо и беззвучно проходили по сукну подъѣзда.

Почти всякий разъ, какъ подъѣзжалъ новый экипажъ, въ толпѣ пробѣгала мимотѣ, и снимались шапки.

— Государь?... Нѣтъ, министръ... принцъ... посланникъ... Развѣ не видишь перья?... говорилось изъ толпы. Одинъ изъ толпы, одѣтый лучше другихъ, казалось, знать всѣхъ, и называлъ по имени знатнѣйшихъ вельможъ того времени.

Уже одна треть гостей прїѣхали на этотъ балъ, а у Ростовыхъ, должностнуюящихъ быть на этомъ балѣ, еще шли торопливыя приготовленія одѣваній.

Много было толковъ и приготовленій для этого бала въ семействѣ Ростовыхъ, много страховъ, что приглашеніе не будетъ получено, платье не будетъ готово, и не устроятся все такъ, какъ было нужно.

Вмѣстѣ съ Ростовыми щѣхали на балъ Марья Игнатьевна Перонская, пріятельница и родственница графини, худая и желтая фрейлина стараго двора, руководящая провинціальными Ростовыми въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ.

Въ 10 часовъ вечера Ростовы должны были заѣхать за фрейлиной къ Таврическому саду; а между тѣмъ было уже безъ пяти минутъ десять, а еще барышни не были одѣты.

Наташа ъхала на первый большой балъ въ своей жизни. Она въ этотъ день встала въ 8 часовъ утра и цѣлый день находилась въ лихорадочной тревогѣ и дѣятельности. Всѣ силы ея, съ самаго утра были устремлены на то, чтобы онѣ всѣ: она, мама, Соня были одѣты какъ нельзя лучше. Соня и графиня поручились вполнѣ ей. На графинѣ должно было быть масака бархатное платье, на нихъ двукъ бѣлые дымковыя платья на розовыхъ, шелковыхъ чахлахъ съ розанами въ корсажѣ. Волоса должны были быть причесаны *à la grecque*.

Все существенное уже было сдѣлано: ноги, руки, шея, уши были уже особенно тщательно, по бальному, вымыты, надушины и наушурены; обуты уже были шелковые, ажурные чулки и бѣлые атласные башмаки съ бантиками; прически были почти окончены. Соня кончала одѣваться, графиня тоже; но Наташа, хлопотавшая за всѣхъ, отстала. Она еще сидѣла предъ зеркаломъ въ пакинутомъ на худенькия плечи пеньюарѣ. Соня, уже одѣтая, стояла посреди комнаты и, нажимая до боли маленькимъ пальцемъ, прикалывала послѣднюю визжавшую подъ булавкой ленту.

— Не такъ, не такъ, Соня! сказала Наташа, поворачивая голову отъ прически и хватаясь руками за волоса, которые не послѣла отпустить державшая ихъ горничная. — Не такъ бантъ, поди сюда. Соня присѣла. Наташа переколола ленту иначе.

— Позвольте, барышня, нельзя такъ, говорила горничная, державшая волоса Наташи.

— Ахъ, Боже мой, ну послѣ! Вотъ такъ Соня.

— Скоро ли вы? послышался голосъ графини, — ужъ десять сейчасъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. — А вы готовы, мама?

— Только току приколоть.

— Не дѣлайте безъ меня, крикнула Наташа; — вы не скучаете!

— Да ужъ десять.

На балѣ рѣшено было быть въ половинѣ одиннадцатаго, а надо было еще Наташѣ одѣться и заѣхать къ Таврическому саду.

Окончивъ прическу, Наташа въ коротенькой юбкѣ, изъ подъ которой виднѣлись бальныя башмачки, и въ материинской кофточкѣ, подѣжала къ Сонѣ, осмотрѣла ее и потомъ побѣжала къ матери. Поворачивая ей голову, она приколола току и, едва успѣвъ поцѣловать ея сѣдце волосы, опять побѣжала къ дѣвушкамъ, подшивавшимъ ей юбку.

Дѣло стояло за Наташиной юбкой, которая была слишкомъ длинна; ее подпивали двѣ дѣвушки, обкусывая торопливо нитки. Третья, съ булавками въ губахъ и зубахъ, бѣгала отъ графини къ Сонѣ; четвертая держала на высоко поднятой рукѣ все дымковое платье.

— Мавруша, скорѣе, голубушка!

— Дайте наперстокъ оттуда, барышня.

— Скоро ли наконецъ? сказала графъ, входя изъ-за двери.— Вотъ вамъ духи. Перонская ужъ заждалась.

— Готово, барышня, говорила горничная, двумя пальцами поднимая подшитое дымковое платье и что-то обдувал и потряхивая, выскакивая этимъ жестомъ сознаніе воздушности и чистоты того, что она держала.

Наташа стала надѣвать платье.

— Сейчасъ, сейчасъ, не ходи, папа, крикнула она отцу, отворившему дверь, еще изъ-подъ дымки юбки, закрывавшей все ея лицо. Соня захлопнула дверь. Черезъ минуту, графа

впустили. Опъ быль въ синемъ фракѣ, чулкахъ и башмакахъ, надушенный и припомаженный.

— Ахъ, пана, ты какъ хорошъ, прелестъ! сказала Наташа, стоя посреди комнаты и расправляя складки дымки.

— Позвольте, барышня, позвольте, говорила дѣвушка, стоя на колѣнахъ, обдергивая платье и съ одной стороны рта на другую переворачивая языкомъ булавки.

— Воля твоя! съ отчаяніемъ въ голосѣ вскрикнула Соня, оглядѣвъ платье Наташи, — воля твоя, оить длинно!

Наташа отошла подальше, чтобы осмотрѣться въ трюмо. Платье было длинно.

— Ей Богу, сударыня, ничего не длинно, сказала Мавруша, ползвшая по полу за барышней.

— Ну длинно, такъ заметаемъ, въ одну минуту заметаемъ, сказала рѣшительная Дуняша, изъ платочка на груди вынимая иголку и опять на полу принималась за работу.

Въ это время застѣнчиво, тихими шагами, вошла графиня, въ своей токѣ и бархатномъ платьѣ.

— Уу! моя красавица! закричалъ графъ, — лучше васъ всеѣхъ!... Онъ хотѣлъ обнять ее, но она краснѣя отстранилась, чтобы не измяться.

— Мама, больше на бокъ току, проговорила Наташа. — Я переколю, и бросилась впередъ, а дѣвушки, подивившія, не успѣвшія за неей броситься, оторвали кусочекъ дымки.

— Боже мой! Что жъ это такое? Ей Богу не виновата...

— Ничего, заметаю, не видно будетъ, говорила Дуняша.

— Красавица, краля-то моя! сказала изъ-за двери вошедшая паня. — А Сопюшка-то, ну красавицы!...

Въ четверть одиннадцатаго наконецъ сѣли въ кареты и подѣхали. Но еще нужно было зайхати къ Таврическому саду.

Перонская была уже готова. Несмотря на ея старость и некрасивость, у нея происходило точно то же, что у Ростовыхъ, хотя не съ такою торопливостью (для нея это было дѣло привычное), но такъ же было надушено, вымыто, напудрено старое, некрасивое тѣло, такъ же старательно промыто за ушами, и даже такъ же, какъ у Ростовыхъ, старая горничная восторженно любовалась нарядомъ своей госпожи, когда она въ желтомъ платьѣ съ лифромъ вышла въ гостиную. Шеронская похвалила туалеты Ростовыхъ.

Ростовы похвалили ея вкусъ и туалетъ, и, бережа прически и платья, въ одиннадцать часовъ размѣстились по каретамъ и поѣхали.

XV.

Наташа съ утра этого дня не имѣла ни минуты свободы и ни разу не успѣла подумать о томъ, что предстоитъ ей. Въ сыромъ, холодномъ воздухѣ, въ тѣснотѣ и неполной темнотѣ колыхающейся кареты, она въ первый разъ живо представила себѣ то, что ожидаетъ ее тамъ, на балѣ, въ освѣщенныхъ залахъ — музыка, цвѣты, танцы, государь, вся блестящая молодежь Петербурга. То, что ее ожидало, было такъ прекрасно, что она не вѣрила даже тому, что это будетъ: такъ это было несообразно съ впечатлѣніемъ холода, тѣсноты и темноты кареты. Она поняла все то, что ее ожидаетъ, только тогда, когда, пройдя по красному сукну подъѣзда, она вошла въ сѣни, сняла шубу и вошла рядомъ съ Соней впереди матери между цвѣтами по освѣщенной лѣстницѣ. Только тогда она вспомнила, какъ ей надо было себя держать на балѣ и постаралась принять ту величественную манеру, которую она считала необходимою для дѣвушки на балѣ.

Но къ счастью ея, она почувствовала, что глаза ея разбѣгались: она ничего не видала ясно, пульс ея забилъ сто разъ въ минуту, и кровь стала стучать у ея сердца. Она не могла принять той манеры, которая бы сдѣлала ее смѣшною, и шла, замирая отъ волненія и стараясь всѣми силами только скрыть его. И это-то была та самая манера, которая болѣе всего шла къ ней. Впереди и сзади ихъ, такъ же тихо переговаривалась и такъ же въ бальныхъ платьяхъ, входили гости. Зеркала по лѣстницѣ отражали дамъ въ бѣлыхъ, голубыхъ, розовыхъ платьяхъ, съ брилльантами и жемчугами на открытыхъ рукахъ и шеяхъ.

Наташа смотрѣла въ зеркала, и въ отраженіи не могла отличить себя отъ другихъ. Все смѣшивалось въ одну блестящую процессію. При входѣ въ первую залу, равномѣрный гулъ голосовъ, шаговъ, привѣтствій — оглушилъ Наташу; свѣтъ и блескъ, еще болѣе ослѣпилъ ее. Хозяинъ и хозяйка, уже полчаса стоявшіе у входной двери и говорившіе одни и тѣ же слова входившимъ: „очень, очень рады вѣсть видѣть“, такъ же встрѣтили и Ростовыхъ съ Перонской.

Дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ одинаковыми розами въ черныхъ волосахъ, одинаково присѣли, но невольно хозяйка остановила дольше свой взглядъ на топенѣйкой Наташѣ. Она посмотрѣла на нее, и ей одной особенно улыбнулась въ придачу къ своей хозяйской улыбкѣ. Глядя на нее, хозяйка вспомнила, можетъ быть, и свое золотое, невозвратное дѣвичье время, и свой первый балъ. Хозяинъ тоже проводилъ глазами Наташу и спросилъ у графа, которая его дочь?

— Прелестъ! сказалъ опять, поцѣловавъ кончики своихъ пальцевъ.

Въ залѣ стояли гости, тѣснясь у входной двери, ожидая

государи. Графиня помѣстилась въ первыхъ рядахъ этой толпы. Наташа слышала и чувствовала, что нѣсколько голосовъ спросили про нее и смотрѣли на нее. Она поняла, что она попривилась тѣмъ, которые обратили на нее вниманіе, и это наблюденіе нѣсколько успокоило ее.

«Есть такие же, какъ и мы, есть и хуже настъ», подумала она.

Шеронская называла графинѣ самыхъ значительныхъ лицъ, бывшихъ на балѣ.

— Вотъ это голландскій посланникъ, видите, сѣдой, говорила Шеронская, указывая на старичка съ серебряною сѣдиной курчавыхъ, обильныхъ волосъ, окруженного дамами, которыхъ онъ чему-то заставилъ смияться. — А вотъ она, царица Петербурга, графиня Безухая, говорила она, указывая на входившую Эленъ.

— Какъ хороша! Не уступить Марѣ Антоновнѣ; смотрите, какъ за ней увиваются и молодые и старые. И хороша и умна... Говорятъ, принцъ... безъ ума отъ нея. А вотъ эти двѣ, хоть и не хороши, да еще больше окружены.

Она указала на проходившихъ черезъ залу даму съ очень некрасивою дочерью.

— Это миллионерка-невѣста, сказала Шеронская. — А вотъ и женихи.

— Это братъ Безуховой — Анатоль Курагинъ, сказала она, указывая на красавца кавалергарда, который прошелъ мимо ихъ, съ высоты поднятой головы черезъ дамъ глядя куда-то. — Какъ хорошъ! нештатъ ли? Говорятъ, женать его на этой богатой. И вашъ-то кузенъ, Друбецкой, тоже очень увивается. Говорятъ, миллионы.. — Какъ же, это самъ французскій посолъ, отвѣчала она о Коленкурѣ, на вопросъ графини,

кто это? — Посмотрите, какъ цари, какой-нибудь. А все-таки мили, очень мили французы. Нѣть милѣй для общества. А вотъ и она! Нѣть, все лучше всѣхъ паша Марья-то Антоновна! И какъ просто одѣта. Прелестъ!

— А этотъ-то, толстый, въ очкахъ, фармазонъ всемирный, сказала Шеронская, указывая на Безухова. — Съ женой то сго рядомъ поставьте: то-то путь гороховый!

Пьеръ шелъ, переваливаясь своимъ толстымъ тѣломъ, раздвигалъ толпу, кивалъ направо и налево такъ же небрежно и добродушно, какъ бы опь шелъ по толпѣ базара. Онъ продвигался черезъ толпу, очевидно отыскивая кого-то.

Наташа съ радостью смотрѣла на знакомое лицо Пьера, этого шута горохового, какъ называла его Шеронская, и знала, что Пьеръ ихъ и въ особенности ее отыскивалъ въ толпѣ. Пьеръ обѣщалъ ей быть на балѣ и представить ей кавалеровъ.

Но, не дойдя до нихъ, Безуховъ остановился подлѣ невысокаго, очень красиваго брюнета въ бѣломъ мундирѣ, который, стоя у окна, разговаривалъ съ какимъ-то высокимъ мушкетой въ звѣздахъ и лентѣ. Наташа тотчасъ же узнала невысокаго молодаго человѣка въ бѣломъ мундирѣ: это былъ Болконскій, который показался ей очень помолодѣвшимъ, повеселѣвшимъ и похоронившимъ.

— Вотъ еще знакомый, Болконскій, видите, мама? сказала Наташа, указывая на князя Андрея. — Помните, онъ у насъ ночевалъ въ Отрадномъ.

— А вы его знаете? сказала Шеронская. — Терпѣть не могу. Но немъ теперь все съ ума сходятъ. И гордость такая, что границъ пѣтъ! Но панчукъ исподъ. И связался съ Сперанскимъ, какіе-то проекты пишутъ. Смотрите, какъ съ да-

мами обращается! Она съ нимъ говорить, а онъ отвернулся, сказалъ она, указывая на него. — Я бы его отдала, если бъ онъ со мной такъ поступилъ, какъ съ этими дамами.

XVI.

Вдругъ все зашевелилось, толпа заговорила, подвигнулась, опять раздвинулась, и между двухъ разступившихся рядовъ, при звукахъ заигравшей музыки, вошелъ государь. За нимъ шли хозяинъ и хозяйка. Государь шелъ, быстро кланяясь направо и налево, какъ бы стараясь скорѣе избавиться отъ этой первой минуты встрѣчи. Музыканты играли польской, известный тогда по словамъ, сочиненнымъ на него. Слова эти начинались: „Александръ, Елизавета, восхищаетъ вы пасъ“. Государь прошелъ въ гостиную, толпа хлынула къ дверямъ; нѣсколько лицъ съ измѣнившимися выраженіями поспѣшило прошли туда и назадъ. Толпа опять отхлынула отъ дверей гостиной, въ которой показался государь, разговаривавъ съ хозяйкой. Какой-то молодой человѣкъ съ растеряннымъ видомъ настучалъ на дамъ, прося ихъ посторониться. Нѣкоторые дамы, съ лицами, выражавшими совершенную забывчивость всѣхъ условій свѣта, портия свои туалеты, тѣснились впередъ. Мужчины стали подходить къ дамамъ и строиться въ пары польского.

Все разстутилось, и государь, улыбаясь и не въ такъ ведя за руку хозяйку дома, вышелъ изъ дверей гостиной. За нимъ шли хозяинъ съ М. А. Парышкиной, потомъ посланники, министры, разные генералы, которыхъ не умѣла называть Перонская. Больше половины дамъ имѣли кавалеровъ и шли или приготовлялись идти въ польской. Наташа чувствовала, что она оставалась съ матерью и Соней въ числѣ

меньшей части дамъ, оттѣсненныхъ къ стѣнѣ и не взятыхъ въ польскій. Она стояла, опустивъ свои тоненѣкія руки, и съ мѣрно поднимающеюся, чуть опредѣленной грудью, сдер-живая дыханіе, блестящими, испуганными глазами глядѣла предъ собой, съ выраженіемъ готовности на величайшую радость и на величайшее горе. Ея не занимали ни государь, ни всѣ важныя лица, на которыхъ указывала Перонская, — у ней была одна мысль: „неужели такъ никто не подойдетъ ко мнѣ, неужели я не буду танцевать между первыми, не-ужели меня не замѣтять всѣ эти мужчины, которые теперь, кажется, и не видятъ меня, а ежели смотрѣть на меня, то смотрѣть съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорить: а! это не она, такъ и нечего смотрѣть. „Нѣть, это не можетъ быть!“ — думала она. — „Они должны же знать, какъ мнѣ хочется танцевать, какъ я отлично танцую, и какъ имъ ве-село будетъ танцевать со мною“.

Звуки польского, продолжавшагося довольно долго, уже начали звучать грустно, — воспоминаніемъ въ ушахъ Наташи. Ей хотѣлось плакать. Перонская отошла отъ нихъ. Графъ былъ на другомъ концѣ залы, графиня, Соня и она стояли одинъ какъ въ лѣсу, въ этой чуждой толпѣ, никому не интересны и не нужны. Князь Андрей прошелъ съ какою-то дамой мимо нихъ, очевидно ихъ не узнавая. Красавецъ Ана-толъ, улыбаясь, что-то говорилъ дамѣ, которую онъ вель и взглянуль на лицо Наташи тѣмъ взглядомъ, какимъ глядѣть на стѣны. Борисъ два раза прошелъ мимо нихъ и всякий разъ отворачивался. Бергъ съ женой, не танцовавши, по-дошли къ нимъ.

Наташѣ показалось оскорбительно это семейное сближеніе здѣсь, на балѣ, какъ будто не было другаго мѣста для се-

мейныхъ разговоровъ, кромѣ какъ на балѣ. Она не слушала и не смотрѣла на Вѣру, что то говорившую ей про свое зеленое платье.

Наконецъ государь остановился подлѣ своей послѣдней дамы (онъ танцевалъ съ тремя), музыка замолкла; озабоченный адъютантъ набѣжалъ на Ростовыхъ, прося ихъ еще куда-то посторониться, хотя они стояли у стѣны, и съ хорѣ раздались отчетливые, осторожные и увлекательно-мѣрные звуки вальса. Государь съ улыбкой взглянула на залу. Прошла минута — никто еще не начинайтъ. Адъютантъ-распорядитель подошелъ къ графинѣ Безуховой и пригласилъ ее. Она, улыбаясь, подняла руку и положила ее, не глядя на него, на плечо адъютанта. Адъютантъ-распорядитель, мастеръ своего дѣла, уверенно, неторопливо и мѣрно, крѣпко обнявъ свою даму, пустился съ ней спачала глиссадомъ по краю круга, на углу залы подхватилъ ея лѣвую руку, повернулъ ее, и изъ-за все убыстряющихся звуковъ музыки слышны были только мѣрные щелчки шпоръ быстрыхъ и ловкихъ ногъ адъютанта, и черезъ каждые три такта на поворотѣ какъ бы всыхивало, развѣвалось, бархатное платье его дамы. Наташа смотрѣла на нихъ и готова была плакать, что это не она танцуетъ этотъ первый туръ вальса.

Князь Андрей въ своемъ полковничемъ, бѣломъ (по кавалеріи) мундирѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, оживленный и веселый, стоялъ въ первыхъ рядахъ круга, недалеко отъ Ростовыхъ. Баронъ Фиргофъ говорилъ съ нимъ о завтрашнемъ, предполагаемомъ первомъ засѣданіи Государственного Совѣта. Князь Андрей, какъ человекъ близкій Сперанскуму и участвующій въ работахъ законодательной комиссіи, могъ дать вѣрныя сіѣдѣнія о засѣданіи завтрашняго дня, о кото-

ромъ ходили различные толки. Но онъ не слушалъ того, что ему говорилъ Фиргофъ, и глядѣлъ то на государя, то на сбравшихся танцевать кавалеровъ, не решавшихся вступить въ кругъ.

Князь Андрей наблюдалъ этихъ робѣвшихъ при государѣ кавалероў и дамъ, замирающихъ отъ желанія быть приглашеными.

Цѣрь подошелъ къ князю Андрею и схватилъ его за руку.

— Вы всегда танцуете. Тутъ есть моя *protégée*, Ростова молодая, пригласите ее, сказалъ онъ.

— Гдѣ? спросилъ Болконскій. — Бинокатъ, сказаль онъ, обращаясь къ барону, — этотъ разговоръ мы въ другомъ мѣстѣ доведемъ до конца, а на балѣ надо танцевать. Онъ вышелъ впередъ, по направлению, которое ему указывалъ Цѣрь. Отчаянное, замирающее лицо Наташи бросилось въ глаза князю Андрею. Онъ узналъ ее, угадалъ ея чувство, понялъ, что она была начинаящая, вспомнилъ ея разговоръ на окнѣ и съ веселымъ выраженіемъ лица подошелъ къ графинѣ Ростовой.

— Позвольте васъ познакомить съ мою дочерью, сказала графиня, краснѣя.

— Я имѣю удовольствіе быть знакомымъ, ежели графиня помнить меня, сказалъ князь Андрей, съ учтивымъ и низкимъ поклономъ, совершенно противорѣчащимъ замѣчаніямъ Перонской о его грубости, подходя къ Наташѣ, и занося руку, чтобы обнять ея талию еще прежде, чѣмъ онъ договорилъ приглашеніе на танецъ. Онъ предложилъ туръ вальса. То замирающее выраженіе лица Наташи, готовое на отчаяніе и на восторгъ, вдругъ освѣтилось счастливою, благодарною, дѣтскою улыбкой.

„Давно я ждала тебя“, какъ будто сказала эта испуганная и счастливая девочка, свою проявившуюся изъ-за готовыхъ слезъ улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея. Они были вторая пара, вошедшая въ кругъ. Князь Андрей былъ однимъ изъ лучшихъ танцоровъ своего времени. Наташа танцевала превосходно. Ножки ея въ большихъ атласныхъ башмачкахъ быстро, легко и независимо отъ нея дѣлали свое дѣло, а лицо ея сияло восторгомъ счастія. Ея оголенные шея и руки были худы и прекрасны, въ сравненіи съ плечами Эленъ. Ея плечи были худы, грудь неопредѣлена, руки тонки; но на Эленъ былъ уже какъ будто лакъ отъ всѣхъ тысячъ взглядовъ, скользившихъ по ея тѣлу, а Наташа казалась девочкой, которую въ первый разъ оголили, и которой бы очень стыдно это было, ежели бы ея неувѣрили, что это такъ необходимо надо.

Князь Андрей любилъ танцевать, и, желая поскорѣе отдѣлаться отъ политическихъ и умныхъ разговоровъ, съ которыми всѣ обращались къ нему, и желая поскорѣе разорвать этотъ досадный ему кругъ смущенія, образовавшагося отъ присутствія государя, пошелъ танцевать и выбралъ Наташу, потому что на нее указалъ ему Пьеръ и потому, что она первая изъ хорошенькихъ женщинъ попала ему на глаза; но едва онъ обнялъ этотъ тонкій, подвижный станъ, и она зашевелилась такъ близко отъ него и улыбнулась такъ близко ему, вино ея прелести ударило ему въ голову: онъ почувствовалъ себя ожившимъ и помолодѣвшимъ, когда, переводя дыханье и оставивъ ее, остановился и сталъ глядѣть на танцующихъ.

XVII.

Послѣ князя Андрея къ Наташѣ подошелъ Борисъ, приглашая ее на танцы, подошелъ и тотъ танцоръ-адъютантъ, начавшій балъ, и еще молодые люди, и Наташа, передавая своихъ излишнихъ кавалеровъ Сонѣ, счастливая и раскрашившаяся, не переставала танцевать цѣлый вечеръ. Она ничего не замѣтила и не видала изъ того, что занимало всѣхъ на этомъ балѣ. Она не только не замѣтила, какъ государь долго говорилъ съ французскимъ посланникомъ, какъ онъ особенно милостиво говорилъ съ какою-то дамой, какъ принцъ такой-то и такой-то сдѣлали и сказали то-то, какъ Эленъ имѣла большой успѣхъ и удостоилась особенного вниманія такого-то; она не видала даже государя и замѣтила, что онъ уѣхалъ, только потому, что послѣ его отѣзда балъ болѣе оживился. Одинъ изъ веселыхъ котильоновъ, предъ ужиномъ, князь Андрей опять танцевалъ съ Наташой. Онъ напомнилъ ей о ихъ первомъ свиданіи въ Отрадненской аллѣ и о томъ, какъ она не могла заснуть въ лунную ночь, и какъ онъ невольно слышалъ ее. Наташа покраснѣла при этомъ напоминаніи и старалась оправдаться, какъ будто было что-то стыдное въ томъ чувствѣ, въ которомъ невольно подслушалъ ее князь Андрей.

Князь Андрей, какъ всѣ люди, выросши въ свѣтѣ, любилъ встрѣчать въ свѣтѣ то, что не имѣло на себѣ общаго свѣтскаго отпечатка. И такова была Наташа, съ ея удивленіемъ, радостью и робостью и даже ошибками во французскомъ языкѣ. Онъ особенно пѣжно и бережно обращался и говорилъ съ нею. Сидя подлѣ нея, разговаривая съ нею о самыхъ простыхъ и ничтожныхъ предметахъ, князь Андрей

любовался на радостный блескъ ея глазъ и улыбки, относившейся не къ говореннымъ рѣчамъ, а къ ея внутреннему счастью. Въ то время, какъ Наташу выбирали и она съ улыбкой вставала и танцевала по залѣ, князь Андрей любовался въ особенности на ея робкую грацію. Въ срединѣ котильона Наташа, окончивъ фигуру, еще тяжело дыша, подходила къ своему мѣсту. Новый кавалеръ опять пригласилъ ее. Она устала и запыхалась, и видимо подумала отказатьться, но тотчасъ опять весело подняла руку на плечо кавалера и улыбнулась князю Андрею.

„Я бы рада была отдохнуть и посидѣть съ вами, я устала; но вы видите, какъ меня выбираютъ, и я этому рада, и я счастлива, и я всѣхъ люблю, и мы съ вами все это понимаемъ“, и еще многое и многое сказала эта улыбка. Когда кавалеръ оставилъ ее, Наташа побѣжала черезъ залу, чтобы взять двухъ дамъ для фигуръ.

„Ежели она подойдетъ прежде къ своей кузинѣ, а потомъ къ другой дамѣ, то она будетъ мою женой“, сказалъ совершенно неожиданно самъ себѣ князь Андрей, глядя на нее. Она подошла прежде къ кузинѣ.

„Какой ввдоръ иногда приходитъ въ голову!“ подумалъ князь Андрей; „но вѣрно только то, что эта девушка такъ мила, такъ особенна, что она не пританцуешь здѣсь мѣсяца и выйдешь замужъ... Это здѣсь рѣдкость“, думалъ онъ, когда Наташа, поправляя откинутую у корсажа розу, усаживалась подле него.

Въ концѣ котильона старый графъ подошелъ къ своимъ сыномъ фракѣ къ танцующимъ. Онъ приглашалъ къ себѣ князя Андрея и спросилъ у дочери, весело ли ей! Наташа не отвѣтила и только улыбнулась такою улыбкой, которая

сь упрекомъ говорила: „какъ можно было спрашивать объ этомъ?“

— Такъ весело, какъ никогда въ жизни! сказала она, и князь Андрей замѣтилъ, какъ быстро поднялись было ея худыя руки, чтобы обнять отца и тотчасъ же опустились. Наташа была такъ счастлива, какъ никогда еще въ жизни. Она была на той высшей ступени счастія, когда человѣкъ дѣлается вполнѣ добръ и хорошъ, и не вѣрить въ возможность зла, несчастія и горя.

Пьеръ на этомъ балѣ въ первый разъ почувствовалъ себя оскорблѣннымъ тѣмъ положеніемъ, которое занимала его жена въ высшихъ сферахъ. Онъ былъ угрюмъ и разсѣянъ. Поперекъ лба его была широкая складка, и опъ, стоя у окна, смотрѣлъ透过 очки, никого не вида.

Наташа направляясь къ ужину, прошла мимо него.

Мрачное, несчастное лицо Пьера поразило ее. Она остановилась противъ него. Ей хотѣлось помочь ему, передать ему излишekъ своего счастія.

— Какъ весело, графъ, сказала она, — не правда ли?

Пьеръ разсѣянно улыбнулся, очевидно не понимая того, что ему говорили.

— Да, я очень радъ, сказаль онъ.

„Какъ могутъ они быть недовольны чѣмъ-то“, думала Наташа. „Особенно такой хорошій, какъ этотъ Безуховъ!“ На глаза Наташи всѣ бывшіе на балѣ были одинаково добрые, милые, прекрасные люди, любящіе другъ друга: никто не могъ обидѣть другъ друга, и потому всѣ должны были быть счастливы.

XVIII.

На другой день князь Андрей вспомнилъ вчерашній балъ, но не надолго остановился на немъ мыслями. „Да, очень блестящій былъ балъ. И еще... да, Ростова очень мила. Что-то въ ней есть свѣжее, особенное, не петербургское, отличающее ее“. Вотъ все, что онъ подумалъ о вчерашнемъ балѣ, и напившись чаю, сѣлъ за работу.

Но отъ усталости или безсонницы день былъ пехорожій для занятій, и князь Андрей ничего не могъ дѣлать; онъ все критиковалъ самъ свою работу, какъ это часто съ нимъ бывало, и радъ былъ, когда услыхалъ, что кто-то пріѣхалъ.

Пріѣхавшій былъ Бидкій, служившій въ различныхъ комиссіяхъ, бывавшій во всѣхъ обществахъ Петербурга, страстный поклонникъ новыхъ ідей и Сперанского и озабоченный вѣстовщикъ Петербурга, одинъ изъ тѣхъ людей, которые выбираютъ направленіе, какъ платье — по модѣ, но которые поэтому-то кажутся самыми горячими партизанами направлений. Онъ озабоченно, едва успѣвъ снять шляпу, вѣжалъ къ князю Андрею и тотчасъ же началъ говорить. Онъ только что узналъ подробности засѣданія Государственного Совета пынѣшняго утра, открытаго государемъ, и съ восторгомъ разсказывалъ о томъ. Рѣчь государя была необычайна. Это была одна изъ тѣхъ рѣчей, которая произносится только конституціонными монархами. „Государь прямо сказалъ, что Советъ и Сенатъ суть государственные сословія; онъ сказалъ, что правленіе должно имѣть основаніемъ не произволъ, а твердые начала. Государь сказалъ, что финансы должны быть преобразованы и отчеты быть публичны“, разсказывалъ

Бицкій, ударяя на известныя слова и значительно раскрывая глаза.

— Да, нынѣшнее событіе есть эра, величайшая эра въ нашей исторії, заключиль онъ.

Князь Андрей слушалъ разсказъ обѣ открытии Государственнаго Совѣта, котораго онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ и которому приписывалъ такую важность, и удивлялся, что событіе это теперь, когда оно совершилось, не только не трогало его, но представлялось ему болѣе чѣмъ ничтожнымъ. Онъ съ тихою насыщкой слушалъ восторженный разсказъ Бицкаго. Самая простая мысль приходила ему въ голову: „Какое дѣло мнѣ и Бицкою, какое дѣло намъ до того, чтѣ государю угодно было сказать въ Совѣтѣ? Развѣ все это можетъ сдѣлать меня счастливѣе и лучше?“

И это простое разсужденіе вдругъ уничтожило для князя Андрея весь прежній интересъ совершаемыхъ преобразованій. Въ этотъ же день князь Андрей долженъ былъ обѣдать у Сперанскаго „въ дружескомъ кружкѣ“, какъ ему сказали хозяинъ, приглашая его. Обѣдъ этотъ въ семейномъ и дружескомъ кругу человѣка, которымъ онъ такъ восхищался, прежде очень интересовалъ князя Андрея, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ онъ не видалъ Сперанскаго въ его домашнемъ быту; но теперь ему не хотѣлосьѣхать.

Въ назначенный часъ обѣда, однако, князь Андрей уже входилъ въ собственный, небольшой домъ Сперанскаго у Таврическаго сада. Въ паркетной столовой небольшаго дома, отличавшагося необыкновенною чистотой (напоминающею монашескую чистоту) князь Андрей, нѣсколько опоздавшій, уже нашелъ въ пять часовъ все собравшееся общество этого „дружескаго кружка“, интимныхъ знакомыхъ Сперанскаго.

Дамъ не было никого, кромѣ маленькой дочери Сперанского (съ длиннымъ лицомъ, похожимъ на отца) и ея гувернантки. Гости были Жерве, Магницкій и Столыпинъ. Еще изъ передней князь Андрей услыхалъ громкие голоса и звонкій, отчетливый хохотъ, — хохотъ, похожій на тотъ, какимъ смеются на сценѣ. Кто-то голосомъ, похожимъ на голосъ Сперанского, отчетливо отбивалъ: ха... ха... ха... Князь Андрей никогда не слыхалъ смѣха Сперанского, и этотъ звонкий; тонкій смѣхъ государственного человѣка странно поразилъ его.

Князь Андрей вошелъ въ столовую. Все общество стояло между двухъ оконъ у небольшаго стола съ закуской. Сперанскій въ сѣромъ фракѣ съ звѣздой, очевидно въ томъ еще бѣломъ жилетѣ и высокомъ бѣломъ галстукѣ, въ которыхъ онъ былъ въ знаменитомъ засѣданіи Государственнаго Собрѣта, съ веселымъ лицомъ стоялъ у стола. Гости окружали его. Магницкій, обращаясь къ Михайлу Михайловичу, рассказывалъ анекдотъ. Сперанскій слушалъ, впередъ смеясь тому, что скажетъ Магницкій. Въ то время, какъ князь Андрей вошелъ въ комнату, слова Магницкаго опять заглушились смѣхомъ. Громко басиль Столыпинъ, пережевывая кусокъ хлѣба съ сыромъ; тихимъ смѣхомъ шипѣль Жерве, и тонко, отчетливо смеялся Сперанскій.

Сперанскій, все еще смеясь, подалъ князю Андрею свою бѣлую, пѣжную руку.

— Очень радъ васъ видѣть, князь, сказалъ онъ. — Минутку... обратился онъ къ Магницкому, прерывая его разсказъ. — У насъ нынче уговоръ: обѣдъ удовольствія, и ни слова про дѣла. И онъ опять обратился къ разсказчику и опять замѣялся.

Князь Андрей съ удивленіемъ и грустью разочарованія

слушать его смѣхъ и смотрѣть на смѣющагося Сперанскаго. Это былъ не Сперанскій, а другой человѣкъ, казалось князю Андрею. Все, что прежде таинственно и привлекательно представлялось князю Андрею въ Сперанскомъ, вдругъ стало ему ясно и непривлекательно.

За столомъ разговоръ ни на мгновеніе не умолкалъ и состоялъ какъ будто бы изъ собранія смѣшныхъ анекдотовъ. Еще Магницкій не успѣлъ докончить своего разсказа, какъ ужъ кто-то другой заявилъ свою готовность разсказать что-то, что было еще смѣшище. Анекдоты большую частью касались если не самого служебнаго міра, то лицъ служебныхъ. Казалось, что въ этомъ обществѣ такъ окончательно было решено ничтожество этихъ лицъ, что единственное отношеніе къ нимъ могло быть только добродушно-комическое. Сперанскій рассказалъ, какъ на Совѣтѣ сегодняшняго утра на вопросъ у глухаго сановника о его мнѣніи, сановникъ этотъ отвѣчалъ, что онъ того же мнѣнія. Жерве рассказалъ цѣлое дѣло о ревизіи, замѣчательное по безсмыслицѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Столыпинъ, запкаясь, вмѣшался въ разговоръ, и съ горячностью началъ говорить о злоупотребленіяхъ прежнаго порядка вещей, угрожая придать разговору серьезный характеръ. Магницкій сталъ трунить надъ горячностью Столыпина. Жерве вставилъ пугтку и разговоръ принялъ опять прежнее, веселое направление.

Очевидно, Сперанскій послѣ трудовъ любилъ отдохнуть и повеселиться въ приятельскомъ кружкѣ, и всѣ его гости, понимая его желаніе, старались веселить его и сами веселиться. Но веселье это казалось князю Андрею тяжелымъ и невеселымъ. Тонкій звукъ голоса Сперанскаго непріятно поражалъ его, и не умолкавшій смѣхъ своею фальшивою нотой почему-то

оскорблять чувство князя Андрея. Князь Андрей не смѣялся и боялся, что онъ будетъ тяжель для этого общества. Но никто не замѣчалъ его несоответственности общему настроению. Всѣмъ было, казалось, очень весело.

Онъ нѣсколько разъ желалъ вступить въ разговоръ, но всякий разъ его слово выбрасывалось вонъ, какъ пробка изъ воды, и онъ не могъ шутить съ ними вмѣстѣ.

Ничего не было дурнаго или неумѣстнаго въ томъ, чѣдко они говорили, все было остроумно и могло бы быть смѣшно; но чего то, того самаго, чѣдко составляетъ соль веселья, не только не было, но они и не знали, чѣдко оно бываетъ.

Послѣ обѣда дочь Сперанского съ своею гувернанткой встали. Сперанскій приласкалъ дочь своею бѣлою рукой и поцѣловалъ ее. И этотъ жестъ показался неестественнѣмъ князю Андрею.

Мужчины, по-англійски, остались за столомъ и за портвейномъ. Въ серединѣ начавшагося разговора объ испанскихъ дѣлахъ Наполеона, одобряя которыя, всѣ были одного и того же мнѣнія, князь Андрей сталъ противорѣчить имъ. Сперанскій улыбнулся и, очевидно желая отклонить разговоръ отъ принятаго направленія, рассказалъ анекдотъ, не имѣющій отношенія къ разговору. На нѣсколько мгновеній всѣ замолкли.

Посидѣвъ за столомъ, Сперанскій закупоривъ бутылку съ виномъ и, сказавъ: „Нынче хорошее вино въ сапожкахъ ходить“, отдалъ слугѣ и всталъ. Всѣ встали и, такъ же шумно разговаривая, пошли въ гостиную. Сперанскому подали два конверта, привезенные курьеромъ. Онъ взялъ ихъ и прошелъ въ кабинетъ. Какъ только онъ вышелъ, общее веселье замолкло, и гости разсудительно и тихо стали переговариваться другъ съ другомъ.

— Ну, теперь декламация! сказала Сперанский, выходя из кабинета. Удивительный талант! обратился онъ къ князю Андрею. Магнитскій тотчасъ же сталъ въ изу и началъ говорить французские шутливые стихи, сочиненные имъ на изъ которыхъ известныхъ лицъ Петербурга, и нѣсколько разъ былъ прерываемъ аплодисментами. Князь Андрей, по окончаніи стиховъ, подопечь къ Сперанскому, прощался съ нимъ.

— Куда вы такъ рано? сказала Сперанский.

— Я обѣщала на вечеръ...

Они помолчали. Князь Андрей смотрѣлъ близко въ эти зеркальные, не пропускающіе къ себѣ глаза, и ему стало сіѣшно, какъ онъ могъ ждать чего-нибудь отъ Сперанского и отъ всей своей дѣятельности, связанной съ нимъ, и какъ могъ онъ приписывать важность тому, что дѣлалъ Сперанский. Этотъ аккуратный, невеселый смѣхъ долго не переставалъ звучать въ ушахъ князя Андрея послѣ того, какъ онъ уѣхалъ отъ Сперанского.

Вернувшись домой, князь Андрей стала вспоминать свою петербургскую жизнь за эти четыре мѣсяца, какъ будто что-то новое. Онъ вспоминала свои хлопоты, искательства, исторію своего проекта военного устава, который былъ принятъ къ свѣдѣнію, и о которомъ старались умолчать единственно потому, что другая работа, очень дурная, была уже сдѣлана и представлена государю; вспомнила о засѣданіяхъ комитета, членомъ которого былъ Бергъ; вспомнила, какъ въ этихъ засѣданіяхъ старательно и продолжительно обсуживалось все, касающееся формы и процесса засѣданій комитета, и какъ старательно и кратко обходилось все, что касалось сущности дѣла. Онъ вспоминала о своей законодательной работе, о томъ, какъ онъ озабоченно переводилъ на русскій языкъ статьи

римского и французского свода, и ему стало совѣстно за себя. Потомъ онъ живо представилъ себѣ Богучарово, свои занятія въ деревнѣ, свою поѣзdkу въ Рязань, вспомнилъ мужиковъ, Дрона-старосту, и приложивъ къ нимъ права лицъ, которыхъ онъ распредѣлялъ по параграфамъ, ему стало удивительно, какъ онъ могъ такъ долго заниматься такою праздной работой.

XIX.

На другой день князь Андрей поѣхалъ съ визитами въ нѣкоторые дома, гдѣ онъ еще не былъ, и въ томъ числѣ въ Ростовыи, съ которыми онъ возобновилъ знакомство на послѣднемъ балѣ. Кроме законовъ учтивости, по которымъ ему нужно было быть у Ростовыхъ, князю Андрею хотѣлось видѣть дома эту особенную, оживленную дѣвушку, которая оставила ему пріятное воспоминаніе.

Наташа одна изъ первыхъ встрѣтила его. Она была въ домашнемъ синемъ платьѣ, въ которомъ она показалась князю Андрею еще лучше, чѣмъ въ бальномъ. Она и все семейство Ростовыхъ приняли князя Андрея, какъ старого друга, просто и радушно. Все семейство, которое строго судилъ прежде князя Андрея, теперь показалось ему составленнымъ изъ прекрасныхъ, простыхъ и добрыхъ людей. Гостепріимство и добродушіе старого графа, особенно мило поравительное въ Петербургѣ, было таково, что князь Андрей не могъ отказатьться отъ обѣда. „Да, это добрые, славные люди“, думалъ Болконскій, „разумѣется, не понимающіе ни наъ волосъ того сокровища, которое они имѣютъ въ Наташѣ; не добрые люди, которые составляютъ наилучшій фонъ для того, чтобы

на немъ отдѣлялась эта особенно-поэтическая, переполненная жизни, прелестная дѣвушка!"

Князь Андрей чувствовалъ въ Наташѣ присутствіе совершенно-чуждаго для него, особеннаго міра, преисполненнаго какихъ-то неизвѣстныхъ ему радостей, того чуждаго міра, который еще тогда, въ Отрадненской аллеѣ и на окнѣ, въ лунную ночь, такъ дразнилъ его. Теперь этотъ міръ уже болѣе не дразнилъ его, не былъ чуждый міръ; но онъ самъ, вступивъ въ него, находилъ въ немъ новое для себя наслажденіе.

Послѣ обѣда Наташа, по просьбѣ князя Андрея, пошла къ клавикордамъ и стала пѣть. Князь Андрей стоялъ у окна, разговаривалъ съ дамами, и слушалъ ее. Въ серединѣ фразы князь Андрей замолчалъ и почувствовалъ неожиданно, что къ его горлу подступаютъ слезы, возможность которыхъ онъ не зналъ за собой. Онъ посмотрѣлъ на поющуую Наташу, и въ душѣ его произошло что-то новое и счастливое. Онъ былъ счастливъ, и ему вмѣстѣ съ тѣмъ было грустно. Ему рѣшительно не о чемъ было плакать, но онъ готовъ былъ плакать. О чёмъ? О прежней любви? О маленькой книжинѣ? О своихъ разочарованіяхъ?... О своихъ надеждахъ на будущее?... Да, и пѣть. Главное, о чёмъ ему хотѣлось плакать, была вдругъ живо-сознанная имъ страшная противоположность между чѣмъ-то безконечно-великимъ и неопредѣлимымъ, бывшимъ въ немъ, и чѣмъ-то узкимъ и тѣлеснымъ, чѣмъ онъ былъ самъ и даже была она. Эта противоположность томила и радовала его во времена ея пѣнія.

Только что Наташа кончила пѣть, она подошла къ нему и спросила его, какъ ему нравится ея голосъ? Она спросила это и смущилась уже послѣ того, какъ она это сказала, понявъ, что этого не надо было спрашивать. Она улыбнулся,

глядя на нее, и сказалъ, что ему нравится ея платье такъ же, какъ и все, что она дѣлаетъ.

Князь Андрей поздно вечеромъ уѣхалъ отъ Ростовыхъ. Онъ легъ спать по привычкѣ ложиться, но увидалъ скоро, что онъ не можетъ спать.. Онъ, то зажегши свѣтку, сидѣлъ въ постели, то вставалъ, то опять ложился, никакъ не тяготясь бессонницей: такъ радостно и ново ему было на душѣ, какъ будто онъ изъ душной комнаты вышелъ на вольный свѣтъ, Божій. Ему и въ голову не приходило, чтобы онъ былъ влюблѣнъ въ Ростову; онъ не думалъ о ней; онъ только воображалъ ее себѣ, и вслѣдствіе этого, вся жизнь его представлялась ему въ новомъ свѣтѣ. „Изъ чего я живу, изъ чего я хлопочу въ этой узкой, замкнутой рамкѣ, когда жизнь, вся жизнь совсѣмъ ея радостями открыта мнѣ?“ говорилъ онъ себѣ. И онъ въ первый разъ послѣ долгаго времени, сталъ дѣлать счастливые планы на будущее.. Онъ рѣшилъ самъ съ собой, что ему надо заняться воспитаніемъ своего сына, найдя ему воспитателемъ и поручивъ ему; потомъ надо выдти въ отставку иѣхать за границу, видѣть Англію, Швейцарію, Италію. „Мнѣ надо использовать свою свободу, пока такъ много въ себѣ чувствую силы и молодости“, говорилъ онъ самъ себѣ. „Нѣрѣ былъ правъ, говоря, что надо вѣрить въ возможность счастья, чтобы быть счастливымъ, и я теперь вѣрю въ него.. Оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ, а пока живъ, надо жить и быть счастливымъ“, думалъ онъ.

XX.

Въ одно утро полковникъ Адольфъ Бергъ, котораго Пьеръ зналъ, какъ знать всѣхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ чи-

стенькомъ съ иголочий мундиръ, съ пришитыми напередъ височками, какъ носилъ государь Александръ Павловичъ, пріѣхалъ къ нему.

— Я сейчасъ былъ у графини, вашей супруги, и былъ такъ несчастливъ, что моя просьба не могла быть исполнена; надѣюсь, что у васъ, графъ, и буду счастливѣе, сказълъ онъ, улыбался.

— Чѣмъ вами уродно, полковникъ? Я къ вашимъ услугамъ.

— Я теперь, графъ, уже совершенно устроился на новой квартирѣ, сообщилъ Бергъ, очевидно зная, что это слышать не могло не быть пріятно, — и потому желалъ сдѣлать такъ маленький вечерокъ для моихъ и моей супруги знакомыхъ. (Онъ еще пріятнѣе улыбнулся). Я хотѣлъ просить графиню и васть сдѣлать мнѣ честь пожаловать къ намъ на чашку чаю и... на ужинъ.

— Только графиня Елена Васильевна, сочтя для себя унизительнымъ общество какихъ-то Берговъ, могла имѣть жестокость отказаться отъ такого приглашенія. Бергъ такъ ясно объяснилъ почему онъ желаетъ собрать у себя небольшое и хорошее общество, и почему это ему будетъ пріятно, и почему онъ для картъ и для чего-нибудь дурнаго жалѣть денегъ, но для хорошаго общества готовъ и нести расходы, что Пьеръ не могъ отказаться и обѣщался бить.

— Только не поздно, графъ, ежели смѣю просить, такъ беять 10-ти минутъ въ восемь, смѣю просить. Партию составимъ, генералъ нашъ будетъ. Онъ очень добръ ко мнѣ. Пожинаемъ, графъ. Такъ сдѣлайте одолженіе.

Противно своей привычкѣ опаздывать, Пьеръ въ этотъ день выѣсто въ восемь безъ 10-ти минутъ, пріѣхалъ къ Вергамъ въ восемь часовъ безъ четверти.

Берги, припася, что нужно было для вчера, уже готовы были къ приему гостей.

Въ новомъ, чистомъ, свѣтломъ, убранномъ бюстиками и картинками и новою мебелью кабинетъ; сидѣлъ Бергъ съ женой. Бергъ въ новенькомъ застегнутомъ мундирѣ сидѣлъ возлѣ жены, объясняя ей, что всегда можно и должно иметь знакомства людей, которые выше себя, потому что тогда только есть пріятность отъ знакомствъ. — Переймешь что-нибудь, можешь попросить о чёмъ-нибудь. «Вотъ посмотри, какъ я жилъ съ первыхъ чиновъ (Бергъ жизнь свою считалъ не годами, а высочайшими наградами). Мои товарищи теперь еще ничто, а я на ваканціи полковаго командира, и имѣю счастіе быть вашимъ мужемъ (онъ всталъ и поцѣловалъ руку Вѣры, но по пути къ ней отогнулъ уголь заворотившагося ковра). И чѣмъ я пріобрѣлъ все это? Главное, умѣнѣемъ выбирать свои знакомства. Само собой разумѣется, что надо быть добродѣтельнымъ и аккуратнымъ.

Бергъ улыбнулся съ сознаніемъ своего превосходства надъ слабою женщиной и замолчалъ, подумавъ, что все-таки эта милая жена его есть слабая женщина, которая не можетъ постигнуть всего того, что составляетъ достоинство мужчины, — ein Mann zu sein. Вѣра въ то же время также улыбнулась съ сознаніемъ своего превосходства надъ добродѣтельнымъ, хорошимъ мужемъ, но который все-таки ошибочно, какъ и вся мужчины, по понятію Вѣры, понималъ жизнь. Бергъ, судя по своей женѣ, считалъ всѣхъ женщинъ слабыми и глупыми. Вѣра, судя по одному своему мужу и распространяя это замѣчаніе, полагала, что всѣ мужчины приписываютъ только себѣ разумъ, а вѣдѣтъ съ тѣмъ ничего не понимаютъ, горды и эгоисты.

.. Бергъ всталъ, и обнявъ свою жену осторожно, чтобы не измять кружевную пелеринку, за которую онъ дорого заплатилъ, поцѣловалъ ее въ середину губъ.

— Одно только, чтобы у насъ не было такъ скоро дѣтей, сказалъ онъ по бессознательной для себя филіаціи идей.

— Да, отвѣчала Вѣра, — я совсѣмъ этого не желаю. Надо жить для общества.

— Точно такая была на княгинѣ Юсуповой, сказалъ Бергъ, съ счастливою и доброю улыбкой, указывая на пелеринку.

Въ это время доложили о приѣздѣ графа Безухова. Оба супруга переглянулись самодовольною улыбкой, каждый себѣ приписывая честь этого посѣщенія.

„Вотъ что значитъ умѣть дѣлать знакомства, подумалъ Бергъ, вотъ что значитъ умѣть держать себя!“

— Только пожалуйста, когда я занимаю гостей, сказала Вѣра, — ты не перебивай меня, потому что я знаю, чѣмъ занять каждого, и въ какомъ обществѣ что надо говорить.

Бергъ тоже улыбнулся.

— Нельзя же: иногда съ мужчинами мужской разговоръ долженъ быть, сказалъ онъ.

Пьеръ былъ принятъ въ новенькой гостиной, въ которой нигдѣ сѣсть нельзя было, не нарушивъ симметріи, чистоты и порядка, и потому весьма понятно было и не странно, что Бергъ великодушно предлагалъ разрушить симметрію кресла или дивана для дорогаго гостя, и видимо находясь самъ въ этомъ отношеніи въ болѣвненной нерѣшительности, предложилъ рѣшеніе этого вопроса выбору гостя. Пьеръ разстроилъ симметрію, подвинувъ себѣ стуль, и тотчасъ же Бергъ и Вѣра начали вечеръ, перебивая одинъ другаго и занимая гости.

Вѣра, рѣшивъ въ своемъ умѣ, что Пьера надо занимать разговоромъ о французскомъ посольствѣ, тотчасъ же начала этотъ разговоръ. Бергъ, рѣшивъ, что надобенъ и мужской разговоръ, перебилъ рѣчь жены, затрогивая вопросъ о войнѣ съ Австріею, и [невольно съ общаго разговора соскочить на личные соображенія о тѣхъ предложеніяхъ, которыхъ ему были дѣланы для участія въ австрійскомъ походѣ, и о тѣхъ причинахъ, почему онъ не принялъ ихъ. Несмотря на то, что разговоръ былъ очень нескладный, и что Вѣра сердилась за вмѣшательство мужскаго элемента, оба супруга съ удовольствиемъ чувствовали, что несмотря на то, что былъ только одинъ гость, вечеръ былъ начатъ очень хорошо, и что вечеръ былъ, какъ двѣ капли воды похожъ на всякий другой вечеръ съ разговорами, чаемъ и зажженными свѣчами.

Вскорѣ приѣхалъ Борисъ, старый товарищъ Берга. Онъ съ нѣкоторымъ оттенкомъ превосходства и покровительства обращался съ Бергомъ и Вѣрой. За Борисомъ приѣхала дама съ полковникомъ, потомъ самъ генералъ, потомъ Ростовы, и вечеръ уже совершенно, несомнѣнно сталъ похожъ на всѣ вечера. Бергъ съ Вѣрой не могли удерживать радостной улыбки при видѣ этого движения по гостиной, при звукахъ этого безсвязнаго говора, шуршанья платьевъ и поклоновъ. Все было, какъ и у всѣхъ; особенно похожъ былъ генералъ, покидающій квартиру, потрапавшій по плечу Берга и съ отеческимъ самоуправствомъ распорядившійся постановкой бестонного стола. Генералъ подсѣлъ къ графу Ильѣ Андреевичу, какъ самому знатному изъ гостей послѣ себя. Старички со старичками, молодые съ молодыми, хозяйка у чайнаго стола, на которомъ были точно такія же иеченья въ серебрянной корзинкѣ, какія были у Паниныхъ на вечерѣ, все было совершенно такъ же какъ у другихъ.

XXI.

Пьеръ, какъ одинъ изъ почетнѣйшихъ гостей, долженъ былъ сѣсть въ бостонъ съ Ильей Андреичемъ, генераломъ и полковникомъ. Пьеру за бостоннымъ столомъ пришлось сидѣть противъ Наталии, и странная перемѣна, произошедшая въ ней со дни бала, поразила его. Наташа была молчалива, и не только не была таѢь хороша, какъ она была на балѣ, но она была бы дурна, ежели бы она не имѣла такого кроткаго и равнодушнаго ко всему вида.

„Что съ ней?“ подумалъ Пьеръ, взглянувъ на нее. Она сидѣла подлѣ сестры у чайного стола и неохотно, не глядя на него, отвѣтала что-то подсѣвшему къ ней Борису. Отходившую масть и забравъ къ удовольствію своего партнера чашку чая взялъ Пьеръ, слышавшій говоръ привѣтствій и звуки чихъ-то шаговъ, вошедшіхъ въ комнату во время сбора взялокъ, опять взглянуть на нее.

„Что съ неей сдѣлалось?“ еще удивленіе сказалъ онъ самъ себѣ.

Князь Андрей съ бережливо-нѣжнымъ выраженіемъ стоялъ передъ нею и говорилъ ей что-то. Она, поднявъ голову, разрумянившись и видимо стараясь удержать порывистое дыханье, смотрѣла на него. И яркий свѣтъ какого-то внутрен资料, прежде потушеннаго огня, опять горѣлъ въ ней. Она вся преобразилась. Искрой дурной опять сдѣлалась такою же, какою она была на балѣ.

Князь Андрей подошелъ къ Пьеру, и Пьеръ замѣтилъ новое, молодое выраженіе въ лицѣ资料 своего друга.

Пьеръ нѣсколько разъ пересаживался во время игры, то

шиной, то лицомъ къ Наташѣ, и во все продолженіе шести роберовъ дѣлалъ надблюденія надъ ней и своимъ другомъ.

„Что-то очень важное происходитъ между ними“, думалъ Пьеръ, и радостное и вмѣстѣ горькое чувство заставляло его волноваться и забывать объ игрѣ.

Послѣ шести роберовъ генераль всталъ, сказавъ, что етакъ невозможно играть, и Пьеръ получилъ свободу. Наташа въ одной сторонѣ говорила съ Соней и Борисомъ, Вѣра о чёмъ-то съ тонкою улыбкой говорила съ княземъ Андреемъ. Пьеръ подошелъ къ своему другу и, спросивъ, не тайна ли то, что говорится, сѣлъ подлѣ нихъ. Вѣра, замѣтивъ вниманіе князя Андрея къ Наташѣ, напала, что на вечерѣ, на настоящемъ вечерѣ, необходимо нужно, чтобы были тонкие намеки на чувства, и улучивъ время, когда князь Андрей былъ одинъ, начала съ нимъ разговоръ о чувствахъ вообще и о своей сестрѣ. Ей нужно было съ такимъ умнымъ (какимъ она считала князя Андрея) гостемъ приложить къ дѣлу свое дипломатическое искусство.

Когда Пьеръ подошелъ къ нимъ, онъ замѣтилъ, что Вѣра находилась въ самодовольномъ увлеченіи разговора, а князь Андрей (что съ нимъ рѣдко бывало) казался смущенъ.

— Какъ вы полагаете? съ тонкою улыбкой говорила Вѣра. — Вы, князь, такъ проницательны и такъ понимаете сразу характеры людей. Чѣмъ вы думаете о Натали, можетъ ли она быть постоянна въ своихъ привязанностяхъ, можетъ ли она, такъ, какъ другія женщины (Вѣра разумѣла себѣ), одинъ разъ полюбить человѣка и навсегда остататься ему вѣрною? Это я считаю настоящей любовью. Какъ вы думаете, князь?

— Я слишкомъ мало знаю вашу сестру, отвѣчалъ князь. — Андрей съ насмѣшиловою улыбкой, подъ которой онъ хо-

Бергъ всталъ, и обнявъ свою жену осторожно, чтобы не измять кружевную пелеринку, за которую онъ дорого заплатилъ, поцѣловалъ ее въ середину губъ.

— Одно только, чтобы у насъ не было такъ скоро дѣтей, сказалъ онъ по бессознательной для себя филіаціи идей...

— Да, отвѣчала Вѣра, — я совсѣмъ этого не желаю. Надо жить для общества.

— Точно такая была на кнѧгинѣ Юсуповой, сказалъ Бергъ, съ счастливою и доброю улыбкой указывая на пелеринку.

Въ это время доложили о пріѣздѣ графа Безухова. Оба супруга переглянулись самодовольно улыбкой, каждый себѣ приписывая честь этого посѣщенія.

„Вотъ что значитъ умѣть дѣлать знакомства, подумалъ Бергъ, вотъ что значитъ умѣть держать себя!“

— Только пожалуйста, когда я занимаю гостей, сказала Вѣра, — ты не перебивай меня, потому что я знаю, чѣмъ занять каждого, и въ какомъ обществѣ что надо говорить.

Бергъ тоже улыбнулся.

— Нельзя же: иногда съ мужчинами мужской разговоръ долженъ быть, сказалъ онъ.

Пьеръ былъ принятъ въ новенькой гостиной, въ которой никогда сѣсть нельзя было, не нарушивъ симметріи, чистоты и порядка, и потому весьма понятно было и не странно, что Бергъ великодушно предлагалъ разрушить симметрію кресла или дивана для дорогаго гостя, и видимо находясь самъ въ этомъ отношеніи въ болѣвненной нерѣшительности, предложилъ рѣшеніе этого вопроса выбору гостя. Пьеръ разстроилъ симметрію, подвинувъ себѣ стулъ, и тотчасъ же Бергъ и Вѣра начали вечеръ, перебивая одинъ другаго и занимая гостя.

Вѣра, рѣшивъ въ своемъ умѣ, что Пьера надо занимать разговоромъ о французскомъ посольствѣ, тотчасъ же начала этотъ разговоръ. Бергъ, рѣшивъ, что надобенъ и мужской разговоръ, перебилъ рѣнъ жены, затрогивая вопросъ о войнѣ съ Австріею, и невольно съ общаго разговора соскочилъ на личныя соображенія о тѣхъ предложеніяхъ, которыхъ ему были дѣланы для участія въ австрійскомъ походѣ, и о тѣхъ причинахъ, почему онъ не прижалъ ихъ. Несмотря на то, что разговоръ былъ очень нескладный, и что Вѣра сердилась за вмѣшательство мужскаго элемента, оба супруга съ удовольствиемъ чувствовали, что несмотря на то, что было только одинъ гость, вечеръ былъ начатъ очень хорошо, и что вечеръ былъ, какъ двѣ капли воды похожъ на всякий другой вечеръ съ разговорами, чаемъ и зажженными свѣчами.

Вскорѣ пріѣхалъ Борисъ, старый товарищъ Берга. Онъ съ нѣкоторымъ отг҃ѣнкомъ превосходства и покровительства обращался съ Бергомъ и Вѣрой. За Борисомъ пріѣхала дама съ полковникомъ, потомъ самъ генераль, потомъ Ростовы, и вечеръ уже совершенно, несомнѣнно сталъ похожъ на всѣ вечера. Бергъ съ Вѣрой не могли удерживать радостной улыбки при видѣ этого движенія по гостиной, при звукахъ этого безсвязнаго говора, шуршанья платьевъ и поклоновъ. Все было, какъ и у всѣхъ; особенно похожъ былъ генераль, похвалившій квартиру, потрапавшій по плечу Берга и съ отеческимъ самоуправствомъ распорядившійся постановкой бесточного стола. Генераль подсѣть къ графу Ильѣ Андреевичу, какъ самому знатному изъ гостей послѣ себя. Старички со старичками, молодые съ молодыми, хозяйка у чайнаго стола, на которомъ были точно такія же печенія въ серебрянной корзинкѣ, какія были у Паниныхъ на вечерѣ, все было совершенно такъ же какъ у другихъ.

XXI.

Пьеръ, какъ одинъ изъ вочетнѣйшихъ гостей, долженъ былъ сѣсть въ бостонъ съ Ильей Андреичемъ, генераломъ и полковникомъ. Ішеру за бостонныи столъ пришлось сидѣть противъ Наташи, и странная перемѣна, произошедшая въ ней со дни бала, поразила его. Наташа была молчалива, и не только не была таъ хороша, какъ она была на балѣ, но она была бы дурна, ежели бы она не имѣла такого крѣваго и равнодушнаго ко всему вида.

„Что съ ней?“ подумалъ Пьеръ, взглянувъ на нее. Она сидѣла подлѣ сестры у чайнаго стола и нехотно, не глядя на него, отвѣтала что-то подсѣвшему къ ней Борису. Отходивъ цѣлую масть и забравъ къ удовольствію своего партнера чистъ вѣзтокъ, Пьеръ, слышавшій говорь привѣтствій и звуки чихъ-то шаговъ, вошедшіхъ въ комнату во время сбора вѣзтокъ, опять взглянуль на нее.

„Что съ ней сдѣжалось?“ еще удивленіе сказалъ онъ самъ себѣ.

Князь Андрей съ бережлivo-нѣжнымъ выраженіемъ стоялъ предъ нею и говорилъ ей что-то. Она, поднявъ голову, разруманившись и видимо стараясь удержать порывистое дыханье, смотрѣла на него. И яркій свѣтъ какого-то внутренняго, прежде потушеннаго огня, опять горѣлъ въ ней. Она вся преобразилась. Изъ дурной опять сдѣжалась такою же, какою она была на балѣ.

Князь Андрей подошелъ къ Ішеру, и Пьеръ замѣтилъ иное, молодое выраженіе и въ лицѣ своего друга.

Ішеръ нѣсколько разъ пересаживался во время игры, то

спиной, то лицомъ къ Наташѣ, и во все продолженіе шести роберовъ дѣлая наблюденія надъ ней и своимъ другомъ.

„Что-то очень важное происходитъ между ними“, думалъ Пьеръ, и радостное и вмѣстѣ горькое чувство заставляло его волноваться и забывать обѣ игры.

Послѣ шести роберовъ генераль всталъ, сказавъ, что етакъ невозможно играть, и Пьеръ получилъ свободу. Наташа въ одной сторонѣ говорила съ Соней и Борисомъ, Вѣра о чёмъ-то съ тонкою улыбкой говорила съ княземъ Андреемъ. Пьеръ подошелъ къ своему другу и, спросивъ, не тайна ли то, что говорится, сѣлъ подлѣ нихъ. Вѣра, замѣтивъ вниманіе князя Андрея къ Наташѣ, написала, что на вечерѣ, на настоящемъ вечерѣ, необходимо нужно, чтобы были тонкие намеки на чувства, и улучивъ время, когда князь Андрей былъ одинъ, начала съ нимъ разговоръ о чувствахъ вообще и о своей сестрѣ. Ей нужно было съ такимъ умнымъ (какимъ она считала князя Андрея) гостемъ приложить къ дѣлу свое дипломатическое искусство.

Когда Пьеръ подошелъ къ нимъ, онъ замѣтилъ, что Вѣра находилась въ самодовольномъ увлеченіи разговора, а князь Андрей (что съ нимъ рѣдко бывало) казался смущенъ.

— Какъ вы полагаете? съ тонкою улыбкой говорила Вѣра. — Вы, князь, такъ проницательны и такъ понимаете сразу характеры людей. Чѣмъ вы думаете о Наташе, можетъ ли она быть постоянна въ своихъ привязанностяхъ, можетъ ли она, такъ, какъ другія женщины (Вѣра разумѣла себѣ), одинъ разъ полюбить человѣка и навсегда оставаться ему вѣрной? Это я считаю настоящей любовью. Какъ вы думаете, князь?

— Я слишкомъ мало знаю вашу сестру, отвѣчалъ князь. Андрей съ насмѣшиливою улыбкой, подъ которой сидѣлъ хо-

тѣль скрыть свое смущеніе, — чтобы рѣшить такой тонкій вопросъ; и потому я замѣчалъ, что чѣмъ менѣе нравится женщина, тѣмъ она бываетъ постояннѣе, прибавилъ онъ и посмотрѣлъ на Ільера, подошедшаго въ это время къ нимъ.

— Да, это правда, князь; въ наше время, продолжала Вѣра (упоминая о нашемъ времени, какъ вообще любить упоминать ограниченные люди, полагающіе, что они нашли и оцѣнили особенности нашего времени и что свойства людей измѣняются со временемъ), — въ наше время дѣвушка имѣть столько свободы, что удовольствіе быть замѣченной, часто заглушаетъ въ ней истинное чувство. И Натали, надо признаться, къ этому очень чувствительна. Возвращеніе къ Натали опять заставило непріятно помордаться князя Андрея; онъ хотѣлъ встать, но Вѣра продолжала съ еще болѣе утонченной улыбкой:

— Я думаю ни за кѣмъ такъ не ухаживали, какъ за нею, говорила Вѣра; — но никогда, до самаго послѣд资料的 времена, никто серьезно ей не нравился. Вотъ вы знаете, графъ, обратилась она къ Ільеру, — даже нашъ милый кузенъ Борисъ, который былъ, между нами будь сказано, очень и очень въ страшѣ избѣжнаго... говорила она, памекая на бывшую въ ходу тогда карту любви.

Князь Андрей, нахмурившись, молчалъ.

— Вы вѣдь дружны съ Борисомъ? сказала ему Вѣра.

— Да, я его знаю...

— Онъ вѣрно вамъ говорилъ про свою дѣтскую любовь къ Натали?

— А была дѣтская любовь? вдругъ неожиданно покраснѣвъ, спросилъ князь Андрей.

— Да. Вы знаете между двоюродными братомъ и сестрой

эта близость очень часто приводить къ любви: двоюродные — опасное дѣло. Не правда-ли?

— О, безъ сомнѣнія, сказалъ князь Андрей, и вдругъ, неестественно оживившись, онъ сталъ шутить съ Пьеромъ о томъ, какъ онъ долженъ быть осторожнымъ въ своемъ обращеніи съ своими 50-лѣтними московскими кузинами, и въ серединѣ шутливаго разговора всталъ и, взявъ подъ руку Пьера, отвелъ его въ сторону.

— Ну что? сказалъ Пьеръ, съ удивленіемъ смотрѣвшій на странное оживленіе своего друга и замѣтившій взглядъ, который онъ, вставая, бросилъ на Наташу.

— Мне надо, мнѣ надо поговорить съ тобой, сказалъ князь Андрей. — Ты знаешь наши женскія перчатки (онъ говорилъ о тѣхъ масонскихъ перчаткахъ, которыя давались вновь избранному брату для врученія любимой женщины). Я... Но вѣтъ, я послѣ поговорю съ тобой... И съ страннымъ блескомъ въ глазахъ и безпокойствомъ въ движеніяхъ, князь Андрей подошелъ къ Наташѣ и сѣлъ подлѣ нея. Пьеръ видѣлъ, какъ князь Андрей что-то спросилъ у нея, и она, вспыхнувъ, отвѣчала ему.

Но въ это время Бергъ подошелъ къ Пьеру, настоятельно упрашивая его принять участіе въ спорѣ между генераломъ и полковникомъ обѣ испанскихъ дѣлахъ.

Бергъ былъ доволенъ и счастливъ. Улыбка радости не сходила съ его лица. Вечеръ былъ очень хорошъ и совершенно такой, какъ и другое вечера, которые онъ видѣлъ. Все было похоже. И дамскіе, тонкіе разговоры, и карты, и за картами генералъ, возвышающейся голосъ, и самоваръ, и печенье; но одного еще не доставало, того, чтѣ онъ всегда видѣлъ на вечерахъ, которымъ онъ желалъ подра-

жать, Не доставало громкаго разговора между мужчинами и спора о чёмъ-нибудь важномъ и умномъ. Генераль началь этотъ разговоръ, и къ нему то Бергъ привлекъ Пьера.

XXII.

На другой день князь Андрей поѣхалъ къ Ростовыи обѣдать, такъ какъ его звалъ графъ Илья Андреичъ, и провелъ у нихъ цѣлый день.

Всѣ въ домѣ чувствовали, для кого Ѵздилъ князь Андрей, и онъ, не скрывая, цѣлый день старался быть съ Наташой. Не только въ душѣ Наташи, испуганной, но счастливой и восторженной, но во всемъ домѣ чувствовался страхъ предъ чѣмъ-то важнымъ, имѣющимъ совершиться. Графина печальными и серьезно-строгими глазами смотрѣла на князя Андрея, когда онъ говорилъ съ Наташой, и робко и притворно начинала какой-нибудь ничтожный разговоръ, какъ скора онъ оглядывался на нее. Соня боялась уйти отъ Наташи, и боялась быть помѣхой, когда она была съ ними. Наташа блѣднѣла отъ страха ожиданія, когда она на минуту оставалась съ нимъ съ глазу на глазъ. Князь Андрей поражалъ ее своею робостью. Она чувствовала, что ему нужно было сказать ей что-то, но что онъ не могъ на это рѣшиться.

Когда вечеромъ князь Андрей уѣхалъ, графиня подошла къ Наташѣ и шепотомъ сказала:

— Ну что?

— Мама, ради Бога ничего не спрашивайте у меня теперь. Это нельзя говорить, сказала Наташа.

Но несмотря на то, въ этотъ вечеръ Наташа, то взвол-

нованная, то испуганная, съ останавливающимися глазами лежала долго въ постели матери. То она рассказывала ей, какъ онъ хвалилъ ее, то какъ онъ говорилъ, что пойдеть за-границу, то что онъ спрашивалъ, гдѣ они будутъ жить это лѣто, то какъ онъ спрашивалъ ее про Бориса.

— Но такого, такого... со мной никогда не бывало! говорила она. — Только мнѣ страшно при немъ, мнѣ всегда страшно при немъ, что это значитъ? Значитъ, что это настоящее, да? Мама, вы спите?

— Нѣтъ, душа моя, мнѣ самой страшно, отвѣчала мать. — Иди.

— Все равно я не буду спать. Чѣдѣ за глупости спати! Мамаша, мамаша, такого со мной никогда не бывало, говорила она съ удивленіемъ и испугомъ предъ тѣмъ чувствомъ, которое она сознавала въ себѣ. — И могли ли мы думать!...

Наташѣ казалось, что еще когда она въ первый разъ увидала князя Андрея въ Отрадномъ, она влюбилась въ него. Ее какъ будто пугало это странное, неожиданное счастье, что тотъ, кого она выбрала еще тогда (она твердо была увѣрена въ этомъ), что тотъ самый теперь опять встрѣтился ей, и какъ кажется неравнодушенъ къ ней. „И надо было ему нарочно теперь, когда мы здѣсь, прѣѣхать въ Петербургъ. И надо было намъ встрѣтиться на этомъ балѣ. Все это судьба. Ясно, что это судьба, что все это велось къ этому. Еще тогда, какъ только я увидала его, я почувствовала что-то особенное“.

— Чѣдѣ жъ онъ тебѣ еще говорилъ? Какие стихи-то эти? Прочти... задумчиво сказала мать, спрашивая про стихи, которые князь Андрей написалъ въ альбомъ Наташѣ.

— Мама, это не стыдно, что онъ вдовецъ?

— Полно, Наташа. Молись Богу. „Браки совершаются на небесахъ“, сказала она французскую поговорку.

— Голубушка, мамаша, какъ я васъ люблю, какъ мнѣ хорошо! крикнула Наташа, плача слезами счастья и волнения и обнимая мать.

Въ это же самое время князь Андрей сидѣлъ у Пьера и говорилъ ему о своей любви къ Наташѣ и о твердо-взатомъ намѣреніи жениться на ней.

Въ этотъ день у графини Елены Васильевны былъ раутъ, былъ французскій посланникъ, былъ принцъ, сдѣлавшійся съ недавняго времени частымъ посѣтителемъ дома графини, и много блестящихъ дамъ и мужчинъ. Пьеръ былъ внизу, прошелся по заламъ и поразилъ всѣхъ гостей своимъ со-средоточенно-разсѣяннымъ и мрачнымъ видомъ.

Пьеръ со времени бала чувствовалъ въ себѣ приближеніе припадковъ ипохондріи и съ отчаянпымъ усилемъ старался бороться противъ нихъ. Со времени сближенія принца съ его женой, Пьеръ неожиданно былъ пожалованъ въ камергеры, и съ этого времени онъ сталъ чувствовать тяжесть и стыдъ въ большомъ обществѣ, и чаще ему стали приходить прежнія мрачныя мысли о тщетѣ всего человѣческаго. Въ это же время замѣченное имъ чувство между покровительствуюю имъ Наташой и княземъ Андреемъ, своею противоположностью между его положенiemъ и положенiemъ его друга, еще усиливало это мрачное настроеніе. Онъ одинаково старался избѣгать мыслей о своей женѣ и о Наташѣ и князѣ Андрѣѣ. Опять все ему казалось ничтожно въ сравненіи съ вѣчностью,

опять представлялся вопросъ: „къ чему?“ И онъ дни и ночи заставлялъ себя трудиться надъ масонскими работами, надѣясь отогнать приближеніе злого духа. Пьеръ въ 12-ть часу, выйдя изъ покоя гравипи, сидѣлъ у себя наверху предъ столомъ въ накуренной, низкой комнатѣ, въ затасканномъ халатѣ и переписывалъ подлинные шотландскіе акты, когда кто-то вошелъ къ нему въ комнату. Это былъ князь Андрей.

— А, это вы, сказалъ Пьеръ съ разсѣяннымъ и недовольнымъ видомъ. — А я вотъ работаю, сказалъ онъ указывая на тетрадь съ тѣмъ видомъ спасенія отъ невзгодъ жизни, съ которыми смотрѣть несчастливые люди на свою работу.

Князь Андрей съ сияющимъ, восторженнымъ и обновленнымъ къ жизни лицомъ остановился предъ Пьеромъ и не замѣчалъ его печального лица, съ эгоизмомъ счастія улыбнулся ему.

— Ну, душа моя, сказалъ онъ, — я вчера хотѣлъ сказать тебѣ и нынче за этимъ прѣѣхалъ къ тебѣ. Никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Я влюбленъ, мой другъ.

Пьеръ вдругъ тяжело вздохнулъ и повалился своимъ тѣломъ на диванъ подѣлъ князя Андрея.

— Въ Наташу Ростову, да? сказалъ онъ.

— Да, да, въ кого же? Никогда не поверилъ бы, но это чувство сильнѣе меня. Вчера я мучился, страдалъ, но и мученыя этого я не отдамъ ни за что въ мірѣ. Я не жилъ прежде. Теперь только я живу, но я не могу жить безъ нея. Но можетъ ли она любить меня?... Я старъ для нея... Что ты не говоришь?...

— Я? Я? Чѣмъ я говорилъ вамъ, вдругъ сказалъ Пьеръ;

Война и миръ. Т. II.

вставая и начиная ходить по комнатѣ. — Я всегда это думалъ... Эта девушка такое сокровище, такое... Это рѣдкая девушка... Милый другъ, я васъ пропу, вы не умствуйте, не сомнѣвайтесь, женитесь, женитесь и женитесь... И я уверенъ, что счастливѣе васъ не будетъ человѣка.

— Но она?

— Она любить васъ.

— Не говори вздору... сказалъ князь Андрей, улыбаясь и глядя въ глаза Пьеру.

— Любить, я знаю, сердито закричалъ Пьеръ.

— Нѣть, слушай, сказалъ князь Андрей, останавливая его за руку. — Ты знаешь ли въ какомъ я положеніи? Мне нужно сказать все кому-нибудь.

— Ну, ну, говорите, я очень радъ, говорилъ Пьеръ, и действительно лицо его измѣнилось, морщина разгладилась, и онъ радостно слушалъ князя Андрея. Князь Андрей казался и былъ совсѣмъ другимъ, новымъ человѣкомъ. Гдѣ была его тоска, его презрѣніе къ жизни, его разочарованность? Пьеръ былъ единственный человѣкъ, предъ которымъ онъ рѣшался высказаться; но за то онъ ему высказывать все, чтѣ у него было на душѣ. То онъ легко и смѣло дѣлать планы на продолжительное будущее, говорилъ о томъ, какъ онъ не можетъ пожертвовать своимъ счастіемъ для каприза своего отца, какъ онъ заставитъ отца согласиться на этотъ бракъ и полюбить ее, или обойдется безъ его согласія; то онъ удивлялся, какъ на что-то странное, чуждое, отъ него не зависящее, па то чувство, которое владѣло имъ.

— Я бы не повѣрилъ тому, кто бы мнѣ сказалъ, что я могу такъ любить, говорилъ князь Андрей. — Это совсѣмъ не то чувство, которое было у меня прежде. Весь міръ раз-

дѣлень для меня на двѣ половины: одна — она, и тамъ все счастье, надежда, свѣтъ; другая половина — все, гдѣ ея нѣть, тамъ все уныніе и темнота...

— Темнота и мракъ, повторилъ Церъ, — да, да, я понимаю это.

— Я не могу не любить свѣта, я не виноватъ въ этомъ. И я очень счастливъ. Ты понимаешь меня? Я знаю, что ты радъ за меня.

— Да, да, подтверждалъ Церъ, умиленными и грустными глазами глядя на своего друга. Чѣмъ свѣтлѣе представлялась ему судьба князя Андрея, тѣмъ мрачнѣе представлялась своя собственная.

XXIII.

Для женитьбы нужно было согласіе отца, и для этого на другой день князь Андрей уѣхалъ къ отцу.

Отецъ съ наружнымъ спокойствіемъ, по внутреннею злобой принялъ сообщеніе сына. Онъ не могъ понять того, чтобы кто-нибудь хотѣлъ измѣнить жизнь, вносить въ нее что-нибудь новое, когда жизнь для него уже кончалась. — „Дали бы только дожить такъ, какъ я хочу, а потомъ бы дѣлали, что хотѣли“, говорилъ себѣ старикъ. Съ сыномъ однако онъ употребилъ ту дипломацію, которую онъ употреблялъ въ важныхъ случаяхъ. Принявъ спокойный тонъ, онъ обсудилъ все дѣло.

Во-первыхъ, женитьба была не блестящая въ отношеніи родства, богатства и знатности. Во-вторыхъ, князь Андрей былъ не первой молодости и слабъ здоровьемъ (старикъ особенно налегалъ на это), а она была очень молода. Въ третьихъ, былъ сынъ, котораго жалко было отдать девчонкѣ.

Въ четвертыхъ, наконецъ, сказалъ отецъ, насмѣшилио гляди на сына: — „Я тебя прошу, отложи дѣло на годъ, сѣѣзди за границу, полѣвшись, сыщи, какъ ты и хочешь, нѣмца для князя Николая, и потомъ, ежели ужъ любовь, страсть, упрымство, чтò хочешь, такъ велики, тогда женись. И это послѣднее мое слово, знай, послѣднее...“ кончилъ князь такимъ тономъ, которымъ показывалъ, что ничто не заставить его измѣнить свое рѣшеніе.

Князь Андрей ясно видѣлъ, что старикъ надѣялся, что чувство его или его будущей невѣсты не выдержитъ испытанія года, или что онъ самъ, старый князь, умретъ къ этому времени, и рѣшилъ исполнить волю отца: сдѣлать предложеніе и отложить свадьбу на годъ.

Черезъ три недѣли послѣ своего послѣднаго вечера у Ростовыхъ, князь Андрей вернулся въ Петербургъ.

На другой день послѣ своего объясненія съ матерью, Наташа ждала цѣлый день Болконскаго, но онъ не пріѣхалъ. На другой, на третій день было то же самое. Повѣръ также не пріѣзжалъ, и Наташа, не зная того, что князь Андрей уѣхалъ къ отцу, не могла себѣ объяснить его отсутствіе.

Такъ прошли три недѣли. Наташа никуда не хотѣла выѣзжать и какъ тѣнь, праздная и унылая, ходила по комнатамъ, вечеромъ тайно отъ всѣхъ плакала и не являлась по вечерамъ къ матери. Она безпрестанно краснѣла и раздражалась. Ей казалось, что всѣ знаютъ о ея разочарованіи, смеются и жалѣютъ о ней. При всей силѣ внутренняго горя, это тицеславное горе усиливало ея несчастіе.

Однажды она пришла къ графинѣ, хотѣла что-то сказать

ей вдругъ заплакала. Слезы ея были слезы обиженнаго ребенка, который самъ не знаетъ, за что онъ наказанъ.

Графиня стала успокаивать Наташу. Наташа вслушивавшаяся сначала въ слова матери, вдругъ прервала ее:

— Нерестаньте, мама, я и не думаю, и не хочу думать! Такъ, поѣздили и пересталь, и пересталь...

Голосъ ея задрожалъ, она чуть не заплакала, но оправилась и спокойно продолжала:

— И совсѣмъ я не хочу выходить замужъ. И я его боюсь; а теперь совсѣмъ, совсѣмъ успокоилась...

На другой день послѣ этого разговора, Наташа надѣла то старое платье, которое было ей особенно известно за доставляемую имъ по утрамъ веселость, и съ утра начала тотъ свой прежній образъ жизни, отъ котораго она отстала послѣ бала. Она, налившись чаю, пошла въ залу, которую она особенно любила за сильный резонансъ, и начала пѣть свои солфеджи (упражненія пѣнія). Окончивъ первый урокъ, она остановилась на серединѣ залы и повторила одну музыкальную фразу, особенно понравившуюся ей. Она прислушалась радостно къ той (какъ будто неожиданной для нея) прелести, съ которой эти звуки, переливаясь, наполняли всю пустоту залы и медленно замерли, и ей вдругъ стало весело. „Что обѣ этомъ думать много, и такъ хорошо“, сказала она себѣ и стала взадъ и впередъ ходить по залѣ, ступая не простыми шагами по звонкому паркету, но на всѣкомъ шагу переступая съ каблучка (на ней были новые любимые башмаки) на носокъ, и такъ же радостно, какъ и къ звукамъ своего голоса прислушиваясь къ этому мѣрному топоту каблучка и поскрипыванію носка. Проходя мимо зеркала, она заглянула въ него. — „Вотъ она я!“ какъ будто

говорила выражение ее лица при видѣ себѣ „Ну, и хорошо. И никого мнѣ не нужно“.

Лакей хотѣлъ войти, чтобы убрать что-то въ залѣ, но она не пустила его, снять затворивъ за нимъ дверь, и продолжала свою прогулку. Она возвратилась въ это утро опять къ своему любимому состоянію любви къ себѣ и восхищенія предъ собой. — „Что за прелестъ эта Наташа!“ сказала она опять про себя словами какого-то третьего, собирательного мужскаго лица. — „Хороша, голость, молода, и никому она не мѣшаетъ, оставьте только ее въ покой“. Но сколько бы ни оставляли ее въ покой, она уже не могла быть покойна, и тотчасъ же почувствовала это.

Въ передней отворилась дверь подъѣзда, кто-то спросилъ: дома ли? и послышались чьи-то шаги. Наташа смотрѣлась въ зеркало, но она не видала себя. Она слушала звуки въ передней. Когда она увидала себя, лицо ея было блѣдно. Это была она. Она это вѣрно знала, хотя чуть слышала звукъ его голоса изъ затворенныхъ дверей.

Наташа, блѣдная и испуганная, вѣжала въ гостиную.

— Мама, Болконскій пріѣхалъ, сказала она. — Мама, это ужасно, это несносно! — Я не хочу... мучиться! Чѣмъ же мнѣ дѣлать?

Еще графиня не успѣла отвѣтить ей, какъ князь Андрей съ тревожнымъ и серьезнымъ лицомъ вошелъ въ гостиную. Какъ только онъ увидалъ Наташу, лицо его просияло. Онъ поцѣловалъ руку графини и Наташи и сѣлъ подлѣ дивана.

— Давно уже мы не имѣли удовольствія... начала было графиня, но князь Андрей перебилъ ее, отвѣчая на ея вопросъ и очевидно торопясь сказать то, чѣмъ ему было нужно.

— Я не былъ у васъ все это время, потому что былъ у

отца; мнѣ нужно было переговорить съ нимъ о весьма важномъ дѣлѣ. Я вчера ночью только вернулся, сказъ онъ, взглянувъ на Наташу. — Мнѣ нужно переговорить съ вами; графиня, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Графиня, тяжело вздохнувъ, опустила глаза.

— Я къ вашимъ услугамъ, преговорила она.

Наташа знала, что ей надо уйти, но она не могла этого сдѣлать: что-то сжимало ей горло, и она неучтиво, прямо, открытыми глазами смотрѣла на князя Андрея.

„Сейчасъ? Сю минуту?... Нѣтъ, это не можетъ быть!“ думала она.

Онъ опять взглянуль на нес, и этотъ взглядъ убѣдилъ ее въ томъ, что она не ошиблась. Да, сейчасъ, сю минуту рѣшилась ея судьба.

— Погоди, Наташа, я позову тебя, сказала графиня шепотомъ.

Наташа испуганными умоляющими глазами взглянула на князя Андрея и на мать, и вышла.

— Я прѣѣхалъ, графиня, просить руки вашей дочери, сказалъ князь Андрей.

Лицо графини вспыхнуло, но она ничего не сказала.

— Ваше предложеніе... степенно начала графиня... Онъ молчалъ, глядя ей въ глаза. — Ваше предложеніе... (она сконфузилась) намъ пріятно, и... я принимаю ваше предложеніе, я рада. И мужъ мой... я надѣюсь... но отъ нея самой будетъ зависѣть...

— Я скажу ей тогда, когда буду имѣть ваше согласие... даесте ли вы мнѣ его? сказалъ князь Андрей.

— Да, сказала графиня и протянула ему руку и съ смѣшаннымъ чувствомъ отчужденности и инѣжности прижалась

губамъ къ его лбу, когда онъ наклонился надъ ея рукой. Она желала любить его, какъ сына; но чувствовала, что онъ былъ чужой и страшный для нея человѣкъ.

— Я увѣрена, что мой мужъ будетъ согласенъ, сказала графиня, — по вашъ батюшка...

— Мой отецъ, которому я сообщилъ свои планы, непремѣннымъ условіемъ согласія положилъ то, чтобы свадьба была не раньше года. И это-то я хотѣла сообщить вамъ, сказалъ князь Андрей.

— Правда, что Наташа еще молода, но — такъ долго!

— Это не могло быть иначе, со вздохомъ сказала князь Андрей.

— Я пошлю вамъ ее, сказала графиня, и вышла изъ комнаты.

„Господи, помилуй нась“, твердила она, отыскивая дочь. Соня сказала, что Наташа въ спальни. Наташа сидѣла на своей кровати, блѣдная, съ сухими глазами, смотрѣла на образа и, быстро крестясь, шептала что-то.

Увидавъ мать, она вскочила и бросилась къ ней.

— Чѣмъ, мама?... Чѣмъ?

— Поди, поди къ нему. Онъ проситъ твоей руки, сказала графиня холодно, какъ показалось Наташѣ... — Поди... моя, проговорила мать съ грустью и укоризной вслѣдъ убѣгавшей дочери и тяжело вздохнула.

Наташа не помнила, какъ она вошла въ гостиную. Войдя въ дверь и увидавъ его, она остановилась. „Неужели этотъ чужой человѣкъ сдѣлался теперь все для меня?“ спросила она себя и мгновенно отвѣтила: „Да, все: онъ одинъ теперь дороже для меня всего на свѣтѣ“. Князь Андрей подошелъ къ ней, опустивъ глаза.

— Я полюбилъ васъ съ той минуты, какъ увидѣлъ васъ.
Могу ли я надѣяться?

Онъ взглянулъ на неё; и серьезная страстность выраже-
нія ея лица поразила его. Лицо ея говорило: Зачѣмъ спра-
шивать? Зачѣмъ сомнѣваться въ томъ, чего нельзя не знать?
Зачѣмъ говорить, когда нельзя словами выразить того, что
чувствуешь».

Она приблизилась къ нему и остановилась. Онъ взялъ ея
руку и поцѣловалъ.

— Любите ли вы меня?

— Да, да, какъ будто съ досадой проговорила Наташа,
громко вздохнула, другой разъ, чаще и чаще, и зарыдала.

— О чёмъ? Чѣмъ съ вами?

— Ахъ, а такъ счастлива, отвѣчала она, улыбнулась сквозь
слезы, нагнулась ближе къ нему, подумала секунду какъ
будто спрашивая себя, можно ли это, и поцѣловала его.

Князь Андрей держалъ ея руки, смотрѣлъ ей въ глаза,
и не находилъ въ своей душѣ ирежней любви къ ней.
Въ душѣ его вдругъ повернулось что-то, не было ирежней
поэтической и таинственной прелести желанія; а была же-
лость къ ея женской и дѣтской слабости, былъ страхъ предъ
ея преданностью и довѣрчивостью, тяжелое и вмѣстѣ радо-
стное сознаніе долга, навѣки связавшаго его съ нею. На-
стоящее чувство, хотя и не было такъ свѣтло и поэтично
какъ прежнее, было серьезнѣе и сильнѣе.

— Сказала ли вамъ маменька, что это не можетъ быть
раньше года? сказалъ князь Андрей, продолжая глядѣть
въ ея глаза.

„Неужели это я, та дѣвочка-ребенокъ (всѣ такъ говорили
обо мнѣ)“, думала Наташа, „неужели я теперь съ этой ми-

нуты жена, равная этого чужаго, милаго, умнаго человѣка, уважаемаго даже отцомъ моимъ? Неужели это правда? Неужели правда, что теперь уже нельза жутить жизнью, теперь ужъ я большая, теперь ужъ лежить на мнѣ ответственность за всякое мое дѣло и слово? Да, что онъ спросилъ у меня?"

— Нѣтъ, отвѣчала она, но она не понимала того, что онъ спрашивалъ.

— Простите меня, сказаль князь Андрей, — но вы такъ молоды, а я ужъ такъ много испыталъ жизни. Мнѣ страшно за васъ. Вы не знаете себя.

Наташа съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушала, стараясь понять смыслъ его словъ, и не понимала.

— Какъ ни тяжель мнѣ будетъ этотъ годъ, отсрочивающій мое счастіе, продолжалъ князь Андрей, — въ этотъ срокъ вы повѣрите себя. Я прошу васъ черезъ годъ сдѣлать мое счастіе, но вы свободны: помолвка наша остается тайной, и ежели вы убѣдились бы, что вы не любите меня, или полюбили бы... сказалъ князь Андрей съ неестественною улыбкой.

— Зачѣмъ вы это говорите? перебила его Наташа. — Вы знаете, что съ того самаго дня, какъ вы въ первый разъ прїѣхали въ Отрадное, я полюбила васъ, сказала она, твердо увѣренная, что она говорила правду.

— Въ годъ вы узнаете себя...

— Цѣлый годъ! вдругъ сказала Наташа, теперь только понявъ то, что свадьба отсрочена на годъ. — Да отчего же годъ?... Отчего же годъ?... Князь Андрей сталъ ей объяснять причины этой отсрочки. Наташа не слушала его.

— И нельза иначе? спросила она. Князь Андрей ничего

не отвѣтилъ, но въ лицѣ его выражалась невозможность измѣнить это рѣшеніе.

— Это ужасно! Нѣть, это ужасно, ужасно! вдругъ заговорила Наташа и опять зарыдала.— Я умру, дожидаюсь года: это нельзя, это ужасно. Она взглянула въ лицо своего жениха и увидала въ немъ выраженіе состраданія и недоумѣнія:

— Нѣть, нѣть, я все сдѣлаю, сказала она, вдругъ остановивъ слезы,— я такъ счастлива!

Отецъ и мать вошли въ комнату и благословили жениха и невѣstu. Съ этого дня князь Андрей женихомъ сталъ Ѳадить къ Ростовымъ.

XXIV.

Обрученія не было, и никому не было объявлено о помолвкѣ Болконского съ Наташой; на этомъ настаилъ пиняй-Андрей. Онъ говорилъ, что такъ какъ онъ причиной отсрочки, то онъ и долженъ нести всю тяжесть ея. Онъ говорилъ, что онъ навѣки связалъ себя своимъ словомъ, но что онъ не хочетъ связывать Наташу и предоставляетъ ей полную свободу. Ежели она черезъ полгода почувствуетъ, что она не любить его, она будетъ въ своемъ правѣ, ежели откажеть ему. Само собою разумѣется, что ни родители, ни Наташа не хотѣли слышать обѣ этомъ; но князь Андрей настаивалъ на своемъ. Князь Андрей бывалъ каждый день у Ростовыхъ, но не какъ женихъ обращался съ Наташой: онъ говорилъ ей ты и цѣловалъ только ея руку. Между княземъ Андреемъ и Наташой послѣ дня предложенія установились совсѣмъ другія, чѣмъ прежде, близкія, простыя отношенія. Они какъ будто до сихъ поръ не знали другъ друга. И онъ и она любили вспоминать о томъ, какъ они

смотрѣли другъ на друга, когда были еще ничтъмъ; теперь оба они чувствовали себя совсѣмъ другими существами: тогда притворными, теперь простыми и искренними. Сначала въ семействѣ чувствовалась неловкость въ обращеніи съ княземъ Андреемъ; онъ казался человѣкомъ изъ чуждаго міра, и Наташа долго пріучала домашнихъ къ князю Андрею и съ гордостью увѣряла всѣхъ, что онъ только кажется такимъ особыннымъ, а что онъ такой же, какъ и всѣ, и что она его не боится и что никто не долженъ бояться его. Послѣ иѣсколькихъ дней, въ семействѣ къ нему привыкли и, не стыдясь, вели при немъ, прежній образъ жизни, въ которомъ онъ принималъ участіе. Онъ про хозяйство умѣлъ говорить съ графомъ, и про наряды съ графиней и Наташой, и про альбомы и канву съ Соней. Иногда домашніе Ростовыхъ между собою и при князѣ Андрѣѣ удивлялись тому, какъ все это случилось и какъ очевидны были предзнаменованія этого: и пріѣздъ князя Андрея въ Отрадное, и ихъ пріѣздъ въ Петербургъ, и сходство между Наташой и княземъ Андреемъ, которое замѣтила няня въ первый пріѣздъ князя Андрея, и столкновеніе въ 1805-мъ году между Андреемъ и Николаемъ, и еще много другихъ предзнаменованій того, что случилось, было замѣчено домашними.

Въ домѣ царствовала та поэтическая скуча и молчаливость, которая всегда существуетъ присутствію жениха и невѣсты. Часто, сидя вмѣстѣ, всѣ молчали. Иногда вставали, и уходили, и женихъ съ невѣстой, оставаясь одни, все такъ же молчали. Рѣдко они говорили о будущей своей жизни. Князю Андрѣю страшно и совѣстно было говорить объ этомъ. Наташа раздѣляла это чувство, какъ и всѣ его чувства, которыхъ она постоянно угадывала. Однѣ разы Наташа стала

разспрашивать про его сына. Князь Андрей покраснѣлъ, что съ нимъ часто случалось теперь, и что особенно любила Наташа, и сказалъ, что сынъ его не будетъ жить съ ними.

— Отчего? испуганно сказала Наташа.

— Я не могу отнять его у дѣда и потомъ...

— Какъ бы я его любила! сказала Наташа, тотчасъ же угадавъ его мысль; — но я знаю, вы хотите, чтобы не было предлоговъ обвинять васъ и меня.

Старый графъ иногда подходилъ къ князю Андрею, цѣловалъ его, спрашивалъ у него совѣта на счетъ воспитанія Шети или службы Николаѣ. Старая графиня вздыхала, глядя на нихъ. Сона боялась всяную минуту быть лишнею и старалась находить предлоги оставлять ихъ однихъ, когда имъ этого и не нужно было. Когда князь Андрей говорилъ (онъ очень хорошо рассказывалъ), Наташа съ гордостью слушала его; когда она говорила, то со страхомъ и радостью замѣчала, что онъ внимательно и испытывающе смотрѣтъ на нее. Она съ недоумѣніемъ спрашивала себя: „Что онъ ищетъ во мнѣ? Чего-то онъ добивается своимъ взглядомъ? что, какъ иѣть во мнѣ того, что онъ ищетъ этимъ взглядомъ“? Иногда она входила въ свойственное ей безумно-веселое расположение духа, и тогда она особенно любила слушать и смотрѣть, какъ князь Андрей смеялся. Онъ рѣдко смеялся, но за то, когда онъ смеялся, то отдавался весь своему смѣху, и всякий разъ послѣ этого смѣха она чувствовала себя ближе къ нему. Наташа была бы совершенно счастлива, ежели бы мысль о предстоящей и приближающейся разлуки не пугала ее, такъ какъ и онъ блѣднѣлъ и холодѣлъ при одной мысли о томъ.

Наканунѣ своего отѣзда изъ Петербурга, князь Андрей привелъ съ собой Пьера, со временемъ бала ни разу не было

шаго у Ростовыхъ. Пьеръ казался растеряннымъ и смущеннымъ. Онъ разговаривалъ съ матерью. Наташа сѣла съ Соней у шахматнаго столика, приглашая этимъ къ себѣ князя Андрея. Онъ подошелъ къ нимъ.

— Вы вѣдь давно знаете Безухова? спросилъ онъ. — Вы любите его?

— Да, онъ славный, но смѣшной очень.

И она, какъ всегда говоря о Пьерѣ, стала рассказывать анекдоты о его разсѣянности, анекдоты, которые даже выдумывали на него.

— Вы знаете, я повѣрилъ ему нашу тайну, сказаль князь Андрей. — Я знаю его съ дѣтства. Это золотое сердце. Я васъ прошу, Натали, сказаль онъ вдругъ серьезно; — я уѣду, Богъ знаетъ, что можетъ случиться. Вы можете разлюб... Ну, знаю, что я не долженъ говорить обѣ этомъ. Одно, — что бы ни случилось съ вами, когда меня не будетъ...

— Что жъ случится?

— Какое бы горе ни было, продолжалъ князь Андрей, — я васъ прошу, *madame* Софи, чтобы ни случилось, обратитесь къ нему одному за совѣтомъ и помощью. Это самый разсѣянный и смѣшной человѣкъ, но самое золотое сердце.

Ни отецъ, ни мать, ни Соня, ни самъ князь Андрей не могли предвидѣть того, какъ подействуетъ на Наташу разставанье съ ея женихомъ. Красная и взърванная, съ сухими глазами, она ходила этотъ день по дому, занимаясь самыми ничтожными дѣлами, какъ будто не понимая того, что ожидаетъ се. Она не плакала и въ ту минуту, какъ онъ, прощаюсь, послѣдний разъ поцѣловавъ ея руку:

— Не уѣзжайте! только проговорила она ему такимъ голосомъ, который заставилъ его задуматься о томъ, че нужно

ли, ему действительно остаться, и который онъ долго помнилъ послѣ этого. Когда онъ уѣхалъ, она тоже не плакала: но всколько дній она не плакала въ своей комнатѣ, не интересовалась ничѣмъ и только говорила иногда: „Ахъ, зачѣмъ онъ уѣхалъ!“

Но черезъ двѣ недѣли послѣ его отѣзда, она также неожиданно для окружающихъ ее, очнулась отъ своей нравственной болѣзни, стала такая же, какъ прежде, но только съ измѣненіемъ нравственною физіономіей, какъ дѣти съ другимъ лицомъ встаютъ съ постели послѣ продолжительной болѣзни.

XXV.

Здоровье и характеръ князя Николая Андреича Болконскаго, въ этотъ послѣдній годъ, послѣ отѣзда сына, очень ослабѣли. Онъ сдѣлался еще болѣе раздражителенъ, чѣмъ прежде, и всѣ вспышки его безпричиннаго гнѣва большею частью обрушивались на княжнѣ Марьѣ. Онъ какъ будто старательно изыскивалъ всѣ болѣныя мѣста ея, чтобы какъ можно жесточе нравственно мучить ее. У княжны Марии были двѣ страсти и потому двѣ радости: племянникъ Николушка и религія, и обѣ были любимыми темами нападеній и насмѣшекъ князя. О чемъ бы ли заговорили, онъ сводилъ разговоръ на суевѣрія старыхъ дѣвокъ или на баловство и порчу дѣтей. — „Тебѣ хочется его (Николенку) сдѣлать такою же старой дѣвкой, какъ ты сама; напрасно: князю Андрею нужно сына, а не дѣвку“, говорилъ онъ. Или, обращаясь къ т-elle Буренѣ, онъ спрашивалъ ее при княжнѣ Марьѣ, какъ ей правится наши посы и образа, и шутилъ...

Онъ безпрестанно болѣю оскорбліемъ княжну Марью, но

дочь даже не дѣлала усилий надъ собой, чтобы прощать его. Развѣ могъ онъ быть виноватъ предъ нею, и развѣ могъ отецъ ея, который, она все-таки знала это, любилъ ее, быть несправедливымъ? Да и что такое справедливость? Княжна никогда не думала объ этомъ гордомъ словѣ: „справедливость“. Всѣ сложные законы человѣчества сосредоточивались для нея въ одномъ простомъ и ясномъ законѣ — въ законѣ любви и самоотверженія, преподанномъ намъ Тѣмъ, Который съ любовью страдалъ за человѣчество, когда самъ Онъ — Богъ. Что ей было за дѣло до справедливости или несправедливости другихъ людей? Ей надо было самой страдать и любить, и это она дѣлала.

Зимою въ Лысые Горы приѣзжалъ князь Андрей, былъ весель, кротокъ и нѣженъ, какимъ его давно не видала княжна Марья. Она предчувствовала, что съ нимъ что-то случилось, но онъ не сказалъ ничего княжнѣ Марьѣ о своей любви. Предъ отѣздомъ князь Андрей долго бесѣдовалъ о чёмъ-то съ отцемъ, и княжна Марья замѣтила, что предъ отѣздомъ оба были недовольны другъ другомъ.

Вскорѣ послѣ отѣзда князя Андрея, княжна Марья писала изъ Лысыхъ Горъ въ Петербургъ своему другу Жюли Карагиной, которую княжна Марья мечтала, какъ мечтаютъ всегда дѣвушки, выдать за своего брата, и которая въ это время была въ траурѣ по случаю смерти своего брата, убитаго въ Турціи.

„Горести, видно, общій удѣль нашъ, милый и нѣжный „другъ Жюли.

„Ваша потеря такъ ужасна, что я иначе не могу себѣ объяснить ее, какъ особенную милость Бога, который хотѣть испытать — любя васъ — васъ и вашу превосходную мать.

„Ахъ, мой другъ, религія, и только одна религія можетъ насъ,
„уже не говорю утѣшить, но избавить отъ отчаянія; одна
„религія можетъ объяснить намъ то, чего безъ ея помощи
„не можетъ понять человѣкъ: для чего, зачѣмъ существа
„добрый, возвышенный, умѣющія находить счастіе въ жизни,
„никому не только не вредящія, но необходимыя для счастія
„другихъ — призываются къ Богу, а остаются жить злыя,
„безполезныя, вредныя; или такія, которыя въ тягость себѣ
„и другимъ. Первая смерть, которую я видѣла и которую
„никогда не забуду — смерть моей милой невѣстки — произ-
„вела на меня такое впечатлѣніе. Точно такъ же, какъ и вы
„спрашивали судьбу, для чѣго было умирать вашему пре-
„красному брату, точно такъ же спрашивала я, для чѣго было
„умирать этому ангелу — Лизѣ, которая не только не сдѣ-
„лала какого-нибудь зла человѣку, но никогда кромѣ доб-
„рыхъ мыслей не имѣла въ своей душѣ. И что жъ, мой
„другъ? вотъ прошло съ тѣхъ поръ пять лѣтъ, и я, съ сво-
„ими ничтожными умомъ, уже начинаю ясно понимать, для
„чѣго ей нужно было умереть, и какимъ образомъ эта смерть
„была только выраженіемъ безконечной благости Творца, всѣ
„дѣйствія Котораго, хотя мы ихъ болѣею частью не пони-
„маемъ, суть только проявленія Его безконечной любви
„къ своему творенію. Можетъ быть, я часто думаю, она
„была слишкомъ ангельски-невинна для того, чтобы имѣть
„силу перенести всѣ обиды матери. Она была безу-
„пречна, какъ молодая жена: можетъ быть, она не могла бы
„быть такою матерью. Теперь, мало того, что она оставила
„намъ, и въ особенности князю Андрею, самое чистое со-
„жалѣніе и воспоминаніе, она тамъ вѣроятно получитъ то
„мѣсто, Котораго я не смѣю надѣяться для себя. Но, не го-

„всяк уже о нас одной, эта равнин и странная смерть имѣла
 „самое благотворное вліяніе, несмотря на всю печаль, на
 „цена и на брата. Тогда, въ минуту щотера, эти мысли не
 „могли прийти мнѣ; тогда я съ ужасомъ отошла бы ихъ,
 „но теперь это такъ ясно и несомнѣнно. Пишу все это въ,
 „мой другъ, только для того, чтобы убѣдить васъ въ сва-
 „гельской истинѣ, сдѣлавшись для меня жизненнымъ вра-
 „вилиемъ; ни одинъ волосъ съ головы не упадетъ безъ Его
 „воли. А воля его руководствуется только одной безпредѣль-
 „ною любовью къ намъ, и потому все, что ни случается съ нами,
 „все для нашего блага. Вы спрашиваете, проведемъ ли мы
 „слѣдующую зиму въ Москвѣ? Несмотря на все желаніе вать-
 „видѣть, не думаю и не желаю этого. И вы удивитесь, что
 „причиною тому Буонаррете. И поть почему: здоровье отца
 „моего замѣтно слабѣеть; онъ не можетъ переносить проти-
 „ворѣчій и дѣлается раздражителенъ. Раздражительность эта,
 „какъ вы знаете, обращена преимущественно на политическія
 „дѣла. Онъ не можетъ перенести мысли о томъ, что Буона-
 „ррете ведетъ дѣло, какъ съ равными, со всѣми государями
 „Европы и въ особенности съ нашими, внукомъ Великой
 „Екатерины! Какъ вы знаете, и совершилъ равнодушна-
 „къ политическимъ дѣламъ, но изъ словъ моего отца и раз-
 „говоровъ его съ Михаиломъ Ивановичемъ, я знаю все, что
 „дѣлается въ мірѣ, и въ особенности въ личности, възда-
 „ваемыи Буонаррете, котораго, какъ кажется, еще только
 „въ Лысыхъ Горахъ на всемъ земномъ шарѣ не признаютъ
 „ни великимъ человѣкомъ, ни еще менѣе французскимъ им-
 „ператоромъ. И мой отецъ не можетъ переносить этого. Мы
 „кажется, что мой отецъ, преимущественно вслѣдствіе своего
 „взгляда на политическія дѣла и предвидя стоящее, ко-

„торни у него будуть вслѣдствіе его мазери, не отынешьъ „ни съ кѣмъ; выскакиватъ съѣзжіи, неохотно говоритьъ „о поѣздѣ въ Москву. Все, что онъ выигрываетъ отъ лѣтѣнія, съѣзжаетъ вслѣдствіе споровъ о Буонарроте, которыи неизнаны. Во всякомъ случаѣ это рѣчится очень скоро. Семейная жизнь наша идетъ по старому, за исключеніемъ приездовъ брата Андрея. Онъ какъ-я уже писала вами, очень измѣнился послѣднее время. Послѣ его горя, хоть теперь только, въ вышнемъ году, совершенно измѣнился. Онъ сталъ такимъ, какимъ я его знала ребенкомъ: добрымъ, нѣжнымъ, съ тѣмъ золотыми сердцемъ, которому я не знаю равнаго. Онъ понялъ, какъ мнѣ кажется, что жизнь для него не кончена. Но вмѣстѣ съ этою нравственностью перешло, онъ физически очень ослабѣлъ. Онъ сталъ худѣе чѣмъ прежде; иеринѣ. Я боюсь за него ирада, что онъ предгринялъ эту поѣздку за границу, которую доктора уже давно предписывали ему. Я надѣюсь, что это поправитъ его. Вы мнѣ пишете, что въ Петербургѣ онъ неѣтъ говорить, какъ-бы одномъ изъ самыхъ влиятельныхъ, образованныхъ и умныхъ молодыхъ людей. Просите за самолѣбіе рѣдства, — и никогда въ этомъ не сомнѣвайтесь! Нельзі счастливо добро, которое онъздѣсь сдѣлалъ, всѣмъ, начиная єтъ своимъ мужикомъ и до дворянъ. Принѣкъ въ Петербургъ, онъ видалъ только то, что ему слѣдовало. Удивляюсь, какимъ образомъ вообще доходить слухи изъ Петербурга въ Москву и особенно такіе невѣрные, какъ тотъ, о которомъ вы мнѣ пишете, — слухъ о моемъ женитись братѣ на маленькой Ростовой. Я не думалъ, чтобы Андрей корда-нибудь женился на комъ бы то ни было и не особенности никакій. Многа почему въ первыхъ я (знат)

„что хотя онъ и рѣдко говорить о пожайной женѣ, но печаль „этой потери слишкомъ глубоко вкоренилась въ его сердце, „чтобы когда-нибудь онъ рѣшился дать ей преемницу и ма- „чику нашему маленькому ангелу. Въ-вторыхъ, потому, что, „сколько я знаю, эта девицка не изъ того разряда женщинъ, „которые могутъ нравиться князю Андрею. Не думаю, чтобы „князь Андрей выбралъ ее свою жену, и откровенно скажу: „я не желаю этого. Но я заботилась, кончаю свой второй „листоокъ. Прощайте, мой милый другъ; да сохранить васъ „Богъ подъ Своими святыми и могучими покровомъ. Моя „милая подруга, ma-elle Бурьянъ, цѣлуетъ васъ.

Марія“

XXVI.

Въ срединѣ лѣта княжна Марія получила неожиданное письмо отъ князя Андрея изъ Швейцаріи, въ которомъ онъ сообщає ей странную и неожиданную новость. Князь Андрей объявлялъ о своей помолвкѣ съ Ростовой. Все письмо его дышало любовною восторженностью къ своей невѣстѣ и нѣжною дружбой и довѣріемъ къ сестрѣ. Онъ писалъ, что никогда не любилъ такъ, какъ любить теперь, и что теперь только цоналъ и узналъ жизнь; онъ просилъ сестру простить его за то, что въ свой прѣездъ въ Лысые Горы онъ ничего не сказалъ ей объ этомъ рѣшеніи, хотя и говорилъ объ этомъ съ отцомъ. Онъ не сказалъ ей этого потому, что княжна Марія стала бы просить отца дать свое согласие, и, не достигнувъ цѣли, раздражила бы отца, и на себѣ бы понесла всю тяжесть его неудовольствія. Вирочемъ писалъ онъ, тогда еще дѣло не было такъ окончательно рѣшено, какъ теперь. „Тогда отецъ назначилъ мій срокъ — годъ, и вотъ уже шесть мѣсяцевъ, половина прошло, и я назначи-

цаго срока, и я остаюсь больше, чѣмъ когда-нибудь, твердѣю
своемъ рѣшѣніи. Ежели бы доктора не задерживали меня
здесь, на водахъ, я бы самъ былъ въ Россіи, но теперь
возвращеніе мое я долженъ отложить еще на три мѣсяца. Ты
знаешь меня и мои отношенія съ отцомъ. Мне ничего
отъ него не нужно, я былъ и буду всегда независимъ, но
сдѣлать противное его волѣ, заслужить его гневъ, когда
можетъ быть такъ недолго, осталось ему быть съ нами, раз-
рушимо бы на половину моё счастіе. Я пишу теперь ему
вновь то же и прошу тебя, выбравъ добрую минуту,
передать ему письмо и извѣстить меня о томъ, какъ онъ
смотреть на все это и есть ли надежда на то, чтобы онъ
согласился сократить сроки на три мѣсяца".

"Послѣ долгихъ колебаній, семейной и молитвы, книжна
Марья передала письмо отцу. На другой день старый князь
сказалъ ей спокойно: «Слушай, Марья, я тебе
напиши брату, чтобы подождалъ, пока Буря... Не
долго — скоро развязку».

Книжна хотѣла возразить что-то, но отецъ не допустилъ
её, и стала все болѣе и болѣе возвышать головъ. Это было
тако... Женись, женись, голубчикъ... Родство хорошее!..
Умные люди, а? Богатые, а? Да. Хороша Мачиха у Нико-
лушки будеть! Напиши ты ему, что пускай женится хоть
завтра. Мачиха Николушка будеть — она, а я на Бурьянкѣ
женюсь!... Ха, ха, ха, и ему чтобы безъ Мачихи не быть!
Только одно, въ моемъ домѣ больше бабъ не нужно; пус-
кай женится, самъ по себѣ живеть. Можетъ, жены къ нему
переѣдуть? обратился отъ книжнѣ Марѣѣ: — съ Богомъ;
но морозу, по морозу!... по морозу!... Послѣ этой вспышки князь не говорилъ больше ни разу

объ этомъ дѣлѣ. Но сдержанная досада газа на лодуніе сына выражалась въ отношении отца съ дочерью. Къ прежнему прелогамъ настмѣшъ прибавился еще новый — разговоръ о манихѣ и любезности къ *elle* Бурзенъ, и оттуда же.

«Отчего же мнѣ на ней не жениться? говорилъ онъ дочери. Славная княжна будеть! И въ послѣднее время, къ недоумѣнию удивленію своему, княжна Марья стала замѣтать, что отецъ ея действительно наимѣлъ больше и болѣе приближать къ себѣ француженку. Княжна Марья написала кнзюю Андрею о томъ, какъ отецъ привыкъ его письма, но уѣхала братъ, подавая надежду примириТЬ отца съ отою мыслью; и вскорѣ изъ Петербурга пришло письмо,

Николушка и его воспитаніе, братъ Андрей и религія были утѣшениями и радостями княжны Марии; но, кроме того, такъ какъ каждому недорѣку нужны свои личные надежды, у княжны Марии была въ самой глубокой тайнѣ ея душа скрытая мечта, и надежда, доставлившая ей глянцъ: утѣшеніе въ ея жизни. Утѣшительную эту мечту и надежду дали ей Божіи люди — юродивые и страшники, посѣщавшіе ее тайно отъ князя. Чѣмъ больше жила княжна Мария, чѣмъ больше испытывала она живыи и наблюдала ее, тѣмъ больше удивляла ее близорукость людей, ищущихъ видѣть на землѣ наслажденій и счастія, трудящихся, страдающихъ, борющихся и дѣлающихъ зло другъ другу, для достиженія этого невозможнаго, природнаго и порочнаго счастія. Крѣзь Андрей любилъ жену, она умерла; ему мало этого, онъ хочетъ святати свое счастіе съ другою женщиной. Отецъ не хочетъ этого, потому что желаетъ для Андрея болѣе чистаго и благаго супружества. И всѣ они борются и страдаютъ, и мучаютъ, и портятъ свою душу, свою вѣчную душу, для достиженія

благъ, которымъ срокъ есть мгновеніе!.. Мало того, что мы сами знаемъ это, но Христосъ, сынъ Бога, соискусилъ насъ и сказалъ намъ, что эта жизненность мгновенна! Жизнь есть пытаніе, а мы все держимся за нее и думаемъ въ ней найти счастье... „Какъ никто не понимаетъ этого?“ думала княжна Марья. „Никто кроме этихъ преврѣтныхъ Вождыхъ людей которые съ сумками и плащами приходятъ ко мнѣ съ задаче-
ниаго крыльца, боюсь попасться на глаза онѣмлющему поди-
тою, чтобы не пострадать отъ него, а для того, чтобы его не внести въ грѣхъ. Оставить семью, родину, всѣ заботы о мѣрскихъ благахъ, для того, чтобы не прийтись искать че-
муда, ходить въ лесоконюхъ рубищѣ, подъ лужими имен-
немъ, съ места на место, не дѣляя вреда людямъ и молясь
за нихъ, молясь и за тѣхъ, которые гонятъ, и за тѣхъ
которые покровительствуютъ: выше этой истины дѣйзини-
ть истины и жизни!“

Была одна странница, Федосьюшка, 50-ти лѣтняя, малень-
кая, тихонькая, рабая женщина, ходившая уже болѣе 30-ти
лѣтъ босикомъ и въ веригахъ. Ее особенно любила княжна
Марья. Однажды, когда въ темной помнать, при свѣтѣ одной
лампадки, Федосьюшка рассказывала о своей жизни, кляжъ.
Марѣ вдругъ съ силой пришла мысль о томъ, что
Федосьюшка одна нашла вѣрный путь жизни, что она ре-
шилась сама пойти странствовать. Когда Федосьюшка попала
спать, княжна Марья долго думала надъ этимъ и наконецъ
решила, что — какъ ни странно это было — ей надо было
идти странствовать. Она повѣрила свое памѣреніе только
одному духовнику-монаху, отцу Акинфию, и духовникъ одоб-
рилъ ея намѣреніе. Подъ предлогомъ подарка странницамъ,
княжна Марья припасла себѣ полное одѣяніе странницы:

рубашку, ланти, кафтани и черный платочек. Часто подходя къ завѣтному комоду, княжна Марья останавливалась въ нерѣшительности о томъ, не наступило ли уже время для приведенія въ исполненіе ея намѣренія.

Часто слушая разсказы странницъ, она возбуждалась ихъ простыми, для нихъ механическими, а для нея полными глубокаго смысла рѣчами, такъ что она была нѣсколько разъ готова бросить все и бѣжать изъ дома. Въ воображеніи своеемъ она уже видѣла себѣ съ Федосьюшкой въ грубомъ рубицѣ, шагающею съ палочкой и котомонкой по пыльной дорогѣ, направляя свое странствіе безъ зависти, безъ любви человѣческой, безъ желаній, отъ угодниковъ къ угодникамъ, и въ концѣ концовъ, туда, гдѣ нѣть ни печали, ни вздоханія, а вѣчная радость и блаженство.

„Приду къ одному иѣсту, помолюсь; не успѣю привыкнуть, полюбить — пойду дальше. И буду идти до тѣхъ поръ, пока ноги подкосатся, и лягу и умру гдѣ-нибудь; и приду наконецъ ту вѣчную, тихую пристань, гдѣ нѣть ни печали, ни вздоханія!...“ думала княжна Марья.

Но потомъ, увидавъ отца и особенно маленькаго Коко, она ослабѣвала въ своемъ намѣреніи, потихоньку плакала и чувствовала, что она грѣшница: любила отца и племянника больше, чѣмъ Бога.

important, and the range of variability is much greater than the 10-15% error in the input. The 2000-yr period is used to estimate the mean because the 100-yr period is not long enough to reduce the 200-yr period error. The 2000-yr period is also used to estimate the error in the 100-yr period.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

On the 1st of October, 1871, I. was born at 10:30 A.M.

1

Fig. 1. - A comparison of the mean number of eggs per female in the field and laboratory for *Leucania luteoleuca* (Walker).

Библейское предание говорит, что отсутствие труда — праздность была условием блаженства первого человека до его падения. Любовь к праздности осталась та же и в падшемъ человекѣ, но проклятие все тяготѣсть надъ человѣкомъ, и не только потому, что мы въ поть лица должны снискивать хлѣбъ свой, но потому, что по нравственнымъ свойствамъ своимъ мы не можемъ быть праздны и спокойны. Тайный голосъ говоритъ, что мы должны быть виновны за то, что праздни. Ежели бы могъ человекъ найти состояніе, въ которомъ онъ, будучи празднымъ, чувствовалъ бы себя полезнымъ и исполняющимъ свой долгъ, онъ бы нашелъ одну сторону первобытного блаженства. И такимъ состояніемъ обязательной и безупречной праздности пользуется цѣлос сословіе — сословіе военное. Въ этой-то обязательной и безупречной праздности состояла и будетъ состоять главная привлекательность военной службы.

Николай Ростовъ испытывалъ вполнѣ это блаженство, послѣ 1807 года продолжая служить въ Павлоградскомъ полку, въ которомъ онъ уже командовалъ эскадрономъ, принятымъ отъ Денисова.

Ростовъ сдѣлался загрубѣлымъ, добрымъ малымъ, котораго московскіе знакомые нашли бы нѣсколько дурнаго тона, но который былъ любимъ и уважаемъ товарищами, подчиненными и начальствомъ, и который былъ доволенъ своею жизнью. Въ послѣднее время, въ 1809 году, онъ чаще въ письмахъ изъ дома находилъ сѣтования матери да то, что дѣла разстраиваютъ ~~хуже и хуже~~, и что пора бы ему пріѣхать домой, обрадовать и успокоить стариковъ-родителей.

Читая эти письма, Николай испытывалъ страхъ, о томъ, что хотятъ вывести его изъ той среды, въ которой онъ, оградивъ себя отъ вредъ житейской путаницы, жилъ такъ тихо и спокойно. Онь чувствовалъ, что рано или поздно придется онять вступить въ тотъ омутъ жизни съ разстройствами и поправляющими дѣлъ, съ учетами управляющими, осорами, интригами, съ связями съ обществомъ, съ любовью Сони и общаніемъ ей. Все это было страшно трудно, запутано, и онъ отвѣчалъ на письма матери холодными классическими французскими письмами, начинавшимися „Милая матушка“, и кончавшимися: „Вашъ послушный сынъ“, умалчивая о томъ, когда онъ намѣренъ пріѣхать. Въ 1810 году онъ получилъ письма родныхъ, въ которыхъ извѣщали его о помолвкѣ Наташи съ Болконскимъ и о томъ, что свадьба будетъ черезъ годъ, потому что старый князь несогласенъ. Это письмо огорчило, оскорбило Николая. Во-первыхъ, ему жалко было потерять изъ дома Наташу, которую онъ любилъ больше всѣхъ изъ семьи; во-вторыхъ, онъ съ своей гусарской точки зрения жалѣлъ о томъ, что его не было при этомъ, потому что онъ бы показалъ этому Болконскому, что совсѣмъ не такая большая честь родство съ нимъ и что, ежели онъ любить Наташу, то можетъ обойтись и безъ разрешенія

сумасбродного отца. Минуту онъ колебался, не попросить ли въ отпускъ, чтобы увидать Наташу невесту; но чутъ подошли маневры, иришиа соображенію Сонѣ, ощущаний, и Николай охоты отложить! Но вскорой того же тода онъ получилъ письмо матери, писавшей тайно отъ графа; и письмо это убѣдило его бѣхать. Оно писало, что скажи Николай не приѣдетъ и не воинствуется дѣлъ то все симѣнне кондѣть съ малотка и всѣ пойдутъ по миру! Графъ такъ слабъ, что извѣрился Митенскъ и таинъ добръ, и таинъ възмѣтилъ его обманы- маютъ, что всерѣдѣ куже и мужеложи Ради Бога, сумѣлю теби прѣважай сейчасъ жеребца, а ты же хочешъ сѣхать меня и все твоѣ семейство несчастными", писала Фрауиня! Письмо это подѣйствовало на Николая. У него было отъ здраваго смисла посредственности, который показывалъ ему, что бы онъ долженъ искать спасенія; и онъ искать началъ. Теперь должно было бѣхать, если не въ отставку, то въ от- пускъ. Почему надо было бѣхать? не зналъ, ибо онъ вы- савшись послѣ обѣда, онъ вѣрѣлъ осѣдлать Сѣраго Марса, давно не бѣженаго и страшно-злого жеребца; и, вернувшись на взмыленномъ жеребѣ домой, обляпилъ Лаврунѣкъ (лакей Денисовъ остался у Ростова) и пришедшими вече- ромъ товарищамъ, что подаетъ въ отпускъ и вѣдетъ домой. Какъ ни трудно и странно было ему думать, что онъ уѣдетъ и не узнаетъ изъ штаба (что ему особенно интересно было), произведенъ ли онъ будетъ въ ротмистрии, или получитъ Ани; за послѣдніе маневры; какъ-ни странно было думать, что онъ, таинъ штуѣтъ, не продадутъ графу Шалуховскому тройку сарабахъ, которыхъ кольскій графъ торговалъ у него и которыхъ Ростовъ съ пари бить, что предастъ за деѣ тысячи; какъ-ни неизмятно казалось, что безъ него будетъ

тотъ баль, который гусары должны были дать паниѣ. Нижнеднѣпровской впіку уланамъ, дававшимъ баль своей паниѣ Боржозовской, — онъ знать, что надоѣвать изъ этого яснаго, хорошаго міра куда-то туда, где все было вздоръ и шутаница. Черезъ недѣлю вышелъ отпускъ. Гусары-товарищи не только по полку, но и по бригадѣ, дали обѣды Ростову стоявшимъ съ колевы по 15 рублей подпаски, — играли двѣ музыки, пѣли два хора пѣсенниковъ; Ростовъ плясалъ трепака съ маюромъ Басовымъ; пѣльные офицеры качали, обнимали, и уронили Ростова; солдаты третьаго эскадрона еще разъ качали его, и кричали ура! Потомъ Ростова положили въ сани и проводили до первой станціи.

До половины дороги, какъ это всегда бывало, отъ Кременчуга до Кіева, всѣ мысли Ростова были еще назади — въ эскадронѣ; но перевалившись за половину, онъ уже началь забывать тройку саврасыкъ, своего вахмистра Дождейку, беспокойно началь спрашивать себя о томъ, что и какъ онъ найдеть въ Отрадномъ. Чѣмъ ближе онъ подѣзжалъ, тѣмъ сильнѣе, горазде сильнѣе (какъ будто нравственное чувство было подчинено тому же закону притяженій обратно квадратамъ разстояній), онъ думалъ о своемъ домѣ; на послѣдней предъ Отраднымъ станціи даль имѣли три рубля на водку, и, какъ мальчикъ, задыхаясь, вѣжжалъ на крыльцо дома.

Послѣ восторговъ встрѣчи, и послѣ того странного чувства неудовлетворенія въ сравненіи съ тѣмъ, чего ожидалъ, — все то же, къ чему же я такъ торопился! — Николай сталъ вспоминать свой старый міръ дома. Отецъ и мать были тѣ же, они только немного постарѣли. Новое въ нихъ было какое-то беспокойство и иногда несогласіе, котораго не бывало прежде и которое, какъ скоро узналъ Николай,

происходило отъ дурнаго положенія дѣвъ. Сонѣ былъ уже двадцатый годъ. Она уже остановилась хоронить, ничего не обещала болѣе того, чѣмъ въ ней было; но и этого было достаточно. Она вся дышала счастіемъ и любовью съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Николай, и вѣрнала, непоколебимая любовь этой девушки радостно действовала на него. Петя и Наташа болѣе всѣхъ удивили Николая. Петя былъ уже большой, тридцатилѣтній, красивый, веселъ и умопомощливый мальчикъ, у котораго уже ломался голосъ. На Наташу Николай долго удивлялся, и смеялся, глядя на нее.

Совсѣмъ не та, говорилъ онъ.

Что жъ, подурнѣла?

— Напротивъ, но важность какая-то. Княгиня! сказала онъ ей шепотомъ.

— Да, да, да, радостно говорила Наташа.

Наташа рассказала ему свой романъ съ киземъ Адрѣемъ, его пріѣздъ въ Отрадное и показала его послѣднєе письмо.

Что жъ ты радъ? спрашивала Наташа. Я — такъ теперь спокойна, счастлива.

Очень радъ, отвѣчалъ Николай. — Онъ отличный человѣкъ. Что жъ ты очень влюблена?

Какъ тебѣ сказать, отвѣчала Наташа; — я была влюблена въ Бориса, въ учителя, въ Денисова, но это совсѣмъ не то. Мнѣ покойно, твердо! Я знаю, что лучше его не бываетъ людей, и такъ мнѣ спокойно, хорошо теперь. Совсѣмъ не такъ, какъ прежде...

Николай выразилъ Наташѣ свое неудовольствіе о томъ, что свадьба была отложена на годъ; но Наташа съ ожесточениемъ настырилась на брата, доказывая ему, что это не

могло быть; иначе, что дурно бы было вступить въ семью противъ воли отца, что она сама этого хотѣла.

Ты совсѣмъ, совсѣмъ не доникаешь, говорила она. Николай замолчалъ и согласился съ нею.

Братъ часто удивлялся, глядя на нее. Совсѣмъ не было похоже, чтобы она была влюбленной невѣстой въ разлукѣ съ своимъ женихомъ. Она была ровна, спокойна, весела, совершило до прежнему. Николай это удивило и даже заставило недовѣрчиво смотрѣть на сватовство Болконскаго. Онъ не вѣрилъ въ то, что ся судьба уже решена, тѣмъ болѣе, что онъ не видаль съ нею князя Андрея. Ему все казалось, что что-нибудь не то въ этомъ предполагаемомъ бракѣ.

„Зачѣмъ отсрочка? Зачѣмъ не обручились?“ думалъ онъ. Разговорившись разъ съ матерью о сестрѣ, онъ, къ удивлению своему и отчасти къ удовольствію, нашелъ, что мать точно такъ же въ глубинѣ души, иногда недовѣрчиво смотрѣла на этотъ бракъ.

Вотъ пишешь, говорила она, показывая сыну письмо князя Андрея съ тѣмъ затаеннымъ чувствомъ недоброжела-тельства, которое всегда есть у матери противъ будущаго супружескаго счастія дочери, — пишешь, что же пріѣдетъ раньше декабря. Какое же это дѣло можетъ задержать его? Вѣрою, болѣзы! Здоровье слабое очень. Ты не говори Наташѣ. Ты не смотри, что она весела: это ужъ послѣднее дѣвичье время доживаешь, а я знаю, что съ ней дѣлается всякий разъ, какъ письма его получаетъ. А, вирочемъ, Богъ дастъ, все и хорошо будетъ, заключала она вскакъ разъ: онъ отличный человѣкъ.

Издано в 1870 г. в Петербурге. Типография А. С. Суворина.

II. ЧЕРНОГЛАЗЫЙ ГЛАВА

Издано в 1870 г. в Петербурге. Типография А. С. Суворина.

Первое время своего пребыва Николай былъ серьезенъ и даже скученъ. Его мучила предстоящая необходимость вмѣшаться въ эти глупыя подья хозяйствства, для которыхъ мать вызвала его. Чтобы скорѣе свалить съ плечь эту обузу, на третій день своего пребыва онъ сердито, не отвѣтая на вопросъ, куда онъ идетъ, поспѣлъ съ нахмуренными бровями во флигель къ Митеньку и потребовалъ у него *счеты всею*. Что такое были эти *счеты всею*, Николай зналъ еще менѣе, чымъ предиѣжий въ страхѣ и недоумѣніе Митенка. Разговоръ имѣть нечего Митенки продолжались не долго. Староста, избираемый генеральский, дожидавшися въ передней флигеля, со страхомъ и удовольствиемъ слушали речачка; какъ запудѣлъ и затрецдалъ мацъ будто все возвыгавшійся голосъ молодаго графа, слышали ругательныя и страшнія слова, ссыпавшіяся одно за другимъ.

— Разбойники! Неблагодарная тварь!... изрублю собаку... не съ папенькой... обворовалъ... и т. д. — и т. д.

Потомъ эти люди съ неменьшимъ удовольствиемъ и страхомъ видѣли, какъ молодой графъ, весь красный, съ налитою кровью въ глазахъ, за живоротъ вытащилъ Митеньку, ногой и колѣнкой съ болѣю ловкостью въ удобное время между своихъ словъ толкнулъ его подъ задъ и закричалъ: „Вонъ! чтобы духу твоего, мерзавецъ, здѣсь не было!“

Митенка стремглавъ слетѣлъ съ шести ступеней и убѣжалъ въ клумбу. (Клумба это была извѣстная мѣстность спасенія преступниковъ въ Отрадномъ. Самъ Митенька, прѣѣзжая пьяный изъ города, прятался въ эту клумбу, и многіе жи-

тели Отрадного, прятавшися отъ Митеньки, знали спасительную силу этой клумбы.)

Жена Митеньки и свояченицы съ испуганными лицами высунулись въ съни изъ дверей комнаты, гдѣ жимъ чистый самоваръ и возвышалась приказчицкая высокая постель подъ стеганымъ одѣяломъ, спитымъ изъ короткихъ кусочковъ.

Молодой графъ, задыхаясь, не обращая на нихъ внимания, рѣшительными шагами прошелъ мимо нихъ и поспѣлъ въ домъ.

Графиня, узнавшая тотчасъ черезъ дѣвушку о томъ, что произошло во флигелѣ, съ одной стороны успокоилась въ томъ отношеніи, что теперь состояніе ихъ должно поправиться, съ другой стороны она беспокоилась о томъ, какъ перенесетъ это ея сынъ. Она подходила къ скамейке разъ за разъ, слушая, какъ онъ куритъ трубку за трубкой.

На другой день старый графъ отозвалъ въ сторону сына и съ робкою улыбкой сказалъ ему:

— А знаешь ли, ты, моя душа, напрасно погорялся! Мифъ Митенька рассказалъ все...

„Я зналъ“, подумалъ Николай, „что никогда ничего не пойму вдѣсь, въ этомъ дурацкомъ мірѣ“.

— Ты разсердился, что онъ не вписалъ эти 708 рублей. Вѣдь они у него написаны транспортомъ, а другую страницу ты не посмотрѣлъ.

— Ниченька, онъ мерзавецъ и воръ, я знаю. И чтò сдѣлать, то сдѣлать. А ежели вы не хотите, я ничего не буду говорить ему.

— Нѣтъ, моя душа. (Графъ былъ смущенъ тоже.) Онъ чувствовалъ, что онъ былъ дурнымъ распорядителемъ мифъ.

для своей жены и виноватъ быть предъ своимъ дѣтьми, не
зналь, какъ поправить это.) — Нѣть, я прошу тебя за-
ваться дѣлами, я старъ, я... — сказалъ графъ, сѣдя на стуле.
— Нѣть, пашенька, вы простите меня, ежели я сдѣлалъ
вамъ непріятное; я меныше вашему умѣю.
„Чортъ съ ними, съ этими музыками, и деньгами, и тран-
спортами по странницѣ“, думалъ онъ. „Еще отъ угла на-
шесть нушей я понималъ когда-то, но по странницѣ тран-
спортъ — ничего не понимаю“, — сказаль онъ самъ себѣ и
съ тѣхъ поръ болѣе не вступался въ дѣла. Только однажды
графиня позвала къ себѣ сына, сообщила ему о томъ, что
у нея есть вексель Аппы Михайловны на двѣ тысячи, и
спросила у Николая, какъ онъ думасть поступить съ нимъ.
— А вотъ какъ, отвѣчалъ Николай. — Вы же сказали,
что это отъ меня зависить; а не люблю лицу Михайловичу
и не люблю Бориса, но они были дружны съ нами и бѣдни.
Такъ поть вань! и онъ разорвалъ вексель, и этимъ поступ-
комъ слезами радости заставилъ рыдать старую графиню.
Послѣ этого молодой Ростовъ, уже не вступаясь болѣе ни
въ какія дѣла, съ страстнымъ увлеченіемъ занялся еще
новыми для него дѣлами исовой охоты, которая иъ большихъ
разжѣрахъ была заведена у стараго графа.

III.

Уже были зазимки, утренніе морозы заковывали смочен-
ную осенними дождями землю, уже зелень уключилась и ярко-
зелено отдѣлилась отъ полосъ бурѣющаго, выбитаго скогомъ,
озимаго и свѣтло-желтаго яроваго жнивы съ красными пол-
осами гречихи. Вершины и лѣса, въ концѣ августа еще
бывишіе зелеными островами между черными полями озимой

и живами, стали золотистыми и ярко-красными островами посреди ярко зеленыхъ озимей. Русацъ уже до половины затерся (перелинялъ), листья выводки щаливали разбредаться, и молодые волки были больше сабаки. Было лучшее охотничье время. Собаки горячаго, молодаго охотника Ростова уже не только вошли въ охотничье тѣло, но и подбились такъ, что въ общемъ совѣтѣ охотниковъ рѣшено было три дни дать отдохнуть собакамъ и 16 сентября идти въ отѣздъ, начиная съ Дубравы, гдѣ быть нетронутый волчий выводокъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла 14-го сентября.

Весь этотъ день охота была дома; было морозно и мало, по съ вечера стало замолаживать и отшѣгло. 15-го сентября, когда молодой Ростовъ утромъ въ халатѣ выплынуль въ окно; онъ увидалъ такое утро, лучше котораго ничего не могло быть для охоты: какъ будто лебо стояло и безъ вѣтра спускалось на землю. Единственное движеніе, которое было въ воздухѣ, было тихое движеніе сверку внизъ спускающихся микроскопическихъ капель мре или тумана. На оголившихся вѣтвяхъ сада высѣли прозрачныя капли и падали на только что свалившіеся листья. Земля на огородѣ, какъ макъ, глянцовито-мокро чернѣла, и въ недалекомъ разстояніи сливалась съ тусклымъ и влажнымъ покровомъ тумана. Николай вышелъ на мокрое съ натасканною грязью крыльцо: пахло винущимъ лѣсомъ и собаками. Черно-шѣгая широкозадая сука Милка съ большими черными на выматѣ глазами, увидавъ хозяина, встала, потянулась назадъ и легка по-русачьи, потомъ неожиданно вскочила и лизнула его прямо въ носъ и усы. Другая борзая собака, увидавъ хозяина съ цветной дорожки, выгибая спину, стремительно броси-

лась, къ крыльцу, поднявъ правило (хвостъ), стала тереться о ноги Николая. О, гдѣ! послышалася въ это время топъ чеснодрахаемый охотничій подкликъ, который соединяетъ въ себѣ и гаммѣ глубокій басъ, и самый тонкій теноръ; и изъза угла вышелъ добжачій и ловчій Данило, ю-украинскій скобку обстриженный, сѣдой, морщинистый охотникъ съ гнутымъ арапникомъ въ руки и съ тѣмъ выраженіемъ самостоятельности и презрѣнія ко всему въ мірѣ, которое бываетъ только у охотниковъ. Онъ снялъ свою черкесскую шапку предъ бариномъ и преврѣтѣно посмотрѣлъ на него. Превѣніе это не было оскорбительно для барина: Николай зналъ, что этого все презирающій и превыше всего стоящий Данило все-таки будь его человѣкъ и охотникъ. Другое же то, что Данила! сказалъ Николай, робко чувствуя, что, при видѣ этой охотничьей ногоды, этихъ собакъ и охотника, его уже обхватило то непреодолимое охотничье чувство, въ которомъ человѣкъ забываетъ всѣ прежнія намѣренія, какъ человѣкъ влюбленный, въ присутствіи своей любовницы. Что прикажете, ваше сіянельство? спросилъ протодиаконскій ехрицій отъ порканыхъ басъ, и два черные блестящіе глаза взглянули исподлобья на замодчавшаго барина. „Что, или не выдержишь?“ какъ будто сказали эти два глаза.

Хорошъ денекъ, а? И гоньба и скачка, а? сказаль Николай, чеша за ушами Милку.

Данило не отвѣчалъ и помигалъ глазами. Уварку послала послушать на зарѣ, сказать его басъ послѣ минутнаго молчанья, сказывать въ Отрадненскій раказъ, перевела, тамъ вѣли. (Перевела значило то, что вѣница, про которую они оба знали, перешла съ дѣтьми

иъ Отрадненскій лѣсъ, который былъ за днѣмъ вѣрсты отъ дома и который былъ небольшое отъемное мѣсто.)

— А вѣдь хаты надо? сказала Николай. — Приди-ка ко мнѣ та Уваркой.

— Какъ прикажете! Такъ погоди же кормить. Где-нибудь въ деревне.

— Слушаютъ.

Черезъ пять минутъ Данило съ Уваркой стоялъ въ большомъ кабинетѣ Николая. Несколько на то, что Данило былъ не великий ростомъ, видѣть его въ комнатѣ производило впечатлѣніе подобное тому, какъ когда видишь лошадь или медведя на полу между мебелью и условіями юдской жизни. Данило самъ это чувствовалъ и, какъ обыкновенно, стоялъ у самой двери, стараясь говорить тише, не двигаться, чтобы не подымать какъ-нибудь гостинскихъ покровъ; и стараясь вскорѣ же высказать и выйти на просторъ, изъ подъ потолка подъ небо.

Окончивъ распросы и выпытавъ сознаніе Данилы, что собаки ничего (Данилъ и самому хотѣлось хаты), Николай вѣдь сѣдѣть. Но только что Данило хотѣлъ выйти, какъ тѣхъ комната вонзла быстрыми шагами Наташа, еще не причесанная и неодѣтая, въ большомъ ярко-блѣдномъ изатѣ. Петя вбѣжалъ вмѣстѣ съ ней.

— Ты хдешь? сказала Наташа, — я такъ и зпала! Соnia говорила, что не поѣдете. Я знала, что нынче такой день, что нельзя не хдеть.

— Хдѣмъ; неохотно отвѣчалъ Николай, кото-рому нынче, такъ какъ онъ пажевался предпринять верескную охоту, не хотѣлось братъ Наташу и Петю. — Хдѣмъ, да только за волками: тебѣ скучно будетъ.

— Ты знаешь, что, это самое большое моё удовольствие, — сказала Наташа. — Это дурно, — сказала Федота, — велико съдлать, а намъ ничего не сказали. — Да вѣдь тебе нельзя: маменька сказала, что тебе нельзя, сказала Николай, обращаясь къ Наташѣ. — Нѣтъ, я пойду, непремѣнно пойду, сказала решительно Наташа. — Да погоди, вѣти намъ съдлать, и Михайла чтобы выѣхалъ съ моей сворой, обратилась она къ Лончему.

И такъ-то быть въ компаніи Дашиль казалось неприлично и тяжело, но имѣть какое-нибудь дѣло съ барышней — для него казалось невозможнымъ. Онъ опустилъ глаза и поспѣшилъ выйти; какъ будто до него это не насадось, стараясь какъ-нибудь нѣчаянно не повредить барышнѣ.

IV.

Старый графъ, всегда державшій огромную охоту, теперь же передавшій всю охоту въ вѣдѣніе сына, въ этотъ день, 15-го сентября, развеселившись, собрался самъ тоже выѣхать. Черезъ часъ вся охота была у крыльца. Николай съ строгимъ и серьезнымъ видомъ, показывавшимъ, что никогда теперь заниматься пустиками, прошелъ мимо Наташи и Пети, которые что-то разсказывали ему. Онъ осмотрѣлъ всѣ части охоты, послалъ впередъ стаю и охотниковъ въ заѣздѣ, сѣлъ на своего рижаго донца и, подсвистывая собакъ своей своры, тронулся черезъ гумно въ поле, ведущее къ Отраденскому заказу. Лошадь старого графа, жгучеваго меренка, называемаго Вифлиемкой, вѣтъ графской стремянной; самъ же онъ долженъ былъ прямо выѣхать въ дрожечкахъ на оставленный ему лазъ.

Всикъ тои чикъ выведено было 54 собаки, подъ которыми выѣхало, добѣжчики и выжлатщики, 6 человѣкъ. Ворзагниковъ кромѣ господь было 36 человѣкъ, изъ которыхъ рискало болѣе 40 борзыхъ, таѣтъ, что отъ Ростовскаго скорайи выѣхало въ поле около 130-ти собакъ и 20-ти воинныхъ охотниковъ.

Каждая собака знала хозяина и лягушку. Каждый фѣтнинъ зналъ свое дѣло, мѣсто и назначеніе. Какъ-тольковъ выѣхали за ограду, всѣ безъ шуму и разговоры, разномѣрно и едино-
ко растянувшись по дорогѣ и полю, ведшимъ къ Отрад-
ченскому лѣсу.

Какъ по пушному ковру или по полю лошади, изрѣдка шлепая по мужамъ, когда переходили черезъ дорогу. Туманъ посъ небо продолжалъ незамѣтно и, разномѣрно спускаться на землю; въ воздухѣ было тихо, тепло, беззвучно. Изрѣдка слышались то подсвистыванье охотника, то храпъ лошади, то ударъ арапникомъ или взвизгъ собаки, нешащей на свое мѣсто.

Когда отѣхали съ версту, на встрѣчу Ростовской охотѣ изъ тумана показалось децѣльть всадниковъ съ собаками. Впереди ходилъ свѣжій, красивый старикъ съ большими сѣ-
дыми усами.

— Здравствуйте, дядюшка, сказалъ Николай, когда старикъ подѣхалъ къ нему.

Чистое дѣло марть!.. Такъ-ти знать, заговорить дядюшка (это былъ дальний родственникъ, небогатый соѣдъ Ростовыхъ), — такъ-ти знать, что не вытерпишь, я хорошо, что йдешъ. Чистое дѣло марть! (Это была любимая юго-
вокра дядюшки.) — Бори зажаль сейчасъ, а то мой Гернікъ донесъ, что Илагипы съ охотой въ Корникахъ стоять; они

у тебя — чистое дѣло маринъ! — подъносить выводокъ взымуть.

— Туда и иду. Чѣм же, свалить стан? спросилъ Николай. — свалить...

Гончихъ соединили въ одну стаю, и дядюшка съ Николаемъ побѣхали рядомъ. Наташа, закутанная платкомъ, изъ подъ которымъ виднѣлось оживленіе съ блестящими глазами лицо, подскакала къ нимъ, сопутствующая не отстававшимъ отъ нея Петей и Михайлой-охотникомъ и берето-ромъ, который былъ приставленъ на нѣй. Петя чѣму-то смѣялся, и былъ и дергалъ свою лошадь. Наташа ловко и увѣренно сидѣла на своемъ ворономъ Арабчикѣ и вѣрию рукою безъ усилия осадила его.

Дядюшка неодобрительно оглянулся на Петю и Наташу! Онь же любилъ соединять баловство съ серьезнѣмъ дѣломъ охоты.

— Здравствуйте, дядюшка, и мы ёдемъ! прокричалъ Петя.

— Здравствуйте-то, здравствуйте, да собакъ на передавите, строго сказалъ дядюшка.

— Николенка, какая прелестная собака! Трунила! онь узналъ меня, сказала Наташа про свою любимую гончую собаку.

«Трунила во-первыхъ не собака, а вѣжлецъ», подумалъ Николай и строго взглянулъ на сестру, стараясь ей дать почувствовать то разстояніе, которое должно было ихъ раздѣлять въ эту минуту. Наташа поняла это.

— Вы, дядюшка, не думайте, чтобы мы помѣшили кому-нибудь, сказала Наташа. — Мы станемъ на свое мѣсто и не пошевелимся.

— И хорошее дѣло, графинечка, сказалъ дядюшка!

Только съ ломади-то не упадиго, прибавилъ онъ; а то — чистое дѣло маршъ! — не на чемъ держаться-то.

Островъ Отрадненскаго ваказа виднѣлся саженьякъ во ста, и доѣзжаче подходили къ нему. Ростовъ, рѣшивъ окончательно съ дядюшкой, откуда бросати гончихъ и указавъ Наташѣ мѣсто, тѣдѣ ей стоять и гдѣ никакъ ничего не могло побѣжать, направился въ забѣздъ надѣ оврагомъ.

— Ну, племянничекъ на матераго становишься, сказалъ дядюшка: — чуръ не гладить (протравить).

— Какъ придется, отвѣчалъ Ростовъ; — Карай, фюнтъ! крикнулъ онъ, отвѣчалъ этимъ призывомъ на слово дядюшки. Карай былъ старый и уродливый, бурдасый кобель, извѣстный тѣмъ, что онъ въ одиночку бралъ матераго волка. Всѣ стали по мѣстамъ.

Старый графъ, зная охотничью горячность сына, потерпѣлся не опоздать, и еще не успѣли доѣзжаче подѣхать къ мѣсту, какъ Илья Андреичъ, веселый, румяный, съ трясущимися щеками, на своихъ вороненыхъ подкатилъ по зеленямъ къ оставленному ему лазу, расправивъ шубку и надѣвъ скотничьи смѣряды, вѣтъ на свою гладкую, сѣтую, смиренную и добрую, послѣднюю какъ и онъ, Вифлиянку. Лошадей съ дрожками отослали. Графъ Илья Андреичъ, хотя и неохотникъ по душѣ, но зналъ твердо охотничіи законы, выѣхалъ въ опушку кустовъ, отъ которыхъ онъ стоялъ, разобралъ поводья, оправился на сѣдлѣ и, чувствуя себя готовымъ, оглянулся улыбаясь.

Подлѣ него стоялъ его камердинеръ, старинный, но отяжелѣвшій юздокъ, Семенъ Чекмаръ. Чекмаръ держащъ на сворѣ трехъ лихихъ, но также зажирѣвшихъ, какъ хозяинъ и лошадь, — волкодавовъ. Двѣ собаки, умныя, старыя, улег-

лись безъ своръ. Шаговъ на сто подальше въ опушкѣ стоялъ другой стремянной графа, Митька, отчаянныи ъздокъ и страшный охотникъ. Графъ по старииной привычкѣ вышелъ предъ охотой серебряную чарку охотничьей запеканочки, закусилъ и залпъ полубутылкой своего любимаго бордо.

Илья Авдюничъ бытъ немножко красенъ отъ вина и ъзды; глаза его, подернутые влагой, особенно блестѣли, и онъ, укутанный въ шубку, сидя на скамье, имѣлъ видъ ребенка, котораго собрали гулять.

Худой, со втянутыми щеками Чесмаръ, устроившиися съ своими дѣлами, поглядывалъ на барина, съ которымъ опять жилъ 30 лѣтъ душа въ душу и, понимая его пріятное расположение духа, ждалъ пріятнаго разговора. Еще третье лицо подѣхало осторожно (видно уже оно было учено) изъ-за лѣса и остановилось позади графа. Лицо это бытъ старикъ въ сѣдой бородѣ, въ женскомъ капотѣ и высокомъ колпакѣ. Это бытъ шутъ Настасья Ивановна.

— Ну, Настасья Ивановна, подмигивая ему, шепотомъ сказалъ графъ, — ты только оттопай звѣря, тебѣ Данило задастъ.

— Я самъ... съ усамъ, сказалъ Настасья Ивановна.

— Шшшш! зашикаль графъ и обратился къ Семену.

— Наталию Ильиничну видѣть? спросилъ онъ у Семена. — Гдѣ она?

— Они съ Петромъ Ильичемъ отъ Жаровыхъ бурьянъ стали, отвѣчалъ Семенъ, улыбаясь. — Тоже дамы, а охоту большую имѣютъ.

— А ты удивляешься, Семенъ, какъ опа ъздитъ... а? сказалъ графъ; — хоть бы мущинѣ впору!

— Какъ не дивиться? Смѣло, ловко!

— А Никомаша гдѣ? Надѣ Лядовскими верхомъ что ль? все цюпотомъ спрашивалъ графъ.

— Такъ точно-съ. Ужъ они знаютъ, гдѣ стать. Такъ тонко ъзду знаютъ, что мы съ Данилой другой разъ диву даемся, говорилъ Семенъ, зная чѣмъ угодить барину.

— Хорошо ъздить, а? А на конѣ-то каковъ, а?

— Картина писать! Какъ намеднишь изъ Заварзинскихъ буряновъ цокнули дису. Они перескакивать стали отъ уймиша, страсть — лошадь тысяча рублей, а сѣдоку цѣны нѣтъ. Да, ужъ такого молодца поискать!

— Поискать... повторилъ графъ, видимо сожалѣя, что кончилась такъ скоро рѣчь Семена. — Поискать, сказалъ онъ, отверачивая полы шубки и доставая табакерку.

— Намедни, какъ отъ обѣдни во всей регалии винили, такъ Михаиль-то Сидорычъ... Семенъ не договорилъ, услыхавъ ясно раздавшійся въ тихомъ воздухѣ гонъ съ подвываніемъ не болѣе двухъ или трехъ гончихъ. Онъ, наклонивъ голову, прислушался и молча погрозился барину. — На выводокъ наtekли... прошепталъ онъ, — прямо на Лядовской повели.

Графъ, забывъ стереть улыбку съ лица, смотрѣлъ предъ собой вдали по деревышкамъ и, не нюхая, держалъ въ рукѣ табакерку. Всѣдѣ за лаемъ собакъ послышался голосъ по волку, поданный въ басистый рогъ Данилы; стала присоединилась къ первымъ тремъ собакамъ и слышно было, какъ заревѣли съ заливомъ голоса гончихъ, съ тѣмъ особынными подвываніемъ, которое служило признакомъ гона по волку. Доѣзжачіе уже не порскали, а улюлюкали, и изъ-за всѣхъ голосовъ выстукалъ голосъ Данилы, то басистый, то пронзительно-тонкій. Голосъ Данилы, казалось, наполнялъ весь лѣсъ, выходилъ изъ за-лѣса и звучалъ далеко въ долѣ.

Приелушавшись и́таколько секундъ (мечта, графъ) и его стремянной, убедились, что гончія разбились на дивъ стаи: одна большая, ревѣнная особенно горячо, стала удалиться; другая часть стаи понеслась вдоль по лысу мимо графа, и при этой стаѣ было слышино улюлюканье Данилы. Оба эти гона сливались, переливались, то оба удалялись. Семенъ вздохнулъ и загнулся, чтобы упрашить сворку, въ которой запуталась молодой кобель; графъ тоже вздохнулъ и замѣтилъ въ своей руки табакерку, открыть ее и достать шепотъ.

— Назадъ! крикнулъ Семенъ на кобеля, который выступилъ за опушку. Графъ вздрогнулъ и уронилъ табакерку. Настасья Ивановна съзванистая поднимать ее. Графъ и Семенъ смотрѣли на него. Вдругъ, какъ это часто бываетъ, звукъ гона мгновенно приблизился, какъ будто вѣтъ предъ ними самими были лающіе рты собакъ (улюлюканье Данилы). Графъ и Семенъ смотрѣли на него. Графъ оглянулся и направо увидаль Митѣку, который вич катывавшимися глазами смотрѣлъ на графа и, поднявъ шапку, указывалъ ему впередъ, на другую сторону луга.

— Береги! закричалъ онъ таинстволесомъ, что видно было, что это слово давно уже мучительно просилось у него наружу. И поскакали, выпустивъ собакъ, по направлению къ графу, и съвернули къ сѣверо-западу, и скрылись изъ виду.

Графъ и Семенъ выскакали изъ опушки и на хвѣтъ отъ себя увидали волка, который, мягко переваливаясь, тихимъ скокомъ подскакивалъ лѣвѣе ихъ къ той самой опушкѣ, у которой они стояли. Злобныя собаки визгнули и, сорвавшись со своръ, понеслись къ волку, мимо ногъ лошадей.

Волкъ яростию остановилъ бѣгъ, плювко, выкинь большой жабой, и повернувшись, свою лобастую голову къ собакамъ, и также мигно

переваливались, прыгнуль разъ, другой, и мотнувъ полѣномъ (хвостомъ), скрылся въ опушку. Въ ту же минуту, изъ вротицеколожной опушки съ ревомъ, похожимъ на шашь, растеряно, выскочила одна, другая, третья гончая, и вся стая понеслась по полю, но тому самому мѣсту, гдѣ проѣзжъ (пробѣжалъ) волкъ. Всѣдѣ за гончими разступились кусты орѣанника, и показалась бурая, искришевшая отъ поту лошадь Данилы. На длиной спинѣ ся комочкомъ, зашись впередъ, сидѣлъ Данило, безъ шапки съ сѣдыми, вѣтранными волосами, надѣя краснѣмъ, потнымъ лицомъ.

У долюю, у долюю... кричалъ онъ. Когда онъ увидѣлъ графа, въ глазахъ его сверкнула молниѧ... Ах... ах... крикнулъ онъ, грозясь поднятymъ арапникомъ на графа.

Пронесли волка-то!.. охотники! И какъ бы не удостоивая сконфуженнаго, испуганнаго графа дальнѣйшимъ разговоромъ, онъ со всемъ злобой, приготовленію на графа, ударили по смилившици мокрымъ бокамъ бураго мерина и понесся за гончими. Графъ, какъ наказанный, стоялъ оглядываясь и стараясь улыбкой вызвать на Семенъ сожалѣніе къ своему положению. Но Семенъ уже не бѣлосонъ, въ объѣдѣньи кустамъ, заскакивалъ волка отъ засѣки. Съ другой стороны также перескакивали звѣри борзятники. Но волкъ щипалъ кустами, и ни одинъ окотникъ не перехватилъ его.

Николай Ростовъ между стѣнъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, ожидая звѣри. Но приближенію и отдаленію гони, по звукумъ голосовъ извѣстныхъ ему собакъ, по приближенію, отдаленію и возвышенію голосовъ движущихъ, онъ чувствовалъ

то, что совершилось въ островѣ. Онъ зналъ, что въ островѣ были прибылые (молодые) и матерые (старые) волки; онъ зналъ, что вончай разбрелись на двѣ стам., и что гдѣ-нибудь трапили, и что что-нибудь случилось неблагомолучшее. Онъ всюкую секунду на свою сторону ждалъ звѣра. Онъ дѣлалъ тысячи различныхъ предположеній о томъ, какъ и съ какой стороны добѣжть звѣры и какъ онъ будетъ трапивать пегого Надежда, смѣялся отчаяніемъ. Нѣсколько разъ онъ обращался къ Богу съ мольбой по тому, чтобы волки выпечь въ церкви; онъ молился съ тѣмъ страстными и согнѣливыми чувствами, съ которыми молятся люди въ минуты сильнаго волненія, зависящаго отъ ничтожной мотивы. „Ну, что Тебѣ стоять говорить они Богу, — сдѣлать это для меня! Знаю, что Ты велики, и что тѣхъ Тебя просить обѣ ютомъ; но ради Бога сдѣлай, чтобы на меня выѣхъ матерый, и чтобы Барай, напралажъ „дядюшки“, который вонъ оттуда смотритъ, вѣльшился ему мертвью: хваткой въ горло!“ Тысячу разъ въ эти полчаса упорнымъ, напряженнымъ и безшокой членамъ, взглядомъ окидывалъ Ростовъ омушку лѣсовъ съ двумя рѣдкими дубами надъ осиновымъ подсѣдомъ, и орлагъ съ измѣтами краемъ, и шанку дядюшки, чуть виднѣвшуюся изъ куста направо, о которой вспоминалъ и вспоминалъ.

„Нѣть, не будеть этого счастья“, думалъ Ростовъ, „а что бы стоило! Не будеть! Мнѣ всегда, и въ картахъ и на мойнѣ, во всёмъ несчастье“. Аустерлицъ и Долоховъ, яко, по быстро смыняясь, мелькали въ его воображеніи. „Только одинъ разъ бы въ жизни затрапить матерого волка, боялся я не желаю!“ думалъ онъ, напрягая слухъ и зрѣніе, оглядываясь налево и опять направо и прислушиваясь къ малѣшимъ оттѣшкамъ звуковъ, гона. Онъ вздохнулъ, опять направо и

увидеть, что по пустынному полю навстречу къ нему бѣжало что-то... „Нѣть, что не можетъ быть!“ подумалъ Ростовъ, тяжело вздыхая, какъ вздыхаетъ человѣкъ при совершеніи того, чѣмъ было долго ожидаемо имъ. Совершилось величайшее счастье — и такъ просто, безъ шума, безъ блеска, безъ озnamенованія. Ростовъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, и сомнѣніе это продолжалось болѣе секунды. Волкъ бѣжалъ впередъ и перепрыгнулъ тяжело рѣтину, которая была на его дорожкѣ. Это былъ старый звѣрь, съ сѣдою спиной и съ наѣденными красноватыми брюхомъ. Онь бѣжалъ не торопливо, очевидно убѣжденный, что никто не видитъ его. Ростовъ не дыша оглянулся на собакъ. Они лежали, отстояли, не видя волка, и ничего не понимали. Старый Карай, завернувъ голову, и оскаливъ желтые зубы, сердито отыскивалъ блоку, щелкалъ ими на заднихъ лапкахъ.

— Улюлю! — шепотомъ, отгощивая пуби, проговорилъ Ростовъ. Собаки, дрогнувъ желѣзами, вскочили, настороживъ уши. Карай почесалъ свою ляжку и всталъ, настороживъ уши, и слегка мотнувъ хвостомъ, на которомъ висѣли волоски, пересталъ.

„Пускай? не пускать?“ говорилъ самъ себѣ Николайъ въ то время, какъ волкъ подвигался къ нему, отдѣляясь отъ лѣса. Вдругъ вся физіономія волка измѣнилась; онъ вздрогнулъ, увидѣвъ еще вѣроятно никогда невиданные имъ человѣческие глаза, устремленные на него, и слегка повергнувшись къ охотнику голову, остановился — назадъ или впередъ? „Э! все равно, впередъ!... видно какъ будто сказалъ онъ самъ себѣ и пустился впередъ, уже не оглядываясь, мягко, рѣдко, вольнымъ, но рѣшительнымъ скокомъ.

— Улюлю! — не своимъ голосомъ закричалъ Николай, и

самъ собою стремглань: понеслась его добрая лошадь подъ гору, перескакивая черезъ водомины въ попечь волку; и еще быстрѣе, обогнавъ ее, понеслись собаки. Николай не слыхалъ ни своего крика, не чувствовалъ того, что онъ скакеть, не видалъ ни собакъ, ни мѣста, по которому онъ скакеть; онъ видѣлъ только волка, который, усиливъ свой бѣгъ, скакалъ, не перемѣня направленія, по ломинѣ. Первая показалась вблизи звѣря черно-пѣгая, широкозада Милка и стала приближаться къ звѣрю. Ближе... ближе... вотъ она приспѣла къ нему. Но волкъ чуть покосился на нее, и вместо того, чтобы наддать, какъ это она всегда дѣлала, Милка вдругъ, поднявъ хвостъ, стала упираться на переднія ноги.

«Улюлюлю!» кричалъ Николай.

Красный Любимъ выскочилъ изъ-за Милки, стремительно бросился на волка и скватилъ его за гачи (лажки заднихъ ногъ), но въ ту же секунду испуганно перескочилъ на другую сторону. Волкъ присѣль, щелкнулъ зубами и опять поднялся и поскакалъ впередъ, провожаемый изъ аршинъ разстоянія всѣми собаками, не приближившимися къ нему.

„Уйдеть! Нѣть, это невозможно!“ думалъ Николай, продолжая кричать охрипнувшимъ голосомъ.

«Карай! Улюлюлю!...» кричалъ онъ, отыскивая глазами старого кобеля, единственную свою надежду. Карай изъ всѣхъ своихъ старыхъ силъ, вытанувшись сколько могъ, глядя на волка, тихо скакалъ въ сторону отъ звѣря, наперерѣзъ ему. Но по быстротѣ скока волка и медленности скока собаки было видно, что расчетъ Карай былъ ошибоченъ. Николай уже недалеко впереди себя видѣлъ тотъ лѣсь, до которого добѣжалъ волкъ, уйдеть навѣрно. Впереди пока-

заливь собаки и охотникъ, скакавшій почти павстрѣчу. Еще была надежда; Незнакомый Николаю, журугій, молодой, длинный кобель чужой своры стремительно подлетѣлъ спереди къ волку и почти опрокинулъ его. Волкъ быстро, какъ нельзя было ожидать отъ него, приподнялся и бросился къ мургуому кобелю, щелкнулъ зубами — и окровавленный, съ распопротымъ бокомъ кобель, пронзительно завизжалъ, ткнулся головой въ землю.

— Карапушка! Отецъ! плакалъ Николай.

Старый кобель, съ своими мотавшимися на лапкахъ клюками, благодаря произошедшей остановкѣ, перерѣмывал дорогу волку, быть уже въ шести шагахъ отъ него. Какъ будто почувствовавъ опасность, волкъ покосился на Карапая, еще дальше спрятавъ полѣно (хвостъ) между ногъ, и наддалъ скоку. Но тутъ — Николай видѣлъ только, что что-то сдѣлалось съ Карапаемъ, — онъ мгновенно очутился на волкѣ и съ нимъ вмѣстѣ повалился кубаремъ въ водомоину, которая была предъ ними.

Та минута, когда Николай увидалъ въ водомоинѣ вспашащихся съ волкомъ собакъ, изъ-подъ которыхъ видѣлась сѣдая шерсть волка, его вытянувшаяся задняя нога, и съ прижатыми ушами испуганная и задыхающаяся голова (Карапай держалъ его за горло), минута, когда увидалъ это Николай, была счастливѣйшею минутою его жизни. Онъ взысалъ уже за луну сѣдла, чтобы слѣзть и колоть волка, наскѣль вдругъ изъ этой массы собакъ высунулась вверхъ голова авѣра, потомъ передпія ноги стали на край водомоины. Волкъ ляскнулъ зубами (Карапай уже не дѣржалъ его за горло), выпрыгнулъ задними ногами изъ водомоины и, поджавъ хвостъ, отдалившись отъ собакъ, двинулся впередъ. Карапай съ еще

тинившимся перстом, вкруги то ушибленный или раненый, съ трудом извѣзать изъ подомойки.

— Воже мой! За что?... съ отчаянiemъ закричалъ Николай.

Охотники дядюшки съ другой стороны скакали наперерѣзъ волку, и собаки его опять остановили звѣра. Опять его окружили.

Николай, его стремянной, дядюшкой и его охотникъ вертѣлись надъ звѣремъ, улюлюкая, крича, всякую минуту собираясь слѣзть, когда волкъ садился назадъ и всякий разъ пускался впередъ, когда волкъ встряхивался и подвигался къ застѣкѣ, которая должна была спасти его.

Еще въ начатіи этой трагедии, Данило, услыхавъ улюлюканье, выскочилъ на опушку лѣса. Онъ видѣлъ, какъ Карапанъ волка, и остановилъ падаль, подтагая, что дѣло было кончено. Но когда охотники не слѣзли, волкъ встряхнулся и опять пошелъ на утекъ, Данило выпустилъ своего бураго не къ волку, а прямую линію къ застѣкѣ, такъ же какъ Карапанъ — наперерѣзъ звѣрю. Благодаря этому направлению, онъ подскакивалъ къ волку въ то время, какъ во второй разъ его остановили дядюшкіи собаки.

Данило скакалъ молча, держа вынутый кинжалъ въ лѣвой руцѣ и какъ цѣломъ молота своимъ аршинникомъ по подтагнутымъ бокамъ бураго.

Николай не видаль и не слыхалъ Данилы до тѣхъ поръ, пока мимо самого его не проѣхѣлъ тяжело дыша бурый, и онъ услыхалъ звукъ паденія тѣла, и увидаль, что Данило уже лежитъ въ серединѣ собакъ на заду волка; стараясь поймать его за уши! Очевидно было и для собакъ, и для охотниковъ, и для волка, что теперь все кончено. Звѣрь, испуганно прижавъ уши, старался подняться, но собаки об-

лѣщиц его. Данило, привставъ, сдѣлалъ задающій шагъ, и всею тяжестью, какъ будто дожась отдохнуть, новалился на волка, хватая его за уши. Николай хотѣлъ колоть, но Данило прошепталъ: „Не надо, сострунись“ — и, перемѣнивъ положеніе, наступилъ ногою на шею волку. Въ пасть волку заложили палку, завязали, какъ бы взнудавъ его сворой, связали ноги, и Данило раза два съ одного бока на другой перевалилъ волка.

Съ счастливыми, измученными лицами, живаго, матераго волка, взвалили на шарахающую и фыркающую лошадь и, сопутствующие визжавшими на него собаками, повезли къ тому мѣсту, где должны были всѣ собраться. Молодыхъ двухъ взади гонца и трехъ борзыя. Охотники сѣзжались съ своими добычами и разсказами, и всѣ подходили смотрѣть матераго волка, который, свѣсивъ свою лобастую голову съ закущеною малкой во рту, большими стеклянными глазами смотрѣлъ на всю эту толпу собакъ и людей, окружающихъ его. Когда едва трогали, онъ, вздрогивая, завязанными ногами, дико и вмѣстѣ съ тѣмъ просто смотрѣлъ на всѣхъ. Графъ Илья Андреевичъ тоже подѣхалъ и потрогалъ волка.

О, материцій какой, сказъ онь, — Матерый, а? спросилъ онъ у Данилы, стоявшаго поддѣ него.

— Матерый, ваше сіятельство, отвѣчалъ Данило, поспѣшио снималъ шапку.

Графъ вспомнилъ своею дроздованиемъ волка и свое столкновеніе съ Данилой. Однако, братъ, ты сердить, сказъ, графъ. — Данило ничего не сказать и только застычно улыбнулся дѣтски-кrotкою и пріятливо улыбкой.

Албус Федор Иванович (Ильинград) "Библиотека СССР".
VI. Книги о природе и охоте

"Старый графъ поѣхалъ домой: Наташа съ Петромъ обѣщались сейчасъ же прѣѣхать. Охота пошла дальше, такъ какъ было еще рано. Въ серединѣ дня гончихъ пустили въ по-росий молодымъ частымъ лѣсомъ оврагъ. Николай, стоя на живильѣ, видѣлъ всѣхъ своихъ охотниковъ.

"Насупротиѣвъ отъ Николая были зелени, и тамъ стоялъ его охотникъ, одинъ въ ямѣ за выдавшимся кустомъ орѣхи-ника! Только что завели гончихъ, Николай услыхалъ рѣдкій гонъ извѣстной ему собаки — Волторна; другія собаки при-свѣдинились къ нему; то замѣлка, то опять принималъ гнать. Черезъ минуту подали изъ острова голосъ по лись, и лися стала, свалившись, погнала по отвершку, по направлению къ зелениямъ, прочь отъ Николая.

"Онъ видѣлъ скачущихъ выжилитниковъ въ красныхъ шапкахъ по краю поростаго оврага, видѣлъ даже собакъ и вслѣду секунду ждать того, что на той сторонѣ, на зелениахъ, то кажется лисица!"

Охотникъ, стоявшій въ ямѣ, тронулся и выпустилъ собакъ, и Николай увидаль красную, низкую, странныю лисицу, которая, распушивъ трубу, торопливо неслась по зелениямъ. Собаки стали спѣть къ ней. Вотъ приблизились, вотъ кругами стала вилять лисица, между ними, все чаще и чаще дѣлая эти круги и обводя вокругъ себя пустистою трубой (хвостомъ); и вотъ налегѣла чья-то бѣлая собака, и вслѣду за ней черная, и все смѣшалось и звѣздой, врозь разстѣнивъ зады, чуть колеблясь, стали собаки. Къ собакамъ подскакали два охотника: одинъ въ красной шапкѣ, другой, чужой, въ зеленомъ кафтанѣ.

„Что это такое?“ подумалъ Николай. „Откуда взялся этотъ охотникъ? Это не дядюшкинъ!“

Охотники отбили лисицу и долго, не тороча, стояли мѣнице. Около нихъ на чумбурахъ стояли лошади съ своими выступами, сѣдель, и лежали собаки. Охотники махали руками и что-то дѣлали съ лисицей. Оттуда же раздался звукъ рога — условленный сигналъ драки.

— Это Илагинскій охотникъ, что-то съ нашимъ Иваномъ бунтуется, сказалъ стремянной Николая.

Николай послалъ стремянного додозвать къ себѣ сестру и Петю и шагомъ поѣхалъ къ тому мѣсту, где доѣзжаніе собирали гончихъ. Нѣсколько охотниковъ поскакали къ мѣсту драки.

Николай слѣзъ съ лошади, остановился подлѣ гончихъ съ подѣхавшими Наташой и Петей, ожидая съѣдѣній о томъ, чѣмъ кончится дѣло. Изъ-за опушки выѣхала дравшійся охотникъ съ лисицей въ торокахъ и подѣхалъ къ молодому барину. Онъ издалека снялъ шапку и старался говорить почтительно; но онъ былъ блѣденъ, задыхался, и лицо его было злобно. Одинъ глазъ былъ у него подбитъ, но онъ вѣроятно и не зналъ этого.

— Что у васъ тамъ было? спросилъ Николай.

— Какъ же, изъ-подъ нашихъ гончихъ онъ травить будеть! Да и сука-то моя мышастая поймала. Поди, судись! За лисицу хватаетъ! Я его лисицей ну катать. Вотъ она, въ торокахъ. А этого хочешь? говорилъ охотникъ, указывая на кинжалъ и вѣроятно воображая, что онъ все еще говорить съ своимъ врагомъ.

Николай, не разговаривая съ охотникомъ, поспросилъ сестру и Петю подождать его и поѣхать, на то мѣсто, где была эта враждебная, Илагинская охота.

Охотникъ-побѣдитель вѣхалъ въ тоди охотниковъ и танѣ, окруженній сочувствующими любопытными, рассказывать свой подвигъ.

Дѣло было въ томъ, что Илліинъ, съ которыми Ростовы были въссорѣ въ процессіѣ, окотился въ мѣстахъ, шо обѣщаю принадлежавшихъ Ростовымъ, и теперь ванѣ будто нарочно велѣлъ подѣхать къ острову, гдѣ охотились Ростовы, и нозволилъ травить своему охотнику изъводь чужихъ точихъ.

Николай никогда не щадилъ Илагина, но, какъ и всегда въ своихъ сужденіяхъ и чувствахъ, зная сердечнѣй по слухамъ о буйствѣ и своевольствѣ этого помѣщика, всемъ душой синевидѣлъ его и исчиталъ своимъ злѣйшимъ врагомъ. Онъ озлобленно-взволнованный вѣкалъ теперь къ нему, крѣпко сжимая арапникъ въ руки, въ полной готовности на самий рѣшительный и опасный дѣйствія противъ своего врага. Едва онъ выѣхалъ за уступъ лѣса, какъ онъ увидѣлъ подѣвящающагося ему наизстрѣчу толстаго барина въ бобровомъ картузѣ и прекрасной вороной косыдѣ, сопутствующаго двумя стремянными, — и, какъ видѣлъ, поѣхавшаго на коне Илагина.

Вѣсто врага Николай нашелъ въ Илагинѣ представительнаго, учтиваго барина, особенно, желавшаго познакомиться съ молодымъ графомъ. Подѣхавши къ Ростову, Илагинъ приподнялъ бобровый картузъ и сказалъ, что очень знаѣть о томъ, чо случилось; что величь наказать охотника, нозволившаго себѣ травить изъ-подъ чужихъ собакъ, и просить графа быть знакомымъ и предлагаетъ ему свои услуги для охоты, и, въ концѣ, одарилъ Николая яблокомъ. Наташа, боявшася, чо братъ ємоудрѣлъ бы что-нибудь ужасное, въ волненіи вѣхалъ недалеко за нихъ. Увидавъ, чо враги дружелюбно раскланиваются, она подѣхала къ нимъ.

Илагинъ еще выше приподнялъ свой бобровый картузъ предъ Наташой и, прятно умыбнувшись, сказалъ, что графина представляется Діану и по страсти къ охотѣ и по красотѣ своей, про которую онъ много слышалъ.

Илагинъ, чтобы загладить вину своего охотника, настоятельно просилъ Ростова пройти въ его угорь, который былъ въ верстѣ, который съ берега для себя и въ которомъ было, до его словамъ, насыпано зайцемъ. Николай согласился, и охота, еще вдвое увеличившися, прощлась дальше.

Идти до Илагинского угоря надѣ было позяни. Охотники разворвались Господа Бѣгали вѣсты. Дядюшка, Ростовъ, Илагинъ переплывали тайкамъ напачущихъ собакъ, стараясь, чтобы, другое этого не замѣтили, съ безножевостью отыскивали между этими собаками соперницу своихъ собакамъ.

Ростова особенно поразила свою красотой небольшая чисто-цесовая, узенькая, но съ стальными машками, тоненький юнцомъ (мордой) и на выватѣ черными глазами; красно-шысая сучка въ сворѣ Илагинской Онь-сникѣль; про рѣвость Илагинскихъ собакъ, и въ этой красавицѣ-сучкѣ видѣлъ соперницу своей Михѣя.

Въ срединѣ стечения разговора обѣ урожаи нынѣшнаго года, который завѣть Илагинъ, Николай указалъ ему на его красно-шысую сучку. — Ну, добрая мать, — сказалъ онъ — Хороша у васъ эта сучка! сказала онъ небрежнымъ тономъ. — Рѣва? — спросилъ Ростовъ.

— Эта? Да, это добрая собада — ловить, равнодушный голосомъ сказалъ Илагинъ про свою красно-шысую Еру, за которую онъ годъ тому назадъ отдалъ соседу три семьи дворовыхъ. — Такъ и у васъ, графъ, умолотъ не хвалатъ? продолжалъ онъ начатый разговоръ. И счиши, учтивъ

отплатить молодому графу тѣмъ же, Илагинъ осмотрѣлъ его собакъ и выбралъ Милу, бросившуюся ему въ глаза своею шириной. Хороша у васъ эта черно-пѣлая мацна! сказъ онъ.

— Да, ничего, скажть, отвѣчалъ Николай. „Вотъ только бы побѣжалъ въ полѣ матерый русакъ, я бы тебѣ показалъ, какая эта собака!“ подумалъ онъ и, обернувшись къ стремянному, сказалъ, что онъ даетъ рубль тому, кто подсуньетъ, т.-е. найдетъ лежачаго зайца.

— Я не понимаю, продолжалъ Илагинъ, — какъ другіе охотники, завистливы на зѣра и на собакъ. Я самъ скажу про себя, графъ. Меня веселить, знаете, проѣхаться; вокзъ сѣдѣши съ такой компаніей, уже него же лучше (онъ снялъ опять свой бобровый картузъ предъ Наташой); а это, чтобы шкуры считать, сколько привезъ — мѣй все равнѣо!

— Ну, да, — отвѣчалъ графъ, — я искренне радъ!

— Или чтобы мнѣ обидно было, что чужая собака принадлежитъ, а не моя — мнѣ только бы полюбоваться на зѣра, не такъ ли, графъ? Поэтому и сужу... (Графъ сѣялъ голову.) О ту тѣло, послышалася въ это время протяжный крикъ одного изъ остановившихъ бердятниковъ. Оны стояли на полубугрѣ живиья, поднявъ арапникъ, и еще разъ повторилъ протяжно: О — ту тѣло! (Звукъ этотъ, и поднятый арапникъ, означали то, что онъ видѣть предъ собой лежачаго зайца.) Графъ же, заслушавъ это, сказалъ:

— А, подозрѣлъ, кажется, сказъ небрежно Илагинъ. — Чѣмъ же, потравимъ, графъ!

— Да, подѣхать надо... да ято жъ, свѣтѣ? Отвѣчалъ Николай, всплываясь въ Ерау и въ краснаго Ругад дядюшки, въ двухъ своихъ соперниковъ, съ которыми еще ни

разу ему не удалось поронять своихъ собакъ. „Ну что, какъ съ ушей оборвутъ мяю Милку!“ думалъ онъ, рядомъ съ дядюшкой и Илагинимъ подвигалась къ зайцу.

— Материй? сорачиша Илагинъ подвигалась къ подорвившему охотнику, и не безъ волнения оглядывалась и подсматривала Ерзя. Къ зверю приближался онъ.

— А вы, Михаиль Никандорычъ? Обратился онъ къ дядюшке. Онъ съ другомъ пришелъ сюда смотреть на зверя.

Дядюшка щахъ, насупившиесь.— Что мнѣ соваться! Вѣдь ваша чистое дѣло маршъ! — въ деревнѣ да собаку плачешь, ваши тысячины. Вы помѣрайте своихъ, а я посмотрю. Ругай! Нафна, кликнуль онъ. Ругающа! прибавилъ онъ, невольно этимъ уменьшительнымъ выражая свою нѣжность и надежду, возлагавшую на этого краснаго кобеля. Наташа видѣла и чувствовала скрываемое этимъ двумя стариками и чея братомъ волненіе и сама волновалась.

Охотникъ на полугорѣ стоялъ съ подпятникомъ, господа шагомъ подъѣзжали къ нему; гончія, шедшія на самомъ торизонти, заворачивали прочь отъ зайца; охотники, же господы, тоже отѣзжали. Всѣ двигалось медленно и степенно, притомъ и линиями линией, складами складомъ. Куда головой лежитъ? спросилъ Николай, подъѣзжая шаговъ на сто къ подорвившему охотнику. Но не успѣлъ еще охотникъ отвѣтить, какъ русакъ, чуя морозъ къ занятраннему утру, не вылезалъ и вскочилъ. Стая гончихъ на смычкахъ, съ ревомъ, понеслась подъ гору за зайцемъ; со всѣхъ сторонъ борзыя, не бывшія на сворахъ, бросились на гончихъ и къ зайцу. Всѣ эти медленно двигавшіеся охотники выжлятили изъ криковъ этого себія собакъ, братишки

сь крикомъ: о — о — ту! направляя собакъ, посыпало и полю. Спокойный Илагинъ, Николай, Наташа и Лидочка летели, сами не зная какъ и куда, видя только собакъ и зайца, и боясь только потерять хоть на мгновеніе изъ вида ходъ травли. Заяцъ шотался катерый и рѣвый. Вскочить, онъ не тотчасъ же посыпалъ, а провелъ ушами, прислушиваясь къ крику, и топоту, раздавшемуся вдругъ со всѣхъ сторонъ. Онъ прыгнулъ разъ десять не быстро, юодинская къ себѣ собакъ, и наконецъ выбравъ направлениѳ и помня опасность, приложилъ уши и, неесско, про всѣ ноги. Онъ лежалъ на живыхъ, но впереди были веленя, по которымъ было тонко. Две собаки юодорвавшаго охотника, бывшіи ближе всѣхъ, первыя возврѣлись и заложились за зайца; но еще далеко не подвинулись къ нему, какъ изъ-за нихъ вылетѣла Илагинская красно-шѣгая Ерза, приблизилась на собаку разстоянія, съ страшною быстротой наддала мацѣ, лившись на хвостъ зайца, и думая, что она пехватила его, покатилась кубаремъ. Заяцъ выгнуло спину и наддалъ ещешибче. Изъ-за Ерзы вынеслась широкозадая, черно-шѣгая Милка и быстро стала сидѣть къ зайцу, и, сидѣя, крикнуть:
— Милушка! матушка! послышалася торжествующій крикъ Николая. Казалось, сейчасъ ударить Милку и подхватить зайца, но она дognала и пронеслась. Русакъ отсыль. Она наспѣла красавица Ерзу, и надѣ самыми хвостомъ русака по-висла, какъ будто примѣряясь, какъ бы она одибрѣться; теперь схватить за заднюю джинку.

— Ерзыцка! сестрица! послышалася плачущій, не свой голосъ Илагина. Ерза не виала его мольбамъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ надо было ждать, что она схватитъ русака, онъ вихнуль и выкатилъ на рубежъ между зелеными и

живиешь. Опять Ерза и Милка, какъ дышловая пара, вились и стали спѣть къ зайцу; на рубежѣ русаку было легче, собаки не таѣтъ быстрѣе приближались къ нему.

— Ругай! Ругаюшка! Чистое дѣло маршъ! закричалъ въ это время еще новый голосъ; и Ругай, красный, горбатый кобель дядюшки, вытягивалъ и выгибалъ спину; сровнялся съ первыми днуми собаками, выдвинулъ изъ-за нихъ, наддалъ со страшныемъ самоотверженіемъ уже надъ самыемъ зайцемъ, сбыль его съ рубежа на зеленя; еще злѣй наддалъ другой разъ, по грязнымъ зеленымъ утонала по колѣна, и только видно было кашу онъ кубаремъ, начавъ спину въ грязи, покатился съ зайцемъ. Звѣзда собакъ окружила его. Черезъ минуту вѣсъ столпи около столнившіхся собакъ. Одинъ счастливый дядюшка слѣзъ и отпазанчилъ. Потряхивая зайца, чтобы стекала кровь, онъ тревожно оглядывался, бѣгая глазами, не находя положенія рукамъ и ногамъ и говорилъ самъ не зная съ кѣмъ и что. „Вотъ это дѣло маршъ.. . вотъ собада.. . вотъ выткнуль всѣхъ и тысячныкъ и рублевыхъ — чистое дѣло маршъ!“ говорилъ онъ, задыхаясь и злобно оглядываясь, какъ будто ругалъ кого-то, какъ будто все были его враги, всѣ его обижали, и только теперь маконецъ ему удалось оправдаться. „Вотъ вѣнь и тысячными — чистое дѣло маршъ!“

— Ругай, на пазанку! говорилъ онъ, кидая отруѣзанную лашку съ налипшей землей; васлушилъ — чистое дѣло маршъ!

— Она вымахалась, три угонки дала одна, говорилъ Николай, тоже не слушая никого и не заботясь о томъ, слушаютъ ли его, или нѣтъ.

— Да что жъ тутъ зонеречь! говорилъ Илагинскій стремянной.

— Да какъ осѣклась, такъ съ угоны вскаки драматика поймаетъ, говорилъ въ одно и то же время Илагинъ, красный, на силу переводившій духъ отъ скачки и волненія. Въ одно и то же время Наташа, не переводя духа, радостно и восторженно визжала такъ пронзительно, что въ ушахъ звенѣло. Она этимъ визгомъ выражала все то, что выражали и другие охотники своимъ единовременнымъ разговоромъ. И визгъ этотъ былъ такъ страненъ, что она сама должна была бы стыдиться этого дикаго виага, и все бы должны были удивиться ему, ежели бы это было въ другое время. Дядюшка самъ второчиль русака, девко и бойко перекинулъ его черезъ задъ лошади, какъ бы упрекая всѣхъ этимъ перекидываниемъ, и съ такимъ видомъ, что онъ и говорить ни съ кѣмъ не хочетъ, сѣлъ на своего каурого и поѣхалъ прочь. Всѣ, кроме него, грустные и оскорбленные, разѣхались и только долго послѣ могли прийти въ прежнее притворство равнодушнія. Долго еще они смотрѣвали на краснаго Ругая, который, съ испачканной грязью горбатою спиной, побрикивалъ желѣзкой, съ спокойниницъ видомъ побѣдителя шестьъ ногами лошади дядюшки.

„Чтѣ жъ, я такой же, какъ и всѣ, когда дѣло не каснется до травли. Ну а ужъ тутъ держись!“ казалось Николаю, что говорилъ видъ этой собаки.

Когда долго послѣ, дядюшка подѣхалъ къ Николаю и заговорилъ съ нимъ, Николай, быть царьщенъ тѣмъ, что дядюшка послѣ всего, что было, еще удостоиваетъ говорить съ нимъ.

VII.

Когда ввечеру Илагинъ распостился съ Николаевъ, Николай оказался на такомъ далекомъ разстояніи отъ дома,

что они принять предложение дядюшки оставить охоту и по-
чечать у него, у дядюшки, въ его деревенькѣ Михайловкѣ.
И если бы захвали комъ чистое дѣло маршъ! — сказать дядюшка, — еще бы твоего лучше! видите, погода мокрая,
говорить дядюшка, отдохнули бы, трапинечку бы отвезли
въ дрожкахъ! — Предложение дядюшки было принято, за дрож-
жами послали окотника въ Отрадное; а Николай съ Наташой
и Нетей поехали къ дядюшкѣ.

Человѣкъ пять; большихъ и малыхъ дворовыхъ мужчинъ
выбѣжало на парадное крыльцо встрѣтить барина. Десятки
женщинъ, старыхъ, болѣшихъ и малыхъ высунулись съ зад-
него крыльца смотрѣть на подѣлывающихся охотниковъ. При-
сутствіе Наташи, женщины, барыни верхомъ, довело любо-
внѣтво дворовыхъ дядюшекъ до тѣхъ предѣловъ, что многія,
не стѣсняясь ея присутствіемъ, подходили къ ней, загля-
дывали ей въ глаза и при ней дѣлали въ ней свои замѣчанія,
какъ о показываемомъ чудѣ, которое не человѣкъ, и не мо-
жетъ слышать и понимать, что говорятъ о немъ.

Аринка, глянка, на бочку сидѣть! Сама сидѣть, а
подоль болтастся... Вишь и рожокъ!

Батюшки-свѣты, похихъ-то...

Вишь Наташка!

— Какъ же ты не перекувыркнулась-то? говорила самая
смѣлая, прямѣ ужъ обращаясь къ Наташѣ.

Дядюшка сѣлъ съ лопади у крыльца своего деревянного
заросшаго садомъ дома и, оглянувшись своимъ домочадцамъ,
крикнулъ повелительно, чтобы лишніе отошли, и чтобы было
сдѣлано все нужное для пріёма гостей и охоты.

Все разбѣжалось. Дядюшка сидѣлъ Наташу съ лопади и за
руку провѣрять ее по пяткамъ досчитавъ ступенями крыльца,

Въ домѣ, по штука гуренномъ, съ бревенчатыми стѣнами, было не очень чисто, — не видно было, чтобы цѣль жившихъ людей состояла въ томъ, чтобы не быть пятенъ, — но не было замѣтно запущенности. Въ синихъ пахло свѣжими яблоками, и висѣли волчья и лисья шкуры.

Черезъ переднюю дядюшку пробылъ свойхъ гостей въ маленькую залу съ складнымъ столомъ и красными стульями, потомъ въ гостиную съ березовымъ круглымъ столомъ и диваномъ, потомъ въ кабинетъ съ обборваннымъ диваномъ, истаканнымъ ковромъ и съ портретами Суворова, отца и матери хозяина и его самого въ военномъ мундирѣ. Въ кабинетѣ слышался сильный запахъ табаку и собакъ. Въ кабинетѣ дядюшка попросилъ гостей сѣсть и расположиться какъ дома, а самъ вышелъ. Ругай съ невычистившемъ спиной вошелъ въ кабинетъ и лежа на диванѣ, обтицая себѣ языкомъ и зубами. Изъ кабинета шель коридоръ, въ которомъ виднѣлись ширмы съ прорванными занавѣсками. Изъ-за ширмъ слышался женскій смѣхъ и шепотъ. Наташа, Николай и Петя раздѣлись и сѣли на диванъ. Петя облокотился на руку и тотчасъ же заснула, Наташа и Николай сидѣли молча. Лица ихъ горѣли, они были очень голодны и очень веселы. Они поглядывали другъ на друга (послѣ охоты, въ компатѣ, Николай уже не считалъ нужнымъ выказывать свое мужское преосходство предъ своею сестрой); Наташа подмигнула брату, и оба удерживались недолго и звонко расхохотались, не успѣвъ еще придумать предлога для своего смѣха. «Нѣмного погодя,» дядюшка вошелъ въ казакинѣ, синихъ панталонахъ и матерыхъ сапогахъ. И Наташа почувствовала, что отътѣ самыи костюмъ, въ которому она съ удивленіемъ и наслажденіемъ видела дядюшку въ Отрадномъ, былъ

частомъ костюмъ, который былъ пачѣмъ, не хуже сюрту-
ковъ и фраковъ. Дядюшка былъ тоже веселъ; онъ не только
не обидѣлся смѣху брата и сестры (ему въ голову не могло
придти, чтобы могли смыться надъ его жизнью) а самъ при-
соединился къ ихъ безпричинному смѣху.

— Вотъ такъ, графия, молодая — чистое дѣло маршъ —
другой, такой не видывалъ!, сказалъ онъ, подавая одну трубку
съ длиннымъ чубукомъ Ростову, а другой, короткій, обрѣзан-
ный, чубукъ закладывая привычнымъ жестомъ между трехъ
пальцевъ.

— День отъѣздила, хоть мужчины въ пору, и какъ ни
въ чёмъ не бывало!

Скоро послѣ дядюшки отворила дверь по звуку ногъ оче-
видно босая дѣвка, и въ дверь съ большимъ установленнымъ
подносомъ въ рукахъ вошла толстая, румяная, красивая
женщина, дѣть 40, съ двойнымъ подбородкомъ, и полными,
румянными губами. Она съ гостепріимно представительностью
и привлѣкательностью въ глазахъ и каждомъ движѣніи, огля-
нула гостей и съ ласковою улыбкой почтительно поклонилась
имъ. Несмотря на толщину больше чѣмъ обыкновенную, за-
ставлявшую ее выставлять впередъ грудь и животъ и назадъ
держать голову, женщина эта (экономка дядюшки) ступала
чрезвычайно легко. Она подошла къ столу, поставила под-
носъ и довко своими блѣдыми, пухлыми руками сняла и раз-
ставила по столу бутылки, закуски и угощенья. Окончивъ
это, она отошла и съ улыбкой на лицѣ стала у двери. —
«Вотъ она и я! Теперь понимаешь дядюшку? сказали Ростову
единоуменіе. Какъ не понимать: не только Ростовъ но и
Наташа поняла дядюшку и значение нахмуренныхъ бровей,
и счастливой, самодовольной улыбки, которая чуть морщила

его губы въ то время, какъ входила Анисья Федоровна.¹¹¹ На подносѣ были травники, наливки, грибки, лепешечки черной муки на юрагѣ, сотовый медъ, медъ вареный и шипучій, яблоки, орѣхи сырые и каленые и орѣхи въ меду. Потомъ принесено было Анисьей Федоровной и варенье на меду и на сахарѣ, и ветчина, и курица, только что зажаренная.¹¹¹ Всё это было "хозяйства, сбора и варенья" Анисьи Федоровны! Все это и пахло; и отзывалось; и имѣло вкусъ Анисьи Федоровны. Всё отзывалось єбчностью, чистотой, близиной и пріятною улыбкой.¹¹¹ Это было "хозяйство" Пети, это было

— Покушайте, барышня-графинюшка, приговаривала она, подавая Наташѣ то то, то другое. Наташа ъѣла все, и ей нравилось,¹¹¹ что подобныхъ лепешекъ на юрагѣ, есть такимъ букетомъ варений, на меду орѣховъ и такой курицы никогда она нигдѣ не видала и не ъѣдала. Анисья Федоровна выпила Ростовъ съ дядюшкой, запивая чужинъ вишневою наливкою, разговаривали о прошедшей и о будущей охотѣ, о Руѣ и Илагинскихъ собакахъ. Наташа съ блестящими глазами прямо сидѣла на диванѣ, слушая ихъ. Несколько разъ она пыталась разбудить Петю, чтобы дать ему поесть "чего-нибудь", но онъ говорилъ что-то непонятное, очевидно не просыпаясь. Наташѣ такъ весело было на душѣ, такъ хорошо въ этой новой для нея обстановкѣ, что она только боялась, что слишкомъ скоро за ней пріѣдутъ дрожки. Послѣ наступившаго случайно молчания, какъ это почти всегда бываетъ у людей, въ первый разъ принимавшихъ изъ своего дома своихъ знакомыхъ, дядюшка сказалъ, отвѣчая на мысль, которая была у его гостей:

— Такъ-то вотъ и доживаю свой векъ... Умреши, — чистое дѣло мариишъ ничего не останется! Что жъ и грѣшити-то!

Лицо дядюшки было очень значительно и даже красиво, когда онъ говорилъ это. Ростовъ невольно вспомнилъ при этомъ все, что онъ, хорошаго слыхалъ отъ отца и соседей о дядюшкѣ. Дядюшка, во всемъ околоткѣ губерніи имѣлъ репутацію благороднѣйшаго и безкорыстнѣйшаго чудака. Его призывали судить семейныя дѣла, его друзья душевриказчикомъ, ему довѣряли тайны, его выбирали въ судьи и другія должности, но отъ общественной службы онъ всегда упорно отказывался, осень и весну проводя въ подать на свое мѣсто кауромъ меринѣ, зиму сидя дома, лѣтомъ лежа въ своемъ заросшемъ саду.

— Что же вы не служите, дядюшка?

— Служилъ, да бросиль. Не гоаусъ, чистое дѣло марши, я ничего це разберу. Это ваше дѣло, а у меня ума не хватить. Вотъ, пасчетъ охоты другое дѣло, это чистое дѣло марши! Отворите-ка дверь-то, крикнулъ онъ. — Что жъ затворили! Дверь въ концѣ корридора (который дядюшка называла колидоръ) вела въ холостую — охотническую: такъ называлась лоджия для охотниковъ. Босыя ноги быстро зашлепали, и невидимая рука отворила дверь въ охотническую. Изъ корридора ясно стали слышны звуки балалайки, на которой игралъ очевидно какой-нибудь мастеръ этого дѣла. Наташа уже давно прислушивалась къ этимъ звукамъ и теперь вышла въ корридоръ, чтобы слышать ихъ яснѣ.

— Это у меня мой Митѣка кучеръ... Я ему купилъ хорошую балалайку, люблю, сказалъ дядюшка. У дядюшки было заведено, чтобы, когда онъ привозжалъ съ охоты въ холостой — охотнической Митѣка игралъ на балалайкѣ. Дядюшка любилъ слушать эту музыку.

— Какъ хорошо! Франко, отлично, сказалъ Павелъ стѣ нѣ.

которымъ невольнымъ пренебреженiemъ, какъ будто ему совсѣмъ было признаться въ томъ, что ему очень были пріятны эти звуки.

— Какъ отлично? съ упрекомъ сказала Наташа, чувствуя тонъ, которымъ сказали это братъ. — Не отлично, а это прелестъ что такое! Ей такъ же, какъ грибки, медъ и наливки дядюшки казались лучшими въ мірѣ, такъ и эта пѣсня казалась ей въ эту минуту верхомъ музыкальной прелести.

— Еще, пожалуйста еще, сказала Наташа въ дверь, какъ только замолкла баллада. Митька настроилъ и оиять молодецки задребезжалъ *Барыню* съ переборами и перехватами. Дядюшка сидѣлъ и слушать, склонивъ голову на бокъ съ чуты замѣтно улыбкой, Мотивъ *Барыни* повторился разъ сто. Несколько разъ балладаiku настраивали, и оиять дребезжали тѣ же звуки, а слушателямъ не наскучивало, а только хотѣлось еще, и еще, слышать эту игру. Анисья Оедоровна вошла и прислонилась своимъ тучнымъ тѣломъ къ притолокѣ.

— Изволите слушать? сказала она Наташѣ, съ улыбкой, чрезвычайно похожею на улыбку дядюшки. — Опь у насъ славно играетъ, сказала она.

— Вотъ въ этомъ колѣнѣ не то дѣластъ, вѣрутъ съ эпиграфическимъ жестомъ сказать дядюшка. — Тутъ разсыпать надо, чистое дѣло маршъ — разсыпать.

— А вы разѣй умѣете? спросила Наташа.
Дядюшка, не отвѣчая, улыбнулся.

— Посмотри-ка Анисьюшка, что струны-то цѣли что лѣ на гитарѣ-то? Давно ужъ въ руки не брать, — чистое дѣло маршъ! забросилъ.

Анисья Оедоровна охотно пошла своюю легкою поступью исполнить порученіе своего господина и принесла гитару.

Дядюшка, ни на кого не глядя, сдунуль пыль, костлявыми пальцами стукнул по крышкѣ гитары, настроилъ и исправился на креслѣ. Онъ взялъ (несколько театральный жестомъ, отставивъ локоть лѣвой руки) гитару повыше шейки и, подмигнувъ Анисью Федоровну, началъ не *Барыню*, а взять одинъ звучный, чистый аккордъ, и мѣрно, спокойно, но твердо началъ весьма тихимъ темпомъ отдаѣвать известную пѣсню: По у-ли-и-ице мостовой. Въ разъ, въ тактъ, съ тѣмъ степеннымъ весельемъ (тѣмъ самымъ, которымъ дышало все существо Анисы Федоровны) запѣлъ въ душѣ у Николая и Наташи мотивъ пѣсни. Аниса Федоровна за краснѣла и, закрывшись платочкомъ, смѣясь, вышла изъ комнаты. Дядюшка продолжалъ чисто, старательно и энергически-твердо отдаѣвать пѣсню, измѣнившимся вдохновеннымъ взглядомъ глядя на то мѣсто, съ котораго ушла Аниса Федоровна. Чуть-чуть что-то смѣялось въ его лицѣ съ одной стороны подъ сѣдымъ усомъ, особенно смѣялось тогда, когда дальше расходилась пѣсня, ускорился тактъ и въ мѣстахъ переборовъ отрывалось что-то.

— Прелестъ, прелестъ, дядюшка! еще, еще! — закричала Наташа, какъ только опѣ кончила. Она, искочивши съ мѣста, обняла дядюшку и поцѣловала его. — Николенька, Николенька! говорила она, оглядываясь на брата и какъ бы спрашивая его, — что же это такое?

Николаю тоже очень нравилась игра дядюшки. Дядюшка второй разъ зангралъ пѣсню. Улыбающееся лицо Анисы Федоровны явилось опять въ дверяхъ, и изъ-за ней еще другія лица... „За холодной ключевой, кричитъ дѣвица поетъ!“ игралъ дядюшка, сдѣлать опять ложкѣ переборъ, оторвать и шевельнуть плечами.“

Ну, ну, голубчикъ дядюшка, такимъ умоляющимъ голосомъ застонала Наташа, какъ будто жизнь ея зависѣла отъ этого. Дядюшка всталь и какъ будто въ немъ было два человѣка, — одинъ изъ нихъ серьезно улыбнулся падь весельчакомъ, а весельчакъ сдѣлалъ наивную и аккуратную выходку передъ пляской.

— Ну, племянница! крикнулъ дядюшка, взмахнувъ къ Наташѣ рукой, оторвавшую аккордъ.

Наташа сбросила съ себя платокъ, который былъ пакинуть на ней, забѣжала впередъ дядюшки и, подперши руки въ боки, сдѣлала движенье плечами и стала.

Гдѣ, какъ, когда, всосала въ себя изъ того русскаго воздуха, которымъ она дышала, эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, этотъ духъ, откуда взяла она эти пріемы, которые *pas de châle* давно бы должны были вытьсвить? Но духъ и пріемы эти были тѣ самые, неподражаемые, неизучаемые, русскіе, которыхъ и ждалъ отъ нея дядюшка. Какъ только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро весело, первый страхъ, который охватилъ было Николая и всѣхъ присутствующихъ, страхъ, что она не то сдѣлаетъ, прошелъ и они уже любовались ею.

Она сдѣлала то самое и такъ точно, такъ вполнѣ точно это сдѣлала, что Анисья Федоровна, которая тотчасъ подала ей, необходимый для ея дѣла платокъ, сквозь смычки прослезилась, глядя на эту тоненькую, граціозную, такую чужую ей, въ шелку и въ бархатѣ воспитанную графиню, которая умѣла понять все то, что было и въ Анисье, и въ отцѣ Анисьи, и въ теткѣ, и въ матери, и во всякомъ русскомъ человѣкѣ.

— Ну, графинечка, чистое дѣло маршъ! радостно смысь,

сказать „дядюшку,” окончивъ пѣску! — „Нѣ да илемниница. Вотъ только бы муженька тебѣ молодца выбратьъ,” — чисто дѣло марши.

— Ужъ выбралъ, сказала, улыбаясь, Николай.

— О? сказала удивленно дядюшку, глядя вопросительно на Наташу. Наташа, съ счастливою улыбкой, утвердительно кивнула головой.

— Еще какой! сказала она. Но какъ только она сказала это, другой, новый строй мыслей и чувствъ поднялся въ ней. Чѣмъ значила улыбка Николая, когда онъ сказалъ: „ужъ выбранъ?” Радъ онъ этому или не радъ? Онъ какъ будто думаетъ, что мой Болконскій не одобрилъ бы, не понялъ бы этой нашей радости. Нѣтъ, онъ бы все понялъ. „Гдѣ онъ теперь?” подумала Наташа, и лицо ея вдругъ стало серьезно. По это продолжалось только одну секунду. „Не думать, не смыть думать объ этомъ”, сказала она себѣ и, улыбаясь, подсѣла опять къ дядюшкѣ, прося его сыграть еще что-нибудь.

Дядюшка сыграть еще пѣсню и вальсъ; потомъ, помолчавъ, прокашлился и занять свою любимую охотничью пѣсню:

Какъ со вчера иорона
Выпадала корона...

Дядюшка пѣть такъ, какъ поетъ народъ, съ тѣмъ полнымъ и наполнимъ убѣженiemъ, что въ пѣснѣ все значеніе заключается только въ словахъ, что напѣвъ самъ себой приходитъ, и что отдельного напѣва не бываетъ, а что напѣвать — такъ только, для складу. Отъ этого-то этотъ безсознательный напѣвъ, какъ бываетъ напѣвъ итицы, и у дядюшки былъ необыкновенно хорошъ. Наташа была въ во-

сторгъ отъ пѣнія дядюшки. Она рѣшила, что не будетъ больше учиться на арфѣ, а будетъ прерѣть только на гитарѣ. Она спросила у дядюшки гитару и тотчасъ же подобрала аккорды къ пѣсѣ.

Въ десятомъ часу за Наташой и Петей прѣѣхали линейка, дрожки и трое верховыхъ, посланныхъ отыскивать ихъ. Графъ и графиня не звали, гдѣ они, и очень беспокились, какъ сказать посланный.

Петю спесели и положили какъ мертвое тѣло въ линейку: Наташа съ Николаемъ сѣли въ дрожки. Дядюшка укутывалъ Наташу и прощался съ ней съ совершиенно новою пѣжиостью. Отъ пѣнкомъ проводили ихъ до моста, который надо было обѣхать въ бродъ, и величъ съ фонарямиѣхать впередъ охотникамъ.

Процай, именитница дорогая! крикнула изъ темноты его голосъ, не тотъ, который знала прежде Наташа, а тѣтъ, который пѣлъ: „Какъ со вчера пороти“.

Въ деревнѣ, которую проѣзжали, были красные огоньки, и весело пахло дымомъ.

Что за прелесть этотъ дядюшкѣ! сказала Наташа, когда они выѣхали на большую дорогу.

— Да, сказала Николай. — Тебѣ не холодно?

— Нѣтъ, Мишъ отлично, отлично. Мишъ такъ хороши, съ недоумѣнiemъ даже сказала Наташа. Они долго молчали.

Ночь была темная и сырая. Лошади не видны были; только слышно было, какъ они шлепали по незидной грязи.

Что дѣлалось въ этой дѣтской, воспріимчивой душѣ, такъ живою и живущей и успевавшей все разнообразнѣйшіепечатлѣнія жизни? Какъ это все укладывалось въ неѣ? Но она была очень счастлива. Уже подѣваждала къ дому, она

вдругъ заіѣда мотивъ пѣсни: „Какъ со вечера пороша“, мотивъ, который она довила всю дорогу и наконецъ поймала.

— Поймала? сказалъ Николай...

— Ты о чёмъ думалъ теперь, Николенъка? спросила Наташа. Они любили это спрашивать другъ у друга.

— Я? сказалъ Николай, вспоминая; — вотъ видишь ли, сначала я думалъ, что Ругай, красный кобель, похожъ на дядюшку, и что ежели бы онъ былъ человѣкъ, то онъ дядюшку, все бы держалъ у себя, ежели не за скачку, такъ за лады, все бы держалъ. Какъ онъ ладень, дядюшка! Не правда ли? — Ну, а ты?

— Я? Постой, постой. Да, я думала сначала, что вотъ мы ёдемъ и думаемъ, что мы ёдемъ домой, а мы Богъ знаетъ куда ёдемъ въ этой темнотѣ, и вдругъ приѣдемъ и увидимъ, что мы не въ Отрадномъ, а въ волшебномъ царствѣ. А потомъ еще я думала... Нѣтъ, ничего больше.

— Знаю, вѣрно про неё думала, сказалъ Николай, улыбаясь, какъ узала Наташа по звуку его голоса.

— Нѣтъ, отвѣчала Наташа, хотя действительно она вѣсть сѣ тѣмъ думала и про князя Андрея, и про то, какъ бы ему понравился дядюшка. А еще я все повторяю, всю дорогу повторяю: какъ Анисьушка хорошо выступала, хорошо..., сказала Наташа. И Николай услыхалъ ея звонкій, безпричинный, счастливый смѣхъ.

— А знаешь, вдругъ, сказала она, — я знаю, что никогда уже не буду такъ счастлива, спокойна, какъ теперь.

— Вотъ вздоръ, глупости, вранье, сказалъ Николай и подумалъ: „Что за прелестъ эта моя Наташа! Такого другаго друга у меня иѣть и не будетъ. Зачѣмъ ей выходить замужъ? — все бы съ ней ёздили!“

„Экая прелесть этотъ Николай!“ думала Наташа.

— А! еще огнь въ гостиной, сказала она, указывая на окна дома, красиво блестѣвшія въ мокрой, бархатной темнотѣ ночи.

VIII.

Графъ Илья Андреичъ вышелъ изъ предводителей; потому что эта должность была соприжена съ слишкомъ большими расходами. Но для него все не нравлялись. Часто Наташа и Николай видѣли тайные, беспокойные переговоры родителей и слышали толки о продажѣ богатаго родового Ростовскаго дома и подмосковной. Безъ предводительства не нужно было имѣть такого большаго пріема, и Отрадненская жизнь велась тише, чѣмъ въ прежніе годы; но широкій домъ и флигеля все-таки были полны народомъ, за столь все таکъ же садилось болыше 20 человѣкъ. Все это были свои, обжившіеся въ домѣ люди, почти члены семейства, или такіе, которые, казалось, необходимо должны были жить въ домѣ графа. Таковы были Димитръ-музыкантъ съ женой, Фогель-танцовальный учитель съ семействомъ, старушка-барышня Бѣлова, жившая въ домѣ, и еще многіе другіе: учителя Пети, бывшая тувернантка барышень и просто люди, которымъ лучше или выгоднѣе было жить у графа, чѣмъ дома. Не было такого большаго пріѣзда какъ прежде, но ходъ жизни веленъ тѣхъ же; безъ котораго не могли графъ съ графиней представить себѣ жизни. Та же была, еще увеличенная: Николаемъ, охота; тѣ же 50 лошадей и 15 кучеровъ на конюшни; тѣ же дорогіе подарки въ именины; и торжественные на весь уѣздъ обѣды; тѣ же графскіе вѣсты и бостоны; за которыми онъ, распушекъ всѣмъ на видъ карты, давать себѣ каждый

день на сотни обыгрывать соуда, смотрѣвшимъ на право составлять партію графа Ильи Андреича, какъ на самую выгодную аренду.

Графъ, какъ въ огромныхъ тенетахъ, ходилъ въ своихъ дѣлахъ, стараясь не вѣрить тому, что онъ запутался, и съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе запутывался и чувствуя себя не въ силахъ ни разорвать сѣти, опутавшія его, ни осторожно, терпѣливо принять распутыватъ ихъ. Графиня любящимъ сердцемъчувствовала, что дѣти ей раззоряются, что графъ не виноватъ, что онъ не можетъ быть не такимъ, какимъ онъ есть, что онъ самъ страдаетъ (хотя и скрываетъ это) отъ сознанія своего и дѣтскаго раззоренія, и искала средствъ помочь дѣлу. Съ ея женской точки зрѣнія представлялось только одно средство — женитьба Николая на богатой невѣстѣ. Она чувствовала, что это была послѣдняя надежда, и что если Николай откажется отъ партіи, которую она нашла ему, надо будетъ навсегда простились съ возможностью помянуть дѣла. Партия эта была Юлии Карагиной, дочь прекрасныхъ, добродѣтѣльныхъ матери и отца, съ дѣтства изъвестной Ростовыми, и теперь богатая невѣста по случаю смерти послѣднаго изъ сїхъ братьевъ.

Графиня писала прямо къ Карагиной въ Москву, предлагая сїй бракъ сїй дочери съ своимъ сыномъ, и получила отъ нея благонравный отвѣтъ. Карагина отвѣчала, что она съ своей стороны согласна, что все будетъ зависѣть отъ симонии сїй дочери. Карагина приглашала Николая пріѣхать въ Москву.

Несколько разъ, со слезами на глазахъ, графиня говорила сыну, что теперь, когда обѣ дочери сїя пристроены — ея единственное желаніе состоить въ томъ, чтобы видѣть его женатымъ. Она говорила, что легла бы въ гробъ смокойною,

ежели бы это было. Потомъ говорила, что у нѣй есть прекрасная дѣвушка на примѣтѣ и выпытывала его мнѣніе о женитьбѣ.

Въ другихъ разговорахъ она хвалила Жюли и советовала Николаю сѣздиТЬ въ Москву на праздники повеселиться. Николай догадывался, къ чѣму клонились разговоры его матери, и въ одинъ изъ такихъ разговоровъ вызвалъ "вс" на полную откровенность. Она высказалась ему, что вся надежда исправленія дѣлъ основана теперь на его женитьбѣ на Карагиной.

— Что жъ, если бъ я любилъ дѣвушку безъ состоянія, неужели вы потребовали бы, маменька, чтобы я пожертвовалъ чувствомъ и честью для состоянія? спросилъ онъ у матери, не понимая жестокости своего вопроса и желая только выказать свое благородство.

— Нѣть, ты меня не понялъ, сказала мать, не зная какъ оправдаться. — Ты меня не понялъ, Николенька. Я желаю твоего счастья, прибавила она и почувствовала, что она говоритъ неправду, что она запуталась. Она заплакала.

— Маменька, не плачьте, а только скажите мнѣ, что вы этого хотите, и вы знаете, что я всю жизнь свою, все отдаю для того, чтобы вы были спокойны, сказалъ Николай. — Я всеѣмъ пожертвуую для васъ, даже своимъ чувствомъ.

Но графиня не такъ хотѣла поставить вопросъ: она не хотѣла жертвъ отъ своего сына, она сама бы хотѣла жертвовать ему.

— Нѣть, ты меня не понялъ, не будемъ говорить, сказала она, утирая слезы.

„Да, можетъ-быть, я и люблю бѣдную дѣвушку“, говорилъ самъ себѣ Николай; „что жъ, мнѣ пожертвовать чувствомъ

и честью для состояния? Удивляюсь, какъ маменька могла мнѣ сказать это. Оттого, что Соня бѣдна, то я и не могу любить ее“, думалъ онъ, „не могу отвѣтить на ея вѣрную преданную любовь; А ужъ навѣрное съ ней я буду счастливѣе, чѣмъ съ какою-нибудь куклой Жюли. Пожертвовать своимъ чувствомъ я всегда могу для блага своихъ родныхъ, говорилъ онъ самъ себѣ, но я не могу приказывать своему чувству“, „Ежели я люблю Соню, то чувство мое сильнѣе и выше всего для меня“.

Николай не побѣхалъ въ Москву, графиня не возобновляла съ нимъ разговора о женитьбѣ, и съ грустью, а иногда и озлобленіемъ, видѣла признаки все большаго и большаго сближенія между своимъ сыномъ и безприданною Соней. Она упрекала себя за то, но не могла не ворчать, не притираться къ Сонѣ, часто безъ причины останавливалъ ее, называя ее „вы“, и „моя милая“. Болѣе всего добрая графиня за то и сердилась на Соню, что эта бѣдная, черноглазая племянница была такъ кротка, такъ добра, такъ преданно-благодарна своимъ благодѣтелямъ, и такъ вѣрно, неизмѣнно съ самоотверженіемъ влюблена въ Николая, что нельзя было ни въ чемъ упрекнуть ее.

Николай доживалъ у родныхъ свой срокъ отпуска. Отъ жениха, князя Андрея, получено было четвертое письмо, изъ Рима, въ которомъ онъ писалъ, что онъ уже давно бы былъ на пути въ Россію, ежели бы неожиданно въ тенденціи климатѣ не открылась его рана, что заставляетъ его отложить свой отѣздъ до начала будущаго года. Наташа была такъ же влюблена въ своего жениха, такъ же усмоктона этаю любовью и такъ же воспріимчива ко всѣмъ радостямъ жизни; но, въ концѣ четвертаго мѣсяца разлуки съ нимъ, на нее

начинали находить минуты грусти, противъ которой она не могла бороться. Ей жалко было самое себя, жалко было, что она такъ даромъ, ни для кого, пропадала все это время, въ продолженіе котораго она чувствовала себѣ столь способною любить и быть любимою.

Въ домѣ Ростовыхъ было незвѣсело.

IX.

Пришли святки, и кромѣ парадной обѣдни, кромѣ торжественныхъ и скучныхъ поздравленій сестрѣй и дворовыхъ, кромѣ надѣтыхъ на всѣхъ новыхъ платьевъ, не было ничего особеннаго, означавшаго святки, а въ безвѣтринномъ 20-ти градусномъ морозѣ, въ яркомъ ослѣпляющемъ солнѣ днемъ и въ звѣздномъ зимнемъ свѣтѣ ночи, чувствовалась потребность какого-нибудь означенія этого времени.

На третій день праздника послѣ обѣда вѣс домашніе разошлись по своимъ комнатаамъ. Было самое скучное время дня. Николай,ѣздившій утромъ къ сестрѣямъ, заснуль въ дѣвянной. Старый графъ отдыхалъ въ своемъ кабинетѣ. Въ гостиної за круглымъ столомъ сидѣла Соня, срисовывая узоръ. Графиня раскладывала карты. Настасья Ивановна-шутѣ съ печальнымъ лицомъ сидѣла у окна съ двумя старушками. Наташа вошла въ комнату, подошла къ Сонѣ, посмотрѣла, что она дѣлаетъ, потомъ подошла къ матери и молча остановилась.

— Что ты ходишь, какъ безпріютная? сказала ей мать.— Чѣмъ тебѣ надо?

— Ею мнѣ надо... сейчасъ, сию минуту мнѣ ею надо, сказала Наташа, блестя глазами и не улыбаясь. Графиня подняла голову и пристально посмотрѣла на дочь.

и честью для состояния? Удивляясь, какъ маменька могла мнѣ сказать это. Оттого, что Соня бѣдна, то я и не могу любить ее", думалъ онъ, "не могу отвѣтить на ея вѣрную, искрѣннюю любовь; А ужъ навѣрное съ ней я буду счастливъе, чѣмъ съ какою-нибудь куклой Жюли. Пожертвовать своимъ чувствомъ я всегда могу для блага своихъ родныхъ, говорилъ онъ самъ себѣ, но я не могу приказывать своему чувству". „Ежели я люблю Соню, то чувство мое сильнѣе и выше всего для меня".

Николай не поѣхалъ въ Москву, графиня не возобновляла съ нимъ разговора о женитьбѣ, и съ грустью, а иногда и озлобленіемъ, видѣла признаки все большаго и большаго сближенія между своимъ сыномъ и безприданною Соней. Она упрекала себя за то, но не могла не ворчать, не притираться къ Сонѣ, часто безъ причины останавливая ее, называя ее „вы", и „моя милан". Болѣе всего добрая графиня за то и сердилась на Соню, что эта бѣдная, черноглазая племянница была такъ кротка, такъ добра, такъ преданно-благодарна своимъ благодѣтелямъ, и такъ вѣрно, неизмѣнно съ самоотверженіемъ влюблена въ Николая, что нельзя было ни въ чёмъ упрекнуть ее.

Николай доживалъ у родныхъ свой срокъ отпуска. Отъ жениха, князя Андрея, получено было четвертое письмо, изъ Рима, въ которомъ сеѧлъ писать, что онъ уже давно бы былъ на пути въ Россію, ежели бы неожиданно въ тепломъ климатѣ не открылась его рана, что заставляетъ его отложить свой отѣѣздъ до начала будущаго года. Наташа была такъ же влюблена въ своего жениха, такъ же успокоена этойю любовью и такъ же воспріимчива ко всѣмъ радостямъ жизни; во, въ концѣ четвертаго мѣсяца разлуки съ нимъ, на нее

начинали находить минуты грусти, противъ которой она не могла бороться. Ей жалко было самое себя, жалко было, что она такъ даромъ; ни для кого, прощадала все это время, въ продолженіе котораго она чувствовала себѣ столь способную любить и быть Любимою.

Въ домѣ Ростовыхъ было невесело.

IX.

Пришли святки, и кромѣ парадной обѣдни, кромѣ торжественныхъ и скучныхъ поздравленій сосѣдей и дворовыхъ, кромѣ надѣлыхъ на всѣхъ новыхъ платьевъ, не было ничего особеннаго, ознаменовывающаго святки, а въ безвѣтреномъ 20-ти градусномъ морозѣ, въ яркомъ солнечнѣмъ солнышкѣ днемъ и въ звѣздномъ эйнѣмъ свѣтѣ ночи, чувствовалась потребность какого-нибудь ознаменованія этого времени.

На третій день праздника послѣ обѣда всѣ домашніе разошлись по своимъ комнатамъ. Было самое скучное время дня. Николай, юздиній утромъ къ сестрѣмъ, заснула въ диванной. Старый графъ отыхалъ въ своемъ кабинетѣ. Въ гостиной за круглымъ столомъ сидѣла Соня, срисовывая узоры. Графиня раскладывала карты. Настасья Ивановна-шутѣ съ нечальнымъ лицомъ сидѣла у окна съ двумя старушками. Наташа вошла въ комнату, подошла къ Сонѣ, посмотрѣла, что она дѣлаетъ, потомъ подошла къ матери и молча остановилась.

— Что ты ходишь; какъ бесприютна! сказала ей мать.— Чѣмъ тебѣ надо?

— Ею мнѣ надо... сейчасъ, сю минуту мнѣ ею надо, сказала Наташа, блестя глазами и не улыбаясь. Графиня подняла голову и пристально посмотрѣла на дочь.

— Не смотрите на меня, мама, не смотрите: я сейчас заплачу.

— Сядись, посиди со мной, сказала графиня.

— Мама, мы *ею* надо. За что я такъ прощаю, мама?... Голосъ ея оборвался, слезы брызнули изъ глазъ, и она, чтобы скрыть ихъ, быстро повернулась и вышла изъ комнаты. Она вышла въ диванную, постояла, подумала и пошла въ дѣвичью. Тамъ старая горничная ворчала на молодую девушки, запыхавшуюся, съ холода прибѣжавшую съ дворни.

— Будетъ играть-то, говорила старуха, на все время есть.

— Пусти ее, Кондратьевна, сказала Наташа. — Иди, Мавруша, иди.

И отпустила Маврушу, Наташа черезъ залу помчала въ переднюю. Старикъ и два младые лакеи играли въ карты. Они прервали игру и встали при входѣ барышни. „Что бы мы съ пими сдѣлать?“ модумала Наташа.

— Да, Пикита, сходи, пожалуйста, куда бы мы *его* послать?“ Да, сходи на дворню и принеси, пожалуйста, пѣтухъ; да, а ты, Миша, цыпеси овса.

— Чемъ овса прикажете? веселро и охочио сказаль Миша.

— Иди, иди скорѣе, подтвердиль старикъ.

— Оедоръ, а ты мылу мнѣ достань,

Проходя мимо буфета, она вѣльма подавать самоваръ, хотя это было совсѣмъ не время.

Буфетчикъ Фока былъ самый сердитый человѣкъ изъ всего дома. Наташа надъ нимъ любила пробовать свою власть. Онъ, не побѣриль ей и ющель спросить, „иразда ли?

— Ужъ эта барышни! сказаль Фока, притворно хмуясь на Наташу.

Никто въ домѣ не разсыпалъ столько людей и не давалъ имъ столько работы, какъ Наташа. Она не могла равнодушно видѣть, людей, чтобы не послать ихъ куда-нибудь. Она какъ будто пробовала, не разсердится ли, не надуется ли на нее кто изъ нихъ, но ничьихъ приказаний люди не любили такъ исполнять, какъ Наташины. „Чтѣ бы мнѣ сдѣлать? Куда бы мнѣ пойти?“ думала Наташа, медленно идя по коридору.

— Настасья Ивановна, что отъ меня родится? спросила она шута, который въ своей куцавейкѣ шелъ на встречу ей.

— Отъ тебя блохи, стрекозы, кузнецы, отвѣчалъ шутъ.

— Боже мой, Боже мой, все одно и то же. Ахъ, куда бы мнѣ дѣваться? Чѣбы мнѣ съ собой сдѣлать? И она быстро, застучавъ ногами, побѣжала вверхъ по лѣстницѣ къ Фогелю, который съ женой жилъ въ верхнемъ этажѣ. У Фогеля сидѣли двѣ гувернантки, на столѣ стояли тарелки съ изюмомъ, грецкими и миндалевыми орѣхами. Гувернантки разговаривали о томъ, где дешевле жить, въ Москвѣ или въ Одессѣ. Наташа присѣла, послушала ихъ разговоръ съ серьезнымъ задумчивымъ лицомъ и встала.

— Островъ Мадагаскаръ, проговорила она. — Ма-да-гаскаръ, повторила она отчетливо, каждый слогъ и, не отвѣчая на вопросы мадамъ Шоссъ о томъ, что она говорить, вышла изъ комнаты.

Петя, братъ ея, былъ тоже наверху: онъ съ своимъ дядькой устраивалъ фейерверкъ, который намѣревался пустить ночью.

— Петя! Петъка! закричала она ему, — вези меня, внизъ. Петя подбѣжалъ къ ней и подставилъ спину. Она вскочила на него, обхвативъ его шею руками, и онъ, подпрыгивая, побѣжалъ съ ней. — Нетъ, не надо, — островъ Мадагаскаръ, проговорила она, и, склонивъ съ него, щупла внизъ.

Какъ будто обойдя свое царство, испытавъ свою власть и убѣдившись, что всѣ покорны, но что все-таки скучно. Наташа пошла въ залу, взяла гитару, сѣла въ темный угол за шкапчикъ и стала въ басу перебирать струны, выдѣльвая фразу, которую она запомнила изъ одной оперы, слышанной въ Петербургѣ вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ. Для постороннихъ слушателей у неї на гитарѣ выходило что-то не имѣвшее никакого смысла, но въ ея воображеніи изъ-за этихъ звуковъ воскресалъ цѣлый рядъ воспоминаній. Она сидѣла за шкапчикомъ, устремивъ глаза на полосу свѣта, радиавшую изъ буфетной двери, слушала себя и вспоминала. Она находилась въ состояніи воспоминаній.

Соня прошла въ буфетъ съ рюмкой черезъ залу. Наташа взглянула на нее, па щель въ буфетной двери, и ей показалось, что она вспоминаетъ то, что изъ буфетной двери въ щель падать свѣтъ и что Соня прошла съ рюмкой.

„Да, и это было точь-въ-точь такъ же“, подумала Наташа.

— Соня, чѣмъ это? крикнула Наташа, перебирая пальцами на толстой струнѣ.

— Ахъ, ты тутъ! вздрогнувъ, сказала Соня, подошла и прислушалась. — Не знаю. Буря? сказала она робко, боясь отпихнуться.

„Ну, вотъ точно такъ же она вздрогнула, точно такъ же подошла и робко улыбнулась тогда, когда это „ужъ было“, подумала Наташа, „и точно такъ же... я подумала, что мъ ней чего-то не достаетъ“.

— Нѣтъ, это хоръ изъ Водоноса, слышишь? И Наташа допѣла мотивъ хора, чтобы дать поизгѣть Сонѣ. Ты куда ходила? спросила Наташа.

— Воду въ рюмкѣ перемѣнила. Я сейчасъ дѣрисью узбрѣ.

— Ты всегда зашата, а я вотъ не умѣю, сказала Наташа. — А Николецка гдѣ?

— Спить, кажется.

— Соня, ты поди разбуди его, сказала Наташа. — Скажи, что я его зову пѣть. Она посидѣла, подумала о томъ, что это значить, что все это было, и, не разрѣшивъ этого вопроса и нисколько не сожалѣя о томъ, опять въ воображеніи своемъ перенеслась къ тому времени, когда она была съ нимъ вмѣстѣ, и онъ влюбленными глазами смотрѣлъ на нес.

„Ахъ, доскорѣе бы онъ пріѣхалъ. И такъ боюсь, что этого не будетъ! А главное: я старѣюсь, вотъ что! Уже не будеть того, — что теперь есть во мнѣ. А можетъ-быть, рѣчь иначе пріѣдетъ, сейчасъ пріѣдетъ. Можетъ быть, пріѣхалъ и сидѣть тамъ въ гостиной. Можетъ быть, онъ вчера еще пріѣхалъ; и я забыла“. Она встала, положила гитару и пошла въ гостиную. Всѣ домашніе, учителя, гувернантки и гости сидѣли ужъ за чайнымъ столомъ. Люди стояли вокругъ стола, — а князя Андрея не было, и была все прежняя жизнь.

— А, вотъ она, сказала Илья Андреичъ, увидавъ вошедшую Наташу. — Ну, садись ко мнѣ. Но Наташа остановилась подлѣ матери, оглядываясь кругомъ, какъ будто она искала чего-то.

— Мама! проговорила она. — Дайте мнѣ *сю*, дайте, мама, скорѣе, скорѣе, и опять она съ трудомъ удержала рыданікъ.

Она присѣла къ столу и послушала разговоры старшихъ и Николая, который тоже пришелъ къ столу. „Боже мой, Боже мой, тѣ же лица, тѣ же разговоры, такъ же пала дeraжть чаинку и дуетъ точно такъ же!“ думала Наташа съ ужасомъ чувствуя отвращеніе, подымавшееся въ ней противъ всѣхъ домашнихъ за то, что они были все тѣ же.

Послѣ чаю Николай, Сопя и Наташа попали въ диванную, въ свой любимый уголъ, въ которомъ всегда пачинались ихъ самые задушевные разговоры.

X.

— Бываетъ съ тобой, сказала Наташа брату, когда оны усѣлись въ диваниной, — бываетъ съ тобой, что тебѣ кажется, что ничего не будетъ — ничего; что все, чтд хорошее, то было? И не то-что скучно, а грустно?

— Еще какъ! сказать онь. — У меня бывало, что все хорошо, все веселы, а мнѣ придетъ въ голову, чтд все это ужъ надоѣло и что умирать всѣмъ надо. Я разъ въ полку не пошель на гулянье, а тамъ играла музыка... и такъ мнѣ вдругъ скучно стало...

— Ахъ, я это знаю. Знаю, знаю, подхватила Наташа. — Я еще маленькая была, такъ со мной это бывало. Помнишь, разъ меня за сливы наказали, и вы все танцевали, а я сидѣла въ классной и рыдала; никогда не забуду: мнѣ и грустно было и жалко было всѣхъ, и себя и всѣхъ-всѣхъ жалко. И, главное, я не виновата была, сказала Наташа, — ты помнишь?

— Помню, сказать Николай. — Я помню, что я къ тебѣ пришель потомъ, и мнѣ хотѣлось тебя утѣшить и, знаешь, совсѣмъ было. Ужасно мы смѣшные были. У меня тогда была игрушка-боянчикъ, и я его тебѣ отдать хотѣла. — Ты помнишь?

— А помнишь ты, сказала Наташа съ задумчивою улыбкой, — какъ давпо-давно, мы еще совсѣмъ маленькие были, дяденька нась позвалъ въ кабинетъ, еще въ старомъ домѣ, а тѣмпно было — мы притли и вдругъ тамъ стоять...

— Арашъ, докончилъ Николай съ радостной улыбкой:

какъ же не помнить? И и теперь же знаю, что это былъ арапъ, или это мы во снѣ видѣли, или намъ рассказывали.

— Онь сырый былъ, помнишь, и бѣлые зубы—стоить и смотреть на насть...

— Вы помните, Соня? спросилъ Николай...

— Да, да, я тоже помню что-то, робко отвѣчала Соня...

— Я вѣдь спрашивала про этого арапа и у папа и у мама, сказала Наташа.—Они говорятъ, что никакаго арапа не было. А вѣдь вотъ ты помнишь!

— Какъ же, какъ теперь помню его зубы.

— Какъ это странно, точно во снѣ было. Я это люблю.

— А помнишь, какъ мы катали яйца въ залѣ, и вдругъ двѣ старухи, и стали по ковру вертѣться. Это было, или нѣть? Помнишь, какъ хорошо было?

— Да. А помнишь, какъ паженка въ синей шубѣ на крыльцѣ выстрѣлилъ изъ ружья. Они перебирали, улыбались съ наслажденіемъ воспоминанія, не грустнаго старческаго, а поэтическаго, юношескаго воспоминанія, тѣ впечатлѣнія изъ самаго дальн资料 прошедшаго, гдѣ словидѣніе сливается съ дѣйствительностью, и тихо смѣялись, радуясь чему-то.

Соня, какъ и всегда, отстала отъ нихъ, хотя воспоминанія ихъ были общія.

Соня не помнила многаго изъ того, что они вспоминали, а и то, что она помнила, не возбуждало въ ней того поэтическаго чувства, которое они испытывали. Она только наслаждалась ихъ радостью, стараясь поддѣлаться подъ нее.

Она приняла участіе только въ томъ, когда они вспоминали первый приездъ Сони. Соня рассказала, какъ она боялась Николая, потому что у него на курточкѣ были снурки, и ей папа сказала, что и ее въ снурки замѣтятъ.

— Да, я помню, — мѣй сказали, что ты подъ камуистою родилась, — сказала Наташа, — и помню, что я тогда не смѣяла монѣрить, но знала, что это неправда, и такъ мнѣ не ловко было.

Во время этого разговора изъ задней двери диванной высыпалась голова горничной.

— Барышни, пѣтуха прінесли, шепотомъ сказала девушка.

— Не надо, Поля, вѣли отнести, сказала Наташа.

Въ серединѣ разговоровъ, шедшихъ въ диванной, Диммлеръ вошелъ въ комнату и подошелъ къ арфѣ, стоящей въ углу. Онь снялъ сукно, и арфа издала фальшивый звукъ.

— Эдуардъ Карлычъ, сыграйте, пожалуйста, мой любимый моктюринъ москѣ Фильда, сказала голосъ старой графини изъ гостиной.

Диммлеръ взялъ аккордъ и, обратясь къ Накашѣ, Николаю и Сонѣ, сказала:

— Молодежь, какъ смирно сидѣть! — Да, мы философствуемъ, сказала Наташа, на минуту опиравшись, и продолжала разговоръ. Разговоръ шелъ теперь о сновидѣніяхъ. Диммлеръ началъ играть. Наташа неслышно, на цыпочкахъ, подошла къ столу, взяла свѣчу, вынесла ее и, вернувшись, тихо сѣла на свое мѣсто. Въ комнатѣ, особенно на диванѣ, на которомъ они сидѣли, было темно, но въ большомъ окна падалъ же полъ серебряный свѣтъ полнаго мѣсяца.

— Знаешь, я думаю, сказала Наташа шепотомъ, придвигаясь къ Николаю и Сонѣ, когда уже Диммлеръ кончилъ и все сидѣли, слабо перебирая струны, видимо въ изрѣщательности, оставилъ, или начатъ что-нибудь новое, — что когда такъ вспоминаешь, вспоминаешь, все вспоминаешь, до того

довоспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чемъ я была на свѣтѣ...»

— Это метаморфоза, сказала Соня, которая всегда хорошо училась и все помнила. — Египтяне вѣрили, что наши души были въ животныхъ и опять пойдутъ въ животныхъ.

— Нѣть, знаешь, я не вѣрю этому, чтобы мы были въ животныхъ, сказала Наташа тѣмъ же шепотомъ, хотя и музика кончилась; — а я знаю навѣрное, что мы были ангелами тамъ гдѣ-то, и вѣдь были, и отъ этого все помнить...

— Можно мнѣ присоединиться къ вамъ? сказала тихъ подошедшая Димитеръ и подсѣль къ нимъ.

— Ежели бы мы были ангелами, такъ за что же мы пали ниже? сказала Николай. — Нѣть, это не можетъ быть!

— Не ниже, что тебѣ сказали, что ниже?.. Но чѣму я зналъ, чѣмъ я была прежде, съ убѣжденіемъ возразила Наташа.

— Вѣдь душа бессмертна! стало-быть, ежели я буду жить всегда, такъ я и прежде жила, цѣлую вѣчность жила.

— Да, но трудно намъ представить вѣчность, сказала Димитеръ, который подошелъ къ молодымъ людямъ съ кроткимъ презрительной улыбкой, но теперь говорилъ такъ же тихо и серьезно, какъ и они.

— Отчего же трудно представить вѣчность, сказала Наташа? — Нынче будетъ, завтра будетъ, всегда будетъ и вчера было и третьаго дня было...

— Наташа! теперь твой чередъ. Скажи мнѣ что-нибудь, послышался голосъ графини. — Что вы услышали, точно какъ ворчили?

— Маша! мнѣ такъ не хочется, сказала Наташа, поѣхать съ тѣми ветками.

— Вѣдь мнѣ, даже и немолодому Димитеру, не хотѣлось

прерывать разговоръ и уходить изъ угла диванной, но Наташа встала, и Николай сѣлъ за клавикорды. Какъ всегда, ставъ на средину залы и выбравъ выгоднѣйшее мѣсто для резонанса, Наташа начала пѣть любимую пьесу своей матери.

Она сказала, что ей не хотѣлось пѣть, но она давно прежде, и долго послѣ не пѣла такъ, какъ она пѣла въ этотъ вечеръ. Графъ Илья Андреичъ изъ кабинета, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Митенькой, слышалъ ея пѣніе, и какъ ученикъ, торопи-щійся идти играть, доканчивая урокъ, путался въ словахъ, отдавая приказанія управляющему, и наконецъ замолчалъ, и Митенька, тоже слушая, молча съ улыбкою стоялъ предъ графомъ. Николай не спускалъ глазъ съ сестры, и вмѣстѣ съ нею переводилъ дыханіе. Софія, слушая, думала о томъ, какая громадная разница была между ею и ей другомъ, и какъ невозможно было ей хоть на сколько-нибудь быть столь обворожительной, какъ ея кузина. Старая графиня сидѣла съ счастливо-грустною улыбкою и слезами на глазахъ, изрѣдка покачивая головой. Она думала и о Наташѣ, и о своей молодости, и о томъ, какъ что-то неестественное и страшное есть въ этомъ предстоящемъ бракѣ Наташи съ кніземъ Андреемъ.

Димитръ, подсѣвъ къ графинѣ и закрывъ глаза, слушалъ.

— Нѣть, графиня, сказалъ онъ наконецъ, — это талантъ европейскій, ей учиться нечего; этой мальчишности, силы...

— Ахъ, какъ я боюсь за нее, какъ я боюсь, сказала графиня, не помня, съ кѣмъ она говоритьъ. Ея материнское чутье говорило ей, что чего-то слишкомъ много въ Наташѣ, и что отъ этого она не будетъ счастлива. Наташа не помнила еще

пѣть, какъ въ комнату подѣжалъ восторженный четырнадцатилѣтній Петя съ извѣстіемъ, что пришли ряженіе.

Наташа вдругъ остановилась.

— Дуракъ! закричала она на брата, подѣжала къ стулу, упала на него и зарыдала такъ, что долго потомъ не могла остановиться.

— Ничего, маменька, правоничего, такъ: Петя испугалъ меня, говорила она; старалась улыбаться, но слезы еще текли и всхлипыванія сдавливали горло.

Наряженные дворовые, медведи, турки, трактирщики, барыни, страшные и смѣшные, принеся съ собою холода и веселья; сначала робко жались въ передней; потомъ, прячась одинъ за другаго, вытьснялись въ залу; и сначала застѣнчиво, а потомъ все веселѣе и дружнѣе начались пѣсни, пляски, хороводы и святочныи игры. Графиня, узнавъ лица и посмѣявшись на наряженныхъ, ушла въ гостиную. Графъ Илья Андреевичъ съ сияющею улыбкой сидѣлъ въ залѣ, одобряя играющихъ. Молодежь исчезла куда-то.

Черезъ полчаса въ залѣ между другими ряженными появилась еще старая барыня въ фижмахъ — это былъ Николай. Турчанка была Петя; Наяцъ — это былъ Диммлеръ, гусаръ — Наташа и черкесъ Соня съ нарисованными пробочными усами и бровями.

Послѣ списходительного удивленія, неизнаванія и похвалъ со стороны ненаряженныхъ, молодые люди, напили, что kostюмы такъ хороши, что надо было ихъ показать еще комунибудь.

Николай, которому хотѣлось по отличной дорогѣ прокатить всѣхъ на своей тройкѣ, предложилъ, взявъ съ собой изъ дворовыхъ членовъ десять наряженныхъ,ѣхать къ дядюшкѣ.

— Нѣтъ, ну что вы его старика разстроните! сказала графиня, — да и негдѣ повернуться у него. — Ужъѣхать, такъ къ Мелюковымъ.

Мелюкова была вдова съ дѣтьми разнообразнаго возраста, также съ гувернантками и гувернерами, жившая въ четырехъ верстахъ отъ Ростовыхъ.

— Вотъ, милая, умно, подхвати расшевелившійся старый графъ. — Давай сейчасъ наряжуешь и пойду съ вами. Ужъ я Пашету расшевелю.

Но графиня не согласилась отпустить графа: у него все эти дни болѣла нога. Рѣшили, что Илья Андреевичъѣхать нельзя, а что ежели Луиза Ивановна (мадамъ Шоссѣ) воѣдетъ, то барышнямъ можноѣхать къ Мелюковой. Соня всегда робкая и застѣничная, настоятельнѣе всѣхъ стала упрашивать Луизу Ивановну не отказать имъ.

Парядъ Сони былъ лучше всѣхъ. Ея усы и брови необыкновенно шли къ ней. Всѣ говорили ей, что она очень хороша, и она находилась въ несвойственномъ ей оживленно-блескическомъ настроении. Какой-то внутренній голосъ говорилъ ей, что нынче или никогда рѣшится ея судьба, и она въ своемъ мужскомъ платьѣ казалась совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Луиза Ивановна согласилась, и черезъ полчаса четыре тройки съ колокольчиками и бубенчиками, визжа и свистя подрѣзали по морозному снѣгу, подѣхали къ крѣмъцу.

Наташа первая дала тонъ святочнаго веселья, и это веселье, отражаясь отъ одного къ другому, все болѣе и болѣе усиливалось и дошло до высшей степени въ то время, когда всѣ вышли на морозъ и, переговариваясь, перекликались, смигались и кричали, разсѣлись въ сани.

Дѣй тройки были разгонныя, третья тройка старого графа

съ орловскимъ рысакомъ въ корню; четвертая собственная Николая съ его низенькимъ, воронымъ, косматымъ коренникомъ. Николай въ своемъ старушечьемъ нарядѣ, на который онъ надѣлъ гусарскій подпоясанный плащъ, стоялъ въ серединѣ своихъ саней, подобравъ возжи.

Было такъ свѣтло, что онъ видѣлъ отблескивающіе на мѣсячномъ свѣтѣ бляхи и глаза лошадей, испуганно оглядывавшихся на сѣдоковъ, шумѣвшихъ подъ темными навѣсомъ подъѣзда.

Въ сани Николая сѣли Наташа, Соня, мадамъ Шоссе и двѣ дѣвушки. Въ сани стараго графа сѣли Диммлеръ съ женой и Петя; въ остальны разсѣлись наряженные дворовые.

— Пошелъ впередъ, Захаръ! крикнулъ Николай кучеру отца, чтобы пимѣть случай перегнать его на дорогѣ.

Тройка стараго графа, въ которую сѣлъ Диммлеръ и другие раженные, вижа по зозьями, какъ будто примерзая къ снѣгу и любракивая густымъ колокольцомъ, тронулась впередъ. Пристяжны жались на оглобли и увязали, выворачивая какъ сахаръ крѣпкій и блестящій снѣгъ.

Николай тронулся за первую тройкой; сзади зашумѣли и завизжали остальные. Сначала ѿхали маленькою рысью по узкой дорогѣ. Пока ѿхали мимо сада, тѣни отъ оголенныхъ деревьевъ ложились часто поперекъ дороги и скрывали яркий свѣтъ луны; не какъ только выѣхали за ограду, алмазно-блестящая, съ сизымъ отблескомъ, спѣжная равнина, вся облитая мѣсячнымъ сіяніемъ и неподвижная, открылась со всѣхъ сторонъ. Разъ-разъ толкнуль ухабъ въ переднихъ саняхъ; точно же толкнуло слѣдующія сани и слѣдующія, и дерзко нарушая закованную тишину, однѣ за другими стали растягиваться сани.

— Слѣдъ заячій, много слѣдовъ! прозвучалъ въ морозномъ скованномъ воздухѣ голосъ Наташи.

— Какъ видно, Николенька, сказалаъ голосъ Сони.

Николай оглянулся на Соню и пригнулся, чтобы ближе разсмотрѣть ея лицо. Какое-то совсѣмъ новое, милое лицо, съ черными бровями и усами, въ лунномъ свѣтѣ, близко и далеко, выглядывало изъ соболей.

„Это прежде была Соня“, подумалъ Николай. Онъ ближе взглянулъ въ нее и улыбнулся.

— Вы что, Николенька?

— Ничего, сказалаъ онъ и повернулся опять къ лошадямъ.

Выѣхавъ на торную, большую дорогу, примасленную полозьями и всю изѣчевшую слѣдами шиной, видными въ свѣтѣ мѣсяца, лошади сами собой стали натягивать вожжи и прибавлять ходу. Лѣвая пристяжная, загнувъ голову, прыжками подергивала свои постремки. Кореннай раскачивался, новода ушами, какъ будто спрашивая: „начинать или рано еще?“ Впереди уже далеко отдѣлившись и звеня удаляющимся густымъ колокольцомъ, ясно виднѣлась на бѣломъ снѣгу черная тройка Захара. Слышины были изъ его саней покривливанье и хохотъ и голоса наряженныхъ.

— Ну ли вы, разлюбезные! крикнулъ Николай, съ одной стороны подергивая вожжу и отводя съ кнутомъ руку. И только по усилившемуся какъ будто навстрѣчу вѣтру, и по подергиванию натягивающихъ и все прибавляющихъ скоку пристяжныхъ, замѣтило было, какъшибко полетѣла тройка. Николай оглянулся назадъ. Съ крикомъ и визгомъ, махая кнутами и заставляя скакать коренныхъ, поспѣвали другія тройки. Кореннай стойко поколыхивался подъ дугой, не думал сбивать и обѣщалъ еще и еще наддатъ, когда понадобится.

Николай догналъ первую тройку. Они сѣхали съ какой-то горы, вѣхали на широко-развѣженную дорогу по лугу около рѣки.

„Гдѣ это мы ѿдѣмъ?“ подумалъ Николай. — „По Косому лугу должно быть. Но жѣть, это что-то новое, чего я никогда не видалъ. Это не Косой лугъ и не Демкина гора, а это Богъ знаетъ что такое? Это что-то новое и волшебное. Ну, что бы тамъ ни было?“ И онъ, крикнувъ на лошадей, сталъ объѣзжать первую тройку.

Захаръ сдержанъ лошадей и оберпулъ свое уже обѣинденѣвшее до бровей лицо.

Николай пустилъ своихъ лошадей; Захаръ, вытянувъ впередъ руки, чмоинулъ и пустилъ своихъ.

— Ну, держись, баринъ, проговорилъ онъ. — Еще быстрѣе рядомъ полетѣли тройки, и быстро перемѣнялись поги скакущихъ лошадей. Николай сталъ забирать впередъ. Захаръ, не перемѣня положенія вытянутыхъ рукъ, приподнялъ одну руку съ возможами.

— Врешь, баринъ, прокричалъ онъ Николаю. Николай на скокъ пустилъ всѣхъ лошадей и перегналъ Захара. Лошади засыпали мелкимъ, сухимъ снѣгомъ лица сѣдоковъ, рядомъ съ ними звучали частые переборы и шатались быстро движущіяся поги и тѣни перегоняемой тройки. Свистъ по-лозьевъ по снѣгу, женскіе взвизги слышались съ разныхъ сторонъ.

Опять остановивъ лошадей, Николай оглянулся кругомъ себя. Кругомъ была все та же пропитанная насквозь луннымъ свѣтомъ волшебная равнина съ разсыпанными по ней звѣздами.

„Захаръ кричитъ, чтобы я взялъ палѣво; а зачѣмъ на

— Слѣдъ заячій, много слѣдовъ! прозвучалъ въ морозномъ скованномъ воздухѣ голосъ Наташи.

— Какъ видно, Николенъка, сказалъ голосъ Сони.

Николай оглянулся на Соню и пригнулся, чтобы ближе разсмотрѣть ея лицо. Какое-то совсѣмъ новое, милое лицо, съ черными бровями и усами, въ лунномъ свѣтѣ, близко и далеко, выглядывало изъ соболей.

„Это прежде была Соня“, подумалъ Николай. Онъ ближе взглянулъ въ нее и улыбнулся.

— Вы чѣмъ, Николенъка?

— Ничего, сказалъ онъ и повернулся опять къ лошадямъ.

Выѣхавъ на торную, большую дорогу, примасленную полозьями и всю изѣченную слѣдами шиной, видными въ свѣтѣ мѣсяца, лошади сами собой стали натягивать вовжи и прибавлять ходу. Лѣвая пристяжная, загнувъ голову, прыжками подергивала свои постремки. Кореннай раскачивался, човода ушами, какъ будто спрашивая: „начинать или рано еще?“ Впереди уже далеко отдѣлившись и звеня удаляющимся густымъ колокольцомъ, ясно виднѣлась на бѣломъ скѣту черная тройка Захара. Слышны были изъ его саней покрикиванье и хохотъ и голоса паряженныхъ.

— Ну ли вы, разлюбезные! крикнулъ Николай, съ одной стороны подергивая возжу и отводя съ кнутомъ руку. И только по усилившемуся какъ будто навстрѣчу вѣтру, и по подергиванию натягивающихъ и все прибавляющихъ скоку пристяжныхъ, замѣтно было, какъ шибко полетѣла тройка. Николай оглянулся назадъ. Съ крикомъ и визгомъ, пахая кнутами и заставляя скакать коренныхъ, поспѣвали другія тройки. Кореннай стойко поколыхивался подъ дугой, не думая сбивать и обѣщаю еще и еще наддатъ, когда понадобится.

Николай догналъ первую тройку. Они съѣхали съ какой-то горы, въѣхали на широко-развѣженную дорогу по лугу около рѣки.

„Гдѣ это мы ѿдемъ?“ подумалъ Николай. — „По Косому лугу должно быть. Но иѣть, это что-то новое, чего я никогда не видалъ. Это не Косой лугъ и не Демкина гора, а это Богъ знаетъ что такое? Это что-то новое и волшебное. Ну, что бы тамъ ни было?“ И онъ, крикнувъ на лошадей, сталъ объѣзжать первую тройку.

Захаръ сдержанъ лошадей и обернувшись свое уже обѣиндевшее до бровей лицо.

Николай пустилъ своихъ лошадей; Захаръ, вытянувъ впередъ руки, чмокнулъ и пустилъ своихъ.

— Ну, держись, баринъ, проговорилъ онъ. — Еще быстрѣе рядомъ полетѣли тройки, и быстро перемѣнялись поги скакущихъ лошадей. Николай сталъ забирать впередъ. Захаръ, не перемѣняя положенія вытянутыхъ рукъ, приподнялъ одну руку съ вожжами.

— Врешь, баринъ, прокричалъ онъ Николаю. Николай скокъ пустилъ всѣхъ лошадей и перегналъ Захара. Лошади засыпали мелкимъ, сухимъ снѣгомъ лица сѣдоковъ, рядомъ съ ними звучали частые переборы и путались быстро движущіяся поги и тѣни перегоняемой тройки. Свистъ позывевъ по снѣгу, жепскіе взвизги слышались съ разныхъ сторонъ.

Онъ остановивъ лошадей, Николай оглянулся кругомъ себя. Кругомъ была все та же пропитанная насквозь лупынъ сѣтью волшебная равнина съ разсыпанными по ней звѣздами.

„Захаръ кричть, чтобы я взялъ налѣво; а заѣхть на

лько? думалъ Николай. Развѣ мы къ Мелюковымъ ѳдемъ, развѣ это Мелюковка? Мы Богъ знаѣтъ гдѣ ѳдемъ, и Богъ знаѣтъ что съ нами дѣлается — и очень странно и хорошо то, что съ нами дѣлается“. Онъ оглянулся въ сани.

— Посмотри, у него и усы и рѣсицы все бѣлые, сказаѣ одинъ изъ сидѣвшихъ странныхъ, хорошенъкихъ и чужихъ людей съ тонкими усами и бровями.

„Этотъ, кажется, была Наташа, подумаѣ Николай, а это мадамъ Шоссъ, а можетъ быть и иѣтъ; а этотъ черкесъ съ усами не знаю кто, но я люблю ее“.

— Не холодно ли вамъ? спросилъ онъ. Онъ не отвѣчали и засмѣялись. Диммлеръ изъ заднихъ саней что-то кричалъ, вѣроятно смѣшное, но нельзя было разслышать, что онъ кричалъ.

— Да, да, смѣясь, отвѣчали голоса.

Однако вотъ какой-то волшебный лѣсъ съ переливающимися черными тѣпами и блестками алмазовъ и съ какою-то апфиладой мраморныхъ ступеней, и какія-то серебряные крыши волшебныхъ зданій, и пронзительный визгъ какихъ-то звѣрей. „А ежели и въ самомъ дѣлѣ это Мелюковка, то еще страннѣе то, что мы ѡхали Богъ знаѣтъ гдѣ и прїѣхали въ Мелюковку, думалъ Николай.

Дѣйствительно это была Милюковка, и на подъѣздѣ выѣждали дѣвки и лакеи со свѣчами и радостными лицами.

— Кто такой? спрашивали съ подъѣзда.

— Графскіе наряженные, по лошадямъ вижу, отвѣчали голоса.

XI.

Пелагея Даниловна Мелюкова, широкая, энергическая женщина, въ очкахъ и распашномъ капотѣ, сидѣла въ го-

ствной, окруженнаго дочерьми, которымъ она старалась не дать скучать. Онѣ тихо лили воскъ и смотрѣли на тѣни выхodившихъ фігуръ, когда зашумѣли въ передней шаги и голоса пріѣзжихъ.

Гусары, барыни, вѣдьмы, паяцы, медвѣди, прокашливаясь и обтирая занедѣвѣвшія отъ мороза лица въ передней, вошли въ залу, гдѣ поспѣшно зажигали свѣчи. Паяцъ — Диммлеръ съ барыней — Николаемъ открыли пляску. Окруженные кричащими дѣтьми, ряженые, закрывая лица и мѣняя голоса, раскланивались предъ хозяйкой и разставливались по комнатѣ.

— Ахъ, узнать нельзя! А Наташа-то! Посмотрите на кого она похожа! И право, напоминаетъ кого-то. Эдуардъ-то Карлычъ какъ хороощъ! Я не узнала. Да какъ танцуетъ! Ахъ, батюшки, и черкесь какой-то, право, какъ идетъ Сонюшкѣ. Это еще кто? Ну утѣшили! Столы-то примите, Никита, Ваня. А мы такъ тихо сидѣли!

— Ха-ха-ха!... Гусарь-то, гусарь-то! Точно мальчикъ, и ноги!... Я видѣть не могу... слышались голоса.

Наташа, любимица молодыхъ Мелюковыхъ, съ ними вмѣстѣ исчезла въ заднія комнаты, куда была потребована пробка и разные халаты и мужскія платья, которыя въ растворенную дверь принимали отъ лакея оголенныя, дѣвичьи руки. Черезъ десять минутъ вся молодежь семейства Мелюковыхъ присоединилась къ ряженымъ.

Нелагая Даниловна, распорядившись очисткой мѣста для гостей и угощеніями для господъ и дворовыхъ, не снимая очковъ, съ сдержанною улыбкой, ходила между ряжеными, близко глядя имъ въ лица и никого не узнавая. Она не знала не только Ростовыхъ и Диммлера, но и никакъ не могла

узнать ни своихъ дочерей, ни тѣхъ мужинныхъ халатовъ и мундировъ, которые были на нихъ.

— А это чьи такая? говорила она, обращаясь къ своей гувернанткѣ и гляди въ лицо своей дочери, представлявшей казанского татарина. — Кажется, изъ Ростовыхъ кто-то. Ну а вы, господинъ гусарь, въ какомъ полку служете? спрашивала она Наташу. — Туркѣ-то, туркѣ пастилы подай, говорила она обносявшему буфетчику: — это ихъ закономъ не запрещено.

Поногда гляди на страшныя, но смѣшныя пѣ, которыхъ выдѣлывали танцующіе, рѣшивши разъ навсегда, что они выраженные, что никто ихъ не узнаеть и потому не конфузившиеся, — Нелаген Даниловна закрывалась платкомъ, и все тучное тѣло ея тряслось отъ неудержимаго, доброго, старушечьяго смѣха.

— Сашинетъ-то моя, Сашинетъ-то! говорила она.

Послѣ русскихъ плясокъ и хороводовъ, Нелаген Даниловна соединила всѣхъ дворовыхъ и господъ вмѣстѣ, въ одинъ большой кругъ; принесли колыцо, веревочку и рѣбликъ, и устроились общія игры.

Черезъ часъ всѣ костюмы измались и разстроились. Пробочные усы и брови размазались по всѣотвѣшимъ, разгорѣвшимся и веселымъ лицамъ. Нелаген Даниловна стала узнавать роженыхъ, восхищалась тѣмъ, какъ хорошо были сдѣланы костюмы, какъ шли они особенно въ барышнями, и благодарила всѣхъ за то, что такъ повеселили ее. Гости позвали ужинать въ гостиную, а въ залѣ распоридились угоженiemъ дворовыхъ.

— Нѣть, въ байѣ гадать, вотъ это страшно! говорила за ужиномъ старая дѣвушка, жившая у Мелюковыхъ.

- Отчего же? спросила старшая дочь Мелюковых.
- Да не пойдете, тутъ надо храбрость...
- Я пойду, сказала Соня.
- Расскажите, какъ это было съ барышней? сказала вторая Мелюкова.
- Да вотъ такъ-то; пошла одна барышня, сказала старая девушка, — взяла пѣтуха, два прибора — какъ слѣдуетъ, сѣла. Но сидѣла, только слышать вдругъ, Ѳдетъ... съ колокольцами, съ бубенцами подъѣхали сани; слышать, идетъ. Входить, совсѣмъ въ образъ человѣческомъ, какъ есть офицеръ, пришелъ и сѣлъ съ ней за приборъ.
- А! А!.. закричала Наташа, съ ужасомъ вскатывая глаза.
- Да какъ же онъ, такъ и говорить?
- Да, какъ человѣкъ, все какъ должно быть, и сталь уговаривать, а ей бы надо занять его разговоромъ до пѣтуховъ; а она заробѣла; — только заробѣла и закрылась руками. Онъ ее и подхватилъ. Хорошо, что тутъ дѣвушки прибѣжали...
- Ну, что пугать ихъ! сказала Пелагея Даниловна.
- Мамаша, вѣдь вы сами гадали... сказала дочь.
- А какъ это въ амбарѣ гадаютъ? спросила Соня.
- Да вотъ хоть бы теперь, пойдуть къ амбарам да и слушаютъ. Чѣмъ услышите: заколачиваетъ, стучитъ — дурно, а пересыпаетъ хлѣбъ — это къ добру; а то бываетъ...
- Мама, расскажите, что съ вами было въ амбарѣ?
- Пелагея Даниловна улыбнулась.
- Да что, я ужъ забыла... сказала она. — Вѣдь вы никто не пойдете?
- Нѣть, я пойду; Пелагея Даниловна, пустите меня, я пойду, сказала Соня.

— Ну что ж, коли же бояться? —
— Луиза Ивановна, можно мнѣ? спросила Соня.

Играли ли въ колечко, въ веревочку или рубльки, разгадывали ли какъ тещеръ, Николай не отходилъ отъ Сони и совсѣмъ новыми глазами смотрѣлъ на нее. Ему казалось, что она, мыслью только въ первыи разъ, благодаря этимъ пребоочнымъ усамъ, вполнѣ узнала ее. Соня действительно этоѣ дочерѣ была весела, оживлена и хороша, какою никогда еще не видала еї Наташа.

— Такъ, вотъ она какая, а я то дуракъ! — думалъ онъ, глядя на ея блестящіе глаза и счастливую, восторженную, юношескую, усмѣхнущую ямочки на щекахъ, улыбку, которой онъ не видалъ прежде.

— Я ничего не боюсь, — сказала Соня. — Можна сейчасъ? Она встала. Соня рассказали гдѣ амбаръ, какъ ей молча стоять и слушать, и подали ей шубку. Она накинула себѣ на голову, и взглянула на Николая.

— Что за прелесть эта девочка! — подумалъ онъ. — И о чёмъ я думалъ до сихъ поръ?

Соня вышла въ коридоръ, чтобы идти въ амбаръ. Николай послѣдній дошелъ на парадное крыльцо, говоря, что ему жарко. Дѣйствительно въ домѣ было душно отъ стоявшаго народа.

На дворѣ, тотъ же неподвижный холодъ, тотъ же мѣсяцъ, только было еще свѣтлѣе. Свѣтъ былъ такъ силенъ и звѣздъ на сиѣгѣ было такъ много, что на небѣ не хотѣлось смотрѣть, и настоющихъ звѣздъ было незамѣтно. На небѣ было черно и скучно, на землѣ было весело.

— Дуракъ я, дурачъ! Него ждалъ до сихъ поръ? — подумалъ Николай и, сбѣжалъ на крыльцо, онъ обопѣль уголь дома

по той тропинкѣ, которая вела къ заднему крыльцу. Онь зпалъ, что здѣсь пойдетъ Соня! На половинѣ дороги стояли сложенные сажени дровъ, на нихъ былъ снѣгъ, отъ нихъ падала тѣнь; черезъ нихъ и себоку иѣтъ, переплетающейся, падали тѣни старыхъ, голыхъ липъ на снѣгъ и дорожку! Дорожка вела къ амбару. Рубленная стѣна амбара и крыша, покрытая снѣгомъ, какъ высѣченныя изъ какого-то драгоценного камня, блестѣли въ мѣсячномъ свѣтѣ. Въ саду трепетало дерево, и бѣять все совершило затѣхло! Грудь, казалось, дышала не воздухомъ, а какою-то вѣчно-молодою силой и радостью. Былъ ярко-блѣднѣй, а снѣгъ-желтѣй.

Съ дѣвичьего крыльца застучали ноги по ступенямъ, скрипнуло званко на послѣдней, на которую былъ напесенъ снѣгъ, и голосъ старой дѣвушки сказалъ:

„Прямо-прямо, вѣтъ по дорожкѣ, барышня! Толькѣ не оглядываться!“

Я не боюсь, отвѣчала голосъ Сони, и по дорожкѣ, по направлѣнію къ Николаю, засижали, засвистѣли въ тоеніе кихъ башмачкахъ ножки Сони.

Соня шла закутавшись въ шубку. Она была уже вѣдь двѣхъ шагахъ, когда увидала его; она увидала его тоже не такъ, какимъ она знала и какого всегда немножко боялась! Онь былъ въ женскомъ платьѣ съ спутанными волосами и еѣ счастливой и новою для Сони улыбкой. Соня быстро подбѣжала къ нему.

„Совсѣмъ другая, и все та же“, думалъ Николай, глядя на ея лицо; все осѣщенное луннымъ свѣтомъ. Онь профѣль руки подъ шубку, прикрывавшую ея голову, обнялъ, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ въ губы, надѣ котоրыми были усы и отъ которыхъ пахло жженой пробкой. Соня въ сѣмью „серѣ“

дину губъ подъловала его, и выпроставъ маленькия рука, съ обѣихъ сторонъ взяла его за щеки.

— Соня!... Николенька!... только сказали они. Они подѣжали къ амбару и вернулись назадъ каждый съ своего крыльца.

XII.

Когда всѣ поѣхали назадъ отъ Нелагем Даниловны, Наташа, всегда все видѣвшая и замѣчавшая, устроила такъ размѣщеніе, что Луиза Ивановна и она сѣли въ сани съ Димитеромъ, а Соня сѣла съ Николаемъ и лѣвушиками.

Николай, уже не перегоняясь, ровно вѣхалъ въ обратный путь, и все вглядываясь въ этомъ странномъ дуномъ свѣтѣ въ Соню, отыскивалъ при этомъ перемѣщающемся все свѣтѣ, изъ-подъ бровей и усовъ, свою ту прежнюю и теперешнюю Соню, съ которой онъ рѣшилъ уже никогда не разлучаться. Онъ вглядывался, и когда узнавалъ все ту же и другую и вспоминалъ слышавъ эту залахъ пробки, смѣшанный съ чувствомъ поцѣлуя, онъ полною грудью вдыхалъ въ себя морозный воздухъ и, глядя на уходящую землю и блестящее небо, онъ чувствовалъ себя опять въ волшебномъ царствѣ.

— Соня, тебѣ хорошо? изрѣдка спрашивалъ онъ.

— Да, отвѣчала Соня. — А тебѣ?

На серединѣ дороги Николай далъ подержать лошадей кучеру, на минутку подѣжалъ къ санямъ Наташи и сталъ на отводъ.

— Наташа, сказалъ онъ ей шепотомъ по-французски, — знаешь, я рѣшился насчетъ Сони.

— Ты ей сказалъ? спросила Наташа, вся вдругъ просіявъ отъ радости.

— Ахъ, какая ты странная съ этими усами и бровями. Наташа! Ты рада?

— Я такъ рада, такъ рада! Я ужъ сердилась на тебя. Я тебѣ не говорила, но ты дурно съ ней поступалъ. Это такое сердце, Николенька, какъ я рада! Я бывало гадкая, но мнѣ совѣстно было быть одной счастливою бѣзъ Сони, продолжала Наташа.— Теперь я такъ рада, ну, бѣги къ ней.

— Нѣтъ, цѣстой, ахъ, какая ты смѣшная! сказалъ Николай, всматриваясь въ нее, и въ сестрѣ тоже находилъ что-то човѣческое, необыкновенное и обворожительно-нѣжное, чего онъ прежде не видѣлъ въ ней.— Наташа, что-то волшебное. А?

— Да, отвѣчала она,— ты прекрасно сдѣлалъ.

„Если-бѣ я прежде видѣлъ ее такою, какою она теперь, думалъ Николай, я бы давно спросилъ, что сдѣлать бы все, чтобъ бы она ни велѣла, и все бы было хорошо“.

— Такъ ты рада, и я хорошо сдѣлалъ?

— Ахъ, такъ хорошо! Я недавно съ мамашей поссорилась за это. Мама сказала, что она тебя ловитъ. Какъ это можно говорить! Я съ мама чуть не побранилась. И никому никогда не позволю ничего дурнаго про нее сказать и подумать, потому что въ ней одно хорошее.

— Такъ хорошо? сказалъ Николай, еще разъ выслушивая выраженіе лица сестры, чтобы узнать, и правда ли это, и скрипя сапогами, онъ соскочилъ съ отвода и побѣжалъ къ своимъ санямъ. Все тотъ же счастливый, улыбающійся черкесъ, съ усиками и блестящими глазами, смотрѣвшій изъ-подъ соболяго капора, сидѣлъ тамъ, и этотъ черкесъ былъ Соня, и эта Соня была павѣрное его будущая, счастливая и любящая жена.

Приѣхавъ домой и рассказавъ матери о томъ, какъ новая Война и миръ. Т. II.

проводи время у Мелюковыхъ, барышни ушли къ себѣ. Раздѣвши, но не стирал пробочныхъ усовъ, онѣ долго сидѣли, разговаривали о своемъ счастьи. Они говорили о томъ, какъ они будутъ жить замужемъ, какъ ихъ мужья будутъ дружны и какъ они будутъ счастливы. На Наташиномъ столѣ стояли спасъ съ вечера приготовленные Дуняшой зеркала.

— Только когда все это будетъ? Я боюсь, что никогда... Это было бы слишкомъ хорошо! сказала Наташа, вставая и подходя къ зеркаламъ.

— Садись, Наташа, можетъ-быть ты увидишь его, сказала Соня. Наташа зажгла свѣчи и сѣла.

— Какого то съ усами вижу, сказала Наташа, видѣвшая свое лицо.

— Не надо смѣяться, барышня, сказала Дуняша.

Наташа напила съ помоцью Сони и горничной положеніе зеркалу; лицо ея приняло серьезное выраженіе, и она замолкла. Долго она сидѣла, глядя на рядъ уходящихъ свѣчей въ зеркалахъ, предполагая (соображаясь съ слышанными рассказами) то, что она увидитъ гробъ, то, что увидитъ ею, князя Андрея, въ этомъ послѣднемъ, сливающемся, смутномъ квадратѣ. Но какъ ни готова она была привыкнуть малѣйшему пятно за образъ человѣка или гроба, она ничего не видела. Она часто стала мигать и отошла отъ зеркала.

— Отчего другое видѣть, а я ничего не вижу? сказала она. — Ну, садись ты, Соня; вытише непрѣжно тебѣ надо, сказала она. — Только за меня... Мне такъ страшно нынче!

Соня сѣла за зеркало, устроила положеніе, и стала смотрѣть.

— Вотъ Софья Александровна пепремѣнно увидѣть, шепотомъ сказала Дуняша; — а вы все смѣетесь.

Соня слышала эти слова, и слышала, какъ Наташа шепотомъ сказала:

— И я знаю, что она увидѣть; она и прошлаго года видѣла.

Минуты три всѣ молчали.

— Непремѣнно! прощентала Наташа и не докончила... Вдругъ Соня отсторонила то зеркало, которое она держала, и закрыла глаза рукой.

— Ахъ, Наташа! сказала она.

— Видѣла? Видѣла? Чѣмъ видѣла? вскрикнула Наташа, поддерживая зеркало.

Соня ничего не видала, она только что хотѣла замигать глазами и встать, когда услыхала голосъ Наташи, сказавшей „непремѣнно“... Ей не хотѣлось обмануть ни Дуняшу, ни Наташу, и тяжело было сидѣть. Она сама не знала, какъ и вслѣдствіе чего у нея вырвался крикъ, когда она закрыла глаза рукою.

— Его видѣла? спросила Наташа, хватая ее за руку.

— Да. Постой... я... видѣла его, невольно сказала Соня, еще не зная, кого разумѣла Наташа подъ словомъ *ею*: *ею* — Николай или *ею* — Андрея.

„Но отчего же мнѣ не сказать, что я видѣла? Вѣдь видѣть же другія! И кто же можетъ уличить меня въ томъ, что я видѣла или не видала?“ мелькнуло въ головѣ Сони.

— Да, я его видѣла, сказала она.

— Какъ же? Какъ же? Стоять или лежить?

— Нѣть, я видѣла...

— То ничего не было, вдругъ вижу, что онъ лежитъ.

— Андрей лежитъ? Онъ боленъ? испуганно остановивши мись глазами гляди на подругу, спрашивала Наташа.

— Нѣть, напротивъ, — напротивъ, веселое лицо, и онъ

льво? думалъ Николай. Развѣ мы къ Мелюковымъ ѿдемъ, развѣ это Мелюковка? Мы Богъ знаетъ гдѣ ѿдемъ, и Богъ знаетъ что съ нами дѣлается — и очень странно и хорошо то, что съ нами дѣлается". Онъ оглянулся въ сани.

— Посмотри, у него и усы и рѣчицы все бѣлое, сказаль одинъ изъ сидѣвшихъ странныхъ, хорошенъкихъ и чужихъ людей съ тонкими усами и бровями.

„Этотъ, кажется, была Наташа, подумалъ Николай, а это мадамъ Шоссъ, а можетъ быть и кѣть; а этотъ черкесь съ усами не знаю кто, но я люблю ее".

— Не холодно ли вамъ? спросилъ онъ. Онъ не отвѣчали и засмѣялись. Димитръ изъ заднихъ саней что-то кричалъ, вѣроятно смѣшное, по нельзя было разслышать, что онъ кричалъ.

— Да, да, смѣясь, отвѣчали голоса.

Однако вотъ какой-то волшебный лѣсъ съ переливающимися черными тѣнами и блестками алмазовъ и съ какою-то апфиладой мраморныхъ ступеней, и какія-то серебряные крыши волшебныхъ зданій, и пронзительный визгъ какихъ-то звѣрей. „А ежели и въ самомъ дѣлѣ это Мелюковка, то еще страннѣе то, что мы ѿхали Богъ знаетъ гдѣ и прїѣхали въ Мелюковку, думалъ Николай.

Дѣйствительно это была Мелюковка, и на подъѣздѣ выѣжали дѣвки и лакеи со свѣчами и радостными лицами.

— Кто такой? спрашивали съ подъѣзда.

— Графскіе наряженные, по лошадямъ внизу, отвѣчали голоса.

XI.

Пелагея Даипловна Мелюкова, широкая, энергическая женщина, въ очкахъ и распашномъ капотѣ, сидѣла въ го-

стиной, окруженнай дочерьми, которымъ она старалась не дать скучать. Онъ тихо лили воскъ и смотрѣли на тѣни выходившихъ фигуръ, когда зашумѣли въ передней шаги и голоса пріѣзжихъ.

Гусары, барыни, вѣдьмы, паяцы, медвѣди, прокапливавшись и обтирая занедевѣвшія отъ мороза лица въ передней, вошли въ залу, гдѣ поспѣшно зажигали свѣчи. Паяцъ — Диммлеръ съ барыней — Николаемъ открыли пляску. Окруженные кричащими дѣтьми, ряженые, закрывая лица и мѣняя голоса, раскланивались предъ хозяйкой и разставливались по комнатѣ.

— Ахъ, узнать нельзя! А Наташа-то! Посмотрите на кого она похожа! И право, напоминаетъ кого-то. Эдуардъ-то Карловичъ какъ хорошъ! Я не узнала. Да какъ танцуетъ! Ахъ, батюшки, и черкесь какой-то, право, какъ идетъ Сонюшкѣ. Это еще кто? Ну утѣшили! Столы-то примите, Никита, Ваня. А мы такъ тихо сидѣли!

— Ха-ха-ха!... Гусарь-то, гусарь-то! Точно мальчикъ, и ноги!.. Я видѣть не могу... слышались голоса.

Наташа, любимица молодыхъ Мелюковыхъ, съ ними вмѣстѣ исчезла въ заднія комнаты, куда была потребована пробка и разные халаты и мужскія платья, которыя въ растворенную дверь приводили отъ лакея оголенныя, дѣвичьи руки. Черезъ десять минутъ вся молодежь семейства Мелюковыхъ присоединилась къ ряженымъ.

Целаго Данилова, распорядившись очисткой мѣста для гостей и угощеніями для господъ и дворовыхъ, не снимал очковъ, съ сдерживаемою улыбкой, ходила между ряжеными, близко глядя имъ въ лица и никого не узнавая. Она не узнавала не только Ростовыхъ и Диммлера, но и никакъ не могла

узнать ни своихъ дочерей, ни тѣхъ мужинныхъ халатовъ и мундировъ, которые были на нихъ.

— А это чьи такая? говорила она, обращаясь къ своей гувернанткѣ и гляди въ лицо своей дочери, представившей казанского татарина. — Кажется, изъ Ростовихъ кто-то. Ну а вы, господинъ гусарь, въ какомъ полку служете? спрашивала она Паташу. — Туркѣ-то, туркѣ пастилы подай, говорила она обносившему буфетчику: — это ихъ закономъ не запрещено.

Иногда глядя на странныя, но смѣшныя пѣ, которыя выдѣлывали танцующіе, рѣшивши разъ навсегда, что они наряженные, что никто ихъ не узнаетъ и потому не конфузившися, — Нелагея Даниловна закрывалась платкомъ, и все тучное тѣло ея тряслось отъ неудержимаго, доброго, старушечьяго смѣха.

— Сашинецъ-то моя, Сашинецъ-то! говорила она.

Послѣ русскихъ плясокъ и хороводовъ, Нелагея Даниловна соединила всѣхъ дворовыхъ и господъ виѣстѣ, въ одинъ большой кругъ; принесли кольцо, веревочки и рѣбликъ, и устроились общія игры.

Черезъ часъ всѣ костюмы измаялись и разстроились. Пробочные усы и брови размазались по всѣотвѣтимъ; разгорѣвшимся и веселымъ лицамъ. Нелагея Даниловна стала узнавать роженыхъ, восхищалась тѣмъ, какъ хорошо были сдѣланы костюмы, какъ шли они особенно въ барышняхъ; и благодарила всѣхъ за то, что такъ повеселили ее. Гостей позвали ужинать въ гостиную, а въ залѣ распорядились угоженiemъ дворовыхъ.

— Нѣть, въ байѣ гадать, вотъ это странно! говорила за ужиномъ старая дѣвушка, жившая у Мелюковыхъ.

- Отчего же? спросила старшая дочь Мелюковых.
- Да не пойдете, тут надо храбрость...
- Я пойду, сказала Соня.
- Расскажите, какъ это было съ барышней? сказала вторая Мелюкова.
- Да вотъ такъ-то, помнитъ одна барышня, сказала старая дѣвушка, — взяла пѣтуха, два прибора — какъ слѣдуетъ, сѣла. Посидѣла, только слышать вдругъ, Ѳдетъ... съ колокольцами, съ бубенцами подѣхали сани; слышить, идетъ. Входить, совсѣмъ въ образъ человѣческомъ, какъ есть офицеръ, принцель и сѣлъ съ ней за приборъ.
- А! А!.. закричала Наташа, съ ужасомъ вскатывая глаза.
- Да какъ же онъ, такъ и говорить?
- Да, какъ человѣкъ, все какъ должно быть, и сталь утюгивать; а ей бы надо занять его разговоромъ до пѣтуховъ; а она заробѣла; — только заробѣла и закрылась руками. Онъ ее и подхватилъ. Хорошо, что тутъ дѣвушки прибѣжали...
- Ну, что пугать ихъ! сказала Пелагея Даниловна.
- Мамаша, вѣдь вы сами гадали... сказала дочь.
- А какъ это въ амбарѣ гадаютъ? спросила Соня.
- Да вотъ хоть бы теперь, пойдуть къ амбарам да и слушаютъ. Чѣмъ услышите: заколачивается, стучить — дурно, а пересыпаетъ хлѣбъ — это къ добру; а то бываетъ...
- Мама, расскажите, что съ вами было въ амбарѣ?
- Пелагея Даниловна улыбнулась.
- Да что, я ужъ забыла... сказала она. — Вѣдь вы никто не пойдете?
- Нѣть, я пойду; Иелагея Даниловна, пустите меня, я пойду, сказала Соня.

— Ну что жъ, коли же бояться? спросила Соня.

— Луиза Ивановна, можно мнѣ? спросила Семя.

Играли ли въ колечко, въ веревочку или рубльки разгадывали ли какъ тещеръ, Николай да отходилъ отъ Сони, и совсѣмъ новыми глазами смотрѣлъ на нее. Ему казалось, что она, дѣйствительно, только въ первый разъ, благодаря этимъ пребоочнымъ усамъ, вполнѣ узнать ее. Соня дѣйствительно эту ночь вѣчерь была весела, оживлена и хороша, какою никогда еще не видала ея Наташа.

— Такъ, вотъ она какая, а я то дуракъ! думалъ онъ, глядя на ея блестящіе глаза и счастливую, восторженную, изъподъ усовъ, дѣлающую ямочки на щекахъ, улыбку, которой онъ не видалъ прежде.

— Я ничего не боюсь, — сказала Соня. — Можно сейчасъ? Она встала. Соня рассказали ей обѣ амбары, какъ ей молча строить и слушать, и подали ей шубку. Она накинула себѣ на голову и взглянула на Николая.

— Что за прелесть эта девочка! подумалъ онъ. И о чёмъ я думалъ до сихъ порь!

Соня вышла въ коридоръ, чтобы идти въ амбары. Николай послѣднѣй дошелъ на парадное крыльцо, говоря, что ему жарко. Дѣйствительно въ домѣ было душно, отъ стоявшаго на двери.

На дворѣ, былъ тотъ же неподвижный холодъ, тотъ же мѣсяцъ, только было еще свѣтлѣе. Свѣтъ былъ такъ силенъ и звѣздъ на сїгѣ было такъ много, что на небѣ не хотѣлось смотрѣть, и настоящихъ звѣздъ было незамѣтно. На небѣ было черно и скучно, на землѣ было весело.

— Дуракъ я, дуракъ! Чего ждалъ до сихъ порь? подумалъ Николай и, сбѣжалъ на крыльцо, онъ обопель уголь дома

но той троинки, которая вела къ заднему крыльцу. Онь зналъ, что здѣсь пойдетъ Соня! На половинѣ дорожки стояли сложенные сажени дроны, на нихъ былъ снѣгъ, отъ нихъ падала тѣни; черезъ нихъ и себоку ихъ, переплетаясь, падали тѣни старыхъ, голыхъ липъ на снѣгъ и дорожку! Дорожка вела къ амбару. Рубленная стѣна амбара и крыша, покрытая снѣгомъ, какъ высѣченныя изъ какого-то драгоценнаго камня, блестѣли въ мѣсячномъ свѣтѣ. Въ саду трепетало дерево, и опять все совершиенно затихло! Грустъ казалось, дышала не воздухомъ, а какою-то вѣчно-молодою силой и радостью:

„Съ дѣвичьего крыльца застучали ноги по ступенямъ, скрипнуло звонко на послѣдней, на которую былъ напесенъ снѣгъ, и голосъ старой девушки сказалъ:

„Прямо-прямо, вотъ по дорожкѣ, барышня! Только не оглядывайся!

„Я же боюсь,“ отвѣчалъ голосъ Сони, и по дорожкѣ, по направлению къ Николаю, запицжали, засвистѣли въ тоинькихъ башмачкахъ ножки Сони.

Соня шла закутавшись въ шубку! Она была уже въ двѣхъ шагахъ, когда увидала его; она увидала его тоже не такими, какими она знала и какого всегда немножко боялась! Онь былъ въ женскомъ платьѣ съ спутанными волосами и въ счастливой и новой для Сони улыбкой. Соня быстро подбѣжала къ нему.

„Совсѣмъ другая, и все та же“, думалъ Николай, глядя на ея лицо; все освѣщенное луннымъ свѣтомъ! Онь продѣлъ руки подъ шубку, прикрывавшую ся голову, обнялъ, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ въ губы, надъ которыми были усы и отъ которыхъ пахло женою пробкой. Соня въ самую сѣрь-

обернулся ко мнѣ, и въ ту минуту какъ она говорила, ей самой казалось, что она видѣла то, чѣмъ говорила.

— Ну а потомъ; Соня?...

— Тутъ я не разсмотрѣла, чѣмъ синее и красное...

— Соня! когда онъ вернется? Когда я увижу его! Боже мой! какъ я боюсь за него, и за себя, и за все мій страшно... заговорила Наташа и, не отвѣчая ни слова на утѣшенія Сони, легла въ постель, и долго послѣ того какъ потушили свѣчу, съ открытыми глазами, неподвижно лежала на постели и смотрѣла на морозный лунный свѣтъ сквозь замерзшія окна.

XIII.

Всюдорѣ послѣ святокъ Николай объявилъ матери о своей любви къ Сонѣ и въ твердомъ рѣшеніи жениться на ней. Графиня, давно замѣчавшая то, чѣмъ происходило между Соней и Николаемъ, и ожидавшая этого объясненія, молча выслушала его слова и сказала сыну, чѣмъ онъ можетъ жениться на комъ хочетъ; но чѣмъ она, ни отецъ не дадутъ ему благословенія на такой бракъ. Въ первый разъ Николай почувствовалъ, что мать недовольна имъ, чѣмъ, несмотря на всю свою любовь къ нему, она не уступить ему. Она холодно и не глядя на сына, послала за мужемъ; и когда онъ пришелъ, графиня котѣла коротко и холодно въ присутствіи Николая сообщить ему въ чѣмъ дѣло; но не выдержала, заплакала слезами досады и вышла изъ комнаты. Старый графъ сталъ нерѣшительно усовѣщивать Николая и просить его отказаться отъ своего намѣренія. Николай отвѣчалъ, чѣмъ не можетъ изменить своему слову, и отецъ, вздохнувъ и очевидно смущенный, вскорѣ перервалъ свою рѣчь и пошелъ къ графинѣ. При всѣхъ столкновеніяхъ съ сыномъ, графа

не оставляло сознание своей виноватости предъ нимъ за разстройство дѣль, и потому онъ не могъ сердиться на сына за отказъ жениться на богатой невѣстѣ и за выборъ беззрданной Сои; — онъ только при этомъ случаѣ живѣе вспоминалъ то, что, ежели бы дѣла не были разстроены, нельзя было для Николая желать лучшей жены, чѣмъ Сою; и что виновенъ въ разстройствѣ дѣль только одинъ онъ съ своей Митенькой и съ своими непреодолимыми привычками.

Отецъ съ матерью больше не говорили объ этомъ дѣль съ сыномъ; но нѣсколько дней послѣ этого, графиня позвала къ себѣ Сою и съ жестокостью, которой не ожидали ни та, ни другая, графиня упрекала племянницу за заманивальни сына и въ неблагодарности. Соя, молча, съ опущенными глазами, слушала жестокія слова трафини и не помимала, чего отъ нея требуютъ. Она всѣмъ готова была пожертвовать для своихъ благодѣтелей. Мысль о самопожертвованіи была любимою ея мыслью; но въ этомъ случаѣ она не могла поганть, кому и чѣмъ ей надо жертвовать. Она не могла не любить графиню и всю семью Ростовыхъ, но и не могла не любить Николая и не знать, что его счастіе зависѣло отъ этой любви. Она была молчалива и грустна; и не отвѣчала. Николай не могъ, какъ ему казалось, перенести долѣ этого положенія и поспѣлъ объясниться съ матерью. Николай то умолялъ матерь простить его и Сою и согласиться на ихъ бракъ, то угрожалъ матери тѣмъ, что, ежели Сою будутъ преслѣдовывать, то онъ сейчасъ же женится на ней тайно.

Графиня съ холодностью, которой никогда не видѣла сына, отвѣчала ему, что онъ совершенъ лѣтній, что вилзы Андрей женится безъ согласія отца, и что онъ можетъ то же сдѣлать,

но что никогда она не признасть эту *импринтку* своей дочерью.

Взорванный словомъ *импринтка*, Николай, возвысивъ голосъ, сказалъ матери, что онъ никогда не думалъ, чтобы она заставила его продавать свои чувства, и что ежели это такъ, то онъ послѣдній разъ говорить... Но онъ не успѣлъ сказать того рѣшительного слова, котораго, судя по выражению его лица, съ ужасомъ ждала мать, и которое можетъ-быть, навсегда бы осталось жестокимъ воспоминаніемъ между ними. Онъ не успѣлъ договорить, потому что Наташа съ блѣднымъ и серьезнымъ лицомъ вошла въ комнату, стоя двери, у которой она подслушивала.

— Николенька, ты говоришь пустяки, замолчи, замолчи! Я тебѣ говорю, замолчи!... почти кричала она, чтобы заглушить его голосъ.

Мама, голубчикъ, это совсѣмъ не оттого... душечка моя, блѣдная, обращалась она къ матери, которая, чувствуя себя на краю разрыва, съ ужасомъ смотрѣла на сына; послѣдствіе упрямства и увлеченія борьбы не хотѣла и не могла сдаться. — Николенька, я тебѣ растолкую, ты уйди — вы послушайте, мама-голубушка, говорила она матери.

Слова ея были безсмысленны; но они достигли того результата, къ которому она стремилась.

Графина, тяжело захлопавъ, спрятала лицо на груди матери, а Николай всталъ, схватился за голову и вышелъ изъ комнаты.

Наташа взялась за дѣло примиренія и довела его до того, что Николай получилъ обѣщаніе отъ матери въ томъ, что Сою не будуть притеснять, и самъ дагъ обѣщаніе, что онъ ничего не предприметъ тайно отъ родителей.

Съ твердныи намѣреніемъ, устроилъ въ полку свои дѣла, выйти въ отставку, пріѣхать и женииться на Сонѣ, Николай, грустный и серьезный, въ разладѣ съ родными, то какъ ему казалось страстно влюбленный, въ началѣ января уѣхалъ въ полкъ.

Послѣ отѣзда Николая въ домъ Ростовыхъ стало грустнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Графиня отъ душевнаго разстройства сдѣлалась больна.

Соня была печальна и отъ разлуки съ Николаемъ, и еще болѣе отъ того враждебнаго тона, съ которымъ не могла не обращаться съ ней графиня. Графъ болѣе чѣмъ когда-нибудь былъ озабоченъ дурнымъ положеніемъ дѣлъ, требовавшихъ какихъ-нибудь рѣшительныхъ мѣръ. Необходимо было продать московскій домъ и подмосковную, а для продажи дома нужно былоѣхать въ Москву. Но здоровье графини заставляло со дня на день откладывать отѣздъ.

Наташа, легко и даже весело переносившая первое время разлуки съ своимъ женихомъ, теперь съ каждымъ днемъ становилась взволнованнѣе и нетерпѣливѣе. Мысль о томъ, что такъ даромъ, ни для кого пропадетъ ея лучшее время, которое бы она употребила на любовь къ нему — неотступно мучила ее. Письма его большую частью сердили ее. Ей оскорбительно было думать, что тогда какъ она живеть только мыслью о немъ, онъ живеть настоящою жизнью, видить новыхъ мѣста, новыхъ людей, которые для него интересны. Чѣмъ занимательнѣе были его письма, тѣмъ ей было досаднѣе. Ея же письма къ нему не только не доставляли ей утѣшениа, но представлялись скучною и фальшивою обязанностью. Она не умѣла писать, потому что не могла постигнуть возможности выразить въ письмѣ правдиво хоть одну мысль.

сячную долю того, что она привыкла выражать голосомъ, улыбкой и взглядомъ. Она писала ему классический-однообразный сухій письма, которымъ сама не приписывала никакого значенія и въ которыхъ, по брюльонамъ, графиня исправляла ей ореографические ошибки.

Здоровье графини все не поправлялось; но откладывать поездку въ Москву уже не было возможности. Нужно было дѣлать приданое, нужно было продать домъ; и притомъ князя Андрея ждали сперва въ Москву, гдѣ въ эту зиму жилъ князь Николай Андреичъ, и Наташа была увѣрена, что онъ уже приѣхалъ.

Графиня осталась въ деревнѣ, а графъ взялъ съ собой Сою и Наташу, въ коннѣ яхвартъ поѣхалъ въ Москву.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Пьеръ, послѣ сватовства князя Андрея и Наталии, безъ всякой очевидной мѣричины, вдругъ почувствовалъ невозможность продолжать прежнюю жизнь. Какъ ни твердо онъ былъ убѣжденъ въ истинахъ, открытыкъ ему его благодѣтелемъ, какъ ни радостно ему было то первое время увлечения внутреннею работой самосовершенствованія, которой онъ исподалъ съ такими жаромъ; послѣ помолвки князя Андрея съ Наташой и послѣ смерти Іосифа Алексѣевича, о которой онъ получилъ извѣстіе почти въ то же время — вся прелесть этой прежней жизни вдругъ пропала для него. Остался одинъ остовъ жизни: его домъ съ блесташею женой, пользовавшейся теперь милостями одного важнаго лица, знакомство со всѣмъ Петербургомъ, и служба со скучными формальностями. И эта прежняя жизнь вдругъ съ неожиданною мерзостью представилась Пьеру. Онъ пересталъ писать свой дневникъ, избѣгалъ общества братьевъ, сталъ опять ходить въ клубъ, сталъ онять много читать, опять сблизился съ холостыми компаниями, и началъ вести такую жизнь, что графиня Елена Васильевна сочла нужнымъ сдѣлать ему страгое

замѣчаніе. Нѣръ, почувствовавъ, что она была права, и чтобы не компрометировать свою жену, уѣхалъ въ Москву.

Въ Москвѣ, какъ только онъ вѣйхалъ въ свой огромный домъ съ засохшими и засыхающими книжнами, съ громадною дворней, какъ только онъ увидалъ — проѣхавъ по городу — эту Иверскую часовню съ безчисленными огнями свѣтъ передъ золотыми ризами, эту Кремлевскую площадь съ неизжженнымъ снѣгомъ, этихъ извозчиковъ и лачужки Сивцева Вражка, увидалъ старииковъ московскихъ, ничего не желающихъ, и никуда не спѣша доживающихъ свой вѣкъ, увидалъ старушекъ-московскихъ барынь, московскіе балы и московскій Англійский клубъ, — онъ почувствовалъ себя дома, въ тишинѣ пристанищѣ. Ему стало въ Москвѣ покойно, тепло, привычно и грязно, какъ въ старомъ халатѣ.

Московское общество все, начиная отъ старухъ до дѣтей, вѣкъ своего давно жданаго гостя, котораго иѣсто всегда было готово и не занято, — приялло Нѣра. Для московскаго свѣта, Нѣръ былъ самымъ милымъ, добрымъ, умнымъ, веселымъ великодушнымъ чудакомъ, разсѣяннымъ и душевнымъ, русскимъ, старого покроя, бариномъ. Концелекъ его всегда былъ пустъ, потому что открытъ для всѣхъ.

Венефицы, дурнія картины, статуи, благотворительны общества, цыгане, школы, подписные обѣды, кутежи, масоны, церкви, книги — никто и ничто не получало отказа, и ежели бы не два его друга, санявшиѣ у него много денегъ и живѣши подъ свою опеку, онъ бы все раздалъ. Въ клубѣ не было ни обѣда, ни вечера безъ него. Какъ только онъ приваливался на свое мѣсто на диванѣ послѣ двухъ бутылокъ Марго, его окружали, и завизывались толки, споры, шутки. Гдѣ соорились, они съ одною своею доброю улыбкой и кстати

сказанною шуткой --- мириль. Масонскія столоныя ложи были скучны и вялы, ежели его не было.

Когда послѣ холостаго ужина онъ, съ добромъ и сладкою улыбкой, сдавался на просьбы веселой компании, поднимался, чтобы юхать съ ними, между молодежью раздавались радостные, торжественные крики. На балахъ онъ танцевалъ, если не доставало кавалера. Молодыя дамы и барышни любили его за то, что онъ, не ухаживая ни за кѣмъ, былъ со всеми одинаково любезенъ, особенно послѣ ужина. „Онъ прелестенъ, онъ не имѣть пола“, говорили про него по-французски.

Пьеръ былъ тѣмъ отставнымъ добродушно-долживающимъ свой вѣкъ въ Москвѣ камергеромъ, какихъ были сотни.

Какъ бы онъ ужаснулся, ежели бы семь лѣтъ тому назадъ, когда онъ только пріѣхалъ изъ-за границы, кто-нибудь сказалъ бы ему, что ему ничего не нужно искать и выдумывать, что его волея давно пробита, опредѣлена предвѣтино, а чѣмъ, какъ онъ не вертился, онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ были всѣ въ его положеніи. Онь не могъ бы поверить этому! Развѣ не онъ всему душой желалъ то произвести республику въ Россіи, то самому быть Наполеономъ, то философомъ, то патологомъ, побѣдителемъ Наполеона? Развѣ не онъ видѣлъ возможность и страсти желалъ переродить порочный родъ человѣческій и самого себя довести до высшей степени совершенства? Развѣ не онъ учреждалъ школы и больницы, и отпускалъ своихъ крестьянъ на велюроны отвари и т. д.!

А вмѣсто всего этого, вотъ онъ, богатый мужъ невѣреніи жени, камергеръ въ отставкѣ, любящій цокушать, винить, и, разстегнувшись, обраняясь, сквозь траурство, члены московскаго Аглійскаго клуба и всіи любимый сценъ москвитинская общество. Онъ долго не могъ помириться съ тѣмъ

дину губъ подъювала его, и выпростать маленькия руки, съ обѣихъ сторонъ взяла его за щеки.

— Соня!... Николенька!... только сказали они. Они подѣжали къ амбера и вернулись назадъ каждый съ своего крыльца.

XII.

Когда всѣ поѣхали назадъ отъ Педагеи Даниловны, Наташа, всегда все видѣвшая и замѣчавшая, устроила такъ размыщеніе, что Луиза Ивановна и она сѣли въ сани съ Диммилеромъ, а Соня сѣла съ Николаемъ и дѣвушками.

Николай, уже не перегоняясь, ровно щадя въ обратный путь, и все вглядываясь въ этомъ странномъ лунномъ свѣтѣ въ Соню, отыскивалъ при этомъ перемѣнявшемъ все свѣтѣ, изъ-подъ бровей и усовъ, свою ту прежнюю и теперешнюю Соню, съ которой онъ рѣшилъ уже никогда не разлучаться. Онъ вглядывался, и когда узнавалъ все ту же и другую и вспоминалъ слышавъ эту запахъ пробки, смѣшанный съ чувствомъ поцѣлуя, онъ полною грудью вдыхалъ въ себя морозный воздухъ и, глядя на уходящую землю и блестящее небо, онъ чувствовалъ себя опять въ волшебномъ царствѣ.

— Соня, тебѣ хорошо? изрѣдка спрашивалъ онъ.

— Да, отвѣтала Соня. — А тебѣ?

На серединѣ дороги Николай далъ подержать лошадей кучеру, на минутку подѣжалъ къ санямъ Наташи и сталь на отводъ.

— Наташа, сказалъ онъ ей шепотомъ по-французски, — знаешь, я рѣшился насчетъ Сони.

— Ты ей сказалъ? спросила Наташа, вся вдругъ просиявъ отъ радости,

— Ахъ, какая ты странная съ этими усами и бровями. Наташа! Ты рада?

— Я такъ рада, такъ рада! Я ужъ сердилась на тебя. Я тебѣ не говорила, но ты дурно съ ней поступалъ. Это такое сердце, Николенька, какъ я рада! Я бывала гадкая, но мнѣ совѣтно было быть одной счастливою, безъ Сони, продолжала Наташа.— Теперь я такъ рада, ну, бѣги къ ней.

— Нѣть, постой, ахъ, какая ты смѣшная! сказалъ Николай, все всматриваясь въ нее, и въ сестрѣ тоже находя что-то новое, необыкновенное и обворожительно-нѣжное, чего онъ прежде не видаль въ ней.— Наташа, что-то волшебное.. А?

— Да, отвѣчала она, — ты прекрасно сдѣлалъ.

„Если-бъ я прежде видѣлъ ее такою, какою она теперь, думалъ Николай, я бы давно спросилъ, чтѣ сдѣлать, и сдѣлать бы все, чтѣ бы она ни велѣла, и все бы было хорошо!“.

— Такъ ты рада, и я хорошо сдѣлалъ?

— Ахъ, такъ хорошо! Я недавно съ мамашей поссорилась за это. Мама сказала, что она тебя ловить. Какъ это можно говорить! Я съ мама чуть не побѣнялась. И никому никогда не позволю ничего дурнаго про нее сказать и подумать, потому что въ ней одно хорошее.

— Такъ хорошо? сказалъ Николай, еще разъ выслушавъ выраженіе лица сестры, чтобы узнать, правда ли это, и скрица сапогами, онъ соскочилъ съ отвода и побѣжалъ къ своимъ санямъ. Все тотъ же счастливый, улыбающійся, черкесь, съ усиками и блестящими глазами, смотрѣвшій изъ-подъ собольяго капора, сидѣлъ тамъ, и этотъ черкесь былъ Соня, и эта Соня была навѣрное его будущая, счастливая и любящая жена.

Пріѣхавъ домой и разсказавъ матери о томъ, какъ жонка

мыслью, что онъ есть тотъ самый отставной московскій камергеръ, тиѣ котораго онъ такъ глубоко презиралъ сеѧлѣть тому назадъ.

Иногда онъ угѣшалъ себя мыслями, что это только такъ показать онъ ведеть эту жизнь; но потомъ его ужасалъ другая мысль, что такъ, показать, уже сколько людей входили, какъ онъ, со всѣми зубами и волосами въ эту жизнь и въ этотъ клубъ, и выходили оттуда безъ одного зuba и волоса.

Въ минуты гордости, когда онъ думалъ о своемъ положеніи, ему казалось, что онъ совсѣмъ другой, особенный отъ тѣхъ отставныхъ камергеровъ, которыхъ онъ презиралъ прежде, что тѣ были пошлые и глупые, довольные и усмѣкоющиеся своимъ положеніемъ, „а я и теперь все недоволенъ, все мнишь хочется сдѣлать что-то для человѣчества“, говорилъ онъ себѣ въ минуты гордости. „А можетъ быть и всѣ тѣ мои товарищи, точно такъ же, какъ и я, бились, искали какой-то новой, сврѣй дороги въ жизни, и такъ же, какъ въ я, силой обстановки, общества, породы, тою стихійною силой, противъ которой не властенъ человѣкъ, были приведены туда же, куда и я“, говорилъ онъ себѣ въ минуты скромности, и помниши въ Москвѣ нѣсколько времени, онъ не презиралъ уже, и начинать любить, уважать и жалѣть, такъ же, какъ и себя, своихъ по судьбѣ товарищѣй.

На Шьера не находили, какъ прежде, минуты отчаянія, хандры и отвращенія къ жизни; но та же болѣзнь, выражавшаяся прежде рѣзкими припадками, была притащена внутрь, и ни на мгновеніе не покидала его. Къ чѣму? Зачѣмъ? Что такое сворится на свѣтѣ? спрашивали они себѣ съ недоумѣніемъ по нѣскольку разъ въ день, нѣсколько лѣтъ и вѣ-

мываться въ смыслъ явлений жизни; но опытомъ зналъ, что на вопросы эти не было отвѣтовъ, оль поспѣшилъ старался отвернуться отъ нихъ, брался за книгу, или сѣживъ въ клубъ, или къ Аполлону Николаевичу болтать о городскихъ сплетняхъ.

„Елена Васильевна, никогда ничего не любившая кромѣ своего тѣла, и одна изъ самыхъ глупыхъ женщинъ въ мірѣ“, думалъ Пьеръ, „представляется людямъ верхомъ ума и утонченности, и предъ ней преклоняются. Наполеонъ Бонапартъ былъ презираемъ всѣми до тѣхъ поръ, пока онъ былъ великъ, и съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ жалкимъ комедиантомъ — императоръ Францъ добивается предложить ему свою дочь въ незаконныхъ супруги. Испанцы возсыпаютъ мольбы Богу, черезъ католическое духовенство, въ благодарность за то, что они побѣдили 14-го юня франузовъ, а французы возсыпаютъ мольбы черезъ то же католическое духовенство о томъ, что они 14-го юня побѣдили испанцевъ. Братья мои масоны клянутся кровью въ томъ, что они всѣмъ готовы жертвовать для близкаго, а не платить по одному рублю на сборы для бѣдныхъ; и интригуютъ Астрея противъ ищущихъ манны, и хлопочутъ о настоящемъ шотландскомъ коврѣ и обѣ актѣ, смысла котораго не знаетъ и тотъ, кто писалъ его, и котораго никому не нужно. Всѣ мы исповѣдуемъ христіанскій законъ прощенія обидъ и любви къ ближнему — законъ, вслѣдствіе котораго мы воздвигли въ Москвой сорокъ сороковъ церквей, а вчера застѣкли кнутомъ бѣзакнаго человѣка, и служитель того же самаго закона любви и прощенія, священникъ, давалъ целовать солдату кресты предъ назидѣемъ“. Такъ думалъ Пьеръ, и эта же, общая всѣмъ признаваемая ложь, какъ они ни привыкли къ ней,

проводили время у Мелюковыхъ, барышни ушли къ себѣ. Раздѣвшись, но не стирая пробочныхъ усовъ, онѣ долго сидѣли, разговаривая о своемъ счастьи. Онѣ говорили о томъ, какъ они будуть жить замужемъ, какъ ихъ мужья будутъ дружны и какъ они будутъ счастливы. На Наташиномъ столѣ стояли еще съ вечера приготовленные Дуняшкой зеркала.

— Только когда все это будетъ? Я боюсь, что никогда... Это было бы слишкомъ хорошо! сказала Наташа, вставая и подходя къ зеркаламъ.

— Садись, Наташа, можетъ-быть ты увидишь его, сказала Соня. Наташа зажгла свѣчи и сѣла.

— Какого то съ усами вижу, сказала Наташа; видѣвшая свое лицо.

— Не надо смѣяться, барышни, сказала Дуняша.

Наташа нашла съ помощью Сони и горничной положеніе зеркалу; лицо ея приняло серьезное выраженіе, и она замолкла. Долго она сидѣла, глядя на рядъ уходящихъ свѣчей въ зеркалахъ, предполагая (соображаясь ей слышанными рассказами) то, что она увидитъ гробъ, то, что увидитъ его, князя Андрея, въ этомъ послѣднемъ, сливающемся, смутномъ квадратѣ. Но какъ ни готова она была привѣтствовать малѣшее пятно за образъ человѣка или гроба, она ничего не видала. Она часто стала мигать и отошла отъ зеркала.

— Отчего другое видѣть, а я ничего не вижу? сказала она. — Ну, садись ты, Соня; нынче непрѣменно тебѣ надо, сказала она. — Только за меня... мнѣ такъ страшно нынче!

Соня сѣла за зеркало, устроила положеніе, и стала смотрѣть.

— Вотъ Софья Александровна непремѣнно увидѣть, шепотомъ сказала Дуняша; — а вы все смеетесь.

Соня слышала эти слова, и слышала, какъ Наташа шепотомъ сказала:

— И я знаю, что она увидѣть; она и прошлаго года видѣла. Минуты три всѣ молчали.

— Непремѣнно! прошептала Наташа и не докончила... Вдругъ Соня отсторонила то зеркало, которое она держала, и закрыла глаза рукой...

— Ахъ, Наташа! сказала она.

— Видѣла? Видѣла? Чѣмъ видѣла? вскрикнула Наташа, поддерживая зеркало.

Соня ничего не видала, она только что хотѣла замигать глазами и встать, когда услыхала голосъ Наташи, сказавшей „непремѣнно“... Ей не хотѣлось обмануть ни Дуньшу, ни Наташу, и тажело было сидѣть. Она сама не знала, какъ и вслѣдствіе чего у нея вырвался крикъ, когда она закрыла глаза рукой.

— Его видѣла? спросила Наташа, хватая ее за руку.

— Да. Постой... и... видѣла его, невольно сказала Соня, еще не зная, кого разумѣла Наташа подъ словомъ *сю: сю* — Николая или *сю* — Андрея.

— Но отчего же мнѣ не сказать, что я видѣла? Вѣдь видѣть же другія! И кто же можетъ уличить меня въ томъ, что я видѣла или не видала? мелькнуло въ головѣ Сони.

— Да, я его видѣла, сказала она.

— Какъ же? Какъ же? Стоять или лежитъ?

— Нѣть, я видѣла...

— То ничего не было, вдругъ вижу, что онъ лежитъ.

— Андрей лежитъ? Онъ боленъ? испуганно остановивши мися глазами глядя на подругу, спрашивала Наташа.

— Нѣть, напротивъ, — напротивъ, веселое лицо, и онъ

обернулся ко мнѣ, и въ ту минуту какъ она говорила, ей самой казалось, что она видѣла то, чѣмъ говорила.

— Ну а потомъ, Соня?..

— Тутъ я не разсмотрѣла, чѣмъ синее и красное...

— Соня! когда онъ вернется? Когда я увижу его! Боже мой! какъ я боюсь за него, и за себя, и за все мнѣ страшно... заговорила Наташа и, не отвѣчая ни слова на утѣшенія Сони, легла въ постель, и долго послѣ того какъ потушили свѣчу, съ открытыми глазами, неподвижно лежала на постели и смотрѣла на морозный лунный свѣтъ сквозь замерзшія окна.

XIII.

Вскорѣ послѣ святокъ Николай объявилъ матери о своей любви къ Сонѣ и о твердомъ рѣшеніи жениться на ней. Графиня, давно замѣчавшая то, чѣмъ происходило между Соней и Николаемъ, и ожидавшая этого объясненія, молча выслушала его слова и сказала сыну, чѣмъ онъ можетъ жениться на комъ хочетъ; но чѣмъ ни она, ни отецъ не дадутъ ему благословенія на такой бракъ. Въ первый разъ Николай почувствовалъ, что мать недовольна имъ, чѣмъ, несмотря на всю свою любовь къ нему, она не уступить ему. Она холодно и не глядя на сына, послала за мужемъ; и когда онъ принесъ, графиня хотѣла коротко и холодно въ присутствіи Николая сообщить ему въ чѣмъ дѣло; но не выдержала, заплакала слезами досады и вышла изъ комнаты. Старый графъ сталъ нерѣшительно усомнѣваться Николая и просить его отказаться отъ своего намѣренія. Николай отвѣчалъ, что онъ не можетъ измѣнить своему слову, и отецъ, вздохнувъ и очевидно смущенный, несъмъ скоро перервалъ свою рѣчь и пошелъ къ графинѣ. При всѣхъ столкновеніяхъ съ сыномъ, графа

не оставляло сознание своей виноватости предъ нимъ за разстройство дѣль, и потому онъ не могъ сердиться на сына за отказъ жениться на богатой невѣстѣ и за выборъ беззданной Сони; — онъ только при этомъ случаѣ живѣе вспоминалъ то, что, *если бы* дѣла не были разстроены, нельзя было для Николая желать лучшей жены, чѣмъ Соня; и что виновенъ въ разстройствѣ дѣль только одинъ онъ съ своей Митенькой и съ своими непреодолимыми привычками.

Отецъ съ матерью больше не говорили объ этомъ дѣлѣ съ сыномъ; но всколько дней послѣ этого, графиня позвала къ себѣ Соню и съ жестокостью, которой не ожидали ни та, ни другая, графиня упрекала племянницу за заманивания сына и въ неблагодарности. Соня, молча, съ опущенными глазами, слушала жестокія слова графини и не понимала, чего отъ нея требуютъ. Она всѣмъ готова была пожертвовать для своихъ благодѣтелей. Мысль о самопожертвованіи была любимою ея мыслью; но въ этомъ случаѣ она не могла понять, кому и чѣмъ ей надо жертвовать. Она не могла не любить графиню и всю семью Востовыхъ, но и не могла не любить Николая и не знать, что его счастіе зависѣло отъ этой любви. Она была молчалива и грустна, и не извѣчала. Николай не могъ, какъ ему казалось, перенести дольѣ этого положенія и пошелъ объясняться съ матерью. Николай то умолялъ матерь простить его и Соню и согласиться на ихъ бракъ, то угрожалъ матери тѣмъ, что, *если* Соню будутъ преслѣдоватъ, то онъ сейчасъ же женится на ней тайно.

Графиня съ холодностью, которой никогда не видала сына, отвѣчала ему, что онъ совершиолѣтний, что *низы* Андрей женится безъ согласія отца, и что онъ можетъ то же сдѣлать,

но что никогда она не признасть эту *имприннитку* своей дочерью.

Взволненный словою *имприннитка*, Николай, возвысив голось, сказалъ матери, что онъ нигогда не думалъ, чтобы она заставила его продавать свои чувства, и что ежели это такъ, то онъ послѣдний разъ говорить... Но онъ не успѣлъ сказать того рѣшительного слова, котораго, судя по выражению его лица, съ ужасомъ ждала мать, и которое, можетъ-быть, навсегда бы осталось жестокимъ воспоминаніемъ между ними. Онъ не успѣлъ договорить, потому что Наташа съ блѣднымъ и серьезнымъ лицомъ вошла въ комнату отъ двери, у которой она подслушивала.

— Николенька, ты говоришь пустяки, замолчи, замолчи! Я тебѣ говорю, замолчи!... почти кричала она, чтобы заглушить его голосъ.

Мама, голубчикъ, это совсѣмъ не оттого... душечка моя, бѣдная, обратилась она къ матери, которая, чувствуя себя на краю разрыва, съ ужасомъ смотрѣла на сына; но вслѣдствіе упрямства и увлеченія борьбы не хотѣла и не могла сдаться. — Николенька, я тебѣ растолкую, ты уйди — и послушайтесь, мама-голубушка, говорила она матери.

Слова ея были безсмысленны; но они достигли того результата, къ которому она стремилась.

Графина, тяжело захлопавъ, спрятала лицо на груди дочери, а Николай всталъ, схватился за голову и вышелъ изъ комнаты.

Наташа взялась за дѣло примиренія и довела его до того, что Николай получилъ обѣщаніе отъ матери въ томъ, что Сою не будуть притеснять, и самъ дадъ обѣщаніе, что онъ ничего не предприметъ тайно отъ родителей.

Съ тверднимъ намѣреніемъ устроить въ волку свои дѣла, выйти въ отставку, прѣѣхать и жениться на Соинѣ, Николай, грустный и серьезный, въ разладѣ съ родными, кто-какъ ему казалось страшно влюбленный, въ началѣ января уѣхалъ въ полкъ.

Послѣ отѣзда Николая въ домъ Ростовыхъ стало грустнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Графиня отъ душевнаго разстройства сдѣмалась больна.

Соинѣ была нечальна и отъ разлуки съ Николаемъ, и еще болѣе отъ того враждебнаго тона, съ которымъ не могла не обращаться съ ней графиня. Графъ болѣе чѣмъ когда-нибудь былъ озабоченъ дурнымъ положеніемъ дѣлъ, требовавшихъ какихъ-нибудь рѣшительныхъ мѣръ. Необходимо было продать московскій домъ и подмосковную, а для продажи дома нужно былоѣхать въ Москву. Но здоровье графини заставляло со дня на день откладывать отѣздъ.

Паташа, легко и даже весело переносившая первое время разлуки съ своимъ женихомъ, теперь съ каждымъ днемъ становилась взолнованѣе и нетерпѣливѣе. Мысль о томъ, что такъ даромъ, ни для кого пропадетъ ея лучшее время, которое бы она употребила на любовь къ нему — неотступно мучила ее. Письма его большою частью сердили ее. Ей оскорбительно было думать, что тогда какъ она живеть только мыслью о немъ, онъ живеть настоящею жизнью, видѣть новыхъ мѣста, новыхъ людей, которые для него интересны. Чѣмъ занимательнѣе были его письма, тѣмъ ей было досаднѣе. Ея же письма къ нему не только не доставляли ей утѣшенія, но представлялись скучною и фальшивою обязанностью. Она не умѣла писать, потому что не могла постигнуть возможности выразить въ письмѣ и правдиво хоть одну ты-

сячную долю того, что она привыкла выражать голосомъ, улыбкой и взглядомъ. Она писала ему классически-однообразные сухія письма, которымъ сама не приписывала никакого значения и въ которыхъ, по брюльонамъ, графиня поправляла ей орографические ошибки.

Здоровые графини все не поправлялись; но откладывать поездку въ Москву уже не было возможности. Нужно было дѣлать придапое, нужно было продать домъ; и притомъ князя Андрея ждали сперва въ Москву, гдѣ въ эту зиму жилъ князь Николай Андреичъ, и Наташа была увѣрена, что онъ уже приѣхалъ.

Графиня осталась въ деревнѣ, а графъ взялъ съ собой Сою и Наташу, въ концѣ япваря поѣхалъ въ Москву.

and the β -adrenergic receptor antagonist propranolol (10^{-6} M) did not significantly alter the effect of the α_1 -adrenergic receptor agonist phenylephrine (10^{-6} M) on the contractile response of the isolated rat heart. The results indicate that the α_1 -adrenergic receptor system does not play a significant role in the regulation of the isolated rat heart.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Пьеръ, послѣ сватовства князя Андрея и Наталии, бѣз всякой очевидной иричины, вдругъ почувствовалъ невозможность продолжать прежнюю жизнь. Какъ ни твердо онъ былъ убѣждены въ истинахъ, открытыкъ ему его благодѣтелемъ, какъ ни радостно ему было то первое время увлечения внутреннею работой самосовершенствованія, которой онъ предался съ такимъ жаромъ; послѣ помолвки князя Андрея съ Наташой и послѣ смерти Иосифа Алексѣевича, о которой онъ получилъ извѣстіе почти въ то же время — вся прелесть этой прежней жизни вдругъ пропала для него. Остался одинъ остовъ жизни: его домъ съ блестящей женой, пользоавшеюся теперь милостями одного важнаго лица, знакомство со всѣмъ Петербургомъ, и служба со скучными формальностями. И эта прежняя жизнь вдругъ съ неожиданною мерзостью представилась Пьеру. Онъ пересталъ писать свой дневникъ, избѣгалъ общества братьевъ, сталъ опять ходить въ клубъ, сталъ опять много шить, опять сблизился съ холостыми компаниями, и началъ вести такую жизнь, что графина Елена Васильевна сочла нужнымъ сдѣлать ему страгое

замѣчаніе. Нѣръ, почувствовавъ, что она была права, и чтобы не компрометировать свою жену, уѣхалъ въ Москву.

Въ Москвѣ, какъ только онъ вѣхалъ въ свой огромный домъ съ засохшими и засыхающими книжнами, съ громадною дворней, какъ только онъ увидалъ — проѣхавъ по городу — эту Иверскую часовню съ безчисленными огнями свѣтъ передъ золотыми ризами, эту Кремлевскую площадь съ незажженнымъ снѣгомъ, этихъ извозчиковъ и лачужки Сибирцева Вражка, увидалъ стариковъ московскихъ, ничего не желающихъ, и никуда не спѣша доживающихъ свой вѣкъ, увидалъ старушекъ-московскихъ барынь, московскіе балы въ московскій Англійскій клубъ, — отъ почувствовалъ себя дома въ тихомъ пристанищѣ. Ему стало въ Москвѣ покойно, тепло, привычно и грязно, какъ въ старомъ халатѣ.

Московское общество все, начиная отъ старухъ до дѣтей, вѣкъ своего давно жданаго гостя, котораго иѣсто всегда было готово и не занято, — приняло Нѣра. Для московскаго сѣта, Нѣръ былъ самимъ милымъ, добрымъ, умнымъ, веселымъ, великодушнымъ чудакомъ, разсѣяннымъ и душевнымъ, русскимъ, старого покроя, бариномъ. Концелекъ его всегда были пусты, потому что открыты для всѣхъ. Бенефисы, журнальные картины, статуи, благотворительныя общества, цыгане, школы, подписаные обѣды, кутежи, масоны, церкви, книги — никто и ничто не получало отказа, и ежели бы не двое его друга, занявшиѣ у него много денегъ и взявшіе его подъ свою опеку, онъ бы все раздалъ. Въ клубѣ не было ни обѣда, ни вечера безъ него. Каждъ только онъ приваливался на свое мѣсто на диванѣ послѣ двухъ бутылокъ Марго, его окружали, и завязывались толки, споры, шутки. Гдѣ соорились, онъ съ одною своею доброй улыбкой и кстати

сказанною шуткой — мириль. Масонскія столоны ложи быти скучны и вялы, ежели его не было.

Когда послѣ холостаго ужина онъ, съ доброй и сладкой улыбкой, сдаваясь на просьбы веселой компаніи, поднимался, чтобы ѣхать съ ними, между молодежью раздавались радостные, торжественные крики. На балахъ онъ танцевалъ, если не доставало кавалера. Молодыи дамы и барышни любили его за то, что онъ, не ухаживая ни за кѣмъ, былъ со всѣми одинаково любезенъ, особенно послѣ ужина. „Онъ прелестенъ, онъ не имѣть пола“, говорили про него по французски.

Шеръ былъ тѣль отставнымъ добродушно-доживающимъ свой вѣкъ въ Москвѣ камергеромъ, какихъ были сотни.

Какъ бы онъ ужаснулся, ежели бы семь лѣтъ тому назадъ, когда онъ только приѣхалъ изъ-за границы, кто-нибудь ска-залъ бы ему, что ему ничего не нужно искать и выдумывать, что его колел давно пробита, опредѣлена предвѣчно, а что, какъ онъ не вертись, онъ будеть тѣмъ, чѣмъ были всѣ въ его положеніи. Онъ не могъ бы повѣрить этому! Развѣ не онъ всею душой желалъ то произвести республику въ Россіи, то самому быть Наполеономъ, то философомъ, то пат-тикомъ, побѣдителемъ Наполеона? Развѣ не онъ видѣлъ возможность и страстию желалъ переродить порочный родъ человѣческій и самого себя довести до высшей степени се-вершенства? Развѣ не онъ учреждалъ и школы и больницы, и отпускалъ своихъ крестьянъ на волю.

А вмѣсто всего этого, вотъ онъ, богатый мужъ ненѣженъ жены, камергеръ въ отставкѣ, любящій цокушать, винить и, разстегнувшись, побранить слегка управительство членовъ московскаго Аѳглійскаго клуба и всіни любимый членъ моско-вскаго общества. Онъ долго не могъ помириться съ тѣмъ

мыслью, что онъ есть толь самыи отставной московскii камергеръ, тиць котораго онъ такъ глубоко презиралъ се лѣтъ тому назадъ.

Иногда онъ утѣшалъ себя мыслью, что это только такъ, покамѣсть онъ ведетъ эту жизнь; но потомъ его ужасала другая мысль, что такъ, покамѣсть, уже сколько людей входили, какъ онъ, со всѣми зубами и волосами въ эту жизнь и въ этотъ клубъ и выходили оттуда безъ одного зuba и волоса.

Въ минуты гордости, когда онъ думалъ о своемъ положеніи, ему казалось, что онъ совсѣмъ другой, особенный отъ тѣхъ отставныхъ камергеровъ, которыхъ онъ презиралъ прежде, что тѣ были пошлые и глупые, довольные и успокойные своимъ положеніемъ, „а я и теперь все недоволенъ, всемъ хочется сдѣлать что-то для человѣчества“, говорилъ онъ себѣ въ минуты гордости. „А можетъ быть и всѣ тѣ мои товарищи, точно такъ же, какъ и я, бились, искали какой-то новой, сврой дороги въ жизни, и такъ же, какъ и я, силой обстановки, общества, породы, тою стихійною силой, противъ которой не властенъ человѣкъ, были приведены туда же, куда и я“, говорилъ онъ себѣ въ минуты скромности, и почиавши въ Москвѣ нѣсколько времени, онъ не презиралъ уже, начинавшіе любить, уважать и жалѣть, такъ же, какъ и себѣ, своихъ по судьбѣ товарищѣ.

На Пьеръ не находили, какъ прежде, минуты отчаянія, хандры и отирашенія въ жизни; но та же болѣзнь, выражавшаяся прежде разными припадками, была притащена внутри и на мгновеніе ре покидала его. Къ чѣму? Зачѣмъ? Что такое творится на свѣтѣ? испрашивали они себѣ въ подозрѣніемъ по нѣсколько разъ въ день, нѣколично начинаніи вду-

мываться въ смыслѣ явлений жизни; по опытомъ зналъ, что на вопросы эти не было отвѣтовъ, онъ поспѣшно старался отвернуться отъ нихъ, брался за книгу, или спѣшилъ въ клубъ, или къ Аполлону Николаевичу болтать о городскихъ сплетняхъ.

„Елена Васильевна, никогда ничего не любившая кромѣ своего тѣла, и одна изъ самыхъ глупыхъ женщинъ въ мірѣ“, думалъ Пьеръ, „представляется людямъ верхомъ ума и утонченности, и предъ ней преклоняются. Наполеонъ Бонапартъ былъ презираемъ всѣми до тѣхъ поръ, пока онъ былъ великъ, и съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ жалкимъ комедиантомъ — императоръ Францъ добивается предложить ему свою дочь въ незаконныхъ супруги. Испанцы возсыпаютъ мольбы Богу, черезъ католическое духовенство, въ благодарность за то, что они побѣдили 14-го юня франузовъ, а французы возсыпаютъ мольбы черезъ то же католическое духовенство о томъ, что они 14-го юня побѣдили испанцевъ. Братья мои масоны клянутся кровью въ томъ, что они всѣмъ готовы жертвовать для ближняго, а не платить по одному рублю на сборы для бѣдныхъ; и интригуютъ Астрея противъ ищущихъ манны, и хлопочутъ о настоящемъ шотландскомъ коврѣ въ обѣ актѣ, смысла котораго не знаетъ и тотъ, кто писалъ его, и котораго никому не нужно. Всѣ мы исповѣдуемъ христіанскій законъ прощенія обидъ и любви къ ближнему — законъ, вслѣдствіе котораго мы воздвигли въ Москвой сорокъ сороковъ церквей, а вчера засѣкли кнутомъ бѣзумнаго человѣка, и служитель того же самаго закона любви и прощенія, священникъ, давалъ щѣловать солдату крестъ предъ низами“. Такъ думалъ Пьеръ, и эта мысль обижала всѣмъ признаваемая ложь, какъ онъ ни привыкъ къ ней,

камъ будто что-то новое, всякий разъ изумляла его. — „Я понимаю эту ложь и путаницу“, думалъ онъ, „но какъ мнѣ разсказать имъ все, что я понимаю? Я пробовалъ и всегда находилъ, что и они въ глубинѣ души понимаютъ то же, что и я, но стараются только не видѣть ея. Стало-быть такъ надо! Но мнѣ-то, мнѣ куда дѣяться?“ думалъ Нѣръ. Онъ испытывалъ несчастную способность многихъ, особенно русскихъ людей, — способность видѣть и вѣрить въ возможность добра и правды, и слишкомъ ясно видѣть зло и ложь жизни, для того чтобы быть въ силахъ принимать въ ней серьезное участіе. Всякая область труда въ глазахъ его соединялась со зломъ и обманомъ. Чѣмъ онъ ни пробовалъ быть, за что онъ ни брался — зло и ложь отталкивали его и загораживали ему всѣ пути дѣятельности. А между тѣмъ надо было жить, надо было быть занятu. Слишкомъ страшно было быть подъ гнетомъ этихъ неразрѣшимыхъ вопросовъ жизни, и онъ отдавался первымъ увлеченіямъ, чтобы только забыть ихъ. Онъ вѣздила во всевозможныя общества, много пилъ, мокушалъ картины и строилъ, а главное читалъ.

Онъ читалъ и читалъ все, что попадалось подъ руку, и читалъ такъ, что, прѣхавъ домой, когда лакеи еще раздѣвали его, онъ, уже взявъ книгу, читалъ — и отъ чтенія не переходилъ ко сну, и отъ сна въ болтовнѣ въ гостиныхъ и клубѣ, отъ болтовни къ кутежу и женницамъ, отъ кутежа опять къ болтовнѣ, чтенію и вину. Иить вино для него становилось все больше и больше физической и мѣстной нравственнou потребностью. Несмотря на то, что доктора говорили ему, что, съ его корпulenceй, вино для него опасно, онъ очень много пилъ. Ему становилось вполнѣ хорошо только тогда, когда онъ, самъ не замѣчая какъ, опрокинувъ

въ свой большой ротъ иѣсколько стакановъ вина, испытывалъ пріятную теплоту въ тѣлѣ, иѣжность ко всѣмъ своимъ ближнимъ и готовность ума поверхностно отзываться на всякую мысль, не углубляясь въ сущность ея. Только выпивъ бутылку и двѣ вина, онъ смутно сознавалъ, что тотъ занутанный, страшный узель жизни, который ужасалъ его прежде, не такъ страшенъ, какъ ему казалось. Съ шумомъ въ головѣ, болтая, слушая разговоры или читая послѣ обѣда и ужина, онъ безпрестанно видѣлъ этотъ узель, какою-нибудь стороной его. Но только подъ влияніемъ вина онъ говорилъ себѣ: „Это ничего. Это я распутаю — вотъ у меня и готово объясненіе. Но теперь никогда, — я послѣ обдумаю все это!“ Но это посмѣшъ никогда не приходило.

Натощакъ, поутру, всѣ прежніе вопросы представлялись столь же неразрѣшими и страшными, и Пьеръ торопливо хватался за книгу и радовался, когда кто-нибудь приходилъ къ нему.

Иногда Пьеръ вспоминалъ о слышанномъ имъ разсказѣ о томъ, какъ на войнѣ солдаты, находясь подъ выстрѣлами въ прикрытии, когда имъ дѣлать нечего, старательно изыскиваютъ себѣ занятіе, для того чтобы легче переносить опасность. И Пьеру всѣ люди представлялись таинами солдатами, спасающими отъ жизни: кто честодобіемъ, кто картиами, кто писаніемъ законовъ, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто виномъ, кто государственными дѣлами. „Нѣть ни ничтожнаго, ни важнаго, все равно: только бы счастись отъ нея какъ умѣю!“ думалъ Пьеръ. — „Только бы не видать ее, эту страшную ее.“

II.

Въ началѣ зимы, князь Николай Андреичъ Болконскій съ дочерью прѣѣхали въ Москву. По своему прошедшему по своему уму и оригинальности, въ особенности по ослабленію на ту пору восторга къ царствованію императора Александра, и по тому антифранцузскому и патріотическому направлению, которое царствовало въ то время въ Москвѣ, князь Николай Андреичъ сдѣлался тотчасъ же предметомъ особенной почтительности москвичей и центромъ московской оппозиціи правительству.

Князь очень постарѣлъ въ этотъ годъ. Въ немъ появились рѣзкіе признаки старости; неожиданныя воспоминанія, забывчивость ближайшихъ по времени событий и памятливость къ давнинѣ, и дѣтское тщеславіе, съ которымъ онъ принималъ роль главы московской оппозиціи. Несмотря на то, когда старикъ, особенно по вечерамъ, выходилъ къ чаю въ своей шубкѣ и пурпурномъ парикѣ, и начиналъ, затронутый кѣмъ-нибудь, свои отрывистые разсказы о прошедшемъ, или еще болѣе отрывистыя и рѣзкія сужденія о настоящемъ, — онъ возбуждалъ во всѣхъ своихъ гостяхъ одинаковое чувство почтительного уваженія. Для посѣтителей весь этотъ старинный домъ съ огромными трюмо, дореволюціонною мебелью, этими лаками въ пурпурѣ, и самъ прошлаго вѣка крутой и умный старикъ съ его ироткою дочерью и корошенькою француженкой, которымъ благоговѣли передъ нимъ, — представлялъ величественно пріятное зрѣлище. Но посѣтители не думали о томъ, что кромѣ этихъ двухъ-трехъ часовъ, во время которыхъ они видѣли хозяевъ, было еще 22 часа въ сутки, во время которыхъ шла тайная внутренняя жизнь дома.

Въ послѣднее время въ Москвѣ эта внутренняя жизнь сдѣлалась очень тяжела для княжны Марьи. Она была лишена въ Москвѣ тѣхъ своихъ лучшихъ радостей — бесѣдъ съ Божиими людьми и уединенія, которыя освѣжали ее въ Лысихъ Горахъ, и не имѣла никакихъ выгодъ и радостей столичной жизни. Въ свѣтъ она не ѻздила: всѣ знали, что отецъ не пускаетъ ее безъ себя, а самъ онъ, по нездоровью, не могъ ѻздить, и ее уже не приглашали на обѣды и вечера. Надежду на замужество княжна Марья совсѣмъ оставила. Она видѣла ту холодность и озлобленіе, съ которыми князь Николай Андреичъ принималъ и спровоживалъ отъ себя молодыхъ людей, могущихъ быть женихами, иногда являвшихся въ ихъ домъ. Друзей у княжны Марии не было: въ этотъ пріѣздъ въ Москву она разочаровалась въ своихъ двухъ самыхъ близкихъ людяхъ: Mlle Бурленъ, съ которой она и прежде не могла быть вполнѣ откровенна, теперь стала ей непріятна, и она по пѣкоторымъ причинамъ стала отдалиться отъ нея; Жюли, которая была въ Москвѣ и къ которой княжна Марья писала пять лѣтъ сряду, оказалась совершенно чужою ей, когда княжна Марья вновь сошлась съ нею лично. Жюли въ это время, по случаю смерти братьевъ, сдѣлавшись одною изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ Москвѣ, находилась во всемъ разгарѣ свѣтскихъ удовольствій. Она была окружена молодыми людьми, которые, какъ она думала, вдругъ оцѣнили ея достоинства. Жюли находилась въ томъ періодѣ старѣющейся свѣтской барышни, которая чувствуетъ, что наступилъ послѣдній шансъ замужества, и теперь или никогда должна рѣшиться ея участъ. Княжна Марья съ грустною улыбкой вспоминала по четвергамъ, что ей теперь писать не къ кому, такъ какъ Жюли,

Жюли, отъ присутствія которой ей не было никакой радости, была здѣсь и видѣлась съ нею каждую недѣлю. Она, какъ старый эмигрантъ, отказавшійся жениться на дамѣ, у которой онъ проводилъ нѣсколько лѣтъ свои вечера, жалѣла о томъ, что Жюли была здѣсь и ей некому было писать. Княжнѣ Мары въ Москвѣ не съ кѣмъ было поговорить, некому повѣрить своего горя, а горя много прибавилось нового за это время. Срокъ возвращенія князя Андрея и его женитбы приближался, а его порученіе приготовить къ тому отца не только не было исполнено, но дѣло напротивъ казалось совсѣмъ испорчено, и напоминаніе о графинѣ Ростовой выводило изъ себя старого князя, и такъ уже большую часть времени бывшаго не въ духѣ. Новое горе, прибавившееся въ послѣднее время для княжны Мары, были уроки, которые она давала шестилѣтнему племяннику. Въ своихъ отношеніяхъ съ Николушкой она съ ужасомъ узнавала въ себѣ свойство раздражительности своего отца. Сколько разъ она ни говорила себѣ, что не надо позволять себѣ горячиться, учѧ племянника, почти всякий разъ, какъ она садилась съ указкой за французскую азбуку, ей та же хотѣлось поскорѣе, полегче перелить изъ себя свое знаніе въ ребенка, уже боявшагося, что вотъ-вотъ тети разсердится, что она при малѣйшемъ невниманіи со стороны мальчика вздрогивала, торопилась, горячилась, возвышала голосъ, иногда дергала его за ручку и ставила въ уголъ. Поставивъ его въ уголъ, она сама начинала плакать надъ своею злую, дурною натурой, и Николушка, подражая ей рыданіями, безъ позволенія выходилъ изъ угла, подходилъ къ ней и отдергивалъ отъ лица ея мокрыя руки, и утѣшилъ ее. Но болѣе, болѣе всего горя доставляла княжнѣ раздражительность ея отца, всегда напра-

вленная противъ дочери и дошедшая въ послѣднее время до жестокости. Ежели бы онъ заставлялъ ее всѣ ночи властъ поклоны, ежели бы онъ билъ ее, заставлялъ таскать дрова и воду, — ей бы и въ голову не пришло, что ея положеніе трудно; но этотъ любящій мучитель — самый жестокій отъ того, что онъ любилъ и за то мучилъ себя и ее — умыслилъ умѣль не только оскорбить, унизить ее, но и доказать ей, что она всегда и во всемъ была виновата. Въ послѣднее время въ немъ появилась новая черта, болѣе всего мучившая княжну Марью, — это было его большее и большее сближеніе съ м-ле Бурьеңъ. Пришедшему ему, въ первую минуту по полученіи извѣстія о намѣреніи своего сына, мыслъ-шутка о томъ, что ежели Андрей женится, то и онъ самъ женится на Бурьеңъ — видимо понравилась ему, и онъ съ упорствомъ послѣднее время (какъ казалось княжнѣ Марьѣ) только для того, чтобы ее оскорбить, выказывать особенную ласку къ м-ле Бурьеңъ, и выказывать свое недовольство къ дочери выказываньемъ любви къ Бурьеңъ.

Однажды въ Москвѣ, въ присутствіи княжны Мары (ей казалось, что отецъ нарочно при ней это сдѣлалъ), старый князь поцѣловалъ у м-ле Бурьеңъ руку и, притянувъ ее къ себѣ, обнялъ, ласкалъ. Княжна Марья всхихнула и выѣхала изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ м-ле Бурьеңъ вошла къ княжнѣ Марьѣ, улыбаясь и что-то веселое разсказывая своимъ пріятнымъ голосомъ. Княжна Марья послѣдно отерла слезы, рѣшительными шагами подошла къ Бурьеңъ и, видимо сама того не зная, съ гиѣвию послѣдностью и взрывами голоса, начала кричать на французянку:

— Это гадко, низко, безчеловѣчно пользоваться слабостью...

Она не договорила. — Уйдите вонъ изъ моей комнаты, про кричала она, и зарыдала.

На другой день князь ни слова не сказалъ своей дочери: но она замѣтила, что за обѣдомъ онъ приказалъ подавать кушанье, начиная съ т-ле Бурленъ. Въ концѣ обѣда, когда буфетчикъ, по прежней привычкѣ, опять подалъ кофе, начиная съ княжны, князь вдругъ пришелъ въ бѣшенство, бросилъ костылемъ въ Филиппа, и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе обѣ отдать его въ солдаты:

— Не слышать... два раза сказалъ! не слышать! Она — первый человѣкъ въ этомъ домѣ, она — мой лучшій другъ, кричала князь.— И ежели ты позволишь себѣ, закричала онъ въ гнѣвѣ, въ первый разъ обращаясь къ княжнѣ Марѣ, — еще разъ какъ вчера ты осмѣлилась... забыться предъ ней, то я тебѣ покажу, кто хозяинъ въ домѣ. Вонъ! чтобъ я не видалъ тебя; проси у нея прощенія!

Княжна Марья просила прощенія у Амалии Евгеніевны и у отца за себя и за Филиппа-буфетчика, который просилъ застуны.

Въ такія минуты въ душѣ княжны Марии собиралось чувство, похожее на гордость жертвы. И вдругъ въ такія-то минуты, при ней, этотъ отецъ, котораго она осуждала, или искалъ очки, ощупывая подлѣ нихъ и не видя, или забывалъ то, чѣдѣ сейчасъ было, или дѣлалъ слабѣвшими ногами не вѣрный шагъ и оглядывался, не видаль ли кто его слабости, или, что было хуже всего, онъ за обѣдомъ, когда не было гостей, возбуждавшихъ его, вдругъ задремывалъ, выпуская салфетку, и склонялся надъ тарелкой трясущеюся головой. „Онъ старъ и слабъ, а я смѣю осуждать его!“ думала она съ отвращенiemъ къ самой себѣ въ такія минуты.

III.

Въ 1811-мъ году въ Москвѣ жилъ быстро волеший въ моду французскій докторъ, огромный ростомъ, красавецъ, любезный какъ французъ и, какъ говорили всѣ въ Москвѣ, врачъ необыкновеннаго искусства — Метивье. Онъ былъ принятъ въ домахъ высшаго общества не какъ докторъ, а какъ равный.

Князь Николай Андреичъ, смѣявшийся надъ медициной, послѣднее время, по совѣту т-ра Бурьянъ, допустилъ къ себѣ этого доктора и привыкъ къ нему. Метивье раза два въ недѣлю бывалъ у князя.

Въ Николинъ день, въ именины князя, вся Москва была у подъѣзда его дома, но онъ никого не велѣлъ принимать; а только немногихъ, списокъ которыхъ онъ передалъ княжнѣ Марыѣ, велѣлъ звать къ обѣду.

Метивье, пріѣхавшій утромъ съ поздравленіемъ, въ качествѣ доктора, пашелъ приличнымъ „нарушить приказъ“, какъ онъ сказалъ княжнѣ Марыѣ, и пошелъ къ князю. Случилось такъ, что въ это именинное утро старый князь былъ въ одномъ изъ своихъ самыхъ дурныхъ расположений духа. Онъ цѣлое утро ходилъ по дому, придирился ко всѣмъ и дѣлая видъ, что онъ не понимаетъ того, что ему говорятъ, и что его не понимаютъ. Княжна Марья твердо знала это состояніе духа тихой и озабоченной ворчливости, которая обыкновенно разрѣшалась взрывомъ бѣшенства, и какъ предъ заряженными, съ взведенными курками, ружьемъ, ходила все это утро, ожидая неизбѣжнаго выстрѣла. Утро, до пріѣзда доктора, прошло благополучно. Пропустивъ доктора, княжна Марья сѣла съ книгой въ гостиной у двери, отъ которой она могла слышать все то, что происходило въ кабинетѣ.

Сначала она слышала одинъ голосъ Метивье, потомъ лось отца, потомъ оба голоса заговорили вмѣстѣ, дверь рехнулась, и на порогѣ показалась испуганная красавица-фигура Метивье съ его чернымъ хохломъ, и фигура квадратъ колпакъ и халатъ съ изуродованнымъ бѣшенствомъ лицомъ и опущенными зрачками глазъ.

— Не понимаешь? кричалъ князь, — а я понимаю! французскій шпіонъ, Бонапартовъ рабъ, шпіонъ, вонъ изъ моего дома — вонъ, я говорю! И онъ захлопнулъ дверь.

Метивье, пожимая плечами, подошелъ къ м-Не Бурлем прибѣжавшей на крикъ изъ соседней комнаты.

— Князь не совсѣмъ здоровъ, желчь и приливъ къ головѣ. Не безнокойтесь, я заѣду завтра, сказалъ Метивье и приложивъ палецъ къ губамъ, испѣшно вышелъ.

За дверью слышались шаги въ туфляхъ и крики: „Шпіоны измѣнили, вездѣ измѣнили! Въ своеемъ домѣ пять минутъ покоя!“

Послѣ отѣзда Метивье старый князь позвалъ къ себѣ дочь, и вся сила его гиѣва обрушилась на нее. Она была виновата въ томъ, что къ нему пустили шпиона. Вѣдь она сказала, ей сказать, чтобы она составила списокъ, и тѣхъ, кого не было въ спискѣ, чтобы не пускали. Зачѣмъ же пустили этого мерзавца! Она была причиной всего. Съ нею она не могъ имѣть ни минуты покоя, не могъ умереть спокойно, говорилъ онъ.

— Нѣть, матушка, разойтись, разойтись, это вы знайте. знайте! Я теперь больше не могу, сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. И какъ будто боясь, чтобы она не сумѣла какъ-нибудь утѣшиться, онъ вернулся къ ней и стараясь принять спокойный видъ, прибавилъ: — И не думайте, чтобы

я это сказаъ вамъ въ минуту сердца, а я спокоенъ, и я обдумаъ это; и это будетъ — разойтись, поищите себѣ мѣста!... Но онъ не выдержаъ и съ тѣмъ озлобленіемъ, которое можетъ быть только у человѣка, который любить, онъ, видимо самъ страдалъ, затрясъ кулаками и прокричалъ ей.

— И хотѣлъ бы какои-нибудь дуракъ взяль ее замужъ! — Онъ хлоннулъ дверью, позвалъ къ себѣ m-lle Буреъ и затихъ въ кабинетѣ.

Въ два часа съѣхались избранныя шесть персонъ къ обѣду. Гости — извѣстный графъ Растанчинъ, князь Лопухинъ съ своимъ племянникомъ, генералъ Чатровъ, старый боевой товарищъ князя, и изъ молодыхъ Ільеръ и Борисъ Друбецкой ждали его въ гостиной.

На дніяхъ пріѣхавшій въ Москву въ отпускъ Борисъ по-желалъ быть представленнымъ князю Николаю Андреевичу, и сумѣлъ до такой степени сискать его расположение, что князь для него сдѣлалъ исключеніе изъ всѣхъ холостыхъ молодыхъ людей, которыхъ онъ не принималъ къ себѣ.

Домъ князи былъ не то, что называется „свѣтъ“ но это былъ такой маленький кружокъ, о которомъ хотя и не слышно было въ городѣ, но въ которомъ лестнѣе всего было быть принятymъ. Это понялъ Борисъ недѣлю тому назадъ, когда при немъ Растанчинъ сказалъ главнокомандующему, звавшему графа обѣдать въ Николинъ день, что онъ не можетъ быть:

— Въ этотъ день ужъ я всегда бѣжу прикладываться къ мощамъ князя Николая Андреевича.

— Ахъ, да, да, отвѣчалъ главнокомандующій. — Что онъ?...

Небольшое общество, собравшееся въ старомодной высокой, съ старовѣ мебелью, гостиной предъ обѣдомъ, было похоже на собравшійся торжественный совѣтъ судилища.

мыслью, что онъ есть толькъ самый отставной московскій камергеръ, тинь котораго онъ такъ глубоко презиралъ сеять лѣтъ тому назадъ.

Иногда онъ утѣшалъ себя мыслями, что это только такъ, покамѣсть онъ ведетъ эту жизнь; но потомъ его ужасала другая мысль, что такъ, покамѣсть, уже сколько людей входили, какъ онъ, со всѣми зубами и волосами въ эту жизнь и въ этотъ клубъ, и выходили оттуда безъ одного зuba и волоса.

Въ минуты гордости, когда онъ думалъ о своемъ положеніи, ему казалось, что онъ совсѣмъ другой, особенный отъ тѣхъ отставныхъ камергеровъ, которыхъ онъ презиралъ прежде, что тѣ были пошлые и глупые, довольные и успокоянныя своимъ положеніемъ, „а я и теперь все недоволенъ, всѣмъ хочется сдѣлать что-то для человѣчества“, говорилъ онъ себѣ въ минуты гордости. „А можетъ быть и всѣ тѣ мни товарищи, точно такъ же, какъ и я, бились, искали какой-то новой, своей дороги въ жизни, и такъ же, какъ и я, силой обстановки, общества, породы, тою стихійною силой, противъ которой не властенъ человѣкъ, были приведены туда же, куда и я“, говорилъ онъ себѣ въ минуты скромности, покидавши въ Москвѣ нѣсколько времени, онъ не презиралъ уже, а начиналъ любить, уважать и жалѣть, такъ же, какъ и себѣ, своихъ по судьбѣ товарищѣй.

На Шера не находили, какъ прежде, минуты отчаянія, хандры и отвращенія въ жизни; но та же болѣзнь, выражавшаяся прежде рѣзкими припадками, была притащена внутрь и имъ на мгновеніе не покидала его. Кто чому? Зачѣмъ? Что такое творится на свѣтѣ? испрашивали онъ себѣ съ недоумѣніемъ по нѣскольку разъ въ день, нѣсколько начинан вду-

мываться въ смыслъ явленій жизни; но опытомъ зналъ, что на вопросы эти не было отвѣтовъ, оль поспѣшно старался отвернуться отъ нихъ, брался за книгу, или спѣшилъ въ клубъ, или въ Аполлону Николаевичу болтать о городскихъ сплетняхъ.

„Елена Васильевна, никогда ничего не любившая кромѣ своего тѣла, и одна изъ самыхъ глупыхъ женщинъ въ мірѣ“, думалъ Пьеръ, „представляется людямъ верхомъ ума и утонченности, и предъ ней преклоняются. Наполеонъ Бонапартъ былъ презираемъ всѣми до тѣхъ поръ, пока онъ былъ велись, и съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ жалкимъ комедиантомъ — императоръ Францъ добивается предложить ему свою дочь въ незаконныхъ супруги. Испанцы возсыпаютъ мольбы Богу, черезъ католическое духовенство, въ благодарность за то, что они побѣдили 14-го іюня французовъ, а французы возсыпаютъ мольбы черезъ то же католическое духовенство о томъ, что они 14-го іюня побѣдили испанцевъ. Братья мои масоны вляпнутся кровью въ томъ, что они всѣмъ готовы жертвовать для ближняго, а не платить по одному рублю на сборы для бѣдныхъ, и интригуютъ Астрея противъ ищущихъ манны, и хлоочутъ о настоящемъ шотландскомъ коврѣ въ объ актѣ, смысла которого неизвестъ и тотъ, кто писалъ его, и которого никому не нужно. Всѣ мы исповѣдуемъ христіанскій законъ прощенія обидъ и любви къ ближнему — законъ, всѣдѣствие которого мы воздвигли въ Москвѣ сорокъ сороковъ церквей, а вчера заставили кнутомъ бѣззанного человѣка, и служитель того же самаго закона любви и прощенія, священникъ, давать щловать солдату кресты предъ назибо“. Такъ думалъ Пьеръ, и эта вѣя, общающа всѣми признаваемая ложь, какъ они ни приплѣтали къ ней,

какъ будто что-то новое, всякий разъ изумляла его. — „Я понимаю эту ложь и путаницу“, думалъ онъ, „но какъ мнѣ рассказать имъ все, что тѣ я понимаю? Я пробовалъ и всегда находилъ, что и они въ глубинахъ души понимаютъ то же, что и я, но стараются только не видѣть ея. Стало-быть такъ надо! Но мнѣ-то, мнѣ куда дѣваться?“ думалъ Ньеръ. Онъ испытывалъ несчастную способность многихъ, особенно русскихъ людей, — способность видѣть и вѣрить въ возможность добра и правды, и слишкомъ ясно видѣть зло и ложь жизни, для того чтобы быть въ силахъ принимать въ ней серьезное участіе. Всякая область труда въ глазахъ его соединялась со зломъ и обманомъ. Чѣмъ онъ ни пробовалъ быть, за что онъ ни брался — зло и ложь отталкивали его и загораживали ему всѣ пути дѣятельности. А между тѣмъ надо было жить, надо было быть заняту. Слишкомъ страшно было быть подъ гнетомъ этихъ неразрѣшимыхъ вопросовъ жизни, и онъ отдавался первымъ увлеченіямъ, чтобы только забыть ихъ. Онъ вѣдалъ во всевозможныя общества, иного пиль, мокушалъ картины и строилъ, а главное читалъ.

Онъ читалъ и читалъ все, что тѣкоилось подъ руку, и читалъ такъ, что, прѣхавъ домой, когда лакеи еще раздѣвали его, онъ, уже взявъ книгу, читалъ — и отъ чтенія не переходилъ ко спну, и отъ сна въ болтовнѣ въ гостиныхъ и клубѣ, отъ болтовни къ кутежу и женшинамъ, отъ кутежа опять къ болтовнѣ, чтенію и вину. Пить вино для него становилось все больше и больше физическою и выѣстѣ нравственными потребностью. Несмотря на то, что доктора говорили ему, что, съ его корпуленціей, вино для него опасно, онъ очень много пилъ. Ему становились вполнѣ хорошо только тогда, когда онъ, самъ не замѣчая какъ, опрокинувъ

въ свой большой ротъ нѣсколько стакановъ вина, испытывалъ пріятную теплоту въ тѣлѣ, нѣжность ко всѣмъ своимъ ближнимъ и готовность ума поверхности отзываться на всякую мысль, не углубляясь въ сущность ея. Только выпивъ бутылку и двѣ вина, онъ смутно сознавалъ, что тотъ запутанный, страшный узель жизни, который ужасалъ его прежде, не такъ страшенъ, какъ ему казалось. Съ шумомъ въ головѣ, болтая, слушая разговоры или читая послѣ обѣда и ужина, орь безпрестанно видѣлъ этотъ узель, какою-нибудь стороной его. Но только подъ влияніемъ вина онъ говорилъ себѣ: „Это ничего. Это я распутаю — вотъ у меня и готово объясненіе. Но теперь никогда, — я послѣ обдумаю все это!“ Но это послѣ никогда не приходило.

Натощакъ, поутру, всѣ прежніе вопросы представлялись столь же неразрѣшимыми и страшными, и Пьеръ торопливо хватался за книгу и радовался, когда кто-нибудь приходилъ къ нему.

Иногда Пьеръ вспоминалъ о слышанномъ имъ разсказѣ о томъ, какъ на войнѣ солдаты, находясь подъ выстрелами въ прикрытии, когда имъ дѣлать нечего, старательно изыскиваютъ себѣ занятіе, для того чтобы легче переносить опасность. И Пьеру всѣ люди представлялись такими солдатами, спасающими отъ жизни: кто честолюбiemъ, кто карантинъ, кто писаниемъ законовъ, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто виномъ, кто государственными дѣлами. „Нѣть ни ничтожнаго, ни важнаго, все равно: только бы спастись отъ нея. Какъ умѣю!“ думалъ Пьеръ. — „Только бы не видать ее, эту страшную ее.“

II.

Въ начацѣ зими, князь Николай Андреичъ Болконскій съ дочерью пріѣхали въ Москву. По своему прошедшему, по своему уму и оригинальности, въ особенности по еслабленію на ту пору восторга къ царствованію императора Александра, и по тому антифранцузскому и патріотическому на направленію, которое царствовало въ то время въ Москвѣ, князь Николай Андреичъ сдѣлался тотчасъ же предметомъ особенной почтительности москвичей и центромъ московской оппозиціи правительству.

Князь очень постарѣлъ въ этотъ годъ. Въ немъ появились рѣзкіе признаки старости; неожиданный засыпаныи, забывчивость ближайшихъ по времени событий и памятливость къ давнишнимъ, и дѣтское тщеславіе, съ которымъ онъ принималъ роль главы московской оппозиціи. Несмотря на то, когда старикъ, особенно по вечерамъ, выходилъ къ чаю въ свой шубкѣ и пурпурномъ парикѣ, и начинай, затронутый кѣмъ-нибудь, свои отрывистые разсказы о прошедшемъ, или еще болѣе отрывистыя и рѣзкія сужденія о настоящемъ, — онъ возбуждалъ во всѣхъ своимъ гостямъ одинаковое чувство почтительного уваженія. Для посѣтителей весь этотъ старинный домъ съ огромными трюмо, деревоиздѣліемъ мебелью, этици лакеями въ пурпурѣ, и самъ прошлаго вѣка крутой и умный старикъ съ его кроткою дочерью и короночкою француженкой, которымъ благоговѣли предъ нимъ, — представлялъ величественно пріятное зрѣлище. Но посѣтители не думали о томъ, что кромѣ этихъ двухъ-трехъ часовъ, во время которыхъ они видѣли хозяевъ, было еще 22 часа въ сутки, во время которыхъ шла тайная внутренняя жизнь дома.

Въ послѣднее время въ Москвѣ эта внутренняя жизнь сдѣлалась очень тяжела для княжны Марьи. Она была лишена въ Москвѣ тѣхъ своихъ лучшихъ радостей — бесѣдъ съ Божими людьми и уединенія, которыхъ освѣжали ее въ Лысихъ Горахъ, и не имѣла никакихъ выгодъ и радостей столичной жизни. Въ свѣтѣ она не ъездила: всѣ знали, что отецъ не пускаетъ ее безъ себя, а самъ онъ, по нездоровью, не могъ ъездить, и ее уже не приглашали на обѣды и вечера. Надежду на замужество княжна Марья совсѣмъ оставила. Она видѣла ту холодность и озлобленіе, съ которыми князь Николай Андреичъ принималъ и сироваживалъ отъ себя молодыхъ людей, могущихъ быть женихами, иногда являвшихся въ ихъ домъ. Друзей у княжны Марьи не было: въ этотъ пріѣздъ въ Москву она разочаровалась въ своихъ двухъ самыхъ близкихъ людяхъ: въ П. Бурленѣ, съ которою она и прежде не могла быть вполнѣ откровенна, теперь стала ей непріятна, и она по чѣкоторымъ причинамъ стала отдаляться отъ нея; Жюли, которая была въ Москвѣ и къ которой княжна Марья писала пять лѣтъ сряду, оказалась совершенно чужою ей, когда княжна Марья вновь сошлась съ нею лично. Жюли въ это время, по случаю смерти братьевъ, сдѣлавшихъ одною изъ самыхъ богатыхъ невѣсть въ Москвѣ, находилась во всемъ разгарѣ свѣтскихъ удовольствій. Она была окружена молодыми людьми, которые, какъ она думала, вдругъ оцѣнили ея достоинства. Жюли находилась въ томъ періодѣ старѣющейся свѣтской барышни, которая чувствуетъ, что наступилъ послѣдній шансъ замужества, и теперь или никогда должна рѣшииться ея участъ. Княжна Марья съ грустною улыбкой вспоминала по четвергамъ, что ей теперь писать не къ кому, такъ какъ Жюли,

Жюли, отъ присутствія которой ей не было никакой радости, была здѣсь и видѣлась съ нею каждую недѣлю. Она, какъ старый эмигрантъ, отказанійся жениться на дамѣ, у которой онъ проводилъ нѣсколько лѣтъ свои вечера, жалѣла о томъ, что Жюли была здѣсь и ей некому было писать. Княжнѣ Марыѣ въ Москвѣ не съ кѣмъ было поговорить, некому повѣрить своего горя, а горя много прибавилось новаго за это время. Срокъ возвращенія князя Андрея и его женитбы приближался, а его порученіе приготовить къ тому отца не только не было исполнено, но дѣло напротивъ казалось совсѣмъ испорчено, и напоминаніе о графини Ростовой выводило изъ себя стараго князя, и такъ уже большую часть времени бывшаго не въ духѣ. Новое горе, прибавившееся въ послѣднее время для княжны Марыи, были уроки, которые она давала шестилѣтнему племяннику. Въ своихъ отношеніяхъ съ Николушкой она съ ужасомъ узнавала въ себѣ свойство раздражительности своего отца. Сколько разъ она ни говорила себѣ, что не надо позволять себѣ горячиться, уча племянника, почти всякий разъ, какъ она садилась съ указкой за французскую азбуку, ей таѣхъ хотѣлось поскорѣе, полегче перелить изъ себя свое знаніе въ ребенка, уже боявшагося, что вотъ-вотъ тетя разсердится, что она при малѣйшемъ невниманіи со стороны мальчика вздрогивала, торопилась, горячилась, возвышала голосъ, иногда дергала его за ручку и ставила въ уголь. Поставивъ его въ уголь, она сама начинала плакать надъ свою злую, дурною натурой, и Николушка, подражая ей рыданіями, безъ позволенія выходилъ изъ угла, подходилъ къ ней и отдергивалъ отъ лица ея мокрыя руки, и утѣшалъ ее. Но болѣе, болѣе всего горя доставляла княжнѣ раздражительность ея отца, всегда напра-

вленная противъ дочери и дошедшая въ послѣднее время до жестокости. Ежели бы онъ заставлялъ ее всѣ ночи класть поклоны, ежели бы онъ билъ ее, заставлялъ таскать дрова и воду, — ей бы и въ голову не пришло, что ея положеніе трудно; но этотъ любящій мучитель — самый жестокій отъ того, что онъ любилъ и за то мучилъ себя и ее — умышленно умѣль не только оскорбить, унизить ее, но и доказать ей, что она всегда и во всемъ была виновата. Въ послѣднее время въ немъ появилась новая черта, болѣе всего мучившая княжну Марью, — это было его большее и большееближеніе съ m-me Бурьеnъ. Пришедшая ему, въ первую минуту по полученіи извѣстія о замѣреніи своего сына, мысль-шутка о томъ, что ежели Андрей женится, то и онъ самъ женится на Бурьеnъ — видимо понравилась ему, и онъ съ упорствомъ послѣднее время (какъ казалось княжнѣ Марьѣ) только для того, чтобы ее оскорбить, выказывалъ особенную ласку къ m-me Бурьеnъ, и выказывалъ свое недовольство къ дочери выказываньемъ любви къ Бурьеnъ.

Однажды въ Москвѣ, въ присутствіи княжны Мары (ей казалось, что отецъ нарочно при ней это сдѣлалъ), старый князь поцѣловалъ у m-me Бурьеnъ руку и, притянувъ ее къ себѣ, обнялъ, лаская. Княжна Марья вспыхнула и выѣхала изъ комнаты. Черезъ пѣсколько минутъ m-me Бурьеnъ вошла къ княжнѣ Марьѣ, улыбаясь и что-то веселое разсказывая своимъ пріятнымъ голосомъ. Княжна Марья послѣдично отерла слезы, рѣшительными шагами подошла къ Бурьеnъ и, видимо сама того не зная, съ гиѣвною послѣдностью и взрывами голоса, начала кричать на францужэнку:

— Это гадко, низко, безчеловѣчно пользоваться слабостью...

Она не договорила. — Уйдите вонъ изъ моей комнаты, про кричала она, и зарыдала.

На другой день князь ни слова не сказалъ своей дочери; но она замѣтила, что за обѣдомъ онъ приказалъ подавать кушанье, начиная съ m-me Бурленъ. Въ концѣ обѣда, когда буфетчикъ, по прежней привычкѣ, опять подалъ кофе, начиная съ княжны, князь вдругъ пришелъ въ бѣшенство, бросилъ костылемъ въ Филиппа, и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ отдачѣ его въ солдаты.

— Не слышать... два раза сказалъ! не слышать! Она — первый человѣкъ въ этомъ домѣ, она — мой лучшій другъ, кричалъ князь.— И ежели ты позволишь себѣ, закричалъ онъ въ гневѣ, въ первый разъ обращаясь къ княжнѣ Марѣ, — еще разъ какъ вчера ты осмѣлилась... забыться предъ ней, то я тебѣ покажу, кто хозяинъ въ домѣ. Вонъ! чтобъ я не видалъ тебя; прося у нея прощенія!

Княжна Марья просила прощенія у Амалии Евгеніевны и у отца за себя и за Филиппа-буфетчика, который просилъ застуши.

Въ такія минуты въ душѣ княжны Марии собиралось чувство, похожее на гордость жертвы. И вдругъ въ такія-то минуты, при ней, этотъ отецъ, которого она осуждала, или искалъ очки, ощупывая подлѣ нихъ и не видя, или забывалъ то, что сейчасъ было, или дѣлалъ слабѣвшими ногами невѣрный шагъ и оглядывался, не видать ли кто его слабости, или, что было хуже всего, онъ за обѣдомъ, когда не было гостей, возбуждавшихъ его, вдругъ задремывалъ, выпускалъ салфетку, и склонялся надъ тарелкой трясущеюся головой. „Онъ старъ и слабъ, а я смѣю осуждать его!“ думала она съ отвращеніемъ къ самой себѣ въ такія минуты.

III.

Въ 1811-мъ году въ Москвѣ жилъ быстро вошедшій въ моду французскій докторъ, огромный ростомъ, красавецъ, любезный какъ французъ и, какъ говорили всѣ въ Москвѣ, врачъ необыкновенаго искусства — Метивье. Онъ былъ принятъ въ домахъ высшаго общества не какъ докторъ, а какъ равный.

Князь Николай Андреичъ, смѣявшійся надъ медициной, послѣднее время, по совѣту т-ра Бурбенъ, допустилъ къ себѣ этого доктора и привыкъ къ нему. Метивье раза два въ недѣлю бывалъ у князя.

Въ Николинъ день, въ именины князя, вся Москва была у подъѣзда его дома, но онъ никого не велѣлъ принимать; а только немногихъ, списокъ которыхъ онъ передалъ княжнѣ Марьѣ, велѣлъ звать къ обѣду.

Метивье, пріѣхавшій утромъ съ поздравленіемъ, въ качествѣ доктора, пашель приличнымъ „нарушить приказъ“, какъ онъ сказалъ княжнѣ Марью, и пошелъ къ князю. Случилось такъ, что въ это именинное утро старый князь былъ въ одномъ изъ своихъ самыхъ дурныхъ расположений духа. Онь цѣлое утро ходилъ по дому, придирился ко всѣмъ и дѣла видѣлъ, что онъ не понимаетъ того, чѣмъ ему говорятъ, и что его не понимаютъ. Княжна Марья твердо знала это состояніе духа тихой и озабоченной ворчливости, которая обыкновенно разрѣшалась взрывомъ бѣшенства, и какъ предъ заряженнымъ, съ взвѣденными курками, ружьемъ, ходила все это утро, ожидая неизбѣжнаго выстрѣла. Утро, до пріѣзда доктора, прошло благополучно. Пропустивъ доктора, княжна Марья сѣла съ книгой въ гостиной у двери, отъ которой она могла слышать все то, чѣмъ происходило въ кабинетѣ.

Сначала она слышала одинъ голосъ Метивье, потомъ лось отца, потомъ оба голоса заговорили вмѣстѣ, дверь захлопнулась, и на порогѣ показалась испуганная красавица Фигура Метивье съ его чернымъ хохломъ, и фигура князя колпакѣ и халатѣ съ изуродованнымъ бѣшенствомъ лицомъ и опущенными зрачками глазъ.

— Не понимаешь? кричалъ князь, — а я понимаю! французскій шпионъ, Бонапартовъ рабъ, шпионъ, вонъ изъ моего дома — вонъ, я говорю! И онъ захлопнулъ дверь.

Метивье, пожимая плечами, подошелъ къ м-ле Бурлену прибѣжавшей на крикъ изъсосѣдней комнаты.

— Князь не совсѣмъ здоровъ, желчь и приливъ къ головѣ. Не безнокойтесь, я заѣду завтра, сказала Метивье и приложивъ палецъ къ губамъ, поспѣшно вышелъ.

За дверью слышались шаги въ туфляхъ и крики: „Шпионы измѣнники, вездѣ измѣнники! Въ своею домѣ пѣть минуты покоя!“

Послѣ отѣзда Метивье старый князь позвалъ къ себѣ дочь, и вся сила его гиѣва обрушилась на нее. Она была виновата въ томъ, что къ нему пустили шпиона. Вѣдь она сказала, ей сказала, чтобы она составила списокъ, и тѣхъ кого не было въ спискѣ, чтобы не пускали. Зачѣмъ они пустили этого мерзавца! Она была причиной всего. Съ нею она не могла имѣть ни минуты покоя, не могла умереть спокойно, говорилъ онъ.

— Нѣть, матушка, разойтись, разойтись, это вы знаете, знайте! Я теперь больше не могу, сказала онъ и вышелъ изъ комнаты. И какъ будто боясь, чтобы она не сумѣла какъ-нибудь утѣшиться, онъ вернулся къ ней и старался принять спокойный видъ, прибавилъ: — И не думайте, чтобъ

я это сказала вамъ въ минуту сердца, а я спокоенъ, и я обдумалъ это; и это будетъ — разойтись, поищите себѣ мѣста!... Но онъ не выдержалъ и съ тѣмъ озлобленіемъ, которое можетъ быть только у человѣка, который любить, онъ, видимо самъ страдалъ, затрясъ кулаками и прокричалъ ей.

— И хоть бы какой-нибудь дуракъ взялъ ее замужъ! — Онъ хлопнулъ дверью, позвалъ къ себѣ ш-ле Буренъ и затихъ въ кабинетѣ.

Въ два часа съѣхались избранныя шесть персонъ къ обѣду. Гости — известный графъ Растопчинъ, князь Лопухинъ съ своимъ племянникомъ, генералъ Чатровъ, старый боевой товарищъ князя, и изъ молодыхъ Пьеръ и Борисъ Друбецкой ждали его въ гостиной.

На дняхъ пріѣхавшій въ Москву въ отпускъ Борисъ по-желалъ быть представленнымъ князю Николаю Андреевичу, и сумѣлъ до такой степени спискать его расположение, что князь для него сдѣлалъ исключение изъ всѣхъ холостыхъ молодыхъ людей, которыхъ онъ не принималъ къ себѣ.

Домъ князя былъ не то, что называется „свѣтъ“ но это былъ такой маленький кружокъ, о которомъ хотя и не слышно было въ городѣ, но въ которомъ лестнѣе всего было быть принятымъ. Это понялъ Борисъ недѣлю тому назадъ, когда при немъ Растопчинъ сказалъ главнокомандующему, звавшему графа обѣдать въ Николинъ день, что онъ не можетъ быть:

— Въ этотъ день ужъ я всегда йзжу прикладываться къ мощамъ князя Николая Андреевича.

— Ахъ, да, да, отвѣчалъ главнокомандующій. — Что онъ?...

Небольшое общество, собравшееся въ старомодной высокой, съ старовѣ мебелью, гостиной предъ обѣдомъ, было похоже на собравшійся торжественный совѣтъ судилища.

Всѣ молчали, и ежели говорили, то говорили тихо. Кнѧзь Николай Андреичъ вышелъ серъезенъ и молчаливъ. Кнѧзь Марья еще болѣе казалась тихою и робкою, чѣмъ обыкновенно. Гости неохотно обращались къ ней, потому что здѣли, что ей было не до ихъ разговоровъ. Графъ Растопчинъ одинъ держалъ нить разговора, рассказывая о послѣднихъ то городскихъ, то политическихъ новостяхъ.

Лопухинъ и старый генералъ изрѣдка принимали участіе въ разговорѣ. Кнѧзь Николай Андреичъ слушалъ, какъ всховный судья слушаетъ докладъ, который дѣлаютъ ему, толы изрѣдка молчаниемъ или короткимъ словцомъ заявляя, что онъ принимаетъ къ свѣдѣнію то, что ему докладываются. Тонъ разговора былъ такой, что понятно было, никто не одобрилъ того, что дѣжалось въ политическомъ мірѣ. Рассказывали о событияхъ, очевидно подтверждающихъ то, что все шло хуже и хуже; но во всякомъ разсказѣ и сужденіи было поразительно то, какъ разсказчикъ останавливался или бывалъ останавливаешься всякой разъ на той границѣ где сужденіе могло относиться къ лицу государя императора.

За обѣдомъ разговоръ зашелъ о послѣдней политической новости, о захватѣ Наполеономъ владѣній герцога Ольденбургскаго и о русской враждебной Наполеону ногѣ, посланной ко всѣмъ европейскимъ дворамъ.

— Бонапартъ поступасть съ Европой какъ пиратъ на захваченномъ кораблѣ, сказалъ графъ Растопчинъ, повторяя уже не сколько разъ говоренную имъ фразу. — Удивляешься только долготерпѣнію или ослѣщенію государей. Теперь дѣло доходитъ до пана, и Бонапартъ, уже не стѣсняясь, хочетъ низвергнуть главу католической религіи, и всѣ молчать! Одинъ нашъ государь протестовалъ противъ захвата

владѣній герцога Ольденбургскаго. И то... Графъ Растопчинъ замолчалъ, чувствуя, что онъ стоялъ на томъ рубежѣ, гдѣ уже нельзя осуждать.

— Предложили другія владѣнія замѣсто Ольденбургскаго герцогства, сказаль князь Николай Андреичъ. -- Точно я мужиковъ изъ Лысыхъ Горъ переселилъ въ Богучарово и въ рязанскій, такъ и онъ герцоговъ.

— Герцогъ Ольденбургскій переносить свое несчастіе съ удивительною силой характера и спокойствіемъ, сказаль Борисъ почтительно вступая въ разговоръ. Онъ сказалъ это потому, что проѣздомъ изъ Петербурга имѣлъ честь представляться герцогу. Князь Николай Андреичъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка такъ, какъ будто опь хотѣлъ бы ему сказать кое-что на это, но раздумалъ, считая его слишкомъ для того младымъ.

— Я читалъ нашъ протестъ объ Ольденбургскомъ дѣлѣ и удивлялся плохой редакціи этой ноты, сказаль графъ Растопчинъ, небрежнымъ тономъ человѣка, судящаго о дѣлѣ ему хорошо знакомомъ.

Пьеръ съ наивнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на Растопчина, не понимая, почему его беспокоила плохая редакція ноты.

— Развѣ не все равно, какъ написана нота, графъ? сказаль онъ, — ежели содержаніе ея сильно.

— Мой милый, съ 500 тысячами войска было бы легко имѣть хороший слогъ, сказаль графъ Растопчинъ. Пьеръ понялъ, почему графа Растопчина беспокоила редакція ноты.

— Кажется, писакъ довольно разведось, сказаль старый князь: — тамъ въ Петербургѣ все пишутъ, не только ноты, — новые законы все пишутъ. *Мой Андрюша* тамъ для Россіи

цѣлый волюмъ законовъ написалъ. Иныче все пишутъ! Но неестественно засмѣялся.

Разговоръ замолкъ на минуту; старый генераль проем ливающъ обратилъ на себя вниманіе.

— Изволили слышать о послѣднемъ событіи на смотрѣ въ Петербургѣ? какъ себя новые французскіе посланники показали!

— Чѣмъ? Да, я слышалъ что-то; опѣчь что-то человѣка звать при его величествѣ.

— Его величество обратилъ его вниманіе на гренадерскую дивизію и церемоніальный маршъ, продолжать генераль, — и будто посланникъ никакого вниманія не обратилъ и будто позволилъ себѣ сказать, что мы у себя во Франціи на такихъ пустяки не обращаемъ вниманія. Государь ничего не изволилъ сказать. На слѣдующемъ смотрѣ, говорить, государь ни разу не изволилъ обратиться къ нему.

Всѣ замолчали: на этотъ фактъ, относившійся лично къ государю, нельзя было заявлять никакого сужденія.

— Дерзки! сказалъ князь. — Знаете Метивье? Я иныче выгналъ его отъ себя. Онъ здѣсь былъ, пустили ко мнѣ, какъ я ни просилъ никого не пускать, сказалъ князь, сердито взглянувъ на дочь. И онъ рассказалъ весь свой разговоръ съ французскимъ докторомъ и причины, почему онъ уѣхалъ, что Метивье шпионъ. Хотя причины эти были очень недостаточны и неясны, никто не возражалъ.

За жаркимъ подали шампанское. Гости встали съ своихъ местъ, поздравляя стараго князя. Княжна Марья тоже подошла къ нему.

Онъ взглянулъ на нее холоднымъ, злымъ взглядомъ и подставилъ ей сморщенную, выбритую щеку. Все выраже-

ніє его лица говорило ей, что утренний разговоръ имъ не забыть, что рѣшеніе его осталось въ прежней силѣ, и что только благодаря присутствію гостей, онъ не говорить ей этого теперь.

Когда вышли въ гостиную къ кофе, старики сѣли вмѣстѣ.

Князь Николай Андреичъ болѣе оживился и высказалъ свой образъ мыслей насчетъ предстоящей войны.

Онъ сказалъ, что войны наши съ Бонапартомъ до тѣхъ поръ будуть несчастливы, пока мы будемъ искать союзникъ съ нѣмцами и будемъ соваться въ европейскія дѣла, въ которыхъ наше втянуло Тильзитскій миръ. Намъ ни за Австрію, ни противъ Австріи не надо было воевать. Наша политика вся на Бостокѣ, а въ отношеніи Бонапарта одно — вооруженіе на границѣ, и твердость въ политикѣ, и никогда онъ не посмѣеть переступить русскую границу, какъ въ седьмомъ году.

— И гдѣ намъ, князь, воевать съ французами! сказали графъ Растопчинъ. — Развѣ мы противъ нашихъ учителей и боговъ можемъ ополчиться? Посмотрите на нашу молодежь, посмотрите на нашихъ барынь. Наши боги — французы, наше царство небесное — Парижъ.

Онъ сталъ говорить громче, очевидно для того, чтобы его слышали все.

— Костюмы французскіе, мысли французскія, чувства французскія! Вы вотъ Метивые въ запасъ выгнали, потому что онъ французъ и негодяй, а наши барыни за него ползкомъ ползаютъ. Вчера я на вечерѣ былъ, такъ изъ пяти барынь три католички и по разрѣшенію папы въ воскресенье по канѣ шлютъ. А сами чуть не голыя сидятъ, какъ вывески торговыхъ башнъ, съ позволенія сказать. Эхъ, поглядишь на

напу молодежь, князь, взялъ бы старую дубину Петра Великаго изъ кунсткамеры, да по-русски бы обломать бока, вѣдь дурь соскочила!

Всѣ замолчали. Старый князь съ улыбкой на лицѣ смотрѣлъ на Растопчина и одобрительно покачивалъ головой.

— Ну, прощайте, ваше сиятельство, не хворайте, сказалъ Растопчинъ, съ свойственными ему быстрыми движеніями поднималсь и протягивая руку князю.

— Прощай, голубчикъ, — гусли, всегда заслушаюсь его, сказалъ старый князь, удерживая его за руку и подставляя ему для поцѣлуя щеку. Съ Растопчиннымъ поднялись и другие.

IV.

Княжна Марья, сидя въ гостиной и слушая эти толки и пересуды стариковъ, ничего не понимала изъ того, что она слышала; она думала только о томъ, не замѣчаютъ ли всѣ гости враждебныхъ отношеній ея отца къ ней. Она даже не замѣтила особеннаго вниманія и любезностей, которыя ей во все время этого обѣда оказывалъ Друбецкой, уже третій разъ бывшій въ ихъ домѣ.

Княжна Марья съ разсѣяннымъ, вопросительнымъ взглядомъ обратилась къ Пьеру, который послѣдній изъ гостей съ пляской въ рукѣ и съ улыбкой на лицѣ, подошелъ къ ней послѣ того, какъ князь вышелъ, и они одни оставались въ гостиной.

— Можно еще посидѣть? сказалъ онъ, своимъ толстымъ тѣломъ валяясь въ кресло подле княжны Марьи.

— Ахъ, да, сказала она. „Вы ничего не замѣтили?“ сказалъ ея взглядъ.

Пьеръ находился въ пріятномъ, послѣ-обѣденномъ состояніи духа. Онъ глядѣлъ предъ собою и тихо улыбался.

— Давно вы знаете этого молодаго человѣка, книжна? сказаъ онъ.

— Какого?

— Друбецкаго.

— Нѣтъ, недавно...

— Что, онъ вамъ нравится?

— Да, онъ пріятный молодой человѣкъ... Отчего вы у меня это спрашиваете? сказала книжна Марья, продолжая думать о своемъ утреннемъ разговорѣ съ отцомъ.

— Оттого, что я сдѣлалъ наблюденіе, — молодой человѣкъ обыкновенно изъ Петербурга пріѣзжаетъ въ Москву въ отпускъ только съ цѣлью жениться на богатой невѣстѣ.

— Вы сдѣлали это наблюденіе? сказала книжна Марья.

— Да, продолжалъ Пьеръ съ улыбкой, — и этотъ молодой человѣкъ теперь себя такъ держитъ, что, — гдѣ есть богатыя невѣсты — тамъ и онъ... Я какъ по книгѣ читаю въ немъ. Онъ теперь въ нерѣшительности, кого ему атаковать: васъ или ш-ле Жюли Карагину. Онъ къ ней очень внимателенъ.

— Онъѣздить къ нимъ?

— Да, очень часто. И знаете вы новую машину ухаживать? съ веселую улыбкой сказаъ Пьеръ, видимо находясь въ томъ веселомъ духѣ добродушной насмѣшки, за который онъ такъ часто въ дневникѣ упрекалъ себя.

— Нѣтъ, сказала книжна Марья.

— Теперь, чтобы понравиться московскимъ дѣвицамъ — надо быть меланхоличнѣмъ. Онъ очень меланхоличенъ при ней, сказаъ Пьеръ.

— Правда? сказала книжна Марья, глядя въ доброе лицо

Цыпра и не переставая думать о своем горе. „Мне бы легче было“, думала она, „если бы я решилась поведать комунибудь все, что я чувствую. И я бы желала именно Цыпру сказать все. Онъ такъ добръ и благороденъ. Мне бы легче стало. Онъ мнѣ подалъ бы советъ!“

— Пошли бы вы за него замужъ? спросилъ Цыпъ.

— Ахъ, Боже мой, графъ! есть такія минуты, что я пошла бы за всякаго, вдругъ неожиданно для самой себя, со слезами въ голосѣ, сказала княжна Марья. — Ахъ, какъ тяжело бываетъ любить человѣка близкаго и чувствовать, что ничего (продолжала она дрожащимъ голосомъ) не можешь для него сдѣлать, кроме горя, когда знаешь, что не можешь этого перемѣнить. Тогда одно — уйти, а куда май уйти?

— Что вы, чтѣ съ вами, княжна?

Но княжна, не договоривъ, заплакала.

— Я не знаю, что со мной вынчѣ. Не слушайте меня, забудьте, что я вамъ сказала.

Вся веселость Цыпра исчезла. Онъ озабоченно разспрашивалъ княжну, просилъ ее высказать все, повѣрить ему свое горе; но она только повторяла, что просить его забыть то, что она сказала, что она не помнить, что она сказала, и что у нея нѣтъ горя, кроме того, которое онъ знаетъ — горя о томъ, что желаніе боярина Андрея угрожаетъ поссорить отца съ сыномъ.

— Слышали ли вы про Ростовыхъ? спросила она, чтобы перемѣнить разговоръ. — Мне говорили, что они скоро будутъ. Андрея я тоже жду каждый день. Я бы желала, чтобы они увидѣлись здѣсь.

— А какъ онъ смотритъ теперь на это дѣло? спросилъ Цыпъ, подъ онъ разумѣя старого боярина. Княжна Марья покачала головой.

— Но что же дѣлать? До года остается только нѣсколько мѣсяцевъ. И это не можетъ быть. Я бы только желала избавить брата отъ первыхъ минутъ. Я желала бы, чтобы онъ скорѣе пріѣхали. Я надѣюсь сойтись съ ню... Вы ихъ давно знаете, сказала княжна Марья, — скажите мнѣ, положа руку на сердце, всю истинную правду, чѣмъ это за дѣвушка и какъ вы находите ее? Но всю правду; потому что, вы понимаете, что Андрей такъ много рискуетъ, дѣлая это противъ воли отца, что я бы желала знать...

Нелѣнныи инстинктъ сказалъ Пьеру, что въ этихъ оговоркахъ и повторляемыхъ просьбахъ сказать *всю правду* выражалось недоброжелательство княжны Марии къ своей будущей невѣсткѣ, что ей хотѣлось, чтобы Пьеръ не одобрилъ выбора князя Андрея; но Пьеръ сказалъ то, что онъ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ думалъ.

— Я не знаю, какъ отвѣтить на вашъ вопросъ, сказалъ онъ, покраснѣвъ самъ не зная отъ чего. — Я рѣшительно не знаю, чѣмъ это за дѣвушка; я никакъ не могу анализировать ее. Она обворожительна. А отчего, я не знаю: вотъ все, что можно про нее сказать. — Княжна Марья вздохнула, и выраженіе ея лица сказала: „Да, я этого ожидала и боялась“.

— Умна она? спросила княжна Марья. Пьеръ задумался.

— Я думаю нѣть, сказалъ онъ, — а впрочемъ да. Она не удостоивается быть умною... Да, вѣтъ, она обворожительна, и больше ничего. Княжна Марья опять неодобрительно покачала головой.

— Ахъ, я такъ желаю любить ее! Вы сей это скажите, ежели увидите ее прежде меня.

— Я слышалъ, что они на дняхъ будутъ, сказалъ Пьеръ. Княжна Марья сообщила Пьеру свой планъ о томъ, какъ

Она не договорила. — Уйдите вонъ изъ моей комнаты, про кричала она, и зарыдала.

На другой день князь ни слова не сказалъ своей дочери; но она замѣтила, что за обѣдомъ онъ приказалъ подавать кушанье, начиная съ m-lle Бурленъ. Въ концѣ обѣда, когда буфетчикъ, по прежней привычкѣ, опять подалъ кофе, начиная съ княжны, князь вдругъ пришелъ въ бѣшенство, бросилъ костылемъ въ Филиппа, и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ отдачѣ его въ солдаты.

— Не слышать... два раза сказалъ! не слышать! Она — первый человѣкъ въ этомъ домѣ, она — мой лучшій другъ, кричалъ князь. — И ежели ты позволишь себѣ, закричалъ онъ въ гневѣ, въ первый разъ обращаясь къ княжнѣ Марѣ, — еще разъ какъ вчера ты осмѣлилась... забыться предъ ней, то я тебѣ покажу, кто хозяинъ въ домѣ. Вонъ! чтобъ я не видалъ тебя; проси у нея прощенія!

Княжна Марья просила прощенія у Амалии Евгеніевны и у отца за себя и за Филиппа-буфетчика, который просилъ застуны.

Въ такія минуты въ душѣ княжны Маріи собиралось чувство, похожее на гордость жертвы. И вдругъ въ такія-то минуты, при ней, этотъ отецъ, которого она осуждала, или искалъ очки, ощупывая подлѣ нихъ и не видя, или забывалъ то, чѣмъ сейчасъ было, или дѣлалъ слабѣвшими ногами не вѣрный шагъ и оглядывался, не видать ли кто его слабости, или, что было хуже всего, онъ за обѣдомъ, когда не было гостей, возбуждавшихъ его, вдругъ задремывалъ, выпускалъ салфетку, и склонялся надъ тарелкой трясущеюся головой. „Онъ старъ и слабъ, а я смѣю осуждать его!“ думала она съ отвращеніемъ къ самой себѣ въ такія минуты.

III.

Въ 1811-мъ году въ Москвѣ жилъ быстро вошедшій въ моду французскій докторъ, огромный ростомъ, красавецъ, любезный какъ французъ и, какъ говорили всѣ въ Москвѣ, врачъ необыкновеннаго искусства — Метивье. Онъ былъ принятъ въ домахъ высшаго общества не какъ докторъ, а какъ равный.

Князь Николай Андреичъ, смѣявшійся надъ медициной, послѣднее время, по совѣту пр-ла Бурбенъ, допустилъ къ себѣ этого доктора и привыкъ къ нему. Метивье раза два въ недѣлю бывалъ у князя.

Въ Николинъ день, въ именины князя, вся Москва была у подъѣзда его дома, но онъ никого не велѣлъ принимать; а только немногихъ, списокъ которыхъ онъ передалъ княжнѣ Марѣ, велѣлъ звать къ обѣду.

Метивье, приѣхавшій утромъ съ поздравленіемъ, въ качествѣ доктора, пашелъ приличнымъ „нарушить приказъ“, какъ онъ сказалъ княжнѣ Марѣ, и пошелъ къ князю. Случилось такъ, что въ это именинное утро старый князь былъ въ одномъ изъ своихъ самыхъ дурныхъ расположений духа. Онъ цѣлое утро ходилъ по дому, придириаясь ко всѣмъ и дѣлая видъ, что онъ не понимаетъ того, что ему говорятъ, и что его не понимаютъ. Княжна Марья твердо знала это состояніе духа тихой и озабоченной ворчливости, которая обыкновенно разрѣшалась взрывомъ бѣшенства, и какъ предъ заряженнымъ, съ взведенными курками, ружьемъ, ходила все это утро, ожидая неизбѣжнаго выстрѣла. Утро, до приѣзда доктора, прошло благополучно. Пропустивъ доктора, княжна Марья сѣла съ книгой въ гостиной у двери, отъ которой она могла слышать все то, что происходило въ кабинетѣ.

Сначала она слышала одинъ голосъ Метивье, потомъ послось отца, потомъ оба голоса заговорили вмѣстѣ, дверь разошнулась, и на порогѣ показалась испуганная красная фигура Метивье съ его чернымъ хохломъ, и фигура князя колпакъ и халатъ съ изуродованнымъ бѣшенствомъ лицомъ и опущенными зрачками глазъ.

— Не понимаешь? кричалъ князь, — а я понимаю! французскій шпіонъ, Бонапартовъ рабъ, шпіонъ, вонъ изъ моего дома — вонъ, я говорю! И отъ захлопнулъ дверь.

Метивье, пожимая плечами, подошелъ къ т-ще Бурбель прибѣжавшей на крикъ изъсосѣдней комнаты.

— Князь не совсѣмъ здоровъ, желчь и приливъ къ головѣ. Не безнокойтесь, я завѣду завтра, сказалъ Метивье и приложивъ палецъ къ губамъ, поспѣшно вышелъ.

За дверью слышались шаги въ туфляхъ и крики: „Шпіоны, измѣнники, вездѣ измѣнники! Въ свое мѣсто домъ нѣть минуты покоя!“

Послѣ отѣзда Метивье старый князь позвалъ къ себѣ дочь, и вся сила его гнѣва обрушилась на нее. Она была виновата въ томъ, что къ нему пустили шпіона. Вѣдь онъ сказалъ, ей сказалъ, чтобы она составила списокъ, и тѣхъ, кого не было въ спискѣ, чтобы не пускали. Зачѣмъ же пустили этого мерзавца! Она была причиной всего. Съ нею она не могъ имѣть ни минуты покоя, не могъ умереть спокойно, говорилъ онъ.

— Нѣть, матушка, разойтись, разойтись, это вы знайте, знайте! Я теперь больше не могу, сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. И какъ будто боясь, чтобы она не сумѣла какъ-нибудь утѣшиться, онъ вернулся къ ней и стараясь принять спокойный видъ, прибавилъ: — И не думайте, чтобы

я это сказала вамъ въ минуту сердца, а я спокойна, и я обдумала это; и это будеъ — разойтись, пониците себѣ мѣста!... Но онъ не выдержалъ и съ тѣмъ озлобленіемъ, которое можетъ быть только у человѣка, который любить, онъ, видимо самъ страдалъ, затрясъ кулаками и прокричалъ ей.

— И хоть бы какой-нибудь дуракъ взялъ ее замужъ! — Онъ хлонулъ дверью, позвалъ къ себѣ т-ле Буренъ и затихъ въ кабинетѣ.

Въ два часа сѣхались избранныя шесть персонъ къ обѣду. Гости — известный графъ Растанчинъ, князь Лопухинъ съ своимъ племянникомъ, генералъ Чатровъ, старый боевой товарищъ князя, и изъ молодыхъ Ільеръ и Борисъ Друбецкой ждали его въ гостиной.

На дніяхъ приѣхавшій въ Москву въ отпускъ Борисъ по желаніи быть представленнымъ князю Николаю Андреевичу, и сумѣлъ до такой степени сискать его расположеніе, что князь для него сдѣлалъ исключеніе изъ всѣхъ холостыхъ молодыхъ людей, которыхъ онъ не принималъ къ себѣ.

Домъ князя былъ не то, что называется „свѣтъ“ но это былъ такой маленький кружокъ, о которомъ хотя и не слышно было въ городѣ, но въ которомъ лестнѣе всего было быть принятымъ. Это понялъ Борисъ недѣлю тому назадъ, когда при немъ Растанчинъ сказалъ главнокомандующему, звавшему графа обѣдать въ Николинъ день, что онъ не можетъ быть:

— Въ этотъ день ужъ я всегда Ѵзжу прикладываться къ моимъ князя Николая Андреевича.

— Ахъ, да, да, отвѣчалъ главнокомандующій. — Что онъ?...

Небольшое общество, собравшееся въ старомодной высокой, съ старовѣ мебелью, гостиной предъ обѣдомъ, было похоже на собравшейся торжественный совѣтъ судилища.

Всѣ молчали, и сжали говорили, то говорили тихо. Князь Николай Андреичъ вышелъ серъезенъ и молчаливъ. Княжна Марья еще болѣе казалась тихою и робкою, чѣмъ обыкно венно. Гости неохотно обращались къ ней, потому что вѣли, что ей было не до ихъ разговоровъ. Графъ Растопчинъ одинъ держалъ нить разговора, рассказывая о послѣднихъ то городскихъ, то политическихъ новостяхъ.

Лопухинъ и старый генералъ изрѣдка принимали участіе въ разговорѣ. Князь Николай Андреичъ слушалъ, какъ верховный судья слушаетъ докладъ, который дѣлаютъ ему, только изрѣдка молчаниемъ или короткимъ словцомъ заявляя, что онъ принимаетъ къ свѣдѣнію то, что ему докладываются. Тонъ разговора былъ такой, что понятно было, никто не одобрилъ того, чтѣ дѣжалось въ политическомъ мірѣ. Разсказывали о событияхъ, очевидно подтверждающихъ то, что все шло хуже и хуже; но во всякомъ разсказѣ и сужденіи было поразительно то, какъ рассказчикъ останавливался или бывалъ останавливаешь всякий разъ на той границѣ гдѣ сужденіе могло относиться къ лицу государя императора.

За обѣдомъ разговоръ зашелъ о послѣдней политической новости, о захватѣ Наполеономъ владѣній герцога Ольденбургскаго и о русской враждебной Наполеону нотѣ, посланной ко всѣмъ европейскимъ дворамъ.

— Бонапартъ поступаетъ съ Европой какъ пиратъ на за-воеванномъ кораблѣ, сказалъ графъ Растопчинъ, повторяя уже нѣсколько разъ говоренную имъ фразу. — Удивляешься только долготерпѣнію или ослѣпленію государей. Теперь дѣло доходитъ до пана, и Бонапартъ, уже не стѣсняясь, хочетъ низвергнуть главу католической религіи, и всѣ молчать! Одинъ нашъ государь протестовалъ противъ захвата

владійній герцога Ольденбургскаго. И то... Графъ Растопчинъ замолчалъ, чувствуя, что онъ стоялъ на томъ рубежѣ, гдѣ уже нельзя осуждать.

— Предложили другія владійнія замѣсто Ольденбургскаго герцогства, сказалъ князь Николай Андреичъ. -- Точно я мужиковъ изъ Лысыхъ Горъ переселяль въ Богучарово и въ рязанскій, такъ и онъ герцоговъ.

— Герцогъ Ольденбургскій переносить свое несчастіе съ удивительною силой характера и спокойствіемъ, сказалъ Борисъ почтительно вступая въ разговоръ. Онъ сказалъ это потому, что проѣздомъ изъ Петербурга имѣлъ честь представляться герцогу. Князь Николай Андреичъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка такъ, какъ будто опь хотѣлъ бы ему сказать кое-что на это, но раздумалъ, считая его слишкомъ для того молодымъ.

— Я читалъ нашъ протестъ обѣ Ольденбургскомъ дѣлѣ и удивлялся плохой редакціи этой ноты, сказалъ графъ Растопчинъ, небрежнымъ тономъ человѣка, судящаго о дѣлѣ ему хорошо знакомомъ.

Нѣрѣ съ наивнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на Растопчина, не понимая, почему его безнокоила плохая редакція ноты.

— Развѣ не все равно, какъ написана нота, графъ? сказалъ онъ, — ежели содержаніе ея сильно.

— Мой милый, съ 500 тысячами войска было бы легко имѣть хороший слогъ, сказалъ графъ Растопчинъ. Нѣрѣ понялъ, почему графа Растопчина беспокоила редакція ноты.

— Кажется, никакъ довольно разведось, сказалъ старый князь: — тамъ въ Петербургѣ все пишутъ, не только ноты, — новые законы все пишутъ. *Мой Андрюша* тамъ для Россіи

цѣлый волюмъ законовъ написалъ. Нынче все пипнуть! И отъ неестественно засмѣялся.

Разговаръ замолкъ на минуту; старый генералъ прокатилъ вниманіемъ обратилъ на себя вниманіе.

— Изволили слышать о послѣднемъ событии на смотру въ Петербургѣ? какъ себя новые французскіе посланники показали!

— Чѣмъ? Да, я слышалъ что-то; опѣ что-то человѣко съзантъ при его величествѣ.

— Его величество обратилъ его вниманіе на грекадерскую дивизію и церемоніальный маршъ, продолжалъ генералъ, — и будто посланникъ никакого вниманія не обратилъ и будто позволилъ себѣ сказать, что мы у себя во Франціи на такие шутки не обращаемъ вниманія. Государь ничего не изволилъ сказать. На слѣдующемъ смотрѣ, говорятъ, государи ни разу не изволили обратиться къ нему.

Всѣ замолчали: на этотъ фактъ, относившійся лично до государя, пельзя было заявлять никакого сужденія.

— Дерзки! сказалъ князь. — Знаете Метивье? Я нынче выгналъ его отъ себя. Онъ здѣсь былъ, пустили ко мнѣ, какъ я ни просилъ никого не пускать, сказалъ князь, сердито взглянувъ на дочь. И онъ рассказалъ весь свой разговоръ съ французскимъ докторомъ и причины, почему онъ убѣдился, что Метивье шпионъ. Хотя причины эти были очень недостаточны и неясны, никто не возражалъ.

За жаркимъ подали шампанское. Гости встали съ своихъ мѣстъ, поздравляя стараго князя. Княжна Марья тоже подошла къ нему.

Онъ взглянулъ па нее холодными, злыми взглядами и подставилъ ей сморщенную, вѣбритую щеку. Все выраже-

ніе его лица говорило ей, что утренний разговоръ имъ не забыть, что рѣшеніе его осталось въ прежней силѣ, и что только благодаря присутствію гостей, онъ не говорить ей этого теперь.

Когда вышли въ гостиную къ кофе, старики сѣли вмѣстѣ.

Князь Николай Андреичъ болѣе оживился и высказалъ свой образъ мыслей насчетъ предстоящей войны.

Онъ сказалъ, что войны наши съ Бонапартомъ до тѣхъ поръ будуть несчастливы, пока мы будемъ искать союзъ съ нѣмцами и будемъ соваться въ европейскія дѣла, въ которыхъ наше вткануло Тильзитскій миръ. Намъ ни за Австрію, ни противъ Австріи не надо было воевать. Наша политика вся на Востокѣ, а въ отношеніи Бонапарта одно — вооруженіе на границѣ, и твердость въ политикѣ, и никогда онъ не посмѣеть переступить русскую границу, какъ въ седьмомъ году.

— И гдѣ намъ, князь, воевать съ французами! сказала графъ Расточинъ. — Развѣ мы противъ нашихъ учителей и боговъ можемъ ополчиться? Посмотрите на нашу молодежь, посмотрите на нашихъ барынь. Наши боги — французы, наше царство небесное — Парижъ.

Онъ сталъ говорить громче, очевидно для того, чтобы его слышали всѣ.

— Костюмы французскіе, мысли французскія, чувства французскія! Вы вотъ Метивье въ запасъ выгнали, потому что онъ французъ и негодяй, а наши барыни за нимъ изъ ползаютъ. Вчера я на вечерѣ былъ, такъ изъ пяти барынь три католички и по разрѣшенію паны въ воскресенье по канѣ шлютъ. А сами чуть не голые сидятъ, какъ вывѣски торговыхъ башнъ, съ позволенія сказать. Эхъ, поглядишь на

нашу молодежь, князь, взялъ бы старую дубину Петра Великаго изъ кунсткамеры, да по-русски бы обломать бока, все бы дурь соскочила!

Всѣ замолчали. Старый князь съ улыбкой на лицѣ смотрѣлъ на Растопчина и одобрительно покачивалъ головой.

— Ну, прощайте, ваше сиятельство, не хворайте, сказалъ Растопчинъ, съ свойственными ему быстрыми движениями поднимался и протягивалъ руку князю.

— Прощай, голубчикъ, — гусли, всегда заслушаюсь его! сказалъ старый князь, удерживая его за руку и подставляя ему для поцѣлуя щеку. Съ Растопчиннымъ поднялись и другие.

IV.

Княжна Марья, сидя въ гостиной и слушая эти толки и пересуды стариковъ, ничего не понимала изъ того, что она слышала; она думала только о томъ, не замѣчаютъ ли всѣ гости враждебныхъ отношеній ея отца къ ней. Она даже не замѣтила особенного вниманія и любезностей, которыя ей во все время этого обѣда оказывалъ Друбецкой, уже третій разъ бывшій въ ихъ домѣ.

Княжна Марья съ разсѣяннымъ, вопросительнымъ взглядомъ обратилась къ Ньеру, который послѣдній изъ гостей, съ пляпой въ рукѣ и съ улыбкой на лицѣ, подошелъ къ ней послѣ того, какъ князь вышелъ, и они одни оставались въ гостиной.

— Можно еще посидѣть? сказалъ онъ, своимъ толстымъ тѣломъ валяясь въ кресло подле княжны Марии.

— Ахъ, да, сказала она. „Вы ничего не замѣтили?“ сказалъ ея взглядъ.

Пьеръ находилсѧ въ пріятномъ, послѣ-обѣденномъ состояніи духа. Онъ гладѣлъ предъ собою и тихо улыбался.

— Давно вы знаете этого молодаго человѣка, княжна? сказаль онъ.

— Какого?

— Друбецкаго.

— Нѣтъ, недавно...

— Что, онъ вамъ нравится?

— Да, онъ пріятный молодой человѣкъ... Отчего вы у меня это спрашиваете? сказала княжна Марья, продолжая думать о своемъ утреннемъ разговорѣ съ отцомъ.

— Оттого, что я сдѣлалъ наблюденіе,— молодой человѣкъ обыкновенно изъ Петербурга пріѣзжаетъ въ Москву въ отпускъ только съ цѣлью жениться на богатой невѣстѣ.

— Вы сдѣлали это наблюденіе? сказала княжна Марья.

— Да, продолжалъ Пьеръ съ улыбкой,— и этотъ молодой человѣкъ теперь себя такъ держитъ, что,— гдѣ есть богатыя невѣсты—тамъ и онъ.. Я какъ по книгѣ читаю въ немъ. Онъ теперь въ нерѣшительности, кого ему атаковать: васъ или ш-ле Жюли Карагину. Онъ къ ней очень внимателенъ.

— Онъ ёздить къ нимъ?

— Да, очень часто. И знаете вы новую машину ухаживать? съ веселою улыбкой сказаль Пьеръ, видимо находясь въ томъ веселомъ духѣ добродушной насмѣшки, за который онъ такъ часто въ дневникѣ упрекалъ себя.

— Нѣтъ, сказала княжна Марья.

— Теперь, чтобы понравиться московскимъ дѣвицы — надо быть меланхоличнѣмъ. Онъ очень меланхоличенъ при ней, сказаль Пьеръ.

— Правда? сказала княжна Марья, глядя въ доброе лицо

Пьера и не переставая думать о своем горе. „Мне бы легче было“, думала она, „если бы я решилась поверить кому-нибудь все, что я чувствую. И я бы желала именно Пьера сказать все. Онъ такъ добръ и благороденъ. Мне бы легче стало. Онъ мнѣ подалъ бы советъ!“

— Пошли бы вы за него замужъ? спросила Пьеръ.

— Ахъ, Боже мой, графъ! есть такія минуты, что я пошла бы за всякаго, вдругъ неожиданно для самой себя, со слезами въ голосѣ, сказала княжна Марья. — Ахъ, какъ тяжело бываетъ любить человѣка близкаго и чувствовать, что ничего (продолжала она дрожащимъ голосомъ) не можешь для него сдѣлать, кромѣ горя, когда знаешь, что не можешь этого перемѣнить. Тогда одно — уйти, а куда мнѣ уйти?

— Что вы, чтѣ съ вами, княжна?

Но княжна, не договоривъ, заплакала.

— Я не знаю, чтѣ со мной иначе. Не слушайте меня, забудьте, чтѣ я вамъ сказала.

Вся веселость Пьера исчезла. Онъ озабоченно разспрашивалъ княжну, просилъ ее высказать все, поверить ему свое горе; но она только повторила, что просятъ его забыть то, что она сказала, что она не помпить, что она сказала, и что у нея нѣтъ горя, кромѣ того, которое онъ знаетъ — горя о томъ, что женитьба князя Андрея угрожаетъ поссорить отца съ сыномъ.

— Слышали ли вы про Ростовыхъ? спросила она, чтобы перемѣнить разговоръ. — Мне говорили, что они скоро будутъ. Андрея я тоже жду каждый день. Я бы желала, чтобы они увидѣлись здѣсь.

— А какъ онъ смотритъ теперь на это дѣло? спросила Пьеръ, подъ она разумѣя стараго князя. Княжна Марья покачала головой.

— Но что же дѣлать? До года остается только нѣсколько мѣсяцевъ. И это не можетъ быть. Я бы только желала избавить брата отъ первыхъ минутъ. Я желала бы, чтобы они скорѣе приѣхали. Я надѣюсь сойтись съ ню... Вы ихъ давно знаете, сказала княжна Марья, — скажите мнѣ, положа руку на сердце, всю истинную правду, чѣмъ это за дѣвушка и какъ вы находите ее? Но всю правду; потому что, вы понимаете, что Андрей такъ много рискуетъ, дѣлая это противъ воли отца, что я бы желала знать...

Нелсній инстинктъ сказалъ Шереру, что въ этихъ оговоркахъ и повторяемыхъ просьбахъ сказать *всю правду* выражалось недоброжелательство княжны Марии къ своей будущей невѣсткѣ, что ей хотѣлось, чтобы Шереръ не одобрилъ выбора князя Андрея; но Шереръ сказалъ то, что онъ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ думалъ.

— Я не знаю, какъ отвѣтить на вашъ вопросъ, сказалъ онъ, покрасившись самъ не зная отъ чего. — Я рѣшительно не знаю, чѣмъ это за дѣвушка; я никакъ не могу анализировать ее. Она обворожительна. А отчего, я не знаю: вотъ все, чѣмъ можно про нее сказать. — Княжна Марья вздохнула, и выраженіе ея лица сказала: „Да, я этого ожидала и боялась“.

— Умна она? спросила княжна Марья. Шереръ задумался.

— Я думаю нѣть, сказалъ онъ, — а впрочемъ да. Она не удостоивается быть умною... Да, вѣтъ, она обворожительна, и больше ничего. Княжна Марья опять неодобрительно покачала головой.

— Ахъ, я такъ желаю любить ее! Вы ей это скажите, ежели увидите ее прежде меня.

— Я слышалъ, что они на днихъ будутъ, сказалъ Шереръ. Княжна Марья сообщила Шереру свой планъ о томъ, какъ

она, только что пріѣдутъ Ростовы, сблизится съ будущей невѣсткой и постарается пріучить къ ней стараго князя.

V.

Женитыба на богатой невѣстѣ въ Петербургѣ не удалась Борису, и онъ съ этою же цѣлью пріѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ Борисъ находился въ нерѣшительности между двумя самыми богатыми невѣстами — Жюли и княжной Марьей. Хотя книжна Марья, несмотря на свою некрасивость, и казалась ему привлекательнѣе Жюли, ему почему-то неловко было ухаживать за Болконской. Въ послѣднее свое свиданіе съ ней, въ именины стараго князя, на всѣ его попытки заговорить съ ней о чувствахъ, она отвѣчала ему невѣдомъ, и очевидно не слушала его.

Жюли, напротивъ, хотя и особенныхъ, одной ей свойственнымъ способомъ, но охотно принимала его ухаживанье.

Жюли было 27 лѣтъ. Послѣ смерти своихъ братьевъ, она стала очень богата. Она была теперь совершенно некрасива; но думала, что она не только такъ же хороша, но еще гораздо больше привлекательна, чѣмъ была прежде. Въ этомъ заблужденіи поддерживало ее то, что во-первыхъ она стала очень богатою невѣстой, а во-вторыхъ то, что чѣмъ старѣе она становилась, тѣмъ она была безопаснѣе для мужчинъ, тѣмъ свободнѣе было мужчинамъ обращаться съ нею и, не принимая на себя никакихъ обязательствъ, пользоваться ея ужинами, вечерами и оживленнымъ обществомъ, собиравшимся у нея. Мужчина, который десять лѣтъ назадъ побоялся бы ѻздить каждый день въ домъ, гдѣ была 17-ти-лѣтняя барышня, чтобы не компрометировать ея и не связать себя, теперь ѻздила къ ней емѣло каждый день и обращалася съ ней

не какъ съ барышней-певицей, а какъ съ знакомою, не имѣющею пола.

Домъ Карагиныхъ былъ въ эту зиму въ Москвѣ самымъ пріятнымъ и гостепріимнымъ домомъ. Кромѣ званыхъ вечеровъ и обѣдовъ, каждый день у Карагиныхъ собиралось большое общество, въ особенности мужчинъ, ужинающихъ въ 12-мъ часу ночи и засиживающихъ до 3-го часа. Не было бала, гулянья, театра, который бы пропускала Жюли. Туалеты ея были всегда самые модные. Но несмотря на это, Жюли казалась разочарована во всемъ, говорила всякому, что она не вѣритъ ни въ дружбу, ни въ любовь, ни въ какія радости жизни, и ожидаетъ успокоенія только тамъ. Она усвоила себѣ тоиъ девушки, понесшей великое разочарованіе, девушки, какъ будто потерявшей любимаго человѣка или жестоко обманутой имъ. Хотя ничего подобнаго съ ней не случилось, на нее смотрѣли какъ на такую, и сама она даже вѣрила, что она много пострадала въ жизни. Эта меланхолія, не мѣшавшая ей веселиться, не мѣшиала бывавшимъ у нея молодымъ людямъ пріятно проводить время. Каждый гость, приѣзжая къ нимъ, отдавалъ свой долгъ меланхолическому настроенію хозяйки, и потомъ занимался и свѣтскими разговорами, и танцами, и умственными играми, и турнирами буриме, которые были въ модѣ у Карагиныхъ. Только некоторые молодые люди, въ числѣ которыхъ былъ и Борисъ, болѣе углублялись въ меланхолическое настроеніе Жюли, и съ этими молодыми людьми она имѣла болѣе продолжительные и уединенные разговоры о тицетѣ всего мірскаго, и имъ открывала свои альбомы, исписанные грустными изображеніями, изреченіями и стихами.

Жюли была особенно ласкова къ Борису: жалѣла о его

Война и миръ. Т. II.

28

Сначала она слышала один голос Метивье, потомъ го лось отца, потомъ оба голоса заговорили вмѣстѣ, дверь распахнулась, и на порогѣ показалась испуганная красавица фигура Метивье съ его чернымъ хохломъ, и фигура князя въ колпакѣ и халатѣ съ изуродованнымъ бѣшенствомъ лицомъ и опущенными зрачками глазъ.

— Не понимаешь? кричалъ князь, — а я понимаю! французскій шпіонъ, Бонапартовъ рабъ, шпіонъ, вонъ изъ моего дома — вонъ, я говорю! И онъ захлопнулъ дверь.

Метивье, пожимая плечами, подошелъ къ m-lle Бурбель, прибѣжавшей на крикъ изъ соседней комнаты.

— Князь не совсѣмъ здоровъ, желчь и приливъ къ головѣ. Не безнокойтесь, я завтра, сказалъ Метивье и, приложивъ пальцы къ губамъ, иоспѣшно вышелъ.

За дверью слышались шаги въ туфляхъ и крики: „Шпіоны, измѣничи, вездѣ измѣничи! Въ своею домѣ пѣть минуты покоя!“

Послѣ отѣзда Метивье старый князь позвалъ къ себѣ dochь, и вся сила его гиѣва обрушилась на нее. Она была виновата въ томъ, что къ нему пустили шпіона. Вѣдь онъ сказалъ, ей сказалъ, чтобы она составила списокъ, и тѣхъ, кого не было въ спискѣ, чтобы не пускали. Зачѣмъ же пустили этого мерзавца! Она была причиной всего. Съ ней онъ не могъ имѣть ни минуты покоя, не могъ умереть спокойно, говорилъ онъ.

— Нѣть, матушка, разойтись, разойтись, это вы знайте, знайте! Я теперь больше не могу, сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. И какъ будто боясь, чтобы она не сумѣла какъ-нибудь утѣшиться, онъ вернулся къ ней и старался принять спокойный видъ, прибавилъ: — И не думайте, чтобы

я это сказала вамъ въ минуту сердца, а я спокойна, и я обдумала это; и это будетъ — разойтись, поищите себѣ мѣста!... Но онъ не выдержалъ и съ тѣмъ озлобленіемъ, которое можетъ быть только у человѣка, который любить, онъ, видимо самъ страдал, затрясъ кулаками и прокричать ей.

— И хоть бы какой-нибудь дуракъ взялъ ее замужъ! — Онъ хлопнулъ дверью, позвалъ къ себѣ ш-ле Бурея и затихъ въ кабинетѣ.

Въ два часа сѣхались избранныя шесть персонъ къ обѣду. Гости — известный графъ Растопчинъ, князь Лопухинъ съ своимъ племянникомъ, генералъ Чатровъ, старый боевой товарищъ князя, и изъ молодыхъ Пьеръ и Борисъ Друбецкой ждали его въ гостиной.

На дняхъ приѣхавшій въ Москву въ отпускъ Борисъ пожелалъ быть представленнымъ князю Николаю Андреевичу, и сумѣлъ до такой степени сискать его расположение, что князь для него сдѣлалъ исключение изъ всѣхъ холостыхъ молодыхъ людей, которыхъ онъ не принималъ къ себѣ.

Домъ князя былъ не то, что называется „свѣтъ“ но это былъ такой маленький кружокъ, о которомъ хотя и не слышно было въ городѣ, но въ которомъ лестнѣе всего было быть принятымъ. Это понялъ Борисъ недѣлю тому назадъ, когда при немъ Растопчинъ сказалъ главнокомандующему, звавшему графа обѣдать въ Николинъ день, что онъ не можетъ быть:

— Въ этотъ день ужъ я всегда бѣжу прикладываться къ мощамъ князя Николая Андреевича.

— Ахъ, да, да, отвѣчаль главнокомандующій. — Что онъ?...

Небольшое общество, собравшееся въ старомодной высокой, съ старою мебелью, гостиной предъ обѣдомъ, было похоже на собравшійся торжественный совѣтъ судилища.

Всѣ молчали, и сжели говорили, то говорили тихо. Князь Николай Андреичъ вышелъ серъезенъ и молчаливъ. Князь Марья еще болѣе казалась тихою и робкою, чѣмъ обыкновенно. Гости неохотно обращались къ ней, потому что видѣли, что ей было не до ихъ разговоровъ. Графъ Растопчинъ одинъ держалъ нить разговора, рассказывая о послѣднихъ то городскихъ, то политическихъ новостяхъ.

Лопухинъ и старый генералъ изрѣдка принимали участіе въ разговорѣ. Князь Николай Андреичъ слушалъ, какъ верховный судья слушаетъ докладъ, который дѣлаютъ ему, только изрѣдка молчаниемъ или короткимъ словцомъ заявляя, что онъ принимаетъ къ свѣдѣнію то, что ему докладываются. Тонъ разговора былъ такой, что понятно было, никто не одобрилъ того, что дѣжалось въ политическомъ мірѣ. Рассказывали о событияхъ, очевидно подтверждающихъ то, что все шло хуже и хуже; но во всякомъ разсказѣ и сужденіи было поразительно то, какъ рассказчикъ останавливался или бывалъ останавливаешь всякий разъ на той границѣ гдѣ сужденіе могло относиться къ лицу государя императора.

За обѣдомъ разговоръ зашелъ о послѣдней политической новости, о захватѣ Наполеономъ владѣній герцога Ольденбургскаго и о русской враждебной Наполеону ногѣ, посланной ко всѣмъ европейскимъ дворамъ.

— Бонапартъ поступаетъ съ Европой какъ пиратъ на залѣвованномъ кораблѣ, сказалъ графъ Растопчинъ, повторяя уже нѣсколько разъ говоренную имъ фразу. — Удивляешься только долготерпѣнію или ослѣпленію государей. Теперь дѣло доходитъ до пши, и Бонапартъ, уже не стѣсняясь, хочетъ низвергнуть главу католической религіи, и всѣ малчать! Одинъ нашъ государь протестовалъ противъ захвата

владѣній герцога Ольденбургскаго. И то... Графъ Растопчинъ замолчалъ, чувствуя, что онъ стоялъ на томъ рубежѣ, гдѣ уже нельзя осуждать.

— Предложили другія владѣнія замѣсто Ольденбургскаго герцогства, сказалъ князь Николай Андреичъ. -- Точно я мужиковъ изъ Лысихъ Горъ переселялъ въ Богучарово и въ Рязанскій, такъ и онъ герцоговъ.

— Герцогъ Ольденбургскій переносить свое несчастіе съ удивительною силой характера и спокойствіемъ, сказалъ Борисъ почтительно вступая въ разговоръ. Онъ сказалъ это потому, что проѣздомъ изъ Петербурга имѣть честь представляться герцогу. Князь Николай Андреичъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка такъ, какъ будто опѣ хотѣлъ бы ему сказать кое-что на это, но раздумалъ, считая его слишкомъ для того молодымъ.

— Я читалъ нашъ протестъ обѣ Ольденбургскомъ дѣлѣ и удивлялся плохой редакціи этой ноты, сказалъ графъ Растопчинъ, небрежнымъ тономъ человѣка, судящаго о дѣлѣ ему хорошо знакомомъ.

Нѣрѣ съ наивнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на Растопчина, не понимая, почему его безноконала плохая редакція ноты.

— Развѣ не все равно, какъ написана нота, графъ? сказалъ онъ, — ежели содержаніе ея сильно.

— Мой милый, съ 500 тысячами войска было бы легко имѣть хороший слогъ, сказалъ графъ Растопчинъ. Нѣрѣ понялъ, почему графа Растопчина беспокоила редакція ноты.

— Кажется, никакъ довольно разведлось, сказалъ старый князь: — тамъ въ Петербургѣ все пишутъ, не только ноты, — новые законы все пишутъ. *Мой Андрюша* тамъ для Россіи

цѣлый волюмъ законовъ написать. Нынче все пиннуть! И онъ неестественно засмѣялся.

Разговоръ замолкъ на минуту; старый генералъ прокашливаньемъ обратилъ на себя вниманіе.

— Изволили слышать о послѣднемъ событіи на смотрѣ въ Петербургѣ? какъ себя новые французскіе посланники показали!

— Чѣм? Да, я слышалъ что-то; опѣ что-то человѣко сказать при его величествѣ.

— Его величество обратилъ его вниманіе на грекадерскую дивизію и церемоніальный маршъ, продолжалъ генералъ, — и будто посланникъ никакого вниманія не обратилъ и будто изволилъ себѣ сказать, что мы у себя во Франціи на такие шутки не обращаемъ вниманія. Государьничего не изволилъ сказать. На слѣдующемъ смотрѣ, говорить, государь ни разу не изволилъ обратиться къ нему.

Всѣ замолчали: на этотъ фактъ, отпосившійся лично до государя, нельзѧ было заявлять никакого сужденія.

— Дерзки! сказалъ князь. — Знаете Метивье? Я нынче выгналъ его отъ себя. Онъ здѣсь былъ, пустили ко мнѣ, какъ я ни просилъ никого не пускать, сказалъ князь, сердито взглянувъ на дочь. И онъ рассказалъ весь свой разговоръ съ французскимъ докторомъ и причины, почему онъ убѣдился, что Метивье шпионъ. Хотя причины эти были очень недостаточны и неясны, никто не возражалъ.

За жаркимъ подали шампанское. Гости встали съ своихъ мѣстъ, поздравляя стараго князя. Княжна Марья тоже подошла къ нему.

Онъ взглянулъ па нее холоднымъ, злымъ взглядомъ и подставилъ ей сморщенную, выбритую щеку. Все выраже-

ние его лица говорило ей, что утренний разговор имъ не забыть, что рѣшеніе его осталось въ прежней силѣ, и что только благодаря присутствію гостей, онъ не говорить ей этого теперь.

Когда вышли въ гостиную къ кофе, старики сѣли вмѣстѣ.

Князь Николай Андреичъ болѣе оживился и высказать свой образъ мыслей насчетъ предстоящей войны.

Онъ сказалъ, что войны наши съ Бонапартомъ до тѣхъ поръ будуть несчастливы, пока мы будемъ искать союзницъ съ нѣмцами и будемъ соваться въ европейскія дѣла, въ которыхъ нась втянуль Тильзитскій миръ. Намъ ни за Австрію, ни противъ Австріи не надо было воевать. Наша политика вся на Востокѣ, а въ отношеніи Бонапарта одпо — вооруженіе на границѣ, и твердость въ политикѣ, и никогда онъ не посмѣеть переступить русскую границу, какъ въ седьмомъ году.

— И гдѣ намъ, князь, воевать съ французами! сказалъ графъ Растопчинъ. — Развѣ мы противъ нашихъ учителей и боговъ можемъ ополчиться? Посмотрите на нашу молодежь, посмотрите на нашихъ барыни. Наши боги — французы, наше царство небесное — Парижъ.

Онъ сталъ говорить громче, очевидно для того, чтобы его слышали всѣ.

— Костюмы французскіе, мысли французскія, чувства французскія! Вы вотъ Метивье въ замкѣ выгнали, потому что онъ французъ и негодяй, а наши барыни за нимъ ползкомъ ползаютъ. Вчера я на вечерѣ былъ, такъ изъ пяти барынь три католички и по разрѣшенію наши въ воскресеніе по канѣ шлютъ. А сами чуть не голые сидятъ, какъ выѣски торговыхъ бань, съ позволенія сказать. Эхъ, поглядывъ на

нашу молодежь, князь, взять бы старую дубину Петра Великаго изъ кунсткамеры, да по-русски бы обломать бока, все бы дурь соскочила!

Всѣ замолчали. Старый князь съ улыбкой на лицѣ смотрѣлъ на Растопчина и одобрительно покачивалъ головой.

— Ну, прощайте, ваше сиятельство, не хворайте, сказалъ Растопчинъ, съ свойственными ему быстрыми движеніями поднимаясь и протягивая руку князю.

— Прощай, голубчикъ, — гусли, всегда заслушаюсь его! сказалъ старый князь, удерживая его за руку и подставляя ему для поцѣлуя щеку. Съ Растопчинскимъ поднялись и другие.

IV.

Княжна Марья, сидя въ гостиной и слушая эти толки и пересуды стариковъ, ничего не понимала изъ того, что она слышала; она думала только о томъ, не замѣчаютъ ли всѣ гости враждебныхъ отношеній ея отца къ ней. Она даже не замѣтила особеннаго вниманія и любезностей, которыя ей во все время этого обѣда оказывалъ Друбецкой, уже третій разъ бывшій въ ихъ домѣ.

Княжна Марья съ разсѣяннымъ, вопросительнымъ взглядомъ обратилась къ Пьеру, который послѣдній изъ гостей, съ пляпой въ рукѣ и съ улыбкой на лицѣ, подошелъ къ ней послѣ того, какъ князь вышелъ, и они одни оставались въ гостиной.

— Можно еще посидѣть? сказалъ онъ, своимъ толстымъ тѣломъ валяясь въ кресло подлѣ княжны Марии.

— Ахъ, да, сказала она. „Вы ничего не замѣтили?“ сказалъ ея взглѣдъ.

Пьеръ находился въ пріятномъ, послѣ-обѣденномъ состояніи духа. Онъ гладѣлъ предъ собою и тихо улыбался.

— Давно вы знаете этого молодаго человѣка, книжна? сказаъ онъ.

— Какого?

— Друбецкаго.

— Нѣтъ, недавно...

— Что, онъ вамъ нравится?

— Да, онъ пріятный молодой человѣкъ... Отчего вы у меня это спрашиваете? сказала княжна Марья, продолжая думать о своемъ утреннемъ разговорѣ съ отцомъ.

— Оттого, что я сдѣлалъ наблюденіе, — молодой человѣкъ обыкновенно изъ Петербурга пріѣзжаетъ въ Москву въ отпускъ только съ цѣлью жениться на богатой невѣстѣ.

— Вы сдѣлали это наблюденіе? сказала княжна Марья.

— Да, продолжалъ Пьеръ съ улыбкой, — и этотъ молодой человѣкъ теперь себя такъ держитъ, что, — гдѣ есть богатыя невѣсты — тамъ и онъ. Я какъ по книгѣ читаю въ немъ. Онъ теперь въ первѣштельности, кого ему атаковать: васъ или м-ле Іюли Карагину. Онъ къ ней очень внимателенъ.

— Онъ ёздить къ нимъ?

— Да, очень часто. И знаете вы новую машину ухаживать? съ веселою улыбкой сказаъ Пьеръ, видимо находясь въ томъ веселомъ духѣ добродушной насыщеніи, за который онъ такъ часто въ дневникѣ упрекалъ себя.

— Нѣтъ, сказала княжна Марья.

— Теперь, чтобы понравиться московскимъ дѣвицамъ — надо быть меланхоличнымъ. Онъ очень меланхоличенъ при ней, сказаъ Пьеръ.

— Правда? сказала княжна Марья, глядя въ доброе лицо

Пьер и не переставая думать о своемъ горѣ. „Мнѣ бы легче было“, думала она, „если бы я рѣшилась повѣрить кому-нибудь все, что я чувствую. И я бы желала именно Пьеру сказать все. Онъ такъ добръ и благороденъ. Мнѣ бы легче стало. Онъ мнѣ подалъ бы совѣтъ!“

— Пошли бы вы за него замужъ? спросилъ Пьеръ.

— Ахъ, Боже мой, графъ! есть такія минуты, что я пошла бы за всякаго, вдругъ неожиданно для самой себя, со слезами въ голосѣ, сказала княжна Марья. — Ахъ, какъ тяжело бываетъ любить человѣка близкаго и чувствовать, что ничего (продолжала она дрожащимъ голосомъ) не можешь для него сдѣлать, кроме горя, когда знаешь, что не можешь этого перенести. Тогда одно — уйти, а куда мнѣ уйти?

— Чѣмъ вы, чѣмъ съ вами, княжна?

Но княжна, не договоривъ, заплакала.

— Я не знаю, чѣмъ со мной нынче. Не слушайте меня, забудьте, чѣмъ я вамъ сказала.

Вся веселость Пьера исчезла. Опять озабоченію разспрашивали княжну, просили ее высказать все, повѣрить ему свое горѣ; но она только повторяла, что просить его забыть то, что она сказала, что она не помнить, что она сказала, и что у нея нѣтъ горя, кроме того, которое онъ знаетъ — горя о томъ, что женитьба князя Андрея угрожаетъ поссорить отца съ сыномъ.

— Слышали ли вы про Ростовыхъ? спросила она, чтобы перемѣнить разговоръ. — Мнѣ говорили, что они скоро будутъ. Андрея я тоже жду каждый день: Я бы желала, чтобъ они увидѣлись здѣсь.

— А какъ онъ смотритъ теперь на это дѣло? спросилъ Пьеръ, подъ онъ разумѣя стараго князя. Княжна Марья покачала головой.

— Но что же дѣлать? До года остается только нѣсколько мѣсяцевъ. И это не можетъ быть. Я бы только желала избавить брата отъ первыхъ минутъ. Я желала бы, чтобы они скорѣе приѣхали. Я надѣюсь сойтись съ ню... Вы ихъ давно знаете, сказала княжна Марья,— скажите мнѣ, положа руку на сердце, всю истинную правду, чѣмъ это за дѣвушка и какъ вы находите ее? Но всю правду; потому что, вы понимаете, что Андрей такъ много рискуетъ, дѣлая это противъ воли отца, что я бы желала знать...

Неясный инстинктъ сказалъ Пьеру, что въ этихъ оговоркахъ и повторяемыхъ просьбахъ сказать *всю правду* выражалось недоброжелательство княжны Марии къ своей будущей невѣсткѣ, что ей хотѣлось, чтобы Пьеръ не одобрилъ выбора князя Андрея; но Пьеръ сказалъ то, что онъ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ думалъ.

— Я не знаю, какъ отвѣтить на вашъ вопросъ, сказалъ онъ, покраснѣвъ самъ не зная отъ чего. — Я рѣшительно не знаю, чѣмъ это за дѣвушка; я никакъ не могу анализировать ее. Она обворожительна. А отчего, я не знаю: вотъ все, чѣмъ можно про нее сказать. — Княжна Марья вздохнула, и выраженіе ея лица сказала: „Да, я этого ожидала и боялась“.

— Умна она? спросила княжна Марья. Пьеръ задумался.

— Я думаю нѣть, сказалъ онъ, — а впрочемъ да. Она не удостоиваетъ быть умною... Да, вѣтъ, она обворожительна, и больше ничего. Княжна Марья опять неодобрительно покачала головой.

— Ахъ, я такъ желаю любить ее! Вы ей это скажите, ежели увидите ее прежде меня.

— Я слышалъ, что они на дніяхъ будутъ, сказалъ Пьеръ. Княжна Марья сообщила Пьеру свой планъ о томъ, какъ

она, только что прѣдуть Ростовы, сблизится съ будущей невѣсткой и постарається пріучить къ ней стараго князя.

V.

Женитѣба на богатой невѣстѣ въ Петербургѣ не удалась Борису, и онъ съ этою же цѣлью прѣѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ Борисъ находился въ нерѣшительности между двумя самыми богатыми невѣстами — Жюли и княжной Марьей. Хотя княжна Марья, несмотря на свою некрасивость, и казалась ему привлекательнѣе Жюли, ему почему-то неловко было ухаживать за Болконской. Въ послѣднее свое свиданіе съ ней, въ именины стараго князя, на всѣ его попытки заговорить съ ней о чувствахъ, она отвѣчала ему невинопадъ, и очевидно не слушала его.

Жюли, напротивъ, хотя и особеннымъ, одной ей свойственнымъ способомъ, но охотно принимала его ухаживанье.

Жюли было 27 лѣтъ. Послѣ смерти своихъ братьевъ, она стала очень богата. Она была теперь совершенно некрасива; но думала, что она не только такъ же хороша, но еще гораздо больше привлекательна, чѣмъ была прежде. Въ этомъ заблужденіи поддерживало ее то, что во-первыхъ она стала очень богатою невѣстой, а во-вторыхъ то, что чѣмъ старѣе она становилась, тѣмъ она была безопаснѣе для мужчинъ, тѣмъ свободнѣе было мужчинамъ обращаться съ нею и, не принимая на себя никакихъ обязательствъ, пользоваться ея ужинами, вечерами и оживленнымъ обществомъ, собиравшимся у нея. Мужчина, который десять лѣтъ назадъ побоялся быѣздить каждый день въ домъ, гдѣ была 17-ти-лѣтняя барышня, чтобы не компрометировать ея и не связать себя, теперьѣздилъ къ ней ежедневно каждый день и обращался съ ней

не какъ съ барышней-невѣстой, а какъ съ знакомою, по имѣющею пола.

Домъ Карагиныхъ былъ въ эту зиму въ Москвѣ самымъ пріятнымъ и гостепріимнымъ домомъ. Кромѣ званыхъ вечеровъ и обѣдовъ, каждый день у Карагиныхъ собиралось большое общество, въ особенности мужчинъ, ужинающихъ въ 12-мъ часу ночи и засиживающихъ до 3-го часа. Не было бала, гулянья, театра, который бы пропускала Жюли. Туалеты ея были всегда самые модные. Но несмотря на это, Жюли казалась разочарована во всемъ, говорила всякому, что она не вѣритъ ни въ дружбу, ни въ любовь, ни въ какія радости жизни, и ожидаетъ успокоенія только *тамъ*. Она усвоила себѣ тоиъ девушки, понесшей великое разочарованіе, девушки, какъ будто потерявшей любимаго человѣка или жестоко обманутой имъ. Хотя ничего подобнаго съ ней не случилось, на нее смотрѣли какъ на такую, и сама она даже вѣрила, что она много пострадала въ жизни. Эта меланхолія, не мѣшавшая ей веселиться, не мѣшиала бывавшимъ у нея молодымъ людямъ пріятно проводить время. Каждый гость, пріѣзжая къ нимъ, отдавалъ свой долгъ меланхолическому настроенію хозяйки, и потомъ занимался и свѣтскими разговорами, и танцами, и умственными играми, и турнирами бурумѣ, которые были въ модѣ у Карагиныхъ. Только некоторые молодые люди, въ числѣ которыхъ былъ и Борисъ, болѣе углублялись въ меланхолическое настроеніе Жюли, и съ этими молодыми людьми она имѣла болѣе продолжительные и уединенные разговоры о тицетѣ всего мірскаго, и имъ открывала свои альбомы, исписанные грустными изображеніями, изречениями и стихами.

Жюли была особенно ласкова къ Борису: жалѣла о его
Война и миръ. Т. II.

раннемъ разочарованіи въ жизни, предлагала ему тѣ утѣшения дружбы, которымъ она могла предложить, сама такъ много пострадавъ въ жизни, и открыла ему свой альбомъ. Борисъ нарисовалъ ей въ альбомѣ два дерева и написалъ: Уединенныя деревья, ваши темные вѣтви обдаютъ меня мракомъ и меланхоліей.

Въ другомъ мѣстѣ онъ нарисовалъ гробницу и написалъ:

„La mort est secourable et la mort est tranquille.

„Ah! contre les douleurs il n'y a pas d'autre asile“^{**}).

Жюли сказала, что это прелестно.

— Есть что-то безконечно обворожительное въ улыбкѣ меланхоліи, сказала она Борису слово въ слово выписанное это мѣсто изъ книги. — Это лучъ свѣта въ тѣни, оттѣнокъ между печалью и отчаяніемъ, который указываетъ на возможность утѣшения.

На это Борисъ написалъ ей стихи:

„Aliment de poison d'une âme trop sensible,

„Toi, sans qui le bonheur me serait impossible,

„Tendre mélancolie, ah, viens me consoler,

„Viens calmer les tourments de ma sombre retraite

„Et mêle une douceur secrète

„A ces pleurs, que je sens couler“^{**}).

*) „Смерть спасительна и смерть спокойна,

„О! противъ страданій есть другого убѣжища“.

**) „Идовитая пища слишкомъ чувствительной души,

„Ты, безъ которой счастье было бы для меня невозможно,

„Ижная меланхолія, о, приди меня утѣшить,

„Приди, утиши муки моего мрачного уединенія

„И присоедини тайную сладость

„Къ этимъ слезамъ, которыхъ я чувствую течеи“.

Жюли играла Борису на арфѣ самые печальные nocturnes. Борисъ читалъ ей вслухъ Бѣдную Лизу и не разъ прерывалъ чтеніе отъ волненія, захватывающаго его дыханіе. Встрѣчаясь въ большомъ обществѣ, Жюли и Борисъ смотрѣли другъ на друга какъ на единственныхъ людей въ мірѣ, равнодушныхъ, понимавшихъ одинъ другаго.

Анна Михайловна, частоѣздавшая къ Карагиннымъ, составляя партію матери, между тѣмъ наводила вѣрины справки о томъ, что отдавалось за Жюли (отдавались оба пепзенскія имѣнія и нижегородскіе лѣса). Анна Михайловна съ преданностью волѣ Прорицанія и умиленіемъ смотрѣла на утонченную печаль, которая связывала ея сына съ богатою Жюли.

— Все такъ же прелестна и меланхолична наша милая Жюли, говорила она дочери. — Борисъ говоритъ, что онъ отдыхаетъ душой въ вашемъ домѣ. Онъ такъ много понесъ разочарованій и такъ чувствителенъ, говорила она матери.

— Ахъ, мой другъ, какъ я привязалась къ Жюли послѣднее время, говорила она сыну, — не могу тебѣ описать! Да и кто можетъ не любить ея? Это такое неземное существо! Ахъ, Борисъ, Борисъ! Она замолкала на минуту. — И какъ мнѣ жалко ея мать, продолжала она; — нынче она показывала мнѣ отчеты и письма изъ Пензы (у нихъ огромное имѣніе), и она бѣдная все сама одна: ее такъ обманываютъ!

Борисъ чуть замѣтно улыбался, слушая мать. Онъ кротко смеялся надъ ея простодушною хитростью, но выслушивалъ и иногда выспрашивалъ ее внимательно о пепзенскихъ и нижегородскихъ имѣніяхъ.

Жюли уже давно ожидала предложения отъ своего меланхолического обожателя и готова была принять его; но какое-то тайное чувство отвращенія къ ней, къ ея страстному

желанию выйти замужъ, къ ся ненатуральности, и чувство ужаса предъ отречениемъ отъ возможности настоящей любви еще останавливало Бориса. Срокъ его отпуска уже кончался. Цѣлые дни и каждый Божій день онъ проводилъ у Карагиныхъ, и каждый день, разсуждая самъ съ собою, Борисъ говорилъ себѣ, что онъ завтра сдѣлаетъ предложеніе. Но въ присутствіи Жюли, глядя на ея красное лицо и подбородокъ, почти всегда осипанный пудрой, на ея влажные глаза и на выраженіе лица, изъявлявшаго всегдашнюю готовность изъ меланхоліи тотчасъ же перейти къ неестественному восторгу супружескаго счастія, Борисъ не могъ произнести рѣшительнаго слова, несмотря на то, что онъ уже давно въ воображеніи своею считалъ себя обладателемъ неизенскихъ и ниже-городскихъ имѣній и распредѣлялъ употребленіе съ нихъ доходовъ. Жюли видѣла нерѣшительность Бориса, и иногда ей приходила мысль, что она противна ему; но тотчасъ же женское самообольщеніе представляло ей утѣшеніе, и она говорила себѣ, что онъ застѣнчивъ только отъ любви. Меланхолія ея однако начинала переходить въ раздражительность, и незадолго предъ отѣздомъ Бориса, она предприняла рѣшительный планъ. Въ то самое время, какъ кончался срокъ отпуска Бориса, въ Москвѣ, и само собой разумѣется въ гостиной Карагиныхъ, появился Анатоль Курагинъ, и Жюли, неожиданно оставивъ меланхолію, стала очень весела и внимательна къ Курагину.

— Мой милый, сказала Аниа Михайловна сыну, — я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что князь Василій присыпаетъ сына затѣмъ, чтобы женить его на Жюли. Я такъ люблю Жюли, что мнѣ жалко бы было ея. Какъ ты думаешь, мой другъ? сказала Аниа Михайловна.

Мысль оставаться въ дуракахъ и даромъ потерять весь этотъ мѣсяцъ тяжелой меланхолической службы при Жюли и видѣть весь расписанные уже и употребленные какъ слѣдуетъ въ его воображеніи доходы съ непценскихъ имѣній въ рукахъ другаго, въ особенности въ рукахъ глупаго Анатоля, оскорбила Бориса. Онъ поѣхалъ къ Карагиннымъ съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе. Жюли встрѣтила его съ веселымъ и беззаботнымъ видомъ, небрежно разсказывала о томъ, какъ ей весело было на вчерашнемъ балѣ, и спрашивала, когда онъѣдетъ. Несмотря на то, что Борисъ пріѣхалъ съ намѣреніемъ говорить о своей любви и потому намѣревался быть иѣжнымъ, онъ раздражительно началъ говорить о женскомъ непостоянствѣ: о томъ, какъ женщины легко могутъ переходить отъ грусти къ радости, и что у нихъ расположение духа зависитъ только отъ того, кто за ними ухаживаетъ. Жюли оскорбилась и сказала, что это правда, что для женщины нужно разпообразіе, что все одно и одно и то же надоѣдеть каждому.

— Для этого я бы совѣтовалъ вамъ... началь было Борисъ, желая сказать ей колкость; но въ ту же минуту ему пришла оскорбительная мысль, что онъ можетъ уѣхать изъ Москвы, не достигнувъ своей цѣли и даромъ потерявъ свои труды (чего съ нимъ никогда ни въ чемъ не бывало). Онъ остановился въ срединѣ рѣчи, опустилъ глаза, чтобы не видать ея непріятно-раздраженного и нерѣшительного лица, и сказала: — Я совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобы скориться съ вами, пріѣхалъ сюда. Напротивъ... Онъ взглянулъ на нее, чтобы увѣриться, можно ли продолжать. Все раздраженіе ся вдругъ исчезло, и беспокойные, просящіе глаза были съ жаднымъ ожиданіемъ устремлены на него. „Я всегда могу устроиться

такъ, чтобы рѣдко видѣть есъ, подумалъ Борисъ. „А дѣло начато и должно быть сдѣлано!“ Онъ всыпнулъ румянцемъ, поднялъ на нее глаза и сказалъ ей: — Вы знаете мои чувства къ вамъ! — Говорить больше не нужно было: лицо Жюли сияло торжествомъ и самодовольствомъ; но она заставила Бориса сказать ей все, что говорится въ такихъ случаяхъ, сказать, что онъ любить ее, и никогда ни одну женщину не любилъ болѣе ся. Она знала, что за плензенскія имѣнія и пижегородскіе лѣса она могла требовать этого, и получила то, что требовала.

Женихъ съ невѣстой, не поминая болѣе о деревьяхъ, обдающихъ ихъ мракомъ и меланхоліей, дѣлали планы о будущемъ устройствѣ блестящаго дома въ Петербургѣ, дѣлали визиты и приготавливали все для блестящей свадьбы.

VI.

Графъ Илья Андреичъ въ концѣ января съ Наташой и Соней прѣѣхали въ Москву. Графиня все была нездорова, и не моглаѣхать, — а нельзя было ждать ея выздоровленія: князя Андрея ждали въ Москву каждый день; кромѣ того нужно было закупать приданое, нужно было продавать подмосковную и нужно было воспользоваться присутствіемъ стараго князя въ Москвѣ, чтобы представить ему его будущую невѣстку. Домъ Ростовыхъ въ Москвѣ былъ нетопленъ; кромѣ того они прѣѣхали на короткое время, графини не было съ ними, а потому Илья Андреичъ рѣшился остановиться въ Москвѣ у Мары Дмитріевны Ахросимовой, давно предлагавшей графу свое гостепріимство.

Поздно вечеромъ четыре возка Ростовыхъ вѣхалп во дворъ Мары Дмитріевны въ Старой Конюшенной. Мары Дмитріевна

жила одна. Дочь свою она уже выдала замужъ. Сыновья ея все были на службѣ.

Она держалась все такъ же прямо, говорила такъ же прямо, громко и рѣшительно всѣмъ свое мнѣніе, и всѣмъ своимъ существомъ какъ будто упрекала другихъ людей за всякия слабости, страсти и увлеченія, которыхъ возможности она не признавала. Съ ранняго утра, въ куцавейкѣ она занималась домашнимъ хозяйствомъ; потомъ ъездила по праздникамъ къ обѣдни и отъ обѣдни въ остроги и тюремы, где у нея бывали дѣла, о которыхъ она никому не говорила, а по буднямъ, одѣвшись, дома принимала просителей разныхъ сословій, которые каждый день приходили къ ней, и потомъ обѣдала; за обѣдомъ, сытымъ и вкуснымъ, всегда бывало человѣка три-четыре гостей; послѣ обѣда дѣлала партію въ бостонъ; па ночь заставляла себѣ читать газеты и новиня книги, а сама вязала. Рѣдко она дѣлала исключенія для выѣздовъ, и ежели выѣзжала, то ъездила только къ самымъ важнымъ лицамъ въ городѣ.

Она еще не ложилась, когда прїѣхали Ростовы и въ передней занизжала дверь на блокѣ, пропуская входившихъ съ холода Ростовыхъ и ихъ прислугу. Марья Дмитріевна, съ очками спущенными на носъ, закинувъ назадъ голову стояла въ дверяхъ залы, и съ строгимъ, сердитымъ видомъ смотрѣла на входящихъ. Можно бы было подумать, что она озлоблена противъ прїѣзжихъ и сейчасъ выгонитъ ихъ, ежели бы она не отдавала въ это время заботливыхъ приказаний людямъ о томъ, какъ разместить гостей и ихъ вещи.

— Графскія? Сюда пеши, говорила она, указывая на чемоданы и ни съ кѣмъ не здороваясь.— Барышни, сюда нальво. Ну, вы что лебезите! кркнула она на дѣвокъ. Самоваръ

чтобы согреть! — Пополнила, похорошнила, проговорила она, притянув къ себѣ за капоръ разрумянившуюся съ мороза Наташу. — Фу, холодная! Да раздѣтайся же скорѣе, крикнула она на графа, хотѣвшаго подойти къ ея рукѣ. — Замерзъ, небось. Рому къ чаю подать! Сонюшка, bonjour, сказала она Сонѣ, этимъ французскимъ привѣтствіемъ оттѣняя свое слегка презрительное и ласковое отношеніе къ Сонѣ.

Когда всѣ, раздѣвшись и оправившись съ дороги, пришли къ чаю, Марья Дмитріевна по порядку перецѣловала всѣхъ.

— Душой рада, что пріѣхали и что у меня остановились, говорила она. — Давно пора, сказала она, значительно взглянувъ на Наташу... стариkъ здѣсь и сына ждутъ со дня на день. Надо, надо съ нимъ познакомиться. Ну, да обѣ этомъ послѣ поговоримъ, прибавила она, огляднувъ Соню взглядомъ, показывавшимъ, что она при ней не желаетъ говорить объ этомъ. — Теперь слушай, обратилась она къ графу, — завтра чтѣ же тебѣ надо? За кѣмъ пошлешь? Шиншина? — она загнула одинъ палецъ; — плакусу Анну Михайловну, — два. Она здѣсь съ сыномъ. Женится сынъ-то! Потомъ Безухова что ль? И онъ здѣсь съ женой. Онъ отъ нея убѣжалъ, а она за нимъ прискакала. Онъ обѣдалъ у меня въ середу. Ну, а ихъ — она указала на барышень — завтра свожу къ Иверской, а потомъ и къ Оберъ-Шелымъ заѣдемъ. Вѣдь, небось, все новое дѣлать будете? Съ меня не берите, иначе рукава вотъ чтѣ! Намедни княжна Ирина Васильевна молодая комѣ пріѣхала: страхъ глидѣть, точно два боченка на руки надѣла. Вѣдь выиче чтѣ день — новая мода. Да у тебя-то у самого какія дѣла? обратилась она строго къ графу.

— Все вдругъ подошло, отвѣчалъ графъ. — Тряпки покупать, а тутъ еще покупатель на подмосковную и на домъ.

Ужъ ежели милость ваша будетъ, я времечко выберу, съѣзжу въ Марьинское на денекъ, вамъ дѣвчать моихъ прикину.

— Хорошо, хорошо, у меня цѣлы будуть. У меня какъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Я ихъ и вывезу куда надо, и побраню, и поласкаю, сказала Марья Дмитріевна, дотрогивалась большою рукой до щеки любимцы и крестницы своей Наташи.

На другой день утромъ Марья Дмитріевна свозила барышень къ Иверской и къ мадамъ Оберъ-Шальме, которая такъ боялась Марии Дмитріевны, что всегда въ убытокъ уступала ей наряды, только бы поскорѣе выжить ее отъ себя. Марья Дмитріевна заказала почти все приданое. Вернувшись, она выгнала всѣхъ кромѣ Наташи изъ комнаты, и подозвала свою любимцу къ своему креслу.

— Ну, теперь поговоримъ. Поздравляю тебя съ женишкомъ. Подцѣнила молодца! Я рада за тебя, и его съ такихъ лѣтъ знаю (она указала на аршинъ отъ земли). Наташа радостно краснѣла. — Я его люблю и всю семью его. Теперь слушай. Ты вѣдь знаешь, стариkъ князь Николай очень не желалъ, чтобы сынъ женился. Правый стариkъ! Оно, разумѣется, князь Андрей не дитя, и безъ него обойдется, да противъ воли въ семью входить не хорошо. Надо мирно, любовно. Ты умница, сумѣешь обойтись какъ надо. Ты добренъко и умненько обойдись. Вотъ все и хорошо будетъ.

Наташа молчала, какъ думала Марья Дмитріевна отъ застѣнчивости, но въ сущности Наташѣ было непріятно, что вмѣшивались въ ея дѣло любви князя Андрея, которое представлялось ей такимъ особыеннымъ отъ всѣхъ людскихъ дѣлъ, что никто по ея понятіямъ не могъ понимать его. Она любила и знала одного князя Андрея, онъ любилъ ее и долженъ

былъ пріѣхать на днихъ и взять се. Больше ей ничего не нужно было.

— Ты видишь ли, я его давно знаю, и Машеньку, твою золовку, люблю. Золовки — колотовки, ну, а ужъ эта мухи не обидитъ. Она меня просила ее съ тобой свести. Ты завтра съ отцомъ къ ней поѣдешь, да прiplаскайся хорошенько: ты моложе ея. Какъ твой-то пріѣдетъ, а ужъ ты и съ сестрой и съ отцомъ знакома, и тебя полюбили. Такъ или иѣтъ? Вѣдь лучше будетъ?

— Лучше, неохотно отвѣчала Наташа.

VII.

На другой день, по совѣту Марьи Дмитріевны, графъ Илья Андреичъ поѣхалъ съ Наташой къ князю Николаю Андреичу. Графъ съ невеселымъ духомъ собирался на этотъ визитъ: въ душѣ ему было страшно. Послѣднее свиданіе во время ополченія, когда графъ въ отвѣтъ на свое приглашеніе къ обѣду выслушалъ горячій выговоръ за недоставленіе людей, было памятно графу Ильѣ Андреичу. Наташа, одѣвшись въ свое лучшее платье была напротивъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. „Не можетъ быть, чтобы они не полюбили меня“, думала она: „меня всеѣ всегда любили. И я такъ готова сдѣлать для нихъ все, чѣмъ они пожелаютъ, такъ готова полюбить его — за то, что онъ отецъ, а ее за то, что она сестра, что не за что имъ не полюбить меня!“

Они подъѣхали къ старому, мрачному дому на Воздвиженкѣ и вошли въ сѣни.

— Ну, Господи благослови, проговорилъ графъ, полуушутя, полусеръезно; но Наташа замѣтила, что отецъ ея заторопился, входя въ переднюю, и робко, тихо спросилъ, дома ли

князь и княжна. Послѣ доклада о ихъ пріѣздѣ между прислугой князя произошло смутеніе. Лакей, побѣжавшій докладывать о нихъ, былъ остановленъ другимъ лакеемъ въ залѣ, и они шептали о чёмъ-то. Въ залу выбѣжала горничная дѣвушка, и торопливо тоже говорила что-то, упоминая о княжнѣ. Наконецъ одинъ старый съ сердитымъ видомъ лакей вышелъ и доложилъ Ростовыимъ, что князь принять не можетъ, а княжна просить къ себѣ. Первая навстрѣчу гостямъ вышла мисс Буренъ. Она особенно учтиво встрѣтила отца съ дочерью и проводила ихъ къ княжнѣ. Княжна съ взволнованіемъ, испуганнымъ и покрытымъ красными пятнами лицомъ выбѣжала, тяжело ступая, навстрѣчу къ гостямъ, и тщетно пытаясь казаться свободной и радушною. Наташа съ первого взгляда не понравилась княжнѣ Марѣ. Она ей показалась слишкомъ нарядною, легкомысленно-неселеною и тщеславною. Княжна Марья не знала, что прежде чѣмъ она увидала свою будущую невѣстку, она уже была дурно расположена къ ней по невольной зависти къ ея красотѣ, молодости и счастью и по ревности къ любви своего брата. Кроме этого непреодолимаго чувства антипатіи къ ней, княжна Марья въ эту минуту была взволнована еще тѣмъ, что при докладѣ о пріѣздѣ Ростовыхъ, князь закричалъ, что ему ихъ не нужно, что пусть княжна Марья принимаетъ, если хочетъ, а чтобы къ нему ихъ не пускали. Княжна Марья рѣшилась принять Ростовыхъ, но всякую минуту боялась, какъ бы князь не сдѣлалъ какую-нибудь выходку, такъ какъ онъ казался очень взволнованіемъ пріѣздомъ Ростовыхъ.

— Ну вотъ, я вамъ, княжна милая, привезъ мою пѣнуною, сказалъ графъ, расшаркивался и беспокойно оглядываясь, какъ будто онъ боялся, не взойдетъ ли старый князь. —

такъ, чтобы рѣдко видѣть ее⁴, подумалъ Борисъ. „А дѣло начато и должно быть сдѣлано!“ Онъ всыпнулъ румяницеъ, поднялъ на нее глаза и сказалъ ей: — Вы знаете мои чувства къ вамъ! — Говорить больше не нужно было: лицо Жюли сияло торжествомъ и самодовольствомъ; во она заставила Бориса сказать ей все, что говорится въ такихъ случаяхъ, сказать, что онъ любить ее, и никогда ни одну женщину не любилъ болѣе ея. Она знала, что за пеизенскія имѣнія и нижегородскіе лѣса она могла требовать этого, и получила то, что требовала.

Женихъ съ невѣстой, не поминал болѣе о деревьяхъ, обдающихъ ихъ мракомъ и меланхоліей, дѣлали планы о будущемъ устройствѣ блестящаго дома въ Петербургѣ, дѣлали визиты и приготавливали все для блестящей свадьбы.

VI.

Графъ Илья Андреичъ въ концѣ января съ Наташой и Соней прѣѣхали въ Москву. Графиня все была нездорова, и не моглаѣхать, — а нельзя было ждать ея выздоровленія: князя Андрея ждали въ Москву каждый день; кромѣ того нужно было закупать приданое, нужно было продавать подмосковную и нужно было воспользоваться присутствіемъ стараго князя въ Москвѣ, чтобы представить ему его будущую невѣстку. Домъ Ростовыхъ въ Москвѣ былъ нетопленъ: кромѣ того они прѣѣхали на короткое время, графини не было съ ними, а потому Илья Андреичъ рѣшился остановиться въ Москвѣ у Марыи Дмитріевны Ахросимовой, давно предлагающей графу свое гостепріимство.

Поздно вечеромъ четыре возка Ростовыхъ вѣхахали во дворъ Марыи Дмитріевны въ Старой Конюшенной. Марыя Дмитріевна

жила одна. Дочь свою она уже выдала замужъ. Сыновья ея все были на службѣ.

Она держалась все такъ же прямо, говорила такъ же прямо, громко и решительно всѣмъ свое мнѣніе, и всѣмъ своимъ существомъ какъ будто упрекала другихъ людей за всякия слабости, страсти и увлеченія, которыхъ возможности она не признавала. Съ ранняго утра, въ куцапейкѣ она занималась домашнимъ хозяйствомъ; потомъѣздила по праздникамъ къ обѣдни и отъ обѣдни въ остроги и тюрьмы, гдѣ у нея бывали дѣла, о которыхъ она никому не говорила, а по буднямъ, одѣвшись, дома принимала просителей разныхъ сословий, которые каждый день приходили къ ней, и потомъ обѣдала; за обѣдомъ, сытымъ и вкуснымъ, всегда бывало человѣка три-четыре гостей; послѣ обѣда дѣлала партію въ бостонъ; па ночь заставляла себѣ читать газеты и новыя книги, а сама вязала. Рѣдко она дѣлала исключенія для выѣздовъ, и ежели выѣзжала, тоѣздила только къ самымъ важнымъ лицамъ въ городѣ.

Она еще не ложилась, когда прїѣхали Ростовы и въ передней завизжала дверь на блокѣ, пропуская входившихъ съ холода Ростовыхъ и ихъ приелугу. Марья Дмитріевна, съ очками спущенными на носъ, закинувъ назадъ голову стояла въ дверяхъ залы, и съ строгимъ, сердитымъ видомъ смотрѣла на входящихъ. Можно бы было подумать, что она озлоблена противъ прїѣзжихъ и сейчасъ выгонить ихъ, ежели бы она не отдавала въ это время заботливыхъ приказаний людямъ о томъ, какъ размѣстить гостей и ихъ вещи.

— Графскія? Сюда пеши, говорила она, указывая на чемоданы и ни съ кѣмъ не здороваясь.— Барышни, сюда нальво. Ну, вы что лебезите! крикнула она на девокъ. Самоваръ

чтобы согрѣть! — Пополѣла, похорошѣла, проговорила она, притянувъ къ себѣ за капоръ разрумянившуюся съ мороза Наташу. — Фу, холодная! Да раздѣтайся же скорѣе, крикнула она на графа, хотѣвшаго подойти къ ея рукѣ. — Замерзъ, небось. Рому къ чаю подать! Сонюшка, bonjour, сказала она Соѣ, этимъ французскимъ привѣтствіемъ оттѣняя свое слегка-презрительное и ласковое отношеніе къ Соѣ.

Когда всѣ, раздѣвшись и оправившись съ дороги, пришли къ чаю, Марья Дмитріевна по порядку перецѣловала всѣхъ.

— Душой рада, что пріѣхали и что у меня остановились, говорила она. — Давно пора, сказала она, значительно взглянувъ на Наташу... старикъ здѣсь и сына ждутъ со дня на день. Надо, надо съ нимъ познакомиться. Ну, да обѣ этомъ послѣ поговоримъ, прибавила она, огляднувъ Сою взглядомъ, показывавшимъ, что она при ней не желаетъ говорить обѣ этомъ. — Теперь слушай, обратилась она къ графу, — завтра что же тебѣ вадо? За кѣмъ пошлешь? Шиншина? — она загнула одинъ палецъ; — плакусу Анну Михайловну, — два. Она здѣсь съ спокойствиемъ. Женится синъ-то! Потомъ Безухова что ль? И онъ здѣсь съ женой. Опѣтъ отъ нея убѣжалъ, а она за нимъ прискакала. Опѣтъ обѣдалъ у меня въ середу. Ну, а ихъ — она указала на барышень — завтра свожу къ Иверской, а потомъ и къ Оберъ-Шелымъ заѣдемъ. Вѣдь, небось, все новое дѣлать будете? Съ меня не берите, иначе рукава вотъ что! Намедни княжна Ирина Васильевна молодая ко мнѣ пріѣхала: страхъ глядѣть, точно два боченка на руки надѣла. Вѣдь вынѣче что день — новая мода. Да у тебя-то у самого какія дѣла? обратилась она строго къ графу.

— Все вдругъ подошло, отвѣчалъ графъ. — Тряпки покупать, а тутъ еще покупатель на подмосковную и на домъ.

Ужъ ежели милость ваша будетъ, я временеко выберу, съѣзжу въ Марьинское на денекъ, вамъ дѣвчать моихъ прикину.

— Хорошо, хорошо, у меня цѣлы будуть. У меня какъ въ Омекунскомъ Совѣтѣ. Я ихъ и вывезу куда надо, и поѣзжу, и поласкаю, сказала Марья Дмитріевна, дотрогиваясь большою рукой до щеки любимицы и крестницы своей Наташи.

На другой день утромъ Марья Дмитріевна свозила барышень къ Иверской и къ мадамъ Оберь-Шальме, которая такъ боялась Марии Дмитріевны, что всегда въ убытокъ уступала ей наряды, только бы поскорѣе выжить ее отъ себя. Марья Дмитріевна заказала почти все приданое. Вернувшись, она выгнала всѣхъ кромѣ Наташи изъ комнаты, и подозвала свою любимицу въ свое му креслу.

— Ну, теперь поговоримъ. Поздравляю тебя съ женишкомъ. Подцѣпила молодца! Я рада за тебя, и его съ такихъ лѣтъ знаю (она указала на аршинъ отъ земли). Наташа радостно краснѣла. — Я его люблю и всю семью его. Теперь слушай. Ты вѣдь знаешь, старикъ князь Николай очень не желалъ, чтобы сынъ женился. Иправный старикъ! Оно, разумѣется, князь Андрей не дитя, и безъ него обойдется, да противъ воли въ семью входить не хорошо. Надо мирно, любовно. Ты умница, сумѣешь обойтись какъ надо. Ты добрењко и умненько обойдись. Вотъ все и хорошо будетъ.

Наташа молчала, какъ думала Марья Дмитріевна отъ застѣничности, но въ сущности Наташѣ было непріятно, что выѣзжались въ ея дѣло любви князя Андрея, которое представлялось ей такимъ особыеннымъ отъ всѣхъ людскихъ дѣлъ, что никто по ея понятіямъ не могъ понимать его. Она любила и знала одного князя Андрея, онъ любилъ ее и долженъ

былъ пріѣхать на дніхъ и взять ее. Больше ей ничего не нужно было.

— Ты видишь ли, я его давно знаю, и Машеньку, твою золовку, люблю. Золовки — колотовки, ну, а ужъ эта мухи не обидить. Она меня просила ее съ тобой свести. Ты завтра съ отцомъ къ ней поѣдешь, да прпласкайся хорошенько: ты моложе ея. Какъ твой-то пріѣдетъ, а ужъ ты и съ сестрой и съ отцомъ знакома, и тебя полюбили. Такъ или иѣтъ? Вѣдь лучшее будетъ?

— Лучше, неохотно отвѣчала Наташа.

VII.

На другой день, по совѣту Марьи Дмитріевны, графъ Илья Андреичъ поѣхалъ съ Наташой къ князю Николаю Андреичу. Графъ съ невеселымъ духомъ собирался на этотъ визитъ: въ душѣ ему было страшно. Послѣднее свиданіе во время ополченія, когда графъ въ отвѣтъ на свое приглашеніе къ обѣду выслушалъ горячій выговоръ за недоставленіе людей, было памятно графу Ильѣ Андреичу. Наташа, одѣвшись въ свое лучшее платье была напротивъ въ самомъ веселомъ расположениіи духа. „Не можетъ быть, чтобы они не полюбили меня“, думала она: „меня всеѣ всегда любили. И я такъ готова сдѣлать для нихъ все, чѣмъ они пожелаютъ, такъ готова полюбить его — за то, что онъ отецъ, а ее за то, что она сестра, что не за что имъ не полюбить меня!“

Они подѣхали къ старому, мрачному дому на Воздвиженкѣ и вошли въ сѣни.

— Ну, Господи благослови, проговорилъ графъ, полуушутя, полусеръезно; но Наташа замѣтила, что отецъ ея заторопился, входя въ переднюю, и робко, тихо спросилъ, дома ли

князь и княжна. Послѣ доклада о ихъ пріѣздѣ между прислугой князя произошло смутеніе. Лакей, побѣжалій докладывать о нихъ, былъ остановленъ другимъ лакеемъ въ залѣ, и они шептали о чёмъ-то. Въ залу выбѣжала горничная дѣвушка, и торопливо тоже говорила что-то, упоминая о княжнѣ. Наконецъ одинъ старый съ сердитымъ видомъ лакей вышелъ и доложилъ Ростовымъ, что князь принять не можетъ, а княжна просить къ себѣ. Первая навстрѣчу гостямъ вышла мисс Бурененъ. Она особенно учтиво встрѣтила отца съ дочерью и проводила ихъ къ княжнѣ. Княжна съ взолнованіемъ, испуганнымъ и покрытымъ красными пятнами лицомъ выбѣжала, тяжело ступая, навстрѣчу къ гостямъ, и тщетно пытаясь казаться свободною и радушною. Наташа съ первого взгляда не понравилась княжнѣ Марье. Она ей показалась слишкомъ нарядною, легкомысленно-веселою и тщеславною. Княжна Марья не знала, что прежде чѣмъ она увидала свою будущую невѣстку, она уже была дурно расположена къ ней по невольной зависти къ ея красотѣ, молодости и счастью и по ревности къ любви своего брата. Кромѣ этого непреодолимаго чувства антипатіи къ ней, княжна Марья въ эту минуту была взполнована еще тѣмъ, что при докладѣ о пріѣздѣ Ростовыхъ, князь закричалъ, что ему ихъ не нужно, что пусть княжна Марья принимаетъ, если хочетъ, а чтобы къ нему ихъ не пускали. Княжна Марья рѣшилась принять Ростовыхъ, но всякую минуту боялась, какъ бы князь не сдѣлалъ какую-нибудь выходку, такъ какъ онъ казался очень взполнованнымъ пріѣздомъ Ростовыхъ.

— Ну вотъ, я вамъ, княжна милая, привезъ мою пѣвуницу, сказала графъ, расшаркиваясь и безшокойно оглядываясь, какъ будто онъ боялся, не взойдетъ ли старый князь. —

Ужъ какъ я радъ, что вы познакомились... Жаль, жаль, что князь все нездоровъ, и, сказавъ еще нѣсколько общихъ фразъ, онъ всталъ. — Ежели позволите, княжна, на четверть часика вамъ прикинуть мою Наташу, я бы сѣѣздилъ, тутъ два шага, на Собачью Площадку, къ Аннѣ Семеновнѣ, и заѣду за ней.

Илья Андреичъ придумалъ эту дипломатическую хитрость для того, чтобы дать просторъ будущей золовкѣ объясниться съ своей невѣсткой (какъ онъ сказалъ это послѣ дочери) и еще для того, чтобы избѣжать возможности встрѣчи съ княземъ, котораго онъ боялся. Онъ не сказалъ этого дочери; но Наташа поняла этотъ страхъ и беспокойство своего отца и почувствовала себя оскорбленаю. Она покраснѣла за своего отца, еще болѣе разсердилась за то, что покраснѣла, и смѣѣмы, вызывающими взглядомъ, говорившимъ про то, что она никого не боится, взглянула на княжну. Княжна сказала графу, что очень рада и проситъ его только пробыти подольше у Анны Семеновны, и Илья Андреичъ уѣхалъ.

М-lle Бурленъ, несмотря на беспокойные, бросаемые на нее взгляды княжны Марьи, желавшей съ глазу на глазъ поговорить съ Наташой, не выходила изъ комнаты и держала твердо разговоръ о московскихъ удовольствіяхъ и театрахъ. Наташа была оскорблена замѣшательствомъ, произшедшемъ въ передней, беспокойствомъ своего отца и неестественнымъ тономъ княжны, которая — ей казалось — дѣлала милость, принимая ее. И потомъ все ей было неپрѣятно. Княжна Марья ей не нравилась. Она казалась ей очень дурною собой, притворною и сухою. Наташа вдругъ нравственно стѣжилась и приняла невольно такой небрежный тонъ, который еще болѣе отталкивалъ отъ нея княжну Марью. Послѣ пяти минутъ притворного разговора, послышались приближаю-

щиеся быстрые шаги въ туфляхъ. Лицо княжны Марыи выразило испугъ, дверь комнаты отворилась, и вошелъ князь въ бѣломъ колпакѣ и халатѣ.

— Ахъ, сударыня, заговорилъ онъ, — сударыня, графиня... графиня Ростова, коли не ошибаюсь... прошу извинить, извинить... не знать, сударыня. Видѣть Богъ не зналъ, что вы удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ, къ дочери зашелъ въ такомъ костюмѣ. Извинить прошу... видѣть Богъ не зналъ, повторилъ онъ такъ естественно, ударяя на слово Богъ, и такъ непріятно, что княжна Марыя стояла, опустивъ глаза, не смѣя взглянуть ни на отца, ни на Наташу. Наташа, вставть и присѣвъ, тоже не знала, что ей дѣлать. Одна м-нне Буренъ пріятно улыбалась.

— Прошу извинить, прошу извинить! Видѣть Богъ не зналъ, пробурчалъ старикъ и, осмотрѣвъ съ головы до ногъ Наташу, вышелъ. М-нне Буренъ первая нашлась послѣ этого появленія и начала разговаръ про нездоровье князя. Наташа и княжна Марыя молча смотрѣли другъ на друга, и чѣмъ дольше они молча смотрѣли другъ на друга, не высказывая того, что имъ нужно было высказать, тѣмъ недоброжелательнѣе онѣ думали другъ о другѣ.

Когда графъ вернулся, Наташа неучтиво обрадовалась ему и заторопилась уѣхжать: она почти ненавидѣла въ эту минуту эту старую сухую княжну, которая могла поставить ее въ такое пеловкое положеніе и провести съ ней полчаса, ничего не сказавъ о князѣ Андреѣ. „Вѣдь я не могла же начать первая говорить о немъ при этой француженкѣ“, думала Наташа. Княжна Марыя между тѣмъ мучилась тѣмъ же самимъ. Она знала, что ей надо было сказать Наташѣ, но она не могла этого сдѣлать и потому, что м-нне Буренъ,

мѣшала ей, и потому, что она сама не знала, отчего ей та^{къ} тяжело было начать говорить объ этомъ бракѣ. Когда уже графъ выходилъ изъ комнаты, княжна Марья быстрыми шагами подошла къ Наташѣ, взяла ее за руки и, тяжело вздохнувъ, сказала: „Постойте, мнѣ надо“... Наташа настмѣшливо, сама не знала надѣть чѣмъ, смотрѣла на княжну Марью.

— Милая Натали, сказала княжна Марья, — знайте, что я рада тому, что братъ нашелъ счастье... Она остановилась, чувствуя, что она говоритъ неправду. Наташа замѣтила эту остановку и угадала причину ея.

— Я думаю, княжна, что теперь неудобно говоритьъ объ этомъ, сказала Наташа съ виѣшнимъ достоинствомъ и холдностю и съ слезами, которыя она чувствовала въ горлѣ.

„Чтѣ я сказала, что я сдѣлала!“ подумала она, какъ только вышла изъ комнаты.

Долго ждали въ этотъ день Наташу къ обѣду. Она сидѣла въ своей комнатѣ и рыдала, какъ ребенокъ, сморкаясь и всхлипывая. Соня стояла надѣй ней и цѣловала ее въ волосы.

— Наташа, о чѣмъ ты? говорила она. — Чѣмъ тебѣ за дѣло до нихъ? Все пройдетъ, Наташа.

— Нѣтъ, ежели бы ты знала, какъ это обидно... точно я...

— Не говори, Наташа, вѣдь ты не виновата, такъ чѣмъ тебѣ за дѣло? Ноцѣлуй меня, сказала Соня.

Наташа подняла голову и, въ губы поцѣловавъ свою подругу, прижалася къ ней свое мокрое лицо.

— Я не могу сказать, я не знаю. Никто не виноватъ, говорила Наташа, — я виновата. Но все это болѣе ужасно. Ахъ, что онъ не ёдетъ?...

Она съ красными глазами вышла къ обѣду. Марья Дмитриевна, знаяшая о томъ, какъ князь принялъ Ростовыхъ,

сдѣлала видъ, что она не замѣчаетъ разстроеннаго лица Наташи, и твердо и громко шутила за столомъ съ граffомъ и съ другими гостями.

VIII.

Въ этотъ вечеръ Ростовы поѣхали въ оперу, на которую Марья Дмитріевна достала билетъ.

Наташѣ не хотѣлось ѻхать, но нельзя было отказаться отъ ласковости Марии Дмитріевны, исключительно для нея предназначенной. Когда она, одѣтая, вышла въ залу, дожидалась отца, и, поглядѣвшись въ большое зеркало, увидала, что она хороша, очень хороша, ей еще болѣе стало грустно; но грустно сладостно и любовно.

„Боже мой, ежели бы онъ былъ тутъ, тогда бы я не такъ какъ прежде, съ какою-то глупою робостью предъ чѣмъ-то, а по новому, просто, обняла бы его, прижалась бы къ нему, заставила бы его смотрѣть на меня тѣми искательными, любопытными глазами, которыми онъ такъ часто смотрѣлъ на меня, и потомъ заставила бы его смѣяться, какъ онъ смѣялся тогда, и глаза его — какъ я вижу эти глаза!“ думала Наташа. „И что мнѣ за дѣло до его отца и сестры: я люблю его одного, его, его, съ этимъ лицомъ и глазами, съ его улыбкой, мужскою и вмѣстѣ дѣтскою... Нѣтъ, лучше не думать о немъ, не думать, забыть, совсѣмъ забыть на это время. Я не вынесу этого ожиданія, я сейчасъ зарыдаю“, — и она отошла отъ зеркала, дѣлая надъ собой усилия, чтобы не заплакать. „И какъ можетъ Соня такъ ровно, такъ спокойно любить Николеньку, и ждать такъ долго и терпѣливо!“ подумала она, глядя на входившую, тоже одѣтую, съ вѣромъ въ рукахъ Соню. „Нѣтъ, она совсѣмъ другая. Я не могу!“

Наташа чувствовала себя въ эту минуту такою размагченною и разинѣженною, что ей мало было любить и знать, что она любима: ей нужно теперь, сейчас вужно было обнять любимаго человѣка и говорить и слышать отъ него слова любви, которыми было полно ся сердце. Пока она ъехала въ каретѣ, сидя рядомъ съ отцомъ и задумчиво глядѣла на мелькавшие въ мерзломъ окнѣ огни фонарей, она чувствовала себя еще влюбленнѣе и грустнѣе, и забыла, съ кѣмъ и куда она ъдетъ. Пошавъ въ вереницу каретъ, медленно визж колесами по снѣгу, карета Ростовыхъ подъѣхала къ театру. Поспѣшило выскочили Наташа и Соня, подбирая платья; вышелъ графъ, поддерживаемый лакеями, и между входившими дамами и мужчинами и продающими афиши, всѣ трое пошли въ корридоръ бенуара. Изъ за притворенныхъ дверей уже слышались звуки музыки.

— Наташа, твои волосы... прошептала Соня. Капель динеръ учтиво и поспѣшило проскользнуль предъ дамами и отворилъ дверь ложи. Музыка ярче стала слышна въ дверь. блеснули освѣщенные ряды ложъ съ обнаженными плечами и руками дамъ, и шумящій и блестящій мундирами партеръ. Дама, входившая въ сосѣдній бенуаръ, оглянула Наташу женскимъ, завистливымъ взглядомъ. Занавѣсь еще не поднималася, и играли увертюру. Наташа, оправляя платье прошла вмѣстѣ съ Соней и сѣла, оглядывая освѣщенные ряды противоположныхъ ложъ. Давно неиспытанное ею ощущеніе того, что сотни глазъ смотрятъ на ея обнаженные руки и шею, вдругъ и приятно и непрѣятно охватило ее, вызывалъ щѣлый рой соотвѣтствующихъ этому ощущенію воспоминаній, желаній и волненій.

Дѣвъ замѣчательно хорошенъкія дѣвушки, Наташа и Соня.

съ графомъ Ильей Андреичемъ, котораго давно не видио
было въ Москвѣ, обратили на себя общее вниманіе. Кромѣ
того всѣ знали смутно про говорь Наташи съ княземъ
Андреемъ, знали, что съ тѣхъ порь Ростовы жили въ де-
ревнѣ, и съ любопытствомъ смотрѣли на невѣсту одного
изъ лучшихъ жениховъ Россіи.

Наташа похорошѣла въ деревнѣ, какъ всѣ ей говорили,
а въ этотъ вечеръ, благодаря своему взволнованному со-
стоянію, была особенно хороша. Она поражала полнотой
жизни и красоты, въ соединеніи съ равнодушіемъ ко все-
му окружающему. Ея черные глаза смотрѣли на толпу,
никого не отыскивая, а тонкая, обнаженная выше локти
рука, облокоченная на бархатную рамку, очевидно безсо-
знательно, въ тактъ увертюры, сжималась и разжималась,
комккая афишу.

— Посмотри, вотъ Аленина, говорила Соня, — съ матерью;
кажется!

— Батюшки! Михаилъ Кириллычъ то еще потолстѣлъ,
говориль старый графъ.

— Смотрите! Аида Михайловна наша въ токѣ какой!

— Карагины, Жюли, и Борисъ съ ними. Сейчасъ видно
жениха съ невѣстой.

— Друбецкой сдѣлалъ предложеніе! Какъ же, нынче
узналь, сказалъ Шиншинъ, входившій въ ложу Ростовыхъ.

Наташа посмотрѣла по тому направленію, по которому
смотрѣлъ отецъ, и увидала Жюли, которая съ жемчугами
на толстой красной шеѣ (Наташа знала, обсыпанной пурпурой)
сидѣла съ счастливымъ видомъ, рядомъ съ матерью.

Позади ихъ, съ улыбкой, наклоненная ухомъ ко рту Жюли,
виднѣлась гладко причесанная, красивая голова Бориса.

Наташа чувствовала себя въ эту минуту такою размягченіою и разинѣніою, что ей мало было любить и знать, что она любима: ей нужно теперь, сейчасъ нужно было обнять любимаго человѣка и говорить и слышать отъ него слова любви, которыми было полно ея сердце. Пока она ѿхала въ каретѣ, сидя рядомъ съ отцомъ и задумчиво глядѣла на мелькавшіе въ мерзломъ окнѣ огни фонарей, она чувствовала себя еще влюбленнѣе и грустнѣе, и забыла, съ кѣмъ и куда она ѿдѣть. Попавъ въ вереницу каретъ, медленно визжа колесами по снѣгу, карета Ростовыхъ подъѣхала въ театръ. Но спѣшио выскочили Наташа и Соня, подбирая платья; вышелъ графъ, поддерживаемый лакеями, и между входившими дамами и мужчинами и продающими афиши, всѣ трое пошли въ коридоръ бенуара. Изъ за притворенныхъ дверей уже слышались звуки музыки.

— Наташа, твои волосы... прошептала Соня. Капель-динеръ учтиво и но спѣшио проскользнулъ предъ дамами и отворилъ дверь ложи. Музыка ярче стала слышна въ дверь, блеснули освѣщенные ряды ложъ съ обнаженными плечами и руками дамъ, и шумящій и блестящій мундирами партеръ. Дама, входившая въ сосѣдній бенуаръ, оглянула Наташу женскимъ, завистливымъ взглядомъ. Занавѣсь еще не поднимался, и играли увертюру. Наташа, оправляя платье, прошла вмѣстѣ съ Соней и сѣла, оглядывая освѣщенные ряды противоположныхъ ложъ. Давно неиспытанное ею ощущеніе того, что сотни глазъ смотрять на ея обнаженные руки и шею, вдругъ и пріятно и непріятно охватило ее, вызывалъ цѣлый рой соотвѣтствующихъ этому ощущенію воспоминаній, желаній и волненій.

Две замѣчательно хорошенькия дѣвушки, Наташа и Соня,

сь графомъ Ильей Андреичемъ, котораго давно не видно было въ Москвѣ, обратили на себя общее вниманіе. Кроме того всѣ знали смутно про говорь Наташи съ кніземъ Андреемъ, знали, что съ тѣхъ порь Ростовы жили въ деревнѣ, и съ любопытствомъ смотрѣли на невѣсту одного изъ лучшихъ жениховъ Россіи.

Наташа похорошѣла въ деревнѣ, какъ всѣ ей говорили, а въ этотъ вечеръ, благодаря своему взволнованному состоянію, была особенно хороша. Она поражала полнотой жизни и красоты, въ соединеніи съ равнодушіемъ ко всему окружающему. Ея черные глаза смотрѣли на толпу, никого не отыскивая, а тонала, обнаженная выше локти рука, облокоченная на бархатную рамку, очевидно безсознательно, въ тактъ увертюры, сжималась и разжималась, комкая афишу.

— Посмотри, вотъ Аленина, говорила Соня, — съ матерью, кажется!

— Батюшки! Михаилъ Кирилличъ то еще потолстѣлъ, говорилъ старый графъ.

— Смотрите! Ацна Михайловна наша въ токѣ какой!

— Карагины, Жюли, и Борисъ съ ними. Сейчасъ видно жениха съ невѣстой.

— Друбецкой сдѣлалъ предложеніе! Какъ же, нынче узналь, сказалъ Шиншинъ, входившій въ ложу Ростовыхъ.

Наташа посмотрѣла по тому направленію, по которому смотрѣлъ отецъ, и увидала Жюли, которая съ жемчугами на толстой красной шеѣ (Наташа знала, обсыпанной пурпурой) сидѣла съ счастливымъ видомъ, рядомъ съ матерью.

Позади ихъ, съ улыбкой, наклоненная ухомъ ко рту Жюли, виднѣлась гладко причесанная, красивая голова Бориса.

Онъ исподлобья смотрѣль на Ростовыхъ и, улыбаясь, говорилъ что-то своей невѣсты.

„Они говорятъ про насъ, про меня съ нимъ!“ подумала Наташа. „И онъ вѣрно успокаиваетъ ревность ко мнѣ своей невѣсты: напрасно беспокоятся! Ежели бы они знали, какъ мнѣ ни до кого изъ нихъ нѣть дѣла.“

Сидѣла въ зеленой токѣ, съ преданнымъ волѣ Божіей и счастливымъ, праздничнымъ лицомъ, Анна Михайловна. Въ ложѣ ихъ стояла та атмосфера — жениха съ невѣстой, которую такъ знала и любила Наташа. Она отвернулась вдругъ все, что было унизительного въ ея утреннемъ постѣоніи, вспомнилось ей.

„Какое право онъ имѣеть не хотѣть принять меня въ свое родство? Ахъ, лучше не думать объ этомъ, не думать до его прѣѣзда!“ сказала она себѣ и стала оглядывать знакомыя и незнакомыя лица въ партерѣ. Впереди партера, въ самой серединѣ, облокотившись спиной къ рампѣ, стоялъ Долоховъ съ огромною, кверху зачесанною конной курчавыхъ волосъ, въ персидскомъ костюмѣ. Онъ стоялъ на самомъ виду театра, зная, что онъ обращаетъ на себя вниманіе всей залы, такъ же свободно, какъ будто онъ стоялъ въ своей комнатѣ. Около него, столпившись, стояла самая блестящая молодежь Москвы, и онъ видимо первенствовалъ между ними.

Графъ Илья Андреичъ, смѣясь, подтолкнувъ красавицу Сою, указывалъ ей на прежнаго обожателя.

— Узнала? спросилъ онъ. — И откуда онъ взялся, обратился графъ къ Шиншину; — вѣдь онъ пропадалъ куда-то?

— Пропадалъ, отвѣчалъ Шиншинъ. — На Кавказѣ былъ, а тамъ бѣжалъ и, говорятъ, у какого-то владѣтельного князя

былъ министромъ въ Персії, убилъ тамъ брата шахова: ну, съ ума всѣ и сходять московскія барыни! „Персіянинъ Долоховъ“, да и конечно. У насъ теперь нѣть слова безъ Долохова: имъ клянутся, на него зовутъ какъ на стерлядь, говорилъ Шиншинъ. Долоховъ да Курагинъ Анатоль -- всѣхъ у насъ барыни съ ума свѣли.

Въ сосѣдній бенуарѣ вошла высокая, красивая дама съ огромною косой и очень оголенными, блѣдыми, полными плечами и шеей, на которой была двойная нитка большихъ жемчуговъ, и долго усаживалась, шумя своимъ толстымъ белковымъ платьемъ.

Наташа невольно взглядывалась въ эту шею, плечи, жемчуги, прическу и любовалась красотою плечъ и жемчуговъ. Въ то время, какъ Наташа уже второй разъ взглядалась въ нее, дама оглянулась и, встрѣтившись глазами съ графомъ Ильей Андреичемъ, кивнула ему головой и улыбнулась. Это была графиня Безухова, жена Пьера. Илья Андреичъ, знавшій всѣхъ на свѣтѣ, перегнувшись, заговорилъ съ ней.

— Давно пожаловали, графиня? заговорилъ онъ. — Приду, приду, ручку поцѣлую. А я вотъ пріѣхать по дѣламъ и дѣвочекъ своихъ съ собой привезъ. Безподобно, говорить, Семенова играетъ, говорилъ Илья Андреичъ. — Графъ Петръ Кирилловичъ настъ никогда не забывалъ. Онъ здѣсь?

— Да, онъ хотѣлъ зайти, сказала Эленъ и внимательно посмотрѣла на Наташу.

Графъ Илья Андреичъ опять сѣлъ на свое мѣсто.

— Вѣдь хороша? шепотомъ сказалъ онъ Наташѣ.

— Чудо! сказала Наташа, — вотъ влюбиться можно! Въ это время зазвучали москѣдніе аккорды увертиры, и вступила

шалочка капельмейстера. Въ партерѣ прошли на мѣста запоздавшіе мужчины, и поднялся занавѣсъ.

Какъ только поднялся занавѣсъ, въ ложахъ и партерѣ все замолкло, и всѣ мужчины, старые и молодые, въ мундирахъ и фракахъ, всѣ женщины, въ драгоценныхъ каменьяхъ на голомъ тѣлѣ, съ жаднымъ любопытствомъ устремили все вниманіе на сцену. Наташа тоже стала смотрѣть.

IX.

На сценѣ были ровныя доски по серединѣ, съ боковъ стояли крашеныя картины, изображавшія деревья, позади было протянуто полотно на доскахъ. Въ серединѣ сцены сидѣли дѣвицы въ красныхъ корсажахъ и бѣлыхъ юбкахъ. Одна, очень толстая, въ шелковомъ бѣломъ платьѣ, сидѣла особо на низкой скамеечкѣ, къ которой былъ приkleенъ сзади зеленый картонъ. Всѣ онѣ ждали что-то. Когда онѣ кончили свою пѣсню, дѣвица въ бѣломъ подошла къ будочекѣ супфлера и къ ней подошелъ мужчина въ шелковыхъ, въ обтяжку, панталонахъ на толстыхъ ногахъ, съ перомъ и кинжаломъ, и стала пѣсть и разводить руками:

Мужчина въ обтянутыхъ панталонахъ прошѣлъ одинъ, потомъ прошѣла она. Потомъ оба замолчали, заиграла музыка, и мужчина стала неребирать пальцами руку дѣвицы въ бѣломъ платьѣ, очевидно выжидая опять такта, чтобы начать свою партію вмѣстѣ съ нею. Они прошѣли вдвоемъ, и всѣ въ театрѣ стали хлопать и кричать, а мужчина и женщина на сценѣ, которые изображали влюбленныхъ, стали улыбаясь и разводя руками, кланяться.

Послѣ деревни и въ томъ серьезномъ настроеніи, въ которомъ находилась Наташа, все это было дико и удиви-

тельно ей. Она не могла слѣдить за ходомъ оперы, не могла даже слышать музыку: она видѣла только крашеные картонны и странно наряженныхъ мужчинъ и женщинъ при яркомъ свѣтѣ странно двигавшихъ, говорившихъ и пѣвшихъ; она знала, что все это должно было представлять, но все это было такъ вычурно-фальшиво и ненатурально, что ей становилось то собственно за актеровъ, то смѣшино на нихъ. Она оглядывалась вокругъ себя: на лица зрителей, отыскивая въ нихъ то же чувство насиѣшки и недоумѣнія, которое было въ ней; но всѣ лица были внимательны къ тому, что происходило на сценѣ, и выражали притворное, какъ казалось Наташѣ, восхищеніе. „Должно быть это такъ изображено!“ думала Наташа. Она поперемѣнило оглядывалась то на эти ряды припомаженныхъ головъ въ шартерѣ, то на оголенныхъ женщинъ въ ложахъ, въ особенности на свою сосѣдку Эленъ, которая, совершенно раздѣтая, съ тихою и скромной улыбкой, не спускала глазъ, смотрѣла на сцену, онѣщдала аркій свѣтъ, разлитый по всей залѣ, и теплый, толпою согрѣтый, воздухъ. Наташа мало-по-малу начинала приходить въ давно неиспытываемое ею состояніе оьяненія. Она не помнила, что она, и где она, и что предъ нею дѣлается. Она смотрѣла и думала, и самыя странные мысли неожиданно, безъ связи, мелькали въ смѣтѣ головы. То ей приходила мысль вскочить на рампу и пропеть ту арію, которую пѣла актриса, то ей хотѣлось зацѣпить вѣрою не далеко отъ нея сидѣвшаго стариичка, то перепутаться Эленъ и защекотать ее.

Въ одну изъ минутъ, когда на сценѣ все затихло, ожидала начала аріи, скривнула входная дверь шартера, на той сторонѣ, гдѣ была ложа Ростовыхъ, и разозвались шаги за-

поздавшаго мужчину. „Воть онъ, Курагинъ!“ прошепталъ Шиншинъ. Графиня Безухая улыбалась, обернулась къ входящему. Наташа посмотрѣла по направлению глазъ графини Безухой и увидала необыкновенно-красиваго адъютанта, съ самоувѣренныи и вмѣстѣ учтивымъ видомъ подходящаго къ ихъ ложѣ. Это былъ Анатоль Курагинъ, котораго она давно видѣла и замѣтила на петербургскомъ балѣ. Онъ былъ теперь въ адъютанскомъ мундирѣ съ одною эполетой и эскадронтомъ. Онъ имѣлъ сдержанную, молодецкую походку, которая была бы смѣшна, ежели бы онъ не былъ такъ хороши собой и ежели бы на прекрасномъ лицѣ не было бы такого выраженія добродушиаго довольства и веселья. Несмотря на то, что дѣйствіе шло, онъ, не торопясь, слегка побрякивалъ піпорами и саблей, плавно и высоко неся свою надувѣнную красивую голову, имѣлъ во комру корридора. Взглянувъ на Наташу, онъ подошелъ къ сестрѣ, положилъ руку въ облитой перчаткѣ на край ея ложи, трихнулъ ей головой и, наклонясь, спросилъ что-то, указывая на Наташу.

Очень, очень мила! сказалъ онъ, очевидно про Наташу, какъ не столько слышала она, сколько поняла по движению его губъ. Потомъ онъ прошелъ въ первый рядъ и сѣлъ подлѣ Долохова, дружески и небрежно толкнувъ локтемъ того Долохова, съ которымъ такъ заносчиво обращались другіе. Онъ весело подмигнувъ, улыбнулся ему и уперся ногой въ рампу.

— Какъ похожи братъ съ сестрой! сказалъ графъ. — И какъ хороши оба!

Шиншинъ вполголоса началъ рассказывать графу какую-то исторію интриги Курагина въ Москвѣ, къ которой Наташа

прислушалась именно потому, что онъ сказалъ про нее „очень мила“.

Первый актъ кончился, въ партерѣ всѣ встали, перепутались и стали ходить и выходить.

Борисъ принесъ въ ложу Ростовыхъ, очень просто принялъ поздравленія и, приподнявъ брови съ разсѣянною улыбкой, передалъ Наталии и Сонѣ просьбу его невѣсты, чтобы они были на ея свадьбѣ, и вышелъ. Наташа съ веселой и кокетливою улыбкой разговаривала съ пимъ и поздравляла съ женитьбой того самаго Бориса, въ котораго она была влюблена прежде. Въ томъ состояніи опьянѣлія, въ которомъ она находилась, все казалось просто и естественно.

Голая Эленъ сидѣла подлѣ нея и одинаково всѣмъ улыбалась, и точно такъ же улыбнулась Наташа Борису.

Ложа Эленъ наполнилась и окружилась со стороны партера самыми знатными и умными мужчинами, которые,казалось, наперерывъ желали показать всѣмъ, что они знакомы съ ней.

Курагинъ весь этотъ антрактъ стоялъ съ Долоховымъ впереди у рамы, глядя на ложу Ростовыхъ. Наташа знала, что онъ говорить про нее, и это доставляло ей удовольствие. Она даже повернулась такъ, чтобы ему виденъ былъ съ профилемъ, по ея понятіямъ, въ самомъ выгодномъ положеніи. Предъ началомъ втораго акта, въ партерѣ показалась фигура Шьера, котораго еще съ прѣзда не видали Ростовы. Лицо его было грустно, и онъ еще потолстѣлъ, съ тѣхъ поръ, какъ его послѣдній разъ видѣла Наташа. Онъ, никого не замѣчая, прошелъ въ первые ряды. Анатоль подошелъ къ нему и сталъ что-то говорить ему, глядя и указы-

вала на ложу Ростовыхъ. Ильель увиданъ Наташу, оживился и поспѣшилъ по рядамъ пошелъ къ ихъ ложѣ. Пройдя къ нимъ, онъ облокотился и, улыбаясь, долго говорилъ съ Наташой. Во время своего разговора съ Ньериомъ, Наташа услыхала въ ложѣ графини Безуховой мужской голосъ и, почему-то узнала, что это былъ Курагинъ. Она оглянулась и встрѣтилась съ нимъ глазами. Онъ почти улыбалъся, смотрѣлъ ей прямо въ глаза такимъ восхищеннымъ, ласковымъ взглядомъ, что, казалось, странно быть отъ него такъ близко, такъ смотрѣть на него, быть, такъ увѣренною, что нравишься ему, и не быть съ нимъ знакомою.

Во второмъ актѣ были картины, изображающія монументы, и была дыра въ полотнѣ, изображающей луну, и абажуры на рампѣ подняли, и стали играть въ басу трубы и контрабасы, и справа и слѣва вышло много людѣй въ черныхъ мантіяхъ. Люди стали махать руками, и въ рукахъ у нихъ было что-то въ родѣ кинжаловъ; потомъ прибѣжали еще какіе-то люди и стали тащить прочь ту дѣвицу, которая была прежде въ бѣломъ, а теперь въ голубомъ платьѣ. Они не утащили ея сразу, а долго съ ней шѣли, а потомъ уже ее утащили, и за кулисами ударили три раза во что-то металлическое, и всѣ стали на колѣна и запѣли молитву. Нѣсколько разъ всѣ эти дѣйствія прерывались восторженными криками зрителей.

Во время этого акта Наташа всякий разъ, какъ взглядала въ партеръ, видѣла Анатоля Курагина, перекинувшаго руку черезъ спинку кресла и смотрѣвшаго на нее. Ей пріятно было видѣть, что онъ такъ илѣненъ ю, и не приходило въ голову, чтобы въ этомъ было что-нибудь дурное.

Когда второй актъ кончился, графиня Безухая встала,

повернулась въ ложь Ростовыхъ (грудь ей совершенно была обнажена), пальчикомъ въ перчаткѣ поманила яѣ себѣ стараго графа, и, не обращая вниманія на вошедшіхъ къ ней въ ложу, начала, любезно улыбаясь, говорить съ нимъ.

— Да познакомьте же меня съ вашими прелестными дочерьми, сказала она. — Весь городъ про нихъ кричитъ, да я ихъ не знаю.

Наташа встала и присѣла великолѣпной графинѣ. Наташѣ такъ пріятна была похвала этой блестящей красавицы, что она покраснѣла отъ удовольствія.

— Я теперь тоже хочу сдѣлаться моевичкой, говорила Эленъ. — И какъ намъ не совѣстно зарыть такіе перлы въ деревѣ!

Графиня Безухова, во спранедливости, имѣла репутацію обворожительной женщины. Она могла говорить то, чего не думала, и въ особенности льстить, совершенно просто и натурально.

— Ну, милый графъ, вы мнѣ позвольте заняться вашими дочерьми. Я хотѣтъ теперь здѣсь не надолго. И вы тоже. Я постараюсь понеселить вашихъ. Я еще въ Петербургѣ много слышала о васъ и хотѣла васъ узнать, сказала она Наташѣ съ своею однообразно-красивою улыбкой. — Я слышала о васъ и отъ моего пажа, Друбецкаго, — вы смыслили, онъ женится, — и отъ друга моего мужа, Волконскаго, князя Андрея Волконскаго, сказали она съ особеннымъ удрученіемъ, намекая этимъ на то, что она видѣла отношенія его къ Наташѣ. Она попросила, чтобы лучше познакомиться, позволить одной изъ барышень посидѣть остальную часть спектакля въ яѣ ложь, и Наташа перешла въ неѣ.

Въ третьемъ актѣ былъ на сценѣ представленъ дворецъ, въ которомъ горѣло много свѣчей и првѣшены были картины, изображавшія рыцарей съ бородками. Въ серединѣ стояли, вѣроятно, царь и царица. Царь замахалъ правою рукой и, видимо робѣя, дурно прошѣлъ что-то, и сѣлъ на малиновый тронъ. Дѣвица, бывшая сначала въ бѣломъ, по-томъ въ голубомъ, теперь была одѣта въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами и стояла около трона. Она о ченѣ-то горестно пѣла, обращаясь къ царю; но даръ строго махнулъ рукой, и съ боковъ вышли мужчины съ голыми ногами и женщины съ голыми ногами, и стали танцевать всѣ вмѣстѣ. Потомъ скрипки заиграли очень тонко и весело, одна изъ дѣвицъ съ голыми толстыми ногами и кудрями руками, отдѣлившись отъ другихъ, отошла за кулисы, поправила корсажъ, вышла на середину и стала прыгать и скоро бить одною ногой о другую. Всѣ въ партерѣ захлопали руками и закричали браво. Потомъ одинъ мужчина сталъ въ уголъ. Въ оркестрѣ заиграли громче въ цимбалы и трубы, и одинъ этотъ мужчина съ голыми ногами сталъ прыгать очень высоко и сѣменить ногами. (Мужчина этотъ былъ Дюшоръ, полу-чавшій 60 тысячъ въ годъ за это искусство.) Всѣ въ партерѣ, въ ложахъ и рабѣ стали хлопать и кричать изо всѣхъ силъ, и мужчина остановился и сталъ улыбаться и кланяться на всѣ стороны. Потомъ танцевали еще другие съ голыми ногами мужчины и женщины, потомъ оцѣль одинъ изъ царей закричалъ что-то подъ музыку, и всѣ стали идти. Но вдругъ сдѣлалась бура, въ оркестрѣ послышались хроматическія гаммы и аккорды уменьшеннай септимы, и всѣ побѣжали и потащили оцѣль одного изъ присутствующихъ за кулисы, и занавѣсь опустился. Оиять между зрителями поднялся страш-

ный шумъ и трескъ, и всѣ съ восторженными лицами стали кричать:

— Дюпора! Дюпора! Дюпора!

Наташа уже не находила этого страннаго. Она съ удовольствіемъ, радостно улыбаясь, смотрѣла вокругъ себя.

— Не нравда ли, что Дюпоръ восхитителенъ? сказала Эленъ, обращаясь къ ней.

— О, да, отвѣтала Наташа.

X.

Въ антрактѣ въ ложѣ Эленъ пахнуло холодомъ, отворилась дверь и, нагибаясь и стараясь не заѣпить кого-нибудь, вошла Анатоль.

— Позвольте миъ вамъ представить брата, безшокойно перебѣгая глазами съ Наташи на Анатоля, сказала Эленъ. Наташа черезъ голое плечо оборотила къ «красавцу» свою хорошенкую головку и улыбнулась. Анатоль, который вблизи былъ такъ же хорошъ, какъ и издали, подсѣль къ ней и сказалъ, что давно желалъ имѣть это удовольствіе, еще съ парижинскаго бала, на которомъ онъ имѣлъ удовольствіе, которое не забылъ, видѣть ее. Курагинъ съ женщинами былъ гораздо умнѣе и проще, чѣмъ въ мужскомъ обществѣ. Онъ говорилъ смѣло и просто, и Наташу странно и пріятно поразило то, что не только не было ничего такого страшнаго въ этомъ человѣкѣ, про котораго такъ много разсказывали, но что напротивъ у него была самая наивная, веселая и добродушная улыбка.

Курагинъ спросилъ про впечатлѣніе спектакля и рассказалъ ей про то, какъ прошли спектакли Семенова, играя, упала.

— А знаете, графиня, — сказал онъ, вдругъ обрацаясь къ ней, какъ къ старой давнишней знакомой,— у насъ устраивается карусель въ костюмахъ; вамъ бы надо участвовать въ немъ: будетъ очень весело. Всѣ собираются у Карагиныхъ. Пожалуйста, пріѣзжайте, право, а? проговорилъ онъ.

Говоря это, онъ не спускалъ улыбающихся глазъ съ лица, съ шеи, съ оголенныхъ рукъ Наташи. Наташа несомнѣнно знала, что онъ восхищается ею. Ей было это приятно, но почему-то ей тѣсно и тяжело становилось отъ его присутствія. Когда она не смотрѣла на него, она чувствовала, что онъ смотрѣлъ на ея плечи, и она невольно перехватывала его взглядъ, чтобы онъ ужъ лучше смотрѣлъ на ея глаза. Но глядя ему въ глаза, она со страхомъ чувствовала, что между нимъ и юю совсѣмъ нѣть той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами. Она, сама не вная какъ, черезъ пять минутъ чувствовала себя страшно-близкою къ этому человѣку. Когда она отворачивалась, она боялась, какъ бы онъ сзади не взялъ ее за голую руку, не поцѣловалъ бы ее въ шею. Они говорили о самыхъ простыхъ вещахъ и она чувствовала, что они близки, какъ она никогда не была съ мужчиной. Наташа оглядывалась на Эленъ и на отца, какъ будто спрашивая ихъ, чѣмъ такое это значило; но Эленъ была занятая разговоромъ съ какимъ-то генераломъ и не отвѣтила на ея взглядъ, а взглядъ отца ничего не сказалъ ей, какъ только то, что онъ всегда говорилъ: „весело, ну и радъ“.

Въ одну изъ минутъ неловкаго молчанія, во время которыхъ Анатоль своими выщуканными глазами спокойно и упорно смотрѣлъ на несъ, Наташа, чтобы прервать это молчаніе, спросила его, какъ ему нравится Москва. Наташа спросила

и покраснѣла, ей постоянно казалось, что что-то неприличное она дѣлаетъ, говоря съ нимъ. Анатоль улыбнулся, какъ бы ободряя ее.

— Сначала мнѣ мало нравилась, потому что дѣлаешь городъ приятнымъ? Это хорошенъкія женщины, не правда ли? Ну а теперь очень нравится, сказалъ онъ, значительно глядя на нее.— Пойдете на карусель, графиня? Поѣзжайте, сказалъ онъ, и, протянувъ руку къ ея букету и понижая голосъ, сказалъ: — Вы будете самая хорошенъкая. Поѣзжайте, милая графиня, и въ залогъ дайте мнѣ этотъ цвѣтокъ.

Наташа не поняла тою, что онъ сказалъ, такъ же какъ онъ самъ, но она чувствовала, что въ непонятныхъ словахъ его былъ неприличный умыселъ. Она не знала что сказать, и отвернулась, какъ будто не слыхала того, что онъ сказалъ. Но только что она отвернулась, она подумала, что онъ тутъ сзади, такъ близко отъ нея.

„Что онъ теперь? Онъ сконфуженъ? Разсерженъ? Надо исправить это?“ спрашивала она сама себя. Она не могла удержаться, чтобы не взглянуться. Она прямо въ глаза взглянула ему, и его близость и увѣренность и добродушная ласковость улыбки побѣдили ее. Она улыбнулась точно такъ же, какъ и онъ, глядя прямо въ глаза ему. И опять она съ ужасомъ чувствовала, что между нимъ и ею нѣтъ никакой преграды.

Опять поднялся занавѣсъ. Анатоль вышелъ изъ ложи, спокойный и веселый. Наташа вернулась къ отцу въ ложу, совершенно уже подчиненная тому миру, въ которомъ она находилась. Все что происходило предъ нею, уже казалось ей вполнѣ естественнымъ; но за то всѣ прежнія мысли ея о женихѣ, о княжнѣ Марьѣ, о деревенской жизни ни разу

не пришли ей въ голову, какъ будто все то было давно, давно прошедшее.

Въ четвертомъ актѣ былъ какой-то чортъ, который шѣгъ, нахалая рукою до тѣхъ поръ, пока не выдвинули подъ нимъ доски, и онъ не опустился туда. Наташа только это и видѣла изъ четвертаго акта: что-то волновало и мучило ее, и причиной этого волненія былъ Курагинъ, за которымъ она невольно слѣдила глазами. Когда они выходили изъ театра, Анатоль подошелъ къ нимъ, вызвалъ ихъ карету и подсаживалъ ихъ. Подсаживая Наташу, онъ пожалъ ей руку выше локтя. Наташа взволнованная и красная, оглянулась на него. Онъ, блестя своими глазами и нѣжно улыбаясь, смотрѣлъ на нее.

Только прѣхавъ домой, Наташа могла ясно обдумать все то, что съ нею было, и вдругъ, вспомнивъ князя Андрея, она ужаснулась, и при всѣхъ зачѣмъ, за который всѣ сѣли послѣ театра; громко ахнула и, раскрасившись, выбѣжала изъ комнаты. — „Боже мой! Я погибла!“ сказала она себѣ. — Какъ я могла допустить до этого?“ думала она. Долго она сидѣла, закрывъ раскрасившееся лицо руками, стараясь дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что было съ нею, и не могла ни понять того, что съ нею было, ни того, что она чувствовала. Все казалось ей темно, неясно и страшно. Тамъ, въ этой огромной осѣнней залѣ, гдѣ по мокрымъ доскамъ прыгалъ подъ музыку съ голыми ногами Дюпоръ въ курточкѣ съ блестками, и лѣвицы, и старики, и голая съ спокойною и гордою улыбкою Эленъ, въ восторгѣ кричали браво, тамъ, подъ тѣнью этой Эленъ, тамъ это было все ясно и просто: но теперь, одной, самой съ собой, это было непонятно. —

„Что это такое? Что такое этот страхъ, который я испытывала къ нему? Что такое эти угрѣзенія совѣсти, которыхъ я испытываю теперь?“ думала она.

Одной старой графинѣ Наташа въ состояніи была бы ночью, въ постели, разсказать все, что она думала. Соня, она знала, съ своимъ строгимъ и цѣльнымъ взглядомъ, или ничего бы не сказала, или ужаснулась бы ей признанію. Наташа одна сама съ собой старалась разрѣшить то, что ее мучило.

„Погибла ли я для любви князя Андрея или нетъ?“ спрашивала она себя, и съ успокоятельною усмѣшкой отвѣчала себѣ: „Что я за дура, что я спрашиваю это? Что жъ со мной было? Ничего. Я ничего не сдѣлала, ничѣмъ не вызвала этого. Никто не узнаетъ, и я его не увижу больше никогда“, говорила она себѣ. „Стало-быть ясно, что ничего не случилось, что не въ чемъ раскаиваться, что князь Андрей можетъ любить меня и такою. Но какою таю? Ахъ, Боже, Боже мой! зачѣмъ его пѣть тутъ!“ Наташа успокаивалась на мгновенье, но потомъ опять какой-то инстинктъ говорилъ ей, что хотя все это и правда, и хотя ничего не было, — инстинктъ говорилъ ей, что вся прежняя чистота любви ея къ князю Андрею погибла. И она опять въ своемъ воображеніи повторяла весь свой разговоръ съ Курагинымъ и представляла себѣ лицо, жесты и вѣжную улыбку этого красиваго, и смѣлаго человѣка, въ то время какъ онъ пожалъ ея руку.

XI.

Анатоль Курагинъ жилъ въ Москвѣ, потому что отецъ отоспалъ его изъ Петербурга, гдѣ онъ проживалъ больше

двадцати тысячъ въ годъ деньгами и столько же долгами, которыхъ кредиторы требовали съ отца.

Отецъ объявилъ сыну, что онъ въ послѣдній разъ платить половину его долговъ; но только съ тѣмъ, чтобы онъѣхалъ въ Москву въ должность адъютанта главнокомандующаго, которую онъ ему выхлощалъ, и постарался бы тамъ наконецъ сдѣлать хорошую партію. Онъ указалъ ему на княжну Марью и Жюли Карагину.

Анатоль согласился и побѣхалъ въ Москву, гдѣ остановился у Ільера. Ільеръ принялъ Анатоля сначала неохотно, но потомъ привыкъ къ нему; иногдаѣздилъ съ нимъ на его кутежи и, подъ предлогомъ займа, давалъ ему деньги.

Анатоль, какъ справедливо говорилъ про него Шиншинъ, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Москву, сводилъ съ ума всѣхъ московскихъ барынь въ особенности тѣмъ, что онъ пренебрегалъ ими и очевидно предпочиталъ имъ цыганокъ и французскихъ актрисъ, съ главою которыхъ — *melle Жоржъ*, какъ говорили, онъ былъ въ близкихъ сношенияхъ. Онъ не пропускалъ ни одного кутежа у Данилова и другихъ весельчаковъ Москвы, напролетъ пилъ цѣллы ночи, перепивая всѣхъ; и бывалъ на всѣхъ вечерахъ и балахъ высшаго свѣта. Рассказывали про нѣсколько интригъ его съ московскими дамами, и на балахъ онъ ухаживалъ за нѣкоторыми. Но съ девицами, въ особенности съ богатыми невѣстами, которые были большей частью все дурины, онъ не сближался, тѣмъ болѣе что Анатоль, чего никто не зналъ, кроме самыхъ близкихъ друзей его, былъ два года тому назадъ женатъ. Два года тому назадъ, во время стоянки его полка въ Польши, одинъ польский небогатый помѣщикъ заставилъ Анатоля жениться на своей дочери.

Анатоль весьма скоро бросилъ свою жену, и за деньги, которыя онъ условился высыпать тестю, выговорилъ себѣ право слыть за холостаго человѣка.

Анатоль былъ всегда доволенъ своимъ положеніемъ, собою и другими. Онъ былъ инстинктивно всѣмъ существомъ своимъ убѣжденъ въ томъ, что ему нельзя было жить иначе; чѣмъ какъ онъ живъ, и что онъ никогда въ жизни не сдѣлалъ ничего дурнаго. Онъ не былъ въ состояніи обдуматъ ни того, какъ его поступки могутъ отозваться на другихъ, ни того, что можетъ выйти изъ такого или такого его поступка! Онъ былъ убѣжденъ, что какъ утка сотворена такъ, что она всегда должна жить въ водѣ, такъ и онъ сотворенъ Богомъ такъ, что долженъ жить въ тридцать тысячъ дохода и занимать всегда высшее положеніе въ обществѣ. Онъ такъ твердо вѣрилъ въ это, что, глядя на него, и другие были убѣждены въ этомъ, и не отказывали ему ни въ высшемъ положеніи въ свѣтѣ; ни въ деньгахъ, которыхъ онъ, очевидно безъ отдачи, занималъ у встрѣчнаго и попречнаго.

Онъ не былъ игрокъ, но крайней мѣрѣ никогда не желалъ выигрыша. Онъ не былъ тщеславенъ. Ему было совершенно все равно, что бы о немъ ни думали. Еще меньше онъ могъ быть новицемъ въ честолюбіи. Онъ нескользко разъ дразнилъ отца, портя свою карьеру, и смеялся надъ всѣми почестями. Онъ былъ не скучъ и не отказывалъ никому, кто просилъ у него. Одно, что онъ любилъ, это было веселье и женщины, и такъ какъ по его понятіямъ въ этихъ вкусахъ не было ничего неблагороднаго, а обдуматъ то, что выходило для другихъ людей изъ удовлетворенія его вкусовъ, онъ не могъ, то въ душѣ своей онъ считалъ себя безукоризненнымъ человѣкомъ.

вѣкомъ, искренно презиралъ подлецовъ и дурныхъ людей и съ спокойною совѣстью высоко посилъ голову.

У кутиль, у этихъ мужскихъ магдалинъ, есть тайное чувство сознанія невинности, такое же, какъ и у магдалинъ-женщинъ, основанное на той же надеждѣ прощенія. „Ей все простится, потому что она много любила, и ему все простится, потому что онъ много веселился“.

Долоховъ, въ этомъ году появившійся опять въ Москвѣ послѣ своего изгнанія и персидскихъ походеній, и ведшій роскошную, игорную и кутежную жизнь, сблизился съ старымъ петербургскимъ товарищемъ Курагинымъ и пользовался имъ для своихъ цѣлей.

Анатоль искренно любилъ Долохова за его умъ и удачность: Долоховъ, которому были нужны имя, знатность, связи Анатоля Курагина для приманки въ свое игорное общество богатыхъ молодыхъ людей, не давая ему этого чувствовать, пользовался и забавлялся Курагинымъ. Кромѣ расчета, но которому ему былъ нуженъ Анатоль, самый процессъ управления чужою волей былъ наслажденіемъ, привычкой и потребностью для Долохова.

Наташа произвела сильное впечатлѣніе на Курагина. Онъ за ужиномъ послѣ театра съ приемами знатока разобралъ предъ Долоховымъ достоинство ея рукъ, плечъ, ноги и волосъ, и объявилъ свое рѣшеніе приволокнуться за нею. Что могло выйти изъ этого ухаживанья — Анатоль не могъ обдумать и знать, какъ онъ никогда не зналъ того, что выйдетъ изъ каждого его поступка.

— Хороша, братъ, да не про пасть, сказалъ ему Долоховъ.
— Я скажу сестру, чтобы она носила ее обѣдать, сказалъ Анатоль. — А?

— Ты подожди лучше, когда замужъ выйдешь...

— Ты знаешь, сказалъ Анатоль. — Я обожаю дѣвочекъ: сейчасъ потеряется.

— Ты ужъ ионался разъ на „дѣвочекъ“, сказалъ Долоховъ, знаяшій про женитьбу Анатоля. — Смотри!

— Ну, ужъ два раза нельзя! А? сказала Анатоль, добродушно смеясь.

XII.

Слѣдующій послѣ театра день, Ростовы никуда неѣздили, и никто не прѣѣжалъ къ нимъ. Марья Дмитріевна о чёмъ-то, скрывая отъ Наташи, переговаривалась съ ея отцомъ: Наташа догадывалась, что они говорили о старомъ князѣ и что-то придумывали, и ее беспокоило и оскорбляло это. Она всякую минуту ждала князя Андрея, и два раза въ этотъ день посыпала дворника на Воздвиженку узнавать, не прѣѣхалъ ли онъ. Онъ не прѣѣжалъ. Ей было теперь тяжелѣ, чѣмъ первые дни своего прїѣзда. Къ нетерпѣнію и грусти ея о немъ присоединились непріятное воспоминаніе о свиданіи съ княжной Марьей и съ старымъ княземъ, и страхъ и беспокойство, которымъ она не знала причины. Ей казалось, что или онъ никогда не прїѣдетъ, или что прежде, чѣмъ онъ прїѣдетъ, съ ней случится что-нибудь. Она не могла, какъ прежде, спокойно и продолжительно одна сама съ собой думать о немъ. Какъ только она начинала думать о немъ, къ воспоминанію о немъ присоединялось воспоминаніе о старомъ князѣ, о княжнѣ Марьѣ и о послѣднемъ спектаклѣ, и о Курагинѣ. Ей опять представлялся вопросъ, не виновата ли она, не нарушенa ли уже ея вѣриность князю Андрею, и опять она заставала себя до малѣйшихъ подроб-

ностей вспоминающю каждое слово, каждый жестъ, каждый оттѣнокъ игры выраженія на лицѣ этого человѣка, умѣвшаго возбудить въ пей непонятное для нея и страшное чувство. На взглядъ домашнихъ Наташа казалась оживленѣе обыкновеннаго, но она далеко была не такъ спокойна и счастлива, какъ была прежде.

Въ воскресеніе утромъ Марья Дмитріевна пригласила своихъ гостей къ обѣднѣ въ свой приходъ Успенія на Могильцахъ.

— Я этихъ модныхъ церквей не люблю, говорила она, видимо гордясь своимъ свободомысліемъ.— Вездѣ Богъ одинъ. Помъ у насъ прекрасный, служить прилично, такъ это благородно, и дьяконъ тоже. Развѣ отъ этого святость какая, что концерты на клиросѣ поютъ? Не люблю, одно баловство!

Марья Дмитріевна любила воскресные дни и умѣла праздновать ихъ. Домъ ея бывалъ весь вымытъ и вычищенъ въ субботу; люди и она не работали, и всѣ были празднично разряжены, и всѣ бывали у обѣдни. Къ господскому обѣду прибавлялись кушанья, и людямъ давалась водка и жареный гусь или поросенокъ. Но ни на чёмъ во всемъ домѣ такъ не быжалъ замѣтенье праздника какъ на широкомъ, строгомъ лицѣ Марии Дмитріевны, въ этотъ день принимавшемъ неизбѣжаемое выраженіе торжественности.

Когда нашлись кофе послѣ обѣдни, въ гостиной съ сатыми чехлами, Марій Дмитріевнѣ доложили, что карета готова, и она съ строгимъ видомъ, одѣтая въ парадную шаль, въ которой она дѣлала визиты, поднялась и объявила, что йдетъ къ князю Николаю Андреевичу Болконскому, чтобъ объясниться съ нимъ насчетъ Наташи.

Послѣ отѣзда Марии Дмитріевны, къ Ростовымъ пріѣхала

модистка отъ мадамъ Шальме, и Наташа, затворивъ дверь въ сосѣдней съ гостиной комнатѣ, очень довольная развлечениемъ, занялась прімѣриваніемъ новыхъ платьевъ.. Въ то время какъ она, надѣвъ сметанный на живую нитку еще безъ рукавовъ лифъ и загибая голову, глядѣлась въ зеркало, какъ сидѣть спинка, она услыхала въ гостиной оживленные звуки голоса отца и другаго женскаго голоса, который заставилъ ее покраснѣть. Это былъ голосъ Эленъ.. Не успѣла Наташа снять прімѣриваемый лифъ, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошла графиня Безухая, сияющая добродушною и ласковою улыбкой, въ темно-лиловомъ съ высокимъ воротомъ бархатномъ платьѣ.

— О! моя восхитительная! сказала она краснѣющей Наташѣ. — Прелестъ! Нѣтъ, это ни на что не похоже, мой милый графъ, сказала она вошедшему за ней Ильѣ Андреичу. — Какъ жить въ Москвѣ и никуда неѣздить? Нѣтъ, я отъ васъ не отстану! Нынче вечеромъ у меня *à elle* Жоржъ декламируетъ и соберутся кое-кто; и если вы не привезете своихъ красавицъ, которыхъ лучше *à elle* Жоржъ, то я васъ знать не хочу. Мужа нѣтъ, онъ уѣхалъ въ Тверь, а то бы я его за вами прислала. Непремѣнно прїѣзжайте, непремѣнно, въ девятомъ часу. Она кивнула головой знакомой модисткѣ, почтительно пріѣвшей ей, и сѣла на кресло подлѣ зеркала, живоинено раскинувъ складки своего бархатнаго платя. Она не переставала добродушно и весело болтать, беспрестанно восхищаясь красотой Наташи. Она разсмотрѣла ея платья и похвалила ихъ, похвалилась и своимъ новымъ платьемъ „изъ металлическаго газа“, которое она получила изъ Парижа и сопѣтowała Наташѣ сдѣлать такое же.

— Впрочемъ вамъ все идетъ, моя прелестная! говорила она.

поздавшаго мужчинъ. „Вотъ онъ, Курагинъ!“ пропелла Шиншинъ. Графиня Безухам улыбалась, обернулась къ входящему. Наташа посмотрѣла по направлению глазъ графини Безухой и увидала необыкновенно красиваго адъютанта, съ самоувѣреннымъ и вмѣстѣ учтивымъ видомъ подходящаго къ ихъ ложѣ. Это былъ Анатоль Курагинъ, котораго она давно видѣла и замѣтила на петербургскомъ балѣ. Онъ былъ теперь въ адъютанскомъ мундирѣ съ одной эполетой и эскадронтомъ. Онъ имѣлъ сдержанную, молодецкую походку, которая была бы смѣшна, ежели бы онъ не былъ такъ хорошъ собой и ежели бы на прекрасномъ лицѣ не было бы такого выраженія добродушнаго довольства и веселья. Несмотря на то, что дѣйствіе шло, онъ, не торопясь, слегка побрякивая шпорами и саблей, плавно и высоко неся свою надуленную красивую голову, имѣлъ во комру коридора. Взглянувъ на Наташу, онъ подошелъ къ сестрѣ, положилъ руку въ облитой перчаткѣ на край ея ложи, тряхнулъ ей головой и, наклонясь, спросилъ что-то, указывая на Наташу.

— Очень, очень мила! — сказалъ онъ, очевидно про Наташу, какъ не столько слышала она, сколько звонала по движению его губъ. И потомъ онъ прошелъ въ первый рядъ и сѣлъ подлѣ Долохова, дружески и небрежно толкнувъ локтемъ того. Долохова, съ которымъ такъ заносчиво обращалась другое. Онъ весело подмигнувъ, улыбнулся ему и уперся ногой въ рампу.

— Какъ похожи братъ съ сестрой! — сказалъ графъ. — И какъ хороши оба!

Шиншинъ вполголоса началъ рассказывать графу какую-то исторію интриги Курагина въ Москвѣ, къ которой Наташа

прислушивалась именно потому, что онъ сказывъ про нее „очень мила“.

Первый актъ кончился; въ партерѣ всѣ встали, перепутались и стали ходить и выходить. Борисъ пришелъ въ ложу Ростовыхъ, очень просто принялъ поздравленія и, приподнявъ брови съ разсѣянною улыбкой, передалъ Наташѣ и Сонѣ просьбу его начѣсты, чтобы они были на ея свадьбѣ, и вышелъ. Наташа съ веселой и кокетливою улыбкой разговаривала съ нимъ и поздравляла съ женитьбой того самаго Бориса, въ котораго она была влюблена прежде. Въ томъ состояніи опьянѣнія, въ которомъ она находилась, все казалось просто и естественно.

Голая Эленъ сидѣла подлѣ нея и одинаково всѣмъ улыбалась, и точно такъ же улыбнулась Наташа Борису.

Ложа Эленъ наполнилась и окружилась со стороны партера самыми знатными и уинными мужчинами, которые, казалось, наперерывъ желали показать всѣмъ, что они знакомы съ ней.

Курагинъ весь этотъ автрактъ стоялъ съ Долоховымъ впереди у рампы, глядя на ложу Ростовыхъ. Наташа знала, что онъ говоритъ про нее; и это доставляло ей удовольствие. Она даже повернулась такъ, чтобы ему виденъ былъ профиль, по ея понятіямъ, въ самомъ выгодномъ положеніи. Предъ началомъ втораго акта, въ партерѣ показалась фигура Швера, котораго еще съ прѣзда не видали Ростовы. Лицо его было грустно, и онъ еще потолстѣлъ, съ тѣхъ поръ, какъ его послѣдній разъ видѣла Наташа. Онъ, никакого не замѣчая, прошелъ въ первые ряды. Анатоль подошелъ къ нему и сталъ что-то говорить ему, глядя и указы-

вал на ложу Ростовыхъ. Ильеръ, увидавъ Наташу, оживился и поспѣшилъ по рядамъ пошелъ къ ихъ ложѣ. Пройдя къ нимъ, онъ облокотился и, улыбаясь, долго говорилъ съ Наташой. Во время своего разговора съ Ильеромъ, Наташа услыхала въ ложѣ графини Безуховой мужской голосъ и, почему-то узнала, что это былъ Курагинъ. Она оглянулась и встрѣтилась съ нимъ глазами. Онъ почти улыбался, смотрѣлъ ей прямо въ глаза такимъ восхищеннымъ, ласковымъ взглядомъ, что, казалось, странно быть отъ него такъ близко, такъ смотрѣть на него, быть, такъ увѣренною, что нравившися ему, и не быть съ нимъ знакомою.

Во второмъ актѣ были картины, изображающія монументы, и была дыра въ полотнѣ, изображающая луну, и абаџуры на рампѣ подняли, и стали играть въ басу трубы и контрабасы, и справа и слѣва вышло много людей въ черныхъ маитіакъ. Люди стали махать руками, и въ рукахъ у нихъ было что-то въ родѣ кинжаловъ; потомъ прибѣжали еще какие-то люди и стали тащить прочь ту дѣвицу, которая была прежде въ бѣломъ, а теперь въ голубомъ платьѣ. Они не утащили ея сразу, а долго съ ней пѣли, а потомъ уже ее утащили, и за кулисами ударили три раза во что-то металлическое, и всѣ стали на колѣна и запѣли молитву. Нѣсколько разъ всѣ эти дѣйствія прерывались восторженными криками зрителей.

Во время этого акта Наташа всакій разъ, какъ взглядала въ партеръ, видѣла Анатоля Курагина, перекинувшаго руку черезъ спинку кресла и смотрѣвшаго на нее. Ей пріятно было видѣть, что онъ такъ илѣненъ ею, и не приходило въ голову, чтобы въ этомъ было что-нибудь дурное.

Когда второй актъ окончился, графиня Безухая встала,

поворнулась къ ложѣ Ростовыхъ (грудь ея совершенно была обнажена), шальчикомъ въ перчаткѣ поканила язъ сеъ стараго графа; и, не обращая вниманія на воинствѣихъ къ ней въ ложу, начала, любезно улыбаясь, говоритьъ съ нимъ.

— Да познакомьте же меня съ вашими прелестными дочерьми, сказала она. — Весь городъ про нихъ кричитъ, а я ихъ не знаю.

Наташа встала и присѣла великолѣйной графинѣ. Наташѣ такъ пріятна была похвала этой блестящей красавицы, что она покраснѣла отъ удовольствія.

— Я теперь тоже хочу сдѣлаться моежвичкой, говорила Эленъ. — И какъ намъ не совѣстно здѣсь такіе перлы въ деревне!

Графиня Безухова, во спрѣвѣдливости, имѣла репутацію обворожительной женщины. Она могла говорить то, чего не думала, и въ особенности льстить, совершиенно просто и натурально.

— Пѣть, милый графъ, вы мнѣ позвольте заняться вашими дочерьми. Я хоть теперь здѣсь не надолго. И вы тоже. Я постараюсь повеселить вашихъ. Я еще въ Петербургѣ много слышала о васъ и хотѣла васъ узнать, сказала она Наташѣ съ своею однообразно-красивою улыбкой. — Я слышала о васъ и отъ моего мужа, Дубецкаго, — мы слышали, онъ женится, — и отъ друга моего мужа, Болконскаго, князя Андрея Волконскаго, сказали она съ особыніемъ удивленіемъ, намекая этимъ на то, что она знала отношенія его къ Наташѣ. Она попросила, чтобы лучше познакомиться, познолить одной изъ барынь посидѣть остальную часть спектакля въ ся ложѣ, и Наташа перешла къ ней.

Въ третьемъ актѣ былъ на сценѣ представленье дворецъ, въ которомъ горѣло много свѣчей и повѣшены были картины, изображавшія рыцарей съ бородками. Въ серединѣ стояли, вѣроятно, царь и царица. Царь замахалъ правою рукой и, видимо робѣя, дурно прошѣлъ что-то, и сѣлъ на малиновый тронъ. Дѣвица, бывшая сначала въ бломѣ, по томъ въ голубомъ, теперь была одѣта въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами и стояла около трона. Она о чёмъ-то горестно плѣла, обращаясь къ царикѣ; но царь строго махнулъ рукой, и съ боковъ вышли мужчины съ голыми ногами и женщины съ голыми ногами, и стали танцевать всѣ вмѣстѣ. Потомъ скрипки заиграли очень тонко и весело, одна изъ дѣвицъ съ голыми толстыми ногами и худыми руками, отдѣлившись отъ другихъ, отошла за кулисы, поправила корсажъ, вышла на середину и стала прыгать и скоро бить одною ногой о другую. Всѣ въ партерѣ захлояли руками и закричали браво. Потомъ одинъ мужчина сталъ въ уголь. Въ оркестрѣ заиграли громче въ цимбалы и трубы, и одинъ этотъ мужчина съ голыми ногами, сталъ прыгать очень высоко и сѣменить ногами. (Мужчина этотъ былъ Дюпоръ, полу чавший 60 тысячъ въ годъ за это искусство.) Всѣ въ партерѣ, въ ложахъ и рабѣ стали хлопать и кричать изо всѣхъ силъ, и мужчина остановился и сталъ улыбаться и кланяться на всѣ стороны. Потомъ танцевали еще другие съ голыми ногами мужчины и женщины, потомъ опять одинъ изъ царей закричалъ что-то подъ музыку, и всѣ стали пѣть. Но вдругъ сдѣлалась буря, въ оркестрѣ послышались хроматическія гаммы и аккорды уменьшенной септимы, и всѣ побѣжали и потащили оинъ одного изъ присутствующихъ за кулисы, и занавѣсь опустился. Оинъ между зрителями поднялся страш-

ный шумъ и трескъ, и всѣ съ восторженными лицами стали кричать:

— Дюпора! Дюпора! Дюпора!

Наташа уже не находила этого страннаго. Она съ удовольствиемъ, радостно улыбаясь, смотрѣла вокругъ себя.

— Не правда ли, что Дюпоръ восхитителенъ? сказала Эленъ, обращаясь къ ней.

— О, да, отвѣтала Наташа.

X.

Въ антрактѣ въ ложѣ Эленъ пахнуло холодомъ, отворилась дверь и, согнувшись и стараясь не заѣхнуть кого-нибудь, вошелъ Анатоль.

— Позвольте миъ вамъ представить брата, безшокойно перебѣгая глазами съ Наташи на Анатоля, сказала Эленъ. Наташа черезъ голое плечо оборотила къ «красавцу» свою хорошенъкую головку и улыбнулась. Анатоль, который вблизи былъ такъ же хорошъ, какъ и издали, подсѣдѣлъ къ ней и сказалъ, что давно желалъ имѣть это удовольствіе, еще съ парижскаго бала, на которомъ онъ имѣлъ удовольствіе, которое не забыть, видѣть ее. Курагинъ съ женщинами былъ гораздо умнѣе и проще, чѣмъ въ мужскомъ обществѣ. Онъ говорилъ смѣло и просто, и Наташу странно и пріятно поразило то, что не только не было ничего такого страшнаго въ этомъ человѣкѣ, про которого такъ много рассказывали, но что напротивъ у него была самая наивная, веселая и добродушная улыбка.

Курагинъ спросилъ про впечатлѣніе спектакля и рассказалъ ей про то, какъ прошли спектакли, Семенова, играя, упала.

— А знаете, прафия, скажаль онъ, вдругъ обрамцаись къ ней, какъ къ старой давнишней знакомой,— у насъ устраивается карусель въ костюмахъ; вамъ бы надо участвовать въ немъ: будетъ очень весело. Всѣ собираются у Карагиныхъ. Пожалуйста, пріѣзжайте, право, а? проговорилъ онъ.

Говоря это, онъ не спускалъ улыбающихся глазъ съ лица, съ шеи, съ оголенныхъ рукъ Наташи. Наташа несомнѣнно знала, что онъ восхищается ею. Ей было это иріатно, но почему-то ей тѣсно и тяжело становилось отъ его присутствія. Когда она не смотрѣла на него, она чувствовала, что онъ смотрѣлъ на ея плечи, и она невольно перехватывала его взглядъ, чтобы онъ ужъ лучше смотрѣлъ на ея глаза. Но глядя ему въ глаза, она со страхомъ чувствовала, что между нимъ и ею совсѣмъ пѣтъ той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами. Она, сама же видя какъ, черезъ пять минутъ чувствовала себя страшно-близкою къ этому человѣку. Когда она отворачивалась, она боялась, какъ бы онъ свади не взять ее за голую руку, не подкѣдовалъ бы ее въ шею. Они говорили о самыхъ простыхъ вещахъ, и она чувствовала, что они близки, какъ она никогда не была съ мужчиной. Наташа откладывалась на Эленъ и на отца, какъ будто спрашивая ихъ, что такое это значило; но Эленъ была занята разговоромъ съ какимъ-то генераломъ и не отвѣтила на ея взглядъ, а взглядъ отца ничего не сказалъ ей, какъ только то, что онъ всегда говорилъ: „весело, му я и радъ“.

Въ одну изъ минутъ неловкаго молчанія, во время которыхъ Анатоль своими вынужденными глазами спокойно и упорно смотрѣлъ на нее, Наташа, чтобы прервать это молчаніе, спросила его, какъ ему нравится Москва. Наташа спросила

и покраснѣла, ей постоянно казалось, что что-то неприличное она дѣластъ, говоря съ нимъ. Анатоль улыбнулся, какъ бы ободряя ее.

— Сначала мнѣ мало нравилась, потому что что дѣластъ городъ пріятнымъ? Это хорошенъкіи женщины, не правда ли? Ну а теперь очень нравится, сказалъ онъ, значительно глядя на нее.— Поѣдете на карусель, графини? Поѣзжайте, сказалъ онъ, и, протянувъ руку къ ея букету и понижая голосъ, сказалъ: — Вы будете самая хорошенъкая. Поѣзжайте, милая графиня, и въ залогъ дайте мнѣ этотъ цветокъ.

Наташа не поняла того, что онъ сказалъ, такъ же какъ онъ самъ, но она чувствовала, что въ непонятныхъ словахъ его былъ неприличный умыселъ. Она не знала что сказать, и отвернулась, какъ будто не слыхала того, что онъ сказалъ. Но только что она отвернулась, она подумала, что онъ тутъ сзади, такъ близко отъ нея.

„Что онъ теперь? Онъ сконфуженъ? Разсерженъ? Надо исправить это?“ спрашивала она сама себя. Она не могла удержаться, чтобы не ѓглянуться. Она прямо въ глаза взглянула ему, и его близость и увѣренность и добродушная ласковость улыбки побѣдили ее. Она улыбнулась точно такъ же, какъ и онъ, глядя прямо въ глаза ему. И опять она съ ужасомъ чувствовала, что между нимъ и ею нѣть никакой преграды.

Опять поднялся занавѣсъ. Анатоль вышелъ изъ ложи, смокойный и веселый. Наташа вернулась къ отцу въ ложу, совершенно уже подчиненная тому міру, въ которомъ она находилась. Все что проходило предъ нею, уже казалось ей вполнѣ естественнымъ; но за то всѣ прежнія мысли ея о женихѣ, о княжнѣ Марьѣ, о деревенской жизни ни разу

не пришли ей въ голову, какъ будто все то было давно, давно прошедшее.

Въ четвертомъ актѣ былъ какой-то чортъ, который пѣлъ, махая рукою до тѣхъ поръ, пока не выдвинули подъ нимъ доски; и онъ не опустился туда. Наташа только это и видѣла изъ четвертаго акта: что-то волновало и мучило ее, и причиной этого волненія былъ Курагинъ, за которымъ она невольно слѣдила глазами. Когда они выходили изъ театра, Анатоль подошелъ къ нимъ, вызвалъ ихъ карету и подсаживалъ ихъ. Подсаживая Наташу, онъ пожалъ ей руку выше локтя. Наташа взволнованная и красная, оглянулась на него. Онъ, блестя своими глазами и нѣжно улыбаясь, смотрѣлъ на нее.

Только прѣѣхавъ домой, Наташа могла ясно обдумать все то, что съ нею было, и вдругъ, вспомнивъ князя Андрея, она ужаснулась, и при всѣхъ за чаемъ, за который всѣ сѣли послѣ театра, громко ахнула и, раскраснѣвшись, выбѣжала изъ комнаты. — „Боже мой! Я погибла!“ сказала она себѣ. — Какъ я могла допустить до этого?“ думала она. Долго она сидѣла, закрывъ раскраснѣвшееся лицо руками, стараясь дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что было съ нею, и не могла ни понять того, что съ нею было, ни того, что она чувствовала. Все казалось ей темно, неясно и страшно. Тамъ, въ этой огромной осѣщенной залѣ, гдѣ по мокрымъ доскамъ прыгалъ подъ музыку съ голыми ногами Дюпоръ въ курточкѣ съ блестками, и дѣвицы, и старики, и голая съ спокойною и гордою улыбкою Эленъ, въ восторгѣ кричали браво, тамъ, подъ тѣнило этой Эленъ, тамъ это было все ясно и просто; но теперь, одной, самой съ собой, это было непонятно. —

„Что это такое? Что такое этот страхъ, который я испытывала къ нему? Что такое эти угрозы совѣсти, которая я испытываю теперь?“ думала она.

Одной старой графинѣ Наташа въ состояніи была бы вочью, въ постели разсказать все, что она думала. Соня, она знала, съ своимъ строгимъ и цѣльнымъ взглядомъ, или ничего бы не поняла, или ужаснулась бы ей признанію. Наташа одна сама съ собой старалась разрѣшить то, что ее мучило.

„Погибла ли я для любви князя Андрея или нетъ?“ спрашивала она себя, и съ успокоятельною усмѣшкой отвѣщала себѣ: „Что я за дура, что я спрашиваю это? Что жъ со мной было? Ничего. Я ничего не сдѣлала,ничѣмъ не вызвала этого. Никто не узнаетъ, и я его не увижу больше никогда“, говорила она себѣ. „Стало-быть ясно, что ничего не случилось, что не въ чемъ раскаиваться, что князь Андрей можетъ любить менѣя и такою. Но какою такою? Ахъ, Боже, Боже мой! зачѣмъ его пѣсть тутъ!“ Наташа успокоивалась на мгновеніе, но потомъ опять какой-то инстинктъ говорилъ ей, что хотя все это и правда, и хотя ничего не было, — инстинктъ говорилъ ей, что вся прежняя чистота любви ея къ князю Андрею погибла. И она опять въ свое миѳообразеніе повторяла весь свой разговоръ съ Курагинымъ и представляла себѣ лицо, жесты и иѣжную улыбку этого красиваго и смѣлаго человѣка, въ то время какъ онъ пожадѣлъ ея руку.

XI.

Анатоль Курагинъ жилъ въ Москвѣ, потому что отецъ отоспалъ его изъ Петербурга, гдѣ онъ проживалъ больше

двадцати тысячъ въ годъ деньгами и столько же долгами, которыхъ кредиторы требовали съ отца.

Отецъ объявилъ сыну, что онъ въ послѣдній разъ платить половину его долговъ; но только съ тѣмъ, чтобы онъ поѣхалъ въ Москву въ должность адъютанта главнокомандующаго, которую онъ ему выхлопоталъ, и постарался бы тамъ наконецъ сдѣлать хорошую партію. Онъ указалъ ему на княжну Марью и Жюли Карагину.

Анатоль согласился и поѣхалъ въ Москву, гдѣ остановился у Пьеръ. Пьеръ принялъ Анатоля сначала неохотно, но постъмъ привыкъ къ нему; иногда єздилъ съ нимъ на его кутежи и, подъ предлогомъ займа, давалъ ему деньги.

Анатоль, какъ справедливо говорилъ про него Шиншинъ, съ тѣхъ поръ, какъ прїѣхалъ въ Москву, сводилъ съ ума всѣхъ московскихъ барынь въ особенности тѣмъ, что онъ пренебрегалъ ими и очевидно предпочиталъ имъ цыганокъ и французскихъ актрисъ, съ главою которыхъ — *in-elle* Жоржъ, какъ говорили, онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ. Онъ не пропускалъ ни одного кутежа у Данилова и другихъ весельчаковъ Москвы, напролетъ пилъ цѣлые ночи, перепивъ всѣхъ; и бывалъ на всѣхъ вечерахъ и балахъ высшаго свѣта. Рассказывали про нѣсколько интригъ его съ московскими дамами, и на балахъ онъ ухаживалъ за пѣкоторыми. Но съ девицами, въ особенности съ богатыми невѣстами, которые были большею частью все дурины, онъ не сближался, тѣмъ болѣе что Анатоль, чего никто не зналъ, кроме самыхъ близкихъ друзей его, былъ два года тому назадъ женатъ. Два года тому назадъ, во время стоянки его полка въ Польши, одинъ польскій небогатый помѣщикъ заставилъ Анатоля жениться на своей дочери.

Анатоль весьма скоро бросил свою жену, и за деньги, которые онъ условился высыпать тестю, выговорилъ себѣ право слыть за холостаго человѣка.

Анатоль былъ всегда доволенъ своимъ положеніемъ, собою и другими. Онъ былъ инстинктивно всѣмъ существомъ своимъ убѣжденъ въ томъ, что ему нельзя было жить иначе, чѣмъ какъ онъ жилъ, и что онъ никогда въ жизни не сдѣлалъ ничего дурнаго. Онъ не былъ въ состояніи обдуматъ ни того, какъ его поступки могутъ отозваться на другихъ, ни того, что можетъ выйти изъ такого или такого его поступка! Онъ былъ убѣжденъ, что какъ утка сотворена такъ, что она всегда должна жить въ водѣ, такъ и онъ сотворенъ Богомъ такъ, что долженъ жить въ тридцать тысячъ дохода и занимать всегда высшее положеніе въ обществѣ. Онъ такъ твердо вѣрилъ въ это, что, глядя на него, и другие были убѣждены въ этомъ, и не отказывали ему ни въ высшемъ положеніи въ свѣтѣ, ни въ деньгахъ, который онъ, очевидно безъ отдачи, занималъ у встрѣчнаго и нонеречнаго.

Онъ не былъ игрокъ, но крайней мѣрѣ никогда не желалъ выигрыша. Онъ не былъ тщеславенъ. Ему было совершенно все равно, чтѣ бы о немъ ни думали. Еще меньше онъ могъ быть новинкой въ честолюбіи. Онъ несколько разъ дразнилъ отца, портилъ свою карьеру, и смеялся надъ всѣми почестями. Онъ былъ не скучъ и не отказывалъ никому, кто просилъ у него. Одно, чтѣ онъ любилъ, это было веселье и женщины, и такъ какъ по его понятіямъ въ этихъ вкусахъ не было ничего неблагороднаго, а обдуматъ то, что выходило для другихъ людей изъ удовлетворенія его вкусовъ, онъ не могъ, то въ душѣ своей онъ считалъ себя безукоризненнымъ человѣкомъ.

ностей вспоминающею каждое слово, каждый жестъ, каждый отг҃йнокъ игры выраженія на лицѣ этого человѣка, умѣвшаго возбудить въ ней непонятное для нея и страшное чувство. На взглядъ домашнихъ Наташа казалась оживленѣе обыкновеннаго, но она далеко была не такъ спокойна и счастлива, какъ была прежде.

Въ воскресеніе утромъ Марья Дмитріевна пригласила своихъ гостей къ обѣднѣ въ свой приходъ Успенія на Могильцахъ.

— Я этихъ модныхъ церквей не люблю, говорила она, видимо гордясь своимъ свободомысліемъ.— Вездѣ Богъ одинъ. Попъ у насъ прекрасный, служитъ прилично, такъ это благородно, и дьяконъ тоже. Развѣ отъ этого святость какая, что концерты на клиросѣ поютъ? Не люблю, одно баловство!

Марья Дмитріевна любила воскресные дни и умѣла праздновать ихъ. Домъ ея бывалъ весь вымытъ и вычищенъ въ субботу; люди и она не работали, и все были празднично разряжены, и все бывали у обѣдни. Къ господскому обѣду прибывали кушанья, и людямъ давалась водка и жареный гусь или поросенокъ. Но ни на чёмъ во всемъ домѣ такъ не бывалъ замѣтенъ праздникъ какъ на широкомъ, строгомъ лицѣ Марии Дмитріевны, въ этотъ день принимавшемъ неизбѣжное выраженіе торжественности.

Когда напились кофе послѣ обѣдни, въ гостиной съ снятыми чехлами, Марье Дмитріевнѣ доложили, что карета готова, и она съ строгимъ видомъ, одѣтая въ парадную шаль, въ которой она дѣлала визиты, поднялась и объявила, чтоѣдетъ къ князю Николаю Андреевичу Болконскому, чтобы объясниться съ пимъ насчетъ Наташи.

Послѣ отѣзда Марии Дмитріевны, къ Ростовымъ пріѣхала

модистка отъ мадамъ Шальме, и Наташа, затворивъ дверь въ соседней съ гостиной комнатѣ, очень довольна размѣнѣемъ, занялась прімѣриваньемъ новыхъ платьевъ. Въ то время какъ она, надѣвъ сметанный на живую витку еще безъ рукавовъ лифъ и загибая голову, глядѣлась въ зеркало, какъ сидѣть спинка, она услыхала въ гостиной оживленные звуки голоса отца и другаго женскаго голоса, который заставилъ ее покраснѣть. Это былъ голосъ Эленъ. Не успѣла Наташа снять прімѣриваемый лифъ, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошла графиня Безухая, сияющая добродушною и ласковою улыбкой, въ темно-лиловомъ съ высокимъ воротомъ бархатномъ платьѣ.

— О! мой восхитительная! сказала она краснѣвшей Наташѣ. — Прелестъ! Нѣтъ, это ни на что не похоже, мой милый графъ, сказала она вошедшему за ней Ильѣ Андреичу. — Какъ жить въ Москвѣ и никуда неѣздить? Нѣтъ, я отъ васъ не отстану! Нынче вечеромъ у меня т-elle Жоржъ декламируетъ и соберутся кое-кто; и если вы не привезете своихъ красавицъ, которыхъ лучше т-elle Жоржъ, то я васъ знать не хочу. Мужа нѣтъ, онъ уѣхалъ въ Тверь, а то бы я его за вами прислала. Непремѣнно пріѣзжайте, непремѣнно, въ девятомъ часу. Она кивнула головой знакомой модисткѣ, почтительно прісѣвшей ей, и сѣла на кресло подлѣ зеркала, живописно раскинувъ складки своего бархатнаго платья. Она не переставала добродушно и весело болтать, безпрестанно восхищаясь красотой Наташи. Она разсмотрѣла ея платья и похвалила ихъ, похвалилась и своимъ новымъ платьемъ „изъ металлическаго газа“, которое она получила изъ Парижа и солѣттовала Наташѣ сдѣлать такое же.

— Впрочемъ вамъ все идеть, моя прелестная! говорила она.

Съ лица Наташи не сходила улыбка удовольствія. Она чувствовала себя счастливою и развязывающею подъ похвалами этой милой графини Безухой, навязавшей ей прежде такою неприступною и важной дамой, и бывшой теперь такою доброю съ нею. Наташѣ стало весело, и она чувствовала себя почти влюбленною въ эту, такую красивую и такую добродушную женщину. Элень съ своей стороны искренно восхищалась Наташой и желала повеселить ее. Анатоль просилъ ее свести его съ Наташой, и для этого она прѣѣхала къ Ростовымъ. Мысль свести брата съ Наташой забавляла ее.

Несмотря на то, что прежде у нея была досада на Наташу, за то, что она въ Петербургѣ отбила у нея Бориса, она теперь и не думала объ этомъ, и всю душой по своему желала добра Наташѣ. Уѣзжая отъ Ростовыхъ, она отзовала въ сторону свою *protégée*.

— Вчера братъ обѣдалъ у меня — мы помирали со смѣху — ничего не Ѳеть и вздыхаетъ по васъ, моя прелестъ! Онъ безъ ума, ну, истинно безъ ума влюбленъ въ васъ.

Наташа блаженно покраснѣла, услыхавъ эти слова.

— Какъ краснѣть, какъ краснѣть, моя прелестъ! проговорила Элень. — Непремѣнно прїѣзжайте. Если вы кого-нибудь любите, моя прелестная, это еще не причина, чтобы запереть себя. Даже если вы невѣста, я увѣрена, что вашъ женихъ желалъ бы скорѣе, чтобы вы Ѳаздили въ свѣтъ, чѣмъ пропадали со скучи.

„Стало-быть, она знаеть, что я невѣста, стало-быть и они съ мужемъ, съ Пьеромъ, съ этимъ справедливымъ Пьеромъ“, думала Наташа, „говорили и смѣялись про это. Стало быть, это ничего“. И опять подъ влияніемъ Элень то, что прежде представлялось страшнѣмъ, показалось простынь и естествен-

шымъ. „И она такая важная барыня, такая милая и такъ видно всею душой любить меня“, думала Наташа. „И отчего не веселиться?“ думала Наташа, удивленными, широко раскрытыми глазами глядя на Эленъ.

Къ обѣду вернулась Марья Дмитріевна, молчаливая, сердитая, очевидно понесшая пораженіе у старого князя. Она была еще слишкомъ изволнована отъ прошедшаго столкновенія, чтобы быть въ силахъ спокойно разсказать дѣло. На вопросъ графа она отвѣтчила, что все хорошо и что она завтра разскажетъ. Узнавъ о посыщенніи графини Безухой и приглашеніи на вечеръ, Марья Дмитріевна сказала:

— Съ Безухою водиться я не люблю и не посовѣтую; цу, да ужъ если обѣщала, поѣзжай, раасѣешься, прибавила она, обращаясь къ Наташѣ.

XIII.

Графъ Илья Андреичъ повезъ своихъ дѣвашъ къ графинѣ Безухой. На вечеръ было довольно много народа. Но все общество было почти незнакомо Наташѣ. Графъ Илья Андреичъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что все это общество состояло преимущественно изъ мужчинъ и дамъ, извѣстныхъ вольностью обращенія. Melle Жоржъ, окружепная молодежью, стояла въ углу гостиной. Было нѣсколько французовъ и между ними Метивье, бывшій со временемъ пріѣзда Эленъ домашнимъ человѣкомъ у нея. Графъ Илья Андреичъ рѣшился не садиться за карты, не отходить отъ дочерей, и уѣхать, какъ только кончится представленіе Жоржъ.

Анатоль очевидно у двери ожидалъ входа Ростовыхъ. Онъ, тотчасъ же поздоровавшись съ графомъ, подошелъ къ Наташѣ и пошелъ за цей. Какъ только Наташа его увидала,

тоже, какъ я въ театрѣ, чувство тщеславнаго удовольствія, что она нравится ему, и страха отъ отсутствія нравственныхъ преградъ между ею и имъ, охватило ее.

Эленъ радостно приняла Наташу и громко восхитилась ея красотой и туалетомъ. Вскрѣ послѣ ихъ приѣзда, *melle* Жоржъ вышла изъ комнаты, чтобы одѣться. Въ гостиной стали разставливать стулья и усаживаться. Анатоль подвинулъ Наташѣ стулъ и хотѣлъ сѣсть подлѣ; но графъ не спускавшій глазъ съ Наташи, сѣлъ подлѣ нея. Анатоль сѣлъ сзади.

Melle Жоржъ сѣ оголенными, съ ямочками, толстыми руками, въ красной шали, надѣтой на одно плечо, вышла въ оставленное для нея пустое пространство между креселъ и остановилась въ ненатуральной позѣ. Послышался восторженный шопотъ.

Melle Жоржъ строго и мрачно оглянула публику и начала говорить по-французски какіе-то стихи, гдѣ рѣчь шла о ея преступной любви къ своему сыну. Она мѣстами возвышала голову, мѣстами опускала, торжественно поднимал голову, мѣстами останавливалась и хранила выкатывая глаза.

— Восхитительно, божественно, чудесно! смыкалось со всѣхъ сторонъ. Наташа смотрѣла на толстую Жоржъ, но ничего не слыхала, не видѣла и не понимала изъ того, что дѣжалось предъ нея; она толькочувствовала себя впятымъ безвозвратно въ томъ странномъ, безумномъ жірѣ, столь далекомъ отъ прежняго, въ томъ мірѣ, въ которомъ нельзѧ было знать, что хорошо, что дурно, что разумно и что безумно. Иозади ея сидѣлъ Анатоль, и она, чувствуя его близость, испуганно ждала чего-то.

Послѣ первого монолога все общество встало и окружило *melle* Жоржъ, выражая ей свой восторгъ.

— Какъ она хороша! сказала Наташа отцу, который вмѣстѣ съ другими всталъ и сквозь толпу подвигался къ актрисѣ. — Я не нахожу, гляди на вѣсъ, сказаль Анатоль, слѣдя за Наташой. Онъ сказалъ это въ такое время, когда она одна могла его слышать. — Вы прелестны... съ той минуты, какъ я увидалъ васъ, я не переставалъ...

— Пойдемъ, пойдемъ, Наташа, сказалъ графъ, возвращаясь за дочерью. — Какъ хороша!

Наташа, ничего не говоря, подошла къ отцу и вопросительно-удивленными глазами смотрѣла на него.

Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ декламаціи, *en elle* Жоржъ уѣхала, и графиня Безухая попросила общество въ залу.

Графъ хотѣлъ уѣхать, но Эленъ умоляла не испортить ея импровизованнаго бала. Ростовы остались. Анатоль пригласилъ Наташу на вальсъ, и во время вальса онъ, пожимая ея станъ и руку, сказалъ ей, что она обворожительна, и что онъ любить ее. Во время экосеза, который она опять танцевала съ Курагинымъ, когда они остались одни, Анатоль ничего не говорилъ ей, только смотрѣлъ на нее. Наташа была въ сомнѣніи, не во снѣ ли она видѣла то, что онъ сказалъ ей во время вальса. Въ концѣ первой фигуры онъ опять пожалъ ей руку. Наташа подняла на него испуганные глаза; но такое самоувѣренно-нѣжное выраженіе было въ его ласковомъ взглядѣ и улыбкѣ, что она не могла, глядя на него, сказать того, что она имѣла сказать ему. Она опустила голову.

— Не говорите мнѣ такихъ вещей, я обручена и люблю другаго, проговорила она быстро.. Она взглянула на ~~меня~~. Анатоль не смутился и не огорчился тѣмъ, что она сказала.

— Не говорите мнѣ про это. Что мнѣ за дѣло? сказалъ

онъ. — Я говорю, что безумно, безумно влюбленъ въ васъ. Разнѣй виноватъ, что вы восхитительны?... Намъ начинать.

Наташа, оживленная и тревожная, широко-раскрытыми испуганными глазами смотрѣла вокругъ себя и, казалась, веселѣе, чѣмъ обыкновенно. Она почти ничего не понимала изъ того, что было въ этотъ вечеръ. Танцевали экосезъ и и трось-фатеръ, отецъ приглашалъ ее уѣхать, она просила остаться. Гдѣ бы она ни была, съ кѣмъ бы ни говорила, она чувствовала на себѣ его взглядъ. Потомъ она помнила, что попросила у отца позволенія выйти въ уборную опрavitъ платье, что Элень вышла за ней, говорила ей сиѣясь о любви ея брата, и что въ маленькой диванной ей опять встрѣтился Анатоль, что Элень куда-то исчезла, они остались вдвоемъ, и Анатоль, взявъ ее за руку, нѣжнымъ голосомъ сказалъ:

— Я не могу къ вамъ ѿздить; но неужели я никогда не увижу васъ? Я безумно люблю васъ. Неужели никогда?... и онъ, заслоняя ей дорогу, приближалъ свое лицо къ ея лицу.

Влестящіе, большие мужскіе глаза его такъ близки были отъ ея глазъ, что она не видѣла ничего кромѣ этихъ глазъ.

— Натали?! прошептала вопросительно его голосъ, и кто-то болѣе сжималъ ея руки. — Натали!?

“Я ничего не понимаю, мнѣ нечего говорить”, сказалъ ея взглядъ.

Горячія тубы прижались къ ея губамъ, и въ ту же минуту она почувствовала себя опять свободною, и въ комнатѣ послышался шумъ шаговъ и платья Элень. Наташа оглохнулась на Элень, потомъ, красная и дрожащая, взглянула на него испуганно-вопросительно и вошла къ двери.

— Одно слово, только одно, ради Бога, говориъ Ана-

толь. Она остановилась. Ей такъ нужно было, чтобъ онъ сказалъ это слово, которое бы объяснило ей то, что случилось, и на которое она бы ему отвѣтила.

— Натали, одно слово... одно, все повторялъ онъ, видимо не зная, что сказать, и повторять его до тѣхъ порь, пока въ шинь подошла Элеонора.

Элеонора вмѣстѣ съ Наташой опять вышла въ гостиную. Не оставшись ужинать, Ростовы уѣхали.

Вернувшись домой, Наташа не спала всю ночь: ее мучилъ неразрѣшимый вопросъ, кого она любила: Анатоля или князя Андрея? Князя Андрея она любила — она помнила ясно, какъ сильно она любила его. Но Анатоля она любила тоже, это было несомнѣнно. „Иначе, развѣ бы все это могло быть?“ думала она. „Ежели я могла послѣ этого, прощаясь съ нимъ, могла улыбкой отвѣтить на его улыбку, ежели я могла допустить до этого, то значитъ, что я съ первой минуты полюбила его. Значитъ, онъ добръ, благороденъ и прекрасенъ, и нельзѧ было не полюбить его. Чѣмъ же мнѣ дѣлать, когда я люблю его и люблю другаго?“ говорила она себѣ, не находя отвѣтовъ на эти страшные вопросы.

XIV.

Пришло утро съ его заботами и суетой. Всѣ встали, задвигались, заговорили, опять пришли модистки, опять выныла Марья Дмитріевна, и позвали къ чаю. Наташа широко раскрытыми глазами, какъ будто она хотѣла перехватить вскій устремленный на нее взглядъ, безшкодно смотрѣвала на всѣхъ и старалась казаться такою же, какою она была всегда.

Послѣ завтрака Марья Дмитріевна (это было лучшее время

ся), съехъ на свое кресло, подозвала къ себѣ Наташу и старого графа.

— Ну-съ, друзья мои, теперь я все дѣло обдумала и воль вамъ мой совѣтъ, начала она. — Вчера, какъ вы знаете, бывала я у князя Николая; ну-съ, и поговорила съ нимъ... Онъ кричать вздумалъ. Да меня не пересрочишь! Я все ему выпѣла!

— Да что же онъ? спросилъ графъ.

— Онь-то что? сумасбродъ... слышать не想要, ну, да что говорить, и такъ мы бѣдную девочку измучили, сказала Марья Дмитріевна. — А совѣтъ мой вамъ, чтобы дѣло искончить иѣхать домой, въ Отрадное... и тамъ ждать...

— Ахъ, нѣть! вскрикнула Наташа.

— Нѣть,ѣхать, сказала Марья Дмитріевна. — И тамъ ждать. Если женихъ теперь сюда пріѣдетъ — безъ ссоры не обойдется; а онъ тутъ одинъ на одинъ съ старикомъ все переговорить и шотомъ къ вамъ пріѣдетъ.

Илья Андреичъ одобрилъ это предложеніе, тотчасъ понявъ всю разумность его. Ежели старикъ смягчится, то тѣмъ лучше будетъ пріѣхать къ нему въ Москву или Лысны Горы, уже послѣ; если нѣть, то вѣнчаться, противъ его воли, можно будетъ только въ Отрадномъ.

— И истинная правда, сказалъ онъ. — Я и жалѣю, что къ немуѣздилъ и ее возилъ, сказаль старый графъ.

— Нѣть, чѣго же жалѣть? Бывши здѣсь, нельзя было не сдѣлать почтѣмъ. Ну, а не想要, его дѣло, сказала Марья Дмитріевна, что-то отыскивалъ въ фридикулѣ. — Да, и приданое уговорено, чѣго вами еще ждать; а что не готово, я вамъ перешлю. Хоть и жалю мнѣ вѣсъ, а лучше съ Богомъ нюѣржайте. Найдя въ фридикулѣ то, чѣго она искала, она пе-

редала Натали. Это было письмо от княжны Марыи. — Тебе пишетъ. Какъ мучается, бѣднѣйка! Она боится, чтобы ты не подумала, что она тебя не любить.

— Да она и не любить меня, сказала Наташа.

— Вздоръ, не говори, крикнула Марыя Дмитревна.

— Никому не повѣрю; я знаю, что не любить, сѣѧло сказала Наташа, взявъ письмо, и въ лицѣ ея выразилась сухая и злобная рѣшительность, заставившамъ Марью Дмитревну пристальнѣе посмотретьъ на нее и нахмуриться.

— Ты, матушка, такъ не отвѣчай, сказала она. — Чтò я говорю, то правда. Напиши отвѣтъ.

Наташа не отвѣчала и пошла въ свою комнату читать письмо княжны Марыи.

Княжна Марыя писала, что она была въ отчаяніи отъ прошедшаго между ними недоразумѣнія. Какія бы ни были чувства ея отца, писала княжна Марыя, она просила Наташу вѣрить, что она не могла не любить ее, какъ ту, которую выбралъ ея братъ, для счастья котораго она всѣмъ готова была пожертвовать.

„Впрочемъ“, писала она, „не думайте, чтобъ отецъ мой былъ дурно расположень къ вамъ. Онъ большой и старый человѣкъ, котораго надо извинять; но онъ добръ, великодушенъ и будетъ любить ту, которая сдѣлаетъ счастье его сына“. Княжна Марыя просила даугче, чтобы Наташа назначила время, когда она можетъ опять увидѣться съ ней.

Прочти письмо, Наташа сѣла къ письменному столу, чтобы написать отвѣтъ. „Милая княжна“, быстро, механически написала она по-французски и остановилась. Что жъ дальше могла написать она послѣ всего того, что было вчера? Да, да, все это было, и теперь ужъ все другое, думала она,

сидя надъ начатымъ письмомъ. „Надо отказать ему? Неужели надо? Это ужасно!“... И чтобы не думать этихъ страшныхъ мыслей, она поплыла къ Софи и съ ней вмѣстѣ стала разбивать узоры.

Послѣ обѣда Наташа ушла въ свою комнату, и опять взяла письмо княжны Марьи. „Неужели все уже кончено?“ подумала она. „Неужели такъ скоро все это случилось и уничтожило все прежнее!“ Она во всей прежней силѣ вспоминала свою любовь къ князю Андрею и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала, что любила Курагина. Она живо представляла себѣ женою князя Андрея, представляла себѣ столько разъ новтореннуя ея воображениемъ картину счастья съ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, разгораясь отъ волненія, представляла себѣ всѣ подробности своего вчерашняго свиданія съ Анатолемъ.

„Отчего же бы это не могло быть вмѣстѣ?“ иногда, въ совершенномъ затменіи, думала она. „Тогда только я бы была совсѣмъ счастлива, а теперь я должна выбрать, и ни безъ одного изъ обоихъ я не могу быть счастлива. — Одно“, думала она: „сказать то, чѣмъ было, князю Андрею или скрыть — одинаково невозможно. А съ этимъ ничего не испорчено. Но неужели разстаться навсегда съ этимъ счастьемъ любви князя Андрея, которымъ я жила такъ долго?“

— Барышни, шепотомъ съ таинственнымъ видомъ сказала дѣвушка, входя въ комнату. — Мне одинъ человѣчекъ велѣлъ передать. Дѣвушка подала письмо. — Только ради Христа... говорила еще дѣвушка, когда Наташа, не думая, механическимъ движеніемъ сломала печать и читала любовное письмо Анатоля, изъ котораго она, не понимая ни слова, понимала только одно, что это письмо было отъ него, отъ того человѣка, котораго она любить. „Да, она любить; иначе разѣ

могло бы случиться то, что случилось? Развѣ могло бы быть въ ея рукѣ любовное письмо отъ него?"

Трясущимися руками Наташа держала это страстное любовное письмо, сочиненное для Анатоля Долоховыи, и, читая его, находила въ немъ отголоски всего того, чтѣ, ей казалось, она сама чувствовала.

"Со вчерашняго вечера участъ мои рѣшена: быть любимымъ вами или умереть. Мнѣ нѣть другаго выхода", начиналось письмо. Потомъ онъ писалъ, что знаетъ про то, что родные ея не отдадутъ ея ему, Анатолю, что на это есть тайныя причины, которыя опъ ей одной можетъ открыть, но что ежели она его любить, то ей стоять сказать это слово да, и никакія силы людскія не мѣшаютъ ихъ блаженству. Любовь побѣдить все. Онъ похитить и увезетъ ее на край свѣта.

"Да, да, я люблю его!" думала Наташа, перечитывая въ двадцатый разъ письмо и отыскивая какой-то особенный глубокій смыслъ въ каждомъ его словѣ.

Въ этотъ вечеръ Марья Дмитріевнаѣхала къ Архаровыи и предложила барышнямъѣхать съ нею. Наташа, подъ предлогомъ головной боли, осталась дома.

XV.

Вернувшись поздно вечеромъ, Соня вошла въ комнату Наташи и, къ удивленію своему, нашла ее нераздѣлую спящую на диванѣ. На столѣ подъ нея лежало открытое письмо Анатоли. Соня взяла письмо и стала читать его.

Она читала и взглядывала на спящую Наташу, на лицѣ ея отыскивая объясненія того, что она читала, и не находила его. Лицо было тихое, кроткое и счастливое. Схватившись

за грудь, чтобы не задохнуться. Соня, бледная и дрожащая от страха и волнения, села на кресло и валилась слезами.

„Какъ я не видала ничего? Какъ могло это зайти такъ далеко? Неужели она разлюбила князя Андрея? И какъ могла она допустить до этого Курагина? Онъ обманщикъ и злодѣй, это ясно. Чѣдѣ будеть съ Николенѣкѣй, съ милымъ, благороднымъ Николенѣкѣй, когда онъ узнаеть про это? Такъ вотъ чѣдѣ значило ся взволнованное, рѣшительное и неестественное лицо третьяго дня, и вчера, и нынче“, думала Соня; „но не можетъ быть, чтобы она любила его! Вѣроятно, не зная отъ кого, она распечатала ото письмо. Вѣроятно, она оскорблена. Она не можетъ этого сдѣлать!“

Соня утерла слезы и подошла къ Наташѣ, опять взглядываясь въ ея лицо.

— Наташа! сказала она чуть слышно.

Наташа проснулась и увидала Соню.

— А, вернулась?

И съ рѣшительностью и нѣжностью, которая бываетъ въ минуты пробужденія, она обняла подругу. Но замѣтивъ смущеніе на лицѣ Сони, и ея лицо выразило смущеніе и подозрительность.

— Соня, ты прочла письмо? сказала она.

— Да, тихо сказала Соня.

Наташа восторженно улыбнулась.

— Нѣть, Соня, я не могу больше! сказала она. — Я не могу больше скрывать отъ тебя. Ты знаешь, мы любимъ другъ друга!... Соня, голубчикъ, онъ пишетъ... Соня...

Соня, какъ бы не вѣри своимъ ушамъ, смотрѣла во всѣ глаза на Наташу.

— А Болконский? сказала она.

— Ахъ, Соня, ахъ, коли бы ты могла знать, какъ я счастлива! сказала Наташа. — Ты не знаешь, чтò такое любовь...

— Но, Наташа, неужели *то* все кончено?

Наташа большими, открытыми глазами смотрѣла на Соню, какъ будто не понимая ся вопроса.

— Чтò жъ ты отказываешь князю Андрею? сказала Соня.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, ты не говори глупости, ты слушай, съ мгновенною досадой сказала Наташа.

— Нѣтъ, я не могу этому вѣрить, повторила Соня. — Я не понимаю. Какъ же ты годъ цѣлый любила одного человѣка, и вдругъ... Вѣдь ты только три раза видѣла его. Наташа, я тебѣ не вѣрю, ты шутишь. Въ три дня забыть все и такъ...

— Три дня, сказала Наташа. — Мнѣ кажется, я сто лѣтъ люблю его. Мнѣ кажется, что я никого никогда не любила прежде него. Ты этого не можешь понять. Соня, постой, садись тутъ. Наташа обняла я поцѣловала ее. — Мнѣ говорили, что это бываетъ, и ты вѣрно слышала, но я теперь только испытала эту любовь. Это не то, чтò прежде. Какъ только я увидала его, я почувствовала, что онъ мой властелинъ, и я раба его, и что я не могу не любить его. Да, раба! Чтò онъ мнѣ велить, то я и сдѣлаю. Ты не понимаешь этого. Чтò жъ мнѣ дѣлать? Чтò жъ мнѣ дѣлать, Соня? говорила Наташа съ счастливымъ и испуганнымъ лицомъ.

— Но ты подумай, чтò ты дѣлаешь, говорила Соня, — я не могу этого такъ оставить. Эти тайныя письма... Какъ ты могла его допустить до этого? говорила она съ ужасомъ и съ отвращеніемъ, которое она съ трудомъ скрывала.

— Я тебѣ говорила, отвѣчала Наташа, — что у меня нѣть воли; какъ ты не понимаешь этого: я его люблю!

— Такъ я не допущу до этого, я разскажу, съ прорвавшимися слезами вскрикнула Соня.

— Чѣмъ ты, ради Бога... Ежели ты разскажешь, ты мой врагъ, заговорила Наташа. — Ты хочешь моего несчастія, ты хочешь, чтобы насть разлучили...

Увидавъ оттѣ страхъ Наташи, Соня заплакала слезами стыда и жалости за свою подругу.

— Но чѣмъ было между вами? спросила она. — Чѣмъ говорилъ тебѣ? Зачѣмъ онъ неѣздить въ домъ?

Наташа не отвѣчала на ея вопросъ.

— Ради Бога, Соня, никому не говори, не мучай меня, упрекивала Наташа. — Ты помни, что нельзя вмѣшиваться въ такія дѣла. Я тебѣ открыла...

— Но зачѣмъ эти тайны! Отъ чего же онъ неѣздить въ домъ? спрашивала Соня. — Отчего онъ прямо не идѣть твоей руки? Вѣдь князь Андрей далъ тебѣ полную свободу, ежели ужъ такъ; но я не вѣрю этому. Наташа, ты подумала, какія могутъ быть *тайныя причины*?

Наташа удивленными глазами смотрѣла на Соню. Видно, ей самой въ первый разъ представлялся этотъ вопросъ, и она не знала, чѣмъ отвѣтить на него.

— Какія причины, не знаю. Но стало-быть есть причины!

Соня вздохнула и недовѣрчиво покачала головой.

— Ежели бы были причины... начала она. Но Наташа, угадывая ея сомнѣнія, испуганно перебила ее.

— Соня, нельзя сомнѣваться въ немъ, нельзя, нельзя, ты понимаешь ли? прокричала она.

— Любить ли онъ тебя?

— Любить ли? повторила Наташа съ улыбкой сожалѣнія о непонятливости своей подруги. — Вѣдь ты прочла письмо, ты видѣла его.

— Но если онъ неблагородный человѣкъ?

— Охъ!... неблагородный человѣкъ? Коли бы ты знала! говорила Наташа.

— Если онъ благородный человѣкъ, то онъ или долженъ объявить свое памѣреніе, или перестать видѣться съ тобой; и ежели ты не хочешь этого сдѣлать, то я сдѣлаю это, я напишу ему, я скажу папа, рѣшительно сказала Соня.

— Да я жить не могу безъ него! закричала Наташа.

— Наташа, я не понимаю тебя. И что ты говоришь. Вспомни объ отцѣ, о Николенькѣ.

— Мне никого не нужно, я никого не люблю, кроме его. Какъ ты смѣешь говорить, что онъ неблагороденъ? Ты развѣ не знаешь, что я его люблю? кричала Наташа. — Соня, уйди, я не хочу съ тобой ссориться, уйди, ради Бога уйди; ты видишь, какъ я мучаюсь, злобно кричала Наташа сдержанно-раздраженнымъ и отчаяннымъ голосомъ. Соня разрыдалась и выбѣжала изъ комнаты.

Наташа подошла къ столу и, не думавъ ни минуты, написала тотъ отвѣтъ княжнѣ Марѣ, который она не могла написать цѣлое утро. Въ письмѣ этомъ она коротко писала княжнѣ Марѣ, что всѣ недодазумѣнія ихъ кончины, что, пользуясь великодушiemъ князя Андрея, который, уѣзжал, даъ ей свободу, она проситъ ее забыть все и простить ее, ежели она передѣлъ нею виновата, но что она не можетъ быть его женой. Все это ей казалось такъ легко, просто и ясно въ эту минуту.

Въ пятницу Ростовы должны были юхать въ деревню, а графъ въ среду поѣхалъ съ покупщикомъ въ свою подмосковную.

Въ день отѣзда графа, Соня съ Наташой были званы на большой обѣдъ къ Карагинымъ, и Марья Дмитріевна повезла ихъ. На обѣдѣ этомъ Наташа опять встрѣтилась съ Анатолемъ, и Соня замѣтила, что Наташа говорила съ нимъ что-то, желая не быть услышанною, и все время обѣда была еще болѣе волнована, чѣмъ прежде. Когда онъ вернулись домой, Наташа начала первую съ Соней то объясненіе, котораго ждала ея подруга.

— Вотъ ты, Соня, говорила разныя глупости про него, начала Наташа кроткимъ голосомъ, тѣмъ голосомъ, которымъ говорятъ дѣти, когда хотятъ, чтобы ихъ похвалили. — Мы объяснились съ нимъ нынче.

— Ну, чѣмъ же, чѣмъ? Ну, чѣмъ онъ сказалъ? Наташа, какъ я рада, что ты не сердишься на меня. Говори мнѣ все, всю правду. Чѣмъ же онъ сказалъ?

Наташа задумалась.

— Ахъ, Соня, если бы ты знала его такъ, какъ я! Онъ сказалъ... Онъ спрашивалъ меня о томъ, какъ я обѣщала Болконскому. Онъ обрадовался, что отъ меня зависить отказаться ему.

Соня грустно вздохнула.

— Но вѣдь ты не отказалась Болконскому? сказала она.

— А можетъ-быть я и отказалась! Можетъ-быть съ Болконскимъ все кончено. Почему ты думаешьъ про меня такъ дурно?

— Я ничего не думаю, я только не понимаю этого...

— Подожди, Соня, ты все поймешь. Увидишь, какой онъ человѣкъ. Ты не думай дурное ни про меня, ни про него.

— Я ни про кого не думаю дурное: я всѣхъ люблю и всѣхъ жалѣю. Но чѣмъ мнѣ дѣлать?

Соня не сдавалась на нѣжный тонъ, съ которымъ къ ней обращалась Наташа. Чѣмъ размягченіе и искательнѣе было выраженіе лица Наташи, тѣмъ серьезнѣе и строже было лицо Сони.

— Наташа, сказала она, — ты просила меня не говорить съ тобой, я и не говорила, теперь ты сама начала. Наташа, и не вѣрю ему. Зачѣмъ эта тайна?

— Опять, опять! перебила Наташа.

— Наташа, я боюсь за тебя.

— Чего бояться?

— Я боюсь, что ты погубишь себя, рѣшительно сказала Соня, сама испугавшись того, что она сказала.

Лицо Наташи опять выразило злобу.

— И погублю, погублю, какъ можно скорѣе погублю себя. Не ваше дѣло. Не вѣмъ, а мнѣ дурно будетъ. Оставь, оставь меня. Я ненавижу тебя.

— Наташа! испуганно взывала Соня.

— Ненавижу, ненавижу! И ты мой врагъ навсегда!

Наташа выбѣжала изъ комнаты.

Наташа не говорила больше съ Соней и избѣгала ея. Стѣнь же выраженіемъ взволнованнаго удивленія и преступности она ходила по комнатамъ, принимаясь то за то, то за другое занятіе и тотчасъ же бросая ихъ.

Какъ это ни тяжело было для Сони, но она, не спуская глазъ, слѣдила за своею подругой.

Наканунѣ того дни, въ который долженъ быть вернуться графъ, Соня замѣтила, что Наташа сидѣла все утро у окна гостиной, какъ будто ожидала чего-то, и что она сдѣлала

какой-то знакъ проѣхавшему военному, котораго Соня принялъ за Анатоля.

Соня стала еще внимательнѣе наблюдать свою подругу и замѣтила, что Наташа была все время обѣда и вечеръ въ странномъ и неестественномъ состояніи (отвѣчала невпопадъ на дѣлаемые ей вопросы, начинала и не доканчивала фразы, всему смѣялась).

Послѣ чаю Соня увидѣла робѣющую горничную дѣвушку, выжидавшую ее у двери Наташи. Она пропустила ее и, подслушавъ у двери, узнала, что опять было передано письмо.

И вдругъ Сонѣ стало ясно, что у Наташи былъ какой-нибудь страшный планъ на нынѣшній вечеръ. Соня постучалась къ ней. Наташа не пустила ея.

„Она убѣжитъ съ нимъ!“ думала Соня. „Она на все способна. Нынче въ лицѣ ея было что-то особенно жалкое и рѣшительное. Она заплакала, прощаюсь съ дяденькой“, вспоминала Соня. „Да, это вѣрно, она бѣжитъ съ нимъ, — но что мнѣ дѣлать?“ думала Соня, припоминая теперь тѣ признаки, которые ясно доказывали, почему у Наташи было какое-то страшное намѣреніе. „Графа нѣть. Что мнѣ дѣлать? Написать къ Курагину, требуя отъ него объясненія? Но кто велить ему отвѣтить? Писать Шеру, какъ просилъ князь Андрей, въ случаѣ несчастія?... Но можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ она уже отказалась Болконскому (она вчера отослала письмо княжнѣ Марьѣ). Дяденьки нѣть“.

Сказать Марьѣ Дмитревнѣ, которая такъ вѣрила въ Наташу, Сонѣ казалось ужасно.

„Но такъ или иначе“, думала Соня, стоя въ темномъ коридорѣ, „теперь, или никогда пришло время доказать, что я помню благодѣянія ихъ семейства и люблю Николая. Нѣть,

я хоть три мочи не буду сидеть, а не ввиду изъ этого коридора и силой не пущу ей, и не дамъ позору обрушиться на мъ семейство", думала она.

XVI.

Анатоль послѣднее время переселился къ Долохову. Илань похищенія Ростовой уже не сколько дней былъ обдуманъ и приготовленъ Долоховымъ, и въ тотъ день когда Соня, подслушавъ у двери Наташу, рѣшилась оберегать ее, илань этотъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Наташа на десять часовъ вечера обѣщала выйти къ Курагину на заднее крыльцо. Курагинъ долженъ былъ посадить ее въ приготовленную тройку и везти за 60 verstъ отъ Москвы, въ село Каменку, гдѣ былъ приготовленъ разстриженный понь, который долженъ былъ обвѣнчать ихъ. Въ Каменкѣ была готова подстава, которая должна была вывезти ихъ на варшавскую дорогу, и тамъ на почтовыхъ ови должны были скакать за границу.

У Анатоля были и паспортъ, и подорожная, и десять тысячъ денегъ, взятыхъ у бестры, и десять тысячъ, занятыхъ чрезъ посредство Долохова.

Два свидѣтеля — Хвостиковъ, бывшій приказный, котораго употреблялъ для игры Долоховъ, и Макаринъ, отставной гусарь, добродушный и слабый человѣкъ, питавший безпрѣдѣльную любовь къ Курагину, — сидѣли въ первой комнатѣ за чаемъ.

Въ большомъ кабинетѣ Долохова, убранномъ со стѣнъ до потолка персидскими коврами, медвѣжьими шкурами и оружиемъ, сидѣлъ Долоховъ на дорожномъ бешметѣ и сапогахъ предъ раскрытымъ бюро, на которомъ лежали счеты и пачки

какой-то знакъ проѣхавшему военному, котораго Соня принесла за Анатолиа.

Соня стала еще внимательнѣе наблюдать свою подругу и замѣтила, что Наташа была все время обѣда и вечеръ въ странномъ и неестественномъ состояніи (отвѣчала невпопадъ на дѣлаемые ей вопросы, начинала и не доканчивала фразы, всему смѣялась).

Послѣ чаю Соня увидѣла робѣющу горничную дѣвушку, выжидавшую ее у двери Наташи. Она пропустила ее и, подслушавъ у двери, узнала, что опять было передано письмо.

И вдругъ Сонѣ стало ясно, что у Наташи былъ какой-нибудь страшный планъ на вынѣшній вечеръ. Соня постучалась къ ней. Наташа не пустила ее.

„Она убѣжитъ съ нимъ!“ думала Соня. „Она на все способна. Нынче въ лицѣ ея было что-то особенно жалкое и рѣшительное. Она заплакала, прощаюсь съ дяденькой“, вспоминала Соня. „Да, это вѣрно, она бѣжитъ съ нимъ, — но что мнѣ дѣлать?“ думала Соня, припоминая теперь тѣ признаки, которые ясно доказывали, почему у Наташи было какое-то страшное намѣреніе. „Графа нѣть.. Что мнѣ дѣлать? Написать къ Курагину, требуя отъ него объясненія? Но кто велить ему отвѣтить? Писать Шеру, какъ просилъ князь Андрей, въ случаѣ несчастія?... Но можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ она уже отказалась Болконскому (она вчера отослала письмо княжнѣ Марьѣ). Дяденьки нѣть“.

Сказать Марьѣ Дмитріевнѣ, которая такъ вѣрила въ Наташу, Сонѣ казалось ужасно.

„Но такъ или иначе“, думала Соня, стоя въ темномъ коридорѣ, „теперь, или никогда пришло время доказать, что я помню благодѣянія ихъ семейства и люблю Николая. Нѣть,

я коть три мочи не буду сшать, а не вайду изъ этого коридора и силой не пущу ея, и не дамъ позору обрушиться на мхъ семейство", думала она.

XVI.

Анатоль послѣднее время переселился къ Долохову. Планъ покищенія Ростовой уже вѣсколько дней былъ обдуманъ и приготовленъ Долоховымъ, и въ тотъ день когда Соня, подслушавъ у двери Наташу, рѣшилась оберегать ее, иланъ этотъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Наташа въ десять часовъ вечера обѣщала выйти къ Курагину на заднее крыльцо. Курагинъ долженъ былъ посадить ее въ приготовленную тройку и везти за 60 верстъ отъ Москвы, въ село Каменку, гдѣ былъ приготовленъ разстрѣженный пошъ, который долженъ былъ обвѣничать ихъ. Въ Каменкѣ была готова подстава, которая должна была вывезти ихъ на варшавскую дорогу, и тамъ на почтовыхъ они должны были скакать за границу.

У Анатоля были и паспортъ, и подорожная, и десять тысячъ депегъ, взятыхъ у сестры, и десять тысячъ, занятыхъ чрезъ посредство Долохова.

Два свидѣтеля — Хвостиковъ, бывшій приказный, котораго употреблялъ для игры Долоховъ, и Макаринъ, отставной гусаръ, добродушный и слабый человѣкъ, питавший безпрѣдѣльную любовь къ Курагину, — сидѣли въ первой комнатѣ за чаемъ.

Въ большомъ кабинетѣ Долохова, убранномъ со стѣнъ до потолка персидскими коврами, медвѣжьими шкурами и оружиемъ, сидѣлъ Долоховъ въ дорожномъ бешметѣ и сапогахъ предъ раскрытымъ бюро, на которомъ лежали счеты и пачки

денегъ. Анатоль въ разстегнутомъ мундирѣ ходилъ изъ той комнаты, гдѣ сидѣли свидѣтели, черезъ кабинетъ въ заднюю комнату, гдѣ сго лакей-французъ съ другими укладывалъ послѣднія вещи. Долоховъ считалъ деньги и записывалъ.

— Ну, сказалъ онъ, — Хвостикову надо дать двѣ тысячи.

— Ну и дай, сказалъ Анатоль.

— Макарка (опи такъ звали Макарина), этотъ безкорыстно за тебя въ огонь и въ воду. — Ну вотъ, и кончены счеты, сказалъ Долоховъ, показывая ему записку. — Такъ?

— Да, разумѣется, такъ, сказалъ Апаторъ, видимо не слушавшій Долохова и съ улыбкой, не склонившою у него съ лица, смотрѣвшій впередъ себѣ.

Долоховъ захлопнулъ бюро и обратился къ Анатолю съ насыщеною улыбкой.

— А знаешь что — брось все это: еще время есть! сказалъ онъ.

— Дуракъ! сказалъ Анатоль. — Перестань говорить глупости. Ежели бы ты зналъ... Это чортъ знать что такое!

— Право брось, сказалъ Долоховъ. — Я тебѣ дѣло говорю. Развѣ это шутка, что ты затѣялъ?

— Ну, опять, опять дразнить? Пошелъ къ черту! А... сморшившись сказалъ Анатоль. — Право не до твоихъ дурацкихъ шутокъ. — И онъ ушелъ изъ комнаты.

Долоховъ презрительно и снисходительно улыбался, когда Анатоль вышелъ.

— Ты постой, сказалъ онъ вслѣдъ Анатолю, — я не шучу, я дѣло говорю, поди, поди сюда.

Анатоль опять вошелъ въ комнату и, стараясь сосредоточить вниманіе, смотрѣль на Долохова, очевидно невольно покоряясь ему.

— Ты меня слушай, я тебе послѣдній разъ говорю. Чѣмъ съ тобой шутить? Развѣ я тебе перечилъ? Кто тебе все устроилъ, кто поша нашелъ, кто паспортъ взялъ, кто денегъ досталъ? Все я.

— Ну, и спасибо тебе. Ты думаешь, я тебе не благодаренъ? Анатоль вздохнулъ и обнялъ Долохова.

— Я тебе помогалъ; но все же я тебе долженъ правду сказать: дѣло опасное и, если разобрать, глупое. Ну, ты и увезешь, хорошо. Развѣ это такъ оставлять? Узнается дѣло, что ты женатъ. Вѣдь тебя подъ уголовный судъ подведутъ...

— Ахъ! глупости, глупости! опять сморшившись заговорилъ Анатоль. — Вѣдь я тебе толковалъ. А? — И Анатоль съ тѣмъ особеннымъ пристрастиемъ (которое бываетъ у людей тупыхъ) къ умозаключенію, до котораго они дойдутъ своимъ умомъ, повторилъ то разсужденіе, которое онъ разъ сто повторялъ Долохову. — Вѣдь я тебе толковалъ, я рѣшилъ: ежели этотъ бракъ будетъ недѣйствителенъ, сказалъ онъ, загибая палецъ, — значитъ я не отвѣчаю; ну, а ежели дѣйствителенъ, все равно: за границей никто этого не будетъ знать, ну, вѣдь такъ? И не говори, не говори, не говори!

— Право, брось! Ты только себя свяжешь...

— Убирайся къ чорту, сказалъ Анатоль и, взявшись за волосы, вышелъ въ другую комнату и тотчасъ же вернулся и съ ногами сѣлъ на кресло близко предъ Долоховымъ. — Это чортъ знаетъ что такое! А? Ты посмотри, какъ бьется. Онъ взялъ руку Долохова и приложилъ къ своему сердцу. — Какая ножка, любезный другъ, какой взглядъ! Богиня! заговорилъ онъ по-французски. — А?

Долоховъ, холодно улыбаясь и блестя своими красивыми,

наглыми глазами, смотрѣлъ на него, видимо желая еще повеселиться надъ нимъ.

— Ну, деньги выйдутъ, тогда что?

— Тогда что? А? повторилъ Анатоль съ искреннимъ недоумѣніемъ предъ мыслью о будущемъ. — Тогда что! Тамъ я не знаю что... Ну, что глупости говорить! Ось посмотрѣль на часы. — Пора!

Анатоль пошелъ въ заднюю комнату.

— Ну, скоро-ли вы? копаетесь тутъ; крикнуль онъ на слугъ.

Долоховъ убралъ деньги и, крикнувъ человѣка, чтобы вѣльть подать пойстъ и выпить на дорогу, вошелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣли Хвостиковъ и Макаринъ.

Анатоль въ кабинетѣ лежалъ, облокотившись на руку, на диванѣ, задумчиво улыбался и что-то нѣжно про себя шепталъ.

— Иди, сѣешь что-нибудь. Ну, выпей! кричалъ ему изъ другой комнаты Долоховъ.

— Не хочу! отвѣтилъ Анатоль, все продолжая улыбаться.

— Иди, Балага пріѣхалъ.

Анатоль всталъ и вошелъ въ столовую. Балага былъ известный троечный ямщикъ, уже лѣтъ шесть знавшій Долохова и Анатоля, и служившій имъ своими тройками. Не разъ онъ, когда полкъ Анатоля стоялъ въ Твери, съ вечера увозилъ его изъ Твери, къ разсвѣту доставляя въ Москву и увозилъ на другой день ночью. Не разъ онъ увозилъ Долохова отъ погони, не разъ онъ по городу каталъ икъ съ цыганами и дамочками, какъ называлъ Балага. Не разъ онъ съ ихъ работою давилъ по Москвѣ народъ и извозчиковъ, и всегда его выручали его господа, какъ онъ называлъ ихъ. Не одну лошадь онъ загналъ подъ пими. Не разъ онъ былъ битъ

ии, не разъ пашивали они его шампанскимъ и мадерой, которую онъ любилъ, и не одну штуку онъ зпалъ за каждымъ изъ нихъ, которая обыкновенному человѣку давно бы заслужила Сибирь. Въ кутежахъ своихъ они часто зазывали Балагу, заставляли его нить и плясать у цыганъ, и не одна тысяча ихъ денегъ перешла черезъ его руки. Служа имъ, онъ двадцать разъ въ году рисковалъ и своею жизнью и свою шкурой, и на ихъ работѣ переморилъ больше лошадей, чѣмъ они ему переплатили денегъ. Но онъ любилъ ихъ, любилъ эту безумную Ѣзду, по восемнадцати верстъ въ часъ, любилъ перекувырнуть извозчика и раздавить пѣшехода по Москвѣ, и во весь скокъ пролетѣть по московскимъ улицамъ. Онъ любилъ слышать за собой этотъ дикий крикъ пьяныхъ голосовъ: „попель! попель!“ тогда какъ ужъ и такъ нельзя было Ѣхать шибче; любилъ вытаптывать болѣе пошевъ мужика, который и такъ ни живъ, ни мертвъ стоялъ отъ него. „Настоящіе господа!“ думалъ онъ.

Анатоль и Долоховъ тоже любили Балагу за его мастерство Ѣзды и за то, что онъ любилъ то же, что и они. Съ другими Балага рядился, бралъ по двадцати пяти рублей за двухчасовое катанье и съ другими только изрѣдка Ѣздила самъ, а больше посыпалъ своихъ молодцовъ. Но съ своими господами, какъ онъ называлъ ихъ, онъ всегда Ѣхалъ самъ и никогда ничего не требовалъ за свою работу. Только узнавъ черезъ камердинеровъ врея, когда были деньги, онъ разъ въ пѣсколько мѣсяцевъ приходилъ поутру, трезвый, и, низко кланяясь, просилъ выручить его. Его всегда сажали господа.

— Ужъ вы меня вызовольте, батюшка Оедоръ Ивановичъ или ваше сіятельство, говорилъ онъ. Обезлошадничаль вовсе, на ярмарку Ѣхать ужъ ссудите, чтѣ можете.

И Анатоль и Долоховъ, когда бывали при деньгахъ, давали ему по тысячѣ и по двѣ рублей.

Балага былъ русый, съ краснымъ лицомъ и въ особенности красною, толстою шеей, преземистый, курносый мужикъ, лѣтъ двадцати семи, съ блестящими маленькими глазами и маленькою бородкой. Онъ былъ одѣтъ въ тонкомъ синемъ кафтанѣ на шелковой подкладкѣ, надѣтомъ на полушибукѣ.

Онъ перекрестился на передній уголъ и подошелъ къ Долохову, протягивая черную, небольшую руку.

— Федору Ивановичу! сказалъ онъ, кланяясь.

— Здорово, братъ. Ну, вотъ и онъ.

— Здравствуй, ваше сиятельство, сказалъ онъ входившему Анатолю, и тоже протянулъ руку.

— Я тебѣ говорю, Балага, сказалъ Анатоль, кладя ему руки на плечи, — любишь ты меня или нѣть? А? Теперь службу сослужи... На какихъ прѣѣхалъ? А?

— Какъ посолъ приказалъ, на вашихъ на звѣрякъ, сказалъ Балага.

— Ну, слышишь, Балага! Зарѣжь всю тройку, а чтобы въ три часа прїѣхать. А?

— Какъ зарѣжешь, на чёмъ пойдемъ? сказалъ Балага, подмигивая.

— Ну, я тебѣ морду разобью, ты не шути! вдругъ, выкативъ глаза, крикнулъ Анатоль.

— Чѣмъ же шутить, посмѣшиваясь сказалъ ямщикъ. — Развѣ я для своихъ господъ пожалѣю? Чѣмъ иочи скакать будеть лошадямъ, то иѣхать будемъ.

— А! сказалъ Анатоль. — Ну, садись.

— Чѣмъ же, садись! сказалъ Долоховъ.

— Постою, Федоръ Ивановичъ.

— Садись, врешь, пей, сказаль Анатоль, и налилъ ему большой стаканъ мадеры. Глаза ямщика засвѣтились на вино. Отказываясь для приличія, онъ выпилъ и отерся шелковымъ краснымъ платкомъ, который лежалъ у него въ шапкѣ.

— Что жъ, когда вхать-то, ваше сіятельство?

— Да вотъ... (Анатоль посмотрѣль на часы) сейчасъ и вхать. Смотри же, Балага. А? Поспѣшешь?

— Да какъ выѣздъ, счастливъ ли будеть, а то отчего же не поспѣть? сказаль Балага. — Доставляли же въ Тверь, въ семь часовъ поспѣвали. Помнишь небось, ваше сіятельство.

— Ты знаешь ли, на Рождество изъ Твери я разъ вѣхалъ, сказаль Анатоль съ улыбкой воспоминанія, обращаясь къ Макарину, который во всѣ глаза умиленно смотрѣль на Курагина. — Ты вѣришь ли, Макарка, что духъ захватывало, какъ мы летѣли. Вѣхали въ обозъ, черезъ два воза перескочили. А?

— Ужъ лошади жъ были! продолжалъ разскажь Балага. — Я тогда молодыхъ пристяжныхъ къ каурому запригъ, обратился онъ къ Долохову, — такъ вѣришь ли, Федоръ Иванычъ, 60 верстъ звѣри летѣли; держать нельзя, руки закоченѣли: морозъ былъ. Бросиль возжи, держи моль, ваше сіятельство самъ, такъ въ сани и новалился. Такъ вѣдь не то, что погонять, до мѣста держать нельзя. Въ три часа донесли черти. Издохла лѣвалъ только.

XVII.

Анатоль вышелъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ вернулся въ подпоясанной серебрянымъ ремнемъ шубкѣ и собольей шапкѣ, молодцовато надѣтой набекренъ и очень

шедшей къ его красивому лицу. Поглядѣвшись въ зеркало и въ той самой позѣ, которую онъ взялъ передъ зеркаломъ, ставъ предъ Долоховымъ, онъ взялъ стаканъ вина.

— Ну, Осия, прощай, спасибо за все, прощай, сказалъ Анатоль. — Ну, товарищи, друзья.., онъ задушился, молодости.. моей, прощайте, обратился онъ къ Макарину и другимъ.

.. Несмотря на то, что всѣ они щеками съ цинкомъ, Анатоль видимо хотѣлъ сдѣлать что-то трогательное и торжественное изъ этого обращенія къ товарищамъ. Онъ говорилъ медленнѣмъ, громкимъ голосомъ и, выставивъ грудь, показывалъ одною ногой.

— Всѣ возьмите стаканы, и ты, Балага. Ну, товарищи, друзья молодости моей, покутили мы, вожили, покутили. А? Теперь, когда свидимся? за границу уѣду! Пожили, прощай, ребята.. За здоровье! Ура!.. сказалъ онъ, выпивъ свой стаканъ и хлоннуль его обѣ землю.

— Будь здоровъ, сказалъ Балага, тоже выпивъ свой стаканъ и обтираясь платкомъ. Макаринъ со слезами на глазахъ обнималъ Анатоля.

— Эхъ, князь, ужъ какъ грустно мнѣ съ тобой разстаться, проговорилъ онъ.

— Щать, щать! закричалъ Анатоль.

Балага было иошелъ изъ комнаты.

— Идти, стой, сказалъ Анатоль. — Затвори двери, сѣсть надо. Вотъ такъ. — Затворили двери, и всѣ сѣли.

— Ну, теперь маринъ, ребята! сказалъ Анатоль, вставая.

Лакей Жозефъ подалъ Анатолю сумку и саблю, и всѣ встали въ переднюю.

— А шуба гдѣ? сказалъ Долоховъ. — Эй, Игнатка! Поди

къ Матренѣ Матвѣевнѣ, спроси шубу, салонъ соболій! Я слыхалъ какъ увозить, сказалъ Долоховъ, подмигнувъ. — Вѣдь она высочитъ ни жива, ни мертва въ чёмъ дома сидѣла; чуть замѣшкаешься, тутъ и слезы, и паша, и мамаша, и сейчасъ озябла и назадъ, — а ты въ шубу принимаѣ сразу и неси въ сани.

Лакей принесъ женскій лпей салонъ.

— Дуракъ, я тебѣ сказалъ соболій. Эй, Матрещка, соболій, крикнулъ онъ такъ, что далеко по комнатамъ раздался его голосъ.

Красивая, худая и блѣдная цыганка, съ блестящими, черными глазами и съ черными, курчавыми, сизаго отлива волосами, въ красной шали, выбѣжала съ собольимъ салономъ на руки.

— Чѣмъ же, мнѣ не жаль, ты возьми, сказала она, видимо робѣя предъ своимъ господиномъ и жалѣя салона.

Долоховъ, не отвѣчая ей, взялъ шубу, накинулъ ее на Матрешу и закуталъ ее.

— Вотъ такъ, сказалъ Долоховъ. — И потомъ вотъ такъ, сказалъ онъ, и поднялъ ей около головы воротникъ, оставляя его только предъ лицомъ нейного открытнмъ. — Потомъ вотъ такъ, видишь? и онъ придинулъ голову Анатоли къ отверстію, прставленному воротникомъ, изъ котораго видѣлась блестящая улыбка Матреши.

— Ну, прощай, Матреща, сказалъ Анатоль, цѣлую ее. — Эхъ, копчена моя гульба здѣсь! Стешкѣ кланяйся. Ну, прощай! Прощай, Матреща; ты мнѣ пожелай счастья!

— Ну, дай-то вамъ Богъ, князь, счастья большаго, сказала Матреща съ своимъ цыганскимъ акцентомъ.

У крыльца столятъ днѣ тройки; двое молодцовъ ямщиковыхъ

шедшей къ его красивому лицу. Поглядѣвшись въ зеркало и въ той самой позѣ, которую онъ взялъ передъ зеркаломъ, ставъ предъ Долоховымъ, онъ взялъ стаканъ вина.

— Ну, Осия, прощай, спасибо за все, прощай, сказалъ Анатоль. — Ну, товарищи, друзья.., онъ задумался, молодости.. моей, прощайте, обратился онъ къ Макарину и другимъ.

Несмотря на то, что всѣ они ёхали съ цимъ, Анатоль видимо хотѣлъ сдѣлать что-то трогательное и торжественное изъ этого обращенія къ товарищамъ. Онъ говорилъ медленнымъ, громкимъ голосомъ и, выставивъ грудь, показывалъ одною ногой.

— Всѣ возьмите стаканы, и ты, Балага. Ну, товарищи, друзья молодости моей, чокнули мы, пожили, покутили. А? Теперь, когда свидимся? за гравипу уѣду! Пожили, прощай, ребята.. За здоровье! Ура!.. сказалъ онъ, выпивъ свой стаканъ и хлоннуль его обѣ землю.

— Будь здоровъ, сказалъ Балага, тоже выпивъ свой стаканъ и обтираясь платкомъ. Макаринъ со слезами на глазахъ обнималъ Анатоля.

— Эхъ, князь, ужъ какъ грустно мнѣ съ тобой разстаться, проговорилъ онъ.

— Ёхать, ёхать! закричалъ Анатоль.

Балага было иошелъ изъ комнаты.

— Идти, стой, сказалъ Анатоль. — Затвори двери, сѣсть надо. Вотъ такъ. — Затворили двери, и всѣ сѣли.

— Ну, теперь маринъ, ребята! сказалъ Анатоль, вставая.

Лакей Жозефъ подалъ Анатолю сумку и саблю, и всѣ вышли въ переднюю.

— А шуба гдѣ? сказалъ Долоховъ. — Эй, Игнатка! Поди

Матренѣ Матвѣевиѣ, спроси шубу, салопъ соболій! Я слыхалъ какъ увозятъ, сказалъ Долоховъ; подмигнувъ. — Вѣдь она выскочить ни жива, ни мертвa въ чёмъ дома сидѣла; чуть замѣшкавшися, тутъ и слезы, и папаша, и мамаша, и сейчасъ озаблѣли назадъ, — а ты въ шубу принимай сразу и неси въ сани.

Лакей принесъ женскій лпей салопъ.

— Дуракъ, я тебѣ сказалъ соболій. Эй, Матрѣшка, соболій, крикнулъ онъ такъ, что далеко по комнатамъ раздался его голосъ.

Красивая, худая и блѣдная цыганка, съ блестящими, черными глазами и съ черными, курчавыми, сизаго отлива волосами, въ красной шали, выбѣжаласъ собольимъ салопомъ на рукѣ.

— Чѣмъ же, мнѣ не жаль, ты возьми, сказала она, видимо робѣя предъ своимъ господиномъ и жалѣя салона. Долоховъ, не отвѣчая ей, взялъ шубу, накинулъ ее на Матрѣшу и закуталъ ее.

— Вотъ такъ, сказаъ Долоховъ. — И потомъ вотъ такъ, сказалъ онъ, и поднялъ ей около головы воротникъ, оставляя его только предъ лицомъ неиного открытнмъ. — Потомъ вотъ такъ, видишь? и онъ придинулъ голову Анатолія къ отверстию, оставленному воротникомъ, изъ котораго видѣлась блестящая улыбка Матрѣши.

— Ну, прощай, Матрѣша, сказалъ Анатолій, цѣлую ее. — Эхъ, кончена моя гульба здѣсь! Стешкѣ кланяйся. Ну, прощай! Прощай, Матрѣша; ты мнѣ пожелай счастья.

— Ну, дай-то вамъ Богъ, князь, счастья большаго, сказала Матрѣша съ своимъ цыганскимъ акцентомъ.

У крыльца стоялъ дивѣй тройки; двое молодцовъ эмщиконъ

держали ихъ. Балага сѣлъ на переднюю тройку, и, высоко поднимал локти, неторопливо разобралъ возжи. Анатоль и Долоховъ сѣли къ нему. Макаринъ, Хвостиковъ и лакей сѣли въ другую тройку.

— Готовы, что ль? спросилъ Балага. Пущай! крикнулъ онъ, заматывая вокругъ руки возжи, и тройка понесла бить внизъ по Никитскому бульвару.

— Тпру! Поди, эй!.... Тпру, только слышался крикъ Балаги и молодца, сидѣвшаго на козлахъ. На Арбатской площади тройка зацѣпила карету, что-то затрещало, послышался крикъ и тройка полетѣла по Арбату.

Давъ два конца по Подновинскому, Балага сталь сдерживать и, вернувшись назадъ, остановилъ лошадей у перекрестка Старой Конюшенной.

Молодецъ соскочилъ держать подъ узды лошадей, Анатоль съ Долоховымъ пошли по тротуару. Подходя къ воротамъ, Долоховъ свистнулъ. Свистокъ отозвался ему, и вслѣдъ за тѣмъ выбѣжала горничная,

— На дворъ войдите, а то видно; сейчасъ выйдетъ, сказала она.

Долоховъ остался у воротъ. Анатоль вошелъ за горничной на дворъ, наворотилъ за уголъ и вѣжталъ на крыльцо.

Гаврило, огромный выѣздной лакей Мары Дмитріевны, встрѣтилъ Анатоля.

— Къ барынѣ пожалуйте, басомъ сказалъ лакей, загораживая дорогу отъ двери.

— Къ какой барынѣ? Да ты кто? запыхавшимся шепотомъ спрашивалъ Анатоль.

— Пожалуйте, приказано привестъ.

— Курагинъ! назадъ, кричалъ Долоховъ. — Измѣна, назадъ!

Долоховъ у калитки, у которой онъ остановился, боролся съ дворникомъ, пытавшимся запереть за вошедшими Анатолеемъ калитку. Долоховъ послѣднимъ успѣемъ оттолкнулъ дворника и схвативъ за руку выбѣжавшаго Анатолиа, выдернувъ его за калитку и побѣжалъ съ нимъ назадъ къ тройкѣ.

XVIII.

Марья Дмитріевна, заставъ заплаканную Соню въ коридорѣ, заставила ее во всемъ признаться. Перехвативъ записку Наташи и прочтя ее, Марья Дмитріевна съ запиской въ рукѣ вошла къ Наташѣ.

— Мерзавка, безстыдница, сказала она ей. — Слышать ничего не хочу! — Оттолкнувъ удивленными, но сухими глазами глядящую на нее Наташу, она заперла ее на ключь и приказалъ дворнику пропустить въ ворота тѣхъ людей, которые придутъ нынче вечеромъ, но не выпускать ихъ, а лакею приказавъ привести этихъ людей къ себѣ, сѣла въ гостиной, ожидая похитителей.

Когда Гаврило пришелъ доложить Марью Дмитріевну, что приходившіе люди убѣжали, она нахмурившись встала и, заложивъ назадъ руки, долго ходила по комнатамъ, обдумывая, что ей дѣлать. Въ 12 часу ночи она, ощущавъ ключь въ карманѣ, пошла къ комнатѣ Наташи. Соня, рыдая, спѣла въ коридорѣ. „Марья Дмитріевна, пустите меня къ пей ради Бога!“ сказала она. Марья Дмитріевна, не отвѣчая ей, отперла дверь и вошла. „Гадко, скверно, въ москѣ домъ, мерзавка-дѣвчонка, только отца жалко!“ думала Марья Дмитріевна, стараясь утолить свой гиѣвъ. „Какъ ни трудно, ужъ велю всѣмъ молчать и скрою отъ графа“. Марья Дмитріевна рѣшительными шагами вошла въ комнату. Наташа лежала

на диванѣ, закрывъ голову руками и не шевелилась. Она лежала въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ оставила ее Марья Дмитріевна.

— Хороша, очень хороша! сказала Марья Дмитріевна. — Въ моемъ домѣ любовникамъ свиданья назначать! Притворяться-то нечего. Ты слушай, когда я съ тобой говорю. Марья Дмитріевна тронула ее за руку. — Ты слушай, когда я говорю. Ты себя осрамила, какъ девка самая послѣдняя. Я бы съ тобой то сдѣлала, да мнѣ твоего отца жалко. Я скрою. — Наташа не перемѣнила положенія, но только все тѣло ея стало вскидываться отъ беззвучныхъ, судорожныхъ рыданій, которыя душили ее. Марья Дмитріевна оглянулась на Соню и присѣла на диванѣ подлѣ Наташи.

— Счастье ею, что онъ отъ меня ушелъ; да я найду его, сказала она своимъ грубымъ голосомъ; — слышишь ты что ли, что я говорю? Она поддѣла своею большою рукою подъ лицо Наташи и повернула ее къ себѣ. И Марья Дмитріевна и Соня удивились, увидавъ лицо Наташи. Глаза ея были блестящи и сухи, губы поджаты, щеки опустились.

— Оставь... те... что мнѣ... я... умру... проговорила она, злымъ усилиемъ вырвалась отъ Марии Дмитріевны и легла въ свое прежнее положеніе.

— Наталья!... сказала Марья Дмитріевна. — Я тебѣ добра желаю. Ты леки, ну лежи такъ, я тебя не трону, и слушай... Я не стану говорить, какъ ты виновата. Ты сама знаешь. Ну, да теперь отецъ твой завтра пріѣдетъ, что я скажу ему? А?

Опять тѣло Наташи заколебалось отъ рыданій.

— Ну, узнаешь онъ, пу, братъ твой, женихъ!

— У меня нѣтъ жениха, я отказалася, прокричала Наташа.

— Все равно, продолжала Марья Дмитриевна. — Ну, опять узнаютъ; что жъ, они такъ оставятъ? Вѣдь онъ, отецъ твой, я его знаю, вѣдь онъ, если его на дуэль вызоветъ, хорошо это будетъ? А?

— Ахъ, оставьте меня, зачѣмъ вы всему помѣшили! За-чѣмъ? зачѣмъ? кто вѣсъ просилъ? кричала Наташа, приподнявшись на диванѣ и злобно глядя на Марью Дмитриевну.

— Да чего жъ ты хотѣла? вскрикнула опять горячаясь Марья Дмитриевна. — Что жъ, тебѣ запирали что ль. Ну кто же ему мѣшалъ въ домъѣздить? Зачѣмъ же тебѣ, какъ цыганку какую, увозить?... Ну увезъ бы онъ тебѣ, — что же ты думаешь, его бы не нашли? Твой отецъ, или братъ, или женихъ? А онъ мерзавецъ, негодяй, вотъ что!

— Онъ лучше всѣхъ вѣсъ, вскрикнула Наташа, приподнимаясь. — Если бы вы не мѣшили... Ахъ, Боже мой, что это, что это! Соня, за что? Уйдите!... И она зарыдала съ такимъ отчаяніемъ, съ какимъ оплакиваются люди только такое горе, котораго они чувствуютъ. сами себѣ причиной. Марья Дмитриевна начала было опять говорить; но Наташа закричала: „Уйдите, уйдите, всѣ вы ионя невавидите, презираете!“ — И опять бросилась на диванъ.

Марья Дмитриевна продолжала еще нѣсколько времени усоващевать Наташу и внушать ей, что все это надо скрыть отъ графа, что никто не узнаетъ ничего, ежели только Наташа возьметъ на себя все забыть и не показывать ни предъ кѣмъ вида, что что-нибудь случилось. Наташа не отвѣчала. Она и не рыдала больше, но съ неї сдѣлались озобъ и дрожь. Марья Дмитриевна положила ей подушку, накрыла ее двумя одѣялами и сама принесла ей липового цвѣта, но Наташа не отвѣтила ей.

— Ну, пускай спить, сказала Марья Дмитриевна, уходя изъ комнаты, думая, что она спить. Но Наташа не спала и остановившимися раскрытыми глазами изъ блѣднаго лица прямо смотрѣла предъ собою. Всю эту ночь Наташа не спала, и не плакала, и не говорила съ Соней, нѣсколько разъ встававшою и подходившою къ ней.

На другой день къ завтраку, какъ и обѣщалъ графъ Илья Андреичъ, онъ пріѣхалъ изъ Подмосковной. Онъ былъ очень весель: дѣло съ покупщикомъ ладилось, и ничто уже не задерживало его теперь въ Москвѣ и въ разлукѣ съ графинею, по которой онъ соскучился. Марья Дмитріевна встрѣтила его и объявила ему, что Наташа сдѣлалась очень нездорова вчера, что посыпали за докторомъ, но что теперь ей лучше. Наташа въ это утро не выходила изъ своей комнаты. Съ поджатыми растрескавшимися губами, сухими остановившимися глазами, она сидѣла у окна и беспокойно вглядывалась въ проѣзжающихъ по улицѣ и торопливо оглядывалась на входившихъ въ комнату. Она очевидно ждала извѣстій о немъ, ждала, что онъ самъ пріѣдетъ или напишетъ ей.

Когда графъ вошелъ къ ней, она беспокойно оборотилась на звукъ его мужскихъ шаговъ, и лицо ея приняло прежнее холодное и даже злое выраженіе. Она даже не поднялась навстрѣчу ему.

— Что съ тобой, мой ангелъ, больна? спросилъ графъ.
Наташа помолчала.

— Да, больна, отвѣчала она.

На беспокойные разспросы графа о томъ, почему она такая убитая и не случилось ли чего-нибудь съ женихомъ, она увѣрила его, что ничего, и просила его не беспокоиться. Марья Дмитріевна подтвердила графу увѣренія Наташи, что

ничего не случилось. Графъ, судя по миной болѣзни, по разстройству дочери, по сконфуженнымъ лицамъ Сони и Марыи Дмитріевны, ясно видѣлъ, что въ его отсутствіе должно было что-нибудь случиться; но ему такъ страшно было думать, что что-нибудь постыдное случилось съ его любимою дочерью, онъ такъ любилъ свое веселое спокойствіе, что онъ избѣгалъ разспросовъ и все старался увѣрить себѣ, что ничего особенного не было и только тужилъ о томъ, что по случаю ея нездоровья откладывался ихъ отѣздъ въ деревню.

XIX.

Со днія прїѣзда своей жены въ Москву Пьеръ сбирался уѣхать куда-нибудь, только чтобы не быть съ ней. Вскорѣ послѣ прїѣзда Ростовыхъ въ Москву, впечатлѣніе, которое производила на него Наташа, заставило его поторопиться исполнить свое намѣреніе. Онъ поѣхалъ въ Тверь ко вдовѣ Іосифа Алексѣевича, которая обѣщала давно передать ему бумаги покойнаго.

Когда Пьеръ вернулся въ Москву, ему подали письмо отъ Марыи Дмитріевны, которая звала его къ себѣ по весьма важному дѣлу, касающемуся Андрея Болконскаго и его невѣсты. Пьеръ избѣгалъ Наташи. Ему казалось, что онъ имѣлъ къ ней чувство болѣе сильное, чѣмъ то, которое долженъ былъ имѣть женатый человѣкъ къ невѣстѣ своего друга. И какая-то судьба постоянно сводила его съ нею.

„Что такое случилось? И какое имѣ до меня дѣло?“ думалъ онъ, одѣваясь, чтобыѣхать къ Марѣи Дмитріевнѣ. „Поскорѣе бы прїѣхалъ князь Адрей и женился бы на ней!“ думалъ Пьеръ дорогой къ Ахрасимовой.

На Тверскомъ бульварѣ кто-то окликнулъ его.

— Пьеръ! Давно пріѣхалъ? прокричалъ ему знакомый голосъ, Пьеръ поднялъ голову. Въ парныхъ саняхъ на двухъ сѣрыхъ рысакахъ, закидывающихъ снѣгомъ головашки саней, промелькнулъ Анатоль съ своимъ всегдашимъ товарищемъ Макариншмъ. Анатоль сидѣлъ прямо, въ классической позѣ военныхъ щеголей, закутавъ визъ лица бобровымъ воротникомъ, и немногого пригнувъ голову. Лицо его было румяно и свѣжо, шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ была надѣта на бокъ, открывая завитые начесанные и осипанные мелкимъ снѣгомъ волосы.

„И право, вотъ настоящій мудрецъ!“ подумалъ Пьеръ, „ничего не видитъ дальше настоящей минуты удовольствія,ничто не тревожитъ его, и оттого всегда весель, доволенъ и спокоенъ. Что бы я далъ, чтобы быть такимъ, какъ онъ!“ съ завистью подумалъ Пьеръ.

Въ передней Ахрасимовой лакей, снимая съ Пьера его шубу сказалъ, что Марья Дмитріевна просить къ себѣ въ спальню.

Отворивъ дверь въ залу, Пьеръ увидалъ Наташу, сидѣвшую у окна съ худымъ, блѣднымъ и злымъ лицомъ. Она оглянулась на него, нахмурилась и съ выражениемъ холода достоинства вышла изъ комнаты.

— Что случилось? спросилъ Пьеръ, входя къ Марье Дмитріевнѣ.

— Хорошія дѣла, отвѣчала Марья Дмитріевна: — пятьдесятъ восемь лѣтъ прожила на свѣтѣ — такого сраму не видела. — И взявъ съ Пьера честное слово молчать обо всемъ, что онъ узнаетъ, Марья Дмитріевна сообщила ему, что Наташа отказалась своему жениху безъ вѣдома родителей, что причиной этого отказанія былъ Анатоль Курагинъ, съ которымъ

сводила ее жена Пьеръ, и съ которымъ Наташа хотѣла бѣжать въ отсутствіе своего отца, съ тѣмъ чтобы тайно обвѣнчаться.

Пьеръ, приподнявъ плечи и разинувъ ротъ, слушалъ то, что говорила ему Марья Дмитріевна, не вѣря своимъ ушамъ. Невѣстѣ князя Андрея, такъ сильно любимой, этой прежде милой Наташѣ Ростовой, промѣнять Болконскаго на дурака Анатоля, уже женатаго (Пьеръ зналъ тайну его женитьбы), и такъ влюбиться въ него, чтобы согласиться бѣжать съ нимъ! — этого Пьеръ не могъ понять и не могъ себѣ представить.

Милое впечатлѣніе Наташи, которую онъ зналъ съ дѣтства, не могло соединиться въ его душѣ съ новымъ представлениемъ о ея низости, глупости и жестокости. Онъ вспомнилъ о своей женѣ. „Всѣ онѣ однѣ и тѣ же“, сказаль онъ самъ себѣ, думая, что не ему одному достался печальный удѣлъ быть связаннымъ съ гадкою женщиной. Но ему все-таки до слезъ жалко было князя Андрея, жалко было его гордости. И чѣмъ больше онъ жалѣлъ своего друга, тѣмъ съ большимъ презрѣніемъ и даже отвращеніемъ думалъ объ этой Наташѣ, съ такимъ выражениемъ холоднаго достоинства сейчасъ прошедшей мимо него по залѣ. Онъ не зналъ, что душа Наташи была преисполнена отчаянія, стыда, униженія, и что она не виновата была въ томъ, что лицо ея нечаянно выражало скончанное достоинство и строгость.

— Да какъ обвѣнчаться! проговорилъ Пьеръ на слова Марии Дмитріевны. — Онъ не можетъ обвѣнчаться: онъ женатъ.

— Часъ отъ часу не легче, проговорила Марья Дмитріевна. — Хорошъ мальчикъ. То-то мерзавецъ. А она ждетъ,

второй день ждетъ. По крайней мѣрѣ ждать перестанеть, надо сказать ей.

Узнавъ отъ Пьера подробности женитьбы Анатоля, изливъ свой гиѣвъ па него ругательными словами, Марья Дмитріевна сообщила ему то, для чего она вызвала его. Марья Дмитріевна боялась, чтобы графъ или Болконскій, который могъ всякую минуту прїѣхать, узнавъ дѣло, которое она нацѣренна была скрыть отъ нихъ, не вызвали па дуэль Курагина, и потому просила его приказать отъ ся имени его шурипу уѣхать изъ Москвы и не смѣть показываться ей на глаза. Пьеръ обѣщалъ ей исполнить ся желаніе, только теперь понявъ опасность, которая угрожала и старому графу, и Николаю, и князю Андрею. Кратко и точно изложивъ ему свои требованія, она выпустила его въ гостиную.

— Смотри же, графъ ничего не знаешь. Ты дѣлай какъ будто ничего не знаешь, сказала она ему.— А я пойду сказать ей, что ждать нечего! Да оставайся обѣдать, коли хочешь, крикнула Марья Дмитріевна Пьеру.

Пьеръ встрѣтилъ старого графа. Онъ былъ смущенъ и разстроенъ. Въ это утро Наташа сказала ему, что отказалась Болконскому.

— Бѣда, бѣда, дружокъ, говорилъ онъ Пьеру, — бѣда съ этими дѣвками безъ матери; ужъ я такъ тужу, что прїѣхалъ. Я съ вами откровененъ буду. Слышали, отказалась жениху, ни у кого не спросивши ничего. Оно, положимъ, я никогда этому браку очень не радовался. Положимъ, онъ хорошій человѣкъ, но что жъ, противъ воли отца счастья бы не было, и Наташа безъ жениховъ не останется. Да все-таки долго уже такъ продолжалось, да и какъ же это безъ отца, безъ матери, такой шагъ!.. А теперь больна и Богъ знаетъ что?

Плохо, графъ, плохо съ дочерьми безъ матери... Пьеръ видѣлъ, что графъ былъ очень разстроенъ, старался перевести разговоръ на другой предметъ, но графъ опять возвращался къ своему горю.

Соня съ встревоженнымъ лицомъ вошла въ гостиную.

— Наташа не совсѣмъ здорова; она въ своей комнатѣ и желала бы васъ видѣть. Марья Дмитріевна у нея и просить васъ тоже.

— Да, вѣдь вы очень дружны съ Болконскимъ; вѣрно что-нибудь передать хочетъ, сказалъ графъ. — Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какъ все хорошо было! И взявши за рѣдкіе виски сѣдыхъ волосъ, графъ вышелъ изъ комнаты.

Марья Дмитріевна объявила Наташѣ о томъ, что Анатоль былъ женатъ. Наташа не хотѣла вѣрить ей и требовала подтвержденія этого отъ самого Пьера. Соня сообщила это Пьеру въ то время, какъ она черезъ коридоръ провожала его въ комнату Наташи.

Наташа, блѣдная, строгая сидѣла подлѣ Марии Дмитріевны и отъ самой двери встрѣтила Пьера лихорадочно-блестящимъ, вопросительнымъ взглядомъ. Она не улыбнулась, не кивнула ему головой; она только упорно смотрѣла на него, и взглядъ ея спрашивалъ его только про то: другъ ли онъ, или такой же врагъ, какъ и всѣ другіе, по отношенію къ Анатолю? Самъ по себѣ Пьеръ очевидно не существовалъ для нея.

— Онъ все знаетъ, сказала Марья Дмитріевна, указывая на Пьера и обращаясь къ Наташѣ. — Онъ пускай тебѣ скажетъ, правду ли я говорила.

Наташа, какъ подстрѣленный, загнанный звѣрь смотрѣла на приближающихся собакъ и охотниковъ, смотрѣла то на ту, то на другаго.

второй день ждетъ. По крайней мѣрѣ ждать перестанетъ, надо сказать ей.

Узнавъ отъ Пьеръа подробности женитьбы Анатоля, изливъ свой гиѣвъ на него ругательными словами, Марья Дмитріевна сообщила ему то, для чего она вызвала его. Марья Дмитріевна боялась, чтобы графъ или Болконскій, который могъ всякую минуту пріѣхать, узнавъ дѣло, которое она намѣренна была скрыть отъ нихъ, не вызвали на дуэль Курагина, и потому просила его приказать отъ ся имени его шурипу уѣхать изъ Москвы и не смѣть показываться ей на глаза. Пьеръ обѣщалъ ей исполнить ея желаніе, только теперь понявъ опасность, которая угрожала и старому графу, и Николаю, и князю Андрею. Кратко и точно изложивъ ему свои требованія, она выпустила его въ гостиную.

— Смотри же, графъ ничего не знаеть. Ты дѣлай какъ будто ничего не знаешь, сказала она ему.— А я пойду сказать ей, что ждать нечего! Да оставайся обѣдать, коли хочешь, крикнула Марья Дмитріевна Пьеру.

Пьеръ встрѣтилъ стараго графа. Онъ былъ смущенъ и разстроенъ. Въ это утро Наташа сказала ему, что отказалась Болконскому...

— Бѣда, бѣда, дружокъ, говорилъ онъ Пьеру,— бѣда съ этими дѣвками безъ матерп; ужъ я такъ тужу, что пріѣхалъ. Я съ вами откровененъ буду. Слышали, отказалась жениху, ни у кого не спросивши ничего. Оно, положимъ, я никогда этому браку очень не радовался. Положимъ, онъ хороший чловѣкъ, но что жъ, противъ воли отца счастья бы не было, и Наташа безъ жениховъ не останется. Да все-таки долго уже такъ продолжалось, да и какъ же это безъ отца, безъ матери, такой шагъ!.. А теперь больна и Богъ знаетъ что?

Илохъ, графъ, илохъ съ дочерьми безъ матери.. Пьеръ видѣлъ, что графъ былъ очень разстроенъ, старался перевести разговоръ на другой предметъ, но графъ опять возвращался къ своему горю.

Соня съ встревоженнымъ лицомъ вошла въ гостиную.

— Наташа не совсѣмъ здорова; она въ своей комнатѣ желала бы васъ видѣть. Марья Дмитріевна у нея и просить васъ тоже.

— Да, вѣдь вы очень дружны съ Болконскимъ; вѣрно что-нибудь передать хочетъ, сказалъ графъ. — Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какъ все хорошо было! И взявшись за рѣдкіе виски сѣдыхъ волосъ, графъ выпилъ изъ комнаты.

Марья Дмитріевна объявила Наташѣ о томъ, что Анатоль былъ женатъ. Наташа не хотѣла вѣрить ей и требовала подтвержденія этого отъ самого Пьера. Соня сообщила это Пьеру въ то время, какъ она черезъ коридоръ провожала его въ комнату Наташи.

Наташа, блѣдная, строгая сидѣла подлѣ Марии Дмитріевны и отъ самой двери встрѣтила Пьера лихорадочно-блестящимъ, вопросительнымъ взглядомъ. Она не улыбнулась, не кивнула ему головой; она только упорно смотрѣла на него, и взглядъ ея спрашивалъ его только про то: другъ ли онъ, или такой же врагъ, какъ и всѣ другіе, по отношенію къ Анатолю? Самъ по себѣ Пьеръ очевидно не существовалъ для нея.

— Онъ все знаетъ, сказала Марья Дмитріевна, указывая на Пьера и обращаясь къ Наташѣ. — Онъ пускай тебѣ скажетъ, правду ли я говорила.

Наташа, какъ подстрѣленный, загнанный звѣрь смотрѣла на приближающихся собакъ и охотниковъ, смотрѣла то на ту, то на другаго.

— Наталья Ильинична, началь Пьеръ, опустивъ глаза и
испытывая чувство жалости къ цей и отвращенія къ той опе-
раціи, которую сяя долженъ быть дѣлать, — правда это или
неправда, это для васъ должно быть все равно, потому что...

— Такъ это неправда, что онъ женатъ?

— Нѣть, это правда.

— Онъ женатъ былъ и давно? спросила она, — честное
слово?

Пьеръ далъ ей честное слово.

— Онъ здѣсь еще? спросила она быстро.

— Да, я его сейчасъ видѣлъ.

Она очевидно была не въ силахъ говорить и дѣлала ру-
ками знаки, чтобы оставили ее.

XX.

Пьеръ не остался обѣдать, а тотчасъ же вышелъ изъ ком-
наты и уѣхалъ. Онъ поѣхалъ отыскивать по городу Анатоля
Курагина, при мысли о которомъ теперь вся кровь у него
пропливала къ сердцу и онъ испытывалъ затрудненіе перево-
дить дыханіе. На горахъ, у пыганъ, у Кожонено его не было.
Пьеръ поѣхалъ въ клубъ. Въ клубѣ все чилю своимъ обычно-
веннымъ порядкомъ: гости, сѣхавшіеся обѣдать, сидѣли
группами и здоровались съ Пьеромъ и говорили о городскихъ
новостяхъ. Лакей, поздоровавшись съ нимъ, доложилъ ему,
зная его знакомство и привычки, что мѣсто ему оставлено
въ маленькой столовой, что князь Михаилъ Захарычъ въ библіо-
текѣ, а Павелъ Тимоѳеичъ не прїѣзжали еще. Одинъ изъ
знакомыхъ Пьера между разговоромъ о погодѣ спросилъ у него,
слышалъ ли онъ о похищениі Курагинымъ Ростовой, про ко-

торое говорять въ городѣ; правда ли это? Пьеръ, засмѣявшись, сказалъ, что это вздоръ, потому что онъ сейчасъ только отъ Ростовыхъ. Онъ спрашивалъ у всѣхъ про Анатоля; ему сказалъ одинъ, что не пріѣзжалъ еще, другой, что онъ будешь обѣдать пынче. Пиеру странно было смотрѣть на эту спокойную, равнодушную толпу людей, не знаяшую того, что дѣлалось у него въ душѣ. Онъ прошелся по залѣ, дождался пока всѣ сѣхались, и не дождавшись Анатоля, не сталъ обѣдать и поѣхалъ домой.

Анатоль, котораго онъ искалъ, въ этотъ день обѣдалъ и Долохова и совѣщался съ нимъ о томъ, какъ поправить испорченное дѣло. Ему казалось необходимо увидаться съ Ростовой. Вечеромъ онъ поѣхалъ къ сестрѣ, чтобы переговорить съ ней о средствахъ устроить вто свиданіе. Когда Пиеръ, тщетно объѣздивъ всю Москву, вернулся домой, камердинеръ доложилъ ему, что князь Анатолій Васильевичъ у графини Гостиная графини была полна гостей.

Пиеръ не здороваясь съ женою, которой онъ не видалъ послѣ пріѣзда (она больше чѣмъ когда-нибудь ненавистна была ему въ эту минуту), вошелъ въ гостиную и, увидавъ Анатоля, подошелъ къ нему.

— А, Пиеръ, сказала графиня, подходя къ мужу. — Ты не знаешь, въ какомъ положеніи нашъ Анатоль... Она остановилась, увидавъ въ опущенной низко головѣ мужа, въ его блестящихъ глазахъ, въ его рѣшительной походкѣ то страшное выраженіе бѣшенства и силы, которое она знала и испытала на себѣ послѣ дуэли съ Долоховымъ.

— Гдѣ вы — тамъ развратъ, зло, сказалъ Пиеръ женѣ. — Анатоль, пойдемте, мнѣ надо поговорить съ вами, сказала онъ по-французски.

Анатоль оглянулся на сестру и покорно всталъ, готовый слѣдовать за Пьеромъ.

Пьеръ, взялъ его за руку, дернулъ къ себѣ и пошелъ изъ комнаты.

— Ежели вы позволите себѣ въ моей гостиной, шопотомъ проговорила Эленъ; но Пьеръ, не отвѣчая ей, вышелъ изъ комнаты.

Анатоль шелъ за пимъ обычной, молодцоватою походкой. Но на лицѣ его было замѣтно беспокойство.

Войдя въ свой кабинетъ, Пьеръ затворилъ дверь и обратился къ Анатолю, не глядя на него.

— Вы обѣщали графинѣ Ростовой жениться на ней? хотѣли увезти ее?

— Мой милый, отвѣчалъ Анатоль по-французски (какъ и шель весь разговоръ), — я не считаю себя обязаннымъ отвѣтить на допросы, дѣлаемые въ такомъ тонѣ.

Лицо Пьера, и прежде блѣдное, исказилось бѣшенствомъ. Онъ скватиль своею большою рукой Анатоля за воротникъ мундира и сталъ трясти изъ стороны въ сторону до тѣхъ поръ, пока лицо Анатоля не приняло достаточное выраженіе испуга.

— Когда я говорю, что мнѣ надо говорить съ вами... повторилъ Пьеръ.

— Ну чтѣ, это глупо. А? сказалъ Анатоль, ощущивая оторванную съ сукномъ пуговицу воротника.

— Вы негодяй и мерзавецъ, и не знаю, чтѣ меня воздерживаешь отъ удовольствія размозжить вамъ голову вотъ этими, говорилъ Пьеръ, — выражаясь такъ искусственно потому, что онъ говорилъ по-французски. Онъ взялъ въ руку тяжелое пресспанье и угрожающе поднялъ и тотчасъ же торопливо положилъ его на мѣсто.

— Объщали вы ей жениться?

— Я, я, я не думалъ: впрочемъ я никогда не обѣщался, потому что...

Пьеръ перебилъ его.

— Есть у васъ письма ея? Есть у васъ письма? повторилъ Пьеръ, подвигаясь къ Анатолю.

Анатоль взглянулъ на него и тотчасъ же, засунувъ руку въ карманъ, досталъ бумажникъ.

Пьеръ взялъ подаваемое ему письмо и, оттолкнувъ стоявшій на дорогѣ столъ, повалился на диванъ.

— Я ничего не сдѣлаю, не бойтесь, сказалъ Пьеръ, отвѣчая на испуганный жестъ Анатоля. — Письма — разъ, сказалъ Пьеръ, какъ будто повторяя урокъ для самого себя. — Второе, послѣ минутнаго молчанія продолжалъ онъ, опять вставалъ и начиная ходить; — вы завтра должны уѣхать изъ Москвы.

— Но какъ же я могу...

— Третье, не слушая его, продолжалъ Пьеръ, — вы никогда ни слова не должны говорить о томъ, что было между вами и графиней. Этого, я знаю, я не могу запретить вамъ, но если въ васъ есть искра совѣсти... Пьеръ нѣсколько разъ молча прошелъ по комнатѣ. Анатоль сидѣлъ у стола и нахмурившись кусалъ себѣ губы.

— Вы не можете не понять наконецъ, кто кромѣ вашего удовольствія есть счастье, спокойствіе другихъ людей, что вы губите цѣлую жизнь изъ-за того, что вамъ хочется веселиться. Забавляйтесь съ женщинами подобными моей супругѣ — съ этими вы въ своемъ правѣ, онъ знаютъ, чего вы хотите отъ нихъ. Онъ вооружены противъ васъ тѣмъ же опытомъ разврата; но обѣщать дѣвушкѣ жениться на ней... обмануть,

украсть... Какъ вы не понимаете, что это такъ же подло, какъ прибить старика или ребенка!...

Пьеръ замолчалъ и взглянуль на Анатоля уже не гнѣвнымъ, но вопросительнымъ взглядомъ.

— Этого я не знаю. А? сказалъ Анатоль, ободряясь по мѣрѣ того, какъ Пьеръ преодолѣвалъ свой гнѣвъ. — Этого я не знаю и знать не хочу, — сказалъ онъ, не глядя на Пьера и съ легкимъ дрожаніемъ вижней челюсти, — но вы сказали миъ такія слова: подло и тому подобное, которыя я, какъ честный человѣкъ, никому не позволю.

Пьеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, не въ силахъ понять, чего ему было нужно.

— Хотя это и было съ глазу на глазъ, продолжалъ Анатоль, но я не могу...

— Чѣмъ жъ, вамъ нужно удовлетвореніе? насмѣшило сказа-
зать Пьеръ.

— По крайней мѣрѣ вы можете взять назадъ свои слова. А? Ежели вы хотите, чтобы я исполнилъ ваши желанія. А?

— Беру, беру назадъ, проговорилъ Пьеръ, — и прошу васъ извинить меня. Пьеръ взглянулъ невольно на оторванную пуговицу. — И денегъ, ежели вамъ нужно на дорогу. Анатоль улыбнулся...

Это выраженіе робкой и подлой улыбки, знакомой ему по женѣ, взорвало Пьера.

— О, подлая, бессердечная порода! проговорилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

На другой день Анатоль уѣхалъ въ Петербургъ.

XXI.

Пьеръ поѣхалъ къ Марѣѣ Дмитревіѣ, чтобы сообщить объ исполненіи тѣя желанія — обѣ изгнаній Курагина изъ

Москвы. Весь домъ былъ въ страхѣ и волненіи. Наташа была очень больна, и, какъ Марья Дмитріевна подъ секретомъ сказала ему, она въ ту же ночь, какъ ей было объявлено, что Анатоль женатъ, отравилась мышьянкомъ, который она тихонько достала. Проглотивъ его немного, она такъ испугалась, что разбудила Соню и объявила ей то, что она сдѣлала. Въ время были при涣ы нужныя мѣры противъ яда, и теперь она была въ опасности; но все-таки слаба такъ, что нельзя было думать везти ее въ деревню, и послано было за графиней. Пьеръ видѣлъ растерянного графа и заплаканную Соню, но не могъ видѣть Наташи.

Пьеръ въ этотъ день обѣдалъ въ клубѣ, и со всѣхъ сторонъ слышалъ разговоры о попыткѣ похищенія Ростовой и съ упорствомъ опровергалъ эти разговоры, увѣряя всѣхъ, что большо, ничего не было, какъ только то, что его шурина сдѣлала предложеніе Ростовой и получила отказъ. Пьеру казалось, что на его обязанности лежитъ скрыть все дѣло и возстановить репутацію Ростовой.

Онъ со страхомъ ожидалъ возвращенія князя Андрея и каждый день заѣждалъ навѣдываться о немъ къ старому князю.

Князь Николай Андреичъ зналъ черезъ шефъ Буреиъ всѣ слухи, ходившіе по городу, и прочелъ ту записку къ книжнѣ Марьѣ, которой Наташа отказывала своему жениху. Онъ измазался веселѣе обыкновенного и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ сына.

Черезъ вѣсколько дней послѣ отѣзда Анатоля, Пьеръ получилъ записку отъ князя Андрея, извѣщавшаго его о своемъ прїѣздѣ и просившаго Пьера заѣхать къ нему.

Князь Андрей, прїѣхавъ въ Москву, въ первую же минуту

своего пріѣзда, получилъ отъ отца записку Наташи къ княжнѣ Марѣ, въ которой она отказывала жениху (записку эту похтила у княжны Марыи и передала князю m-le Бурьеи) и услышалъ отъ отца съ прибавленіями разсказы о похищении Наташи.

Князь Андрей пріѣхалъ вечеромъ наканунѣ, Пьеръ пріѣхалъ къ нему на другое утро. Пьеръ ожидалъ найти князя Андрея почти въ томъ же положеніи, въ которомъ была и Наташа, и потому онъ былъ удивленъ, когда, войдя въ гостиную, услыхалъ изъ кабинета громкій голосъ князя Андрея, оживленно говорившаго что-то о какой-то петербургской интригѣ. Старый князь и другой чей-то голосъ изрѣдка перебивали его. Княжна Марья вышла навстрѣчу къ Пьеру. Она вздохнула, указывая глазами на дверь, где былъ князь Андрей, видимо желая выразить свое сочувствіе къ его горю; но Пьеръ видѣлъ по лицу княжны Марыи, что она была рада и тому, что случилось, и тому, какъ ея братъ принялъ извѣстіе обѣ измѣнѣ невѣсты.

— Онъ сказалъ, что ожидалъ этого, сказала она. Я знаю, что гордость его не позволить ему выразить своего чувства, но все-таки лучше, гораздо лучше онъ перенесъ это, чѣмъ я ожидала. Видно, такъ должно было быть...

— Но неужели совершенно все кончено? сказалъ Пьеръ.

Княжна Марья съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Она не понимала даже, какъ можно было обѣ этомъ спрашивать. Пьеръ вошелъ въ кабинетъ. Князь Андрей, весьма измѣнившися, очевидно поздоровѣвшій, но съ новою, поперечной морщиной между бровей, въ штатскомъ платьѣ, стоялъ противъ отца и князя Мещерскаго и горячо спорилъ, дѣлая энергическіе жесты.

Рѣчь шла о Сперанскомъ, известіе о выезжей ссылкѣ и
мній измѣнѣ котораго только что дошло до Москвы.

— Теперь судять и обвиняютъ его (Сперанскаго) всѣ
тѣ, которые мѣсяцъ тому назадъ восхищались имъ, говорилъ
князь Андрей, — и тѣ, которые не въ состояніи были до-
нимать его цѣлѣй. Судить человека въ немилости очень
легко и взваливать на него всѣ ошибки другихъ; а я скажу,
что ежели что-нибудь сдѣлано хорошаго въ нынѣшнее царст-
вованье, то все хорошее сдѣлано имъ — имъ, однѣмъ...
Онъ остановился, увидавъ Пьера. Лицо его дрогнуло и
тотчасъ же приняло злое выраженіе.— И потомство отдастъ
ему справедливость, договорилъ онъ и тотчасъ же обратился
къ Пьери.

— Ну, ты какъ? все толстѣешь, говорилъ онъ, оживленно,
но вновь появившаяся морщина еще глубже вырѣзалась изъ
его лбу. — Да, я здоровъ, отвѣчалъ онъ на вопросъ Пьера
и усмѣхнулся. Пьери ясно было, что усмѣшка его говорила:
„здоровъ, но здоровье мое никому не нужно“. Сказавъ не-
сколько словъ съ Пьеромъ объ ужасной дорогѣ отъ границъ
Польши, о томъ, какъ онъ встрѣтился въ Швейцаріи людей,
знавшихъ Пьера, и о господинѣ Десалѣ, котораго онъ воспи-
тателемъ для сына привезъ изъ-за границы, князь Андрей
опять съ горячностью вмѣшался въ разговоръ о Сперанскомъ,
продолжавшійся между двумя стариками,

— Ежели бы была измѣна и были бы доказательства его
тайныхъ союзеній съ Наполеономъ, то ихъ всепародно объ-
явили бы, — съ горячностью и поспѣшностью, говорилъ онъ.—
Я лично не люблю и не любилъ Сперанскаго, но я люблю
справедливость. Пьерь узнавалъ теперь въ своемъ другѣ
слишкомъ знакомую ему потребность волковаться и спорить,

о дѣлѣ для себя чуждомъ только для того, чтобы заглушать слишкомъ тяжелыя задушевныя мысли.

Когда князь Мещерскій уѣхалъ, князь Андрей взялъ подъ руку Ілью и пригласилъ его въ комнату, которая была отведена для него. Въ комнатѣ была разбита кровать, лежали раскрытые чемоданы и сундуки. Князь Андрей подошелъ къ одному изъ нихъ и досталъ шкатулку. Изъ шкатулки онъ досталъ связку въ бумагѣ. Онъ все дѣлалъ молча и очень быстро. Онъ приподнялся и прокашлялся. Лицо его было наизутино и губы поджаты.

— Прости меня, ежели я тебя утружаю... Ілья понялъ, что князь Андрей хотѣлъ говорить о Наташѣ, и широкое лицо его выразило сожалѣніе и сочувствіе. Это выраженіе лица Ільи разсердило князя Андрея; онъ рѣшительно, звонко и несправедливо продолжалъ: — Я получилъ отказъ отъ графини Ростовой, и до меня дошли слухи объ искаиніи ея руки твоимъ шуриномъ, или тому подобное. Правда ли это?

— И правда и неправда, началъ Ілья; но князь Андрей перебилъ его.

— Вотъ ея письма и портретъ, сказалъ онъ. Онъ взялъ связку со стола и передалъ Ілье.

— Отдай это графинѣ... ежели ты увидишь ее.

— Она очень больна, сказалъ Ілья.

— Такъ она здѣсь еще? сказалъ князь Андрей. — А князь Курагинъ? спросилъ онъ быстро.

— Онъ давно уѣхалъ. Она была при смерти.

— Очень сожалѣю объ ея болѣзни, сказалъ князь Андрей. Оноѣхъ холодно, зло, несправедливо, какъ его отецъ, усмѣхнулся.

— Но господинъ Курагинъ стало быть не удостоилъ своей руки графиню Ростову? сказалъ Андрей. Онъ фыркнулъ носомъ вѣсколько разъ.

— Онъ ве могъ жениться, потому что онъ былъ женатъ, сказалъ Пьеръ.

Князь Андрей не приятно засмѣялся, опять напомнилъ своего отца.

— А гдѣ же онъ теперь находится, вашъ шуринъ, могу ли я узнать? сказалъ онъ.

— Онъ уѣхалъ въ Петер... впрочемъ, я не знаю, сказалъ Пьеръ.

— Ну, да это все равно, сказалъ князь Андрей. — Передай графинѣ Ростовой, что она была и есть совершенно свободна, и что я желаю ей всего лучшаго.

Пьеръ взялъ въ руки связку бумагъ. Князь Андрей, какъ будто вспоминая, не нужно ли ему сказать еще что-нибудь, или ожидая, не скажетъ ли чего-нибудь Пьеръ, остановившися взглядомъ смотрѣль на него.

— Послушайте, помните вы нашъ споръ въ Петербургѣ, сказалъ Пьеръ, —помните о...?

— Помню, поспѣшно отвѣчалъ князь Андрей, — я говорилъ, что падшую женщину надо простить, но я не говорилъ, что я могу простить. Я не могу.

— Развѣ можно это сравнивать?... сказалъ Пьеръ. Князь Андрей перебилъ его. Онъ рѣзко закричалъ:

— Да, опять просить ея руки, быть великодушнымъ и тому подобное?... Да это очень благородно, но я не способенъ идти по слѣдамъ этого господина. — Ежели ты хочешь быть моимъ другомъ, не говори со мной никогда про эту... про все это. Ну, прощай. Такъ ты передашь?...

Пьеръ вышелъ и пошелъ къ старому князю и княжнѣ Марье.

Старикъ казался оживленіе обыкновеннаго. Княжна Марья

о дѣлѣ для себя чуждомъ только для того, чтобы заглушить слишкомъ тяжелыя задушевныя мысли.

Когда князь Мещерскій уѣхалъ, князь Андрей взялъ подъ руку Пьеръ и пригласилъ его въ комнату, которая была отведена для него. Въ комнатѣ была разбита кровать, лежали раскрытые чемоданы и сундуки. Князь Андрей подошелъ къ одному изъ нихъ и досталъ шкатулку. Изъ шкатулки онъ досталъ связку въ бумагѣ. Онъ все дѣлалъ молча и очень быстро. Онъ приподнялся и прокашлялся. Лицо его было налимано и губы поджаты.

— Прости меня, ежели я тебя утружаю... Пьеръ понялъ, что князь Андрей хотѣлъ говорить о Наташѣ, и широкое лицо его выразило сожалѣніе и сочувствіе. Это выраженіе лица Пьера разсердило князя Андрея; онъ рѣшительно, звонко и непріятно продолжалъ: — Я получилъ отказъ отъ графини Ростовой, и до меня дошли слухи объ искааніи ея руки твоимъ шуриномъ, или тому подобное. Правда ли это?

— И правда и неправда, началъ Пьеръ; но князь Андрей перебилъ его.

— Вотъ ея письма и портретъ, сказалъ онъ. Онъ взялъ связку со стола и передалъ Пьери.

— Отдай это графинѣ... ежели ты увидишь ее.

— Она очевѣдь больна, сказалъ Пьеръ.

— Такъ она здѣсь еще? сказалъ князь Андрей. — А князь Курагинъ? спросилъ онъ быстро.

— Онъ давно уѣхалъ. Она была при смерти.

— Очень сожалѣю объ ея болѣзни, сказалъ князь Андрей. Она холодно, зло, непріятно, какъ его отецъ, усмѣхнулся.

— Но господанъ Курагинъ стало быть не удостоилъ своей руки графиню Ростову? сказалъ Андрей. Онъ фыркнулъ и сопѣтъ нескользко разъ.

— Онъ ве могъ жениться, потому что онъ былъ женатъ, сказалъ Пьеръ.

Князь Андрей неспрятно засмѣялся, опять напомнилъ своего отца.

— А гдѣ же онъ теперь находится, вашъ шурицъ, могу ли я узнать? сказалъ онъ.

— Онъ уѣхалъ въ Петер... впрочемъ, я не знаю, сказалъ Пьеръ.

— Ну, да это все равно, сказалъ князь Андрей. — Передай графинѣ Ростовой, что она была и есть совершенно свободна, и что я желаю ей всего лучшаго.

Пьеръ взялъ въ руки связку бумагъ. Князь Андрей, какъ будто вспоминая, не нужно ли ему сказать еще что-нибудь, или ожидая, не скажетъ ли чего-нибудь Пьеръ, остановившися взглядомъ смотрѣль на него.

— Послушайте, помните вы нашъ споръ въ Петербургѣ, сказалъ Пьеръ, —помните о...?

— Помню, поспѣшно отвѣчалъ князь Андрей, — я говорилъ, что падшую женщину надо простить, но я не говорилъ, что я могу простить. Я не могу.

— Развѣ можно это сравнивать?... сказалъ Пьеръ. Князь Андрей перебилъ его. Онъ рѣзко закричалъ:

— Да, опять просить ея руки, быть великодушнымъ и тому подобное?... Да это очень благородно, но я не способенъ идти по слѣдамъ этого господина. — Ежели ты хочешь быть моимъ другомъ, не говори со мной никогда про эту... про все это. Ну, прощай. Такъ ты передашь?...

Пьеръ вышелъ и пошелъ къ старому князю и княжнѣ Марѣ.

Старикъ казался оживленіе обыкновеннаго. Княжна Марья

была такая же, какъ и всегда, но изъ-за сочувствія къ брату, Пьеръ видѣлъ въ ней радость къ тому, что свадьба ея брата, разстроилась. Глядя на нихъ, Пьеръ поцѣль, какое презрѣніе и злобу они имѣли всѣ противъ Ростовыхъ, понялъ, что вѣльзя было при нихъ даже и упоминать имя той, которая могла на кого бы то ни было промѣнять князя Андрея.

За обѣдомъ рѣчь зашла о войнѣ, приближеніе которой уже становилось очевидно. Князь Андрей, не умолкая, говорилъ и спорилъ то съ отцомъ, то съ Десалемъ, швейцарцемъ-воспитателемъ, и казался оживленіе обыкновеннаго тѣмъ оживленіемъ, котораго нравственную причину такъ хорошо зналъ. Пьеръ.

XXII.

Въ этотъ же вечеръ Пьеръ поѣхалъ къ Ростовымъ, чтобы исполнить свое порученіе. Наташа была въ постели, графъ былъ въ клубѣ, и Пьеръ, передавъ письма Сонѣ, пошелъ къ Марѣ Дмитріевнѣ, интересовавшейся узнать о томъ, какъ князь Андрей принялъ извѣстіе. Черезъ десять минутъ Соня вошла къ Марѣ Дмитріевпѣ.

— Наташа непремѣнно хочетъ видѣть графа Петра Кирилловича, сказала она.

— Да какъ же, къ ней что ли его свести? Тамъ у васъ не прибрано, сказала Марья Дмитріевна.

— Нѣтъ; она одѣлась и вышла въ гостиную, сказала Соня. Марья Дмитріевна только пожала плечами.

— Когда это графиня пріѣдетъ, измучила меня совѣтъ. Ты смотри жъ не говори ей всего, обратилась она къ Пьеру.— И бранить-то ее духу не хватаетъ, такъ жалка, такъ жалка.

Наташа, искудавшая, съ блѣднымъ и строгимъ лицомъ (со-

всѣиъ не пристыженная, какою ее ожидалъ Пьеръ) стояла по-срединѣ гостиной. Когда Пьеръ показался въ двери, она за-торопилась, очевидно въ нерѣшительности, подойти ли къ нему или подождать его.

Пьеръ послѣшно подошелъ къ ней. Онъ думалъ, что она ему, какъ всегда, подастъ руку; но она, близко подойдя къ нему, остановилась, тяжело дыша и безжизненно опустивъ руки, совершенно въ той же позѣ, въ которой она выходила изъ сре-дину залы, чтобы пѣть, во совсѣиъ съ другимъ выраженіемъ.

— Петръ Кириллычъ, начала она быстро говоритьъ,— князь Болконскій былъ вамъ другъ, онъ и есть вамъ другъ, по-правилась она (ей казалось, что все только было, и что тѣ-перь все другое). — Онъ говорилъ мнѣ тогда, чтобы обра-титься къ вамъ...

Пьеръ молча сопѣль носомъ, глядя на нее. Онъ до сихъ поръ въ душѣ своей упрекалъ и старался презирать ее; но теперь ему сдѣлалось такъ жалко ея, что въ душѣ его не было мнѣста упреку.

— Онъ теперь здѣсь, скажите ему... чтобы онъ прост... простилъ меня. Она остановилась и еще чаще стала дышать, но не плакала.

— Да... я скажу ему, говорилъ Пьеръ, — но... Онъ не зналъ, чтѣ сказать.

Наташа видимо испугалась той мысли, которая могла прійти Пьеру.

— Нѣтъ, я знаю, что все кончено, сказала она послѣшно. — Нѣтъ, это не можетъ быть никогда. Меня мучаетъ только зло, которое я ему сдѣлала. Скажите только ему, что я прошу его простить, простить, простить меня за все... Она затряслась всѣмъ тѣломъ и сѣла на стулъ.

Еще никогда неиспытанное чувство жалости переполнило душу Пьеря.

— Я скажу ему, я все еще разъ скажу ему, сказалъ Пьеръ; — но... я бы желалъ знать одно...

„Что знать?“ спросилъ взглядъ Наташи.

— Я бы желалъ знать, любили ли вы... Пьеръ не зналъ какъ назвать Анатоля и покраснѣлъ, при мысли о немъ, — любили ли вы этого дурнаго человѣка?

— Не называйте его дурнымъ, сказала Наташа. — Но я ничего — ничего не знаю... Она опять заплакала.

И еще больше чувство жалости, нѣжности и любви охватило Пьера. Онъ слышалъ, какъ подъ очками его текли слезы и надѣялся, что ихъ не замѣтить.

— Не будемъ больше говорить, мой другъ, сказалъ Пьеръ.

Такъ странно вдругъ для Наташи показался этотъ его кроткій, нѣжный, задушевный голосъ.

— Не будемъ говорить, мой другъ, я все скажу ему: но обѣ одномъ прошу васъ — считайте меня своимъ другомъ и ежели вамъ нужна помощь, совѣтъ, просто нужно будетъ излить свою душу кому-нибудь — не теперь, а когда у васъ ясно будетъ въ душѣ, вспомните обо мнѣ. Онъ взялъ и поцѣловалъ ея руку. Я счастливъ буду, ежели въ состояніи буду... Пьеръ смущился.

— Не говорите со мной такъ: я не стою этого! вскрикнула Наташа, и хотѣла уйти изъ комнаты, но Пьеръ удержалъ ее за руку. Онъ зналъ, что ему нужно что-то еще сказать ей. Но когда онъ сказалъ это, онъ удивился самъ своимъ словамъ.

— Перестаньте, перестаньте, вся жизнь впереди для васъ, сказалъ онъ ей.

— Для иевя! Нѣтъ! Для меня все пропало, сказала она со стыдомъ и самоунизеніемъ.

— Все пропало? повторилъ онъ. — Ежели бы я былъ не я, а красивѣйшій, умнѣйшій и лучшій человѣкъ въ мірѣ, и былъ бы свободенъ, я бы сю мишуту на колѣняхъ просилъ руки и любви вашей.

Наташа въ первый разъ послѣ многихъ дней заплакала слезами благодарности и умиленія и, взглянувъ на Пьеръ, вышла изъ комнаты.

Пьеръ тоже вслѣдъ за нею почти выбѣжалъ въ переднюю, удерживая слезы умиленія и счастья давившія его горло; не попадая въ рукава, надѣлъ шубу и сѣлъ въ сани.

— Теперь куда прикажете? спросилъ кучеръ.

„Куда?“ спросилъ себя Пьеръ. „Куда же можноѣхать теперь? Неужели въ клубъ или гости?“ Всѣ люди казались такъ жалки, такъ бѣдны въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ умиленія и любви, которое онъ испытывалъ; въ сравненіи съ тѣмъ размягченнымъ, благодарнымъ взглядомъ, которымъ она послѣдній разъ изъ-за слезъ взглянула на него.

— Домой, сказалъ Пьеръ, несмотря на десять градусовъ мороза распахивая медвѣжью шубу на своей широкой, радостно дышавшей груди.

Было морозно и ясно. Надъ грязными, полуутемными улицами, надъ черными крышами стояло темное, звѣздное небо. Пьеръ, только глядя на небо, не чувствовалъ оскорбительной позиціи всего земнаго въ сравненіи съ высотою, на которой находилась его душа. При вѣзда на Арбатскую площадь, огромное пространство звѣздного, темнаго неба открылось глазамъ Пьера. Почти въ срединѣ этого неба надъ Пречистенскимъ бульваромъ, окруженная, обсыпанная со всѣхъ

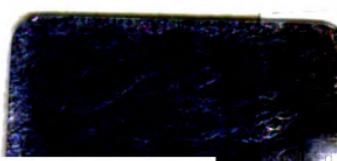
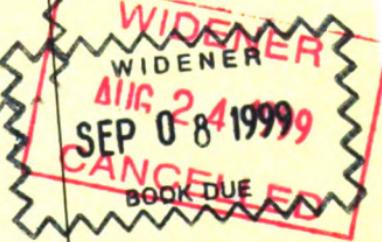
сторонъ звѣздами, но отличаясь отъ всѣхъ близостью къ землѣ, бѣлымъ свѣтомъ и длиннымъ, поднятымъ кверху хвостомъ, стояла огромная яркая комета 1812-го года, та самая комета, которая предвѣщала, какъ говорили, всякие ужасы и конецъ свѣта. Но въ Пьеръ свѣтлая звѣзда эта съ длиннымъ лучистымъ хвостомъ не возбуждала никакого страшного чувства. Напротивъ, Пьеръ радостно мокрыми отъ слезъ глазами смотрѣлъ на эту свѣтлую звѣзду, которая, какъ будто съ невыразимою быстротой пролетѣвъ неизмѣренную пространственную параболической линіи, вдругъ, какъ вонзившаяся стрѣла въ землю, вѣнчилась тутъ въ одно избранное ею мѣсто на черномъ небѣ, и остановилась, энергично поднявъ кверху хвостъ, свѣтясь и играя своимъ бѣлымъ свѣтомъ между бесчисленными другими, мерцающими звѣздами. Пьеру казалось что эта звѣзда вновь отвѣчала тому, что было въ его разцвѣтишей къ новой жизни, размягченной и ободренной душѣ.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT
RETURNED TO THE LIBRARY ON OR
BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

SEP 10 1994

BOOK DUE
WIDENER
FEB 25 1994

Digitized by Google

